U 192/599

Ul 599

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

И 192/599

913

ФРАНСУА РАБЛЭ

ГАРГАНТЮА и ПАНТАГРЮЭЛЬ

ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕКСТА XVI ВѢКА

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ДОРЭ

Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛ-КА
имени
В.И. Ленина

36712-44

2011141759

Дозволено цензурою 20 января 1901 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13.

О ПЕРЕВОДѢ РАБЛЭ.

Переводъ произведеній Раблэ представляетъ значительныя трудности, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что, несмотря на ретивость русскихъ переводчиковъ, эти произведенія до сихъ поръ не были переведены.

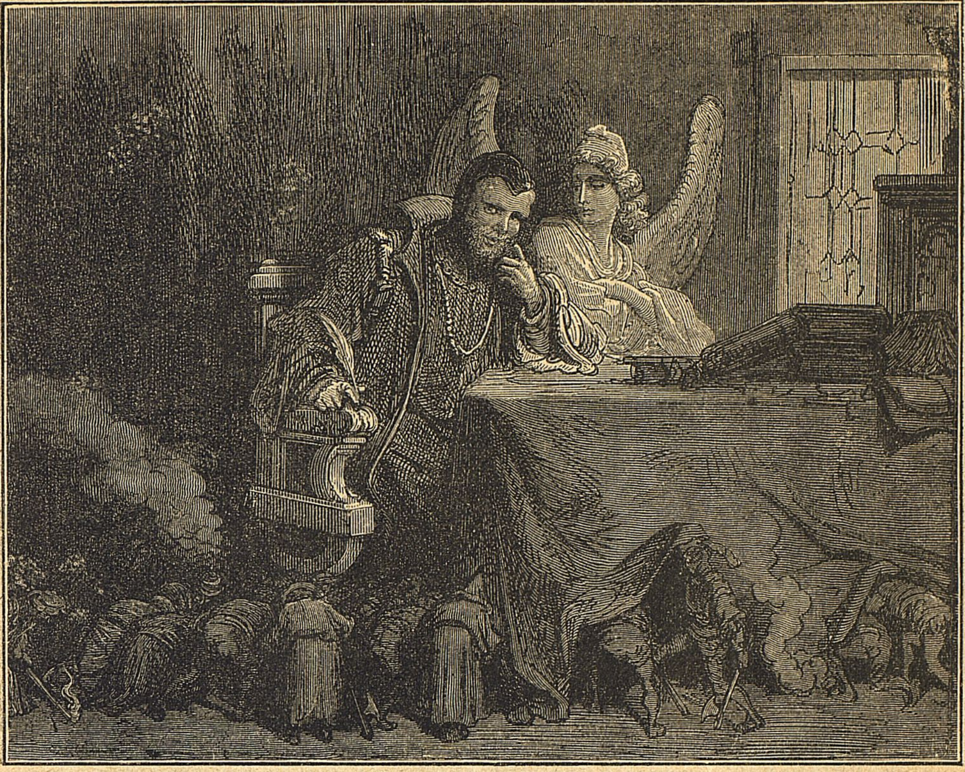
Трудно переводить Раблэ, во-первыхъ, вслѣдствіе устарѣвшаго въ сильной степени языка; во-вторыхъ, вслѣдствіе оригинальности рѣчи, прихотливости оборотовъ и образности слога. Есть, напримѣръ, главы, сплошь состоящія изъ французскихъ поговорокъ, для которыхъ пришлось подбирать соотвѣтствующія русскія.

Всякій компетентный человѣкъ пойметъ, какая это, во всякомъ случаѣ, копотливая работа.

Мало того: въ сочиненіяхъ Раблэ разсѣяно пропасть намековъ, историческихъ и иныхъ, часто на такія событія, память о которыхъ затерялась, и раскапывать ихъ значеніе, догадаться объ ихъ смыслѣ—трудъ головоломный.

Наконецъ, не послѣднею трудностью является простота, *чтобы не сказать* грубость, *воззрѣній того вѣка, когда жилъ Раблэ, и благодаря этому онъ не стѣсняясь называетъ своими именами такія вещи, о которыхъ мы совсѣмъ умалчиваемъ, и находитъ комическими и достойными служить предметомъ шутливыхъ выходокъ такія явленія человѣческой жизни и организма, которыя намъ не кажутся больше забавными и говорить о которыхъ мы считаемъ просто неприличнымъ. Сгладить эти неприличныя, по нашимъ воззрѣніямъ, выходки—для переводчика обязательно, вполнѣ вычеркнуть—врядъ ли возможно, ибо онѣ характеризуютъ свое время; переводить же ихъ, во всякомъ случаѣ, крайне непріятно.*

По всѣмъ этимъ причинамъ на исполненіе этого перваго русскаго перевода эпопеи Раблэ потребовалось болѣе трехъ лѣтъ.



Рисунокъ Густава Дорэ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РАБЛЭ.

Хотя о жизни Раблэ собрано довольно много свѣдѣній, но большая часть ихъ не считается вполнѣ достовѣрными. Одно несомнѣнно: а именно, что Франсуа Раблэ родился въ Шинонѣ, въ Турени, ибо онъ самъ подписывается Rabelaesus Chinonensis. Но біографы его расходятся въ показаніяхъ о датѣ его рожденія. Одни считаютъ, что онъ родился въ 1483 г., другіе—въ 1495 г., наконецъ, третьи указываютъ на 1490 г., ссылаясь на то, что эта дата показана историкомъ де-Ту (de Thou).

Вообще жизнь Раблэ представляетъ много неясностей, легендъ и загадокъ. Но одно также несомнѣнно, что эта жизнь совсѣмъ не подходитъ къ идеѣ, которую могъ бы породить его романъ. Хотя она изобилуетъ довольно романическими приключеніями, но по существу очень серіозна и почти сплошь наполнена неустаннымъ трудомъ.

Но традиція и легенда не могли удовлетвориться такой солидной и трудовой жизнью автора «Гаргантюа» и «Пантагрюэля». Они пустили въ обращеніе разсказы о разныхъ шутовскихъ и неприличныхъ выходкахъ, которыя будто бы позволялъ себѣ Раблэ. Онѣ представляютъ его пьянствующимъ публично и подающимъ примѣръ разгула на деревенскихъ праздникахъ. Онѣ разсказываютъ, что онъ прибавлялъ въ вину монаховъ снадобья, отъ которыхъ тѣ становились безсильными или, наоборотъ, слишкомъ возбужденными. Онѣ обвиняли его въ томъ, что однажды онъ занялъ мѣсто на пьедесталѣ статуи св. Франциска, выставленной для поклоненія прихожанъ, и позволилъ себѣ всякаго рода неприличныя тѣлодвиженія. Короче сказать, онѣ приписываютъ ему самому тѣ дѣйствія, какія онъ приписывалъ героямъ своихъ романовъ. Общественное мнѣніе не умѣетъ отличать человѣка отъ сочинителя и смѣшиваетъ ихъ. Оно часто ошибается въ этомъ отношеніи, потому что воображеніе и поведеніе—двѣ вещи разныя. И все указываетъ на то, что оно ошибалось, когда вѣрило анекдотамъ, сочиненнымъ о монастырской жизни Раблэ.

Мнѣніе, что отецъ Раблэ былъ трактирщикомъ, тоже не представляется вполнѣ достовѣрнымъ. Что касается того, какъ и гдѣ учился Раблэ, то полагаютъ, что первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, основанной бенедиктинскими монахами при аббатствѣ Сёлье (Seuillé), а по достиженіи двадцатилѣтняго возраста постригся, по желанію родителей, въ монахи. Несомнѣнно пребываніе его въ монастырѣ Фонтенуа-ле-Контъ, въ нижнемъ Пуату, гдѣ онъ, какъ предполагаютъ, прошелъ всѣ степени монашеской іерархіи и въ 1519 г. или 1520 г. рукоположенъ былъ іеромонахомъ. Въ 1519 г. достовѣрный документъ свидѣтельствуетъ о присутствіи Раблэ въ этомъ монастырѣ, равно какъ и о томъ, что онъ принадлежалъ къ числу его нотаблей.

Въ 1524 г. папа Климентъ VII разрѣшилъ ему поступить въ монахи бенедиктинскаго ордена по причинамъ, которыя изложены ниже. Въ XVI вѣкѣ въ монахи шли не только по призванію, но и вслѣдствіе чисто случайныхъ обстоятельствъ: младшіе сыновья многочисленныхъ семей (Раблэ, по преданію, былъ младшимъ изъ нѣсколькихъ братьевъ); люди, отмѣченные тѣлесными недостатками; тѣ, которые желали уклониться отъ физическаго труда,—роковымъ образомъ обречены были на монашество. Монахомъ Раблэ сталъ по желанію родителей, а бенедиктинцемъ вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ онъ подвергался въ монастырѣ Фонтенуа-ле-Контъ за свою страсть къ наукамъ вообще и къ изученію греческаго языка въ особенности. Въ этомъ монастырѣ образовалась горсть ученыхъ, не лишенныхъ значенія, если судить по связямъ, которыя они составили. Къ числу ихъ принадлежалъ Пьеръ Ами или Лами, Раблэ и еще одинъ монахъ, французское имя котораго неизвѣстно. Они со страстью изучали латинскія и греческія древности. Раблэ горѣлъ страстью къ знанію. Онъ не только изучалъ древніе языки, и въ особенности греческій, но также и астрономію, юриспруденцію и вообще пріобрѣлъ тѣ энциклопедическія знанія, на какія претендовали ученые эпохи Возрожденія. Но это рвеніе къ наукѣ испугало его собратьевъ. Греческій языкъ преимущественно считался опаснымъ и ведущимъ къ ереси. Эллинизмъ Пьера Лами и Раблэ сдѣлалъ ихъ подозрительными въ Фонтенуа-ле-Контъ. Въ ихъ кельяхъ произвели обыскъ; у нихъ найдены были греческія книги и сочиненія Эразма, тоже пользовавшіяся у монаховъ худой славой. Оба друга бѣжали изъ монастыря, спасаясь отъ преслѣдованій, и только въ 1524 г., какъ выше сказано, папа Климентъ VII разрѣшилъ Раблэ перейти въ бенедиктинскій орденъ, болѣе благопріятный дли науки и ученыхъ.

Но если Раблэ случайно сталъ монахомъ, зато медикомъ онъ сдѣлался по охотѣ и по призванію. Въ реестрахъ медицинскаго факультета въ Монпелье сохранились офиціальныя и самыя достовѣрныя свѣдѣнія объ имматрикуляціи Раблэ студентомъ 17-го сентября 1530 г.

Отъ пребыванія его въ Монпелье остались воспоминанія,—одни достовѣрныя, другія сомнительныя. Въ самый день пріѣзда въ Монпелье Раблэ вошелъ въ большую медицинскую аудиторію. Тамъ защищался тезисъ о врачебныхъ свойствахъ лѣкарственныхъ растеній. Онъ прислушивается къ диссертаціямъ присутствующихъ. Онѣ кажутся ему холодными, незначительными. Онъ показываетъ знаки нетерпѣнія. Деканъ замѣчаетъ это: онъ приглашаетъ его принять участіе въ диспутѣ. Раблэ скромно извиняется въ томъ, что рѣшается высказать свое мнѣніе среди стольких знаменитыхъ докторовъ. Затѣмъ переходитъ къ спорнымъ вопросамъ и такъ краснорѣчиво, остроумно разбираетъ ихъ, что вся аудиторія рукоплещетъ и объявляетъ его достойнымъ быть докторомъ.

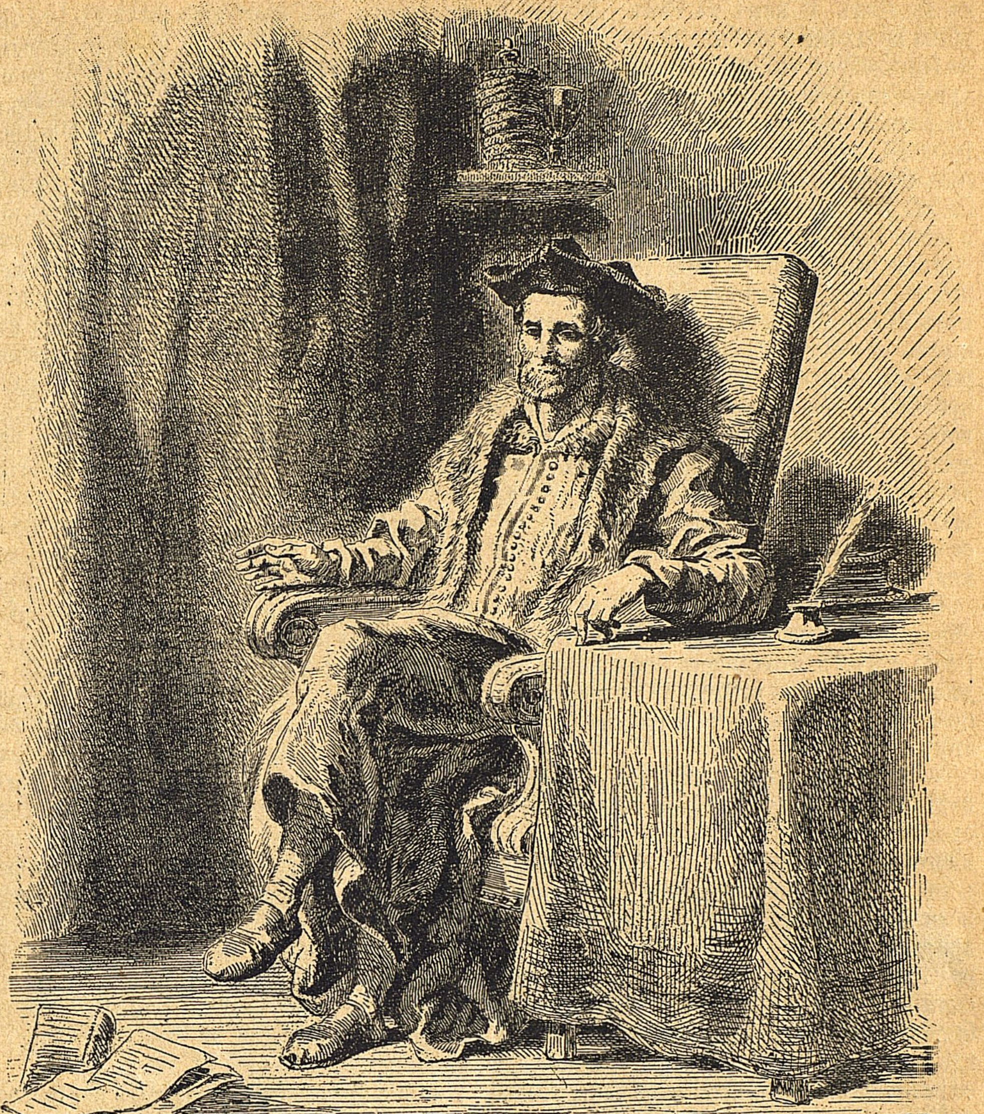
Болѣе достовѣрнымъ считается извѣстіе о томъ, что Раблэ принималъ участіе въ комическомъ представленіи, о которомъ у него самого сохранилось воспоминаніе въ «Пантагрюэлѣ» (кн. III, гл. XXXIV). Онъ игралъ со своими товарищами студентами «La morale comédie de celuy qui avait [1]) espousé une femme mute (muette)», канва которой послужила Мольеру для «Médecin malgré lui» [2]).

Въ ноябрѣ 1531 года Раблэ поступилъ врачомъ въ Ліонскую больницу, о чемъ свидѣтельствуетъ запись о полученіи имъ жалованья за первые три мѣсяца службы. Врачеваніемъ больныхъ Раблэ занимался ревностно и со страстью. По его словамъ,

---

[1]) Нравственная комедія человѣка, женившагося на нѣмой женщинѣ.

[2]) Врачъ поневолѣ.



Раблэ въ старости.
(Рисунокъ Эжена Делакруа).

онъ и романъ свой написалъ лишь для того, чтобы развлекать своихъ паціентовъ. Съ искреннимъ убѣжденіемъ, ссылаясь на авторитетъ Платона и Аверроэса, онъ утверждаетъ, что всѣ усилія врача относительно паціента «должны клониться къ тому, чтобы увеселять его, не оскорбляя Господа, и никоимъ образомъ его не огорчать» [1]. Кардиналъ дю-Беллэ (du Bellay), бывшій сначала епископомъ въ Байоннѣ, затѣмъ въ Парижѣ, на котораго возложена была Францискомъ I дипломатическая миссія къ римской куріи, пригласилъ Раблэ въ качествѣ врача, и тотъ послѣдовалъ за нимъ въ Римъ. Легенда не могла пропустить пребываніе Раблэ въ Римѣ, не пріукрасивъ его на свой ладъ. Она придумала такія черты, какія могли подойти къ физіономіи автора «Гаргантюа» и «Пантагрюэля». Она заставляетъ его играть скорѣе роль шута, нежели врача, парижскаго епископа. Вотъ какія исторійки она сообщаетъ о немъ. Парижскій епископъ отправился, по обычаю, цѣловать ноги папы. Раблэ, состоявшій въ свитѣ, держался въ сторонѣ и сказалъ довольно громко, чтобы его разслышали, что такъ какъ его господина, который былъ важнымъ вельможей во Франціи, признаютъ достойнымъ поцѣловать только ноги его святѣйшества, то онъ, не будучи достойнымъ такой чести, проситъ поцѣловать задъ папы, съ тѣмъ только, чтобы его вымыли. Легенда превратила въ анекдотъ нѣсколько строкъ изъ главы XLVIII четвертой книги «Пантагрюэля».

---

[1] Раблэ былъ однимъ изъ первыхъ анатомовъ, которые публично демонстрировали на трупахъ. Въ сборникѣ латинскихъ стиховъ Доле, напечатанномъ въ Ліонѣ въ 1538 г., есть эпитафія одного повѣшеннаго, анатомированнаго, въ присутствіи многочисленной аудиторіи, Франсуа Раблэ, объяснявшимъ строеніе человѣческаго тѣла.

Въ другой разъ, будто бы папа позволилъ ему просить у него какой-нибудь милости, и Раблэ сказалъ, что единственная, какой онъ добивается, это — чтобы его отлучить отъ церкви. Папа пожелалъ знать, почему онъ этого хочетъ.

— Св. отецъ,—отвѣчалъ Раблэ,—я французъ и уроженецъ городка Шинона, гдѣ очень пристрастны къ кострамъ и уже сожгли много добрыхъ людей и моихъ родственниковъ; если же ваше святѣйшество отлучите меня отъ церкви, я никогда не сгорю. А причина этому та, что по пути въ этотъ городъ мы проѣзжали съ господиномъ парижскимъ епископомъ черезъ Tarantaise, гдѣ было очень холодно, и, доѣхавъ до избушки, гдѣ жила одна бѣдная женщина, попросили ее развести огонь, предлагая ей какія угодно деньги. Чтобы зажечь дрова, она сожгла часть своего соломеннаго тюфяка, и такъ какъ дрова не загорѣлись, то принялась ругаться и говорить: «Вѣрно папа собственной глоткой проклялъ эти дрова, что они не могутъ горѣть!» И мы должны были ѣхать дальше, не обогрѣвшись.

Раблэ прожилъ въ Римѣ первые три мѣсяца 1534 г., затѣмъ вернулся во Францію, но вскорѣ опять уѣхалъ въ Римъ, гдѣ пребывалъ съ іюля 1535 г. до марта 1536 г.

Въ 1539 г. Раблэ перешелъ на службу къ Гильому дю-Беллэ, старшему брату кардинала дю-Беллэ. Это одинъ изъ людей, игравшихъ значительную роль въ царствованіе Франциска I. Дѣятельный и искусный дипломатъ, онъ назначенъ былъ въ 1537 г. губернаторомъ Пьемонта и оказалъ важныя услуги, занесенныя въ исторію. Раблэ находился 18-го ноября 1539 г. въ Шамбери, а въ іюлѣ и октябрѣ 1540 г. въ Туринѣ. Онъ переписывался оттуда съ Пелисье, епископомъ въ Нарбоннѣ, а затѣмъ въ Монпелье, въ эту же эпоху бывшимъ французскимъ посломъ въ Венеціи. Во второмъ изъ этихъ писемъ толкуется о пріобрѣтеніи еврейскихъ и сирійскихъ манускриптовъ и греческихъ книгъ для «библіотеки» короля. Весьма вѣроятно, что въ продолженіе того времени, какъ Раблэ находился въ качествѣ врача при Гильомѣ дю-Беллэ, онъ неоднократно ѣздилъ во Францію. Онъ долженъ былъ наѣзжать въ Ліонъ, чтобы слѣдить за печатаніемъ первыхъ двухъ книгъ своего романа, изданія котораго слѣдовали одно за другимъ.

Къ одному изъ пребываній его въ Ліонѣ относится эпизодъ въ его жизни, о которомъ сообщаетъ одинъ новѣйшій біографъ Раблэ, основываясь на показаніяхъ двухъ тулузскихъ ученыхъ. Въ этомъ городѣ у Раблэ родился сынъ, который жилъ два года. Въ Тулузѣ найдены свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ въ латинскихъ стихахъ, оставшихся въ рукописи современника Раблэ, «весьма ученаго и добродѣтельнаго» профессора юриспруденціи Буассонэ. Буассонэ посвятилъ нѣсколько латинскихъ стихотвореній ребенку, по имени Теодулъ Раблэ, умершему двухъ лѣтъ отъ роду, и подробности, которыя онъ даетъ, не оставляютъ сомнѣнія насчетъ того, кто былъ отцомъ этого ребенка. «Ліонъ его родина, а отецъ—Раблэ. Кто не знаетъ ни Ліона, ни Раблэ — не знаетъ двухъ великихъ вещей въ этомъ мірѣ.»

До самой старости Раблэ велъ скитальческую жизнь и только въ 1550 г., когда ему было уже около 67 лѣтъ, онъ получилъ приходъ въ Мёдонѣ, принадлежавшемъ къ епархіи его покровителя—кардинала дю-Беллэ, гдѣ и пребывалъ до смерти, точная дата которой такъ же неопредѣленна, какъ и дата его рожденія. Вообще же полагаютъ, что онъ умеръ въ 1553 г.

Скитальческая жизнь не помѣшала Раблэ написать, кромѣ его знаменитыхъ романовъ «Гаргантюа» и «Пантагрюэль», очень много сочиненій по всѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія. Время, когда жилъ Раблэ, было эпохой сильнаго умственнаго движенія, и Раблэ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Онъ былъ однимъ изъ передовыхъ людей своего вѣка и неустанно боролся за новыя идеи, разрушавшія средневѣковые устои. Его оружіемъ были иронія и насмѣшка. Само собой разумѣется, онъ подвергался преслѣдованіямъ, несмотря на милостивое отношеніе къ нему не только свѣтскихъ государей его времени—Франциска I и Генриха II, но и двоихъ папъ—Климента VII и Павла III. Во время вторичнаго пребыванія въ Римѣ Раблэ озаботился регуляризировать свое положеніе. Онъ послалъ папѣ Павлу III прошеніе по случаю своего отступничества (supplicatio pro apostasia). Онъ сознавался въ немъ, что уклонился отъ монастырской жизни и скитался по бѣлу свѣту, и просилъ у первосвященника полнаго отпущенія грѣховъ, позволенія снова облечься въ рясу бенедиктинскаго монаха и вернуться въ монастырь этого ордена, какой его захочетъ принять, и практиковать вездѣ, съ разрѣшенія настоятеля, искусство медицины, въ которомъ онъ достигъ степени бакалавра, магистра и доктора, и практиковать его въ предѣлахъ, предписанныхъ каноническими законами духовнымъ лицамъ, т.-е. до примѣненія желѣза и огня включительно, ради одного человѣколюбія и безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Въ этой просьбѣ его поддерживали весьма вліятельные покровители, кардиналы Джинукки и Симонетта. Просьба была исполнена декретомъ папы Павла III отъ 17 января 1536 года, второго по восшествіи его на папскій престолъ. Этотъ декретъ составленъ въ самыхъ лестныхъ для Раблэ выраженіяхъ: «во вниманіе къ вашему рвенію къ религіи, наукѣ и литературѣ, къ вашей честной жизни и добрымъ нравамъ, которые говорятъ за насъ... тронутые вашими мольбами, мы васъ прощаемъ и пр.». Сорбонна, университетъ и парламентъ преслѣдовали сочиненія Раблэ, несмотря, какъ выше сказано, на покровительство Франциска I и Генриха II. Одно время даже Раблэ вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ въ Метцъ, чтобы избѣгнуть опасности быть сожженнымъ на кострѣ за свободомысліе.

Сочиненія Раблэ вызывали самые разнообразные комментаріи. Долгое время въ нихъ видѣли аллегорическую исторію XVI вѣка. «Гаргантюа»,—говорили,—это олицетвореніе Франциска I, а «Пантагрюэль»—не кто иной, какъ Генрихъ II. Но, конечно, это ошибочный взглядъ. Раблэ—великій сатирикъ: онъ смѣется надъ всѣми, даже надъ читателями. Въ десятистишіи, предпосланномъ «Гаргантюа», онъ говоритъ имъ:

«Vray est qu'icy peu de perfection
Vous apprendrez, si non en cas de rire»[1].

Всякаго рода насмѣшки, накопившіяся въ теченіе вѣковъ надъ старымъ общественнымъ порядкомъ, собраны въ его твореніяхъ. Ничто отъ него не ускользнуло: откровенныя рѣзкости сказокъ, смѣлыя выходки фарса, монастырскія шуточки чередуются въ этой колоссальной сатирѣ, значеніе которой становится вполнѣ ясно, когда видишь, что Раблэ, основательно изучившій античный міръ и близко знакомый съ народными сказаніями среднихъ вѣковъ, соединилъ въ своемъ трудѣ съ безподобной эрудиціей и остроуміемъ комическія, смѣлыя выходки всѣхъ временъ и всѣхъ странъ.

Такимъ образомъ, въ твореніяхъ Раблэ слѣдуетъ искать не намековъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ, на образъ дѣйствія вышеупомянутыхъ французскихъ государей, но оживленную картину всѣхъ слоевъ общества, ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ говора. Его творенія представляютъ собою неоцѣненный историческій документъ, но это вовсе не сама исторія. Жанъ де-Ту въ «Исторіи своего времени» нѣсколькими строчками очень вѣрно характеризуетъ творенія Раблэ: «Онъ напечаталъ остроумное сочиненіе, въ которомъ подъ вымышленными именами выставилъ, какъ на театрѣ, всѣ состоянія человѣческой жизни и французскаго королевства и отдалъ ихъ на посмѣяніе народа».

И, въ самомъ дѣлѣ, описаніе общества XVI вѣка, еще недостаточно изученнаго, представляетъ главный интересъ романа Раблэ. Этимъ въ особенности онъ привлекаетъ и занимаетъ, такъ какъ мы находимъ у него собранными,—частью намѣренно, частью безсознательно,—неоцѣненные матеріалы, подобныхъ которымъ не встрѣтимъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ, благодаря общирной и разносторонней эрудиціи Раблэ, его комическое произведеніе блещетъ возвышенными и серіозными идеями, возносящими его надъ вульгарной буфонадой.

---

[1] Правда, вы мало узнаете здѣсь совершеннаго, развѣ только посмѣетесь.

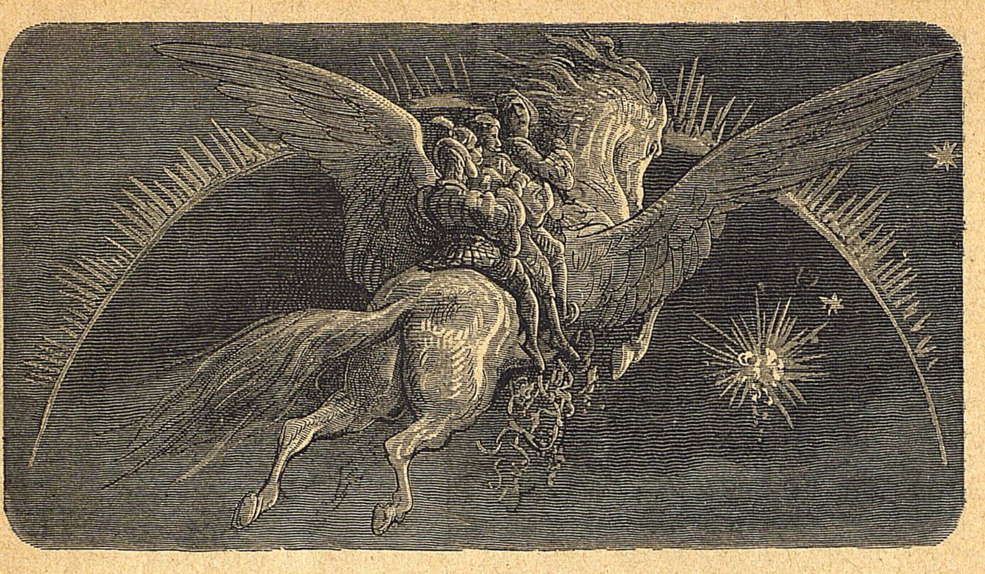


Рис. Густава Дорэ.

О ЗНАЧЕНІИ РАБЛЭ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Раблэ, французскій писатель XVI вѣка, впервые переведенъ нами на русскій языкъ[1]), и это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ писалъ на языкѣ, который еще нельзя назвать французскимъ, и который даже для французовъ непонятенъ безъ комментаріевъ. Несмотря на это, Раблэ имѣлъ громадное вліяніе не только на французскую, но и на общеевропейскую литературу. Свифтъ, напримѣръ, несомнѣнно вдохновился путешествіемъ Пантагрюэля для путешествія Гулливера.

Что касается французовъ, то они выросли на Раблэ и, такъ сказать, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей. Жанъ-Жакъ Руссо, Бальзакъ, Флоберъ, Беранже, не говоря обо всѣхъ остальныхъ, насквозь проникнуты духомъ Раблэ.

Раблэ былъ ученѣйшій, гуманнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени. Монахъ, врачъ и, подъ конецъ жизни, приходскій священникъ, онъ отличался самыми либеральными взглядами и едва-едва ушелъ отъ костра. Его спасло покровительство двухъ королей—Франциска I и Генриха II и двухъ папъ—Климента VII и Павла III.

При своемъ появленіи произведенія Раблэ сразу получили громадную извѣстность во Франціи, и эта извѣстность съ теченіемъ столѣтій не уменьшалась. Каждый образованный французъ знаетъ и цѣнитъ его, а литераторы французскіе, какъ уже замѣчено выше, пропитаны имъ насквозь. Въ комментаторахъ тоже не было недостатка и не безъ основанія: въ сочиненіяхъ Раблэ разсѣяно пропасть намековъ историческихъ и иныхъ, часто на такія событія, память о которыхъ затерялась, и чтобы разгадать ихъ значеніе, потрачено не мало учености и труда. Ниже мы отмѣчаемъ нѣкоторые изъ этихъ комментаріевъ, наиболѣе вѣроятные, такъ какъ вообще комментаторы въ своемъ усердіи не щадили стараній и стремились истолковать всѣ рѣшительно темныя и загадочныя мѣста у Раблэ, забывая, что произведенія Раблэ, во-первыхъ,—плодъ фантазіи, такъ сказать,—романъ, въ которомъ Раблэ, какъ и всякій романистъ, даетъ волю своему творчеству, безъ всякихъ намѣреній или предвзятыхъ идей; во-вторыхъ, — и это главное — у Раблэ были вѣскія причины такъ замаскировать намеки на историческія событія — если они у него были, — чтобы никто не добрался до ихъ смысла. Для него опасность «раздразнить гусей» была не шуточная.

---

[1]) Изъ пяти книгъ эпопеи Раблэ «Гаргантюа и Пантагрюэль» 1-я книга трактуетъ о Гаргантюа, а 2-я, 3-я, 4-я и 5-я о Пантагрюэлѣ.

Эпоха, въ которую жилъ Раблэ, была эпохою великаго переворота въ умахъ и понятіяхъ людей. Раблэ былъ неутомимымъ поборникомъ новыхъ идей и прогресса. Его оружіемъ была иронія и насмѣшка. Онъ неустанно бичуетъ ими грубость, невѣжество и предразсудки своихъ современниковъ. Какъ всякая сатира, съ теченіемъ времени, она утратила свое значеніе въ мелочахъ и стала непонятна въ тѣхъ подробностяхъ, которыя касались исключительно пороковъ и слабостей даннаго времени, но то общечеловѣческое, что въ ней есть, то дурное, что присуще людямъ всѣхъ временъ и національностей и что нашло такого остроумнаго и ѣдкаго сатирика, какъ Раблэ, то остается безсмертнымъ.

Приэтомъ надо сказать, что Раблэ—вполнѣ оригинальный писатель. Онъ—творецъ и образецъ новѣйшей сатиры, основы которой онъ почерпнулъ въ народномъ духѣ и творчествѣ.

Что касается его языка, то это языкъ еще вполнѣ свободный, не втиснутый въ опредѣленныя, тѣсныя рамки, какъ теперешній французскій. По конструкціи и гибкости онъ имѣетъ много общаго съ русскимъ, такъ что, за рѣдкими исключеніями, даетъ возможность для подстрочнаго почти перевода, безъ ущерба легкости слога. Трудность перевода обусловливается, главнымъ образомъ, громадной примѣсью провинціальныхъ, устарѣлыхъ, давно вышедшихъ изъ употребленія, —а, можетъ, никогда и не бывшихъ въ употребленіи, — словъ, которыя Раблэ, безъ всякаго стѣсненія, заимствуетъ направо и налѣво не только изъ діалектовъ различныхъ французскихъ провинцій, но и изъ иностранныхъ языковъ и нарѣчій. Онъ, какъ и Мольеръ, можетъ сказать: «Je prends mon bien où je le trouve.» Вторую трудность составляетъ зачастую темный, запутанный, —и, по всей вѣроятности, намѣренно,— смыслъ повѣствованія Раблэ.

Наконецъ, третьей—и не маловажной— трудностью является неприличіе и грубость сравненій, картинъ, анекдотовъ, которыми Раблэ уснащаетъ свое произведеніе, и тутъ мы касаемся его больного мѣста. Грязь, которою онъ поливаетъ свою сатиру, отнимаетъ у нея полъ-цѣны. И въ этомъ отношеніи она имѣла самое вредное вліяніе на французскую литературу. Имѣя такого праотца, да еще такого авторитетнаго, французскіе писатели не стѣснялись подражать ему и, величая грязь солью — sel gaulois,—даже утрировали ее. Мало того: грязь у Раблэ наивна и хотя очень противна, но не вредна въ смыслѣ ея вліянія на нравственность. Короче сказать: несмотря на все неприличіе Раблэ, его нельзя назвать писателемъ порнографическимъ. Не то съ его позднѣйшими послѣдователями: болѣе утонченная по формѣ, ихъ грязь вреднѣе по содержанію и развращаетъ читателя.

Нельзя сказать, чтобы Раблэ не понималъ этого двойственнаго характера своей сатиры. Въ предисловіи къ третьей книгѣ онъ сравниваетъ ее «съ двухцвѣтнымъ, полубѣлымъ, получернымъ невольникомъ, котораго нѣкогда Птоломей привезъ изъ похода и вздумалъ показать египтянамъ на театрѣ, надѣясь такой диковинкой возбудить ихъ любопытство и интересъ и усилить ихъ удивленіе и любовь къ его особѣ». Но ему пришлось убѣдиться, что онъ не достигъ своей цѣли, и что «прекрасныя, возвышенныя и совершенныя вещи имъ доставляютъ больше радости и наслажденія, нежели противныя и некрасивыя».

Нельзя сказать также, чтобы и среди французскихъ писателей не высказывалось порицанія Раблэ за эту двойственность его творенія. Между прочимъ, La-Bruyère такъ характеризуетъ его: «C'est un monstrueux assemblage d'une morale fine et ingénieuse et d'une sale corruption: où il est mauvais il passe bien loin au delà du pire, c'est le charme de la canaille; où il est bon, il va jusqu'à l'exquis et à l'excellent, il peut être le mets des plus délicats.»

Другимъ темнымъ пятномъ въ произведеніяхъ Раблэ является проповѣдь пьянства, проповѣдь, не оставшаяся, конечно, безъ послѣдователей и нашедшая широкій откликъ и въ литературѣ и въ жизни.

«Le vin a le pouvoir d'emplir l'âme de toute vérité, tout savoir et philosophie...» утверждаетъ онъ. И послѣднимъ словомъ его знаменитаго романа, оракуломъ божественной Бутылки является: «Пей»!

Современнымъ читателямъ, вполнѣ просвѣщеннымъ насчетъ ужасовъ алкоголизма, нечего разъяснять вредъ отъ проповѣди пьянства и восхваленія зелена-вина.

Возвращаясь къ сатирѣ Раблэ, повторимъ вышесказанное, а именно, что она коснулась всѣхъ явленій жизни и учрежденій его времени: властолюбіе духовенства, тщеславная ограниченность ученыхъ схоластиковъ, безсовѣстность государственныхъ людей, продажность судей, вздорная судейская и адвокатская болтовня, безсодержательность школьнаго преподаванія — все это осмѣивается имъ безпощадно. Въ главѣ XIII книги V, гдѣ изображается якобы кошачье правосудіе, Раблэ говоритъ устами Кота-Мурлыки: «Наши законы все равно, что паутина: маленькія мушки и бабочки попадаются, большіе же и зловредные слѣпни и овода прорываютъ ее и улетаютъ.»

И далѣе то, что происходитъ въ судѣ, характеризуется такъ: «Здѣсь отвѣчаютъ категорически на то, чего не знаютъ, сознаются въ томъ, чего никогда не дѣлали, увѣряютъ, что знаютъ то, чему никогда не учились.»

И, въ концѣ концовъ, кошелекъ съ золотомъ является единственнымъ способомъ заслужить оправдательный приговоръ.

Раблэ не ограничивается одной критикой существующаго, но высказываетъ и свои общественные идеалы. Такъ онъ набрасываетъ программу воспитанія и образованія, которою, несомнѣнно, вдохновился Жанъ-Жакъ Руссо, когда писалъ своего «Эмиля», хотя, по свойству своего ума и темперамента, не могъ ея не исказить и не испортить. Программа же самого Раблэ такова, что подъ нею подписался бы любой современный педагогъ.

Жизнь Гаргантюа и Пантагрюэля не представляетъ собою цѣльнаго произведенія, написаннаго по строгому и выдержанному плану. Въ первыя двѣ книги Раблэ заноситъ излюбленныя въ тѣ времена темы народныхъ сказокъ и, такъ называемыхъ, fabliaux, утрируя ихъ въ насмѣшку, и тутъ же попутно осмѣиваетъ и обличаетъ грубость нравовъ, невѣжество и безсмысленные взгляды поколѣнія, еще не вполнѣ сошедшаго при немъ со сцены.

Старикъ Грангузье, представитель этой эпохи,—олицетвореніе «добраго, стараго времени». Съ сыномъ его, Гаргантюа, наступаютъ болѣе просвѣщенныя времена; но только при Пантагрюэлѣ, героѣ второй и послѣдующихъ книгъ, рельефнѣе обозначается прогрессъ въ умахъ и взглядахъ, благодаря возрожденію классической древности и просвѣтительнымъ усиліямъ гуманистовъ. Здѣсь Раблэ рядомъ съ критикой существующаго высказываетъ и желательные идеалы воспитанія и образованія юношества, равно какъ и свои—весьма замѣчательные и гуманные—взгляды на политику, управленіе государствомъ, международныя отношенія, колонизацію и пр.

Первыя двѣ книги посвящены исторіи царственныхъ великановъ, Гаргантюа и Пантагрюэля, въ которыхъ комментаторы видятъ Франциска I и Генриха II, но въ третьей книгѣ выступаетъ на сцену Панургъ, вокругъ котораго съ этихъ поръ сосредоточивается главный интересъ повѣствованія. Третья книга наполнена, почти исключительно, разными шутовскими выходками Панурга и его соображеніями насчетъ женитьбы, при чемъ Раблэ пользуется случаемъ осмѣять различныя средневѣковыя суевѣрія.

Въ четвертой и пятой книгахъ сатира Раблэ изощряется надъ деморализаціей католической церкви, юстиціи и администраціи, равно какъ и надъ общественными пороками, при чемъ Панургу опять отводится главная роль въ дѣйствіи. Очевидно, въ Панургѣ Раблэ хотѣлъ олицетворить типъ современнаго ему героя толпы.

Въ четвертой же книгѣ начинается фантастическое путешествіе Пантагрюэля съ Панургомъ и нѣсколькими другими лицами въ поискахъ оракула божественной Бутылки, и здѣсь Раблэ проявляетъ большую силу воображенія и юмора. Этимъ путешествіемъ наполнена и пятая книга, оканчивающаяся открытіемъ оракула Бутылки, преподающаго житейскую мудрость Панургу, выражающуюся въ одномъ словѣ: «Пей»,—мудрость, къ сожалѣнію, находившую во всѣ времена и у всѣхъ народовъ толпы поборниковъ и лишь въ самое послѣднее время потерявшую свой престижъ въ глазахъ просвѣщенныхъ людей...

А. Э.

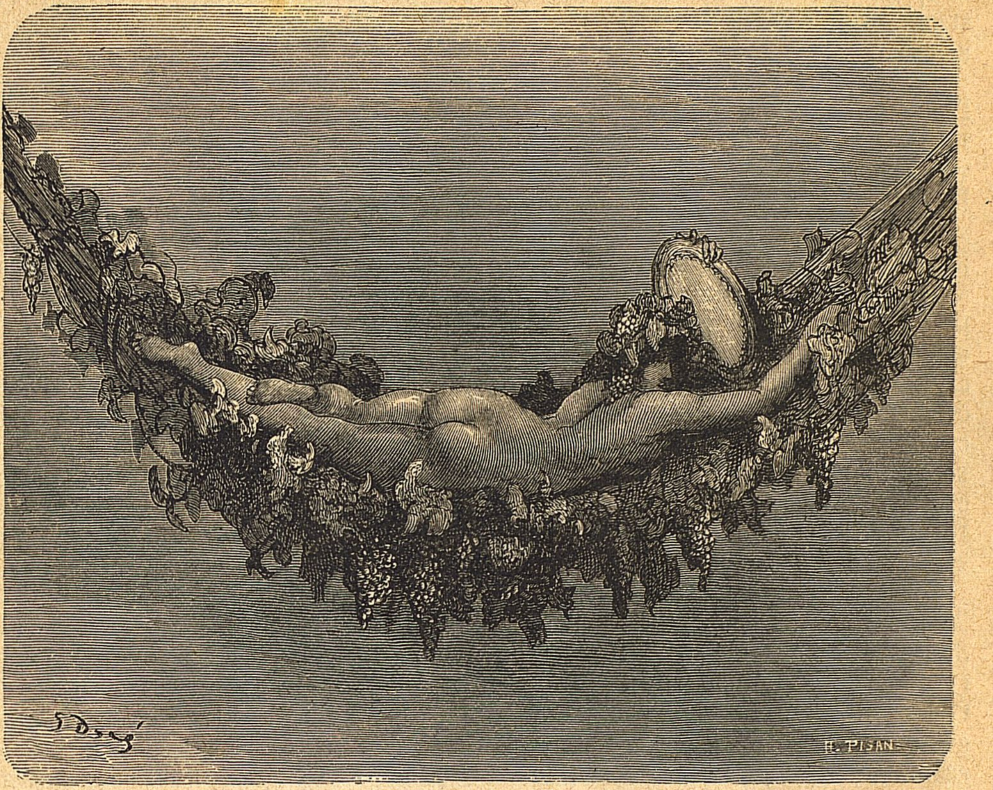


Рис. Густава Дорэ.

О КОММЕНТАРІЯХЪ КЪ ЭПОПЕѢ РАБЛЭ.

Дѣйствующихъ лицъ въ сатирическомъ романѣ Раблэ комментаторы отождествляютъ со слѣдующими историческими личностями:

Грангузье—Людовикъ XII.
Гаргамелла—Анна Бретанская.
Гаргантюа—Францискъ I.
Бадебекъ—Клавдія Французская.
Пантагрюэль—Генрихъ II.
Панургъ—Кардиналъ де-Лорренъ, любимецъ Генриха II.
Братъ Жанъ—Кардиналъ Жанъ дю-Беллэ.

«Съ ранней молодости,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ въ предисловіи къ своему труду,—я любилъ Раблэ, хорошенько не понимая смысла его произведеній..... Но вотъ однажды, внимательно перечитавъ исторію Франціи, въ особенности три царствованія, о которыхъ идетъ рѣчь у Раблэ, и сличивъ ихъ съ его повѣствованіемъ, я, къ удивленію или, вѣрнѣе сказать, къ удовольствію своему, увидѣлъ, что Грангузье, веселый балагуръ, великій бражникъ, славный человѣкъ, добрый мужъ и добрый отецъ, хозяинъ-скопидомъ,—это, конечно, добродушный, любившій выпить, славный человѣкъ, добрый мужъ и отецъ и скупой хозяинъ Людовикъ XII; что Гаргантюа, галантный человѣкъ, храбрецъ, добрый сынъ и отецъ, великанъ—это галантный, храбрый Францискъ I, добрый сынъ и отецъ, и, наконецъ, что любившій выпить, галантный, безстрашный, но слабохарактерный и легковѣрный Пантагрюэль есть сколокъ съ галантнаго, безстрашнаго, но слабохарактернаго и легковѣрнаго Генриха II...

... Признавъ дѣйствующихъ лицъ, мнѣ

не трудно уже было прослѣдить ихъ дѣйствія, которыя почти всѣ можно найти въ исторіи...»

То, что Гаргамелла произвела на свѣтъ Гаргантюа черезъ ухо, комментаторы считаютъ намекомъ, во-первыхъ, на то обстоятельство, что бракъ Людовика XII съ Анной Бретанской былъ не вполнѣ законный, такъ какъ онъ развелся со своей первой женой Іоанной Французской, а, во-вторыхъ, на то, что Францискъ I не былъ сыномъ Людовика XII и Анны, а ихъ пасынкомъ. Громадные запасы всякаго рода, растраченные по случаю этого событія, равно какъ и позднѣе, считаются намекомъ на большія потребности и расходы по содержанію французскихъ королей и ихъ двора, а громадное количество матеріи, какое пошло на костюмъ юнаго Гаргантюа,—намекомъ на роскошь и расточительность французскихъ королей.

Война пастуховъ съ пирожниками (главы 25 и 26) изображаетъ италіанскіе походы Людовика XII (1500 г.) и Франциска I (1515 г.) для отвоеванія Милана. Людовикъ Сфорца (Пикрошоль, характеръ котораго очень подходитъ къ характеру историческаго Людовика Сфорца) захватилъ Миланъ, но былъ взятъ въ плѣнъ Людовикомъ XII и до самой смерти (1516 г.) содержался въ желѣзной клѣткѣ въ замкѣ Лошъ, недалеко отъ Шинона. Его сынъ, Максимиліанъ Сфорца, снова завоевалъ Миланъ въ 1512 г., но былъ низложенъ Францискомъ I въ 1515 г. Медовые пирожки намекаютъ будто бы на италіанскія мучныя кушанья и макароны.

«Старинная дружба» между Грангузье и Пикрошолемъ, о которой упоминается въ 31 главѣ, обозначаетъ союзъ и прежнія дружескія отношенія между французскими королями и герцогами Миланскими: преимущественно между Карломъ VIII и Людовикомъ XII и Галеаццо и Людовикомъ Сфорца. Бѣгство Пикрошоля (глава 48) точь-въ-точь совпадаетъ съ судьбой Максимиліана Сфорца. Послѣ взятія Милана онъ бѣжалъ, но попался въ плѣнъ, былъ отвезенъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1530 г.

Въ главѣ 51 Грангузье награждаетъ своихъ военачальниковъ точь-въ-точь такъ, какъ Людовикъ XII своихъ генераловъ послѣ завоеванія Милана. Понократъ (маршалъ Тривульче) получаетъ Ларошъ Клермо (Миланъ), Гимнастъ (Луи де-ла-Тремуйль)—Кудрэ, Эвдемонъ (Бриссакъ)—Монпансье и т. д. Для брата Жана Гаргантюа строитъ въ награду Телемское аббатство. Братъ Жанъ, какъ выше сказано, долженъ изображать кардинала Жана дю-Беллэ. Помимо своихъ достоинствъ, какъ воинъ и государственный человѣкъ, онъ былъ просвѣщенный эпикуреецъ, любилъ вино, женщинъ и втайнѣ былъ женатъ. Телемское аббатство изображаетъ въ идеализированномъ видѣ великолѣпный замокъ Сенъ-Моръ-де-Фоссе, выстроенный кардиналомъ дю-Беллэ на берегахъ Марны, гдѣ онъ часто задавалъ пиры Франциску I. Телемское орденское правило: «Поступай такъ, какъ тебѣ угодно»,—было, дѣйствительно, девизомъ въ Сенъ-Морѣ.

Родословная Пантагрюэля насчитываетъ 59 великановъ,—число, соотвѣтствующее числу французскихъ королей отъ Фарамонда до Генриха II, такъ что комментаторы видятъ въ этомъ подтвержденіе догадки о тождествѣ Пантагрюэля съ Генрихомъ II.

Описаніе характера Панурга и его привычекъ (глава 16 книги II) соотвѣтствуетъ тому, что исторія повѣствуетъ о кардиналѣ де-Лорренѣ. Даже горбатый, орлиный носъ, а также разнообразные, предосудительные способы добывать деньги и ихъ проматывать, описываемые въ главѣ 17, равно какъ и склонность къ глумленію надъ всѣмъ на свѣтѣ,—черты, присущія обоимъ.

Подъ островами Tohu Bohu [1] подразумѣваютъ Лотарингію и три епархіи, въ которыхъ герцогъ де-Гизъ, генералиссимусъ Генриха II, опустошилъ всѣ вѣтряныя мельницы и запасы, къ великому неудовольствію Карла V. Послѣдовавшее за этой катастрофой разстройство обозначаетъ дальнѣйшія невзгоды, причиненныя ему, которыя и побудили его три года спустя къ отреченію...

Касательно описанной въ главахъ 18—20 морской бури одинъ изъ комментаторовъ говоритъ: «По всей вѣроятности, она должна изображать жестокое преслѣдованіе гугенотовъ, которое поднялось во Франціи при Генрихѣ II. Оно началось въ 1548 г. своего рода инквизиціей, учрежденной надъ реформатами. Въ главѣ 18 гроза разражается вслѣдъ за встрѣчею съ патерами, отправляющимися на соборъ; раздается громъ и молнія; въ главѣ 20 сверкаетъ особенно страшная молнія, сопровождаемая громомъ, о которой братъ Жанъ говоритъ: «Я полагаю, что всѣ черти держатъ здѣсь свой капитулъ.» Естественно предположить, что здѣсь рѣчь идетъ о ватиканскихъ и тому подобныхъ церковныхъ молніяхъ... Но другой комментаторъ несогласенъ съ этимъ толкованіемъ и находитъ болѣе вѣроятнымъ, что эта буря изображаетъ скорѣе грозное вторженіе Карла V въ Лотарингію и Фландрію въ 1552 г., когда онъ осадилъ Метцъ. Штурманъ—это коннетабль де-Монморанси, а братъ Жанъ, проявившій тоже большую дѣятельность и неустрашимость во время бури,—это кардиналъ дю-Беллэ; трусъ Панургъ, который то богохульствуетъ, то ханжитъ, — представляетъ собою кардинала де-Лоррена.

---

[1] Сумятица, безпорядокъ.

Подъ островами Макреоновъ[1]) слѣдуетъ разумѣть Англію и преимущественно англійскій островъ Гернсей, въ которомъ находится одна гавань, одинъ городъ, одинъ замокъ и десять деревень; цѣлью же Раблэ является здѣсь, будто бы, желаніе превознести царствованіе Франциска I передъ царствованіемъ Генриха II. Доказательство же того, что подъ островами Макреоновъ подразумѣется Англія, видятъ въ томъ, что все, что здѣсь разсказываетъ о нихъ Раблэ, все это повѣствуетъ Плутархъ (на котораго Раблэ даже ссылается въ концѣ 27 главы) о Британскихъ островахъ.

Въ королевствѣ Квинтъ-Эссенціи, по общему мнѣнію комментаторовъ, Раблэ имѣлъ въ виду изобразить алхимиковъ, астрологовъ и эмпириковъ. При этомъ онъ осмѣиваетъ взглядъ Аристотеля на «Энтелехію» (то-есть душу), а также многія другія пустыя и призрачныя науки, какъ, напримѣръ, схоластическія тонкости сорбонскаго богословія, которое онъ называлъ Матеотехникой.

Ковровая страна—страна лжи или, вѣрнѣе, ложныхъ представленій и служитъ критикой древнихъ и новѣйшихъ лживыхъ разсказовъ различныхъ путешественниковъ, всякихъ чудесныхъ розсказней и химеръ, равно какъ и чудовищъ и небылицъ, которыми полны средневѣковые романы, усердно еще читавшіеся въ эпоху Раблэ.

Фонарная страна изображаетъ міръ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, гдѣ собирается духовный капитулъ (Тріентскій соборъ).

⁂

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ читатели могутъ судить, какъ произвольны, чтобы не сказать фантастичны, толкованія комментаторовъ, и къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ они для разъясненія того, что часто не нуждается ни въ какихъ истолкованіяхъ. При этомъ усердіе ихъ заходитъ такъ далеко, что они находятъ нужнымъ толковать по-своему почти каждую строчку, каждую шутливую выходку писателя и этимъ скорѣе затемняютъ его, нежели разъясняютъ. Между тѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Раблэ намѣренно теменъ, сатира его довольно прозрачна и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Насмѣшки его надъ монахами и вообще католическимъ духовенствомъ — насмѣшки очень ѣдкія, хотя и замаскированы, но очень ясны, и такую смѣлость обличенія можно объяснить только тѣмъ, что въ ту эпоху, когда жилъ Раблэ, «престолъ и алтарь» еще не объединились, какъ это случилось позднѣе, и даже, наоборотъ, еще боролись вообще за преобладаніе, и въ частности Генрихъ II враждовалъ съ римской куріей, такъ что выходки Раблэ противъ послѣдней были ему по нраву и недаромъ онъ такъ усиленно покровительствовалъ ему и охранялъ его отъ преслѣдованія духовенства, которое неоднократно порывалось его сжечь на кострѣ и непремѣнно сожгло бы безъ этого высокаго покровительства.

Какъ уже раньше сказано, комментаторы въ своемъ усердіи совершенно упускаютъ изъ виду, что произведеніе Раблэ есть прежде всего произведеніе поэтической фантазіи, а вовсе не тенденціозное, подстрочное, если можно такъ выразиться, обличеніе существующей дѣйствительности. Многіе французскіе критики называютъ Раблэ поэтомъ, а его сатирическій романъ—поэмой. Фердинандъ Брюнетьеръ проводитъ параллель между нимъ и Гомеромъ: первая и вторая книга произведенія Раблэ образуютъ своего рода «Иліаду», гдѣ такъ же, какъ и въ «Иліадѣ» Гомера, рѣчь идетъ только о генеалогіяхъ, сраженіяхъ и пирахъ; третья книга—центръ и узелъ всего сочиненія, гдѣ герои отдыхаютъ послѣ побѣды, занята ради ихъ развлеченія нескончаемыми разсужденіями о радостяхъ и опасностяхъ брака; двѣ послѣднихъ книги, гдѣ, какъ и въ «Одиссеѣ», тоже нѣтъ недостатка въ пирахъ, наполнены, вмѣсто сраженій, дорожными приключеніями, изслѣдованіями и открытіями.

«Естественно,—говоритъ Брюнетьеръ,—что у современниковъ поэта явилась мысль объ аналогіи между этой «Иліадой» и войнами начала царствованія Франциска I и между этой «Одиссеей» и одиссеями Колумба, Васко де-Гама, Кортеца и Пизарро.»

---

[1]) Долголѣтніе.

Но отъ этой аналогіи до кропотливаго подкладыванія подъ каждое дѣйствіе героевъ романа Раблэ факта изъ современной ему дѣйствительной жизни, еще очень далеко. Комментаторы доходятъ въ своемъ усердіи до нелѣпаго. Такъ, напримѣръ, нумидійская кобыла, на которой Гаргантюа отправился въ Парижъ, должна, по мнѣнію однихъ, изображать герцогиню д'Этампъ, любовницу Франциска I, а по мнѣнію другихъ—Діану де-Пуатье, тогда какъ длинный хвостъ кобылы—гибельныя послѣдствія роскоши и расточительности, неизбѣжныхъ при содержаніи такой кобылы...

Такихъ фантастическихъ толкованій можно придумать цѣлые томы, но читать ихъ только утомительно и скучно, а для пониманія Раблэ нисколько не вразумительно. Сатира Раблэ гораздо шире тѣхъ рамокъ, въ какія ее хотятъ загнать комментаторы, и не зарывается въ мелочахъ, какія они ей навязываютъ.

А. Э.

КНИГА I

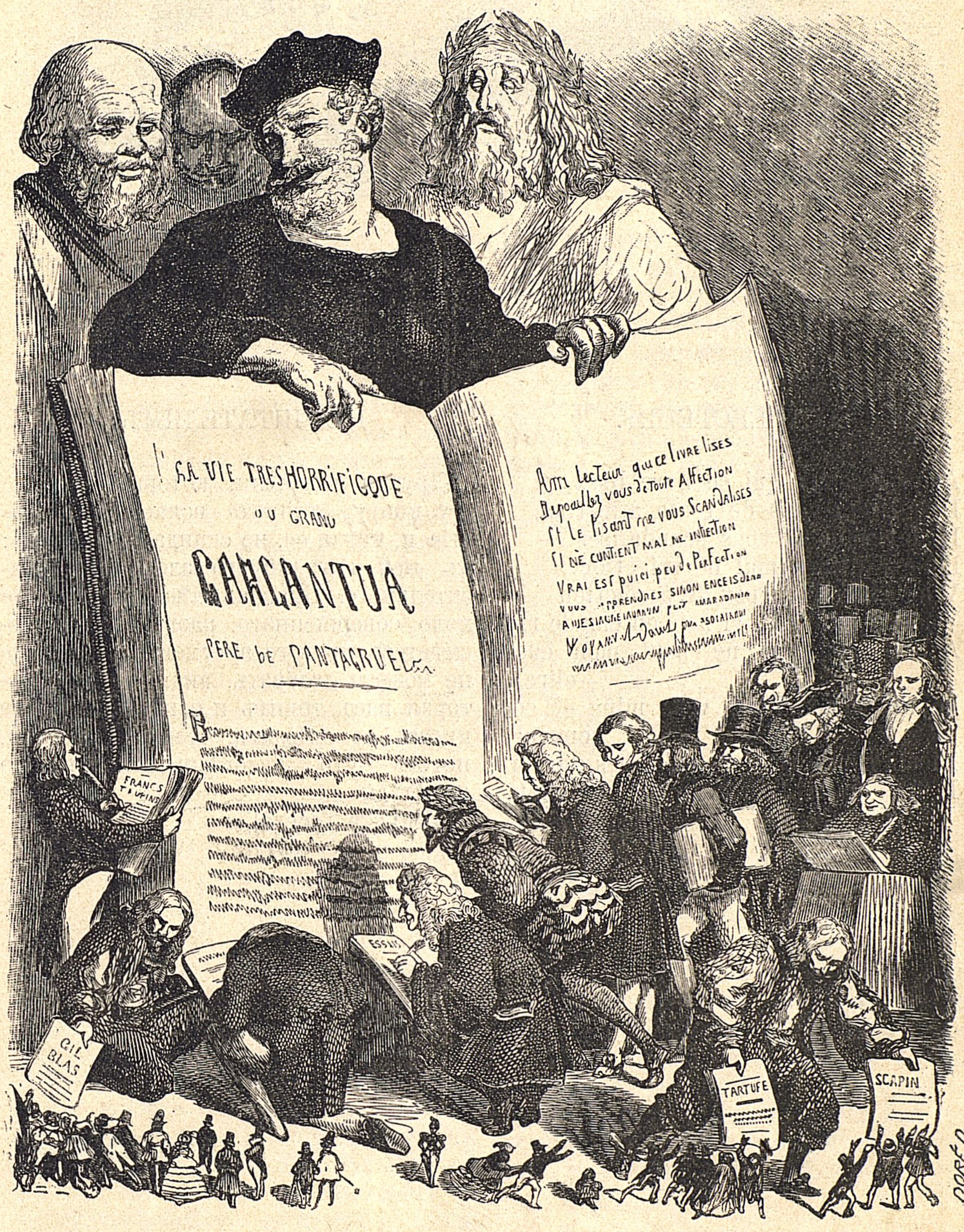
ГАРГАНТЮА

НЕОБЫЧАЙНО ДИКОВИННАЯ ЖИЗНЬ

ВЕЛИКАГО ГАРГАНТЮА, ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ,

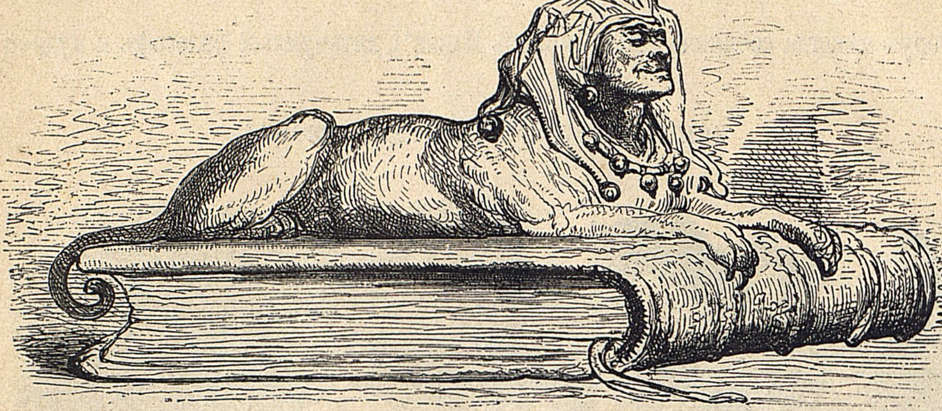
которую нѣкогда сочинилъ Алькофрибасъ Назье[1]), хитроумный философъ и мудрецъ.

КНИГА БОГАТАЯ ПАНТАГРЮЭЛИЗМОМЪ[2])


LA VIE TRESHORRIFICQUE
DU GRAND
GARGANTUA
PERE DE PANTAGRUEL
Ami lecteur qui ce livre lises
Despouillez vous de toute affection
Et le lisant ne vous scandalises
Il ne contient mal ne infection
Vrai est qu'ici peu de perfection
Vous apprendres sinon
FRANCS TAUPINS
ESSAIS
GIL BLAS
TARTUFE
SCAPIN
DORÉ D.

---

[1]) Анаграмма Франсуа Раблэ. [2]) По словамъ Раблэ, это выраженіе означаетъ: «certeine gayeté d'esprit conficte en mespris des choses fortuites». См. прологъ 4-й книги.



AUX LECTEURS.

Amys lecteurs qui ce livre lisez,
Despouillez-vous de toute affection,
Et le lisans ne vous scandalisez:
Il ne contient mal ne infection.
Vray est qu'icy peu de perfection
Vous apprendrez, si non en cas de rire;
Aultre argument ne peut mon cueur elire,
Voyant le dueil qui vous mine et consomme:
Mieulx est de ris que de larmes escripre,
Pource que rire est le propre de l'homme.
Vivez joyeux!

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Друзья читатели, которые читаете эту книгу, откиньте всякое пристрастіе и, читая ее, не скандализируйтесь: въ ней нѣтъ ничего злого или заразительнаго. Правда, здѣсь вы узнаете мало совершеннаго, развѣ только посмѣетесь; другого аргумента мое сердце не можетъ выбрать, видя печаль, которая васъ точитъ и изводитъ: лучше писать со смѣхомъ, чѣмъ со слезами, потому что человѣку свойственно смѣяться.

Живите весело!

ПРОЛОГЪ АВТОРА.

Именитѣйшіе бражники и вы, дражайшія жертвы Венеры (такъ какъ вамъ, а не кому другому, посвящены мои писанія)! Алкивіадъ въ разговорѣ Платона, озаглавленномъ «Пиръ», восхваляя своего учителя Сократа, безспорно царя философовъ, говоритъ, между прочимъ, что онъ похожъ на Силеновъ. Силенами же назывались когда-то коробочки, въ родѣ тѣхъ, что мы видимъ нынѣ въ аптекахъ. Снаружи онѣ расписаны веселыми и игривыми фигурами, какъ-то: гарпіями, сатирами, взнузданными гусенятами, рогатыми зайцами, осѣдланными утками, крылатыми козлами, оленями въ оглобляхъ и другими подобными картинками, нарочно безобразными, чтобы заставить добрыхъ людей смѣяться. Такимъ же былъ и Силенъ, наставникъ добраго Бахуса. Но внутри въ нихъ хранили лучшія лекарственныя снадобья: мяту, амбру, кардамонъ, мускусъ, драгоцѣнные каменья и другія цѣнныя вещи. Такимъ, говорятъ, былъ и Сократъ, потому что, глядя на его внѣшность и судя о немъ по наружному виду, вы бы не дали за него луковичной шелухи: такъ безобразенъ былъ онъ тѣломъ и смѣшонъ манерами, съ острымъ носомъ, бычачьимъ взглядомъ, безумнымъ лицомъ, простыми нравами, деревенской одеждой, бѣднаго состоянія, несчастливый въ женщинахъ, негодный ни къ какимъ должностямъ въ республикѣ, вѣчно смѣющійся, вѣчно пьющій съ первымъ встрѣчнымъ, вѣчно трунящій, вѣчно скрывающій свое божественное знаніе. Но, раскрывъ эту коробочку, нашли бы внутри дивное и неоцѣненное лѣкарственное снадобье: разумъ сверхчеловѣческій, добродѣтель чудесную, непобѣдимое мужество, несравненную трезвость, непоколебимое довольство, совершенную увѣренность, невѣроятное пренебреженіе ко всему, изъ-за чего смертные столько бѣдствуютъ, бѣгаютъ, трудятся, плаваютъ по морямъ и сражаются.

Къ чему клонится, думаете вы, эта прелюдія и это вступленіе? Къ тому, чтобы вы, мои добрые послѣдователи и иные прочіе праздные безумцы, читая веселыя заглавія, какъ-то: Гаргантюа, Пантагрюэль, Фэспэнтъ[1], Достоинство клапана у штановъ, Горохъ на салѣ cum commento и проч.—не подумали бы слишкомъ поспѣшно, что въ нихъ только и рѣчи, что о насмѣшкахъ, шуткахъ и веселыхъ сказкахъ. Наружная вывѣска (т.-е. заглавіе) безъ дальнихъ справокъ служитъ обыкновенно предметомъ насмѣшекъ и потѣхи. Но не слѣдуетъ такъ легкомысленно судить о произведеніяхъ людей, такъ какъ сами же вы говорите, что платье не дѣлаетъ монахомъ и что иной, облеченный въ монашескую рясу, въ душѣ далеко не монахъ, а другой, нарядившійся въ испанскій плащъ, по своему мужеству отнюдь не подходитъ къ Испаніи. Вотъ почему надо раскрыть книгу и тщательно взвѣсить то, что въ ней изложено. Тогда узнаете, что снадобье, заключенное въ ней, гораздо значительнѣе, нежели обѣщала коробка. Иными словами: предметы, о которыхъ здѣсь, толкуется, не такъ шутливы, какъ утверждало заглавіе.

---

[1] Лицо изъ народныхъ сказокъ—типъ пьяницы; Fessepinte въ буквальномъ переводѣ значитъ: Похлестывай штофъ.

И допустивъ даже, что въ буквальномъ смыслѣ слова, вы найдете довольно забавныя вещи, совпадающія съ названіемъ, все же не слѣдуетъ увлекаться этимъ, какъ пѣніемъ сиренъ, но толковать въ высшемъ смыслѣ то, что случайно вамъ покажется сказаннымъ наобумъ. Откупоривали вы когда бутылки? Caisgne! [1] А не то, видали вы когда собаку, нашедшую мозговую кость? Это, какъ говоритъ Платонъ (кн. II De Rep.), самое философское въ мірѣ животное. Если видали, то могли замѣтить, какъ набожно она ее сторожитъ, какъ тщательно охраняетъ, какъ ретиво держитъ въ зубахъ, какъ осторожно прокусываетъ, какъ любовно разгрызаетъ и какъ быстро высасываетъ. Что заставляетъ ее такъ поступать. Чего ждетъ она отъ своихъ стараній? Къ какому благу стремится? Ни къ чему иному, какъ добыть немного мозга. Правда, что это немного вкуснѣе, чѣмъ много другого чего: потому что мозгъ — пища, превосходно обработанная природой, какъ говоритъ Галенъ (III Facult. nat. и XI De usu partium).

Слѣдуя примѣру собаки, вы должны быть умны: пронюхать, прочувствовать и оцѣнить эти прекрасныя книги высокаго значенія, которыя легко читаются и смѣлы по содержанію. Затѣмъ, путемъ любознательныхъ усилій и упорныхъ размышленій, разбить кость и высосать мозгъ, т. е. то, что я разумѣю подъ этими пиѳагорейскими символами, въ вѣрной надеждѣ стать разсудительнѣе и добродѣтельнѣе отъ этого чтенія: ибо въ немъ вы найдете еще другое удовольствіе и сокровеннѣйшее ученіе, которое откроетъ вамъ высокія таинства и страшныя мистеріи, какъ по части нашей религіи, такъ и политическаго состоянія и экономической жизни.

Неужели вы серіозно вѣрите, что, когда Гомеръ писалъ Иліаду и Одиссею, онъ думалъ про аллегоріи, которыя у него вычитали Плутархъ, Гераклитъ, Понтихъ, Евстатъ, Корнутъ, а у этихъ послѣднихъ выкралъ Политіанъ? Если вы въ это вѣрите, то между вашимъ мнѣніемъ и моимъ цѣлая пропасть: я удостовѣряю, что Гомеръ такъ же мало о нихъ думалъ, какъ Овидій въ своихъ Метаморфозахъ о таинствахъ Евангелія, хотя послѣднее и старался доказать братъ Любенъ [1], настоящій сумасбродъ, разсчитывавшій встрѣтить такихъ же полоумныхъ людей, какъ онъ самъ, по пословицѣ: «каково лукошко, такова ему и покрышка».

Если же не вѣрите, то почему бы вамъ не отнестись такъ же и къ моимъ забавнымъ и новымъ исторіямъ? Тѣмъ болѣе, что диктуя ихъ, я такъ же мало о томъ задумывался, какъ и вы, которые, чего добраго, такъ же пьете вино, какъ и я. Вѣдь для сочиненія этой знатной книги, я тратилъ только то время, что служило мнѣ для поддержанія моего тѣла, то-есть: когда ѣлъ и пилъ. Да вѣдь это какъ разъ настоящее время, чтобы писать о такихъ важныхъ матеріяхъ и глубокомысленныхъ наукахъ.

Такъ поступалъ и Гомеръ, образецъ всѣхъ философовъ, и Энній, отецъ латинскихъ поэтовъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ Горацій, хотя какой-то невѣжа сказалъ, что отъ его стиховъ пахнетъ скорѣе виномъ, нежели масломъ [2].

То же самое говоритъ о моихъ книгахъ одинъ шутъ; но плевать на него. Запахъ вина куда вкуснѣе, веселѣе, привлекательнѣе, небеснѣе и прелестнѣе, чѣмъ запахъ масла.

---

[1] Caisgne — собака, отъ италіанскаго слова cagna. Комментаторы Раблэ видятъ въ этомъ звукоподражаніе, выражающее вибрацію стекла бутылки, когда ее откупориваютъ.

[1] Томасъ Уоллисъ, англичанинъ-доминиканецъ, авторъ сочиненія: Metamorphosis Ovidiana moraliter explanata. Paris. 1509. in—4°.

[2] Масломъ для свѣтильника, при свѣтѣ котораго пишутъ ночью. Пахнуть масломъ значитъ обнаруживать признаки усидчивой работы.

Я ставлю себѣ за честь, чтобы про меня говорили, что я прилежнѣе былъ къ вину, чѣмъ къ маслу; какъ Демосѳенъ, когда про него говорили, что онъ прилежнѣе къ маслу,—чѣмъ къ вину. Къ чести моей и славѣ служитъ, когда меня называютъ и прославляютъ шутникомъ и веселымъ малымъ; подъ этимъ именемъ я желанный гость въ доброй компаніи пантагрюэлистовъ. Демосѳена одинъ сварливый человѣкъ упрекалъ въ томъ, что его Рѣчи пахнутъ, какъ тряпка грязнаго и неопрятнаго фабриканта оливковаго масла.

Я прошу: толкуйте всѣ мои дѣла и слова въ самую лучшую сторону; уважайте сыроподобный мозгъ, который преподноситъ вамъ всѣ эти пустяки, и, сколько можно, поддерживайте во мнѣ веселость. Итакъ забавляйтесь, други, и весело читайте, что слѣдуетъ дальше, тѣлу и почкамъ во здравіе. Но слушайте, ослиныя морды,—черная немочь васъ возьми!—не забывайте пить за мое здоровье.

I.

О происхожденіи и древности рода Гаргантюа.

Я отсылаю васъ къ великой Пантагрюэльской хроникѣ, чтобы познакомиться съ генеалогіей и древностью рода, изъ котораго произошелъ Гаргантюа. Въ ней вы подробнѣе узнаете, какъ родились на свѣтъ великаны и какъ отъ нихъ по прямой линіи произошелъ Гаргантюа, отецъ Пантагрюэля. Не сердитесь, если въ настоящую минуту самъ я объ этомъ не говорю. Хотя дѣло таково, что чѣмъ пространнѣе о немъ говорить, тѣмъ будетъ пріятнѣе вашей милости: въ чемъ ссылаюсь на авторитетъ Платона in Philebo и Gordias, и Флакка [1]), который говоритъ, что есть рѣчи—какъ настоящія, безъ сомнѣнія—тѣмъ болѣе занимательныя, чѣмъ ихъ чаще повторяютъ.

Дай Богъ, чтобы всякій такъ хорошо зналъ свою генеалогію, отъ Ноева ковчега и по сіе время. Я думаю, что многіе теперь императорами, королями, герцогами, принцами и папами на землѣ, которые происходятъ отъ какихъ-нибудь бродягъ, что шлялись съ сумками за плечами и съ дубинками въ рукахъ. И наоборотъ: многіе нищіе, просящіе милостыню на паперти церквей, страдальцы и бѣдняки произошли отъ королевской и императорской крови и рода, принимая во вниманіе удивительный переходъ царствъ и имперій:

Отъ Ассирійцевъ къ Мидянамъ, отъ Мидянъ къ Персамъ, отъ Персовъ къ Македонянамъ, отъ Македонянъ къ Римлянамъ, отъ Римлянъ къ Грекамъ, отъ Грековъ къ Французамъ.

Да вотъ, скажу вамъ, я самъ, бесѣдующій съ вами, думаю, что произошелъ отъ какого-нибудь богатаго короля или принца былыхъ временъ. Потому что навѣрное вы не встрѣчали человѣка, которому бы такъ хотѣлось, какъ мнѣ, быть королемъ и богатымъ, чтобы ѣсть сладко, не работать, не знать заботы и обогатить своихъ друзей и всѣхъ добрыхъ и свѣдущихъ людей. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что на томъ свѣтѣ получу все это и даже больше, чѣмъ теперь смѣю желать. Такими мыслями, и даже лучшими, утѣшайте себя и вы въ несчастіи и пейте на здоровье, если можете.

Но вернемся къ нашей исторіи. Я говорю, что по милости Божіей до насъ дошла древняя генеалогія Гаргантюа полнѣе, чѣмъ всякая другая, за исключеніемъ генеалогіи Мессіи, о которой я не говорю, потому что это мнѣ не пристало, да и черти (то-есть клеветники и ханжи) тому препятствуютъ. Эта генеалогія была найдена Жаномъ Одо на лугу, которымъ онъ владѣлъ около Арсо-Гало [1]), ниже Оливы, по направленію къ Нарсэ. Тамъ онъ велѣлъ копать ровъ, и землекопы уткнулись заступами въ большую бронзовую гробницу, безмѣрно длинную: конца ей такъ и не нашли, потому что она заходила далеко за шлюзы рѣки Вьенны. Гробницу вскрыли въ одномъ мѣстѣ, обозначенномъ стаканомъ, вокругъ котораго шла надпись этрускими буквами: «Hic bibitur», и нашли девять бутылокъ, въ томъ поядкѣ, какъ разставляютъ кегли въ аскони. Средняя изъ нихъ прикрывала толстую, жирную, большую, сѣрую, хорошенькую, маленькую, заплѣснѣвшую книжечку, которая пахла такъ же сильно—но только не такъ пріятно—какъ розы.

---

[1]) Горацій, Ars poetica.

[1]) Мѣстность въ Турени.

А въ ней нашли вышеупомянутое генеалогическое древо, написанное канцелярскимъ почеркомъ, но не на бумагѣ, и не на пергаментѣ, и не на воскѣ, а на древесной корѣ, настолько, однако, обветшалой, что едва можно было разобрать буквы.

Азъ, недостойный, былъ призванъ и съ помощью очковъ, а также примѣнивъ искусство, преподаваемое Аристотелемъ, читать малозамѣтныя буквы, перевелъ ее, какъ сами увидите, если вы пантагрюэлисты, то-есть если вы станете читать про изумительныя дѣянія Пантагрюэля за стаканомъ добраго вина.

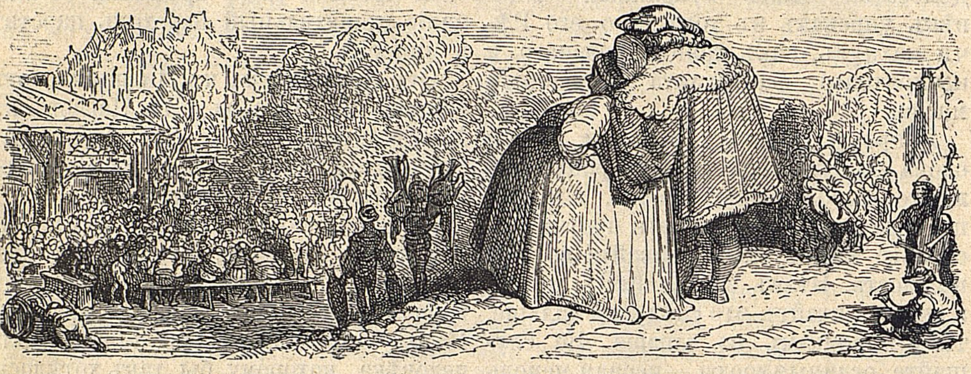
Въ концѣ книжечки находился маленькій трактатъ, озаглавленный: Предохранительныя бездѣлушки.

Крысы и тараканы или (какъ бы не соврать) другія зловредныя животныя изгрызли начало; остальное я привожу ниже, изъ уваженія къ древности.

II.

Предохранительныя бездѣлушки, найденныя въ одномъ древнемъ памятникѣ.

Эта глава заключаетъ въ себѣ длиннѣйшее и загадочное стихотвореніе, смыслъ котораго невозможно передать переводомъ, а потому отсылаемъ любопытныхъ къ подлиннику.



Къ гл. III.

III.

О томъ, какъ Гаргантюа одиннадцать мѣсяцевъ пребывалъ во чревѣ матери.

Грангузье былъ въ свое время весельчакъ и не дуракъ выпить, и охотно ѣлъ соленое. Поэтому у него всегда былъ добрый запахъ майнцкихъ и байонскихъ окороковъ, великое множество копченыхъ языковъ, изобиліе колбасъ, смотря по времени года, и солонины съ горчицей. Подкрѣпленіемъ служила икра, сосиски, которыя онъ, однако, выписывалъ не изъ Болоньи (потому что боялся ломбардскихъ li bouconi [1]), но изъ Бигорра, Лонгоннэ, Брена и Руарга. Достигши зрѣлости, онъ женился на Гарга́мель, дочери короля Парпальоновъ, красивой и здоровенной дѣвкѣ. Оба охотно цѣловались и обнимались до тѣхъ поръ, пока она не забеременѣла славнымъ сыномъ и носила она его одиннадцать мѣсяцевъ.

---

[1] Ядъ.

Такъ какъ столько и долѣе могутъ носить женщины, въ особенности когда это какой-нибудь шедевръ и особа, долженствующая въ свое время совершить великіе подвиги. Какъ говоритъ Гомеръ, ребенокъ, которымъ забеременѣла нимфа (отъ Нептуна), родился ровно годъ спустя, т. е. на двѣнадцатомъ мѣсяцѣ. Такъ какъ (по словамъ Авлія Гелліуса, lib. III) такое долгое время приличествовало величію Нептуна, дабы ребенокъ успѣлъ развиться въ совершенствѣ. По той же причинѣ Юпитеръ продлилъ на 48 часовъ ночь, проведенную имъ съ Алкменой. Потому что въ болѣе короткое время онъ бы не могъ выковать Геркулеса, который очистилъ вселенную отъ чудовищъ и тирановъ.

Господа древніе пантагрюэлисты подтвердили то, что я говорю, и объявили не только возможнымъ, но и законнымъ ребенка, родившагося у женщины на одиннадцатомъ мѣсяцѣ по смерти ея мужа.

Гиппократъ, lib. De Alimento.

Плиній, lib. VII, cap. V.

Плавтъ, In Cistellaria.

Маркусъ Варро въ сатирѣ, озаглавленной: Завѣщаніе, и ссылавшійся въ этомъ случаѣ на авторитетъ Аристотеля.

Ценсоринусъ, lib. De Die natali.

Аристот. lib. VII, cap. III и IV, De Natura animalium.

Геллій, lib. III, cap. XVI.

Сервій, in Ecl. IV, приводя этотъ стихъ Виргилія:

Matri longa decem...

И тысяча другихъ глупцовъ, число которыхъ еще умножилось законовѣдами. ff. De suis et legit. l. intestato, § fin.

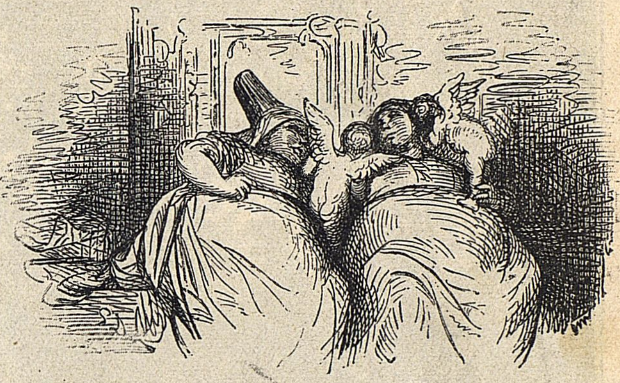
И in Authent. de restitut. et ea quae parit in undecimo mense.

Многіе нацарапали это въ своихъ каверзныхъ законахъ: Галлъ, ff. De lib. et Posth. и l. septimo ff. De Stat. homin. и нѣкоторые другіе, которыхъ пока не смѣю назвать.

Благодаря этимъ законамъ, женщины-вдовы могутъ гулять цѣлыхъ два мѣсяца по смерти своихъ мужей. Прошу покорно васъ, мои добрые товарищи, если встрѣтите такихъ, что стоютъ вниманія, займитесь ими и приведите ихъ ко мнѣ. Потому что если онѣ забеременѣютъ на третьемъ мѣсяцѣ, то ребенокъ ихъ будетъ наслѣдникомъ покойныхъ мужей. А разъ дѣло сдѣлано, смѣло пользуйтесь этимъ, и будь, что будетъ, потому что чрево уже съ плодомъ.

Вѣдь Юлія, дочь императора Октавіана только тогда отдавалась своимъ приспѣшникамъ, когда чувствовала себя беременной, подобно тому какъ судно принимаетъ кормчаго не прежде, какъ будетъ оконопачено и нагружено.

И если кто-нибудь упрекнетъ ихъ за то, что онѣ допускаютъ сближеніе съ мужчиной во время беременности, между тѣмъ какъ животныя не подпускаютъ къ себѣ самцовъ въ такое время, онѣ отвѣтятъ, что вѣдь то животныя, а онѣ женщины и умѣютъ цѣнить прекрасныя и веселыя привилегіи вторичнаго зачатія; или какъ нѣкогда, по словамъ Макробія (lib. II Saturnal.), отвѣтила Популія: если діаволъ не хочетъ, чтобы женщины забеременѣли, то слѣдуетъ преградить всѣ пути къ тому.

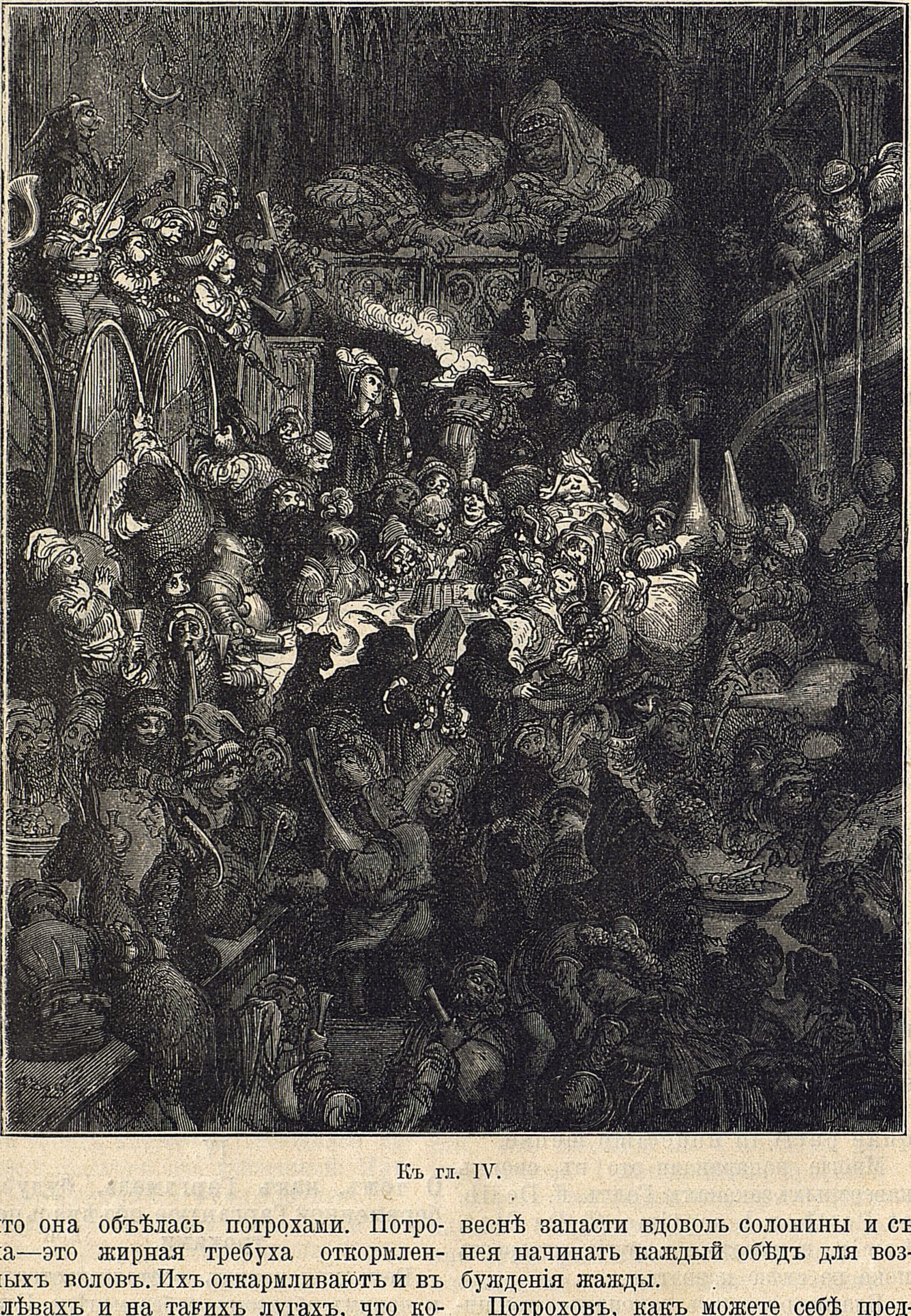


Къ гл. III.

IV.

О томъ, какъ Гаргамель, будучи беременной Гаргантюа, объѣлась потрохами.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ забеременѣла Гаргамель. И если вы мнѣ не повѣрите, это будетъ равносильно изверженію истины. Изверженіе же приключилось и съ Гаргамель послѣ обѣда въ третій день февраля мѣсяца отъ того, что она объѣлась потрохами. Потроха—это жирная требуха откормленныхъ воловъ. Ихъ откармливаютъ и въ хлѣвахъ и на такихъ лугахъ, что косятся два раза въ годъ. Такихъ откормленныхъ воловъ убили триста шестьдесятъ семь тысячъ четырнадцать штукъ, намѣреваясь посолить во вторникъ на масляницѣ, чтобы къ веснѣ запасти вдоволь солонины и съ нея начинать каждый обѣдъ для возбужденія жажды.



Къ гл. IV.

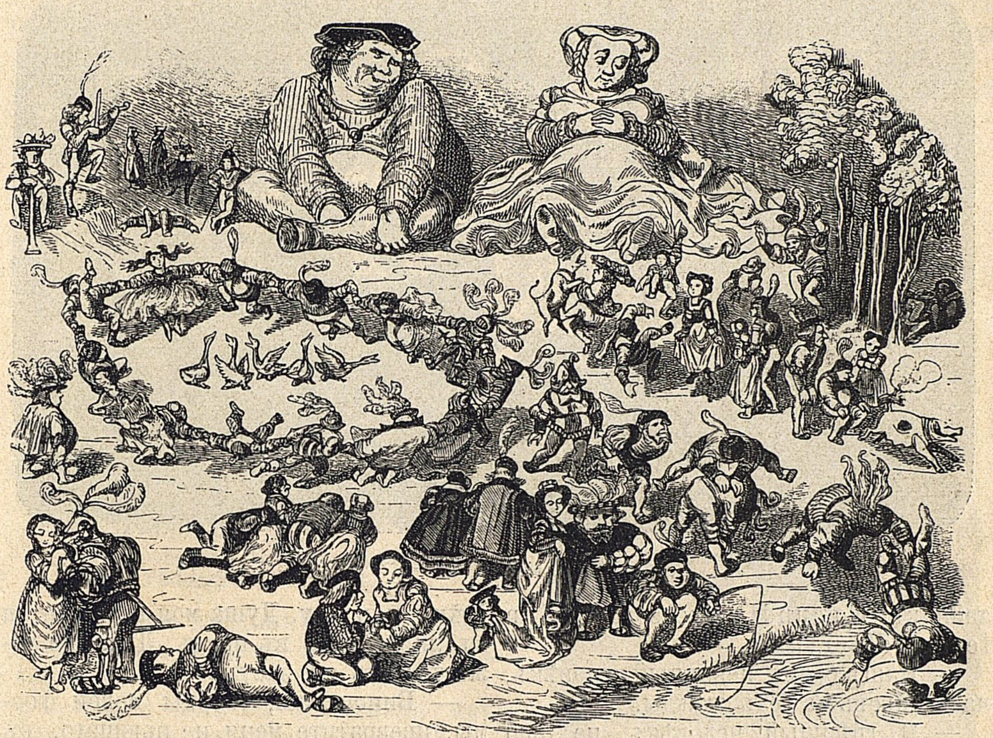
Потроховъ, какъ можете себѣ представить, оказалось въ изобиліи, и они были такъ вкусны, что всѣ себѣ пальчики облизывали. Но черта съ два! Гдѣ же было долго сберечь такую уйму потроховъ: они бы непремѣнно протухли, а это было бы неприлично. И вотъ рѣшено было сожрать ихъ безъ промедленія. Съ этою цѣлью пригласили всѣхъ гражданъ Сенэ, Сюилэ, Ла-Рошъ-Клермо, Вогодрэ, не обойдя и гражданъ Кудрэ, Монпансье, Ле-Ге-де-Ведъ и другихъ сосѣдей: всѣ они были здоровые пьяницы, веселые ребята и славные игроки въ кегли, такъ-то!

Послѣ обѣда всѣ отправились безпорядочной толпой въ рощу: и тамъ на густой муравѣ плясали подъ звуки веселыхъ свирѣлей и нѣжныхъ волынокъ, да такъ радостно, что небеснымъ развлеченіемъ было глядѣть на ихъ веселье.

V.

Пьяная бесѣда.

Потомъ принялись полдничать въ укромномъ мѣстѣ. Бутылки заходили кру́гомъ, окорока забѣгали, стаканы запрыгали, кубки зазвенѣли.



Къ гл. IV.

Добрякъ Грангузье былъ очень доволенъ и приказывалъ, чтобы ничего не жалѣли. Своей женѣ, однако, онъ совѣтовалъ поменьше ѣсть, такъ какъ ей приходилось скоро родить, а требуха не легко переваривается.

— Ужъ, должно быть, большая охота приспѣла жевать нечистоты тому, кто ѣстъ отъ нихъ мѣшки,—говорилъ онъ.

Несмотря на эти увѣщанія, она съѣла шестнадцать бочекъ, два ведра, и шесть горшковъ. То-то расперло ей кишки.

— Раскупоривай! наливай! поворачивайся! взболтай!

— Налей мнѣ вина, не разбавляя водой; вотъ такъ, другъ! Доливай стаканъ до самыхъ краевъ.

— Налей мнѣ краснаго вина, да пусть оно бѣжитъ черезъ край.

— Наконецъ-то мы утолимъ жажду.

— Эхъ ты, подлая лихорадка, проваливай!

— Ей, ей, кума, я еще не вошелъ во вкусъ.

— Чего ты пріуныла, голубушка?

— Вотъ именно.

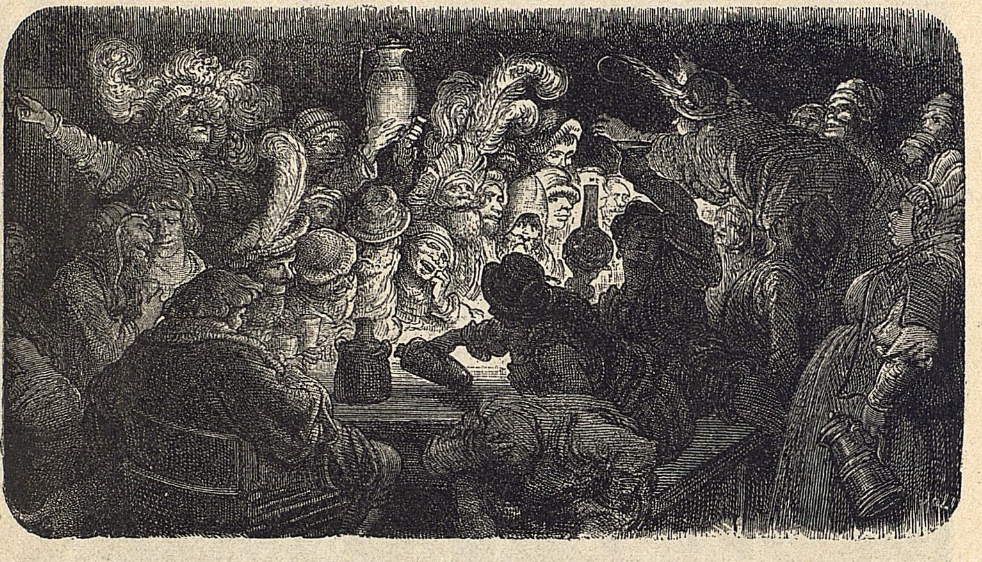
— Чертъ побери, давай пить. Я пью только въ свое время, какъ мулъ папы.

— Я пью только изъ требника[1], какъ добрый монахъ.

— Что прежде родилось: жажда или пьянство?

— Жажда. Кто бы сталъ пить безъ жажды, когда люди были невинны?

— Пьянство. Потому что: privatio præsupponit habitum. Я вѣдь кутейникъ! Fœcundi calices quem non fecere disertum?



Къ гл. V.

— Нашъ братъ, невинный человѣкъ, часто пьетъ и безъ жажды.

— Я, грѣшный человѣкъ, не пью безъ жажды, которую чувствую или, по крайней мѣрѣ, предчувствую, чтобъ предупредить ее, понимаете. Пью, чтобъ не пришлось мучиться отъ жажды.

— Я пью вѣчно. Для меня вѣчность — пьянство, а пьянство — вѣчность. Будемъ пѣть и пить. Затянемъ круговую.

— Затянемъ мотетъ.

— Гдѣ моя лейка[2]? Это еще что? За меня по довѣренности другіе пьютъ!

— Вы смачиваете горло, чтобы въ немъ перестало першить? Или у васъ только и першитъ для того, чтобы его промочить?

— Я ничего не смыслю въ теоріи, а практика меня иногда выручаетъ.

— Наливай поскорѣе! Я промачиваю горло, потягиваю изъ рюмочки, и все изъ-за страха смерти.

— Пейте всегда, никогда не помрете.

— Если я не буду пить, то засохну и помру. Душа моя переселится къ лягушкамъ въ прудъ. Душа не можетъ жить въ засухѣ[1].

— Виночерпіи, творцы новой формы, превратите меня, не пьющаго, въ пьющаго. Вѣчная поливка требуется для корявыхъ и сухихъ кишекъ.

— Тщетно пьетъ тотъ, кто не чувствуетъ удовольствія. Тому все вино переходитъ въ кровь, а пузырю ничего не достается.

— Я охотно обмою потроха теленка, котораго я сегодня утромъ потрошилъ. Я порядкомъ набилъ желудокъ.

— Если бы бумага на моихъ векселяхъ такъ же пропиталась виномъ, какъ я, то мои кредиторы получили бы обратно свое вино, если бы выжали ихъ.

---

[1] Бутылка въ формѣ требника, изобрѣтенная монахами.

[2] Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи entonner — запѣвать и entonnoir — воронка, лейка.

---

[1] Св. Августинъ: Anima certe, quia spiritus est, in sicco habitare non potest.

— О сколько еще вина войдетъ въ меня, прежде чѣмъ сколько-нибудь изъ меня выйдетъ?

— Пить такими глоточками! Да это вредно для груди. Это называется пить флакончиками.

— Какая разница между бутылкой и флакономъ?

— Большая: бутылка закупоривается пробкой, а флаконъ завинчивается.

— Что за вздоръ! Отцы наши пивали хорошо и изъ горшковъ.

— Полно врать, будемъ пить.

— Вамъ нечего выпустить въ рѣку? Вотъ идетъ промывать потроха.

— Я пью точно губка.

— Я пью, какъ храмовникъ [1]).

— А я tanquam sponsus [2]).

— А я sicut terra sine aqua.

— Синонимъ ветчины?

— Это — жеребенокъ [3]). По «жеребенку» спускаютъ вино въ погребъ, а по ветчинѣ его спускаютъ въ желудокъ.

— Эй, давай вина. Respice personam, pone pro duo: bus non est in usu.

— Если бы я такъ же хорошо леталъ, какъ глотаю, я бы высоко поднялся въ воздухѣ.

Ainsi se feist Jacques Cueur riche.
Ainsi profitent boys en friche.
Ainsi conquesta Bacchus l'Inde.
Ainsi Philosophie, Melinde [4]).

— Пойдетъ дождикъ — вѣтеръ стихнетъ. Много будешь пить, лопнетъ брюхо.

— Ну, а если бы я пускалъ изъ себя вино, стали бы вы его пить?

— Вамъ предоставляю.

— Пажъ, давай; я заявляю о своемъ правѣ, потому что наступила моя очередь.

— Понюхай, другъ, есть ли еще что на днѣ?

— Я подаю на апелляцію, какъ жаждущій. Пажъ, занеси мою апелляцію въ протоколъ.

— Какіе подонки! Я пью до дна.

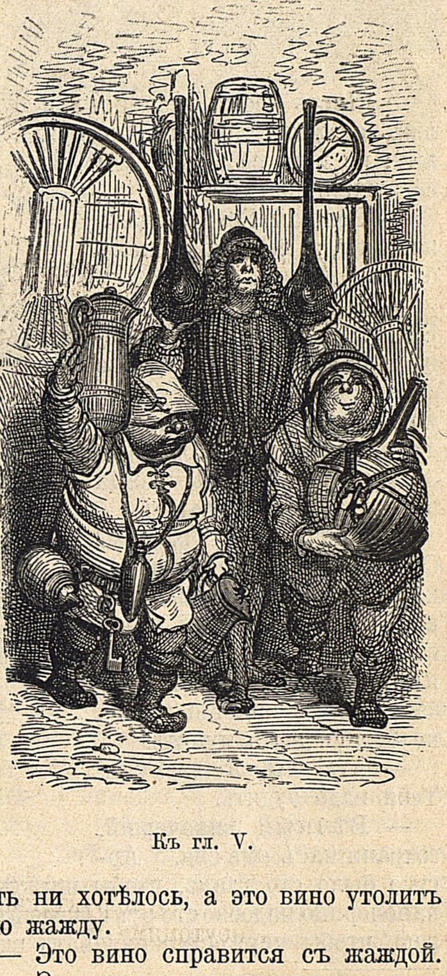
— Не спѣшите и подбирайте остатки.

— Вотъ еще потроха, требуха на закуску, отъ быка съ черной отмѣтиной.

— О, ради Бога, докончимъ его во славу хозяина.

— Пейте, или я васъ... Нѣтъ, нѣтъ, пейте, прошу васъ. Воробьи ѣдятъ только тогда, когда ихъ похлопаешь подъ хвостикъ Я пью только тогда, когда меня вѣжливо просятъ.

— Lagona edatera [1]). Какъ бы мнѣ пить ни хотѣлось, а это вино утолитъ мою жажду.



Къ гл. V.

— Это вино справится съ жаждой.

— Это вино напоитъ всякаго.

---

[1]) Храмовникъ — рыцарь, иначе — тампліеръ.

[2]) Sponsus — женихъ, éponge — губка; выходитъ игра словъ на основаніи созвучія латинскаго слова съ французскимъ.

[3]) Poulain — жеребенокъ, фигуральное названіе доски, по которой спускаютъ бочки въ погребъ.

[4]) Такъ разбогатѣлъ Жакъ Кёръ (богатый финансистъ временъ Карла VII).
Такъ растетъ лѣсъ лучше на взрытой землѣ.
Такъ Бахусъ завоевалъ Индію.
А Мелиндъ — философію.

[1]) Другъ, вина! (на нарѣчіи басковъ).

Къ гл. VI.

— Пусть звонъ флаконовъ и бутылокъ скажетъ тому, кто потерялъ жажду: не ищи ее здѣсь. Мы ее залили виномъ!

— Великій Богъ создалъ планеты, а мы облизываемъ блюда [1]).

— Возвѣщаю вамъ слово Божіе: Sitio. Камень, именуемый ἄβεστος [2]) не труднѣе залить, чѣмъ жажду сына моего отца. Аппетитъ приходитъ, когда ѣдятъ, говорилъ Анжестъ-онъ-Мансъ, жажда проходитъ, когда пьютъ.

— Лѣкарство отъ жажды? Оно какъ разъ обратное лѣкарству отъ укушенія собаки; бѣгите за собакой, никогда она васъ не укуситъ; пейте прежде, чѣмъ пить захочется, и никогда жажда не будетъ васъ мучить.

— Ага! Ты уже заснулъ! Тебя надо будить.

— Вѣчный виночерпій, сохрани насъ отъ сна. У Аргуса было сто глазъ, чтобы видѣть, а виночерпію надобно сто рукъ, какъ Бріарею, чтобы неутомимо наливать вино.

— Промочимъ горло; скоро высохнетъ.

— Бѣлаго вина! наливай полнѣй! наливай, чортъ тебя возьми! наливай до краевъ; языкъ у меня пересохъ.

— Товарищъ, выпьемъ! за твое здоровье, товарищъ!

— Ну, ну, ну, выпилъ.

— O lacryma Christi! Это вино — изъ Девиньера, это — славное красное вино.

— О, какое чудное бѣлое вино! А вѣдь, ей-Богу, это мѣстное винцо.

— Да, да, но вкусное и забористое.

— Товарищъ, смѣлѣе. На этой игрѣ не разоримся, потому что я взялъ лёве.

— Ex hoc in hoc. Безъ обмана: всѣ видѣли,

— Я знатокъ своего дѣла. A brum, à brum, я патеръ Масэ [1]).

— Охъ, вы, жалкіе пьяницы! Пажъ, другъ мой, налей мнѣ вина, прошу тебя. По-кардинальски. Natura abhorret vacuum.

Къ гл. VI.

— Вѣдь, подумаешь, муха пила.

— Какъ въ Бретани, допивайте это вино все до капли.

— Не бойтесь, это травы.

---

[1] Здѣсь непереводимая игра словъ:
— Le grand Dieu feit les planettes, et nous faisons les plats nets.

[2] Горный ленъ.

[1] Игра словъ на имя Масэ, хроникера Франциска I.

VI.

О томъ, какимъ диковиннымъ образомъ родился Гаргантюа.

Пока они вели эту пьяную бесѣду, у Гаргамель заболѣлъ животъ, и Грангузье, вставъ съ травы, ласково утѣшалъ ее, думая, что у нея начинаются родовыя боли. Онъ говорилъ ей, что на травѣ въ рощѣ сыро, но что скоро она поправится, что ей слѣдуетъ вооружиться мужествомъ въ ожиданіи ребеночка, хотя бы ей пришлось немножко и потерпѣть, но что боль скоро пройдетъ, а радость, которая затѣмъ наступитъ, заставитъ ее совсѣмъ забыть о боли.

— Вотъ тебѣ доказательство, — говорилъ онъ:—Спаситель сказалъ въ Евангеліи (Іоанна, XX): «Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости».

— Ахъ!— сказала она,—вы хорошо говорите, и мнѣ пріятнѣе слышать эти евангельскія слова и отъ нихъ мнѣ гораздо легче, нежели когда читаютъ жизнь св. Маргариты и другое подобное ханжество [1]).

— Не бойся,—говорилъ онъ,—и скорѣе рожай этого ребенка, затѣмъ мы и другого сдѣлаемъ.

— Ахъ!—отвѣчала она,—вамъ, мужчинамъ, легко говорить; но съ Божіей помощью я постараюсь вамъ угодить. Но далъ бы Богъ, чтобы этого больше не повторялось.

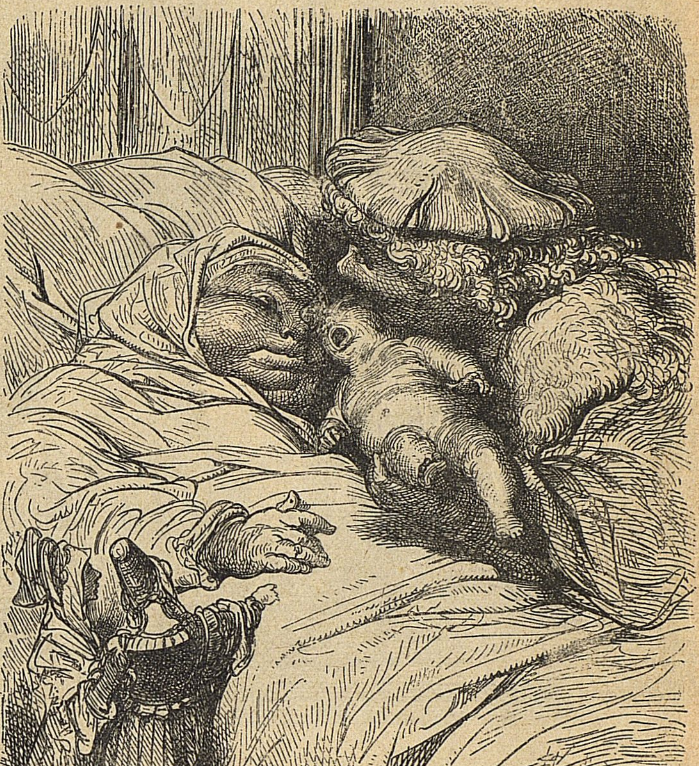
— Чего?—сказалъ Грангузье.

— Ну,—отвѣтила она,—не прикидывайтесь дурачкомъ! Вы меня понимаете.

— Ахъ, вотъ что!—сказалъ онъ. Коли такъ, вели принести ножъ.

— Ахъ!—отвѣтила она,—Боже упаси. Богъ меня проститъ, я сказала это не отъ чистаго сердца, и не обращайте вниманія на мои слова. Но мнѣ сегодня тяжко придется, если Богъ мнѣ не поможетъ, и все по вашей милости и ради вашего удовольствія.

— Смѣлѣе, смѣлѣе,—говорилъ онъ. Не тревожься заранѣе и положись на переднихъ четырехъ воловъ [1]). Я пойду, выпью еще нѣсколько стакановъ.



Къ гл. VI.

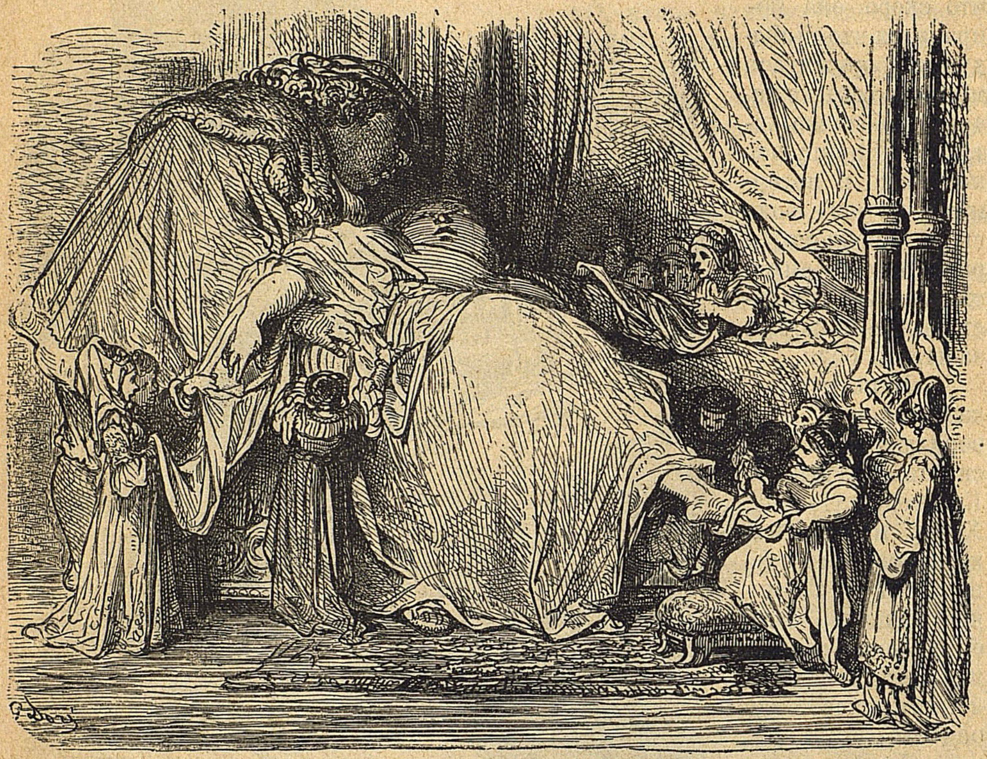
---

[1]) Женщинамъ во время родовъ читали жизнеописаніе св. Маргариты.

[1]) Поговорка въ Пуату во время пахоты.

Если же бы тебѣ стало худо, я буду близко, крикни мнѣ, и я прибѣгу.

Вскорѣ послѣ того она принялась вздыхать, жаловаться и кричать. Тутъ набѣжали со всѣхъ сторонъ бабы-повитухи. И, ощупывая ее, нашли какія-то обрывки кожи, очень дурного запаха, и думали, что это ребенокъ, но оказалось, что у нея поносъ, оттого, что она объѣлась потрохами, какъ выше сказано.



Къ гл. VI.

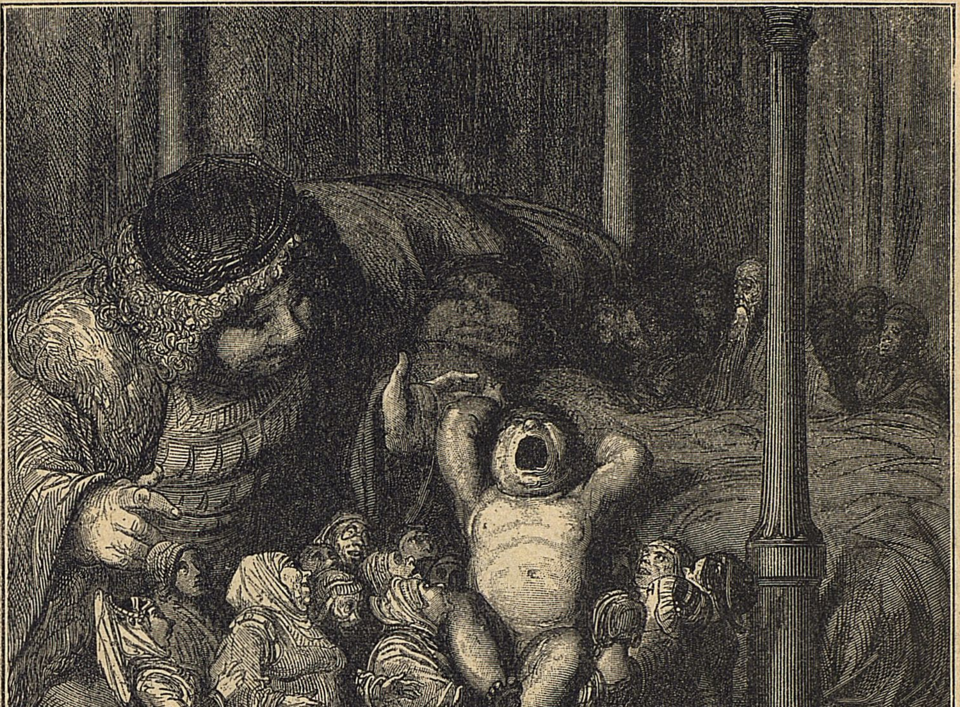
Тогда одна грязная старуха изъ числа прибѣжавшихъ, славившаяся какъ хорошая лѣкарка и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ прибывшая изъ Бризпайль около Сенъ-Жну (рис. стр. 14), дала ей вяжущее средство, такое жестокое, что у нея стянуло всѣ кишки и ихъ—страшно подумать!—зубами не растянуть бы.

Благодаря этому несчастному обстоятельству, матка разслабла, ребенокъ въ ней встряхнулся и проникъ въ полую вену и, карабкаясь по діафрагмѣ до самыхъ плечъ (гдѣ вышеназванная вена раздвояется), повернулъ налѣво и вышелъ изъ лѣваго уха. И тотчасъ какъ родился, онъ не закричалъ, какъ другія дѣти: уа! уа! Но громкимъ голосомъ возопилъ: «Пить! пить! пить!»—точно всѣхъ приглашалъ выпить, и его услышали и въ Бёсъ[1]) и въ Бибарэ[2]). Догадываюсь, что вы не вѣрите такому диковинному рожденію. Если не вѣрите—мнѣ горя мало, но порядочный и разсудительный человѣкъ всегда вѣритъ тому, что ему говорятъ, и тому, что написано. Развѣ не сказалъ Соломонъ (Proverbiorum XIV): Innocens credit omni verbo, etc., а св. Павелъ (Prim. Corinth. XIII): Charitas omnia credit? Почему бы и вамъ не повѣрить? Потому что невѣроятно, скажете вы. Говорю вамъ, что по тому самому вы должны вѣрить безусловно. Вѣдь ученые Сорбонны говорятъ, что вѣра есть невидимыхъ вещей обличеніе.

---

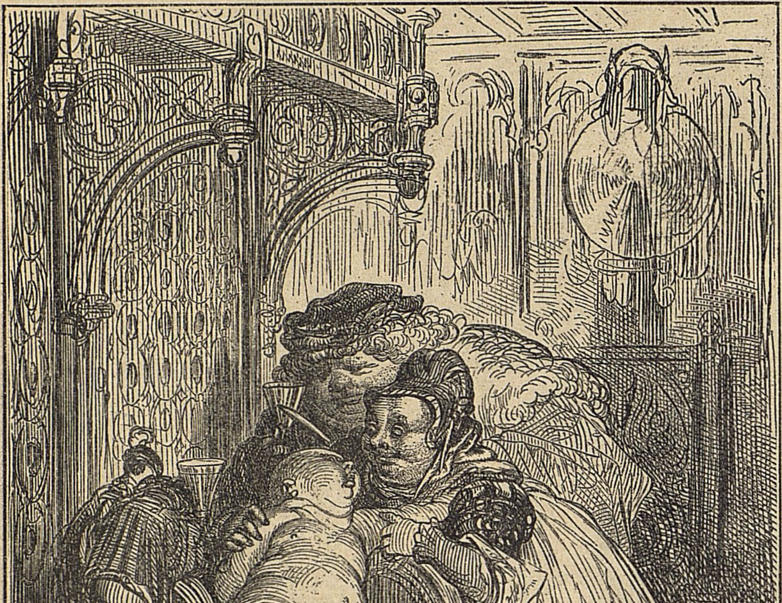
[1]) Мѣстечко и рѣка въ Лудюнуа.

[2]) По мнѣнію комментаторовъ, это—Виварэ, и, придавая эту форму слову Виварэ, Раблэ имѣлъ намѣреніе сблизить его со словомъ bibere и объединить съ страной пьяницъ.



Къ гл. VII.

Развѣ это противно нашему закону, нашей вѣрѣ, нашему разуму, или Св. Писанію? Со своей стороны, я не вижу ничего въ Св. Писаніи, что бы этому противорѣчило. И если Богу было бы такъ угодно, скажете ли вы, что онъ не могъ этого сдѣлать? Ахъ! умоляю васъ, не затрудняйте своей головы такими вздорными мыслями. Говорю вамъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. И если бы онъ захотѣлъ, женщины рожали бы дѣтей черезъ ухо. Развѣ Бахусъ не родился изъ ляжки Юпитера? Развѣ Роктальядъ[1] не родился изъ пятки матери? Крокмушъ — изъ туфли кормилицы? Минерва не вышла ли изъ головы Юпитера черезъ ухо? Адонисъ изъ коры благовоннаго дерева? Касторъ и Полуксъ изъ яйца, снесеннаго и высиженнаго Ледой? Но вы были бы еще болѣе удивлены и озадачены, если бы я вамъ пересказалъ всю главу изъ Плинія, въ которой онъ говоритъ о диковинныхъ, неестественныхъ рожденіяхъ. А вѣдь я далеко не такой самоувѣренный враль, какимъ былъ онъ. Прочитайте седьмую главу его «Естественной Исторіи» и оставьте меня въ покоѣ.



Къ гл. VII.

VII.

О томъ, какъ произошло имя Гаргантюа и какъ онъ тянулъ вино.

Добрякъ Грангузье пилъ и гулялъ съ товарищами и въ это время услышалъ страшный крикъ, который испустилъ его сынъ, появляясь на свѣтъ Божій. Ребенокъ оралъ: «Пить! пить! пить!» Грангузье сказалъ: «Que grand tu as!»[1]).

Присутствующіе, услышавъ это, сказали, что поистинѣ его слѣдуетъ назвать Гаргантюа, потому что таково было первое слово его отца при рожденіи сына, въ подражаніе и по примѣру древнихъ евреевъ, на что отецъ согласился, и матери понравилось. И, чтобы успокоить ребенка, ему дали пить вина, сколько влѣзетъ, а затѣмъ понесли крестить и окрестили, какъ это дѣлается у добрыхъ христіанъ.

---

[1]) Лицо изъ дѣтской сказки.

[1]) Какая у тебя **здоровая** (подразумѣвается: глотка)!

Послѣ того ему выписали изъ Потилье и Бремона [1]) семнадцать тысячъ девятьсотъ пятнадцать коровъ, чтобы кормить его, такъ какъ невозможно было въ цѣломъ краѣ найти кормилицы, которая годилась бы для этого дѣла, принимая во вниманіе огромное количество молока, какое ему требовалось, хотя нѣкоторые доктора-скотисты [2]) утверждали, что мать кормила его грудью и что она могла заразъ добыть изъ грудей тысячу четыреста двѣ бочки девять горшковъ молока. Но это невѣроятно. И такое утвержденіе признано было непристойнымъ, оскорбительнымъ для ушей добрыхъ людей и за версту отдающимъ ересью.

Въ такомъ состояніи провелъ ребенокъ годъ и десять мѣсяцевъ, послѣ чего, по совѣту медиковъ, его начали выносить изъ дому, и заказана была красивая телѣжка, запрягавшаяся волами, изобрѣтенная Жаномъ Деніо [3]). Въ этой телѣжкѣ его весело катали, и пріятно было глядѣть на него, потому что у него была славная рожа и чуть не десять подбородковъ, и онъ почти никогда не кричалъ, но безпрестанно марался, потому что у него были необыкновенно вялыя кишки, частью отъ натуральной комплексіи, частью отъ случайнаго расположенія къ слишкомъ обильному потребленію осенняго сока (вина). Онъ зря не пилъ ни капли. Случалось ли ему сердиться, досадовать, гнѣваться или огорчаться, топалъ ли онъ ногами, плакалъ, или кричалъ,—ему приносили вина и давали выпить, и тотчасъ же онъ становился смирнымъ и веселымъ. Одна изъ его гувернантокъ говорила мнѣ, и божилась при этомъ, что при первомъ звукѣ кружекъ и флаконовъ онъ приходилъ въ восторгъ, точно испытывалъ райскія наслажденія. Такъ что онѣ, считая такую наклонность божественной, стучали передъ нимъ поутру, чтобы его развеселить, ножами по стаканамъ, или пробками по флаконамъ, или же крышками по кружкамъ. И при этомъ звукѣ онъ радовался, дрожалъ и самъ вставалъ, качая головой, наигрывая пальцами, точно на лютнѣ.

VIII.

О томъ, какъ одѣли Гаргантюа.

Когда онъ подросъ, отецъ приказалъ, чтобы ему сшили платье подъ цвѣтъ его ливреи, которая была бѣлая съ голубымъ. За это принялись, и скроили и сшили ему платье по модѣ, какая тогда была. Клянусь реэстрами казначейства въ Монсоро, его одѣли такъ, какъ ниже слѣдуетъ.

Чтобы сшить ему рубашку, взяли девятьсотъ аршинъ полотна Шательро и двѣсти аршинъ для ластовицъ, то-есть тѣхъ квадратиковъ, которые кладутся подъ мышки. Рубашка была безъ сборокъ, потому что сборки были изобрѣтены позднѣе, когда у бѣлошвеекъ сломались иголки и онѣ стали работать на иной ладъ. Для камзола взяли восемьсотъ тринадцать аршинъ бѣлаго атласа, а для шнурковъ употребили тысячу пятьсотъ девять съ половиной собачьихъ шкуръ. Въ то время появилась мода привязывать штаны къ камзолу, а не камзолъ къ штанамъ: потому что послѣднее противно природѣ, какъ это вполнѣ доказалъ Олькамъ по поводу «Exponibles» г-на Haultechaussade [1]).

На штаны взяли тысячу сто пять аршинъ съ третью бѣлаго стамета, и они были скроены въ формѣ колоннъ съ полосами и зубцами сзади, чтобы почки не разгорячались. Сквозь зубцы сквозило голубое дама̀ столько, сколько было нужно. И, замѣтьте, что у него были очень красивыя ноги и вполнѣ соразмѣрныя съ его ростомъ.

На клапанъ у штановъ взяли шестнадцать аршинъ такого же сукна и сдѣлали его въ формѣ подпорки, красиво скрѣпленной двумя золотыми пряжками, которыя захватывались двумя эмальированными крючками, и въ каждомъ изъ нихъ вправленъ былъ большой изумрудъ, величиной съ апельсинъ. Потому что (какъ говоритъ Орфей libro de lapidibus и Плиній libro ultimo) у этого камня есть свойство возбуждать и укрѣплять мужскую силу. Разрѣзъ клапана былъ длиною съ трость, той же кройки, какъ и штаны, и такъ же подбитъ голубымъ дама́. Но, глядя на красивое золотое шитье и прошивку, отдѣланную драгоцѣнными брильянтами, рубинами, бирюзой, изумрудами и жемчугомъ, вы бы сравнили ее съ великолѣпнымъ рогомъ изобилія,—какъ мы его видимъ на древнихъ изображеніяхъ и какой подарила Реа двумъ нимфамъ Адрастеѣ и Идѣ, кормилицамъ Юпитера, всегда галантный, сочный, свѣжій, — всегда зеленѣющій, всегда цвѣтущій, всегда плодоносный, полный соковъ, полный цвѣтовъ, плодовъ, полный всякихъ наслажденій. Божусь, что на него весело было глядѣть. Но я еще подробнѣе опишу вамъ это въ книгѣ, которую я написалъ: «О достоинствѣ клапана у штановъ». Въ одномъ только предупреждаю васъ, а именно: что если клапанъ былъ очень длиненъ и широкъ, то и внутри былъ хорошо снабженъ—и нисколько не походилъ на лицемѣрные клапаны толпы мышиныхъ жеребчиковъ, подбитыхъ вѣтромъ—къ вящшему интересу женскаго пола.

---

[1]) Деревни въ окрестностяхъ Шинона.

[2]) Доктора, послѣдователи Duns Scot'а.

[3]) Имя неизвѣстное.

[1]) Фантастическое сочиненіе и фантастическій авторъ, котораго будто бы, по словамъ Раблэ, комментировалъ Олькамъ, знаменитый англійскій богословъ XIV вѣка.

На башмаки ему взяли четыреста шесть аршинъ кармазиннаго бархата и скроили ихъ аккуратно параллельными полосами и пришили другъ къ дружкѣ въ видѣ однородныхъ цилиндровъ. На ихъ подошву употребили тысячу сто шкуръ коричневыхъ коровъ, скроенныхъ съ узкими носками.

На япанчу ему взяли тысячу восемьсотъ аршинъ голубого бархата, вышитаго по краямъ виноградными листьями, а по серединѣ серебряными штофиками, съ золотымъ переплетомъ, украшеннымъ жемчугомъ, указывая этимъ, что въ свое время онъ станетъ добрымъ пьяницей.

На кушакъ ему пошло триста съ половиной аршинъ шелковой саржи, на половину бѣлой, а на половину голубой, если только я не ошибаюсь жестоко.

Шпага его была не изъ Валенсіи, а кинжалъ не изъ Сарагоссы: потому что отецъ его чертовски ненавидѣлъ всѣхъ этихъ пьяныхъ омавританившихся гидальго, но онъ получилъ прекрасную деревянную шпагу и кинжалъ изъ вареной кожи, раскрашенные и позолоченные, какихъ всякій пожелалъ бы.

Кошелекъ его былъ сдѣланъ изъ слоновой кожи, которую ему подарилъ Праконталь, проконсулъ Ливіи.

Для его верхняго платья взяли девять тысячъ шестьсотъ аршинъ безъ двухъ третей голубого бархата, затканнаго по діагонали золотомъ; отъ этого при извѣстной перспективѣ получался необыкновенный цвѣтъ, подобный тому, что мы видимъ на шейкахъ горлицъ, и чрезвычайно пріятный для глазъ зрителей.

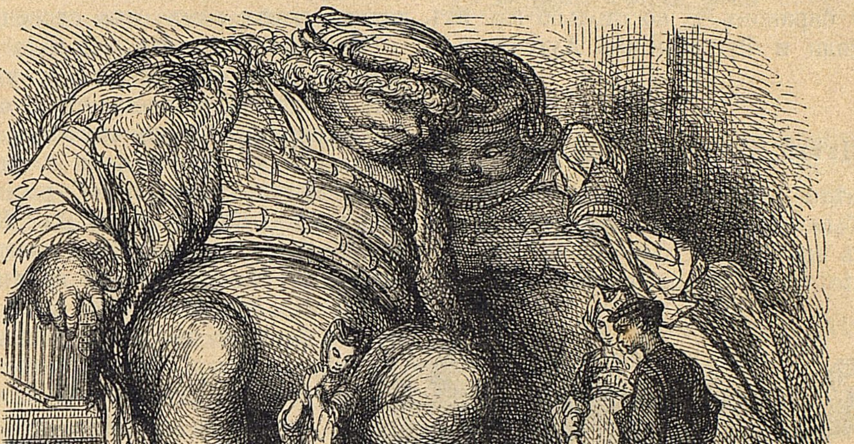
Для его шапки взяли триста два аршина съ четвертью бѣлаго бархата, а форму придали ей широкую и круглую по размѣру его головы: отецъ его говорилъ, что мавританскія шапки, сшитыя на подобіе корки отъ пирога, когда-нибудь принесутъ несчастье бритымъ головамъ, которыя ихъ носятъ. Въ шапку воткнуто было большое, красивое, голубое перо пеликана изъ дикой Гирканіи и мило свѣшивалось на правое ухо. На груди у него висѣлъ золотой образъ вѣсомъ въ шестьдесятъ восемь марокъ, съ изображеніемъ человѣческой фигуры съ двумя головами, обращенными другъ къ другу, четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задами; такою, какъ увѣряетъ Платонъ in Symposio, была будто бы человѣческая природа при своемъ мистическомъ началѣ. Кругомъ образа шла надпись іоническими буквами: Ἡ ἀγάπη οὐ ζήτεῖ τὰ ἑαυτῆς 1).

Вокругъ шеи надѣта была золотая цѣпь вѣсомъ въ двадцать пять тысячъ шестьдесятъ три золотыхъ мар-

---

1) Св. Павелъ, I посл. къ Коринѳянамъ, XIII, 5: Любовь не ищетъ своего.

ки, сработанная въ формѣ крупныхъ ягодъ, между которыми вставлены были большіе драконы, вырѣзанные на большихъ кускахъ зеленой яшмы и окруженные сіяніемъ, какъ ихъ носилъ нѣкогда царь Несепсъ [1]. Цѣпь спускалась до самаго пупка, что ему было полезно во всю его жизнь, какъ это хорошо извѣстно греческимъ врачамъ.



Къ гл. VIII.

На его перчатки пошло шестнадцать кожъ, спущенныхъ съ домовыхъ, да три кожи оборотней на опушку. И изъ этого матеріала онѣ были приготовлены по предписанію чернокнижниковъ Сенлуанда [2].

Что касается перстней, которые отецъ его хотѣлъ, чтобы онъ носилъ, ради воскрешенія древняго признака благородства, то на указательномъ пальцѣ лѣвой руки у него красовался карбункулъ, величиной съ страусовое яйцо, красиво отдѣланный въ серафское [1] золото. На среднемъ пальцѣ той же руки надѣтъ былъ перстень, составленный изъ четырехъ металловъ, такъ чудесно сплавленныхъ, какъ еще не видано было, причемъ сталь нисколько не мѣшала золоту, а серебро — мѣди. Все это было работой капитана Шапюи, а Алькофрибасъ [2] былъ его факторомъ. На среднемъ пальцѣ правой руки надѣтъ былъ перстень въ формѣ спирали, и въ немъ вправлены были великолѣпный рубинъ, остроконечный брильянтъ и изумрудъ изъ Физона[1]), не имѣвшій цѣны. Потому что Гансъ Карвель, великій гранильщикъ короля Мелинды, оцѣнивалъ ихъ въ шестьдесятъ девять милліоновъ восемьсотъ девяносто четыре тысячи и восемнадцать барановъ[2]); во столько же ихъ оцѣнили и Фуггеры изъ Аугсбурга[3]).

---

[1] Египетскій царь, астрономъ.

[2] Въ Турской епархіи.

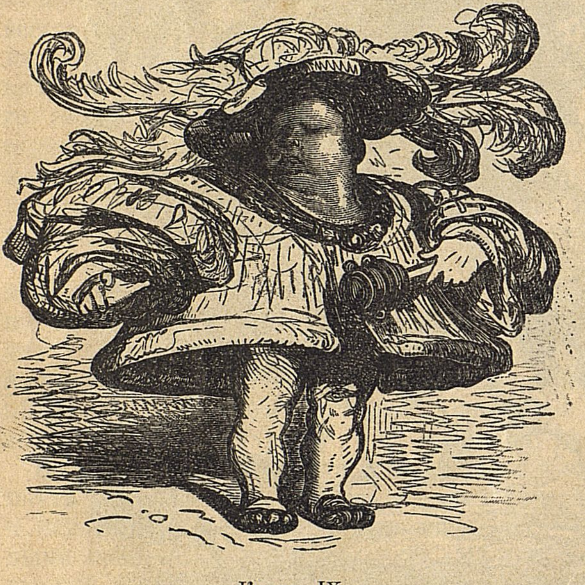
[1] Египетская монета.

[2] Капитанъ Шапюи и Алькофрибасъ, по мнѣнію комментаторовъ, обозначаютъ самого Раблэ и Клода Шапюи, находившагося, какъ и Раблэ, въ свитѣ кардинала дю-Беллэ.

IX.

Цвѣта и ливреи Гаргантюа.

Цвѣта Гаргантюа были бѣлый съ голубымъ, какъ выше сказано. И этимъ отецъ его хотѣлъ дать знать, что рожденіе сына было для него небесной радостью. Потому что бѣлое означало радость, веселіе, утѣхи и забавы, а голубое — небесныя вещи. Я хорошо понимаю, что, читая эти слова, вы смѣетесь надъ старымъ пьяницей и отвергаете его толкованіе цвѣтовъ, какъ невѣрное и нелѣпое, утверждая, что бѣлый цвѣтъ обозначаетъ вѣру, а голубой—твердость. Но, не волнуясь, не гнѣваясь, не раздражаясь, не досадуя (потому что времена теперь опасныя), отвѣчайте мнѣ, прошу васъ. Никакого принужденія относительно васъ или кого другого я не замышляю. Просто только скажу вамъ одно словечко.



Къ гл. IX.

Что васъ задѣваетъ? что васъ оскорбляетъ? кто сказалъ вамъ, что бѣлый цвѣтъ обозначаетъ вѣру, а голубой—твердость? Мало читаемая книга, продаваемая разносчиками и книгоношами и озаглавленная «Геральдика цвѣтовъ». Кто ее написалъ? Кто бы онъ ни былъ, онъ доказалъ свою осторожность тѣмъ, что не подписался. Но, впрочемъ, я не знаю, чему больше въ немъ удивляться: его нахальству или его глупости. Нахальству, съ которымъ онъ, безъ всякой разумной причины и помимо всякаго вѣроятія, осмѣливается предписывать по личному усмотрѣнію, что̀ должны обозначать собою цвѣта. Такой обычай у тирановъ, которые ставятъ свой произволъ на мѣсто разума, а не у мудрецовъ и ученыхъ людей, которые удовлетворяютъ читателей убѣдительными доводами.

Глупости, благодаря которой онъ вообразилъ, что, помимо всякихъ другихъ доказательствъ и убѣдительныхъ аргументовъ, міръ станетъ руководствоваться для своихъ девизовъ его вздорными измышленіями. И, дѣйствительно (по пословицѣ: дуракъ дураку и потакаетъ), онъ нашелъ нѣсколькихъ глупцовъ, которые повѣрили его писаніямъ. И, сообразуясь съ ними, сложили свои прибаутки и поговорки, осѣдлали своихъ муловъ, нарядили своихъ пажей, скроили свои штаны, вышили свои перчатки, обшили бахромой свои постели, расписали свои вывѣски, сложили пѣсенки и (что хуже всего) обманули и неблагородно и исподтишка надругались надъ цѣломудренными матронами. Въ такія же потемки угодили и придворные хвастуны и толмачи, которые въ своихъ девизахъ «надежду» обозначаютъ «глобусомъ», «огорченіе»—перьями птицъ, «меланхолію» — растеніемъ голубкѝ, «благосостояніе» — «двурогой луной», «банкротство»—«сломанной скамьей», «кровать безъ балдахина» обозначаетъ у нихъ «лиценціата» [1]. Всѣ эти омонимы такъ плоски, такъ грубы и пошлы, что слѣдовало бы пришить къ воротнику лисій хвостъ и надѣть маску изъ коровьяго помёта всякому, кто еще прибѣгаетъ къ нимъ во Франціи, послѣ возрожденія литературы.

---

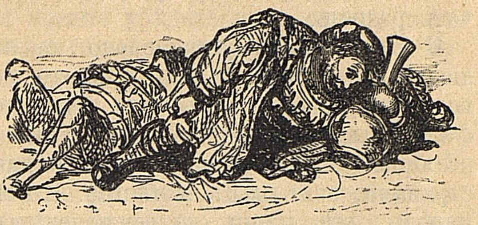
[1]) Рѣка въ Азіи.

[2]) Золотая монета при Людовикѣ Святомъ, съ изображеніемъ агнца и надписью: Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Раблэ шутя говоритъ: moutons à la grand laine, длиннорунные бараны.

[3]) Знаменитые банкиры въ Аугсбургѣ.

По тѣмъ же самымъ причинамъ (если только можно называть ихъ причинами, а не бреднями) долженъ ли я велѣть изобразить корзинку, чтобы обозначить, что я страдаю? Или банку съ горчицей въ знакъ того, что сердце мое уязвлено. И неужели ночной горшокъ обозначаетъ консисторскаго судью. А мои штаны—корабль вѣтровъ. А клапанъ отъ штановъ—регистратуру судебныхъ приговоровъ. А собачій пометъ—кружка для бѣдныхъ, гдѣ притаилась любовь моей милой.

Совсѣмъ иначе поступали во время оно египетскіе мудрецы, когда они писали знаками, именуемыми іероглифами: этихъ знаковъ никто не могъ понять, кто не былъ знакомъ съ качествомъ, свойствами и природой вещей, какія они изображали. Объ этомъ Орусъ Аполлонъ написалъ двѣ книги по-гречески, а Полифилъ еще пространнѣе изложилъ въ «Любовномъ сновидѣніи». Во Франціи вы могли видѣть образчикъ этого въ девизѣ адмирала Шабб, который раньше принадлежалъ Октавію Августу [2]. Но не хочу вести свой кораблик между подводныхъ скалъ и опасныхъ омутовъ и, вернувшись обратно въ гавань, откуда я выплылъ, брошу тамъ якорь. Но при этомъ, если Богъ сохранитъ мнѣ башку, которую моя бабушка величала винной кружкой, я не теряю надежды написать со временемъ объ этомъ подробнѣе и доказать, какъ философскими доводами, такъ и на основаніи авторитетовъ, признанныхъ всею древностью, какіе цвѣта и сколько ихъ существуетъ въ природѣ и что можно выразить каждымъ изъ нихъ.



Къ гл. IX.

X.

О томъ, что обозначаютъ цвѣта бѣлый и голубой [1].

Итакъ бѣлый цвѣтъ обозначаетъ радость, счастіе и веселіе: и обозначаетъ не зря, а по праву и вполнѣ основательно. Въ чемъ можете убѣдиться, если, оставивъ предубѣжденія, выслушаете то, что я вамъ изложу.

Аристотель говоритъ, что если предположить двѣ противоположныхъ по существу вещи, какъ, напримѣръ, добро и зло, добродѣтель и порокъ, холодъ и тепло, бѣлое и черное, радость и печаль и тому подобное, — и если ихъ совокупить такимъ манеромъ, что контрастъ одного рода разумно сходится съ контрастомъ другого, то это значитъ, что и другіе контрасты сойдутся между собой. Напримѣръ: добродѣтель и порокъ суть два контраста одного рода, равно какъ добро и зло. Если одинъ изъ контрастовъ перваго рода подходитъ къ одному изъ контрастовъ второго, какъ добродѣтель и добро (потому что несомнѣнно, что добродѣтель — добра), то также сойдутся и два другихъ контраста: зло и порокъ, потому что порокъ золъ.

Условившись въ этомъ логическомъ правилѣ, возьмемъ два другихъ контраста: радость и печаль; затѣмъ еще два: бѣлое и черное, потому что они физически противоположны другъ другу. Итакъ если черное обозначаетъ печаль, то бѣлое по праву будетъ означать радость.

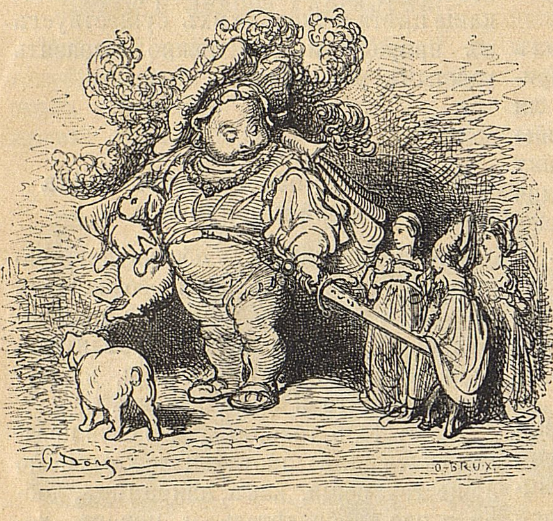
---

[1] Во всѣхъ этихъ словахъ по-французски существуетъ непередаваемая игра словъ.

[2] Festina lente.

[1] Цвѣта Франціи.

И это значеніе установлено не по людскому произволу, но принято со всеобщаго согласія, въ силу того, что философы называютъ jus gentium—всемірное право, признаваемое всѣми странами, какъ вамъ извѣстно. И всѣ народы, всѣ націи (за исключеніемъ древнихъ сиракузянъ и нѣкоторыхъ грековъ-кривотолковъ), всѣ языки, желая наружно выразить свою печаль, надѣваютъ черное платье, и всякій трауръ обозначается чернымъ цвѣтомъ. И такое всемірное согласіе только тогда возникаетъ, когда сама природа указываетъ для него аргументы и причины. И эти причины каждый самъ можетъ понять, не нуждаясь въ томъ, чтобы кто-нибудь его надоумилъ, и ихъ-то мы называемъ естественнымъ правомъ. По такому указанію природы весь свѣтъ считаетъ бѣлый цвѣтъ выразителемъ радости, веселія, счастія, удовольствія и наслажденія.



Къ гл. X.

Въ прошедшія времена ѳракійцы и критяне обозначали счастливые и веселые дни бѣлыми камнями, печальные же и несчастные—черными. И развѣ ночь не пагубна, не печальна и не меланхолична? Она черна и мрачна отъ отсутствія свѣта. А свѣтъ развѣ не радуетъ всю природу? Онъ бѣлѣе всего на свѣтѣ. И въ доказательство я могъ бы отослать васъ къ книгѣ Лоренса Валле[1], которую онъ написалъ въ опроверженіе Бартоля[2], но свидѣтельство евангельское лучше убѣдитъ васъ. Въ Евангеліи отъ Матѳея (XVII) сказано, что во время Преображенія Господня vestimenta ejus facta sunt alba sicut lux[3]. И эта свѣтозарная бѣлизна давала понять тремъ апостоламъ идею и образъ вѣчнаго блаженства. Ибо свѣтъ радуетъ всѣхъ смертныхъ. И это доказывается словами старухи, которая лишилась уже всѣхъ зубовъ, а все-таки говорила: Bona Lux. И словами Товія, который, потерявъ зрѣніе, отвѣтствовалъ на привѣтствіе архангела Рафаила: «Какая радость возможна для меня, когда я не вижу дневнаго свѣта?» Этимъ цвѣтомъ засвидѣтельствовали ангелы радость всего міра при Воскресеніи Господа (отъ Іоанна XX). И при Его Вознесеніи (Дѣянія Ап. I). Такое же одѣяніе видѣлъ св. Іоаннъ евангелистъ (Апок. IV и VII) на праведникахъ въ небесномъ и блаженномъ Іерусалимѣ.

Прочитайте исторію, какъ греческую, такъ и римскую, и вы увидите, что городъ Альба (первообразъ Рима) былъ выстроенъ и названъ по указанію бѣлой свиньи. Вы увидите, что если кому-нибудь, послѣ побѣды надъ врагами, присуждали тріумфальный въѣздъ въ Римъ, то онъ въѣзжалъ на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями. Тоже самое было и при оваціяхъ: такъ какъ считалось, что никакимъ другимъ знакомъ и цвѣтомъ нельзя вѣрнѣе выразить радость, какъ бѣлымъ. Вы увидите, что Периклъ, предводитель аѳинянъ, позволялъ тѣмъ изъ своихъ воиновъ, которые вынули по жребію бѣлые бобы, проводить день въ радости, веселіи и отдыхѣ, между тѣмъ какъ другіе должны были сражаться [1]. И я могъ бы привести вамъ тысячу другихъ примѣровъ на этотъ счетъ, да только здѣсь имъ не мѣсто.

---

[1] Гуманистъ XV столѣтія.

[2] Знаменитый юрисконсультъ.

[3] Одежды же его сдѣлались бѣлыми, какъ свѣтъ.

Путемъ этихъ свѣдѣній, вы можете рѣшить задачу, которую Александръ Афродизскій [2] считалъ неразрѣшимой: почему левъ, который уже однимъ своимъ крикомъ и рыканіемъ приводитъ въ трепетъ всѣхъ животныхъ, боится и почитаетъ только одного бѣлаго пѣтуха? Потому что, какъ сказалъ Проклъ [3] (Libro de Sacrificio et Magia), сила солнца, источника всякаго земнаго и звѣзднаго свѣта, болѣе присуща бѣлому пѣтуху, чѣмъ льву, какъ по цвѣту, такъ по свойству и специфическимъ качествамъ, и пѣтухъ служитъ лучшимъ ея символомъ, нежели левъ. Говорятъ даже, что часто видали бѣсовъ въ львиномъ образѣ, которые внезапно исчезали въ присутствіи бѣлаго пѣтуха.

По этой причинѣ галлы (т.-е. французы, которыхъ такъ называютъ потому, что они отъ природы бѣлы, какъ молоко, называемое греками γάλα) охотно носятъ бѣлыя перья на шапкахъ. По природѣ они веселы, искренни, ласковы и всѣми любимы, а своимъ символомъ и гербомъ избрали цвѣтокъ лилію, съ которымъ никакой другой не сравнится по бѣлизнѣ.

Если же вы спросите, какимъ образомъ природа наводитъ насъ на мысль, что бѣлый цвѣтъ означаетъ радость и веселіе, я вамъ отвѣчу: по аналогіи и сродству. Какъ бѣлый цвѣтъ расширяетъ глазъ и поле зрѣнія, по мнѣнію Аристотеля (въ его Проблемахъ и О воспріятіяхъ); да и сами вы можете убѣдиться на опытѣ, переѣзжая горы, покрытыя снѣгомъ, когда вы жалуетесь, что не хорошо видите. Объ этомъ Ксенофонтъ пишетъ, что такъ было съ его людьми, а Галенъ подробно излагаетъ въ libr. X De usu partium. Такъ и сердце отъ радости внутренно расширяется и можетъ даже отъ избытка силъ перестать биться, и слѣдовательно самая жизвь можетъ угаснуть отъ радости, какъ говоритъ Галенъ, libr. XII Method; lib. V, De Locis affectis, и lib. II, De Symptomaton causis. О подобныхъ случаяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ древнія времена, свидѣтельствуютъ Маркъ Туллій, lib. I Quæstion. Tuscul., Верръ, Аристотель, Титъ-Ливій, послѣ сраженія при Каннахъ, Плиній, lib. VII сар. XXXII и LIII, А. Гелліусъ, lib. III, XV, и другіе, удостовѣряющіе, что Діагоръ Родосскій, Хилонъ, Софоклъ, Діонисій, тиранъ сицилійскій, Филиппидъ, Филемонъ, Поликратъ, Филистіонъ, Джувенти и другіе, которые умерли отъ радости. И какъ говоритъ Авиценна [1] in II canone, et libro de Viribus cordis про шафранъ, который такъ оживляетъ сердце, что даже, если его принимать въ чрезмѣрныхъ дозахъ, лишаетъ его жизни, отъ излишняго растяженія и напряженія. Справьтесь объ этомъ у Алекс. Афродизскаго, lib. I Problematum, сар. XIX. Но, однако, я больше распространился объ этомъ предметѣ,

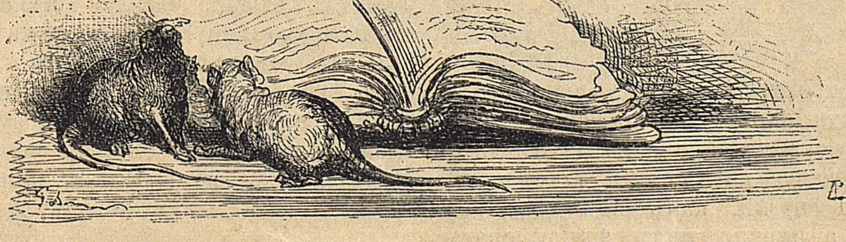
---

[1] При осадѣ Самоса (Плутархъ).

[2] Комментаторъ Аристотеля.

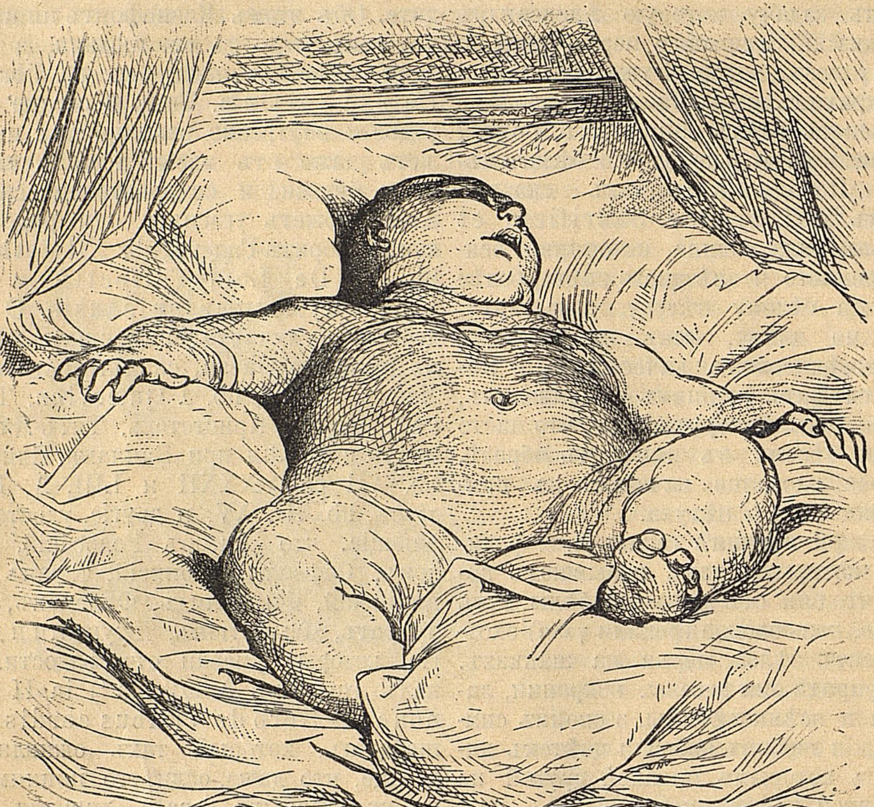
[3] Философъ V столѣтія.

[1] Знаменитый арабскій врачъ, жив. въ 980—1036 гг.



Къ гл. X.

чѣмъ предполагалъ вначалѣ. А потому складываю свои паруса и обо всемъ остальномъ поговорю въ своемъ спеціальномъ сочиненіи, а пока коротко скажу, что голубой цвѣтъ означаетъ несомнѣнно небо и все небесное, въ силу тѣхъ же символовъ, на основаніи которыхъ бѣлый цвѣтъ означаетъ радость и веселіе.



Къ гл. XI.

XI.

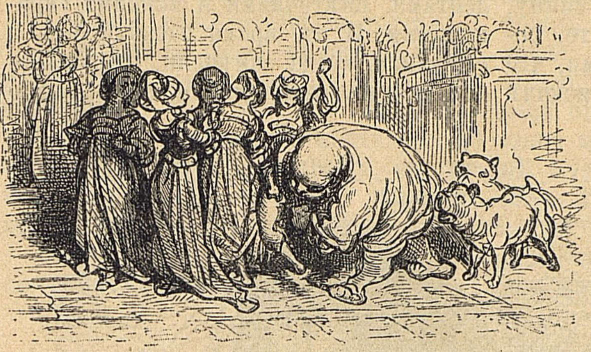
О дѣтствѣ Гаргантюа.

Съ трехлѣтняго и до пятилѣтняго возраста, Гаргантюа, по распоряженію отца, вскармливали и воспитывали въ подобающей дисциплинѣ, и онъ проводилъ время, какъ всѣ дѣти того края, а именно: пилъ, ѣлъ и спалъ; спалъ, пилъ и ѣлъ.

День денской валялся онъ въ грязи, пачкалъ носъ, грязнилъ лицо, стаптывалъ башмаки, билъ баклуши и гонялся за бабочками[1], которыми командовалъ его отецъ. Онъ мочился въ башмаки, пачкалъ рубашку, сморкался въ рукавъ, плевалъ въ супъ, лазилъ повсюду, пилъ изъ туфли и терся животомъ о корзину. Точилъ зубы о деревянный башмакъ, мылъ руки похлебкой, чесался стаканомъ, садился межъ двухъ стульевъ на полъ, битымъ стекломъ помадился, запивалъ супъ водою, ѣлъ пирогъ съ грибами, а языкъ не держалъ за зубами, кусался смѣясь и смѣялся кусаясь, часто плевалъ въ колодезь, прятался въ воду отъ дождя, ковалъ желѣзо,

---

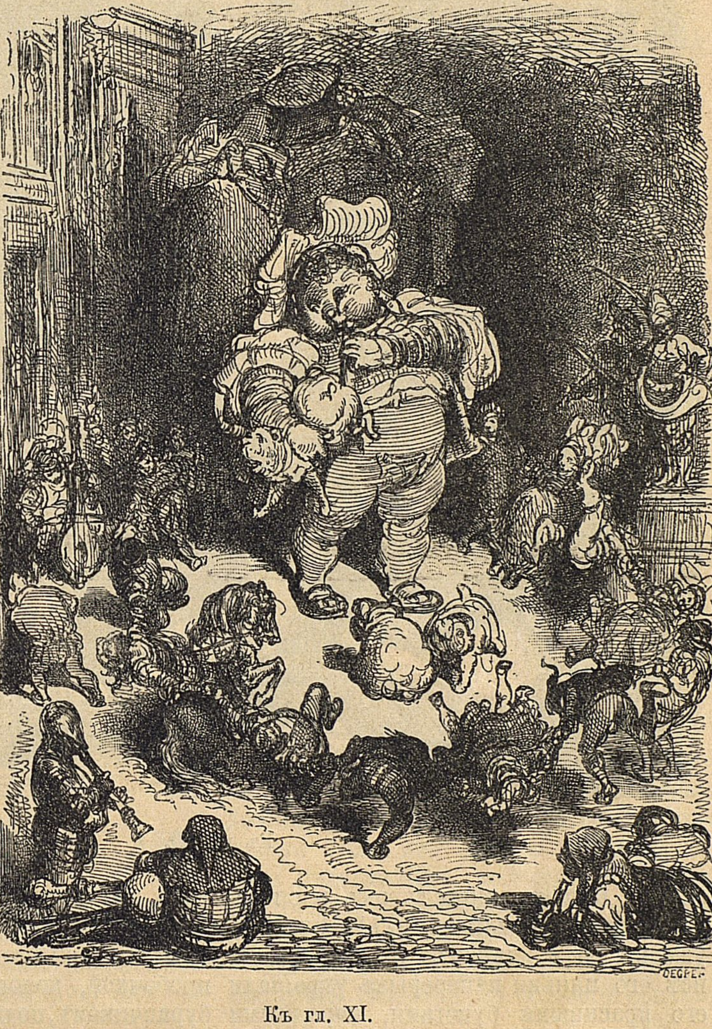
[1] Иноск.—занимался пустяками, дурачился.



Къ гл. XI.

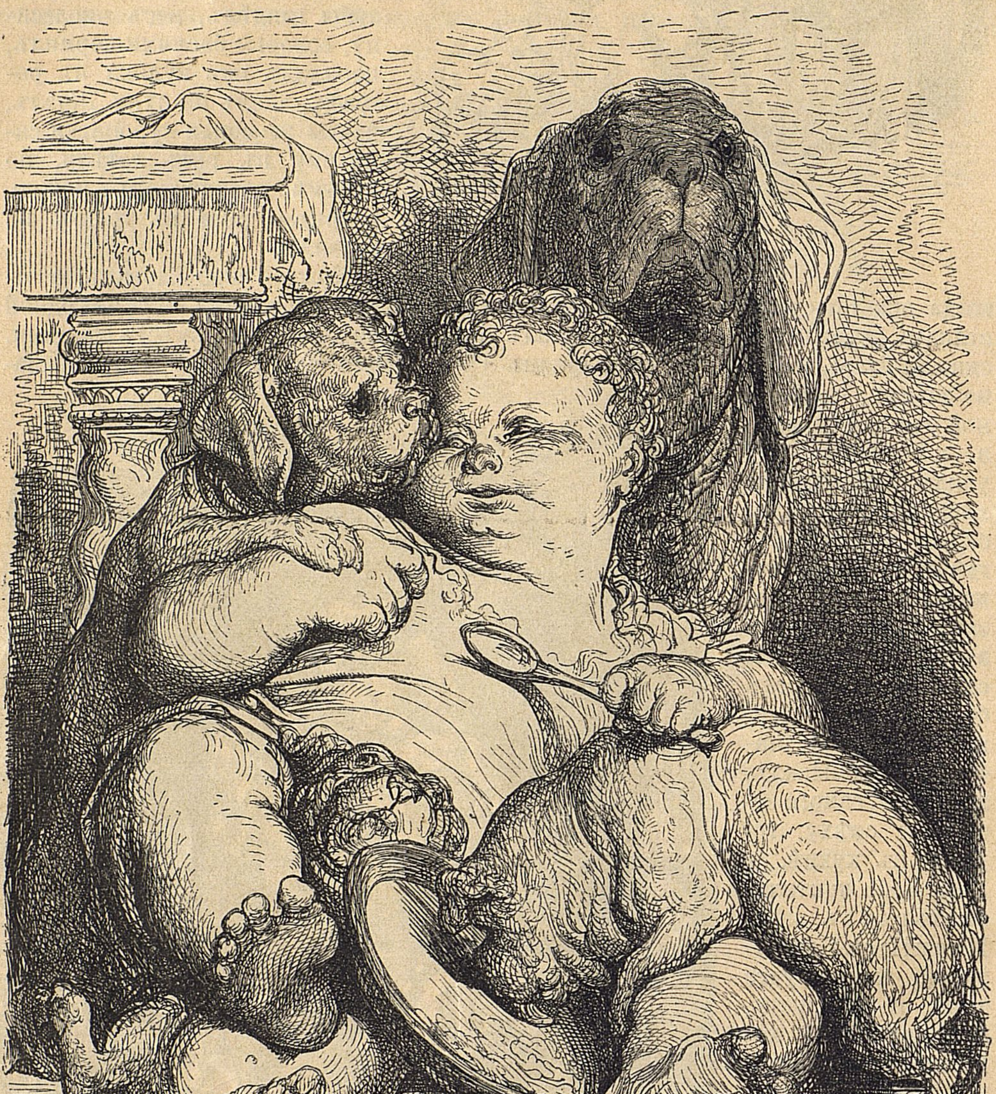
когда оно простынетъ, думалъ о пустякахъ, кривлялся, блевалъ, ворчалъ сквозь зубы, за словомъ въ карманъ не лазилъ, съ бороной по воду ѣздилъ, а цѣпомъ рыбу удилъ, съ хвоста хомутъ надѣвалъ, скребъ у себя тамъ, гдѣ не чесалось, чужими руками жаръ загребалъ, гонялся за двумя зайцами, съѣдалъ напередъ бѣлый хлѣбъ, черныхъ кобелей набѣло перемывалъ, щекоталъ самого себя для смѣху, гадилъ въ кухнѣ, у Бога небо коптилъ, заставлялъ пѣть Magnificat за утреней, какъ будто такъ и слѣдуетъ, ѣлъ капусту, а ходилъ киселемъ, умѣлъ ловить мухъ въ молокѣ, обрывалъ лапы у мухъ, мялъ бумагу, маралъ пергаментъ, навострялъ лыжи, чистенько около стекла ходилъ, не поймавши медвѣдя шкуру дѣлилъ, спустя лѣто въ лѣсъ по малину ходилъ, видѣлъ небо съ овчинку, а рѣшетомъ въ водѣ звѣздъ ловилъ, дралъ съ одного вола двѣ шкуры, на обухѣ рожь молотилъ, даровому коню въ зубы глядѣлъ, несъ околесицу, соловья баснями кормилъ, попадалъ изъ кулька въ рогожку, лаялъ на луну. Ждалъ, чтобы жареныя куропатки сами ему въ ротъ летѣли, по одёжкѣ протягивалъ ножки, а бритое темя въ грошъ не ставилъ.

Каждое утро блевалъ, а отцовскіе щенки лакали съ нимъ изъ одной тарелки: онъ самъ ѣлъ вмѣстѣ съ ними. Онъ кусалъ ихъ за уши, они царапа-



Къ гл. XI.

ли ему носъ; онъ дулъ имъ въ спину, они лизали ему щеки. И знайте, ребята, черная немочь васъ возьми, что этотъ шалунишка постоянно тискалъ своихъ нянекъ, щипалъ ихъ и спереди, и сзади и—знай нашихъ!—пускалъ уже въ ходъ клапанъ у штановъ. И всѣ его няньки наперерывъ украшали его красивыми букетами, нарядными лентами, цвѣточками и всякими украшеніями. И все время ласкали его и смѣялись, когда замѣчали, что онъ не остается къ этому равнодушенъ, видно имъ это нравилось. Одна называла его втулочкой, другая перышкомъ, третья коралловой вѣточкой, четвертая пробочкой, коловоротомъ, пружинкой, буравчикомъ, подвѣсочкой, колбасочкой.



Къ гл. XI.

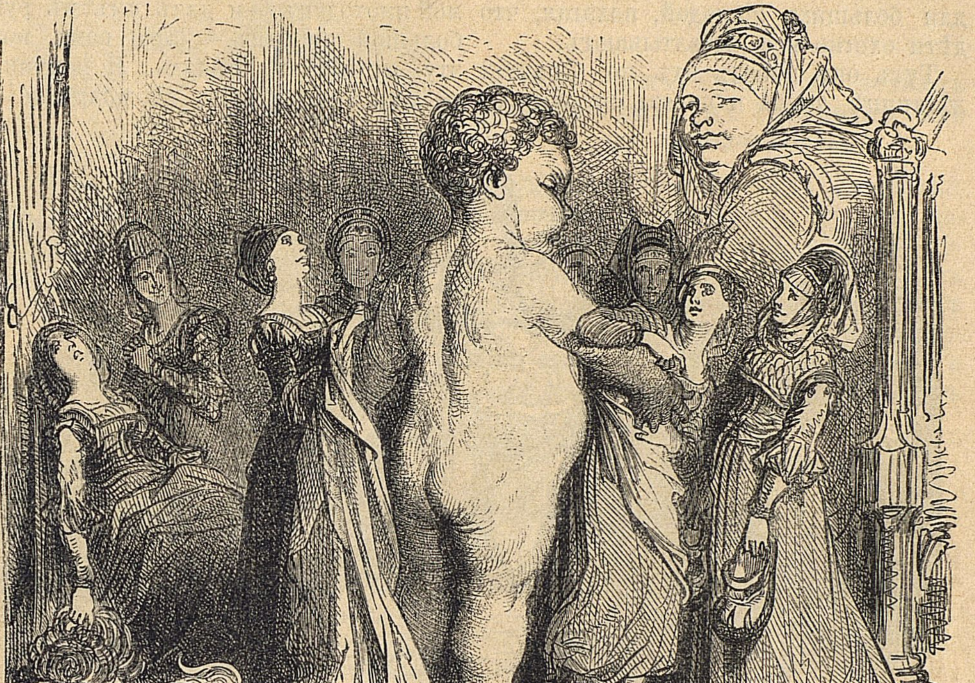
— Онъ мой,—говорила одна.

— Нѣтъ, мой,—отвѣчала другая.

— А мнѣ-то развѣ ничего не достанется? Такъ лучше, честное слово, я его отрѣжу.

— Какъ! отрѣзать! — подхватывала третья. Помилуйте, сударыня, вы его искалѣчите. А развѣ можно калѣчить дѣтей? Вы превратите его въ евнуха.

И чтобы ему было чѣмъ забавляться, какъ другимъ дѣтямъ въ томъ краю, онѣ сдѣлали ему мельницу изъ крыльевъ одной вѣтряной мельницы въ Мирвале.



Къ гл. XI.

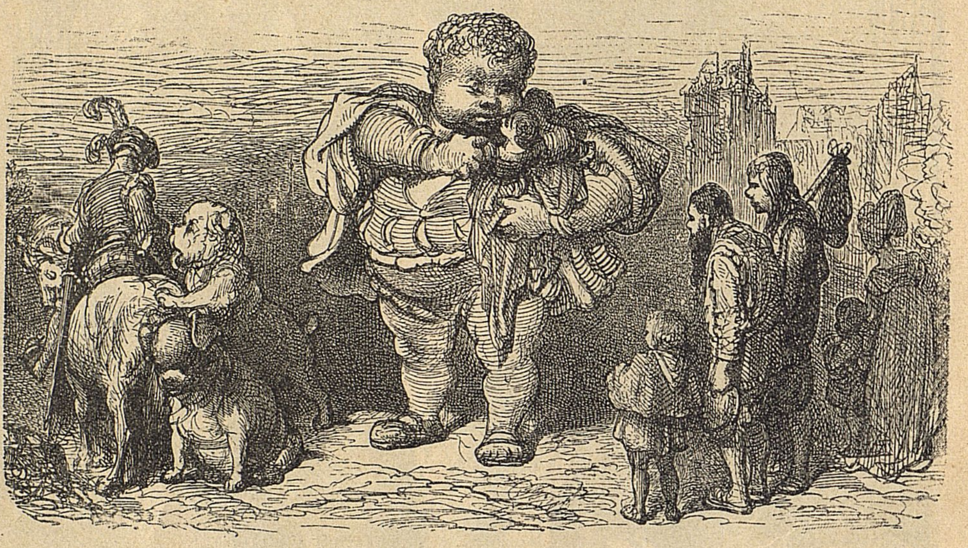
XII.

О деревянныхъ лошадкахъ Гаргантюа.

И вотъ затѣмъ, чтобы изъ него на всю жизнь вышелъ искусный наѣздникъ, ему сдѣлали большую красивую деревянную лошадь, которую онъ заставлялъ гарцовать, скакать, волтижировать, лягаться и танцовать, все разомъ: ѣздить шагомъ, рысью, иноходью, галопомъ, курцъ-галопомъ и во весь опоръ. И часто мѣнялъ своему коню масть, какъ это дѣлаютъ монахи въ Куртибо, сообразуясь съ праздниками: то она была гнѣдой, то рыжей, сѣрой въ яблокахъ, мышастой, вороной, караковой, пѣгой, соловой. Самъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ большого бревна охотничью лошадь, а другую изъ винной кадки, для ежедневныхъ прогулокъ, и, наконецъ, изъ большого дуба соорудилъ мула съ попоной для домашняго употребленія. Кромѣ того, у него было отъ десяти до двѣнадцати подставныхъ лошадей, да семь почтовыхъ. И всѣхъ ихъ онъ ставилъ на ночлегъ около себя.

Однажды господинъ де-Пенансакъ посѣтилъ его отца съ большой свитой и пышностью; и въ тотъ же самый день пріѣхали въ гости герцогъ де-Франрепа и графъ де-Муйльванъ.

И вотъ, честное слово, домъ оказался слишкомъ тѣсенъ для столькихъ гостей, а въ особенности конюшни; тогда метрдотель и фурьеръ вышеназваннаго господина де-Пенансакъ, желая узнать, нѣтъ ли въ домѣ еще гдѣ пустыхъ конюшенъ, обратились къ мальчишечкѣ Гаргантюа и тайкомъ спросили у него: гдѣ конюшни для большихъ лошадей, полагая, что дѣти охотно все выбалтываютъ.



Къ гл. XI.

Тутъ онъ повелъ ихъ по большой лѣстницѣ замка и черезъ вторую залу вывелъ въ большую галлерею, а оттуда они вошли въ большую башню, и такъ какъ имъ пришлось опять подниматься по лѣстницѣ, то фурьеръ сказалъ метрдотелю:

— Этотъ ребенокъ насъ обманываетъ: гдѣ же видано, чтобы конюшни строили наверху дома!

— Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ метрдотель: я знаю дома въ Ліонѣ, въ Баметѣ, Шенонѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ конюшни расположены наверху, и, можетъ быть, тутъ есть спускъ внизъ на задней сторонѣ дома. Но, для вѣрности, сейчасъ спрошу.

И вотъ онъ спросилъ у Гаргантюа:

— Миленькій, куда вы насъ ведете?

— Въ стойла,—отвѣчалъ тотъ,—моихъ большихъ лошадей. Мы сейчасъ туда придемъ, только поднимемся по этой лѣстницѣ.

И, проведя ихъ черезъ другой большой залъ, привелъ въ свою комнату и заперъ за собою дверь.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—конюшни, про которыя вы спрашивали: вотъ мой испанскій жеребецъ, вотъ мой меринъ, вотъ лаведанскій конь[1], вотъ мой иноходецъ,—и далъ имъ въ руки большой чурбанъ.—Дарю вамъ вотъ эту охотничью лошадь. Я получилъ ее изъ Франкфурта, но владѣйте ею на здоровье, это добрый и очень выносливый конекъ: съ соколомъ, полудюжиной испанскихъ собакъ и двумя борзыми на придачу, охота на куропатокъ и зайцевъ обезпечена за вами на всю зиму.

— Клянусь св. Іоанномъ,—сказали они,—славно мы попались, совсѣмъ одурачены!

— Дуракъ самъ скажется,—отвѣчалъ Гаргантюа.

Что жъ имъ было теперь дѣлать, по-вашему? Скрыть ли свой стыдъ или посмѣяться для времяпрепровожденія?

---

[1] Lavedan, мѣстечко въ Бигоррѣ.

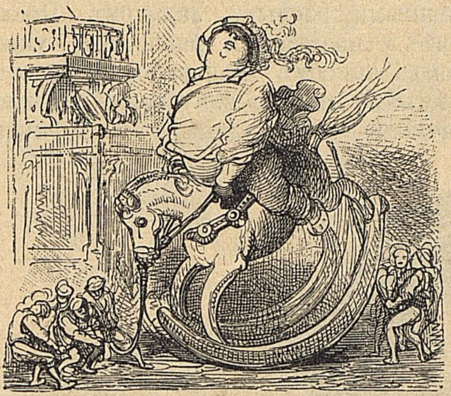
Когда они, пристыженные, сходили съ лѣстницы, онъ ихъ спросилъ:

— Хотите взять недоуздокъ?

— Зачѣмъ?—спросили они.

— Чтобы взнуздать себя.

— Ну, ужъ сегодня мы и безъ того съ носомъ,—отвѣчалъ метрдотель. Ты, миленькій, такъ славно одурачилъ насъ; быть тебѣ со временемъ папой.



Къ гл. XII.

— Я на это и разсчитываю,—сказалъ онъ,—а вы будете папенькой, а вотъ этотъ миленькій попугай будетъ настоящимъ папочкой.

— Ладно, ладно,—отвѣчалъ фурьеръ.

— Ну,—сказалъ Гаргантюа,—угадайте-ка, сколько стежковъ въ рубашкѣ моей матери?

—Шестнадцать,—отвѣчалъ фурьеръ.

— Ну это не такъ вѣрно, какъ Св. Писаніе: стежковъ вѣдь сто спереди и сто сзади, и вы просчитались.

— Когда?—спросилъ фурьеръ.

— Тогда,—отвѣчалъ Гаргантюа,—когда изъ вашего носа сдѣлали трубу для стока нечистотъ, а изъ горла воронку, чтобы перелить ихъ въ другое мѣсто.

— Чортъ возьми,—сказалъ метрдотель,—мы напали на краснобая. Господь храни васъ отъ зла, господинъ болтунъ, вы за словомъ въ карманъ не полѣзете!

И, торопливо спускаясь съ лѣстницы, уронили большой чурбанъ, который имъ далъ Гаргантюа, на что тотъ замѣтилъ:

— Ишь вы какіе плохіе наѣздники: конь изъ-подъ васъ уходитъ. Если бы вамъ пришлось ѣхать въ Каюзакъ, что бы вамъ пріятнѣе было: ѣхать на гусѣ или вести подъ уздцы свинью?

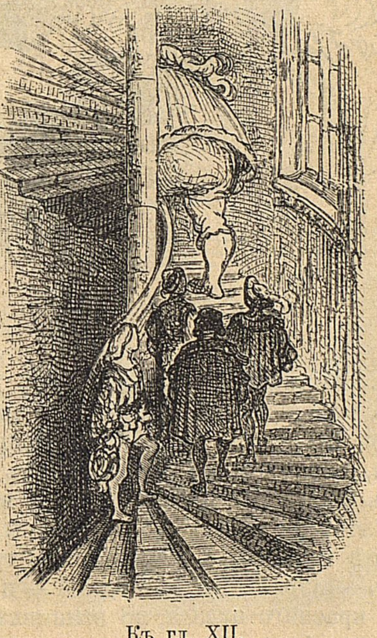
— Мнѣ пріятнѣе было бы выпить,—сказалъ фурьеръ.

И, говоря это, они вернулись въ нижнюю залу, гдѣ находилась вся свита и, разсказавъ эту новую исторію, насмѣшили всѣхъ такъ, что всѣ животики надорвали.

XIII.

О томъ, какъ Грангузье позналъ удивительный умъ Гаргантюа изъ его находчивости.

Въ концѣ пятаго года Грангузье, возвращаясь изъ похода противъ канарцевъ, навѣстилъ своего сына Гаргантюа. И былъ обрадованъ, какъ только могъ обрадоваться такой отецъ при видѣ такого сына. Цѣлуя и лаская его, онъ разспрашивалъ шутя о разныхъ разностяхъ. И пилъ вино съ нимъ и его няньками, у которыхъ, между прочимъ, спросилъ: пріучали ли онѣ его къ чистотѣ и опрятности?



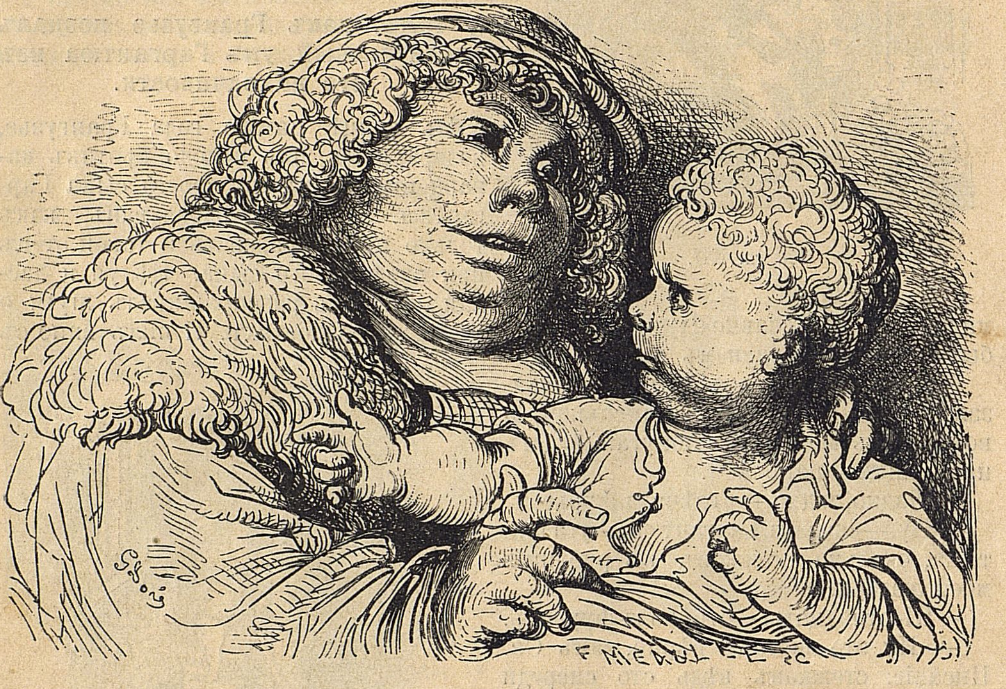
Къ гл. XII.

На это Гаргантюа отвѣчалъ, что онъ самъ такъ объ этомъ старался, что въ цѣломъ краѣ нѣтъ мальчика опрятнѣе его.

— Какъ такъ?—спросилъ Грангузье.

— Я долгимъ и любопытнымъ опытомъ, — отвѣчалъ Гаргантюа, — изобрѣлъ средство подтираться, самое господское, самое превосходное и самое пригодное, какое только могло быть на свѣтѣ.

— Какое же?—спросилъ Грангузье.

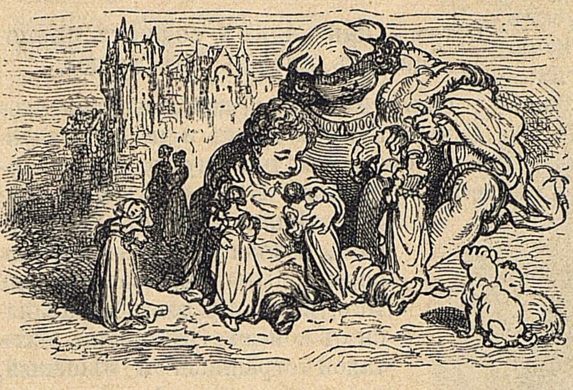


Къ гл. XIII.

— Сейчасъ вамъ разскажу, — сказалъ Гаргантюа. Однажды мнѣ довелось подтереться бархатной маской одной барышни и мнѣ это понравилось, потому что нѣжный шелкъ ласкалъ тѣло. Въ другой разъ я взялъ для этого шапочку той же барышни, и мнѣ тоже было пріятно. Въ третій разъ — шарфъ, въ четвертый — поясъ изъ краснаго атласа, но вышивка изъ золотого бисера, украшавшая его, расцарапала мнѣ все тѣло; и я пожелалъ, чтобы Антоновъ огонь поразилъ толстую кишку золотыхъ дѣлъ мастера, изготовлявшаго бисеръ, и барышни, его носившей. Эта боль прошла, когда я подтерся шапкой пажа, украшенной перьями по-швейцарски. Потомъ я поймалъ въ кустѣ куницу и подтерся ею, но она когтями исцарапала мнѣ тѣло. Отъ этихъ царапинъ я вылѣчился на другой день, подтеревшись перчатками матушки, надушенными роснымъ ладаномъ. Послѣ того я подтирался шалфеемъ, укропомъ, анисомъ, майораномъ, розами, листьями тыквы, капустными, свекловичными, виноградными, проскурняка, коровьяка, латука и шпината. Все это было очень полезно для моей ноги. Потомъ подтирался пролѣсной травой, крапивой, перечной мятой, сальнымъ корнемъ: отъ этого у меня сдѣлалось кровотеченіе, отъ котораго я вылѣчился, подтираясь клапаномъ отъ штановъ, простынями, одѣяломъ, занавѣсами, подушкой, ковромъ, скатертью, салфеткой, платкомъ, пенюаромъ. Все это мнѣ доставляло удовольствіе, больше чѣмъ шелудивому, когда его скребутъ.

— Хорошо,—сказалъ Грангузье,—

но какой же, однако, способъ, по-твоему, наилучшій?



Къ гл. XIII.

— Только-что хотѣлъ сказать,—отвѣчалъ Гаргантюа,—и скоро вы узнаете tu autem. Я подтирался сѣномъ, соломой, паклей, волосомъ, шерстью, бумагой. Но

> Всегда бумага тѣмъ вредна,
> Что тѣло пачкаетъ она.

— Какъ,—сказалъ Грангузье,—ты, мой поросеночекъ, уже записался въ бражники и слагаешь стихи?

— Точно такъ, ваше величество,— отвѣчалъ Гаргантюа. Я слагаю стихи и часто сморкаюсь [1]). Послушайте-ка мой маршъ въ честь отхожихъ мѣстъ [2]).

— Ну, что, развѣ не хороши стихи? Правда, я не самъ ихъ сочинилъ, а слышалъ отъ одной знатной дамы, которую вы здѣсь видите, и уложилъ ихъ въ карманъ моей памяти.

— Вернемся,—сказалъ Грангузье,— къ нашему прежнему разговору.

— Про что?—спросилъ Гаргантюа,— про испражненіе?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Грангузье,—а про подтираніе.

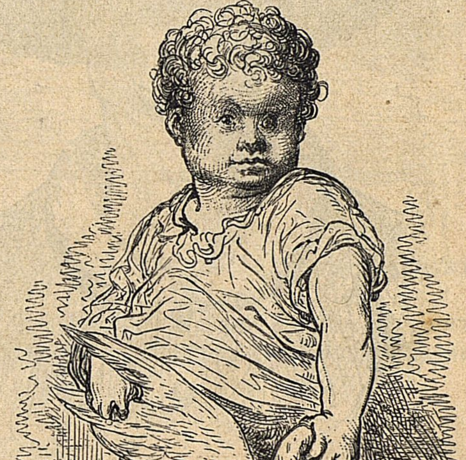
— Ну, хотите,—сказалъ Гаргантюа,— выставить боченочекъ бретонскаго вина, если я васъ поставлю втупикъ по этому случаю?

— Добро,—отвѣчалъ Грангузье.

— Нѣтъ никакой нужды подтираться, — сказалъ Гаргантюа,—если не загрязнился. А кто не испражнялся, тотъ и не загрязнился; и такъ прежде, чѣмъ подтираться, намъ надо испражниться.

— О!—сказалъ Грангузье,— какой ты у меня разумникъ, мальчишечка! На-дняхъ же я произведу тебя въ доктора Сорбонны, клянусь Богомъ, потому что ты уменъ не по лѣтамъ! Пожалуйста, продолжай твои поучительныя рѣчи и, клянусь моей бородой, ты получишь не боченочекъ, а шестьдесятъ бочекъ того добраго бретонскаго вина, которое не растетъ въ Бретани, а въ благословенномъ краю Вернона.

— Я подтирался затѣмъ — сказалъ Гаргантюа, — шляпой, подушкой, туфлей, ягдташемъ, корзинкой, но какое же это непріятное подтиранье! Напримѣръ, шляпой. И замѣтьте, что однѣ шляпы гладкія, другія войлочныя, третьи бар-



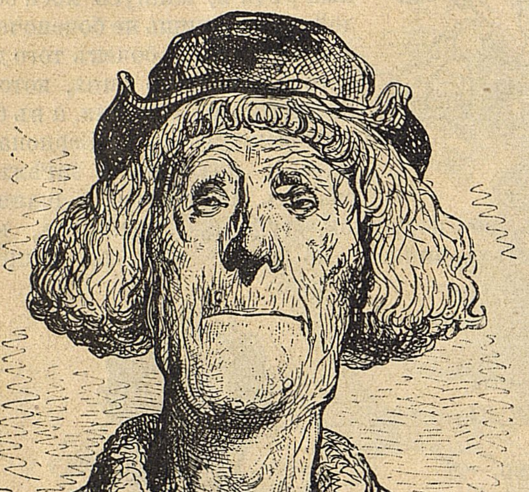
Къ гл. XIII.

---

[1]) Тутъ игра словъ, которую нельзя передать.

[2]) Два стихотворенія, которыя затѣмъ слѣдуютъ, невозможно перевести по ихъ крайней непристойности.

хатистыя, четвертыя шелковистыя, пятыя атласистыя. Лучше всѣхъ войлочныя, потому что онѣ всѣхъ лучше удаляютъ грязь. Затѣмъ я подтирался курицей, пѣтухомъ, цыпленкомъ, телячьей шкурой, зайцемъ, голубемъ, баклановъ, адвокатской сумкой, капюшономъ, чепцомъ, охотничьей приманкой. Но въ заключеніе говорю и утверждаю, что нѣтъ пріятнѣе для подтиранья какъ гусенокъ съ нѣжнымъ пухомъ, но только лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы голову ему придерживать между ногъ. И ужъ вѣрьте чести: вы почувствуете такую пріятность отъ нѣжнаго пуха и теплота гусенка такъ согрѣетъ васъ, что это сообщится и прямой кишкѣ и всѣмъ другимъ кишкамъ и даже дойдетъ до сердца и до мозга. И не вѣрьте, что блаженное состояніе героевъ и полубоговъ, обитающихъ въ Елисейскихъ поляхъ, происходитъ отъ нектара или амброзіи, какъ болтаютъ старыя бабы. Оно происходитъ (по моему мнѣнію) отъ того, что они подтираются гусенкомъ. И таково также мнѣніе мэтра Жана Шотландскаго [1]).



Къ гл. XIV.

XIV.

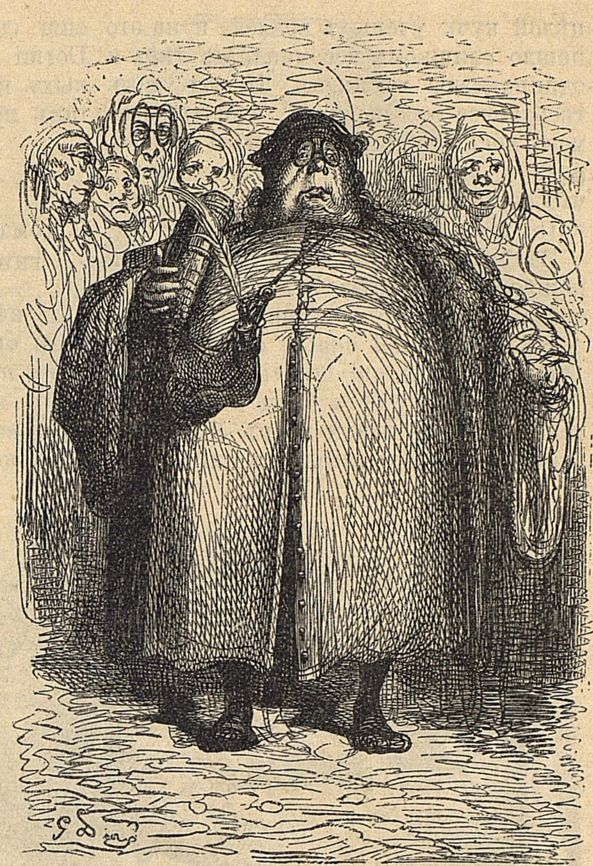
О томъ, какъ одинъ софистъ преподавалъ латынь Гаргантюа.

Отъ этихъ рѣчей добрякъ Грангузье пришелъ въ восторгъ и дивился здравому смыслу и тонкому уму сына своего Гаргантюа. И сказалъ нянькамъ:

— Филиппъ, царь Македонскій, познал здравый смыслъ своего сына Александра изъ того, какъ онъ ловко управлялся съ конемъ. Этотъ конь былъ такой страшный и бѣшеный, что никто не смѣлъ на него сѣсть, потому что всѣхъ всадниковъ онъ сбрасывалъ на землю и одному сломалъ шею, другому ноги, третьему разбилъ голову, а четвертому челюсти. Александръ, присутствовавшій при этомъ на гипподромѣ (мѣсто, гдѣ объѣзжали лошадей), сообразилъ, что конь бѣснуется отъ того, что боится своей тѣни. Поэтому онъ, сѣвъ на коня, заставилъ его скакать напротивъ солнца, такъ чтобы тѣнь падала сзади, и этимъ способомъ приручилъ коня. А изъ этого отецъ убѣдился въ его божественномъ умѣ и пригласилъ ему въ учителя Аристотеля, славнѣйшаго изъ всѣхъ греческихъ философовъ. Я же говорю вамъ: изъ того разговора, который я только-что велъ при васъ съ моимъ сыномъ Гаргантюа, я убѣдился, что и у него умъ носитъ въ себѣ частицу божества: до такой степени онъ представляется мнѣ острымъ, тонкимъ, глубокимъ и яснымъ. Если его правильно образовать, онъ достигнетъ высшей степени мудрости. Поэтому я хочу поручить его какому-нибудь ученому человѣку, который бы обучилъ его согласно его способностямъ. Я ничего для этого не пожалѣю.

---

[1]) Jean Duns Scot, схоластикъ XIV ст.



Къ гл. XIV.

И, дѣйствительно, ему указали на великаго доктора-софиста, по имени мэтръ Тубаль Олофернъ, который обучилъ Гаргантюа азбукѣ и такъ хорошо, что тотъ могъ наизусть пересказать ее и даже навыворотъ. На это онъ употребилъ пять лѣтъ и три мѣсяца; затѣмъ прочиталъ съ нимъ Доната 1), Facet 2), Θеодула 3) и Алана in parabolis 4); на все это пошло тринадцать лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и двѣ недѣли.

И замѣтьте при этомъ, что онъ училъ его также готической азбукѣ и онъ самъ долженъ былъ списывать свои книги; вѣдь искусство книгопечатанія не было еще тогда изобрѣтено.

Онъ носилъ обыкновенно при себѣ большой письменный приборъ, который вѣсилъ слишкомъ семь тысячъ центнеровъ, а пеналъ его былъ такъ же великъ и толстъ, какъ колонна въ Энейскомъ аббатствѣ; чернильница же была привѣшена на толстыхъ цѣпяхъ и объемомъ была съ цѣлую бочку.

Послѣ того прочиталъ онъ съ нимъ De modis significandi, съ комментаріями

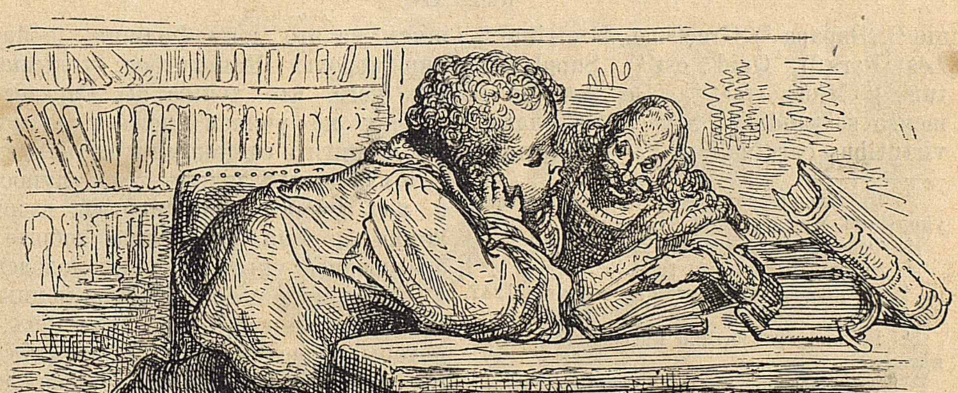
---

1) Латинскій грамматикъ.

2) Reineri Allemani liber Faceti morosi и пр. (XIII ст.).

3) Ecloga Theoduli (Köln 1494).

4) Alanus ab insulis ученикъ Абеляра, умеръ въ 1203 г.

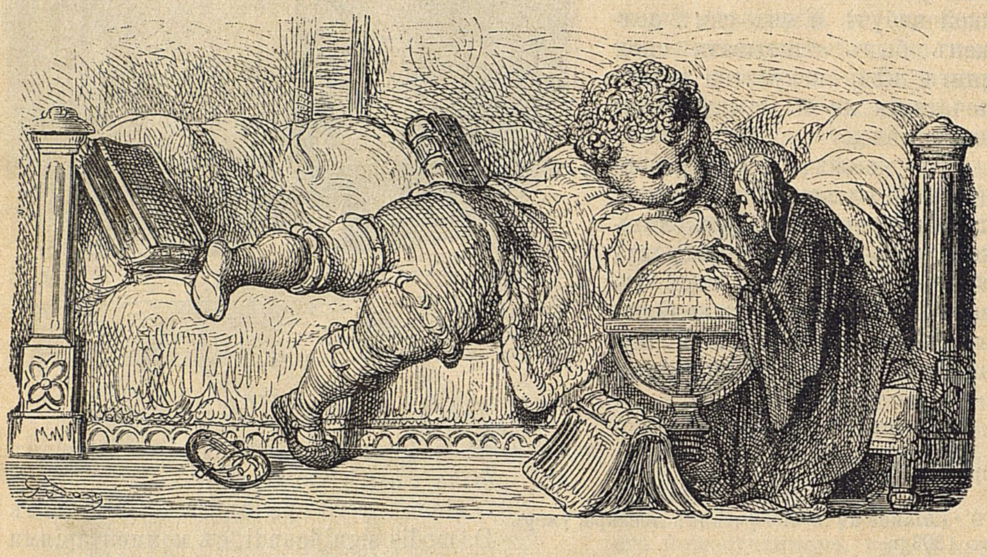


Къ гл. XIV.

цѣлой кучи ученыхъ вралей, и на это пошло слишкомъ восемнадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. И онъ такъ твердо все это выучилъ, что на экзаменѣ могъ отвѣчать наизусть и навыворотъ и по пальцамъ доказалъ матери, что de modis significandi non erat scientia.

Затѣмъ прочиталъ Compost, на что пошло шестнадцать лѣтъ и два мѣсяца, какъ вдругъ его наставникъ умеръ:

Et fut l'an mil quatre cens et vingt
De la verolle qui luy vint [1]).



Къ гл. XIV.

Послѣ того у него былъ новый учитель, котораго звали мэтръ Жобеленъ Бриде, и онъ прочиталъ съ нимъ Гугоціо [2]). Эврара [3]) Grecisme, Doctrinal [4]), Les Pars [5]), Quid est [6]), Supplementum [7]), Marmortret [8]), De moribus in mensa servandis [9]), Seneca De quatuor virtutibus cardinalibus [10]), Passavantus cum commento [1]). И на праздникахъ Dormi secure. И еще нѣсколько подобныхъ книгъ, отъ чтенія которыхъ онъ такъ поумнѣлъ, что и сказать нельзя.

XV.

О томъ, какъ приставили къ Гаргантюа другихъ педагоговъ.

И вдругъ отецъ его замѣтилъ, что, хотя онъ очень хорошо учится и тратитъ на это все время, однако успѣховъ никакихъ не дѣлаетъ. И, что хуже всего, становится глупъ, нелѣпъ, разсѣянъ и безтолковъ. И, пожаловавшись на это дону Филиппу де-Маре, вице-королю Папелигоса, услышалъ отъ него, что лучше бы Гаргантюа ничему не учился, нежели изучалъ такія книги и съ такими наставниками, потому что ихъ знаніе—одна глупость, а ихъ ученость—чистѣйшій вздоръ, которымъ они засоряютъ добрые и благородные умы и калѣчатъ молодежь.

—Возьмите любого изъ современныхъ молодыхъ людей, —говорилъ онъ, —которые прошли хотя бы двухлѣтній курсъ наукъ, и если онъ не окажется умнѣе, краснорѣчивѣе и толковѣе вашего сына, вѣжливѣе и обходительнѣе съ людьми, то назовите меня олухомъ Царя небеснаго!

---

[1] Въ тысяча четыреста двадцатомъ году умеръ отъ венерической болѣзни.

[2] Феррарскій епископъ, грамматикъ.

[3] Эвраръ Бетюнскій, 1212.

[4] Латинская грамматика въ стихахъ, 1242.

[5] Части рѣчи.

[6] Начала грамматики въ вопросахъ и отвѣтахъ.

[7] Suppl. chronicorum.

[8] Философъ изъ Бергамо, 1380. Введеніе къ чтенію Библіи Маркезини.

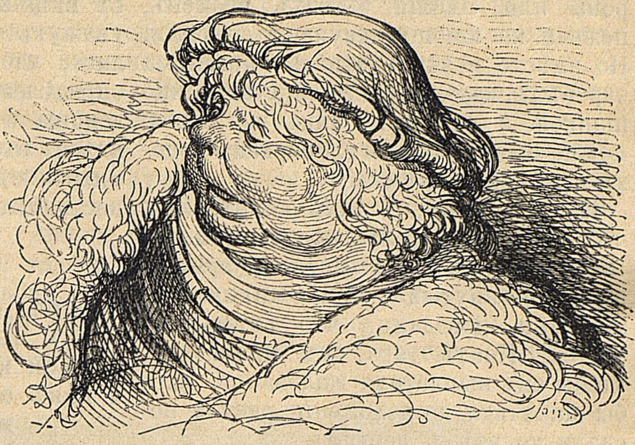
[9] Правила Сулпиція изъ Вероли (XV ст.).

[10] Псевдонимный трактатъ Мартина, епископа изъ Мондонедо.

[1] Флорентинскій доминиканецъ.

Совѣтъ этотъ очень понравился Грангузье, и онъ рѣшилъ его выполнить.

Вечеромъ, за ужиномъ, вышеупомянутый де-Маре представилъ одного изъ своихъ юныхъ пажей, по имени Евдемона, такого расчесаннаго, разряженнаго, чистенькаго и съ такими вѣжливыми манерами, что онъ больше походилъ на ангелочка, чѣмъ на человѣка. И затѣмъ сказалъ Грангузье:

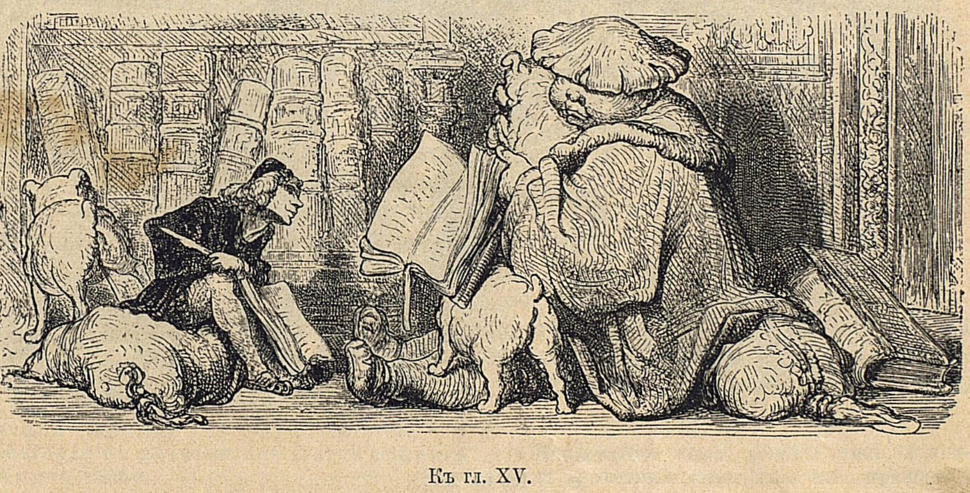


Къ гл. XV.

— Видите ли вы этого отрока? Ему всего еще двѣнадцать лѣтъ. Ну, вотъ посмотримъ, если хотите, какая разница между знаніемъ вашихъ пустомелей былого времени и современными молодыми людьми.

Грангузье съ охотой согласился на это испытаніе и приказалъ пажу рѣчь держать. Тогда Евдемонъ попросилъ позволенія у вышеупомянутаго вицѳ-короля, своего господина, и, съ шапкой въ рукахъ, съ открытымъ лицомъ, румяными устами, увѣреннымъ взглядомъ, устремленнымъ на Гаргантюа, съ юношеской скромностью, всталъ и началъ его хвалить и величать: во-первыхъ, за добродѣтель и добрые нравы; во-вторыхъ, за его знанія; въ-третьихъ, за его благородство; въ-четвертыхъ, за его тѣлесную красоту, а, въ-пятыхъ, сталъ кротко увѣщевать его пуще всего почитать отца, который такъ старается объ его образованіи, наконецъ просилъ его соблаговолить признать въ немъ смиреннѣйшаго изъ своихъ слугъ, такъ какъ онъ пока не молитъ никакого иного дара у небесъ, какъ того, чтобы ему дано было оказать ему какую-нибудь пріятную услугу.

Все это было произнесено съ приличными жестами, отчетливой дикціей, краснорѣчиво, съ различными украшеніями и на такомъ хорошемъ латинскомъ языкѣ, что Евдемонъ скорѣе походилъ на какого-то Гракха, Цице-



Къ гл. XV.

рона или Эмилія былыхъ временъ, нежели на юношу текущаго столѣтія. Но вмѣсто всякаго отвѣта Гаргантюа заревѣлъ, какъ корова, закрывъ лицо шапкой, и отъ него такъ же невозможно было добиться слова, какъ вздоха отъ мертваго осла.

И тутъ его отецъ такъ разгнѣвался, что хотѣлъ казнить смертью мэтра Жобелена. Но отъ этого его удержалъ вышеупомянутый де-Маре такими разумными доводами, что гнѣвъ его улегся. Послѣ того онъ приказалъ, чтобы ему выплатили жалованье, дали бы напиться до положенія ризъ и послали ко всѣмъ чертямъ.

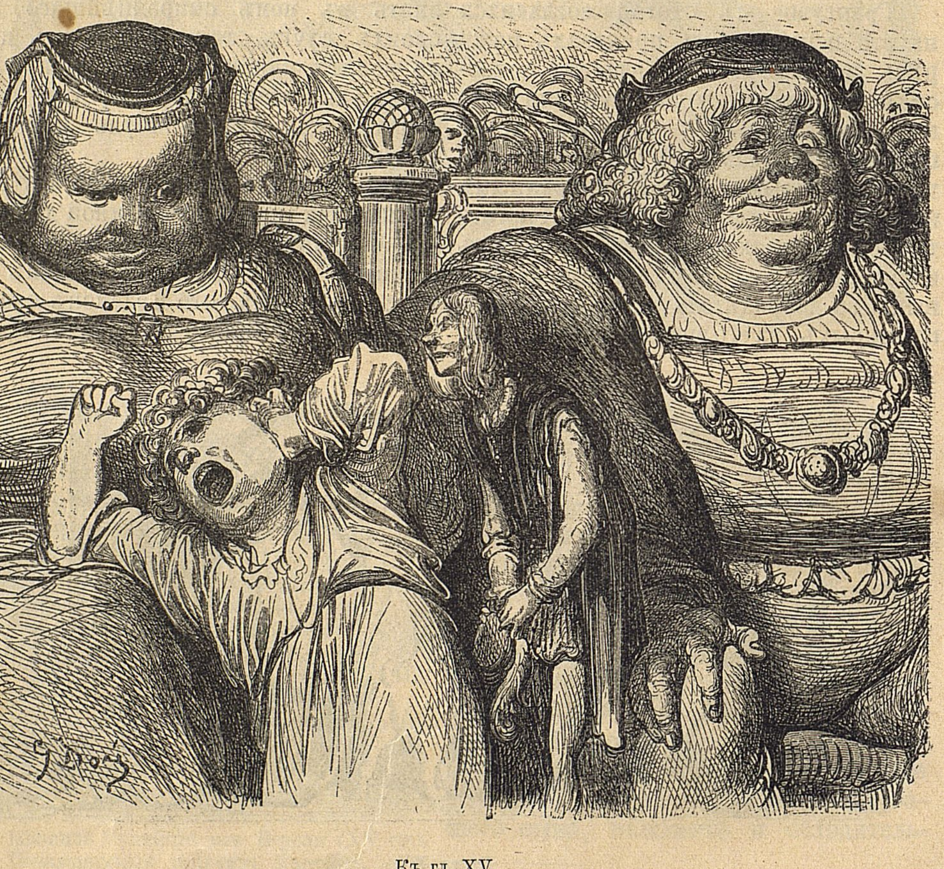
— По крайней мѣрѣ, — говорилъ онъ,—сегодня онъ не доставитъ никакихъ хлопотъ своему хозяину, если бы паче чаянія отправился на тотъ свѣтъ, пьянъ, какъ англичанинъ.

Когда мэтръ Жобеленъ удалился изъ дома, Грангузье посовѣтывался съ вице-королемъ о томъ, какого ему укажутъ наставника, и они условились, что въ эту должность будетъ опредѣленъ Понократъ, учитель Евдемона, и что они всѣ вмѣстѣ отправятся въ Парижъ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, чему обучаются въ настоящее время французскіе юноши.

XVI.

О томъ, какъ Гаргантюа былъ посланъ въ Парижъ и на какой громадной кобылѣ онъ туда поѣхалъ и какъ она справилась со слѣпнями провинціи Босъ.

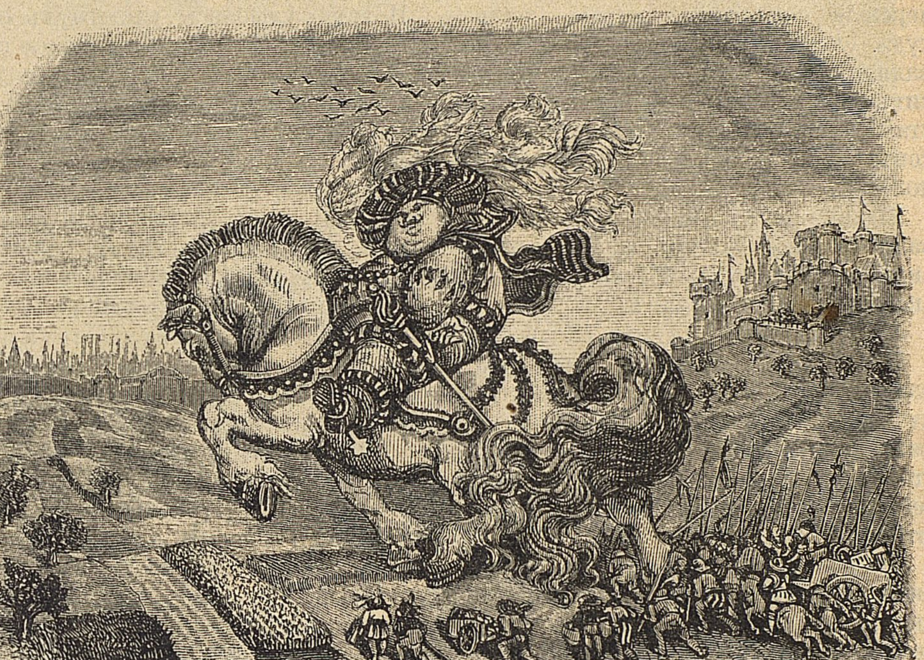
Въ это самое время Файоль, вице-король Нумидіи, прислалъ Грангузье изъ африканской земли самую огромную и самую чудовищную кобылу, какую когда-либо видали, такъ какъ вы знаете, что изъ Африки всегда приходитъ что-нибудь новое. Она была



Къ гл. XV.

величиною съ шестерыхъ слоновъ и ноги у нея были съ пальцами, какъ у коня Юлія Цезаря; а сама она вислоухая, какъ козы Лангедока, и съ рожкомъ на заду. Масти она была бурой, а мѣстами сѣрой въ яблокахъ. Но всего страшнѣе у нея былъ хвостъ, такой же толщины и такой же четырехугольный, какъ колонна св. Марка около Ланжа, и съ такими же колючками какъ у хлѣбныхъ колосьевъ.

Если это васъ удивляетъ, то вамъ слѣдуетъ еще пуще дивиться хвосту скиѳскихъ барановъ, которые вѣсили слишкомъ тридцать фунтовъ или же сирійскимъ овцамъ, которымъ приходится—если Тено [1]) не вретъ—привязывать сзади телѣжку, чтобы поддерживать хвостъ, до того онъ длиненъ и тяжелъ. У васъ, конечно, нѣтъ такихъ овецъ, въ здѣшнемъ плоскомъ краѣ, лежебоки вы этакіе!



Къ гл. XVI.

Кобыла была доставлена въ Олонскую гавань на трехъ ластовыхъ суднахъ и одной бригантинѣ.

И когда Грангузье ее увидѣлъ, то сказалъ:

— Вотъ какъ разъ такой конь, какъ нужно, чтобы доставить моего сына въ Парижъ. Ей-богу, теперь все пойдетъ какъ по маслу! Онъ станетъ со временемъ великимъ ученымъ. Если бы не почтенныя животныя, могли ли бы мы быть учеными?!

На другой день, распивъ бутылочку, Гаргантюа, его наставникъ Понократъ и свита тронулись въ путь; вмѣстѣ съ ними и молодой пажъ Евдемонъ. И такъ какъ погода стояла ясная и теплая, отецъ заказалъ для Гаргантюа полусапожки, которые Бабенъ [1]) называетъ ботинками.

И вотъ весело ѣхали они путемъ-дорогою и сладко ѣли и пили, пока не проѣхали Орлеана. А тамъ пошелъ густой лѣсъ длиной въ тридцать пять верстъ, а шириной въ семнадцать или около того. Въ этомъ лѣсу кишмя кишѣли мухи-кусачки и овода, и злополучнымъ кобыламъ, осламъ и жеребцамъ приходилось терпѣть муку мученскую. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за всѣ мученія, причиненныя ей и ея родичамъ, и такимъ способомъ, о которомъ никому и не снилось. Какъ только-что они вступили въ упомянутый лѣсъ и на нихъ напали овода, она пустила въ дѣло свой хвостъ и такъ усердно махала имъ, что стала валить кругомъ себя деревья: она махала вправо, влѣво, туда, сюда, вдоль и поперекъ, и повалила весь лѣсъ, какъ косецъ коситъ траву. И вотъ съ тѣхъ поръ не стало тамъ больше ни лѣсу, ни оводовъ, но весь край превратился въ поле.

---

[1]) Раблэ намекаетъ на Voyage et itinéraire de oultre mer faict parfrére Jean Tenaud maistre es arts, docteur en théologie et gardien des fréres mineurs d'Angoulesme.

[1]) Неизвѣстное лицо; можетъ быть, какой-нибудь извѣстный сапожникъ того времени.

Увидя это, Гаргантюа почувствовалъ большое удовольствіе, но выразилъ его безъ всякой похвальбы. Онъ сказалъ своимъ людямъ:

— Je trouve beau ce (Beauce).

И съ тѣхъ поръ край этотъ сталъ называться Босъ. Но вмѣсто завтрака имъ пришлось зѣвать. Въ память чего до сихъ поръ еще Босскіе дворяне вмѣсто завтрака зѣваютъ, но чувствуютъ себя прекрасно и тѣмъ усерднѣе плюются.

Въ концѣ концовъ прибыли въ Парижъ, гдѣ отдыхали въ продолженіе двухъ или трехъ дней, предаваясь веселой жизни вмѣстѣ со свитой, и наводили справки, какіе ученые люди въ немъ живутъ и какое въ немъ пьютъ вино.

XVII.

О томъ, какъ Гаргантюа привѣтствовалъ парижанъ и какъ онъ унесъ большіе колокола изъ церкви Парижской Богоматери.

Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ они отдохнули отъ дороги, Гаргантюа принялся осматривать городъ, и на него самого всѣ смотрѣли и дивились. Вѣдь народъ парижскій такъ глупъ, такой зѣвака и такъ нелѣпъ по природѣ, что всякій фокусникъ, всякій тряпичникъ, мулъ, увѣшанный бубенчиками, гудочникъ соберетъ вокругъ себя больше людей, чѣмъ хорошій евангелическій проповѣдникъ. И такъ они надоѣдали Гаргантюа, слѣдуя за нимъ по пятамъ, что онъ вынужденъ былъ искать убѣжища на башняхъ церкви Богоматери. Но, забравшись туда и видя такую толпу вокругъ себя, громко проговорилъ:

— Я думаю, что это дурачье хочетъ, чтобы я привѣтствовалъ ихъ. Дѣло! Я угощу ихъ виномъ, но только въ насмѣшку.

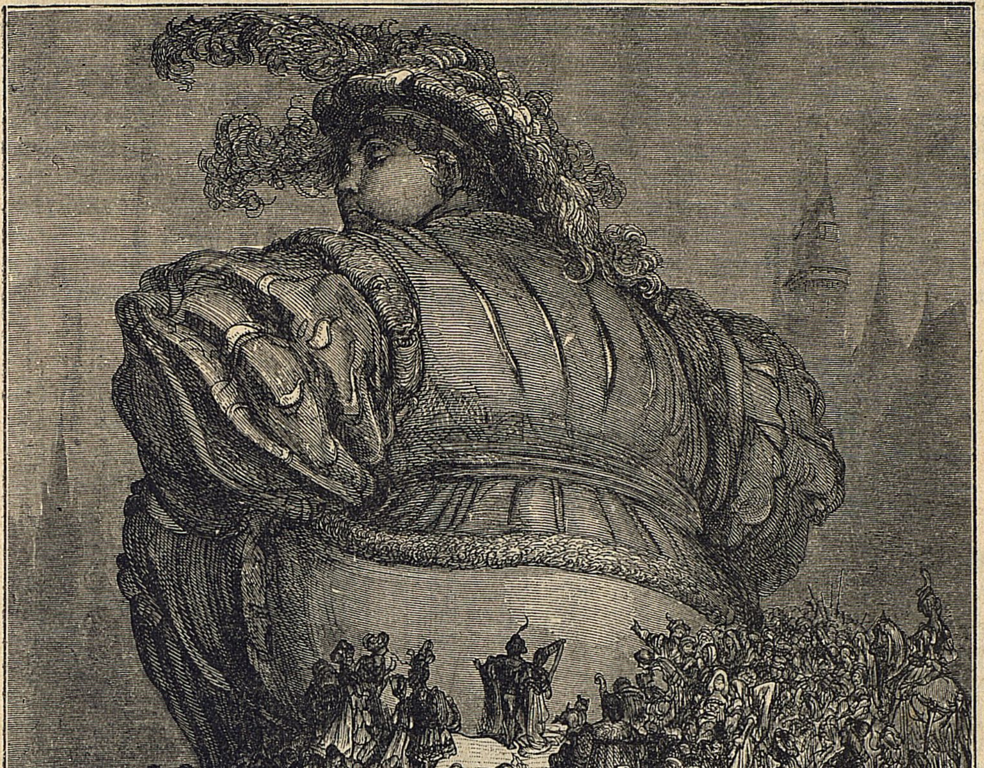
И тутъ, улыбаясь, растегнулъ свой прекрасный клапанъ и принялся такъ усердно мочить ихъ, что утопилъ двѣсти шестьдесятъ тысячъ четыреста восемь человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей.

Нѣкоторые изъ нихъ спаслись бѣгствомъ. И когда добѣжали до университета, обливаясь потомъ, кашляя, плюя, запыхавшись, принялись ругаться и вопить: одни съ сердцемъ, другіе со смѣхомъ: «Carymary, Carymara! Клянусь св. Дѣвой, насъ выкупали par ris (въ насмѣшку)» и вотъ отчего городъ сталъ называться съ той поры Paris, хотя прежде его звали Лютеція, по словамъ Страбона (lib IV), что значитъ по гречески Бѣлянка, отъ бѣлыхъ ляжекъ, которыми отличались дамы этого города. Всѣ присутствующіе поклялись патронами своихъ приходскихъ церквей удержать это новое названіе: парижане, состоящіе изъ людей всякаго рода и званія, всѣ отъ природы хорошіе ругатели и хорошіе юристы, да къ тому же и не безъ самонадѣянности. Отъ этого Іеронимъ де Барроко[1] въ libro de Copiositate reverentiarum полагаетъ, что они по-гречески зовутся Parrhesiani, то-есть краснобаи.

Совершивъ это, Гаргантюа сталъ разсматривать большіе колокола на вышеназванныхъ башняхъ и поднялъ музыкальный звонъ. И вотъ тутъ ему пришло въ голову, что колокола годятся вмѣсто бубенчиковъ на шею его кобылѣ, которую онъ хотѣлъ ото-

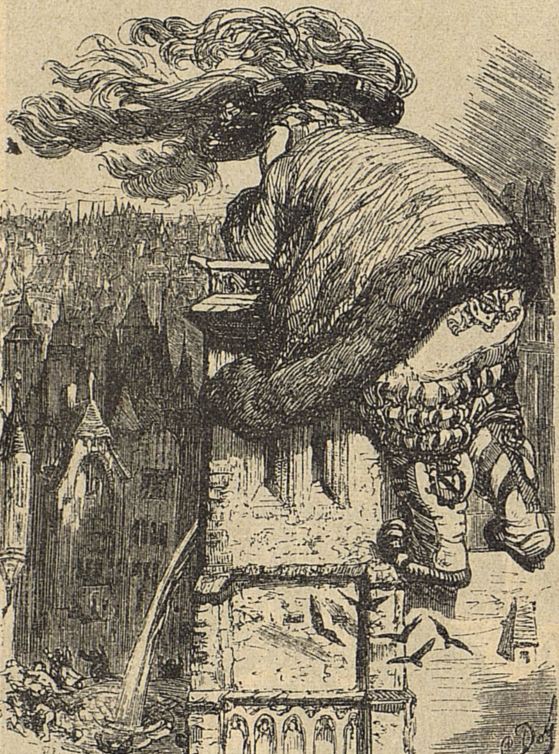
---

[1] Фантастическій писатель.



Къ гл. XVII.

слать отцу, нагруженную сырами Бри и свѣжими сельдями. И, дѣйствительно онъ унесъ колокола къ себѣ на квартиру. Тѣмъ временемъ явился завѣдующій свиными тушами св. Антонія, за сборомъ свинины: этотъ послѣдній, чтобы люди издали слышали о его приближеніи, а свиное сало трепетало въ кладовыхъ, думалъ было тихонько унести колокола. Но, какъ честный малый, оставилъ ихъ на мѣстѣ, не потому, чтобы ворованное добро жгло ему руки, но потому что колокола были тяжеленьки. Онъ былъ вовсе не изъ Бурга, потому что тотъ мой большой пріятель. Но весь городъ взбунтовался, къ чему, какъ вамъ извѣстно, онъ имѣетъ большую склонность, такъ что иностранныя націи дивятся терпѣнію французскихъ королей, которые не обуздываютъ его болѣе крупными мѣрами, чѣмъ простое правосудіе: ибо большія неудобства ежедневно проистекаютъ отъ этого. Дай Богъ, чтобы я зналъ ту мастерскую, въ которой изготовляются всѣ эти расколы и монополіи, и могъ бы обнаружить ихъ передъ моими прихожанами! Но мѣсто, куда сбѣжался обезумѣвшій и озлобленный народъ,— это Нель [1]), — прошу вѣрить мнѣ, — гдѣ прежде находился оракулъ Лютеціи и гдѣ теперь его нѣтъ. Тамъ изложили все дѣло и протестовали противъ неудобства похищенія колоколовъ.



Къ гл. XVII.

Обсудивъ вопросъ pro и contra, заключили en baralipton [1]), что пошлютъ старѣйшаго и достойнѣйшаго съ факультета къ Гаргантюа, чтобы доказать ему ужасное неудобство, проистекающее отъ потери вышеупомянутыхъ колоколовъ. И, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ университетскихъ господъ, утверждавшихъ, что такое порученіе приличествуетъ лучше оратору, нежели софисту, для этой миссіи выбранъ былъ мэтръ Янотусъ де-Брагмардо.

XVIII.

О томъ, какъ посланъ былъ Янотусъ де-Брагмардо, чтобы заполучить обратно отъ Гаргантюа большіе колокола.

Остриженный à la Цезарь, накрытый плащемъ и капюшономъ по-античному и согрѣвъ желудокъ вареньями и святой водой изъ погреба, мэтръ Янотусъ отправился на квартиру Гаргантюа, предшествуемый тремя краснорожими педелями и въ сопровожденіи пяти или шести maistres inertes [2]).

При входѣ ихъ встрѣтилъ Понократъ и очень испугался, увидя ихъ переодѣтыми, и подумалъ, что это маски явившіяся ни съ того, ни съ сего.

И освѣдомился у нѣкоторыхъ изъ членовъ банды, что означаетъ это шутовство. Ему отвѣтили, что они просятъ, чтобы имъ возвратили колокола.

Услышавъ эти слова, Понократъ побѣжалъ сообщить новость Гаргантюа, чтобы онъ приготовился къ отвѣту и немедленно обсудилъ, какъ тутъ быть.

Гаргантюа, извѣщенный объ этомъ дѣлѣ, отозвалъ въ сторону своего наставника Понократа, своего метрдотеля Филотомію, своего берейтора Гимнаста и Евдемона и торопливо посовѣтывался о томъ, какъ быть и что отвѣтить.

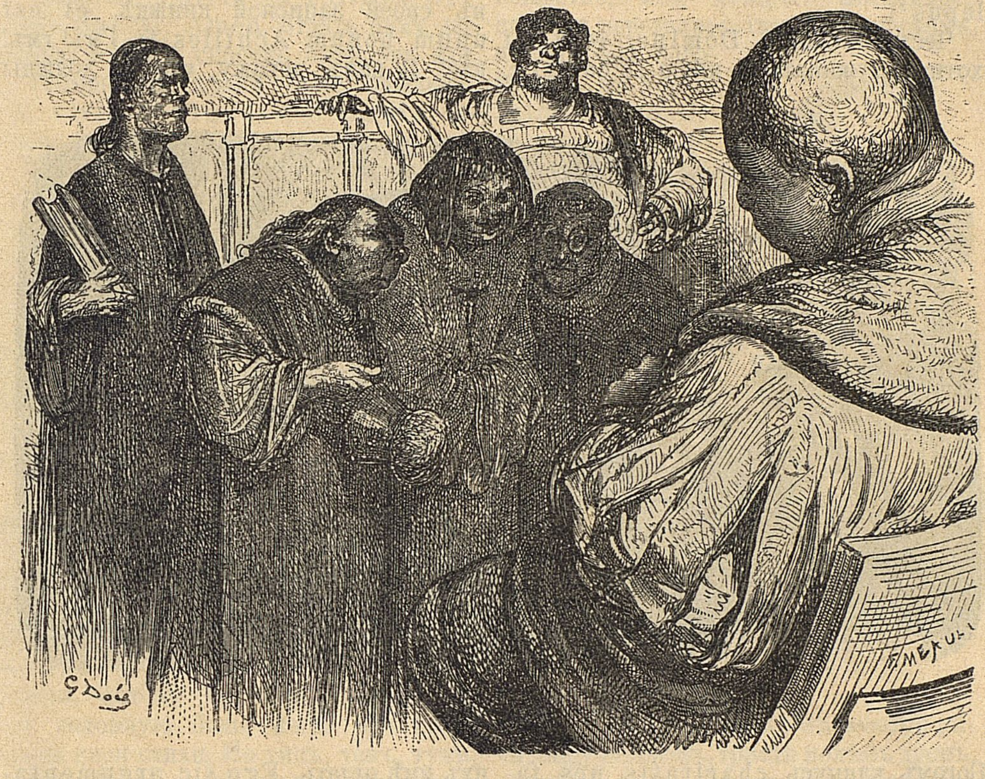
---

[1]) Башня Нель, на мѣстѣ которой помѣщается нынѣ hôtel des Monnaies.

[1]) Родъ силлогизма: классическій стихъ служилъ для обозначенія различныхъ формъ этого аргумента: «Barbara, celarent, darii, ferio, baralipton».

[2]) Насмѣшливое искаженіе maîtres ès arts,

Всѣ согласились въ томъ, что слѣдуетъ ихъ отвести въ буфетную и хорошенько напоить, а чтобы этотъ старый хрычъ не возмнилъ, что по его просьбѣ вернули колокола, то послать (пока онъ сидитъ за бутылкой) пригласить городского голову, ректора университета и церковнаго викарія, которымъ и возвратить колокола прежде чѣмъ софистъ выполнитъ данное ему порученіе; послѣ чего, въ присутствіи вновь прибывшихъ, выслушаютъ его рѣчь. Такъ и было исполнено. И когда вышеупомянутыя лица явились, софиста ввели въ залу и онъ, откашлявшись, сказалъ то, что ниже слѣдуетъ.



Къ гл. XVIII.

XIX.

Рѣчь мэтра Янотуса де-Брагмардо, обращенная имъ къ Гаргантюа, съ тѣмъ, чтобы вернуть колокола.

— Гмъ! гмъ! mnadies[1], сударь, mnadies et vobis, господа. Было бы очень хорошо, если бы вы отдали намъ наши колокола, потому что они очень намъ нужны. Гмъ! гмъ! кхе! Община Лондонъ въ Кагорѣ[1] и Бордо[2] въ провинціи Бри напрасно предлагали намъ во время оно большія деньги, желая купить ихъ, въ виду отличнаго качества ихъ элементарной сущности, по которой звуковая природа ихъ земныхъ составныхъ частей такъ внѣдрена въ нихъ, что они сокрушаютъ сильнѣйшія бури и непогоды, проносящіяся надъ нашими виноградниками, которые, собственно, не наши, а нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Вѣдь если мы лишимся вина, то лишимся всего, и разума, и закона. Если вы отдадите колокола по моей просьбѣ, я получу шесть связокъ сосисокъ и добрую пару штановъ, въ которыхъ будетъ тепло моимъ ногамъ, иначе же они нарушатъ свои обѣщанія. Охъ, ей-Богу, Domine, пара штановъ хорошая штука: et vir sapiens non abhorrebit eam[1]. Ха! ха! не всякому достаются штаны, кто въ нихъ нуждается. Я кое-что объ этомъ знаю. Подумайте, Domine, вотъ уже восемнадцать дней, что я готовлю эту прекрасную рѣчь. Reddite, quæ sunt Cæsaris, Cæsari, et quæ sunt Dei, Deo. Ibi jacet lepus[2].

---

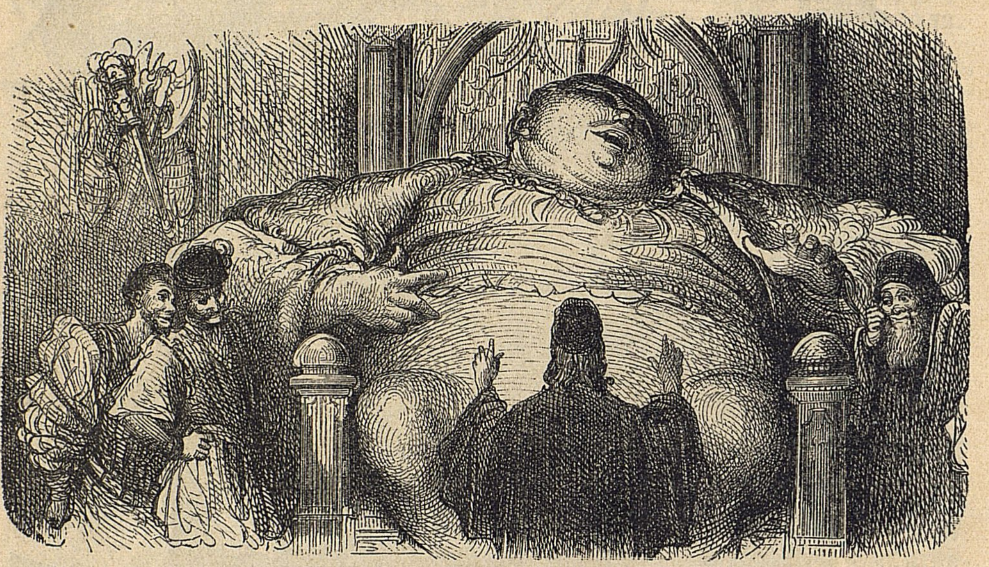
[1] Вмѣсто bona dies.

[1] Село около Кагора, у котораго были отняты колокола за сопротивленіе сборщикамъ податей.

[2] Мѣстечко Бордо, близъ Виль-Паризисъ (Сена-и-Марна).

Честное слово, Domine, если вы хотите отужинать со мною in camera, Богомъ клянусь, charitatis, nos faciemus bonum cherubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bon vinum[3]. Но изъ хорошаго вина не сдѣлаешь худой латыни. Итакъ, de parte Dei, date nobis clochas nostras[4]. Слушайте, я обѣщаю вамъ отъ имени нашего факультета экземпляръ Sermones de Utino (проповѣди Леонарди де Утино), utinam лишь бы вы отдали намъ наши колокола. Vultis etiam pardonos, per diem vos habebitis, et nihil payabitis[1].

О, сударь Domine, clochidonnaminor nobis. Dea! est bonum urbis[2]. Оно всѣмъ нужно. Если ваша кобыла ими довольна, то и нашъ факультетъ также, quae comparata est jumentis insipientibus, et similis facta est eis. Psalmo nescio quo[3]. Если только я вѣрно отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ, et est unum bonum Achilles[4]. Гмъ! гмъ! кхе! Я вамъ докажу, что вы должны ихъ мнѣ отдать. Ego sic argumentator. Omnis clocha clochabiles in clocherio clochando, clochans clochativo, clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo gluc[5]. Ха, ха, ха!



Къ гл. XIX.

---

[1] Умный человѣкъ не пренебрегаетъ этимъ.

[2] Воздадите Кесареви кесарево, а Богови Божіе. Въ этомъ вся штука.

[3] Мы славно пображничаемъ. Я закололъ свинью и у меня есть доброе вино.

[4] Ради Бога, отдайте намъ наши колокола.

[1] Хотите получить разрѣшеніе отъ грѣховъ? Богомъ клянусь, вы его получите и оно ничего вамъ не будетъ стоить.

[2] Возвратите намъ наши колокола. Это городское имущество.

[3] Намекъ на псалмы 49, 21.

[4] Ахиллесъ—школьное выраженіе, вмѣсто «неопровержимый аргументъ».

[5] Каждый звонко звонящій на колокольнѣ колоколъ, звоня своимъ языкомъ, заставляетъ звонящихъ звонко звонить. Нате на здоровье!

Надѣюсь, что это убѣдительно. Такъ стоитъ in tertio primæ in Darii или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Душой клянусь, было время, когда я только и зналъ, что диспутировалъ. Но въ настоящее время я только мечтаю. И отнынѣ мнѣ нужно только доброе вино, мягкая постель, да чтобы спину грѣлъ огонь, а брюхо упиралось въ накрытый столъ съ миской, налитой до краевъ. Эхъ! Domine, прошу васъ in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen, отдать намъ колокола и Богъ спасетъ васъ отъ зла, а Богородица храни ваше здоровье, qui vivit et regnat per omnia secula seculorum, Amen. Эхма! ну-у-у!

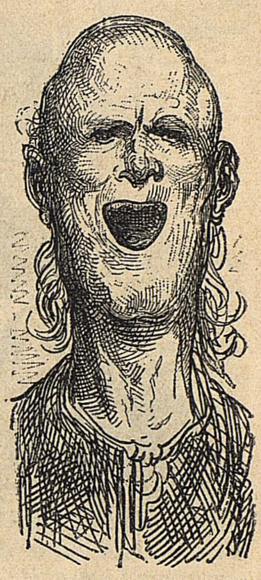
Verum enim vero quando quidem dubio procul. Edepol, quoniam, ita, certe, meus Deus fidus, городъ безъ колоколовъ, все равно—что слѣпой безъ палки, оселъ безъ пахва, корова безъ бубенчика. Пока вы ихъ намъ не вернете, мы не перестанемъ вопить вамъ вслѣдъ, какъ слѣпой, который потерялъ свою палку, ревѣть, какъ оселъ безъ пахва, и мычать, какъ корова безъ бубенчика.

Одинъ латинскій риѳмоплетъ, который жилъ возлѣ госпиталя, сказалъ однажды, ссылаясь на авторитетъ нѣкоего Тапонуса—или же, ошибся, Понтануса—свѣтскаго поэта: онъ желалъ-бы, чтобы колокола были изъ перьевъ, а ихъ языкъ изъ лисьяго хвоста, потому что они причиняютъ ему головную боль, когда онъ сочиняетъ свои стихи. Но тикъ, такъ, тукъ, трень, брень—онъ былъ объявленъ еретикомъ: мы вѣдь ихъ лѣпимъ точно изъ воска. Ну, ужъ онъ больше ничего подобнаго не говорилъ. Valete et plaudite. Calepinus recensui. 1)

XX.

О томъ, какъ софистъ унесъ свое сукно и какъ затѣялась тяжба между нимъ и остальными магистрами.

Не успѣлъ софистъ окончить свою рѣчь, какъ Понократъ и Евдемонъ покатились со смѣху и такъ хохотали, что чуть Богу душу не отдали, подобно Крассу, который умеръ со смѣху, глядя, какъ оселъ ѣлъ репейникъ, или Филемону, увидѣвшему, какъ оселъ съѣлъ фиги, приготовленныя къ обѣду. Вмѣстѣ съ ними разсмѣялся и мэтръ Янотусъ, и всѣ трое хохотали наперерывъ другъ передъ другомъ, пока слезы не навернулись у нихъ на глазахъ отъ сильнаго давленія на мозговое вещество, изъ котораго источились слезы и передались глазнымъ нервамъ, а сами они обратились въ гераклитствующаго Демокрита, или въ демокритствующаго Гераклита.



Къ гл. XX.

Когда смѣхъ улегся, Гаргантюа посовѣтовался со своими людьми о томъ, что дѣлать.

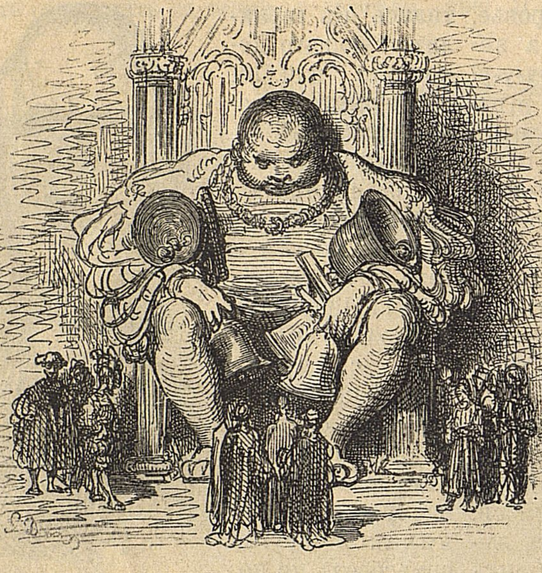
Тутъ Понократъ высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ вновь напоить прекраснаго оратора. И такъ какъ онъ ихъ позабавилъ и насмѣшилъ, какъ никакой другой сумасбродъ, то подарить ему десять связокъ сосисокъ, о которыхъ упоминалось въ веселой рѣчи, пару штановъ, триста полѣнъ дровъ, двадцать пять бочекъ вина, постель съ тремя перинами изъ гусиныхъ перьевъ и большую и глубокую миску, въ чемъ, какъ онъ говорилъ, нуждалась его старость.

Все было исполнено, какъ условились, за исключеніемъ одного, а именно: Гаргантюа велѣлъ выдать оратору семь аршинъ чернаго сукна и три аршина бѣлой шерстяной матеріи на подкладку, такъ какъ не надѣялся, чтобы нашлись готовые штаны, которые были бы ему впору, и при этомъ сомнѣвался также и въ томъ, какой фасонъ всего болѣе понравится вышеупомянутому оратору: съ бантомъ ли сзади,

---

1) Будьте здоровы и похлопайте намъ (конецъ комедіи Теренція). Я, Калепинусъ, руку приложилъ.

чтобы удобнѣе ихъ было развязывать, когда понадобится, или-же тѣмъ фасономъ, что у моряковъ, и который всего удобнѣе для почекъ, или же на швейцарскій манеръ, чтобы держать въ теплѣ животъ, или же съ хвостомъ, какъ у трески, чтобы не горячить почки. Дрова были снесены поденщиками, магистры снесли сосиски и миски. Мэтръ Жано самъ захотѣлъ нести сукно. Одинъ изъ вышеупомянутыхъ магистровъ, котораго звали мэтръ Жусъ Бандуйль, увѣрялъ, что это неблаговидно и неприлично для его званія и чтон ему слѣдуетъ поручить нести суко кому-нибудь изъ нихъ.



Къ гл. XX.

— Ахъ!—сказалъ Янотусъ,—оселъ, оселъ, твое заключеніе не построено in modo et figura. Вотъ къ чему служатъ предположенія, et parva logicalia. Pannus pro quo supponit? [1]).

— Confuse [2]), — отвѣчалъ Бандуйль,—et distributive [3]).

— Я не спрашиваю тебя, оселъ,—сказалъ Янотусъ—quomodo supponit, но pro quo, а это, оселъ, pro tibiis meis [4]). А потому понесу я egomet sicut suppositum portat adpositum [1]).

И унесъ сукно украдкой, какъ и Пателенъ [2]). Но всего лучше то, что когда кашлюнъ торжественно потребовалъ обѣщанные штаны и сосиски на засѣданіи у Матюреновъ [3]), ему въ нихъ наотрѣзъ отказали, ссылаясь на то, что, по наведеннымъ справкамъ, онъ ихъ получилъ уже отъ Гаргантюа.

Онъ доказывалъ имъ, что онъ получилъ ихъ gratis отъ щедротъ Гаргантюа и что это не освобождаетъ ихъ отъ обѣщанія.

Не смотря на то, ему отвѣчали, чтобы онъ былъ разсудителенъ и удовольствовался тѣмъ, что получилъ, и что больше онъ ничего не получитъ.

— Разсудителенъ! — сказалъ Янотусъ. Но при чемъ тутъ разсудительность?! Обманщики несчастные, вы недостойные люди! На землѣ нѣтъ злѣе людей, чѣмъ вы. Я вѣдь хорошо это знаю: не слѣдуетъ прихрамывать при хромыхъ. Я самъ плутовалъ вмѣстѣ съ вами. Клянусь Богомъ, я извѣщу короля о громадныхъ злоупотребленіяхъ, которыя тутъ творятся и вашими собственными руками. И да поразитъ меня проказа, если онъ не прикажетъ сжечь васъ живыми, какъ обманщиковъ, измѣнниковъ, еретиковъ и обольстителей, враговъ Бога и добродѣтели!

За эти слова они вчинили искъ противъ него, а онъ подалъ на нихъ встрѣчный искъ. Короче сказать, тяжба затянулась въ судѣ и до сихъ поръ еще не окончена. Магистры поклялись, что не станутъ мыться, а мэтръ Жано съ нѣсколькими приверженцами—сморкаться до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ рѣшено окончательно.

Благодаря этой клятвѣ, они и по сіе

---

[1]) Кому предназначено сукно?

[2]) Неопредѣленно.

[3]) Раздѣлительно.

[4]) Я не спрашиваю: какъ? но кому оно предназначено? Для моихъ костей.

[1]) Слѣдовательно я, такъ какъ предположеніе заключаетъ приложеніе.

[2]) Дѣйствующее лицо извѣстнаго фарса.

[3]) Члены ордена, основаннаго Иннокентіемъ III для выкупа невольниковъ у невѣрныхъ.

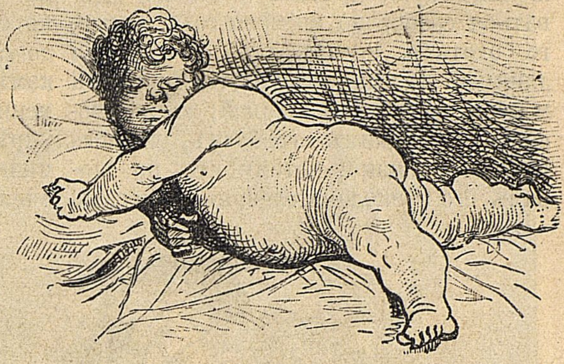
время пребываютъ грязными и сопливыми, потому что судъ все еще не разобрался въ документахъ. Приговоръ будетъ постановленъ ко второму пришествію, то-есть никогда. Вѣдь вы знаете, что эти люди творятъ наперекоръ природѣ и своимъ собственнымъ законамъ. Парижскіе законы говорятъ, что одинъ Богъ можетъ создать вещи безконечныя. Природа же ничего не производитъ безсмертнаго, а всему, что идетъ отъ нея, положенъ конецъ и извѣстный срокъ, потому что omnia orta cadunt, etc.[1].

Но эти полярные медвѣди дѣлаютъ всѣ тяжбы, которыя имъ приходится разбирать, нескончаемыми и безсмертными, что дало поводъ уже Хилону Лакедемонянину, Дельфійскому жрецу, сказать: «Нищета—спутникъ тяжбы, и тяжущіеся разоряются», и оправдываетъ эти слова. Потому что они скорѣе лишатся жизни, нежели выиграютъ дѣло.

XXI.

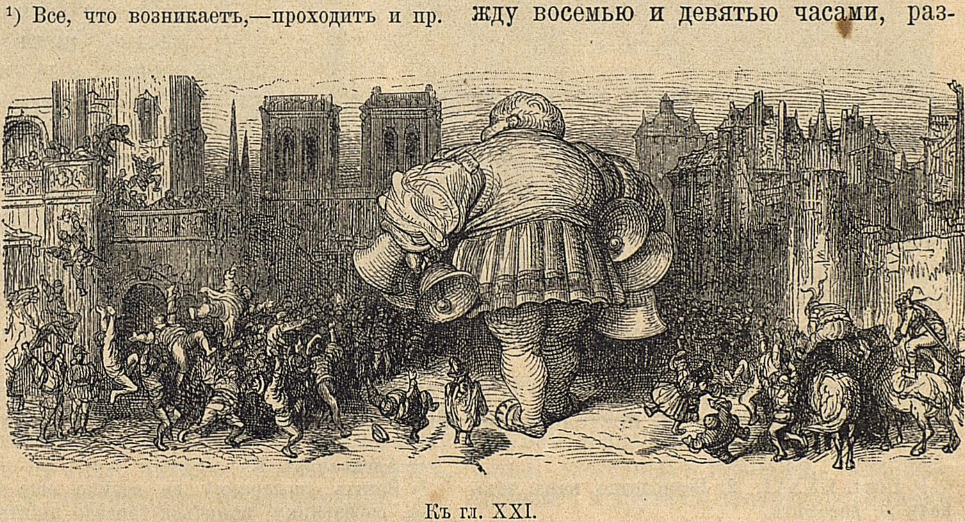
Обученіе Гаргантюа по методѣ его наставниковъ софистовъ.

По прошествіи первыхъ дней по пріѣздѣ Гаргантюа и послѣ того какъ колокола были водворены на мѣсто, парижскіе граждане въ благодарность за эту любезность предложили содержать и кормить кобылу Гаргантюа столько времени, сколько онъ пожелаетъ. Гаргантюа съ удовольствіемъ на это согласился. И вотъ кобылу послали на содержаніе въ лѣсъ Фонтенебло, но я не знаю, тамъ ли она въ настоящее время.



Къ гл. XXI.

Послѣ того Гаргантюа пожелалъ серьезно учиться подъ руководствомъ Понократа. Но этотъ послѣдній для начала приказалъ, чтобы онъ пока занимался привычнымъ для него способомъ, потому что онъ хочетъ узнать, какимъ образомъ его прежніе учителя образовали изъ него такого фата, глупца и невѣжду. И вотъ Гаргантюа проводилъ такимъ образомъ свое время. Обыкновенно, онъ просыпался между восемью и девятью часами, раз-



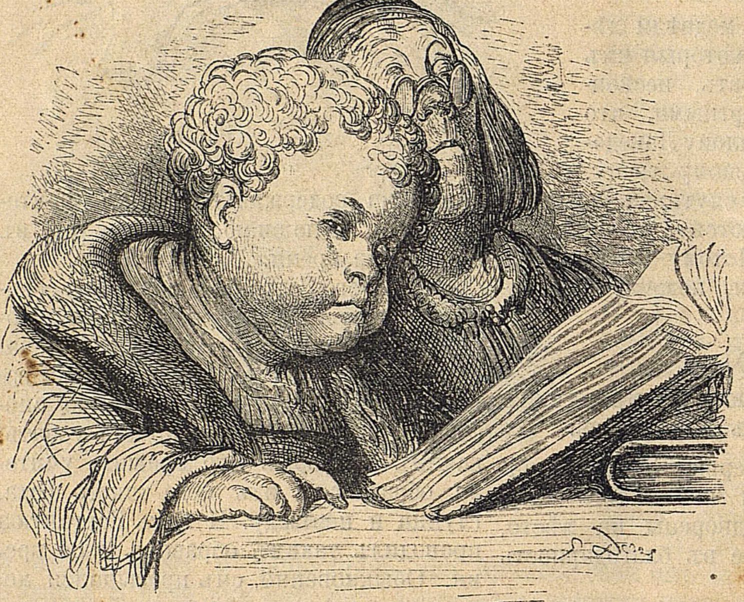
Къ гл. XXI.

---

[1] Все, что возникаетъ,—проходитъ и пр.

свѣло или нѣтъ—безразлично; ибо такъ приказывали его прежніе гувернеры, ссылаясь на слова Давида: Vanum est vobis ante lucem surgere [1].

Послѣ того онъ валялся еще нѣкоторое время въ постели, чтобы хорошенько пріободриться и затѣмъ одѣваться сообразно времени года; но всего охотнѣе носилъ онъ широкій и длинный халатъ изъ толстой фризовой матеріи, подбитый лисицей; затѣмъ чесался нѣмецкимъ гребнемъ, то-есть пятью пальцами, потому что, по словамъ его преподавателей, иначе чесаться, мыться и чиститься значило терять время на бѣломъ свѣтѣ.



Къ гл. XXI.

Послѣ того марался, мочился, блевалъ, харкалъ, зѣвалъ, плевалъ, кашлялъ, рыдалъ, чихалъ и сморкался, точно архидіаконъ, и завтракалъ, чтобы предохранить себя отъ сырости и простуды, жареными потрохами, жареной говядиной, славной ветчиной и рубленымъ мясомъ и похлебкой.

Понократъ уговаривалъ его не ѣсть такъ много, вставъ съ постели, прежде чѣмъ не сдѣлаетъ нѣкотораго моціона. Гаргантюа отвѣчалъ:

— Какъ! развѣ я не сдѣлалъ достаточно моціона? Я разъ шесть или семь перевернулся въ постели, прежде чѣмъ встать. Развѣ этого не довольно? Папа Александръ [1] такъ дѣлалъ по совѣту своего врача-еврея и жилъ до самой смерти, наперекоръ завистникамъ. Мои первые учителя къ этому меня пріучили, говоря, что завтракъ укрѣпляетъ память, и сами первые пили. Я чувствую себя при этомъ очень хорошо и обѣдаю съ тѣмъ большимъ аппетитомъ. И мэтръ Тюбаль, первый изъ парижскихъ лиценціатовъ, говорилъ мнѣ, что сила не въ томъ, чтобы скоро бѣжать, но рано выйти изъ дому; поэтому и для здоровья людей важно не то, чтобы они пили, пили безъ конца, какъ утки, но чтобы они пили съ ранняго утра. Unde versus:

Lever matin n'est point bon heur.
Boire matin est le meilleur [2].

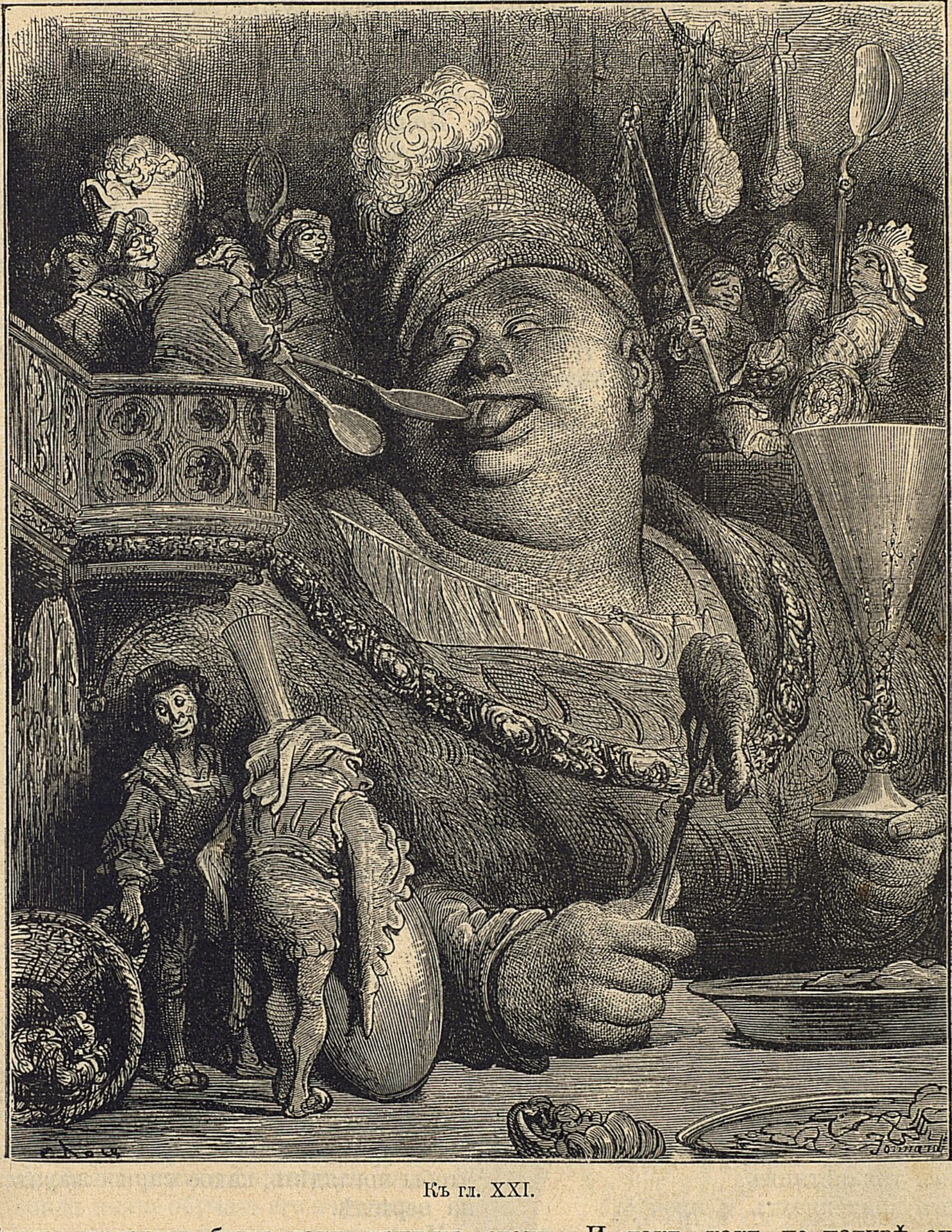
Позавтракавъ плотно, шелъ въ церковь, и за нимъ проносили туда въ большой корзинѣ толстый требникъ въ переплетѣ, который вѣсилъ — вмѣстѣ съ застежками и засаленнымъ пергаментомъ — ни болѣе, ни менѣе, какъ одиннадцать центнеровъ шесть фунтовъ Тамъ онъ слушалъ двадцать шесть или тридцать обѣденъ; туда же приходилъ его капелланъ, закутанный, какъ удодъ, и съ дыханіемъ, пропитаннымъ, въ качествѣ противоядія, виннымъ запахомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ бормоталъ всѣ молитвы и такъ старательно выговаривалъ ихъ, что ни одного слова не пропадало. По выходѣ изъ церкви ему привозили на телѣгѣ, запряженной волами, кучу четокъ Св. Клода, которыя были такъ крупны, какъ человѣческія головы, и онъ, прохаживаясь по монастырямъ, галлереямъ или по саду, читалъ больше молитвъ, чѣмъ шестнадцать отшельниковъ.

---

[1] Псал. CXXVI, 2: Безполезно вамъ вставать до разсвѣта.

[1] Александръ V.

[2] Встать спозаранку не велико еще счастье, спозаранку напиться гораздо пріятнѣе.



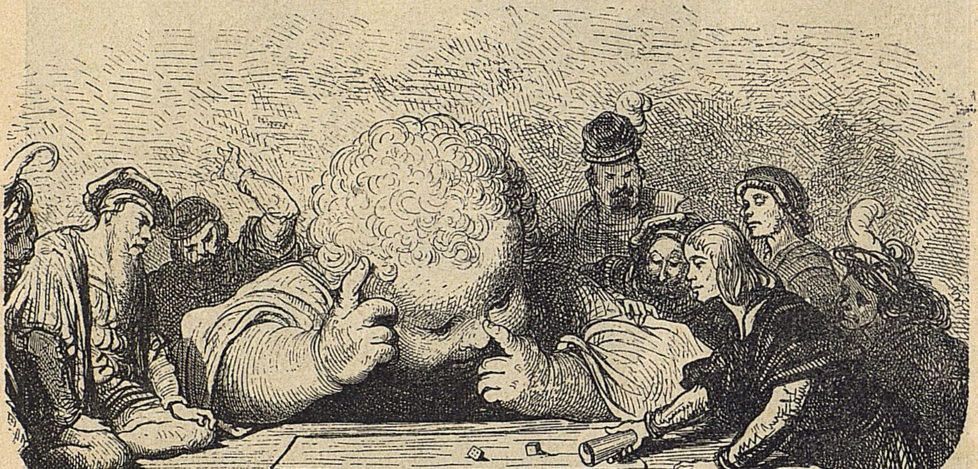
Къ гл. XXI.

Затѣмъ учился съ добрыхъ полчаса, уставясь глазами въ книгу, но (какъ говоритъ шутъ) душа его находилась на кухнѣ.

Обильно помочившись, садился за столъ. И такъ какъ по натурѣ онъ былъ флегматикъ, то начиналъ обѣдъ съ нѣсколькихъ дюжинъ окороковъ ветчины, копченыхъ языковъ, колбасъ, сосисокъ и другихъ предвозвѣстниковъ вина. Тѣмъ временемъ четверо изъ его людей кидали ему въ ротъ непрестанно, одинъ за другимъ, горчицу большими ложками, и онъ запивалъ ее большимъ глоткомъ бѣлаго вина, чтобы облегчить почки. Затѣмъ ѣлъ, смотря по времени года, разное мясо, сколько влѣзетъ, и переставалъ ѣсть только тогда, когда набивалъ себѣ животъ. Питью же не было ни отдыха, ни срока: онъ говорилъ, что предѣлъ для питья — это когда у того, кто пьетъ, пробковая стелька въ туфляхъ разбухнетъ на полфута.

XXII.

Игры Гаргантюа.



Къ гл. XXII.

Послѣ того, какъ бывало съ трудомъ пробормочетъ обрывокъ послѣобѣденной молитвы, Гаргантюа мылъ руки виномъ, прочищалъ зубы ногой борова и весело болталъ съ своими людьми. Затѣмъ, растянувъ коверъ, приносили карты, кости и шашки. Онъ игралъ:

въ трилистникъ,
въ ландскнехтъ и проч.[1]).

Наигравшись вдоволь, убивъ даромъ время, приличествовало еще выпить — по одиннадцати горшковъ на человѣка, а напировавшись, растянуться на покойной скамьѣ или, еще того лучше, на мягкой постели и проспать два или три часа, не думая и не говоря ничего худого.

Проснувшись, Гаргантюа отряхивался, затѣмъ приносили еще вина и онъ опять пилъ себѣ на здоровье.

Понократъ убѣждалъ его, что вредно пить послѣ сна.

— Такую точно жизнь ведутъ Отцы,—отвѣчалъ Гаргантюа. У меня по природѣ сонъ такой соленый, что когда я сплю, это все равно, какъ если бы я ѣлъ ветчину.

Послѣ того снова принимался за ученье и пускалъ въ ходъ четки, а чтобы дѣло шло успѣшнѣе, садился на стараго мула, служившаго уже девяти королямъ, и, бормоча и качая головой, ѣхалъ смотрѣть, какъ ловятся кролики въ сѣти.

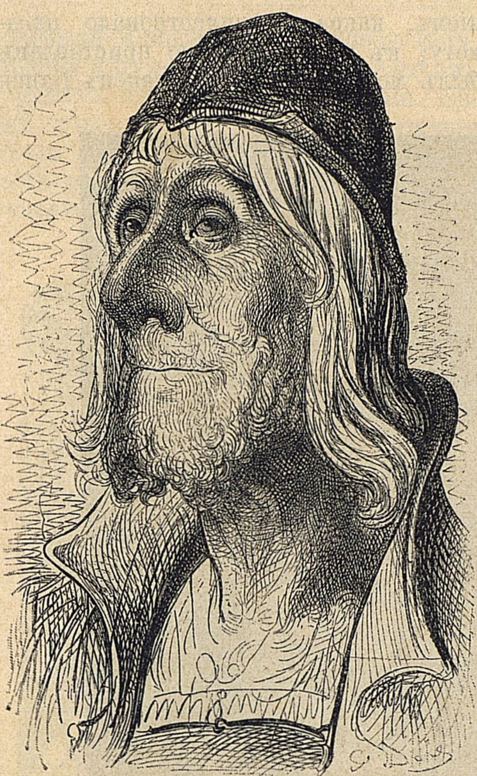
По возвращеніи шелъ въ кухню, чтобы поглядѣть, какое жаркое жарится на вертелѣ.

И прекрасно ужиналъ, честное слово, и охотно приглашалъ нѣсколькихъ сосѣдей-бражниковъ, съ которыми пилъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ числѣ прочихъ, въ его свитѣ

---

[1]) Тутъ слѣдуетъ длинный перечень игръ, большею частью вымышленныхъ и не поддающихся переводу.



Къ гл. XXIII.

находились господа дю-Фу, де-Гурвиль, де-Гриньо и де-Мариньи.

Послѣ ужина наступалъ чередъ деревянныхъ евангелій, то есть игральныхъ картъ и костей, или же ходили провѣдать красивыхъ дѣвушекъ по сосѣдству и устраивали пирушки и разныя закуски и заѣдки, послѣ чего Гаргантюа ложился спать и спалъ безъ просыпу до восьми часовъ утра.

XXIII.

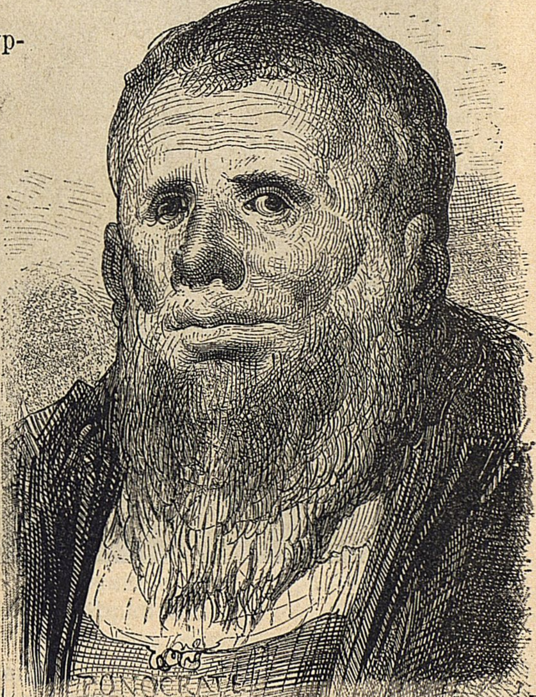
О томъ, какъ Гаргантюа въ такой дисциплинѣ воспитывался Понократомъ, что не терялъ по пусту ни одного часа во днѣ.

Когда Понократъ узналъ порочный образъ жизни Гаргантюа, онъ рѣшилъ иначе обучать его наукамъ, но на первое время позволилъ ему вести прежній образъ жизни, считая, что природа не терпитъ внезапныхъ перемѣнъ и возмущается противъ нихъ.

Поэтому, чтобы успѣшнѣе приступить къ своему дѣлу, онъ упросилъ ученаго врача того времени, мэтра Теодора, указать, можно ли направить на путь истинный Гаргантюа.

Врачъ закатилъ ему слабительное по всѣмъ правиламъ искуства и этимъ путемъ исправилъ всѣ уклоненія и дурныя привычки мозга. Этимъ же средствомъ Понократъ заставилъ его забыть все, чему онъ учился подъ руководствомъ своихъ старыхъ учителей, какъ это дѣлалъ Тимоѳей [1]) со своими учениками, которые раньше учились у другихъ музыкантовъ. Для большаго успѣха, онъ вводилъ его въ общество людей ученыхъ, находившихся въ городѣ, чтобы соревнованіе съ ними укрѣпляло его умъ и вселяло въ него желаніе хорошо учиться и отличаться.

Затѣмъ такъ распредѣлилъ его занятія, чтобы онъ не терялъ ни одного часа во днѣ, и такимъ образомъ все

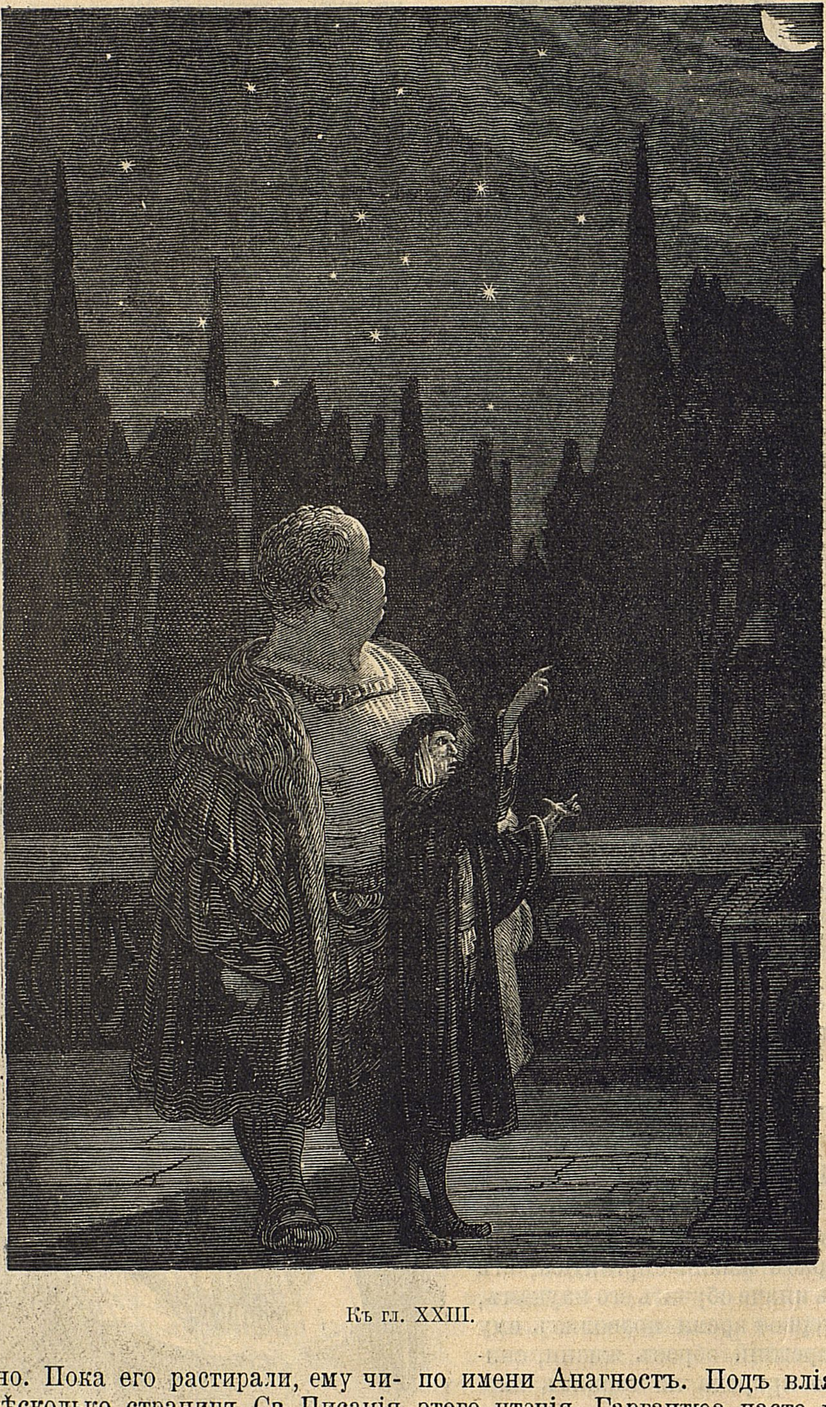


Къ гл. XXIII.

---

[1]) Тимоѳей изъ Милета, знаменитый флейтистъ Александра Великаго.

его время занято было изученіемъ науки и литературы. Гаргантюа просыпался въ четыре часа утра приблизительно. Пока его растирали, ему читали нѣсколько страницъ Св. Писанія громко и внятно, и съ тѣмъ выраженіемъ, какое приличествовало предмету; къ этому занятію приставленъ былъ молодой пажъ, уроженецъ Башэ, по имени Анагностъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія, Гаргантюа часто принимался бить поклоны, славословить,

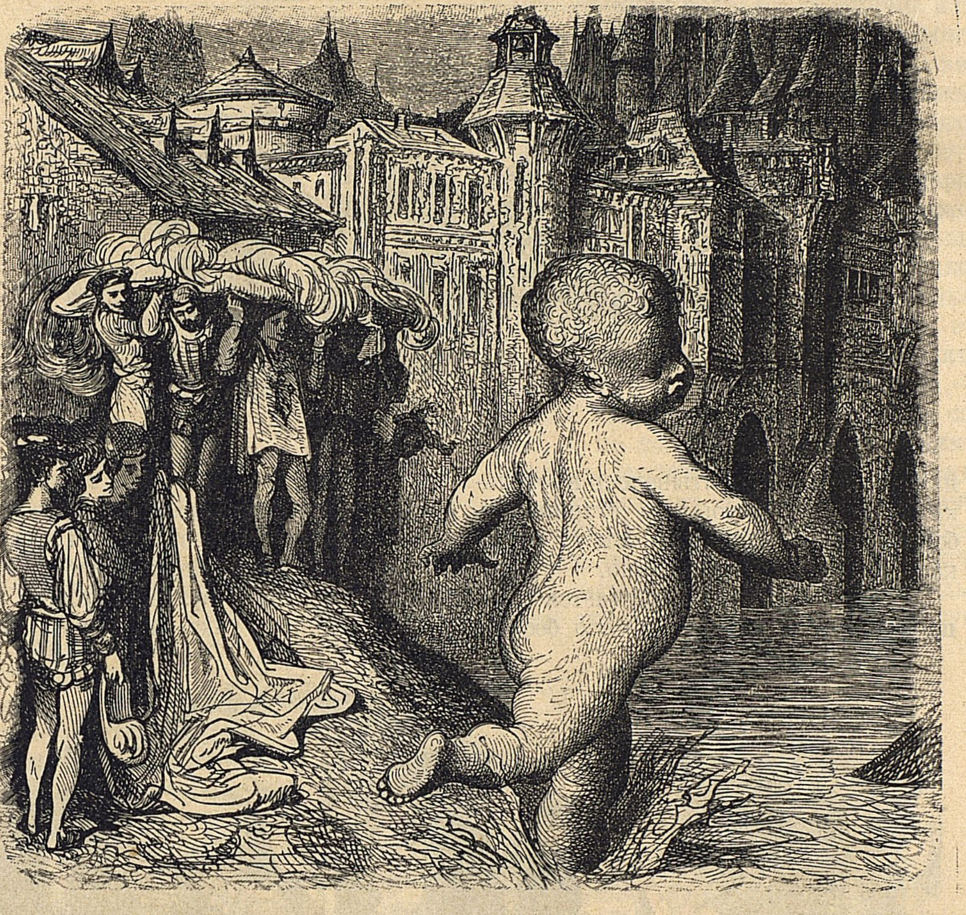


Къ гл. XXIII.

молиться и взывать къ Господу Богу, величіе и чудесные пути Котораго онъ узнавалъ изъ чтенія Св. Писанія. Послѣ того отправлялся въ укромныя мѣста облегчить кишки отъ естественныхъ результатовъ пищеваренія. Тамъ учитель повторялъ ему прочитанное, объясняя самыя темныя и непонятныя мѣста.

На возвратномъ пути изучали небо: таково ли оно, какимъ они видѣли его наканунѣ вечеромъ, и при какихъ знакахъ восходитъ солнце, а также и луна въ тотъ день.

Послѣ того Гаргантюа одѣвали, причесывали, завивали, наряжали и вспрыскивали духами и въ продолженіе всего этого времени повторяли ему уроки предыдущаго дня. Онъ самъ говорилъ ихъ наизусть и связывалъ съ ними нѣкоторые практическіе случаи изъ жизни человѣческой. Такъ занимался онъ иногда два-три часа сряду, но эти занятія обыкновенно прекращались, когда онъ былъ совсѣмъ одѣтъ. Послѣ того въ продолженіе добрыхъ трехъ часовъ учитель давалъ ему урокъ.

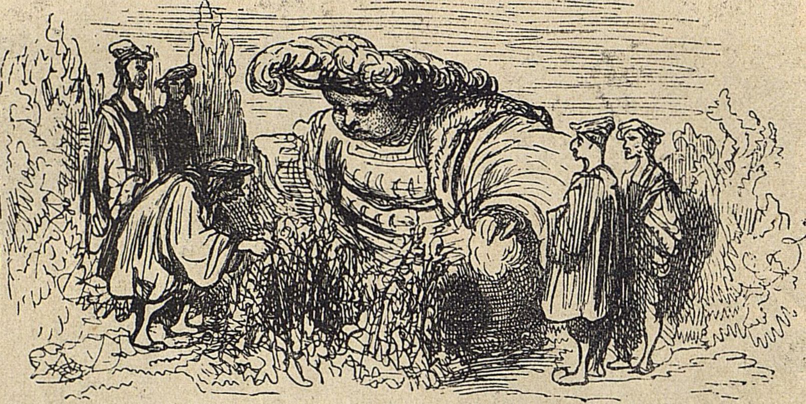


Къ гл. XXIII.

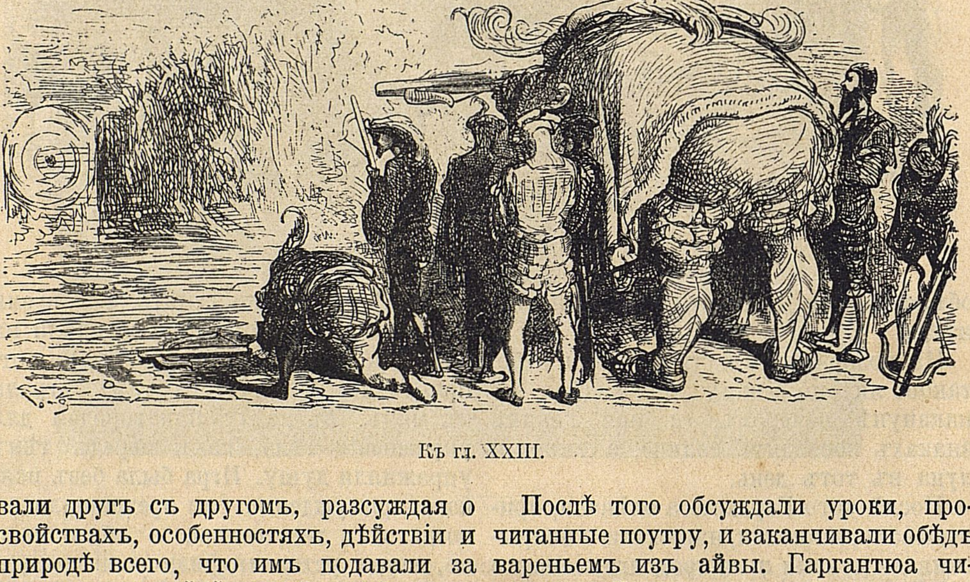
Послѣ того шли гулять, все время толкуя о прочитанномъ, и заходили на площадь, гдѣ играютъ въ мячъ, или отправлялись на лугъ и тамъ играли въ мячъ, въ лапту или городки для упражненія тѣла, какъ передъ тѣмъ упражняли душу. Игра была безъ всякаго принужденія: они прекращали ее, когда имъ вздумается, и обыкновенно, когда уставали физически или умственно. Послѣ того хорошенько обтирались и растирались, смѣняли рубашку и, тихонько прогуливаясь, шли посмотрѣть, готовъ ли обѣдъ. Въ ожиданіи обѣда декламировали отчетливо и выразительно нѣсколько сентенцій, удержавшихся въ памяти изъ прочитаннаго.

Тѣмъ временемъ разыгрывался аппетитъ, и тогда садились за столъ. Въ началѣ обѣда прочитывалось нѣсколько забавныхъ исторій о старинныхъ богатырскихъ подвигахъ, въ то время какъ Гаргантюа пилъ вино.

Послѣ того, какъ вздумается, или продолжали чтеніе, или весело бесѣдовали другъ съ другомъ, разсуждая о свойствахъ, особенностяхъ, дѣйствіи и природѣ всего, что имъ подавали за столомъ: о хлѣбѣ, винѣ, водѣ, соли, мясѣ, рыбахъ, плодахъ, травахъ, кореньяхъ, и ихъ изготовленіи.



Къ гл. XXIII.



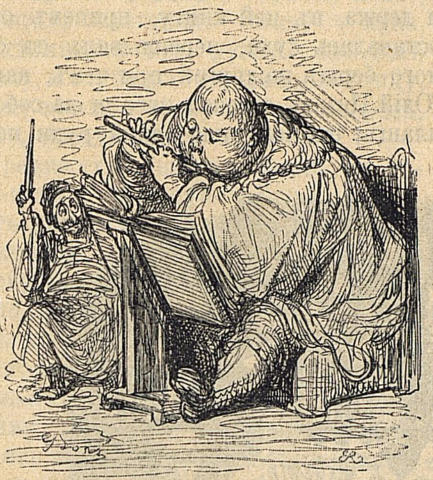
Къ гл. XXIII.

И такимъ образомъ въ короткое время знакомились со всѣми подходящими къ этому мѣстами у Плинія, Аѳенея, Діоскорида, Юлія Поллукса, Галена, Порфирія, Опіана, Полибія, Геліодора, Аристотеля, Эліана и др.

И во время этихъ бесѣдъ часто, для большей увѣренности, приносили вышеупомянутыя книги за столъ. И Гаргантюа такъ хорошо запоминалъ все сказанное, что не было врача, который бы зналъ вполовину такъ много, какъ онъ.

Послѣ того обсуждали уроки, прочитанные поутру, и заканчивали обѣдъ вареньемъ изъ айвы. Гаргантюа чистилъ себѣ зубы стволомъ мастиковаго дерева, мылъ чистой водой руки и глаза, благодарилъ Бога нѣсколькими прекрасными кантами, восхвалявшими Божіе милосердіе и щедроты.

Послѣ того приносили карты, но не для того, чтобы играть, а чтобы научиться многимъ новымъ фокусамъ и выдумкамъ, которые всѣ были основаны на ариѳметикѣ. Этимъ путемъ онъ полюбилъ ариѳметику и каждый день, послѣ обѣда и ужина, проводилъ, занимаясь ею, время гораздо пріятнѣе, чѣмъ прежде играя въ кости или карты. И скоро онъ такъ хорошо изучилъ ариѳметику теоретически и практически, что англичанинъ Тунсталь, который много написалъ о ней, сознался, что въ сравненіи съ Гаргантюа онъ былъ просто неучъ.



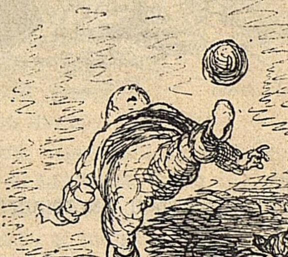
Къ гл. XXIII.

И не съ одной только ариѳметикой,— такъ было и съ другими математическими науками, какъ-то: геометріей, астрономіей и музыкой, потому что, въ ожиданіи, пока переварится обѣдъ, они занимались многими веселыми инструментами и геометрическими фигурами и даже практиковались въ астрономическихъ канонахъ.

Затѣмъ упражнялись въ пѣніи квартетовъ съ варіаціями на излюбленную тему. Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то онъ учился играть на лютнѣ, на клавикордахъ, на арфѣ, на нѣмецкой флейтѣ, на альтѣ и на тромбонѣ.

Проведя часокъ въ этихъ занятіяхъ, по окончаніи пищеваренія, испражнялся и затѣмъ снова садился учиться въ продолженіе трехъ часовъ и болѣе: повторялъ утренній урокъ, читалъ далѣе начатую книгу, писалъ, стараясь красиво выводить готическія и римскія буквы.

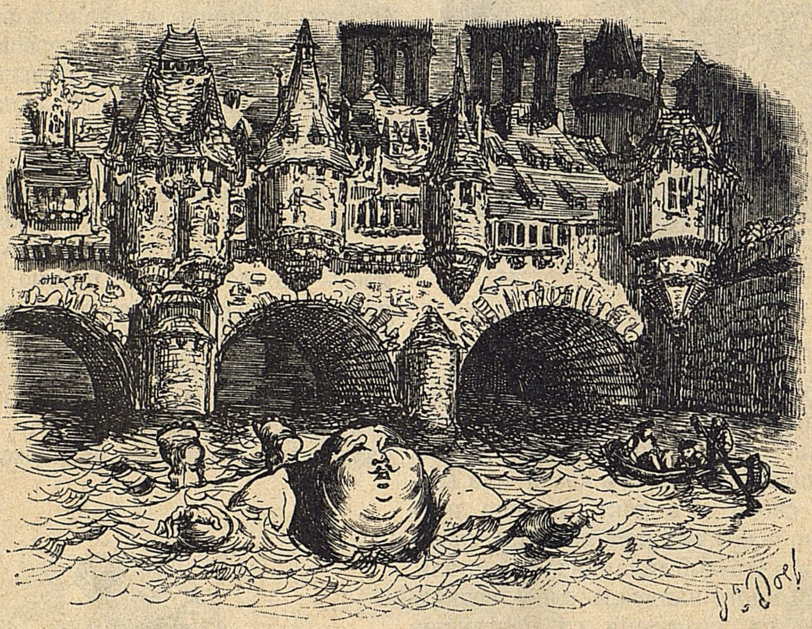
Послѣ того выходили изъ дома въ сопровожденіи молодого дворянина изъ Турени, котораго звали берейторомъ Гимнастомъ и который училъ Гаргантюа верховой ѣздѣ. Переодѣвшись, Гаргантюа садился на коня, какого-нибудь испанскаго жеребца или берберійскую лошадь, и скакалъ въ карьеръ, волтижировалъ, перескакивая чрезъ рвы и барьеры, дѣлалъ вольты справа налѣво и слѣва направо. Потомъ ломалъ, но только не копье, потому что нѣтъ ничего глупѣе въ мірѣ, какъ говорить: «Я сломалъ десять копій на турнирѣ или въ сраженіи»,— всякій плотникъ сдѣлалъ бы то же самое, — но почетно и славно однимъ копьемъ сразить десятерыхъ враговъ. И такъ своимъ острымъ, крѣпкимъ копьемъ Гаргантюа ломалъ ворота, пробивалъ латы, вырывалъ съ корнемъ дерево, снималъ кольцо, скидывалъ сѣдло, панцырь или желѣзную перчатку. И все это производилъ вооруженный съ головы до ногъ. И никто не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ красоваться на конѣ и парадировать. Феррарскій волтижеръ былъ просто обезьяна по сравненію съ нимъ. Удивительно искусно перескакивалъ



Къ XXIII.

онъ съ одной лошади на другую, не касаясь земли. Такихъ лошадей называли перемѣнными, и онъ умѣлъ, держа копье на отлетѣ, ѣздить на лошади безъ стремянъ и безъ уздечки и управлять ею по своему усмотрѣнію. Все это пригодно для военной дисциплины.

Въ другой разъ онъ упражнялся въ искусствѣ владѣть сѣкирой, которую такъ крѣпко держалъ, такъ ловко вращалъ и такъ искусно отклонялъ ею всякіе удары, что въ этомъ отношеніи могъ назваться мастеромъ своего дѣла.



Къ гл. XXIII.

Послѣ того бился на пикахъ, на обоюдоострыхъ шпагахъ, на сабляхъ, на кинжалахъ, то вооруженный щитомъ, то не вооруженный.

Охотился на оленя, дикую козу, медвѣдя, серну, кабана, зайца, куропатокъ, фазановъ, дрофъ. Игралъ въ большой мячъ и подкидывалъ его въ воздухъ какъ ногой, такъ и кулакомъ.

Боролся, бѣгалъ, прыгалъ, но не въ три пріема и не на одной ногѣ, или, такъ называемымъ, нѣмецкимъ прыжкомъ. Гимнастъ говорилъ, что всѣ эти прыжки ни къ чему не служатъ на войнѣ. Нѣтъ, онъ сразу перескакивалъ черезъ ровъ, барьеръ, карабкался на стѣну и влѣзалъ въ окно, отстоявшее отъ земли на высоту копья.

Плавалъ въ глубокой водѣ на животѣ, на спинѣ, на боку, разсѣкая воду всѣмъ тѣломъ, или однѣми ногами, поднявъ одну руку надъ водой и держа въ ней книгу, причемъ она оставалась суха, переплывалъ съ одного берега на другой, при чемъ, какъ Юлій Цезарь, тащилъ зубами за собою плащъ; съ помощью одной руки поднимался въ лодку, снова бросался оттуда, головой внизъ, въ воду, погружался на дно, изслѣдовалъ подводные камни, нырялъ въ колдобины и водовороты, поворачивалъ лодку, правилъ ею, быстро гналъ ее впередъ, замедлялъ ея ходъ, велъ ее по теченію, противъ теченія, одной рукой держалъ весло, другою руль, ставилъ паруса, карабкался по мачтамъ, лазилъ по стеньгамъ, направлялъ компасъ и управлялъ рулемъ.

Выскочивъ изъ воды, взбѣгалъ на гору и такъ же легко сбѣгалъ внизъ, ходилъ какъ кошка по деревьямъ, перепрыгивалъ съ одного на другое какъ бѣлка, ломалъ толстѣйшія сучья, какъ второй Милонъ, помощью двухъ отточенныхъ кинжаловъ и двухъ крѣпкихъ шилъ взбирался по стѣнѣ дома, какъ крыса, и затѣмъ спускался сверху внизъ такъ ловко, что не подвергался опасности упасть и расшибиться. Металъ дротикъ, камни, стрѣлы, копье, алебарду, натягивалъ тетиву у лука, прицѣливался изъ ружья, наводилъ пушку, и стрѣлялъ въ цѣль, въ птицу, сверху внизъ и снизу вверхъ, впередъ, сбоку, назадъ, какъ парѳяне.

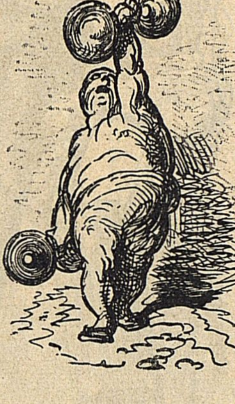
Привяжутъ, бывало, канатъ, на какую-нибудь высокую башню и спустятъ конецъ на землю; онъ взбирается по канату, перебирая руками, затѣмъ спускается внизъ такъ быстро и увѣренно, точно внизу для него подостланъ мягкій коверъ. Въ другой разъ приставятъ толстый шестъ къ двумъ деревьямъ, онъ повиснетъ на немъ обѣими руками и передвигается, не касаясь ногами земли, да такъ быстро, что никакому скороходу его не догнать.

А для упражненія грудной клѣтки и легкихъ онъ кричалъ во весь голосъ. Я услыхалъ разъ, какъ онъ звалъ Евдемона и крикъ былъ слышенъ на протяженіи отъ воротъ св. Виктора до Монмартра. Самъ Стенторъ не кричалъ такъ громко въ сраженіи подъ Троей.

А ради укрѣпленія мускуловъ для него соорудили двѣ большихъ оловянныхъ болванки, вѣсомъ въ восемь тысячъ семьсотъ центнеровъ, которыя онъ называлъ своими гирями. Онъ бралъ ихъ съ земли, по одной въ руку и поднималъ надъ головой и держалъ такимъ образомъ не шевелясь три четверти часа и долѣе, что доказывало несравненную силу. Игралъ въ городки съ самыми большими силачами. И когда доходила до него очередь, такъ упирался ногами, что подъ тяжестью его сгибались тѣ, которые пытались сдвинуть его съ мѣста, какъ нѣкогда это было съ Милономъ. И, какъ Милонъ, онъ держалъ въ рукахъ гранатовое яблоко и отдавалъ его тому, кто сможетъ его у него отнять.

Послѣ такого времяпрепровожденія онъ растирался, мылся и переодѣвался, и всѣ тихонько возвращались домой, а, проходя по лугу или другимъ поросшимъ травою мѣстамъ, осматривали деревья и растенія, и провѣряли то, что о нихъ написано древними, какъ Ѳеофрастъ, Діоскоридъ, Маринусъ, Плиній, Никандръ, и Галенъ, и уносили ихъ цѣлыя охапки домой, гдѣ за ними смотрѣлъ молодой пажъ по имени Ризотомъ, у котораго кромѣ того находились на храненіи лопаты, заступы, садовые ножи и другіе инструменты, необходимые въ садоводствѣ.

По возвращеніи домой, пока готовили ужинъ, повторяли нѣкоторыя мѣста изъ прочитаннаго и садились за столъ. Здѣсь надо замѣтить, что обѣдъ былъ скромный и умѣренный, такъ какъ ѣли только для того, чтобы червячка заморить, но ужинъ за то былъ обильный и сытный. Гаргантюа ѣлъ за ужиномъ ровно столько, сколько нужно, чтобы насытиться и поддержать свои силы. И такова настоящая діэта, предписываемая доброй и вѣрной медициной, хотя бы толпа дураковъ медиковъ, сбитыхъ съ толку софистами, и совѣтывала противное. За ужиномъ продолжался обѣденный урокъ, насколько находили это подходящимъ, остальное время проводили въ ученой и полезной бесѣдѣ.



Къ гл. XXIII.

Помолившись Богу, предавались музыкѣ и пѣнію: играли на различныхъ инструментахъ или же занимались фокусами изъ картъ, костей и стакановъ; и такъ пріятно проходило время за вкусной ѣдой и развлеченіями, пока не наступалъ часъ ложиться спать. Иногда же ходили навѣстить компанію людей ученыхъ или такихъ, что побывали въ чужихъ краяхъ.

Среди ночи, прежде чѣмъ разойтись на покой, шли на самое открытое мѣсто въ квартирѣ и глядѣли на небо, замѣчали кометы, если таковыя появлялись, фигуру, ситуацію, аспектъ, противостояніе и соединеніе небесныхъ созвѣздій.

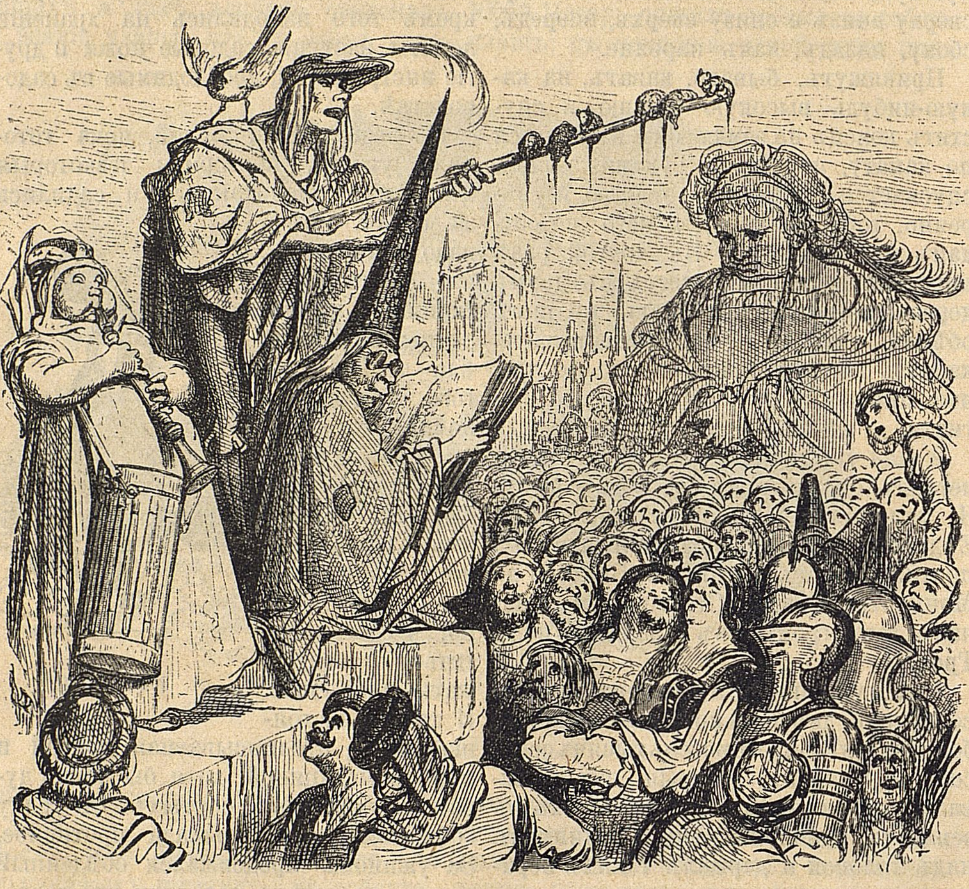
Послѣ того Гаргантюа вмѣстѣ со своимъ наставникомъ повторялъ, на манеръ пиѳагорейцевъ, все то, что они за день прочитали, видѣли, сдѣлали и слышали.

И затѣмъ молились Богу съ колѣнопреклоненіемъ, для укрѣпленія своей вѣры: славословили Его за неизреченную благость и благодарили за протекшее время, предавая себя Его милосердію на будущее время. Послѣ того отходили на покой.

XXIV.

О томъ, какъ Гаргантюа проводилъ время въ дождливую погоду.

Если случалось, что погода была дождливая и холодная, то все время до обѣда проводилось какъ обыкновенно, съ тою только разницею, что Гаргантюа приказывалъ хорошенько растопить каминъ, чтобы согрѣть воздухъ. Но послѣ обѣда, вмѣсто упражненій на открытомъ воздухѣ, съ гигіеническою цѣлью занимались уборкой сѣна, кололи и пилили дрова, молотили хлѣбъ въ ригѣ. Послѣ того занимались искусствомъ живописи и скульптуры, или же возстановляли обычай античной игры въ бабки, какъ ее описывалъ Леоникусъ и какъ въ нее играетъ нашъ добрый другъ Ла-



Къ гл. XXIV.

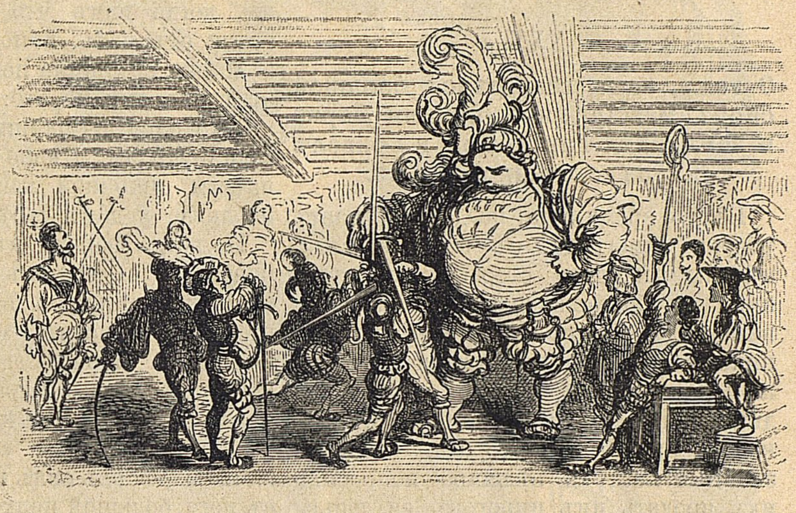
скарисъ 1) Играя припоминали тѣ мѣста у древнихъ авторовъ, въ которыхъ о ней упоминается; или же придумывали какую-нибудь подходящую метафору на эту игру. А не то ходили смотрѣть, какъ плавятъ металлъ и льютъ пушки: или же посѣщали мастерскія ювелировъ, рѣзчиковъ драгоцѣнныхъ камней, или же лабораторіи алхимиковъ, монетный дворъ, ткацкія, гдѣ ткутъ шелковыя матеріи и бархатъ, органныхъ мастеровъ, типографщиковъ, красильщиковъ и всякихъ другихъ ремесленниковъ, гдѣ, давая на водку, знакомились съ пріемами и изобрѣтеніями различныхъ ремеслъ.

Ходили слушать публичныя лекціи, торжественные акты, репетиціи, декламаціи, защитительныя рѣчи адвокатовъ, проповѣди христіанскихъ проповѣдниковъ.

Гаргантюа посѣщалъ также фехтовальныя залы и фехтовалъ съ преподавателями этого искусства, доказывая на опытѣ, что такъ же хорошо, какъ они, и пожалуй даже лучше ихъ, владѣлъ оружіемъ. А вмѣсто того, чтобы заниматься садоводствомъ, посѣщалъ лавки дрогистовъ и аптекарей, знакомился съ плодами, корнями, листьями, смолой, сѣменами, иностранными мазями и съ тѣмъ, какъ ихъ поддѣлывали. Ходилъ смотрѣть акробатовъ, фокусниковъ, наблюдалъ за ихъ движеніями, хитростями, уловками, прыжками и краснобайствомъ, въ особенности уроженцевъ Шони и Пикардіи, которые отъ природы большіе болтуны и краснобаи и мастера на всякія штуки.

Вернувшись къ ужину, ѣли болѣе умѣренно, нежели въ другіе дни, и болѣе легкія и удобоваримыя яства, дабы предотвратить вредныя послѣдствія сырости воздуха, сообщившейся тѣлу, и отсутствія обычныхъ физическихъ упражненій.

Такъ воспитывался Гаргантюа и изо дня въ день велъ подобный образъ жизни, и, какъ легко поймете, съ превеликой для себя пользой, какъ это и естественно для молодого человѣка его лѣтъ и одареннаго здравымъ смысломъ. Сначала эти занятія казались трудными, но съ теченіемъ времени становились все легче и пріятнѣе, и больше походили на время препровожденіе короля, нежели ученіе школьника.



Къ гл. XXIV.

Со всѣмъ тѣмъ Понократъ, чтобы доставить ему отдыхъ отъ такого сильнаго напряженія ума, выбиралъ разъ въ мѣсяцъ ясный и хорошій день, когда они съ утра покидали городъ и отправлялись въ Жантильи, или въ Булонь, въ Монружъ, въ Понъ-Шарантонъ, или въ Ванвъ и Сенъ-Клу. И тамъ проводили весь день пируя, веселясь, забавляясь, угощаясь виномъ, распѣвая пѣсни, танцуя, валяясь на лугу, ища по гнѣздамъ пташекъ, ловя куропатокъ, таская изъ пруда лягушекъ и раковъ.

Но если въ такой день и не заглядывали въ книги, а обходились безъ

---

1) Библиотекарь Франциска I.

чтенія, это не значитъ, чтобы день проходилъ безъ пользы. Сидя на цвѣтущемъ лугу, они наизусть сказывали какое-нибудь прекрасное стихотвореніе о земледѣліи Виргилія, Гезіода, изъ «Rustico», Пульчіана, припоминали забавныя латинскія эпиграммы и переводили ихъ французскими стихами.

Пируя, отдѣляли вино отъ воды, какъ это учитъ дѣлать Катонъ (De Re rust.) и Плиній, посредствомъ рюмки изъ плюща, промывали вино въ тазу съ водой и затѣмъ извлекали его посредствомъ воронки, а воду переливали изъ одного стакана въ другой и устраивали автоматическіе приборы, то есть такіе, которые сами собой приходили въ движеніе.

XXV.

О томъ, какъ возгорѣлся большой споръ между пирожниками Лернэ и земляками Гаргантюа и привелъ къ ожесточенной войнѣ.

Въ то время года, когда наступаетъ уборка винограда, въ началѣ осени, мѣстные пастухи стерегли виноградники, чтобы скворцы не поклевали виноградъ. Въ это самое время пирожники изъ Лерна проѣзжали по большой дорогѣ, сопровождая десять или двѣнадцать возовъ съ пирогами, предназначенными для города. Вышеназванные пастухи вѣжливо попросили ихъ продать имъ пироговъ за деньги по рыночной цѣнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ роскошнѣе угощенія для тѣхъ, кто страдаетъ запоромъ, какъ поѣсть за завтракомъ винограда съ пирожками, будетъ ли то коринка, или мускатъ, или рислингъ. Но эту просьбу пирожники не только не исполнили, но—еще хуже того—сильно оскорбили пастуховъ, обозвали болтунами, дураками, скотами, тупицами, лѣнтяями, сластунами, пьяницами, хвастунами, негодяями, грубіянами, невѣжами, разинями, нищими, оборванцами, зубоскалами, свинопасами, погаными пастухами и еще другими обидными прозвищами, прибавивъ, что не пристало имъ ѣсть такіе прекрасные пироги, а должны они довольствоваться чернымъ хлѣбомъ и овсяными лепешками.

На эти оскорбленія одинъ изъ обруганныхъ, котораго звали Форжье, честнѣйшій человѣкъ и бакалавръ, мягко отвѣчалъ:

— Съ какихъ поръ стали вы такъ дерзки и грубы? Вы прежде охотно продавали намъ пирожки, а теперь въ нихъ отказываете. Такъ добрые сосѣди не дѣлаютъ, и мы съ вами не такъ поступаемъ, когда вы являетесь сюда покупать нашу прекрасную пшеницу, изъ которой печете свои пирожки. Мы охотно дали бы вамъ еще въ придачу винограда, но, клянусь Богородицей, вы раскаетесь въ своемъ поступкѣ и когда-нибудь мы вамъ отплатимъ тѣмъ же, когда вамъ что-нибудь понадобится отъ насъ, попомните это!

Марке, старшина цеха пирожниковъ, отвѣчалъ ему на это:

— Право, ты слишкомъ сердитъ сегодня утромъ. Вѣрно вчера, вечеромъ наѣлся пшонной каши. Подойди-ка поближе, я дамъ тебѣ пирожковъ.

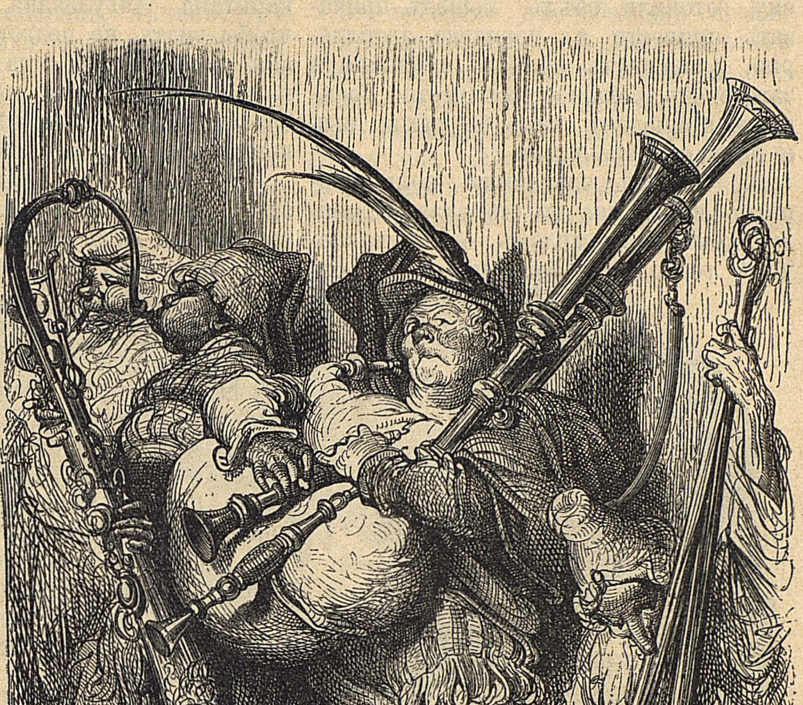
Но когда Форжье, въ простотѣ души, подошелъ и вынулъ изъ пояса монету въ одиннадцать денье, ожидая, что Марке отпуститъ ему пирожки, этотъ послѣдній ударилъ его бичомъ по ногамъ, да такъ сильно, что шишки повскакивали, и хотѣлъ убѣжать; но Форжье закричалъ: «Караулъ! убиваютъ!» изо всѣхъ силъ и затѣмъ бросилъ въ него большой палкой, которую держалъ подъ мышкой, и угодилъ ему въ правый високъ, такъ что Марке свалился съ лошади полумертвый.

Тѣмъ временемъ прибѣжали мызники, которые неподалеку сбивали съ деревьевъ орѣхи длинными шестами, и принялись тузить пирожниковъ, точно хлѣбъ молотить. Другіе пастухи и пастушки, услышавъ крики Форжье, прибѣжали со своими пращами и принялись осыпать каменьями, точно градомъ. Въ концѣ концовъ, они ихъ задержали и отняли у нихъ четыре или пять дюжинъ пирожковъ, заплативъ за нихъ, однако, обычную цѣну, и дали имъ въ придачу сотню орѣховъ и три корзины бѣлаго винограда. Послѣ того пирожники помогли Марке, опасно раненному, сѣсть на лошадь и вернулись въ Лернэ, не продолжая пути въ Парелье, но крѣпко грозясь и ругая пастуховъ, волопасовъ и мызниковъ Селье и Сине. Пастухи же и пастушки стали угощаться пирожками и прекраснымъ виноградомъ и веселились подъ звуки волынки, подсмѣиваясь надъ хвастунами пирожниками, которымъ славно досталось за то, что они утромъ лѣвой рукой перекрестились. И стали прикладывать раздавленный виноградъ къ ногамъ Форжье, которыя скоро зажили.

XXVI.

О томъ, какъ жители Лернэ, подъ командой своего короля Пикрошоля, внезапно напали на пастуховъ Гаргантюа.

Пирожники, вернувшись въ Лернъ, сразу, не пивши, не ѣвши, отправились въ Капитолій и пожаловались своему королю, котораго звали Пикрошоль, третій этого имени, и показали ему сломанныя корзины, смятыя шапки, разорванныя платья, раздавленные пирожки, а главное, серьезно раненнаго Марке, говоря, что все это сотворили пастухи и мызники Грангузье на большомъ перекресткѣ, миновавъ Селье.

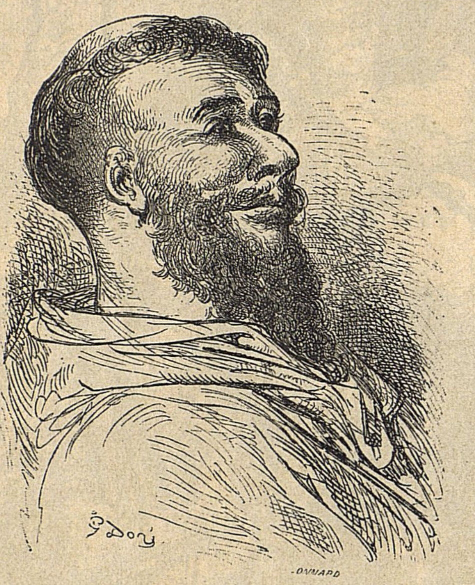


Къ гл. XXVI.

Король тотчасъ распалился гнѣвомъ и, не разбирая дѣла, повелѣлъ герольдамъ огласить на весь край объ ополченіи, и чтобы каждый, подъ страхомъ смертной казни, явился вооруженный на большую площадь, около замка, ровно въ полдень.

Для большаго успѣха своего предпріятія, онъ повелѣлъ бить въ барабаны въ окрестностяхъ города и, пока ему готовили обѣдъ, пошелъ приказать привести въ порядокъ артиллерію, развернуть знамена и значки и заготовить большое количество военныхъ припасовъ, какъ боевыхъ, такъ и по части провіанта.

За обѣдомъ назначилъ командующихъ войсками: по его указу командующимъ авангардомъ былъ назначенъ господинъ Трепелю, и въ его арміи числилось шестнадцать тысячъ четырнадцать пищальниковъ, тридцать тысячъ и одиннадцать авантюристовъ[1]); командующимъ артиллеріей назначенъ былъ оберъ-шталмейстеръ Тукдильонъ, и она насчитывала девятьсотъ четырнадцать большихъ бронзовыхъ орудій, пушекъ четырехъ и восьми-фунтовыхъ, гаубицъ, кулевринъ, бомбардъ, мортиръ и т. д.; командованіе арьергардомъ поручено было герцогу Рокденару.



Къ гл. XXVII.

Самъ король и королевскіе принцы присоединились къ войску. Когда все было готово, прежде чѣмъ выступить въ путь, послали триста человѣкъ легкой кавалеріи, подъ начальствомъ капитана Ангулевана, на развѣдки, чтобы знать, не подготовляется ли какая западня. Но, тщательно изслѣдовавъ край, нашли его въ полномъ спокойствіи и тишинѣ, безъ признаковъ какихъ-нибудь сборищъ.

Услышавъ это, Пикрошоль приказалъ, чтобы каждый отрядъ не медля выступилъ подъ своимъ знаменемъ.

И вотъ, безъ всякаго порядка, вразсыпную, разсѣялись они по странѣ, топча и уничтожая все, мимо чего проходили, не щадя ни бѣднаго, ни богатаго, ни храмовъ, ни домовъ обывателей. Они забирали воловъ и коровъ, быковъ, телятъ, телокъ, овецъ, барановъ, козъ и козловъ, куръ, каплуновъ, цыплятъ, утокъ, гусей, кабановъ, свиней, поросятъ, сбивали орѣхи, обрывали виноградъ, вырывали лозы, сбивали всѣ плоды съ деревьевъ.

Безпорядокъ, который они производили, ни съ чѣмъ сравнить нельзя. И никто имъ, однако, не сопротивлялся; напротивъ того, всѣ сдавались имъ безусловно, умоляя ихъ быть человѣчнѣе, во вниманіе къ тому, что они всегда были добрыми и любезными сосѣдями и никогда не позволяли себѣ относительно ихъ какихъ-нибудь обидъ или насилій, какія могли бы оправдать такое дурное обращеніе, и что Богъ скоро ихъ покараетъ. На всѣ эти упреки нападающіе отвѣчали только одно,—что они покажутъ имъ, какъ ѣсть пирожки.

XXVII.

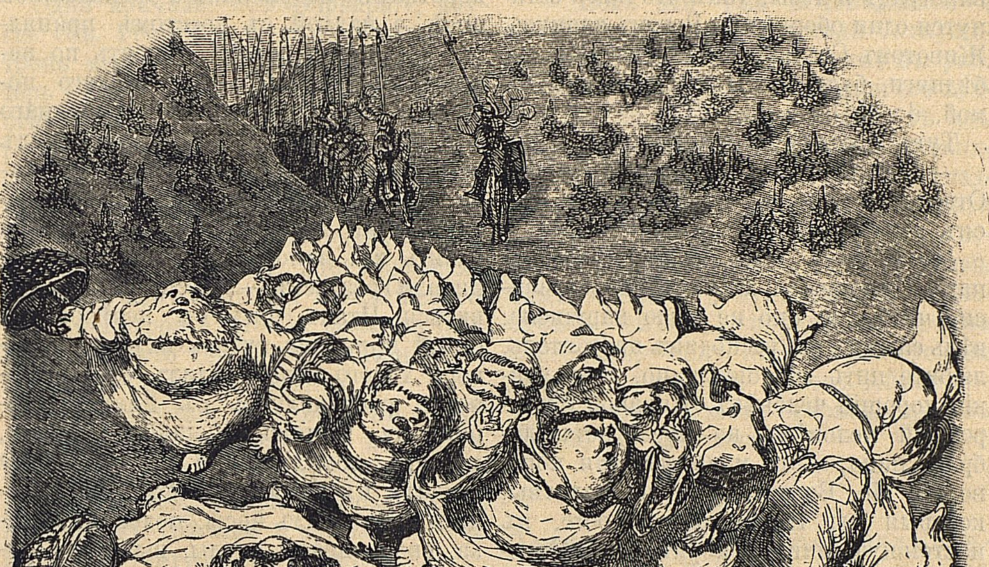
О томъ, какъ одинъ монахъ въ Селье спасъ фруктовый садъ аббатства отъ вражескаго нашествія.

Такъ шли они, грабя и безчинствуя, пока не дошли до Селье и тамъ обобрали всѣхъ встрѣчныхъ мужчинъ и женщинъ и захватили все, что могли. Ничто не казалось имъ ни слишкомъ тяжелымъ, ни слишкомъ громоздкимъ. И хотя чума свирѣпствовала въ большинствѣ домовъ, они всюду входили, грабили все, что тамъ было, но никто не заразился болѣзнью, что̀ было довольно удивительно, такъ какъ священники, викаріи, проповѣдники, врачи, хирурги и аптекаря, которые посѣщали, перевязывали, лѣчили, утѣшали и пріобщали больныхъ, всѣ умерли отъ заразы, а эти чортовы грабители и убійцы нисколько не заразились. Какъ это случилось, господа, подумайте-ка, прошу васъ объ этомъ?

---

[1]) Случайные солдаты. При Францискѣ I почти всю французскую пѣхоту обозначали этимъ именемъ.

Разграбивъ городъ, направились въ аббатство съ страшнымъ гвалтомъ, но нашли его запертымъ и подъ охраной, а потому главная армія пошла къ броду Ведъ [1]), за исключеніемъ семи отрядовъ пѣхотинцевъ и двухсотъ копьеносцевъ, которые остались при аббатствѣ и проломили стѣны плодоваго сада, чтобы опустошить виноградникъ. Бѣдняги-монахи не знали, какому святому молиться, и на всякій случай принялись звонить ad capitulum capitulantes [2]). И при этомъ рѣшено было устроить торжественную процессію, съ подкрѣпленіемъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и молебствій contra hostium insidias [1]) и возгласовъ pro pace.



Къ гл. XXVII.

Въ то время въ аббатствѣ проживалъ монахъ, котораго звали братомъ Жаномъ Сокрушителемъ, молодой, бодрый, веселый, сильный, ловкій, смѣлый, рѣшительный, развязный, высокій, худой, горластый, носастый, лихо отбарабанивавшій заутреню, на почтовыхъ служившій обѣдню и на курьерскихъ — всенощную; короче сказать, настоящій монахъ, какой когда-либо былъ съ тѣхъ поръ, какъ монашествующій міръ монахами обмонашился. При этомъ и требникъ онъ зналъ вдоль и поперекъ. Этотъ монахъ, услышавъ шумъ, какой производилъ непріятель въ монастырскомъ виноградникѣ, вышелъ на дворъ, чтобы поглядѣть, въ чемъ дѣло. И увидя, что непріятель опустошаетъ виноградникъ, виноградъ котораго долженъ былъ доставить монастырю запасъ вина на цѣлый годъ, вернулся на хоры церкви, гдѣ находились всѣ остальные монахи, съ виду такіе же оглушенные, какъ колокольные литейщики и вопившіе: *«im, im, pe, e, e, e, e, e, tum, um, in, i, ni, i. mi, co, o, o, o, o, o, rum, um»*.

---

[1]) На рѣкѣ Віеннѣ.

[2]) Чтобы созвать весь капитулъ.

[1]) См. 59 псаломъ.

— Ну васъ къ Богу, съ вашимъ пѣніемъ! Почему вы лучше не споете: «Adieu. paniers, vendanges sont faites» [1])? Чортъ меня побери, если непріятель не забрался въ нашъ виноградникъ, гдѣ опустошаетъ нашъ виноградъ и лозы, такъ что намъ останутся одни оборвыши, Богомъ клянусь. Животомъ Св. Іакова клянусь! Что мы, бѣдняги, будемъ пить?! Господи Боже мой, da mihi potum [2])!

Тутъ настоятель проговорилъ:

— Что дѣлаетъ тутъ этотъ пьяница? Отведите-ка его въ тюрьму за то, что онъ нарушилъ богослуженіе!

— А какъ быть, — отвѣчалъ монахъ, — съ винослуженіемъ?! Постараемся, чтобы и оно не было нарушено; вѣдь сами же вы, господинъ настоятель, любите пить хорошее вино, какъ всякій хорошій человѣкъ. Никакой благородный человѣкъ не презираетъ добраго вина, — это монастырская поговорка. Но, Богомъ клянусь, молитвы, которыя вы теперь здѣсь поете, въ настоящую минуту неумѣстны. Почему наша заутреня коротка во время жатвы и сбора винограда и длинна постомъ и всю зиму? Блаженной памяти братъ Масе Пелосъ, истинный ревнитель нашей вѣры, — чортъ меня побери, если я вру! — говорилъ мнѣ, помнится, что причина этому та, что въ то время мы собираемъ виноградъ и приготовляемъ вино, а зимою мы его пьемъ. Послушайте-ка, господа добрые люди: кто любитъ вино, тотъ пусть, какъ Богъ святъ, слѣдуетъ за мною; клянусь Св. Антоніемъ, тотъ больше не отвѣдаетъ вина, кто мнѣ не поможетъ отстоять виноградникъ. Клянусь животомъ Бога! Вѣдь это церковное имущество! Такъ-то! Нѣтъ, нѣтъ. Чортъ побери, Св. Ѳома Англійскій [1]) не преминулъ умереть за церковное имущество, и если я умру за него, то неужели же не буду тоже признанъ святымъ? Но я умру не даромъ: и другихъ научу, какъ надо умирать.

Говоря это, онъ снялъ съ себя рясу и схватилъ палку съ крестомъ изъ твердаго ясеневаго дерева, длинную, какъ копье, толстую, какъ кулакъ, и тамъ и сямъ покрытую цвѣтами лилій, полуистертыми. Онъ вышелъ въ короткомъ подрясникѣ и подвязанной рясѣ, а палкой съ крестомъ принялся изо всѣхъ силъ дубасить по непріятелю, который безъ всякаго порядка, безъ знаменъ и барабаннаго боя, безъ трубнаго звука опустошалъ виноградникъ. Знаменщики приставили знамена и значки къ стѣнамъ, барабанщики пробили барабаны, чтобы набить ихъ виноградомъ, въ трубы напихали гроздьевъ; — всѣ спѣшили поживиться. Итакъ, онъ съ невѣроятной силой принялся тузить ихъ и, не говоря худого слова, валилъ, какъ борововъ, расправляясь съ ними по-старинному. Однимъ прошибалъ башку, другимъ ломалъ руки и ноги, кому угодитъ въ затылокъ, кому въ поясницу, разбивалъ носы, подбивалъ глаза, сворачивалъ скулы, выбивалъ зубы, расшибалъ лопатки, ломалъ ребра, перебивалъ руки и ноги. Если кто-нибудь думалъ спрятаться въ болѣе густыхъ лозахъ, того онъ тузилъ по спинѣ, какъ собаку. Если кто спасался бѣгствомъ, тому онъ разбивалъ черепъ. Если кто карабкался на дерево, думая тамъ схорониться, въ того онъ всаживалъ палку снизу, какъ колъ. Если кто изъ старыхъ знакомыхъ кричалъ ему:

— Ага, братъ Жанъ, другъ мой, братъ Жанъ, я сдаюсь.

— Твоя воля, — отвѣчалъ онъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ты отдашь душу дьяволу.

И съ этими словами билъ его палкой. А если кто былъ такъ дерзокъ, что оказывалъ ему сопротивленіе, на томъ онъ испытывалъ силу своихъ мускуловъ. Онъ пробивалъ имъ грудь и сердце, а другихъ билъ по ребрамъ, повреждалъ имъ желудокъ, и они скоропостижно умирали; третьихъ такъ сильно колотилъ по пупку, что изъ нихъ выпадали кишки; наконецъ, четвертыхъ такъ сильно билъ по ягодицамъ, что пробивалъ задній проходъ.

---

[1]) Извѣстная французская пѣсенка, сохранившаяся и по сіе время.

[2]) Дай мнѣ выпить.

[1]) Ѳома Беккетъ, архіепископъ Кентерберійскій.

Повѣрьте, что то было самое ужасное зрѣлище, какое когда-либо было видано.

Одни кричали: «Св. Варвара!»; другіе: «Св. Георгій!»; третьи: «Святая Не тронь меня!»; четвертые: «Божія Матерь Кюно [1]),» «Лорето», «Благой вѣсти», «Лену» [2]), «Ривьеры» [3]). Кто поручалъ себя молитвамъ Св. Іакова, кто святому савану Шамбери, который, однако, три мѣсяца спустя сгорѣлъ до тла, такъ что отъ него не удалось спасти ни одной ниточки. Кто призывалъ Кадуена, кто Св. Іоанна Анжелійскаго, кто Св. Евтропія, кто Св. Месмуса Шинонскаго, кто Св. Мартина Кандскаго и тысячу другихъ святыхъ.

Одни умирали, не говоря ни слова. Другіе много говорили, но не умирали. Кто умиралъ, разговаривая. Кто разговаривалъ, умирая. Иные громко каялись въ грѣхахъ и кричали: «Confiteor, Miserere, In manus».

Такъ громки были вопли раненныхъ, что настоятель аббатства вышелъ со всѣми своими монахами. И эти послѣдніе, увидавъ столько бѣдныхъ людей, убитыхъ въ виноградникѣ и раненыхъ на смерть, стали исповѣдывать нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Но въ то время какъ священники занимались исповѣдью, неважные монашки побѣжали туда, гдѣ находился братъ Жанъ, и спросили его, не помочь ли ему?

Онъ отвѣчалъ на это: пусть они пришибутъ тѣхъ, которые валяются на землѣ.

И вотъ, повѣсивъ свои большія мантіи на шпалеры, они стали приканчивать тѣхъ, кого онъ ранилъ. И, знаете ли, какимъ оружіемъ? Тѣми ножиками, какими малые дѣти въ нашей мѣстности чистятъ орѣхи. Затѣмъ братъ Жанъ съ палкой въ рукахъ пошелъ къ брeши, проломанной непріятелемъ. Иные изъ монашковъ разнесли знамена и значки по кельямъ, чтобы надѣлать изъ нихъ подвязокъ. Но когда тѣ изъ побѣжденныхъ, которые исповѣдывались, хотѣли тоже пройти черезъ брешь, монахъ убивалъ ихъ палкой, говоря:

— Вотъ эти уже исповѣдались и раскаялись; они получили отпущеніе грѣховъ и попадутъ прямо въ рай.

Такимъ образомъ, благодаря его храбрости, были поражены всѣ тѣ изъ непріятельской арміи, которые проникли въ виноградникъ, въ числѣ тринадцати тысячъ шестисотъ двадцати двухъ человѣкъ, не считая, само собой разумѣется, женщинъ и дѣтей. Самъ Можисъ [1]), пустынникъ, не побивалъ смѣлѣе сарациновъ своимъ кистенемъ,—какъ это описывается въ дѣяніяхъ четырехъ сыновъ Аймона,—чѣмъ нашъ монахъ своихъ враговъ палкой съ крестомъ.

XXVIII.

О томъ, какъ Пикрошоль взялъ приступомъ Ла-Рошъ-Клермо и какъ неохотно и съ какимъ трудомъ Грангузье пошелъ на войну.

Пока монахъ справлялся, какъ мы разсказали, съ тѣми, кто забрался въ виноградникъ, Пикрошоль поспѣшно перешелъ бродъ Ведъ со своимъ войскомъ и напалъ на Ла-Рошъ-Клермо, гдѣ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, и, такъ какъ уже наступила ночь, онъ рѣшилъ переночевать въ городѣ вмѣстѣ съ войскомъ и дать улечься своему мучительному гнѣву. На утро онъ взялъ приступомъ болверки и крѣпость, укрѣпилъ ее, снабдилъ военными припасами, путемъ реквизиціи, замысливъ искать здѣсь убѣжища въ случаѣ, если бы подвергся нападенію: мѣсто это было хорошо укрѣплено и по природѣ приспособлено къ оборонѣ, благодаря ситуаціи и мѣстоположенію.

---

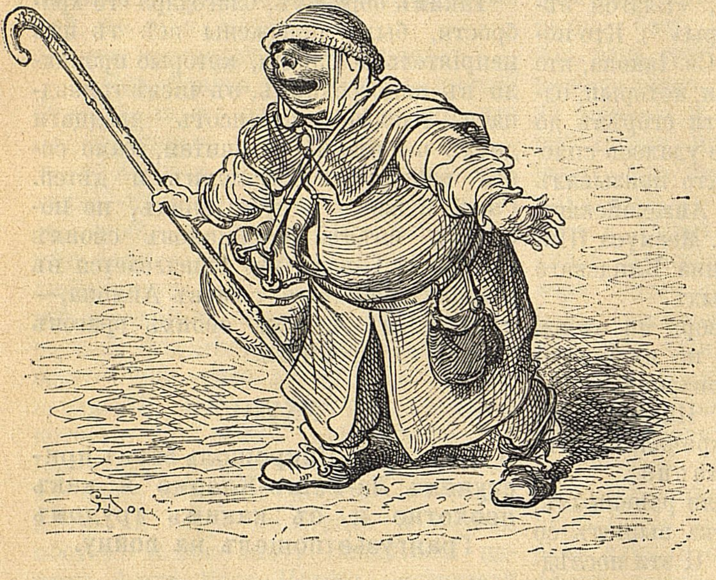
[1]) Пріоратъ близъ Сомюра.

[2]) Въ Турской епархіи.

[3]) Село близъ Шинона.

[1]) Двоюродный братъ дѣтей Аймона; онъ сопровождалъ Режинальда въ Палестину.

Но тутъ мы оставимъ на время Пикрошоля и вернемся къ нашему доброму Гаргантюа, который находится въ Парижѣ, прилежно занимаясь изученіемъ наукъ и атлетическими упражненіями; между тѣмъ какъ добрякъ Грангузье, его отецъ, грѣетъ спину около пылающаго камелька и въ ожиданіи, пока испекутся каштаны, малюетъ полъ палкой, обожженной съ одного конца, такъ, какъ ею мѣшаютъ огонь, и пересказываетъ женѣ съ домочадцами добрыя сказанія былыхъ временъ.



Къ гл. XXVIII.

Одинъ изъ пастуховъ, стерегшихъ виноградники, по имени Пильо, отправился къ нему и сообщилъ про насилія и грабежи, какіе производилъ въ его земляхъ и владѣніяхъ Пикрошоль, король Лернскій; и о томъ, какъ онъ разграбилъ, растопталъ, разорилъ весь край, за исключеніемъ виноградника въ Селье, который спасенъ братомъ Жаномъ Сокрушителемъ, къ чести его будь сказано; а въ настоящее время названный король находится въ Ларошъ-Клермо и тамъ укрѣпляется вмѣстѣ съ своимъ войскомъ.

— Увы! увы! Добрые люди, что же это такое?—сказалъ Грангузье. Грежу я или взаправду слышу то, что мнѣ говорятъ? Пикрошоль, мой старинный и неизмѣнный другъ, пріятель и союзникъ, напалъ на меня? Что подвинуло его? Что побуждаетъ его? Чѣмъ онъ руководствуется? Кто ему это присовѣтовалъ? Охо, хо, хо, хо, хо! Боже мой, Спаситель мой, помоги мнѣ, вдохнови меня, укажи мнѣ, что дѣлать! Завѣряю, божусь Тебѣ, будь ко мнѣ милостивъ, никогда я ничего непріятнаго ему не сдѣлалъ, никого изъ его людей не обидѣлъ, никакого грабежа въ его земляхъ не учинилъ. Напротивъ того: я помогалъ ему людьми, деньгами, заботами и совѣтами во всѣхъ случаяхъ, когда ему это было нужно. Если онъ меня такъ оскорбилъ, то злой духъ его попуталъ. Великій Боже! Тебѣ извѣстно мое мужество, ибо ничто отъ Тебя не сокрыто. Въ случаѣ, если онъ съ ума сошелъ, и Ты, чтобы образумить его, наслалъ его на меня, то дай мнѣ способность и умѣнье вернуть его подъ иго Твоей святой власти и добраго послушанія. Охъ, хо, хо, добрые люди, друзья мои и вѣрные слуги, неужели же мнѣ еще придется отягощать васъ, прибѣгая къ вашей помощи? Увы! Состарившись, я ничего такъ не желаю, какъ покоя, да и во всю свою жизнь ни о чемъ такъ не заботился, какъ о мирѣ; но вижу, вижу, что приходится теперь облечь бѣдные, усталые и слабые плечи панцыремъ, а дрожащей рукой взять копье и сѣкиру, чтобы помочь и защитить своихъ бѣдныхъ подданныхъ. Того требуетъ разумъ: вѣдь ихъ трудомъ я существую и ихъ пòтомъ питаюсь самъ и кормлю дѣтей и домочадцевъ. Тѣмъ не менѣе, пойду на войну не иначе, какъ испробовавъ предварительно всѣ средства и пути къ заключенію мира. Таково мое рѣшеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ Грангузье созвалъ совѣтъ и изложилъ ему дѣло, какъ оно было. Рѣшили отправить къ Пикрошолю какого-нибудь осторожнаго человѣка разузнать, почему онъ такъ внезапно нарушилъ миръ и вторгся въ чужія земли безъ всякаго на то права. Кромѣ того, рѣшили призвать Гаргантюа и его свиту для поддержанія порядка въ странѣ и ея обороны въ случаѣ необходимости. Грангузье одобрилъ рѣшенія совѣта и повелѣлъ быть по сему, затѣмъ немедленно послалъ своего лакея, изъ басковъ, призвать, какъ можно скорѣе, Гаргантюа и написалъ ему то, что ниже слѣдуетъ.

XXIX.

Содержаніе письма, которое написалъ Грангузье къ Гаргантюа.

«Въ виду усердія, съ какимъ ты занимаешься ученіемъ, я не долженъ былъ бы нарушать твоего философскаго покоя, если бы довѣріе къ друзьямъ и стариннымъ союзникамъ не поколебало моей безопасности на склонѣ лѣтъ. Но такъ какъ рокъ судилъ, чтобы меня потревожили какъ разъ тѣ самые люди, на которыхъ я особенно полагался, то я поневолѣ долженъ призвать тебя на помощь людямъ и имуществу, которые по естественному праву подлежатъ твоей охранѣ. Ибо насколько безсильно оружіе въ полѣ, если въ домѣ нѣтъ совѣта, настолько безплодно ученіе и безполезенъ совѣтъ, если въ нужную минуту добродѣтель не подкрѣпитъ его и не поможетъ выполнить. Я хочу не задирать, но умиротворить, не нападать, но обороняться, не завоевывать, но сохранить своихъ вассаловъ и наслѣдственныя земли. Въ нихъ вторгся врагомъ Пикрошоль, безъ всякаго повода и оказіи, и день за днемъ продолжаетъ свое безумное предпріятіе, съ насиліемъ, для свободныхъ людей нестерпимымъ.

Я поставилъ себѣ въ обязанность утишить его тиранническій гнѣвъ и предлагалъ ему все, чѣмъ, думалъ, его можно удовлетворить: нѣсколько разъ дружески посылалъ я его спросить, чѣмъ, кѣмъ и какимъ образомъ онъ находитъ себя оскорбленнымъ, но въ отвѣтъ получилъ лишь дерзкій вызовъ и заявленіе, что онъ намѣренъ распоряжаться моими землями, какъ ему вздумается. Тогда я позналъ, что Богъ предоставилъ его собственному усмотрѣнію и разумѣнію, которыя могутъ быть только злыми, если благодать Божія не руководитъ ими непрерывно, и чтобы проучить его и вернуть ему разумъ, наслалъ его на меня при такихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ. Ты же, сынъ мой возлюбленный, какъ можно скорѣе, по прочтеніи этого письма, возвращайся помочь не столько мнѣ, — хотя по естественному состраданію ты и это обязанъ сдѣлать, — сколько твоимъ подданнымъ, которыхъ разумъ велитъ спасти и сохранить. Подвигъ надо совершить съ наименьшимъ, по возможности, кровопролитіемъ. И по возможности мы посредствомъ болѣе совершенныхъ орудій, уловокъ и военныхъ хитростей, спасемъ всѣ души и отправимъ ихъ радостныхъ по домамъ. Возлюбленнѣйшій сынъ, миръ Господа нашего Искупителя да будетъ съ тобою. Поклонись отъ меня Понократу, Гимнасту и Евдемону.

Сего двадцатаго сентября.

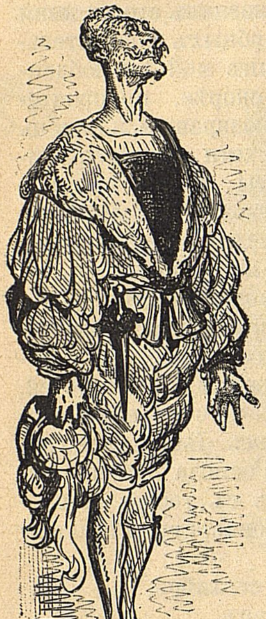
Твой отецъ,
Грангузье.»

XXX.

О томъ, какъ Ульрихъ Галле посланъ былъ къ Пикрошолю.

Продиктовавъ и подписавъ письмо, Грангузье приказалъ, чтобы Ульрихъ Галле, завѣдывавшій пріемомъ челобитныхъ, человѣкъ мудрый и скромный, добродѣтель и разсудительност котораго онъ испыталъ въ разныхъ затруднительныхъ дѣлахъ, отправился къ Пикрошолю и сообщилъ ему то, что было ими рѣшено. Этотъ добрый человѣкъ въ тотъ часъ пустился въ путь и, доѣхавъ до брода и перебравшись черезъ него, разспрашивалъ мельника про Пикрошоля; на его разспросы мельникъ отвѣчалъ, что люди Пикрошоля не оставили ему ни ложки, ни плошки, а теперь заперлись въ Ла-Рошъ-Клермо, и что онъ не совѣтуетъ Галле ѣхать дальше, изъ опасенія, какъ бы не наткнуться на патруль: ибо ярость враговъ безпредѣльна. Галле легко этому повѣрилъ и остался ночевать у мельника.

На другое утро онъ явился съ трубачемъ къ воротамъ крѣпости и потребовалъ отъ стражи, чтобы она допустила его переговорить съ королемъ по дѣлу, для него выгодному.



Къ гл. XXX.

Когда передали его слова королю, тотъ отнюдь не позволилъ отпереть ворота, но вышелъ на больверкъ и сказалъ послу:

— Что новаго? Что вы хотите сказать?

И тогда посолъ заговорилъ, какъ ниже слѣдуетъ.

XXXI.

Рѣчь, сказанная Галле Пикрошолю.

«Не бываетъ болѣе справедливой горести у смертныхъ, какъ если они встрѣтятъ обиду и вредъ тамъ, гдѣ надѣялись найти милость и благоволеніе. И не безъ причины,—хотя, конечно, и не разумно,—многіе, съ кѣмъ подобное приключалось, находили, что послѣ такой гнусности не стоитъ и жить на свѣтѣ; и въ томъ случаѣ, когда не могли исправить бѣды силою или другимъ путемъ, сами лишали себя жизни.

«Итакъ, не диво, если король Грангузье, мой повелитель, весьма огорченъ и разстроенъ твоимъ яростнымъ и враждебнымъ напествіемъ. Диво было бы, если бы его нисколько не трогали ни съ чѣмъ не сравнимыя насилія, совершенныя тобою и твоими людьми въ его землѣ и надъ его подданными, надъ которыми вы такъ жестоко надругались. Это ему больно уже само по себѣ, вслѣдствіе искренней любви, какую онъ всегда питалъ къ своимъ подданнымъ, и сильнѣе которой не можетъ быть ни у какого человѣка. Но еще больнѣе ему то, что это огорченіе и эти обиды причинены тобою и твоими людьми: вѣдь съ незапамятныхъ временъ ты и твои отцы водили дружбу съ нимъ и всѣми его предками, и до сихъ поръ эта дружба считалась какъ бы священной, ненарушимой, бережно и тщательно охраняемой; вѣдь не только онъ самъ и его подданные, но и варварскіе народы,—какъ-то: пикты, бриты и тѣ, которые живутъ на Канарскихъ и Изабелиныхъ островахъ, — считали, что скорѣе небеса прейдутъ и бездны воздвигнутся надъ облаками, нежели рушится вашъ союзъ; они такъ опасались этого союза для своихъ предпріятій, что никогда не осмѣливались задирать, раздражать или вредить одному изъ васъ изъ боязни другого.

«Больше того: эта священная дружба такъ наполняла міръ, что мало людей изъ живущихъ на материкѣ или на островахъ океана, которыхъ честолюбіе не подвигало бы искать вашего союза на тѣхъ условіяхъ, какія вы сами назначите: ибо они столько же цѣнили вашъ союзъ, какъ и собственныя земли и владѣнія. Такъ что на памяти людской еще не бывало государя или лиги настолько дерзкихъ, чтобы напасть,—уже не говорю на ваши земли, — но хотя бы даже на земли вашихъ союзниковъ. И если даже по неразумному совѣту кто когда и задумывалъ что-либо вредоносное, то стоило только назвать ваше имя или упомянуть о вашемъ союзѣ, чтобы затѣянное предпріятіе само собою рушилось.

«Какая же ярость побудила тебя теперь, разорвавъ союзъ, поправъ дружбу, презрѣвъ право, враждебно вторгнуться въ земли Грангузье, не будучи нисколько обиженнымъ, раздраженнымъ или задѣтымъ имъ и его подданными? Гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ разумъ? гдѣ человѣчность? гдѣ страхъ Господень? Не думаешь ли ты, что эти злодѣянія останутся скрытыми отъ небесныхъ силъ и отъ Всемогущаго Бога, который воздаетъ каждому по дѣламъ его? Если ты такъ думаешь, то ошибаешься, потому что всѣ дѣянія обнажатся на судѣ Его. Рокъ ли это, или вліяніе свѣтилъ хочетъ положить конецъ твоему покою и благополучію? Всякой вещи бываетъ свой конецъ. Достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта, онѣ обрываются, потому что не могутъ долго оставаться въ одномъ положеніи. Таковъ конецъ всѣхъ тѣхъ, кто не знаетъ разума и мѣры въ благополучіи.

«Но если такъ рѣшено судьбою и отнынѣ твоему счастію и покою наступилъ конецъ, то зачѣмъ же это должно было совершиться черезъ огорченіе моего короля, того, кто вознесъ тебя? Если твоему дому суждено пасть, то зачѣмъ въ своемъ паденіи онъ обрушился на очаги того, кто его возвеличилъ? Дѣло это настолько нарушаетъ границы разума, настолько противно здравому смыслу, что почти непонятно для человѣческаго разумѣнія. Оно до тѣхъ поръ будетъ казаться невѣроятнымъ чужеземцамъ, пока послѣдствія не докажутъ, что нѣтъ ничего святого для тѣхъ, кто презрѣлъ Бога и разумъ, повинуясь порочнымъ чувствамъ.

«Если съ нашей стороны было причинено какое-нибудь зло твоимъ подданнымъ или твоимъ владѣніямъ, если мы мирволили твоимъ врагамъ, если не пособили тебѣ въ дѣлахъ, если опорочили твое имя или честь, или, вѣрнѣе сказать, если злой духъ, желая подвинуть тебя на худое, внушилъ тебѣ ошибочнымъ и обманнымъ образомъ, что мы сотворили что-либо недостойное нашей старинной дружбы, тебѣ бы слѣдовало сперва узнать истину, а затѣмъ войти съ нами въ переговоры. И мы бы постарались удовлетворить тебя. Но, Боже вѣчный! ты же какъ поступилъ? Неужели ты хочешь, какъ коварный тиранъ, грабить и разорять королевство моего господина? Развѣ ты считаешь его такимъ трусомъ или глупцомъ, что у него не хватитъ духа, или такимъ бѣднымъ людьми, деньгами, совѣтомъ и военнымъ искусствомъ, что онъ не въ силахъ сопротивляться твоимъ беззаконнымъ нападеніямъ? Уходи отсюда немедленно и завтра же вернись въ свои владѣнія, не производя по дорогѣ никакихъ безчинствъ и насилій. И заплати тысячу византійскихъ золотыхъ за протори и убытки, нанесенные тобою въ нашей странѣ. Половину заплатишь завтра, другую половину—когда наступятъ иды будущаго мая, а заложниками оставишь намъ герцоговъ де-Турнемуль, де-Бадефесъ и де-Менюайль, вмѣстѣ съ принцемъ де-Гратель и виконтомъ де-Морпьяль.»

XXXII.

О томъ, какъ Грангузье, чтобы купить миръ, велѣлъ вернуть пироги.

Сказавъ это, добрый Галле умолкъ; но Пикрошоль на всѣ его рѣчи отвѣчалъ только одно:

— Приходите за ними, приходите за ними. У нихъ кулаки здоровые. Они вамъ настряпаютъ пироговъ.

Послѣ того Галле вернулся къ Грангузье и нашелъ его на колѣняхъ, съ обнаженной головой, въ уголку кабинета, молящимся Богу, чтобы Онъ смягчилъ гнѣвъ Пикрошоля и тотъ образумился бы, не заставляя его прибѣгнуть къ силѣ. Завидя вернувшагося добряка, онъ у него спросилъ:

— Ну что, другъ, какія вѣсти принесли вы мнѣ?

— Съ нимъ не сговоришь,—отвѣчалъ Галле. Этотъ человѣкъ лишился разума и покинутъ Богомъ.

— Очевидно,— сказалъ Грангузье. Но какую же причину, другъ мой, выставляетъ онъ для такого насилія?

— Онъ никакой причины мнѣ не указалъ,—отвѣчалъ Галле,—проговорилъ только въ сердцахъ нѣсколько словъ о пирогахъ. Не знаю, не обидѣли ли чѣмъ-нибудь его пирожниковъ.

— Надо будетъ это разобрать, прежде чѣмъ разсуждать о томъ, что теперь намъ предпринять,— сказалъ Грангузье.

Тутъ онъ велѣлъ разслѣдовать дѣло и узналъ, что, дѣйствительно, у людей Пикрошоля насильно отняли нѣсколько пироговъ, и что Марке получилъ ударъ дубинкой въ голову; но при этомъ за пироги было заплачено, а вышеназванный Марке первый отхлесталъ Форжье по ногамъ. И весь совѣтъ нашелъ, что Грангузье слѣдуетъ защищаться.

— Тѣмъ не менѣе,—замѣтилъ Грангузье, такъ какъ все дѣло въ пирогахъ,—что я попытаюсь удовлетворить Пикрошоля, потому что мнѣ слишкомъ непріятно воевать.

Итакъ, онъ освѣдомился, сколько было взято пироговъ, и услышавъ, что четыре или пять дюжинъ, заказалъ изготовить ихъ въ ту же ночь пять возовъ и въ томъ числѣ одинъ возъ пироговъ на чудесномъ маслѣ, прекрасныхъ желткахъ и славныхъ пряностяхъ для Марке, причемъ онъ дарилъ ему семьсотъ тысячъ и три золотыхъ для уплаты цырюльникамъ, которые перевязывали его раны; кромѣ того, предоставлялъ ему и его потомству въ вѣчное владѣніе мызу Ла-Помардьеръ. Галле поручили все это устроить и доставить. По дорогѣ онъ велѣлъ нарвать въ рощѣ вѣтокъ и тростниковъ и вооружилъ ими всѣхъ извозчиковъ. И самъ взялъ вѣтку въ руку: этимъ онъ хотѣлъ дать понять, что они просятъ только мира и явились затѣмъ, чтобы заключить его.

Прибывъ къ воротамъ, они объявили, что пришли переговорить съ Пикрошолемъ отъ имени Грангузье. Но Пикрошоль не захотѣлъ пропустить ихъ, ни выйти къ нимъ для переговоровъ и велѣлъ сказать, что онъ занятъ, а пусть они перескажутъ, что имъ нужно, капитану Тукдильону, который заряжалъ пушки на валу.

Тогда добрякъ Галле сказалъ ему:

— Господинъ, чтобы положить конецъ спору и отнять у васъ всякую отговорку къ возобновленію нашего прежняго союза, мы возвращаемъ вамъ обратно пироги, послужившіе предметомъ раздора. Наши люди взяли пять дюжинъ пироговъ и хорошо за нихъ заплатили. Мы такъ любимъ миръ, что возвращаемъ вамъ пять возовъ пироговъ и одинъ изъ нихъ предназначается для Марке, который считаетъ себя наиболѣе обиженнымъ. И чтобы вполнѣ удовлетворить его, вотъ семьсотъ тысячъ и три золотыхъ, которые я ему привезъ, а что касается проторей и убытковъ, на какіе онъ могъ бы пожаловаться, то я уступаю ему и его потомству въ вѣчное владѣніе мызу Ла-Помардьеръ, и вотъ контрактъ этой сдѣлки. И ради Бога будемъ отнынѣ жить въ мирѣ; вернитесь радостно домой и оставьте эту крѣпость, на которую вы никакого права не имѣете, какъ сами знаете. И будемъ друзьями попрежнему.

Тукдильонъ пересказалъ все это Пикрошолю и еще пуще раззадорилъ его смѣлость, говоря:

— Эти мужланы здо́рово испугались. Ей-Богу! Грангузье сдержаться не можетъ отъ страха, бѣдный пьяница! Воевать ему не по сердцу, онъ лучше любитъ опорожнять бутылки. Я того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ забрать и пироги и деньги, а затѣмъ здѣсь укрѣпиться и продолжать такъ счастливо начатую войну. Неужели же они думаютъ одурачить насъ и умаслить васъ пирогами?! Вотъ къ чему привели хорошее обращеніе и большая фамильярность, которыхъ вы съ ними держались: они потеряли къ вамъ всякое уваженіе. Дай мужику волю, возьметъ и двѣ.

— Та-та-та,—отвѣчалъ Пикрошоль,—клянусь Св. Іаковомъ, мы имъ зададимъ трезвону. Дѣлайте, какъ сказали.

— На счетъ одного только я долженъ васъ предупредить,—сказалъ Тукдильонъ. Мы здѣсь довольно бѣдны провіантомъ, и у насъ мало припасовъ. Если Грангузье насъ здѣсь обложитъ, то мнѣ останется только дать вырвать себѣ всѣ зубы и оставить ихъ не болѣе трехъ во рту, да и не мнѣ одному, а всѣмъ вашимъ людямъ, а не то мы живо прикончимъ всѣ припасы.

— У насъ съѣстного слишкомъ достаточно,—сказалъ Пикрошоль. Что, мы здѣсь для того, чтобы ѣсть или чтобы воевать?

— Воистину, чтобы воевать!—отвѣчалъ Тукдильонъ. Но человѣкъ изъ ѣды живетъ. А тощій животъ ни въ пляску, ни въ работу.

— Будетъ болтать!—сказалъ Пикрошоль. Заберите то, что они привезли.

И вотъ они забрали деньги и пироги, воловъ и телѣги, а людей отпустили, ни слова не говоря, а только предупредивъ, чтобы они больше не приближались къ крѣпости, а почему—узнаютъ завтра.

Такимъ образомъ посланные, не добившись ничего, вернулись къ Грангузье и обо всемъ ему сообщили, прибавивъ, что нѣтъ никакой надежды заключить миръ, а необходимо воевать не на животъ, а на смерть.

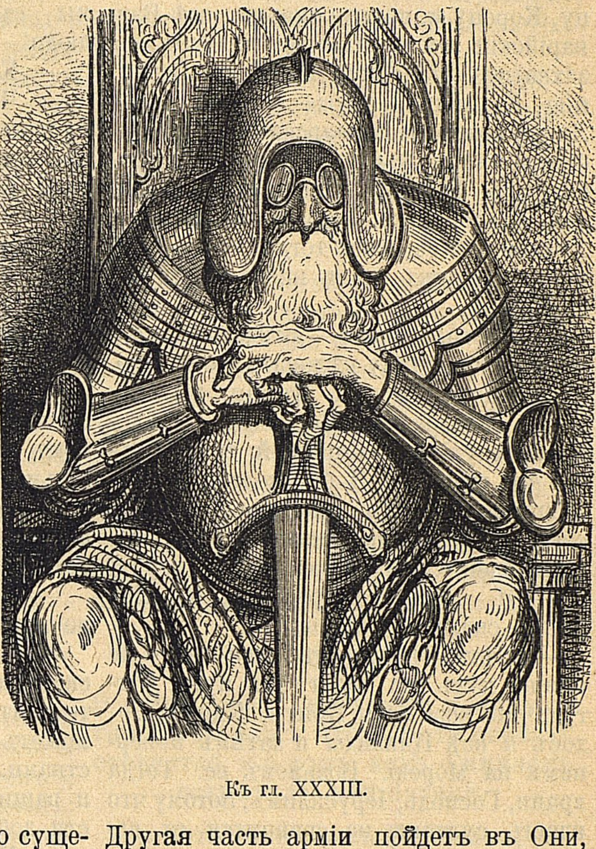
XXXIII.

О томъ, какъ нѣкоторые губернаторы Пикрошоля своими необдуманными совѣтами поставили его на край погибели.

Когда пироги разгрузили, къ Пикрошолю явились герцогъ де-Менюайль, графъ Спадасенъ и капитанъ Мердайль и сказали ему:

— Государь, сегодня мы сдѣлаемъ васъ счастливѣйшимъ, храбрѣйшимъ изъ государей, изъ всѣхъ, какіе только существовали по смерти Александра Македонскаго.

— Накройтесь, накройтесь! — сказалъ Пикрошоль.



Къ гл. XXXIII.

— Большое спасибо,—отвѣчали они. Государь, мы знаемъ свой долгъ. А средства къ его выполненію таковы. Вы оставите здѣсь гарнизономъ какого-нибудь капитана съ небольшимъ отрядомъ людей, чтобы охранять крѣпость, которая, думается намъ, достаточно сильна какъ по своему природному положенію, такъ и благодаря возведеннымъ, по вашему приказу, укрѣпленіямъ. Армію свою вы раздѣлите на двѣ части, какъ вамъ заблагоразсудится. Одна часть атакуетъ Грангузье и его войско. И, конечно, безъ труда разобьетъ его. Черезъ это вы получите кучу денегъ. Потому что у этого подлеца цѣлая уйма денегъ. Говоримъ «подлеца», потому что у благороднаго государя нѣтъ никогда ни копѣйки. Копить деньги могутъ только подлецы. Другая часть арміи пойдетъ въ Они, Сентонжъ, Ангумуа и Гасконь, а также и въ Перигоръ, Медокъ и Ланды. Она заберетъ города, замки и крѣпости, не встрѣчая сопротивленія. Въ Байоннѣ, Сеѣ-Жанъ-де-Люцнъ и Фонтарабіи захватитъ всѣ корабли и, плавая у береговъ Галиціи и Португаліи, ограбитъ всѣ приморскія мѣстности до самаго Лиссабона, гдѣ найдется все, что требуется для завоевателя. Чертъ возьми! Испанія должна покориться, потому что жители ея—олухи. Вы переплывете черезъ Сивиллинскій проливъ и поставите тамъ два столба, болѣе великолѣпныхъ, чѣмъ Геркулесовы, и такимъ образомъ увѣковѣчите свое имя. А заливъ этотъ будетъ названъ Пикрошольскимъ моремъ. А проплывъ Пикрошольское море, вы покорите себѣ подъ нози Барбароссу[1].

— Я помилую его,—сказалъ Пикрошоль.

— Пожалуй, лишь бы онъ окрестился. И затѣмъ вы осадите королевства Тунисъ, Гиппъ, Алжиръ, Бону, Корону и, короче сказать, всѣ Варварійскія земли. Пройдя дальше, вы захватите Майорку, Минорку, Сардинію, Корсику и другіе острова морей Лигурійскаго и Балеарскаго. Обогнувъ берега налѣво, вы завладѣете всею Нарбонскою Галліей, Провансомъ и землей Аллоброговъ, Генуей, Флоренціей, Луккой,—и берегись тогда, Римъ! Бѣдный господинъ папа впередъ умретъ со страху.

— Честное слово,—сказалъ Пикрошоль,—я не стану цѣловать его туфлю.

— Какъ государь Италіи, вы, конечно, завладѣете Неаполемъ, Калабріей, Апуліей и Сициліей, да и Мальтой въ придачу. Я бы желалъ, чтобы забавные рыцари, именовавшіеся нѣкогда Родосскими, оказали вамъ сопротивленіе: мы бы задали имъ перцу!

— Я охотно отправлюсь въ Лорето,—сказалъ Пикрошоль.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчали они,—не иначе какъ на обратномъ пути. Оттуда мы возьмемъ Критъ, Кипръ, Родосъ и всѣ Циклады и затѣмъ повернемъ на Морею. Возьмемъ ее. Тогда храни, Господь, Іерусалимъ, потому что власть султана не сравнится съ вашимъ могуществомъ.

— А я,—сказалъ онъ,—выстрою тогда храмъ Соломона.

— Нѣтъ,—отвѣчали они,—не сейчасъ, погодите немного: не будьте такъ поспѣшны въ своихъ предпріятіяхъ. Знаете ли, что говорилъ Октавій Августъ? Festina lente[2]. Вамъ слѣдуетъ сначала завладѣть Малой Азіей, Каріей, Ликіей, Памфиліей, Киликіей, Лидіей, Фригіей, Мизіей, Виѳиніей, Харазіей, Саталіей, Самагаріей, Кастаменой, Лугой, Савастой и такъ до самаго Евфрата.

— Увидимъ ли мы Вавилонъ и гору Синай?—спросилъ Пикрошоль.

— Пока въ этомъ нѣтъ никакой надобности,—отвѣчали они. Развѣ не довольно съ васъ, что вы проплывете Гирканское море и верхомъ проѣдетесь по двумъ Арменіямъ и тремъ Аравіямъ?

— Честное слово,—сказалъ онъ,—мы съ ума сошли. Ахъ, бѣдные люди!

— Какъ такъ?—спросили они.

— Что будемъ мы пить въ этихъ пустыняхъ? Юліанъ Августъ[1] и вся его армія погибли тамъ отъ жажды, какъ разсказываютъ.

— Мы,—отвѣчали они,—уже все предусмотрѣли. Девять тысячъ четырнадцать большихъ кораблей, нагруженныхъ лучшими винами въ мірѣ, приплывутъ черезъ Сирійское море въ Яффу. Тамъ найдутъ они двѣсти двадцать тысячъ верблюдовъ и тысячу шестьсотъ слоновъ, которыхъ мы возьмемъ на охотѣ въ окрестностяхъ Сигельма, когда мы вступимъ въ Ливію, и вдобавокъ мы заберемъ весь караванъ, который идетъ въ Мекку. Развѣ вамъ мало будетъ этого вина?

— Нѣтъ, конечно,—отвѣчалъ онъ,—но вѣдь намъ будетъ тамъ очень жарко.

— Ну вотъ еще глупости какія!—сказали они. Герой, завоеватель, претендентъ на всемірное владычество не можетъ постоянно пользоваться удобствами. Надо благодарить Бога, что вы и ваши люди въ цѣлости и сохранности добрались до рѣки Тигра.

— Но,—спросилъ онъ,—что же дѣлаетъ въ это время та часть нашей арміи, которая разбила сквернаго пьяницу Грангузье?

— Она не зѣваетъ,—отвѣчали они. Мы съ нею сейчасъ встрѣтимся. Она взяла Бретань, Нормандію, Фландрію, Геннегау, Брабантъ, Артуа, Голландію, Зеландію; она перешла черезъ Рейнъ, по трупамъ швейцарцевъ и ландскнехтовъ, а часть ея завладѣла Люксембургомъ, Лотарингіей, Шампанью, Савоей до Ліона и здѣсь сошлась съ вашими гарнизонами, на ихъ обратномъ пути, послѣ морскихъ побѣдъ на Средиземномъ морѣ. Обѣ арміи соединились въ Богеміи, опустошивъ Швабію, Виртембергъ, Баварію, Австрію, Моравію и Штирію. Затѣмъ сообща храбро напали на Любекъ, Норвегію, Швецію, Рюгенъ, Данію, Готландъ, Вестер- и Остерманландъ до самаго Ледовитаго океана. Когда съ ними покончатъ, то Оркадскіе острова будутъ завоеваны, а Шотландія, Англія и Ирландія подчинены. Оттуда, миновавъ песчанистое море и Сарматовъ, они покорили и обуздали Пруссію, Польшу, Литву, Россію, Валахію, Трансильванію, Венгрію, Болгарію, Турцію и вошли въ Константинополь.

---

[1] Основатель африканскихъ разбойничьихъ государствъ, 1504 г.

[2] Спѣши медленно.

[1] Юліанъ Отступникъ, ум. 363.

— Пойдемъ къ нимъ поскорѣе, — сказалъ Пикрошоль,—я хочу быть также императоромъ Трапезондскимъ. Мы вѣдь перебьемъ всѣхъ этихъ собакъ, турокъ и магометанъ?

— Чортъ возьми, конечно!—отвѣчали они. И отдадимъ ихъ имѣнія и земли тѣмъ, кто вамъ честно служилъ.

— Разумъ велитъ такъ поступить,— сказалъ онъ, — да и справедливость. Я вамъ дарю Караманію, Сирію и всю Палестину.

— Ахъ, государь,—отвѣчали они,— вы очень добры, покорно васъ благодаримъ. Дай вамъ Богъ процвѣтать непрерывно.

При этомъ присутствовалъ старый дворянинъ, испытанный въ бояхъ и настоящій воинъ, по имени Эхефронъ[1]), который, услышавъ эти рѣчи, сказалъ:

— Боюсь, что все это предпріятіе похоже на исторію съ горшкомъ молока, по поводу котораго башмачникъ строилъ планы, какъ разбогатѣть, да, разбивъ горшокъ, остался безъ обѣда. Чего вы предполагаете добиться всѣми этими славными завоеваніями? Каковъ будетъ конецъ всѣхъ этихъ трудовъ и приключеній?

— А тотъ, что мы, вернувшись, отдохнемъ на славу,—отвѣчалъ Пикрошоль.

— Хорошо, какъ вернетесь, — замѣтилъ Эхефронъ. Вѣдь путь дологъ и опасенъ. Не лучше ли намъ теперь отдохнуть, не подвергая себя всѣмъ этимъ случайностямъ?

— О! — сказалъ Спадасенъ,—вотъ, ей-Богу, какой фантазеръ! Ужъ не прикажете ли намъ забиться за печку и тамъ проводить жизнь, вмѣстѣ съ дамами, нанизывая бисеръ, или за прялкой, какъ Сарданапалъ. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», говоритъ Соломонъ.

— А «береженаго Богъ бережетъ», отвѣчаетъ Малькольмъ,—сказалъ Эхефронъ.

— Баста! — сказалъ Пикрошоль, — оставимъ эти пререканія. Я боюсь одного только, чтобы чертовы легіоны Грангузье, въ то время какъ мы будемъ находиться въ Месопотаміи, не напали на насъ съ тыла. Чѣмъ тутъ пособить?

— Очень легко, — отвѣчалъ Мердайль,—вы пошлете ловкій приказъ московитамъ, и они вышлютъ вамъ на подмогу четыреста пятьдесятъ тысячъ отборнаго войска. О! если вы сдѣлаете меня своимъ намѣстникомъ, то я дамъ себя знать! Я зубами разорву, я ногами растопчу, всѣхъ перебью, всѣхъ разнесу, всѣхъ сокрушу.

— Ладно, ладно, — сказалъ Пикрошоль, — не будемъ медлить: кто меня любитъ, пусть слѣдуетъ за мной.

XXXIV.

О томъ, какъ Гаргантюа покинулъ городъ Парижъ, чтобы идти спасать отечество, и о томъ, какъ Гимнастъ встрѣтилъ непріятеля.

Въ тотъ самый часъ Гаргантюа, выѣхавшій изъ Парижа на своей большой кобылѣ, немедленно послѣ того какъ прочиталъ письмо отца, проѣзжалъ черезъ мостъ Ноненъ: онъ самъ, Понократъ, Гимнастъ и Евдемонъ, которые взяли почтовыхъ лошадей, чтобы слѣдовать за нимъ. Остальная его свита ѣхала на долгихъ и везла съ собой всѣ его книги и ученые инструменты.

Прибывъ въ Парильи, Гаргантюа узналъ отъ мызника Гуге о томъ, что

---

[1]) Разумный.

Пикрошоль укрѣпился въ Ла-Рошъ-Клермо́, а капитанъ Трипе съ большой арміей послалъ занять лѣса въ Ведѣ и Вогодри, и о томъ, какъ они разграбили всю округу вплоть до Бильяра, и о томъ, что трудно повѣрить, какія насилія они позволяли себѣ въ этой мѣстности. Онъ такъ напугалъ Гаргантюа, что тотъ не зналъ ни что ему дѣлать, ни что сказать.

Но Понократъ посовѣтовалъ ему отправиться къ господину де-Вогюйонъ, который во всѣ времена былъ ихъ другомъ и союзникомъ и можетъ имъ посовѣтывать, какъ быть. Они немедленно такъ и сдѣлали, и нашли въ немъ полную готовность имъ помочь. Онъ счелъ нужнымъ послать кого-нибудь изъ своихъ людей изслѣдовать край и узнать, что дѣлаетъ непріятель, чтобы соотвѣтственно съ этимъ и поступить.

Гимнастъ предложилъ отправиться на рекогносцировку, но при этомъ сочли за лучшее, чтобы онъ взялъ съ собою кого-нибудь, кто бы зналъ всѣ ходы и выходы и всѣ рѣчки въ окрестности.

А потому онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ берейторомъ Вогюйона, Преленганомъ, и оба безстрашно изслѣдовали мѣстность во всѣхъ направленіяхъ.

Между тѣмъ Гаргантюа выпилъ и поѣлъ малость со своей свитой и велѣлъ задать овса своей кобылѣ: ни мало, ни много, какъ семьдесятъ четыре бочки и три гарнца.

Гимнастъ и его спутникъ изъѣздили всю округу и всюду встрѣчали непріятеля въ разбродъ грабившимъ и воровавшимъ все, что можно; завидя издали Гимнаста, непріятель сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чтобы его ограбить. Онъ же имъ кричалъ:

— Господа, я бѣдный чертъ: прошу васъ пощадить меня. У меня еще найдется немного деньженокъ, мы ихъ пропьемъ, такъ какъ это aurum potabile, а коня моего продадимъ, а деньги послужатъ моимъ вкладомъ въ вашу артель: я прошу васъ принять меня въ свою компанію, такъ какъ никто не сумѣетъ лучше меня поймать, ощипать, нашпиговать, зажарить, разрѣзать и съѣсть курицу, и ради своего proficiat, пью за здравіе всѣхъ добрыхъ сотоварищей.

И, раскупоривъ дорожную фляжку, онъ

Sans mettre le nez dedans,
Bûvoit assez honnêtement. 1)

Дураки глазѣли на него, разинувъ широко ротъ и высунувъ языкъ, какъ борзыя собаки, въ ожиданіи выпивки. Но въ эту минуту прибѣжалъ капитанъ Трипе поглядѣть, въ чемъ дѣло. И вотъ Гимнастъ подалъ ему фляжку, говоря:

— Берите, капитанъ, пейте смѣло, я уже отпилъ, вино доброе.

— Какъ! — сказалъ Трипе, — этотъ дикарь смѣется надъ нами. Кто ты таковъ?

— Я бѣдный чертъ,—отвѣчалъ Гимнастъ.

— Ага!—сказалъ Трипе,—если ты бѣдный чертъ, то тебя можно пропустить, потому что чертъ всюду проходитъ, не платя пошлины ни за дорогу, ни за соль; но не въ обычаѣ, чтобы бѣдные черти ѣздили на такихъ славныхъ лошадяхъ, а потому, господинъ чертъ, сойдите-ка съ вашего коня, я его себѣ возьму; а если онъ откажется ходить подо мной, то я на васъ сяду, потому что очень люблю, чтобы чертъ меня носилъ.

XXXV.

О томъ, какъ Гимнастъ ловко убилъ капитана Трипе и другихъ людей Пикрошоля.

Заслышавъ эти слова, нѣкоторые изъ нихъ испугались и стали усердно креститься, полагая, что передъ ними переодѣтый чертъ, а одинъ изъ нихъ, котораго звали Добрый Жанъ, капитанъ вольныхъ стрѣлковъ 2), вытащилъ часословъ изъ-подъ клапана своихъ штановъ и закричалъ довольно громко:

— Ἅγιος ὁ Θεός! 3) Если ты отъ Бога, сказывай; если же ты отъ лукаваго, то сгинь.

---

1) Не засовывая въ нее носу, сталъ пить довольно прилично.

2) Иррегулярная милиція, пользовавшаяся прискорбной славой трусости.

3) Святый Боже!

Но онъ не сгинулъ, а многіе изъ банды, услышавъ эти слова, разбѣжались, и это прекрасно замѣтилъ Гимнастъ.

Однако сдѣлалъ видъ, что сходитъ съ лошади, но, свѣсившись на бокъ, ловко перевернулся въ стремени, со шпагой на боку, и подпрыгнувъ на воздухѣ, уперся обѣими ногами въ сѣдло задомъ къ лошадиной головѣ. Затѣмъ сказалъ:

— А вѣдь я сталъ задомъ напередъ.

И въ этой позиціи перевернулся на одной ногѣ слѣва направо, не теряя равновѣсія. Тутъ Трипе сказалъ:

— Ага! этой штуки мнѣ не сдѣлать, да оно и понятно.

— Эхма! — отвѣчалъ Гимнастъ, — я опять ошибся и долженъ поправиться.

И, говоря это, онъ уперся большимъ пальцемъ правой руки на сѣдельную луку, приподнялся всѣмъ тѣломъ на воздухѣ и, поддерживая все тѣло мускуломъ и жилой названнаго пальца, перевернулся такимъ образомъ троекратно, а въ четвертый разъ, опрокинувшись, растянулся всѣмъ туловищемъ между двухъ ушей лошади, нигдѣ не прикасаясь до нея тѣломъ, но твердо держа его на вѣсу, упираясь въ большой палецъ лѣвой руки, и въ этомъ положеніи завертѣлся волчкомъ, а затѣмъ, хлопнувъ ладонью правой руки по сѣдлу, раскачался и сѣлъ на крупъ лошади, по-дамски.

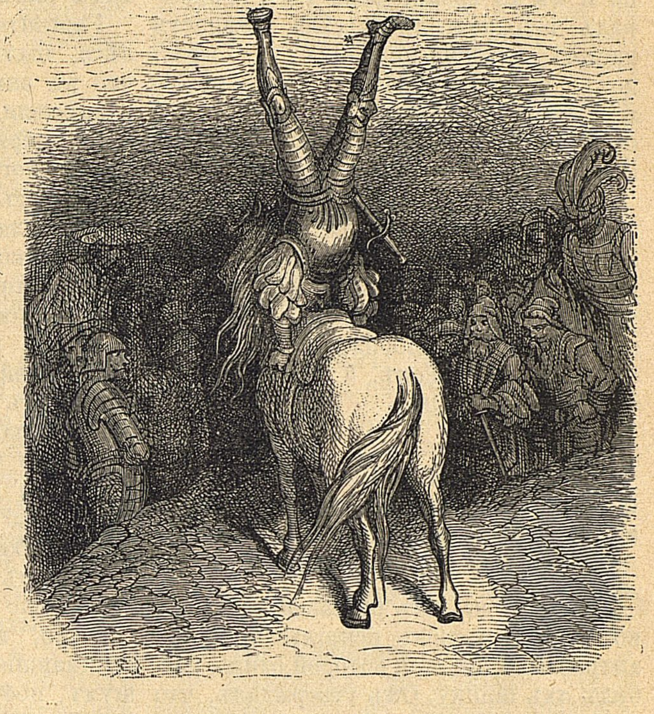
Послѣ того, легко перекинувъ правую ногу черезъ сѣдло, какъ бы приготовился скакать, сидя на крупѣ лошади.

— Но, — сказалъ онъ, — лучше мнѣ усѣсться между сѣдельными луками.

И вотъ, опершись большими пальцами обѣихъ рукъ на крупъ лошади, перекувырнулся въ воздухѣ и усѣлся въ правильномъ положеніи между сѣдельными луками. Затѣмъ привскочилъ всѣмъ корпусомъ въ воздухѣ и очутился стоя на ногахъ на сѣдлѣ и разъ сто крутился, раскрывъ руки въ формѣ креста, крича во весь голосъ:

— Я бѣснуюсь, черти, я бѣснуюсь, бѣснуюсь, держите меня, держите, держите!

И въ то время, какъ онъ такъ вольтижировалъ, дураки дивились и говорили другъ другу:



Къ гл. XXXV.

— Божусь, это оборотень или переодѣтый дьяволъ: Ab hoste maligno libera nos, Domine [1]).

И улепетывали по дорогѣ, оглядываясь назадъ, какъ собака, которая утащила домашнюю птицу.

Тутъ Гимнастъ, видя свое преимущество, сошелъ съ коня, вынулъ шпагу изъ ноженъ и напустился на самыхъ знатныхъ и валилъ ихъ кучами раненныхъ, избитыхъ, и никто ему не сопротивлялся, потому что всѣ думали, что это разъярившійся дьяволъ, какъ благодаря чудесной вольтижировкѣ Гимнаста, такъ и на основаніи словъ, сказанныхъ ему Трипе, который назвалъ его бѣднымъ чертомъ. Одинъ только Трипе хотѣлъ исподтишка раскроить ему голову саблей, но шлемъ на Гимнастѣ былъ крѣпкій и онъ только почувствовалъ сотрясеніе отъ удара. Неожиданно повернувшись, онъ бросилъ кистенемъ въ Трипе и въ то время, какъ тотъ прикрывалъ верхнюю часть тѣла, Гимнастъ однимъ ударомъ пробилъ ему желудокъ, кишки и печень. Трипе упалъ на землю и, падая, испустилъ изъ себя болѣе четырехъ горшковъ супа, а вмѣстѣ съ супомъ и душу.

---

[1]) Избави насъ отъ лукаваго, Господи!

Послѣ этого Гимнастъ удалился, считая, что никогда не слѣдуетъ насиловать фортуну и что всѣ рыцари должны почтительно относиться къ своей удачѣ, не злоупотребляя ею. Сѣвъ на коня, онъ пришпорилъ его и направился въ Вогюйонъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Преленганъ.

XXXVI.

О томъ, какъ Гаргантюа разрушилъ замокъ Ведъ и какъ онъ со своими людьми перешелъ бродъ.

Придя туда, онъ разсказалъ, въ какомъ видѣ нашелъ непріятеля, и про хитрость, благодаря которой одинъ разбилъ ихъ шайку. Онъ утверждалъ, что она состоитъ только изъ воровъ, грабителей и разбойниковъ, несвѣдущихъ въ воинской дисциплинѣ, и настаивалъ, чтобы Гаргантюа смѣло шелъ на нихъ, такъ какъ ему легко будетъ избить ихъ, какъ дикихъ звѣрей.

Тогда Гаргантюа сѣлъ на свою большую кобылу съ той самой свитой, какъ мы описывали. И встрѣтивъ на своемъ пути высокое и большое дерево, называемое обычно деревомъ св. Мартина, потому что всѣ вѣрятъ въ то, что оно выросло изъ посоха, который воткнулъ въ землю св. Мартинъ, Гаргантюа сказалъ:

— Вотъ то, что мнѣ нужно. Это дерево послужитъ мнѣ посохомъ и пикой.

Онъ легко вырвалъ его изъ земли, оборвалъ всѣ вѣтки и приспособилъ къ употребленію, какое собирался изъ него сдѣлать.

Между тѣмъ, кобыла его помочилась, но въ такомъ количествѣ, что залила окрестность на семь лье и все это стекло въ бродъ Ведъ и такъ вздуло его, что непріятельская банда въ ужасѣ потонула, за исключеніемъ тѣхъ изъ непріятелей, которые свернули къ холмамъ налѣво.

Гаргантюа, доѣхавъ до Ведскаго лѣса, былъ увѣдомленъ Евдемономъ, что въ замкѣ еще находятся остатки непріятеля. Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ закричалъ такъ громко, какъ только могъ:

— Тутъ вы или нѣтъ? Если вы тутъ, то проваливайте; если же васъ нѣтъ, то и толковать нечего!

Но одинъ разбойникъ-канониръ, находившійся у орудія, выпалилъ въ него изъ пушки и угодилъ ему въ правый високъ; но, однако, не больше повредилъ ему, какъ если бъ бросилъ въ него косточкой сливы.

— Это что такое?—сказалъ Гаргантюа,—вы бросаете въ насъ зернами винограда? Такой сборъ винограда вамъ дорого обойдется.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что ядро было зерномъ винограда.

Люди, находившіеся въ замкѣ и занимавшіеся грабежемъ, услышавъ шумъ, побѣжали на башни и на укрѣпленія и выпустили девять тысячъ двадцать пять зарядовъ изъ пушекъ и пищалей, прицѣливаясь ему въ голову, но онъ, подъ градомъ пуль и ядеръ, вскричалъ:

— Понократъ, другъ мой, эти мухи меня ослѣпляютъ; дайте-ка мнѣ вѣтку отъ этой ивы, чтобы ихъ прогнать.

Ему казалось, что пули и артиллерійскіе снаряды—это мухи.

Понократъ разувѣрилъ его, и онъ увидѣлъ, что это не мухи, а пушечные выстрѣлы изъ крѣпости.

Тогда Гаргантюа ударилъ своимъ громаднымъ деревомъ по крѣпости и подъ его ударами обрушились башни и укрѣпленія и усѣяли своими обломками землю. Этимъ способомъ всѣ находившіеся въ крѣпости были раздавлены и схоронены подъ обломками.

Выѣхавъ отсюда, прибыли на мостъ у мельницы и тамъ увидѣли, что весь бродъ покрытъ мертвыми тѣлами и въ такомъ количествѣ, что они запрудили мельницу. Это были тѣла тѣхъ, которые погибли отъ наводненія, причиненнаго кобылою Гаргантюа.

Тутъ они стали совѣщаться на счетъ того, какимъ образомъ они проѣдутъ дальше, въ виду препоны, представляемой этими трупами.

Но Гимнастъ сказалъ:

— Если черти пробрались черезъ нихъ, то и я отлично проберусь.

— Черти,—отвѣчалъ Евдемонъ,— пробрались, чтобы унести грѣшныя души.

— Именемъ св. Треньяна,—сказалъ Понократъ,—онъ тоже проберется, если нужно.

— Увидимъ, увидимъ, — отвѣчалъ Гимнастъ,—а не то тамъ и останусь. И пришпоривъ коня, смѣло проѣхалъ по трупамъ, причемъ его лошадь не выказала ни малѣйшаго страха. Онъ пріучилъ ее (по методѣ Еліана) не бояться ни душъ, ни мертвыхъ тѣлъ, не тѣмъ, что убивалъ, какъ Діомедъ ѳракійцевъ, и не тѣмъ, что заставлялъ коня попирать ногами убитыхъ враговъ, какъ дѣлалъ Улиссъ и о чемъ повѣствуетъ Гомеръ, но тѣмъ, что клалъ ему въ сѣно манекена и заставлялъ обыкновенно переступить черезъ него, чтобы добраться до овса.

Остальные трое послѣдовали за нимъ безъ помѣхи, за исключеніемъ Евдемона, лошадь котораго провалилась до колѣнъ въ брюхѣ громаднаго и жирнаго мужика-утопленника, лежавшаго поперекъ дороги, и никакъ не могла изъ него выбраться. И такъ путалась, пока Гаргантюа концемъ своей палки не потопилъ требуху мужика въ водѣ, въ то время какъ лошадь переступала ногами. И (дѣло чудесное въ ветеринарномъ искусствѣ) отъ прикосновенія къ внутренностямъ этого толстаго болвана эта самая лошадь излѣчилась отъ мозоля, который у нея былъ на ногѣ.

XXXVII.

О томъ, какъ у Гаргантюа при расчесываніи волосъ сыпались пушечныя ядра.

Немного спустя послѣ того, какъ они выбрались на берегъ Веда, они доѣхали до замка Грангузье, который ждалъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Тотчасъ по прибытіи они принялись пировать безъ удержу и никогда не видано было болѣе веселыхъ людей; даже Supplementum supplementi chronicorum говоритъ, что Гаргамель умерла отъ радости; я же, съ своей стороны, ничего объ этомъ не знаю, да и знать не хочу.

Вѣрно то, что когда Гаргантюа сталъ переодѣваться и чесаться гребнемъ, который былъ ста саженъ длины, съ зубьями изъ цѣльныхъ слоновыхъ клыковъ, то какъ только проведетъ гребнемъ по волосамъ, такъ сразу вычешетъ слишкомъ по семи штукъ ядеръ, которые остались у него въ волосахъ при разгромѣ Ведскаго лѣса.

Видя это, Грангузье, его отецъ, подумалъ, что это вши, и сказалъ ему:

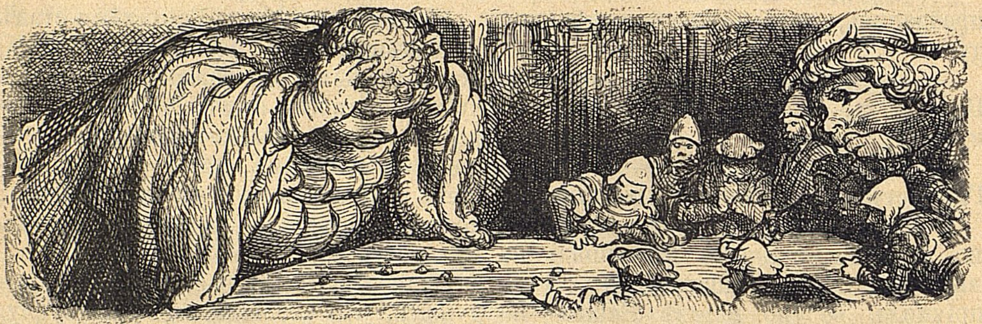
— Богъ мой, сынокъ, неужели ты къ намъ завезъ сюда ястребовъ изъ Монтегю. Я не ожидалъ, что ты тамъ находился.

На это Понократъ отвѣчалъ:

— Господинъ, не думайте, что я помѣстилъ его во вшивый коллежъ, именуемый Монтегю: лучше было бы засадить его съ нищими на кладбище св. Иннокентія, ибо я знаю, какая жестокость и мерзость тамъ царствуетъ; вѣдь съ каторжниками у мавровъ и татаръ, съ убійцами въ уголовной тюрьмѣ, не говоря уже о собакахъ въ вашемъ домѣ, обращаются лучше, нежели съ злополучными учениками этого коллежа. И будь я королемъ Парижа, чертъ меня побери, если бы я не поджогъ его съ четырехъ угловъ и не далъ бы ему сгорѣть вмѣстѣ съ директоромъ и надзирателями, допускающими, чтобы у нихъ на глазахъ творились такія безчеловѣчныя вещи!

И, поднявъ одно изъ ядеръ, прибавилъ:

— Это пушечныя ядра, которыми осыпали вашего сына, когда онъ проходилъ по Ведскому лѣсу, ваши вѣроломные враги. Но они получили за это такую мзду, что всѣ погибли подъ обломками замка, какъ филистимляне, раздавленные Самсономъ, или тѣ, кого задавила башня въ Силоа, какъ сказано у Луки, XIII. Однако, я того мнѣнія, что слѣдуетъ намъ преслѣдовать враговъ, такъ какъ случай намъ благопріятствуетъ, а извѣстно, что у случая всѣ волосы растутъ на лбу, и если его прозѣваешь, то ужъ послѣ не ухватишь, потому что сзади онъ плѣшивъ и никогда назадъ не оборачивается.



Къ гл. XXXVII.

— Ну, ужъ нѣтъ,—сказалъ Грангузье,—только не теперь, потому что я хочу васъ угостить сегодня вечеромъ и вы мои желанные гости.

Послѣ того изготовили ужинъ и къ нему были зажарены шестнадцать быковъ, три телки, тридцать два теленка, шестьдесятъ три козленка, девяносто пять ягнятъ, триста поросятъ, двѣсти двадцать куропатокъ, семьсотъ бекасовъ, четыреста каплуновъ изъ Лудюнуа и Корнуайля, шестьсотъ цыплятъ и столько же голубей, шестьсотъ рябчиковъ, четыреста зайцевъ, триста три драхвы и семьсотъ откормленныхъ куръ.

Дичиной не могли такъ скоро раздобыться, за исключеніемъ одиннадцати кабановъ, которыхъ прислалъ аббатъ Тюрпенэ и восемнадцати штукъ красной дичи, доставленныхъ господиномъ де-Гронмономъ, восемнадцати фазановъ, присланныхъ господиномъ Дезессаръ и нѣсколькихъ дюжинъ дикихъ голубей, водяныхъ птицъ, чирковъ, выпи, зуекъ, ржанокъ, лѣсныхъ куропатокъ, казарокъ, утокъ, пигалицъ, дикихъ гусей, цаплей, аистовъ, маленькихъ драхвъ, фламинго и индюшекъ; все это приправлено было мучнымъ соусомъ и сопровождалось похлебками нѣсколькихъ сортовъ. Нечего и говорить, что припасовъ было въ изобиліи и они хорошо были приготовлены Лизоблюдомъ, Горшконосомъ и Хватомъ, поварами Грангузье. Ванька, Мишка и Пьяница изготовили прекрасныя питія.

XXXVIII.

О томъ, какъ Гаргантюа проглотилъ съ салатомъ шестерыхъ паломниковъ.

Здѣсь кстати будетъ разсказать про то, что случилось съ шестью паломниками, которые пришли изъ Сенъ-Себастіана, около Нанта, и, чтобы переночевать, забрались въ садъ и спрятались изъ страха передъ врагами въ грядахъ съ горохомъ, капустою и латукомъ. Гаргантюа, которому было немного не по себѣ, спросилъ, нельзя ли нарвать латука, чтобы приготовить изъ него салатъ.

Услышавъ, что въ здѣшней мѣстности латукъ особенно хорошъ и крупенъ и ростомъ съ сливное дерево или орѣшникъ, пожелалъ самъ сходить за нимъ и, нарвавъ, сколько вздумалось, унесъ въ рукахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ унесъ и шестерыхъ паломниковъ, которые отъ страха не смѣли ни кашлянуть, ни слова выговорить.

Когда салатъ вмѣстѣ съ паломниками обмывали у колодца, паломники шепотомъ говорили другъ другу:

— Что такое съ нами дѣлаютъ? Мы тутъ захлебнемся въ этомъ латукѣ; не подать ли голосъ? Но если мы подадимъ голосъ, онъ подумаетъ, что мы шпіоны, и убьетъ насъ.

А пока они такъ разсуждали, Гаргантюа положилъ ихъ вмѣстѣ съ латукомъ на блюдо величиной съ бочку изъ аббатства Сито и, прибавивъ масла оливковаго, уксусу и соли, проглотилъ ихъ, для возбужденія аппетита передъ ужиномъ, и уже пятеро паломниковъ было проглочено, а шестой находился еще на блюдѣ, спрятанный подъ латукомъ, кромѣ посоха, который торчалъ наружу. И увидя его, Грангузье сказалъ Гаргантюа:

— Мнѣ кажется, это рожки улитки, не ѣшьте ее.

— Почему?—спросилъ Гаргантюа,—онѣ вкусны въ этомъ мѣсяцѣ.

И, вытащивъ посохъ, вмѣстѣ съ нимъ захватилъ и паломника и преблагополучно отправилъ его въ ротъ. Послѣ того запилъ громаднымъ глоткомъ вина, въ ожиданіи, пока приготовятъ ужинъ.

Проглоченные такимъ образомъ паломники отлично выбрались изъ его зубовъ и думали, что ихъ заключили въ какомъ-нибудь подземельи замка. А когда Гаргантюа глотнулъ такую уйму вина, то они чуть не захлебнулись у него во рту, а винный потокъ чуть не унесъ ихъ въ преисподнюю его желудка; но, подпрыгивая, какъ михаэлиты 1), опираясь на посохи, они съ трудомъ удержались во рту, забравшись на край его зубовъ. Но на ихъ бѣду одинъ изъ паломниковъ, изслѣдуя посохомъ мѣстность, чтобы знать, находятся ли они въ безопасности, шибко ударилъ въ дупло зуба, задѣлъ челюстный нервъ и причинилъ сильную боль Гаргантюа, который закричалъ отъ ярости. И чтобы облегчить боль, велѣлъ принести зубочистку и, отправившись подъ орѣшникъ, повытаскалъ изо рта господъ паломниковъ.

Одного онъ поймалъ за ноги, другого за суму, третьяго за карманъ, четвертаго за поясъ, а бѣднягу, который ушибъ его посохомъ, схватилъ за клапанъ у штановъ; но для того это оказалось счастіемъ, такъ какъ онъ проткнулъ ему нарывъ, который мучилъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они прошли черезъ Ансени. Освобожденные такимъ образомъ паломники бросились бѣжать со всѣхъ ногъ по равнинѣ, а боль у Гаргантюа прошла.

Въ тотъ же часъ Евдемонъ позвалъ къ ужину, который былъ готовъ.

— Я пойду сперва помочиться отъ боли,—сказалъ Гаргантюа.

И помочился такъ обильно, что урина отрѣзала путь паломникамъ, и они должны были перебираться черезъ большой каналъ. Но когда они оттуда пришли на опушку лѣса, то всѣ попадали, за исключеніемъ Фурнилье, въ западню, устроенную для волковъ. Изъ нея они высвободились, благодаря искусству Фурнилье, который перервалъ всѣ петли и веревки. Выбравшись оттуда, они остатокъ ночи провели въ избушкѣ около Кудре, и тамъ утѣшеніемъ въ несчастіи имъ служили набожныя рѣчи одного изъ ихъ сотоварищей, котораго звали Притомленный, и онъ доказалъ имъ, что это событіе было предсказано Давидомъ (Псал.):

— Cum exsurgerent homines in nos, forte vivos deglutissent nos 1); это было, когда насъ пожрали съ уксусомъ, масломъ и солью въ салатѣ. Cum irasceretur furor eorum in nos, forsitan aqua absorbuisset nos 2); это было, когда онъ сдѣлалъ такой большой глотокъ. Torrentem pertransivit anima nostra 3), когда мы перебирались черезъ большой каналъ. Forsitan pertransisset anima nostra aquam intolerabilem 4), отъ его урины, ко-

---

1) Паломники, отправляющіеся на богомолье въ монастырь св. Михаила на морѣ.

---

1) Когда люди возстали противъ насъ, они проглотили насъ живьемъ.

2) Когда ихъ гнѣвъ распалился на насъ, они потопили насъ въ водѣ.

3) Потоками залита была душа наша.

4) Вода заливала нашу душу.

торою онъ залилъ дорогу. Benedictus Dominus qui non dedit nos in captionem dentibus eorum. Anima nostra sicut passer erepta est de laqueo venantium [1]), когда мы попали въ волчью яму. Laqueus contritus est [2]), руками Фурнилье, et nos liberati sumus [3]). Adjutorium nostrum, и проч. [4]).

XXXIX.

О томъ, какъ Гаргантюа угощалъ монаха и какія прекрасныя рѣчи говорилъ за ужиномъ.

Когда Гаргантюа сѣлъ за столъ и первый голодъ былъ утоленъ, Грангузье сталъ разсказывать про начало и причину войны, возникшей между нимъ и Пикрошолемъ, и сообщилъ про то, какъ братъ Жанъ Сокрушитель сумѣлъ оборонить монастырскій виноградникъ, и превозносилъ его подвигъ надъ всѣми подвигами Камилла, Сципіона, Цезаря и Ѳемистокла.

Тогда Гаргантюа потребовалъ, чтобы за монахомъ немедленно послали, дабы посовѣтоваться съ нимъ, что теперь дѣлать. По его желанію, за нимъ отправился его метрдотель и весело привезъ его, вмѣстѣ съ палкой-крестомъ, на мулѣ Грангузье.

По его прибытіи его обласкали, цѣловали и всячески ублажали.

— Ахъ, братъ Жанъ, другъ мой, братецъ Жанъ, кузенъ Жанъ, любезный Жанъ, чертовъ кумъ, дай обнять себя, дружище! Дайте-ка я его тоже обниму; и я тоже, да хорошенько, чтобы у него косточки затрещали.

И братъ Жанъ соловьемъ заливался; не бывало еще человѣка такого вѣжливаго и любезнаго.

— Ладно, ладно,—говорилъ Гаргантюа,—поставьте-ка вотъ тутъ, рядомъ со мною, скамейку.

— Охотно,—отвѣчалъ монахъ,—если вамъ такъ угодно. Пажъ, воды! Лей, мое дитя, лей; она мнѣ освѣжитъ печень. Дай сюда, я прополощу себѣ горло.

— Deposita cappa,—сказалъ Гимнастъ,—долой эту рясу!

— Охъ! помилуй Богъ, господинъ!—отвѣчалъ монахъ. Есть статья in Statutis ordinis, которая противъ этого.

— Плевать, — сказалъ Гимнастъ, — плевать на вашу статью! Эта ряса давитъ вамъ плечи; снимите ее.

— Другъ мой,—отвѣчалъ монахъ,—оставь ее на мнѣ; ей-Богу, я только здоровѣе пить буду. Мнѣ веселѣе въ ней. Если я ее сниму, господа пажи накроятъ изъ нея подвязокъ, какъ они это уже разъ сдѣлали въ Куленъ. И, кромѣ того, у меня аппетитъ пропадетъ. Но когда я въ этомъ одѣяніи сяду за столъ, я выпью, ей-Богу, и за тебя, и за твою лошадь. Ну, смѣлѣе! Господи, помилуй отъ всякаго зла всю нашу компанію! Я уже поужиналъ; но тѣмъ не менѣе поѣмъ съ удовольствіемъ, потому что у меня желудокъ здоровый и объемистый, какъ сапогъ св. Бенедикта, и всегда разверзтый, какъ кошель адвоката. «Изъ всѣхъ рыбъ, кромѣ линя» [1]), хватай крылышко куропатки или бедро монашенки; сама смерть покажется веселой, когда она захватитъ человѣка за веселымъ дѣломъ [2]). Нашъ настоятель очень любитъ бѣлое мясо каплуна.

— Въ этомъ,—сказалъ Гимнастъ,—онъ не похожъ на лисицъ, которыя никогда не ѣдятъ бѣлаго мяса каплуновъ, куръ и цыплятъ, пойманныхъ ими.

— Почему?—спросилъ монахъ.

— Потому что у нихъ нѣтъ поваровъ, которые бы имъ сварили,—отвѣчалъ Гимнастъ. А если мясо не доварено, то оно остается краснымъ и не бѣлѣетъ. Краснота мяса доказываетъ, что оно не доварено. За исключеніемъ омаровъ и раковъ, которые отъ варки получаютъ кардинальскій цвѣтъ.

— Клянусь праздникомъ тѣла Господня, какъ говоритъ Баяръ, — сказалъ монахъ, — у больничнаго служителя въ нашемъ аббатствѣ голова плохо сварена, потому что глаза у него красны, какъ плошки изъ ольховаго дерева. А вотъ заячье бедро полезно для подагриковъ. Кстати о бедрахъ: почему бедра у молодыхъ дѣвицъ всегда прохладны?

---

[1]) Хвала Господу, который не предалъ насъ на растерзаніе ихъ зубами. Душа наша улетѣла какъ птичка изъ сѣтей птицелова.

[2]) Веревка порвана.

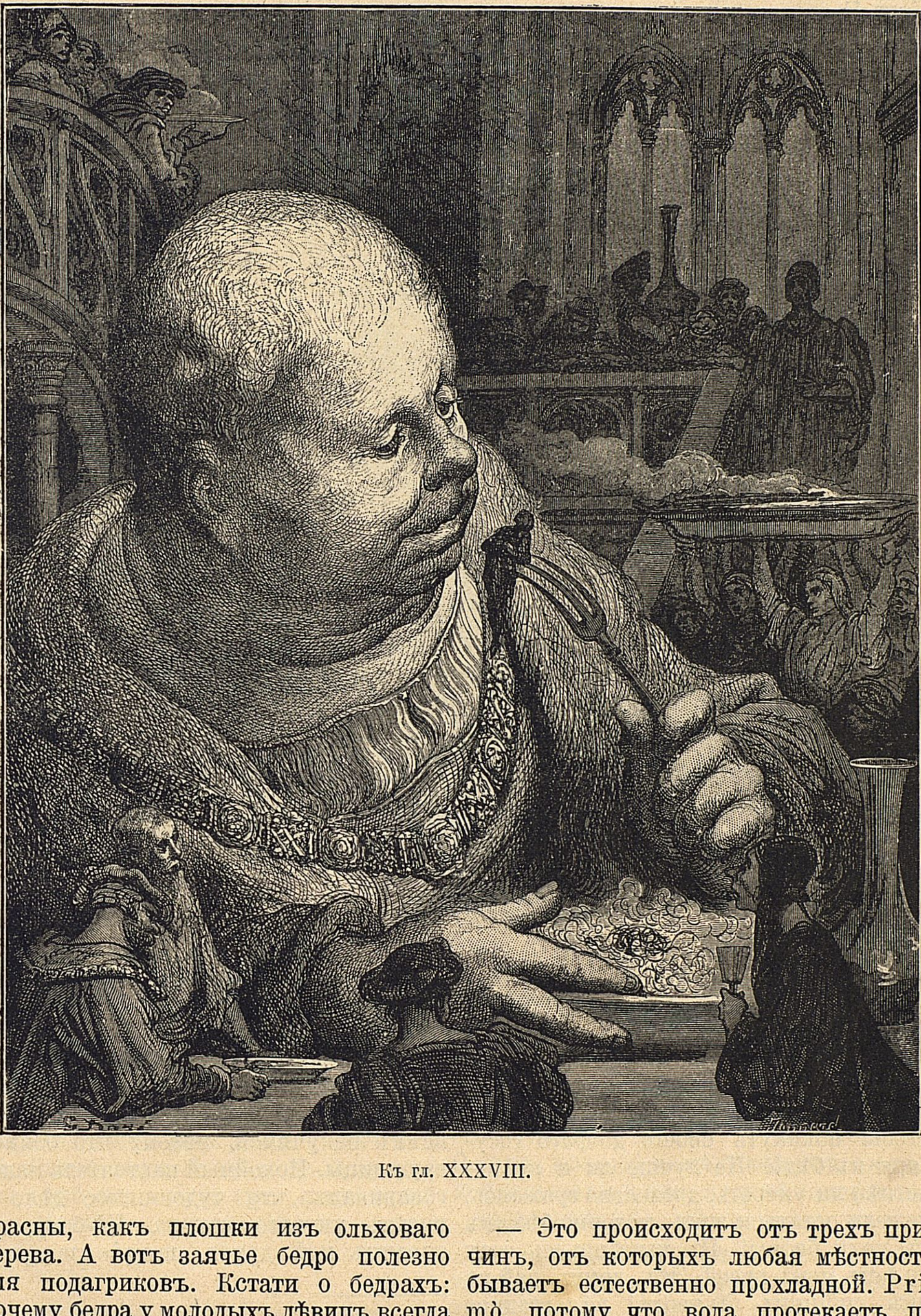
[3]) И мы свободны.

[4]) Наше спасеніе и пр.

[1]) De tous les poissons fors que la tenche.

[2]) Въ подлинникѣ: «n'est-ce pas falotement mourir quand on meurt le caiche roide?» Намекъ на средневѣковой латинскій стихъ:

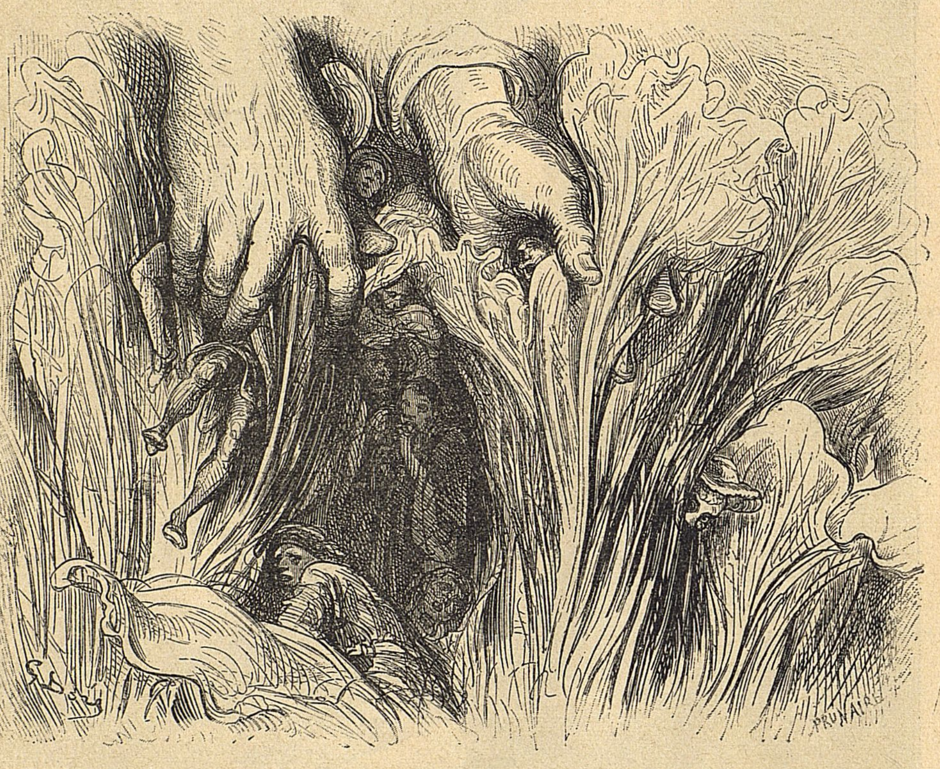
«Arrectus moritur monacha quicunque potitur».



Къ гл. XXXVIII.

— Объ этой проблемѣ ничего не говорятъ ни Аристотель, ни Александръ Афродизскій, ни Плутархъ,—отвѣчалъ Гаргантюа.

— Это происходитъ отъ трехъ причинъ, отъ которыхъ любая мѣстность бываетъ естественно прохладной. Primò, потому что вода протекаетъ по ней. Secundò, потому что это мѣсто тѣнистое, темное и мрачное, гдѣ никогда не свѣтитъ солнце. А, въ третьихъ, потому, что тамъ постоянно дуетъ изъ отверстій рубашки или штановъ. Эй, пажъ, налей вина! Кракъ, кракъ, кракъ! Какъ Господь милосердъ, что посылаетъ намъ такое доброе вино! Эхъ! Кабы мнѣ побыть французскимъ королемъ лѣтъ этакъ восемьдесятъ или сто. Богомъ клянусь, я бы обкорналъ какъ собакъ тѣхъ, кто бѣжалъ изъ-подъ Павіи. Черная немочь ихъ возьми! Зачѣмъ они не легли костьми тамъ, вмѣсто того чтобы покинуть своего добраго государя въ бѣдѣ? Не лучше ли и не почетнѣе ли умереть, доблестно сражаясь, нежели остаться жить, позорно бѣжавъ съ поля битвы! Въ нынѣшнемъ году не ѣсть намъ гусей. Эхъ, другъ, дай-ка мнѣ свинины. Дьяволъ! виноградное сусло все вышло. Germinavit radix Jesse[1]). Пусть лишусь жизни, если я не умираю отъ жажды. Это вино не изъ худыхъ. Какое вино пили вы въ Парижѣ? Чертъ меня побери, если я не держалъ тамъ полгода слишкомъ открытый домъ для всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Знаете ли вы брата Клавдія изъ верхняго Барруа? О, какой это славный товарищъ! Но не знаю какая муха его укусила. Онъ только и знаетъ, что учится Богъ вѣсть съ какихъ поръ! Я, съ своей стороны, не учусь. Въ нашемъ аббатствѣ мы совсѣмъ не учимся, потому что боимся заушницы. Покойный настоятель нашъ говаривалъ, что чудовищное дѣло — видѣть ученаго монаха. Ей-богу, господинъ мой другъ, magis magnos

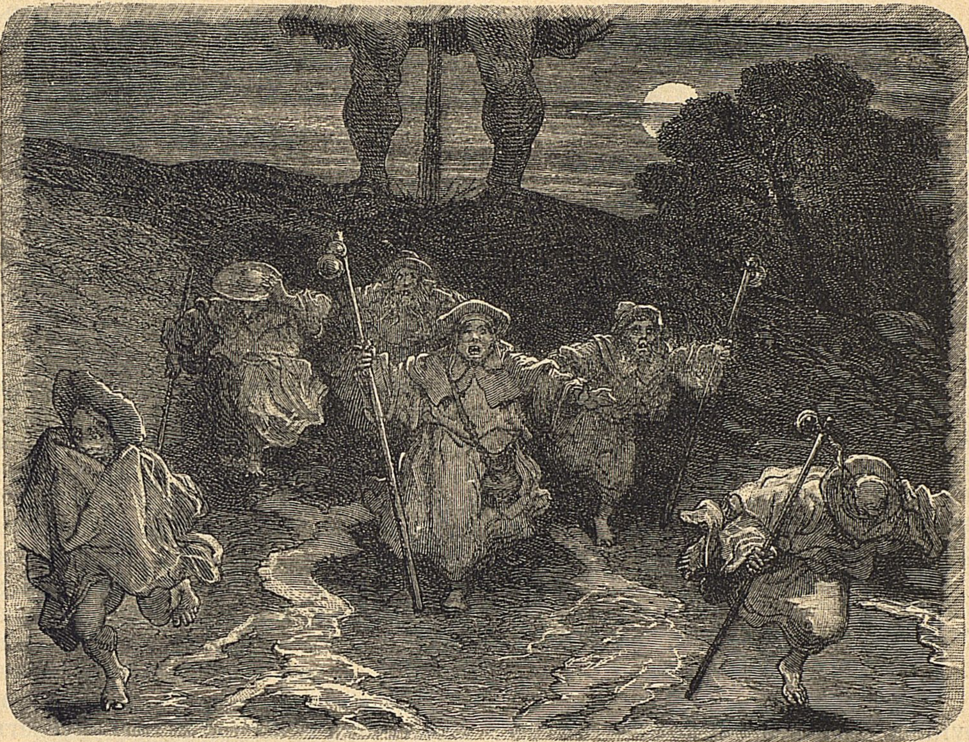


Къ гл. XXXVIII.

---

[1] Корень Іессея проросъ.

clericos non sunt magis magnos sapientes [1]). Столько зайцевъ, какъ въ нынѣшнемъ году, еще не видано. Какъ я ни старался, а не могъ достать ни ястреба, ни сокола. Господинъ де-ла-Белоньеръ обѣщалъ мнѣ балабана, но, какъ онъ мнѣ недавно написалъ, тотъ заболѣлъ одышкой. Куропатки насъ въ этомъ году одолѣютъ. Но мнѣ никакого удовольствія не доставляетъ брать птицъ въ силки; если я не бѣгаю, не двигаюсь, я нездоровъ. Правда, что, перескакивая черезъ изгороди и кусты, я рву свою рясу на клочки. Я добылъ славную борзую собаку. Чортъ меня побери, если хоть одинъ заяцъ уйдетъ отъ нея. Лакей велъ ее къ г. де-Молевріе; я ее стибрилъ. Что, худо я сдѣлалъ?



Къ гл. XXXVIII.

— Нисколько, братъ Жанъ,—отвѣчалъ Гимнастъ, — нисколько, клянусь всѣми чертями, нисколько!

— Итакъ, за здоровье этихъ чертей если только они существуютъ! И, Богомъ клянусь, зачѣмъ борзая собака хромому? Клянусь ему пріятнѣе, если онъ получитъ въ подарокъ пару добрыхъ воловъ, — сказалъ монахъ.

— Какъ, — замѣтилъ Понократъ, — вы прибѣгаете къ божбѣ, братъ Жанъ?

— Только ради краснорѣчія,—отвѣчалъ монахъ. Это цвѣты цицероновской реторики.

XL.

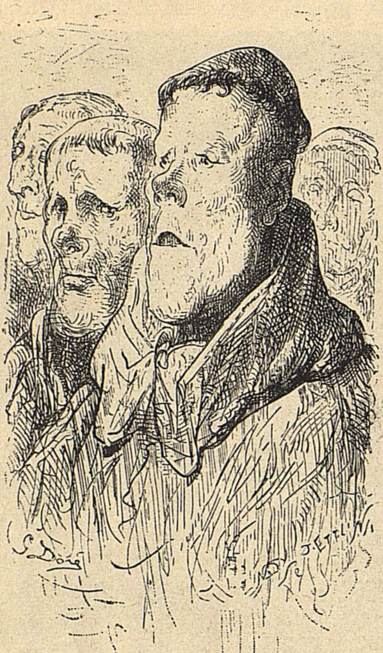
О томъ, почему монаховъ избѣгаютъ добрые люди и почему у нѣкоторыхъ носъ длиннѣе, чѣмъ у другихъ.

— Какъ добрый христіанинъ,—сказалъ Евдемонъ,—я дивлюсь тому, какъ этотъ монахъ прилично себя держитъ. Да и всѣхъ насъ онъ поражаетъ. И почему же въ такомъ случаѣ монаховъ изгоняютъ изъ честной компаніи, считая ихъ помѣхой, подобно тому, какъ пчелы прогоняютъ трутней отъ ульевъ? Ignavum fucos pecos, сказалъ Маро, a praesepibus arcent [1]).

---

[1]) Отцы церкви въ большинствѣ случаевъ не великіе ученые.

На это Гаргантюа отвѣчалъ:



Къ гл. XL.

— Совершенно вѣрно, что ряса и клобукъ навлекаютъ на себя брань, ругательства и проклятія всего міра, подобно тому какъ вѣтеръ, по словамъ Цеція, привлекаетъ облака. Главная причина этому та, что они питаются грязью міра, то-есть его грѣхами, а потому ихъ и загоняютъ въ ихъ убѣжища, то-есть, монастыри и аббатства, которые отводятся въ сторону отъ людскихъ глазъ. Но если вы понимаете, почему надъ обезьяной въ домѣ всегда смѣются и дразнятъ ее, то поймете, почему отъ монаховъ всѣ бѣгаютъ, какъ молодые, такъ и старые. Обезьяна не стережетъ дома, какъ собака; она не ходитъ въ ярмѣ, какъ волъ; не даетъ ни молока, ни шерсти, какъ овца, и не возитъ тяжестей, какъ лошадь. Она только гадитъ и портитъ все, и за это надъ нею смѣются и бьютъ ее. Точно такъ и монахъ (я говорю про тунеядцевъ-монаховъ) не пашетъ, какъ крестьянинъ, не охраняетъ край, какъ военный человѣкъ, не лѣчитъ больныхъ, какъ врачъ, не проповѣдуетъ міру и не учитъ его, какъ добрый христіанскій пастырь и педагогъ; не доставляетъ странѣ нужныхъ и полезныхъ товаровъ, какъ купецъ. Вотъ причина, почему всѣ ихъ поднимаютъ на смѣхъ и ненавидятъ.

— Такъ; но вѣдь за то они молятъ Бога за насъ,—замѣтилъ Грангузье.

— Ничуть,—отвѣчалъ Гаргантюа,—вѣрно то, что они надоѣдаютъ всѣмъ сосѣдямъ своимъ колокольнымъ звономъ.

— А какъ же,—сказалъ монахъ,—обѣдня, заутреня и вечерня наполовину отслужены, когда оттрезвонятъ.

— Они бормочутъ себѣ подъ носъ легенды и псалмы, въ которыхъ ровно ничего не понимаютъ. Читаютъ безъ конца Pater noster вперемежку съ Ave Maria, тоже безъ толку и понятія. И это я называю не молиться Богу, а глумиться надъ Богомъ. И помогай имъ Боже, если они молятся за насъ, а не изъ боязни лишиться сладкой и жирной ѣды. Всѣ истинные христіане, всѣхъ состояній, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена молятся Богу, и Духъ Святой молится и предстательствуетъ за нихъ, и Богъ осѣняетъ ихъ своей благодатью. Вотъ таковъ и нашъ добрый братъ Жанъ. И потому каждый радъ его обществу. Онъ не ханжа, онъ не оборвышъ, онъ вѣжливъ, веселъ, рѣшителенъ, добрый товарищъ. Онъ работаетъ, трудится, защищаетъ угнетенныхъ, утѣшаетъ скорбящихъ, помогаетъ нуждающимся и охраняетъ виноградникъ своего аббатства.

— Я и кромѣ этого тружусь,—сказалъ монахъ,—прислуживая на клиросѣ за заутреней и панихидой; я изготовляю тетивы для лука, чищу лукъ и вяжу сѣти для поимки кроликовъ Я никогда не бываю празднымъ. Подавайте-ка мнѣ пить, пить! Принесите плодовъ. Ахъ, вотъ каштаны изъ Эстокскаго лѣса! Вмѣстѣ съ молодымъ виномъ они производятъ вѣтры. А вы еще не развеселились, друзья. Ей-богу, я пью изъ всякаго броду, точно лошадь фискала.

---

[1]) Трутней, безполезный народъ, онѣ удаляютъ отъ ульевъ.

Гимнастъ сказалъ ему:

— Братъ Жанъ, оботрите каплю, которая виситъ у васъ на носу.

— Ага!—отвѣчалъ монахъ, — ужли же мнѣ грозитъ опасность утонуть, такъ какъ я по самый носъ нахожусь въ водѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Quare? Quia:

Elle en sort bien, mais point n'y entre,
Car il est bien antidoté de pampre[1]),

О, другъ мой, если бы у кого-нибудь были сапоги изъ такой кожи, онъ смѣло могъ бы ловить устрицъ, потому что они никогда бы не промокли.

— Почему,—сказалъ Гаргантюа,— у брата Жана такой прекрасный носъ?

— Потому,—отвѣчалъ Грангузье,— что такъ угодно Богу, который создаетъ насъ по такой формѣ и для такой цѣли, согласно своему божескому произволу, какъ горшечникъ свою посуду.

— Потому,—сказалъ Понократъ,— что онъ изъ первыхъ попалъ на ярмарку носовъ. Онъ и выбралъ изъ самыхъ красивыхъ и большихъ.

— Не то,—отвѣчалъ монахъ,—а по нашей истинной монашеской философіи, это потому, что у моей кормилицы была мягкая грудь, и когда я ее сосалъ, носъ мой уходилъ въ нее какъ въ масло и—росъ и раздавался, какъ тѣсто въ квашнѣ. Когда же у кормилицы твердая грудь, то дѣти выходятъ курносыми. Но живѣе, живѣе, ad formam nasi cognoscitur ad te levavi[1]). Я никогда не ѣмъ варенья. Пажъ, подай вина. Item жаркого!

XLI.

О томъ, какъ монахъ усыпилъ Гаргантюа, и объ его часословѣ и требникѣ.

Отужинавъ, стали совѣщаться о томъ, что теперь предпринять, и рѣшили, чтобы къ полуночи пойти на рекогносцировку: узнать, на сторожѣ ли непріятель,—и принимаетъ ли какія мѣры а пока отдохнуть немного, чтобы освѣжиться. Но Гаргантюа не могъ уснуть, какъ ни старался. А потому монахъ сказалъ ему:

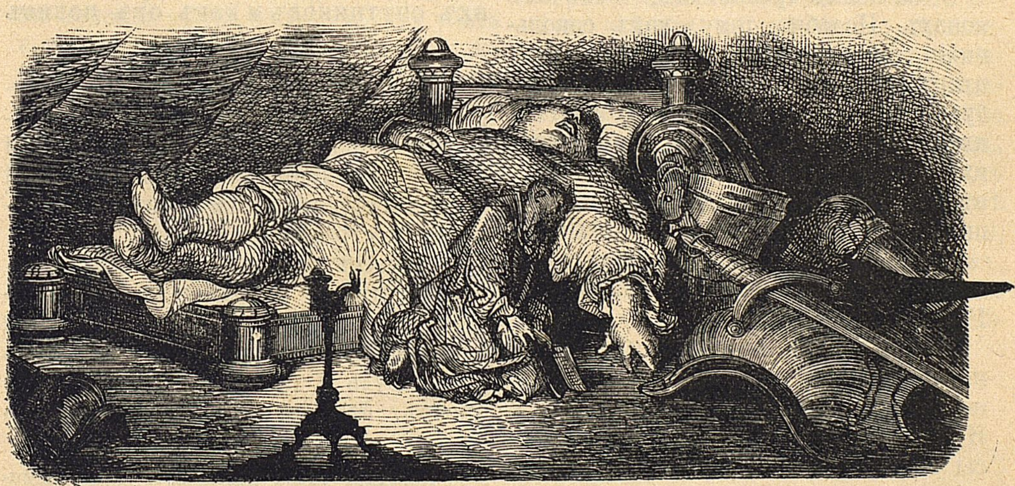
— Мнѣ никогда такъ хорошо не спится, какъ когда я слушаю проповѣдь или молюсь Богу. Прошу васъ, прочитаемъ вмѣстѣ семь псалмовъ, и вы увидите, если вы тотчасъ же не заснете.

Мысль эта очень понравилась Гаргантюа, и въ началѣ перваго псалма, на

---

[1]) Она выходитъ вонъ, но не входитъ внутрь, потому что виноградная вѣтвь служитъ вмѣсто противоядія.

[1]) По формѣ носа узнаютъ, обо что онъ терся.



Къ гл. XLI.

словахъ Beati quorum, оба заснули. Но монахъ не преминулъ проснуться раньше полуночи, до того онъ привыкъ къ монастырской заутренѣ. Проснувшись самъ, онъ и всѣхъ другихъ разбудилъ, во все горло распѣвая пѣсню:

«Ого! Реньо проснись!
«Не спи, Реньо, проснись, проснись!»

Когда всѣ проснулись, онъ сказалъ:

— Господа, за заутреней, говорятъ, кашляютъ, а за ужиномъ пьютъ. Мы же сдѣлаемъ наоборотъ: начнемъ заутреню съ того, что выпьемъ, а вечеромъ, приступивъ къ ужину, раскашляемся наперерывъ другъ передъ другомъ.

На это Гаргантюа замѣтилъ:

— Пить сейчасъ послѣ сна считается по медицинской діэтѣ очень вреднымъ. Прежде надо очистить желудокъ отъ лишняго груза и экскрементовъ.

— Это какъ разъ по-медицински,—сказалъ монахъ. Сто чертей вселись въ мое тѣло, если старыхъ пьяницъ не больше на свѣтѣ, чѣмъ старыхъ медиковъ. Я съ своимъ аппетитомъ заключилъ такой договоръ, что онъ всегда ложится спать вмѣстѣ со мной, и за этимъ я строго слѣжу; днемъ же онъ вмѣстѣ со мной просыпается. Выдѣляйте сколько угодно свои экскременты, я же схожу за своимъ ящикомъ.

— За какимъ ящикомъ?—спросилъ Гаргантюа,—что вы хотите сказать?

— За моимъ требникомъ,—отвѣчалъ монахъ. Подобно тому, какъ сокольничіи, прежде чѣмъ кормить своихъ птицъ, даютъ имъ погрызть какую-нибудь куриную лапку, чтобы очистить ихъ мозгъ отъ мокроты и возбудить ихъ аппетитъ, такъ и я, беря поутру въ руки мой веселый требничекъ, очищаю себѣ легкія и затѣмъ готовъ пить.

— По какому уставу читаете вы этотъ славный часословъ?— спросилъ Гаргантюа.

— По уставу монаховъ Фекана [1]: по три псалма и по три урока, а кто не хочетъ, такъ и ничего не читаетъ. Я никогда не подчиняюсь часамъ: часы созданы для человѣка, а не человѣкъ для часовъ. И я свои укорачиваю или удлиняю, какъ ремень у стремени, по своему усмотрѣнію. Brevis oratio penetrat coelos, longa potatio evacuat scyphos [1]. Гдѣ это написано?

— Не знаю, дружокъ, честное слово,—отвѣчалъ Понократъ,—но ты славный малый.

— Въ этомъ,—сказалъ монахъ,—я на васъ похожъ. Но Venite apotemus [2].

Принесли много жаркихъ и вкусныхъ похлебокъ, а монахъ пилъ въ свое удовольствіе. Одни составили ему компанію, другіе воздержались.

Послѣ того каждый вооружился и снарядился. И монаха вооружили противъ его воли, такъ какъ онъ не хотѣлъ другого вооруженія кромѣ рясы на брюхѣ и палки въ рукѣ. Однако, его вооружили, какъ хотѣли, съ головы до ногъ, и онъ сѣлъ на добраго королевскаго боевого коня, съ привѣшенной съ боку большой шпагой. Вмѣстѣ съ нимъ отправились Гаргантюа, Понократъ, Гимнастъ, Евдемонъ и двадцать пять изъ самыхъ храбрыхъ дружинниковъ Грангузье, всѣ вооруженные съ головы до ногъ, съ копьемъ въ рукѣ, на конѣ, какъ св. Георгій, и у каждаго за спиной на крупѣ лошади сидѣлъ пищальникъ.

XLII.

О томъ, какъ монахъ ободрялъ своихъ спутниковъ и какъ онъ повисъ на деревѣ.

И вотъ идутъ наши благородные рыцари навстрѣчу ожидающимъ ихъ опасностей и разсуждаютъ о томъ, какой встрѣчи слѣдуетъ искать и отъ какой обороняться, когда наступитъ день великой и страшной битвы.

И монахъ ободрялъ ихъ, говоря:

— Дѣти, не бойтесь и не сомнѣвайтесь. Я васъ проведу въ цѣлости и сохранности. Богъ и св. Бенедиктъ съ нами. Будь я такъ же силенъ, какъ и храбръ, божусь, я бы ихъ ощипалъ какъ утокъ. Я ничего не боюсь, кромѣ артиллеріи. Однако, я знаю молитву, которой меня научилъ пономарь нашего аббатства и которая предохраняетъ человѣка отъ всякаго огнестрѣльнаго оружія. Но мнѣ она не послужитъ на пользу, потому что я въ нее не вѣрю. Тѣмъ не менѣе моя палка съ крестомъ задастъ имъ перцу. Богомъ клянусь, что того изъ васъ, кто вздумаетъ навострить лыжи, я—дьяволъ меня возьми!—вмѣсто себя поставлю въ монахи и напялю на него свою рясу. Она исцѣляетъ отъ трусости. Слыхали ли вы про борзую собаку г. де-Мерля, которая никуда не годилась въ полѣ. Онъ надѣлъ на нее клобукъ и, клянусь, послѣ того ни одинъ заяцъ и ни одна лисица не могли уйти отъ нея, и, мало того, она стала бѣгать за всѣми сучками той мѣстности, тогда какъ прежде была безсильна, de frigidis et maleficiatis [1].

---

[1] Бенедиктинское аббатство въ Нормандіи.

[1] Короткія слова достигаютъ неба, длинные глотки опорожняютъ кубокъ.

[2] Давайте пить.

Говоря это въ сердцахъ, монахъ проѣхалъ подъ орѣшникомъ, направляясь къ рощѣ, и зацѣпился забраломъ своего шлема за толстую вѣтку орѣшника. Несмотря на то, онъ сильно пришпорилъ коня, который былъ щекотливъ, а потому рванулся впередъ, и монахъ, желая отцѣпить забрало отъ вѣтки, выпустилъ поводья и повисъ, ухватившись рукою за вѣтви орѣшника, между тѣмъ какъ конь ускакалъ изъ-подъ него. И вотъ монахъ виситъ такимъ образомъ на деревѣ, призывая на помощь, крича, что его хотятъ убить и жалуясь на измѣну. Евдемонъ первый увидѣлъ его и позвалъ Гаргантюа:

— Государь, пожалуйте сюда и поглядите на повѣсившагося Авессалома.

Гаргантюа подъѣхалъ и, оглядѣвъ монаха и то, какъ онъ висѣлъ на деревѣ, сказалъ Евдемону:

— Вы невѣрно выразились, сравнивъ его съ Авессаломомъ: Авессаломъ повѣсился за волосы, монахъ же, будучи съ обритой головой, повѣсился за уши.

— Помогите мнѣ, — замѣтилъ монахъ,—чортъ возьми! Время ли теперь болтать? Вы похожи на проповѣдниковъ-декреталистовъ, которые говорятъ, что кто увидитъ ближняго при смерти, тотъ долженъ, прежде всего, подъ страхомъ троекратнаго отлученія отъ церкви, начать его исповѣдывать и напутствовать во спасеніе души, а не оказать ему помощь. Поэтому, когда я увижу, что эти монахи упали въ рѣку и готовы захлебнуться, вмѣсто того чтобы подойти и протянуть имъ руку, я прочитаю имъ прекрасную и длинную проповѣдь de contemptu mundi et fuga seculi [1], а когда они совсѣмъ захлебнутся, я ихъ вытащу изъ воды.

— Не шевелись, — сказалъ Гимнастъ,—милашка, я сейчасъ тебя выручу, потому что ты славный монашекъ.

Monachus in claustro
Non valet ova duo,
Sed quando est extra,
Bene valet triginta [2].

— Я видалъ на своемъ вѣку болѣе пятисотъ повѣшенныхъ, но не видѣлъ ни одного, который бы висѣлъ такъ пристойно, и если бы я сумѣлъ висѣть съ такой же пристойностью, то согласился бы висѣть всю жизнь.

— Помогите мнѣ, — говорилъ монахъ,—довольно проповѣдывать! Помогите мнѣ ради Бога, если не ради чорта. Клянусь одѣяніемъ, какое ношу, вы раскаетесь, tempore et loco proelibatis [3].

Тутъ Гимнастъ сошелъ со своего коня и, влѣзши на орѣшникъ, приподнялъ одною рукою монаха подъ мышки, а другою рукою отцѣпилъ забрало отъ дерева, и, спустивъ монаха на землю, самъ соскочилъ вслѣдъ за нимъ. Снятый монахъ немедленно разстегнулъ все свое вооруженіе и побросалъ всѣ его части, одну за другой, въ полѣ и, взявъ въ руку свою палку съ крестомъ, снова сѣлъ на коня, котораго поймалъ Евдемонъ. Послѣ этого всѣ весело въѣхали въ рощу.

---

[1] Такъ озаглавлена одна рубрика книги Декреталій, гдѣ говорится о безсиліи.

---

[1] О презрѣніи къ міру и проклятіи свѣта.

[2] Монахъ въ кельѣ не стоитъ двухъ яицъ; но когда онъ на волѣ, то стоитъ тридцати и болѣе.

[3] Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

XLIII.

О томъ, какъ Гаргантюа встрѣтилъ авангардъ Пикрошоля и какъ монахъ убилъ капитана Тиравана, но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ.

Пикрошоль, выслушавъ разсказъ тѣхъ, кто спасся бѣгствомъ послѣ той битвы, въ которой Трипе оттрепали, вошелъ въ страшный гнѣвъ, узнавъ, что черти напали на его людей, и всю ночь держалъ совѣтъ, въ заключеніе котораго Гастиво и Тукдильонъ рѣшили, что его могущество таково, что онъ можетъ побѣдить всѣхъ чертей ада, если они на него набросятся, чему Пикрошоль, однако, отнюдь не вѣрилъ, а потому былъ далеко не спокоенъ на счетъ исхода дѣла. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ, подъ предводительствомъ графа Тиравана, рекогносцировать мѣстность, тысячу шестьсотъ человѣкъ легкой кавалеріи, которые предварительно были окроплены святой водой и опоясаны ораремъ на тотъ случай, если бы имъ повстрѣчались черти, которыхъ грегоріанская вода [1]) и орари должны были разсѣять и прогнать.

И вотъ они проѣхали до Вогюйона и Маладери, не встрѣтивъ никого, кто могъ бы имъ что-нибудь сообщить, но, поднявшись на гору, нашли въ хижинѣ близъ Кудре пятерыхъ паломниковъ, которыхъ, связавъ и потрепавъ, увели съ собой, какъ шпіоновъ, несмотря на ихъ восклицанія, заклинанія и мольбы.

Спустившись оттуда по направленію къ Сельё были замѣчены Гаргантюа, который сказалъ своимъ людямъ:

— Товарищи, мы наткнулись на непріятеля, но ихъ вдесятеро больше чѣмъ насъ; атаковать ли намъ ихъ?

— Чортъ возьми,—отвѣчалъ монахъ,—какъ же иначе? Неужели вы оцѣняете людей по ихъ числу, а не по ихъ достоинству и храбрости?

Затѣмъ вскричалъ:

— Въ атаку, черти, въ атаку!

Услышавъ это, непріятель подумалъ, конечно, что это настоящіе черти, и обратился въ поспѣшное бѣгство, за исключеніемъ Тиравана, который, вооружась копьемъ, ударилъ имъ изо всей мочи монаха прямо въ грудь, но копье притупилось о толстенную и жесткую рясу, точно свѣчка, которою бы ударили по наковальнѣ.

Монахъ же хватилъ Тиравана палкой съ крестомъ по шеѣ такъ сильно, что оглушилъ его; Тиравантъ лишился чувствъ и движенія—и свалился къ ногамъ лошади.

И, увидя орарь, которымъ онъ былъ опоясанъ, монахъ сказалъ Гаргантюа:

— Эти люди не что иное какъ попы; это еще далеко не монахи. Клянусь св. Жаномъ, я настоящій монахъ и я ихъ побью, какъ мухъ.

И поскакалъ на нихъ во весь опоръ, нагналъ послѣдніе ряды и сталъ бить ихъ направо и налѣво, точно рожь молотилъ. Гимнастъ спросилъ у Гаргантюа, слѣдуетъ ли и ему преслѣдовать ихъ, на что Гаргантюа отвѣчалъ:

— Отнюдь нѣтъ. Потому что по настоящей военной дисциплинѣ никогда не слѣдуетъ доводить своего врага до отчаянія, такъ какъ въ такомъ случаѣ сила его удвоивается и храбрость возвращается, хотя бы передъ тѣмъ онъ упалъ духомъ. Нѣтъ лучшаго средства спасенія для людей, застигнутыхъ врасплохъ и отчаявшихся въ своемъ спасеніи. Многія побѣды исторгнуты изъ рукъ побѣдителей побѣжденными, когда первые не слушались голоса разума, но пытались истребить всѣхъ непріятелей до единаго, не оставляя даже никого, кто могъ бы доставить вѣсти. Не запирайте всѣхъ дверей и не загораживайте всѣхъ дорогъ передъ непріятелемъ, а лучше содѣйствуйте его бѣгству хитростью.

— Хорошо, но за ними гонится монахъ,—сказалъ Гимнастъ.

— Развѣ,—отвѣчалъ Гаргантюа, —монахъ гонится за ними? Честью клянусь, имъ отъ этого не поздоровится. Но, во избѣжаніе всякихъ случайностей, погодимъ еще отступать; подождемъ здѣсь молча. Мнѣ кажется, я уже понялъ манеру воевать у нашихъ враговъ; они руководствуются случаемъ, но не разумомъ.

---

[1]) Папа Григорій Великій ввелъ освященіе воды, какъ утверждаютъ.

Пока они дожидались подъ орѣшниками, монахъ преслѣдовалъ враговъ, сражая тѣхъ, которые ему попадались, никого не щадя, до тѣхъ поръ пока не встрѣтилъ всадника, у котораго за спиной сидѣлъ одинъ изъ бѣдныхъ паломниковъ. Увидя, какъ онъ замахивается палкой, паломникъ вскричалъ:

— Ахъ! господинъ настоятель, другъ мой, господинъ настоятель, спасите меня, умоляю васъ!

Услышавъ эти слова, враги обернулись и видя, что одинъ только монахъ производитъ весь этотъ шумъ, принялись осыпать его ударами, точно деревяннаго осла; но онъ ровно ничего не чувствовалъ и тогда даже, когда удары падали на рясу, потому что кожа у него была совсѣмъ нечувствительна къ ударамъ. Послѣ того они поручили стеречь его двоимъ стрѣльцамъ и, повернувшись на сѣдлѣ, увидѣли, что ихъ никто больше не преслѣдуетъ, а потому подумали, что Гаргантюа убѣжалъ со своимъ отрядомъ.

И вотъ они поскакали къ орѣшникамъ такъ быстро, какъ только могли, чтобы ихъ нагнать, а монаха оставили съ обоими стрѣльцами, сторожившими его. Гаргантюа услышалъ конскій топотъ и ржаніе и сказалъ своимъ людямъ:

— Товарищи! я слышу, какъ скачутъ враги, и вижу, какъ они несутся на насъ цѣлой толпой; сомкнемъ свои ряды и преградимъ имъ путь; этимъ способомъ мы приведемъ ихъ къ погибели, а себя прославимъ.

XLIV.

О томъ, какъ монахъ отдѣлался отъ своихъ стражей и какъ былъ разбитъ авангардъ Пикрошоля.

Монахъ, увидя, что враги ускакали въ безпорядкѣ, догадался, что они собираются напасть на Гаргантюа и его людей, и очень огорчился, что не можетъ поспѣшить къ нимъ на помощь. Но, наблюдая за поведеніемъ своихъ стражей, замѣтилъ, что имъ больше хотѣлось скакать вслѣдъ за товарищами, въ надеждѣ на добычу, и они глядятъ на долину, куда тѣ спускаются. Разсуждая самъ съ собой, монахъ говорилъ:

— Эти люди очень плохо подготовлены къ военному дѣлу: они меня не обезоружили и даже не обязали честнымъ словомъ не сопротивляться.

И тутъ онъ выхватилъ свою шпагу и хватилъ ею стрѣльца, стоявшаго у него по правую руку, и перерѣзалъ ему шейныя артеріи и вены и самое горло до обѣихъ шейныхъ железъ; вытащивъ шпагу, онъ пробилъ ему спинной мозгъ между вторымъ и третьимъ позвонками, и стрѣлецъ упалъ мертвый. А монахъ, повернувъ коня налѣво, бросился на другого стрѣльца, который, видя товарища мертвымъ, завопилъ громовымъ голосомъ:

— Ахъ, господинъ priour, я сдаюсь, господинъ priour, другъ мой, господинъ priour (пріоръ)!

А монахъ, съ своей стороны, кричалъ:

— Господинъ posteriour, другъ мой, господинъ posteriour, я вамъ накладу въ спину.

— Ахъ! — говорилъ стрѣлецъ, — господинъ пріоръ, голубчикъ мой, господинъ пріоръ, дай вамъ Богъ быть аббатомъ.

— Клянусь одѣяніемъ, какое я ношу, — отвѣчалъ монахъ, — я васъ произведу сейчасъ въ кардиналы. Неужели вы облагаете выкупомъ служителя церкви? Вы сейчасъ же получите кардинальскую шапку изъ моихъ рукъ.

А стрѣлецъ все кричалъ:

— Господинъ пріоръ, господинъ пріоръ, господинъ будущій аббатъ, господинъ кардиналъ, господинъ что угодно! Ахъ, ахъ, эхъ, нѣтъ, господинъ пріоръ, мой добренькій господинъ пріоръ, я вамъ сдаюсь.

— А я тебя сдаю всѣмъ чертямъ, — сказалъ монахъ.

И тутъ однимъ ударомъ отрубилъ ему голову; онъ разсѣкъ ему черепъ у висковъ, разсѣкъ затылокъ и темя, стрѣловидную спайку черепа и бóльшую часть вѣнечной лобовой кости, пробилъ обѣ мозговыхъ оболочки и обнажилъ обѣ заднихъ полости мозга; и черепъ повисъ на плечахъ на кожѣ надчерепной оболочки, точно докторская шапка черная снаружи и красная внутри. Стрѣлецъ палъ мертвый на землю.

Послѣ этого монахъ пришпорилъ коня и поѣхалъ вслѣдъ за непріятелемъ, который встрѣтилъ на большой дорогѣ Гаргантюа и его спутниковъ и, благодаря ударамъ, наносимымъ Гаргантюа его большимъ деревомъ, Гимнастомъ, Понократомъ, Евдемономъ и другими, понесъ такой уронъ, что уже обратился въ поспѣшное бѣгство, напуганный, смущенный и растерянный до потери сознанія, точно сама смерть гналась за нимъ по пятамъ. И подобно тому, какъ мы видимъ, что оселъ, котораго кусаетъ оводъ Юноны 1) или муха въ задъ, несется, не разбирая дороги, сбрасывая со спины свою ношу, порывая сбрую и поводья, безъ отдыху и сроку, не понимая самъ, что съ нимъ дѣлается, такъ какъ не видитъ кусающаго его насѣкомаго: такъ и эти люди, обезумѣвъ, не сознавая причины своего бѣгства, утекали подъ вліяніемъ паническаго страха, охватившаго ихъ душу.

Монахъ, увидя, что всѣ ихъ помыслы сосредоточены на томъ, какъ бы убѣжать, сошелъ съ коня и взобрался на большую скалу, находившуюся на дорогѣ, и своей большой шпагой разилъ бѣглецовъ со всего маху, безъ всякой жалобы и пощады.

И столько ихъ убилъ и повалилъ на землю, что его шпага переломилась надвое.

Послѣ этого онъ подумалъ, что довольно бить и убивать и что остальные пусть спасутся и разнесутъ вѣсти о пораженіи. Однако, взялъ въ руку топоръ у одного изъ тѣхъ, которые лежали мертвыми, и снова вернулся на скалу, откуда слѣдилъ все время, какъ бѣжали враги, какъ они спотыкались о мертвыя тѣла, и ото всѣхъ отбиралъ пики, шпаги, копья и пищали; а тѣхъ, которые везли связанныхъ паломниковъ, онъ заставлялъ сходить съ коней и отдавалъ послѣднихъ паломникамъ; паломниковъ же удержалъ при себѣ у входа въ ущелье. Также задержалъ онъ и Тукдильона, котораго взялъ въ плѣнъ.

XLV.

О томъ, какъ монахъ привелъ паломниковъ, и о добрыхъ словахъ, съ какими обратился къ нимъ Грангузье.

По окончаніи схватки Гаргантюа вернулся домой вмѣстѣ со своими людьми за исключеніемъ монаха, и на разсвѣтѣ всѣ они отправились къ Грангузье, который молился Богу въ постели объ ихъ спасеніи и побѣдѣ. И, увидя ихъ всѣхъ въ цѣлости и сохранности, любовно облобызался съ ними и спросилъ вѣстей про монаха. Но Гаргантюа отвѣчалъ ему, что, безъ сомнѣнія, монахъ находится среди непріятеля.

— Непріятелю, значитъ, не поздоровится,—замѣтилъ Грангузье.

И вѣрно сказалъ. Не даромъ же существуетъ поговорка: посулить кому-нибудь монаха 1).

Тѣмъ временемъ Грангузье приказалъ приготовить очень хорошій завтракъ, чтобы они могли освѣжиться. Когда все было подано, позвали Гаргантюа, но онъ былъ такъ огорченъ отсутствіемъ монаха, что не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть. Вдругъ монахъ появился и уже у воротъ задняго двора вскричалъ:

— Вина, вина хорошаго, другъ мой Гимнастъ!

Гимнастъ вышелъ и увидѣлъ, что это братъ Жанъ, который привелъ пятерыхъ паломниковъ и плѣннаго Тукдильона. Гаргантюа вышелъ навстрѣчу монаху, принялъ его какъ нельзя лучше и повелъ къ Грангузье, который разспрашивалъ объ его приключеніяхъ. Монахъ ему все разсказалъ: и какъ его взяли въ плѣнъ, и какъ онъ отдѣлался отъ стрѣльцовъ, и о бойнѣ, учиненной имъ по дорогѣ, и о томъ, какъ онъ освободилъ паломниковъ и захватилъ въ плѣнъ капитана Тукдильона.

Послѣ того принялись всѣ вмѣстѣ

---

1) Юнона мучила такимъ образомъ свою соперницу, обращенную въ корову, нимфу Іо.

1) Посулить бѣду.

весело пировать. Между тѣмъ Грангузье разспрашивалъ паломниковъ, откуда они, гдѣ побывали и куда идутъ.

Лосдалеръ отвѣчалъ за всѣхъ:

— Государь, я изъ Сенъ-Жену въ Берри; вотъ онъ изъ Палюо, а вотъ онъ изъ Онзе; вотъ этотъ изъ Аржи, а этотъ изъ Вильбредена. Мы идемъ изъ Сенъ-Себастіана, около Нанта, и возвращаемся домой, не спѣша.

— Хорошо,—сказалъ Грангузье,—но зачѣмъ вы ходили въ Сенъ-Себастанъ?

— Мы ходили, — отвѣчалъ Лосдалеръ,—молить святого не насылать на насъ моровую язву.

— Ахъ!—сказалъ Грангузье,—жалкіе люди, неужели вы думаете, что моровую язву насылаетъ св. Себастіанъ?

— Воистину такъ,— отвѣчалъ Лосдалеръ,—наши проповѣдники это утверждаютъ.

— Неужели,—сказалъ Грангузье,—лже-пророки возвѣщаютъ вамъ о такомъ вздорѣ? Неужели они возводятъ такую хулу на праведниковъ и угодниковъ Божіихъ и приравниваютъ ихъ къ діаволу, который причиняетъ только одно зло людямъ? Какъ Гомеръ утверждалъ, что моровая язва наслана была Аполлономъ въ лагерь грековъ, а поэты измышляютъ кучу злыхъ геніевъ и боговъ,—такъ въ Сине одинъ пустосвятъ проповѣдывалъ, что св. Антоній насылаетъ антоновъ огонь, а св. Евтропій—водянку, а св. Жильда—безуміе, св. Жену—подагру. Но я его такъ за это наказалъ, что онъ обозвалъ меня еретикомъ и съ тѣхъ поръ ни одинъ пустосвятъ не смѣетъ появляться въ моей землѣ. И меня удивляетъ, что вашъ король позволяетъ проповѣдывать такія скандальныя вещи въ своемъ королевствѣ. Вѣдь за это они заслуживаютъ сильнѣйшаго наказанія, чѣмъ за то, если бы даже колдовствомъ или другимъ какимъ способомъ напустили моровую язву на страну. Моровая язва убиваетъ только тѣло, а такіе обманщики отравляютъ души.

При этихъ словахъ его перебилъ монахъ и спросилъ паломниковъ:

— Изъ какихъ вы мѣстъ, бѣдняги?

— Изъ Сенъ-Жену,—отвѣчали они.

— Ну, а какъ поживаетъ аббатъ Траншельонъ?—спросилъ монахъ. Онъ выпить не дуракъ. А монахи хорошо ли кормятся? Клянусь, они спятъ съ вашими женами, въ то время какъ вы паломничаете.

— Эге!—сказалъ Лосдалеръ—я не боюсь за свою. Кто увидитъ ее днемъ, не погонится за тѣмъ, чтобы навѣщать ее ночью.

— Вотъ пустыя слова!—замѣтилъ монахъ. Хотя бы она была дурна, какъ Прозерпина, ей не сдобровать, когда поблизости есть монахи. Пусть меня сифилисъ одолѣетъ, если по возвращеніи вы не найдете ихъ съ прибылью, — сказалъ монахъ.

— Это—какъ вода Нила въ Египтѣ,—замѣтилъ Гаргантюа, — если вѣрить Страбону и Плинію (кн. VII, гл. III). Ну а теперь слѣдуетъ подумать о пищѣ, одеждѣ и о грѣшныхъ тѣлахъ.

— Ну ступайте, бѣдные люди,—сказалъ Грангузье,—во имя Всемогущаго Творца, и да хранитъ Онъ васъ отъ всякихъ золъ. А впередъ не предпринимайте такъ легкомысленно такихъ трудныхъ, безполезныхъ путешествій. Содержите свои семьи, трудитесь каждый въ своей профессіи, учите своихъ дѣтей и живите, какъ указываетъ добрый апостолъ Павелъ [1]). Живя такъ, вы будете подъ охраной Господа Бога, Его ангеловъ и святыхъ, и никакая бѣда и напасть не коснутся васъ.

Послѣ того Гаргантюа отвелъ ихъ въ залу пообѣдать, но паломники только вздыхали и говорили Гаргантюа:

— О, какъ счастливъ край, гдѣ господиномъ такой человѣкъ! Мы больше узнали поучительнаго и разумнаго изъ его рѣчей, обращенныхъ къ намъ, нежели изо всѣхъ проповѣдей, какія когда-либо слышали въ нашемъ городѣ.

— Это, какъ Платонъ говоритъ (lib. V De repub.), что республики будутъ тогда счастливы, когда короли будутъ философами, или философы королями,—отвѣчалъ Гаргантюа.

---

[1]) Посланіе къ Эфесянамъ IV, 1—3.

Послѣ того велѣлъ наложить въ ихъ дорожныя сумы съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько бутылокъ вина и далъ каждому изъ нихъ по коню, для облегченія пути, и нѣсколько денегъ.

XLVI.

О томъ, съ какимъ человѣколюбіемъ обращался Грангузье съ плѣннымъ Тукдильономъ.

Тукдильонъ былъ представленъ Грангузье, и тотъ разспрашивалъ его про предпріятіе и дѣла Пикрошоля и про то, какой цѣли хотѣлъ онъ добиться всѣмъ этимъ буйствомъ. На это Тукдильонъ отвѣчалъ, что цѣль его и намѣреніе завоевать, если можно, весь край, въ отместку за обиду, нанесенную его пирожникамъ.

— Это,—сказалъ Грангузье,—слишкомъ обширное предпріятіе; кто гонится за большимъ, потеряетъ и малое. Не тѣ времена нынче, чтобы завоевывать королевства съ вредомъ для своихъ ближнихъ и братій во Христѣ. Такое подражаніе древнимъ Геркулесамъ, Александрамъ, Ганнибаламъ, Сципіонамъ, Цезарямъ и другимъ подобнымъ противно ученію Евангелія, по которому намъ повелѣно охранять, спасать, править и управлять каждому своей страной и своими землями, а не вторгаться непріятелемъ въ чужія. И то, что сарацины и варвары звали во время оно подвигами, мы называемъ разбойничествомъ и злодѣйствомъ. Лучше бы ему было сидѣть у себя дома, по-царски управляя имъ, нежели нападать на мой домъ, грабить его какъ врагъ, потому что хорошимъ управленіемъ онъ бы его пріумножилъ, а за то, что меня грабилъ, онъ погибнетъ. Убирайтесь, ради Бога; послушайтесь внушеній разума и укажите своему королю на сознанныя вами ошибки и никогда ничего не совѣтуйте ему такого, что клонилось бы только къ вашей личной выгодѣ, ибо то, что наноситъ ущербъ общему благу, въ концѣ концовъ повредитъ и личному. Что касается вашего выкупа, то дарю его вамъ сполна и хочу также, чтобы вамъ возвратили и вашихъ коней, какъ это дѣлается между сосѣдями и давнишними пріятелями, такъ какъ возникшая между нами распря не можетъ, собственно говоря, назваться войной. Какъ и Платонъ (libr. V, De repub.) не хотѣлъ называть войною, а звалъ бунтомъ, когда греки вставали съ оружіемъ другъ на друга: если случится такая бѣда, говоритъ онъ, то слѣдуетъ дѣйствовать съ большой умѣренностью. Если назвать нашу распрю войной, то надо сказать, что она очень поверхностна и не проникаетъ въ глубину нашихъ сердецъ. Вѣдь никому изъ насъ не было нанесено оскорбленія чести, и весь вопросъ въ сущности сводится къ тому, чтобы исправить ошибки, совершенныя какъ нашими, такъ и вашими людьми. И вамъ слѣдовало не обращать вниманія на это, потому что затѣявшіе ссору люди заслуживали скорѣе порицанія, нежели заступничества, тѣмъ болѣе что я предлагалъ вознаградить ихъ за причиненный имъ ущербъ. Господь разсудитъ насъ, и я умоляю Его лучше призвать меня изъ этой жизни и отнять у меня все мое имѣніе, нежели допустить, чтобы мои люди въ чемъ-нибудь черезъ меня пострадали.

Сказавъ это, призвалъ монаха и при всѣхъ спросилъ его:

— Братъ Жанъ, добрый другъ мой, вѣдь вы взяли въ плѣнъ капитана Тукдильона, здѣсь находящагося?

— Государь,—отвѣчалъ монахъ,—онъ самъ передъ вами, онъ совершеннолѣтній и разумный человѣкъ; пусть лучше самъ вамъ сознается.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Тукдильонъ,—господинъ, онъ въ самомъ дѣлѣ взялъ меня въ плѣнъ, и я ему добровольно сдался.

— Назначили ли вы ему выкупъ?—спросилъ Грангузье у монаха.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ монахъ. И не подумалъ объ этомъ.

— Сколько вы хотите за его полонъ?—спросилъ Грангузье.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ монахъ, — я не затѣмъ взялъ его въ плѣнъ.

Тогда Грангузье приказалъ отсчитать монаху шестьдесятъ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, какъ выкупъ за Тукдильона.

Что и было выполнено въ то время, какъ Тукдильона угощали завтракомъ. Послѣ чего Грангузье спросилъ его, хочетъ ли онъ остаться у него или желаетъ лучше возвратиться къ своему королю. Тукдильонъ отвѣчалъ, что онъ поступитъ такъ, какъ Грангузье ему посовѣтуетъ.

— Если такъ, то возвращайтесь къ своему королю, и Богъ съ вами!

И затѣмъ подарилъ ему прекрасную шпагу съ золотымъ эфесомъ съ отдѣлкой изъ эмали и золотое ожерелье вѣсомъ въ двѣ тысячи семьсотъ марокъ, украшенное драгоцѣнными каменьями, цѣною въ сто шестьдесятъ тысячъ дукатовъ, и еще въ придачу сумму въ десять тысячъ экю. Послѣ того Тукдильонъ сѣлъ на коня, а Гаргантюа для безопасности далъ ему конвой въ тридцать рейтаровъ и сто двадцать стрѣлковъ, который долженъ былъ проводить его до воротъ Ла-Рошъ-Клермо, если потребуется.

Когда Тукдильонъ уѣхалъ, монахъ возвратилъ Грангузье шестьдесятъ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, которыя онъ ему подарилъ, говоря:

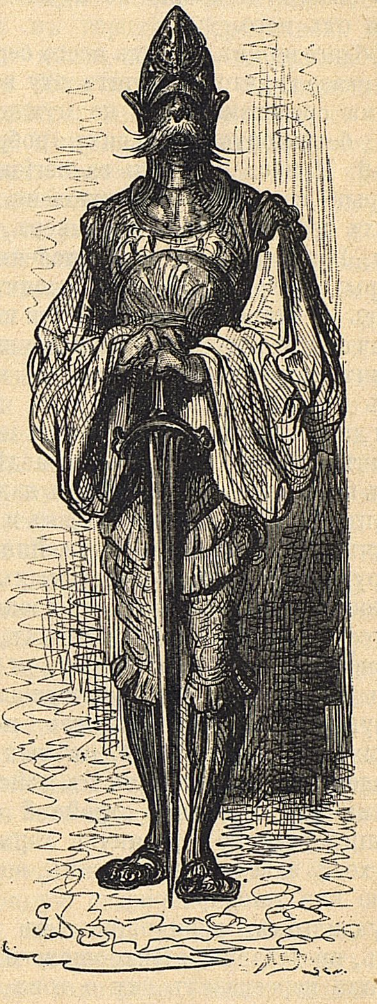
— Государь, еще не время вамъ дѣлать такіе подарки. Подождите конца войны, потому что нельзя еще знать, какъ обернутся дѣла. А война, которую ведутъ безъ денегъ, не можетъ быть успѣшна. Нервомъ войны служитъ туго набитая мошна.

— Хорошо,—отвѣчалъ Грангузье,—когда война будетъ окончена, я васъ хорошо награжу, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ служилъ вѣрой и правдой.

XLVII.

О томъ, какъ Грангузье призвалъ свои легіоны и какъ Тукдильонъ убилъ Гастиво и былъ, въ свою очередь, убитъ по приказу Пикрошоля.

Въ это самое время жители Бесса, Маршевьё, мѣстечка Сенъ-Жакъ, Трено де-Парилье 1) и другихъ сосѣднихъ мѣстъ прислали пословъ къ Грангузье, поручивъ сказать ему, что они освѣдомлены о вредѣ, причиняемомъ Пикрошолемъ ему и ихъ союзу, а потому они предлагаютъ ему свою помощь, какъ людьми, такъ и деньгами, и всякими военными припасами. Денегъ они присылали ему со всѣхъ штатовъ сто тридцать четыре милліона два съ половиной золотыхъ экю.



Къ гл. XLVII.

Войско состояло изъ пятнадцати тысячъ тяжело вооруженныхъ рейтаровъ, тридцати двухъ тысячъ легкой

---

1) Здѣсь Раблэ перечисляетъ нѣсколько десятковъ названій разныхъ мѣстечекъ, изъ окрестностей Шинона.

кавалеріи, восьмидесяти девяти тысячъ стрѣльцовъ, ста сорока тысячъ пѣхоты, одиннадцати тысячъ двухсотъ артиллерійскихъ орудій различнаго калибра и сорока семи тысячъ піонеровъ; жалованье людямъ и провіантъ для нихъ были обезпечены въ продолженіе шести мѣсяцевъ и четырехъ дней.

На это предложеніе Грангузье не далъ своего согласія, но и не отказался отъ него.

Поблагодаривъ ихъ отъ всего сердца, онъ сказалъ, что докончитъ эту войну такими средствами, что не нужно будетъ безпокоить стольких добрыхъ людей. И послалъ лишь за легіонами, которые содержалъ обыкновенно въ своихъ крѣпостяхъ Ла-Девиньеръ, Шавини, Граво и Кенкене, и численность которыхъ доходила до двухъ тысячъ пятисотъ рейтаровъ, шестидесяти шести тысячъ пѣхотинцевъ, двадцати шести тысячъ стрѣльцовъ, двухсотъ крупныхъ артиллерійскихъ орудій, двадцати двухъ тысячъ піонеровъ и шести тысячъ легкой кавалеріи, раздѣленныхъ на отряды, изъ которыхъ каждый насчитывалъ своихъ казначеевъ и маркитантокъ, кузнецовъ, оружейниковъ и другихъ людей, необходимыхъ въ военномъ дѣлѣ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, хорошо вооруженныхъ, прекрасно дисциплинированныхъ и вѣрныхъ своему знамени, понятливыхъ и послушныхъ своимъ вождямъ, неутомимыхъ въ маршировкѣ, смѣлыхъ въ нападеніи и осторожныхъ въ дѣйствіи, напоминавшихъ своей стройной организаціей скорѣе органную гармонію или ходъ заведенныхъ часовъ, нежели армію или жандармерію.

Тукдильонъ, вернувшись въ крѣпость, представился Пикрошолю и пространно пересказалъ ему о томъ, что дѣлалъ и что видѣлъ. Въ заключеніе посовѣтовалъ, въ очень сильныхъ выраженіяхъ, помириться съ Грангузье, который при ближайшемъ знакомствѣ оказался прекраснѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; онъ прибавилъ, что не благородно и не разумно притѣснять сосѣдей, отъ которыхъ никогда ничего кромѣ добра не видѣлъ. А самое главное, это—то, что они не выйдутъ изъ этого предпріятія иначе какъ съ большимъ вредомъ и урономъ для самихъ себя: могущество Пикрошоля не такъ велико, чтобы онъ могъ справиться съ Грангузье.

Не успѣлъ Тукдильонъ это выговорить, какъ Гастиво громко сказалъ:

— Какъ несчастенъ государь, которому служатъ такіе люди, что ихъ легко подкупить, какъ вотъ этого Тукдильона. Я вижу, что мужество совсѣмъ измѣнило ему и онъ готовъ былъ бы примкнуть къ нашимъ врагамъ, воевать съ нами и намъ измѣнить, если бы только они захотѣли его удержать при себѣ; но если добродѣтель всѣмъ мила и любезна, какъ друзьямъ, такъ и врогамъ, то злодѣйство во всѣхъ возбуждаетъ недовѣріе и скоро обнаруживается. И хотя враги и пользовались имъ для своихъ цѣлей, но они тѣмъ не менѣе презираютъ злодѣевъ и измѣнниковъ.

При этихъ словахъ Тукдильонъ, рассердясь, вынулъ шпагу и прокололъ Гастиво немного повыше лѣваго соска, и тотъ немедленно испустилъ духъ. Тукдильонъ же, вытащивъ шпагу изъ мертваго тѣла, откровенно высказалъ:

— Да погибнетъ такъ всякій, кто осмѣлится порицать вѣрныхъ слугъ своего короля!

Пикрошоль внезапно разъярился и видя, что шпага и ножны Тукдильона всѣ въ крови, воскликнулъ:

— Развѣ тебѣ затѣмъ дали это оружіе, чтобы ты въ моемъ присутствіи измѣннически убилъ моего добраго друга Гастиво?

И приказалъ своимъ стрѣльцамъ изрубить Тукдильона, что и было немедленно выполнено съ такой жестокостью, что весь покой залитъ былъ кровью. Послѣ того Пикрошоль велѣлъ съ честью похоронить Гастиво, а трупъ Тукдильона сбросить со стѣнъ въ долину.

Извѣстіе объ этихъ злодѣяніяхъ распространилось во всей арміи, и многіе начали роптать на Пикрошоля, которому Грипмино сказалъ:

— Господинъ, не знаю, какой исходъ будетъ имѣть ваше предпріятіе. Я вижу, что у вашихъ людей мужество колеблется. Они находятъ, что мы здѣсь недостаточно снабжены провіантомъ и очень оскудѣли числомъ благодаря двумъ или тремъ вылазкамъ. Напротивъ того, непріятель получаетъ постоянно большія подкрѣпленія. Если онъ приступитъ, наконецъ, къ осадѣ, я не вижу, какимъ образомъ мы спасемся отъ окончательной гибели.

— Ладно, ладно,—сказалъ Пикрошоль, — вы похожи на Мелюнскихъ угрей: поднимаете пискъ прежде, нежели съ васъ шкуру сдерутъ. Дайте сначала врагу прійти.

XLVIII.

О томъ, какъ Гаргантюа произвелъ нападеніе на Пикрошоля въ стѣнахъ Ла-Рошъ-Клермо и разбилъ армію вышеупомянутаго Пикрошоля.

Гаргантюа назначенъ былъ главнокомандующимъ арміей, а отецъ его остался въ своей крѣпости. Онъ ободрялъ всѣхъ ласковыми словами и обѣщалъ богатые дары тѣмъ, которые совершатъ какіе-нибудь подвиги. Послѣ того армія дошла до Ведскаго брода и съ помощью барокъ и легкихъ понтоновъ перебралась на тотъ берегъ рѣки. Осмотрѣвъ мѣстоположеніе города, которое было возвышенное и очень выгодное, всю ночь совѣщались о томъ, что предпринять. Но Гимнастъ сказалъ:

— Господинъ, характеръ и природа французовъ таковы, что они хороши только для скораго и дружнаго натиска. Тогда они хуже чертей. Но если имъ приходится ждать, они становятся хуже бабъ. Я того мнѣнія, чтобы вы немедленно, давъ только вашимъ людямъ немного отдохнуть и поѣсть, шли въ атаку.

Совѣтъ нашли добрымъ. Гаргантюа выстроилъ всю свою армію въ боевомъ порядкѣ, а подкрѣпленія заняли горные скаты. Монахъ взялъ съ собой шесть отрядовъ пѣхотинцевъ и двѣсти рейтаровъ и поспѣшно перебрался черезъ болота и выѣхалъ, повыше Пюи, на Лудюнскую дорогу. Между тѣмъ атака продолжалась, и люди Пикрошоля не знали, что—лучше: сдѣлать вылазку и идти навстрѣчу врагу, или ждать, не трогаясь, въ самомъ городѣ. Но самъ Пикрошоль съ нѣсколькими отрядами своей лейбъ-гвардіи произвелъ отчаянную вылазку, но былъ встрѣченъ цѣлымъ градомъ ядеръ изъ пушекъ, которыя поставлены были на высотахъ; войско же Гаргантюа отступило въ долину, чтобы предоставить артиллеріи свободное поле дѣйствія. Оставшіеся въ городѣ оборонялись, какъ только могли, но ихъ выстрѣлы пролетали надъ головами осаждающихъ, не задѣвая никого. Нѣкоторые изъ отряда Пикрошоля, уцѣлѣвшіе отъ пушечныхъ выстрѣловъ, храбро бросились на нашихъ людей, но ихъ попытка не увѣнчалась успѣхомъ, и имъ грозила опасность быть окруженными и смятыми. Видя это, они хотѣли удалиться обратно въ городъ, но тѣмъ временемъ монахъ отрѣзалъ имъ отступленіе и этимъ вынудилъ ихъ обратиться въ безпорядочное бѣгство. Нѣкоторые хотѣли ихъ преслѣдовать, но монахъ ихъ остановилъ, изъ боязни, чтобы, преслѣдуя бѣгущихъ, его люди не разстроили свои ряды, и чтобы изъ города не ударили имъ въ тылъ. Прождавъ нѣкоторое время и видя, что непріятель не показывается, монахъ послалъ герцога Фронтиста предупредить Гаргантюа, чтобы тотъ занялъ холмъ налѣво и отрѣзалъ бы Пикрошолю отступленіе въ городъ черезъ ближайшія ворота. Гаргантюа поспѣшно исполнилъ это и послалъ четыре легіона изъ отряда Себастіана, но тѣ не успѣли еще занять холма, какъ натолкнулись на Пикрошоля и его безпорядочную банду.

Они атаковали ее съ азартомъ, но понесли значительный уронъ отъ городского гарнизона, выстроившагося на стѣнахъ и пускавшаго въ нихъ и стрѣлы и артиллерійскіе снаряды. Замѣтивъ это, Гаргантюа поспѣшилъ имъ навстрѣчу съ значительными силами и направилъ всѣ старанія своей артиллеріи на эту часть стѣны, вслѣдствіе чего всѣ силы города были сосредоточены на этомъ мѣстѣ.

Монахъ, видя, что та сторона города, которую онъ осаждалъ, пуста и никѣмъ не обороняется, пошелъ на приступъ со своими людьми, справедливо полагая, что неожиданное нападеніе произведетъ сильнѣйшую панику, нежели непріятель, съ которымъ бой уже завязался. Но онъ постарался произвести приступъ безшумно и незамѣтно, пока всѣ его люди не оказались на стѣнахъ города, за исключеніемъ двухсотъ рейтаровъ, которыхъ онъ оставилъ внѣ ограды, на всякій случай.

Послѣ того они подняли страшный крикъ и, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, перебили стражу у воротъ и отперли ихъ для рейтаровъ и затѣмъ всѣ вмѣстѣ съ азартомъ ринулись къ восточнымъ воротамъ, гдѣ происходила схватка. И, напавъ съ тыла на врага, разбили его на голову.

Когда осажденные увидѣли, что Гаргантюисты заняли городъ, они сдались монаху безусловно. Монахъ, обезоруживъ, загналъ ихъ въ церкви, отобралъ оружіе и приставилъ стражу къ дверямъ. Затѣмъ, отперевъ восточныя ворота, вышелъ на помощь Гаргантюа. Пикрошоль же подумалъ, что это идетъ ему подкрѣпленіе изъ города, и смѣлѣе прежняго бросился въ битву, пока Гаргантюа не вскричалъ:

— Братъ Жанъ, другъ мой, братъ Жанъ, добро пожаловать!

Тогда Пикрошоль и его люди, увидѣвъ, что все погибло, обратились въ безпорядочное бѣгство. Гаргантюа преслѣдовалъ ихъ до Вогодри, разя и убивая; затѣмъ велѣлъ трубить къ отбою.

XLIX.

О томъ, какъ Пикрошоля, во время его бѣгства, постигла бѣда, и что сдѣлалъ Гаргантюа послѣ битвы.

Пикрошоль, доведенный до отчаянія, убѣжалъ по направленію къ острову Бушару, но по дорогѣ къ рѣкѣ его конь споткнулся и упалъ, а Пикрошоль такъ на это разсердился, что выхватилъ шпагу и убилъ его въ гнѣвѣ. Но такъ какъ другаго коня взять было не у кого, то онъ думалъ было раздобыться осломъ на мельницѣ. Но мельники избили его, отняли у него все платье и дали какую-то рвань, чтобы прикрыть наготу. И въ этомъ видѣ жалкій, гнѣвливый человѣкъ пошелъ дальше и, перебравшись черезъ рѣку въ портъ Гюо, разсказалъ о своихъ злоключеніяхъ и услышалъ отъ одной колдуньи, что онъ получитъ свое королевство обратно, когда пріѣдутъ турусы на колесахъ. Съ тѣхъ поръ не извѣстно, куда онъ дѣвался. Однако, мнѣ говорили, что онъ проживаетъ въ настоящее время въ Ліонѣ, гдѣ поденнымъ трудомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе, но гнѣвливъ попрежнему и постоянно освѣдомляется у всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, не пріѣхали ли турусы на колесахъ, надѣясь, конечно, въ силу предсказанія колдуньи, что по ихъ прибытіи ему возвращено будетъ королевство.

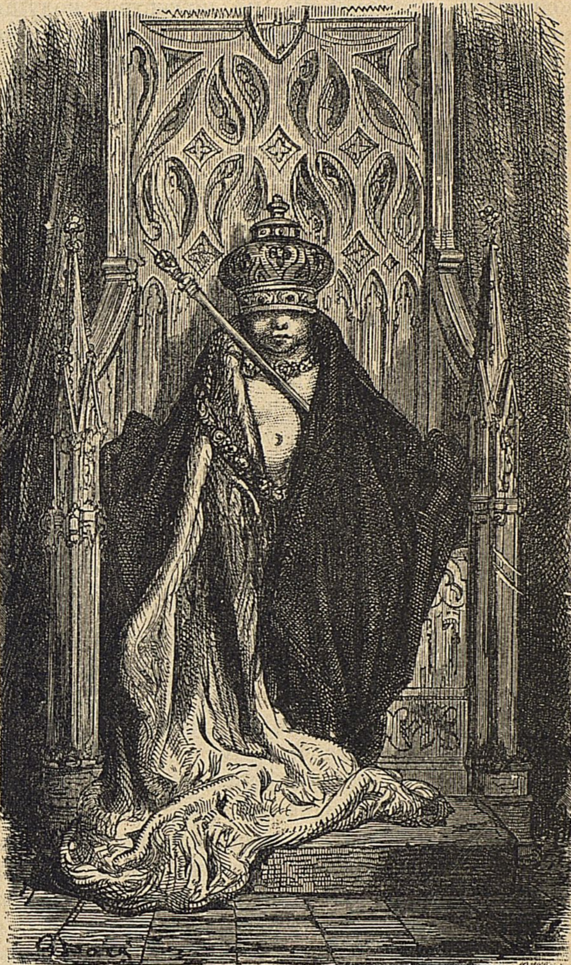
Послѣ того, какъ непріятель удалился, Гаргантюа перво-наперво сдѣлалъ повѣрку своимъ войскамъ и нашелъ, что немногіе пали въ битвѣ, а именно, нѣсколько пѣхотинцевъ изъ роты капитана Тольмера, а Понократъ былъ раненъ изъ пищали. Послѣ того онъ приказалъ всѣхъ покормить по ротамъ, но объявилъ казначеямъ, чтобы они заплатили городу за съѣстные припасы и чтобы вообще никакихъ насилій не чинили, такъ какъ городъ принадлежитъ ему: послѣ обѣда пусть войска выстроятся передъ замкомъ и имъ будетъ уплачено жалованье за шесть мѣсяцевъ. Все это было исполнено. Послѣ того онъ созвалъ на тоже мѣсто всѣхъ тѣхъ, кто оставался изъ приверженцевъ Пикрошоля, и, въ присутствіи всѣхъ его вельможъ и капитановъ, сказалъ нижеслѣдующее:

L.

Рѣчь, которую сказалъ Гаргантюа побѣжденнымъ.

— Блаженной памяти отцы, дѣды и прадѣды наши держались такого мнѣнія и образа дѣйствій, что послѣ выигранныхъ ими сраженій, для увѣковѣченія своего торжества и побѣдъ, воздвигали трофеи и монументы въ сердцахъ побѣжденныхъ своими милостями, вмѣсто того, чтобы возводить архитектурные памятники на землѣ. Они болѣе вѣрили въ живую людскую благодарность, вызванную щедротами, нежели въ нѣмыя надписи на аркахъ, колоннахъ и пирамидахъ, подверженныхъ порчи отъ непогоды и людской зависти. Достаточно вспомнить вамъ о милосердіи, оказанномъ ими бретонцамъ послѣ сраженія при Сентъ-Обенъ де-Кормье[1] и при разрушеніи Партена[2]. Вы слыхали и, слышавши, восхищались добротой, съ какой они относились къ испанскимъ варварамъ, которые ограбили, опустошили и обезлюдили берега у Олона и Тальмондуа. Вся поднебесная оглашалась хвалами и благодарными воплями, которые шли отъ васъ самихъ и вашихъ отцовъ, когда Альфарбалъ, Канарскій король, не зная удержу своей алчности, вторгся въ предѣлы Оникса и разбойничалъ на всѣхъ Армориканскихъ островахъ и въ прибрежныхъ странахъ. Онъ былъ раненъ въ честномъ бою моимъ отцомъ, котораго да хранитъ Господь! взятъ въ плѣнъ и покоренъ. Но что же было дальше? Другіе короли и императоры, даромъ что величаютъ себя «Католическими», поступили бы съ нимъ жестоко, засадили бы его въ темницу и потребовали бы съ него громадный выкупъ. Отецъ же мой, напротивъ того, отнесся къ нему съ большой добротой, помѣстилъ его въ собственномъ дворцѣ, съ неслыханнымъ великодушіемъ отослалъ домой съ грамотой на безопасный проѣздъ, осыпавъ подарками и всякими милостями. Ну и что же отъ сего воспослѣдовало?

Едва доѣхавъ до дому, собралъ онъ всѣхъ вельможъ и всѣ штаты своего государства, разсказалъ имъ про человѣколюбіе, съ какимъ съ нимъ поступили, и просилъ сообразить, какимъ образомъ они, подобно намъ, могутъ показать міру примѣръ высокаго и благороднаго духа. Единогласно порѣшено было предоставить въ наше распоряженіе все ихъ имущество, всѣ владѣнія и все королевство. Альфарбалъ собственной персоной вернулся къ намъ съ девятью тысячами тридцатью восемью транспортными судами, нагруженными не только сокровищами его дома и всей королевской фамиліи, но и всей страны. Когда при попут-



Къ гл. L.

---

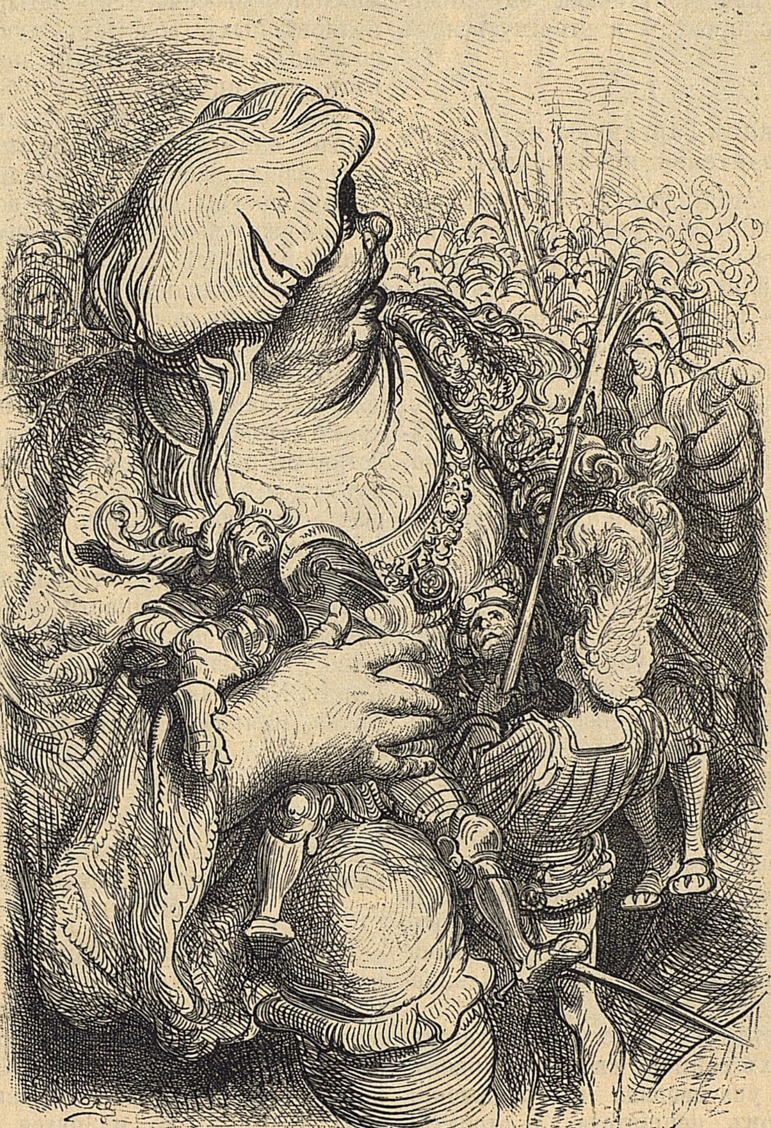
[1] Битва въ 1488 г. между войсками правительницы Анны (Dame de Beaujeu) и герцогомъ Бретонскимъ.

[2] Городъ въ Пуату.

номъ вѣтрѣ вестъ-нордъ-вестъ собирался онъ отплыть изъ своей страны, всѣ его подданные завалили корабль золотомъ, серебромъ, перстнями, драгоцѣнными уборами, пряностями, аптекарскими товарами, ароматическими веществами, попугаями, пеликанами, обезьянами, цибетами, енотами и дикобразами. Не было сына честныхъ родителей, который бы не пожертвовалъ того, что у него было драгоцѣннаго. Когда Альфарбалъ прибылъ къ отцу, то готовъ былъ цѣловать его ноги, но отецъ счелъ это недостойнымъ и не допустилъ до этого, но дружески обнялъ его. Онъ представилъ свои дары, но они были признаны слишкомъ богатыми и не были приняты. Онъ призналъ себя и свое потомство добровольно закрѣпощенными отцу, но отецъ отъ этого отказался, потому что нашелъ несправедливымъ. Въ силу рѣшенія государственныхъ штатовъ, предложилъ онъ отцу всѣ земли и все королевство, представивъ документъ на эту сдѣлку, подписанный и скрѣпленный всѣми, кто въ ней участвовалъ. Сдѣлку отецъ рѣшительно отвергъ и бросилъ всѣ документы въ печку. Въ концѣ концовъ отецъ отъ жалости къ смиренію и простотѣ канарцевъ расплакался и постарался умалить въ ихъ глазахъ свое доброе къ нимъ отношеніе, говоря, что, въ сущности, онъ ровно ничего хорошаго для нихъ не сдѣлалъ, а если и поступилъ съ ними добросовѣстно, то къ этому его обязывала честь. Альфарбалъ слишкомъ преувеличиваетъ его достоинства. И что же въ концѣ концовъ вышло? Вмѣсто того, чтобы насильно взять съ Альфарбала два милліона экю выкупа и удержать заложниками его старшихъ сыновей,— вмѣсто того, самъ Альфарбалъ добровольно призналъ себя и свой народъ вѣчными нашими данниками и обязался платить намъ ежегодно два милліона золотыхъ монетъ въ двадцать четыре карата, и онѣ были намъ уплачены въ первый годъ. Но на второй, по собственной охотѣ, они уплатили два милліона триста тысячъ экю; на третій же — два милліона шестьсотъ тысячъ; на четвертый—три милліона и затѣмъ съ каждымъ годомъ добровольно все увеличивали сумму, пока мы не вынуждены были воспретить имъ платить намъ свыше положенной дани. Таково свойство благодарности: время, все разрушающее и ослабляющее, увеличиваетъ и укрѣпляетъ благодѣянія, потому что доброе и великодушное дѣло никогда не забывается разумнымъ человѣкомъ, и онъ всегда хранитъ его и лелѣетъ въ благородной душѣ. Не желая измѣнять наслѣдственной добротѣ моихъ родителей, я теперь прощаю и освобождаю васъ и хочу, чтобы вы попрежнему оставались вольными и свободными людьми.

При выходѣ изъ воротъ этого города, каждому изъ васъ будетъ выдана сумма на трехмѣсячное содержаніе себя и своей семьи, и вы можете возвратиться домой, при чемъ для безопасности васъ будетъ сопровождать конвой изъ шестисотъ рейтаровъ и восьми тысячъ пѣхотинцевъ, подъ командой моего шталмейстера Александра, дабы крестьяне не обидѣли васъ. Господь съ вами! Я отъ всего сердца сожалѣю, что Пикрошоля нѣтъ здѣсь: я бы доказалъ ему, что война эта начата помимо моего желанія и не ради того, чтобы расширить мои владѣнія или прославить мое имя. Но такъ какъ онъ пришелъ въ отчаяніе и неизвѣстно, какъ и куда скрылся, то я хочу, чтобы его королевство цѣлостью перешло къ его сыну. Сынъ же его пока малолѣтній,—ему еще не исполнилось пяти лѣтъ,—а потому опека и воспитаніе его будутъ поручены старѣйшимъ вельможамъ и ученымъ людямъ королевства. А такъ какъ королевство безъ главы легко можетъ быть разорено, если не положить предѣлъ алчности и сребролюбію его администраторовъ, то я повелѣваю и хочу, чтобы Понократъ былъ намѣстникомъ, облеченнымъ надлежащей властью, и воспитателемъ ребенка до тѣхъ поръ, пока признаетъ его способнымъ управлять и царствовать.

Но принимая во вниманіе, что слишкомъ большое послабленіе и снисходительность къ злоумышленникамъ



Къ гл. LI.

только служитъ для нихъ новымъ поводомъ дѣлать дальнѣйшее зло; принимая во вниманіе, что Моисей, кротчайшій человѣкъ своего времени на землѣ, строго каралъ бунтовщиковъ и возмутителей народа израильскаго; принимая во вниманіе, что Юлій Цезарь, такой мягкій императоръ, что про него Цицеронъ сказалъ, что величайшимъ благомъ онъ считалъ возможность, а главной добродѣтелью его была склонность — миловать и прощать каждаго; тѣмъ не менѣе, однако, находилъ нужнымъ строго наказывать зачинщиковъ возмущенія; примѣровъ этихъ ради, я требую, чтобы вы, прежде чѣмъ уйти, выдали мнѣ, во-первыхъ, пресловутаго Маркѐ, зачинщика и перваго виновника войны благодаря его глупому нахальству; во-вторыхъ, его сообщниковъ пирожниковъ, которые пренебрегли обязанностью сразу образумить его шалую голову, и, наконецъ, всѣхъ совѣтниковъ, капитановъ, офицеровъ и слугъ Пикрошоля, которые подстрекали его, хвалили или совѣтовали ему покинуть свои предѣлы и вторгнуться въ наши.

LI.

О томъ, какъ Гаргантюа наградилъ побѣдителей послѣ битвы.

Послѣ этой рѣчи Гаргантюа, ему были выданы требуемые бунтовщики, за исключеніемъ Спадасена, Мердайля и Менюайля, которые спаслись бѣгствомъ за шесть часовъ до сраженія: одинъ духомъ и безъ оглядки, ни разу въ дорогѣ не приставъ, добѣжалъ до горы Ленель; другой спасся въ долину Виръ, а третій — въ Логруанъ. Сюда же слѣдуетъ причислить и двоихъ пирожниковъ, погибшихъ въ пути. Гаргантюа ничего худого имъ не сдѣлалъ, только приказалъ поставить ихъ за типографскіе станки во вновь учрежденной имъ типографіи. Тѣхъ же, которые умерли, повелѣлъ честно похоронить въ долинѣ Нуаретъ и въ лагерѣ Брюльвьель. Раненыхъ велѣлъ перевязать и лѣчить въ своемъ большомъ госпиталѣ. Послѣ того изслѣдовалъ вредъ, причиненный городу и жителямъ, и они подъ присягой показали размѣръ понесенныхъ ими убытковъ, которые были имъ выплачены. И велѣлъ выстроить сильную крѣпость, куда поставилъ многочисленный гарнизонъ, чтобы на будущее время быть лучше защищеннымъ отъ внезапныхъ нападеній.

При отъѣздѣ милостиво поблагодарилъ всѣхъ воиновъ своихъ легіоновъ, которые участвовали въ пораженіи, нанесенномъ непріятелю, и отослалъ ихъ на зимовку въ мѣста ихъ стоянокъ и гарнизоновъ, за исключеніемъ одного легіона, особенно отличившагося на полѣ брани, и капитановъ отрядовъ, которыхъ съ собою привелъ къ Грангузье.

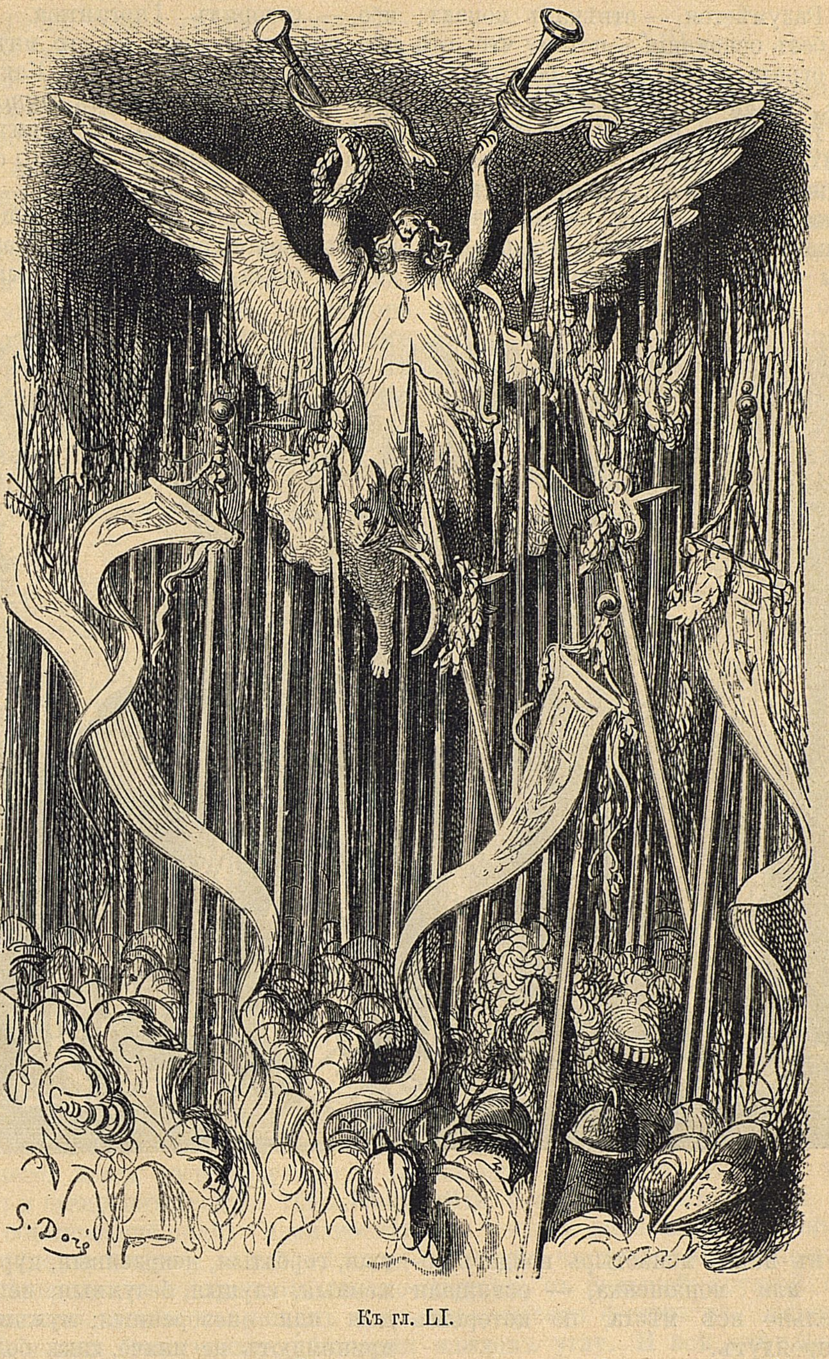
Увидя ихъ всѣхъ, добрякъ такъ обрадовался, что и сказать нельзя. Онъ задалъ имъ самый великолѣпный, самый обильный и самый прелестный пиръ, какой только видано со временъ царя Ассура. Когда встали изъ-за стола, онъ роздалъ имъ весь свой столовый приборъ, который вѣсилъ милліонъ восемьсотъ четырнадцать полновѣсныхъ золотыхъ дукатовъ и состоялъ изъ большихъ античныхъ вазъ, большихъ горшковъ, большихъ тазовъ, большихъ чашекъ, кубковъ, чашъ, канделябровъ, корзинъ, тарелокъ, блюдъ, бонбоньерокъ и другой подобной посуды изъ чистаго золота, не говоря уже о драгоцѣнныхъ каменьяхъ, эмали и работѣ, которая, по оцѣнкѣ всѣхъ, превосходила цѣну самаго матеріала. Сверхъ того, велѣлъ отсчитать изъ своей казны каждому милліонъ двѣсти тысячъ экю чистаганомъ. И каждому же даровалъ въ вѣчное владѣніе, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они не оставятъ по себѣ наслѣдниковъ, — тѣ изъ своихъ замковъ и земель, которые находились въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ и были для нихъ всего удобнѣе. Понократу онъ даровалъ Ла-Рошъ-Клермо, Гимнасту — Ле-Кудрэ, Евдемону—Монпансье, Тольмеру—Ле-Риво, Итеболіо—Монсоро, Акамусу—Кандъ, Хиронакту—Варенъ, Себасту—Граво, Кенкне—Александру, Лигръ—Софрону, а другимъ —другія владѣнія.

LII.

О томъ, какъ Гаргантюа велѣлъ выстроить для монаха Телемское аббатство.

Оставалось только наградить монаха, котораго Гаргантюа хотѣлъ сдѣлать аббатомъ Сельё; но тотъ отказался отъ этого. Онъ захотѣлъ тогда отдать ему аббатство Бургёйль или Сенъ-Флоранъ, которое ему больше понравится, а, если хочетъ, и то и другое. Но монахъ рѣшительно отвѣтилъ, что не желаетъ ни возиться съ монахами, ни управлять ими.

— Какъ могу я,—говорилъ онъ,— управлять другими, когда не умѣю справиться съ самимъ собой? Если вамъ кажется, что я оказалъ вамъ услугу и могу быть полезенъ и на



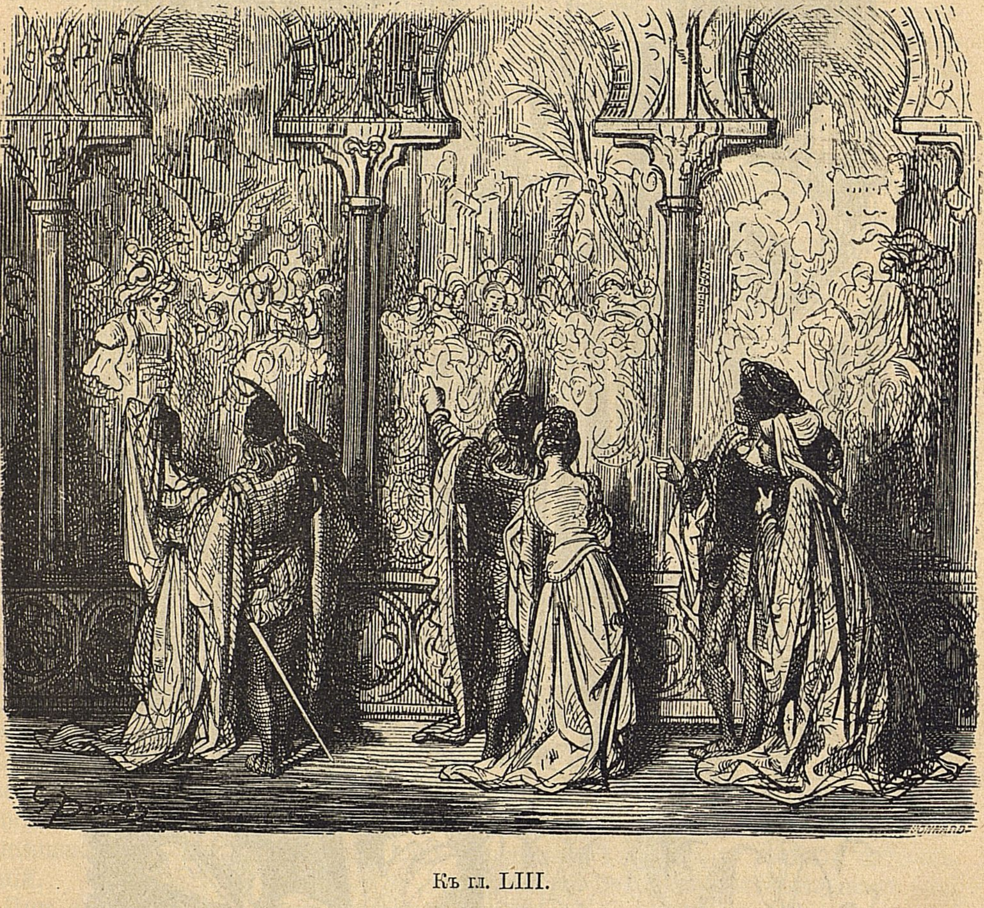
Къ гл. LI.

будущее время, дозвольте мнѣ основать аббатство по своему вкусу.

Просьба понравилась Гаргантюа и онъ предложилъ весь Телемскій округъ вплоть до рѣки Луары въ двухъ льё отъ большого лѣса около порта Гюо. Монахъ объявилъ Гаргантюа, что надо установить такія монастырскія правила, которыя бы шли въ разрѣзъ со всѣми существующими.

— Прежде всего, значитъ,—сказалъ Гаргантюа,—не слѣдуетъ обводить монастырь стѣнами, такъ какъ всѣ другія аббатства крѣпко ограждены.

— Разумѣется, — отвѣчалъ монахъ, и не безъ основанія,—потому что, гдѣ есть ограда, тамъ много ропота, зависти и взаимныхъ подкоповъ. Кромѣ того, такъ какъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ обычаѣ, если какая-нибудь женщина,—я разумѣю честныхъ и скромныхъ,—войдетъ въ монастырь, освящать то мѣсто, гдѣ она прошла, то мы прикажемъ, чтобы въ случаѣ, если въ нашъ монастырь войдетъ монахъ или монашенка, — освящали тщательно всѣ мѣста, по которымъ они пройдутъ.



Къ гл. LIII.

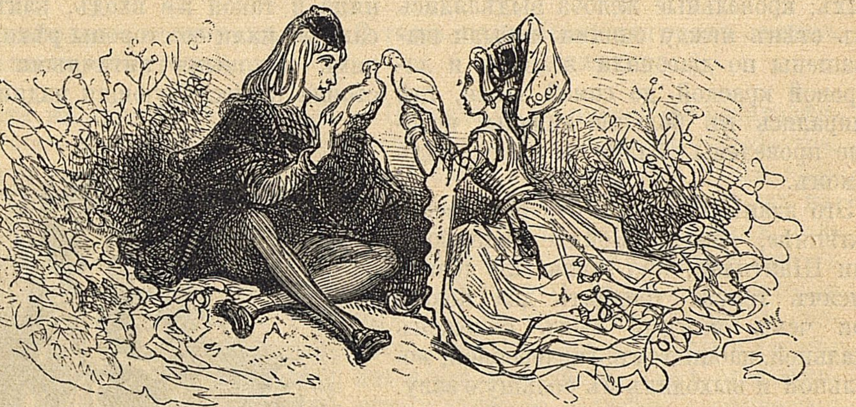
И потому, что во всѣхъ монастырскихъ правилахъ все искусственно, размѣрено и распредѣлено по часамъ, у насъ постановятъ, чтобы не было никакихъ часовъ, хотя бы даже солнечныхъ, но чтобы все дѣлалось въ силу необходимости и по мѣрѣ надобности, ибо, — говорилъ Гаргантюа, истинная потеря времени, по его мнѣнію— это когда считаютъ часы. Какой въ этомъ прокъ? Величайшая глупость въ мірѣ—это руководиться ударомъ колокола, а не указаніями здраваго смысла и разума.

Item: такъ какъ въ настоящее время въ монастырь запираютъ женщинъ только тогда, когда онѣ кривыя, хромыя, горбатыя, некрасивыя, дурно сложенныя, глупыя, безумныя, испорченныя или опозоренныя; мужчинъ же принимаютъ не иначе, какъ болѣзненныхъ, низко рожденныхъ, придурковатыхъ и никуда не годныхъ...

— Кстати, — перебилъ монахъ, — когда женщина некрасива и не добра, куда она годится?

— Въ монахини, — отвѣчалъ Гаргантюа.

— Точно такъ,—сказалъ монахъ,— да еще на то, чтобы шить рубашки. Мы же прикажемъ, чтобы къ намъ принимались только красивыя, хорошо сложенныя и добронравныя женщины и красивые, хорошо сложенные и добронравные мужчины. Item: такъ какъ въ женскіе монастыри мужчинамъ нѣтъ доступа иначе какъ тайкомъ, — мы постановимъ, чтобы женщинъ принимать въ монастырь только въ такомъ случаѣ, когда тамъ будутъ мужчины, а мужчинъ въ томъ случаѣ, когда тамъ будутъ женщины. Item: такъ какъ мужчинъ, а равно и женщинъ, разъ они поступили въ монастырь, по истеченіи годового искуса, обязываютъ и насильно заставляютъ оставаться въ немъ на всю остальную жизнь, мы постановляемъ, что какъ мужчины, такъ и женщины, поступившіе въ монастырь, выйдутъ изъ него, когда имъ вздумается, открыто и безпрепятственно. Item: такъ какъ обыкновенно монахи произносятъ три обѣта, а именно: обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія, мы постановляемъ, чтобы въ нашемъ монастырѣ можно безъ всякаго безчестія быть женатымъ, и чтобы каждый въ немъ былъ богатъ и пользовался свободой. Что касается законнаго возраста, то женщины будутъ приниматься съ десяти лѣтъ до пятнадцати, а мужчины съ двѣнадцати до восемнадцати.



Къ гл. LIII.

LIII.

О томъ, какъ было выстроено Телемское аббатство и какіе вклады были въ него сдѣланы.

На постройку и отдѣлку аббатства Гаргантюа приказалъ отпустить два милліона семьсотъ тысячъ восемьсотъ тридцать одинъ барашекъ [1]); и взимать ежегодно съ доходовъ области Дивы милліонъ шестьсотъ шестьдесятъ девять тысячъ солнечныхъ экю [2]) и столько же звѣздъ изъ созвѣздія Плеядъ [3]) въ пользу аббатства до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ достроено. Для основанія и содержанія его онъ назначилъ на вѣчныя времена двадцать три милліона шестьсотъ девяносто четыре тысячи пятьсотъ четырнадцать ноблей съ розой [4]) въ видѣ поземельной, гарантированной ренты, которую слѣдовало ежегодно уплачивать у воротъ аббатства. И на все это выдалъ законные документы.

Зданіе выстроено было шестиугольникомъ, съ большой круглой башней шестидесяти футовъ въ діаметрѣ на каждомъ углу. И всѣ онѣ были одинаковой толщины и формы. Рѣка Луара протекала съ сѣверной стороны. Одна изъ башенъ, стоявшая у рѣки, называлась Арктической. На востокъ расположена была другая башня, называвшаяся Подвѣтренной; третья называлась Анатолійской, четвертая Полуденной, пятая Гесперидской и, наконецъ, послѣдняя Холодной.

---

[1]) Золотая монета. У Раблэ сказано: moutons à la grand'laine въ видѣ игры словъ.

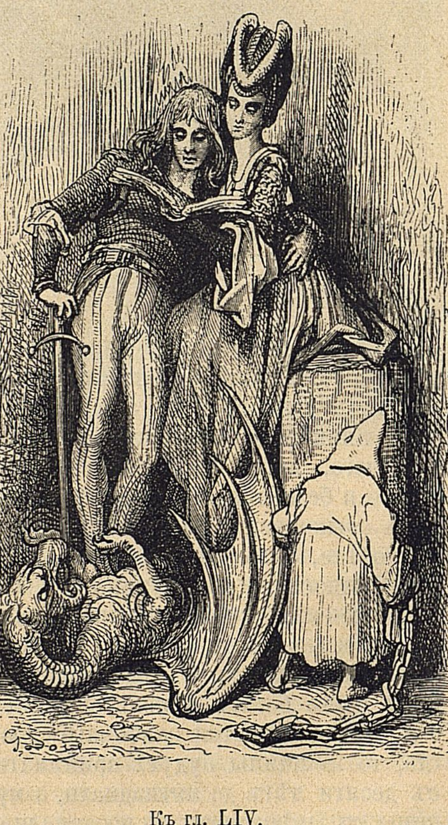
[2]) Такая же монета.

[3]) Фантастическая монета.

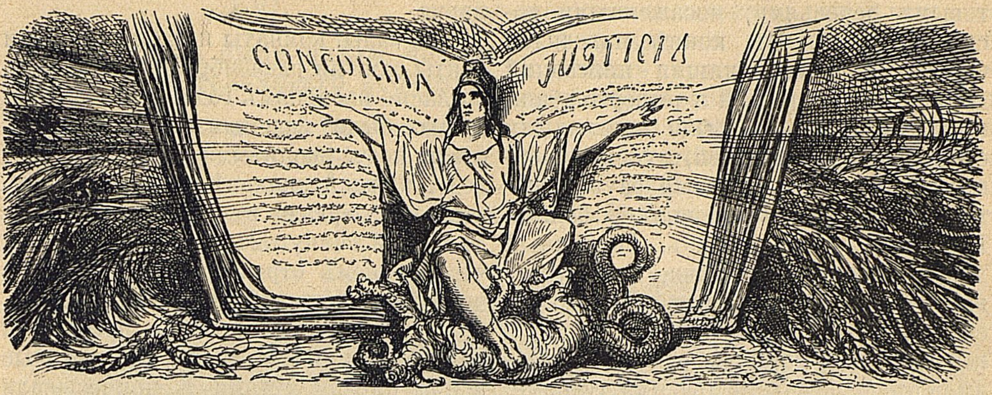
[4]) Англійская золотая монета, съ изображеніемъ розы.

Между каждой башней было разстояніе въ триста двѣнадцать шаговъ. Все зданіе было выстроено въ шесть этажей, включая сюда и подвальный этажъ. Второй былъ со сводами на манеръ корзиночной дужки. Остальные были оштукатурены. Крыша была изъ прекраснѣйшихъ черепицъ, съ свинцовыми ребрами, увѣнчанная позолоченными человѣческими фигурками и изображеніями различныхъ животныхъ; кровельные желоба выдѣлялись изъ стѣнъ между окнами и были выкрашены по діагонали золотой и лазоревой краской до самой земли, гдѣ упирались въ большіе каналы, которые проведены были въ рѣку подъ домомъ.

Это зданіе было въ сто разъ великолѣпнѣе, нежели Бониве, Шамборъ или Шантильи, ибо заключало девять тысячъ триста тридцать два покоя, при чемъ каждый былъ снабженъ спальней, кабинетомъ, гардеробной, молельной и выходилъ въ большую залу. Между башнями, посрединѣ флигеля, находилась винтовая лѣстница, которая вела во всѣ этажи. Ступеньки на ней были частью изъ порфира, частью изъ нумидійскаго камня или разноцвѣтнаго мрамора: длиной въ двадцать два фута, толщиной въ три пальца, числомъ по двѣнадцати штукъ на каждой площадкѣ. На каждой же площадкѣ находились двѣ прекрасныя античныхъ арки, пропускавшія свѣтъ и выводившія въ огороженное мѣсто, такой же ширины, какъ и винтовая лѣстница, которая проходила до крыши дома и тамъ оканчивалась павильономъ. Съ обѣихъ сторонъ лѣстница вела въ большія залы и комнаты. Между Арктической и Холодной башнями находились прекрасныя, большія библіотеки съ греческими, латинскими, еврейскими, французскими, тосканскими и испанскими книгами, которыя и распредѣлялись по языкамъ въ различныхъ этажахъ. Посрединѣ находилась великолѣпная лѣстница, и входъ на нее былъ снаружи дома и состоялъ изъ арки шириной въ шесть саженъ. Лѣстница была устроена съ такой симметріей и была такъ широка, что шестеро рейтаровъ съ пикой у бедра могли бы подняться по ней до самаго верха зданія. Между Анатолійской и Полуденной башнями расположены были прекрасныя большія галлереи, гдѣ стѣны были расписаны фресками съ изображеніемъ древнихъ геройскихъ подвиговъ, историческихъ событій и различными пейзажами. Посрединѣ была такая же лѣстница и такой же входъ, какъ и описанные нами со стороны рѣки. На дверяхъ крупными античными буквами стояла нижеслѣдующая надпись.



Къ гл. LIV.



Къ гл. LV.

LIV.

Надпись на входныхъ дверяхъ Телемскаго аббатства.

Надпись эта въ оригиналѣ состоитъ изъ длиннѣйшаго стихотворенія, въ которомъ перечисляется, кому и за что нѣтъ доступа въ аббатство и кого, напротивъ того, въ него приглашаютъ.

Отверженными оказываются: лицемѣры, ханжи, старые дураки, плаксы, напыщенные притворщики, олухи, глупѣе Готовъ и Остроготовъ, предшественники Маготовъ[1], голяки, пустосвяты, святоши въ сандаліяхъ, оборванцы, отрепанные монахи, одураченные, надутые изувѣры, шарлатаны, плуты, гонители народа, клерки, судебные писцы, подъячіе, книжники и фарисеи и пр. и пр.

Приглашаются: истинные христіане, исповѣдующіе истинное евангеліе, добрые и честные люди, благородные рыцари, веселые, пріятные, любезные товарищи и красивыя, привѣтливыя, добронравныя, знатныя дамы, а само аббатство величается «мѣстомъ, гдѣ пребываетъ честь», а входящимъ въ него обѣщаютъ убѣжище и защиту отъ враждебныхъ заблужденій и истинную вѣру, которая должна сокрушить словомъ и дѣломъ враговъ слова Божія.

LV.

О томъ, какъ былъ устроенъ замокъ Телемитовъ.

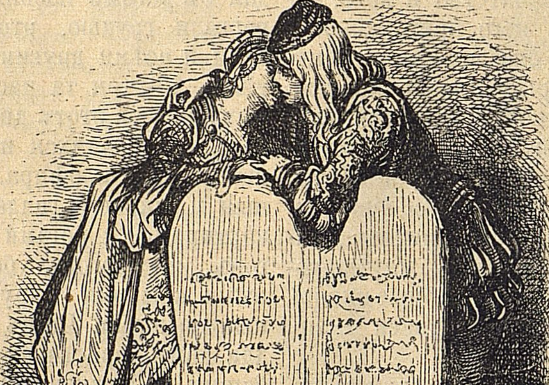
Посреди двора находился великолѣпный фонтанъ изъ красиваго алебастра. Надъ нимъ высились три граціи, каждая съ рогомъ изобилія. Воду онѣ извергали грудью, ртомъ, ушами, глазами и всѣми другими отверстіями въ тѣлѣ. Внутри та часть дома, которая выходила на этотъ дворъ, была на сводахъ, опиравшихся на толстые столбы изъ агата и порфира. Тамъ шли длинныя и широкія галлереи, украшенныя картинами и рогами оленей, единороговъ, носороговъ, бегемотовъ, слоновыми клыками и другими замѣчательными вещами. Часть дома, отведенная для дамъ, простиралась отъ Холодной башни до Полуденныхъ воротъ. Мужчины занимали остальную часть зданія. Чтобы доставить пріятное времяпрепровожденіе дамамъ, передъ занимаемой ими частью зданія, между двумя первыми башнями, устроены были ристалище, ипподромъ, театръ и трехъэтажныя великолѣпныя бани, снабженныя всѣмъ, что нужно, и съ изобиліемъ душистой воды для ваннъ. Вдоль берега рѣки раскинулся красивый садъ. Посреди сада былъ прекрасный лабиринтъ. Между двумя другими башнями находились залы для игры въ мячъ. Со стороны Холодной башни шелъ плодовый садъ, со всевозможными фруктовыми деревьями, посаженными косыми рядами. Въ концѣ находился большой паркъ, кишмя-кишѣвшій дичью. Между третьей и четвертой башнями расположены были манежи для стрѣльбы изъ пищалей, луковъ и самострѣловъ. Одноэтажныя службы помѣщались около Гесперидской башни. Конюшня—сзади службъ. Соколиный дворъ—передъ службами, подъ управленіемъ сокольничихъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ. Этотъ дворъ кандійцы, венеціанцы и сарматы ежегодно снабжали всевозможными рѣдкими птицами: орлами, кречетами, ястребами, сѣроголовыми соколами, балабанами, коршунами и другими. Эти птицы были такъ хорошо дрессированы, что, будучи выпущенными изъ замка на просторъ полей, ловили все, что имъ попадалось. Охотничій дворъ находился дальше, у парка.

---

[1] Сказочные великаны.

Всѣ залы, комнаты и кабинеты были обиты самыми разнообразными обоями, согласно временамъ года. Всѣ полы покрыты были зеленымъ сукномъ. Постели подъ вышитыми одѣялами.

Въ каждой спальнѣ находилось хрустальное зеркало въ золотой рамѣ, отдѣланной жемчугомъ, и такой величины, что въ немъ отражалась вся фигура человѣка, который въ него глядѣлъ. У входа въ дамскіе покои пребывали парфюмеры и парикмахеры, которые вспрыскивали духами и причесывали мужчинъ, когда тѣ навѣщали дамъ. Тѣ же самые слуги каждое утро снабжали комнаты дамъ розовой, фіалковой и апельсинной водой, а также драгоцѣнной курильницей, гдѣ курились всякія благовонныя вещества.

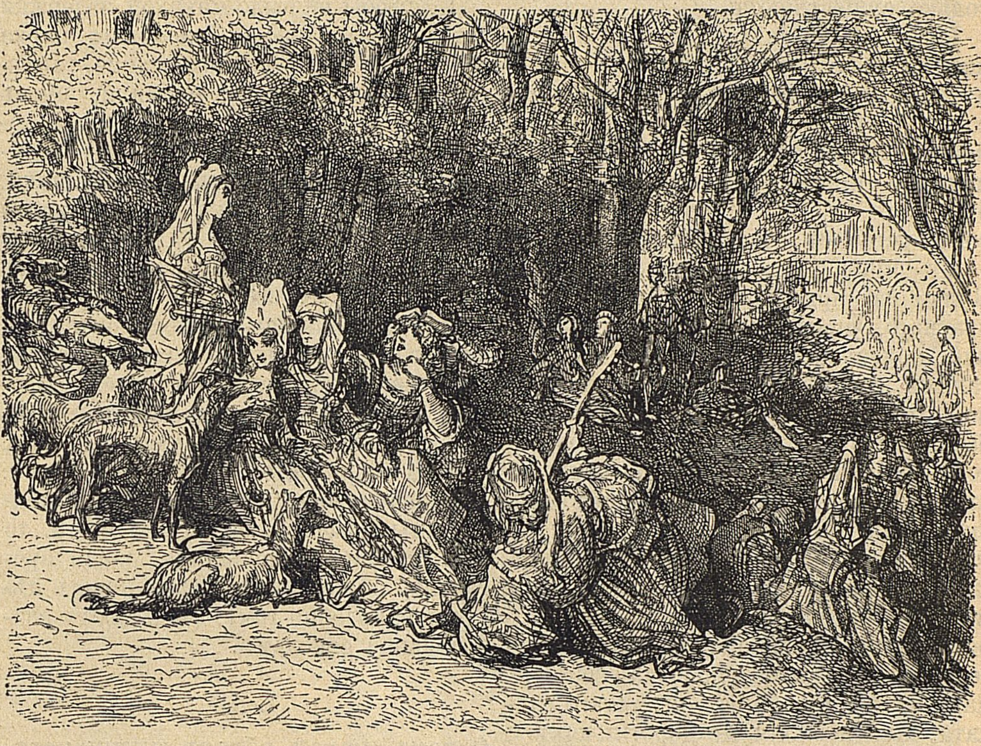


Къ гл. LV.

LVI.

О томъ, какъ были одѣты монахи и монахини Телемскаго аббатства.

Дамы при основанiи аббатства одѣвались по своему усмотрѣнiю и вкусу. Но съ теченiемъ времени въ ихъ одеждѣ произошла слѣдующая реформа: онѣ носили алыя чулки, восходившiя на три пальца выше колѣнъ. По краямъ чулки были украшены красивой вышивкой и зубцами. Подвязки были такого же цвѣта какъ и браслеты и стягивали колѣно сверху и снизу. Башмаки, ботинки или туфли изъ краснаго или фiолетоваго бархата, вырѣзанныя въ формѣ раковой клешни. Поверхъ рубашки надѣвался красивый корсетъ изъ прекраснаго шелковаго камлота; на него надѣвали юбку изъ бѣлой, красной, сѣрой и пр. тафты. Сверхъ этого надѣвалось платье изъ серебряной тафты, съ золотыми вышивками, а не то, смотря по желанiю или погодѣ, изъ атласа, дамà, бархата оранжеваго, зеленаго, пепельнаго, голубого, желтаго, свѣтлаго, краснаго, пунсоваго, изъ бѣлаго или золотого сукна, серебрянаго полотна, украшенныхъ вышивками сообразуясь съ праздниками. Мантiи, смотря по сезону, были изъ золотой парчи съ серебряной бахрамой, изъ краснаго атласа съ золотой вышивкой, изъ бѣлой, синей, черной, темнокрасной тафты, изъ шелковой саржи, шелковаго камлота, бархата, серебрянаго сукна, серебрянаго полотна или изъ бархата пополамъ съ атласомъ, расшитаго золотомъ, и пр.



Къ гл. LVI.

Лѣтомъ иногда надѣвали вмѣсто мантiи хорошенькiя кофточки изъ тѣхъ же матерiй или же мантильи съ капюшонами изъ фiолетоваго бархата съ золотой бахромой, съ отдѣлкой изъ индiйскаго жемчуга. И неизмѣннымъ при этомъ дополненiемъ къ костюму былъ красивый султанъ, такого же цвѣта, какъ и рукава, усѣянный золотыми блестками.

Зимою носили тафтяныя мантіи вышеназванныхъ цвѣтовъ, подбитыя мѣхомъ рыси, чернобурой лисицы, калабрійской куницы, соболя и другими дорогими мѣхами. Четки, кольца, шейныя цѣпи, браслеты были изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ: какъ-то, карбункулъ, рубинъ, брилліантъ, сапфиръ, изумрудъ, бирюза, гранатъ, агатъ, бериллъ, жемчугъ и всякіе другіе, какіе только существуютъ.

Головной уборъ согласовался съ временами года: зимою слѣдовали французской модѣ, весною испанской, лѣтомъ тосканской, за исключеніемъ праздниковъ и воскресенья, когда предпочтеніе отдавалось французскому убору, оттого что онъ приличнѣе и лучше согласуется съ женской стыдливостью.

Мужчины одѣвались на свой ладъ. Чулки изъ ярко-краснаго или огненно-краснаго, чернаго или бѣлаго стамета или полусукна; штаны изъ бархата такихъ же цвѣтовъ или приблизительно, вышитыя и скроенныя, какъ имъ было желательно. Куртка изъ золотого, серебрянаго сукна, изъ бархата, атласа, дамà, тафты тѣхъ же цвѣтовъ, скроенная, вышитая и отдѣланная по указанному образцу. Шелковые шнурки одинаковыхъ цвѣтовъ съ золотыми наконечниками для шнуровки. Короткія и длинныя епанчи изъ золотого сукна, золотого полотна, серебрянаго сукна или богато вышитаго бархата. Мантіи такія же дорогія, какъ и у дамъ. Шелковые кушаки такихъ же цвѣтовъ, какъ и куртки. У каждаго съ боку висѣла прекрасная шпага съ золотымъ ефесомъ, съ бархатными, того же цвѣта, какъ и чулки, ножнами и золотымъ наконечникомъ, усыпаннымъ каменьями. Такой же точно кинжалъ. Шапка изъ чернаго бархата, украшенная золотыми колечками и пуговками. Бѣлое перо красовалось на ней, и съ него спускались золотыя нитки, на концѣ которыхъ сверкали рубины, изумруды и пр.

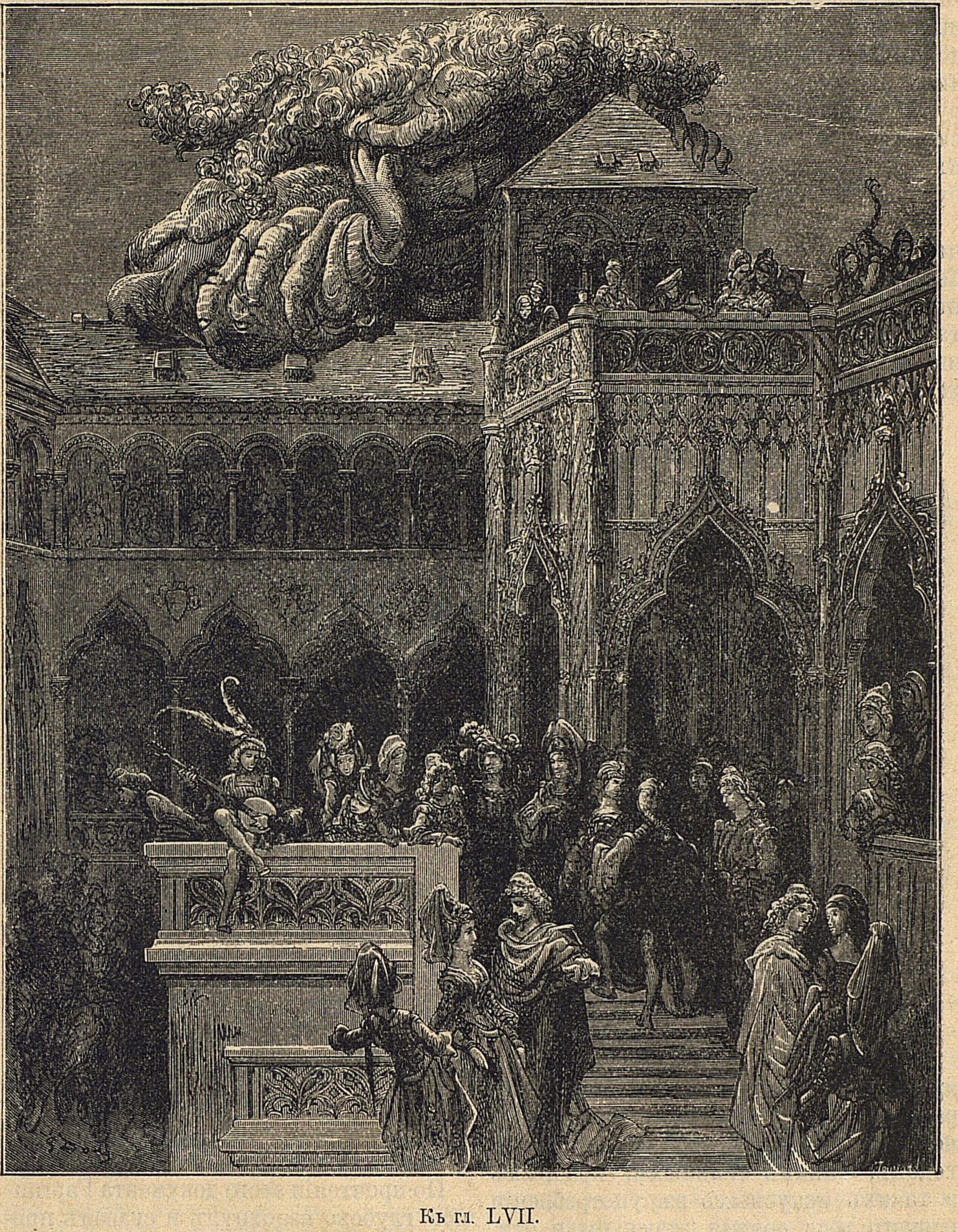
И такая симпатія существовала между мужчинами и женщинами, что ежедневно они были одинаково одѣты. И, чтобы не произошло путаницы, назначены были камергеры, которые каждое утро сообщали мужчинамъ, въ какой костюмъ облекались въ тотъ день дамы. Потому что желаніе дамъ было закономъ. Но не думайте, чтобы онѣ теряли время, хотя и одѣвались такъ чисто и богато: гардеробмейстеры каждое утро приготовляли наряды для дамъ, а ихъ горничныя были такъ ловки, что въ минуту одѣвали ихъ съ головы до ногъ.

И, чтобы не было никакой задержки въ нарядахъ, около Телемскаго парка выстроено было большое зданіе, тянувшееся на добрыхъ полмили, очень свѣтлое и удобное, гдѣ проживали золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры, золотошвейки, портные, ткачи, обойщики, позументщики, и каждый занимался своимъ ремесломъ, и все это устроено было для вышеупомянутыхъ монаховъ и монахинь. Необходимые матеріалы и ткани доставлялись господиномъ Новзиклетомъ, который ежегодно присылалъ семь кораблей съ острововъ Перловъ и Каннибальскихъ, нагруженныхъ золотыми слитками, шелкомъ-сырцомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Если случалось, что нѣкоторыя жемчужины пожелтѣютъ отъ времени, то ихъ искусно подновляли, давая проглотить нѣкоторымъ здоровеннымъ пѣтухамъ, подобно тому, какъ даютъ слабительное соколамъ.

LVII.

О томъ, какой образъ жизни установленъ былъ у телемитовъ.

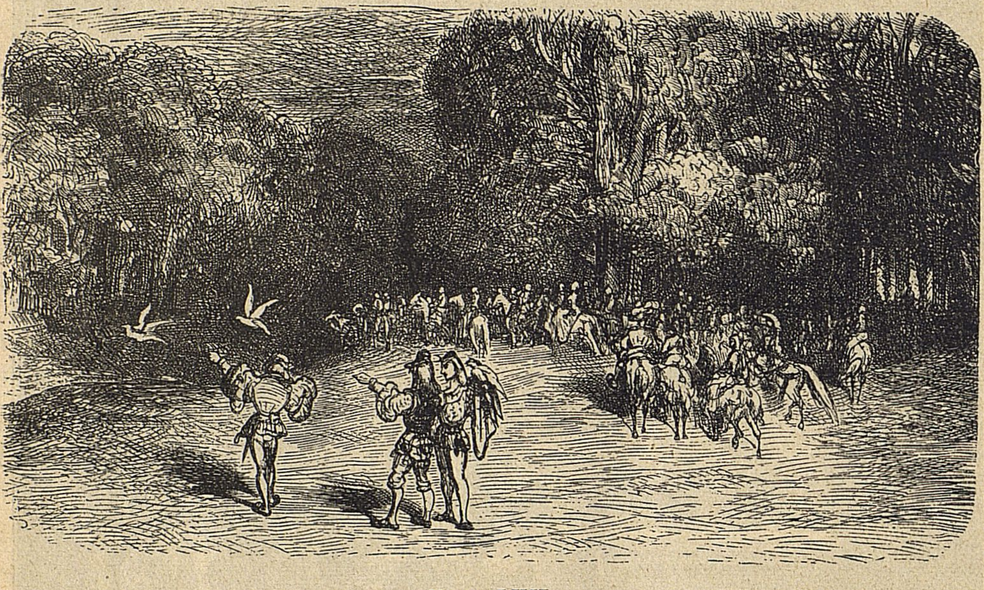
Въ своемъ образѣ жизни они руководствовались не законами, статутами или правилами, но своими желаніями и доброй волей. Они вставали съ постели, когда имъ вздумается; пили, ѣли, работали, спали, когда хотѣли. Никто ихъ не будилъ; никто не заставлялъ пить или ѣсть или что-либо дѣлать. Такъ постановилъ Гаргантюа. Ихъ статутъ состоялъ только изъ одного параграфа: «Поступай такъ, какъ тебѣ угодно.» Потому что свободные, благородные, благовоспитанные люди, водящіе компанію съ честными людьми, отъ природы одарены инстинктомъ и влеченіемъ поступать добродѣтельно и укло-



Къ гл. LVII.

няться отъ порока; и этотъ инстинктъ они называютъ честью. Если же ихъ насильно подчиняютъ и угнетаютъ, то, униженные и порабощенные, они отвращаются отъ благородной склонности къ добродѣтели, которая переходитъ въ желаніе ниспровергнуть иго рабства. Вѣдь мы всегда дѣлаемъ то, что намъ запрещено, и гонимся за тѣмъ, въ чемъ намъ отказываютъ. Эта свобода развивала въ нихъ похвальное соревнованіе каждому поступать такъ, чтобы всѣ были довольны. Если кто-нибудь изъ мужчинъ или дамъ говорилъ: выпьемъ,—всѣ пили. Если говорилъ: поиграемъ,—всѣ играли. Если говорилъ: пойдемъ гулять въ поле,—всѣ шли гулять. Если отправлялись на соколиную или иную охоту, дамы садились на прекрасныхъ иноходцевъ; на рукѣ, обтянутой красивой перчаткой, сидѣлъ у нихъ соколъ, или ястребъ, или кречетъ, а у мужчинъ—какія-нибудь другія птицы.

Всѣ были такъ хорошо воспитаны, что никого не было между ними, кто бы не умѣлъ читать, писать, пѣть, играть на музыкальныхъ инструментахъ, говорить на пяти или шести языкахъ и писать на нихъ какъ стихами, такъ и прозой.



Къ гл. LVII.

Никогда еще не видывали такихъ храбрыхъ, такихъ вѣжливыхъ рыцарей, столь искусно владѣвшихъ конемъ, и такихъ неутомимыхъ пѣшеходовъ, такихъ сильныхъ, храбрыхъ и такихъ искусныхъ въ употребленіи всякаго рода оружія, какъ были эти. Никогда еще не видывали такихъ опрятныхъ, такихъ миловидныхъ дамъ, такихъ благонравныхъ, такихъ искусныхъ во всякаго рода женскихъ рукодѣліяхъ и во всемъ, что прилично честнымъ и свободнымъ женщинамъ, какъ тѣ, что были здѣсь собраны.

Поэтому когда для кого-либо изъ мужчинъ наступалъ срокъ оставить вышеназванное аббатство по просьбѣ ли его родителей, или по иной какой причинѣ, — онъ увозилъ съ собой ту изъ дамъ, за которой ухаживалъ, и женился на ней. И если въ Телемскомъ аббатствѣ они жили въ дружбѣ и согласіи, то такъ продолжали они жить и въ бракѣ: они любили другъ друга до конца дней своихъ, какъ въ первый день свадьбы.

Не позабыть бы мнѣ описать вамъ загадку, которая была найдена, когда закладывался фундаментъ аббатства; она была начертана на большой мѣдной доскѣ. Ниже слѣдуетъ содержаніе.

LVIII.

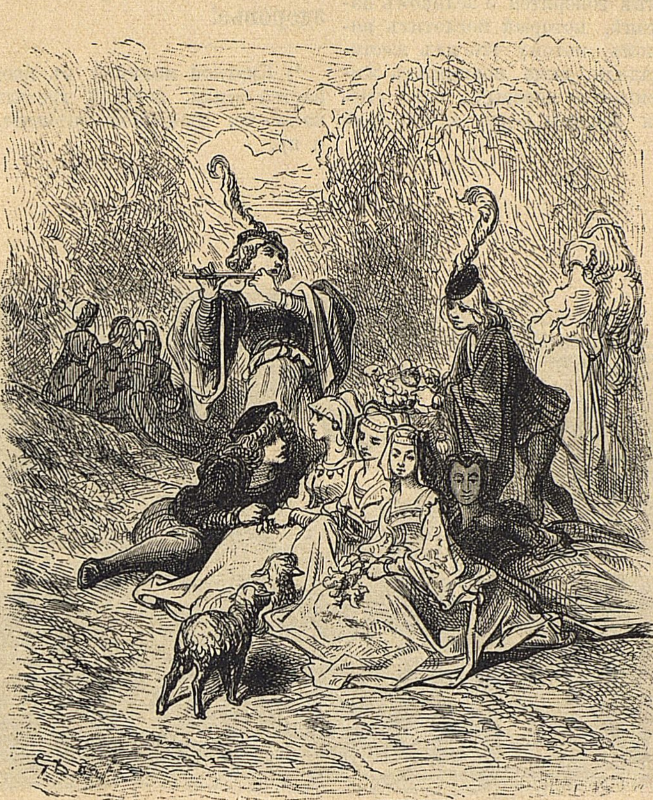
Загадочное пророчество [1]).

По прочтеніи этого документа Гаргантюа глубоко вздохнулъ и сказалъ присутствующимъ:

— Не съ сегодняшняго дня люди евангелической вѣры преслѣдуются. Но блаженъ тотъ, кто не смущается и неизмѣнно стремится къ цѣли и добру, которыя намъ указалъ Господь, черезъ посредство Своего возлюбленнаго Сына, и не допускаетъ, чтобы плотскія страсти увлекали его и сворачивали съ истиннаго пути.

---

[1] Глава эта начинается длиннымъ стихотвореніемъ, въ которомъ говорится, что если вѣрить указаніямъ небесныхъ свѣтилъ, то слѣдуетъ ждать смутныхъ временъ, когда бу-



Къ гл. LVIII.

Монахъ спросилъ:

— Какъ вы думаете: какой смыслъ и значеніе этой загадки?

— Какой же, какъ не указаніе и подтвержденіе божественной истины,— отвѣчалъ Гаргантюа.

— Клянусь св. Годераномъ, — сказалъ монахъ, — я другого мнѣнія: это стиль Мерлена прорицателя; ищите въ немъ какихъ угодно аллегорій и возвышенныхъ мыслей и ломайте надъ ними голову, сколько хотите, и вы, и весь свѣтъ. Я, съ своей стороны, не вижу тутъ иного смысла, какъ описаніе, въ темныхъ выраженіяхъ, игры въ мячъ. Смутьяны, сбивающіе людей съ толку, это предводители партій, которые обыкновенно бываютъ пріятелями. И послѣ первыхъ двухъ ходовъ одинъ изъ нихъ, участвовавшій въ игрѣ, выходитъ изъ игры, а другой, дожидавшійся очереди, въ нее вступаетъ. Первому, который скажетъ, находится ли мячъ надъ канатомъ или подъ нимъ, всѣ вѣрятъ. Воды, о которыхъ говорится въ пророчествѣ,— это потъ, которымъ обливаются игроки. Бечевки,

---

детъ большое волненіе въ умахъ и сердцахъ людей, и когда возникнутъ распри между самыми близкими людьми, и сынъ возстанетъ на отца, и произойдетъ великая брань, которая наполнитъ собою землю. Пророчество заканчивается обѣщаніемъ спасенія тѣмъ, кто до конца пребудетъ вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ.

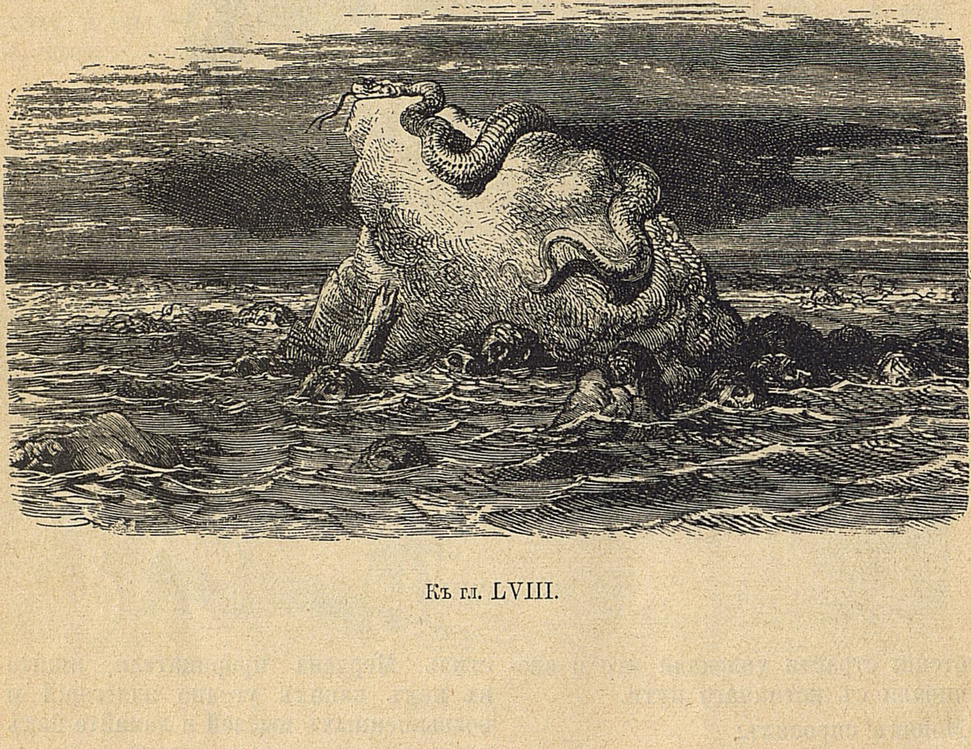
Это пророчество, за исключеніемъ начальныхъ и заключительныхъ стиховъ, заимствовано Раблэ изъ сочиненій Мелена де-Сенъ-Желэ, и въ немъ усматриваютъ намеки на преслѣдованія, которымъ подвергались реформаты.

натянутыя на отбойникахъ, дѣлаются изъ кишекъ овецъ и козъ[1]). Круглая махина—это мячъ[1]). Послѣ игры отдыхаютъ у яркаго огня и мѣняютъ рубашку. И охотно пируютъ; и всего веселѣе тѣ, которые выиграли. И на здоровье!

---

[1]) Въ пророчествѣ говорится о великомъ наводненіи или потопѣ, который поглотитъ виновныхъ и подѣломъ, потому что ихъ жестокія сердца не щадили даже невинныхъ животныхъ, внутренности которыхъ они употребляли не для жертвы Богу, а въ свою пользу.

[1]) Круглой махиной въ пророчествѣ называется земля, которой грозятъ всякія бѣды, какъ-то: солнечное затменіе, землетрясеніе и пр.



Къ гл. LVIII.

КНИГА II

ПАНТАГРЮЭЛЬ

КОРОЛЬ ДИПСОДОВЪ

(ЖАЖДУЩИХЪ)

ВЪ ЕГО ЕСТЕСТВЕННОМЪ ВИДѢ И ЕГО ГРОЗНЫЕ ДѢЯНІЯ И ПОДВИГИ

СОЧИНЕНІЕ ПОКОЙНАГО **М. АЛЬКОФРИБАСА**, ХИТРОУМНАГО ФИЛОСОФА И МУДРЕЦА

Десятистишіе метра Гюго Салель[1]), посвященное автору настоящей книги.

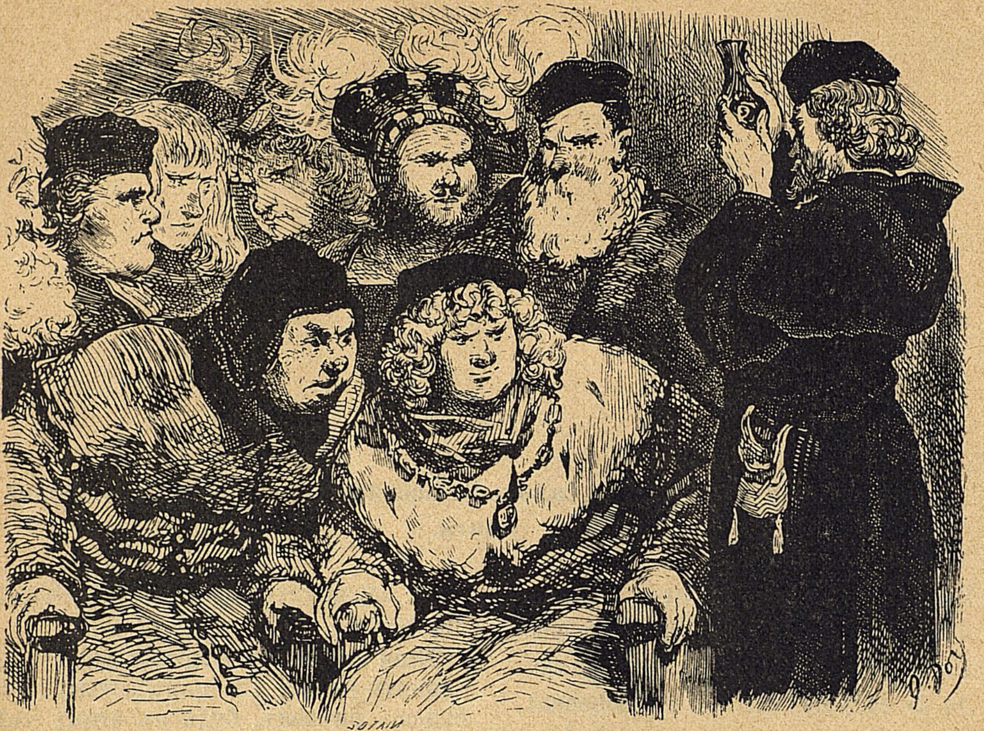
Si, pour mesler profit avec doulceur,
On met en prix un auteur grandement,
Prisé seras, de cela tiens toy seur:
Je le cognois, car ton entendement,
En ce livret, sous plaisant fondement
L'utilité a si tres bien descripte
Qu' il m'est advis que voy un Democrite
Riant les taicts de nostre vie humaine.
Or persevere, et, si n'en as merite
En ces bas lieux, l'auras en hault domaine.

Да здравствуютъ всѣ добрые пантагрюэлисты!

Если въ авторѣ цѣнится умѣнье соединять пользу съ пріятностью, то ты будешь оцѣненъ, будь въ этомъ увѣренъ. Я это знаю, потому что твой разумъ въ этой книжицѣ сумѣлъ такъ хорошо представить полезное въ забавной формѣ, что, мнѣ кажется, я вижу Демокрита, подсмѣивающагося надъ нашей человѣческой жизнью. А потому продолжай и дальше; и если не получишь награду въ здѣшнемъ мірѣ, то получишь ее въ небесахъ.

---

[1]) Переводчикъ Гомера, ум. 1553 г.



ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Именитѣйшіе и храбрѣйшіе рыцари, дворяне и другіе, охотно занимающіеся возвышенными и благородными предметами,—вы всѣ давно уже зрѣли, читали и познали великую и неоцѣненную хронику объ огромномъ великанѣ Гаргантюа и повѣрили ей, какъ истинновѣрующіе вѣрятъ Библіи и Евангелію. Часто, когда у васъ не хватало темы для разговоровъ, вы пересказывали благороднымъ дамамъ и дѣвицамъ длинныя и прекрасныя исторіи изъ этой хроники и за это вы достойны большой похвалы и вѣчной памяти. И что касается моего желанія, то я хотѣлъ бы, чтобы каждый бросилъ свои собственныя занятія, отказался отъ своего ремесла и забылъ обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и всецѣло предался изученію этой хроники, не позволяя своему уму отвлекаться отъ нея или разсѣиваться до тѣхъ поръ, пока бы не выучилъ ее наизусть. И если бы затѣмъ какъ-нибудь случайно погибли съ теченіемъ времени всѣ книги и прекратилось искусство книгопечатанія, каждый могъ бы устно передать эту хронику своимъ дѣтямъ, наслѣдникамъ и преемникамъ, какъ нѣкую тайную науку. Вѣдь въ ней больше толку, нежели это думаетъ толпа паршивыхъ хвастуновъ, которые еще меньше понимаютъ эти веселенькія исторійки, чѣмъ академикъ Ракле. Я знавалъ многихъ знатныхъ и могущественныхъ господъ, которымъ бывало очень непріятно, если они отправятся на охоту за крупнымъ звѣремъ или за утками и звѣрь ускользнетъ отъ нихъ или соколъ промахнется и упуститъ добычу; и что жъ!—имъ служило утѣшеніемъ въ такомъ случаѣ и развлеченіемъ припоминать о неоцѣненныхъ дѣяніяхъ вышеупомянутаго Гаргантюа. Другіе же, люди,—говорю это не шутя,—страдавшіе отъ сильной зубной боли и потратившіе все свое состояніе на лѣченіе безъ всякой пользы, не находили лучшаго лѣкарства, какъ положить вышеупомянутыя хроники между двумя чистыми, сильно нагрѣтыми тряпками и приложить ихъ, какъ горчичникъ къ больному мѣсту. Но что же сказать про злополучныхъ подагриковъ? О, сколько разъ мы видали ихъ послѣ того, какъ ихъ хорошенько намажутъ саломъ и различными мазями, такъ что лицо у нихъ блеститъ какъ замокъ отъ костника, а зубы стучатъ какъ клавиши органа или клавикордъ, когда на нихъ играютъ, а изо рта бѣжитъ пѣна, какъ у вепря, загнаннаго собаками! И что же они въ такихъ случаяхъ дѣлали? Единственнымъ утѣшеніемъ имъ служило прослушать чтеніе нѣсколькихъ страницъ этой книги. И сколькихъ мы видали, которые клялись всѣми чертями, что они испытывали истинное облегченіе при чтеніи этой книги, ни болѣе ни менѣе какъ женщины, мучающіяся родами, когда имъ читаютъ жизнь св. Маргариты. Развѣ это бездѣлица? Найдите мнѣ другую книгу на какомъ угодно языкѣ, трактующую о какой угодно наукѣ, которая отличалась бы такими же точно свойствами, качествами и преимуществами, и я угощу васъ на свой счетъ порціей потроховъ. Нѣтъ, господа, нѣтъ. Эта книга внѣ всякихъ сравненій и соперничества; я буду утверждать это до возведенія меня на костеръ exlusive. И тѣхъ, кто станетъ утверждать противное, считайте лгунами, обманщиками, шарлатанами и соблазнителями. Сомнѣнія нѣтъ, что въ нѣкоторыхъ книгахъ выдающагося достоинства можно найти нѣкоторыя скрытыя качества; и въ числѣ ихъ можно назвать: Fessepinte, Orlando furioso, Robert le Diable, Fierabras, Guillaume sans peur, Huon de Bordeaux, Montevieille и Matabrune. Но онѣ не годятся въ подметки той книгѣ, про которую мы говоримъ. Міръ по опыту узналъ, какую пользу и какую выгоду приноситъ вышеупомянутая гаргантійская хроника: вѣдь ее въ два мѣсяца больше продано типографами, чѣмъ куплено Библіи въ девять лѣтъ. Ну, вотъ я, вашъ покорнѣйшій слуга, желая доставить вамъ еще новое развлеченіе, предлагаю вамъ теперь еще другую книгу, такого же сорта, съ тою разницею, что она еще справедливѣе и болѣе заслуживаетъ вѣры, чѣмъ прежняя. Не думайте, если не хотите сознательно впасть въ ошибку, что я говорю о ней такъ, какъ евреи говорятъ о законѣ. Я не подъ такой планетой родился, и мнѣ никогда еще не доводилось лгать или увѣрять въ томъ, чего не было. Я говорю объ этомъ какъ веселый Онокроталъ[1]), или, вѣрнѣе сказать, какъ Протонотаріусъ мучениковъ любви или самой любви. Я повѣствую про страшныя дѣянія и геройскіе подвиги Пантагрюэля, которому я служилъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, и по сіе время, когда получилъ отъ него отпускъ и вернулся на родину, чтобы узнать, не остался ли въ живыхъ кто изъ моихъ родственниковъ. Однако, въ заключеніе этого предисловія скажу: пусть сто тысячъ чертей завладѣютъ моей душой и тѣломъ со всѣми кишками и требухой, если я совралъ хоть одно слово во всей этой исторіи. Равно какъ пускай Антоновъ огонь васъ сожретъ, черная немочь васъ повергнетъ на землю, ракъ внѣдрится въ васъ; пускай вы истечете кровью, пускай проказа источитъ васъ и пускай огонь и сѣра поглотятъ васъ, какъ поглотили Содомъ и Гоморру, если вы не примете твердо на вѣру все, что я разскажу вамъ въ этой хроникѣ.

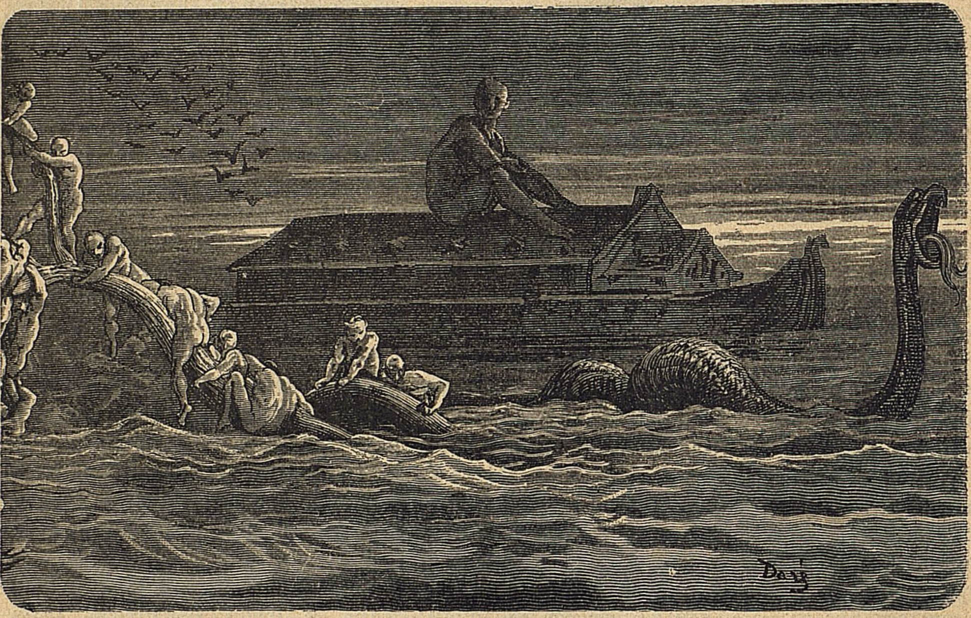
---

[1]) Onocrotale—водяная птица, крикъ которой, по словамъ Плинія, похожъ на крикъ осла. Одни думаютъ, что это пеликанъ, другіе—выпь. Раблэ часто прибѣгаетъ къ игрѣ словъ «Un sufflegan et trois onocrotales»—что по мнѣнію комментаторовъ значитъ: одинъ суфраганъ и три протонотаріуса.

Десятистишіе, недавно сочиненное въ честь веселаго ума автора.

Cinq cens dizains, mille virlais,
Et en rimes mille virades
Des plus gentes et des plus sades,
De Marot, ou de Saingelais,
Payés comptant sans nulz delais,
En présence des Oréades,
Des Hymnides et des Dryades,
Ne suffiroient, ny Pont-Alais
A pleines balles de ballades,
Au docte et gentil Rabelais.

Пятьсотъ десятистишій, тысяча рондо
И еще другая тысяча риѳмованныхъ строкъ,
Самыхъ прелестныхъ и граціозныхъ,
Сочиненія Маро̀ (Клеманъ Маро, поэтъ, умеръ 1554 г.) или Сенъ-Желэ (поэтъ, современникъ Раблэ),
Дорогой цѣной оплаченныхъ безъ всякаго промедленія
Въ присутствіи Ореадъ (горныя нимфы)
Гименидъ (водяныя нимфы) или Дріадъ (лѣсныя нимфы)
Не удовлетворятъ—равно какъ и Панталэ (мало извѣстый поэтъ 16 столѣтія)
Съ его кучей балладъ—
Ученаго и любезнаго Раблэ.



Къ гл. I.

I.

О происхожденіи и древности рода Пантагрюэля.

Не лишнимъ и не празднымъ дѣломъ будетъ,—такъ какъ у насъ нѣтъ недостатка въ досугѣ,—напомнить вамъ о первомъ корнѣ и о томъ родѣ, изъ которыхъ произошелъ Пантагрюэль. Вѣдь я вижу, что всѣ добрые исторіографы такъ начинали свои хроники, не только арабскіе, варварскіе и латинскіе и греческіе, но также и авторы еврейскіе.

Итакъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ міра (я приступаю издалека), слишкомъ сорокъ сороковъ ночей тому назадъ,—употребляя способъ исчисленія, бывшій въ ходу у древнихъ друидовъ,—вскорѣ послѣ того, какъ Авель былъ убитъ братомъ своимъ Каиномъ, наступилъ такой годъ, когда земля, пропитанная кровью праведника, дала необыкновенный урожай всѣхъ плодовъ, которые на ней произрастаютъ, и въ особенности кизильника, вслѣдствіе чего этотъ годъ и прослылъ на всѣ послѣдующія времена годомъ кизильника, такъ какъ изъ трехъ штукъ выходилъ цѣлый четверикъ. Въ томъ же году календы установлены были по греческимъ служебникамъ. Мѣсяцъ мартъ пришелся не въ посту, а половина августа оказалась въ маѣ мѣсяцѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ (а, можетъ быть, и въ сентябрѣ, не стану утверждать, чего навѣрное не знаю, чтобы не ошибиться) наступила недѣля, столь прославленная въ лѣтописяхъ, и которая зовется недѣлей трехъ четверговъ, потому что ихъ было въ ней трое, вслѣдствіе неправильности високосныхъ дней, отъ того, что солнце слегка уклонилось debitoribus влѣво, а луна измѣнила свое теченіе слишкомъ на пять саженъ и явно обозначилось движеніе и колебаніе тверди небесной, именуемой Aplane[1], до такой степени, что средняя Плеяда, отдалившись отъ своихъ спутницъ, склонилась къ Экватору, звѣзда же, которую называютъ «Ко́лосомъ», оставила Дѣву и удалилась къ Вѣсамъ, что, конечно, было дѣломъ страшнымъ и настолько затруднительнымъ и непонятнымъ, что астрологи диву дались. Да и было надъ чѣмъ имъ голову поломать.

Будьте увѣрены, что весь свѣтъ охотно ѣлъ вышеупомянутый кизиль, потому что онъ былъ великолѣпенъ на видъ и чудеснаго вкуса. Но подобно тому, какъ Ной, святой человѣкъ, которому мы такъ много обязаны за то, что онъ посадилъ виноградную лозу, дающую намъ тотъ нектаръ, тотъ чудесный, прелестный, небесный, веселый, божественный напитокъ, который мы называемъ виномъ,—какъ Ной, повторяю, былъ введенъ въ заблужденіе, когда пилъ его, ибо не зналъ его свойства и силу, такъ и мужчины и женщины того времени съ великимъ удовольствіемъ ѣли тотъ красивый и крупный плодъ. Но это имѣло самыя разнообразныя послѣдствія: у всѣхъ явилась ужасающая опухоль на тѣлѣ, хотя не у всѣхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. У нѣкоторыхъ вздулся животъ и сталъ похожъ на большую бочку. Про нихъ написано: Ventrem omnipotentem; и всѣ они были зажиточные и веселые люди. Изъ ихъ племени произошли Святой Обжора и Широкая Масляница. У другихъ распухали плечи, и они становились такъ горбаты, что ихъ звали montiferes, то есть носильщики горъ, и такихъ вы и по сіе время встрѣчаете въ мірѣ различнаго пола и разнаго состоянія. И изъ этого племени произошелъ Эзопъ, славныя дѣянія и сказанія котораго дошли до насъ въ книгахъ.

У иныхъ вытягивались ноги и, глядя на нихъ, вы бы приняли ихъ за журавлей, или за фламинго, а не то за людей на ходуляхъ. И бурсаки называютъ ихъ въ грамматикѣ iambus[1].

У другихъ такъ выросталъ носъ, что становился похожимъ на горлышко перегоннаго куба, и былъ весь пестрый, въ прыщахъ, сине-багроваго цвѣта и лоснившійся отъ жира. Такіе носы мы видѣли у каноника Панцу и у Пьедебуа, медика въ Анжерѣ; и изъ этого племени немногіе любили декоктъ, но всѣ были любителями вина, и отъ нихъ произошли Назонъ и Овидій. И всѣ тѣ, про кого написано: Ne reminiscaris[2].

У другихъ выростали уши и достигали такихъ размѣровъ, что изъ одного уха они дѣлали себѣ куртку, штаны и камзолъ, а другимъ накрывались, какъ испанскимъ плащомъ. И говорятъ, что въ Бурбоннэ еще существуетъ это племя, откуда и происходитъ поговорка о бурбонскихъ ушахъ.

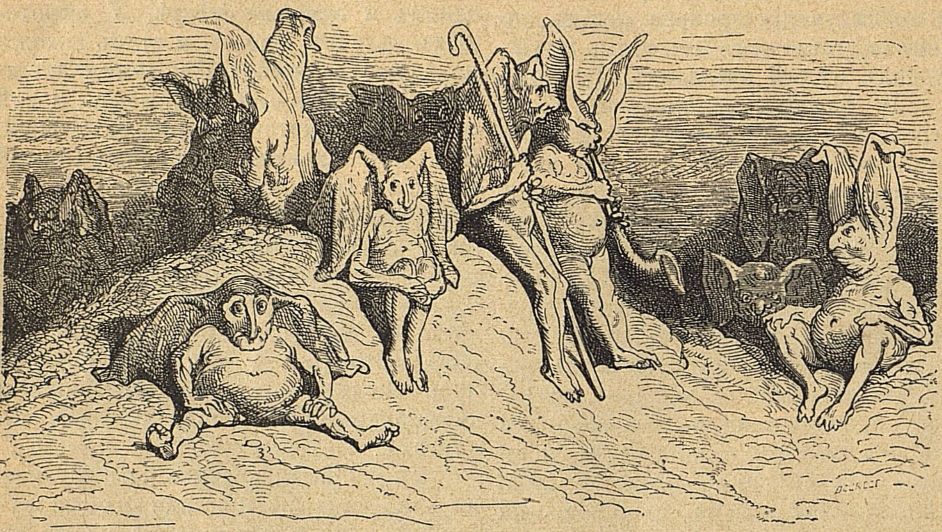
---

[1] Небо неподвижныхъ звѣздъ, съ греческаго: ἀπλανής.

[1] У Раблэ тутъ игра словъ: ямбъ—размѣръ стиха и jambe.

[2] Книга Товія III, 3.

Иные вырастали въ длину всѣмъ тѣломъ, и отъ нихъ произошли великаны, а отъ послѣднихъ Пантагрюэль. И первымъ изъ нихъ былъ Шальбротъ,
который родилъ Саработа,
который родилъ Фаридрота,
который родилъ Гюртали, большого охотника до похлебокъ и царствовавшаго во время потопа,
который родилъ Немброта,
который родилъ Атласа, подпиравшаго плечами небо, чтобы оно не упало, который родилъ Голіаѳа,
который родилъ Эрикса, изобрѣтателя игры въ фокусы,
который родилъ Тита,
который родилъ Эріона,
который родилъ Полифема,
который родилъ Каса,
который родилъ Этіона,
который первый заболѣлъ отъ того, что у него не было никакого прохладительнаго питья лѣтомъ, какъ свидѣтельствуетъ Барташинъ,
который родилъ Анселада,
который родилъ Сэ,
который родилъ Тифона,
который родилъ Ало,
который родилъ Отэ,
который родилъ Эгона,
который родилъ Бріарея, сторукаго,
который родилъ Порфирія,
который родилъ Адамастора,
который родилъ Антея,
который родилъ Агаѳона,
который родилъ Пора, и съ нимъ воевалъ Александръ Великій,
который родилъ Арантаса,
который родилъ Габбара, перваго придумавшаго много пить,
который родилъ Голіаѳа,
который родилъ Оффо, у котораго носъ покраснѣлъ отъ того, что онъ пилъ изъ боченка,
который родилъ Артахея,
который родилъ Ормедона,
который родилъ Жеммагога, изобрѣтателя башмаковъ à la poulaine,
который родилъ Сизифа,
который родилъ Титановъ, отъ которыхъ произошелъ Геркулесъ,



Къ гл. I.

который родилъ Энея, который очень искусно умѣлъ вытаскивать клещей изъ рукъ,

который родилъ Фьерабраса, побѣжденнаго французскимъ пэромъ Оливье, товарищемъ Роланда,

который родилъ Моргана, который первый въ мірѣ игралъ въ карты съ очками на носу,

который родилъ Фракасса, про котораго писалъ Мерленъ Кокей, отъ котораго произошелъ Феррагюсъ,

который родилъ Гапмуша, перваго придумавшаго коптить бычачьи языки въ печкѣ, а прежде всѣ ихъ только солили, какъ ветчину,

который родилъ Боливоракса,

который родилъ Лонжиса,

который родилъ Гайоффа,

который родилъ Машфена,

который родилъ Брюльфера,

который родилъ Ангулевана,

который родилъ Гальго, изобрѣтателя бутылокъ,

который родилъ Мирланго,

который родилъ Галафра,

который родилъ Фалурдена,

который родилъ Робоаста,

который родилъ Сортенбрана де-Конембръ,

который родилъ Брюшана де-Момьеръ,

который родилъ Брюйера, побѣжденнаго пэромъ Франціи Ожье датчаниномъ,

который родилъ Мабрена,

который родилъ Футаснона,

который родилъ Гаклебака,

который родилъ Видегрена,

который родилъ Грангузье,

который родилъ Гаргантюа,

который родилъ благороднаго Пантагрюэля, моего господина.

Я хорошо знаю, что при чтеніи этого мѣста въ книгѣ у васъ возникаетъ весьма разумное сомнѣніе, и вы спрашиваете: какъ могло это быть, когда извѣстно, что во время потопа всѣ люди погибли, за исключеніемъ Ноя и семерыхъ лицъ, заключенныхъ съ нимъ въ ковчегѣ и въ числѣ которыхъ не было вышеупомянутаго Гюртали? Вопросъ, безъ сомнѣнія, основательный и вполнѣ понятный, но мой отвѣтъ васъ удовлетворитъ, если только я съ ума не спятилъ. Но такъ какъ меня при этомъ не было и я не могу говорить какъ очевидецъ, то ссылаюсь на авторитетъ равиновъ, добрыхъ малыхъ и славныхъ еврейскихъ волынщиковъ, которые утверждаютъ, что, дѣйствительно, вышеупомянутый Гюртали не находился въ Ноевомъ ковчегѣ, да и не могъ бы въ него влѣзть, будучи великаномъ; но онъ находился на ковчегѣ, верхомъ на немъ, въ родѣ того, какъ маленькія дѣти сидятъ на деревянныхъ лошадкахъ; или въ родѣ того, какъ большой Бернскій быкъ, [1]) убитый при Мариньянѣ, скакалъ на своихъ толстыхъ каменныхъ пушкахъ (служившихъ, должно быть, славной, покойной верховой лошадью). И такимъ образомъ, по Божьему велѣнію, спасъ вышеупомянутый ковчегъ, такъкакъ правилъ имъ ногами и поворачивалъ куда надо, какъ это дѣлаютъ на корабляхъ, при помощи руля. Находившіеся внутри ковчега люди подавали ему въ трубу съѣстные припасы въ потребномъ количествѣ, какъ люди благодарные за то добро, какое онъ имъ дѣлалъ. И порою они переговаривались другъ съ другомъ, какъ Икаромениппъ съ Юпитеромъ, по словамъ Лукіана.

Поняли вы теперь меня? Ну, такъ выпейте на здоровье, но не разбавляя вино водой. Если же вы не вѣрите, ну и я не вѣрю, тѣмъ и дѣлу конецъ!

II.

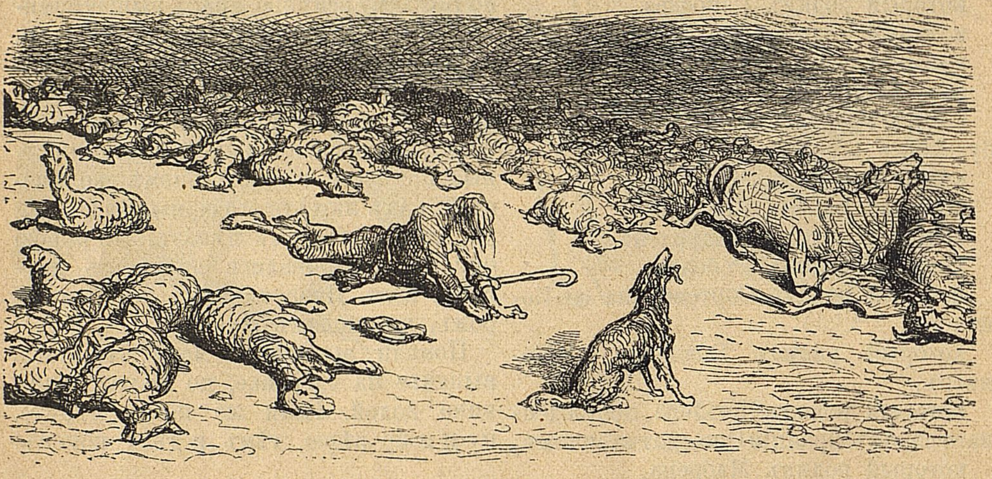
О рожденіи грознаго Пантагрюэля.

Гаргантюа, будучи четырехсотъ восьмидесяти сорока четырехъ лѣтъ отъ роду, произвелъ на свѣтъ сына своего Пантагрюэля отъ своей жены, которую звали Бадебекъ, дочери амовротскаго короля, въ Утопіи; она же умерла отъ родовъ, потому что ребенокъ былъ такъ необыкновенно великъ и тяжелъ, что не могъ появиться на свѣтъ Божій, не задушивъ своей матери. Но чтобы вполнѣ понять причину, по которой его нарекли этимъ именемъ при св. крещеніи, вы должны знать, что въ тотъ годъ стояла такая засуха во всей африканской землѣ, что тридцать шесть мѣсяцевъ, три недѣли, четыре дня, тринадцать часовъ и даже немного больше не было ни капли дождя, а солнце такъ страшно палило землю, что она вся потрескалась.

---

[1]) Трубачъ, названный такъ потому, что трубилъ въ бычачій рогъ.

И во времена Иліи засуха не была такъ сильна, какъ въ тѣ поры. Не было дерева на землѣ, на которомъ уцѣлѣлъ бы хотя одинъ листъ или цвѣтокъ, трава посохла, рѣки и всѣ источники пересохли, бѣдныя рыбы, лишенныя своей родной стихіи, бились о землю и страшно вопили; птицы падали на лету, потому что не было ни капли росы; вездѣ на поляхъ попадались мертвые, съ разинутой пастью, волки, лисицы, олени, кабаны, серны, зайцы, ласки, хорьки, барсуки и другія животныя.

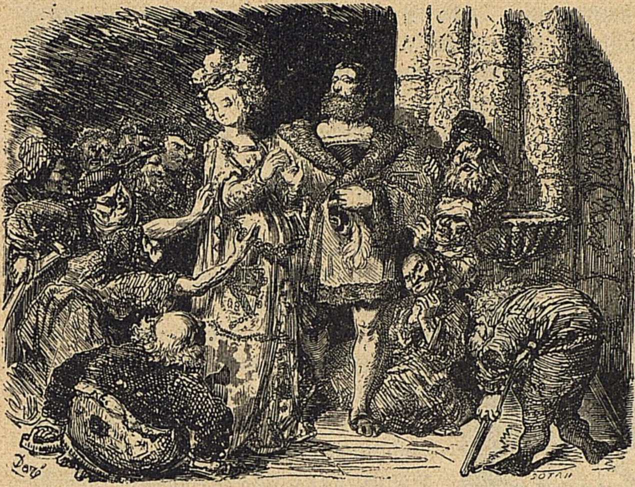


Къ гл. II.

Что касается людей, то жалость была глядѣть на нихъ: вы бы увидѣли, что у нихъ высунуты языки, точно у зайцевъ, бѣгавшихъ шесть часовъ къ ряду. Нѣкоторые бросались въ колодцы; другіе влѣзали въ брюхо коровы, ища тѣни: такихъ Гомеръ называетъ Алибантами.

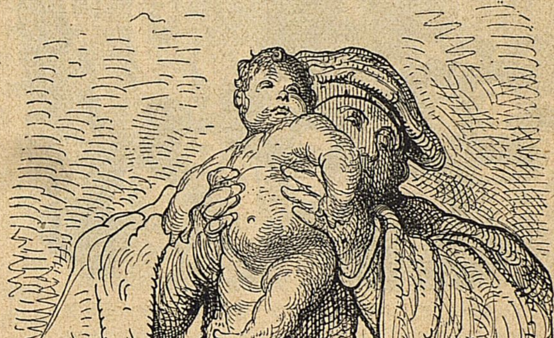
Вся страна погибала; жалко было видѣть, какъ старались люди спастись отъ жажды. И какихъ трудовъ стоило сохранить святую воду въ церквахъ и не дать ее выпить всю до послѣдней капли. Но по совѣту господъ кардиналовъ и папы въ церквахъ отданъ былъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ приходить за ней больше одного раза въ день. И когда кто-нибудь входилъ въ церковь, то вы бы увидѣли, какъ человѣкъ двадцать бѣдняковъ, изнемогавшихъ отъ жажды, толпились сзади того, кто раздавалъ святую воду, съ разинутымъ ртомъ,—какъ злой богачъ,—чтобы не упустить ни одной капли. О, какъ счастливы были въ ту пору люди, у которыхъ былъ прохладный и хорошо снабженный погребъ.

Философъ вопрошаетъ, почему вода въ морѣ соленая, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что въ эпоху, когда Фебъ позволилъ править своей колесницей сыну своему Фаэтону, послѣдній, неискусный въ этомъ дѣлѣ, не сумѣвъ держаться эклиптической линіи между двумя тропиками солнечной сферы, уклонился съ настоящаго пути и такъ приблизился къ землѣ, что засушилъ всѣ окрестныя земли и сжегъ большую часть неба, которую философы называютъ Via Lactea, а нѣмцы—Путемъ св. Іакова. Именитнѣйшіе поэты утверждаютъ, съ своей стороны, что это та самая часть неба, куда капало молоко Юноны, когда она кормила грудью Геркулеса. Итакъ, земля до того разогрѣлась, что у нея выступилъ сильнѣйшiй потъ, которымъ она переполнила море, и отъ того оно стало соленое, потому что всякiй потъ солонъ; и вы согласитесь съ этимъ, если попробуете свой собственный или потъ больныхъ, когда ихъ заставляютъ потѣть; мнѣ это рѣшительно все равно.



Къ гл. II.

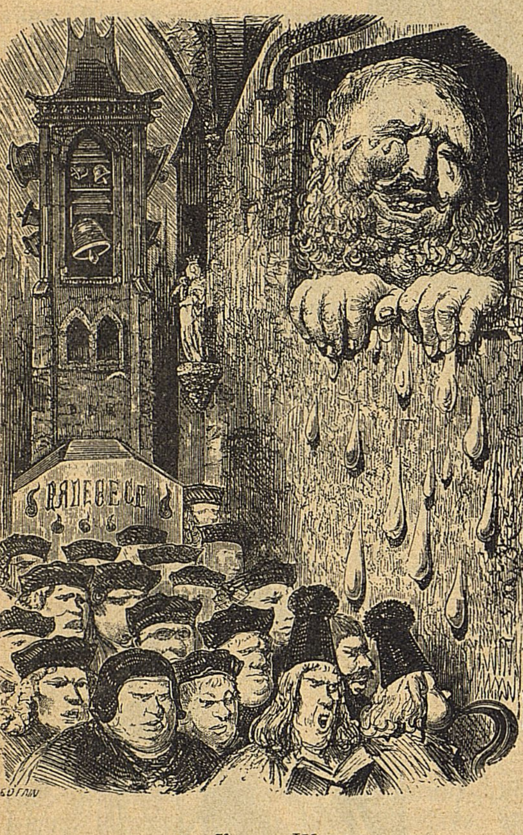
Нѣчто подобное случилось и въ вышеупомянутый годъ: въ одну изъ пятницъ, когда всѣ принялись молиться Богу и шли процессiей, служа молебны и говоря проповѣди, моля всемогущаго Бога обратить на нихъ милостивое око въ такой бѣдѣ, вдругъ увидѣли, какъ изъ земли просачиваются крупныя капли воды, подобно тому, какъ это бываетъ съ человѣкомъ, котораго прошибаетъ потъ. И бѣдный людъ обрадовался, точно произошло нѣчто для него благодѣтельное: одни говорили, что земля сама выручаетъ себя, такъ какъ въ воздухѣ нѣтъ и слѣда сырости, которая бы обѣщала дождь. Другiе ученые люди говорили, что это дождь идетъ изъ антиподовъ: подобно тому, какъ повѣствуетъ Сенека въ четвертой книгѣ Questionum naturalium, говоря о происхожденiи и истокахъ Нила. Но они ошибались, потому что, когда по окончанiи процессiи, каждый захотѣлъ собрать этой росы и напиться цѣлыми стаканами, то оказалось, что она хуже и солонѣе морской воды. И такъ какъ въ этотъ самый день родился Пантагрюэль, то отецъ и назвалъ его этимъ именемъ. Потому что Panta по-гречески значитъ все, а Gruel по-арабски значитъ жаждущiй, желая этимъ намекнуть, что въ моментъ его рожденiя весь мiръ жаждалъ. И къ тому же онъ пророческимъ духомъ прозрѣлъ, что онъ со временемъ станетъ властелиномъ жаждущихъ; что ему было въ тотъ же часъ указано самымъ очевиднымъ знакомъ: въ то время, какъ Бадебекъ рожала его, а повивальныя бабки готовились принять его, изъ утробы роженицы вышли предварительно шестьдесятъ восемь извозчиковъ и каждый велъ за узду мула, нагруженнаго солью, а послѣ нихъ появились девять дромадеровъ, нагруженныхъ окороками



Къ гл. II.

ветчины и копчеными языками, семь верблюдовъ, нагруженныхъ копчеными угрями, затѣмъ двадцать пять телѣгъ со свининой, чеснокомъ, лукомъ и шарлотками. Это испугало было вышеупомянутыхъ повивальныхъ бабокъ; но нѣкоторыя изъ нихъ сказали:

— Вотъ славная провизія, тѣмъ болѣе, что мы до сихъ поръ пили очень лѣниво, а вовсе не ретиво. Это добрый знакъ—это шпоры вина.



Къ гл. III.

И въ то время, какъ онѣ болтали между собой, появился на свѣтъ Божій Пантагрюэль, весь волосатый какъ медвѣдь, и одна изъ бабокъ, исполнившись пророческаго духа, сказала:

— Онъ родился покрытый шерстью, онъ натворитъ славныхъ дѣлъ. И если останется живъ, то проживетъ до старости.

III.

О томъ, какъ Гаргантюа оплакивалъ смерть жены своей Бадебекъ.

Но кто былъ особенно смущенъ и сбитъ съ толку, когда родился Пантагрюэль, такъ это его отецъ Гаргантюа: съ одной стороны, онъ видѣлъ, что жена его Бадебекъ умерла, съ другой стороны—что у него родился красивый и большой сынъ Пантагрюэль, и онъ не зналъ, что сказать и какъ быть. И главное сомнѣніе, смущавшее его умъ, это то, что онъ не зналъ, оплакивать ли ему смерть жены или смѣяться отъ радости, что у него родился сынъ. И съ той и другой стороны выдвигались философскіе аргументы, отъ которыхъ у него духъ захватывало: онъ отлично справлялся съ ними in modo et figura, но не могъ ихъ разрѣшить. И былъ ими опутанъ, какъ мышь, попавшая въ западню, или коршунъ, запутавшійся въ силкахъ.

— Плакать ли мнѣ?—говорилъ онъ. Да, но почему? Моя добрѣйшая жена умерла, она, которая болѣе, нежели чѣмъ кто на свѣтѣ, была достойна всяческихъ похвалъ. Никогда больше я ее не увижу; никогда не найду ей подобной; это для меня неоцѣнимая потеря! О, Боже, чѣмъ я прегрѣшилъ передъ Тобою, что Ты меня такъ караешь? Зачѣмъ Ты лучше не призвалъ меня къ Себѣ? Жить безъ нея значитъ только мучиться. Ахъ, Бадебекъ, душа моя, голубка, крошка моя (хотя въ ней и было три десятины и двѣ сажени), душка моя, милашка моя, туфелька моя, никогда я тебя больше не увижу! Ахъ, бѣдный Пантагрюэль, ты лишился своей доброй матери, своей кроткой кормилицы, своей возлюбленной дамы! Ахъ, ты лживая смерть, какая ты злобная, какая ты обидчица, что отняла у меня ту, которой по праву принадлежало безсмертіе!

И, говоря это, ревѣлъ какъ корова, но внезапно начиналъ смѣяться, какъ теленокъ, когда вспоминалъ про Пантагрюэля.

— Охъ, сынокъ мой, — говорилъ онъ,—мой птенчикъ, мой котеночекъ, какъ ты хорошъ, и какъ я благодаренъ Господу Богу за то, что Онъ даровалъ мнѣ такого красиваго, такого веселаго, такого милаго сына. Охъ, хо, хо, хо! какъ я радъ; будемъ пить, охъ! отбросимъ грусть! Принесите лучшаго вина, выполоскайте стаканы, накройте скатерть, прогоните собакъ, растопите каминъ, зажгите свѣчку, заприте дверь, разлейте похлебку, призовите бѣдныхъ, раздайте имъ то, чего они просятъ, долой съ меня тогу, я останусь въ одной курткѣ, чтобы удобнѣе пировать со своими кумушками!

Говоря это, онъ услышалъ похоронное пѣніе священниковъ, которые готовились предать землѣ тѣло его жены, и, оборвавъ веселыя рѣчи, настроился на иной ладъ, говоря:

— Господи, Боже мой, неужели мнѣ опять печаловаться? Это мнѣ непріятно, я уже не молодъ; я старѣюсь, погода нездоровая, я могу схватить лихорадку; и тогда мнѣ бѣда. Честью клянусь, мнѣ лучше поменьше плакать и побольше пить. Моя жена умерла, ну и что жъ, Богомъ клянусь (*da jurandi*), мнѣ ее не воскресить своими слезами; ей хорошо; она навѣрное въ раю, а не то гдѣ и получше; она молитъ Бога за насъ, она блаженная, она больше не причастна нашимъ бѣдствіямъ и несчастіямъ. Боже, спаси вдовца; мнѣ слѣдуетъ подумать о томъ, чтобы найти другую. Но вотъ, что вы сдѣлаете—сказалъ онъ повивальнымъ бабкамъ (гдѣ онѣ, добрые люди, я что-то васъ не вижу), ступайте на ея похороны, а я пока понянчусь здѣсь съ моимъ сыномъ; мнѣ очень пить хочется и я рискую захворать. Но сперва выпейте стаканчикъ вина; повѣрьте мнѣ, это будетъ вамъ полезно, говорю по чести.

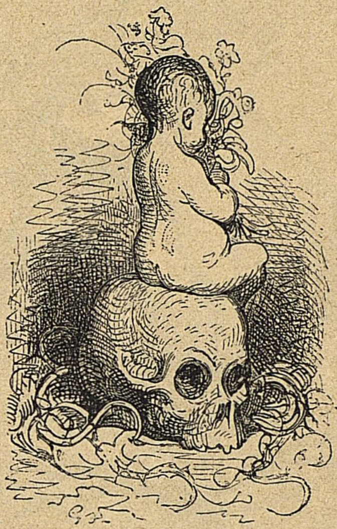
На что онѣ согласились и пошли на отпѣваніе и похороны, а бѣдный Гаргантюа остался дома. И тѣмъ временемъ сочинилъ эпитафію на могилу жены слѣдующаго содержанія:

Elle en mourut, la noble Badebec,
Du mal d'enfant, que tant me semblait nice:
Car elle avait visaige de rebec[1]),
Corps d'Espagnole, et ventre de Souisse.
Priez à Dieu qu'à elle soit propice,
Lui pardonnant, s'en riens oultrepassa.
Cy gist son corps, lequel vesquit sans vice,
Et mourut l'an et jour que trepassa[2]).

IV.

О дѣтствѣ Пантагрюэля.

Древніе исторіографы и поэты поучаютъ насъ, что многіе появились на свѣтъ Божій весьма страннымъ образомъ, хотя пересказывать это было бы слишкомъ долго: если у васъ есть досугъ, то прочитайте седьмую книгу Плинія. Но вамъ никогда не случалось слышать о такомъ чудесномъ рожденіи, какъ рожденіе Пантагрюэля: трудно повѣрить, въ какой короткій срокъ онъ выросъ тѣломъ и укрѣпился. Что такое Геркулесъ, убившій въ ко-



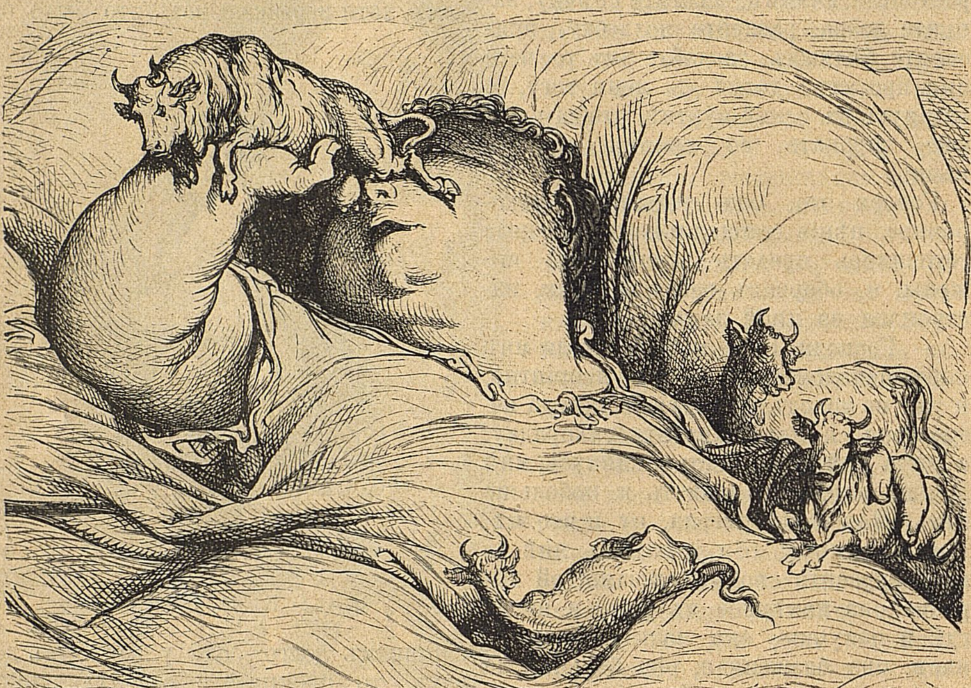
Къ гл. III.

---

[1]) *Rebec* — старинная скрипка трехструнная. *Visage de rebec* сказано потому, что на шейкѣ этого инструмента обыкновенно вырѣзывалась уродливая образина.

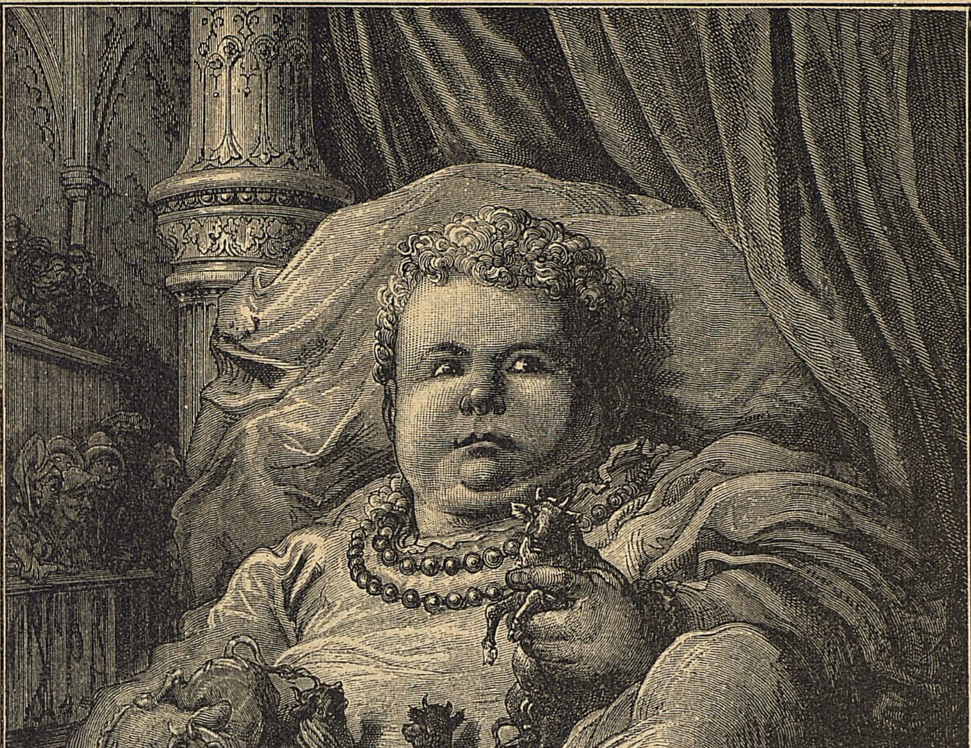
[2]) Отъ родовъ умерла она, благородная Бадебекъ,
Казавшаяся мнѣ такой нѣжной:
Лицо у нея похоже было на скрипку,
Тѣло было какъ у испанки, а чрево швейцарское.
Молите Бога, чтобы Онъ ее помиловалъ
И простилъ ей, въ чемъ она согрѣшила.
Здѣсь лежитъ ея безпорочное тѣло,
И она умерла въ тотъ годъ и часъ, какъ скончалась.

лыбели двухъ змѣй: эти змѣи были маленькія и безсильныя! Но Пантагрюэль, будучи въ колыбели, творилъ болѣе удивительныя вещи. Я уже не говорю про то, что за каждой своей трапезой онъ потреблялъ молоко четырехъ тысячъ шестисотъ коровъ. И про то, что изготовленіемъ котелка, въ которомъ нужно было варить для него кашицу, заняты были всѣ сковородные мастера въ Анжу, Вильдье въ Нормандіи, Брамонѣ въ Лотарингіи и что эту кашицу подавали ему въ большой чашѣ, которая и по сіе время находится въ Буржѣ около дворца; но зубы у него были уже такъ велики и крѣпки, что онъ выкусилъ большой кусокъ у вышеупомянутой чаши, какъ это легко видѣть.



Къ гл. IV.

Однажды поутру, когда ему дали сосать одну изъ опредѣленныхъ для этого коровъ,—такъ какъ другой кормилицы у него никогда не бывало, какъ говоритъ исторія—онъ высвободился изъ пеленокъ, сдерживавшихъ его руки, схватилъ корову за ногу и выѣлъ у нея вымя и полъ-живота съ печенкой и почками и всю бы сожралъ ее, да только она такъ страшно ревѣла, точно волки ее терзали; и на этотъ ревъ сбѣжались люди и отняли корову у Пантагрюэля. Но коровьей ноги имъ не удалось у него отнять и онъ ее съѣлъ, какъ вы бы съѣли сосиску, а когда захотѣли отнять кость, онъ ее проглотилъ, какъ бакланъ глотаетъ рыбку. И затѣмъ принялся вопить: «bon, bon, bon», потому что онъ еще не умѣлъ хорошо говорить и хотѣлъ дать понять, что нашелъ это вкуснымъ и готовъ и еще поѣсть. Видя это, люди, которые ходили за нимъ, связали его толстыми канатами, какъ тѣ, что изготовляются въ Тенѣ для перевозки соли въ Ліонъ, или какъ тѣ, что употребляются на большомъ французскомъ кораблѣ, который стоитъ въ портѣ Грасъ въ Нормандіи. Но однажды большой медвѣдь, котораго держалъ его отецъ, сорвался съ цѣпи, и,



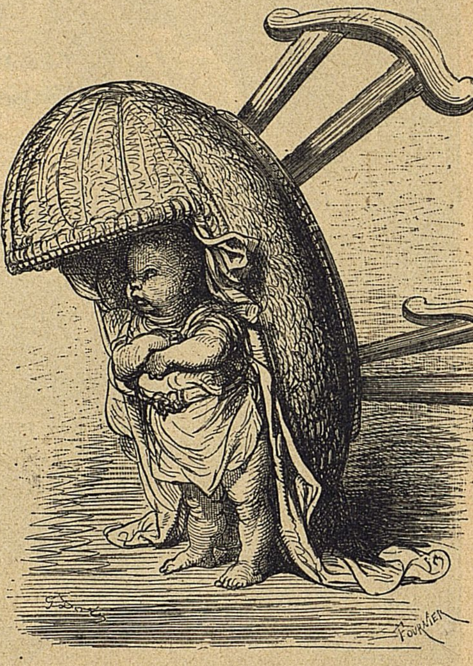
Къ гл. IV.

подбѣжавъ къ нему, сталъ лизать ему лицо, потому что мамки не вытерли ему какъ слѣдуетъ рта, и тогда онъ такъ же легко порвалъ эти канаты, какъ Сампсонъ—тѣ, которыми его связали филистимляне, и, схвативъ господина медвѣдя, разорвалъ его на клочки, какъ цыпленка, и со вкусомъ съѣлъ его мясо, пока оно еще не остыло.

Вслѣдствіе этого Гаргантюа, опасаясь, чтобы онъ не зашибъ какъ-нибудь самого себя, приказалъ сковать четыре толстыхъ желѣзныхъ цѣпи, чтобы его связывать ими, и велѣлъ придѣлать къ его колыбели крѣпкія подпорки. И одна изъ этихъ цѣпей находится въ Ларошели, гдѣ ее каждый вечеръ протягиваютъ между двумя гаваньскими башнями; другая въ Ліонѣ, третья въ Анжерѣ. А четвертая была унесена чертями, чтобы связать Люцифера, который въ тѣ поры взбѣсился отъ того, что у него поднялась страшная рѣзь въ животѣ, послѣ того, какъ онъ съѣлъ за завтракомъ душу одного сержанта. Слѣдовательно, вы можете повѣрить тому, что говоритъ Николай де-Лира о томъ мѣстѣ въ Псалтырѣ, гдѣ написано: Et Og regem Basan[1]), а именно, что вышеупомянутый Огъ, будучи еще малолѣтнимъ, былъ такъ силенъ и могучъ, что приходилось цѣпями опутывать его въ колыбели. И послѣ того онъ оставался смирнымъ и тихимъ, потому что не могъ такъ легко порвать цѣпи, тѣмъ болѣе, что въ колыбели не было ему простора расправить руки.

Но вотъ случилось однажды, что отецъ его во время большого праздника давалъ великолѣпный пиръ всѣмъ вельможамъ своего двора. Должно быть всѣ придворные слуги заняты были и прислуживали гостямъ, и никто не подумалъ о бѣдномъ Пантагрюэлѣ, и онъ оставался à recolorum. Что же онъ сдѣлалъ? Что сдѣлалъ? Вотъ послушайте, добрые люди: онъ попробовалъ порвать колыбельныя цѣпи руками, но не смогъ, потому что онѣ были слишкомъ крѣпки; тогда онъ такъ сильно принялся колотить ногами, что пробилъ дно колыбели, хоть оно состояло изъ балокъ въ семь пядей толщины; и такимъ образомъ, высунувъ ноги изъ колыбели, онъ ухитрился достать ими полъ. Тогда съ большими усиліями онъ приподнялся, унося свою колыбель на спинѣ точно черепаха, карабкающаяся по стѣнѣ; и, глядя на него, казалось, что большой корабль въ пятьсотъ тоннъ сталъ на носъ. Въ такомъ видѣ смѣло вошелъ онъ въ залу, гдѣ пировали, и напугалъ всѣхъ присутствующихъ, но такъ какъ руки у него были не свободны, онъ не могъ достать руками ничего съѣстного и только съ трудомъ нагибался, чтобы лизнуть языкомъ кушанья.

Увидѣвъ это, отецъ понялъ, что его забыли накормить и приказалъ освободить его отъ цѣпей, по совѣту присутствующихъ принцевъ и вельможъ; при этомъ врачи Гаргантюа объявили, что Пантагрюэль всю жизнь будетъ страдать отъ каменной болѣзни, если его долѣе продержатъ въ колыбели. Послѣ того съ него сняли цѣпи и посадили за столъ, и онъ плотно покушалъ, предварительно съ сердцемъ разломавъ кулакомъ свою колыбель на пятьсотъ тысячъ маленькихъ кусочковъ и объявивъ, что онъ больше ни за что въ нее не ляжетъ.



Къ гл. IV.

V.

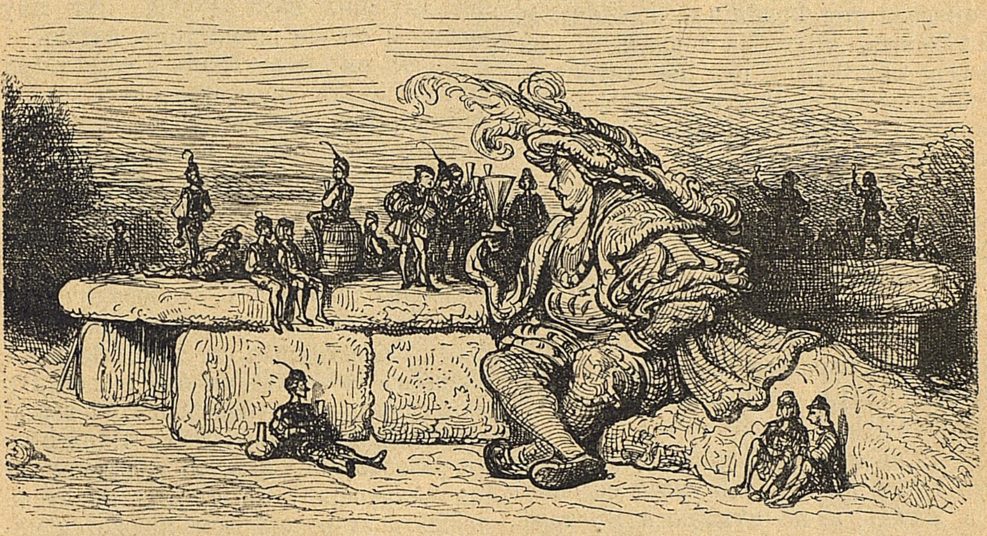
О дѣяніяхъ благороднаго Пантагрюэля въ дѣтскіе годы.

Такимъ образомъ Пантагрюэль росъ со дня на день и развивался не по днямъ, а по часамъ, чему его любящій отецъ естественно радовался. И пока онъ былъ еще малъ, заказалъ для него лукъ, чтобы стрѣлять птичекъ, который въ настоящее время называютъ большимъ шантельскимъ лукомъ. Затѣмъ послалъ его въ школу, гдѣ бы онъ могъ учиться и проводить свои дѣтскіе годы. И такимъ образомъ онъ прибылъ въ Пуатье, чтобы учиться, и тамъ преуспѣвалъ; но замѣтивъ, что школьники пользовались тамъ большимъ досугомъ и иной разъ не знали, какъ провести время, сжалился надъ ними.

---

[1]) Псаломъ CXXXIV, 11.

И вотъ однажды онъ отломилъ отъ громадной скалы, которую называли Паслурденъ, большой кусокъ величиной въ двѣнадцать саженъ въ квадратѣ и толщиной въ четырнадцать пядей и положилъ его на четырехъ столбахъ посреди просторнаго поля, дабы вышеупомянутые школьники, когда имъ нечего больше дѣлать, могли проводить время, забравшись на этотъ камень, и пировать на немъ, осушая бутылки и закусывая ветчиной и пирогами, а также выцарапывать ножомъ на камнѣ свои имена. И въ настоящее время этотъ камень зовется Приподнятый Камень. И въ память этого событія еще и по сіе время никто не получаетъ матрикулъ въ университетѣ Пуатье, предварительно не испивъ воды изъ конскаго фонтана въ Крустель, не посѣтивъ Паслурдена и не вскарабкавшись на Приподнятый Камень.



Къ гл. V.

Нѣсколько времени спустя, читая прекрасныя хроники о своихъ предкахъ, нашелъ, что Готфридъ-де-Люзиньянъ, прозванный Готфридомъ Зубастымъ, приходившійся дѣдушкой двоюродному брату старшей сестры тетушки зятя дядюшки снохи его тещи, былъ схороненъ въ Мальезэ, и отправился на кладбище, чтобы посѣтить его могилу, какъ подобаетъ доброму христіанину. И, выѣхавъ изъ Пуатье въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, проѣхалъ черезъ Легюжэ, навѣстилъ благороднаго аббата Ардильона, проѣхалъ черезъ Люзиньянъ, черезъ Сансэ, Селль, Колонжъ, Фонтенэ-ле-Контъ, привѣтствовалъ ученаго Тирако́ 1) и оттуда прибылъ въ Мальезэ, гдѣ посѣтилъ гробницу вышеупомянутаго Готфрида Зубастаго, котораго испугался, глядя на его портретъ, такъ какъ онъ былъ изображенъ человѣкомъ, пришедшимъ въ бѣшенство и вытаскивающимъ большой мечъ изъ ноженъ. Онъ спросилъ, почему его такъ изобразили. На это

---

1) Андрей Тирако, ученый законовѣдъ, современникъ и приверженецъ Раблэ.

мѣстные каноники отвѣчали ему, что не почему иному, какъ потому, что pictoribus atque poetis etc, то-есть, что живописцы и поэты вольны писать, какъ имъ нравится и что имъ вздумается. Но онъ не удовлетворился ихъ отвѣтомъ и сказалъ:

— Его не безъ причины изобразили такимъ, и я догадываюсь, что передъ смертью его чѣмъ-нибудь обидѣли и онъ требовалъ отмщенія у своихъ родственниковъ. Я подробнѣе разузнаю объ этомъ и поступлю, какъ окажется нужнымъ.

Послѣ того онъ не вернулся въ Пуатье, а пожелалъ посѣтить другіе университеты Франціи и, пріѣхавъ въ Ла-Рошель, сѣлъ на корабль и прибылъ въ Бордо, гдѣ не встрѣтилъ большого оживленія и увидѣлъ только, какъ на морскомъ берегу лодочники играли въ лунки.

Оттуда проѣхалъ въ Тулузу, гдѣ очень хорошо научился танцовать и фехтовать обѣими руками, какъ это въ обычаѣ у студентовъ того университета; но онъ недолго пробылъ въ Тулузѣ, когда увидѣлъ, что тамъ профессоровъ поджаривали живыми, какъ какихъ-нибудь копченыхъ сельдей, и сказалъ:

— Спаси меня Богъ отъ такой смерти; я уже по природѣ своей склоненъ къ жаждѣ и не нуждаюсь въ томъ, чтобы меня подогрѣвали.

Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Монпелье, гдѣ нашелъ прекрасныя вина и веселую компанію и задумалъ было заняться изученіемъ медицины; но пришелъ къ заключенію, что это слишкомъ тяжелая и грустная профессія и что отъ врачей пахнетъ клистиромъ, какъ отъ старыхъ чертей. Поэтому онъ рѣшилъ заняться лучше юриспруденціей, но, увидя, что тамъ всего-то было три вшивыхъ и одинъ плѣшивый юристъ, уѣхалъ оттуда.

И по дорогѣ объѣхалъ Гардскій мостъ и Нимскій амфитеатръ менѣе, чѣмъ въ три часа, что представляется скорѣе божескимъ, нежели человѣческимъ, дѣломъ, и прибылъ въ Авиньонъ, гдѣ не прожилъ и трехъ дней, какъ влюбился, потому что женщины тамъ охотно гуляютъ, такъ какъ это папскія владѣнія.

Видя это, гувернеръ его, котораго звали Эпистемонъ, увезъ его оттуда и привезъ въ Валенсію въ Дофинэ; но онъ вскорѣ увидѣлъ, что здѣсь удовольствія будетъ мало: городскіе буяны колотили студентовъ, и это его сердило. Въ одинъ прекрасный день, воскресный, когда всѣ танцовали публично, одинъ студентъ тоже захотѣлъ присоединиться къ танцамъ, но буяны этого не позволили. Увидя это, Пантагрюэль загналъ ихъ на самый берегъ Роны и собирался всѣхъ ихъ утопить. Но они зарылись въ землѣ, какъ кроты, на полъ-лье глубины подъ Роной. Эту яму можно и по сіе время тамъ видѣть.

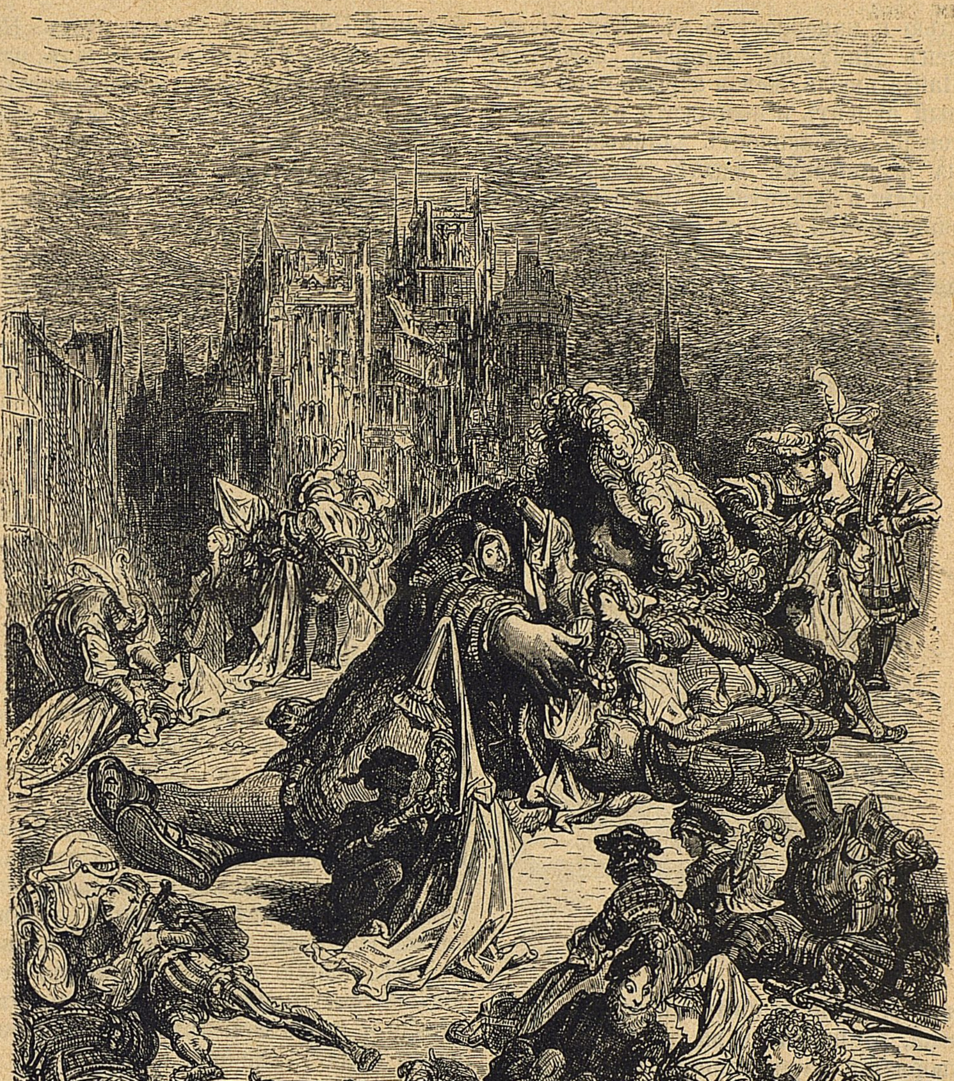
Послѣ того онъ уѣхалъ и черезъ три шага и одинъ прыжокъ очутился въ Анжерѣ, гдѣ ему понравилось и гдѣ бы онъ охотно пробылъ нѣкоторое время, если бы чума не выгнала ихъ оттуда.

И вотъ онъ пріѣхалъ въ Буржъ, гдѣ очень долго учился — и съ большимъ успѣхомъ — на юридическомъ факультетѣ. Онъ говаривалъ, что юридическія книги представляются ему великолѣпнымъ, блестящимъ и драгоцѣннымъ платьемъ съ разводами изъ грязи. Въ мірѣ нѣтъ болѣе прекрасныхъ, ученыхъ, талантливыхъ книгъ, какъ Пандекты; но разводы на нихъ, то-есть толкованія Аккурсія[1]) до того неопрятны, подлы и зловонны, что являются чистѣйшей грязью и дрянью.

Выѣхавъ изъ Буржа, прибылъ въ Орлеанъ и тамъ нашелъ толпу довольно грубыхъ студентовъ, которые встрѣтили его большимъ пированіемъ, и онъ въ короткое время научился играть въ мячъ и вполнѣ овладѣлъ этимъ искусствомъ. Студенты того города усердно занимаются этой игрой и возили его порою на острова, чтобы тамъ играть въ мячъ. А что касается того, чтобы ломать голову надъ книгами, то онъ избѣгалъ этого изъ боязни испортить себѣ зрѣніе. Тѣмъ болѣе, что одинъ изъ профессоровъ часто говорилъ на лекціяхъ, что нѣтъ вреднѣе вещи для зрѣнія, какъ болѣзнь глазъ. И когда

---

[1]) Флорентинецъ, ум. 1260.



Къ гл. V.

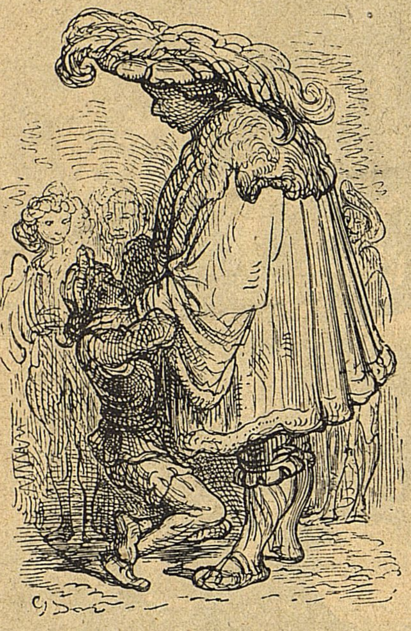
въ одинъ прекрасный день знакомый ему студентъ, не особенно успѣвавшій въ наукахъ, но прекрасный танцоръ и искусный игрокъ въ мячъ, получилъ степень лиценціата, онъ сочинилъ гербъ съ девизомъ для лиценціатовъ вышеназваннаго университета, такого содержанія:

Съ мячомъ за поясомъ,
Съ отбойникомъ въ рукахъ,
Съ обрывками законовъ въ головѣ,
Но съ ногами неутомимыми въ пляскѣ
Васъ живо произведутъ въ доктора.

VI.

О томъ какъ Пантагрюэль встрѣтилъ уроженца Лимузена, который коверкалъ французскій языкъ.

Эта глава не поддается переводу. Въ ней Раблэ смѣется надъ вычурностью и манерностью въ рѣчи. Уроженецъ Лимузена, котораго встрѣтилъ Пантагрюэль, желая скрыть свой мѣстный акцентъ и подражать парижскому говору, произноситъ длинныя тирады на шутовскомъ языкѣ, коверкая латинскія и французскія слова. Вся соль заключается именно въ исковерканности этой рѣчи, которую переводъ не можетъ передать. Пантагрюэль принимается было душить уроженца Лимузена, въ наказаніе за то, что онъ притворяется парижаниномъ и коверкаетъ латынь, но въ концѣ концовъ отпускаетъ его живымъ, а Раблэ замѣчаетъ, что Авлій Геллій былъ правъ, утверждая, что слѣдуетъ говорить такъ, какъ это всѣми принято; и правъ также Октавій Августъ, говорившій, что слѣдуетъ избѣгать всѣхъ малоупотребительныхъ словъ, какъ корабельные кормчіе избѣгаютъ подводныхъ камней.



Къ гл. VI.

VII.

О томъ, какъ Пантагрюэль пріѣхалъ въ Парижъ, и о прекрасныхъ книгахъ библіотеки Сенъ-Викторъ.

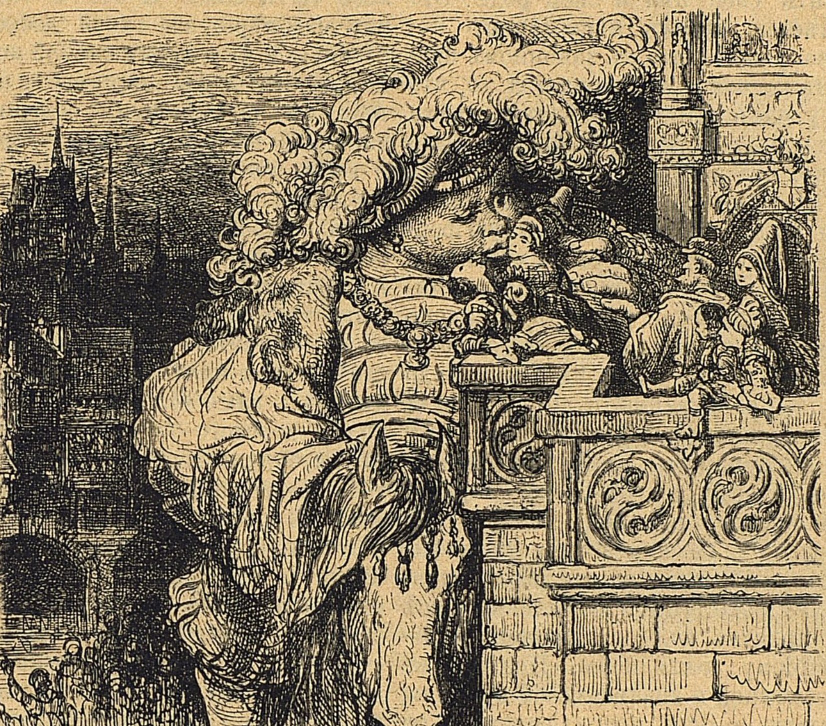
Послѣ успѣшныхъ занятій въ Орлеанѣ, Пантагрюэль рѣшилъ посѣтить большой Парижскій университетъ. Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ узналъ, что въ Сентъ-Эньянѣ, одномъ изъ монастырей Орлеана, лежитъ въ землѣ уже двѣсти четырнадцать лѣтъ колоссальный колоколъ. Онъ былъ такъ великъ что никакими машинами нельзя было вытащить его изъ земли, сколько ни старались, пуская въ ходъ всѣ средства, какія рекомендуетъ Витрувій: De architectura; Альбертъ: De re dedificatoria; Евклидъ, Ѳеонъ, Архимедъ и Геронъ: De ingeniis. Но все было тщетно. Тогда, склонясь къ смиренной просьбѣ гражданъ и жителей вышеупомянутаго города, Пантагрюэль рѣшилъ перенести колоколъ на колокольню, для которой онъ былъ предназначенъ. И вотъ онъ отправился въ то мѣсто, гдѣ находился колоколъ, и поднялъ его мизинцемъ такъ легко, какъ вы подняли бы колокольчикъ, привѣшиваемый къ ястребамъ. Но прежде чѣмъ снести его на колокольню, Пантагрюэль пожелалъ задать городу въ нѣкоторомъ родѣ серенаду и носилъ колоколъ по всѣмъ улицамъ въ рукѣ и звонилъ, къ вящшему удовольствію жителей. Но отъ этого произошло большое неудобство, а именно: отъ ношенія колокола и его звона все вино въ Орлеанѣ забродило и скислось. Но люди замѣтили это только въ слѣдующую ночь: всѣ пившіе это кислое вино почувствовали большую жажду и плевались бѣлой, какъ хлопчатая бумага, слюной, говоря:

— Мы вобрали въ себя Пантагрюэля, у насъ во рту стало совсѣмъ солоно.

Послѣ этого Пантагрюэль прибылъ въ Парижъ со своими людьми. При его вступленіи въ городъ, всѣ жители вышли изъ домовъ, чтобы поглядѣть на него, потому что, какъ вамъ извѣстно, парижане глупы по природѣ, пѣтые дураки, а потому глазѣли на Пантагрюэля, разиня ротъ и при этомъ побаиваясь, какъ бы онъ не унесъ Парламента куда-нибудь въ другое мѣсто à remotis, какъ отецъ его унесъ колокола Нотръ-Дамъ, чтобы привѣсить ихъ къ шеѣ своей кобылы.

Пробывъ въ Парижѣ нѣкоторое время, изучая всѣ семь свободныхъ художествъ, онъ объявилъ, что этотъ городъ хорошъ, чтобы въ немъ жить, но не умереть, такъ какъ нищіе Св. Иннокентія грѣются костями мертвыхъ. Онъ нашелъ, что библіотека Сенъ-Викторъ великолѣпна, благодаря нѣкоторымъ книгамъ, которыя въ ней находились и каталогъ которыхъ прилагается. Во-первыхъ:

Bigua salutis.
Bragueta juris.
Pantofla decretorum.
Malogranatum vitiorum.
Богословскій клубокъ.
Корзинка нотаріусовъ.
Узелъ брака.
Горнило созерцанія.
Игрушки юриспруденціи.
Decrotatorium scholarium.
Tartaretus, De modo cacandi и проч. [1]



Къ гл. VII.

Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій уже напечатаны; другія же печатаются въ благородномъ городѣ Тюбингенѣ [2].

VIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль въ бытность свою въ Парижѣ получалъ письма отъ своего отца Гаргантюа, и копія съ нихъ.

Само собой разумѣется, что Пантагрюэль очень хорошо учился и съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ разумъ у него былъ недюжинный, а память такихъ размѣровъ, какъ дюжина винныхъ бочекъ и столько же бурдюковъ съ масломъ.

---

[1] Въ длиннѣйшемъ спискѣ названій большею частью вымышленныхъ книгъ фигурируютъ нѣкоторыя дѣйствительно существовавшія въ то время сочиненія. Приведя для примѣра вышеупомянутыя названія, мы сочли излишнимъ переписывать ихъ всѣ, такъ какъ врядъ ли это интересно для современныхъ читателей. Тѣхъ же, кто заинтересуется этимъ, отсылаемъ къ подлиннику.

[2] Въ тѣ времена книги, которыхъ не смѣли печатать во Франціи, печатались за границею

И вотъ однажды, находясь въ Парижѣ, онъ получилъ нижеслѣдующее письмо отъ своего отца:

«Любезнѣйшій сынъ! Изъ всѣхъ даровъ, милостей и привилегій, какими Создатель, Всемогущій Богъ надѣлилъ и осчастливилъ человѣческую природу искони, самою удивительною и превосходною представляется мнѣ та, благодаря которой смертные люди могутъ пріобрѣтать въ нѣкоторомъ родѣ безсмертіе и въ теченіе преходящей жизни увѣковѣчить свое имя и свой родъ. Это достигается путемъ нисходящаго потомства, рожденнаго въ законномъ бракѣ. Этимъ намъ возвращается то, что было у насъ отнято вслѣдствіе грѣха нашихъ прародителей, которымъ было сказано, что за то, что они нарушали заповѣдь Господа Бога, они умрутъ и смерть уничтожитъ великолѣпную форму, которою надѣленъ былъ человѣкъ. Но, путемъ такого размноженія, въ дѣтяхъ переживаетъ то, что утрачено родителями, а внуками то, что погибло въ дѣтяхъ; и такъ послѣдовательно до наступленія Страшнаго Суда, когда Іисусъ Христосъ возвратитъ Богу Отцу Его мирное царство, свободное отъ всякой опасности и грѣховной заразы. Тогда прекратятся всѣ роды и всѣ злыя дѣла и безпорядочное круговращеніе стихій, потому что давножеланный миръ наступитъ безусловно и всѣ вещи придутъ къ совершенному и непремѣнному заключенію. Поэтому не безъ законной и справедливой причины благодарю я Бога, моего Создателя, за то, что онъ далъ мнѣ лицезрѣть, какъ моя старость расцвѣтаетъ твоей молодостью: когда по волѣ Того, Кто всѣмъ правитъ и руководитъ, душа моя разстанется со своимъ земнымъ жилищемъ, я буду сознавать, что не вполнѣ умираю, а, такъ сказать, перехожу изъ одного мѣста въ другое, потому что въ тебѣ и черезъ тебя я останусь въ своей видимой оболочкѣ въ мірѣ живыхъ, въ общеніи съ честными людьми и моими друзьями. Общеніе мое съ ними было, благодареніе милости Божіей, не безъ грѣха, каюсь, — потому что всѣ мы и непрерывно молимъ Бога отпустить намъ наши прегрѣшенія,— но безъ упрека. Но хотя въ тебѣ и удерживается мой тѣлесный образъ, однако, если бы при этомъ отсутствовали сокровища души, тебя бы не считали хранителемъ и кладомъ безсмертія нашего имени и удовольствіе мое при видѣ тебя было бы не велико, принимая во вниманіе, что ничтожнѣйшая часть меня самого, а именно тѣло сохранилось бы, а лучшая,—т. е. душа, черезъ которую имя наше пребываетъ благословенно среди людей, развратилась бы и пала. И это я говорю не изъ недовѣрія къ твоей добродѣтели, которую я уже имѣлъ случай испытать, но для того, чтобы еще сильнѣе побудить тебя къ дальнѣйшему совершенствованію. И въ томъ, что я теперь ношу, я имѣю въ виду не столько твой добродѣтельный образъ жизни въ настоящемъ, сколько желаніе, чтобы ты радовался тому, какъ ты живешь и жилъ, и вдохнуть въ тебя мужество продолжать такъ и на будущее время. При этомъ я считаю полезнымъ напомнить тебѣ, что я ничего не щадилъ, но все дѣлалъ,—какъ если бы у меня ничего болѣе дорогого не было въ жизни,— чтобы, будучи еще въ живыхъ, увидѣть тебя безупречнымъ и совершеннымъ какъ въ добродѣтели, честности и благородствѣ, такъ и въ свободныхъ познаніяхъ и вѣжливости. И послѣ своей смерти оставить въ тебѣ родъ какъ бы зеркала, отражающаго особу твоего отца, если и не такого превосходнаго на дѣлѣ, какимъ я хочу, чтобы ты былъ, то, по крайней мѣрѣ, такого въ желаніи.

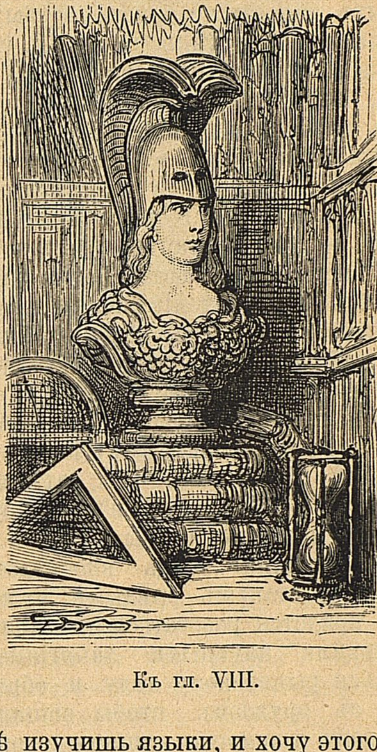
Но хотя, блаженной памяти, отецъ мой Грангузье, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы я какъ можно лучше усвоилъ себѣ политическую мудрость и знанія, и хотя труды мои и занятія не только шли въ уровень съ его желаніемъ, но даже превосходили его, однако, какъ ты легко поймешь, времена были не столь благопріятныя, какъ настоящія, и у меня не было такого большого выбора хорошихъ преподавателей, какъ у тебя. Времена были еще темныя и отзывались бѣдственной и злосчастной эпохой Готовъ, которые истребили всю хорошую литературу. Однако, Божіею милостью уже и въ мое время свѣтъ и достоинство стали возвращаться наукѣ, и съ тѣхъ поръ она такъ усовершенствовалась, что въ настоящее время меня съ трудомъ допустили бы въ приготовительный классъ, тогда какъ въ эпоху моей зрѣлости я не безъ основанія считался ученѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка.

Все это я говорю не изъ пустого хвастовства, хотя я и могъ бы въ письмѣ къ тебѣ даже и похвалить себя, ссылаясь на авторитетъ Марка Туллія и его книгу «О Старости», а также на изреченія Плутарха въ книгѣ, озаглавленной: «О томъ, какъ можно хвалить себя, не возбуждая зависти»,—но для того, чтобы возбудить въ тебѣ охоту къ дальнѣйшему преуспѣянію.

Въ настоящее время дисциплина возстановлена, языки вновь ожили: греческій, безъ котораго стыдно человѣку называться ученымъ; еврейскій, халдейскій, латинскій. Прекрасное и правильное тисненіе книгъ повсемѣстно въ употребленіи. Въ мое время это искусство только-что было изобрѣтено по Божьему вдохновенію, подобно тому, какъ, наоборотъ, огнестрѣльное оружіе измышлено по діавольскому наущенію.

Весь міръ полонъ учеными людьми, весьма свѣдущими преподавателями, богато снабженными библіотеками и, по моему мнѣнію, ни во времена Платона, ни во времена Цицерона и Папиньяна не было такъ удобно учиться, какъ въ настоящее время. Скоро никому не будетъ мѣста въ обществѣ, если онъ не былъ образованъ въ мастерской Минервы. Я нахожу, что теперешніе разбойники, палачи, авантюристы и конюхи ученѣе докторовъ и проповѣдниковъ моего времени.

Что сказать? Женщины и дѣвушки стремятся къ славѣ и той маннѣ небесной, что зовутъ ученостью. До того дошло, что я, въ мои годы, вынужденъ былъ заняться греческимъ языкомъ, который я до сихъ поръ не то, чтобы презиралъ, какъ Катонъ, но смолоду не успѣлъ изучить. И отъ души наслаждаюсь чтеніемъ «Морали» Плутарха, прекрасныхъ «Бесѣдъ» Платона, «Памятниковъ» Павзанія и «Древностей» Атенея въ ожиданіи того часа, когда Господу моему Создателю угодно будетъ отозвать меня изъ здѣшняго міра и призвать къ Себѣ.



Къ гл. VIII.

Поэтому, сынъ мой, заклинаю тебя, какъ слѣдуетъ воспользоваться твоей молодостью для преуспѣянія въ наукахъ и добродѣтели. Ты находишься въ Парижѣ, съ тобою твой преподаватель Эпистемонъ: въ Парижѣ ты найдешь живыя лекціи; Эпистемонъ будетъ служить тебѣ похвальнымъ примѣромъ. Я разсчитываю, что ты въ совершенствѣ изучишь языки, и хочу этого. Во-первыхъ, греческій, какъ того требуетъ Квинтиліанъ; во-вторыхъ, латинскій; а затѣмъ и еврейскій, ради Священнаго Писанія, а также халдейскій и арабскій; и чтобы ты выработалъ себѣ слогъ въ томъ, что касается греческаго языка по образцу Платона, — что касается латинскаго—Цицерона. И чтобы ты твердо выучилъ исторію и постоянно помнилъ всѣ ея эпизоды, въ чемъ пособіемъ тебѣ будетъ служить космографія тѣхъ, кто ее писалъ. Изъ свободныхъ художествъ я развилъ въ тебѣ вкусъ къ геометріи, ариѳметикѣ и музыкѣ, когда еще ты былъ ребенкомъ пяти или шести лѣтъ; продолжай ими заниматься, а что касается астрономіи—узнай всѣ ея каноны. Астрологію, занимающуюся гаданіемъ, и искусство Луллія брось какъ вздоръ и пустяки. По части гражданскаго права я хочу, чтобы ты зналъ наизусть превосходные тексты и могъ ихъ анализировать съ философской точки зрѣнія.

Что касается познанія естественныхъ явленій, то я хочу, чтобы ты любознательно проникъ въ нихъ; чтобы не было моря, рѣки, источника, рыбы, которыхъ бы ты не зналъ; чтобы всѣ птицы въ воздухѣ, всѣ деревья, растенія и плоды лѣсные, всѣ травы земныя, всѣ металлы, скрытые въ нѣдрахъ преисподней, всѣ камни Востока и Юга были тебѣ извѣстны.

Внимательно изучи всѣ книги греческихъ, арабскихъ и латинскихъ медиковъ, не пренебрегая и талмудистами и кабалистами, и постояннымъ упражненіемъ въ анатоміи познай въ совершенствѣ тотъ обособленный міръ, который есть человѣкъ. Ежедневно употребляй нѣсколько часовъ на чтеніе Священнаго Писанія. Во-первыхъ читай по-гречески Новый Завѣтъ и Посланія апостоловъ; затѣмъ по-еврейски:—Старый Завѣтъ. Короче сказать, я желаю, чтобы ты былъ кладеземъ знанія: вѣдь впослѣдствіи, когда ты станешь зрѣлымъ мужемъ, тебѣ придется разстаться съ мирными и тихими научными занятіями и учиться рыцарскому дѣлу и обращенію съ оружіемъ, чтобы защищать мой домъ и помогать нашимъ друзьямъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ противъ нападеній злоумышленниковъ. И—короче сказать—я хочу, чтобы ты испыталъ свои познанія, а этого ты всего лучше достигнешь публичными диспутами со всѣми и противъ всѣхъ, и посѣщеніями ученыхъ людей, проживающихъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Но такъ какъ, по словамъ премудраго Соломона, ученость не входитъ въ злую душу, а наука безъ совѣсти одна только погибель для души, то тебѣ подобаетъ служить Богу, любить и бояться Его и на Него возлагать всѣ свои помышленія и упованія и соединяться съ Нимъ вѣрою и милосердіемъ, такъ чтобы грѣхъ не могъ разъединить тебя съ Нимъ.

Сторонись отъ мірскихъ пороковъ; не поддавайся тщеславію, потому что наша жизнь преходящая, а слово Божіе живетъ вѣчно. Помогай всѣмъ своимъ ближнимъ и люби ихъ какъ самого себя. Почитай своихъ наставниковъ, бѣгай общества людей, на которыхъ не хочешь походить и не расточай даромъ способностей, которыми тебя надѣлилъ Господь. И когда ты убѣдишься въ томъ, что пріобрѣлъ всѣ необходимыя познанія, вернись ко мнѣ, дабы я могъ тебя увидѣть и благословить, прежде нежели умру.

Сынъ мой, да будетъ съ тобою миръ и благодать Господа нашего. Amen.

Утопія, сего семнадцатаго дня мѣсяца марта.

Твой отецъ
Гаргантюа.»

Получивъ и прочитавъ это письмо, Пантагрюэль ободрился и воспламенился желаніемъ учиться какъ можно лучше; и кто видѣлъ, какъ онъ учился и преуспѣвалъ, тотъ сказалъ бы, что умъ его пожираетъ книги, какъ огонь сухую траву,—до такой степени онъ былъ неутомимъ и усерденъ въ занятіяхъ.

IX.

О томъ какъ Пантагрюэль встрѣтилъ Панурга[1]), котораго всю жизнь любилъ.

Однажды Пантагрюэль, гуляя за городомъ, по дорогѣ въ аббатство св. Антонія, въ сопровожденіи своихъ людей и нѣсколькихъ студентовъ, съ которыми велъ философскую бесѣду, встрѣтилъ человѣка высокаго роста и хорошаго сложенія, но всего израненнаго и въ такой оборванной одеждѣ, что можно было подумать, что его трепали собаки, или, лучше сказать, его можно было принять за сборщика яблокъ изъ провинціи Першъ. Завидѣвъ его издали, Пантагрюэль сказалъ присутствующимъ:

---

[1]) Фактотумъ, хитрецъ, находчивый, ловкій человѣкъ.

— Видите ли вы человѣка, который идетъ по Шарантонскому мосту, намъ навстрѣчу? Честное слово, онъ бѣденъ лишь случайно: увѣряю васъ, что, судя по его наружности, природа произвела его изъ богатаго и благороднаго рода, но приключенія, которымъ подвергаются любознательные люди, довели его до такого нищенскаго и бѣдственнаго состоянія.

И какъ только-что прохожій поравнялся съ ними, онъ его спросилъ:

— Другъ мой, прошу васъ, соблаговолите остановиться и отвѣтить мнѣ на то, о чемъ васъ спрошу; вы въ этомъ не раскаетесь, потому что мнѣ очень хочется помочь вамъ въ вашей бѣдѣ, насколько это въ моей власти, такъ какъ мнѣ васъ очень жаль. Прежде всего, скажите мнѣ, другъ мой, кто вы? откуда вы? куда идете? чего ищете? и какъ васъ зовутъ?

Прохожій отвѣчалъ ему по-нѣмецки[1]):

— Junker, Gott geb' euch Glück und Heil zuvor.... Молодой дворянинъ, Господь пошли вамъ радость и благоденствіе, это прежде всего. Любезный дворянинъ, я долженъ вамъ сказать, что то, что вы желаете узнать, очень печально и достойно сожалѣнія. Мнѣ бы пришлось долго вамъ разсказывать и вамъ было бы такъ же скучно слушать меня, какъ мнѣ говорить, хотя поэты и ораторы былыхъ временъ и утверждали въ своихъ поговоркахъ и сентенціяхъ, что воспоминаніе о претерпѣнныхъ страданіяхъ и бѣдности доставляетъ истинное удовольствіе.

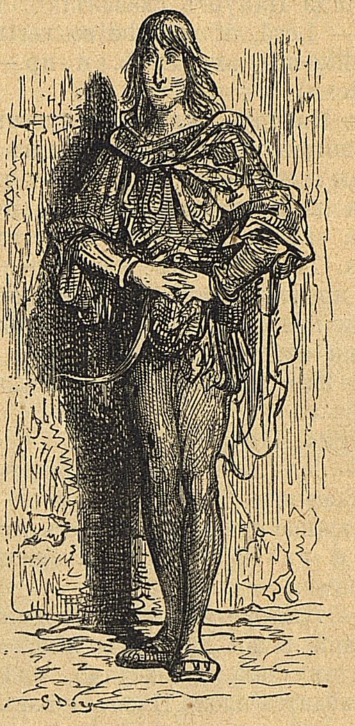
На это Пантагрюэль отвѣчалъ:

— Другъ мой, я не понимаю этого тарабарскаго нарѣчія; если вы хотите, чтобы васъ поняли, говорите на другомъ языкѣ.

На что прохожій возразилъ ему:

— Al barildim gotfano и пр.

(Мѣсто это совсѣмъ непонятно. Но одинъ изъ комментаторовъ Раблэ, Бюрго де-Марэ замѣчаетъ, что можно разложить на отдѣльныя англійскія слова весь этотъ отрывокъ: All, bar, ill, dim, god, fan и проч.)



Къ гл. IX.

— Поняли вы что-нибудь? — спросилъ Пантагрюэль присутствующихъ.

На что Эпистемонъ отвѣчалъ:

— Я думаю, что это языкъ Антиподовъ; самъ чортъ ничего не разберетъ!

Послѣ этого Пантагрюэль замѣтилъ:

— Кумъ, не знаю, можетъ, стѣны васъ поймутъ, но изъ насъ никто ровно ничего не понимаетъ.

Тогда прохожій сказалъ:

(— Signor mio, voi videte per exemplo...... и пр.—по-итальянски)

— Господинъ, вы видите, напримѣръ, что волынка только тогда издаетъ звукъ, когда у нея брюхо полно. Такъ точно и я не могу пересказать вамъ свои приключенія, пока голодное брюхо мое не получитъ привычную пищу; ему кажется, что руки и зубы утратили свои естественныя функціи и совершенно уничтожены.

---

[1]) Панургъ все время говоритъ съ Пантагрюэлемъ на различныхъ языкахъ, включая и тарабарское нарѣчіе. Мы приводимъ только начальныя фразы различныхъ отрывковъ и затѣмъ ихъ переводъ, когда это дѣйствительно существующій языкъ, а не вымышленная тарабарщина.

На это Эпистемонъ отвѣчалъ:

— Такъ же непонятно, какъ и предыдущее.

Тогда Панургъ сказалъ:

(— Lord, if you be so vertuous of intelligence, as you...... и пр.—по-англійски)

— Милордъ, если ваши чувства такъ же возвышенны, какъ и вашъ ростъ, то вы пожалѣете меня, потому что природа насъ создала равными, но фортуна иныхъ возвысила, а другихъ унизила. Тѣмъ не менѣе добродѣтель часто въ пренебреженіи, и добродѣтельные люди презираются: до послѣдняго же конца никто не хорошъ.

— Еще непонятнѣе,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

Тутъ Панургъ сказалъ:

(— Jona andie, guaussa goussy etan.... Искаженное баскское нарѣчіе, возстановленное однимъ знатокомъ этого языка и въ переводѣ означающее слѣдующее:)

— Благороднѣйшій господинъ, для всякой вещи требуется лѣкарство; и каждому оно необходимо, иначе ему приходится плохо. Итакъ, я васъ прошу дать мнѣ знать какимъ-нибудь способомъ, что мое предложеніе въ порядкѣ вещей, и если оно не кажется вамъ неподходящимъ, то накормите меня. Послѣ того спрашивайте меня о чемъ угодно; я ничего не утаю; съ помощью Божіей разскажу вамъ отъ полноты сердца, всю правду.

— Тутъ ли ты, Genicoa? — спросилъ Евдемонъ[1]).

На это Карпалимъ отвѣчалъ:

— Св. Триньянъ насоли вамъ, я чуть было не понялъ.

Тогда Панургъ отвѣчалъ:

— Prug frest frinst sorgdmand.... (Это—безсмысленныя слова, ровно ничего не значащія).

На это Эпистемонъ сказалъ:

— Говорите ли вы, другъ мой, по-христіански или по-дурацки?

Тогда Панургъ отвѣчалъ:

(— Heere, ik en spreeke anders......— по-голландски)

— Господинъ, я не говорю на языкѣ, который бы былъ нехристіанскій: мнѣ кажется, однако, что хотя бы я вамъ ни слова не сказалъ, мои лохмотья достаточно поясняютъ вамъ то, что мнѣ нужно. Будьте настолько милосердны и накормите меня.

На это Пантагрюэль замѣтилъ:

— Все то же самое.

Тогда Панургъ сказалъ:

(— Senor, de tanto hablar yo soy cansado.....—по-испански)

— Господинъ, я усталъ отъ разговоровъ; поэтому умоляю васъ припомнить евангельскіе завѣты, чтобы они пробудили вашу совѣсть: если же ихъ недостаточно, чтобы возбудить ваше состраданіе, то я обращаюсь къ естественной жалости, и вы не останетесь къ ней нечувствительны. А затѣмъ умолкаю.

На это Пантагрюэль отвѣчалъ:

— Другъ мой, я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что вы умѣете хорошо говорить на нѣсколькихъ языкахъ, но скажите намъ, чего вы хотите, на такомъ языкѣ, который былъ бы намъ понятенъ.

Тогда прохожій сказалъ:

(— Mine herre, endog ieg med ingen..,. и пр. — на старо-датскомъ языкѣ)

— Господинъ, даже въ томъ случаѣ, если бы я, какъ дѣти и дикіе звѣри, не говорилъ ни на какомъ языкѣ, моя одежда и худоба моего тѣла ясно показывали бы, въ какихъ вещахъ я нуждаюсь; а именно: въ пищѣ и питьѣ. Поэтому сжальтесь надо мною и прикажите, чтобы мнѣ дали возможность успокоить вой въ желудкѣ, подобно тому, какъ ставятъ похлебку передъ Церберомъ. Вы за это проживете долго и счастливо.

— Я думаю,—сказалъ Эпистемонъ, что такъ говорили Готы. И если бы угодно было Богу, то такъ говорили бы и мы задомъ.

На это прохожій отвѣчалъ:

---

[1]) Для уразумѣнія этого вопроса слѣдуетъ замѣтить, что вышеприведенный отрывокъ оканчивается словами: Genicoa plasar vadu.

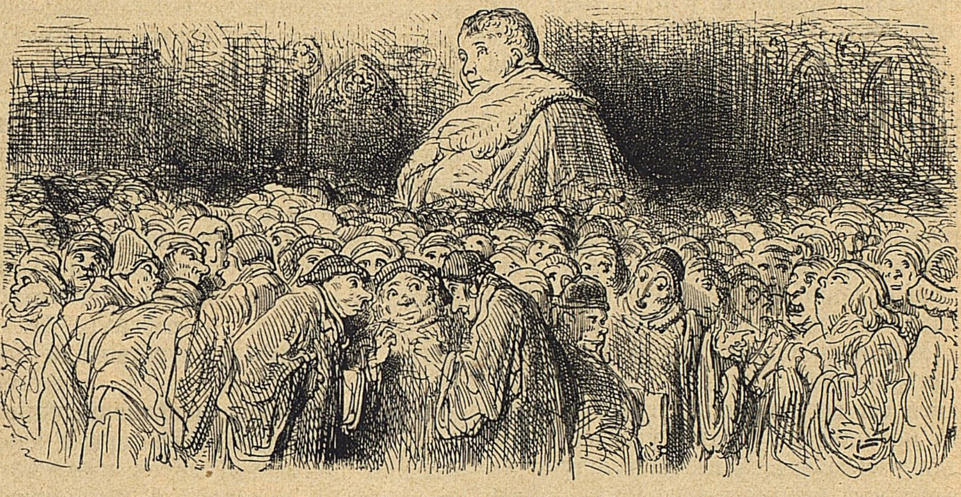
(— Adon, scalom lecha.... и пр. Искаженный еврейскій языкъ. Одинъ изъ комментаторовъ Кармоли возстановляетъ его такъ: Adonai, schalôm lachêm.... и пр.)

— Господинъ, миръ да будетъ съ вами. Если вы хотите помочь вашему слугѣ, то дайте мнѣ сейчасъ ковригу хлѣба, потому что въ Писаніи сказано: «Кто подаетъ бѣдному, подаетъ самому Богу».

На это Эпистемонъ замѣтилъ:

— Вотъ теперь я хорошо понялъ, потому что это еврейскій языкъ и съ правильнымъ произношеніемъ.

На это прохожій сказалъ:



Къ гл. X.

(—Despota tynim panagathe[1])... и пр. по-гречески)

— Почему же, достойнѣйшій учитель, вы не дадите мнѣ хлѣба? Вы видите, что я, несчастный, умираю съ голода; и вы безжалостны ко мнѣ и задаете мнѣ безполезные вопросы. Между тѣмъ развѣ не сознаются всѣ тѣ, кто любятъ и изучаютъ науки, что вовсе не нужно прибѣгать къ словамъ и рѣчамъ, когда сама вещь ясна для всѣхъ? Рѣчи нужны только тогда, когда вещи, о которыхъ мы разсуждаемъ, сами не обнаруживаются.

— Какъ?—сказалъ Карпалимъ, лакей Пантагрюэля. Да вѣдь это по-гречески; я понялъ. Ты, значитъ, жилъ въ Греціи?

Но прохожій отвѣчалъ:

— Agonou dont oussys vou denaguez... и пр. (Необъяснимыя слова. Иные полагаютъ, что это какой-то утраченный французскій діалектъ).

— Я понимаю, мнѣ кажется, сказалъ Пантагрюэль,—потому что или это языкъ моей родины Утопіи, или же очень съ нимъ сходенъ по звуку.

И собирался продолжать разговоръ, но прохожій перебилъ его, говоря:

(— Jam toties vos, per sacra... и пр. по-латыни»)

— Я уже неоднократно заклиналъ васъ всѣмъ, что есть самаго священнаго, всѣми богами и всѣми богинями, если вы доступны жалости, помочь мнѣ въ моей нищетѣ; но мои вопли и жалобы ни къ чему не служатъ. Позвольте мнѣ, прошу васъ, позвольте мнѣ, безжалостные люди, идти туда, куда меня призываетъ судьба, и не утомляйте меня больше своими пустыми разспросами, памятуя старинную пословицу, которая говоритъ, что голодное брюхо къ ученію глухо:

---

[1] Греческая орѳографія Раблэ, по замѣчанію Монтеглона, относится не къ произношенію, установленному Эразмомъ и употреблявшемуся до нашихъ дней, но къ тому произношенію, какимъ теперь замѣняютъ прежнее, на основаніи произношенія, сохранившагося традиціонно въ Греціи. Раблэ, другъ Ласкариса, былъ знакомъ съ этимъ произношеніемъ.

— Вы, значитъ, другъ мой, не умѣете говорить по-французски?—спросилъ Пантагрюэль.

— Отлично умѣю, господинъ,—отвѣчалъ прохожій,—слава Богу, это мой природный и родной языкъ, потому что я родился и выросъ въ саду Франціи—Турени.

— Ну, такъ разскажите намъ, какъ васъ зовутъ и откуда вы идете,—сказалъ Пантагрюэль. Честное слово, вы мнѣ такъ полюбились, что если вы только исполните мое желаніе, то никогда больше со мной не разстанетесь и мы съ вами образуемъ новую пару друзей, какъ Эней и Ахатъ.

— Господинъ,—отвѣчалъ прохожій, мое настоящее имя, нарѣченное мнѣ при св. крещеніи, Панургъ, а иду я теперь изъ Турціи, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ, когда неравнымъ часомъ пошли въ Митилены [1]. И я охотно перескажу вамъ о своихъ приключеніяхъ, которыя еще удивительнѣе, чѣмъ приключенія Улисса; но такъ какъ вамъ угодно удержать меня при себѣ, а я охотно принимаю предложеніе и завѣряю, что никогда не покину васъ, хотя бы вы пошли ко всѣмъ чертямъ, то мы найдемъ болѣе удобное время для разсказовъ: а въ настоящую минуту мнѣ крайне необходимо поѣсть; зубы у меня острые, животъ пустой, горло пересохло, аппетитъ волчій—все одно къ одному; и если вы испытаете меня на дѣлѣ, то любо-дорого будетъ глядѣть, какъ я ѣмъ. Ради Бога, прикажите мнѣ дать поѣсть.

И вотъ Пантагрюэль приказалъ, чтобы его отвели къ нему въ домъ и хорошенько угостили. Что было исполнено, и онъ досыта наѣлся въ этотъ вечеръ и улегся спать вмѣстѣ съ курами и проспалъ до самой обѣденной поры, такъ что ему пришлось прямо съ постели прыгнуть за столъ.

X.

О томъ, какъ Пантагрюэль такъ справедливо рѣшилъ необыкновенно темный и затруднительный споръ, что его рѣшеніе признано было превосходнымъ.

Пантагрюэль, помня письмо и совѣты отца, захотѣлъ однажды провѣрить свои знанія. И на всѣхъ городскихъ перекресткахъ велѣлъ выставить тезисы, счетомъ девять тысячъ семьсотъ шестьдесятъ четыре, по всѣмъ отраслямъ знанія и по самымъ спорнымъ научнымъ вопросамъ.

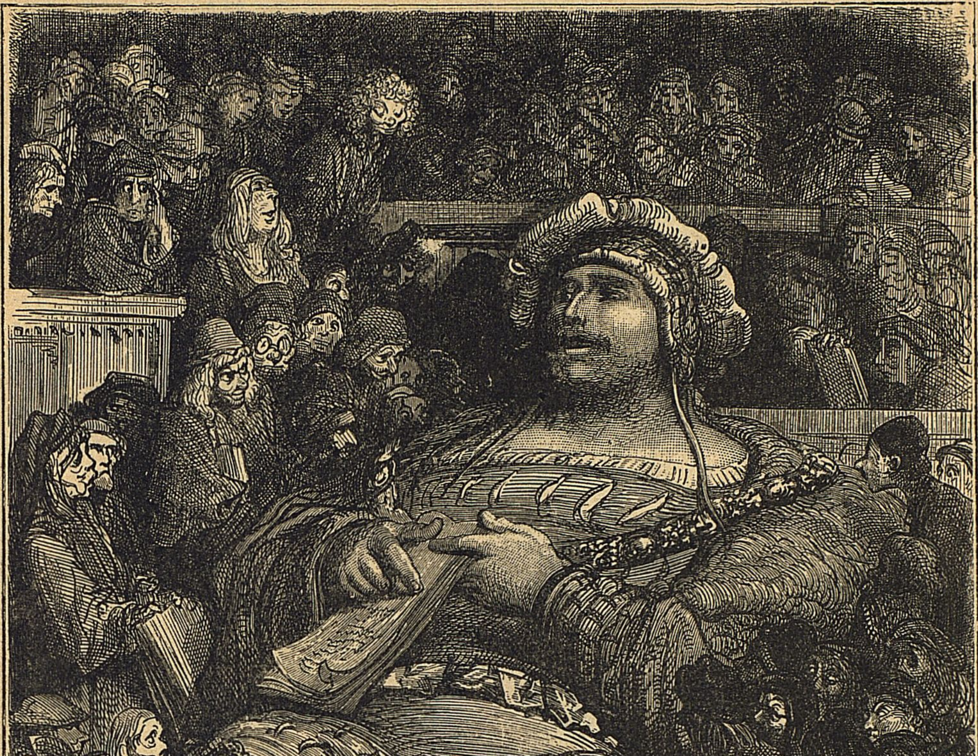
И прежде всего держалъ диспутъ въ улицѣ Фуаръ со всѣми профессорами, студентами и ораторами и всѣхъ ихъ заткнулъ за поясъ. Послѣ того диспутировалъ въ Сорбоннѣ, со всѣми богословами, въ продолженіе шести недѣль, съ четырехъ часовъ утра до шести вечера, за исключеніемъ двухъ часовъ, посвященныхъ отдыху и принятію пищи, при чемъ не препятствовалъ вышеупомянутымъ сорбоннскимъ богословамъ пить вино и освѣжаться въ привычныхъ погребкахъ. И на этихъ диспутахъ присутствовали многіе придворные вельможи, рекетмейстеры, президенты, совѣтники, чиновники казначейства, секретари и адвокаты, и другіе, вмѣстѣ съ городскими старшинами, медиками и канониками. И замѣтьте, что большинство изъ нихъ были большіе діалектики, но, несмотря на ихъ придирки и крючки, онъ всѣхъ ихъ переспорилъ и доказалъ имъ, что они—олухи Царя небеснаго.

Послѣ этого всѣ заговорили объ его удивительной учености, даже прачки, сводни, кухарки, рыночныя торговки и другія, которыя, когда онъ проходилъ по улицѣ, говорили: «Это онъ!» И ему это было такъ же пріятно, какъ Демосѳену, царю греческихъ ораторовъ, когда какая-нибудь старая хрычевка показывала на него пальцемъ, говоря: «Вотъ онъ самый!»

Какъ нарочно, въ это время какъ разъ началась тяжба между двумя знатными вельможами, изъ которыхъ одинъ, г. Безкюль, былъ истцомъ, а другой,

---

[1] Въ 1509 г. французы были разбиты турками при Митиленахъ.



Къ гл. X.

г. Гюмвенъ,—отвѣтчикомъ. Тяжба эта была такая запутанная, и представляла такія юридическія тонкости, что судьи совсѣмъ потеряли голову. И вотъ по приказу короля созвали четверыхъ ученѣйшихъ и толстѣйшихъ членовъ изъ всѣхъ французскихъ парламентовъ, вмѣстѣ съ главнѣйшими профессорами университетовъ не только Франціи, но также Англіи и Италіи, какъ-то: Язонъ, Филиппъ Десъ 1), Петрусъ Петронибусъ и многихъ другихъ старыхъ юрисконсультовъ.

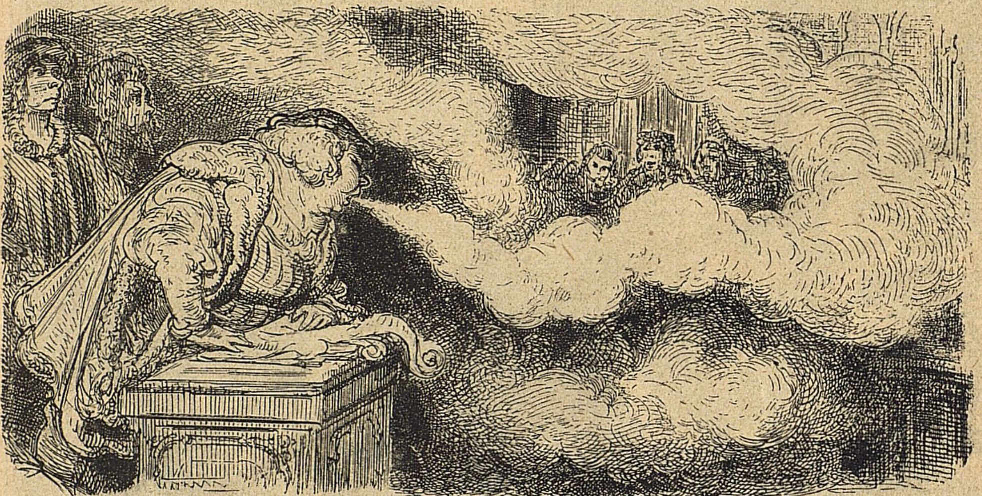
---

1) Philippe Dece, профессоръ юриспруденціи въ Павіи и Пизѣ, приглашенный во Францію Людовикомъ XII.

Собравшись, они въ продолженіе сорока шести недѣль не сумѣли ни разобраться въ этомъ дѣлѣ, ни придти къ какому-нибудь рѣшенію, и такъ это ихъ сердило, что съ досады они мѣста себѣ не находили.

Но одинъ изъ нихъ, котораго звали Дуэ[1]), болѣе ученый, опытный и осторожный, чѣмъ всѣ остальные, сказалъ имъ въ одинъ прекрасный день, какъ они ломали себѣ голову:

— Господа, мы давно уже здѣсь засѣдаемъ, но ничего путнаго не дѣлаемъ и не можемъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, и чѣмъ больше имъ занимаемся, тѣмъ меньше его понимаемъ; и это намъ стыдъ и срамъ, и, по моему мнѣнію, оно покроетъ насъ позоромъ, потому что мы заблудились въ нашихъ совѣщаніяхъ. Но вотъ, что я придумалъ. Вы, конечно, слышали о великомъ мужѣ, именуемомъ метръ Пантагрюэль, въ которомъ признали самаго выдающагося ученаго нашего времени послѣ тѣхъ диспутовъ, которые онъ публично велъ со всѣми. Я того мнѣнія, чтобы мы призвали его на совѣщаніе съ нами по этому дѣлу, потому что ни одинъ человѣкъ не справится съ этимъ дѣломъ, если оно окажется и ему не подъ силу.



Къ гл. XI.

Съ этимъ охотно согласились всѣ эти совѣтники и доктора и немедленно послали за Пантагрюэлемъ и попросили его не отказаться разсмотрѣть и изучить тяжбу и сдѣлать имъ докладъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ сочтетъ нужнымъ, согласно съ истиннымъ духомъ законовъ; они передали ему въ руки мѣшки съ документами, для перевозки которыхъ потребовалось бы не менѣе четырехъ большихъ ословъ.

Но Пантагрюэль имъ сказалъ:

— Господа, живы ли еще оба вельможи, которые ведутъ между собой эту тяжбу?

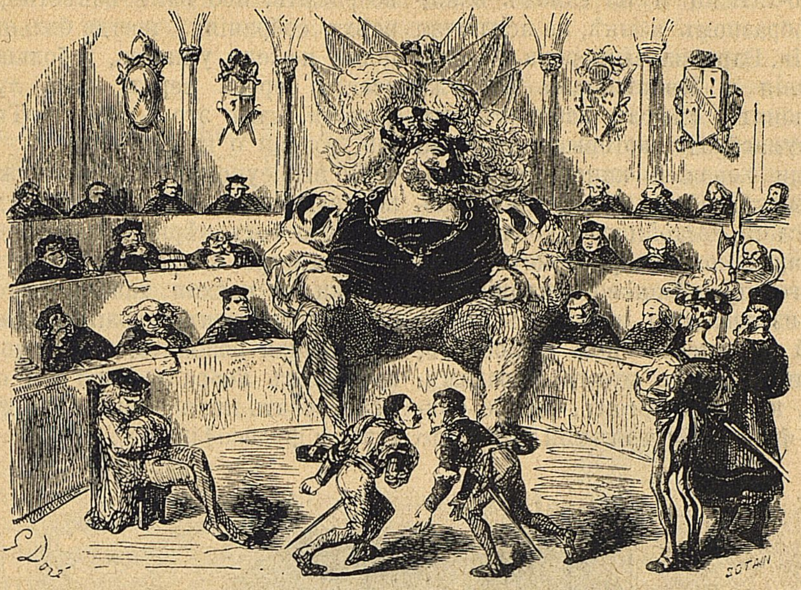
На это ему отвѣчали: да.

— На что же къ чорту намъ всѣ эти вздорныя бумаги и копіи, которыми вы меня нагрузили? Не лучше ли выслушать словесныя показанія тяжущихся, вмѣсто того, чтобы читать всю эту чепуху; вѣдь въ ней ничего нѣтъ кромѣ обмана и діавольскихъ крючковъ Сепола [1]) и искаженій закона? Вѣдь я увѣренъ, что вы и всѣ тѣ, черезъ чьи руки прошла эта тяжба, на-

---

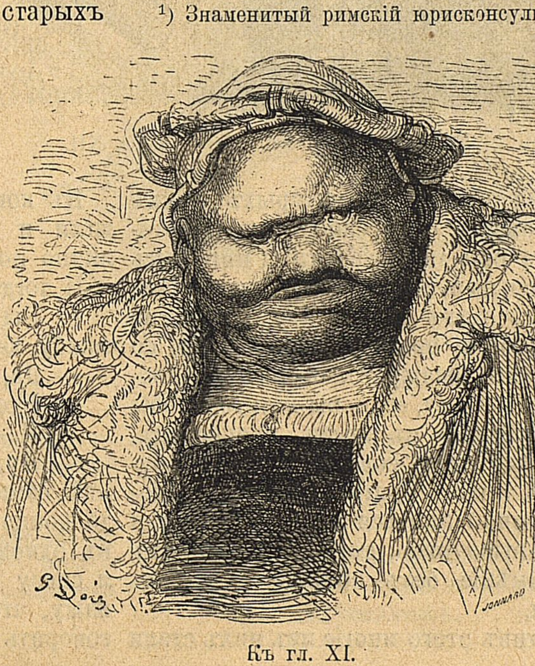
[1]) Douhet, президентъ въ городѣ Saintes и другъ Раблэ.

[1]) Бартелеми Сепола, профессоръ въ Падуѣ, ум. 1474; авторъ книги, озаглавленной Cautelae juris.



Къ гл. XI.

путали въ ней сколько могли pro et contra; и въ томъ случаѣ, когда споръ ихъ былъ ясенъ и его легко было разсудить, вы его запутали дурацкими и безсмысленными резонами и глупыми мнѣніями Аккурсія[1]), Бальда[2]), Бартолуса[3]), де-Кастро[4]), Имола[5]), Ипполита[6]), Панорма[7]), Берташина[8]), Александра[9]), Курціуса[10]) и всѣхъ этихъ старыхъ колпаковъ, которые ровно ничего не понимаютъ въ Пандектахъ и не что иное какъ бараньи головы, несвѣдущія во всемъ, что необходимо для уразумѣнія законовъ. Несомнѣнно, что они не знали ни греческаго, ни латинскаго языковъ, а только одинъ готическій и варварскій. Между тѣмъ, всѣ законы заимствованы первоначально у грековъ, какъ это доказываетъ Ульпіанъ[1]) l. posteriori de origine juris, и всѣ переполнены греческими словами и сентенціями. А, во-вторыхъ, они изло-



Къ гл. XI.

---

[1]) Авторъ знаменитаго глоссарія на Пандекты.

[2]) Знаменитый итальянскій юрисконсультъ XIV вѣка.

[3]) Знаменитый юрисконсультъ.

[4]) Юрисконсультъ.

[5]) Юрисконсультъ.

[6]) Юрисконсультъ.

[7]) Юрисконсультъ, знатокъ каноническаго права.

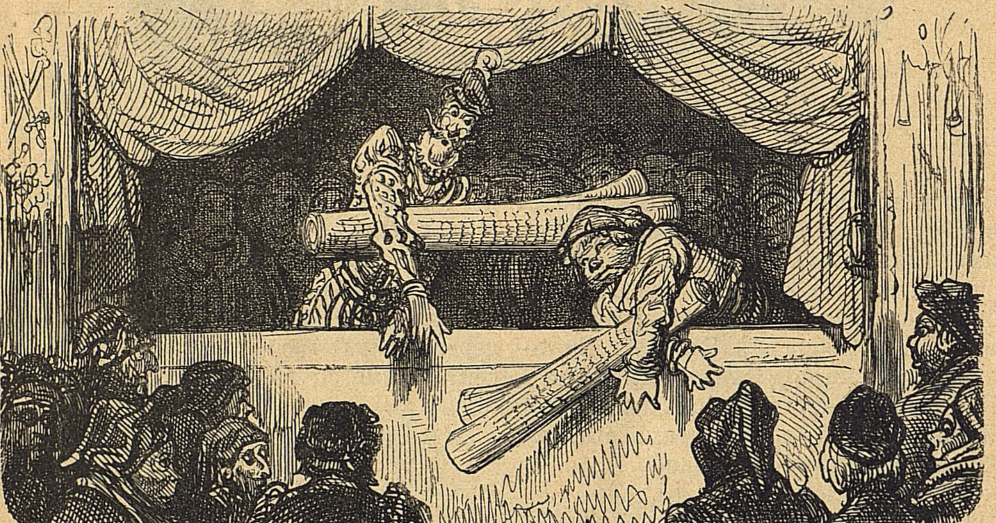
[8]) Итальянскій юрисконсультъ, авторъ книги: Repertorium juris.

[9]) Юрисконсультъ.

[10]) Юрисконсультъ.

[1]) Знаменитый римскій юрисконсультъ.

жены по-латыни и на самомъ изящномъ и образномъ языкѣ, не исключая Саллюстія, Варрона, Цицерона, Сенеки, Тита Ливія и Квинтиліана. Какъ же могли понять смыслъ законовъ эти старые сумасброды, которые и въ глаза не видѣли хорошей книги на латинскомъ языкѣ? Какъ оно и явствуетъ изъ ихъ слога, достойнаго трубочистовъ или кухарей, но не юрисконсультовъ. Мало того: принимая во вниманіе, что законы извлекаются изъ среды нравственной и естественной философіи, гдѣ же ихъ понять этимъ дуракамъ, которые, клянусь Богомъ, менѣе свѣдущи въ философіи, чѣмъ мой мулъ? Что касается знанія гуманитарыхъ наукъ и знакомства съ древностями и исторіей, то они такъ же богаты ими, какъ жаба перьями; между тѣмъ всякое право требуетъ этихъ знаній и безъ нихъ не можетъ быть понятно, какъ я это со временемъ докажу въ своихъ сочиненіяхъ. Поэтому, если вы хотите, чтобы я ознакомился съ этимъ процессомъ, то прежде всего сожгите всѣ эти бумаги, а затѣмъ пригласите обоихъ дворянъ лично явиться ко мнѣ, и когда я ихъ выслушаю, тогда я скажу вамъ свое мнѣніе безъ обиняковъ и безъ утайки.



Къ гл. XII.

Противъ этого многіе изъ нихъ стали возражать, ибо вамъ извѣстно, что во всѣхъ собраніяхъ всегда больше глупцовъ, нежели умныхъ, и большинство всегда беретъ верхъ надъ лучшими людьми, какъ это замѣчаетъ Титъ Ливій, говоря о карѳагенянахъ.

Но вышеупомянутый Дуэ мужественно поддержалъ Пантагрюэля, доказывая, что тотъ вѣрно сказалъ, что всѣ эти регистры, запросы, отвѣты, упреки, уловки и всякая такая чертовщина не что иное, какъ извращеніе законовъ и судебная волокита, и что чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, если они станутъ дѣйствовать иначе, какъ въ духѣ Евангелія и философіи.

Въ концѣ концовъ всѣ бумаги сожгли и обоихъ дворянъ пригласили лично пожаловать.

И тогда Пантагрюэль сказалъ имъ:

— Вы тѣ самые, что затѣяли эту тяжбу между собой?

— Да,—отвѣчали они.

— Кто изъ васъ истецъ?

— Я,—отвѣчалъ г. Безкюль.

— Ну, такъ, другъ мой, разскажите мнѣ ваше дѣло правдиво отъ начала до конца. Если же вы соврете хотя бы въ одномъ словѣ, то честью клянусь, я снесу вамъ голову съ плечъ и докажу, что правосудію и на судѣ надо говорить одну только правду; поэтому остерегайтесь что-нибудь прибавить или убавить въ изложенiи вашего дѣла. Говорите.

XI.

О томъ, какъ господа Безкюль и Гюмвенъ судились передъ Пантагрюэлемъ безъ адвокатовъ 1).

И вотъ Безкюль началъ, какъ ниже слѣдуетъ:

— Господинъ, правда въ томъ, что одна изъ моихъ дворовыхъ женщинъ несла продавать яйца на рынокъ.

— Накройтесь, Бекзюль,— сказалъ Пантагрюэль.

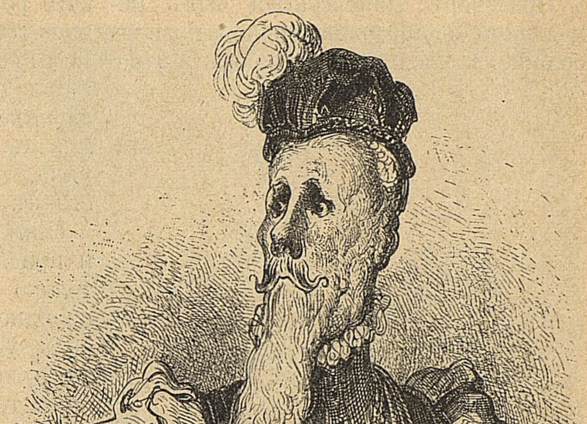
— Благодарю васъ,—отвѣчалъ господинъ Безкюль. При этомъ она прошла между двумя тропиками шесть бѣлыхъ 2) къ зениту съ петлей 3), оттого что въ тотъ годъ Риѳскія горы отличались большимъ безплодiемъ на глупости, вслѣдствiе возмущенiя пустяковъ, возбужденнаго между тарабарской грамотой и аккурцистами 4), благодаря бунту швейцарцевъ, которые собрались въ числѣ троихъ, шестерыхъ, девятерыхъ, десятерыхъ, чтобы идти въ день Новаго года въ Бретани къ первому оврагу, гдѣ даютъ супъ воламъ, а ключъ отъ угля дѣвкамъ, чтобы задать овса собакамъ. Всю ночь только и дѣлали (не снимая руку съ горшка), что разсылали буллы съ пѣшеходами и съ верховыми, чтобы задержать корабли, такъ какъ шведы собирались изъ украденныхъ обрѣзковъ спить

«Сарбаканъ,
«Чтобы накрыть имъ море—Океанъ»,

которое тогда, по мнѣнiю косарей, было чревато щами; но лѣкаря объявляли, что по его уринѣ они не находятъ достовѣрнымъ, чтобы,

«Сообразуясь съ драхвой,
Кушать топоры съ горчицей»,

развѣ только господа судьи на основанiи *B* moll'я приказали венерической болѣзни не гоняться за бродячими мѣдниками; потому что и т. д.



Къ гл. XII (де-Гюмвенъ).

XII.

О томъ, какъ господинъ де-Гюмвенъ защищалъ свое дѣло передъ Пантагрюэлемъ.

. . . .

---

1) Шутовскiя и совершенно непонятныя рѣчи Безкюля и Гюмвена, равно какъ и приговоръ, произнесенный Пантагрюэлемъ по этому дѣлу, представляютъ сатиру на юридическое краснорѣчiе. Мы даемъ въ переводѣ образчикъ этой чепухи, но считаемъ невозможнымъ утомлять читателя передачею ея цѣликомъ.

2) Blanc—монета: grand blanc стоимостью въ шесть deniers, а petit blanc—въ пять deniers.

3) Maille—самая мелкая монета, стоимостью въ полъ-denier.

4) Комментаторы Аккурцiя.

XIII.

О томъ, какой приговоръ произнесъ Пантагрюэль въ дѣлѣ обоихъ господъ[1]).

. . . .

XIV.

Панургъ разсказываетъ о томъ, какимъ способомъ онъ ушелъ отъ турокъ.

Приговоръ Пантагрюэля былъ немедленно обнародованъ, напечатанъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и занесенъ въ судебные архивы, такъ что всѣ заговорили:

Къ гл. XIII.

— Самъ Соломонъ, вернувшій по догадкѣ ребенка его матери, не выказывалъ такой совершенной премудрости, какъ добрый Пантагрюэль, и мы счастливы, что онъ пребываетъ въ нашей странѣ.

И дѣйствительно, его хотѣли произвести въ рекетмейстеры и президенты судебной палаты; но онъ отъ всего отказался, вѣжливо поблагодаривъ.

— Эти должности, — говорилъ онъ, — слишкомъ порабощаютъ, и слишкомъ трудно тѣмъ, кто ихъ отправляетъ, не развратиться, въ виду порочности людской. И я думаю, что если бы свободныя мѣста ангеловъ были заняты такого рода людьми, то и черезъ тридцать семь юбилейныхъ лѣтъ не наступитъ страшный судъ, и Куза[1]) ошибется въ своихъ предположеніяхъ. Я заранѣе предупреждаю васъ. Но если у васъ есть нѣсколько бочекъ добраго вина, то я съ удовольствіемъ приму его въ подарокъ.

Они охотно исполнили его желаніе и прислали ему лучшаго вина, какое только было въ городѣ; и онъ выпилъ изрядно. Но бѣдный Панургъ пилъ безъ устали, потому что былъ худъ, какъ копченая селедка. И ковылялъ, какъ тощая кошка. И кто-то поддразнилъ его, указывая на большой кубокъ, наполненный краснымъ виномъ, и говоря:

— Эге, куманекъ, вы не дуракъ выпить.

— А ты думалъ, чортъ побери, что я въ родѣ твоихъ парижскихъ пѣтуховъ, которые пьютъ точно зяблики и глотаютъ кормъ только тогда, когда ихъ похлопаютъ по хвосту, какъ воробьевъ. Охъ, кумъ, если бы я такъ же хорошо карабкался вверхъ, какъ глотаю, я бы уже поднялся въ надлунный міръ вмѣстѣ съ Эмпедокломъ. Но не знаю, что бы это такое, чорта съ два, значило: это вино прекрасно и вкусно, но чѣмъ больше я его пью, тѣмъ больше мнѣ пить хочется. Я думаю, что тѣнь господина Пантагрюэля вызываетъ жажду, подобно тому, какъ луна производитъ катарры.

При этихъ словахъ присутствующіе разсмѣялись.

Видя это, Пантагрюэль спросилъ:

---

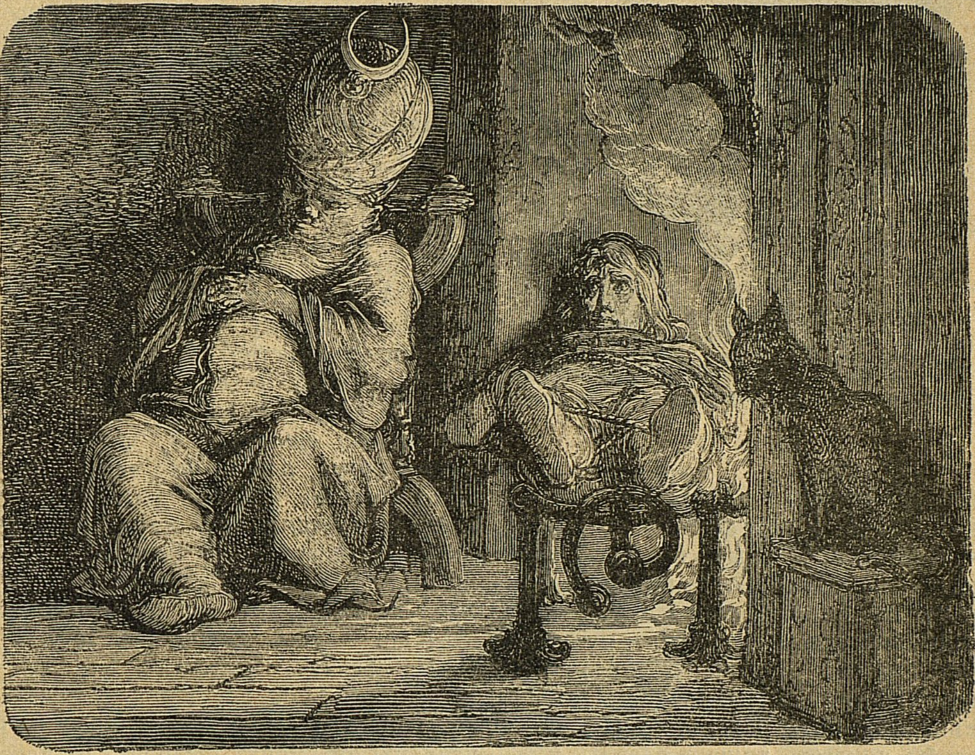
[1]) Какъ уже было выше замѣчено, обѣ эти главы сплошь состоятъ изъ непонятной и утомительной чепухи, образчикъ которой представленъ въ главѣ XI.

[1]) Николай де-Куза, авторъ многихъ математическихъ сочиненій.

— Панургъ, что это такое? Чему вы смѣетесь?

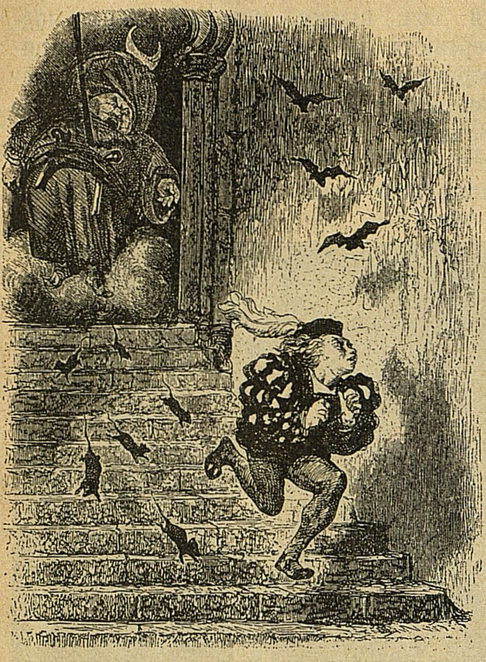
— Господинъ, — отвѣчалъ онъ, — я имъ разсказывалъ, какъ эти черти турки несчастны, что не могутъ пить вина. И если бы, кромѣ этого, не было ничего худого въ коранѣ Магомета, я бы изъ-за одного запрещенія пить вино никогда бы не принялъ его вѣры.

— Но разскажите мнѣ, — сказалъ Пантагрюэль, — какимъ образомъ вы ушли отъ турокъ?



Къ гл. XIV.

— Богомъ клянусь, господинъ, — отвѣчалъ Панургъ, — что словечка не совру. Негодяи турки посадили меня на вертелъ, нашпиговавъ саломъ, какъ кролика, потому что я былъ такъ худъ, что мясо мое было бы очень невкусно, и поджаривали живымъ. И въ то время какъ они меня поджаривали, я взывалъ къ Божьему милосердію, памятуя о добромъ святомъ Лаврентіи, и неизмѣнно надѣялся на Бога, что Онъ спасетъ меня отъ этой пытки; такъ оно и случилось и самымъ необыкновеннымъ образомъ. Въ то время какъ я отъ всего сердца взывалъ къ Богу: «Господи Боже мой, помоги мнѣ! Господи Боже мой, избавь меня отъ пытки, которой меня подвергаютъ эти невѣрныя собаки за приверженность къ Твоему закону!», жарившій меня человѣкъ заснулъ по Божьему произволенію или по милости добраго Меркурія, хитро усыпившаго стоглазаго Аргуса. Когда я увидѣлъ, что онъ пересталъ вертѣть вертелъ, потому что заснулъ, я взялъ зубами головешку тѣмъ концомъ, который еще не загорѣлся, и бросилъ ее на колѣни моего мучителя, а другую бросилъ, какъ умѣлъ, подъ складную кровать, стоявшую около камина, гдѣ лежалъ соломенный тюфякъ господина мучителя. Огонь немедленно охватилъ солому и сообщился постели, а отъ постели перешелъ къ полу, сдѣланному изъ еловыхъ досокъ. Но всего лучше то, что головешка, которою я бросилъ въ негодяя-мучителя, обожгла ему ноги и онъ какъ полоумный вскочилъ и, бросившись къ окну, закричалъ во весь голосъ: «Dal baroth! dal baroth!», что значитъ все равно, что: «Пожаръ! пожаръ!», и уже перерѣзалъ веревки, которыми мнѣ связали руки и ноги. Но хозяинъ дома, услышавъ крикъ о пожарѣ и чувствуя, что пахнетъ гарью, прибѣжалъ со всѣхъ ногъ съ улицы,—гдѣ гулялъ съ нѣсколькими пашами и муфтіями,—чтобы помогать тушить пожаръ и выносить пожитки. Не успѣлъ онъ прибѣжать, какъ схватилъ вертелъ, на который я былъ посаженъ, и убилъ на мѣстѣ моего мучителя, и тотъ тутъ же испустилъ духъ отъ дурного обращенія или по иной причинѣ: онъ проткнулъ его вертеломъ немного повыше пупка къ правому боку и пробилъ ему третью лопасть печени, и вертелъ проникъ дальше въ діафрагму, а оттуда черезъ сердечную сумку вышелъ наружу черезъ плечо, между позвонкомъ и лѣвой лопаткой. Когда онъ вытащилъ вертелъ изъ моего туловища, я упалъ на полъ около тагана и ушибся, но слегка, потому что сало, которымъ я былъ нашпигованъ, смягчило ударъ. Послѣ того мой паша, видя, что дѣло безнадежно и домъ его сгоритъ безъ остатка, а все имущество погибнетъ, сталъ призывать всѣхъ чертей, называя по девяти разъ Грильгота, Астарота, Раппала и Грибуйля. Видя это, я здорово испугался и подумалъ, что если черти явятся сюда за нимъ, что не унесутъ ли, чего добраго, и меня! Я уже на половину изжаренъ; сало можетъ повредить мнѣ, потому что черти—охотники до сала, какъ о томъ свидѣтельствуютъ философъ Ямбликъ [1]) и Мюрлю [2]) въ апологіи De Bossultis et contrefactis pro magistros nostros; но я перекрестился, воскликнувъ: «Agios, athanatos, o Theos» [3]), и никто не явился. Видя это, мой скверный паша хотѣлъ убиться моимъ вертеломъ и проткнуть себѣ сердце; но не смогъ, потому что вертелъ былъ недостаточно остеръ, и сколько онъ его ни пихалъ, ничего не выходило. Тогда я подошелъ къ нему и сказалъ: «Господинъ еретикъ, ты даромъ теряешь время; потому что такъ ты никогда себя не убьешь; развѣ только поранишь себя и всю жизнь будешь потомъ мучиться отъ цирюльниковъ; но если ты хочешь, я отлично убью тебя, да такъ, что ты и не почувствуешь, повѣрь мнѣ; я уже многихъ такъ убивалъ, которымъ это было пріятно.»—«Ахъ, другъ мой, отвѣчалъ онъ,—прошу тебя и за это дарю тебѣ клапанъ отъ моихъ штановъ; въ немъ шестьсотъ египетскихъ золотыхъ и нѣсколько превосходныхъ бриллiантовъ и рубиновъ.»



Къ гл. XIV.

— А гдѣ же они?—спросилъ Эпистемонъ.

— Клянусь св. Іоанномъ, отвѣчалъ Панургъ,—они далеко отъѣхали, если все еще ѣдутъ.

Mais où sont les neiges d'antan? [4])

---

[1]) Философъ IV вѣка.

[2]) Професоръ словесн. наукъ, умеръ въ 1517 г.

[3]) Святый Боже! Боже безсмертный!

[4]) «Но гдѣ прошлогодній снѣгъ?» Изъ знаменитаго стихотворенія поэта Виллона.

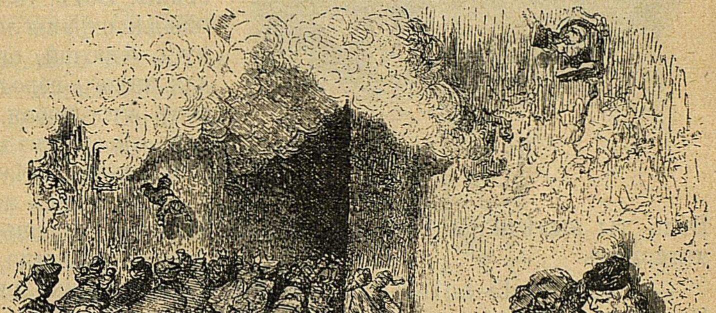
это было главной заботой Виллона, парижскаго поэта.

— Кончай, прошу тебя,—сказалъ Пантагрюэль,—чтобы мы знали, какъ ты укокошилъ своего пашу.

— Честное слово, — сказалъ Панургъ,—я ни словечка не привираю. Я обернулъ его фалдами, полуобгорѣлыми штанами, валявшимися на полу, и крѣпко связалъ ему, чтобы онъ не могъ бороться, руки и ноги веревками, которыми самъ былъ передъ тѣмъ связанъ, потомъ проткнулъ ему моимъ вертеломъ горло и повѣсилъ его, прицѣпивъ вертелъ къ двумъ толстымъ крюкамъ, на которые ставили алебарды. Послѣ того развелъ подъ нимъ славный огонекъ и сталъ поджаривать моего милорда, точно копченую селедку въ каминѣ. Затѣмъ взялъ его кошелекъ и небольшой дротикъ, висѣвшій на крюкахъ, и убѣжалъ со всѣхъ ногъ. И Богу извѣстно, какой шелъ чадъ отъ жаркого. Когда я выбѣжалъ на улицу, я увидѣлъ, что весь народъ сбѣжался на пожаръ, чтобы заливать его водой. И, видя меня полуобгорѣвшимъ, они натурально сжалились надо мной и вылили всю свою воду на меня и пріятно освѣжили меня, отъ чего мнѣ стало гораздо легче, и накормили меня; но я плохо ѣлъ, потому что они давали мнѣ пить только воду, по своему обычаю. Другого худа они мнѣ не причинили; развѣ только, что какой-то скверный горбатый турченокъ потихоньку таскалъ сало, которымъ я былъ нашпигованъ; но я такъ шибко ударилъ его дротикомъ по пальцамъ, что онъ унялся. А одна молодая коринѳянка принесла мнѣ горшокъ варенья изъ ароматичныхъ орѣховъ, какое тамъ въ употребленіи, и не спускала глазъ съ моей обгорѣлой рубашки, не доходившей мнѣ и до колѣнъ. Но замѣтьте, что такое поджариванье исцѣлило меня отъ ломоты въ бедрѣ, отъ которой я страдалъ цѣлыхъ семь лѣтъ, и какъ разъ съ того боку, который мой мучитель, засыпая, оставилъ на огнѣ. Но пока они занимались мною, огонь бушевалъ, и уже болѣе двухъ тысячъ домовъ было объято пламенемъ, прежде нежели кто-то изъ толпы замѣтилъ это и воскликнулъ: «Клянусь бородой пророка! Весь городъ горитъ, а мы здѣсь прохлаждаемся!» И всѣ разошлись по домамъ, а я направился къ городскимъ воротамъ. Когда я взошелъ на небольшой холмъ, находившійся за городомъ, я оглянулся, какъ жена Лота, и увидѣлъ весь городъ въ огнѣ, чему обрадовался до потери всякой сдержанности. Но Богъ меня за это наказалъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Пантагрюэль.

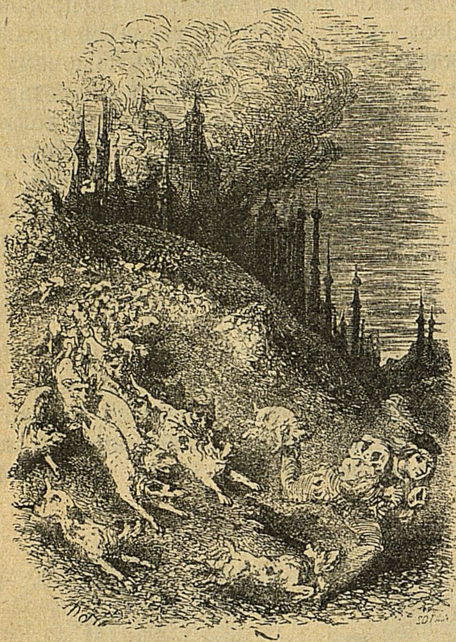
— А вотъ какъ,—отвѣчалъ Панургъ,—пока я съ великимъ веселіемъ глядѣлъ на этотъ славный пожаръ, восклицая: «Ага, жалкія блохи! Ага, несчастныя мыши! Вамъ достанется трудная зима, потому что всѣ ваши соломенные тюфяки сгорятъ!», изъ города выбѣжало болѣе шестисотъ и даже тысячи триста одиннадцати собакъ,



Къ гл. XIV.

большихъ и малыхъ, которыя спасались отъ огня. Онѣ прямо бросились на меня, зачуявъ запахъ моего обгорѣлаго тѣла, и сожрали бы меня на мѣстѣ, если бы мой ангелъ-хранитель не наставилъ меня, внушивъ мнѣ средство, хорошо помогающее отъ зубной боли.

— А съ какой стати, —спросилъ Пантагрюэль,— опасался ты зубной боли? Вѣдь ты вылѣчился отъ своихъ ревматизмовъ?



Къ гл. XIV.

— Pasques de soles![1]—отвѣчалъ Панургъ,—какая зубная боль хуже того, что васъ собаки хватаютъ за ноги? Но вдругъ я вспомнилъ про свой шпигъ и бросилъ его собакамъ: тогда онѣ бросились на него и стали грызться. Этимъ способомъ я отдѣлался отъ нихъ и предоставилъ имъ грызть другъ друга. А самъ убрался по добру, по здорову и да здравствуетъ искусство жаренья!

XV.

О томъ, какъ Панургъ научилъ совсѣмъ новому способу строить стѣны Парижа.

Въ одинъ прекрасный день Пантагрюэль, чтобы отдохнуть отъ занятій, прогуливался по предмѣстью Сен-Марсо, собираясь осмотрѣть Гобеленовую Прихоть[1].

Панургъ былъ съ нимъ, неся, по обыкновенію, подъ платьемъ бутылку вина и кусокъ ветчины. Безъ этого онъ никуда не выходилъ, говоря, что это его тѣлохранители и другого оружія онъ не носитъ. А когда Пантагрюэль хотѣлъ подарить ему шпагу, онъ отвѣчалъ, что она разгорячитъ ему селезенку.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Эпистемонъ,—но если на тебя нападутъ, чѣмъ ты будешь защищаться?

— Пинками,—отвѣчалъ тотъ,—лишь бы длинныя шпаги были запрещены.

По возвращеніи домой Панургъ глядѣлъ на стѣны города Парижа и сказалъ въ шутку Пантагрюэлю:

— Посмотрите на эти прекрасныя стѣны. Вотъ, твердыня вполнѣ пригодная для охраны линяющихъ гусей! Клянусь бородой, онѣ никуда не годятся для такого города, какъ Парижъ, потому что любая корова однимъ взмахомъ хвоста свалитъ больше шести саженъ такой стѣны.

— О, другъ мой,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—знаешь ли ты, что сказалъ Агезилай, когда у него спросили, почему великій лакедемонскій городъ не обнесенъ стѣнами? «Потому что вотъ его стѣны!» отвѣчалъ онъ, указывая на жителей и гражданъ, искусившихся въ военной дисциплинѣ, сильныхъ и хорошо вооруженныхъ. Чѣмъ онъ хотѣлъ показать, что не въ однѣхъ каменныхъ стѣнахъ вся сила и что нѣтъ вѣрнѣе и надежнѣе оплота для городовъ, какъ доблесть гражданъ и жителей. Поэтому этотъ городъ такъ силенъ великимъ числомъ воинственнаго народа, обитающаго въ немъ, что не нуждается въ иномъ оплотѣ. Тѣмъ болѣе, что кто захотѣлъ бы обвести его стѣнами, какъ Страсбургъ, Орлеанъ или Феррару, не справился бы съ этой задачей, потому что расходы и издержки его одолѣли бы.

---

[1] Pâques de soleil!—божба, къ которой прибѣгалъ Людовикъ XI.

[1] Фабрика Гобеленовъ, основанная Францискомъ I и которую народъ называлъ Folie Gobelin

— Въ самомъ дѣлѣ?—замѣтилъ Панургъ. Однако хорошо имѣть каменное лицо передъ вторженіемъ непріятеля, хотя бы только затѣмъ, чтобы спросить: «Кто идетъ?» Что касается огромныхъ издержекъ, которыя, по вашему, неизбѣжны на то, чтобы обнести городъ стѣной, то если бы господа городскіе хозяева предложили мнѣ хорошенькое вознагражденіе, я бы научилъ ихъ новому способу дешево построить стѣну.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Пантагрюэль.

— Никому не сообщайте то, что я вамъ скажу,—отвѣчалъ Панургъ...

Примѣчаніе. Окончаніе этой главы и способъ Панурга возводить стѣны немыслимы въ переводѣ, вслѣдствіе крайней непристойности.

XVI.

О нравахъ и привычкахъ Панурга.

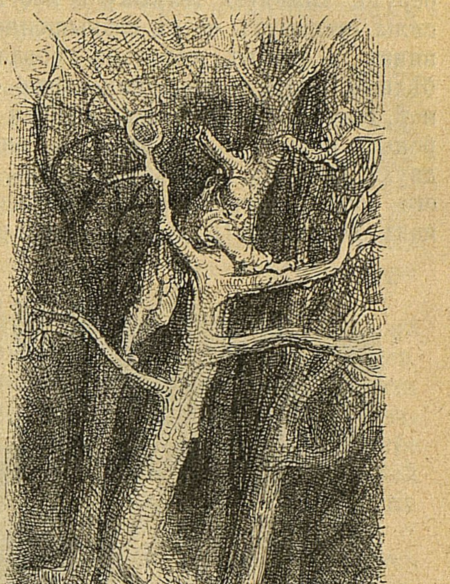
Панургъ былъ средняго роста, не слишкомъ высокъ, не слишкомъ низокъ; носъ у него былъ орлиный, загнутый точно ручки у бритвы; лѣтъ ему было отъ роду тридцать пять или около того; онъ былъ тонокъ, точно позолоченный оловянный кинжалъ; пріятнаго обращенія человѣкъ, но только черезчуръ неравнодушенъ къ женскому полу и подверженъ болѣзни, которую въ тѣ времена звали:

Faute d'argent, c'est douleur nonpareille[1]).

Но у него, однако, было шестьдесятъ три способа доставать деньги, изъ которыхъ самымъ честнымъ и самымъ обыкновеннымъ было украдкой стащить ихъ.

Онъ былъ при этомъ озорникъ, воришка, гуляка и забулдыга, какихъ мало въ Парижѣ.

Au demeurant le meilleur fils du monde[1]) и постоянно замышлялъ какія-нибудь каверзы противъ сержантовъ и патруля.



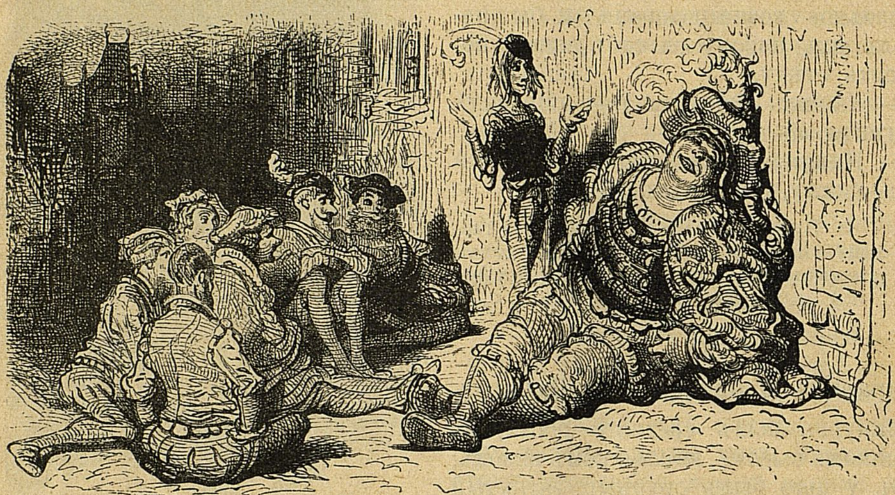
Къ гл. XV.

Случалось ему порой собрать троихъ или четверыхъ теплыхъ ребятъ, напоить ихъ къ вечеру какъ рыцарей-храмовниковъ и затѣмъ отвести на возвышенность, гдѣ стояла церковь св. Женевьевы, или же въ сосѣдство Наварскаго коллежа, и въ тотъ часъ, какъ патруль поднимался на возвышенность,—а объ этомъ онъ узнавалъ, положивъ шпагу на мостовую и приложивъ къ ней ухо, и когда услышитъ бывало, что шпага зазвенитъ, то уже знаетъ навѣрное, что патруль близко,— и въ ту минуту онъ съ товарищами берутъ тяжелую телѣжку и изо всей силы столкнутъ ее съ возвышенности внизъ и такимъ образомъ повалятъ бѣдный патруль на землю, какъ свиней, потомъ разбѣгутся въ разныя стороны: вѣдь онъ, не пробывъ еще и двухъ дней въ Парижѣ, изучилъ всѣ его улицы, переулки и перекрестки какъ Deus det 1). А въ другой разъ посыплетъ по дорогѣ, которою долженъ былъ идти патруль, порохомъ, да и подожжетъ, и веселится, глядя, какъ патруль разбѣгается въ страхѣ, что Антоновъ огонь гонится за нимъ по пятамъ.

---

[1]) Безденежье—это несравненная боль.

[1]) Въ сущности добрѣйшій малый. Фраза изъ современнаго Раблэ поэта Маро, которая вошла у французовъ въ поговорку.



Къ гл. XVI.

Что касается злополучныхъ магистровъ (maîtres és arts), то имъ всѣхъ больше доставалось отъ него. Когда они попадались ему на улицѣ, то онъ не упускалъ случая сыграть надъ ними какую-нибудь злую штуку: то наложитъ грязи въ ихъ докторскія шапки, то прицѣпитъ имъ сзади лисій хвостъ или заячье ухо или какъ-нибудь иначе подшутитъ надъ ними. Однажды, когда они были созваны на конференцію въ улицѣ Фуаръ, онъ приготовилъ мѣсиво, состоявшее изъ чесноку, galbanum, assa foetida, castoreum, горячаго кала, смазалъ это гноемъ изъ злокачественныхъ язвъ и раннимъ утромъ вымазалъ этимъ всю мостовую, такъ что самому чорту бы не поздоровилось. И всѣхъ этихъ добрыхъ людей тошнило на народѣ и десять или двѣнадцать человѣкъ умерло отъ чумы; четырнадцать заболѣло проказой, восемнадцать покрылось нарывами и болѣе двадцати семи схватило венерическую болѣзнь, а ему и горюшка мало.

Онъ носилъ обыкновенно подъ платьемъ хлыстъ и безъ пощады хлесталъ имъ пажей, которые попадались ему навстрѣчу,—когда несли вино своимъ господамъ,—чтобы подогнать ихъ. Въ курткѣ его было слишкомъ двадцать шесть кармашковъ, всегда набитыхъ: въ одномъ былъ пузырекъ съ свинцовой водой и отточенный, какъ у скорняка, ножикъ, которымъ онъ отрѣзывалъ кошельки; въ другомъ бутылка съ винограднымъ сокомъ, которымъ онъ плескалъ въ глаза встрѣчнымъ; въ третьемъ репейники, которыми онъ забрасывалъ шапки и платья добрыхъ людей и часто устраивалъ имъ такимъ образомъ ро-

---

1) Послѣобѣденная молитва.

га, которые они затѣмъ носили всю жизнь.

Въ другой разъ онъ набиралъ блохъ и вшей съ нищихъ св. Иннокентія и посыпалъ ими изъ трубочки или гусинаго пера воротнички самыхъ знатныхъ барышень, какихъ встрѣчалъ и даже въ церкви: онъ вѣдь никогда не становился на хорахъ, но всегда внизу среди женщинъ, — какъ за обѣдней, такъ и за вечерней и во время проповѣди.

Порою онъ крючками сцѣплялъ мужчинъ и женщинъ, пользуясь тѣснотой, и даже тѣхъ, которыя были одѣты въ прекрасныя шелковыя платья, и когда они хотѣли разойтись въ разныя стороны платья на нихъ разрывались.

Примѣчаніе. «Привычки» и «нравы» Панурга достаточно характеризуются вышеописанными *шалостями*. Дальнѣйшій перечень его подвиговъ этого рода только утомилъ бы современнаго читателя, не говоря уже о томъ, что многіе изъ этихъ подвиговъ невозможны по своей непристойности.

XVII.

О томъ, какъ Панургъ получалъ отпущеніе грѣховъ и выдавалъ замужъ старухъ, и о тяжбахъ, которыя онъ велъ въ Парижѣ.

Однажды я нашелъ Панурга нѣсколько унылымъ и молчаливымъ и догадался, что у него нѣтъ денегъ, почему и спросилъ:

— Панургъ, вы больны, я это вижу по вашему лицу и угадываю болѣзнь: у васъ карманная чахотка; но не безпокойтесь: у меня еще найдется нѣсколько грошей, не помнящихъ родства, которые могутъ васъ выручить.

На это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Плевать на деньги, у меня ихъ будетъ со временемъ сколько угодно, потому что у меня есть философскій камень, притягивающій ко мнѣ деньги изъ кошельковъ, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Но хотите пойти за индульгенціями?—спросилъ онъ.

— Клянусь честью,—отвѣчалъ я,—не особенно гонюсь я за индульгенціями въ здѣшнемъ мірѣ; не знаю, какъ будетъ на томъ свѣтѣ; но пойдемте, ради Бога, однимъ денье больше или меньше—не велика важность.

— Но,—сказалъ онъ,—дайте же мнѣ взаймы одинъ денье на проценты.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ я. Я вамъ дамъ его даромъ.

— Grates vobis dominos,—отвѣчалъ онъ.

И мы пошли, начавъ съ церкви св. Гервасія, гдѣ я купилъ индульгенцію только около первой церковной кружки, потому что въ этихъ дѣлахъ довольствуюсь малымъ; послѣ чего прочиталъ молитвы и акаѳистъ св. Бригитты. Но онъ накупилъ индульгенцій около всѣхъ кружекъ и давалъ деньги каждому продавцу индульгенцій.

Оттуда мы перебывали въ соборѣ Нотръ-Дамъ, въ церкви св. Іоанна, св. Антонія, а также во всѣхъ другихъ церквахъ, гдѣ торговали индульгенціями. Я, съ своей стороны, ихъ болѣе не покупалъ, но онъ около каждой церковной кружки прикладывался къ мощамъ и каждому давалъ деньги.

Короче сказать, когда мы вернулись домой, онъ повелъ меня въ дворцовый кабачекъ и показалъ мнѣ десять или двѣнадцать изъ своихъ кармашковъ, биткомъ набитыхъ деньгами. При видѣ этого я перекрестился, говоря:

— Откуда вы взяли столько денегъ и въ такое короткое время?

На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ набралъ ихъ съ блюда, которое стоитъ около продавцовъ индульгенцій.

— Подавая имъ первый денье,—говорилъ онъ,—я такъ ловко положилъ его, что можно было подумать, что я далъ монету въ шесть денье; поэтому другой рукой я взялъ какъ бы сдачи двѣнадцать денье и то же повторилъ во всѣхъ церквахъ, гдѣ мы были.

— Вотъ какъ,—сказалъ я,—но вѣдь такимъ образомъ вы губите свою душу и поступаете какъ воръ и святотатецъ.

— Ну да,—отвѣчалъ онъ,—вы такъ думаете, но я иначе, потому что мнѣ кажется, что сами продавцы индульгенцій, когда говорятъ, подставляя мощи, къ которымъ я прикладываюсь: «centuplum accipies», предлагаютъ, чтобы я взялъ сто денье за одинъ; ибо accipies говорится на манеръ евреевъ, которые употребляютъ будущее время вмѣсто повелительнаго наклоненія, какъ мы это видимъ въ молитвѣ: Diliges dominum, id est: dilige. Поэтому, когда продавецъ индульгенцій говоритъ мнѣ: «centuplum accipies», то онъ хочетъ этимъ сказать: «centuplum accipe», и это слѣдуетъ изъ толкованій раби Кими и раби Абенъ-Эзра и всѣхъ раввиновъ и ibi Bartolus. Скажу больше: папа Сикстъ далъ мнѣ тысячу пятьсотъ ливровъ ренты со своихъ доменовъ и съ церковной казны за то, что я вылѣчилъ ему злокачественный нарывъ, который такъ его мучилъ, что онъ чуть не охромѣлъ на всю жизнь. И такимъ образомъ я взимаю должное мнѣ съ церковной казны, такъ какъ онъ не платитъ. Эхъ, другъ мой,—продолжалъ онъ,—кабы ты зналъ, какъ я нагрѣлъ себѣ руки во время крестоваго похода, ты бы еще пуще удивился. Этотъ походъ далъ мнѣ шесть тысячъ флориновъ.

— Да гдѣ же, къ чорту, они?—спросилъ я. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша!

— Туда ушли, откуда и пришли,—отвѣчалъ онъ, — они только прошли черезъ мои руки. Но я употребилъ слишкомъ три тысячи на то, чтобы выдать замужъ не молодыхъ дѣвушекъ,—онѣ и безъ того находятъ себѣ мужей,—но старыхъ, беззубыхъ хрычевокъ. Принимая во вниманіе, что эти добрыя женщины не теряли времени въ молодости и никѣмъ не брезгали, я рѣшилъ пристроить ихъ передъ смертью. И для этого одной далъ сто флориновъ, другой двадцать шесть, третьей триста, смотря по тому, насколько онѣ были безобразны, противны и отвратительны: вѣдь чѣмъ онѣ были противнѣе и гаже, тѣмъ больше приходилось имъ дать; иначе и самъ чортъ отвернулся бы отъ нихъ. Послѣ того я шелъ къ какому-нибудь зажиточному, толстому и жирному малому и самъ служилъ сватомъ. Но прежде чѣмъ показать ему старуху, я показывалъ ему деньги, говоря: «Кумъ, вотъ это тебѣ достанется, если ты будешь молодцомъ.» И тутъ поднимался дымъ коромысломъ; я готовилъ имъ пиръ, давая пить лучшаго вина съ пряностями, чтобы ихъ хорошенько подбодрить. Тѣмъ же старухамъ, которыя были ужъ очень гадки и безобразны, я накрывалъ лицо мѣшкомъ. Кромѣ того, я много потерялъ денегъ на тяжбы.

— Но какія тяжбы могли быть у тебя?—спросилъ я. У тебя вѣдь нѣтъ ни земли, ни дома.

— Другъ мой,—отвѣчалъ онъ,—дѣвицы въ этомъ городѣ придумали, по наущенію діавола, носить черезчуръ закрытыя платья. Ну, и вотъ въ одинъ прекрасный вторникъ я подалъ прошеніе въ судъ въ качествѣ истца на этихъ дѣвицъ и добился, чтобы имъ повелѣно было отъ суда слегка декольтироваться. Но это мнѣ дорого стоило. Другой процессъ, еще болѣе трудный и грязный, велъ я съ метромъ Фифи и его клевретами, съ тѣмъ чтобы имъ запретили читать ночью украдкой свои бочки, боченки и кварты Сентенцій и приказали бы совершать это при свѣтѣ бѣлаго дня въ соломенныхъ[1]) школахъ улицы Фуаръ передъ лицомъ всѣхъ искусниковъ-софистовъ, но былъ присужденъ къ судебнымъ издержкамъ за несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей. Въ другой разъ я подалъ жалобу въ судъ на муловъ президента, совѣтниковъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, клонившуюся къ тому, чтобы заставить совѣтницъ сшить для муловъ нагрудники, съ тѣмъ, чтобы они не пачкали своей слюной мостовую на заднемъ дворѣ суда, куда ихъ ставятъ и гдѣ они грызутъ удила; и, такимъ образомъ, пажи могли бы играть на мостовой въ кости или иную игру, не портя штановъ. И выигралъ на этотъ разъ дѣло, но это мнѣ дорого стоило. И опять сочтите-ка, во что мнѣ обходятся небольшія пирушки, которыми я ежедневно угощаю судейскихъ пажей.

— Но съ какой цѣлью?—спросилъ я.

— Другъ мой,—отвѣчалъ онъ,—у

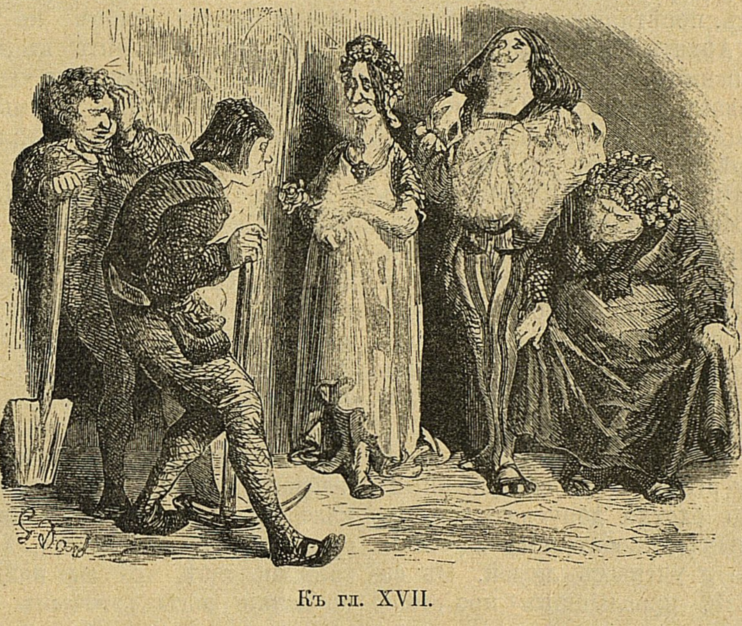
---

[1]) Намекъ на солому, которая служила вмѣсто скамеекъ школьникамъ улицы Фуаръ.

тебя нѣтъ никакихъ развлеченій въ мірѣ. У меня же ихъ больше, чѣмъ у короля. И если ты хочешь примкнуть ко мнѣ, намъ самъ чортъ будетъ не братъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я,—не желаю, потому что тебѣ не уйти отъ висѣлицы.

— А тебѣ,—сказалъ онъ,—не миновать могилы. А что почетнѣе: висѣть на воздухѣ или быть зарытымъ въ землю? Эхъ ты, большая дура! Въ то время, какъ пажи пируютъ, я стерегу ихъ муловъ и подрѣзываю у нѣкоторыхъ ремень у стремени, такъ что онъ чуть держится. И когда толстякъ совѣтникъ или другой кто вздумаетъ сѣсть на сѣдло, онъ растягивается какъ свинья на мостовой при всемъ честномъ народѣ, и тутъ смѣху бываетъ больше чѣмъ на сто франковъ. Но мнѣ смѣшнѣе всѣхъ, потому что, вернувшись домой, онъ велитъ драть господина пажа какъ попову козу и я, такимъ образомъ, не въ обидѣ за то, что израсходовался на угощеніе.



Къ гл. XVII.

Въ концѣ концовъ, у него было, какъ выше сказано, шестьдесятъ три способа доставать деньги, но было также и двѣсти четырнадцать способовъ ихъ расходовать.

XVIII.

О томъ, какъ великій клерикъ Англіи захотѣлъ диспутировать съ Пантагрюэлемъ, но былъ побѣжденъ Панургомъ.

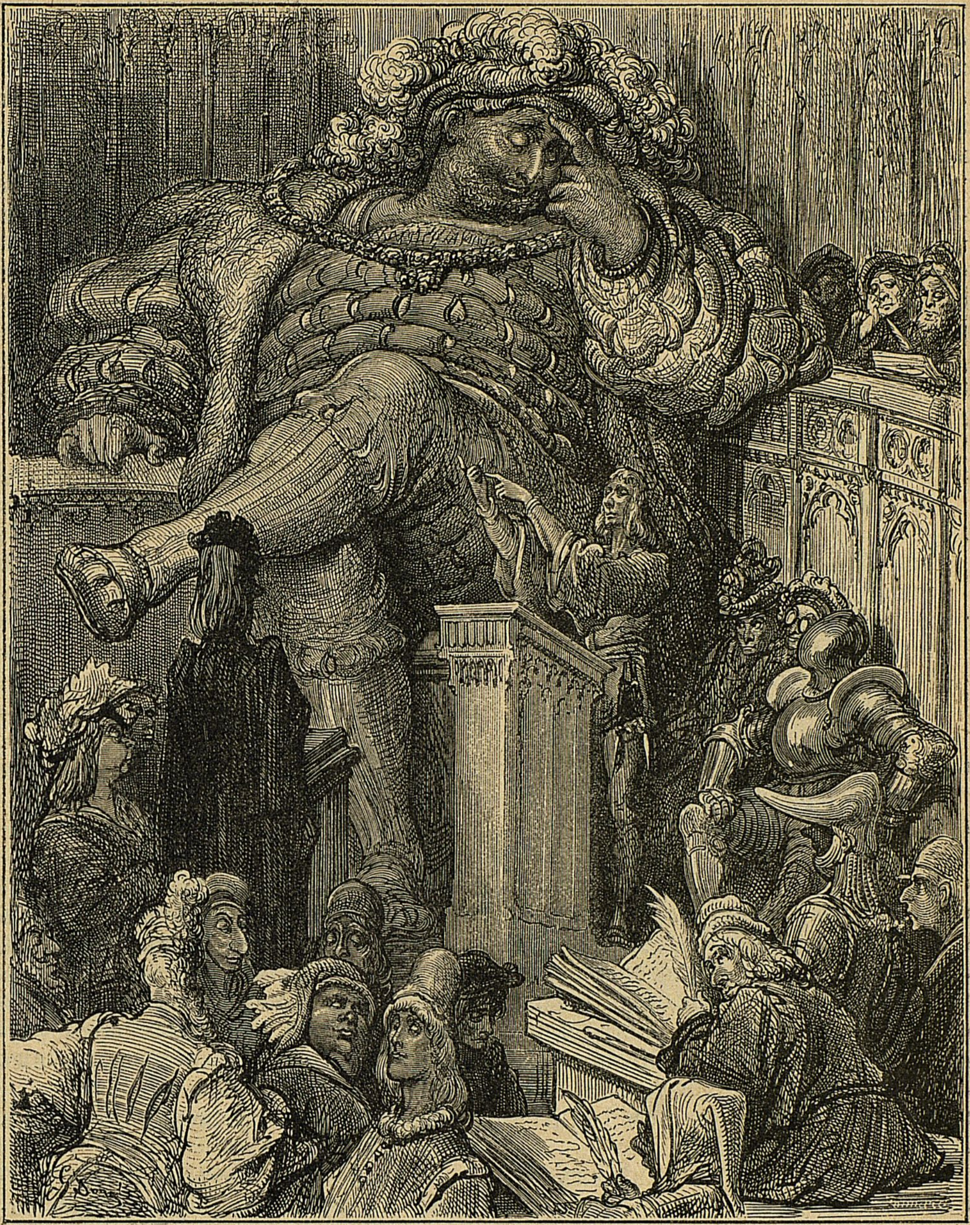
Въ тѣ самые дни одинъ ученый мужъ, по имени Томастъ, прослышавъ о гремѣвшей въ мірѣ и славной учености Пантагрюэля, прибылъ изъ Англіи съ тою только цѣлью, чтобы повидать Пантагрюэля, познакомиться съ нимъ и испытать, такъ ли велика его ученость, какъ о томъ гласила молва.

И дѣйствительно, прибывъ въ Парижъ, направился въ домъ вышеназваннаго Пантагрюэля, который жилъ въ отелѣ Сенъ-Дени и въ тотъ часъ гулялъ съ Панургомъ по саду, философствуя на манеръ перипатетиковъ. И при первомъ взглядѣ на него вздрогнулъ отъ страха, увидя, какъ онъ великъ и толстъ; затѣмъ поклонился, какъ водится, вѣжливо проговоривъ:

— Правду говоритъ Платонъ, царь философовъ, что если бы образъ знанія и науки воплотился и принялъ видимую оболочку въ глазахъ смертныхъ, онъ бы возбудилъ во всѣхъ восторгъ къ себѣ. Уже одинъ слухъ о немъ, распространяющійся въ воздухѣ, достигнувъ ушей ученыхъ и любителей науки, именуемыхъ философами, не даетъ имъ спать и отдыхать спокойно, ибо волнуетъ ихъ и побуждаетъ стремиться въ то мѣсто и увидѣть ту особу, въ которой, какъ говоритъ молва, наука основала свой храмъ, какъ это намъ было доказано Савской царицей, прибывшей съ окраинъ Востока и Персидскаго моря, чтобы узрѣть порядокъ въ домѣ мудраго Соломона и внимать его мудрости; Анахарсисомъ, прибывшимъ изъ Скиѳіи въ Аѳины, чтобы увидѣть Солона; Пиѳагоромъ, посѣтившимъ мемфисскихъ прорицателей; Платономъ, посѣтившимъ египетскихъ маговъ и Архита Тарентскаго; Аполлоніемъ Тіанскимъ, который добрался до горъ Кавказа, проѣхалъ Скиѳію, землю Массагетовъ, Индію, проплылъ по великой рѣкѣ Физонъ до Брамановъ, чтобы видѣть Гіархаса, и въ Вавилонъ, Халдею, Мидію, Ассирію, Парѳянскую землю, Сирію, Финикію, Аравію, Палестину, Александрію до самой Эѳіопіи, чтобы видѣть гимнософистовъ. Подобный же примѣръ видимъ мы въ Титѣ-Ливіи: чтобы видѣть его и слышать, многіе ученые люди пріѣзжали въ Римъ изъ окраинъ Франціи и Испаніи. Я не смѣю причислить себя къ числу и разряду этихъ столь совершенныхъ людей; но охотно допускаю назвать себя ученымъ и любителемъ не только наукъ, но и ученыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, прослышавъ про твою несравненную ученость, покинулъ я родину, родныхъ и свой домъ и перебрался сюда, не останавливаясь передъ продолжительностью пути, скучнымъ морскимъ плаваніемъ, новостью странъ, чтобы только познакомиться съ тобой и побесѣдовать о нѣкоторыхъ вопросахъ по части философіи, геометріи и кабалистики, которыя наводятъ на меня сомнѣніе и которыми не удовлетворяется мой умъ; и если ты сможешь разрѣшить ихъ мнѣ, то я тутъ же признаю себя твоимъ рабомъ, себя и все свое потомство; потому что иного дара, который бы я счелъ достаточнымъ, чтобы выразить мою благодарность, у меня нѣтъ. Я письменно изложу эти пункты и завтра оповѣщу о нихъ всѣхъ ученыхъ людей города, дабы мы могли публично при нихъ диспутировать. Но вотъ какимъ образомъ, по-моему, долженъ происходить диспутъ: я не хочу говорить pro и contra, какъ это дѣлаютъ дураки софисты здѣсь и въ другихъ мѣстахъ. Точно также я не хочу вести пренія на манеръ академиковъ, путемъ декламаціи; не хочу прибѣгать и къ числамъ, какъ дѣлалъ Пиѳагоръ и какъ хотѣлъ дѣлать Пикъ-де-ла-Мирандоль въ Римѣ. Но я хочу объясняться только знаками, не прибѣгая къ слову: вѣдь эти вопросы такъ затруднительны, что человѣческихъ словъ не достанетъ, чтобы ихъ объяснить къ моему удовольствію. Поэтому, если угодно будетъ твоему великолѣпію, то мы сойдемся въ большой Наварской залѣ въ семь часовъ утра.

Когда онъ кончилъ, Пантагрюэль сказалъ ему милостиво:

— Господинъ! Я не хотѣлъ бы ни передъ кѣмъ отрицать даровъ, которыми Богу угодно было надѣлить меня, потому что все вѣдь отъ Него исходитъ и Его благости угодно, чтобы дары эти пріумножались, когда попадешь въ общество людей достойныхъ и способныхъ принять небесную манну честнаго знанія. И въ настоящее время, какъ я замѣчаю, ты занимаешь въ средѣ ихъ первое мѣсто, а потому и заявляю тебѣ, что ты найдешь меня во всякіе часы готовымъ выполнить каждую твою просьбу, насколько это въ моихъ слабыхъ силахъ. Хотя мнѣ слѣдуетъ скорѣе учиться у тебя, нежели тебѣ у меня; но такъ какъ ты это оспариваешь, то мы сообща обсудимъ твои сомнѣнія и поищемъ ихъ разрѣшенія на днѣ неисчерпаемаго кладезя, въ которомъ, по увѣренію Гераклита, скрывается истина. И отъ души хвалю способъ веденія преній, предложенный тобою, а именно: знаками, а не словами, потому что такимъ образомъ мы съ тобой поймемъ другъ друга и избавимся отъ рукоплесканій праздныхъ софистовъ, которыми они часто прерываютъ пренія въ самомъ интересномъ мѣстѣ. Итакъ, завтра я



Къ гл. XVIII.

не премину явиться въ назначенные тобою мѣсто и часъ; но прошу тебя, чтобы между нами не было ни спору, ни шуму, такъ какъ мы не ищемъ почестей или одобренія людей, но только истину.

На это Томастъ отвѣчалъ:

— Господинъ! да будетъ надъ тобой Божіе благословеніе и благодарю тебя за то, что твое великолѣпіе удостоиваетъ снизойти къ моему ничтожеству. Итакъ, съ Богомъ до завтра.

— Съ Богомъ,—сказалъ Пантагрюэль.

Господа, вы, читающіе настоящее сочиненіе, знайте, что никогда еще люди не были такъ возбуждены и высоко настроены умственно, какъ Томастъ и Пантагрюэль въ продолженіе всей этой ночи. По крайней мѣрѣ, Томастъ говорилъ привратнику отеля Клюни, гдѣ остановился, что въ жизнь свою не чувствовалъ такой сильной жажды, какъ въ ту ночь.

— Мнѣ думается,—говорилъ онъ,— что Пантагрюэль засѣлъ у меня въ горлѣ; прикажите подать вина, прошу васъ, и распорядитесь, чтобы не было недостатка въ свѣжей водѣ, чтобы я могъ полоскать ротъ.

Съ другой стороны, Пантагрюэль настроился на возвышенный ладъ и всю ночь справлялся съ книгами:

Съ книгой Беды: De numeris et signis.

Книгой Плотина: De inenarrabilibus.

Книгой Прокла: De magia.

Книгами Артемидора: Peri Oneirocriticon.

Анаксагора: Peri Semeion.

Динарія: Peri Aphaton.

Съ книгами Филистіона

И Гиппонакса: Peri Anecphoneton.

И съ кучей другихъ, такъ что Панургъ сказалъ ему:

— Господинъ, бросьте вы всѣ эти думы и ложитесь спать: я чувствую, что вашъ умъ такъ возволнованъ, что вы можете заболѣть лихорадкой отъ избытка мышленія; но, выпивши хорошенько, ложитесь въ постель и спите на здоровье, потому что завтра я буду отвѣчать и спорить съ господиномъ англичаниномъ, и если только не поставлю его ad metam non loqui, то можете выругать меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣчалъ Пантагрюэль; но другъ мой, Панургъ, онъ удивительно ученый человѣкъ и какимъ образомъ можешь ты его переспорить?

— Отлично могу, — сказалъ Панургъ,—прошу васъ, не говорите мнѣ больше про это и предоставьте мнѣ все дѣло. Развѣ есть люди, которые были бы ученѣе чертей?

— Нѣтъ, разумѣется, — отвѣчалъ Пантагрюэль,—безъ особенной милости Божіей.

— Ну, и всякій разъ, какъ я спорилъ съ ними, — сказалъ Панургъ, — я ихъ ставилъ втупикъ. Ужъ будьте увѣрены, что я справлюсь завтра съ этимъ хвастливымъ англичаниномъ и оставлю его въ дуракахъ при всемъ честномъ народѣ.

Такимъ образомъ, Панургъ провелъ всю ночь съ пажами за кружкою вина и проигралъ всѣ застежки на своихъ штанахъ въ primus и secundus. И когда наступилъ назначенный часъ, онъ повелъ своего господина Пантагрюэля въ указанное мѣсто. И всѣ отъ мала до велика въ Парижѣ собрались въ томъ мѣстѣ, воображая, что этотъ чортъ Пантагрюэль, побѣдившій всѣхъ мечтателей и софистовъ, теперь будетъ посрамленъ; ибо англичанинъ былъ тоже малый не промахъ.

И вмѣстѣ съ собравшейся толпой ожидалъ ихъ и Томастъ. И когда Пантагрюэль и Панургъ вошли въ залу, всѣ эти школьники, художники и мастера принялись хлопать въ ладоши, по своему глупому обыкновенію.

Но Пантагрюэль вскричалъ громко, и точно пушечный выстрѣлъ пронесся по залѣ:

— Тише, во имя діавола, тише, ради Бога, мошенники! Если вы не угомонитесь, я вамъ отсѣку голову.

При этихъ словахъ всѣ удивились и послѣ того не смѣли даже чихнуть, хотя бы наглотались перьевъ. И всѣхъ одолѣла такая жажда отъ одного этого голоса, что они всѣ языки повысунули, точно Пантагрюэль посолилъ имъ глотку.

Тогда Панургъ заговорилъ и сказалъ англичанину:

— Господинъ, затѣмъ ли ты пришелъ сюда, чтобы препираться насчетъ поставленныхъ тобою тезисовъ, или для того, чтобы поучиться и убѣдиться въ ихъ истинѣ?

На это Томастъ отвѣчалъ:

— Господинъ, меня привело сюда не что иное, какъ желаніе учиться и узнать то, въ чемъ я всю жизнь сомнѣвался и до сихъ поръ не находилъ ни книги, ни человѣка, которые бы удовлетворительно разрѣшили мои сомнѣнія. А что касается того, чтобы препираться, то я вовсе этого не хочу: это дѣло слишкомъ низкое, и я предоставляю его дуракамъ софистамъ, которые въ диспутахъ ждутъ не истины, но противорѣчія и спора.

— Слѣдовательно, — сказалъ Панургъ, — если я, ничтожный ученикъ моего учителя господина Пантагрюэля, смогу удовлетворить тебя и угодить по всѣмъ статьямъ, то было бы недостойнымъ утруждать этимъ моего господина: гораздо лучше, пусть онъ будетъ судьей нашего диспута и только тогда самъ вступитъ въ споръ съ тобою, если тебѣ покажется, что я не удовлетворилъ твоей жаждѣ знанія.

— Хорошо, — отвѣчалъ Томастъ, — ты говоришь дѣло. Начинай же.

Надо замѣтить, что Панургъ прицѣпилъ къ штанамъ красивый лоскутъ изъ красно-бѣло-зелено-голубого шелка и въ немъ спряталъ прекрасный померанецъ.

XIX.

О томъ, какъ Панургъ одурачилъ англичанина, который велъ диспутъ посредствомъ знаковъ.

Итакъ, всѣ присутствующіе слушали въ полномъ безмолвіи въ то время, какъ англичанинъ высоко поднялъ въ воздухѣ обѣ руки, отдѣльно каждую, скрестилъ концы пальцевъ и, похлопавъ каждую ногтями четыре раза, раскрылъ ихъ; затѣмъ громко хлопнулъ ладонью одной руки другую и снова соединилъ ихъ, какъ выше сказано, хлопнулъ сначала два раза и затѣмъ еще четыре раза. Потомъ сложилъ руки и вытянулъ ихъ какъ бы въ молитвенной позѣ.

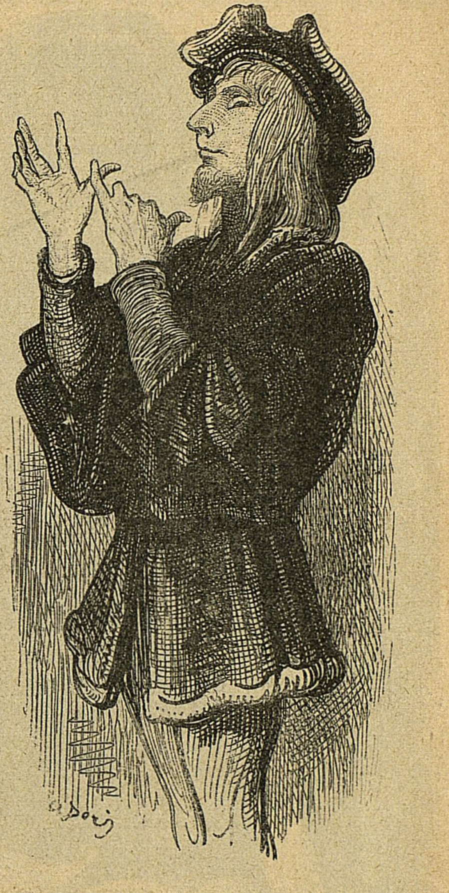
Панургъ внезапно поднялъ въ воздухѣ правую руку, вложилъ большой палецъ въ правую ноздрю, а остальные четыре пальца вытянулъ параллельно съ кончикомъ носа, закрылъ лѣвый глазъ, а правый скосилъ, опустивъ рѣсницы и бровь. Затѣмъ поднялъ лѣвую руку, сжимая и раздвигая четыре пальца, а большой палецъ держа приподнятымъ; послѣ того опустилъ обѣ руки къ землѣ и, въ концѣ концовъ поднявъ ихъ, какъ бы прицѣлился къ носу англичанина.

— И если Меркурій...? — началъ англичанинъ.

Панургъ перебилъ его, говоря:

— Вы проговорились, маска.

Послѣ того англичанинъ прибѣгнулъ къ такому знаку: раскрывъ лѣвую руку, поднялъ ее высоко въ воздухѣ, затѣмъ сжалъ въ кулакъ четыре пальца, а большой палецъ вытянулъ и приставилъ къ кончику носа. Послѣ того внезапно поднялъ раскрытою правую руку и раскрытою же опустилъ ее внизъ и приставилъ большой палецъ правой руки къ мизинцу лѣвой, а остальными пальцами помахалъ въ воздухѣ. Затѣмъ, наоборотъ, продѣлалъ правою рукою то, что передъ тѣмъ продѣлалъ лѣвою, а лѣвою то, что продѣлалъ правою.

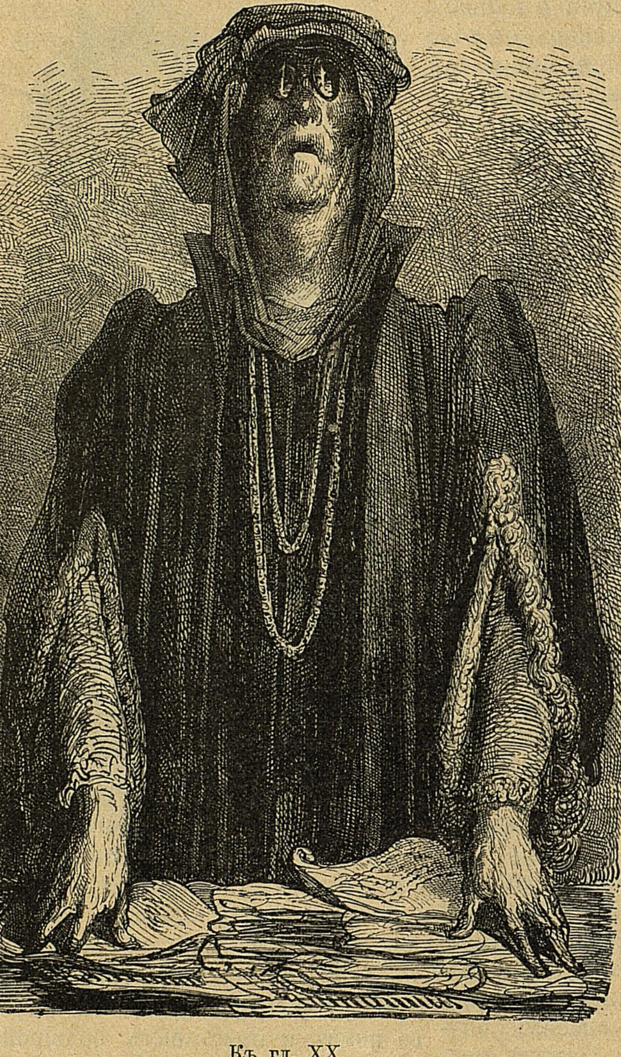


Къ гл. XIX.

Примѣчаніе. Вся остальная часть главы наполнена такою же непонятной мимикой; которая ничего не даетъ современному читателю, кромѣ утомленія.

XX.

О томъ, какъ Томастъ разсказывалъ про добродѣтели и ученость Панурга.



Къ гл. XX.

И вотъ Томастъ всталъ съ мѣста и, снявъ шапку съ головы, тихо поблагодарилъ Панурга. Затѣмъ громко сказалъ присутствующимъ:

— Господа, въ этотъ часъ я могу поистинѣ привести слова: Et ecce plusquam Salomon hic. Передъ вами здѣсь находится несравненное сокровище — господинъ Пантагрюэль, слава котораго привлекла меня сюда изъ дальняго края Англіи, съ тѣмъ, чтобы совѣщаться съ нимъ о неразрѣшимыхъ задачахъ въ магіи, алхиміи, кабалистикѣ, геометріи, астрологіи и философіи, занимавшихъ мой умъ. Но теперь я негодую на молву, которая, мнѣ кажется, завидуетъ ему: она не передаетъ и тысячной доли того, что есть въ дѣйствительности. Вы видѣли, какъ уже одинъ его ученикъ меня удовлетворилъ и больше мнѣ сказалъ, чѣмъ я просилъ: онъ мнѣ все объяснилъ и даже разсѣялъ всѣ другія мои сомнѣнія. И этимъ, могу васъ увѣрить, открылъ мнѣ истинный кладезь и бездну энциклопедіи, и при томъ въ такой формѣ, о которой я думалъ, что самыя основанія ея неизвѣстны,—и не надѣялся встрѣтить человѣка знакомаго съ нею хотя бы отчасти: я хочу сказать, что мы диспутировали посредствомъ знаковъ, не прибѣгая къ словамъ. Но я со временемъ изложу письменно то, что мы говорили и постановили, чтобы не думали, что это были только насмѣшки, и напечатаю это, чтобы всѣ этому научились такъ же, какъ и я. Итакъ, можете судить, каковъ учитель, потому, какъ отличился ученикъ; ибо non est discipulus super magistrum. Во всякомъ случаѣ приношу хвалу Богу и смиренную благодарность вамъ за честь, которую вы оказали своимъ присутствіемъ на этомъ дѣйствіи. Богъ наградитъ васъ за это.

Такую же благодарность выразилъ Пантагрюэль всѣмъ присутствующимъ и, уходя оттуда, увелъ съ собой обѣдать Томаста и они здóрово выпили. Св. Матерь Божія! Какъ ходили бутылки кругомъ, и какъ они наливались!

— Откупоривай, пажъ, наливай, чортъ тебя возьми, наливай полнѣй!

И не было никого, кто бы выпилъ меньше двадцати пяти или тридцати бочекъ. И знаете ли, какъ именно? Sicut terra sine aqua, потому что было жарко и имъ хотѣлось пить. Что касается изложенія тезисовъ, предложенныхъ Томастомъ, и объясненія знаковъ, къ которымъ они прибѣгали во время диспута, то я могъ бы сдѣлать это на основаніи ихъ собственныхъ показаній; но я слышалъ, что Томастъ написалъ объ этомъ обширное сочиненіе, напечатанное въ Лондонѣ, въ которомъ онъ подробно все объясняетъ, а потому я уклоняюсь отъ этого.

XXI.

О томъ, какъ Панургъ влюбился въ одну парижскую даму.

. . . .

XXII.

О томъ, какъ невѣжливо подшутилъ Панургъ надъ парижской дамой.

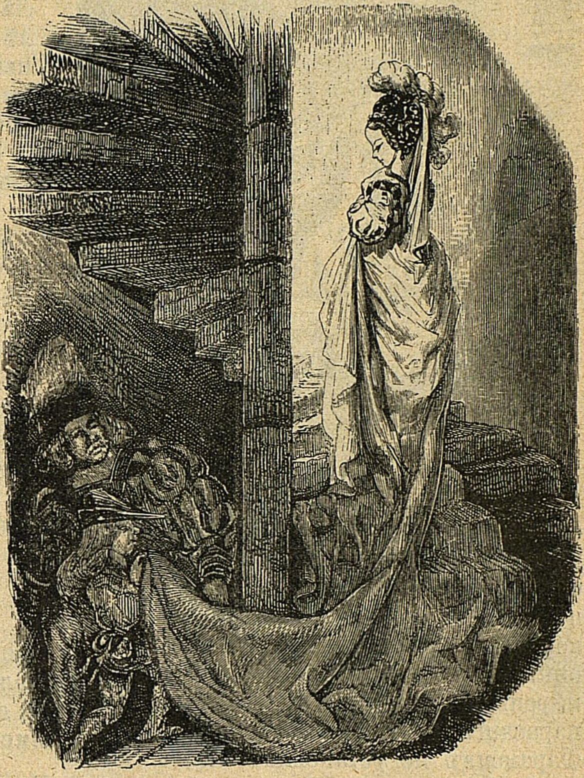
. . . .

Примѣчаніе. Обѣ эти главы невозможны въ переводѣ по своей непристойности.

XXIII.

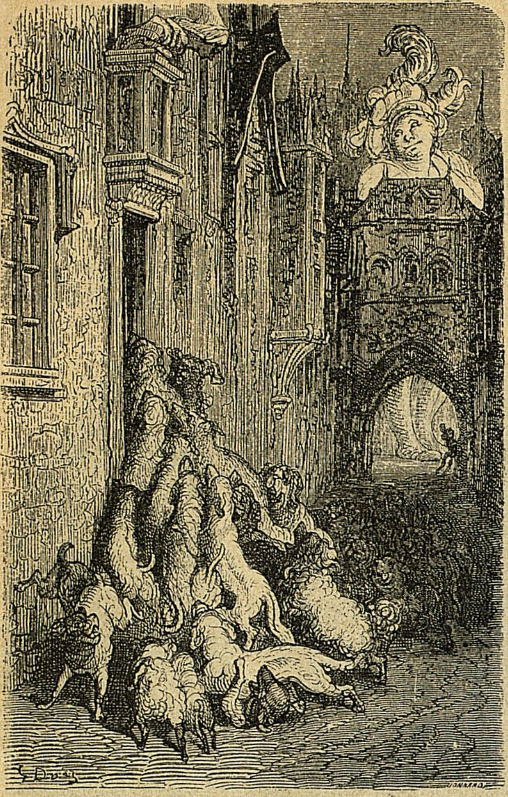
О томъ, какъ Пантагрюэль уѣхалъ изъ Парижа, получивъ извѣстіе о вторженіи Дипсодовъ въ страну Амороотовъ. И отчего французскія мили — такія короткія.

Немного времени спустя Пантагрюэль услышалъ новость, что отецъ его, Гаргантюа, былъ перенесенъ въ волшебный край МоргаНой, какъ во время óно Ожье и Артусъ, и что, прослышавъ объ этомъ, Дипсоды покинули свои предѣлы и осадили столицу Амортовъ.



Къ гл. XXI.

Вслѣдствіе сего Пантагрюэль покинулъ Парижъ, ни съ кѣмъ не простясь, потому что дѣло было спѣшное, и прибылъ въ Руанъ. Между тѣмъ, путемъ-дорогою замѣтилъ Пантагрюэль, что французскія мили гораздо короче, чѣмъ въ другихъ странахъ, и



Къ гл. XXII.

спросилъ о причинѣ этого у Панурга, который разсказалъ ему исторію, сообщаемую Маротомъ дю-Лякъ, monachus, въ его «Дѣяніяхъ Канарскихъ королей». Тамъ сказано, что въ старинныя времена страны не были измѣрены на мили, ни на стадіи, ни на парасанги [1], до тѣхъ поръ пока король Фарамондъ не установилъ ихъ; а сдѣлалъ онъ это слѣдующимъ образомъ: Набралъ въ Парижѣ сто красивыхъ, молодыхъ, добрыхъ молодцовъ и сто красивыхъ пикардскихъ дѣвушекъ и въ продолженіе недѣли хорошо кормилъ и поилъ ихъ, затѣмъ призвалъ къ себѣ и каждому далъ въ подруги по дѣвушкѣ, наградивъ щедро деньгами на расходы, и велѣлъ имъ идти куда глаза глядятъ. И приказалъ также, чтобы на каждомъ мѣстѣ, гдѣ они поцѣлуютъ свою подругу, они положили бы камень, и то будетъ миля. Такимъ образомъ, добрые молодцы весело пустились въ путь и на первыхъ порахъ, не успѣвъ еще утомиться въ пути, они часто цѣловались, и вотъ почему французскія мили такъ коротки. Но отломавъ долгій путь, они притомились и уже далеко не такъ часто цѣловались и довольствовались (я говорю про мужчинъ) какимъ-нибудь однимъ жалкимъ поцѣлуемъ въ день. И вотъ почему мили въ Бретани, въ Ландахъ, въ Германіи и другихъ болѣе дальнихъ странахъ такъ длинны. Другіе приводятъ иныя причины, но мнѣ это кажется самой основательной.

И съ этимъ охотно согласился Пантагрюэль.

Выѣхавъ изъ Руана, прибыли въ Гонфлёръ, гдѣ сѣли на корабль: Пантагрюэль, Панургъ, Эпистемонъ, Эстенъ и Карпалимъ. Пока они дожидались попутнаго вѣтра и оснащали корабль, Пантагрюэль получилъ отъ одной парижской дамы, съ которою долгое время состоялъ въ нѣжныхъ отношеніяхъ, письмо со слѣдующей надписью:

«Самому любимому и самому невѣрному изъ рыцарей, «Р. Н. Т. Г. Р. Л.».

XXIV.

О письмѣ, которое привезъ Пантагрюэлю курьеръ отъ одной парижской дамы, и объ объясненіи слова, написаннаго на золотомъ кольцѣ.

Когда Пантагрюэль прочиталъ надпись на письмѣ, онъ очень удивился и спросилъ у курьера имя той, которая его послала, раскрылъ письмо, но ничего не нашелъ въ немъ писаннаго, а только золотое кольцо съ брилліантомъ съ плоской гранью. Онъ позвалъ Панурга и показалъ ему посылку. На это Панургъ сказалъ, что бумага исписана, но такъ хитро, что письмена невидимы. И чтобы узнать, такъ ли это, поднесъ его къ огню, чтобы видѣть, написано ли оно аммiачнымъ растворомъ. Послѣ того положилъ его въ воду, чтобы узнать, не писано ли оно молочайнымъ сокомъ. Потомъ поднесъ его къ свѣчкѣ, чтобы видѣть, не писано ли оно сокомъ отъ бѣлаго лука. Потомъ натеръ его орѣховымъ масломъ,—не писано ли оно щелокомъ отъ фиговаго дерева? Потомъ потеръ его молокомъ женщины, кормившей грудью перворожденную дочь,—не писано ли оно лягушечьей кровью? Потомъ потеръ уголокъ его пепломъ отъ гнѣзда ласточекъ, чтобы видѣть, не писано ли оно росой съ жидовскихъ вишенъ. Затѣмъ другой уголъ потеръ сѣрой, которая выходитъ изъ ушей,—не писано ли оно желчью ворона? Потомъ намочилъ его въ уксусѣ,—не писано ли оно скамоніей? Потомъ жиромъ летучихъ мышей,—не писано ли оно китовымъ спермацетомъ? Потомъ осторожно положилъ его въ чистую воду, чтобы видѣть, не писано ли оно квасцами. Но видя, что изъ этого ничего не выходитъ, призвалъ курьера и спросилъ:

---

[1] Персидская мѣра разстоянія.

— Скажи, другъ, — дама, пославшая тебя сюда, не дала ли тебѣ на дорогу палку? Думаю, что она, быть можетъ, прибѣгла къ хитрости, которую употребилъ Авесъ Геллій.

Но курьеръ отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ, сударь.

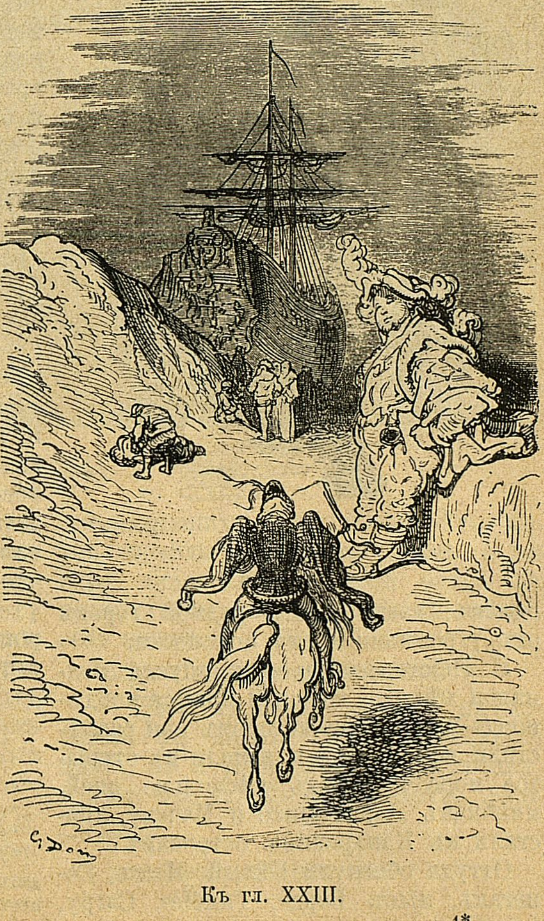
Послѣ того Панургъ хотѣлъ сбрить ему волосы, чтобы узнать, не написала ли дама того, что хотѣла сказать, на его бритой головѣ посредствомъ обожженной соломинки; но, видя, что у него слишкомъ длинные волосы, отказался отъ этой мысли, сообразивъ, что въ такой короткій срокъ волосы не могли бы у него отрости. И вотъ онъ сказалъ Пантагрюэлю:

— Господинъ, именемъ Бога клянусь, что ничего тутъ не понимаю. Чтобы узнать, не написано ли тутъ чего-нибудь, я прибѣгалъ къ способамъ, описаннымъ тосканцемъ Франческо ди-Ніанто, который сообщаетъ, какъ писать невидимыми письменами, и тѣмъ, о которыхъ говоритъ Зороастръ Peri Grammaton acréton acréton и Кальфурній Бассъ: de Literis illegibilibus, но ничего не увидѣлъ и думаю, что остается только осмотрѣть кольцо. Давайте-ка его сюда.

И вотъ, осматривая его, нашли внутри надпись по-еврейски: Lamah hazabathani; и тогда призвали Эпистемона, спрашивая его, что это значитъ. На это онъ отвѣчалъ, что это еврейскія слова, означающія: Почто меня оставилъ? И тутъ Панургъ вдругъ объявилъ:

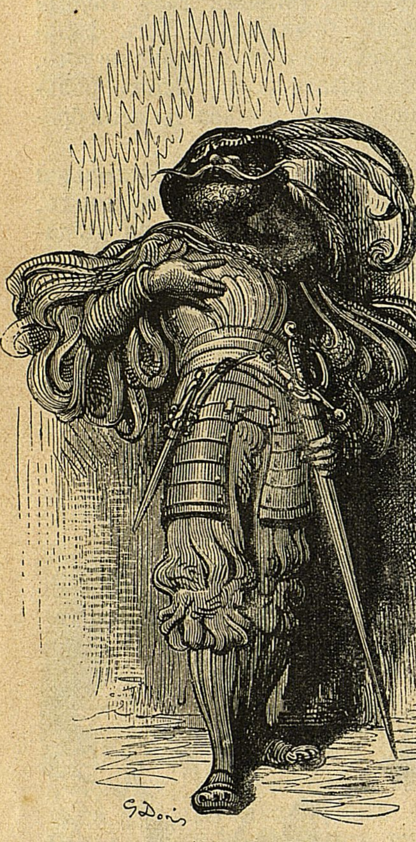
— Понимаю, въ чемъ дѣло. Видите ли вы этотъ брилліантъ? Онъ фальшивый. Вотъ, значитъ, толкованіе того, что хочетъ сказать дама:—Скажи, фальшивый любовникъ, зачѣмъ ты меня бросилъ?

Пантагрюэль немедленно согласился съ этимъ толкованіемъ и вспомнилъ, что, уѣзжая, даже не простился съ дамой, и огорчался этимъ, и готовъ былъ



Къ гл. XXIII.

вернуться въ Парижъ, чтобы помириться съ нею. Но Эпистемонъ напомнилъ ему о томъ, какъ Эней разстался съ Дидоной, и о словахъ Гераклида Тарентскаго: что когда корабль стоитъ на якорѣ, то въ случаѣ настоятельной нужды лучше перерѣзать канатъ, нежели тратить время на то, чтобы его развязать. И что онъ долженъ теперь думать только объ одномъ: какъ спасти родной городъ отъ угрожающей ему опасности.



Къ гл. XXIV.

И дѣйствительно часъ спустя поднялся вѣтеръ, который зовется нордъ-нордъ-вестъ, при которомъ они распустили всѣ паруса и вышли въ открытое море и черезъ нѣсколько дней, миновавъ Порто-Санто и Мадеру, пристали къ Канарскимъ островамъ.

Оттуда обогнули Бѣлый Мысъ, Сенегалъ, мысъ Верде, Гамбію, Сагру, Мелли, мысъ Доброй Надежды и пристали къ королевству Мелинда.

Оттуда вмѣстѣ съ сѣвернымъ вѣтромъ направились въ Меденъ [1], Ути [2], Уденъ [3], Геласинъ [4] и Волшебные острова и въ королевство Ахорія [5], пока не достигли береговъ Утопіи, отстоявшей въ трехъ миляхъ съ небольшимъ отъ столицы Аморотовъ.

Когда они сошли на землю и немного отдохнули, Пантагрюэль сказалъ:

— Дѣти, отсюда городъ недалеко; но прежде чѣмъ идти туда, хорошо было бы обсудить: какъ намъ надо дѣйствовать, чтобы не походить на аѳинянъ, которые всегда сначала дѣйствовали, а потомъ уже совѣщались. Рѣшились ли вы жить и умереть со мной?

— Да, господинъ, — отвѣчали всѣ они,—разсчитывайте на насъ какъ на свои собственные пальцы.

— Ну вотъ,—сказалъ онъ,—умъ мой смущается насчетъ одного только пункта, а именно: я не знаю, въ какомъ порядкѣ и въ какомъ числѣ осадили враги нашъ городъ; если бы я это зналъ, я бы дѣйствовалъ съ большей увѣренностью. Поэтому обдумаемъ сообща, какимъ способомъ узнать намъ это.

На это всѣ хоромъ отвѣчали:

— Пустите насъ: мы пойдемъ и посмотримъ, а вы дожидайтесь насъ здѣсь; сегодня же мы доставимъ вамъ самыя достовѣрныя извѣстія.

— Я,—сказалъ Панургъ,—ручаюсь, что проникну въ непріятельскій лагерь, неузнанный ими, и стану пировать и прохлаждаться съ ними; осмотрю ихъ артиллерію, побываю въ шатрахъ военачальниковъ и побратаюсь съ солдатами и никто меня не признаетъ; самъ чортъ меня не откроетъ, потому что я сродни Зопиру [6].

— Мнѣ,—сказалъ Эпистемонъ,—хорошо знакомы всѣ военныя хитрости и подвиги храбрыхъ военачальниковъ и воиновъ прошедшихъ временъ и всѣ ухищренія и тонкости военной дисциплины. Я отправлюсь и хотя бы они открыли и изобличили меня, я уйду отъ нихъ цѣлъ и невредимъ, увѣривъ ихъ во всемъ, что мнѣ угодно, потому что я изъ породы Синона[1]).

---

[1] По-гречески—«ничего».

[2] Ровно ничего.

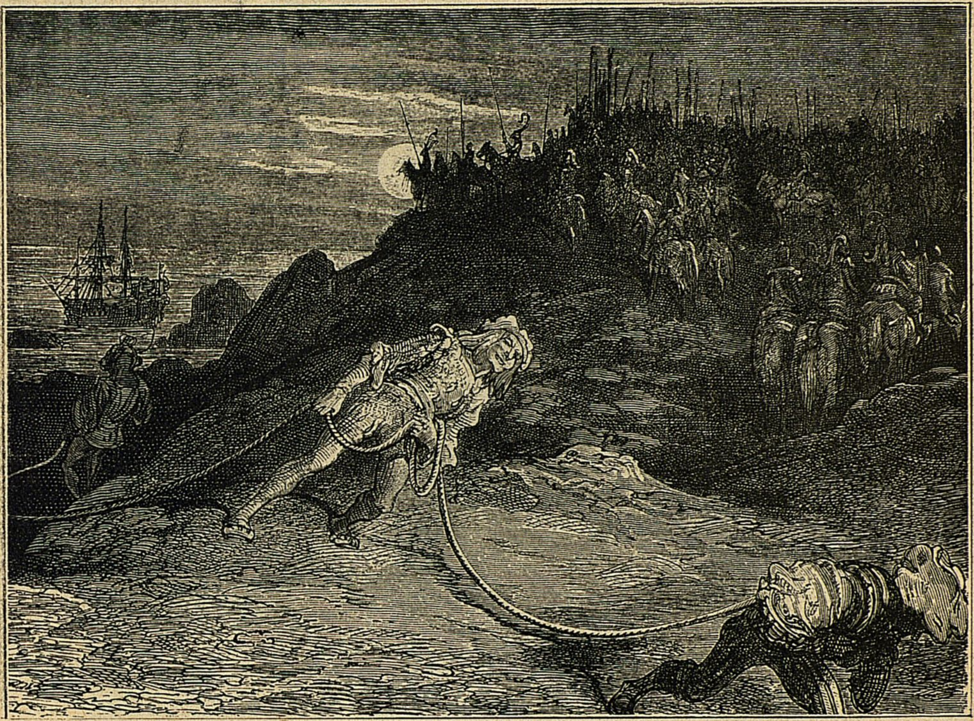
[3] Безусловно ничего.

[4] Отъ слова—смѣяться.

[5] Нѣтовая земля.

[6] Который самъ изувѣчилъ себя, чтобы предать Вавилонъ въ руки Дарія, осаждавшаго этотъ городъ.

— Я,—сказалъ Эстенъ,—проберусь черезъ ихъ траншеи, наперекоръ всѣмъ стражамъ, и переломаю имъ руки и ноги, хотя бы они были сильны, какъ черти, потому что я изъ породы Геркулеса.



Къ гл. XXV.

— Я,—сказалъ Карпалимъ,—проникну туда, какъ птица, потому что у меня тѣло такое легкое, что я перепрыгну черезъ ихъ траншеи и пробѣгу по всему лагерю, прежде чѣмъ они меня замѣтятъ. И я не боюсь ни копья, ни стрѣлы, ни коня, какимъ бы онъ ни былъ быстроногимъ; и хотя бы то былъ самъ Пегасъ Персея или Паколе[2]), они меня не догонятъ; и я берусь пройти по хлѣбнымъ колосьямъ, по травѣ луговой, не примявъ ихъ, потому что я изъ породы амазонки Камиллы[1]).

XXV.

О томъ, какъ Панургъ, Карпалимъ, Эстенъ, Эпистемонъ, соратники Пантагрюэля, хитрымъ манеромъ разбили шестьсотъ шестьдесятъ рыцарей.

Говоря это, они увидѣли шестьсотъ рыцарей верхомъ на легкихъ коняхъ, прискакавшихъ, чтобы посмотрѣть, какой корабль вошелъ въ гавань, и теперь мчавшихся во весь опоръ на нихъ, чтобы забрать ихъ въ плѣнъ, если можно.

Тогда Пантагрюэль сказалъ:

— Дѣти, садитесь обратно на корабль, вы видите приближающагося врага, но я убью ихъ, какъ собакъ, и хотя бы ихъ было въ десять разъ больше. Вы же въ это время удалитесь и ждите меня.

---

[1]) Который предалъ Трою грекамъ. Вирг. II, 57.

[2]) Деревянный конь въ одномъ изъ рыцарскихъ романовъ.

[1]) Вир. Энеида, IX, 807—810.

На это Панургъ отвѣчалъ:

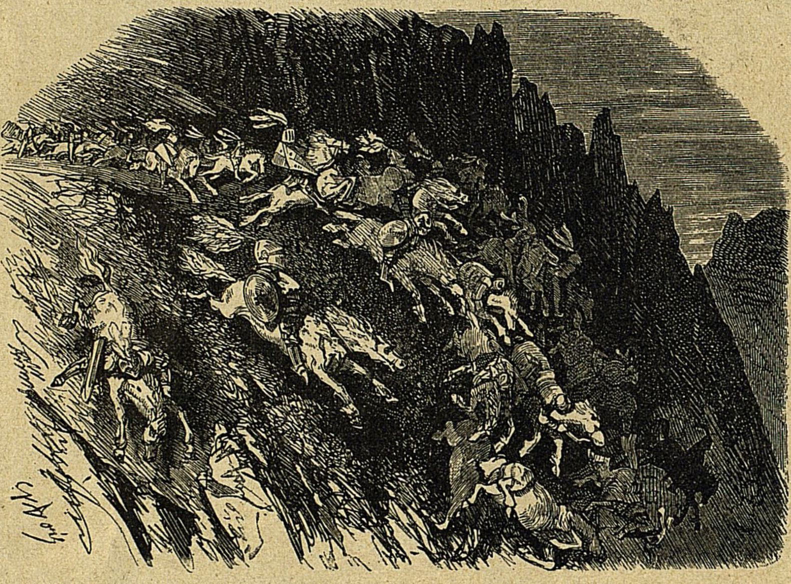
— Нѣтъ, господинъ, этакъ не годится; напротивъ того, вы должны удалиться на корабль съ другими; я же одинъ справлюсь съ ними; но не теряйте времени; уходите скорѣе.

На что и другіе замѣтили:

— Онъ дѣло говоритъ; господинъ, уходите, а мы поможемъ здѣсь Панургу, и вы узнаете, на что мы способны.

Тогда Пантагрюэль отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ; но въ случаѣ вы бы оказались слабѣйшими, я приду къ вамъ на подмогу.



Къ гл. XXV.

Тутъ Панургъ снялъ два большихъ каната съ корабля и привязалъ ихъ къ кабестану, находившемуся на палубѣ, и, спустивъ ихъ на землю, описалъ ими кругъ одинъ побольше, а другой помньше внутри перваго, и сказалъ Эпистемону:

— Войдите на корабль и, когда я позвоню, поверните какъ можно скорѣе кабестанъ и притяните къ себѣ оба каната.

Потомъ сказалъ Эстену и Карпалиму:

— Дѣти, дожидайтесь здѣсь и открыто непріятеля и прикиньтесь, что сдаетесь ему, но,—смотрите,—не вступайте въ кругъ этихъ канатовъ, но держитесь внѣ ихъ.

Послѣ того поспѣшилъ на корабль, взялъ тамъ охапку соломы и рожокъ пороху, посыпалъ имъ между обоими канатами и сталъ возлѣ съ фитилемъ въ рукахъ. Какъ вихрь полетѣли рыцари и первые очутились совсѣмъ близко отъ корабля, но такъ какъ берега были скользкіе, то попадали вмѣстѣ со своими лошадьми, въ числѣ сорока четырехъ человѣкъ. Видя это, остальные приблизились, воображая, что имъ оказываютъ сопротивленіе. Но Панургъ сказалъ имъ:

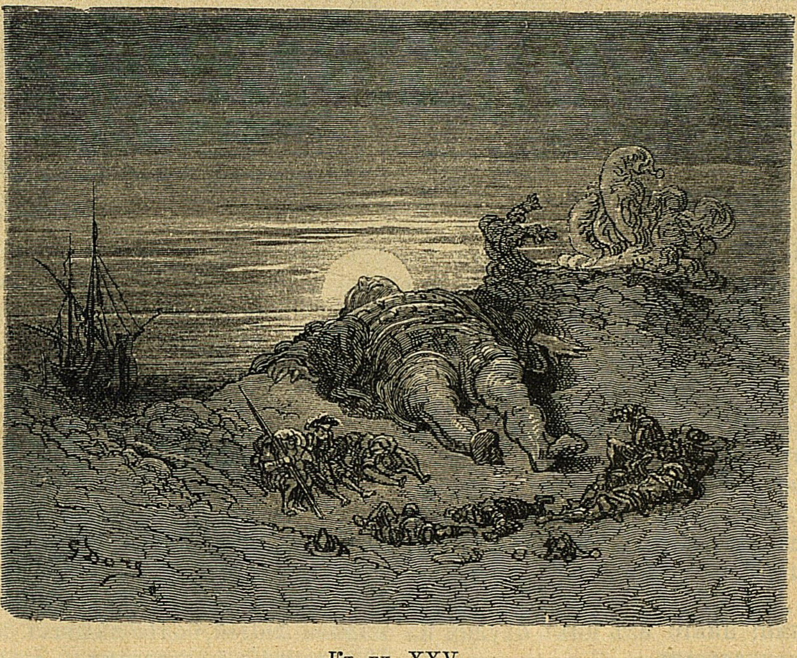
— Господа, вы, кажется, ушиблись; простите насъ, это не мы виноваты, а морская вода, которая всегда бываетъ скользкою. Мы же сдаемся вамъ безусловно.

То же самое повторили его два соратника и Эпистемонъ, находившійся на палубѣ.

Между тѣмъ Панургъ, отступая и видя, что всѣ находятся внутри канатнаго круга, и что его два соратника тоже отступили, расчищая мѣсто всѣмъ этимъ рыцарямъ, толпою стремившимся на корабль, внезапно закричалъ Эпистемону:

— Тяни! Тяни!

Тогда Эпистемонъ сталъ тянуть кабестанъ, и оба каната обмотались вокругъ ногъ, и лошади повалились на землю, вмѣстѣ со всадниками; видя это, всадники вытащили шпаги и хотѣли перерубить канаты, но Панургъ поджегъ порохъ—и всѣ они сгорѣли, какъ осужденные грѣшники: люди, кони, никто не спасся, кромѣ одного, подъ которымъ былъ турецкій конь, и онъ думалъ спастись бѣгствомъ. Но когда Карпалимъ это увидѣлъ, то бросился за нимъ въ догонку такъ поспѣшно и такъ ретиво, что нагналъ, прежде чѣмъ тотъ проѣхалъ сто шаговъ, и, вскочивъ на крупъ лошади, охватилъ его сзади и доставилъ на корабль.



Къ гл. XXV.

Послѣ такой побѣды надъ непріятелемъ, Пантагрюэль очень обрадовался и отъ всей души похвалилъ изобрѣтательность своихъ соратниковъ, далъ имъ отдохнуть и хорошенько угостилъ ихъ на берегу, гдѣ они, лежа на брюхѣ весело ѣли и пили, и съ ними вмѣстѣ ихъ плѣнникъ, который, впрочемъ, былъ не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что Пантагрюэль не проглотитъ его живьемъ, что̀ онъ могъ бы сдѣлать, — такая у него была широкая глотка,—такъ же легко, какъ вы проглотили бы обсахаренную миндалинку, и онъ занялъ бы у него во рту не больше мѣста, чѣмъ зернышко проса въ глоткѣ осла.

XXVI.

О томъ, какъ Пантагрюэлю и его соратникамъ надоѣло ѣсть солонину и какъ Карпалимъ пошелъ на охоту за дичью.

Въ то время какъ они пировали, Карпалимъ сказалъ:

— Эхъ, чортъ возьми! Неужели же мы никогда не поѣдимъ дичи? Эта солонина ободрала мнѣ все горло. Я принесу сюда заднюю ногу одной изъ лошадей, которыхъ мы подожгли; она, навѣрное, хорошо зажарилась.

И въ то время какъ онъ всталъ съ этою цѣлью, онъ увидѣлъ при входѣ въ лѣсъ большую красивую дикую козу, выбѣжавшую изъ форта, и привлеченную, какъ мнѣ думается, огнемъ, зажженнымъ Панургомъ. Онъ немедленно побѣжалъ къ ней съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука, и поймалъ въ одинъ мигъ, а на бѣгу схватилъ руками въ воздухѣ четырехъ большихъ драхвъ, семерыхъ стрепетовъ, двадцать шесть сѣрыхъ куропатокъ, тридцать двѣ красныхъ, шестерыхъ фазановъ, девять бекасовъ, девятнадцать цапель, тридцать два дикихъ голубя и убилъ ногами десять или двѣнадцать зайцевъ и кроликовъ, пятнадцать вепренковъ, двоихъ барсуковъ, трехъ большихъ лисицъ. Хвативъ саблей по головѣ дикой козы, онъ убилъ ее и, принеся на мѣсто, подобралъ зайцевъ, кроликовъ и вепренковъ. И издали, откуда только могли заслышать его голосъ,—вскричалъ:

— Панургъ, другъ мой, уксусъ, уксусъ!

Вслѣдствіе чего добрый Пантагрюэль подумалъ, что его тошнитъ, и велѣлъ принести уксуса. Но Панургъ хорошо понялъ, что пахнетъ жаркимъ, и дѣйствительно указалъ благородному Пантагрюэлю, что Карпалимъ несетъ на плечѣ дикую козу, а весь поясъ его увѣшанъ зайцами. И тутъ Эпистемонъ соорудилъ во имя девяти музъ девять прекрасныхъ деревянныхъ вертеловъ, на манеръ античныхъ. Эстенъ помогалъ сдирать кожу, а Панургъ устроилъ изъ двухъ рыцарскихъ сѣделъ родъ тагана, и они заставили плѣнника жарить дичь на огнѣ, который сожигалъ рыцарей. И послѣ того начался пиръ на весь міръ; весело было глядѣть, какъ они работали зубами и челюстями; никто изъ нихъ охулки на руку не положилъ.

Пантагрюэль вдругъ сказалъ:

— Хорошо было бы, если бы у каждаго изъ васъ привѣшена была къ подбородку пара бубенчиковъ, а къ моему большіе колокола съ колоколенъ Ренна, Пуатье, Тура и Камбрэ: мы бы подъ музыку работали челюстями.

— А знаете ли,—отвѣчалъ Панургъ, лучше было бы намъ заняться нашимъ дѣломъ и обсудить, какимъ способомъ намъ одолѣть враговъ.

— Умно сказано, — замѣтилъ Пантагрюэль.

И спросилъ у плѣнника:

— Другъ мой, скажи намъ правду, и смотри, не ври, если не хочешь, чтобы тебя ободрали живымъ, потому что вѣдь это я—тотъ людоѣдъ, что ѣстъ маленькихъ дѣтей; скажи намъ про порядокъ, численность и крѣпость арміи.

На это плѣнникъ отвѣчалъ:

— Господинъ, узнайте истину, что въ арміи находятся: триста великановъ, въ каменныхъ панцыряхъ, роста громаднаго, но все же не такого, какъ вы, за исключеніемъ одного, предводителя ихъ, котораго зовутъ Оборотень, и онъ вооруженъ циклопическими наковальнями; сто шестьдесятъ три тысячи пѣхотинцевъ, вооруженныхъ чортовой кожей, людей сильныхъ и храбрыхъ; одиннадцать тысячъ четыреста рейтаровъ; три тысячи шестьсотъ тяжелыхъ орудій и безчисленное множество лодокъ; сто пятьдесятъ тысячъ публичныхъ женщинъ, красивыхъ какъ богини...

— Вотъ это по моей части, — сказалъ Панургъ.

— Однѣ изъ нихъ амазонки, другія—уроженки Ліона, третьи—парижанки, уроженки Турени, Анжера, Пуату, нормандки, нѣмки, всѣхъ странъ и всѣхъ языковъ.

— Вотъ какъ, — замѣтилъ Пантагрюэль,—но король тамъ?

— Да, государь, — отвѣчалъ плѣнникъ,—своей собственной персоной, и мы зовемъ его Анархомъ, королемъ Дипсодовъ, что означаетъ: люди жаждущіе, и вы, въ самомъ дѣлѣ, не видѣли людей, болѣе падкихъ до питья. И шатеръ его охраняется стражей.

— Довольно, — сказалъ Пантагрюэль. Ну, дѣти, готовы ли вы идти со мной?

На это Панургъ отвѣчалъ:

— Пусть Богъ покараетъ того, кто васъ оставитъ. Я уже надумалъ, какимъ образомъ я ихъ всѣхъ побью какъ свиней и ни одинъ отъ меня не уйдетъ, и чортъ не будетъ обиженъ. Но меня заботитъ одно только.

— Что же именно?—спросилъ Пантагрюэль.

— А то,—отвѣчалъ Панургъ, какимъ образомъ мнѣ управиться со всѣми публичными женщинами, которыя тамъ находятся: чтобъ ни одна не ушла отъ меня безъ прибыли для себя.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся Пантагрюэль.

А Карпалимъ замѣтилъ:

— Чортъ побери, вѣдь и я малый не промахъ!

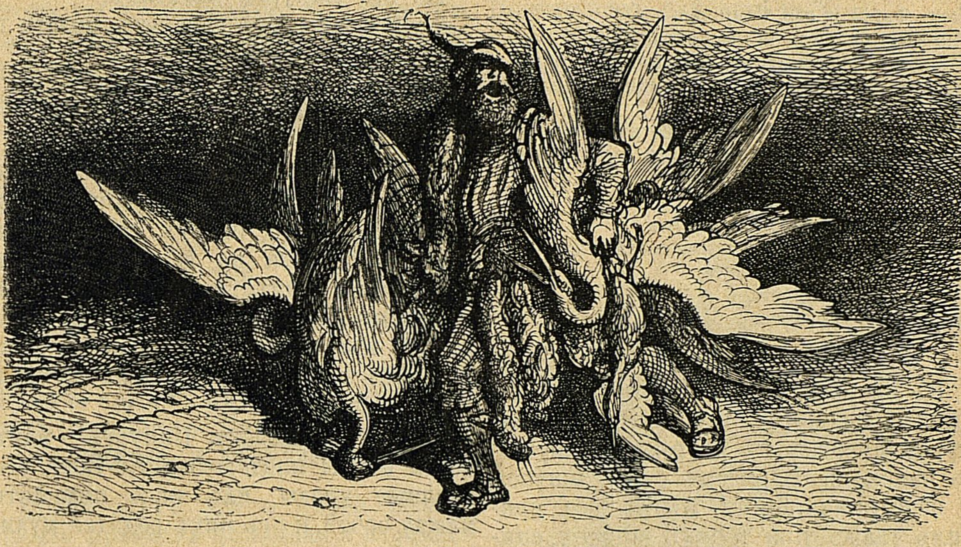
— А про меня-то вы и забыли, — сказалъ Эстенъ.

— Будь спокоенъ,—отвѣчалъ Панургъ, уступимъ тебѣ самыхъ толстыхъ и здоровыхъ.

— Ба,—отвѣчалъ Эпистемонъ,—мы ихъ всѣхъ изжаримъ, или сваримъ, и искрошимъ, какъ начинку для пирога. Ихъ не такъ много, какъ было у Ксеркса, потому что у того было триста тысячъ воиновъ, если вѣрить Геродоту и Трогу Помпею, и однако Ѳемистоклъ разбилъ ихъ всѣхъ. Ради Бога, не опасайтесь.

— Ба,—отвѣчалъ Панургъ,—мы ихъ шапками закидаемъ. Спуску не будетъ ни мужчинамъ, ни женщинамъ.

— Если такъ, дѣти,—сказалъ Пантагрюэль,—то пора въ путь.



Къ гл. XXVI.

— Какъ, — замѣтилъ Эпистемонъ, всѣ будутъ кататься, а я буду саночки возить? Чортъ меня побери, если я допущу это. Мы поступимъ по праву войны: qui potest capere capiat.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ Панургъ, ты будешь на равной ногѣ со всѣми нами.

А добрый Пантагрюэль со смѣхомъ слушалъ эти рѣчи, но, наконецъ, замѣтилъ:

— Вы разсчитываете безъ хозяина. Я очень боюсь, что еще до наступленія ночи у васъ пропадетъ всякая охота къ гульбѣ, потому что васъ здорово угостятъ и пиками и копьями.

XXVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль воздвигъ трофей въ память ихъ доблести, а Панургъ воздвигъ другой въ память зайцевъ. И о томъ, какъ Пантагрюэль произвелъ на свѣтъ маленькихъ мужчинъ и маленькихъ женщинъ. И о томъ, какъ Панургъ сломалъ толстую палку о два стакана.

— Прежде чѣмъ уйти отсюда, — сказалъ Пантагрюэль,—я хочу соорудить въ этомъ мѣстѣ великолѣпный трофей, въ память нашей доблести.

И вотъ съ сердечнымъ веселіемъ и деревенскими пѣснями они сообща водрузили большой деревянный столбъ и повѣсили на немъ сѣдло, чапракъ, панцырь, стремя, шпоры, кольчугу, наколѣнники, сѣкиру, шпагу, желѣзную перчатку, нагрудники и пару ботфортовъ, и, такимъ образомъ, собрали весь матеріалъ, необходимый для тріумфальной арки или трофея. Затѣмъ на вѣчную память Пантагрюэль написалъ слѣдующее побѣдное стихотвореніе:

Здѣсь обнаружилась доблесть
Четверыхъ храбрыхъ и благородныхъ рыцарей.
Вооруженные не одной только кольчугой,
Но также и здравымъ смысломъ,
Какъ Фабій и оба Сципіона,
Они сожгли, какъ древесную кору,
Шестьсотъ шестьдесятъ разбойниковъ!
Вы всѣ, короли, герцоги, мужики и бражники,
Берите съ нихъ примѣръ
И знайте, что разумъ сильнѣе кулака!
Ибо побѣда,
Извѣстно всякому,
Дается свыше
Господомъ Богомъ
И выпадаетъ на долю не сильнѣйшему,
А тому, кто Ему угоденъ,
Кто въ Него вѣруетъ
И на Него уповаетъ.

Въ то время, какъ Пантагрюэль сочинялъ вышеупомянутые стихи, Панургъ прибилъ къ другому столбу рога дикой козы рядомъ съ ея шкурой и передними ногами. Кромѣ того, прибилъ также уши троихъ зайцевъ, спину кролика, челюсти зайца, крылья двухъ драхвъ, ноги четверыхъ дикихъ голубей, сткляночку съ уксусомъ, рогъ, куда они клали соль, деревянный вертелъ, шпиговку, старый, дырявый котелъ, чашку, солонку и стаканъ. И въ подражаніе стихамъ и трофею Пантагрюэля написалъ нижеслѣдующее:

На этомъ самомъ мѣстѣ,
Весело усѣвшись на землю,
Четверо лихихъ бражниковъ
Пировали въ честь Бахуса
И пили мертвую.
При этомъ легъ костьми
Господинъ заяцъ;
Его загнали и зажарили
Съ солью и въ уксусѣ.
Въ жаркую пору
Всего милѣе
Пить доброе вино,
Но зайца кушать
Безъ уксуса вредно,
Запомните это.

Тутъ Пантагрюэль сказалъ.

— Ну, дѣти, довольно пировать. Кто любитъ не въ мѣру пировать, тотъ не способенъ къ военной доблести. Лучшей тѣнью служитъ тѣнь, брасаемая знаменами; паръ отъ боевого коня и стукъ оружія всего милѣе.

Эпистемонъ улыбнулся на эти слова и отвѣчалъ:

— Всего лучше тѣнь отъ кухни, и паръ отъ пироговъ, и стукъ чашекъ.

На это Панургъ замѣтилъ:

— Лучше всего тѣнь отъ полога и паръ отъ женскаго тѣла.

И, вскочивъ, облегчился отъ вѣтровъ, подпрыгнулъ, засвисталъ и весело и громко закричалъ:

— Да живетъ вѣчно Пантагрюэль!

Увидя это, Пантагрюэль хотѣлъ сдѣлать то же самое; но отъ его вѣтровъ земля задрожала на девять миль въ окружности и вмѣстѣ съ испорченнымъ воздухомъ появилось на свѣтъ пятьдесятъ три тысячи человѣчковъ, кривобокихъ карликовъ, и столько же уродливыхъ карлицъ.

— Вотъ,—сказалъ Панургъ,—какъ ваши вѣтры плодородны! Ей-Богу, это славные уроды; ихъ надо поженить между собой, и отъ нихъ родятся мухи-кусачки.

Пантагрюэль такъ и сдѣлалъ, и назвалъ ихъ пигмеями и отвелъ имъ для жительства одинъ островъ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ они съ тѣхъ поръ очень расплодились. Но цапли ведутъ съ ними постоянную войну, хотя они храбро защищаются, потому что эти карлики, которыхъ въ Шотландіи зовутъ ручкой скребницы, очень гнѣвливы. И физическая причина этому та, что у нихъ сердце помѣщается близко отъ селезенки.

Въ тотъ самый часъ Панургъ взялъ два стакана, стоявшихъ тутъ и довольно большихъ, наполнилъ ихъ до краевъ водой и поставилъ одинъ на деревянную скамейку, а другой на другую и отставилъ ихъ другъ отъ дружки на пять футъ, потомъ взялъ древко копья, величиной въ пять футовъ съ половиной, и положилъ его на стаканы такъ, что оно только кончиками касалось стакановъ. Затѣмъ взялъ толстый колъ и сказалъ Пантагрюэлю и другимъ:

— Господа, поглядите, какъ мы легко справимся съ нашими врагами. Подобно тому, какъ я переломлю это древко, лежащее на стаканахъ, не разбивъ ихъ и, мало того, не проливъ ни одной капли воды, — точно такъ мы проломимъ голову нашимъ Дипсодамъ, и при этомъ сами не будемъ ранены и не потерпимъ никакого вреда. Но, чтобы вы не подумали, что дѣло нечисто, возьмите-ка,—обратился онъ къ Эстену, — и бейте этотъ колъ по середкѣ, сколько вашей душѣ угодно.

Эстенъ повиновался, и древко переломилось на два куска, при чемъ ни одна капля воды не пролилась изъ стакановъ. Послѣ того сказалъ:

— Я и не такія еще штуки знаю. Идемъ безъ опасеній.

XXVIII.

О томъ, какимъ диковиннымъ образомъ побѣдилъ Пантагрюэль Дипсодовъ и великановъ.

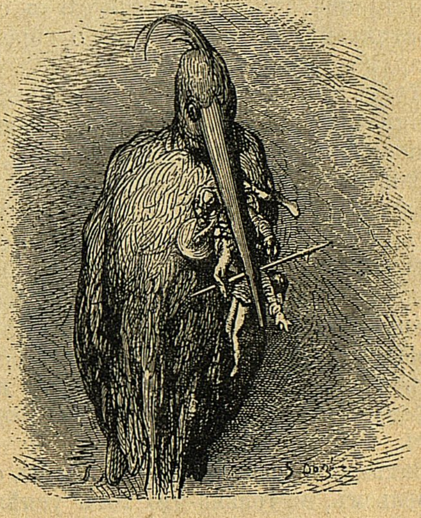
Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей Пантагрюэль призвалъ плѣнника и отослалъ его обратно, говоря:

— Вернись къ своему королю въ лагерь и сообщи ему то, что ты видѣлъ; скажи ему, чтобы онъ ждалъ меня завтра къ обѣду; потому что какъ только-что прибудутъ мои галеры,—а я ихъ жду не позже завтрашняго утра,—я ему докажу съ помощью восьмисотъ тысячъ воиновъ и семи тысячъ великановъ, которые всѣ выше меня ростомъ, что онъ глупо и безразсудно поступилъ, вторгнувшись въ мою страну.

Пантагрюэль прикидывался передъ нимъ, что къ нему моремъ плыветъ армія.

Но плѣнникъ отвѣчалъ, что желаетъ быть его рабомъ и готовъ никогда не возвращаться къ своимъ, а лучше сражаться съ ними, подъ командой Пантагрюэля и во имя Бога, если ему это позволятъ. Но Пантагрюэль не согласился на это, а приказалъ немедленно отправляться, куда ему указано, и далъ ему ящичекъ полный молочайника и зеренъ волчьяго перца, приготовленныхъ на крѣпкой водкѣ въ видѣ компота, и приказалъ передать его своему королю и сказать ему, что если онъ сможетъ съѣсть этого одну унцію, не пивши, то можетъ безъ страха сопротивляться ему.

Тутъ плѣнникъ со сложенными руками сталъ умолять Пантагрюэля пощадить его въ часъ битвы, на что Пантагрюэль ему отвѣчалъ:



Къ гл. XXVII.

— Послѣ того, какъ ты обо всемъ извѣстишь своего короля, я не скажу тебѣ, какъ ханжи:—На Бога надѣйся, а самъ не плошай! Потому что это значило бы сказать:—Чортъ съ тобой, справляйся самъ, какъ знаешь. Но я скажу тебѣ:—Возложи все свое упованіе на Бога, и Онъ тебя не оставитъ. Ибо, хотя я самъ и силенъ, какъ ты можешь видѣть, и имѣю многое множество воиновъ, однако, не полагаюсь на свою силу, свою ловкость, но всю надежду возлагаю на Господа Бога, моего покровителя, который никогда не оставляетъ тѣхъ, кто къ Нему возноситъ всѣ свои упованія и помышленія.

Послѣ того плѣнникъ попросилъ Пантагрюэля не брать съ него слишкомъ большого выкупа. На что Пантагрюэль отвѣчалъ, что не въ его привычкахъ грабить и обирать людей, а, скорѣе, награждать ихъ и отпускать на волю.

— Ступай,—говорилъ онъ,—съ Богомъ и избѣгай дурного общества, что бы тебѣ не приключилось худа.

Когда плѣнникъ ушелъ, Пантагрюэль сказалъ своимъ людямъ:

— Дѣти, я далъ понять этому плѣннику, что мы ждемъ армію съ моря и что не начнемъ атаки раньше завтрашняго полудня, съ той цѣлью, чтобы враги, опасаясь такого многочисленнаго войска, занялись бы нынѣшней ночью приготовленіями къ оборонѣ. Между тѣмъ намѣреніе мое напасть на нихъ въ часъ пополуночи.

Оставимъ здѣсь Пантагрюэля съ его соратниками и поговоримъ о королѣ Анархѣ и его арміи.

Когда плѣнникъ прибылъ въ лагерь, онъ явился къ королю и пересказалъ ему о появленіи огромнаго великана, по имени Пантагрюэль, который разбилъ и немилосердно изжарилъ всѣхъ шестьсотъ пятьдесятъ девять рыцарей, а его одного пощадилъ, чтобы онъ могъ доставить вѣсти о происшедшемъ. Вдобавокъ, ему поручено сказать королю, чтобы онъ приготовилъ великану обѣдать въ полдень, потому что онъ намѣревается напасть на него въ этотъ часъ.

Затѣмъ передалъ королю ящикъ съ вареньемъ, но только-что тотъ успѣлъ проглотить одну ложечку, какъ у него воспалилось горло и кожа сошла съ языка. И никакія лѣкарства ему не помогали, и для облегченія онъ долженъ былъ непрерывно пить; ибо едва онъ отнималъ стаканъ ото рта, какъ языкъ ему немилосердно жгло. Напослѣдокъ ему вливали вино въ горло черезъ мѣхи. Когда его военачальники, паши и тѣлохранители увидѣли это, они отвѣдали варенья, чтобы убѣдиться: дѣйствительно ли оно возбуждаетъ такую сильную жажду; но и съ ними было то же, что и съ королемъ. И они такъ всѣ перепились, что слухъ распространился по всему лагерю, что плѣнникъ вернулся и слѣдуетъ ждать на завтра непріятельскаго нападенія; и что король и всѣ военачальники вмѣстѣ съ тѣлохранителями готовятся къ нему, напиваясь до положенія ризъ. Вслѣдствіе чего всѣ люди въ лагерѣ поспѣшили послѣдовать ихъ примѣру и, перепившись, свалились какъ свиньи, гдѣ попало на землю, и заснули.

Теперь вернемся къ Пантагрюэлю и разскажемъ, какъ онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ. Покидая мѣсто, гдѣ онъ воздвигнулъ трофей, онъ взялъ въ руку мачту корабля, точно посохъ, влилъ въ марсъ двѣсти тридцать семь бочекъ бѣлаго анжуйскаго вина и нѣсколько руанскаго и привязалъ къ поясу барку, полную соли, съ такою легкостью, съ какою ландскнехты носятъ корзины съ хлѣбомъ. Затѣмъ выступилъ со своими соратниками въ путь. Когда они приблизились къ непріятельскому лагерю, Панургъ сказалъ:

— Господинъ, позвольте дать вамъ добрый совѣтъ. Опорожнимъ марсъ отъ бѣлаго анжуйскаго вина и выпьемъ его, какъ добрые бретонцы.

Пантагрюэль охотно согласился на это, и они выпили начисто всѣ двѣсти тридцать семь бочекъ вина до послѣдней капли, за исключеніемъ одного флакона изъ турской вареной кожи, которую Панургъ наполнилъ для своего употребленія, потому что онъ называлъ его своимъ vade-mecum, и нѣсколькихъ небольшихъ бутылокъ для уксуса.

Когда они напились такимъ образомъ, Панургъ далъ съѣсть Пантагрюэлю какое-то чортово снадобье, составленное изъ литотрипона, нефрокатортикона, хлѣба съ шпанской мухой и другихъ специй.

Послѣ того Пантагрюэль сказалъ Карпалиму:

— Ступай въ городъ и проберись какъ крыса по стѣнѣ, какъ ты это умѣешь дѣлать, и скажи тамъ всѣмъ, чтобы они вышли и напали бы на непріятеля какъ можно дружнѣе, и, сказавъ это, спустись со стѣны, возьми зажженный факелъ, которымъ и подожги всѣ палатки и шатры въ лагерѣ; затѣмъ завопи какъ можно громче и убѣгай изъ лагеря.

— Хорошо,—отвѣчалъ Карпалимъ, —но не слѣдуетъ ли мнѣ сперва заклепать у нихъ всѣ пушки?

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Пантагрюэль, — а лучше подожги ихъ порохъ.

Повинуясь этому приказу, Карпалимъ отправился и сдѣлалъ такъ, какъ ему наказывалъ Пантагрюэль. Всѣ воины, находившіеся въ городѣ, вышли изъ него въ то время, какъ онъ поджигалъ палатки и шатры въ лагерѣ, при чемъ шагалъ прямо по тѣламъ людей, которые ничего не чувствовали, потому что крѣпко спали и храпѣли. Онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ помѣщалась артиллерія, и поджегъ всѣ боевые снаряды. Но это оказалось не безопаснымъ: огонь вспыхнулъ такъ быстро, что чуть было не спалилъ бѣднаго Карпалима. И если бы не его необычайная юркость, онъ былъ бы зажаренъ какъ свинья; но онъ такъ быстро убѣжалъ, что стрѣла изъ лука летитъ не быстрѣе.

Когда онъ выбрался изъ траншей, онъ такъ страшно закричалъ, что, казалось, всѣ черти сорвались съ цѣпи. При этомъ звукѣ враги проснулись,—но знаете какъ?—совсѣмъ сонные, какъ это бываетъ при первомъ ударѣ колокола, призывающаго къ заутренѣ.

Между тѣмъ Пантагрюэль принялся сыпать солью, которая у него была въ баркѣ, и такъ какъ враги спали съ открытымъ ртомъ, то онъ набилъ имъ солью все горло, и бѣдняки кашляли какъ лисицы и кричали:

— Ахъ, Пантагрюэль, мы горимъ, мы горимъ!

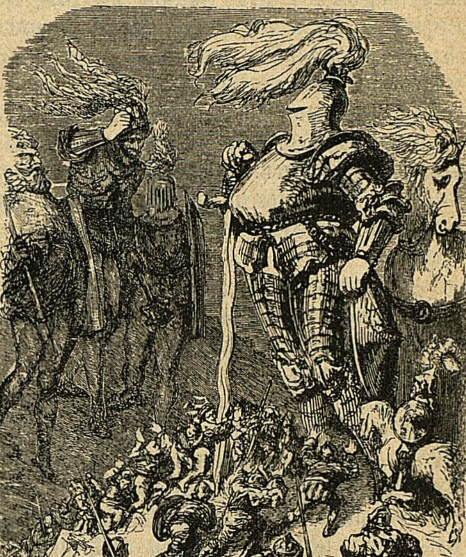
Вдругъ Пантагрюэлю пришла охота облегчиться, отъ тѣхъ снадобьевъ, которыми обкормилъ его Панургъ, и онъ всѣхъ утопилъ, и произвелъ наводненіе на десять миль въ окружности.

Видя это, вышедшіе изъ города люди говорили:

— Они всѣ умерли жестокой смертью: видите, какъ кровь бѣжитъ.

Разбуженный непріятель, видя, съ одной стороны, пожаръ въ лагерѣ, съ другой—наводненіе, не зналъ: ни что думать, ни что сказать. Одни говорили, что наступилъ конецъ міру и Страшный Судъ; другіе—что морскіе боги: Нептунъ, Протей, Тритоны и прочіе преслѣдуютъ ихъ и что вода это морская и соленая.

О! Кто сможетъ теперь разсказать, какъ сразился Пантагрюэль съ тремястами великанами! О, моя муза, моя Каліопа, моя Талія, вдохнови меня въ сей часъ, оживи мой умъ: вотъ гдѣ загвоздка, вотъ гдѣ можно стать втупикъ, вотъ когда трудно пересказать ужасающую баталію, имѣвшую тутъ мѣсто! И хотя бы еще у меня былъ въ рукахъ бокалъ лучшаго вина, какое когда-либо пили тѣ, кто будутъ читать эту столь правдивую исторію!



Къ гл. XXIX.

XXIX.

О томъ, какъ Пантагрюэль разбилъ триста великановъ въ каменныхъ панцыряхъ и ихъ предводителя Оборотня.

Великаны, видя, что ихъ лагерь подвергся наводненію, вынесли своего короля Анарха на плечахъ ихъ форта, подобно тому, какъ Эней—отца своего Анхиза изъ охваченной пожаромъ Трои. Когда Панургъ увидѣлъ ихъ, то сказалъ Пантагрюэлю:

— Видите ли вы этихъ великановъ, вышедшихъ изъ форта; задайте-ка имъ хорошенько перцу вашей мачтой; наступилъ часъ показать вашу отвагу. А мы, съ своей стороны, отъ васъ не отстанемъ. И ручаюсь, что многихъ побью. Велика важность! Вѣдь Давидъ убилъ же Голіаѳа безъ труда. Да и толстякъ Эстенъ, который силенъ какъ четыре быка, не пожалѣетъ силъ. Мужайтесь, бейте ихъ и въ хвостъ и въ голову.

— Ну-у,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—мужества у меня наберется слишкомъ на пятьдесятъ франковъ. Но, однако, и самъ Геркулесъ не смѣлъ никогда выступать одинъ на двоихъ.

— Вотъ глупости, — замѣтилъ Панургъ,—вы сравниваете себя съ Геркулесомъ? Да вы зубастѣе и сильнѣе во сто разъ Геркулеса. Человѣкъ стоитъ того, какъ онъ себя оцѣняетъ.

Пока они такъ разговаривали, Оборотень появился съ толпой своихъ великановъ, но, увидя Пантагрюэля одного, проникся такимъ самомнѣніемъ и самоувѣренностью, что понадѣялся одинъ справиться съ нимъ. А потому сказалъ соратникамъ-великанамъ:

— Клянусь Магометомъ, если кто-нибудь изъ васъ вздумаетъ сразиться съ этимъ молодцомъ, я того казню жестокой смертью. Я хочу, чтобы вы предоставили мнѣ сражаться одному; вы же, тѣмъ временемъ, смотрите на насъ.

Послѣ этого всѣ великаны вмѣстѣ со своимъ королемъ отступили къ тому мѣсту, гдѣ стояли бутылки съ виномъ, а за ними послѣдовалъ и Панургъ со своими соратниками. Панургъ прикидывался, будто онъ боленъ: вертѣлъ шеей, дергалъ пальцами и говорилъ хриплымъ голосомъ:

— Объявляю вамъ, пріятели, мы съ вами не воюемъ; угостите насъ, пока наши господа дерутся.

Король и великаны охотно согласились и посадили ихъ пировать вмѣстѣ съ собой.

Тѣмъ временемъ, Панургъ разсказывалъ имъ басни про Тюрпена, легенды про Св. Николая и волшебныя сказки. Оборотень же атаковалъ Пантагрюэля стальной палицей, вѣсившей слишкомъ девять тысячъ семьсотъ центнеровъ, халибской стали[1]), и на концѣ которой находилось тринадцать заостренныхъ брилліантовъ, изъ которыхъ меньшій былъ, чтобы не соврать, величиной съ самый большой колоколъ собора Нотръ-Дамъ въ Парижѣ. Палица была волшебная и не могла переломиться, но, напротивъ того, ломала все, до чего ни притрогивалась. И вотъ въ то время, какъ Оборотень надменно выступалъ противъ него, Пантагрюэль поднялъ глаза къ небу, поручилъ себя отъ всего сердца Богу и произнесъ слѣдующій обѣтъ:

— Господи Боже мой! Ты всегда былъ моимъ Покровителемъ и Хранителемъ. Ты видишь, въ какой бѣдѣ я теперь нахожусь. Меня сюда привело не что иное какъ естественное усердіе, въ силу котораго Ты повелѣваешь людямъ охранять и защищать женъ ихъ и дѣтей, отчизну и семью, — все, за исключеніемъ Твоего собственнаго дѣла, а именно вѣры, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ Ты не хочешь иныхъ пособниковъ, кромѣ приверженности католическому исповѣданію и служенію Слову Твоему, и воспретилъ всякое иное оружіе, ибо Ты, Всемогущій Богъ, въ Своемъ собственномъ дѣлѣ Самъ можешь защититься такими силами, какихъ и перечислить невозможно; ибо у Тебя есть легіоны ангеловъ, изъ которыхъ слабѣйшій можетъ избить всѣхъ людей и повернуть небо и землю по-своему, какъ это и было нѣкогда съ арміей Сеннахериба. Итакъ, если Тебѣ угодно въ этотъ часъ придти мнѣ на помощь, то въ Тебѣ все мое упованіе и надежда; я даю обѣтъ, что во всѣхъ странахъ, какъ въ Утопіи, такъ и въ иныхъ, гдѣ только будетъ признаваться моя власть и авторитетъ, я прикажу проповѣдывать Евангеліе просто, чисто и безъискусственно, и что злоупотребленія цѣлой толпы ханжей и лже-пророковъ, которые путемъ искаженныхъ людскихъ учрежденій и измышленій отравили весь міръ, будутъ вокругъ меня искоренены.

---

[1]) Самый твердый изъ металловъ, извѣстныхъ въ древности.

Затѣмъ, когда Пантагрюэль увидѣлъ, что Оборотень надвигается на него съ разинутой пастью, онъ смѣло пошелъ ему навстрѣчу и закричалъ во все горло:

— Смерть тебѣ, злодѣй, смерть!

Чтобы испугать его своимъ ужаснымъ крикомъ, сообразуясь съ тактикой лакедемонянъ.

Послѣ того бросилъ въ него изъ своей барки, которая была прикрѣплена къ его поясу, восемнадцать бочекъ и осьмину соли, которою забилъ ему горло, глотку, носъ и глаза.

Раздраженный этимъ, Оборотень замахнулся на него палицей, желая разбить ему голову, но Пантагрюэль былъ ловокъ и всегда отличался твердостью въ ногахъ и вѣрностью глаза; однако, ему не удалось уклониться настолько отъ удара, чтобы онъ не попалъ на барку, которая разломилась на четыре тысячи восемьдесятъ шесть кусковъ, и соль просыпалась на землю.

Видя это, Пантагрюэль, ловко вытянувъ руку, ударилъ его, по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства, толстымъ концомъ своей мачты по груди, затѣмъ, отклонивъ оружіе налѣво, нанесъ ему сильный ударъ между шеей и нагрудникомъ и, наконецъ, ударилъ его концомъ мачты въ животъ, причемъ разбился марсъ и пролились три или четыре бочки вина, которыя въ немъ оставались.

Не довольствуясь этимъ, Пантагрюэль хотѣлъ повторить ударъ; но Оборотень, поднявъ палицу, продвинулся къ нему и изо всѣхъ силъ собирался опустить ее на Пантагрюэля; и, дѣйствительно, съ такой силой замахнулся ею, что если бы Богъ не спасъ Пантагрюэля, онъ бы разсѣкъ его пополамъ съ головы до селезенки; но Пантагрюэль успѣлъ уклониться, и палица вонзилась болѣе нежели на семьдесятъ три фута въ землю сквозь толстую скалу, изъ которой искръ посыпалось больше, чѣмъ девять тысячъ шесть бочекъ.

Пантагрюэль, увидѣвъ, что Оборотень занятъ тѣмъ, что вытаскиваетъ палицу, застрявшую въ землѣ, подбѣжалъ къ нему и хотѣлъ отсѣчь ему голову, но мачта его, къ несчастію, слегка дотронулась до кончика палицы Оборотня, и такъ какъ палица была волшебная, какъ это мы сказали раньше, мачта переломилась на три пальца разстоянія отъ рукоятки, чему Пантагрюэль очень удивился и вскричалъ:

— Эй, Панургъ, гдѣ ты?

Услышавъ это, Панургъ сказалъ королю и великанамъ:

— Ей богу! Они искалѣчатъ другъ друга, если ихъ не разнимутъ.

Но великаны распировались точно на свободѣ. И когда Карпалимъ захотѣлъ встать, чтобы идти на помощь своему господину, одинъ изъ великановъ сказалъ ему:

— Клянусь Голфэримомъ, племянникомъ Магомета, я тебя запрячу въ свои штаны какъ промывательное, тѣмъ болѣе, что страдаю запоромъ.

Между тѣмъ Пантагрюэль, лишившись палицы, схватилъ обломокъ мачты и колотилъ зря великана, но причинялъ ему этимъ такъ же мало вреда, какъ если бы кто вздумалъ дать щелчокъ наковальнѣ кузнеца.

А Оборотень тѣмъ временемъ вытащилъ свою палицу изъ земли и замахивался ею на Пантагрюэля, который вертѣлся во всѣ стороны, уклоняясь отъ его ударовъ, но, видя, что Оборотень все еще угрожаетъ ему,— сказалъ, наконецъ:

— Злодѣй, сейчасъ я изрублю тебя какъ начинку для пирога. Никогда больше люди по твоей милости не испытаютъ жажды.

И тутъ Пантагрюэль такъ сильно

ударилъ его ногой въ животъ, что тотъ полетѣлъ вверхъ ногами; Пантагрюэль схватилъ его за ноги и протащилъ далеко по землѣ. У Оборотня кровь пошла горломъ, и онъ закричалъ:

— Магометъ! Магометъ! Магометъ!

На этотъ крикъ всѣ великаны поднялись, чтобы идти ему на помощь. Но Панургъ сказалъ имъ:

— Господа, не ходите, послушайтесь меня, потому что нашъ господинъ не въ своемъ умѣ и бьетъ направо, и налѣво, не разбирая, куда попадетъ.

Но великаны не послушали его, видя, что Пантагрюэль безоруженъ. Но когда Пантагрюэль увидѣлъ, что они приближаются, онъ взялъ Оборотня за обѣ ноги и приподнялъ его въ воздухѣ какъ пику и, вооружившись его тѣломъ, точно наковальней, сталъ бить великановъ въ каменныхъ панцыряхъ и валилъ ихъ на землю, пока не свалилъ всѣхъ до единаго. Каменные панцыри, разбиваясь, производили такой же страшный шумъ, какой слышался, помнится мнѣ, когда большая Сентъ-Этьенская Масляная башня, находившаяся въ Буржѣ, растаяла на солнцѣ. Тѣмъ временемъ Панургъ вмѣстѣ съ Карпалимомъ и Эстеномъ убивали поверженныхъ на землю. Будьте покойны, ни одинъ изъ нихъ не спасся, и, глядя на Пантагрюэля, казалось, что косецъ своей косой (косу изображалъ Оборотень) коситъ траву луга (лугомъ были великаны). Но въ этомъ бою Оборотень лишился головы какъ разъ въ тотъ мигъ, какъ Пантагрюэль свалилъ съ ногъ великана, котораго звали Рифландуйль, и на которомъ былъ панцырь изъ песчаника, и одинъ осколокъ его пробилъ горло Эпистемону. У другихъ панцыри были изъ туфа или изъ сланца. Въ концѣ концовъ, увидѣвъ, что всѣ великаны мертвы, Пантагрюэль швырнулъ трупъ Оборотня въ городъ, гдѣ онъ упалъ плашмя, какъ лягушка, на главную площадь и, падая, убилъ на мѣстѣ обожженнаго кота, мокрую кошку, ощипанную утку и взнузданнаго гуся.

XXX.

О томъ, какъ Эпистемонъ, у котораго была отсѣчена голова, былъ искусно исцѣленъ Панургомъ, и о вѣстяхъ про чертей и про грѣшниковъ въ аду.

Послѣ пораженія великановъ Пантагрюэль удалился къ тому мѣсту, гдѣ стояли винныя бутылки, и позвалъ Панурга и другихъ, которые пришли къ нему цѣлы и невредимы, за исключеніемъ Эстена: ему одинъ изъ великановъ исцарапалъ лицо въ то время, какъ его убивалъ, и Эпистемона, который совсѣмъ не явился. Это такъ огорчило Пантагрюэля, что онъ собирался покончить съ собой, но Панургъ сказалъ ему:

— Богъ мой, Господинъ, подождите немного, и мы поищемъ его среди мертвыхъ и узнаемъ правду.

И вотъ они принялись искать его и нашли мертвымъ; окровавленную голову свою онъ держалъ въ рукахъ. Тогда Эстенъ вскричалъ:

— Ахъ, злая смерть! Зачѣмъ отняла ты у насъ лучшаго изъ людей?

При этомъ возгласѣ Пантагрюэль всталъ съ мѣста въ величайшемъ горѣ, какое только кто-либо испытывалъ на свѣтѣ. И сказалъ Панургу:

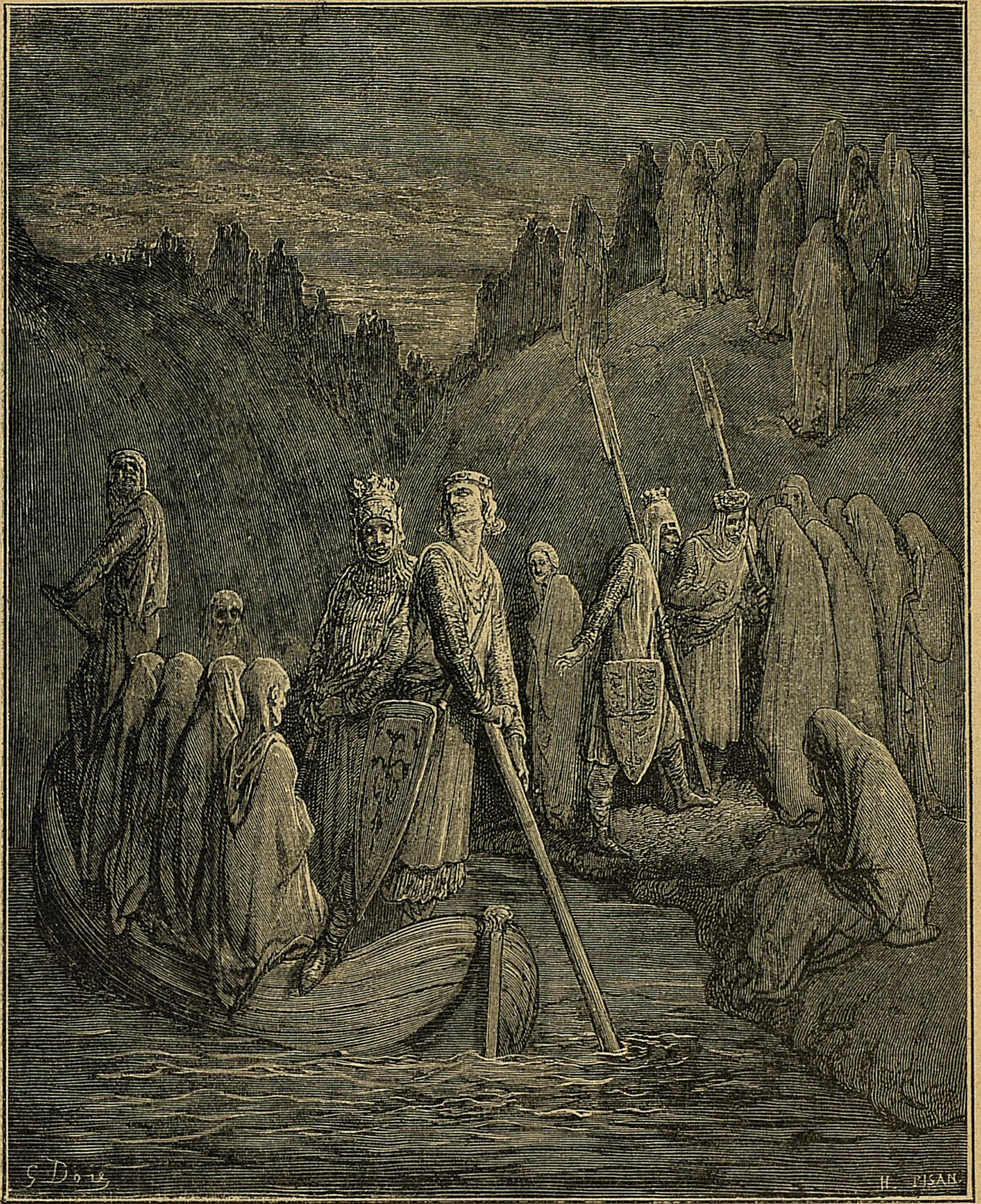
— Ахъ, другъ мой, пророчество, изреченное вами посредствомъ двухъ стакановъ и древка отъ пики, было, значитъ, лживое!

Но Панургъ отвѣчалъ:

— Дѣти, не плачьте: онъ еще не остылъ, и я вамъ его исцѣлю.

Говоря это, онъ взялъ голову и прижалъ ее къ клапану своихъ штановъ, чтобы она не простудилась. Эстенъ и Карпалимъ снесли тѣло на то мѣсто, гдѣ они пировали, не потому, чтобы они надѣялись, что покойникъ оживетъ, но чтобы показать его Пантагрюэлю. Но Панургъ утѣшалъ его, говоря:

— Если я не исцѣлю его, пусть самъ лишусь головы, а вѣдь надо быть дуракомъ, чтобы рисковать ею; полноте плакать и помогите мнѣ.



Къ гл. XXX.

Послѣ того онъ тщательно обмылъ голову и шею бѣлымъ виномъ, прибавивъ къ нему мелко-истолченнаго кала, который онъ всегда носилъ при себѣ въ карманѣ; затѣмъ намазалъ мазью, состава которой я не знаю, аккуратно приставилъ голову къ шеѣ, вена къ венѣ, нервъ къ нерву, позвонокъ къ позвонку, дабы онъ не сталъ кривошеей, такъ какъ этихъ послѣднихъ онъ до смерти ненавидѣлъ; и, сдѣлавъ это, скрѣпилъ всю голову кругомъ пятнадцатью или шестнадцатью стежками, чтобы она опять не отвалилась; послѣ того снова намазалъ мазью, которую называлъ живительною.

Вдругъ Эпистемонъ сталъ дышать, затѣмъ раскрылъ глаза, затѣмъ зѣвнулъ, затѣмъ чихнулъ и даже выпустилъ вѣтры. Послѣ чего Панургъ объявилъ:

— Ну, теперь онъ, навѣрное, здравъ.

И далъ ему выпить стаканъ бѣлаго вина, подслащеннаго жженымъ сахаромъ. И такимъ образомъ Эпистемонъ былъ искусно исцѣленъ; и у него осталась только хрипота въ горлѣ, которая прошла не раньше, какъ по истеченіи слишкомъ трехъ недѣль, да сухой кашель, отъ котораго онъ никакъ не могъ отдѣлаться, не прибѣгая усиленно къ вину.

Но вотъ онъ заговорилъ и сообщилъ, что видѣлъ чертей, говорилъ запросто съ Люциферомъ и отлично провелъ время въ аду и въ Елисейскихъ поляхъ. Онъ увѣрялъ, что черти—славные ребята. Что касается грѣшниковъ, то онъ сказалъ, что очень сожалѣетъ, что Панургъ такъ скоро вернулъ его къ жизни.

— Я находилъ большое развлеченіе,—говорилъ онъ,—глядя на нихъ.

— Какъ такъ? — спросилъ Пантагрюэль.

— Вѣдь съ ними обращаются совсѣмъ не такъ худо, какъ вы думаете: одно только, что въ ихъ состояніи произошла большая перемѣна, потому что я видѣлъ, какъ Александръ Великій чинилъ старые штаны и этимъ зарабатывалъ скудное пропитаніе.

Ксерксъ продавалъ на улицахъ горчицу.

Ромулъ сталъ солеваромъ.

Нума ковалъ гвозди.

Тарквиній сталъ ростовщикомъ.

Пизонъ—крестьяниномъ.

Сулла—лодочникомъ.

Киръ—скотникомъ.

Ѳемистоклъ—стекольщикомъ.

Эпаминондъ гранилъ зеркала.

Брутъ и Кассій стали землемѣрами.

Демосѳенъ сталъ винодѣломъ.

Цицеронъ—истопникомъ.

Фабій изготовляетъ четки.

Артаксерксъ сучитъ веревки.

Эней сталъ мельникомъ.

Ахиллъ опаршивѣлъ.

Агамемнонъ сталъ лизоблюдомъ.

Улиссъ—косцомъ.

Несторъ—нищимъ.

Дарій чиститъ отхожія мѣста.

Анкъ Марцій смолитъ корабли.

Камиллъ сталъ башмачникомъ.

Марцеллъ чиститъ бобы.

Друзъ ломится въ открытыя двери.

Сципіонъ Африканскій ходитъ козыремъ, хоть и на босу ногу.

Аздрубалъ—фонарщикомъ.

Аннибалъ торгуетъ живностью.

Пріамъ—тряпичникомъ.

Ланцелотъ дю-Лакъ—живодеромъ.

Всѣ рыцари Круглаго Стола бѣдны и съ трудомъ зарабатываютъ пропитаніе, служа гребцами на лодкахъ,—которыя перевозятъ по рѣкамъ Коциту, Флегетону, Стиксу, Ахерону и Летѣ, когда господа черти вздумаютъ прокатиться по водѣ, — подобно ліонскимъ лодочникамъ и венеціанскимъ гондольерамъ. Но платой имъ служитъ только щелчокъ по носу и вечеромъ кусокъ черстваго хлѣба.

Траянъ ловитъ лягушекъ.

Антонинъ — лакеемъ.

Коммодъ — волынщикомъ.

Пертинаксъ обиваетъ орѣхи.

Лукуллъ торгуетъ вишнями.

Юстиніанъ — коробочникомъ.

Гекторъ — поваренкомъ.

Парисъ — нищимъ оборванцемъ.

Ахиллъ — убираетъ сѣно.

Камбизъ — погонщикомъ муловъ.

Неронъ — рылѣйщикомъ, а Фіерабрасъ—его лакеемъ; но онъ причиняетъ ему всяческія непріятности, кормитъ его ситнымъ хлѣбомъ и поитъ кислымъ виномъ, а самъ ѣстъ и пьетъ на славу.

Юлій Цезарь и Помпей просмаливаютъ корабли.

Жигланъ и Говенъ [1])—бѣдняки-свинопасы.

Валентинъ и Орсонъ служатъ въ адскихъ баняхъ цырюльниками.

Годфридъ Зубастый продаетъ огниво.

Годфридъ Бульонскій изготовляетъ домино.

Язонъ — церковнымъ старостой.

Донъ-Педро Кастильскій торгуетъ кухонными объѣдками.

Морганъ — пивоваромъ.

---

[1]) Герои рыцарскихъ романовъ.

Гюонъ Бордоскій — бочаромъ.

Пирръ — кухоннымъ мужикомъ.

Антіохъ — трубочистомъ.

Октавіанъ — бумагомаратель.

Нерва — кухонный мужикъ.

Папа Юлій продаетъ пирожки, но обрѣзалъ свою длинную и безобразную бороду.

Жанъ Парижскій чиститъ сапоги.

Артуръ Бретонскій чиститъ шляпы.

Персфоре1) — ножевщикомъ.

Папа Бонифацій VIII лудитъ кастрюли.

Папа Николай III — бумажный фабрикантъ.

Папа Александръ ловитъ крысъ.

Папа Сикстъ IV ухаживаетъ за страждующими дурной болѣзью больными.

— Какъ, — сказалъ Пантагрюэль, — въ аду есть такіе больные?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Эпистемонъ, — я нигдѣ столько не видалъ; ихъ тамъ слишкомъ сто милліоновъ. Потому что, представьте, тѣ, которые въ здѣшнемъ мірѣ не знали дурной болѣзни, на томъ свѣтѣ получаютъ ее.

— Ну, тогда мнѣ нечего страшиться, — сказалъ Панургъ, — потому что я ею болѣлъ, какъ никто; я побывалъ и въ Гибралтарскомъ проливѣ и у Геркулесовыхъ столбовъ и прошелъ огонь, воду, и мѣдныя трубы.

Ожье Датчанинъ чиститъ лошадиную сбрую.

Король Тигранъ сталъ кровельщикомъ.

Гальенъ Реставрированный ловитъ кротовъ.

Четыре сына Эмона — зубодеры.

Папа Каликстъ — цырюльникъ.

Папа Урбанъ сталъ прихлебателемъ.

Мелюзина — прачкой.

Клеопатра торгуетъ лукомъ.

Елена стала свахой горничныхъ.

Семирамида ловитъ вшей у нищихъ.

Дидона торгуетъ грибами.

Пентисилья торгуетъ крессъ-салатомъ.

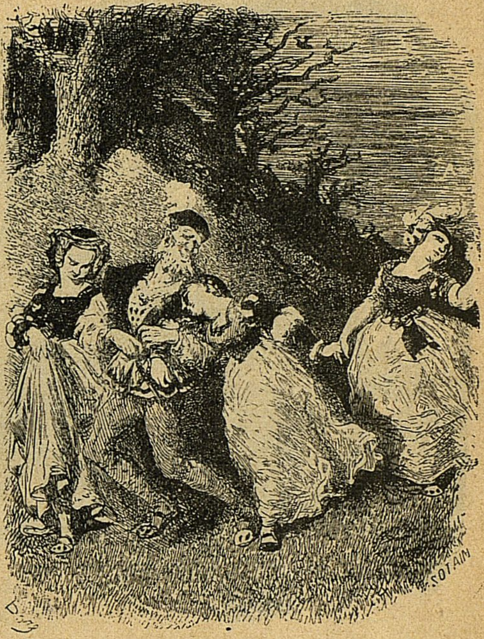
Лукреція содержитъ харчевню.

Гортензія стала пряхой.

Ливія чиститъ кастрюли.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ, которые въ здѣшней жизни были важными господами, на томъ свѣтѣ съ трудомъ добывали себѣ жалкое пропитаніе. Напротивъ того, философы и тѣ, которые въ здѣшней жизни жили бѣдняками, на томъ свѣтѣ стали важными господами, въ свою очередь.

Я видѣлъ Діогена, красовавшагося въ великолѣпной пурпурной мантіи и со скипетромъ въ правой рукѣ и обращавшагося какъ съ собакой съ Александромъ Великимъ, если тотъ плохо починитъ ему штаны, и вознаграждавшаго его за трудъ ударами палки. Я видѣлъ Эпиктета нарядно одѣтаго à la française, подъ развѣсистыми деревьями, веселившагося въ компаніи молодыхъ барышень, пировавшаго, танцовавшаго, катавшагося, какъ сыръ въ маслѣ и купавшагося въ золотѣ. Надъ шпалерами изъ виноградной лозы стояли, въ качествѣ его девиза, слѣдующіе стихи:



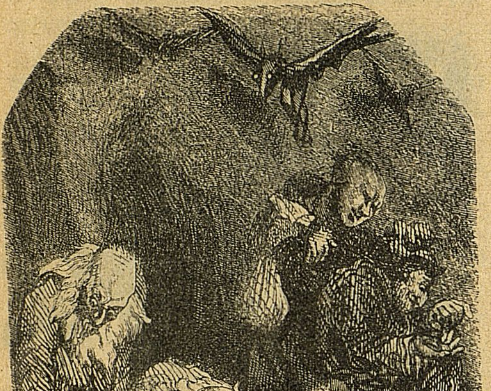
Къ гл. XXX.

Веселиться и скакать,
Пить вино и горло драть,
День деньской деньгу считать,
Никакой бѣды не знать.

---

1) Сказочная личность.

Когда онъ меня увидѣлъ, онъ вѣжливо пригласилъ меня выпить съ нимъ, на что я охотно согласился, и мы побогословски напились. Тѣмъ временемъ подошелъ къ нему Киръ и попросилъ одно денье въ честь Меркурія, чтобы купить нѣсколько луковицъ на ужинъ. «Глупости, глупости,—отвѣчалъ Эпиктетъ,—я не подаю денье. Вотъ, болванъ, возьми одно экю и веди себя добропорядочно.»



Къ гл. XXX.

Киръ былъ очень радъ такой добычѣ, но находившіеся тамъ Александръ, Дарій и другіе, украли у него ночью экю. Я видѣлъ Пателена, казначея Радаманта [1], торговавшаго пирожки, которые продавалъ папа Юлій, и онъ спрашивалъ у него, сколько стоитъ дюжина. «Три бѣлыхъ монеты», отвѣчалъ папа. «Трехъ ударовъ палкой будетъ съ тебя довольно,—отвѣчалъ Пателенъ,—вотъ тебѣ, каналья; ступай за другими.» И бѣдный папа ушелъ, проливая слезы. А когда пришелъ къ своему хозяину-пирожнику и пожаловался ему, что у него силой отняли пирожки, тотъ такъ отхлесталъ его ремнемъ, что его шкура не годилась бы для волынки. Я видѣлъ метра Жана Лемера [1], передразнивавшаго папу и заставлявшаго всѣхъ этихъ бѣдныхъ королей и папъ цѣловать у себя ноги, и величавшагося, и раздавшаго благословенія, говоря: «Покупайте индульгенціи, покупайте; недорого стоютъ; я разрѣшаю васъ отъ хлѣба и похлебки, разрѣшаю вамъ быть бездѣльниками.» Затѣмъ онъ призвалъ Кальета [2] и Трибуле [3] и сказалъ имъ: «Господа кардиналы, отпустите каждому изъ нихъ буллу въ видѣ удара палкой. Что было немедленно исполнено. Я видѣлъ Франсуа Виллона, спрашивавшаго у Ксеркса: «Сколько стоитъ порція горчицы?» —«Одно денье», отвѣчалъ Ксерксъ. На что Виллонъ отвѣчалъ: «Врешь, негодяй, ты втридорога продаешь свой товаръ, и испортилъ ему товаръ, какъ, я видѣлъ, это дѣлаютъ продавцы горчицы въ Парижѣ. Я видѣлъ ландскнехта Беньоле [4], занимавшаго здѣсь постъ инквизитора: онъ встрѣтилъ Персфоре [5]; тотъ облегчался у стѣны, на которой былъ изображенъ Антоновъ огонь. Онъ объявилъ его за это еретикомъ и сжегъ бы живымъ на кострѣ, если бы за него не вступился Моргантъ [6] и не подарилъ ему девяти бочекъ пива.

— Ну, — сказалъ Пантагрюэль, — оставь всѣ эти сказки до другого раза. И скажи намъ только, какъ обращаются въ аду съ ростовщиками?

— Я видѣлъ, — отвѣчалъ Эпистемонъ, — что они искали ржавыхъ булавокъ и старыхъ гвоздей въ уличномъ сорѣ, какъ на этомъ свѣтѣ это дѣлаютъ жалкіе людишки. Но на томъ свѣтѣ за центнеръ этой дряни даютъ не больше одной корочки хлѣба; да и то набрать ее трудно, почему жалкіе ростовщики порою по три недѣли кряду остаются не ѣвши, а работаютъ день и ночь въ ожиданіи барышей. Но и трудъ и бѣдность имъ ни по чемъ: такъ дѣятельны они и такое на нихъ положено проклятіе, лишь бы въ концѣ года имъ удалось заработать нѣсколько грошей.

---

[1] Сынъ Юпитера и Европы, одинъ изъ троихъ адскихъ судей.

[1] Писатель XVI вѣка, современникъ Раблэ, писавшій о римскихъ папахъ въ сатирическомъ духѣ.

[2] Знаменитый шутъ.

[3] Шутъ Людовика XII.

[4] Лицо изъ произведеній Виллона.

[5] Легендарная личность.

[6] Лицо фантастическое.

— Ну, дѣти, теперь и намъ пора ѣсть и пить; весь этотъ мѣсяцъ мы будемъ здорово пить,—замѣтилъ Пантагрюэль.

Они раскупорили кучу бутылокъ и принялись за провизію, припасенную въ лагерѣ. Но у бѣднаго короля Анарха было невесело на душѣ, и Панургъ сказалъ:

— А къ какому роду занятій опредѣлимъ мы господина короля, чтобы онъ зналъ свое ремесло въ совершенствѣ, когда пойдетъ ко всѣмъ чертямъ?

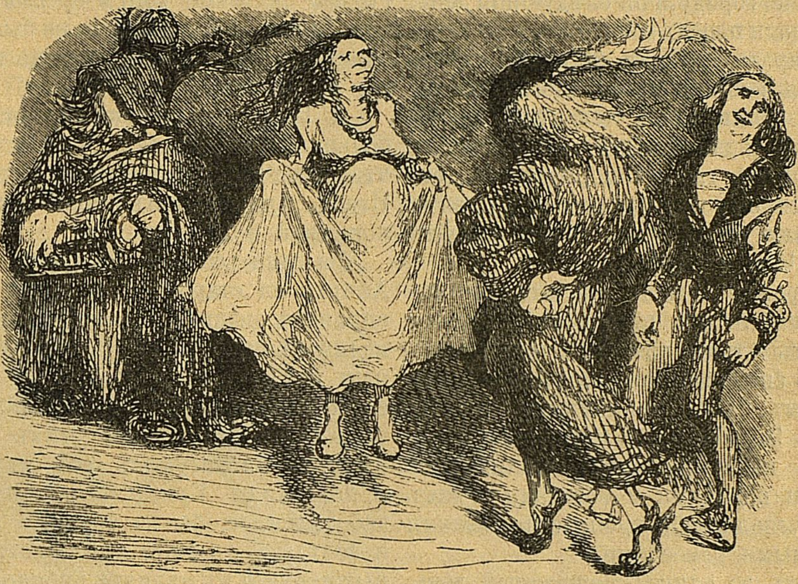
— Ты правильно судишь,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—ну, вотъ возьми его себѣ, я тебѣ его дарю.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ Панургъ,—я не отказываюсь отъ подарка, тѣмъ болѣе, когда онъ идетъ отъ васъ.

XXXI.

О томъ, какъ Пантагрюэль вступилъ въ городъ Амороговъ и какъ Панургъ женилъ короля Анарха и приказалъ ему продавать въ разносъ луковичную подливку.

Послѣ этой чудесной побѣды Пантагрюэль послалъ Карпалима въ городъ Амороговъ, возвѣстить о томъ, что король Анархъ взятъ въ плѣнъ и всѣ враги разбиты. Услышавъ эту вѣсть, всѣ жители города вышли въ порядкѣ и съ большою пышностью и веселіемъ провели его въ городъ, гдѣ повсемѣстно были зажжены костры, и разставлены столы на улицахъ, уставленные множествомъ кушаній. Казалось снова наступилъ золотой вѣкъ: такъ всѣ пировали.



Къ гл. XXXI.

Но Пантагрюэль, когда собрался сенатъ, сказалъ:

— Господа, слѣдуетъ ковать желѣзо, пока оно горячо, а потому прежде чѣмъ пировать дальше, я хочу завоевать все королевство Дипсодовъ. Итакъ, кто хочетъ идти со мной, пусть готовится выступить завтра послѣ выпивки, потому я иду въ походъ. И не то, чтобы мнѣ нужны были лишніе люди въ подмогу для этого завоеванія: тѣхъ, что у меня уже есть, мнѣ довольно. Но я вижу, что городъ до того переполненъ жителями, что имъ тѣсно ходить по улицамъ, поэтому я хочу часть ихъ отвести въ качествѣ колонистовъ въ Дипсодію и отдать имъ всю страну, которая красива, здорова, плодородна и лучше всѣхъ другихъ странъ, какъ это хорошо извѣстно многимъ изъ васъ, побывавшимъ тамъ. Пусть всякій, кто готовъ идти туда, собирается, какъ я уже сказалъ.

Этотъ совѣтъ и это совѣщаніе разнеслись по городу, и на слѣдующій день, на площади передъ дворцомъ собралась толпа народа, числомъ не менѣе одного милліона восьмисотъ пятидесяти шести тысячъ одиннадцати человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Они выступили въ Дипсодію въ такомъ порядкѣ, что напоминали сыновъ израильскихъ, когда тѣ вышли изъ Египта, чтобы перейти черезъ Чермное море.

Но прежде нежели продолжать разсказъ объ этомъ предпріятіи, я хочу сообщить о томъ, какъ Панургъ поступилъ со своимъ плѣнникомъ, королемъ Анархомъ. Онъ припомнилъ, что сообщалъ Эпистемонъ о томъ, какъ обращались въ Елисейскихъ поляхъ съ земными королями и богачами и какъ они добывали себѣ пропитаніе низкими и грязными ремеслами.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, онъ облекъ своего бывшаго короля въ славную полотняную куртку, съ зубцами, какъ у албанской фески, и въ подходящіе штаны, но оставилъ безъ башмаковъ.

— Потому что, — говорилъ онъ, — они не подходятъ къ костюму.

И далъ ему голубую шапку съ каплуньимъ перомъ. Или нѣтъ, ошибаюсь: ихъ, кажется, было два, а также далъ ему красивый кушакъ голубой съ зеленымъ, говоря, что эта ливрея ему идетъ, такъ какъ онъ былъ развращенъ 1). Въ этомъ видѣ привелъ его къ Пантагрюэлю, говоря:

— Знакомъ ли вамъ этотъ мужикъ?

— Нѣтъ, конечно, — отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Это господинъ король надъ тремя печеными яблоками. Я хочу сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Я хочу пріурочить его къ ремеслу и сдѣлать разносчикомъ луковичной подливки. Ну, кричи: «Кому нужно луковичную подливку?»

И бѣдняга сталъ кричать.

— Недостаточно громко, — сказалъ Панургъ.

И, взявъ его за ухо, продолжалъ:

— Пой погромче, въ тонѣ g, sol, re, ut. У тебя, чортъ возьми, здоровая глотка, и ты никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь, когда ты больше не король.

А Пантагрюэлю все это доставляло большое удовольствіе. Смѣю сказать, что онъ былъ добрѣйшимъ изъ людей. Итакъ, Анархъ сталъ разносчикомъ луковичной подливки.

Два дня спустя Панургъ женилъ Анарха на старой фонарщицѣ и самъ справилъ свадьбу, на которой подавали великолѣпную баранью голову, кровяныя колбасы съ горчицей и потроха съ чеснокомъ. Панургъ послалъ Пантагрюэлю пять возовъ этихъ послѣднихъ, и Пантагрюэль всѣ ихъ съѣлъ и похвалилъ. Кромѣ того, Панургъ позаботился, чтобы за обѣдомъ не было недостатка въ винѣ изъ виноградныхъ выжимокъ и въ наливкѣ рябиновкѣ. Нанятъ былъ слѣпой музыкантъ, и подъ звуки его волынки они плясали.

Послѣ обѣда Панургъ привелъ новобрачныхъ во дворецъ и представилъ Пантагрюэлю.

Пантагрюэль отвелъ имъ маленькую дворницкую въ глухой улицѣ и далъ каменную ступку, чтобы толочь лукъ. И тамъ они жили себѣ да поживали, и Анархъ сталъ самымъ значительнымъ разносчикомъ луковой подливки во всей Утопіи. Но мнѣ говорили, что жена его бьетъ безъ милосердія, но бѣдный дуракъ, по глупости, это терпитъ и не смѣетъ защищаться.

---

1) Тутъ у Раблэ непереводимая игра словъ pers et vert и pervers.

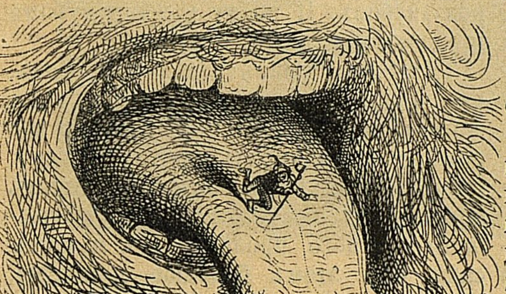
XXXII.

О томъ, какъ Пантагрюэль накрылъ языкомъ цѣлую армію, и о томъ, что авторъ узрѣлъ у него во рту.

Такимъ образомъ Пантагрюэль со всей своей арміей вступилъ въ землю Дипсодовъ, и всѣ были этимъ довольны и немедленно сдались ему. По доброй волѣ приносили ему ключи ото всѣхъ городовъ, куда онъ вступалъ, за исключеніемъ Альмиродовъ, которые вздумали сопротивляться ему и отвѣтили его герольдамъ, что они сдадутся не иначе, какъ на почетныхъ условіяхъ.

— Чего же имъ почетнѣе условій,— сказалъ Пантагрюэль,—какъ ѣсть и пить вволю? Коли такъ, то перебить ихъ всѣхъ.

И вотъ они выступили въ боевомъ порядкѣ, готовясь взять городъ приступомъ. Но дорогою, въ то время, какъ они проходили по большой равнинѣ, ихъ засталъ сильный дождь. И тутъ они стали жаться другъ къ дружкѣ. Но Пантагрюэль, замѣтивъ это, велѣлъ имъ сказать черезъ военачальниковъ, чтобы они не тревожились, что онъ видитъ поверхъ облаковъ, что дождь скоро пройдетъ; но во всякомъ случаѣ пускай станутъ въ ряды, и онъ ихъ прикроетъ. Они выстроились тѣсными рядами. И Пантагрюэль высунулъ до половины свой языкъ и прикрылъ ихъ, точно насѣдка своихъ цыплятъ.



Къ гл. XXXII.

Я же, пересказывающій вамъ всѣ эти достовѣрныя исторіи, спрятался подъ листомъ клевера величиною немного поменьше арки моста въ Монтриблѣ; когда же я увидѣлъ, какъ славно они укрылись, то пошелъ тоже присоединиться къ нимъ, но не могъ, до того они тѣсно сбились въ кучу. Поэтому я счелъ за лучшее влѣзть наверхъ и прошелъ съ добрыхъ двѣ мили по языку Пантагрюэля, пока не вошелъ къ нему въ ротъ. Но, о боги и богини, что я тамъ увидѣлъ! Пусть громы Юпитера сокрушатъ меня, если я вру. Я шествовалъ во рту точно по собору Св. Софіи въ Константинополѣ и видѣлъ тамъ большіе утесы точно Датскія горы, и то были, кажется, его зубы; видѣлъ большіе луга, большіе лѣса, большіе, сильные города, не меньше Ліона и Пуатье. Первый, кто встрѣтился мнѣ тамъ, былъ простакъ, садившій капусту. И я въ изумленіи спросилъ его:

— Другъ мой, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Сажаю капусту,—отвѣчалъ онъ.

— Но къ чему и зачѣмъ?—спросилъ я.

— Эхъ, сударь, — отвѣчалъ онъ, — не всѣмъ бабушка ворожитъ, не всѣ могутъ быть богаты. Я добываю такимъ образомъ себѣ пропитаніе и продаю капусту на базарѣ, въ городѣ, расположенномъ позади.

— Іисусе, — вскричалъ я, — да что тутъ, новый свѣтъ, что ли?

— Разумѣется, новый, — отвѣчалъ онъ, — но говорятъ, что, кромѣ здѣшняго свѣта, есть еще земля, гдѣ имѣется солнце и луна и всякія прелести; но здѣшній свѣтъ древнѣе.

— Неужто? Но скажи, другъ мой,— говорю я, — какъ называется городъ, куда ты носишь продавать капусту?

— Его зовутъ Асфарагъ 1), и жители его—добрые христіане и примутъ васъ честь честью.

Короче сказать, я рѣшилъ туда идти.

Но вотъ по дорогѣ туда я встрѣ-

---

1) Глотка — отъ греческаго σφάραγος.

тилъ молодца, разставлявшаго сѣти голубямъ, и спросилъ его:

— Другъ мой, откуда берутся здѣсь эти голуби?

— Государь, — отвѣчалъ онъ,—они прилетаютъ изъ другого свѣта.

И тутъ я подумалъ, что голуби влетаютъ въ горло Пантагрюэля, когда онъ зѣваетъ, воображая, что это голубятникъ.

Затѣмъ я вошелъ въ городъ и нашелъ его красивымъ, люднымъ и нарядным; но при входѣ привратники потребовали у меня пропускной билетъ, чѣмъ премного удивили меня, и я ихъ спросилъ:

— Господа, развѣ здѣсь опасаются чумы?

— О, государь, — отвѣчали они, — тутъ неподалеку мрутъ люди какъ мухи, такъ что ихъ не успѣваютъ хоронить.

— Боже мой, но гдѣ же это?—спросилъ я.

На это они мнѣ отвѣчали, что это происходитъ въ Ларенгѣ [1] и Фаренгѣ [2],—двухъ большихъ городахъ, въ родѣ Руана и Нанта, богатыхъ и торговыхъ. А причина чумы заключается въ зловонныхъ и вредныхъ испареніяхъ, исходящихъ изъ нѣдръ тамошней земли съ нѣкоторыхъ поръ и отъ которыхъ въ послѣднюю недѣлю умерло уже слишкомъ два милліона двѣсти шестьдесятъ тысячъ шестнадцать человѣкъ. Поразмысливъ и хорошенько обдумавъ сказанное, я нашелъ, что это зловоніе исходитъ изъ желудка Пантагрюэля, который, какъ мы выше говорили, объѣлся потрохами съ чеснокомъ.

Выйдя отсюда, я прошелъ между утесами, которые оказались его зубами; я постарался влѣзть на одинъ изъ нихъ и оттуда увидѣлъ красивѣйшія въ мірѣ мѣста: прекрасныя обширныя помѣщенія для игры въ мячъ, красивыя галлереи, славные луга, много виноградниковъ и пропасть виллъ въ италіанскомъ вкусѣ; тамъ я пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ и никогда въ жизни такъ не пировалъ. Затѣмъ спустился по заднимъ зубамъ, чтобы пройти къ губамъ, но по дорогѣ былъ ограбленъ разбойниками въ большомъ лѣсу, находившемся невдалекѣ отъ ушей; затѣмъ очутился въ небольшомъ мѣстечкѣ, названіе котораго позабылъ. Тутъ я катался какъ сыръ въ маслѣ и заработалъ немного деньжонокъ. И знаете ли, чѣмъ именно? Тѣмъ, что спалъ: тамъ нанимаютъ людей поденно для того, чтобы спать, и они зарабатываютъ отъ пяти до шести су въ день; при чемъ тѣ, которые громко храпятъ, зарабатываютъ до семи съ половиной су.

Я разсказалъ сенаторамъ о томъ, что меня ограбили въ лѣсу, и они отвѣтили, что, дѣйствительно, тамошніе жители пользуются худой славой и прирожденные разбойники.

И при этомъ я узналъ, что, какъ у насъ существуютъ страны по сю и по ту сторону горъ, такъ и тутъ существуютъ страны по сю и по ту сторону зубовъ. И по ту сторону зубовъ и климатъ и воздухъ лучше.

Тутъ я подумалъ: правду говорятъ, что половина міра не знаетъ, какъ живетъ другая половина. Потому что никто еще не писалъ про эту страну, гдѣ болѣе двадцати пяти населенныхъ королевствъ, не считая пустынь и большого морского пролива. Но я написалъ объ этомъ большое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Исторія Горластыхъ», которыхъ я такъ назвалъ отъ того, что они обитаютъ въ горлѣ моего господина Пантагрюэля.

Въ концѣ концовъ я задумалъ вернуться назадъ и, пройдя по его бородѣ, бросился къ нему на плечи и оттуда спустился на землю и очутился передъ нимъ.

Завидя меня, онъ спросилъ:

— Откуда ты взялся, Алькофрибасъ?

Я ему отвѣчалъ:

— Изъ вашего горла, сударь.

— А сколько ты тамъ пробылъ? — спросилъ онъ.

— Все время, — отвѣчалъ я,—какъ вы воевали съ Альмиродами.

— Да вѣдь этому больше шести мѣсяцевъ,—сказалъ онъ. А чѣмъ же ты питался? Что пилъ?

---

[1] Отъ Larynx—гортань.

[2] Отъ pharynx — устье пищепроводнаго горла.

Я отвѣчалъ:

— Господинъ, вами самими и самыми вкусными кусочками, какіе проходили черезъ ваше горло, я взималъ съ нихъ пошлину.

— Скажите... Но,—спросилъ онъ,— а куда же ходилъ?

— Къ вамъ въ горло, сударь,—отвѣчалъ я.

— Ха, ха, ловкій же ты парень,— замѣтилъ онъ. Мы, съ помощью Божіей, завоевали всю страну Дипсодовъ; я дарю тебѣ замокъ Сальмигонденъ.

— Большое спасибо, сударь, вы меня награждаете свыше заслугъ.

XXXIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль заболѣлъ и какъ его вылѣчили.

Немного времени спустя добрый Пантагрюэль заболѣлъ и такъ сильно засорилъ желудокъ, что не могъ ни пить, ни ѣсть, а такъ какъ бѣда одна не приходитъ, то онъ заболѣлъ горячкой, которая мучила его сильнѣе, чѣмъ вы думаете. Но доктора удачно излѣчили его и посредствомъ слабительныхъ и мочегонныхъ снадобій выгнали вонъ изъ него болѣзнь. Выдѣленія его были такъ горячи, что еще съ тѣхъ поръ не охладились. И они у васъ имѣются, во Франціи, въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ слывутъ подъ названіемъ теплыхъ водъ, какъ-то:

въ Коттре,
въ Лиможѣ,
въ Дастѣ,
въ Баллерюкѣ,
въ Нерикѣ,
въ Бурбонепси и въ другихъ мѣстахъ.

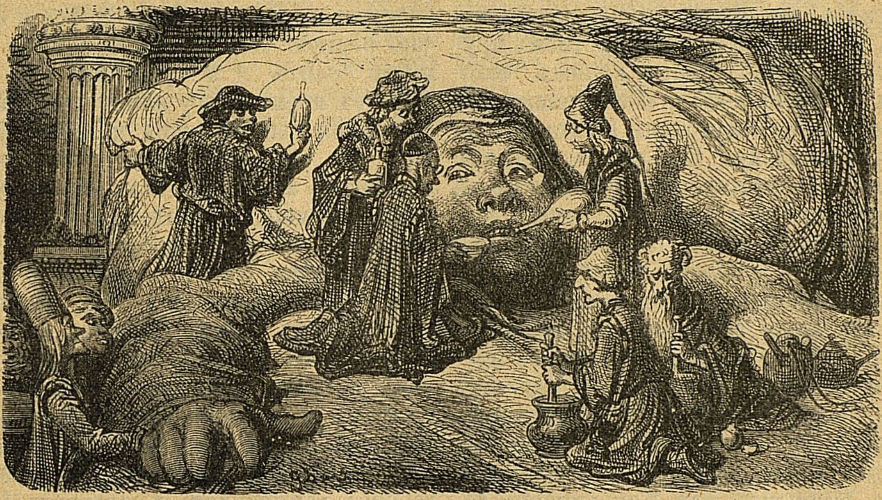
Въ Италіи:

въ Монгро,
въ Аппонѣ,
въ Санто-Педро ди-Падуа,
въ Св. Еленѣ,
въ Казановѣ,
въ Санто-Бартоломео.

Въ Болонскомъ графствѣ:

въ Пореттѣ и тысячи другихъ мѣстъ.

И я очень удивляюсь толпѣ глупыхъ философовъ и медиковъ, которые тратятъ время на споры о томъ, отчего происходитъ горячность этихъ источниковъ: не отъ буры ли, или отъ сѣры, или отъ квасцовъ, или отъ селитры, находящихся въ почвѣ; все это ихъ фантазіи, и лучше бы они мухъ давили, чѣмъ спорить о томъ, чего сами не знаютъ. Рѣшеніе же этого вопроса очень просто, и названные источники отъ того горячи, что произошли



Къ гл. XXXIII.

отъ горячихъ выдѣленій добраго Пантагрюэля.

Но чтобы вы знали, какъ онъ излѣчился отъ своей главной болѣзни, сообщу вамъ здѣсь, что онъ принялъ, какъ смягчительное средство, четыре центнера канифольной скаммоніи, шестью двадцать и восемнадцать возовъ кассіи и одиннадцать тысячъ девятьсотъ фунтовъ ревеню, не считая другихъ лѣкарствъ. Надо вамъ сказать, что, по совѣту медиковъ, рѣшено было очистить его желудокъ отъ того, что ему причиняло боль. Съ этою цѣлью изготовили семнадцать большихъ мѣдныхъ шаровъ, бо́льшаго объема, чѣмъ тотъ, что увѣнчиваетъ собою обелискъ Виргилія въ Римѣ; шары раскрывались и закрывались посредствомъ пружины. Въ одинъ шаръ вошелъ человѣкъ съ фонаремъ и зажженнымъ факеломъ. И его проглотилъ Пантагрюэль, какъ пилюльку. Въ пятеро другихъ вошло трое мужиковъ, и у каждаго на вороту висѣла лопата. Въ семеро другихъ шаровъ вошло семеро золотарей съ корзиной у ворота. И всѣ эти шары были проглочены, какъ пилюли. Когда всѣ эти люди очутились въ желудкѣ, они раскрыли шары посредствомъ пружины и вышли изъ нихъ; и первымъ тотъ, который несъ фонарь, и такимъ образомъ шли полъ-мили по страшной безднѣ, болѣе грязной и зловонной, чѣмъ Мефитисъ или Каморинскія болота, или вонючее Сорбонское озеро, о которомъ сообщаетъ Страбонъ. И если бы они заранѣе не подкрѣпили себѣ сердце и желудокъ и винную бочку, именуемую головой, то они непремѣнно задохлись бы отъ этой ужасной вони. О, какой запахъ! О, какія зловонныя испаренія, отъ которыхъ покраснѣли бы фальшивые носы юныхъ галлокъ! Ощупью подобрались они къ каловымъ массамъ и нашли цѣлую гору нечистотъ; тогда піонеры стали рыть ихъ, а другіе лопатами нагружать въ корзины, и когда все было хорошо очищено, каждый удалился въ свой шаръ.

Послѣ того Пантагрюэль постарался, чтобы его вырвало, и выбросилъ ихъ всѣхъ изъ себя вонъ, и они легче поднялись изъ его горла, чѣмъ у васъ поднимается отрыжка, и весело выскочили изъ своихъ пилюль. Это мнѣ напомнило то, какъ греки вышли изъ Троянской лошади. И этимъ средствомъ Пантагрюэль былъ излѣченъ и выздоровѣлъ. И одну изъ этихъ мѣдныхъ пилюль вы имѣете въ Орлеанѣ, на одной колокольнѣ.

XXXIV.

Заключеніе настоящей книги и извиненія автора.

О, господа, вы слышали начало необычайной исторіи моего господина и повелителя Пантагрюэля. Здѣсь я кончаю первую книгу: голова у меня немного болитъ; и я чувствую, что записи въ моемъ мозгу немного спутаны, благодаря сентябрьской похлебкѣ (вино). Вы получите продолженіе этой исторіи на одной изъ тѣхъ Франкфуртскихъ ярмарокъ, имѣющихъ наступить въ скоромъ времени, и тогда узнаете, какъ Панурга женили и какъ онъ сталъ рогоносцемъ уже съ перваго мѣсяца своей свадьбы, и какъ Пантагрюэль нашелъ философскій камень; узнаете и способъ, какъ его открывать, и то, какъ Пантагрюэль перебрался черезъ Каспійскія горы; какъ онъ переплылъ Атлантическій океанъ, разбилъ каннибаловъ и завоевалъ Перласкіе острова; и какъ онъ женился на дочери индійскаго короля, по имени Престанъ; и какъ онъ сражался съ чертями и сжегъ пять палатъ въ аду, опустошилъ большой, темный карцеръ и бросилъ Прозерпину въ огонь, а Люциферу выбилъ четыре зуба и сломалъ хвостъ; и какъ онъ побывалъ на лунѣ, чтобы узнать, правда ли, что она не цѣла, но что три четверти ея находятся въ головахъ у женщинъ, и тысячу другихъ веселыхъ и достовѣрныхъ вещей. Все это правда истинная. Покойной ночи, господа. Perdonnate mi и отпустите мнѣ мои вины, какъ вы отпускаете себѣ свои.

Если вы скажете: «Милостивый государь, сдается намъ, что съ вашей стороны не особенно разумно писать намъ такія вздорныя и забавныя шутки»,— я вамъ отвѣчу, что и вы не разумнѣе меня, если ихъ читаете. Однако, если вы ихъ читаете ради веселаго времяпрепровожденія, ради чего и я писалъ ихъ, то мы съ вами достойнѣе прощенія, нежели цѣлая толпа пустынниковъ, ханжей, лицемѣровъ, пустосвятовъ, притворщиковъ и всякихъ сектантовъ, которые ходятъ ряжеными и въ маскахъ, чтобы обманывать добрыхъ людей. Такъ какъ, увѣряя простой народъ, что они только и заняты, что созерцаніемъ и молитвою, постомъ и убіеніемъ плоти, и только питаются настолько, насколько это нужно, чтобы душа въ тѣлѣ держалась, они на дѣлѣ роскошествуютъ Богъ вѣсть какъ *et curios simulant, sed bacchanalia vivunt*. Вы можете ясно прочитать это на ихъ красныхъ рожахъ и толстыхъ животахъ, только бы они себя не окуривали сѣрой. Что касается ихъ ученыхъ занятій, то они сводятся къ чтенію пантагрюэлическихъ книгъ, но не ради веселаго времяпрепровожденія, а съ тѣмъ, чтобы повредить ближнему, а именно: разбирая, перебирая, перевирая, извращая чужія слова, то-есть, клевеща на ближняго. И въ этомъ похожи на тѣхъ деревенскихъ прощалыгъ, которые копаются и роются въ изверженіяхъ дѣтей въ пору вишенъ, разыскивая косточки, чтобы продать ихъ дрогистамъ, изготовляющимъ изъ нихъ боярышниковое масло. Тѣхъ избѣгайте, ненавидьте и чурайтесь такъ же, какъ и я, и, честное слово, это будетъ вамъ во спасеніе. И если хотите быть добрыми пантагрюэлистами, то-есть жить въ мирѣ, счастіи и добромъ здоровьи, хорошо кушать, не довѣряйтесь людямъ, которые подглядываютъ въ щелки.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ
«ПАНТАГРЮЭЛЬ».

КНИГА III, IV и V

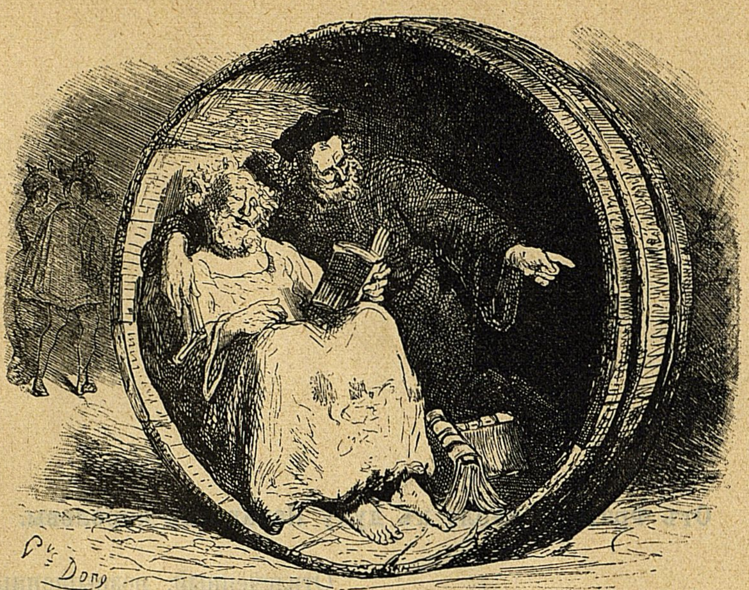
ПАНТАГРЮЭЛЬ

О ГЕРОИЧЕСКИХЪ ДѢЯНІЯХЪ И РЕЧЕНІЯХЪ ДОБРАГО ПАНТАГРЮЭЛЯ

Отъ Франсуа Раблэ къ духу Наварской королевы.

Esprit abstrait, ravy и ecstatic,
Qui, frequentant les cieulx, ton origine,
As delaissé ton hoste et domestic,
Ton corps concords, qui tant se morigine
A tes edictz, en vie peregrine,
Sans sentement, et comme en apathie,
Voudrois-tu point faire quelque sortie
De ton manoir divin, perpetuel,
Et ça bas voir une tierce partie
Des faicts joyeux du bon Pantagruel?

Отвлеченный, возвышенный и восторженный духъ, охотно покинувшій,—переселясь на небо, твое отечество,—тѣло, которое пребываетъ, согласно твоимъ велѣніямъ, въ здѣшней временной жизни безъ чувства и какъ бы въ апатіи,—не соблаговолишь ли разстаться на время съ твоимъ божественнымъ и вѣчнымъ жилищемъ и взглянуть на третью часть веселыхъ дѣяній добраго Пантагрюэля?



ПРОЛОГЪ АВТОРА.

Именитые бражники и вы, дражайшие подагрики, видали ли вы когда Діогена философа, циника? Если видали, то, значитъ, не даромъ, или я совсѣмъ дуракъ. Славное дѣло—узрѣть свѣтъ солнца (вина и денегъ). Ссылаюсь въ томъ на слѣпого отъ рожденія, столь восхваляемаго въ священной Библіи, который, будучи приглашенъ выбрать все, что хочетъ, по повелѣнію Того, Кто всемогущъ и слова Котораго въ ту же минуту сбываются, ничего не попросилъ кромѣ способности видѣть. Къ тому же вы, конечно, уже не молоды; а это—выгодное условіе, чтобы считаться компетентнымъ человѣкомъ въ сужденіяхъ о винѣ,—если не о тщетѣ жизни,—слѣдовательно, быть не только философомъ на дѣлѣ, но и принадлежать къ членамъ вакхическаго совѣта и разсуждать за дружеской трапезой о составѣ, цвѣтѣ, запахѣ, превосходствѣ, достоинствахъ, дѣйствіи и вліяніи добраго и любимаго вина.

Если же вы его не видѣли, какъ я склоненъ думать, то, по крайней мѣрѣ, слышали о немъ. Вѣдь вся вселенная полна его славой, и имя его гремитъ и по сей день. Къ тому же вы всѣ родомъ изъ Фригіи, если не ошибаюсь. И если у васъ нѣтъ столько золота, сколько было у Мидаса, то все же вы заимствовали отъ него нѣчто, что во время оно особенно цѣнили персы въ своихъ шпіонахъ, и чему завидовалъ императоръ Антонинъ, и чѣмъ стала съ тѣхъ поръ полевая пушка Рогановъ: большія уши. Если же вы о немъ не слыхали, то я хочу васъ съ нимъ познакомить и разсказать вамъ про него исторію для оживленія вина (пейте же!) и разговора (слушайте же!). Но чтобы вы не очень хлопали ушами, какъ круглые невѣжды, я заранѣе предупреждаю васъ, что онъ былъ въ свое время рѣдкимъ философомъ и весельчакомъ, какихъ мало. Если же у него были кое-какіе недостатки, то вѣдь и вы, и всѣ мы отъ нихъ не свободны. Кромѣ Бога, никто не совершененъ. Не даромъ Александръ Великій, хотя у него наставникомъ и слугою былъ Аристотель, такъ его уважалъ, что пожелалъ, не будь онъ Александромъ, быть Діогеномъ Синопскимъ.

Когда Филиппъ, король Македонскій, задумалъ осадить и разорить Коринѳъ, — коринѳяне, которыхъ ихъ шпіоны предупредили, что на нихъ идетъ македонскій король съ большой арміей, не безъ основанія пришли въ ужасъ и стали тщательно готовиться къ сопротивленію врагу и оборонѣ города. Одни свозили въ крѣпость утварь, скотъ, зерновой хлѣбъ, вино, фрукты, съѣстные припасы и необходимые боевые снаряды. Другіе исправляли стѣны, воздвигали бастіоны, расчищали рвы, возводили равелины, проводили контръ-мины, устраивали шанцы, платформы, крытые ходы, машины для метанія камней, расчищали казематы, наводили вторыя стѣны, ставили сторожевыя будки на башняхъ, устраивали брустверы, контръ-верки, куртины, увѣнчивали стѣны желѣзными кольями, чинили метательные снаряды, разставляли часовыхъ и разсылали патруль. Каждый былъ на своемъ мѣстѣ и каждый дѣлалъ то, что слѣдовало. Одни чистили кирасы, полировали сѣдла, приводили въ порядокъ конскую сбрую, наглавники, кольчуги, латы, шишаки, шлемы, забрала, нагрудники, щиты, панцыри, желѣзныя перчатки, наколѣнники и шпоры. Другіе приготовляли луки, пращи, самострѣлы, катапульты, гранаты, ракеты, скорпіоны и другія военныя машины. Кто оттачивалъ пики, алебарды, сѣкиры, стрѣлы, топоры, гарпуны, мечи, короткіе и длинные дротики; кто чистилъ палаши, сабли, мечи, шпаги, стилеты, ручные ножи и всякаго рода оружіе. Каждый вытаскивалъ на свѣтъ Божій всю свою старую рухлядь и отдѣлывалъ ее заново; не было такой старой или чопорной женщины, которая бы не приготовлялась къ войнѣ, такъ какъ вамъ извѣстно, что древнія коринѳянки были очень храбры и воинственны.

Діогенъ, видя ихъ въ такомъ воинственномъ азартѣ и не будучи приставленъ властями города ни къ какому дѣлу, нѣсколько дней сряду созерцалъ ихъ поведеніе, ни слова не говоря; но затѣмъ, какъ бы охваченный воинственнымъ настроеніемъ, опоясался мантіей какъ шарфомъ, засучилъ рукава до локтей, сдалъ на храненіе старому товарищу свою нищенскую суму, свои рукописныя книги и ушелъ изъ города по направленію къ Краніи, представляющей собою холмъ и Коринѳскій мысъ, докатилъ туда свою глиняную бочку, служившую ему убѣжищемъ въ дурную погоду. Въ крайнемъ возбужденiи, не покладая рукъ, принялся онъ вертѣть ее, поворачивать, переворачивать, наклонять въ ту и другую сторону, раскачивать, ставить вверхъ дномъ, стучать по дну, по бокамъ, опрокидывать, подталкивать ногой, лить въ нее воду, выливать воду изъ нея, накрывать ее, раскрывать, катить вправо, катить влѣво, впередъ, назадъ, приподнимать на воздухъ, мыть ее, влѣзать въ нее, вылѣзать изъ нея, снова влѣзать, садиться на нее верхомъ, ложиться въ нее въ растяжку; скатывалъ ее съ горы въ долину, затѣмъ снова втаскивалъ на гору, какъ Сизифъ свой камень, такъ что чуть было совсѣмъ ее не пробилъ. Увидя это, кто-то изъ его друзей спросилъ, что побуждаетъ его такъ терзать свое тѣло, свой умъ и свою бочку. На это философъ отвѣчалъ, что такъ какъ республика оставляетъ его безъ дѣла, то онъ такимъ образомъ возится со своей бочкой, чтобы не быть празднымъ среди такого занятаго и рьянаго населенія.

Такъ и я! Хотя и стою въ сторонѣ, однако не желаю быть обойденнымъ. Никто не считаетъ меня годнымъ на общее дѣло. Между тѣмъ я вижу, какъ каждый въ этомъ благородномъ королевствѣ, какъ по сю, такъ и по ту сторону горъ, изо всѣхъ силъ старается, исполненный усердія, оборонить и защитить свое отечество отъ врага. Самъ готовится, въ свою очередь, къ нападенію на него, и все это съ такой мудрой политикой и въ такомъ изумительномъ порядкѣ, къ такой очевидной пользѣ для будущаго (ибо такимъ путемъ Франція получитъ вѣрныя границы и освободится отъ всякаго страха), что я почти склоненъ принять воззрѣніе Гераклита, который считаетъ войну источникомъ всякаго желательнаго добра. И не хочетъ вѣрить, чтобы bellum было одной лишь антифразой bellus, какъ думаютъ нѣкоторые старые латинскіе буквоѣды, которые не видятъ ничего хорошаго въ войнѣ, но считаетъ это скорѣе выраженіемъ, соотвѣтствующимъ тому понятію, что война вызываетъ наружу все, что есть хорошаго и добраго, и изобличаетъ все худое и порочное. Что это такъ—доказывается тѣмъ, что мудрый и миролюбивый царь Соломонъ не сумѣлъ лучше представить намъ неизреченное превосходство божественной премудрости, какъ сравнивъ ее съ хорошо вооруженной и правильно организованной арміей.

Но такъ какъ я не допущенъ въ ряды тѣхъ, которые должны атаковать непріятеля, то меня сочли слишкомъ слабосильнымъ и ничтожнымъ, чтобы допустить даже и въ ряды тѣхъ, кто занимается обороной страны; сочли непригоднымъ хотя бы для того, чтобы окапывать шанцы, рыть землю или бить камни. Я же считаю слишкомъ большимъ позоромъ для себя роль празднаго зрителя въ виду столькихъ храбрыхъ, краснорѣчивыхъ, геройскихъ людей, разыгрывающихъ передъ лицомъ всей Европы эту великую басню и трагикомедію, въ то время какъ я ни въ чемъ не принимаю участія и нисколько не изощряю тѣ силы, какія у меня есть. Вѣдь на мой взглядъ не много славы достанется тѣмъ, кто только созерцаетъ происходящее, нисколько не изощряя своихъ силъ, бережетъ свои гроши, прячетъ свои деньги, чешетъ пальцемъ въ затылкѣ, ковыряетъ въ носу, хлопаетъ ушами, какъ аркадскіе ослы при звукахъ музыки, и только своими минами безмолвно даетъ знать, что одобряетъ эту прозопопею.

Поэтому, не имѣя иного выбора, счелъ я не безполезнымъ и не излишнимъ упражненіемъ, если я стану катать взадъ и впередъ свою діогеновскую бочку,—единственное, что мнѣ осталось отъ крушенія всѣхъ моихъ надеждъ въ жизни. Чего достигну я такой возней съ бочкой? спросите вы. Клянусь Богородицей, самъ еще не знаю. Подождите немного, дайте мнѣ приложиться къ бутылкѣ: вѣдь это мой вѣрный и единственный Геликонъ, моя живая вода, единственный источникъ моего вдохновенія. Распивая вино, я разсуждаю, взвѣшиваю, рѣшаю и даю заключеніе. Послѣ эпилога смѣюсь, пишу, сочиняю, пью.

Энній, распивая вино, писалъ; писавши, пилъ вино. Эсхилъ, если вѣрить Плутарху, in Symposiacis, сочинялъ распивая вино. Гомеръ никогда не писалъ натощакъ. Катонъ всегда писалъ лишь послѣ того, какъ, бывало, напьется. Изъ этого вы можете усмотрѣть, что я слѣдую лучшимъ и похвальнѣйшимъ образцамъ. И если вы тоже выпьете чарку-другую вина, я не вижу въ томъ никакого вреда, лишь бы вы не забывали при этомъ славить Господа Бога.

Но такъ какъ такова моя судьба или участь—ибо не всякому дано войти въ Коринѳъ и проживать въ немъ, то я рѣшилъ служить тѣмъ и другимъ; я не хочу оставаться празднымъ и безполезнымъ. Относительно фуражировъ, піонеровъ и саперовъ я поступаю такъ, какъ Аполлонъ въ Троѣ при Лаомедонѣ и Рено де-Монтоданъ на старости лѣтъ: я буду прислуживать каменщикамъ, буду стряпать на нихъ, а по окончаніи обѣда подъ звуки своей волынки буду слоны слонять. Что касается воиновъ, то я снова пробью дно моей бочки и извлеку изъ этого хранилища, достаточно знакомаго вамъ по предыдущимъ двумъ томамъ, если бы они не были искажены и извращены благодаря типографскому вранью, какъ результатъ нашего забористаго времяпрепровожденія, любезный третій томъ, а затѣмъ и веселый четвертый томъ пантагрюэлическихъ изреченій. Я разрѣшаю вамъ называть ихъ и діогеническими. И такъ какъ я не могу быть имъ соратникомъ, то буду честнымъ для нихъ метрдотелемъ, по мѣрѣ силъ своихъ ухаживающимъ за ними по ихъ возвращеніи съ поля брани, и неутомимымъ пѣвцомъ ихъ доблестей и славныхъ военныхъ подвиговъ. Я не премину это сдѣлать, клянусь Lapathium acutum! если только мартъ не придется въ посту, чего онъ, мошенникъ, не сдѣлаетъ.

Мнѣ помнится, что я читалъ, какъ Птоломей, сынъ Лагоса, представилъ однажды египтянамъ на сценѣ театра въ числѣ другой добычи, доставшейся ему, послѣ его побѣдъ, совсѣмъ чернаго дактріанскаго верблюда и пестраго невольника. У послѣдняго одна часть тѣла была черною, а другая бѣлою, но не въ горизонтальномъ направленіи, какъ у той женщины,—посвященной Венерѣ индійской,—которую философъ Аполлоній Тіанскій видѣлъ между рѣкой Гидаспомъ и Кавказской горой, а въ перпендикулярномъ. Такого зрѣлища еще въ Египтѣ не бывало, и онъ надѣялся этими новинками усилить народную къ себѣ любовь. Но что же вышло? При видѣ верблюда всѣ испугались и вознегодовали; при видѣ пестраго человѣка одни подняли его на смѣхъ, другіе восчувствовали къ нему отвращеніе, какъ къ подлому чудовищу, созданному по ошибкѣ природою. Въ концѣ концовъ надежда Птоломея понравиться египтянамъ и этимъ путемъ увеличить ихъ любовь къ себѣ обманула его. Онъ убѣдился, что для нихъ пріятнѣе и отраднѣе видѣть красивыя, совершенныя, изящныя вещи, нежели смѣшныя и чудовищныя. Съ тѣхъ поръ какъ верблюдъ, такъ и невольникъ потеряли всю цѣну въ его глазахъ; такъ что вскорѣ они лишились жизни, благодаря небрежности и отсутствію всякаго за ними ухода.

Этотъ примѣръ заставляетъ меня колебаться между надеждою и страхомъ: какъ бы мнѣ вмѣсто одобренія, за которымъ я гонюсь, не вызвать того, что мнѣ всего ненавистнѣе; какъ бы мое сокровище не стало прахомъ, и какъ бы вмѣсто Венеры[1]) не получить мнѣ пса; и какъ бы, желая оказать услугу людямъ, не возбудить ихъ гнѣва; думая развеселить, не оскорбить бы ихъ; какъ бы вмѣсто того, чтобы угодить имъ, не вызвать ихъ неудовольствія и какъ бы со мной не повторилась исторія съ пѣтухомъ Евкліона, какъ она разсказана Плавтомъ въ его Aulularia и Авзоніемъ въ его Gryphon и иными, а именно: какъ этому пѣтуху перерѣзали горло за то, что онъ нашелъ кладъ. Подумать—дрожь беретъ! А вѣдь это бывало. Такъ почему же не можетъ повториться и теперь? Нѣтъ, Геркулесъ этого не допуститъ. Вѣдь я замѣчаю въ нихъ во всѣхъ нѣчто специфическое: какое-то самобытное свойство, которое наши предки называли пантагрюэлизмомъ и благодаря которому они никогда и ничего не истолковываютъ въ худую сторону. Они сумѣютъ распознать доброе, открытое, честное мужество. Я привыкъ видѣть, какъ они отдавали должное и цѣнили доброе намѣреніе, хотя бы оно было и слабо выражено. Высказавши все это, возвращаюсь къ своей бочкѣ. Ну, принимайтесь за вино, товарищи! Дѣти, пейте на здоровье. Если оно вамъ придется не по вкусу, бросьте его. Я не изъ тѣхъ несносныхъ гулякъ, которые заставляютъ насильно, съ бранью и побоями, добрыхъ людей чокаться бокалами, пить и плясать, что хуже всего. Всѣ добрые бражники, всѣ благонамѣренные подагрики, подходящіе къ моей бочкѣ, не обязаны пить изъ нея, если не хотятъ; если же они пожелаютъ выпить и вино понравится ихъ вельможному вельможеству, то пусть пьютъ открыто, свободно, смѣло, ничего не платя, и не жалѣютъ вина. Таково мое рѣшеніе. И не бойтесь, чтобы вина не хватило, какъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской. Сколько бы вы изъ нея ни черпали, я буду доливать, и бочка окажется неисчерпаемой. Она полна живой силы и вѣчной мощи. Таковъ былъ напитокъ, заключавшійся въ кубкѣ Тантала, изображеннаго фигурально у мудрыхъ браминовъ; такова была въ Иберіи соляная гора, прославляемая Катономъ; такова была золотая вѣтка, посвященная подземной богинѣ, столь прославляемой Виргиліемъ [1]). Это настоящій рогъ изобилія шутки и насмѣшекъ. Если иногда и покажется вамъ, что вы исчерпали его до гущи, находящейся на днѣ, то вы все же никогда его не опорожните. На днѣ его лежитъ надежда, какъ въ бутылкѣ Пандоры, а не отчаяніе, какъ въ бочкѣ Данаидъ. Замѣтьте хорошенько, что̀ я говорю и какого рода людей я приглашаю. Вѣдь подобно тому, какъ Люциній (упоминаю объ этомъ во избѣжаніе недоразумѣній) утверждалъ, что писалъ только для своихъ тарентинцевъ и константинцевъ [2]), такъ и я пробилъ мою бочку только для васъ, ретивые бражники и честные подагрики. Лизоблюдамъ и прихлебателямъ тутъ не мѣсто: они и безъ того умѣютъ обдѣлывать свои дѣлишки. Не говорите мнѣ также, молю васъ во имя тѣхъ обстоятельствъ, которымъ вы обязаны своимъ рожденіемъ, о тупицахъ, придирающихся къ словамъ. Тѣмъ менѣе о ханжахъ, хотя бы всѣ они были изъѣдены венерической болѣзнью и умирали отъ жажды и голода. Почему? Потому что у нихъ на умѣ не добро, но зло,—то самое зло, отъ котораго мы ежедневно просимъ Бога избавить насъ, хотя они и прикидываются несчастными.

---

[1]) Такъ называлась лучшая кость въ игрѣ Талусъ у римлянъ.

Но отъ старой обезьяны нельзя ждать красивыхъ гримасъ. Прочь негодяи съ моей дороги! Сойдите, канальи, съ моего солнца и убирайтесь къ чорту. Приходите, добрыя и простыя души, пить мое вино! Взгляните вотъ на эту палку, которую Діогенъ завѣщалъ положить рядомъ съ нимъ послѣ его смерти, чтобы изгонять ею всякую нечисть и исчадій ада. Итакъ назадъ, пустосвяты! Проваливайте, ханжи! Убирайтесь къ чорту, лицемѣры! Какъ! Вы еще здѣсь? Я отказываюсь отъ своей части въ Папиманіи [1]), если васъ поймаю. G.22, g. 222, g. 222222. Прочь, прочь! Уйдутъ ли они? Пусть васъ бичуютъ до крови и бьютъ палками.

I.

О томъ, какъ Пантагрюэль переселилъ колонію Утопистовъ въ Дипсодію.

Когда Пантагрюэль завоевалъ всю страну Дипсодовъ, то переселилъ въ нее колонію Утопистовъ въ числѣ 9876543210 человѣкъ, не считая женщинъ и малыхъ дѣтей, всевозможныхъ ремесленниковъ и профессоровъ всѣхъ либеральныхъ наукъ, для освѣженія, оживленія и украшенія той страны, гдѣ населеніе было жидко и она была большею частью пустынна.

И переселеніе это совершилъ онъ отчасти и потому также, что мужчины и женщины размножились въ Утопіи какъ саранча. Вы должны понять безъ того, чтобы мнѣ нужно было объяснять это вамъ, что жители Утопіи отличались такимъ плодородіемъ, что въ каждой семьѣ по истеченіи каждыхъ девяти мѣсяцевъ рождалось не менѣе семи дѣтей, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, подобно тому, какъ это было среди еврейскаго народа въ Египтѣ (если только де Лира [2]) не вретъ). Но не столько это обстоятельство, равно какъ и плодородіе почвы, здоровый климатъ и удобства жизни въ Дипсодіи, сколько желаніе удержать въ повиновеніи и должной дисциплинѣ завоеванный край побудили его переселить въ него своихъ исконныхъ и вѣрныхъ подданныхъ,

---

[1]) Энеида, VI, 136 и др.

[2]) Cicero, de fin., 1, 3.

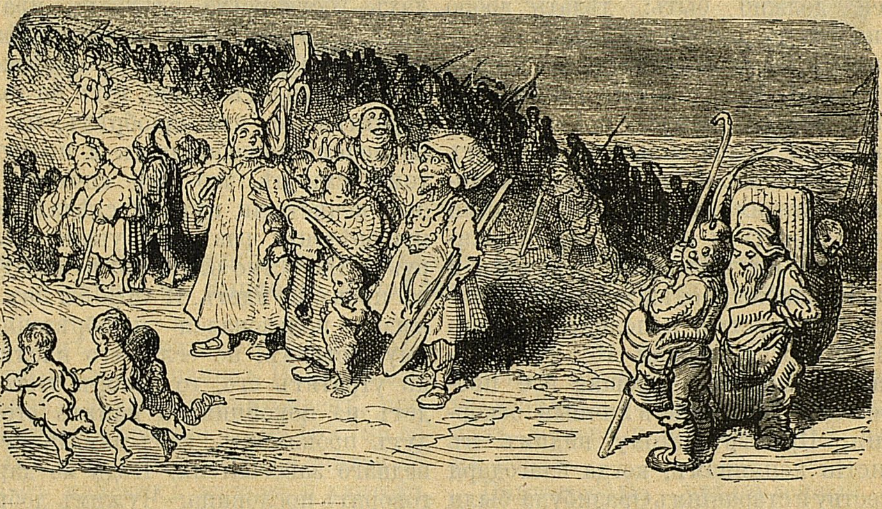
---

[1]) См. кн. IV, глава 48 и др.

[2]) Комментаторъ Библіи de Lyra. У Раблэ тутъ игра словъ: si de Lyra ne delire.

которые съ незапамятныхъ временъ не знали и не признавали иного господина какъ онъ; которые, едва родившись на свѣтъ Божій, вмѣстѣ съ молокомъ матери всосали сладость и кротость его царствованія и съ нею всѣ выросли и вполнѣ освоились. Можно было съ увѣренностью сказать, что они скорѣе лишатся жизни, нежели отпадутъ отъ прирожденной и неотъемлемой приверженности къ своему государю, какъ бы ихъ ни разсѣяли и куда бы ихъ ни переселили. И не только они сами и дѣти, рожденныя изъ ихъ крови, пребудутъ ему вѣрны, но сумѣютъ привить эту вѣрность и повиновеніе къ націямъ, вновь присоединеннымъ къ имперіи. Такъ оно на дѣлѣ и оказалось, и всѣ надежды на этотъ счетъ оправдались. Если Утопійцы до своего переселенія были вѣрны и благодарны, то Дипсоды, проживъ съ ними нѣсколько дней, перещеголяли ихъ съ тѣмъ свойственнымъ всѣмъ смертнымъ жаромъ, съ которымъ они относятся ко всякому новому дѣлу, если оно имъ по сердцу. Единственное, что они оплакивали и на что слезно жаловались, это на то, что до нихъ раньше не доходила слава о добромъ Пантагрюэлѣ.

Поэтому замѣтьте-ка здѣсь кстати, бражники, что лучшій способъ удержать и подчинить завоеванный край заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы грабить народъ, насиловать, мучить, разорять его и управлять имъ посредствомъ кнута,—какъ ошибочно утверждаютъ, къ своему стыду и позору, нѣкоторые тиранническіе умы,—короче сказать: не въ томъ, чтобы глотать народъ на манеръ неправеднаго правителя, котораго Гомеръ называетъ Демобороном, то-есть пожирателемъ народа. Я не стану приводить вамъ по этому поводу древнюю исторію, но напомню то, чему были свидѣтели ваши отцы и вы сами, если только вы не слишкомъ молоды. Какъ новорожденныхъ, народъ слѣдуетъ кормить молокомъ, укачивать, убаюкивать; какъ только-что посаженныя деревца, его слѣдуетъ поддерживать, беречь, защищать отъ всякихъ насилій, обидъ и бѣдствій; какъ человѣка, выздоравливающаго отъ продолжительной и опасной болѣзни, его слѣдуетъ лелѣять, щадить, помогать возстановленію его силъ, такъ чтобы онъ проникся такимъ мнѣніемъ, что нѣтъ въ мірѣ ни короля, ни принца, котораго бы онъ такъ боялся въ роли врага и такъ жаждалъ въ роли друга. Такъ Озирисъ, великій египетскій повелитель завоевалъ всю землю, прибѣгая не столько къ оружію, сколько ока-



Къ гл. I-й.

зывая помощь угнетеннымъ, уча добру и здоровой жизни, издавая разумные законы, осыпая народъ милостями и благодѣяніями. Отъ этого вселенная прозвала его великимъ царемъ Эвергетомъ, т.-е. благодѣтелемъ, какъ приказалъ Юпитеръ нѣкоей Памилѣ[1]. Гезіодъ въ своей Ѳеогоніи указываетъ на добрыхъ демоновъ,—назовемъ ихъ, если хотите, ангелами,—какъ на посредниковъ между богами и людьми, превосходящихъ людей, но уступающихъ богамъ. И такъ какъ всѣ небесные сокровища и дары достигаютъ до насъ черезъ ихъ руки, то онъ называетъ ихъ роль царственною: потому что исключительнымъ дѣломъ царей должно быть: дѣлать добро и никогда не причинять зла.

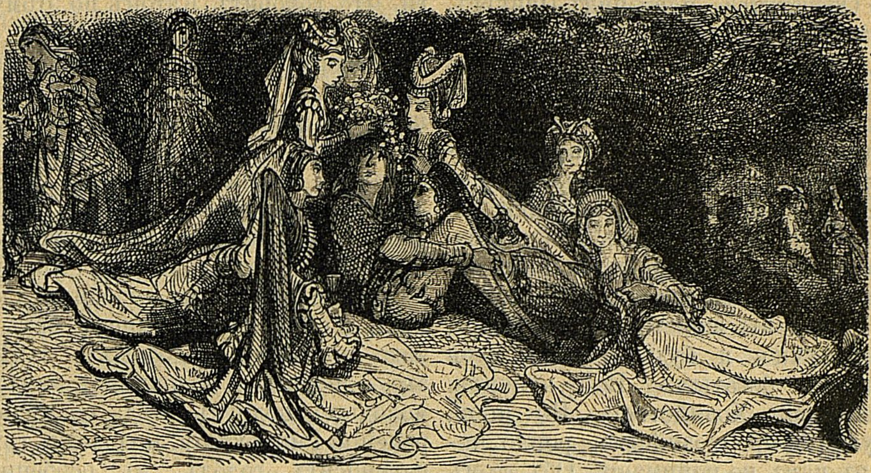
Таковъ былъ властитель вселенной Александръ Македонскій. Такимъ образомъ владѣлъ землею и Геркулесъ, освобождая людей отъ чудовищъ, отъ угнетеній, насилій и тиранніи, милостиво правя ими, воцаряя между ними справедливость и правосудіе, удерживая среди нихъ добрый порядокъ и издавая законы, содѣйствующіе прочности государства, пополняя то, чего недоставало, сокращая то, что оказывалось лишнимъ, прощая все прошлое зло и забывая всѣ личныя оскорбленія. Примѣръ этому видимъ въ амнистіи аѳинянамъ, когда благодаря мужеству и стараніямъ Ѳразибула были искоренены тираны. Позднѣе то же самое превозносилъ въ Римѣ Цицеронъ, и этому же подражалъ императоръ Авреліанъ. Вотъ волшебные напитки и любовныя чары, посредствомъ которыхъ мирно удерживается то, что съ трудомъ завоевано. И счастливѣе царствовать не можетъ завоеватель, или король, или принцъ, или философъ какъ чередуя правосудіе съ доблестью. Доблесть свою онъ доказалъ побѣдой и завоеваніемъ. Правосудіе его обнаружится въ томъ, что въ добромъ согласіи и любви со своимъ народомъ онъ издастъ законы, обнародуетъ эдикты, установитъ религіи, окажетъ каждому справедливость, и какъ говоритъ объ Октавіи Августѣ благородный поэтъ Маро:

«Онъ, побѣдитель, по своей волѣ
Издавалъ законы въ угоду побѣжденнымъ».

Вотъ почему Гомеръ въ своей Иліадѣ называетъ добрыхъ государей и великихъ царей Kosmetoras laon, то-есть краса народовъ. Такими соображеніями руководствовался Нума Помпилій, второй царь римлянъ, справедливый, мудрый философъ, когда повелѣлъ, чтобы въ праздникъ, посвященный богу Терминусу и который назывался Терминаліи, приносились лишь безкровныя жертвы. Этимъ онъ показалъ намъ, что въ предѣлахъ государства слѣдуетъ править мирно, дружелюбно, милостиво и не пачкать рукъ кровью и грабежомъ. Кто поступаетъ иначе, тотъ не только утратитъ то, что пріобрѣлъ, но еще навлечетъ на себя срамъ и позоръ въ томъ смыслѣ, что всѣ сочтутъ, что онъ нечистыми путями сдѣлалъ свои пріобрѣтенія, разъ они ушли изъ его рукъ. Извѣстно вѣдь, что чужое добро въ прокъ не идетъ. И хотя бы онъ всю жизнь пользовался пріобрѣтеннымъ имуществомъ, но если его наслѣдники утратятъ его, то позоръ этого падетъ на покойника и память его будутъ проклинать, какъ память неправеднаго завоевателя. Вѣдь не даромъ говоритъ пословица: «Чужимъ добромъ не разживешься». Замѣтьте также, записные подагрики, что этимъ путемъ Пантагрюэль одного ангела превратилъ въ двоихъ,—какъ разъ обратное дѣйствіе тому, что совѣтуетъ Карлъ Великій, обратившій одного діавола въ двоихъ, когда переселилъ саксонцевъ во Фландрію, а фламандцевъ въ Саксонію. Не въ силахъ удержать саксонцевъ, присоединенныхъ имъ къ имперіи, въ повиновеніи, такъ какъ они поминутно бунтовались, если его случайно отвлекала война въ Испанію или другія отдаленныя страны,—онъ переселилъ ихъ въ свой край, естественно покорный ему, а именно во Фландрію; а своихъ природныхъ подданныхъ, фламандцевъ, переселилъ въ Саксонію, не сомнѣваясь въ ихъ вѣрности, хотя бы они и эмигрировали въ чужія страны. Но случилось такъ, что саксонцы продолжали бунтовать по старому, а фламандцы, проживая въ Саксоніи, переняли нравы и обычаи саксонцевъ.

---

[1] См. у Плутарха.



Къ гл. II-й.

II.

О томъ, какъ Панургъ былъ сдѣланъ владѣльцемъ замка Сальмигонденъ въ Дипсодіи и поѣдалъ свой хлѣбъ на корню.

Указомъ правительству Дипсодіи Пантагрюэль назначилъ Панурга владѣльцемъ замка Сальмигонденъ, приносившаго ежегодно 6.786.109.789 золотыхъ дукатовъ доходу, не считая дохода съ майскихъ жуковъ и улитокъ, доходившаго, на худой конецъ, отъ 2.435.768 до 2.435.769 барашковъ [1]), порою же достигавшаго 1.234.554.321 цехина [2]). Новый владѣлецъ такъ хорошо хозяйничалъ, что менѣе нежели въ двѣ недѣли промоталъ вѣрный и невѣрный доходъ со своихъ владѣній за три года. Онъ промоталъ его, прошу васъ думать, не на основаніе монастырей, постройку храмовъ, училищныхъ зданій и больницъ или другія подобныя затѣи. Онъ истратилъ его на безчисленные банкеты и веселые пиры, на которые шелъ всякъ, кто хотѣлъ: всѣ добрые собутыльники, молодыя дѣвчоночки и хорошенькія бабенки. Онъ рубилъ лѣса, сжигалъ толстыя деревья на золу, бралъ деньги взаймы, покупалъ дорого, продавалъ дешево и поѣдалъ свой хлѣбъ на корню.

Пантагрюэль, увѣдомленный объ этомъ, нисколько не вознегодовалъ, не разсердился и не огорчился. Я уже говорилъ вамъ, что то былъ добрѣйшій изъ людей, малыхъ и великихъ, которые когда-либо опоясывались мечомъ. Онъ всѣ вещи принималъ съ хорошей стороны, все истолковывалъ по доброму. Никогда не терзался, ничѣмъ не скандализировался. Онъ бы не былъ такимъ разумнымъ человѣкомъ, если бы огорчался или сердился; потому что всѣ сокровища въ подлунномъ царствѣ и всѣ тѣ, что заключаетъ земля во всѣхъ своихъ измѣреніяхъ—въ вышину, глубину, ширину и длину—не достойны волновать наши чувства и смущать нашъ умъ и душу. Онъ только отвелъ Панурга въ сторонку и мягко замѣтилъ ему, что если онъ хочетъ такъ жить и не хочетъ беречь свое добро, то обогатить его будетъ невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень трудно.

---

[1]) Золотая монета.

[2]) Восточная монета.

— Обогатить?—повторилъ Панургъ. Развѣ вы это задумали? Развѣ вы хотите, чтобы я былъ богатъ на этомъ свѣтѣ? Богомъ и всѣми добрыми людьми клянусь, жить весело—вотъ главное дѣло! Никакія другія старанія, никакія другія заботы не должны проникать въ святая святыхъ вашего божественнаго мозга. Пусть ясность вашего духа никогда не смущается подобными мелкими и досадными тревогами. Пока вы живете весело, бодро, благополучно, я буду считать себя слишкомъ богатымъ. Всѣ кричатъ: «Хозяйство! Хозяйство!» Но иной, толкующій про хозяйство, ровно ничего въ немъ не понимаетъ. Объ этомъ надо меня спросить. И знаете ли, что я вамъ скажу: въ томъ, что мнѣ ставится въ порокъ, я только подражалъ парижскимъ университету и парламенту,—мѣстамъ, представляющимъ собою истинный источникъ и живую идею пантеологіи, какъ и всякой справедливости. Еретикъ тотъ, кто въ этомъ сомнѣвается или этому не вѣритъ. Они съѣдаютъ своего епископа или—что одно и то же—весь годовой, а иногда и двухгодичный доходъ со своей епархіи въ одинъ день, въ тотъ именно, когда вступаетъ въ должность. И онъ не можетъ отъ этого уклониться, если не хочетъ быть побитымъ каменьями. Кромѣ того, я слѣдую въ этомъ четыремъ главнымъ добродѣтелямъ:

Во-первыхъ, осторожности, забирая деньги впередъ. Вѣдь никто не знаетъ, что его ждетъ впереди. Кто знаетъ, простоитъ ли міръ еще три года? И даже если бы онъ простоялъ и дольше, то есть ли такой безумный человѣкъ, который бы посмѣлъ быть увѣреннымъ, что еще проживетъ три года?

«Кто изъ людей такъ распоряжается судьбой, что можетъ разсчитывать прожить до завтра» [1]).

Во-вторыхъ, справедливости отрицательной, потому что, покупая дорого, я покупаю въ кредитъ, а, продавая дешево, продаю на чистыя деньги. Что говоритъ Катонъ по этому поводу въ своемъ «Хозяйствѣ»? «Надо, говоритъ онъ, чтобы отецъ семейства былъ непрерывнымъ продавцомъ». Такимъ путемъ онъ непремѣнно станетъ, наконецъ, богатъ, если не закроетъ лавочки. И затѣмъ справедливости положительной: ибо кормлю добрыхъ,—замѣтьте это, добрыхъ,—и пріятныхъ сотоварищей, которыхъ судьба выкинула на голодную скалу, какъ и спутниковъ Улисса, безъ всякаго провіанта, и добрыхъ, замѣтьте это,—добрыхъ и молодыхъ,—замѣтьте: молодыхъ подругъ. Вѣдь, согласно изреченію Гиппократа, молодежь трудно переноситъ голодъ, въ особенности когда она жива, бодра, подвижна, легко увлекается и волнуется. А такая молодежь, въ свою очередь, дорога для людей доброжелательныхъ, потому что настроена въ духѣ Платона и Цицерона и считаетъ, что родилась въ міръ не для себя только, но готова жертвовать собой своей партіи и своимъ друзьямъ.

Въ-третьихъ, силѣ, такъ какъ я, подобно второму Милону Кротонскому, срубаю большія деревья, вырубаю глухіе лѣса, разоряю логовища волковъ и кабановъ, притоны разбойниковъ, убійцъ и фальшивыхъ монетчиковъ, убѣжища еретиковъ и превращаю ихъ въ мелкій кустарникъ или прекрасныя, открытыя поляны, приготовляю при звукѣ флейтъ и волымокъ арену для послѣдняго суда.

Въ - четвертыхъ, умѣренности, поѣдая свой хлѣбъ на корню, какъ отшельникъ, живу салатомъ и кореньями, становлюсь выше чувственныхъ аппетитовъ и сберегаю для калѣкъ и убогихъ. Ибо такимъ путемъ я обхожусь безъ полольщиковъ, которымъ надо платить деньги; безъ косарей, которые любятъ выпить и не разбавляютъ вино водою; безъ жнецовъ, которые хотятъ, чтобы ихъ кормили пирогами; безъ молотильщиковъ, которые, по свидѣтельству Thestilis Виргилія, обрываютъ въ садахъ весь чеснокъ, лукъ и шарлотъ; безъ мельниковъ, которые обыкновенно бываютъ мошенниками, и безъ булочниковъ, которые нисколько не честнѣе. Развѣ это малое сбереженіе? И къ тому же развѣ мало опустошеній производятъ полевыя мыши? Развѣ мало гніетъ хлѣба въ амбарахъ? И развѣ мало его истребляютъ крысы? Между тѣмъ изъ хлѣба на корню вы готовите прекрасный зеленый соусъ, который не отягощаетъ желудка, легко переваривается, не отуманиваетъ головы, возбуждаетъ жизненныя силы, веселитъ глазъ, подстрекаетъ аппетитъ, пріятенъ на вкусъ, бодритъ сердце, щекочетъ языкъ, придаетъ хорошій цвѣтъ лицу, укрѣпляетъ мускулы, очищаетъ кровь, облегчаетъ діафрагму, освѣжаетъ печень, разгоняетъ желчь, успокаиваетъ почки, сообщаетъ упругость всѣмъ членамъ тѣла, укрѣпляетъ позвонки, заставляетъ человѣка чихать, рыдать, кашлять, плевать, блевать, зѣвать, сморкаться, дышать, храпѣть, потѣть и представляетъ тысячу другихъ преимуществъ.

---

[1]) Сенека, Thyest.

— Понимаю, отвѣчалъ Пантагрюэль,—вы хотите сказать, что не умные люди не сумѣютъ много истратить въ короткій срокъ. Вы не первый придумавшій эту ересь. Неронъ проповѣдывалъ ее и изъ всѣхъ смертныхъ восхищался своимъ дядей Калигулой, который ухитрился въ нѣсколько дней растратить все имущество и наслѣдство, оставленное ему Тиверіемъ. Но вмѣсто того, чтобы слѣдовать римскимъ законамъ противъ роскоши: закону Орхическому, Фанническому, Дидійскому, Лицинійскому, Корнеліевскому, Лепидинійскому, Антійскому и Коринѳійскому, которыми строго воспрещалось каждому проживать свыше того, что составляетъ его годовой доходъ, вы совершили proterviam, что у римлянъ являлось такою же жертвою, какъ пасхальный агнецъ у евреевъ. И тамъ и тутъ приличествовало съѣсть все, что можно, остальное же бросить въ огонь, но ничего не оставлять на завтра. Я могу про васъ сказать то, что сказалъ Катонъ про Альвидія, который, промотавъ все, что имѣлъ, напослѣдокъ сжегъ единственный домъ, остававшійся у него, чтобы сказать: «Consummatum est», или какъ позднѣе сказалъ Св. Ѳома Аквинскій, когда съѣлъ всю миногу: «Не велика бѣда».

III.

Похвальное слово Панурга должникамъ и заимодавцамъ.

— Но,—спросилъ Пантагрюэль,—когда же вы избавитесь отъ долговъ?

— Ко второму пришествію,—отвѣчалъ Панургъ;—когда всѣ будутъ довольны, и вы наслѣдуете самому себѣ. Боже меня упаси выйти изъ долговъ. Никто мнѣ тогда гроша не дастъ взаймы. Если съ вечера не положить дрожжей въ тѣсто, оно на утро не поднимется. Ну, а если вы у кого-нибудь постоянно въ долгу, то онъ непрерывно молитъ Бога послать вамъ благополучную, долгую и счастливую жизнь; опасаясь, какъ бы его долгъ за вами не пропалъ, онъ будетъ хвалить васъ при людяхъ, подыскивать вамъ новыхъ кредиторовъ, чтобы ваши дѣлишки поправились и вы могли пополнить его мошну. Когда, въ былое время, въ Галліи сожигали живыми, по друидическому закону, крѣпостныхъ, слугъ и глашатаевъ на похоронахъ ихъ господъ и владѣльцевъ, развѣ не опасались они пуще всего того, чтобы ихъ господа и владѣльцы не умерли? Вѣдь они обязаны были съ ними вмѣстѣ умереть. И развѣ не молили они своего великаго бога Меркурія заодно съ Плутономъ, скопидомомъ, сохранить ихъ здоровыми на многія лѣта? Потому что вмѣстѣ съ ними и они могли жить. Вѣрьте, что ваши кредиторы усердно будутъ молиться Богу о продленіи вашей жизни, опасаясь, какъ бы вы не умерли, тѣмъ болѣе, что для нихъ своя рубашка къ тѣлу ближе и деньги имъ дороже жизни. Доказательствомъ тому служатъ ростовщики изъ Ландеруссы, которые нѣкогда повѣсились отъ того, что хлѣбъ и вино стали падать въ цѣнѣ, а погода стала благопріятнѣе.

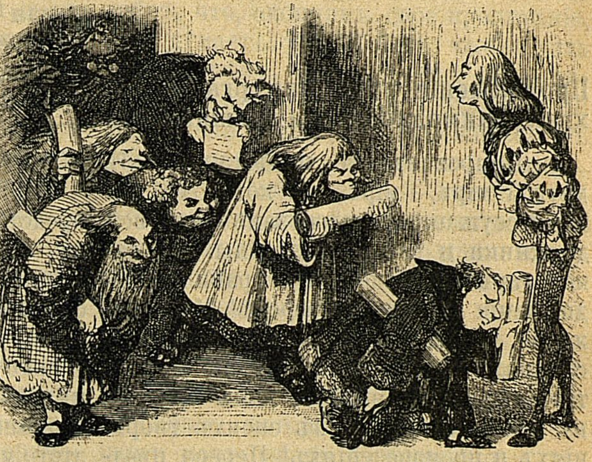
Такъ какъ Пантагрюэль ничего не отвѣчалъ, то Панургъ продолжалъ:

— Право слово, когда я хорошенько подумаю, вы меня обижаете, упрекая меня за долги и кредиторовъ. Боже, какъ разъ въ этомъ отношеніи я считаю себя великимъ, достопочтеннымъ и грознымъ, тѣмъ, что вопреки мнѣнію всѣхъ философовъ, утверждающихъ, что изъ ничего не создается ничего, я—не имѣя ровно ничего, никакого первоначальнаго вещества — оказался творцомъ и создателемъ. Что я создалъ? А какъ же! Прекрасныхъ и добрыхъ кредиторовъ. Кредиторы— буду стоять на томъ до костра исключительно — прекрасныя и добрыя созданія. Кто не даетъ взаймы, тотъ скверная и дурная тварь, исчадіе ада. Что я сотворилъ? А долги-то! О, рѣдкая и античная красота. Долги, говорю я, превосходящіе число слоговъ, которые можно составить изъ всѣхъ гласныхъ и согласныхъ, и которые, во время оно, проектировалъ сосчитать благородный Ксенократъ. Если вы будете судить о превосходствѣ должниковъ по численности ихъ кредиторовъ, то не впадете въ ариѳметическую ошибку. Повѣрьте, что мнѣ очень пріятно, когда каждое утро я вижу вокругъ себя этихъ смиренныхъ, услужливыхъ кредиторовъ, не скупящихся на поклоны. И когда замѣчаю, что случись мнѣ привѣтливѣе улыбнуться кому-нибудь изъ нихъ или получше угостить чѣмъ другихъ, то плутъ сейчасъ же вообразитъ, что на его улицѣ праздникъ и я, прежде чѣмъ другимъ, уплачу ему свой долгъ, и онъ принимаетъ мою улыбку за чистую монету,—мнѣ представляется, что я играю роль Бога на представленіи Страстей Господнихъ въ Сомюрѣ, — окруженнаго ангелами и херувимами. Это мои кандидаты, мои паразиты, мои льстецы, мои прорицатели, мои неизмѣнные панегиристы. И право же я думаю, что гора геройской добродѣтели, описанная Гезіодомъ, состояла изъ долговъ и изъ смертныхъ, стремившихся взобраться на нее. Я успѣшнѣе всѣхъ совершилъ это. Немногіе взбираются на нее вслѣдствіе трудности пути, такъ какъ теперь у всѣхъ появилось страстное желаніе и развился волчій аппетитъ къ дѣланію долговъ и размноженію кредиторовъ. Между тѣмъ не всякій умѣетъ стать должникомъ; не всякій найдетъ кредиторовъ. И вы хотите лишить меня этого высшаго благополучія; вы спрашиваете меня: когда я освобожусь отъ долговъ? А я-то, клянусь св. Баболеномъ, всю жизнь считалъ, что долги— наилучшая связь между небомъ и землей, единственное звено между людьми, безъ котораго, я утверждаю, всѣ люди въ скоромъ времени погибли бы. Это по преимуществу та великая душа вселенной, которая, по словамъ академиковъ, оживляетъ всѣ вещи. Что это дѣйствительно такъ, представьте только себѣ мысленно любой міръ, изъ тридцати, измышленныхъ философомъ Метродоромъ [1], въ которомъ не было бы ни должниковъ, ни кредиторовъ. Міръ безъ долговъ? Да въ немъ нарушилось бы правильное теченіе свѣтилъ и воцарился бы хаосъ. Все пришло бы въ смятеніе. Юпитеръ, не считая себя должникомъ Сатурна, низложилъ бы его изъ его сферы и въ своей гомерической цѣпи спуталъ бы всѣ умы, всѣхъ боговъ, небеса, демоновъ, геніевъ, героевъ, діаволовъ, землю, море, всѣ стихіи. Сатурнъ, соединившись съ Марсомъ, привелъ бы вселенную въ полнѣйшій безпорядокъ. Меркурій не захотѣлъ бы служить другимъ богамъ, не захотѣлъ бы болѣе быть ихъ Камилломъ, какъ его называли на этрурскомъ языкѣ [2], потому что онъ бы не былъ имъ долженъ. Венеру перестали бы уважать, потому что она ничего не давала бы людямъ. Луна стала бы кровавой и темной. Съ какой стати солнце удѣляло бы ей свой свѣтъ? Оно вѣдь не было бы должно свѣтить и не освѣщало бы также и земли. Свѣтила не оказывали бы на нее никакого добраго вліянія. Земля не стала бы питать ихъ своими испареніями, которыя, по словамъ Гераклита, и какъ доказывали стоики и утверждалъ Цицеронъ, питаютъ свѣтила. Между различными стихіями прекратилось бы всякое общеніе, всякій обмѣнъ и превращеніе. Земля не переходила бы въ воду, вода не превращалась бы въ воздухъ, воздухъ не становился бы огнемъ, огонь не согрѣвалъ бы землю. Земля ничего бы не производила, кромѣ чудовищъ, титановъ, великановъ; не было бы дождя, не было бы свѣта, не было бы вѣтра, не было бы ни лѣта, ни осени. Люциферъ разорвалъ бы оковы и, вырвавшись изъ нѣдръ ада вмѣстѣ съ фуріями, мстительными геніями и рогатыми чертями, захотѣлъ бы изгнать съ небесъ всѣхъ боговъ какъ великихъ, такъ и малыхъ народовъ. Міръ, въ которомъ никто бы и ничего не давалъ взаймы, былъ бы собачьимъ міромъ, міромъ происковъ болѣе несносныхъ, чѣмъ происки парижскаго ректора, чертовщина болѣе непонятная, чѣмъ игры въ Дуэ. Среди людей никто не сталъ бы спасать другъ друга; сколько бы человѣкъ ни кричалъ: «Помогите! горю! тону! рѣжутъ!»—никто бы не пришелъ на помощь. Да и зачѣмъ? Онъ никому ничего не одолжалъ, никто ничего ему не долженъ. Никому нѣтъ дѣла до того, сгоритъ ли онъ, утонетъ ли, разорится или умретъ. Вѣдь онъ не ссужалъ ничѣмъ и никого. И ему никто ничего не даетъ. Короче сказать, изъ здѣшняго міра изгнаны были бы вѣра, надежда и любовь; потому что люди только затѣмъ и родились на свѣтъ, чтобы помогать другъ другу. Вмѣсто того воцарилось бы недовѣріе, презрѣніе, злопамятность со свитой всѣхъ золъ, всѣхъ проклятій, всѣхъ бѣдъ. Можно было бы подумать, что Пандора пролила свою бутылку. Люди стали бы волками для людей; оборотнями и демонами, какими были Ликаонъ [1], Беллерофонтъ [2], Навуходоносоръ; разбойниками, убійцами, отравителями, злоумышленниками, злонамѣренными, недоброжелателями, ненавистниками; каждый возставалъ бы на всѣхъ, какъ Измаилъ [3], какъ Метабусъ [4], какъ Тимонъ Аѳинскій, который по этой причинѣ былъ прозванъ Мизантропомъ. Легче было бы кормить рыбъ въ воздухѣ, пасти оленей на днѣ океана, нежели удержать отъ распаденія такой дрянной міръ, гдѣ бы никто никому не давалъ взаймы. Честью клянусь, что ненавижу такой міръ. И если вы представите себѣ по образцу такого печальнаго и плачевнаго міра тотъ другой мірокъ, который есть человѣкъ, то и въ немъ найдете страшный переполохъ. Голова не захочетъ ссужать зрѣніемъ руки и ноги. Ноги не согласятся носить голову, руки откажутся на нее работать. Сердце возстанетъ на то, что должно биться для всего тѣла; легкія не захотятъ ссужать его своимъ дыханіемъ. Печень откажется разсылать кровь по жиламъ. Мочевой пузырь не захочетъ считаться должникомъ почекъ. Урина упразд-

---

[1] Греческій философъ, ученикъ Эпикура.

[2] Имя Меркурія на этрурскомъ языкѣ, означающее: вѣстникъ.



Къ гл. III-й.

---

[1] Овидій. Метаморфозы, I.

[2] Илія, VI. 152.

[3] Книга Моисея, XXI, 9.

[4] Энеида, XI, 539 и 540.

нится. Мозгъ, созерцая такой неестественный порядокъ дѣлъ, задумается и перестанетъ сообщать чувствительность нервамъ и движеніе мускуламъ. Короче сказать, въ такомъ разстроенномъ мірѣ, гдѣ никто никому не долженъ, никто никого ничѣмъ не ссужаетъ, никто не беретъ ничего взаймы, вы станете свидѣтелями возмущенія, болѣе вредоноснаго, нежели то, какое намъ изобразилъ Эзопъ въ своей баснѣ. И сомнѣнія нѣтъ, что такой міръ погибнетъ; и, мало того, погибнетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Никакой Эскулапъ его не спасетъ. Тѣло быстро сгніетъ, а душа отправится ко всѣмъ чертямъ... вслѣдъ за моими деньгами.

IV.

Продолженіе рѣчи Панурга въ похвалу заимодавцамъ и должникамъ.

— Напротивъ того, представьте себѣ другой міръ,—міръ, въ которомъ каждый ссужаетъ, каждый занимаетъ, всѣ должники и всѣ заимодавцы. О, какая гармонія будетъ въ правильномъ движеніи небесныхъ сферъ! Мнѣ кажется, что я слышу ее, какъ нѣкогда слышалъ ее Платонъ. Какая симпатія между стихіями! О, какъ природа въ ней расцвѣтаетъ въ своихъ твореніяхъ и произведеніяхъ! Церера предстанетъ, нагруженная зерновыми хлѣбами, Бахусъ—виномъ, Флора—цвѣтами, Помона—плодами, Юнона—въ ея ясномъ настроеніи, благожелательная, здоровая, пріятная. Я прихожу въ восторгъ отъ такого созерцанія. Среди людей будутъ царствовать миръ, любовь, веселье, вѣрность, покой, пиры, банкеты, радость, изобиліе, золото, серебро, товары будутъ переходить изъ рукъ въ руки. Никакихъ тяжбъ, никакихъ споровъ, никто тамъ не будетъ ни ростовщикомъ, ни скупцомъ или скрягой, ни сутягой, никто никому ни въ чемъ ни откажетъ. Ей-богу, ну, развѣ это не будетъ золотымъ вѣкомъ? Царствомъ Сатурна? Идеей объ олимпійскихъ сферахъ, гдѣ прекращаются всѣ другія добродѣтели и царствуетъ, управляетъ, даетъ, торжествуетъ одна любовь? Всѣ будутъ добры, всѣ будутъ красивы, всѣ будутъ справедливы. О, счастливый міръ! О, счастливые люди этого міра! Трижды и четырежды блаженные! Мнѣ сдается, что я къ нему принадлежу. Клянусь вамъ, что если бы въ этомъ мірѣ былъ папа съ цѣлымъ синклитомъ кардиналовъ и съ поддержкой своей святой коллегіи, то въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ вы бы увидѣли въ немъ бо́льшее изобиліе святыхъ, чудесъ, проповѣдей, обѣтовъ, посоховъ и свѣчъ, чѣмъ во всѣхъ девяти епархіяхъ Бретани вмѣстѣ взятыхъ, за исключеніемъ одной только епархіи Св. Ива. Прошу васъ, замѣтьте, что благородный Пателенъ, желая обоготворить и посредствомъ выспреннихъ похвалъ превознести до третьяго неба Гильома Жусома, ничего не сказалъ какъ только:

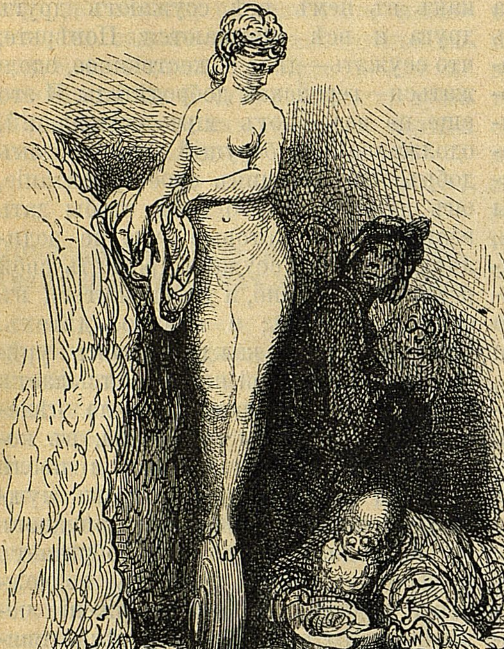
«Онъ ссужалъ
«Своими припасами всѣхъ, кто ихъ просилъ».

О, чудное слово! По этому образцу представляйте себѣ нашъ микрокосмъ, въ которомъ всѣ члены ссужаютъ, занимаютъ, одолжаются, то-есть представьте себѣ натуральнаго человѣка. Потому что натура создала человѣка только затѣмъ, чтобы ссужать и занимать. Гармонія небесъ не затмитъ гармоніи ея устройства. Планъ творца этого микрокосма заключался въ томъ, чтобы поддерживать душу, которую онъ внѣдрилъ въ него какъ гостя, и жизнь. Жизнь заключается въ крови. Кровь—средоточіе души; слѣдовательно, единственнымъ трудомъ въ мірѣ, единственной заботой должно быть—непрерывно творить кровь. Въ этой мастерской всѣ члены занимаютъ свою собственную должность, и ихъ іерархія такова, что непрерывно одинъ у другого занимаетъ, одинъ другого ссужаетъ, одинъ другому долженъ. Вещество и металлъ, потребные на то, чтобы быть превращенными въ кровь, доставляются природой: это хлѣбъ и вино. Въ нихъ двоихъ заключаются всѣ роды пищи. Отсюда произошло на langue d'oc слово «компанейство». Чтобы найти, приготовить, сварить ихъ, трудятся руки, шествуютъ ноги и носятъ всю эту махину; глаза же его руководятъ. Движенiе въ желудкѣ, причиняемое кислотами, напоминаетъ, что время принимать пищу. Языкъ испытываетъ ея достоинство, зубы пережевываютъ ее, желудокъ принимаетъ ее въ себя и перевариваетъ. Кровеносные сосуды въ желудочныхъ стѣнкахъ поглощаютъ изъ нея то, что годится (между тѣмъ какъ отбросы выводятся изъ организма другими органами, приспособленными къ тому) и относятъ ее въ печень; оттуда она снова переходитъ и превращается въ кровь. Представьте же, какъ велика радость этихъ служакъ при видѣ золотого потока, который одинъ ихъ питаетъ! Радость алхимиковъ, когда, послѣ долгихъ трудовъ, старанiй и издержекъ, они видятъ, какъ металлы преобразуются въ ихъ ретортахъ, не можетъ быть сильнѣе. Затѣмъ каждый органъ приготовляется и старается заново очистить и улучшить это сокровище. Почки своими почечными венами извлекаютъ изъ него жидкость, которую вы называете уриной, и проводятъ ее черезъ мочевой каналъ внизъ. Внизу находится мочевой пузырь, который время отъ времени опоражнивается. Селезенка извлекаетъ тѣ землистыя части, тотъ осадокъ, который вы зовете меланхолiей. Желчевой пузырь извлекаетъ холерическiй излишекъ. Затѣмъ онъ переносится въ другую мастерскую, чтобы еще лучше очиститься, это—сердце, которое, расширяясь и сжимаясь, такъ очищаетъ и согрѣваетъ кровь, что она достигаетъ полнаго совершенства въ правой полости и оттуда отводится венами во всѣ органы. Каждый органъ вбираетъ ее въ себя и питается ею на свой ладъ: ноги, руки, глаза,—короче сказать, всѣ члены тѣла. И такимъ образомъ становятся должниками тѣ, которые раньше были заимодавцами. Въ лѣвой сердечной полости кровь такъ утончается, что ее называютъ одухотворенной, и оттуда разносится артерiями по всѣмъ органамъ, чтобы согрѣть и провентилировать венозную кровь. Тѣмъ временемъ легкiя своими долями и мѣхами не перестаютъ его освѣжать. Въ благодарность за это благодѣянiе, сердце передаетъ имъ лучшую артерiальную кровь. Наконецъ, въ этой удивительной сѣти она такъ усовершенствуется, что изъ нея создается умъ животныхъ, и является способность воображать, разсужать, судить, взвѣшивать, заключать и воспоминать. Клянусь добродѣтелью, я пропадаю, я теряюсь, я путаюсь, когда вступаю въ глубокiя нѣдра этого мiра и вижу, какъ въ немъ всѣ ссужаютъ другъ друга и всѣ одолжаются. Повѣрьте, что ссужать—дѣло божественное, одолжаться—геройская добродѣтель. И это еще не все. Этотъ мiръ ссужающiй, одолжающiйся, берущiй взаймы, такъ добръ, что, окончивъ свое пропитанiе, онъ думаетъ уже о томъ, чтобы дать взаймы тѣмъ, которые еще не родились, и такими ссудами продлить свой родъ, если можно, и размножиться въ себѣ подобныхъ: а именно, дѣтяхъ. Съ этою цѣлью каждый членъ урѣзываетъ изъ своей пищи и отсылаетъ внизъ. Тамъ природа создала цѣлесообразные сосуды и органы, въ которыхъ окольными путями и послѣ многихъ превращенiй, какъ къ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ, попадаетъ въ пригодное мѣсто и прiобрѣтаетъ ту форму, которая дѣлаетъ возможнымъ поддержанiе и продолженiе человѣческаго рода. Все это тѣсно связано съ обязанностями ссуды и займа, отсюда возникло и понятiе о брачныхъ обязанностяхъ или долгѣ. Тамъ, гдѣ уклоняются отъ этого долга, природа искажается, органы разстраиваются и чувства приходятъ въ смятенiе; тамъ, гдѣ слѣдуютъ этому долгу, царствуютъ радость, веселiе и нѣга.

V.

О томъ, какъ Пантагрюэль ненавидѣлъ должниковъ и заимодавцевъ.

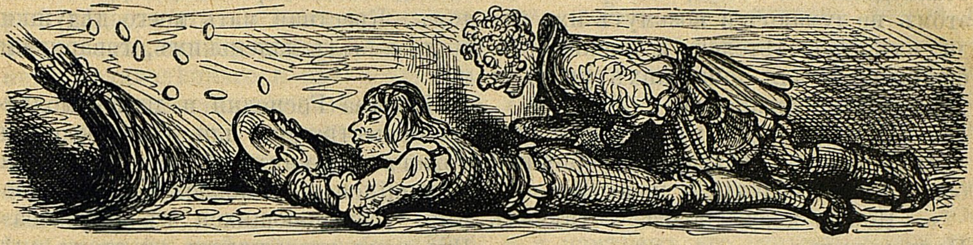
— Прекрасно,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—и я нахожу, что вы хорошiй риторъ и преданы своему дѣлу. Но хотя бы вы проповѣдывали и разглагольствовали вплоть до Троицына дня, вы будете поражены тѣмъ, что меня нисколько не переубѣдите, и своимъ краснорѣчіемъ не заставите войти въ долги. «Никакихъ долговъ другъ предъ другомъ не несите, какъ только взаимно любите другъ друга», говоритъ апостолъ. Вы закидали меня здѣсь прекрасными метафорами и живописными сравненіями, которыя мнѣ очень понравились. Но увѣряю васъ, что если въ городѣ появится нахальный обманщикъ, безстыдный человѣкъ, берущій въ долгъ направо и налѣво, и если слава его ему предшествуетъ, то вы увидите, что при его появленіи граждане придутъ въ такое же смятеніе и такой же ужасъ, какъ если бы живая чума появилась въ немъ и какъ ее встрѣтилъ тіанскій философъ въ Эфесѣ. И я того мнѣнія, что первые были правы, считая вторымъ порокомъ—лганье, а первымъ—дѣланіе долговъ. Потому что ложь и долги обыкновенно идутъ рука объ руку. Я не хочу, впрочемъ, сказать, что никогда не слѣдуетъ брать или давать взаймы. Нѣтъ такого богача, которому бы не приходилось никогда занимать. Нѣтъ такого бѣдняка, у котораго нельзя было бы иногда и позаимствоваться. Но дѣло стоитъ такъ, какъ указываетъ Платонъ въ своихъ «Законахъ», когда говоритъ, что не слѣдуетъ позволять сосѣдямъ черпать воду изъ своего колодца, прежде нежели удостовѣришься, что они рыли землю на своей собственной землѣ и добрались до глины, не встрѣтивъ источника воды: этотъ слой земли, будучи жирнымъ, толстымъ, гладкимъ и плотнымъ, задерживаетъ влагу и не легко ее испаряетъ. Такъ точно всегда и повсемѣстно будетъ большимъ стыдомъ занимать направо и налѣво, вмѣсто того, чтобы работать и добывать деньги. И, по моему мнѣнію, нужно давать взаймы только тогда, когда трудящійся человѣкъ не могъ трудомъ ничего заработать или когда онъ внезапно лишился своего достоянія. Но, какъ бы то ни было, кончимъ эти разсужденія, и отнынѣ не заводите больше кредиторовъ. Съ прошлыми же я вамъ помогу расквитаться.



Къ гл. V-й.

— Самое меньшее, что я могу сдѣлать,—сказалъ Панургъ,—это поблагодарить васъ, и если благодарность должна быть соразмѣрна съ намѣреніями благодѣтелей, то моя должна быть безконечна, неизмѣнна, потому что любовь, какую ваша милость мнѣ оказываетъ, превыше всякой оцѣнки; она превосходитъ всѣ вѣсы, всѣ числа, всѣ мѣры, она безконечна, безгранична! Но если бы ее стали измѣрять размѣрами самаго благодѣянія и удовольствіемъ облагодѣтельствованнаго человѣка, то она оказалась бы довольно ничтожной. Вы оказываете мнѣ,—долженъ въ этомъ сознаться,—большое благодѣяніе, бо́льшее, нежели я заслуживаю, большее, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ и по моимъ заслугамъ передъ вами и по моимъ достоинствамъ. Но, однако, оно не столь велико, какъ вы сами о немъ думаете. Не это меня огорчаетъ; не это мучитъ и тревожитъ. Но что я буду дѣлать отнынѣ, когда я расквитаюсь съ долгами? Повѣрьте, что я буду въ самомъ неловкомъ положеніи въ первые мѣсяцы, потому что я не такъ воспитанъ и къ этому не привыкъ. Я этого просто боюсь. Отнынѣ кто ни плюнетъ въ Сальмигонди, каждый плевокъ попадетъ мнѣ въ лицо. Всѣ мнѣ будутъ въ глаза плевать, говоря: «Вотъ тебѣ за то, что ты чистъ отъ долговъ». Моей жизни, я предвижу, скоро наступитъ конецъ. Завѣщаю вамъ написать мнѣ эпитафію и умру весь оплеванный... Поэтому убѣдительно прошу васъ: оставьте мнѣ малую толику долговъ. Вѣдь просилъ же Миль д'Илье, епископъ Шартрскій, короля Людовика XI, который освободилъ его отъ всякихъ тяжбъ, оставить ему хоть одну для упражненія. Я готовъ лучше уступить имъ доходы съ улитокъ и майскихъ жуковъ, лишь бы не трогать основного капитала.

— Довольно объ этомъ, я уже сказалъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль.



Къ гл. V-й.

VI.

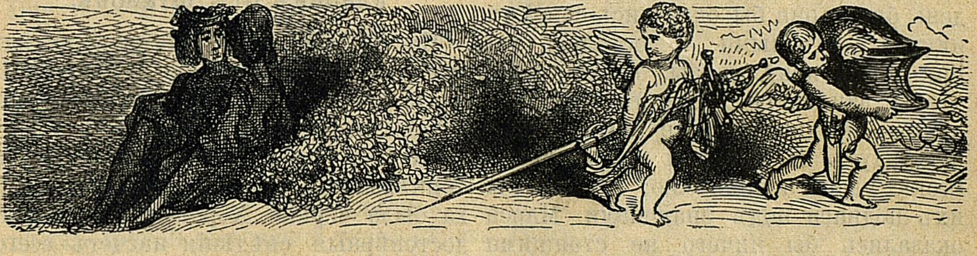
Почему новобрачные освобождались отъ обязанности идти на войну.

— Но,—спросилъ Панургъ,—въ какомъ законѣ опредѣлено и установлено, что тѣ, которые насаждаютъ новые виноградники, тѣ, которые строятъ новыя жилища, и новобрачные будутъ освобождены въ теченіе перваго года отъ обязанности идти на войну?

— Въ Моисеевомъ законѣ,—отвѣчалъ Пантогрюэль.

— Почему же освобождены новобрачные?—спросилъ Панургъ. Я слишкомъ старъ, чтобы интересоваться виноградарями; строители, складывающіе мертвые камни, тоже не внесены въ мою книгу жизни. Я складываю только живые камни, а именно, людей.

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—причина этому та, что желали, чтобы въ первый годъ они въ волю наслаждались любовью и запаслись наслѣдниками. Такимъ образомъ, если бы случилось имъ на второй годъ быть убитыми на войнѣ, то ихъ имена и оружіе перешли бы къ ихъ дѣтямъ. Также хотѣли узнать навѣрное, плодовиты ли ихъ жены или



Къ гл. VI-й.

безплодны,—для чего опытъ одного года казался достаточнымъ въ виду зрѣлаго возраста, въ которомъ онѣ вступали въ бракъ,—чтобы въ случаѣ смерти первыхъ мужей жены скорѣе могли вторично выдти замужъ: плодовитыя—за тѣхъ, которые пожелаютъ многочисленнаго потомства; безплодныя—за тѣхъ, которые объ этомъ не думаютъ и возьмутъ ихъ ради ихъ добродѣтелей, а именно: добронравія и для домашнихъ утѣхъ и поддержанія хозяйства.

— Проповѣдники въ Вареннѣ, сказалъ Панургъ,—осуждаютъ вторичный бракъ, какъ безуміе и нечестіе.

— Не по носу табакъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Само собой разумѣется,—сказалъ Панургъ,—да и братъ Пролазъ въ разгарѣ проповѣди, сказанной имъ въ Парельи, когда онъ громилъ вторичный бракъ и божился, что пусть его діаволъ унесетъ въ адъ, если онъ не предпочтетъ лишить невинности сто дѣвъ, нежели связаться съ одной вдовой. Я нахожу ваше мнѣніе разумнымъ и основательнымъ. Но что вы скажете, если это увольненіе отъ военной службы было дано имъ потому, что въ теченіе перваго года своей брачной жизни они такъ усердствовали—что̀ вполнѣ законно и справедливо—въ любви къ женамъ, что истощили всѣ свои силы; и что въ день битвы они бы оказались совсѣмъ никуда негодными и остались бы при обозѣ, какъ трусы, вмѣсто того, чтобы занять тѣ мѣста, гдѣ храбрые воины, предводительствуемые Беллоной, идутъ въ атаку и наносятъ жестокіе удары непріятелю; и если бы ихъ подвиги подъ знаменами Марса оказались бы ничего не стоящими отъ того, что они слишкомъ усерствовали въ служеніи Венерѣ? Что это именно такъ и было, можно заключить изъ того, что во всѣхъ знатныхъ фамиліяхъ до сихъ поръ удерживается старинный, умный обычай посылать по истеченіи шести недѣль новобрачныхъ навѣстить дядюшку, чтобы удалить ихъ отъ женъ и дать имъ отдыхъ и возможность возобновить свои силы для новыхъ подвиговъ по возвращеніи, при чемъ часто у нихъ даже и нѣтъ никакого дядюшки или тетушки. Такимъ образомъ король Пето 1) послѣ битвы при Корнабонѣ, собственно говоря, не прогналъ насъ, меня и Куркалье, но отослалъ насъ домой собраться съ новыми силами. Онъ до сихъ поръ еще ищетъ свой домъ. Крестная мать моего дѣдушки, когда я былъ маленькимъ, говаривала мнѣ:

«Молитва Господня и другія молитвы существуютъ для тѣхъ, кто ихъ можетъ запомнить. Флейтистъ, отправляющійся на сѣнокосъ, сильнѣе двоихъ, возращающихся съ сѣнокоса». Что меня утверждаетъ въ этомъ мнѣніи, такъ это то, что виноградари почти не ѣдятъ винограда и не пьютъ вина въ продолженіе перваго года, когда они насаждаютъ виноградники, а строители не живутъ первый годъ во вновь отстроенномъ домѣ, подъ страхомъ задохнуться, какъ это отмѣтилъ ученый Галенъ (lib. II. De la difficulté de respirer.). Не въ обиду вашей чести будь сказано, я спросилъ это не безъ причинной причины и не безъ резоннаго резона.

VII.

О томъ, какъ Панургъ вдѣлъ блоху въ ухо и снялъ свой великолѣпный клапанъ отъ штановъ.

На другой день Панургъ велѣлъ пронять себѣ правое ухо, на еврейскій ладъ, и вдѣлъ въ него золотое съ мозаикой колечко, въ гнѣздѣ котораго вправлена была блоха. И чтобы вы не сомнѣвались, сообщаю вамъ, что блоха была черная. Хорошее дѣло имѣть достовѣрныя свѣдѣнія насчетъ всего. Кормленіе этой блохи, какъ это видно изъ приходо-расходныхъ книгъ, стоило дороже въ четверть года, нежели приданое Гирканской тигрицы, а именно, 609000 мараведи 2). Такія издержки досаждали ему, когда онъ раскви-

---

1) Король изъ старинныхъ сказокъ, отъ которыхъ осталась поговорка: La cour du roi Pétaud.

2) Испанская монета.

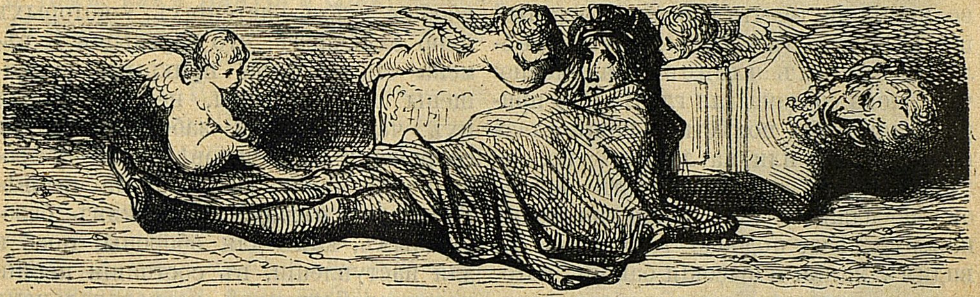
тался съ долгами, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ питать ее, на манеръ тирановъ и адвокатовъ, потомъ и кровью своихъ подданныхъ. Онъ взялъ четыре аршина грубой шерстяной ткани и завернулся въ нее какъ въ длинную тогу, снялъ штаны и прицѣпилъ къ шапкѣ очки. И въ такомъ видѣ предсталъ передъ Пантагрюэлемъ, который нашелъ его костюмъ страннымъ, тѣмъ болѣе, что не видѣлъ больше на немъ великолѣпнаго и красиваго клапана отъ штановъ, который, какъ онъ зналъ, Панургъ считалъ якоремъ спасенія и послѣднимъ убѣжищемъ отъ всякихъ житейскихъ крушеній и невзгодъ.

Не понимая этой тайны, добрый Пантагрюэль спросилъ его, что означаетъ эта новая прозопопея?

— У меня блоха въ ухѣ[1]),—отвѣчалъ Панургъ. Я хочу жениться.

— Съ Богомъ!—замѣтилъ Пантагрюэль,—это меня радуетъ, хотя, правду сказать, не настолько, чтобы мнѣ одурѣть отъ радости. Но не въ обычаѣ у влюбленныхъ ходить со спущенными штанами и выпущенной поверхъ штановъ рубашкой и въ длинной тогѣ изъ грубой шерстяной ткани сѣраго цвѣта, который въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не употребляется добрыми и честными людьми. Если какіе-нибудь еретики и сектанты во время оно и переодѣвались такимъ образомъ, то многіе считали это обманомъ, притворствомъ и попыткой потиранствовать надъ простымъ народомъ; я не хочу, однако, осуждать ихъ и произносить надъ ними суровый приговоръ. Каждый поступаетъ, какъ ему вздумается, въ особенности въ дѣлахъ внѣшнихъ и безразличныхъ, которыя сами по себѣ не хороши и не дурны, потому что не исходятъ изъ сердца или ума—источниковъ всякаго добра и всякаго зла:—добра, если чувство доброе и истекаетъ изъ чистаго духа; зла — если чувство недоброе и искажено злымъ духомъ. Но въ настоящемъ случаѣ мнѣ не нравится новшество и презрѣніе къ принятымъ обычаямъ.

— Цвѣтъ,—отвѣчалъ Панургъ,—такой же, какой бываетъ у горшковъ, и я намѣренъ его отнынѣ придерживаться и быть бережливымъ. Разъ я расквитался съ долгами, то буду самымъ невеселымъ человѣкомъ, какого вы когда-либо видали въ жизни, если только Господь не придетъ ко мнѣ на помощь. Взгляните на мои очки. Издали меня можно принять за брата Жана Дуржуа[1]). Я думаю, что, пожалуй, уже въ слѣдующемъ году стану проповѣдывать крестовый походъ. Видите ли вы эту сѣрую тогу? Повѣрьте, что въ ней скрыто какое-то тайное свойство, мало кому извѣстное. Я только сегодня утромъ облекся въ нее, но уже горю желаніемъ, жажду быть женатымъ и ухаживать за женой, не опасаясь быть побитымъ. О, какой я буду великій скопидомъ! По-



Къ гл. VII-й.

---

[1]) Avoir la puce à l'oreille — безпокоиться, тревожиться.

[1]) Францисканскій монахъ, жившій при Людовикѣ XI и Карлѣ VIII, основатель многихъ монастырей.

слѣ моей смерти меня сожгутъ изъ уваженія и чтобы сохранить на память и поученіе потомству пепелъ совершеннаго скопидома. Поглядите на меня спереди и сзади: на мнѣ образецъ античной тоги, одѣянія римлянъ въ мирное время. Я снялъ фасонъ съ Траяновой колонны въ Римѣ, а также и съ тріумфальной арки Септимія Севера. Я усталъ отъ войны, усталъ отъ воинскаго наряда. Плечи мои утомлены до изнеможенія бранными доспѣхами. Долой оружіе, да здравствуетъ тога, хотя бы на весь послѣдующій годъ, если я буду женатъ, въ силу Моисеева закона, о которомъ вы мнѣ вчера повѣдали! Что касается штановъ, то внучатная тетушка моя Лорансъ когда-то говорила мнѣ, что они придуманы ради клапана. Пожалуй, что и такъ, принимая во вниманіе то, что говоритъ честный шутъ Галенъ (кн. IX. Объ употребленіи нашихъ членовъ), а именно: что голова создана для глазъ. Ибо природа могла бы помѣстить наши глаза въ колѣняхъ или на локтяхъ; но, создавъ глаза, чтобы видѣть вдаль, она посадила голову точно на полку наверху тѣла, подобно тому, какъ мы видимъ маяки и высокія башни, которыя воздвигаются въ морскихъ гаваняхъ, чтобы свѣтъ ихъ былъ виденъ издали. И, какъ разъ, потому, что я бы желалъ на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, на годъ, отдохнуть отъ браннаго дѣла, то-есть, жениться, я и не надѣваю клапана, то-есть штановъ. Клапанъ—главная часть бранныхъ доспѣховъ для человѣка военнаго. Я буду утверждать это до костра (исключительно, понятно), а потому вооруженіе турокъ неудовлетворительно, ибо имъ запрещено по закону носить клапанъ.

VIII.

О томъ, почему клапанъ—главная часть бранныхъ доспѣховъ для военныхъ людей.

— Неужели вы станете утверждать, сказалъ Пантагрюэль,—что клапанъ—главная часть бранныхъ доспѣховъ? Это ученіе — новое и крайне парадоксальное.

— Утверждаю,—отвѣчалъ Панургъ,—и не безъ основанія. Посмотрите, какъ природа, дабы сохранить и продлить на долгій періодъ времени созданные ею растенія, деревья, кустарники, травы и зоофиты,—такъ, чтобы виды не погибали, хотя бы отдѣльныя особи и умирали,—диковинно вооружила ихъ зародыши и сѣмена, которыя и служатъ для продолженія ихъ рода, и снабдила ихъ и облекла, съ удивительнымъ искусствомъ, шелухой, костеобразной оболочкой, скорлупой, шипами, корой, и это служитъ имъ прекраснымъ естественнымъ клапаномъ. Примѣръ тому ясно видимъ на горохѣ, бобахъ, орѣхахъ, фасоли, скороспѣлыхъ персикахъ, зерновыхъ хлѣбахъ, макѣ, лимонахъ, каштанахъ и вообще всѣхъ растеніяхъ, у которыхъ явно замѣчаемъ, что зародыши и сѣмена старательнѣе прикрыты, защищены и вооружены, нежели другія ихъ части. Такой заботливости въ сохраненіи рода человѣческаго природа не проявила. Она создала человѣка голымъ, нѣжнымъ, хрупкимъ, безоружнымъ, какъ для обороны, такъ и для наступленія, въ состояніи невинности, свойственной первоначальному золотому вѣку; не какъ растеніе, но какъ существо одушевленное, созданное не для войны, а для мира, существо, созданное, чтобы пользоваться невозбранно всѣми плодами и произрастеніями, существо, созданное для мирнаго владычества надъ всѣми животными. Когда же, позднѣе, при наступленіи желѣзнаго вѣка и царства Юпитера, люди стали злы,—земля начала производить крапиву, репейникъ, всякія колючія растенія, и такимъ образомъ учинился какъ бы бунтъ противъ человѣка среди растеній. Съ другой стороны, почти всѣ животныя роковымъ образомъ освободились изъ-подъ его господства, молча сговорились не служить ему болѣе, но сопротивляться и вредить по мѣрѣ силъ и возможности. Такимъ образомъ человѣкъ, желая удержать свою прежнюю власть и продолжать господствовать,—

тѣмъ болѣе, что онъ и не могъ обходиться безъ услугъ многихъ животныхъ,—увидѣлъ необходимость вооружиться.

— Клянусь божественнымъ гусемъ Гене,—вскричалъ Пантагрюэль, послѣ послѣднихъ дождей ты сталъ, что называется, великимъ философомъ!

— Замѣтьте,—продолжалъ Панургъ, какимъ образомъ природа внушила ему вооружиться и какую часть своего тѣла онъ первою вооружилъ. По свидѣтельству военачальника и философа еврейскаго Моисея, онъ вооружился добрымъ и знатнымъ клапаномъ изъ фиговыхъ листьевъ 1). . .

. . . .

....Перестаньте же удивляться моему одѣянію.

IX.

О томъ, какъ Панургъ совѣтовался съ Пантагрюэлемъ: слѣдуетъ ли ему жениться.

Такъ какъ Пантагрюэль ничего не возражалъ, то Панургъ продолжалъ свою рѣчь и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Господинъ, вы слышали о моемъ намѣреніи жениться; если всѣ пути къ тому, на бѣду, не заказаны, то, умоляю васъ, ради любви, которую вы такъ давно ко мнѣ питаете, скажите мнѣ ваше мнѣніе.

— Если,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—вы такъ рѣшили и намѣреніе ваше твердо, то безполезно объ этомъ разговаривать, а нужно только привести въ исполненіе.

— Хорошо,—отвѣчалъ Панургъ,—но я не желалъ бы поступить безъ вашего добраго совѣта и согласія.

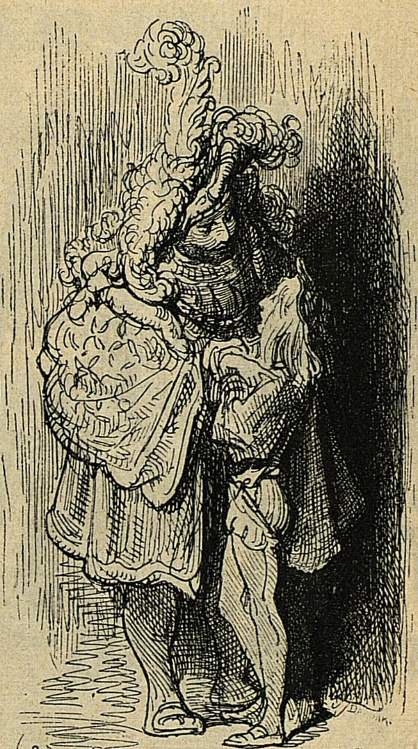
— Я согласенъ, — сказалъ Пантагрюэль, — и совѣтую вамъ жениться.

— Но,—отвѣчалъ Панургъ,—если вы думаете, что мнѣ лучше бы не жениться и не измѣнять своего положенія, то я предпочелъ бы остаться холостымъ.

— Ну, такъ не женитесь,—сказалъ Пантагрюэль.

— Хорошо,—замѣтилъ Панургъ,—но неужели вы хотите, чтобы я пробылъ всю жизнь безъ супруги? Вы знаете, что написано: Vae soli! 1) («Горе одинокому!»). Одинокій человѣкъ никогда не бываетъ такъ счастливъ, какъ женатый.

— Ну, такъ женитесь, ради Бога!—отвѣчалъ Пантагрюэль.



Къ гл. IX-й.

— Ну, а вдругъ, — сказалъ Панургъ,—жена сдѣлаетъ меня рогоносцемъ, какихъ, какъ вамъ извѣстно, много на свѣтѣ; вѣдь это выведетъ меня изъ терпѣнія! Я очень люблю рогоносцевъ и охотно вожу съ ними компанію; но самъ, хоть умереть, не желалъ бы имъ быть. Я на этотъ счетъ очень щекотливъ.

— Ну, значитъ, не женитесь,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—потому что изреченіе Сенеки, несомнѣнно, не допускаетъ исключенія: «Какъ ты поступалъ

---

1) Пропущенное мѣсто не можетъ быть переведено по его крайней непристойности.

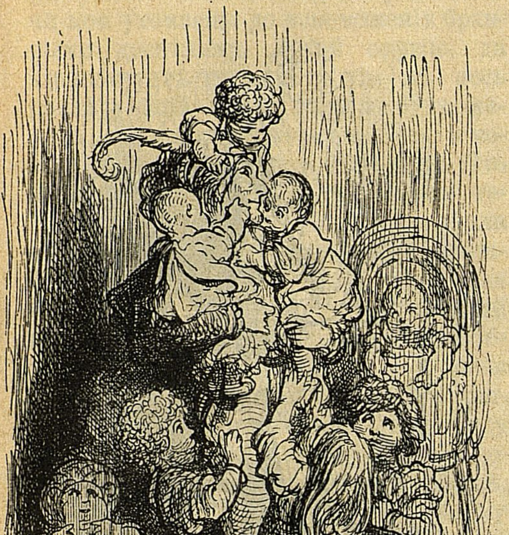
1) Притчи Соломона: IV, 10.

съ другими, такъ, будь увѣренъ, другіе поступятъ съ тобой».

— Вы говорите, — сказалъ Панургъ,—что это правило безъ исключенія?

— Безъ исключенія,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Ого, го!—сказалъ Панургъ,—чорта съ два! Какъ знать, говорилъ онъ про этотъ или про тотъ свѣтъ? Но если я такъ же не могу обойтись безъ жены, какъ слѣпой безъ палки, то не лучше ли мнѣ соединиться съ какой-нибудь честной и добродѣтельной женщиной, нежели мѣнять ихъ каждый день съ опасностью быть побитымъ или, чего хуже, заболѣть венерической болѣзнью? Съ честными женщинами мнѣ не приходилось водиться, не въ обиду будь сказано ихъ мужьямъ.



Къ гл. XI-й.

— Женитесь же, ради Бога!—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Но если Богу угодно будетъ,—сказалъ Панургъ,—чтобы я женился на честной женщинѣ, которая будетъ меня бить, вѣдь я съ ума сойду отъ злости. Мнѣ говорили, что честныя женщины обыкновенно очень сварливы, а потому несносны въ семейной жизни. Въ такомъ случаѣ я ее всю изобью и переломаю ей руки, ноги, ребра, пробью голову, легкія, печень и селезенку; платье на ней изорву въ клочки палкою, такъ что чертямъ тошно станетъ. Я бы желалъ еще на годъ, по крайней мѣрѣ, быть въ безопасности отъ такихъ крайнихъ мѣръ.

— Ну, значитъ, не женитесь,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Хорошо,—сказалъ Панургъ,—но какъ быть, когда я расплатился съ долгами и холостъ! Замѣтьте, что я расплатился съ долгами совсѣмъ не кстати, потому что будь я весь въ долгу, мои кредиторы заботились бы о продолженіи моего рода; но разъ я расплатился съ долгами и не женатъ, у меня нѣтъ никого, кто бы заботился обо мнѣ и окружалъ бы меня такою любовью, какова любовь супружеская, по словамъ добрыхъ людей. И если бы я, чего добраго, заболѣлъ, за мною будутъ ухаживать шиворотъ-навыворотъ. Мудрецъ [1] говоритъ: «Тамъ, гдѣ нѣтъ жены (то-есть матери семейства и законной супруги), тамъ больному плохо приходится». Я этого достаточно наглядѣлся у папъ, легатовъ, кардиналовъ, епископовъ, аббатовъ, игуменовъ и монаховъ. Неужели вы хотите и мнѣ того же?

— Ну, такъ женитесь, ради Бога!—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Но что, если я заболѣю и не въ силахъ буду исполнять супружескія обязанности—сказалъ Панургъ,—а жена моя, разсердясь на мое безсиліе, отдастся другому и не только не станетъ ухаживать за мною, но насмѣется надъ моимъ несчастіемъ и, что хуже того, оберетъ меня, какъ я это частенько видалъ, то вѣдь мнѣ придется совсѣмъ плохо и я рискую остаться въ одной рубашкѣ!

---

[1] Іисусъ сынъ Сираховъ, XXXVII, 27.

— Ну, значитъ, не женитесь,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

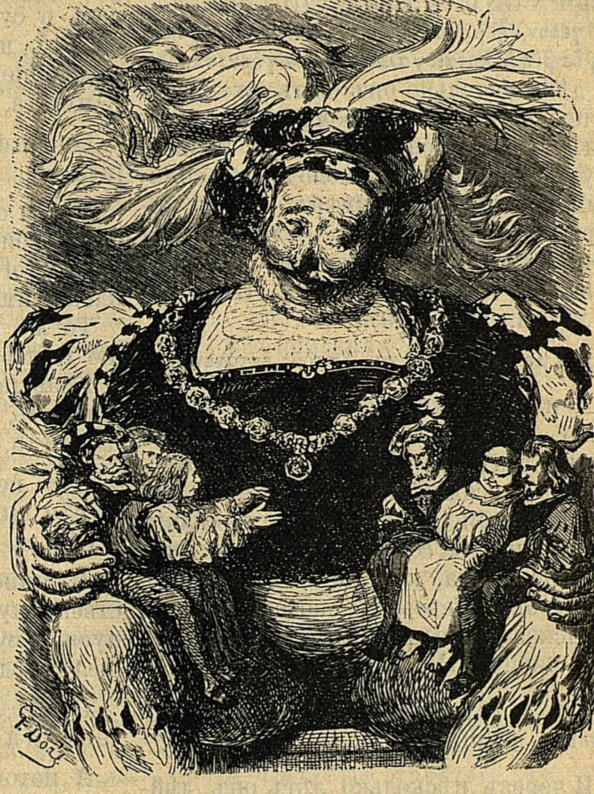
— Хорошо,—сказалъ Панургъ,—но въ такомъ случаѣ у меня не будетъ законныхъ ни сыновей, ни дочерей, которымъ бы я могъ передать свое имя и гербъ, для продолженія рода, и которымъ бы я оставилъ свое имущество наслѣдственное и благопріобрѣтенное (которое будетъ не малое, если я примусь въ одинъ прекрасный день наживать деньги и создамъ себѣ большіе доходы) и съ которыми я могъ бы разогнать грусть-кручину, какъ, я вижу, это ежедневно дѣлаетъ вашъ отецъ въ вашемъ обществѣ, и какъ дѣлаютъ это всѣ добрые люди въ своемъ семейномъ кругу. Вѣдь если я буду чистъ отъ долговъ и холостъ, да вдругъ стану, паче чаянія, горевать, вмѣсто того, чтобы радоваться, вѣдь мнѣ всякъ въ глаза насмѣется!

— Ну, такъ женитесь же, ради Бога!—отвѣчалъ Пантагрюэль.

X.

О томъ, какъ Пантагрюэль доказывалъ Панургу, что трудно давать совѣты въ брачныхъ дѣлахъ и что можно гадать о томъ по Гомеру и по Виргилію.

— Вашъ совѣтъ,—сказалъ Панургъ,—похожъ, съ позволенія сказать, на пѣсню Ricochet: все это одни сарказмы, насмѣшки, игра на созвучіяхъ и противорѣчіяхъ. Одно уничтожаетъ другое. Я не знаю—чего держаться.



Къ гл. IX-й.

— Да вѣдь и въ вашихъ вопросахъ столько если да кабы,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—что я не могу на нихъ основываться и ничего не могу рѣшить. Вы развѣ не увѣрены въ своемъ желаніи? Въ этомъ все дѣло, а остальное—только случайность и зависитъ отъ роковыхъ рѣшеній Неба. Мы видимъ много людей, которымъ такъ повезло въ этомъ отношеніи, что въ бракѣ ихъ находимъ какъ бы отблескъ и отголосокъ райскихъ радостей. Другіе же такъ несчастны, что черти, соблазняющіе пустынниковъ въ пустыняхъ Ѳиваиды и Монсерра̀, не несчастнѣе ихъ. Въ бракъ слѣдуетъ вступать на удачу, съ завязанными глазами, опустивъ голову, цѣлуя землю и поручая себя Богу; короче говоря: разъ человѣкъ захотѣлъ жениться, никто не можетъ поручиться за его счастіе. Знаете ли, что мы сдѣлаемъ, если вамъ угодно: принесите мнѣ творенія Виргилія и троекратно, раскрывая ихъ ногтемъ, мы загадаемъ, какова будетъ судьба вашего брака, и смотря по тому, какіе стихи намъ откроются, мы это и рѣшимъ. Точно такъ часто бывало, что, гадая на Гомеровскихъ стихахъ, люди узнавали свою судьбу, какъ, напримѣръ, Сократъ, который, услышавъ въ тюрьмѣ проинесенный стихъ Гомера, въ которомъ Ахиллесъ говоритъ (Иліада, IX, 363):

Ἤματι κὲν τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἱκοίμην,

предвидѣлъ, что умретъ черезъ три дня, и увѣрялъ въ томъ Эсхина, какъ о томъ сообщаютъ Платонъ (in Critone); Цицеронъ (primo de divinatione) и Діогенъ Лаэрцій. Другой примѣръ: Опилій Макринъ, желая узнать, будетъ ли онъ римскимъ императоромъ, гадалъ, и ему вышелъ слѣдующій стихъ (Иліада, VIII, 102):

Ὦ γέρον, ἦ μάλα δή σε νέα τείρουσι μαχηταί
Σὴ δὲ βίη λέλυται, χαλεπὸν δέ σε γῆρας ὀπάζει.

И, дѣйствительно онъ былъ уже старъ и пробылъ императоромъ всего лишь годъ и два мѣсяца, а затѣмъ низвергнутъ Геліогабаломъ, молодымъ и сильнымъ, и убитъ. Примѣръ: Брутъ, который хотѣлъ узнать судьбу битвы при Фарсалѣ, въ которой онъ былъ убитъ, и напалъ на стихъ, Патрокла (Иліада, XVI, 849):

Ἀλλά με μοῖρ᾽ ὀλοὴ, καὶ Λητοῦς ἔκτανεν υἱός.

А именно: Аполлонъ, имя котораго было лозунгомъ въ этомъ сраженіи. Точно такъ въ древности стихотворенія Виргилія часто служили для предсказанія важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ событій, включая даже занятіе трона, какъ это было съ Александромъ Северомъ, которому какъ предсказаніе выпалъ слѣдующій стихъ изъ Энеиды (VI, 851):

Tu, regere imperio populos, Romane, memento.

И черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, дѣйствительно, былъ избранъ римскимъ императоромъ. А римскій императоръ Адріанъ, сомнѣваясь и желая узнать, какого мнѣнія о немъ Траянъ и насколько онъ къ нему расположенъ, гадалъ на виргиліевыхъ стихахъ, и ему вышелъ слѣдующій стихъ (Энеида, VI, 809):

Quis procul, ille autem ramis insignis olivae.
Sacra ferens? Nosco crines incanaque menta
Regis Romani.

И впослѣдствіи былъ усыновленъ Траяномъ и наслѣдовалъ отъ него имперію.

А Клавдій второй, этотъ достохвальный римскій императоръ, загадавши, вынулъ слѣдующій стихъ (Энеида, 1,269):

Tertia dum Latio regnantem viderit aestas.

И, дѣйствительно, онъ правилъ всего лишь два года.

Ему же, когда онъ пожелалъ загадать о судьбѣ брата своего Квинтилла, съ которымъ хотѣлъ раздѣлить правленіе, выпалъ слѣдующій стихъ (Энеида, VI, 869):

Ostendent terris hunc tantum fata.

Что и оправдалось, такъ какъ онъ былъ убитъ семнадцать дней спустя послѣ того, какъ вступилъ въ управленіе имперіей.

То же предсказаніе выпало на долю императора Гордіана младшаго.

Клавдію Альбину, желавшему тоже погадать, выпалъ слѣдующій стихъ (Энеида, VI, 858):

Hic rem Romanam magno turbante tumulto.
Sistet eques, etc.

А императору Клавдію, предшественнику Авреліана, освѣдомлявшемуся о судьбѣ своего потомства, вышелъ слѣдующій стихъ (Энеида I,278):

Hic ego nec metas rerum nec tempora pono.

А потому у него и были преемники съ длинными генеалогіями.

Наконецъ, примѣръ тому мы видимъ въ Пьерѣ Лами[1]), когда онъ гадалъ, чтобы узнать, спасется ли онъ отъ сѣтей демоновъ, и напалъ на такой стихъ:

Heu! fuge crudeles terras, fuge littus avarum.

Покинь внезапно эти варварскія націи,
Покинь внезапно эти скупые берега.

И послѣ того спасся отъ нихъ цѣлъ и невредимъ.

---

[1]) Другъ Раблэ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ монахомъ въ монастырѣ Фонтенэ-Леконтъ.

И тысяча другихъ примѣровъ, пересказывать которые было бы слишкомъ долго, и въ которыхъ мы увидимъ, что по стиху люди узнавали о своей судьбѣ. Я не буду, однако, утверждать, что эта судьба неотразима, чтобы не ввести васъ въ заблужденіе.

XI.

О томъ, какъ Пантагрюэль доказывалъ, что гадать на костяхъ беззаконно.

— Скорѣе и успѣшнѣе было бы погадать на костяхъ, — сказалъ Панургъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль,— это гаданіе зловредно, беззаконно и очень постыдно. Никогда не довѣряйтесь ему. Проклятая книга «Passetemps des dez» давнымъ-давно изобрѣтена врагомъ рода человѣческаго въ Ахаіи, около Буры. И передъ статуей Геркулеса Бурскаго во время оно и во многихъ мѣстахъ въ настоящее время вводитъ въ заблужденіе простыя души и уловляетъ ихъ въ свои сѣти. Вы знаете, какимъ образомъ мой отецъ, Гаргантюа, запретилъ это гаданіе во всемъ своемъ королевствѣ, сжегъ весь шрифтъ и всѣ рисунки, все отмѣнилъ, искоренилъ и истребилъ, какъ весьма опасную заразу. То, что я вамъ говорю о костяхъ, относится также и къ гаданію на талэхъ. Это гаданіе представляется такимъ же злоупотребленіемъ. И не указывайте мнѣ, какъ на доказательство противнаго, что Тиверію удалось получить благопріятное предсказаніе отъ оракула Геріонскаго при Апонскомъ фонтанѣ. Это одна изъ тѣхъ уловокъ, какими врагъ рода человѣческаго приводитъ простыя души къ вѣчной погибели. Но, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, готовъ согласиться, чтобы вы троекратно бросили кости на этотъ столъ. По числу выпавшихъ очковъ мы выберемъ стихъ на раскрытой вами страницѣ. Кости, конечно, имѣются у васъ въ кошелькѣ?

— Биткомъ ими набитъ,—отвѣчалъ Панургъ. Это зелень чорта, какъ это объясняетъ Мерленъ (libro secundo De patria diabolorum). Чортъ поймалъ бы меня безъ зелени, если бы встрѣтилъ меня безъ костей[1].

Кости вынули и бросили, и выпали очки: пять, шесть, пять.

— Шестнадцать, — объявилъ Панургъ.—Возьмемъ шестнадцатую страницу. Число это мнѣ нравится, и я думаю, что наше гаданіе будетъ благопріятное Пусть я пробьюсь черезъ всѣхъ чертей, какъ шаръ черезъ разставленныя кегли или какъ пушечное ядро черезъ батальонъ пѣхоты, если въ первую же ночь не обыграю свою жену ровно столько разъ.

— Я въ томъ не сомнѣваюсь,--отвѣчалъ Пантагрюэль,—нечего было такъ страшно божиться. Въ первый разъ промахнешься, и это сочтено будетъ за пятнадцать, а поутру вновь попытаешься и вотъ тебѣ шестнадцатый.

— Вы такъ думаете?—сказалъ Панургъ. Ну, я, какъ мужчина, еще ни разу не попадалъ впросакъ. Развѣ вы когда-нибудь замѣчали, чтобы я опростоволосился? Никогда, никогда, ровнехонько никогда. И какъ отецъ и какъ тесть я безупреченъ. Беру въ свидѣтелей всѣхъ игроковъ.

Когда онъ это договорилъ, принесли сочиненія Виргилія. Прежде чѣмъ ихъ раскрыть, Панургъ сказалъ Пантагрюэлю:

— Сердце бьется у меня какъ полуперчатка (mitaine)[2]. Пощупайте-ка мой пульсъ на артеріи лѣвой руки: онъ такъ бьется, что можно подумать, что меня приперли къ стѣнѣ въ Сорбоннѣ. Не слѣдуетъ ли намъ до начала гаданія призвать на помощь Геркулеса и богинь Тенитъ божества, которыя, какъ говорятъ, управляютъ гаданіями.

---

[1] «Le diable me prendroit sans verd, s'il me rencontroit sans dez». Намекъ на старинный обычай или игру: если кто-нибудь попадался безъ вѣточки какой-нибудь зелени въ первый день мая мѣсяца, то съ него брался фантъ: поцѣлуй, если то была женщина, или выливалось ведро воды на голову, если то оказывался мужчина. Эта игра долго держалась. У Лафонтена есть небольшая комедійка подъ этимъ заглавіемъ: «Je vous prends sans vert».

[2] Одинъ изъ комментаторовъ Рабле утверждаетъ, что mitaine поставлено здѣсь вмѣсто misaine, паруса, вѣчно трепещущаго отъ вѣтра. Но существуетъ французское выраженіе battre la mitaine, выражающее дѣтскую игру, состоящую въ томъ, чтобы скрестивъ руки хлопать ладонью другъ друга по плечамъ. Это правильное и очень быстрое движеніе можетъ дать нѣкоторое представленіе объ учащенномъ біеніи сердца.

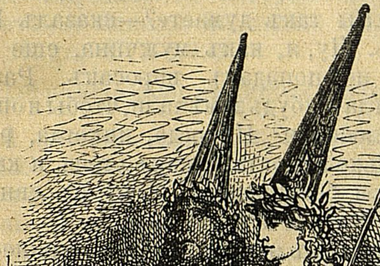
— Ни тѣхъ, ни другихъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль. Раскройте только книгу ногтемъ.

XII.

О томъ, какъ Пантагрюэль разслѣдовалъ, гадая на виргиліевыхъ стихахъ, каковъ будетъ бракъ Панурга.

И вотъ Панургъ, раскрывъ книгу, прочиталъ на шестнадцатой строчкѣ слѣдующій стихъ:

Nec Deus hunc mensa, Dea nec dignata cubili est[1]).



Къ гл. XII-й.

— Этотъ стихъ для васъ не благопріятенъ,—сказалъ Пантагрюэль. Онъ доказываетъ, что жена ваша будетъ гулящая, а вы, слѣдовательно, рогоносецъ. Богиня немилостивая къ вамъ, это—Минерва, весьма грозная дѣвственница, могущественная богиня, громовержица, врагъ рогоносцевъ, женолюбцевъ, прелюбодѣевъ, врагъ развратныхъ женщинъ, невѣрныхъ своимъ мужьямъ и отдающихся постороннимъ мужчинамъ. Богъ—это Юпитеръ-громовержецъ. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что, по ученію этрусковъ, манубіи (такъ называли они снопы вулканическихъ молній) подчинены только Минервѣ (примѣромъ чего служитъ пожаръ, охватившій корабли Аякса Оилея) и Юпитеру, изъ головы котораго она появилась. Остальнымъ олимпійскимъ богамъ не дано извергать громы. Отъ того они не такъ страшны людямъ. Скажу болѣе и прошу считать это извлеченіемъ изъ древней миѳологіи: когда титаны начали войну съ богами, боги вначалѣ насмѣхались надъ такими врагами и говорили, что съ ними легко справятся даже ихъ пажи. Но когда они увидѣли, какъ титаны нагромоздили Оссу на Пеліонъ и уже стали колебать Олимпъ, чтобы и его отправить туда же, они испугались. И тутъ Юпитеръ созвалъ военный совѣтъ. На немъ было постановлено, что всѣ боги окажутъ храброе сопротивленіе. А такъ какъ они много разъ видали, какъ битвы проигрывались изъ-за женщинъ, то рѣшено было изгнать на тотъ часъ съ небесъ въ Египетъ, на дальній конецъ Нила, всѣхъ богинь, преображенныхъ въ ласокъ, куницъ, летучихъ мышей, лягушекъ и пр. Одна только Минерва осталась, чтобы метать громы вмѣстѣ съ Юпитеромъ, какъ богиня войны и наукъ, богиня совѣта и дѣйствія, богиня вооруженная и внушающая страхъ и въ небѣ, и въ воздухѣ, и на морѣ, и на сушѣ.

— Чортъ побери!—замѣтилъ Панургъ,—ужъ не Вулканъ ли я, про котораго говоритъ поэтъ. Нѣтъ. Я и не хромъ, и не фальшивый монетчикъ, и не кузнецъ, какъ былъ онъ. Можетъ быть, жена моя будетъ такъ же красива и прекрасна, какъ и его Венера, но не такая потаскушка, какъ она, а я не буду такимъ рогоносцемъ, какъ онъ. Безобразный хромоножка велѣлъ объявить себя рогоносцемъ по суду, да еще въ присутствіи всѣхъ боговъ. Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю оракулъ навыворотъ. Этотъ оракулъ обозначаетъ, что жена моя будетъ цѣломудренна, стыдлива и вѣрна, не бой-баба, не сварлива, не суемудрая и вышедшая изъ головы, какъ Паллада, а этотъ франтъ Юпитеръ не будетъ мнѣ соперникомъ и не будетъ макать свой хлѣбъ въ мою похлебку, когда мы будемъ вмѣстѣ сидѣть за столомъ. Обратите вниманіе на его дѣянія и поступки. Что за подлый разбойникъ! Другого такого развратнаго тунеядца свѣтъ не производилъ. Онъ заткнетъ за поясъ вепря; не даромъ его вскормила свинья на островѣ Критѣ, если вѣрить вавилонянину Агаѳоклу. Онъ сладострастнѣе козла; не даромъ существуетъ также повѣрье, что его вскормила коза Амальтея. Клянусь Ахерономъ! Онъ совокуплялся однажды съ третьей частью міра, съ животными, людьми, рѣками и горами: я разумѣю Европу. Вслѣдствіе этого аммоніане изображали его въ видѣ барана, рогатаго барана. Но повѣрьте, что я не намѣренъ быть глупцомъ Амфитріономъ или дуракомъ Аргусомъ съ его ста очками, ни трусомъ Акризіемъ, ни ограниченнымъ Ликусомъ Ѳиванскимъ, ни мечтателемъ Агеноромъ, ни флегматикомъ Эзопомъ, ни бархатной лапкой Ликаономъ, ни лѣнтяемъ Коритусомъ Тосканскимъ, ни широкоплечимъ Атласомъ. Онъ могъ бы сто и сто разъ обращаться лебедемъ, быкомъ, сатиромъ, золотомъ, кукушкой, какъ тогда, когда онъ лишилъ дѣвственности свою сестру Юнону; орломъ, бараномъ, огнемъ, змѣей, даже блохой, превратиться въ эпикурейскіе атомы или магистронострально во второе измѣреніе. Я его посажу на крючокъ. И знаете ли, что съ нимъ сдѣлаю? А то, что Сатурнъ сдѣлалъ со своимъ отцомъ, Небомъ. Сенека предсказалъ это обо мнѣ, а Лактанцій подтвердилъ. То, что Реа сдѣлала съ Атисомъ. Я бы его выхолостилъ, и онъ бы не могъ быть никогда папою, ибо testiculos non habet.

---

[1]) Буколики IV, 63.

— Потише, дружокъ,—сказалъ Пантагрюэль, — потише. Раскройте еще разъ книгу.

Membra quatit, gelidusque coit formidine sanguis.

— Это обозначаетъ, что она будетъ васъ бить безъ милосердія,—сказалъ Пантагрюэль.

— Напротивъ того,—отвѣчалъ Панургъ,—это говорится про меня, про то, что я буду бить ее изо всей мочи, когда она меня разсердитъ. Мартынова палка сослужитъ мнѣ добрую службу. А не будетъ палки, такъ я живою ее съѣмъ, чортъ меня возьми, какъ съѣлъ свою жену Кандавлъ царь Лидійскій.

— Вы очень храбры,—замѣтилъ Пантагрюэль,—за вами и Геркулесу не угнаться, а вѣдь говорятъ, что тузъ стоитъ двойки [1]), и одинъ только Геркулесъ рѣшался биться одинъ противъ двухъ.

— Я тузъ,—отвѣчалъ Панургъ.

— Ладно, ладно,—сказалъ Пантагрюэль, я думалъ объ игрѣ въ триктракъ.

По третьему разу попался слѣдующій стихъ:

Fœmineo prœdæ et spoliorum ardebat amore.

— Это обозначаетъ, что она васъ обокрадетъ,—сказалъ Пантагрюэль. И я отлично вижу по этимъ тремъ оракуламъ, что вы будете рогоносцемъ, битымъ и ограбленнымъ.

— Напротивъ того,—отвѣчалъ Панургъ,—этотъ стихъ доказываетъ, что она будетъ меня любить всей душой. Сатирикъ [2]) не лжетъ, когда говоритъ, что женщина, горящая любовью, находитъ иногда пріятнымъ украсть у своего друга. Знаете что? Перчатку, аксельбантъ, чтобы заставить его искать. Какую-нибудь мелочь, пустякъ, —все это, какъ и тѣ пустыя ссоры, возникающія иногда между любовниками, оживляетъ и подстрекаетъ любовь. Такъ точно мы видимъ, напримѣръ, какъ ножевщики бьютъ молоткомъ свой брусокъ, чтобы ножи лучше оттачивались. Вотъ почему я принимаю эти три оракула за хорошее предзнаменованіе. Въ противномъ случаѣ подаю аппелляцію.

— На рѣшенія судьбы и фортуны не бываетъ аппелляціи,—сказалъ Пантагрюэль,—и это утверждаютъ всѣ наши старинные юрисконсульты, и въ томъ числѣ Больдъ (lib. ult. De leg.). Причина этому та, что фортуна не признаетъ надъ собою верховной власти, къ которой можно было бы аппеллировать на нее и на ея рѣшенія. Здѣсь уже minor не можетъ in integrum вступить въ свои права, какъ это весьма опредѣленно говоритъ L. Ait Proetor. §§ ult. ff. De minor.

---

[1]) Выраженіе изъ игры въ триктракъ.

[2]) Ювеналъ.

XIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль совѣтуетъ Панургу предугадывать счастіе и несчастія своего брака по снамъ.

— Ну вотъ, такъ какъ мы несогласны въ истолкованіи Виргиліевыхъ оракуловъ, то изберемъ другой способъ гаданія.

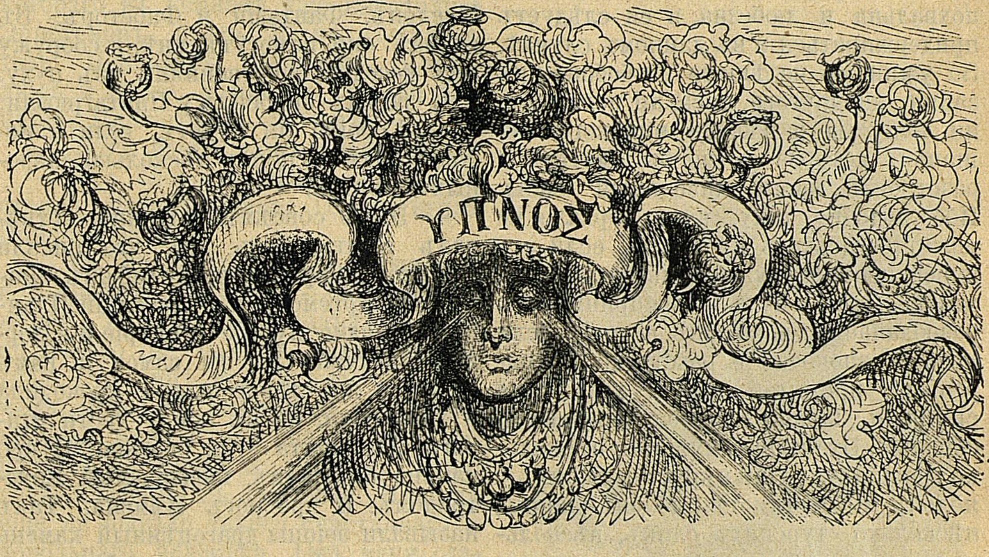
— Какой же?—спросилъ Панургъ.

— Добрый способъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—древній и достовѣрный, а именно: посредствомъ сновъ. При извѣстныхъ условіяхъ, описанныхъ Гиппократомъ въ Lib. peri enypnion Платономъ, Плотиномъ, Ямблихомъ, Синезіусомъ, Аристотелемъ, Ксенофонтомъ, Галіеномъ, Плутархомъ, Артемидоромъ Далданіемъ, Герофиломъ и другими, душа часто предвидитъ грядущія событія. Нѣтъ нужды пространно доказывать это. Примѣръ изъ повседневной жизни пояснитъ вамъ это: когда дѣти чисто вымыты, сыто накормлены и вдоволь насосались молока и крѣпко уснули, кормилицы уходятъ отдохнуть на свободѣ и заниматься, чѣмъ имъ угодно, такъ какъ присутствіе ихъ у колыбели кажется безполезнымъ. Такимъ же точно образомъ и душа наша, когда тѣло спитъ, пищевареніе совершается, и ему ничего не нужно до пробужденія, отлетаетъ на небо, свою отчизну. Тамъ она участвуетъ въ высшей жизни, какъ и подобаетъ ей въ силу ея первоначальнаго и божественнаго происхожденія; она созерцаетъ безконечныя сферы, въ которыхъ ничего не наступаетъ, ничто не проходитъ, ничто не гибнетъ, всѣ времена настоящія; отмѣчаетъ не только все то, что прошло въ низшихъ сферахъ, но и грядущее и приноситъ это тѣлу и, путемъ его чувствъ и органовъ, доводитъ до свѣдѣнія друзей и становится предсказательницей и пророчицей. Правда, она не передаетъ ихъ съ такою точностью, какъ видѣла, принимая во вниманіе несовершенство и слабость тѣлесныхъ чувствъ, подобно тому какъ луна, получая отъ солнца свой свѣтъ, не передаетъ намъ его такимъ яснымъ, чистымъ, такимъ сильнымъ и яркимъ, какъ его получила. Поэтому необходимы для истолкованія сонныхъ видѣній искусные, мудрые, ловкіе, опытные, разумные и совершенные Онирокриты и Онирополы[1]), какъ ихъ называли греки. Вотъ почему Гераклитъ говорилъ, что сны ничего не открываютъ намъ и ничего отъ насъ не скрываютъ, а только посылаются намъ, какъ указаніе на вещи грядущія и чужое счастіе и несчастіе. Священное писаніе это свидѣтельствуетъ, свѣтскіе писатели увѣряютъ въ томъ, передавая намъ тысячи случаевъ, когда сны оправдались какъ на особѣ того, кто видѣлъ сонъ, такъ и на постороннихъ. Только обитатели Атлантическихъ островов и острова Ѳазоса, одного изъ Цикладъ лишены этого удобства, потому что въ тѣхъ странахъ никто не видитъ сновъ. То же самое было съ Клеономъ изъ Давліи, съ Ѳразимедомъ и въ наше время съ ученымъ Виллановой, французомъ, которымъ никогда ничего не снилось. Итакъ завтра, въ тотъ часъ, какъ Аврора съ розовыми перстами разгонитъ ночныя тѣни, постарайтесь, чтобы вамъ привидѣлся основательный сонъ. Для этого отриньте всякія людскія чувства, любовь, какъ и ненависть, надежду и страхъ. Подобно тому, какъ нѣкогда великій прорицатель Протей не могъ предсказывать грядущаго, будучи превращенъ въ огонь, воду, тигра, дракона и другіе странные образы, а предсказывалъ только тогда, когда къ нему возвращалась его собственная форма,—такъ и человѣкъ не можетъ получить божественнаго дара прорицанія, если божественная въ немъ часть, а именно: νοῦς и mens, не будетъ спокойна, миролюбива, свободна и не развлечена страстями и внѣшними чувствами.

---

[1]) Истолкователи сновъ.

— Согласенъ,—сказалъ Панургъ,— но какъ мнѣ поужинать сегодня вечеромъ? много или мало? Я спрашиваю это не безъ причины: ибо если я хорошо и плотно не поужинаю, то совсѣмъ не сплю, и ночью мнѣ лѣзутъ въ голову такія же пустыя бредни, какъ пустъ мой желудокъ.



Къ гл. XIII-й.

— Не ужинать вовсе, — отвѣчалъ Пантагрюэль,—было бы лучше, въ виду твоей дородности и привычки. Амфіарусъ, древній прорицатель, требовалъ, чтобы тѣ, кто черезъ него во снѣ получали оракулы, цѣлый день передъ тѣмъ не вкушали пищи и три дня не пили вина. Мы не станемъ прибѣгать къ такой крайней и строгой діэтѣ. Хотя я думаю, что человѣкъ, объѣдающійся мясомъ и невоздержный, съ трудомъ проникается духовными вещами, но не раздѣляю также мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, что продолжительный и упорный постъ помогаетъ дойти до созерцанія божественныхъ вещей. Припомните то, что намъ часто говорилъ блаженной памяти отецъ мой, Гаргантюа, о писаніяхъ отшельниковъ-постниковъ, которыя такъ же безцвѣтны, плохи и худы, какъ худы были ихъ тѣла. И дѣйствительно трудно, чтобы умъ былъ здравъ и ясенъ, когда тѣло истощено! Вѣдь недаромъ же философы и медики утверждаютъ, что жизненная сила рождается и поддерживается артеріальной кровью, которая превосходно очищается въ чудесной сѣткѣ, лежащей подъ полостями мозга. Хорошимъ примѣромъ служитъ намъ одинъ философъ, который воображалъ, что въ уединеніи и внѣ толпы ему легче будетъ мыслить, созерцать, разсуждать и сочинять, но скоро убѣдился, что лай собакъ, вой волковъ, рыканіе львовъ, ржаніе лошадей, ревъ слоновъ, шипѣніе змѣй, крикъословъ, трещаніе стрекозъ, воркованіе голубокъ мѣшаетъ ему сильнѣе, чѣмъ если бы онъ находился на ярмаркѣ въ Фонтенэ или Ніорѣ, потому что онъ слушалъ все это на голодный желудокъ. Въ борьбѣ съ голодомъ желудокъ у него громко вопилъ, въ глазахъ темнѣло, вены высасывали собственное вещество изъ мясистыхъ частей и растраивали причудливый духъ, который не заботится о сохраненіи своего питомца и естественнаго хозяина, то-есть тѣла, которое, какъ птица, сидящая на рукѣ, не можетъ подняться въ воздухѣ, хотя бы и хотѣла, если ее притягиваетъ внизъ ремень, на которомъ она привязана. И тутъ кстати я сошлюсь на авторитетъ Гомера, отца всякой философіи, который сказалъ, что греки прекратили свой плачъ о Патроклѣ, великомъ другѣ Ахилла, не прежде того, какъ голодъ ихъ пронялъ и брюхо заявило, что у него не стало больше слезъ. Тѣло, истощенное продолжительнымъ голодомъ, не выдѣляло больше слезъ и не могло плакать. Средина во всѣхъ случаяхъ похвальна и любезна, и ея слѣдуетъ придерживаться и въ данномъ случаѣ. За ужиномъ не ѣшьте ни бобовъ, ни зайца, ни другого мяса, ни полиповъ, ни капусты и вообще никакого кушанья, которое могло бы смутить и разстроить ваши жизненныя силы. Ибо, подобно тому, какъ зеркало не можетъ отражать предметы, если его поверхность затуманена дыханіемъ или мглой,—такъ и духъ не воспринимаетъ разоблачаемыхъ во снѣ вещей, если тѣло обезпокоено и разстроено испареніями принятой пищи, вслѣдствіе симпатіи, какою они оба неразрывно связаны. Итакъ вы скушаете нѣсколько хорошихъ грушъ и крустумійскихъ[1] яблокъ и бергамотъ, яблокъ-ранетъ, нѣсколько турскихъ сливъ, нѣсколько вишенъ изъ моего фруктоваго сада. И не знаю, почему бы вамъ бояться, что сны ваши станутъ отъ того невѣрными, вздорными или подозрительными, какъ это утверждали нѣкоторые перипатетики относительно осеннихъ сновъ, объясняя это тѣмъ, что осенью люди больше, нежели во всякое другое время года, ѣдятъ плодовъ. А древніе пророки и поэты мистически объясняютъ намъ это тѣмъ, что пустые и обманчивые сны падаютъ на землю и лежатъ на ней подъ прикрытіемъ палыхъ листьевъ, отъ того, что осенью листья падаютъ съ деревъ. Потому что естественное броженіе, которымъ богаты свѣжіе плоды и которое легко испаряется изъ животныхъ частицъ, какъ это мы видимъ въ виноградномъ суслѣ, давно уже прекратилось и заглохло. И вы напьетесь воды изъ моего прекраснаго фонтана.

— Это условіе мнѣ тяжеленько,— сказалъ Панургъ. Со всѣмъ тѣмъ я согласенъ. Куда ни шло! Но съ условіемъ, что завтра рано поутру позавтракаю, тотчасъ послѣ того, какъ окончатся мои сновидѣнія. Въ концѣ концовъ я ставлю себя подъ покровительство двухъ воротъ Гомера, и да будутъ ко мнѣ милостивы Морфей, Ицелонъ, Фантазій и Фабеторъ. Въ случаѣ они помогутъ мнѣ, я сооружу имъ веселый жертвенникъ изъ пуху.

И затѣмъ спросилъ у Пантагрюэля:

— Хорошо ли будетъ, если я положу подъ подушку нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ?

— Этого совсѣмъ не нужно,—отвѣчалъ Пантагрюэль. То, что писали объ этомъ Серапіонъ, Антифонъ, Филохоръ, Артемонъ и Фульгенцій Планціадъ,—одно пустое суевѣріе и вздорный обычай. То же самое я вамъ скажу и про лѣвое плечо крокодила и хамелеона, не въ обиду чести стараго Демокрита будь сказано. И про камень Бактріанъ, называемый Евметридомъ. И про рогъ Аммона. Такъ называли эѳіопы драгоцѣнный камень золотого цвѣта и формы бараньяго рога, какъ рогъ Юпитера Аммонскаго. Они утверждали, что сны тѣхъ, кто носитъ этотъ камень, такъ же вѣрны и сбываются какъ божественные оракулы. Кстати припомнимъ, что пишутъ Гомеръ и Виргилій про двое воротъ, черезъ которыя проходятъ сновидѣнія, и о которыхъ вы только-что поминали. Одни—изъ слоновой кости, черезъ которыя проходятъ сновидѣнія смутныя, вздорныя и невѣрныя, такъ какъ сквозь слоновую кость, какъ бы она ни была тонка, ничего нельзя видѣть, и ея плотность и непрозрачность мѣшаетъ проникать силѣ зрѣнія и не пропускаетъ видимыхъ вещей. Другія—роговыя и черезъ нихъ проходятъ вѣрныя, истинныя и необманчивыя сновидѣнія, такъ какъ черезъ рогъ, благодаря его прозрачности, все ясно видно.

---

[1] Крустумій прославлялся Виргиліемъ за его груши.

— Этимъ вы навѣрное хотите сказать, — замѣтилъ братъ Жанъ, — что сновидѣнія плутовъ-рогоносцевъ, какимъ будетъ съ Божіею помощью и помощью жены Панургъ, всегда бываютъ вѣрны и необманчивы.

XIV.

Сонъ Панурга и его истолкованіе.

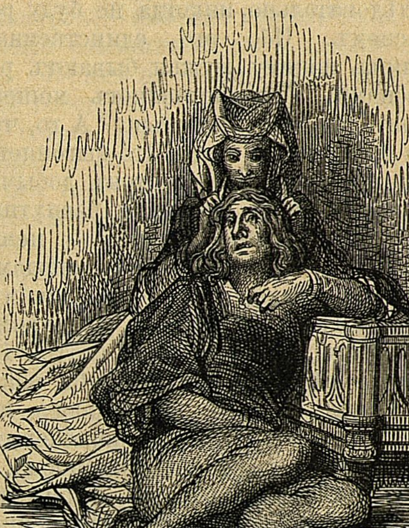
Въ семь часовъ слѣдующаго утра Панургъ явился къ Пантагрюэлю, у котораго въ комнатѣ уже находились Эпистемонъ, братъ Жанъ Сокрушитель, Понократъ, Евдемонъ, Карпалимъ и другіе, которымъ, завидя Панурга, Пантагрюэль сказалъ:

— Вотъ идетъ нашъ сновидецъ.

— Это слово во время оно дорого стоило сынамъ Іакова [1],—замѣтилъ Эпистемонъ.

— Со мной случилось то же, что и съ сновидцемъ Гильо,—сказалъ Панургъ. Я много чего видѣлъ во снѣ, но ничего не понялъ. Одно только знаю, что мнѣ приснилось, будто у меня молодая, любезная, чудно-прекрасная жена и что она нѣжно обращается со мною и ласкаетъ меня, какъ младенца въ колыбели. Никогда еще не бывало такого счастливаго и довольнаго человѣка. Она меня гладила, щекотала, ласкала, цѣловала, обнимала и, дурачась, приставляла мнѣ хорошенькіе рожки ко лбу. Я шутя говорилъ ей, что ей слѣдуетъ лучше приставить мнѣ рога подъ глазами, чтобы мнѣ лучше видѣть, въ какое мѣсто бодаться, и чтобы Момусъ не нашелъ къ чему придраться, какъ онъ сдѣлалъ это относительно бычьихъ роговъ. Но шалунья, несмотря на мои замѣчанія, продолжала ставить ихъ мнѣ гораздо выше. И всего удивительнѣе при этомъ было то, что мнѣ нисколько не было больно. Вдругъ мнѣ привидѣлось, что я не знаю какъ, превратился въ тамбуринъ, а она въ—сову. Тутъ мой сонъ прервался, и я проснулся сердитый, недовольный и негодующій. Не правда ли, какая сонная каша! Угощайтесь ею и толкуйте, какъ вамъ вздумается. А мы пойдемъ завтракать, метръ Карпалимъ.

— Если я вообще понимаю что-нибудь въ сновидѣніяхъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—то думаю, что жена ваша не приставитъ вамъ ко лбу явныхъ наружныхъ роговъ, какіе бываютъ у сатировъ; но она не будетъ хранить супружеской вѣрности и, отдаваясь другимъ, содѣлаетъ васъ рогоносцемъ. Этотъ пунктъ искусно излагается Артемидоромъ, какъ я замѣтилъ. Точно такъ же вы не превратитесь въ тамбуринъ, но она будетъ васъ бить, какъ бьютъ въ тамбуринъ на свадьбахъ. Она тоже не будетъ превращена въ сову, но станетъ обворовывать васъ, какъ это водится за совами. И такимъ образомъ ваше сновидѣніе вполнѣ сходится съ Виргиліевыми оракулами. Вы будете рогоносцемъ, вы будете биты и вы будете ограблены.



Къ гл. XIV-й.

Тутъ братъ Жанъ вскричалъ:

— Онъ говоритъ правду. Ты будешь рогоносцемъ, добрый человѣкъ. Увѣряю тебя, ты будешь съ рогами! Ха, ха, ха! Мастеръ Роговой! Спасибо тебя Богъ, прочитай-ка намъ проповѣдь, а я обойду весь приходъ за сборомъ милостыни.

---

[1] I Моис., XXXVII, 19.

— Напротивъ того,—отвѣчалъ Панургъ,—сонъ мой предсказываетъ, что бракъ мой будетъ изобиловать всѣми благами, какъ рогъ изобилія. Вы говорите, что это рога сатировъ. Amen, amen, fiat, fiatur, ad differentiam papae. А потому я буду неутомимъ какъ сатиръ, чего всѣ желаютъ, но чѣмъ немногіе награждаются небесами. А, слѣдовательно, никогда не буду рогоносцемъ. Ибо это единственная причина, почему мужья бываютъ рогоносцами. Что заставляетъ мошенниковъ просить милостыни? А то, что дома имъ нечего ѣсть. Что выгоняетъ волка изъ лѣсу? Недостатокъ добычи. Что заставляетъ женщину распутничать? Вы хорошо понимаете меня. Обращаюсь съ запросомъ къ господамъ клеркамъ, президентамъ, совѣтникамъ, адвокатамъ, прокурорамъ и другимъ комментаторамъ почтенной статьи De frigidis et maleficiatis. Вы извините меня, если я заблуждаюсь, но, сдается мнѣ, вы, очевидно, ошибаетесь, понимая рога, какъ роль рогоносца. У Діаны на головѣ рога въ формѣ полумѣсяца. А развѣ она рогоносица? И какъ бы она ею, чортъ возьми, была, когда она никогда не была замужемъ! Будьте, ради Бога, осторожнѣе въ рѣчахъ, изъ опасенія, чтобы она съ вами не сдѣлала того, что съ Актеономъ. Добрый Бахусъ тоже носитъ рога, а также Панъ, Юпитеръ Аммонскій и многіе другіе. А развѣ они рогоносцы? Развѣ Юнона—потаскушка? А вѣдь такъ бы слѣдовало заключить по фигурѣ metolepsis. Если назвать ребенка въ присутствіи его отца и матери пащенкомъ или ублюдкомъ, то, значитъ, иными словами назвать его отца рогоносцемъ, а мать потаскушкой. Скажемъ лучше: рога, которые мнѣ приставляла моя жена,—это рога изобилія и богаты всякими благами. Увѣряю васъ. Вдобавокъ я буду всегда веселъ, какъ тамбуринщикъ на свадьбѣ, буду всегда въ рѣчахъ звонокъ, громокъ и раскатистъ. Повѣрьте, это предвѣщаетъ счастіе. А жена моя будетъ миловидна и красива, какъ маленькая совушка. Кто въ это не вѣритъ. Пускай того чортъ повѣситъ.

— Я долженъ отмѣтить,—сказалъ Пантагрюэль,—послѣднее обстоятельство вашего сновидѣнія и сравнить его съ первымъ. Вначалѣ вы были въ восторгѣ отъ своего сна. Но проснулись внезапно разсерженный, раздосадованный и негодующій.

— Еще бы,—сказалъ Пантагрюэль,—когда я не обѣдалъ.

— Все грозитъ бѣдою,—я это предвижу. Знайте за истину, что всѣ сны, оканчивающіеся внезапно и приводящіе спавшаго въ дурное расположеніе духа или въ негодованіе, предвѣщаютъ или боль, или несчастіе. Боль означаетъ болѣзнь опасную, злостную, заразительную и скрытую въ тѣлѣ, и которую сонъ, вызывающій, какъ насъ учитъ медицина, разрѣшительный процессъ, развиваетъ и вызываетъ на поверхность, такъ что черезъ этотъ грустный толчекъ сонъ нарушается и чувствительность оживляется и приглашается къ сочувствію и помощи. Это выходитъ по пословицѣ: раздразнить гнѣздо осъ, разворошить кучу грязи или разбудить спящую кошку; такъ и видѣть во снѣ боль означаетъ, что душа, охваченная соннымъ провидѣніемъ, даетъ намъ понять, что готовится какая-то бѣда и скоро обнаружится ея дѣйствіе. Примѣромъ этого могутъ служить сонъ и страшное пробужденіе Гекубы или сонъ Евридики, жены Орфея, которыя, по разсказу Эннія, проснулись внезапно и въ ужасѣ. Послѣ этого сна Гекуба видѣла, какъ ея мужа Пріама, дѣтей и всю родню перебили и истребили. А Евридика вскорѣ послѣ того горестно скончалась. И Эней, видѣвшій во снѣ, что говоритъ съ покойнымъ Гекторомъ, внезапно пробудился въ тревогѣ. И въ ту же ночь Троя была разорена и сожжена. Въ другой разъ онъ видѣлъ во снѣ своихъ фамильныхъ боговъ и пенатовъ и, въ ужасѣ проснувшись, въ тотъ же день испыталъ страшную бурю на морѣ. Такъ было съ Турнусомъ, который проснулся испуганный сномъ, въ которомъ ему привидѣлась фурія, возбуждавшая его къ бою съ Энеемъ, который въ концѣ концовъ его и убилъ. И тысяча другихъ. Говоря про Энея, я припоминаю, что Фабій Пикторъ говорилъ, что онъ ничего не предпринималъ и ничего съ нимъ не случалось, чего бы раньше ему не было возвѣщено во снѣ. Этимъ примѣрамъ разумъ нисколько не противорѣчитъ. Ибо если сонъ и покой суть особые дары и милости боговъ, какъ утверждаютъ философы и свидѣтельствуетъ поэтъ, когда говоритъ:

> Было то время, когда измученныхъ смертныхъ объемлетъ
> Первый покой и боговъ благостыней вливается сладко[1]—

то, конечно, такой даръ не можетъ приводить къ раздраженію и негодованію, не предвѣщая великаго несчастія. Въ противномъ случаѣ даръ не былъ бы даромъ, а покой покоемъ и происходилъ бы не отъ боговъ, а отъ злого духа, по поговоркѣ:

’Εχθρῶν ἄδωρα δῶρα [2].

Возьмемъ для примѣра отца семейства, который, сидя за роскошной трапезой и пользуясь прекраснымъ аппетитомъ, вдругъ бы вскочилъ въ ужасѣ, едва приступивъ къ обѣду. Кто бы не зналъ тому причины, могъ бы удивиться. Но въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что онъ услышалъ, какъ его слуги кричали: «Пожаръ!», его служанки вопили: «Грабятъ», его дѣти взывали: «Рѣжутъ!» Тутъ ужъ по неволѣ пришлось бросить обѣдъ и бѣжать на помощь. И какъ я теперь припоминаю, кабалисты и истолкователи Священнаго Писанія, излагая, какимъ образомъ можно различить появленіе злыхъ и добрыхъ духовъ — такъ какъ часто Сатана принимаетъ образъ свѣтлаго Ангела—говорятъ, что разница въ появленіи этихъ двухъ существъ заключается въ томъ, что добрый ангелъ-хранитель появляется человѣку сначала въ грозномъ видѣ, но въ концѣ концовъ утѣшаетъ его и оставляетъ радостнымъ и довольнымъ; между тѣмъ какъ злой духъ-искуситель вначалѣ обрадуетъ человѣка, а затѣмъ оставляетъ его смущеннымъ, недовольнымъ и разстроеннымъ.

XV.

Извиненіе Панурга и изложеніе тайнаго монастырскаго ученія о солонинѣ.

— Богъ хранитъ отъ зла,—сказалъ Панургъ,—того, кто хорошо видитъ, но плохо слышитъ. Я васъ хорошо вижу, но совсѣмъ не слышу. И не знаю, что вы говорите. Голодное брюхо—глухо. Я готовъ въ голосъ кричать отъ голода. Я совсѣмъ изнемогаю отъ трудовъ непосильныхъ. Готовъ неистовствовать отъ голода. Хитеръ будетъ тотъ, кто заставитъ меня въ нынѣшнемъ году снова видѣть сны. Остаться безъ ужина, чортъ возьми! Пойдемъ завтракать, братъ Жанъ! Когда я хорошо позавтракалъ и желудокъ мой сытъ и доволенъ,—пожалуй, на худой конецъ и въ случаѣ нужды, я обойдусь и безъ обѣда. Но остаться безъ ужина—чортъ возьми, какая гадость! Это ошибка, это преступленіе противъ природы. Природа создала день, чтобы человѣкъ упражнялъ свои силы, трудился, чтобы каждый занимался своими дѣлами. И чтобы намъ удобнѣе было заниматься, она доставляетъ намъ и свѣчку, а именно: ясный и веселый солнечный свѣтъ. Вечеромъ она гаситъ ее и молча говоритъ намъ: Дѣти, вы—хорошіе люди. Довольно трудиться, наступаетъ ночь; слѣдуетъ прекратить работу и подкрѣпить свои силы добрымъ хлѣбомъ, добрымъ виномъ, добрымъ мясомъ, затѣмъ повеселиться, лечь и соснуть, чтобы на завтра встать бодрымъ и готовымъ къ новому труду.» Такъ поступаютъ сокольничіи: накормивъ своихъ птицъ, они не даютъ имъ летать съ полнымъ желудкомъ, а предоставляютъ сидѣть на мѣстѣ. Это прекрасно понималъ добрый папа, первый установившій посты. Онъ приказалъ, чтобы мы постились до девятаго часа; въ остальные часы позволяется принимать пищу. Въ прежнее время рѣдко кто обѣдалъ, кромѣ монаховъ и канониковъ. Да вѣдь имъ и дѣлать больше нечего; для нихъ каждый день праздникъ, и они прилежно соблюдаютъ монастырскую пословицу: «De missa ad mensum» и не станутъ даже дожидаться прихода аббата, чтобы сѣсть за столъ. Сѣвши за столъ, монахи станутъ ждать аббата сколько угодно, но не иначе. Однако, всѣ люди ужинали, исключая какихъ-нибудь мечтателей, почему ужинъ и называется coena, то-есть всеобщій. Тебѣ это хорошо извѣстно, братъ Жанъ. Идемъ же, другъ мой, всѣми чертями заклинаю тебя, идемъ! Мой желудокъ лаетъ какъ собака отъ голоду. Заткнемъ ему глотку похлебкой, чтобы успокоить его, какъ это сдѣлала Сивилла съ Церберомъ. Ты любишь густыя, жирныя похлебки, я же предпочитаю молочную похлебку съ лавровымъ листомъ, съ прибавкой добраго куска пахаря, просаленнаго на девяти духовныхъ кантахъ.

---

[1] Виргил. Энеида II, 268 и 269.

[2] Дары отъ враговъ не дары. Софоклъ, Аяксъ. V, 365.

— Понимаю,—отвѣчалъ братъ Жанъ, эта метафора заимствована изъ монастырскаго котла. Пахарь — это быкъ, на которомъ пашутъ или пахали; а девять кантовъ означаютъ, что онъ превосходно сваренъ. Вѣдь добрые отцы церкви, въ силу извѣстной древней кабалистики, не писанной, но передававшейся устно, поднявшись въ мое время къ заутренѣ, всегда дѣлали нѣкоторыя приготовленія, прежде нежели идти въ церковь. Очищали кишки, блевали, плевали, кашляли, — словомъ, старались не принести съ собой ничего нечистаго къ богослуженію. Послѣ того набожно отправлялись въ часовню, какъ они величали между собою монастырскую кухню, и набожно молили, чтобы немедленно ставили варить быка, предназначавшагося на завтракъ монахамъ, братьямъ во Христѣ. И часто сами разводили огонь подъ котломъ. Когда на заутрени пѣлись девять кантовъ, то имъ, конечно, приходилось вставать пораньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ и аппетитъ у нихъ возросталъ соотвѣтственно съ числомъ церковныхъ кантовъ и былъ сильнѣе, чѣмъ когда за заутреней ограничивались всего лишь однимъ или тремя кантами. И чѣмъ раньше они вставали, тѣмъ раньше поспѣвали варить быка. Чѣмъ раньше ставили быка на огонь, тѣмъ дольше онъ варился; а чѣмъ больше варился быкъ, тѣмъ нѣжнѣе бывала говядина, не такъ стирала зубы, была вкуснѣе и удобоваримѣе, лучше питала добрыхъ монаховъ, а это-то и есть единственная цѣль и главная забота основателей монашескихъ орденовъ, принимая во вниманіе, что они не ѣдятъ съ тѣмъ, чтобы жить, но живутъ съ тѣмъ, чтобы ѣсть, и только затѣмъ и живутъ на свѣтѣ. Идемъ, Панургъ!

— Ну, теперь я понялъ тебя, хитрая шельма, монастырская и кабалистическая шельма! — отвѣчалъ Панургъ. Ты противъ меня кабалу затѣваешь. Ростъ и проценты отпускаю тебѣ. Довольствуюсь только проторями и убытками, за то, что ты такъ умно изложилъ намъ удивительную главу про кухонную и монастырскую кабалу. Идемъ, Карпалимъ. Братъ Жанъ, подай мою перевязь. Идемъ. Добраго утра, любезные господа! Довольно сновъ, будемъ пить. Идемъ!

Панургъ не успѣлъ договорить, какъ Эпистемонъ громко вскричалъ:

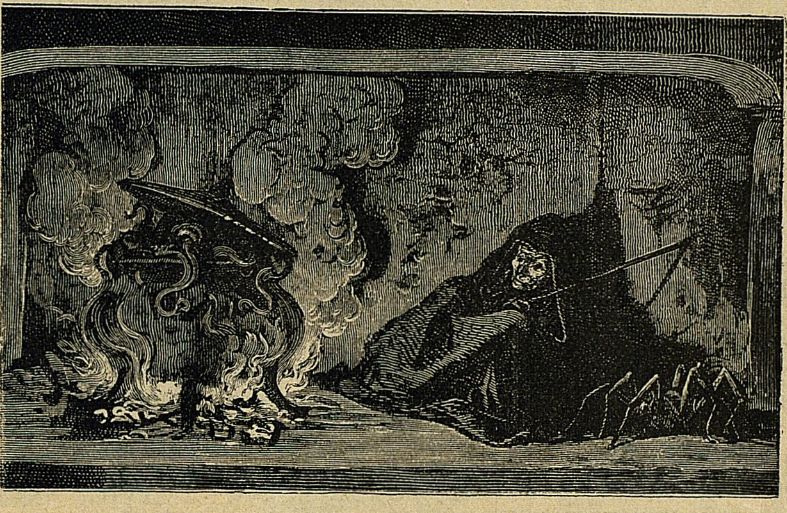
— Самое обыкновенное и обыденное дѣло межъ людьми—это догадываться о чужомъ несчастіи, предвидѣть его, разгадывать и предсказывать. Но какъ рѣдко бываетъ, чтобы кто-нибудь предвидѣлъ, предугадалъ, предусмотрѣлъ и предсказалъ собственную бѣду! На это весьма тонко намекаетъ Эзопъ въ своихъ басняхъ, когда говоритъ, что каждый изъ насъ носитъ на шеѣ суму, спереди которой помѣщаются ошибки и бѣдствія ближняго; сзади же отведено мѣсто собственнымъ ошибкамъ и несчастіямъ, которыя потому и незримы для самого человѣка, если онъ не пользуется особеннымъ расположеніемъ боговъ.

XVI.

О томъ, какъ Пантагрюэль внушаетъ Панургу посовѣтоваться съ Панзуской сивиллой.

Немного времени спустя Пантагрюэль призвалъ Панурга и сказалъ ему:

— Любовь, которую я къ вамъ питаю и которая укрѣпилась отъ долгой привычки, побуждаетъ меня заботиться о вашемъ благѣ и благополучіи. Выслушайте, что я придумалъ: мнѣ говорятъ, что въ Панзу, близъ Кролэ, живетъ весьма мудрая сивилла, которая предсказываетъ будущее; возьмите съ собой Эпистемона, отправьтесь къ ней и выслушайте, что она вамъ скажетъ.



Къ гл. XVI-й.

— Это, навѣрное, какая-нибудь Канадія или Сагана 1), пиѳонисса и колдунья? Я потому такъ думаю, что мѣсто пользуется худой славой: будто въ немъ водится больше колдуновъ, нежели въ былое время въ Ѳессаліи. Мнѣ не хочется туда ѣхать. Дѣло это беззаконное и запрещено закономъ Моисеевымъ,—отвѣчалъ Эпистемонъ.

— Мы вѣдь не евреи, — сказалъ Пантагрюэль, — и вовсе не доказано, что она колдунья. Отложимъ до вашего возвращенія всѣ препирательства и обсужденіе этого вопроса. Почемъ мы знаемъ, что это не одиннадцатая сивилла, не вторая Кассандра? А если даже она не сивилла и не, заслуживаетъ этого названія, то чему помѣшаетъ посовѣтоваться съ нею находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Тѣмъ болѣе, что она слыветъ болѣе опытной, болѣе разумной, чѣмъ другія женщины этой мѣстности? Чему можетъ помѣшать новый опытъ, новое знаніе, хотя бы оно касалось

Дурака, горшка, бутылки,
Простой рукавицы или туфли.

Помнишь ли, какъ Александръ Великій послѣ побѣды надъ Даріемъ при Арбелахъ отказалъ, въ присутствіи его сатраповъ, въ аудіенціи одному человѣку и послѣ того тысячу и тысячу разъ сожалѣлъ о томъ? Хотя и побѣдитель въ Персіи, онъ былъ такъ далеко отъ Македоніи, своего наслѣдственнаго королевства, что сильно печалился о томъ, что не имѣетъ никакой возможности получить оттуда извѣстія, какъ по причинѣ огромнаго разстоянія, такъ и большихъ рѣкъ, пустынь и горъ, отдѣлявшихъ его отъ Македоніи. Среди этихъ тревогъ и опасеній—далеко не

---

1) Объ обѣихъ упоминаетъ Горацій, въ Epod., V и Satir., VIII.

пустыхъ, потому что можно было бы занять его родину и королевство, возвести новаго короля на престолъ и основать новую колонію задолго до того, какъ вѣсть объ этомъ дошла бы до него и онъ могъ бы помѣшать этому,—къ нему явился человѣкъ изъ Сидона, незначительный купецъ, но разсудительный человѣкъ, съ виду, однако, небогатый и невзрачный, и объявилъ ему, что онъ изобрѣлъ путь и средство, помощью которыхъ въ отечествѣ могутъ узнать объ его побѣдахъ въ Индіи, а онъ самъ о томъ, что происходитъ въ Македоніи и Египтѣ менѣе чѣмъ въ пять дней. Александръ счелъ такое обѣщаніе нелѣпымъ и невозможнымъ и не захотѣлъ его ни выслушать, ни дать аудіенціи. Что ему стоило выслушать и узнать, въ чемъ состояло изобрѣтеніе человѣка? Какому вреду, какому ущербу подвергался онъ, если бы узналъ, какую дорогу человѣкъ хотѣлъ ему указать? Мнѣ кажется, природа не безъ причины создала насъ съ открытыми ушами, безъ всякихъ дверей или заслонокъ, не такъ, какъ она сдѣлала съ глазами, языкомъ и другими отверстіями тѣла. Причина тому, полагаю, чтобы мы всегда, всю ночь, непрерывно слышали, а черезъ слухъ непрерывно учились, такъ какъ это чувство болѣе приспособлено, нежели всѣ остальныя, къ наукѣ. И, быть можетъ, тотъ человѣкъ былъ ангеломъ, то-есть вѣстникомъ Божіимъ, посланнымъ, какъ Рафаилъ къ Товію. Александръ слишкомъ поспѣшно отвергъ его и долго послѣ того раскаивался.

— Вы красно говорите,—отвѣчалъ Эпистемонъ,—но все же не увѣрите меня, что разумно совѣтоваться съ женщиной, да еще съ такою женщиной и въ такой мѣстности.

— Что касается меня, — замѣтилъ Панургъ, — то мнѣ совѣты женщинъ, и даже старыхъ, всегда на пользу. Отъ ихъ совѣтовъ меня всегда слабитъ, и даже не разъ. Другъ мой, онѣ настоящія лягавыя собаки, настоящіе заголовки юридическихъ книгъ, которые дѣлаются красными чернилами. И правильно выражаются тѣ, которые зовутъ ихъ мудрыми-женщинами (sages-femmes). У меня въ обычаѣ звать ихъ вѣдуньями. Онѣ мудрые, потому что все знаютъ. Но я зову ихъ вѣдуньями, потому что онѣ вѣдаютъ будущее и предсказываютъ то, что должно случиться. Отъ нихъ мы всегда получаемъ полезные и выгодные совѣты. Справьтесь объ этомъ у Пиѳагора, Сократа, Эмпедокла и нашего метра Ортвина [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ я превозношу до небесъ древній обычай германцевъ, которые ставили наряду съ жреческими совѣты старухъ и искренно почитали ихъ; слушаясь ихъ совѣтовъ и оракуловъ, они преуспѣвали. Въ доказательство приведу старую Антинію и добрую мать Велледу въ эпоху Веспасіана. Повѣрьте, что старость женщины всегда отмѣчена духомъ прозрѣнія, я хочу сказать—вѣдовствомъ. Идемъ, идемъ, именемъ добродѣтели, двигаемся въ путь! A Dieu, братъ Жанъ, поручаю тебѣ мой клапанъ.

— Хорошо, — сказалъ Эпистемонъ, —я пойду съ тобой, но съ условіемъ, что если узнаю, что она колдуетъ или ворожитъ, когда отвѣчаетъ на заданные ей вопросы, то разстанусь съ вами у дверей и за вами не послѣдую.

XVII.

О томъ, какъ Панургъ бесѣдовалъ съ Панзуской сивиллой.

Путешествіе ихъ длилось шесть дней. На седьмой имъ указали домъ предсказательницы, расположенный на вершинѣ горы, подъ большимъ и развѣсистымъ каштановымъ деревомъ. Они безъ труда проникли въ крытую соломой лачужку, дурно выстроенную, плохо убранную и всю закоптѣлую.

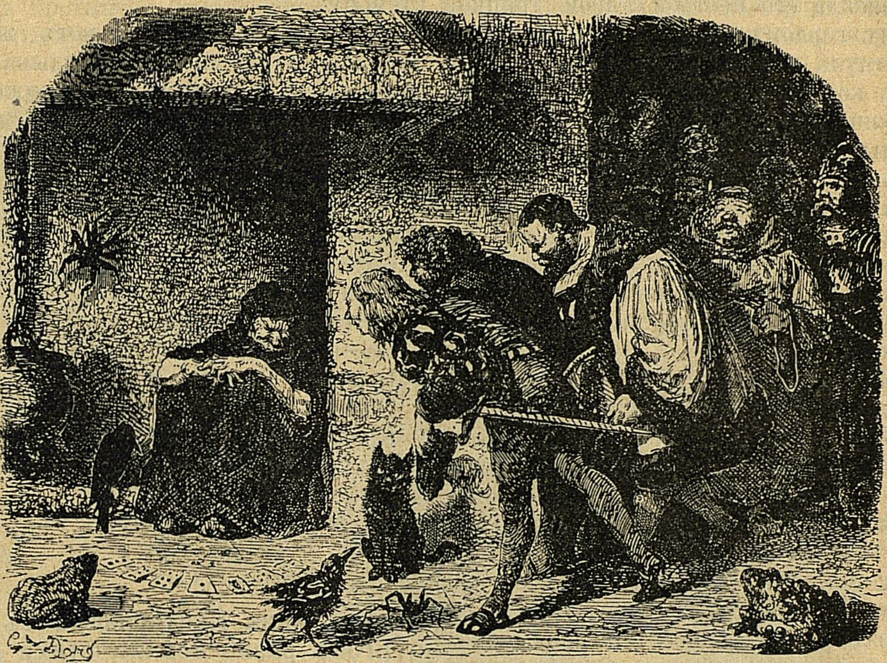
— Ба!—сказалъ Эпистемонъ, — великій и туманный философъ Гераклитъ не удивлялся, входя въ такой домъ, и говорилъ своимъ послѣдователямъ и ученикамъ, что и въ немъ тоже живутъ боги, какъ и въ очаровательныхъ дворцахъ. И думаю, что таково же было жилище знаменитой Гекаты, въ которомъ она угощала юнаго Тезея [1]), а также жилище Гирея, куда не побрезгали придти Юпитеръ, Нептунъ и Меркурій; тамъ въ уплату за квартиру и харчи сфабриковали Оріона [2]).

---

[1] Вымышленное лицо, которому адресованы Epistolae virorum obscurorum.

Около очага они нашли старуху.

— Она настоящая сивилла,—воскликнулъ Эпистемонъ, — настоящій портретъ, наивно нарисованный Гомеромъ въ словахъ τῇ καμινοῖ [3])!



Къ гл. XVII-й.

Старуха была невзрачна, бѣдно одѣта, истощена отъ плохого питанія, беззубая, со слезящимися глазами, сгорбленная, скрюченная, еле живая и варила зеленыя щи изъ кусочка прогорклаго сала и старой бычьей кости.

— Черти и діаволы,—сказалъ Эпистемонъ, —мы забыли самое главное. Мы не добьемся отъ нея никакого отвѣта, потому что не захватили съ собою золотого жезла.

— Я позаботился объ этомъ,—отвѣчалъ Панургъ,—у меня въ ягдташѣ есть жезлъ чистаго золота вмѣстѣ съ красивыми веселыми золотыми.

Говоря это, Панургъ низко поклонился старухѣ и подалъ ей шесть копченыхъ бычачьихъ языковъ, большой горшокъ съ кашей, бутылку вина и кошелекъ съ новенькими золотыми. Послѣ того съ низкимъ поклономъ поднесъ ей на средній палецъ прекрасное золотое кольцо съ жабнымъ камнемъ. Въ короткихъ словахъ изложилъ онъ ей причину ихъ посѣщенія и вѣжливо попросилъ посовѣтовать ему и погадать касательно его предполагаемой женитьбы.

Старуха нѣкоторое время молчала, задумавшись и жуя, затѣмъ усѣлась на повернутый дномъ вверхъ четверикъ, взяла въ руки три старыхъ веретена, повертѣла ихъ пальцами на разные лады, потомъ пощупала ихъ кончикъ и удержала въ рукахъ самое острое, а другія два бросила подъ ступку съ толкачемъ. Послѣ того взяла мотовило и девять разъ повертѣла его, а въ девятый стала глядѣть на него, не трогая больше и слѣдя за спицами, пока онѣ не остановились.

---

[1]) См. Плутархъ, Тезей, 19.
[2]) См. Діодоръ, V, 80.
[3]) Одиссея, XVIII, 27.

Послѣ того она сняла съ ноги деревянный башмакъ, покрыла голову передникомъ (подобно тому, какъ патеры накрываются омофоромъ, собираясь служить обѣдню) и завязала его пестрой старой тряпкой подъ горломъ. Въ такомъ нарядѣ она глотнула вина изъ бутылки, вынула изъ кошелька три золотыхъ монеты, вложила ихъ въ три орѣховыхъ скорлупы и положила на опрокинутый дномъ кверху горшокъ, проѣхалась трижды верхомъ на метлѣ вокругъ очага, подбросила въ огонь связку вереска и сухую вѣточку лавроваго дерева и ждала молча, пока она сгоритъ, отмѣчая, что при горѣніи не слышно треска.

Но вотъ она испустила страшный крикъ и произнесла сквозь зубы нѣсколько варварскихъ и странныхъ словъ, а Панургъ сказалъ Эпистемону:

— Клянусь честью, я весь дрожу; мнѣ кажется, что я околдованъ. Такъ не говорятъ христіане. Поглядите, мнѣ кажется, что она выросла съ тѣхъ поръ, какъ накрыла голову фартукомъ. И затѣмъ онъ трясетъ подбородкомъ? Зачѣмъ пожимаетъ плечами? Отчего дрожатъ у нея губы, точно у обезьяны, которая жретъ раковъ? У меня въ ушахъ звенитъ; мнѣ чудится, что я слышу ревущую Прозерпину; скоро, должно быть, появятся и черти. О! безобразныя твари! Бѣжимъ! Спаси Богъ! Я умираю отъ страха. Я не люблю чертей. Они меня сердятъ и мнѣ не нравятся, бѣжимъ! Прощайте, сударыня! Покорно благодарю за ваши милости. Я не женюсь вовсе, нѣтъ. Я отказываюсь отъ женитьбы отнынѣ и навѣки.

И готовился выдти вонъ изъ горницы, но старуха предупредила его и съ веретеномъ въ рукѣ вышла во дворъ или въ огородъ, расположенный около дома. Тамъ росъ столѣтній кленъ; она трижды потрясла его и на восьми листочкахъ, которые съ него упали, нацарапала веретеномъ нѣсколько стиховъ, бросила ихъ по вѣтру и сказала:

— Ищите, если хотите; найдите, если можете; роковая судьба вашей женитьбы на нихъ написана.

Произнеся эти слова, она вернулась въ свою берлогу, но на порогѣ дома подняла платье, юбку и рубашку до чреслъ и повернулась къ нимъ задомъ.

Панургъ увидѣлъ ее и сказалъ Эпистемону:

— Клянусь лѣшимъ, вотъ жерло сивиллы, куда многіе заглядывали и оттого погибли; бѣжимъ отъ этого жерла.

Она же внезапно затворила дверь и больше ея не видѣли. Они побѣжали за листьями и подобрали ихъ, но не безъ труда, потому что вѣтеръ разсыпалъ ихъ по кустамъ долины. Сложивъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, прочитали слѣдующую притчу:

«Ограбленъ будешь
Своею женою,
Брюхата станетъ
Она не тобою.
Кровью твоею напьется.
Шкура съ тебя
Ею сдерется,
Но не совсѣмъ.»

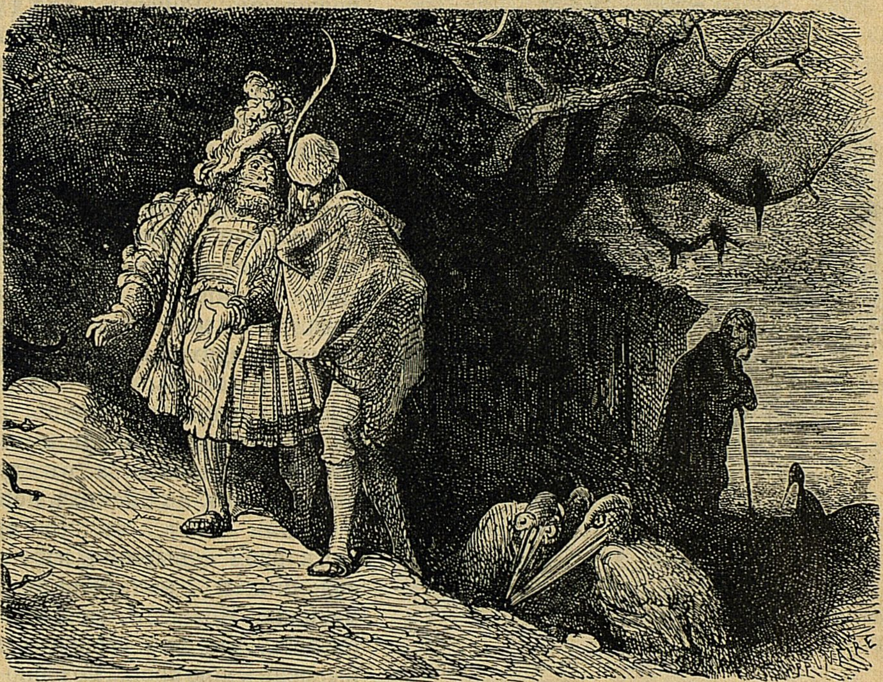
XVIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль съ Панургомъ разно поняли стихи Панзуской сивиллы.

Собравъ листья, Эпистемонъ съ Панургомъ вернулись ко двору Пантагрюэля, отчасти довольные, отчасти сердитые: довольные тѣмъ, что вернулись; сердитые—на трудности пути, потому что нашли дорогу неровной, каменистой и въ плохомъ состояніи. Они подробно разсказали Пантагрюэлю про свое путешествіе и про наружность сивиллы; затѣмъ подали ему листья клена и показали надпись.

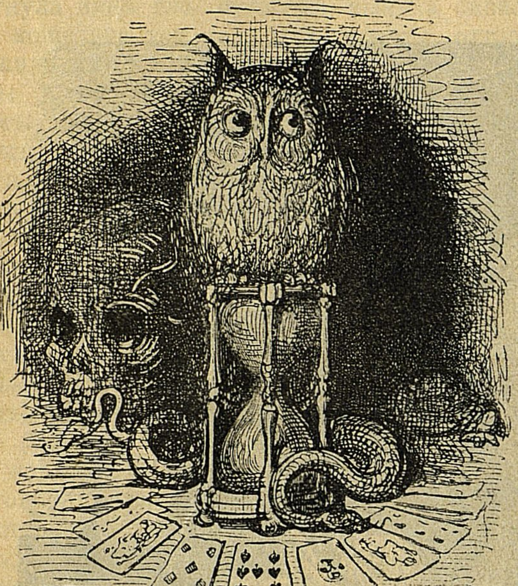
Пантагрюэль, прочитавъ ее, сказалъ Панургу, вздыхая:

— Жаль мнѣ васъ. Предсказаніе Сивиллы сходится какъ разъ съ тѣмъ, что я вамъ уже говорилъ, какъ на основаніи Виргиліевыхъ гаданій, такъ и вашихъ собственныхъ сновъ, а именно—жена васъ опозоритъ, наставитъ вамъ рога, отдавшись другому и забеременѣвъ отъ него; она же васъ и ограбитъ, она же васъ и изобьетъ, поранитъ и искалѣчитъ ваше тѣло.



Къ гл. XVIII-й.

— Вы столько же понимаете въ толкованіи этихъ предсказаній, сколько свинья въ апельсинахъ, — отвѣчалъ Панургъ. Не взыщите, если я такъ говорю. Я немного разсердился. Совсѣмъ противное будетъ вѣрно. Старуха говоритъ: «Какъ боба не видать, если его не вытащить изъ скорлупы», такъ и моя добродѣтель и мое совершенство не будутъ узнаны, если я не женюсь. Сколько разъ слышалъ я, какъ вы говорили, что судья и званіе обличаютъ человѣка и показываютъ, что у него скрывается подъ платьемъ. Другими словами, что человѣка не распознаешь и не узнаешь, чего онъ стоитъ, пока не увидишь его въ дѣлѣ. Пока знаешь человѣка только какъ частное лицо, нельзя быть увѣреннымъ въ его личности, подобно тому, какъ нельзя узнать боба, пока онъ находится въ скорлупѣ. Вотъ вамъ смыслъ перваго параграфа. Въ противномъ случаѣ вы должны будете утверждать, что честь и доброе имя хорошаго человѣка зависятъ отъ дурного поведенія гулящей бабы. Во второмъ параграфѣ говорится: Жена моя сдѣлается брюхата—что, конечно, считается главнымъ счастіемъ въ супружествѣ,—не мною. Чортъ побери, понятное дѣло! Она будетъ брюхата маленькимъ ребеночкомъ; я уже люблю его отъ души и въ восхищеніи отъ него. Это будетъ мой любимчикъ. Слушая его младенческій лепетъ, я пребуду равнодушнымъ ко всѣмъ непріятностямъ въ мірѣ. Да будетъ благословенна старуха! Мнѣ хочется назначить ей хорошую ренту въ Сальмингондинуа, но не подвижную, какъ какіе-нибудь полоумные бакалавры, а незыблемую, какъ славные доктора-регенты. Или же вы хотите, чтобы жена моя меня носила во чревѣ? Зачала? Родила меня? И чтобы говорили: «Панургъ—второй Бахусъ: онъ дважды родился! Онъ возродился, какъ Протей: разъ отъ Ѳетисы, а другой разъ отъ матери философа Аполлонія 1)); какъ оба Поликея 2)) у рѣки Лимеѳоса въ Сициліи. Жена его имъ забеременѣла. Въ немъ возобновились древняя палинтокія Мегаріевъ 3)) и древній палингенезисъ 4)) Демокрита.» Ошибаетесь. И никогда больше этого мнѣ не говорите. Третій параграфъ говоритъ: «Жена моя напьется моей кровью.» Я готовъ угодить ей. Вы понимаете—въ какомъ смыслѣ. Клянусь вамъ, что она останется мною довольна. Не могу не похвалить такой способъ выраженія, и аллегорія мнѣ нравится, но не въ вашемъ смыслѣ. Можетъ быть, ваша привязанность ко мнѣ побуждаетъ васъ къ такимъ неблагопріятнымъ для меня и кривымъ толкамъ; такъ ученые утверждаютъ, что любовь удивительно пуглива и истинная любовь всегда связана со страхомъ. Но, по моему сужденію, вы должны понимать подъ словомъ firtum не что иное какъ то, какъ его понимаютъ древніе и латинскіе писатели, а именно—плодъ любви, который, пожеланію Венеры, слѣдуетъ срывать тайно и украдкой. А почему, говоря по совѣсти? Потому что дѣло это, совершенное украдкой, гдѣ-нибудь за дверью, на лѣстницѣ, за драпировкой, тайкомъ, мимоходомъ, больше нравится богинѣ Кипридѣ (въ чемъ я съ ней согласенъ), нежели тогда, когда совершается при свѣтѣ солнца, на манеръ циниковъ, или же подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, подъ дорогимъ пологомъ, съ длинными промежутками, на досугѣ, держа въ рукѣ хлопушку для мухъ изъ пунцоваго шелка, а въ другой опахало изъ индійскихъ перьевъ и гоняя мухъ, въ то время, какъ баба ковыряетъ въ зубахъ соломинкой, вытащенной изъ матраца. Неужели же вы хотите сказать, что она ограбитъ меня, высосавъ мою кровь, подобно тому какъ глотаютъ устрицъ или какъ женщины въ Киликіи собираютъ сѣмена алькермеса? Ошибаетесь. Кто грабитъ, тотъ не высасываетъ, но поглощаетъ, не глотаетъ, но рветъ на клочки. Четвертый параграфъ говоритъ: «Жена моя сдеретъ съ меня шкуру, но не совсѣмъ.» О, какія чудныя слова! Вы толкуете ихъ въ смыслѣ ранъ и увѣчій. Храни васъ Богъ! Какъ можете вы говорить такія глупости? Умоляю васъ, вознеситесь нѣсколько духомъ надъ низменными мыслями къ болѣе возвышенному созерцанію чудесъ природы, и вы сами осудите ошибки, въ которыя впали, ложно толкуя про-



Къ гл. XVIII-й.

---

1) По пиѳагорейскому ученію о переселеніи душъ.

2) Отъ Юпитера и нимфы Ѳалеи родились маленькія озера въ Сициліи; передъ рожденіемъ вмѣстѣ съ матерью, боявшейся Юноны, ушли въ землю, а при рожденіи снова вышли изъ разверзшихся нѣдръ земли.

3) Палинтокія—возобновленный ростъ процентовъ. У Мегаріевъ, когда они прогнали тирана Ѳеогена, у кредиторовъ отняли уплаченные проценты.

4) Возрожденіе.

роческія изреченія божественной сивиллы. Предположивъ даже—хотя я этого не допускаю и не считаю возможнымъ—что жена моя, по наущенію врага рода человѣческаго, пожелала бы и затѣяла сыграть со мной злую шутку, опозорить меня, приставить мнѣ рога, ограбить меня и истязать. Это бы ей не удалось. Причина, почему я такъ думаю, вполнѣ основательна и извлечена изъ глубины монашеской пантеологіи. Братъ Артусъ Кюльтаисъ сообщилъ мнѣ объ этомъ однажды, помнится, это было въ понедѣльникъ утромъ, мы закусывали телятиной, а на дворѣ шелъ дождь. Въ началѣ міра или вскорѣ затѣмъ женщины сговорились ободрать мужчинъ живыми за то, что они надъ ними постоянно мудрили. И это было между ними положено, условлено и подкрѣплено клятвой. Но, о, тщета женскихъ предпріятій! О, великая неустойчивость женскаго пола! Онѣ принялись обдирать мужчину—лупить, какъ это называетъ Катуллъ—съ той части, какая имъ всего милѣе, но до сихъ поръ, въ продолженіе шести тысячъ лѣтъ, не кончили. Іудеи сочли за лучшее даже сами обрѣзаться и слыть обрѣзанными, но не давать себя, подобно другимъ народамъ, лупить своимъ женамъ. Моя жена, вѣрная этому обычаю, будетъ меня лупить такимъ манеромъ. Я согласенъ, но этимъ все дѣло и кончится, увѣряю васъ, мой добрый король.

— Но какъ вы объясните,—сказалъ Эпистемонъ,—то, что она, увидя насъ, съ ужаснымъ воплемъ сожгла лавровую вѣтку и та сгорѣла безъ всякаго треска? Вы знаете, что это печальный знакъ и грозное предзнаменованіе, какъ утверждаютъ Проперцій, Тибуллъ, Порфирій, остроумный философъ Евстаѳій (тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Гомеровской Иліадѣ) и другіе.

— Ну право же,—отвѣчалъ Панургъ,—вы указываете мнѣ на славныя бараньи головы. Они были полоумные, какъ поэты, и мечтатели, какъ философы, исполненные такого же тонкаго безумія, какъ и ихъ философія.

XIX.

О томъ, какъ Панургъ хвалитъ совѣтъ нѣмыхъ.

Послѣ этихъ словъ Пантагрюэль довольно долго молчалъ и, казалось, сильно задумался. Затѣмъ сказалъ Панургу:

— Злой духъ соблазняетъ васъ; но послушайте: я читалъ, что уже въ древнее время нельзя было вѣрить ни письменнымъ, ни словеснымъ оракуламъ. Даже и тѣ, которые казались самыми умными и остроумными, часто вводили въ заблужденіе какъ двусмысленностью и темнотою словъ, такъ и краткостью изреченій. Отъ этого Аполлонъ, богъ прорицанія назывался также Δοζίας. Тѣ предсказанія, которыя дѣлались знаками, считались болѣе вѣрными и надежными. Таково было мнѣніе Гераклита. И такъ прорицалъ Аполлонъ у ассирійцевъ. По этой причинѣ они изображали его съ длинной бородой и въ одеждѣ старца и мудреца, а не такъ, какъ греки—голымъ, юнымъ и безбородымъ. Воспользуйтесь этимъ способомъ и спросите совѣта, знаками, безмолвно, у какого-нибудь нѣмого человѣка.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Панургъ.

— Но,—сказалъ Пантагрюэль,—слѣдовало бы, чтобы нѣмой былъ глухъ отъ рожденія и отъ этого нѣмъ, потому что нѣтъ нѣмѣе человѣка, какъ тотъ, кто никогда ничего не слышалъ.

— Смотря потому, какъ вы это понимаете,—отвѣчалъ Панургъ. Если такъ, что никакой человѣкъ не говоритъ, если не слышалъ, какъ говорятъ, то я логически приведу васъ къ весьма нелѣпому и парадоксальному заключенію. Но оставимъ это. Вы значитъ, не вѣрите тому, что разсказываетъ Геродотъ о двухъ дѣтяхъ, заключенныхъ въ хижинѣ, по приказанію египетскаго царя Псаметиха, и воспитанныхъ въ непрерывномъ безмолвіи; и они, по истеченіи нѣкотораго времени, произнесли слово: becus, что́ на фригійскомъ языкѣ значитъ «хлѣбъ».

— Разумѣется, не вѣрю,—сказалъ Пантагрюэль. Глупо утверждать, что у насъ природный языкъ; всѣ языки произвольное и условное созданіе народовъ; членораздѣльные звуки (какъ ихъ называютъ діалектики) сами по себѣ ничего не значатъ, но выражаютъ то, что имъ присвоено. Говорю вамъ это не безъ основанія. Вѣдь Бартоло (lib-I De verbor. obligat) сообщаетъ что въ его время былъ въ Евгубѣ нѣкто Нелло де-Габріэли, который случайно оглохъ; тѣмъ не менѣе онъ понималъ каждаго италіанца, какъ бы тихо тотъ ни говорилъ, только глядя на его жесты и движенія губъ. Кромѣ того, я читалъ у одного ученаго и изящнаго писателя[1]), что Тиридатъ, царь Арменіи, посѣтилъ Римъ въ эпоху Нерона и былъ принятъ съ почетнымъ торжествомъ и пышностью, дабы поддержать въ немъ вѣчную дружбу къ сенату и римскому городу, и не было замѣчательной вещи въ народѣ, которой бы ему не показали. При его отъѣздѣ императоръ поднесъ ему великіе и необыкновенные дары и, кромѣ того, предложилъ ему выбрать то, что ему всего болѣе понравится въ Римѣ, клятвенно обѣщаясь не отказать, чего бы онъ ни попросилъ. Но онъ ничего иного не попросилъ, какъ фокусника, котораго видѣлъ въ театрѣ и, не слыша того, что онъ говорилъ, понялъ то, что онъ выражалъ знаками и жестами, ссылаясь на то, что подъ его господствомъ находились народы разныхъ языковъ, для разговора съ которыми приходилось прибѣгать къ нѣсколькимъ переводчикамъ, тогда какъ его одного будетъ довольно: онъ такъ превосходно изъясняетъ жестами, что какъ будто говоритъ пальцами. Но вамъ необходимо избрать нѣмого отъ рожденія, дабы его знаки были естественно, а не притворно или искусственно пророческія. Остается узнать: хотите вы посовѣтоваться съ мужчиной или съ женщиной?

— Я охотно посовѣтовался бы съ женщиной, — отвѣчалъ Панургъ,—да только боюсь двухъ вещей: первое— это, что женщины, что бы ни видѣли, всегда воображаютъ, что подъ этимъ кроется нѣчто эротическое. Какіе бы жесты, знаки или движенія ни дѣлали въ ихъ присутствіи, онѣ всегда относятъ ихъ къ тому, связываютъ съ тѣмъ, что ихъ всего болѣе интересуетъ. Такимъ образомъ мы всѣ будемъ введены въ заблужденіе: ибо женщина подумаетъ, что всѣ наши знаки суть любовные знаки. Припомните, что было въ Римѣ двѣсти сорокъ лѣтъ спустя послѣ его основанія. Одинъ молодой римскій патрицій, встрѣтивъ на горѣ Целіонѣ латинскую матрону, по имени Верона, глухонѣмую отъ рожденія, спросилъ ее съ жестами, присущими италіанцамъ, и не подозрѣвая объ ея глухотѣ, кого изъ сенаторовъ она встрѣтила, поднимаясь на гору. Она же, не слыша его словъ, вообразила, что онъ, должно быть, говоритъ о томъ, о чемъ она постоянно думаетъ и чего молодой человѣкъ естественно ждетъ отъ женщинъ. Поэтому знаками, которые въ любви несравненно привлекательнѣе, дѣйствительнѣе и понятнѣе, нежели слова, увлекла его къ себѣ въ домъ и знаками дала ему понять, что она согласна. И ни слова не говоря, они усердно предались объясненіямъ въ любви. Второе: что женщины не подадутъ никакого отвѣта на наши знаки, а сразу упадутъ навзничь, доказывая этимъ, что согласны на наши молчаливыя просьбы. Или же если и отвѣтятъ знаками на наши вопросы, то они будутъ такіе шутовскіе и дурацкіе, что мы сами признаемъ въ нихъ любовныя мысли. Вы знаете, какъ было дѣло въ Бриньолѣ, когда одна монашенка забеременѣла отъ одного монаха, и когда беременность обнаружилась, ее призвала настоятельница и въ присутствіи всего капитула обвинила въ кровосмѣшеніи; монашенка тогда стала оправдываться, что это произошло съ ней не по доброй волѣ, но монахъ ее изнасиловалъ. Настоятельница отвѣчала: «Несчастная, вѣдь это происходило въ дортуарѣ. Почему ты не кричала? Мы всѣ прибѣжали бы къ тебѣ на помощь.» Монашенка отвѣчала, что она не смѣла кричать въ дортуарѣ, гдѣ приказано соблюдать ненарушимое безмолвіе. «Но — сказала настоятельница,— дрянь ты этакая, почему ты не подала о томъ знакъ своимъ сосѣдкамъ по дортуару?» «Я вертѣлась, сколько могла,—отвѣчала монашенка,—но никто мнѣ не помогъ.» «Но,—сказала настоятельница,—почему ты, дрянь, не пришла тотчасъ же сказать мнѣ объ этомъ и обвинить его формально? Я бы такъ сдѣлала, случись со мною нѣчто подобное, чтобы доказать свою невинность.» «Потому —отвѣчала монашенка,— что, боясь пребывать въ грѣхѣ и осужденіи, изъ боязни, чтобы меня не постигла внезапная смерть, я ему исповѣдывалась, прежде чѣмъ онъ ушелъ, и онъ наложилъ на меня, какъ эпитемію, чтобы я никому о томъ не разсказывала. Открыть тайну исповѣди было бы слишкомъ большимъ грѣхомъ и слишкомъ противнымъ Богу и ангеламъ. Я боялась, какъ бы огонь небесный не спалилъ монастырь и всѣ мы не были ввержены въ геенну огненную вмѣстѣ съ Даѳаномъ и Авирономъ.»

---

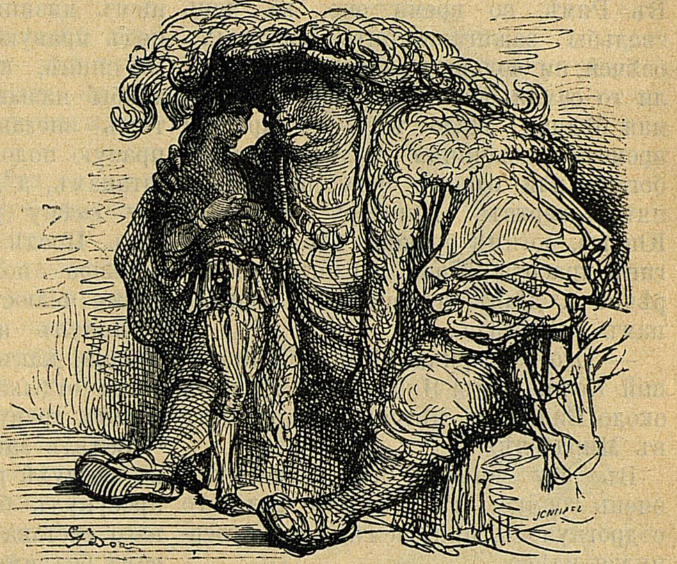
[1]) Лукіанъ въ Діалогѣ о танцахъ.

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного,— сказалъ Пантагрюэль. Я хорошо знаю, что всѣ монашествующіе не такъ боятся нарушить заповѣди Божіи, какъ свой монашескій уставъ. Возьмите, когда такъ, мужчину: Козій Носъ будетъ для этого пригоденъ.

XX.

О томъ, какъ Козій Носъ знаками отвѣчаетъ Панургу.

Позвали Козій Носъ, и на другой день онъ явился. Панургъ прежде всего подарилъ ему откормленнаго теленка, половину свиной туши, два боченка вина, четверть пшеницы и тридцать франковъ мелкой монетой. Послѣ того отвелъ его къ Пантагрюэлю и въ присутствіи его камергеровъ сдѣлалъ такой знакъ: онъ долго зѣвалъ и, зѣвая, нѣсколько разъ изображалъ передъ раскрытымъ ртомъ большимъ пальцемъ правой руки фигуру греческой буквы, называющейся Тау. Послѣ того поднялъ глаза къ небу и ворочалъ ими въ головѣ, какъ коза, несчастно рожающая, и при этомъ кашлялъ и глубоко вздыхалъ.



Къ гл. XIX-й.

Козій Носъ съ любопытствомъ глядѣлъ на него, затѣмъ приподнялъ въ воздухъ лѣвую руку, сжалъ въ кулакъ всѣ пальцы за исключеніемъ большого и указательнаго и соединилъ ихъ ногтями другъ съ дружкой.

— Понимаю, что онъ хочетъ сказать этимъ знакомъ,—замѣтилъ Пантагрюэль. Это обозначаетъ бракъ и число три, по ученію пиѳагорейцевъ. Вы будете женаты.

— Большое спасибо, мой дружокъ, мой колдунчикъ,—отвѣчалъ Панургъ, обращаясь къ Козьему Носу.

Этотъ послѣдній еще выше поднялъ лѣвую руку, раскрывъ всѣ пять пальцевъ и, насколько возможно, распяливъ ихъ.

— Этимъ,—сказалъ Пантагрюэль,—

онъ подтверждаетъ намъ, числомъ пять, что вы женитесь и не только будете женихомъ, и обвѣнчаннымъ мужемъ, но и дѣйствительнымъ сожителемъ своей жены. Ибо Пиѳагоръ считалъ число пять числомъ брачнымъ, обозначающимъ дѣйствительный, состоявшійся бракъ, и по этой причинѣ оно состоитъ изъ трехъ, числа нечетнаго и лишняго, и двухъ, перваго четнаго числа и соединеннаго воедино, какъ мужъ и жена. Въ Римѣ, во время оно, въ день свадьбы зажигали пять восковыхъ свѣчей, ни больше, ни меньше, была ли то самая богатая свадьба или самая бѣдная. Мало того, въ древнія времена язычники молились пяти богамъ или одному богу приносили пять жертвъ: Юпитеру nuptialis; Юнонѣ, богинѣ браковъ; Венерѣ, богинѣ красоты; Пиѳо, богинѣ краснорѣчія, и Діанѣ, помогающей женщинамъ въ родахъ.

— Ого!—вскричалъ Панургъ, милѣйшій Козій Носъ! Я подарю ему мызу около Синая и вѣтряную мельницу въ Мирабелѣ.

Въ эту минуту нѣмой чихнулъ очень громко, отъ чего все тѣло его содрогнулось, при чемъ онъ отвернулся влѣво.

— Чортъ побери,—сказалъ Пантагрюэль. Это что такое? Это плохой для васъ знакъ. Это обозначаетъ, что вашъ бракъ будетъ несчастенъ и неблагополученъ. По ученію Терпсія, чиханіе—это сократическій демонъ, и если чихнуть направо, то это означаетъ, что смѣло и съ увѣренностью можно приступить къ задуманному дѣлу и оно увѣнчается успѣхомъ и удачей; если же чихнуть налѣво, то наоборотъ.

— Вы все принимаете въ худую сторону,—сказалъ Панургъ,—и все пророчите худое, точно второй Давусъ [1]. Я вамъ не вѣрю и убѣжденъ, что старый дуракъ Терпсій все вретъ.

— Однако,—замѣтилъ Пантагрюэль,—Цицеронъ что-то говоритъ, не помню только что, объ этомъ во второй книгѣ De divinatione.

Затѣмъ онъ повернулся къ Козьему Носу и сдѣлалъ слѣдующій знакъ: онъ поднялъ рѣсницы вверхъ, сталъ вертѣть челюстью справа налѣво и высунулъ языкъ до половины изо рта. Послѣ того, раскрывъ лѣвую руку, за исключеніемъ большого пальца, который онъ прижалъ къ ладони, онъ приложилъ ее къ штанамъ, правую сжалъ въ кулакъ, за исключеніемъ мизинца, который просунулъ подъ правую мышку и приставилъ къ спинѣ, къ тому мѣсту, которое арабы называютъ al katim [1]. Затѣмъ внезапно перемѣнилъ руки и правую положилъ на мѣсто лѣвой къ штанамъ, а лѣвую къ al katim. И эту смѣну рукъ повторилъ девять разъ. Послѣ девятаго придалъ нормальное положеніе рѣсницамъ, а также челюстямъ и языку, потомъ взглянулъ на Козій Носъ, двигая губами, какъ это дѣлаютъ обезьяны, когда отдыхаютъ, и кролики, когда жуютъ траву.

Вслѣдъ затѣмъ Козій Носъ поднялъ въ воздухѣ раскрытую правую руку, просунулъ большой палецъ до перваго сустава между третьимъ суставомъ безъимяннаго и средняго пальца, которые онъ крѣпко сжалъ вокругъ большого пальца, въ то время какъ остальные суставы прижалъ къ кулаку и вытянулъ указательный палецъ и мизинецъ. И руку, которой онъ придалъ такую форму, онъ положилъ на пупокъ Панургу, непрерывно двигая большимъ пальцемъ, а рукой упираясь на мизинецъ и указательный палецъ, какъ на двѣ ножки. Такимъ образомъ онъ провелъ этой рукой постепенно по животу, желудку, груди и шеѣ Панурга; затѣмъ по подбородку и вложилъ ему большой палецъ въ ротъ, потомъ потеръ ему имъ носъ и, добравшись до глазъ, сдѣлалъ видъ, какъ будто хочетъ ихъ выдавить ему большимъ пальцемъ. Но тутъ Панургъ разсердился и хотѣлъ оттолкнуть нѣмого и вырваться отъ него; но Козій Носъ продолжалъ трогать большимъ пальцемъ то его глаза, то лобъ, то шапку. Наконецъ, Панургъ вскричалъ:

---

[1] Имя невольника въ произведеніи Теренція: Andria.

[1] Брюшина.

— Клянусь Богомъ, шутъ ты гороховый, я тебя исколочу, если ты не оставишь меня въ покоѣ! Если ты не перестанешь меня сердить, я изобью твою мерзкую рожу.

— Онъ глухъ,—замѣтилъ братъ Жанъ. Онъ не слышитъ, что ты ему говоришь, мразь! Дай ему знать это пощечинами по мордѣ.

— Что хочетъ, чортъ возьми, сказать этотъ болванъ? Онъ мнѣ чуть глаза не выдавилъ. Ей-Богу, da jurandi, я его накормлю оплеухами, пополамъ со щелчками.

И повернулся, чтобы уйти.

Нѣмой, видя, что Панургъ уходитъ, забѣжалъ впередъ, остановилъ его насильно и сдѣлалъ такой знакъ: опустилъ правую руку къ колѣну, вытянувъ ее сколько могъ, сжавъ всѣ пальцы въ кулакъ и просунувъ мизинецъ между большимъ и указательнымъ пальцами. Затѣмъ лѣвой рукой сталъ тереть повыше локтя правой руки и во время этого тренія тихонько приподнималъ руку на воздухѣ до локтя и внезапно опускалъ ее; потомъ съ нѣкоторыми промежутками поднималъ и опускалъ ее и показывалъ Панургу.

Панургъ, разсердясь на это, занесъ кулакъ, чтобы ударить нѣмого, но изъ уваженія къ Пантагрюэлю, воздержался.

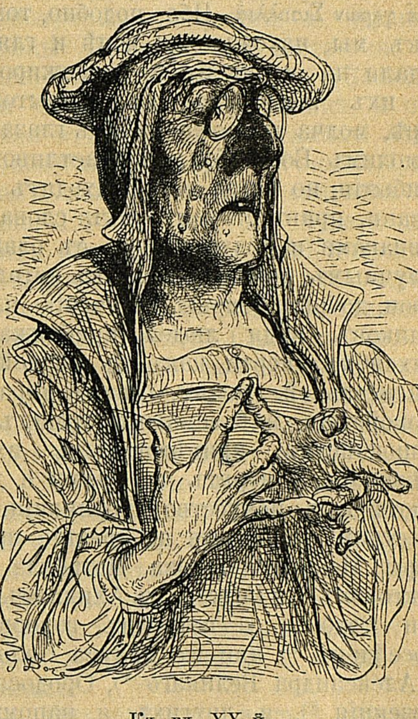
— Вотъ,—сказалъ Пантагрюэль,—если уже знаки васъ такъ сердятъ, то насколько сильнѣе васъ будутъ сердить тѣ вещи, на какія они указываютъ. Что правда, то правда. Нѣмой утверждаетъ и доказываетъ, что когда вы будете женаты, то будете рогоносцемъ, битымъ и ограбленнымъ.

— Что я буду женатъ, съ этимъ я согласенъ,—отвѣчалъ Панургъ,—но остальное отрицаю. И прошу васъ думать, что еще не существовало человѣка болѣе счастливаго на женщинъ и на лошадей, чѣмъ я.

XXI.

О томъ, какъ Панургъ совѣтовался со старымъ французскимъ поэтомъ, котораго звали Раминагробисъ [1]).

— Я не думалъ,—сказалъ Пантагрюэль,—встрѣтить когда-нибудь человѣка такого упорнаго въ своихъ ошибочныхъ мнѣніяхъ, какъ вы. Но, чтобы разсѣять всѣ ваши сомнѣнія, я готовъ сдвинуть горы. Выслушайте, что я придумалъ. Лебеди, считающіеся священными птицами Аполлона, никогда не поютъ иначе, какъ передъ смертью, даже и на фригійской рѣкѣ Меандерѣ; говорю это потому, что Эліапъ и Александръ Миндій пишутъ, что видали въ другихъ мѣстахъ многихъ умирающихъ лебедей, но ни одинъ не пѣлъ, умирая; такъ что пѣніе лебедя есть вѣрный знакъ его близкой смерти, и онъ уми-



Къ гл. XX-й.

---

[1]) Raminagrobis, люди съ напускной важностью. У многихъ современниковъ Раблэ попадается: Ruminagrobis.

раетъ только послѣ того, какъ сперва пропоетъ. Точно такъ и поэты, находясь подъ покровительствомъ Аполлона, приближаясь къ смерти обыкновенно становятся пророками и поютъ по внушенію Аполлона, прорицая о вещахъ грядущихъ. Я также часто слыхалъ, что всякій старикъ, дряхлый и близкій къ смерти, легко угадываетъ будущее. И мнѣ помнится, что Аристофанъ въ какой-то комедіи называетъ старыхъ людей сивиллами: ὀ δέ γέρων Σιουλλιᾷ. Ибо, подобно, тому, какъ мы, находясь на молѣ и глядя издали на моряковъ и пассажировъ на ихъ корабляхъ въ открытомъ морѣ, молча провожаемъ ихъ глазами и молимъ Бога объ ихъ счастливомъ прибытіи; но когда они подходятъ къ гавани, привѣтствуемъ ихъ словами и знаками и поздравляемъ съ благополучнымъ прибытіемъ; такъ ангелы, герои, добрые демоны, по ученію платониковъ, видя людей, приближающихся къ смерти какъ къ вѣрной и спасительной гавани, гавани мира и спокойствія, внѣ земныхъ тревогъ и безпокойствъ, привѣтствуютъ ихъ, утѣшаютъ, говорятъ съ ними и даруютъ имъ искусство прорицанія. Я не стану указывать на древніе примѣры Исаака и Іакова, Патрокла съ Гекторомъ [1] и Гектора съ Ахилломъ [2], или Родоска, о которомъ говоритъ Посейдонъ [3], или же индуса Калама и Александра Великаго [4], Ородоса и Мезенція [5], и другихъ; я напомню вамъ только про ученаго и храбраго рыцаря Гильома дю-Беллэ [6], господина де-Ланже, который умеръ на горѣ Тараро [7] 10-го января на 63 году своей жизни и въ 1543 году по романскому лѣтосчисленію. Три или четыре послѣднихъ часа своей жизни онъ употребилъ на то, чтобы яснымъ, твердымъ и спокойнымъ голосомъ предсказывать намъ то, что съ тѣхъ поръ частью совершилось уже на нашихъ глазахъ, и чего частью мы должны ожидать въ будущемъ. Какими намъ въ то время казались страшными и странными эти пророчества, такъ какъ никакихъ причинъ или видимыхъ знаковъ того, что онъ предсказывалъ, мы въ то время не видѣли. У насъ тутъ, близъ Вильомера, живетъ старикъ-поэтъ Раминагробисъ, который женился вторичнымъ бракомъ на большой Гуррѣ, а отъ нея родилась прекрасная Базошъ [1]. Я слышалъ, что онъ находится при послѣднемъ издыханіи; сходите къ нему и послушайте его пѣніе. Быть можетъ, отъ него узнаете то, что васъ интересуетъ, и черезъ его посредство Аполлонъ разсѣетъ ваши сомнѣнія.

— Охотно,—отвѣчалъ Панургъ. Пойдемъ, Эпистемонъ, немедленно, изъ боязни, какъ бы смерть не опередила насъ. Хочешь идти съ нами, братъ Жанъ?

— Хочу,—отвѣчалъ братъ Жанъ. Охотно пойду изъ любви къ тебѣ, дрянь ты этакая! Я вѣдь люблю тебя отъ всей печенки.

Они немедленно двинулись въ путь и, придя въ жилище поэта, нашли добраго старика въ агоніи, но съ веселымъ видомъ, открытымъ лицомъ и свѣтлымъ взглядомъ.

Панургъ, поклонившись ему, надѣлъ ему на средній палецъ лѣвой руки, въ видѣ дара, золотой перстень съ великолѣпнымъ восточнымъ сапфиромъ; затѣмъ, въ подражаніе Сократу [2], поднесъ ему прекраснаго бѣлаго пѣтуха, который немедленно послѣ того, какъ его пустили на его кровать, приподнялъ весело голову, потрясъ гребнемъ и громко запѣлъ. Послѣ того Панургъ вѣжливо попросилъ его высказаться и изложить свое мнѣніе о предполагавшемся бракѣ.

---

[1] Иліада, II, 843.

[2] Иліада, X, 355.

[3] Объ этомъ говорится у Цицерона, De divin. 1, 30.

[4] Цицеронъ, De divin. I, 23.

[5] Виргилій, Энеида X, 739.

[6] Брата кардинала и покровителя Раблэ, при смерти котораго Раблэ присутствовалъ.

[7] Онъ умеръ на пути изъ Турина въ Парижъ.

---

[1] Basoche—сословіе судебныхъ писцовъ.

[2] Платона, Федонъ, 118: «О Критонъ, мы должны пѣтуха Асклепію, поднесите же ему таковаго и не забудьте этого сдѣлать.» (Послѣднія слова Сократа).

Добрый старикъ приказалъ принести себѣ чернила, перо и бумагу, Все это было быстро исполнено.

И вотъ онъ написалъ нижеслѣдующее:

Берите ее, не берите,
Дѣлайте, какъ хотите.
Возьмете ее—ладно.
Не возьмете—отрадно.
Спѣшите, но шагомъ.
Бѣгите впередъ, пятьтесь задомъ.
Хотите—берите, хотите—нѣтъ.
Поститесь, ѣшьте до отвала.
Что здѣлаете—того мало.
Сызнова начинайте торопливо,
Сдѣланное разрушайте ретиво.
Желайте ей жизни;
Желайте ей смерти.
Хотите—берите; хотите—нѣтъ.

Послѣ того онъ сунулъ имъ записку въ руку и сказалъ:

— Ступайте, дѣти, съ Богомъ и не безпокойте больше меня ни съ этимъ дѣломъ, ни съ другимъ. Въ сей день, который есть послѣднiй день мая и мой послѣднiй день, мнѣ уже пришлось выгнать изъ дому съ большпмъ трудомъ и утомленiемъ толпу скверныхъ, нечистыхъ, и зловонныхъ тварей, черныхъ, пестрыхъ, бурыхъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, крапчатыхъ, которыя не давали мнѣ спокойно умереть и уколами, наносимыми изподтишка когтями, достойными гарпiй, и всякаго рода дурацкими пустяками, порожденными Богъ вѣсть какимъ ненасытнымъ духомъ, отвлекали меня отъ сладкой думы, въ которую я былъ погруженъ, созерцая, видя и уже касаясь и предвкушая добро и блаженство, какiя милосердный Богъ приготовилъ своимъ избранникамъ и вѣрнымъ въ будущей безсмертной жизни. Сойдите съ ихъ пути; не уподобляйтесь имъ; не приставайте больше ко мнѣ и оставьте меня, молю васъ, въ покоѣ.

XXII.

О томъ, какъ Панургъ защищаетъ орденъ нищенствующихъ монаховъ.

Выйдя изъ комнаты Раминогробиса, Панургъ, какъ бы въ ужасѣ, вскричалъ:

— Клянусь Богомъ, я думаю, что онъ еретикъ. Чортъ меня побери, если нѣтъ! Онъ прохаживается насчетъ добрыхъ отцовъ нищенствующихъ францисканцевъ и якобинцевъ, которые являются двумя полушарiями христiанства, благодаря круговращенiю которыхъ вся римская церковь, когда чувствуетъ себя потрясенной изверженiями ересей или заблужденiй, снова приходитъ въ равновѣсiе. Но что сдѣлали ему, чортъ возьми, злополучные капуцины и францисканцы? Кажется, они достаточно измываются, бѣдные ребята? Кажется, они достаточно загрязнились и пропахли отъ нищеты и всякихъ бѣдъ, злополучные ихтiофаги[1]? Скажи, братъ Жанъ, какъ по-твоему: спасется его душа? Ей-Богу же, онъ будетъ проклятъ отъ Бога, какъ змѣй, и преданъ во власть тридцати тысячъ чертей. Хулить этихъ добрыхъ и славныхъ столповъ церкви? Скажутъ ли, что это поэтическая вольность? Я этому не повѣрю; онъ грѣшитъ отчаянно, онъ богохульствуетъ противъ религiи. Я этимъ крайне возмущенъ.

— Мнѣ на это наплевать, — замѣтилъ братъ Жанъ. Они хулятъ весь свѣтъ. Если весь свѣтъ станетъ хулить ихъ, мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Посмотримъ, что̀ онъ написалъ!

Панургъ внимательно прочиталъ писанiе добраго старца и послѣ того сказалъ:

— Онъ бредитъ, жалкiй пьяница, но я прощаю ему. Онъ, кажется, близокъ къ смерти. Составимъ ему эпитафiю. Отвѣтъ, данный имъ, оставилъ меня въ такомъ же невѣдѣнiи, въ какомъ мы пребывали до того. Послушай-ка, другъ Эпистемонъ: не правда ли, онъ очень рѣшителенъ въ своихъ отвѣтахъ? Ей-Богу, онъ ярый софистъ, хитрый и наивный. Бьюсь объ закладъ, что онъ потомокъ испанскихъ мавровъ. Чортъ побери, какъ онъ остороженъ въ словахъ! Онъ говоритъ однѣ двусмысленности. Онъ не можетъ не сказать вѣрно, такъ какъ для правды довольно, если половина того, что онъ сказалъ, оправдается. Какой хитрецъ!

---

[1] Питающiеся рыбою.

— Такъ же поступалъ и Терезіасъ, знаменитый прорицатель, — отвѣчалъ Эпистемонъ: — онъ всѣмъ, приходившимъ къ нему гадать, говорилъ: «То, что̀ я скажу, сбудется или не сбудется». Такой же слогъ у всѣхъ осторожныхъ прорицателей.

— Тѣмъ не менѣе, Юнона выцарапала ему оба глаза, — сказалъ Панургъ.

— Она сдѣлала это съ досады на то, что онъ лучше, чѣмъ она, разрѣшилъ вопросъ, предложенный Юпитеромъ,—отвѣчалъ Эпистемонъ.

— Но,—продолжалъ Панургъ,—какой бѣсъ толкаетъ метра Раминагробиса хулить безъ толку, безъ смысла, зря бѣдную святую братію якобинцевъ, францисканцевъ и капуциновъ? Я страшно возмущенъ этимъ, увѣряю васъ, и не могу молчать. Онъ тяжко согрѣшилъ. Его душа пойдетъ ко всѣмъ чертямъ.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчалъ Эпистемонъ. И вы сами меня очень возмущаете тѣмъ, что превратно примѣняете къ нищенствующей братіи то, что добрый поэтъ говорилъ о черныхъ, бурыхъ и иныхъ звѣряхъ. По моему сужденію, онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду такой софистической и фантастической аллегоріи. Онъ говоритъ безусловно и буквально о блохахъ, клопахъ, клещахъ, мухахъ, мошкахъ и другихъ животныхъ, изъ которыхъ одни черныя, другія бѣлыя, третьи сѣрыя, четвертыя крапчатыя; но всѣ несносны, мучители и тираны и не только для людей больныхъ, но и для здоровыхъ и сильныхъ. Возможно, что у него въ тѣлѣ водятся глисты, черви и другіе паразиты. Возможно, что онъ страдаетъ, какъ это очень распространено въ Египтѣ и на берегахъ Эритрейскаго моря, отъ паразитовъ, которыхъ арабы называютъ meden. Вы дурно дѣлаете, перетолковывая его слова, и вредите какъ доброму поэту, взводя на него такую клевету, такъ и названной братіи, уподобляя ее такой нечисти. Надо всегда истолковывать чужія слова въ хорошую сторону.

— Толкуй больной съ подлекаремъ!—сказалъ Панургъ. — Онъ еретикъ, чортъ побери. Я утверждаю, что онъ сущій еретикъ, такой же еретикъ, какъ Клавелѐ 1), котораго слѣдуетъ сжечь, какъ добрые часики. Душа его пойдетъ ко всѣмъ чертямъ. Знаете ли куда? А прямо подъ судно Прозерпины, въ ретирадное мѣсто въ аду, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ когтями Люцифера. Ага, негодяй!

XXIII.

О томъ, какъ Панургъ увѣщеваетъ вернуться къ Раминагробису.

— Вернемся къ нему,—сказалъ Панургъ,—и попытаемся спасти его душу. Вернемся во имя и ради Бога! Это будетъ дѣломъ милосердія съ нашей стороны. По крайней мѣрѣ, пусть спасетъ душу свою, если и лишится тѣла и жизни. Мы убѣдимъ его покаяться въ своемъ грѣхѣ и попросить прощенія у святыхъ отцовъ, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ. И засвидѣтельствуемъ это, дабы послѣ его смерти они не объявили его еретикомъ и отлученнымъ отъ церкви, какъ это сдѣлали домовые съ женой городского головы въ Орлеанѣ 2), и дадимъ имъ удовлетвореніе за это оскорбленіе: раздавая по всѣмъ монастырямъ этой провинціи и всѣмъ добрымъ отцамъ монахамъ богатую милостыню и заказывая частыя обѣдни за упокой его души. А въ день смерти пускай на вѣчныя времена имъ отпускается двойная порція; а фляга съ виномъ, да наилучшимъ, обходитъ ихъ столы, не минуя никого изъ обѣдаю-

---

1) Клавелѐ, часовщикъ, гугенотъ, часы котораго были сожжены, какъ твореніе діавола.

2) Раблэ почти всегда подразумѣваетъ подъ словомъ «домовой» (farfadet) нищенствующихъ монаховъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ намекаетъ на одинъ современный ему фактъ: «Comme les farfadets firent de la prevoste d'Orléans»,—намекъ на то, что жена Сенъ-Мемена, городского головы въ Орлеанѣ, умерла въ 1533 г. и была похоронена въ церкви францисканскихъ монаховъ, которые вообразили, что душа ея приходила ихъ мучить. Уличенные въ вымыслѣ, тринадцать изъ нихъ были приговорены къ покаянію и тюремному заключенію.

щихъ, ни мірянъ, ни духовныхъ, какъ послушниковъ, такъ и постриженныхъ монаховъ. Такимъ образомъ, Богъ ему проститъ. Охъ, хо, хо! Я ошибаюсь и несу околесицу. Чортъ меня побери, если я туда пойду. Помилуй Богъ, комната уже полна чертей. Я слышу уже, какъ они чертовски спорятъ и дерутся за то, кто первый захватитъ душу Раминагробиса и снесетъ ее Люциферу. Идите прочь! Я туда не пойду. Чортъ меня побери, если я туда пойду! Кто знаетъ, не произойдетъ ли у нихъ qui pro quo и они вмѣсто Раминагробиса не захватятъ бѣдняжку Панурга, который теперь чистъ отъ долговъ. Пока онъ былъ по уши въ долгахъ, они много разъ, но тщетно пытались это сдѣлать. Уходите прочь! Я туда не пойду. Я умираю, Богомъ клянусь, отъ страха. Очутиться среди голодныхъ чертей, среди раззадоренныхъ чертей, среди чертей, которые препираются другъ съ другомъ? Уходите прочь! Бьюсь объ закладъ, что изъ-за этого ни одинъ якобинецъ, ни одинъ францисканецъ, ни одинъ кармелитъ или капуцинъ не будетъ присутствовать на его похоронахъ. И умно сдѣлаютъ. Вѣдь онъ ничего не оставилъ имъ по завѣщанію. Чортъ меня побери, если я туда пойду! Если онъ будетъ проклятъ, тѣмъ хуже для него. Зачѣмъ онъ хулилъ добрыхъ отцовъ монаховъ? Зачѣмъ выгонялъ онъ ихъ изъ своей комнаты какъ разъ въ тотъ часъ, когда наиболѣе нуждался въ ихъ набожныхъ молитвахъ, въ ихъ святыхъ напутствіяхъ? Зачѣмъ не отказалъ онъ имъ въ своемъ завѣщаніи хоть пустякъ какой-нибудь, хоть крошку, хотя бы что-нибудь на закуску этимъ бѣднымъ людямъ, у которыхъ ничего нѣтъ въ мірѣ, кромѣ ихъ бреннаго существованія? Пусть идетъ туда, кто хочетъ; чортъ меня побери, если я туда пойду! Если бы я туда сунулся, чортъ бы меня унесъ. Какъ бы да не такъ! Уходите прочь. Братъ Жанъ, хочешь ли ты, чтобы тридцать фургоновъ діаволовъ унесли тебя? Сдѣлай три вещи: отдай мнѣ твой кошелекъ. Крестъ противенъ чарамъ. И съ тобой случится то, что нѣкогда приключилось съ Жаномъ Доденомъ, сборщикомъ податей въ Кудрѐ, у Ведскаго Брода, когда военные люди сломали мостъ. Встрѣтивъ на берегу рѣки брата Адама Кускуля, францисканскаго монаха изъ монастыря Мирабо, онъ пообѣщалъ ему рясу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ перенесъ его черезъ рѣку на спинѣ, такъ какъ тотъ былъ дюжій малый. Договоръ былъ заключенъ. Братъ Кускуль подвернулъ рясу выше колѣнъ и посадилъ вышеназваннаго Додена себѣ на спину, точно какого-нибудь святого Христофорчика. И такъ весело несъ его, подобно тому, какъ Эней вынесъ отца своего Анхиза изъ загорѣвшейся Трои, распѣвая «Ave maris stella». Когда они находились на самомъ глубокомъ мѣстѣ брода, повыше мельничнаго колеса, Кускуль у Додена спросилъ: «Есть ли при немъ деньги?» Доденъ отвѣчалъ, что денегъ у него полонъ кошель, и чтобы онъ не сомнѣвался въ его обѣщаніи—сшить ему новую рясу.» Какъ?—сказалъ братъ Кускуль. «Ты вѣдь знаешь, что, по уставу нашего аббатства, намъ строжайше запрещено носить на себѣ деньги. Ахъ, ты, несчастный! Вѣдь ты заставилъ меня прегрѣшить противъ этого пункта. Зачѣмъ ты не оставилъ свой кошелекъ мельнику? Безъ сомнѣнія, ты будешь за это немедленно наказанъ. И если когда-нибудь я увижу тебя въ нашемъ монастырѣ, въ Мирабо, то угощу тебя miserere do vitulos[1].» И, говоря это, вдругъ сбросилъ съ плечъ Додена въ воду головой внизъ. По этому примѣру, братъ Жанъ, мой любезный другъ, чтобы черти не унесли тебя, отдай мнѣ лучше твой кошелекъ и не носи на себѣ никакого креста. Опасность очевидная. Если на тебѣ будутъ деньги, крестъ, — они сбросятъ тебя на какой-нибудь утесъ, какъ орлы бросаютъ черепахъ, чтобы разбить ихъ броню, отъ чего пострадала плѣшивая голова Эсхила, или же они сбросятъ тебя въ море, куда-нибудь далеко, какъ упалъ Икаръ. И море это будетъ названо Сокрушительнымъ... Во-вторыхъ, расквитайся съ долгами, потому что черти очень любятъ людей, расквитавшихся съ долгами: я это знаю по опыту. Негодные не перестаютъ заигрывать со мной, ухаживать за мной, чего не бывало, пока я былъ разоренъ и по уши въ долгахъ. Душа человѣка, погрязшаго въ долгахъ, еретична и загрязнена; она—плохая пища для дьявола... Въ-третьихъ, вернись въ своей рясѣ и власяницѣ къ Раминагробису, и бьюсь объ закладъ, если тебя не унесетъ орава чертей. Если же ты для пущей безопасности захочешь кого себѣ въ компанію, не разсчитывай на меня. Предупреждаю тебя. Ступайте прочь! Я туда не пойду. Чортъ меня побери, если я пойду.

---

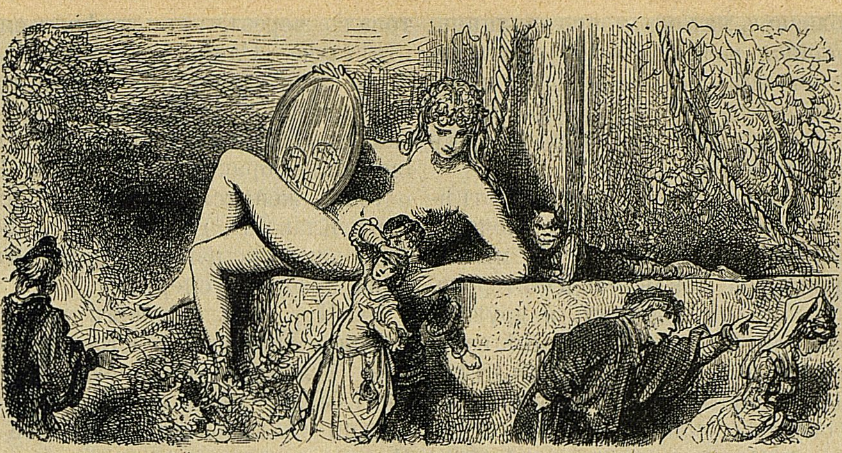
[1] Покаянный псаломъ L, при пѣніи котораго монахи бичевали себя.

— Мнѣ это не очень-то страшно,—отвѣчалъ братъ Жанъ,—вѣдь у меня въ рукахъ мой кортикъ.

— Ты говоришь резонно,—отвѣчалъ Панургъ,—и разсуждаешь какъ знатокъ по части колдовства. Въ то время, какъ я учился въ Толедской школѣ, преподобный отецъ Пикатрисъ, во славу діавола, деканъ демонологическаго факультета, говорилъ намъ, что черти, естественно, боятся сверканія шпаги, какъ солнечнаго свѣта. И, дѣйствительно, Геркулесъ, сойдя въ адъ, ко всѣмъ чертямъ, не такъ напугалъ ихъ своей львиной шкурой и палицей, какъ позднѣе Эней, облеченный въ блестящую кольчугу и вооруженный острой и ярко вычищенной шпагой, при помощи и по совѣту Кумской сивиллы. По этой самой причинѣ, быть можетъ, сеніоръ Жанъ-Жакъ Тривульче, умирая при Шартрѣ, потребовалъ свою шпагу и умеръ съ обнаженной шпагой въ рукахъ, размахивая ею вокругъ кровати, какъ храбрецъ и рыцарь, и этимъ обращая въ бѣгство всѣхъ чертей, которые стерегли его при переходѣ отъ жизни къ смерти. Когда спрашиваютъ у массоретовъ [1]) и кабалистовъ, почему діаволы не могли никогда проникнуть въ земной рай, то они не указываютъ никакой иной причины, кромѣ той, что у дверей стоялъ херувимъ, державшій въ рукѣ сверкающій мечъ. Ибо, говоря, какъ истинный толедскій демонологъ, я сознаюсь, что діаволы, дѣйствительно, не могутъ умереть отъ удара меча; но утверждаю, на основаніи этой же демонологіи, что они могутъ подвергнуться перерыву въ житіи, подобно тому, какъ если бы ты пробилъ своей шпагой насквозь полосу яркаго пламени или столбъ густого и чернаго дыма. И они чертовски кричатъ при этомъ перерывѣ въ житіи, который для нихъ чертовски болѣзненъ. Когда ты видишь стычку двухъ враждебныхъ армій, неужели ты думаешь, что сильный, ужасающій шумъ, который ты тогда слышишь, происходитъ отъ человѣческихъ голосовъ? Отъ грома кольчугъ? Отъ стычекъ между конями, облеченными въ панцырь? Отъ стука мечей? Отъ преломленія копій? Отъ расплющиванія пикъ? Отъ воплей раненыхъ? отъ звука трубъ и барабаннаго боя? Отъ ржанія коней? Отъ грохота пушекъ? И это играетъ нѣкоторую роль, долженъ сознаться. Но главнѣйшій шумъ и гвалтъ происходитъ отъ воя чертей, которые, подстерегая бѣдныя души раненыхъ, получаютъ неожиданно удары шпаги и претерпѣваютъ перерывъ своей воздушной и невидимой субстанціи, въ родѣ того, когда поваръ треснетъ палкой по пальцамъ поварятъ, ворующихъ куски сала съ вертела,—тогда они кричатъ и воютъ, какъ черти,—какъ Марсъ, когда онъ былъ раненъ Діомедомъ передъ Троей, и который, какъ повѣствуетъ Гомеръ, кричалъ громче и ужаснѣе, нежели десять тысячъ человѣкъ разомъ. Но чтожъ, однако, мы говоримъ про блестящія кольчуги и сверкающія шпаги! Но не таковъ твой кортикъ: отъ бездѣйствія и заброшенности онъ сильнѣе заржавѣлъ, нежели старый замокъ. И, такимъ образомъ, изъ двухъ вещей одно: или отчисти его хорошенько, или оставь его ржавымъ, но не входи въ домъ Раминагробиса. Съ своей стороны, я туда не пойду. Чортъ меня побери, если я туда пойду!

---

[1]) Еврейскіе филологи и ученые.



Къ гл. XXIV-й.

XXIV.

О томъ, какъ Панургъ совѣтуется съ Эпистемономъ.

Оставя Вильмеръ и возвращаясь обратно къ Пантагрюэлю Панургъ, по дорогѣ обратился къ Эпистемону и сказалъ ему:

— Кумъ, старинный пріятель, вы видите смущеніе моего ума! Вамъ извѣстно столько цѣлебныхъ средствъ. Не можете ли помочь мнѣ?

Эпистемонъ заговорилъ и сталъ доказывать Панургу, что общественное мнѣніе давно уже сыплетъ насмѣшками по поводу его страннаго наряда и что онъ совѣтуетъ ему принять немного чемерицы, чтобы его хорошенько прочистило, и облечься въ обыкновенную одежду.

— Другъ Эпистемонъ,—отвѣчалъ Панургъ,—мнѣ пришла фантазія жениться, но я боюсь стать рогоносцемъ и быть несчастнымъ въ бракѣ. А потому я далъ обѣтъ святому Франциску Младшему (которому въ Плесси-ле-Туръ поклоняются всѣ женщины за то, что онъ основалъ орденъ добрыхъ людей, къ которымъ ихъ влечетъ по природѣ) не снимать очковъ и не надѣвать штановъ съ клапаномъ до тѣхъ поръ, пока не освобожусь отъ сомнѣній и не приму какого-нибудь твердаго рѣшенія.

— Вотъ поистинѣ диковинный и забавный обѣтъ,—замѣтилъ Эпистемонъ. Меня удивляетъ, что вы никакъ не можете придти въ себя, выкинуть изъ ума всѣ эти дикія фантазіи и вернуть себѣ спокойствіе духа. Слыша такія ваши рѣчи, мнѣ припоминается обѣтъ густоволосыхъ Аргивянъ, которые, проигравъ въ войнѣ съ лакедемонянами сраженіе при Тирѣ, поклялись, что будутъ брить головы до тѣхъ поръ, пока не вернутъ своей чести и потерянной области 1), а также обѣтъ забавнаго испанца Мишеля Дориса, который никогда не снималъ съ ногъ желѣзныхъ наколѣнниковъ. И не знаю, кто изъ двухъ достойнѣе носить зелено - желтую шапку съ заячьими ушами: этотъ ли храбрый воинъ или Ангеранъ, который такъ пространно и скучно повѣствуетъ, упустивъ изъ вида искусство писать исторіи, завѣщанное намъ самосатскимъ философомъ 2)? Читая его длинное повѣствованіе, воображаешь, что это вступленіе или предисловіе къ какой-нибудь великой войнѣ или важному государственному перевороту; но въ концѣ концовъ начинаешь смѣяться и надъ храбрымъ воиномъ, и надъ вызвавшимъ его на бой англичаниномъ, и надъ ихъ лѣтописцемъ Ангераномъ, который слюнявѣе горшка съ горчицей. Насмѣшка такъ же неизбѣжна, какъ въ исторіи горы Горація, которая кричала и во-

---

1) Геродотъ, 1,82.

2) Лукіанъ.

пила благимъ матомъ, точно женщина, мучающаяся родами. И на крики ея сбѣжались всѣ сосѣди, ожидая появленія на свѣтъ чего-либо удивительнаго, чудовищнаго, а между тѣмъ гора мышь родила.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла,—отвѣчалъ Панургъ. Смѣйся, кто хочетъ, а я исполню свой обѣтъ. Но мы съ вами давно уже поклялись Юпитеромъ другъ другу въ вѣрности и дружбѣ. А потому, дружище, скажите мнѣ ваше мнѣніе: долженъ я жениться или нѣтъ?

— Безъ сомнѣнія, дѣло сомнительное,—сказалъ Эпистемонъ,—и я не чувствую себя въ силахъ его рѣшить. Если когда-нибудь имѣло значеніе въ медицинскомъ искусствѣ слово стараго Гиппократа на счетъ трудности приговора, то оно какъ разъ теперь умѣстно. Правда, мнѣ приходитъ въ голову многое, что можно было бы сказать для того, чтобы разсѣять вашу нерѣшительность. Но все это меня не вполнѣ удовлетворяетъ. Нѣкоторые платоники утверждаютъ, что кто могъ бы увидѣть своего генія, тотъ могъ бы узнать о своей судьбѣ. Но я не вполнѣ понимаю ихъ ученіе, а потому не совѣтую вамъ ему слѣдовать. Имъ слишкомъ злоупотребляютъ. Примѣръ тому я видѣлъ на одномъ трудолюбивомъ и любознательномъ жителѣ восточной Англіи. Это разъ. Во-вторыхъ, если бы еще существовали оракулы Аполлона въ Ливадіи, Дельфахъ и Делосѣ, оракулъ Бахуса въ Донодѣ; Меркурія въ Фаресѣ близъ Патраса, Аписа въ Египтѣ, Сераписа въ Канопѣ, Фавна въ Менали и Альбунеи, близъ Тиволи, Тирезія въ Орхоменѣ, Мопса въ Киликіи, Орфея въ Лесбосѣ,—я бы посовѣтовалъ вамъ туда отправиться и выслушать ихъ приговоръ о вашемъ предпріятіи. Но вы знаете, что всѣ они стали нѣмы, какъ рыбы, съ тѣхъ поръ, какъ явился царь въ смиренномъ образѣ, передъ которымъ разсѣялись всѣ оракулы и пророчества, какъ передъ свѣтомъ яснаго солнца пропадаютъ всѣ привидѣнія, чудища, оборотни и всякіе духи мрака. Но если бы даже они еще и существовали, то я бы не посовѣтовалъ черезъчуръ довѣряться ихъ отвѣтамъ. Слишкомъ много людей было ими обмануто. Мало того, я припоминаю, какъ Агриппина наказала красавицу Лолли за то, что та спросила оракула Аполлона Кларія о томъ: женится ли на ней императоръ Клавдій [1]. За это самое она была сначала изгнана, а затѣмъ предана позорной смерти.

— Ну, такъ сдѣлаемъ лучше,—замѣтилъ Панургъ. Острова Офигійскіе [2] лежатъ недалеко отъ порта Сенъ-Мало; переговоривъ предварительно съ королемъ, съѣздите туда. Я вычиталъ у хорошихъ, старинныхъ авторовъ, что на одномъ изъ четырехъ острововъ, а именно на томъ, который лежитъ ближе къ востоку, живутъ многіе прорицатели, вѣдуны и пророки. Тамъ лежитъ, говорятъ. Сатурнъ, скованный красивыми золотыми цѣпями, на золотомъ ложѣ и питается божественными амброзіей и нектаромъ, которые ежедневно съ неба приносятся ему неизвѣстно какими птицами,—можетъ быть, тѣми же самыми вранами, которые кормили въ пустынѣ св. Павла, перваго пустынника,—и тому, кто его о томъ спрашиваетъ, предсказываетъ онъ его судьбу и то, что ему готовитъ будущее, такъ какъ что бы ни напряли Парки и что бы ни рѣшилъ Юпитеръ, старикъ обо всемъ этомъ узнаетъ во снѣ. Такимъ образомъ наши хлопоты сократятся, если мы услышимъ его сужденіе о смущающемъ меня обстоятельствѣ.

— Это слишкомъ очевидный вздоръ и слишкомъ баснословная выдумка,—отвѣчалъ Эпистемонъ. Я не поѣду.

XXV.

О томъ, какъ Панургъ совѣтуется съ Геръ-Триппой [3].

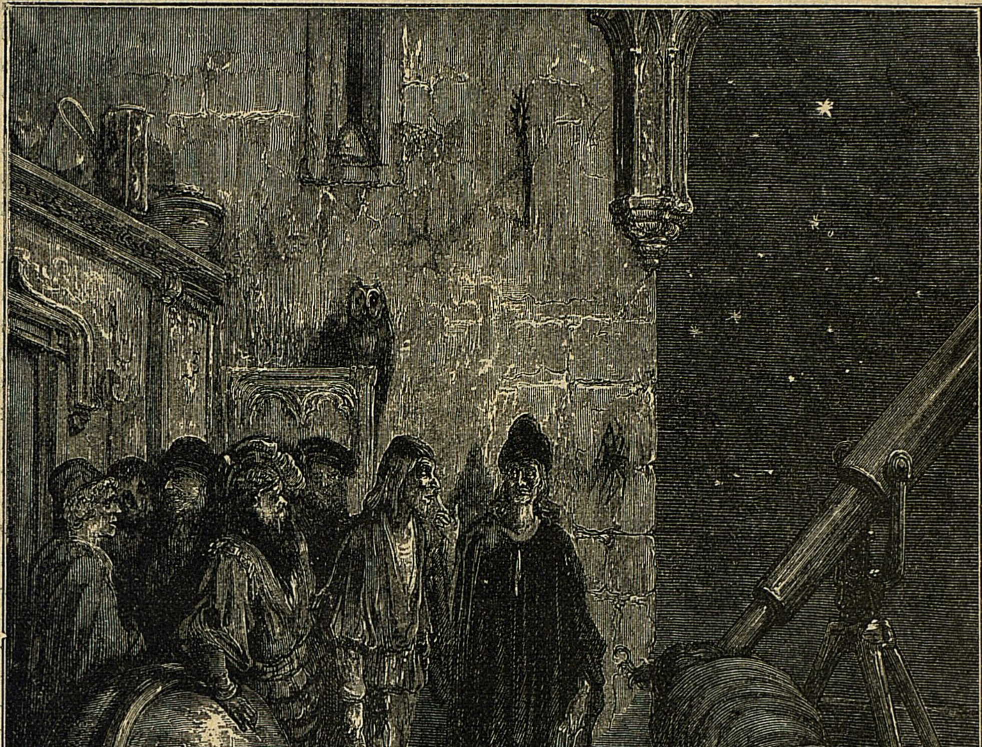
— Вотъ что вамъ слѣдуетъ, по-моему, сдѣлать,—продолжалъ Эписте-

---

[1] Тацитъ, лѣтопись, XII, 22.

[2] По всей вѣроятности, Джерсейская группа въ кэназѣ.

[3] Генрихъ Корнелій Агриппа, прозванный Frismegistos, род. 1486 г; написалъ книгу «De occulta philosophia» (1533).



Къ гл. XXV-й.

монъ—прежде нежели мы вернемся къ королю. Здѣсь, близъ острова Бушара, живетъ Геръ-Триппа; вы знаете, какъ благодаря своему искусству въ астрологіи, геомантіи, хиромантіи и другихъ подобныхъ штукахъ, онъ предсказываетъ будущее. Посовѣтуемся съ нимъ о вашемъ дѣлѣ.

— Объ этомъ я ничего не знаю,— отвѣчалъ Панургъ. Я знаю только про него то, что придворные лакеи въ то время, какъ онъ толковалъ съ великимъ королемъ о небесныхъ и трансцендентальныхъ вещахъ, заигрывали на лѣстницѣ съ его женой, которая была недурна собой. А онъ, видѣвщій безъ очковъ все, что происходитъ на небѣ и на землѣ, обсуждавшій всѣ прошлыя и настоящія событія, предсказывавшій будущее, не видѣлъ только жены, которая баловалась, и никогда о томъ не узналъ. Хорошо; идемъ къ нему, такъ какъ вы этого хотите. Учиться никогда не лишнее.

На другой день прибыли на квартиру Геръ-Триппы. Панургъ подарилъ ему волчью шубу и большую вызолоченную шпагу въ бархатныхъ ножнахъ и пятьдесятъ золотыхъ монетъ и послѣ этого безъ церемоніи заговорилъ съ нимъ о своемъ дѣлѣ.

Прежде всего Геръ-Триппа поглядѣлъ ему прямо въ лицо и сказалъ:

— У тебя метаскопія [1] и физіономія рогоносца, самаго опозореннаго и ославленнаго рогоносца.

Затѣмъ, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ правую руку Панурга, сказалъ:

— Вотъ эта злая линія всегда бываетъ только на рукѣ рогоносца.

И затѣмъ, поспѣшно начертавъ грифелемъ нѣсколько точекъ, соединилъ ихъ, по правиламъ геомантіи, и сказалъ:

— Вѣрнѣе истины, что ты станешь рогоносцемъ вскорѣ послѣ того, какъ женишься.

Послѣ этого онъ спросилъ у Панурга его гороскопъ и, когда тотъ ему его далъ, немедленно раскинулъ карту неба во всѣхъ частяхъ и, обозрѣвъ положеніе и аспекты свѣтилъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Я уже раньше предсказалъ, что ты будешь рогоносцемъ; отъ этого тебѣ не уйти никакъ,—я вижу тому много новыхъ доказательствъ. И утверждаю, что ты будешь рогоносцемъ. Мало того: будешь побитъ женою и ею ограбленъ. Ибо въ третьемъ созвѣздіи аспекты всѣ неблагопріятны и всѣ носятъ знаки рогатые, какъ Овенъ, Телецъ, Козерогъ и другіе. А въ четвертомъ я нахожу убыль у Юпитера и пересѣченіе линій Сатурна съ Меркуріемъ. Ты будешь очень несчастенъ, добрый человѣкъ.

— Чортъ бы тебя побралъ, старый дуракъ! — сказалъ Панургъ. Когда всѣ рогоносцы соберутся процессіей, то ты понесешь ихъ знамя. Но откуда у меня эта бородавка между пальцами?

Говоря это, онъ протянулъ Геръ-Триппѣ два первыхъ пальца, раскрывъ ихъ въ формѣ роговъ и сжавъ въ кулакъ остальные.

Затѣмъ обратился къ Эпистемону:

— Вы видите въ немъ настоящаго Оллуса Марціала [1], который изучалъ главнымъ образомъ и наблюдалъ бѣды и злоключенія другихъ людей. Самого же его жена водила за носъ. Онъ, съ своей стороны, бѣднѣе Ируса [2] и къ тому же хвастливъ, нахаленъ, нестерпимѣе семнадцати діаволовъ, словомъ: πτωχαλαζών [3], какъ называли древніе такую шушеру. Идемъ, предоставимъ этому остервенѣлому безумцу препираться, молоть вздоръ, сколько влѣзетъ, съ его пріятелями-чертями. Я не повѣрю, чтобы черти захотѣли служить такому дураку. Онъ не знаетъ перваго правила философіи, а именно: «Познай самого себя». Хвастаясь, видитъ соломинку въ чужомъ глазу, а не видитъ бревенъ, которыми забиты его оба глаза. Подобнаго полифрагмона [4] описываетъ Плутархъ. Это точно тѣ колдуньи [5], которыя въ чужихъ домахъ, въ публикѣ, среди простонародья были зрячѣе рыси, а вернувшись домой становились такъ же слѣпы, какъ кротъ, и ничего ровно не видѣли, такъ какъ, вернувшись съ улицы къ себѣ въ домъ, вынимали изъ головы глаза, какъ другіе снимаютъ очки, и прятали ихъ въ деревянный башмакъ, привязанный за дверью ихъ дома.

— Хотите ли,—сказалъ Геръ-Триппа,—узнать обстоятельнѣе истину посредствомъ пиромантіи [6], эромантіи [7], гидромантіи [8], прославленной

---

[1] Форма лба.

---

[1] Эпигр. VII, 4.

[2] Имя нищаго, который борется съ Одиссеемъ (Одиссея, XVIII, 1 и д.).

[3] Жалкій хвастунъ.

[4] Который путается въ чужія дѣла.

[5] У Плутарха.

[6] Гаданіе на огнѣ.

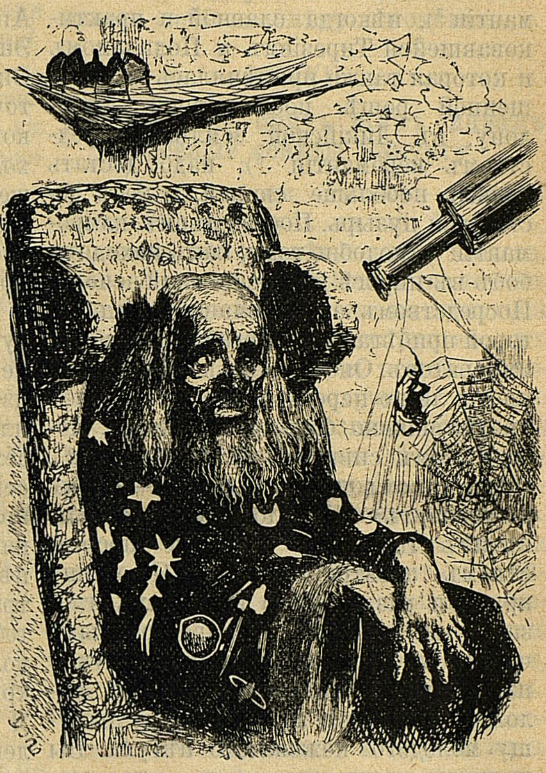
[7] Гаданіе на воздухѣ.

[8] Гаданіе на водѣ.

Аристофаномъ въ его «Облакахъ», или лекономантіи [1]), бывшей нѣкогда въ большой чести у ассирійцевъ и испытанной Гермолаемъ Варваромъ? Я покажу тебѣ въ тазу твою будущую жену, забавляющуюся съ двумя мужланами.

— Если ты вздумаешь приставить носъ къ моей спинѣ, то не забудь сперва снять очки.

— При употребленіи катортромантіи [2])—продолжалъ Геръ-Триппа,—путемъ которой Дидій-Юліанъ, римскій императоръ, предвидѣлъ все, что должно было съ нимъ случиться, тебѣ не понадобятся очки. Ты увидишь въ зеркалѣ, какъ она себя ведетъ, точь-въ-точь такъ, какъ если бы я показалъ тебѣ ее въ фонтанѣ храма Минервы близъ Патраса. Посредствомъ коскиномантіи [3]), которая была въ такомъ ходу у римлянъ при ихъ религіозныхъ церемоніяхъ, ты, помощью сита и ножницъ, узришь чертовщину. При помощи алфиномантіи [4]), на которую указываетъ Теокритъ въ своей Pharmaceutice, и посредствомъ алеуромантіи [5]), смѣшивая пшеницу съ мукой. Посредствомъ астрагаломантіи [6]), для чего у меня имѣются кости. Посредствомъ тиромантіи [7]): у меня кстати есть бремонтскій сыръ. Посредствомъ гиромантіи [8]): я заставлю тебя описывать круги и всѣ они, завѣряю тебя, будутъ склоняться налѣво. Посредствомъ стерномантіи [9]): честное слово у тебя грудь плохо развита. Посредствомъ либаномантіи [10]): тутъ требуется лишь немного ладана. Посредствомъ гастромантіи [11]), къ которому долгое время прибѣгала въ Феррарѣ дама Джакоба Родиджина, носившая въ чревѣ демона. Посредствомъ кефалеономантіи [1]), къ которому нѣкогда прибѣгали германцы и жарили при этомъ ослиную голову на горящихъ угольяхъ. Посредствомъ керомантіи [2]), при чемъ льютъ воскъ въ воду, и ты увидишь немедленно жену и ея двоихъ поклонниковъ. Посредствомъ капномантіи [3]), при чемъ мы должны посыпать горящія уголья маковыми зернами и кунжутнымъ сѣменемъ. Чудесное дѣло! Или посредствомъ аксиномантіи [4]), при чемъ намъ нужны топоръ и агатовый камень, которые мы положимъ на горячіе уголья. О, какъ умно воспользовался этимъ гаданіемъ Гомеръ относительно жениховъ Пенелопы! Посред-



Къ гл. XXV-й.

---

[1] Гаданіе посредствомъ таза.
[2] Гаданіе на зеркалѣ.
[3] Гаданіе на ситѣ.
[4] Гаданіе на овсяной мукѣ.
[5] Гаданіе на пшеничной мукѣ.
[6] Гаданіе на костяхъ.
[7] Гаданіе на сырѣ.
[8] Гаданіе посредствомъ круга.
[9] Гаданіе съ помощью груди.
[10] Гаданіе на ладанѣ.
[11] Гаданіе посредствомъ чревовѣщанія.

[1] Гаданіе на ослиной головѣ.
[2] Гаданіе на воскѣ.
[3] Гаданіе на дымѣ.
[4] Гаданіе на топорѣ.

ствомъ онимантіи [1]), при чемъ намъ понадобятся масло и воскъ. Посредствомъ тефрамантіи [2]) ты увидишь на пеплѣ, разсѣянномъ по воздуху, свою жену въ славной позиціи. Посредствомъ ботаномантіи [3]); у меня кстати есть листья шалфея. Посредствомъ сикомантіи [4]). О чудное искусство, скрытое въ фиговыхъ листьяхъ! Посредствомъ ихтіомантіи [5]), нѣкогда славной и практиковавшейся Тирезіемъ и Полидамомъ и которая также примѣнялась въ священной рощѣ, посвященной Аполлону, въ Ликійской землѣ. Посредствомъ кёромантіи [6]); надо достать только побольше свиней, и тебѣ достаеться пузырь. Посредствомъ клиромантіи [7]), подобно тому, какъ находятъ бобъ въ пирогѣ въ крещенскій вечеръ. Посредствомъ антропомантіи [8]), къ которой прибѣгалъ Геліогабалъ, римскій императоръ. Оно нѣсколько непріятно, но ты легко перенесешь его, ибо тебѣ предназначено быть рогоносцемъ. Посредствомъ сивиллиной стихомантіи [9]). Посредствомъ ономатомантіи [10]).—(Какъ тебя зовутъ?—Чучело гороховое!—отвѣчалъ Панургъ). Или же посредствомъ алектріомантіи [11]). Я опишу кругъ и раздѣлю его на твоихъ глазахъ на двадцать четыре равныхъ части. Въ каждой я напишу букву изъ азбуки и на каждую букву положу пшеничное зерно; затѣмъ выпущу молодого неженатаго пѣтуха. Вы увидите, ручаюсь вамъ, что онъ съѣстъ зерна, положенныя на буквахъ: «Будешь рогоносцемъ». Онъ сдѣлаетъ это такъ же несомнѣнно, какъ вѣщій пѣтухъ императора Валенція, который съѣлъ зерна на буквахъ, изображавшихъ имя преемника императора Θ. Е. О. Δ. [1]). Хотите ли прибѣгнуть къ гаруспиціи [2])? Или къ экстиспиціи [3])? Или къ авгуровымъ знакамъ, основаннымъ на полетѣ птицъ? Или же на пѣніи вѣщихъ птицъ? Или же на Solistimum tripudium [4]), какъ предсказываютъ утки [5])? Или не примѣнить ли мнѣ некромантіи [6])? Не воскресить ли мнѣ мертвеца, какъ это сдѣлалъ Аполлоній Тіанскій съ Ахилломъ или Эндорская волшебница съ Сауломъ? Онъ намъ все предскажетъ, точь-въ-точь. Такъ, по заклинанію Эрихто, покойникъ предсказалъ Помпею весь ходъ и результатъ Фарсальскаго сраженія? Или же, если вы боитесь мертвецовъ, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми рогоносцами, то я прибѣгну только къ схіомантіи [7]).

— Ступай къ чорту, полоумный дуракъ!—отвѣчалъ Панургъ. Отчего ты не посовѣтуешь мнѣ подложить подъ языкъ смарагдъ или другой камень, или же собирать языки удодовъ или зеленыхъ лягушекъ, или же съѣсть сердце и печень дракона, чтобы по крику и пѣнію лебедей и птицъ узнавать свою судьбу, какъ это дѣлали нѣкогда арабы въ Месопотаміи? Чтобы тридцать тысячъ чертей свернули тебѣ шею, проклятый рогоносецъ и колдунъ! Къ чорту заклинателя Антихриста! Вернемся къ нашему королю. Я увѣренъ, что онъ будетъ недоволенъ нами, когда узнаетъ, что мы приходили въ вертепъ этого ученаго чорта. Я раскаиваюсь, что приходилъ сюда. Ей-Богу, онъ совсѣмъ разсердилъ меня и опуталъ колдовствомъ и вѣдовствомъ! Чортъ бы его побралъ! Скажемъ: аминь и пойдемъ пить. А отъ ѣды онъ отбилъ у меня аппетитъ дня на два. Ахъ, что я говорю!—По-крайней мѣрѣ на четыре.

---

[1] Гаданіе на ногтѣ.

[2] Гаданіе на золѣ.

[3] Гаданіе на растеніяхъ.

[4] Гаданіе на фиговыхъ листьяхъ.

[5] Гаданіе на рыбахъ.

[6] Гаданіе на свиньяхъ.

[7] Метаніе жребія.

[8] Гаданіе на человѣческихъ внутренностяхъ.

[9] Гаданіе на стихахъ.

[10] Гаданіе на именахъ.

[11] Гаданіе на пѣтухѣ.

---

[1] Теодозій наслѣдовалъ Валенцію.

[2] Гаданіе на принесенной жертвѣ.

[3] Гаданіе на внутренностяхъ животныхъ.

[4] Вѣщія птицы.

[5] На языкѣ авгуровъ благопріятныя признакомъ считалось когда вѣщія птицы такъ жадно клевали зерна, что они валились изъ ихъ клюва на землю.

[6] Гаданіе путемъ опроса мертвецовъ.

[7] Гаданіе путемъ вызова тѣни умершаго.

XXVI.

О томъ, какъ Панургъ совѣтуется съ братомъ Жаномъ Сокрушителемъ.

Панургъ разсердился на слова Геръ-Триппы и пройдя мѣстечко Гюимè, обратился къ брату Жану и сказалъ ему, почесывая за ухомъ:

— Развесели меня немного, другъ! Этотъ чортовъ дуракъ въ тоску меня вогналъ своими рѣчами. Слушай-ка!

(Тутъ слѣдуетъ длинный перечень дикихъ и безсмысленныхъ словъ, въ которыхъ комментаторы видятъ пародію на литаніи).

— Другъ мой, братъ Жанъ, я тебя очень почитаю и оставилъ на закуску: скажи мнѣ, прошу тебя, свое мнѣніе, долженъ я жениться или нѣтъ?

Братъ Жанъ весело отвѣчалъ ему:

— Женись, чортъ тебя дери, женись и вели звонить во всѣ колокола. Женись какъ можно скорѣе. Сегодня же вечеромъ прикажи сдѣлать оглашеніе. Чего тебѣ ждать? Развѣ ты не знаешь, что приближается конецъ міра? Со вчерашняго дня мы стали ближе къ нему на двѣ стадіи съ полъсаженью. Антихристъ уже народился, какъ мнѣ говорили. Правда, что онъ пока только царапаетъ свою кормилицу и своихъ нянекъ и не проявляетъ всего себя, потому что еще малъ. Crescite. Nos qui vivimus multiplicamini! какъ говорится въ Писаніи. Мы обязаны этому вѣрить, пока мѣшокъ съ хлѣбнымъ зерномъ стоитъ всего три гроша, а боченокъ вина шесть полушекъ. Или же ты хочешь, чтобы судный день засталъ тебя холостымъ? Dum venerit judicare.

— У тебя очень ясный и здравый умъ, братъ Жанъ, и ты красно говоришь. Это какъ разъ то самое, о чемъ Леандръ, переплывая Гелеспонтъ изъ Абидоса въ Азіи, чтобы навѣстить свою милую Геро въ Европѣ, молилъ Нептуна и всѣхъ боговъ морскихъ: «Если вы дадите мнѣ доплыть благополучно,—нужды нѣтъ, если на возвратномъ пути я утону[1]).—Онъ не хотѣлъ умереть холостымъ. И я того мнѣнія, что отнынѣ во всемъ моемъ царствѣ, когда захотятъ казнить преступника, спервоначала дадутъ ему день или два хорошенько поухаживать за женщинами. Не слѣдуетъ давать изсякать роду человѣческому. Пусть и преступникъ умираетъ безъ сожалѣнія, при мысли, что оставляетъ себѣ на смѣну потомство.

XXVII.

О томъ, какъ братъ Жанъ давалъ веселые совѣты Панургу.

— Клянусь св. Ригоме—сказалъ братъ Жанъ, другъ милый, Панургъ, я ничего не посовѣтую тебѣ такого, чего бы самъ не сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ. Старайся только не лѣниться и быть исправнымъ супругомъ; въ противномъ случаѣ ты погибъ, бѣдняжка, и съ тобой случится то, что случается съ кормилицами. Если онѣ лѣниво кормятъ грудью дѣтей, то теряютъ молоко. Прими это къ свѣдѣнію, другъ мой. Я знавалъ многихъ, которые бездѣйствовали некстати и затѣмъ уже теряли возможность дѣйствовать, когда представлялась возможность. Такъ люди утрачиваютъ свои права, когда не пользуются ими, по утвержденію законовѣдовъ. Итакъ, гляди въ оба и не позволяй подвластной тебѣ мелкотѣ и черни жить праздно, дворянами, на свои доходы, безъ всякаго труда.

— Per dio!—отвѣчалъ Панургъ.—Братъ Жанъ, старый дружище, я тебѣ вѣрю. Ты говоришь дѣло. Безъ всякихъ обиняковъ ты разсѣялъ всѣ мои опасенія. И дай Богъ, чтобы тебѣ самому всегда удавалось такъ дѣйствовать. И такъ, по твоему совѣту, я женюсь. Это дѣло рѣшеное. И если у меня будутъ хорошенькія горничныя, ты будешь ихъ покровителемъ, когда пріѣдешь ко мнѣ въ гости. Вотъ что касается первой части проповѣди.

— Послушай,—сказалъ братъ Жанъ, оракулъ Варенскихъ колоколовъ,—что они говорятъ?

— Я слышу ихъ,—отвѣчалъ Панургъ.—Ихъ звукъ, клянусь своей жаждой, болѣе вѣщій, нежели котлы Юпитера въ Додонѣ. Послушай: Женись, женись, женись; женись! Если женишься, женись, женись; будешь доволенъ, увидишь, увидишь увидишь! Женись, женись! Увѣряю тебя, что я женюсь. Всѣ стихіи меня къ тому приглашаютъ. Пусть мое слово будетъ крѣпко, какъ мѣдная стѣна. Что касается второго пункта, то ты, кажется, не вѣришь въ мою способность къ дѣторожденію. Напрасно; прошу тебя вѣрить, что я силенъ и свое дѣло знаю. И если бы жена моя была такая же охотница до утѣхъ, доставляемыхъ Венерой, какъ Мессалина или маркиза Винчестеръ въ Англіи, то прошу тебя вѣрить, что она останется мною довольна. Я знаю, что сказалъ Соломонъ, а вѣдь онъ былъ знатокъ и авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣ него Аристотель объявилъ, что женщина по природѣ ненасытна; но пусть знаютъ, что и я малый не промахъ И не приводите мнѣ въ примѣръ баснословныхъ молодцовъ Геркулеса, Прокла, Цезаря и Магомета, который хвалится въ своемъ коранѣ, что силенъ какъ шестьдесятъ гребцовъ вмѣстѣ взятыхъ. Онъ совралъ, хвастунишка. Не говорите мнѣ также про индійца, столь прославляемаго Теофрастомъ, Плиніемъ и Атенеемъ: будто бы онъ съ помощью какой-то травы могъ до семидесяти разъ и больше цѣловать женщинъ въ день. Я этому не вѣрю. Число измышлено. Прошу тебя не вѣрить, Прошу тебя вѣрить, что я сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Послушай-ка, дружокъ! Слыхалъ ли ты когда про рясу монаха изъ Кастра? Когда ее вносили въ какой-нибудь домъ открыто или тайкомъ, то внезапно всѣ приходили въ любовное неистовство: люди, звѣри, мужчины, женщины и даже крысы и кошки. Клянусь тебѣ, что въ былое время я въ самомъ себѣ испыталъ нѣкую еще болѣе неестественную силу. Я не стану разсказывать тебѣ о домахъ, или земледѣльцахъ, ни о проповѣди, ни о базарѣ; но когда на представленіи Страстей Господнихъ въ Сенъ-Максанѣ я вошелъ однажды въ партеръ, то благодаря этой тайной силѣ всѣ присутствующіе, актеры какъ и жители, вошли въ такой азартъ, что ангелы, люди, черти и чертовки стали бѣсноваться. Суфлёръ бросилъ свою будку; актеръ, игравшій архангела Михаила, спустился съ облаковъ; черти вышли изъ ада и унесли въ него всѣхъ бѣдныхъ женщинъ; даже самъ Люциферъ сорвался съ цѣпи. Короче сказать, видя такой безпорядокъ, я удалился, по примѣру Катона цензора, который, замѣтивъ, что его присутствіе производитъ безпорядокъ на праздникѣ Флоры, удалился.

---

[1]) Марціалъ, De spectaculis, посл. 25.

XXVIII.

О томъ, какъ братъ Жанъ утѣшалъ Панурга въ его сомнѣніяхъ на счетъ вѣрности жены.

— Понимаю,—сказалъ братъ Жанъ, но время на все накладываетъ свою руку. Нѣтъ мрамора, ни порфира, которые бы не старѣлись и не разрушались. Если въ настоящее время ты и силенъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ сознаешься, что силы твои ушли. Я уже вижу, какъ сѣдина пробивается тебѣ въ голову. Борода твоя съ ея сѣрыми, бѣлыми, черными бликами кажется мнѣ такой же пестрой, какъ географическая карта. Посмотри сюда. Вотъ Азія. Вотъ ея Тигръ и Евфратъ. Вотъ Африка. Вотъ Лунныя Горы. Видишь ли болота Нила? По ту сторону лежитъ Европа. Видишь ли ты Телемъ? Вотъ этотъ бѣлый пучекъ—это Гиперборейскія горы. Клянусь моей жаждой, другъ, когда горы покрыты снѣгомъ,—я говорю про голову и подбородокъ,—тогда и въ долинахъ тепло не держится.

— Глупая голова,—отвѣчалъ Панургъ,—ты ничего не смыслишь въ логикѣ. Когда снѣгъ лежитъ на горахъ, тогда въ долинахъ свирѣпствуетъ громъ, молнія, различные метеоры, носится буря, происходятъ обвалы и всякая чертовщина. Хочешь испытать это? Ступай въ Швейцарію и погляди на озеро Вундерберлихъ, въ четырехъ лье отъ Берна, по направленію къ Сіону. Вѣрно, что я примѣчаю въ себѣ нѣкоторые признаки старости. Но бодрой старости, понимаешь! И смотри, не говори объ этомъ никому. Пусть это останется между нами. Такъ, напримѣръ, я нахожу вино вкуснѣе, и лучше люблю хорошее вино, чѣмъ дурное. Я теперь избѣгаю худого вина. Это, конечно, указываетъ на упадокъ и означаетъ, что цвѣтущая пора миновала. Но что же изъ того? Я все такой же славный малый, какъ и въ былое время, и даже лучше, чѣмъ прежде. Съ этой стороны я ничего не боюсь, чортъ возьми! Не это меня устрашаетъ. Устрашаетъ меня, чтобы вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія нашего короля Пантагрюэля, за которымъ я поневолѣ долженъ слѣдовать, жена не наставила мнѣ роговъ. Вотъ страшное слово! Вотъ чѣмъ пугаютъ меня всѣ, съ кѣмъ я о томъ говорилъ, утверждая, что такова участь, предназначенная мнѣ небомъ.

— Не всякій рогоносецъ, кто захочетъ,—замѣтилъ братъ Жанъ. Если ты будешь рогоносцемъ,—ergo, жена твоя будетъ красива; ergo, она осчастливитъ тебя; ergo, у тебя будетъ много друзей; ergo, ты будешь спасенъ. Вотъ монашеская логика. Тебѣ же лучше будетъ, грѣховодникъ. Будешь кататься, какъ сыръ въ маслѣ; накопишь побольше добра. Если такъ опредѣлено свыше, то къ чему ты хочешь отъ этого уклониться, скажи?

———

(Тутъ слѣдуетъ опять рядъ бранныхъ и болѣе или менѣе безсмысленныхъ эпитетовъ, невозможныхъ для перевода и неинтересныхъ для современнаго читателя).

———

— Если же такъ предопредѣлено, другъ Панургъ, то неужели ты хочешь нарушить правильное теченіе планетъ? Внести безпорядокъ въ небесныя сферы? Силу, которая всѣмъ двигаетъ, поставить втупикъ? Спутать пряжу Паркъ? Стыдись, дуралей! Ты поступилъ бы хуже титановъ! Полно, полно! Неужели ты предпочитаешь ревновать безъ причины, чѣмъ носить рога безсознательно?

— Мнѣ бы не хотѣлось ни того, ни другого,—отвѣчалъ Панургъ. Но разъ я предупрежденъ, то приму свои мѣры, развѣ что на свѣтѣ не станетъ больше палокъ. Ей-Богу, братъ Жанъ, мнѣ лучше не жениться. Послушай-ка, что говорятъ какъ разъ вотъ теперь колокола: Не надо жениться, не надо, не надо, не надо! Если думаешь жениться, не женись, не женись, не женись! Покаешься, покаешься, будешь съ рогами, рогами! Чортъ побери, меня это начинаетъ, наконецъ, злить. Неужели же вы, монашескія скуфьи, не знаете никакого предохранительнаго средства? Неужели же природа такъ обидѣла людей, что женатый человѣкъ не можетъ избѣжать опасности стать рогоносцемъ?

— Я научу тебя такому средству, благодаря которому жена не сможетъ наставить тебѣ роговъ безъ твоего вѣдома и согласія,—сказалъ братъ Жанъ.

— Прошу тебя, — отвѣчалъ Панургъ. Будь добръ, научи меня, другъ!

— Возьми перстень Ганса Карвеля[1], великаго гранильщика короля Меленда. Гансъ Карвель былъ человѣкъ ученый, искусный, добродѣтельный, здравомыслящій, добродушный, милосердный, щедрый на милостыню, философъ и весельчакъ; вообще славный малый, толстякъ, съ трясущейся головой, но отнюдь не дуренъ собой. На старости лѣтъ онъ женился на дочери судьи Конкордата, молодой, красивой, живой, привѣтливой, черезчуръ любезной съ сосѣдями и слугами. И вотъ случилось, что по истеченіи нѣсколькихъ недѣль онъ сталъ ревнивъ, какъ тигръ, и заподозрѣлъ, что она обманываетъ его съ другими. И вотъ, чтобы отвратить ее отъ этого, онъ сталъ разсказывать ей краснорѣчивыя сказки о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ невѣрностью жены, и безпрестанно читалъ ей повѣсти о честныхъ женахъ, проповѣдовалъ ей цѣломудріе, хвалилъ супружескую вѣрность, громилъ испорченность замужнихъ женщинъ и подарилъ ей прекрасное ожерелье изъ восточныхъ сапфировъ. Несмотря на все это, она продолжала быть такой развязной и обходительной съ сосѣдями, что ревность его все возрастала. Одной ночью, когда онъ особенно терзался своей страстью, ему приснилось, что онъ разговариваетъ съ чортомъ и пересказываетъ ему свои горести. Чортъ утѣшалъ его и надѣлъ ему на палецъ перстень, говоря: «Дарю тебѣ этотъ перстень; пока онъ будетъ у тебя на пальцѣ, жена твоя никогда тебя не обманетъ безъ твоего вѣдома и согласія.» «Покорно благодарю, господинъ чортъ, — отвѣчалъ Гансъ Карвель. Будь проклятъ Магометъ, если когда-нибудь у меня снимутъ перстень съ пальца.» Гансъ Карвель проснулся съ веселіемъ на сердце, но... перстня на пальцѣ не оказалось . . . .

---

[1] Старинная италіанская новелла, которая пересказана у Аріосто (Сатир., V).

. . . .

Но тутъ ихъ пути и ихъ болтовнѣ пришелъ конецъ.

XXIX.

О томъ, какъ Пантагрюэль призвалъ одного богослова, одного врача, одного юриста и одного философа на помощь, чтобы вывести Панурга изъ затрудненія.

Прибывъ во дворецъ, они разсказали Пантагрюэлю про свое путешествіе и показали ему предсказаніе Раминагробиса. Пантагрюэль прочиталъ нѣсколько разъ его и сказалъ:

— Никогда еще не видѣлъ я отвѣта, который бы мнѣ больше нравился. Онъ хочетъ сказать этимъ только то, что, задумавъ жениться, каждый человѣкъ долженъ самъ рѣшить, какъ ему быть, и слушаться только того, что ему подсказываетъ его разумъ. Таково всегда было и мое мнѣніе, и я вамъ его высказалъ уже въ тотъ разъ, когда вы объ этомъ со мной заговорили. Но вы не обратили, сколько мнѣ помнится, никакого вниманія на мои слова: эгоизмъ и самодовольство ввели васъ въ заблужденіе. Ну, такъ вотъ, что я скажу теперь: все, что въ насъ есть и что мы имѣемъ, заключается въ трехъ вещахъ: душа, тѣло и имущество. Къ охраненію каждаго изъ этихъ трехъ благъ приставлено три класса людей: богословы охраняютъ душу, медики — тѣло, а юристы—имущество. Я того мнѣнія, чтобы пригласить въ воскресенье къ обѣду богослова, медика и юриста. Съ ними мы и посовѣтуемся на счетъ затрудненія, въ какомъ вы находитесь.

— Клянусь св. Пико, я заранѣе предвижу, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ! — отвѣчалъ Панургъ. И подумайте только, какъ міръ плохо управляется. Мы поручаемъ охрану своихъ душъ богословамъ, изъ которыхъ большинство еретики; тѣло наше—медикамъ, которые всѣ терпѣть не могутъ лекарствъ и никогда ихъ не принимаютъ, а имущество поручаемъ адвокатамъ, которые никогда другъ съ другомъ не тягаются.

— Вы разсуждаете какъ царедворецъ,—сказалъ Пантагрюэль. Но я отрицаю справедливость перваго пункта, въ виду того, что главное занятіе, и даже единственное и безусловное, у добрыхъ богослововъ состоитъ въ томъ, чтобы словами, дѣлами и писаніями искоренять заблужденія и ереси и глубоко насаждать въ сердцахъ людей истинную и живую католическую вѣру. Второй пунктъ я одобряю, видя, что добрые врачи удѣляютъ такое вниманіе профилактической и консервативной методѣ охраненія своего здравія, что не нуждаются въ терапевтикѣ и врачеваніи лекарствами. Съ третьимъ пунктомъ я согласенъ, потому что вижу, что добрые адвокаты такъ озабочены чужими тяжбами и защитой чужихъ интересовъ, что имъ некогда заниматься своими собственными. Итакъ, въ будущее воскресенье пригласимъ, въ качествѣ богослова, отца Гиппотадеуса, въ качествѣ врача — Рондибилиса, а въ качествѣ юриста—пріятеля нашего Бридуа. А для того, чтобы удержать пиѳагорейское число четыре, пригласимъ также нашего вѣрнаго философа Трульогана, въ виду того, что искусный философъ, какъ Трульоганъ, отвѣчаетъ утвердительно на всѣ спорные вопросы. Карпалимъ, распорядитесь пригласить ихъ обѣдать къ намъ всѣхъ четверыхъ въ будущее воскресенье!

— Я думаю, — замѣтилъ Эпистемонъ, — что вы не могли бы никого лучше выбрать. Я не говорю уже про достоинства каждаго, какъ знатока своего дѣла, что́ уже внѣ всякаго спора; но, вдобавокъ къ этому, Рондибилисъ теперь женатъ, а прежде не былъ; Гиппотадеусъ и прежде не былъ женатъ, и теперь не женатъ; Бридуа былъ женатъ, но болѣе не женатъ; Трульоганъ былъ женатъ и есть. Я облегчу тебѣ, Карполимъ, трудъ. Я самъ приглашу Бридуа (если угодно), такъ какъ онъ мой старинный знакомый и мнѣ надо поговорить съ нимъ о дѣлахъ и дальнѣйшей карьерѣ его честнаго и ученаго сына, который изучаетъ право въ Тулузѣ, подъ руководствомъ весьма ученаго и добродѣтельнаго Буассоне [1]).

— Поступайте, какъ знаете, — сказалъ Пантагрюэль, — и придумайте, не могу ли я сдѣлать что-нибудь для сына или для самого господина Буассоне, котораго люблю и почитаю, какъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей по его специальности. Я сдѣлаю это отъ всего сердца.

XXX.

О томъ, какой совѣтъ далъ богословъ Гиппотадеусъ Панургу относительно его брака.

Не успѣли подать обѣдъ въ наступившее затѣмъ воскресенье, какъ приглашенные появились, за исключенiемъ Бридуа, намѣстника Фонбетона.

Когда сервировано было второе блюдо, Панургъ, съ низкимъ поклономъ, проговорилъ:

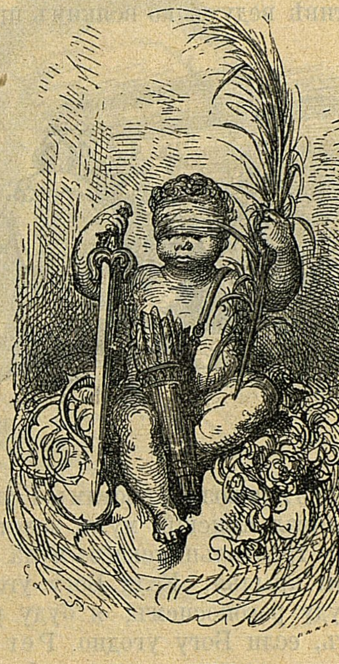
— Господа, вопросъ весь въ одномъ словѣ: долженъ ли я жениться или нѣтъ? Если мое сомнѣнiе не будетъ разрѣшено вами, я считаю его неразрѣшимымъ. Потому, что вы выбраны каждый по своей специальности и подобраны одинъ къ другому, какъ ягода къ ягодѣ.

Отецъ Гиппотадеусъ, на рѣчь Панурга, отвѣчалъ, поклонясь всѣмъ присутствующимъ, съ невѣроятной скромностью:

— Другъ мой, вы просите у насъ совѣта; но прежде всего вы должны спросить самого себя: безпокоятъ ли васъ требованiя вашей плоти?

— Очень сильно, — отвѣчалъ Панургъ, — не взыщите за откровенность, благочестивый отецъ.

— Не въ чемъ, мой другъ, — отвѣчалъ Гиппотадеусъ. — Но одарены ли вы отъ Бога воздержностью при такомъ женолюбiи?



Къ гл. XXX-й.

— Ей-Богу, нѣтъ, — отвѣчалъ Панургъ.

— Итакъ, женитесь, другъ мой, — сказалъ Гиппотадеусъ, — ибо лучше жениться, нежели терпѣть муки похоти.

— Вотъ что называется честно отвѣтить, — вскричалъ Панургъ, безъ обиняковъ, коротко и ясно. Большое спасибо, благочестивый отецъ. Я женюсь непремѣнно и безъ проволочекъ. Приглашаю васъ на свою свадьбу.

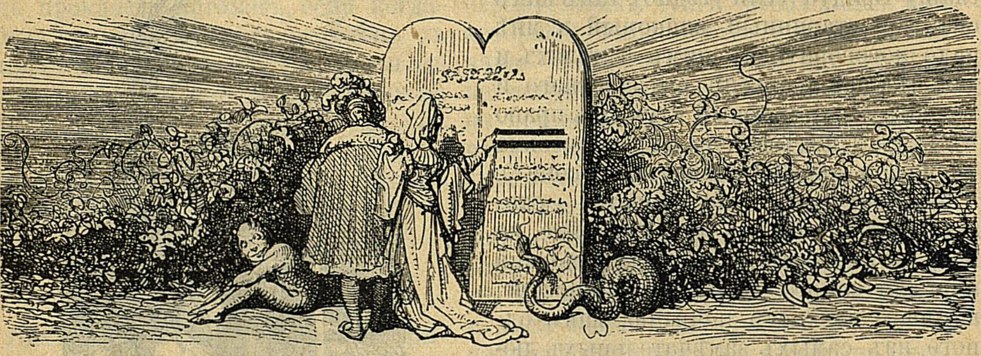
---

[1]) Профессоръ права въ Тулузѣ.

Честное слово, мы хорошо попируемъ. Вы получите мою ливрею 1), и мы поѣдимъ гуся, котораго моя жена не зажаритъ 2). И я попрошу васъ открыть балъ съ дѣвицами, если вы не прочь оказать мнѣ эту честь. Остается теперь разрѣшить только одно маленькое сомнѣніе. Такъ-себѣ, пустякъ, говорю, не стоящій вниманія. Буду ли я рогоносцемъ?

— Ни, ни, другъ мой, — отвѣтилъ Гиппотадеусъ,—если Богу не угодно.

— Охъ! Господи помилуй!—вскричалъ Панургъ. Къ чему же вы привели меня, добрые люди? Къ условнымъ кабы, да еслибы, которыя въ діалективѣ ведутъ ко всякимъ противорѣчіямъ и невозможностямъ. Еслибы мой трансальпинскій мулъ захотѣлъ, у моего трансальпинскаго мула выросли бы крылья. Если Богу угодно, я не буду рогоносцемъ; я буду рогоносцемъ, если Богу угодно. Per dio! Я бы еще справился какъ-нибудь съ кабы, да еслибы; но вы отсылаете меня на волю Божію и Его неисповѣдимые пути. Эхъ, хе, хе! Какъ же тутъ быть? Нѣтъ, любезный отче, мнѣ сдается, что лучше вамъ не пріѣзжать ко мнѣ на свадьбу. Шумъ и суета, которыя учинятъ поѣзжане, разобьютъ вамъ голову. Вы любите покой, безмолвіе и уединеніе. Думается мнѣ, что вы, не пріѣдете. Да и танцуете вы плохо и осрамитесь, открывая балъ. Я пошлю вамъ угощеніе въ вашу комнату, а также и свадебныя ленты. Вы выпьете за наше здоровье.



Къ гл. XXX-й.

— Другъ мой,—сказалъ Гиппотадеусъ,—не принимайте моихъ словъ въ худую сторону, прошу васъ. Развѣ я васъ обидѣлъ, сказавъ: если Богу угодно? Развѣ это худо сказано? Развѣ это богохульство или хула? Развѣ это не значитъ почитать Господа, создателя, покровителя и творца? Развѣ это не значитъ признавать въ Немъ подателя всякихъ благъ? Развѣ это не значитъ объявить, что всѣ мы зависимъ отъ Его благости? Безъ Него ничто не можетъ быть, ничто не имѣетъ ни значенія, ни силы, если Его святая благодать не покоится надъ нами. Развѣ это не значитъ согласоваться съ предписаніями религіи, которая учитъ видѣть во всемъ, что мы ни предпринимаемъ, исполненіе Его святой воли какъ на землѣ, такъ и на небесахъ? Другъ мой, если Богу угодно, то ты не будешь рогоносцемъ. Но, чтобы узнать Его волю, вовсе не слѣдуетъ отчаяваться и думать, что это возможно только при сверхъестественныхъ условіяхъ. Милосердый Богъ оказалъ намъ благодѣяніе, открывъ, обнаруживъ и ясно выразивъ Свою волю въ Св. Писаніи. Тамъ вы увидите, что никогда не будете рогоносцемъ и никогда жена ваша не бу-

---

1) Ленты, раздаваемыя поѣзжанамъ. Этотъ обычай до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи.

2) То-есть настоящаго гуся, такъ какъ Пателенъ пригласилъ гостей на гуся, который не былъ поданъ, потому что жена не захотѣла его жарить.

детъ безпутной женщиной, если вы возьмете ее изъ благочестивой семьи, воспитанной въ добродѣтели и честныхъ правилахъ, водившейся только съ порядочными людьми, богобоязненными и угождающими Богу исполненіемъ всѣхъ его заповѣдей, которыми строжайше воспрещается супружеская невѣрность и предписывается вѣрность мужу, предписывается почитать его, служить ему и любить его пуще всего послѣ Бога. И чтобы удержать ее на этомъ правомъ пути, вы тоже должны со своей стороны любить ее, служить ей хорошимъ примѣромъ и вести такую же чистую, цѣломудренную добродѣтельную жизнь, какой и отъ нея требуете. Ибо подобно тому, какъ не то зеркало наилучшее, которое отдѣлано въ дорогую, осыпанную драгоцѣнными каменьями раму, но то, которое вѣрно и безъ измѣненій отражаетъ предметы, такъ и не та жена всего дороже, которая богата, красива, нарядна и знатнаго происхожденія, но та, которая стремится угодить Богу и предана своему мужу. Взгляните, вѣдь луна не заимствуетъ свѣта ни отъ Меркурія, ни отъ Юпитера, ни отъ Марса и ни отъ какой другой планеты или звѣзды въ небѣ. Она получаетъ его только отъ своего супруга, солнца, и ровно столько, сколько оно даетъ посредствомъ лучеиспусканія и согласно своему положенію. Такимъ образомъ, вы должны быть покровителемъ своей жены и образцомъ семейныхъ добродѣтелей и порядочности. И непрестанно будете молить милости и покрова Господа Бога.

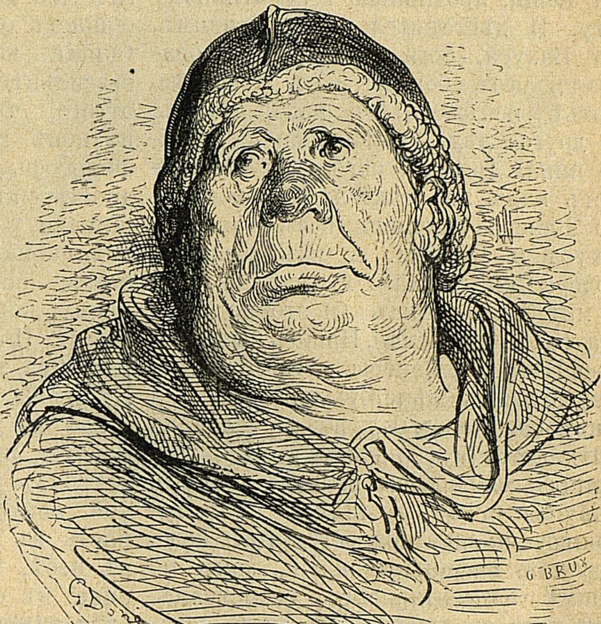
— Вы хотите, значитъ,— отвѣчалъ Панургъ, крутя усы,— чтобы я женился на мудрой женѣ, описанной Соломономъ? Ея уже нѣтъ въ живыхъ; безусловно нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я ея, убей меня Богъ, не встрѣчалъ никогда. Какъ бы то ни было, спасибо вамъ, отче. Скушайте этотъ пряникъ,— онъ помогаетъ пищеваренію,— и выпейте бокалъ меду: онъ тоже здоровъ и полезенъ для желудка. Послушаемъ дальше.

XXXI.

О томъ, какіе совѣты даетъ Панургу врачъ Рондибилисъ.

Панургъ сказалъ дальше:

— Первое слово, какое произнесъ тотъ, кто кастрировалъ монаховъ въ Солиньякѣ, было, когда онъ кастрировалъ Кольдореля: «Очередь за другими.» И я также скажу: «Очередь за другими.» Скажите поскорѣе, метръ Рондибилисъ: долженъ я жениться или нѣтъ?



Къ гл. XXX-й.

— Клянусь иноходью моего мула,— отвѣчалъ Рондибилисъ,— я не знаю, что вамъ отвѣчать на этотъ затруднительный вопросъ. Вы говорите, что ощущаете позывы чувственности. Я знаю, что, по взглядамъ платониковъ, которые заимствовалъ нашъ медицинскій факультетъ, плотскіе порывы обуздываются пятью средствами. Во-первыхъ, виномъ.

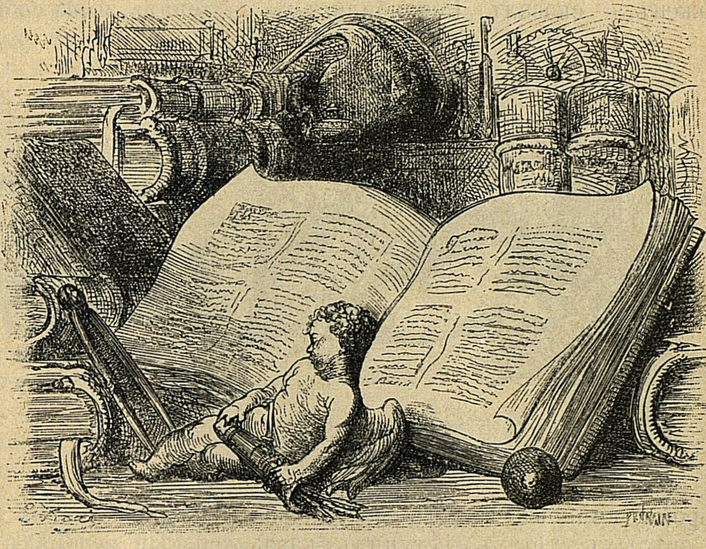
— Вѣрно,—замѣтилъ братъ Жанъ. Когда я пьянъ, я хочу только спать.

— Я разумѣю, когда вина выпито неумѣренно, — продолжалъ Рондибилисъ, такъ какъ неумѣренное употребленіе вина производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ охлажденіе крови, напряженіе нервовъ, истощеніе генеративныхъ силъ, притупленіе чувствъ и неспособность къ движенію. А это все вещи, противныя генеративному акту. И дѣйствительно, мы видимъ, что Бахуса, бога пьяницъ, изображаютъ безъ бороды и въ женскомъ платьѣ, изнѣженнымъ, какъ евнухъ. Но другое дѣло—умѣренное потребленіе вина. Древняя поговорка показываетъ намъ это, такъ какъ говоритъ, что Венера скучаетъ безъ общества Бахуса и Цереры. А изъ разсказа Діодора Сицилійскаго мы видимъ, что, по мнѣнію древнихъ (и это подтверждается Павзаніемъ), Пріапъ былъ сыномъ Бахуса и Венеры..... Во-вторыхъ, посредствомъ нѣкоторыхъ травъ и лѣкарствъ, которыя дѣлаютъ человѣка холоднымъ и безсильнымъ. Такъ, опытъ учитъ насъ, что Nymphaea heraclia, Salix amerina, конопляное сѣмя, тамариндъ, мандрагора, бегемотова кожа и другія, принятыя внутрь, какъ по своимъ элементарнымъ свойствамъ, такъ и по специфической силѣ, ослабляютъ и убиваютъ генеративную силу, затрудняютъ ея доступъ въ опредѣленныя для этого природою мѣста и преграждаютъ всѣ ходы и выходы, которыми она могла бы выдти изъ тѣла; равно какъ, наоборотъ, мы знаемъ, что другія разгорячаютъ, возбуждаютъ и способствуютъ къ генерическому акту.

— Я въ нихъ, слава Богу, не нуждаюсь,—сказалъ Панургъ,—а вы, учитель? Не въ обиду вамъ будь сказано, такъ какъ я не желаю оскорблять васъ.

— Въ-третьихъ,—продолжалъ Рондибилисъ,— посредствомъ неустанной работы, такъ какъ она производитъ такое великое утомленіе въ тѣлѣ, что кровь, которая распредѣляется по всему тѣлу, чтобы питать всѣ его члены, не имѣетъ ни времени, ни досуга, ни способности вырабатывать сѣмя. Природа стоитъ на томъ, что прежде всего заботится о сохраненіи индивида, а не о распложеніи и размноженіи человѣческаго рода. Такимъ образомъ, Діана, занятая непрерывной охотой, считается цѣломудренной. Такъ, въ прежнее время военные лагери назывались castra оттого, что воины и атлеты должны были непрестанно работать и трудиться. Такъ Гиппократъ (въ Lib. De aere, aqua et locis) сообщаетъ о нѣкоторыхъ народахъ въ Скиѳіи, которые въ его время были безсильнѣе евнуховъ въ дѣлѣ любви оттого, что проводили все время на конѣ и въ трудѣ. Точно такъ же философы, наоборотъ, называли праздность матерью похоти. Когда спрашивали у Овидія—по какой причинѣ Эгистъ нарушилъ супружескую вѣрность,—онъ отвѣчалъ, что не по чему иному, какъ потому, что былъ празднымъ. И если бы удалили праздность изъ міра, то скоро погибли бы стрѣлы Купидона. Его лукъ, колчанъ и стрѣлы стали бы для него безполезнымъ бременемъ, потому что онъ никого бы не задѣвалъ, такъ какъ онъ вовсе не такой искусный стрѣлокъ, чтобы попасть въ журавля, летящаго высоко въ небѣ, или (какъ это дѣлали парѳяне) въ оленя на полномъ бѣгу, и, слѣдовательно, въ людей дѣятельныхъ и трудящихся, не покладая рукъ. Для этого они должны сидѣть смирно или лежать праздно, ничего не дѣлая! На вопросъ—какого рода существа или предметы—боги любви,—Теофрастъ отвѣчалъ: «То страсти праздныхъ умовъ. Точно такъ думалъ и Діогенъ, что сладострастіе есть занятіе такихъ людей, которые вообще ничего не дѣлаютъ, а Канахъ, скульпторъ изъ Сидона, изобразилъ Венеру (въ противность всѣмъ своимъ предшественникамъ) въ сидячемъ положеніи, чтобы этимъ показать, что лѣность, праздность и тунеядство содѣйствуютъ сладострастію.

— Въ четвертыхъ, посредствомъ ревностнаго занятія науками, при чемъ жизненныя силы невѣроятно разбрасываются, а черезъ это ослабѣваютъ и теряютъ способность вырабатывать соки, необходимые для продолженія рода человѣческаго. Чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, поглядите на человѣка, углубленнаго въ занятія, и вы увидите, что всѣ артеріи его мозга напряжены точно тетива на лукѣ, чтобы доставить необходимую пищу разуму, воображенію, вниманію, разсудку, памяти. У такого человѣка вы видите, что всѣ внѣшнія чувства заглушены, всѣ естественныя отправленія нарушены, такъ что вы его почти не считаете живымъ и соглашаетесь съ Сократомъ, который сказалъ, что философія есть не что иное, какъ размышленіе о смерти. Затѣмъ и Демокритъ ослѣпилъ себя, потому что считалъ потерю зрѣнія меньшимъ зломъ, нежели помѣху своимъ умозрѣніямъ, причиняемую обманами зрѣнія. Оттого-то и Паллада, богиня мудрости, покровительница ученыхъ, считается дѣвственницей. Отъ того самаго и Музы—дѣвы, и Хариты тоже пребываютъ въ вѣчномъ дѣвствѣ. И мнѣ припоминается, что я читалъ[1], какъ отвѣтилъ Купидонъ своей матери на ея неоднократный вопросъ. Почему онъ оставляетъ въ покоѣ Музъ?—потому что онъ находитъ ихъ слишкомъ прекрасными, слишкомъ привлекательными, честными, цѣломудренными и... постоянно занятыми! Одна созерцаетъ свѣтила небесныя, другая занимается математическими выкладками, третья измѣреніемъ геометрическихъ тѣлъ, четвертая занимается риторикой, пятая—поэзіей, шестая—музыкой, такъ что, подходя къ нимъ, онъ снимаетъ тетиву со своего лука, опрокидываетъ колчанъ и тушитъ факелъ, отъ стыда и боязни обидѣть ихъ. Затѣмъ снимаетъ повязку съ глазъ, чтобы лучше разглядѣть ихъ лицо и послушать ихъ прекрасное пѣніе и поэтическія оды. Это доставляетъ ему величайшее удовольствіе въ свѣтѣ. Такъ что порою онъ такъ восторгается ихъ красотою и прелестью, что засыпаетъ подъ музыку. И поэтому онъ ничуть не желаетъ задѣть ихъ или отвлечь отъ ихъ занятій. И въ этомъ отношеніи я понимаю то, что писалъ Гиппократъ въ вышеназванномъ сочиненіи о скиѳахъ, а также въ книгѣ, озаглавленной De geniture, онъ говоритъ, что всѣ, кому перерѣжутъ околоушныя артеріи, становятся безсильными; онъ утверждаетъ также, что мозгъ головной и спинной играютъ большую роль въ генеративномъ актѣ..... Въ-пятыхъ, посредствомъ этого самаго акта...



Къ гл. XXXI-й.

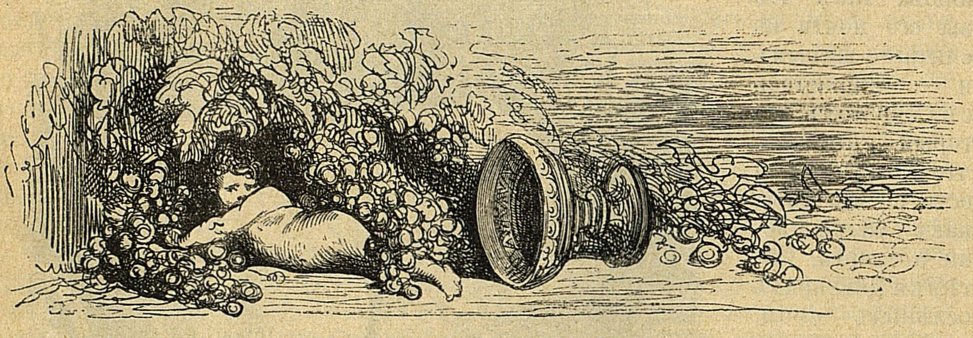
— Наконецъ-то вы упомянули о послѣднемъ средствѣ. Я его оставляю за собою, а другимъ предоставляю всѣ предыдущія.

---

[1] У Лукіана во второмъ разговорѣ Венеры съ Амуромъ.

— Это какъ разъ то самое, что настоятель монастыря св. Виктора, близъ Марселя, называетъ убіеніемъ плоти, — замѣтилъ братъ Жанъ. И я того же мнѣнія и согласенъ съ пустынникомъ св. Радегонды, жившимъ недалеко отъ Шинона, что пустынники, жившіе въ Ѳиваидѣ, не могли бы успѣшнѣе убивать плоть, обуздывать похотливую чувственность и побѣждать бунтъ страстей, какъ прибѣгая къ этому средству разъ двадцать пять или тридцать въ день.

— Я вижу, что Панургъ хорошо сложенъ, — сказалъ Рондибилисъ, — здоровъ, крѣпокъ тѣломъ и духомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, вступилъ какъ разъ въ такую пору, когда слѣдуетъ жениться. Если онъ найдетъ жену такого же сложенія и темперамента, то они произведутъ на свѣтъ дѣтей, достойныхъ какой-нибудь заморской монархіи. И чѣмъ скорѣе онъ женится, тѣмъ лучше, если онъ хочетъ видѣть дѣтей своихъ поставленными на ноги.



Къ гл. XXXII-й.

— Господинъ учитель, — отвѣчалъ Панургъ, — я это сдѣлаю, не сомнѣвайтесь, и очень скоро. Пока вы говорили, я чувствовалъ, какъ у меня аппетитъ разыгрался. Прошу васъ пожаловать на свадебный пиръ. Онъ будетъ на славу, обѣщаю вамъ. И приведите съ собою жену, если вамъ угодно, и всѣхъ ея сосѣдокъ, разумѣется. И честнымъ пиркомъ, да за свадебку!

XXXII.

О томъ, какъ Рондибилисъ объявляетъ, что ношеніе роговъ — естественная принадлежность брака.

— Остается, — продолжалъ Панургъ, — рѣшить одно незначительное обстоятельство. Видали ли вы когда-нибудь буквы, начертанныя на римскомъ знамени: S. P. Q. R.[1]. Буду ли я рогоносцемъ?

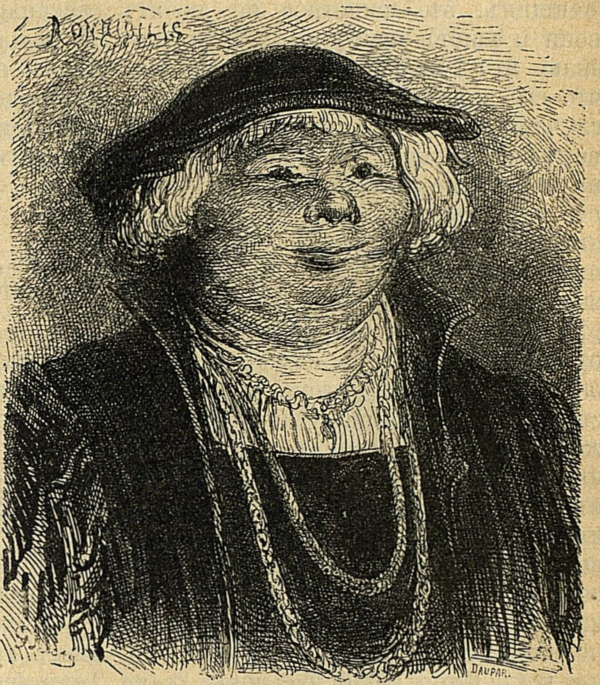
— Пощадите! — воскликнулъ Рондибилисъ. О чемъ вы меня спрашиваете? Будете ли вы рогоносцемъ? Другъ мой, я женатъ, и вы собираетесь жениться. Но зарубите себѣ это на носу: всякій женатый человѣкъ подвергается опасности носить рога. Ношеніе роговъ естественная принадлежность брака. Тѣнь не такъ вѣрно слѣдуетъ за человѣкомъ, какъ рога за женатыми людьми. И когда вы услышите про кого-нибудь эти три слова: «Онъ вѣдь женатъ», — скажите себѣ: «Значитъ, онъ былъ, или будетъ, или можетъ быть рогоносцемъ», и никто не обвинитъ васъ въ отсутствіи логики.

— О, что за чертовская ипохондрія! — вскричалъ Панургъ. Что вы мнѣ толкуете?

— Другъ мой, — отвѣчалъ Рондибилисъ, — когда Гиппократъ вздумалъ однажды отправиться въ Полистило, чтобы навѣстить философа Демокрита, онъ написалъ письмо своему давнишнему пріятелю Діонисію, въ которомъ просилъ его отвезти на время его отсутствія его жену къ его отцу и матери, которые были почтенные люди, пользовавшіеся хорошею славой, потому что ему не хотѣлось, чтобы она одна оставалась дома. Но и тамъ онъ просилъ неусыпно надзирать за нею и слѣдить, куда она пойдетъ съ матерью въ гости. «Не потому,—писалъ онъ,—чтобы я сомнѣвался въ ея добродѣтели и цѣломудріи, которыя я уже познáлъ и изучилъ въ прошломъ, но потому, что она—женщина.» Этимъ все сказано, мой другъ. Природа женская во многомъ сходна съ луной и, между прочимъ, въ томъ, что женщины въ присутствіи мужей сдерживаются и притворяются. Когда же мужья отсутствуютъ, онѣ вознаграждаютъ себя за стѣсненіе, живутъ въ свое удовольствіе, гуляютъ, веселятся, отбрасываютъ лицемѣріе и показываютъ себя въ своемъ видѣ, подобно тому, какъ луна никогда не появляется въ небѣ, когда свѣтитъ солнце, но лишь тогда, когда зайдетъ солнце, то-есть ночью, и тогда она свѣтитъ ярко. Таковы и всѣ женщины. Когда я произношу слово «женщина», я называю такой хрупкій, такой измѣнчивый, такой непостоянный и несовершенный полъ, что природа, кажется мнѣ (не въ обиду будь сказано), заблудилась въ этомъ отношеніи и, создавая женщину, утратила тотъ здравый смыслъ, съ какимъ она создала и сотворила все другое. И сотни разъ ломая надъ этимъ вопросомъ голову, я ничего лучшаго не придумалъ, какъ то, что природа, создавая женщину, не столько думала о совершенствѣ женской личности, сколько объ удовольствіи мужчины и продолженіи рода человѣческаго. Платонъ, напримѣръ, не зналъ, къ какому разряду ихъ отнести: къ животнымъ, одареннымъ разсудкомъ, или же къ неразумнымъ тварямъ. Природа одарила ихъ внутреннимъ, тайнымъ органомъ, котораго нѣтъ у мужчинъ и благодаря которому (вслѣдствіе его нервности и сильной раздражительности) все ихъ тѣло приходитъ въ волненіе, всѣ чувства раздражаются, всѣ ощущенія обостряются, а мысль ослабѣваетъ. Такъ что если бы природа не надѣлила ихъ стыдомъ, то вы увидѣли бы, что онѣ оказались бы сладострастнѣе, нежели Претиды, Мималониды или вакхическія Ѳіады во время вакханалій. Это происходитъ оттого, что, какъ показываетъ анатомія, это страшное животное находится въ тѣсной связи со всѣми главными частями тѣла. Я называю его животнымъ, согласно ученію не только академиковъ, но и перипатетиковъ. Потому что, если вѣрно, что

---

[1] Senatus Populusque Romanus. Панургъ переводитъ это такъ: Si peut que rien, а это не поддается русскому переводу, такъ какъ буквы будутъ другія.



Къ гл. XXXII-й.

движеніе есть точный признакъ одушевленнаго предмета, какъ пишетъ Аристотель, то все, что движется, можетъ по праву называться животнымъ. Платонъ называетъ его животнымъ, признавая въ немъ способность къ произвольнымъ движеніямъ, и при томъ такимъ сильнымъ, что часто черезъ нихъ женщины впадаютъ въ безпамятство, эпилепсію или каталепсію. Кромѣ того, въ немъ замѣчаютъ извѣстную разборчивость въ дѣлѣ запаховъ: по наблюденію самихъ женщинъ, это животное не любитъ вони и ищетъ благоуханія. Я хорошо знаю, что Галенъ пытается доказать, что его движенія не произвольны, а случайны; послѣдователи же его утверждаютъ даже, что о разборчивости на запахи не можетъ быть и рѣчи: все сводится будто бы къ впечатлѣніямъ, производимымъ различными пахучими веществами. Но если вы внимательно и строго взвѣсите ихъ рѣчи, то найдете, что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, они разсуждаютъ легкомысленно и не столько добиваются истины, сколько желаютъ затмить своихъ предшественниковъ. И я не стану углубляться въ этотъ споръ. Скажу вамъ только, что добродѣтельныя женщины, живущія цѣломудренно и безупречно и силою разума обуздывающія этого дикаго звѣря, заслуживаютъ всяческой похвалы. А въ заключеніе прибавлю, что когда этотъ звѣрь насыщенъ (если только онъ можетъ быть насыщенъ) той пищей, какую приготовила для него природа у мужчины, то всѣ его спеціальныя движенія, всѣ его аппетиты и вся его ярость усмиряются. А потому не удивляйтесь, если мы постоянно находимся въ опасности носить рога, такъ какъ мы не каждый день можемъ и способны удовлетворить его.

— Ну и неужто же, чортъ побери, вы не знаете противъ этого никакого средства въ вашей медицинѣ?

— Знаю, другъ мой,—отвѣчалъ Рондибилисъ,—и прекраснѣйшее, которое сообщено намъ однимъ авторомъ уже тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ[1]. Такъ-то.

— Вы прекраснѣйшій человѣкъ,—отвѣчалъ Панургъ,—клянусь честью, и я всею душой люблю васъ. Отвѣдайте-ка этого пирога съ айвой. Онъ очень способствуетъ пищеваренію. Однако, что же это я? Ученаго учить—только портить. Позвольте наполнить для васъ этотъ несторіанскій кубокъ. А не то не угодно ли вамъ еще выпить нѣсколько глотковъ бѣлаго меду? Не бойтесь спецій. Тутъ нѣтъ ни сассапарели, ни инбиря, ни кардамона. А только отборная корица, чистый бѣлый сахаръ, да доброе бѣлое вино изъ виноградника Девиньеръ, отъ лозы большого Кормье, которая растетъ подъ большимъ орѣховымъ деревомъ.

XXXIII.

О томъ, какое средство отъ ношенія роговъ указалъ медикъ Рондибилисъ.

— Въ эпоху, — сказалъ Рондибилисъ,—когда Юпитеръ приводилъ въ порядокъ обиходъ своего олимпійскаго дома и составлялъ календарь для всѣхъ боговъ и богинь, устанавливая для каждаго день и сезонъ его праздника и мѣсто для оракуловъ и паломничества и указанныхъ жертвоприношеній...

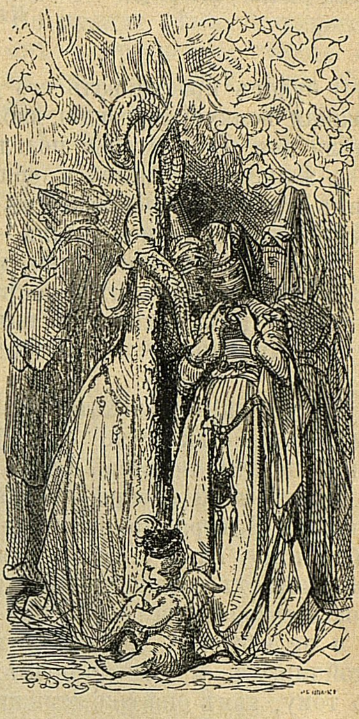
— Ужъ не поступилъ ли онъ при этомъ такъ, какъ епископъ оксерскій, Тентенвиль? — перебилъ Панургъ. Благородный первосвященникъ любилъ доброе вино, какъ и всякій хорошій человѣкъ, а потому особенно ухаживалъ и лелѣялъ виноградную лозу, предка и родоначальницу Бахуса. Но вотъ случилось, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ виноградная лоза погибала отъ холода, мороза, тумана, изморози, града и тому подобныхъ бѣдъ, совпадавшихъ съ праздниками св. Георгія, Марка, Виталія, Евтропія, Филиппа, св. Креста и св. Вознесенія и другихъ, которые приходятся какъ разъ въ то время, какъ солнце проходитъ черезъ созвѣздіе

---

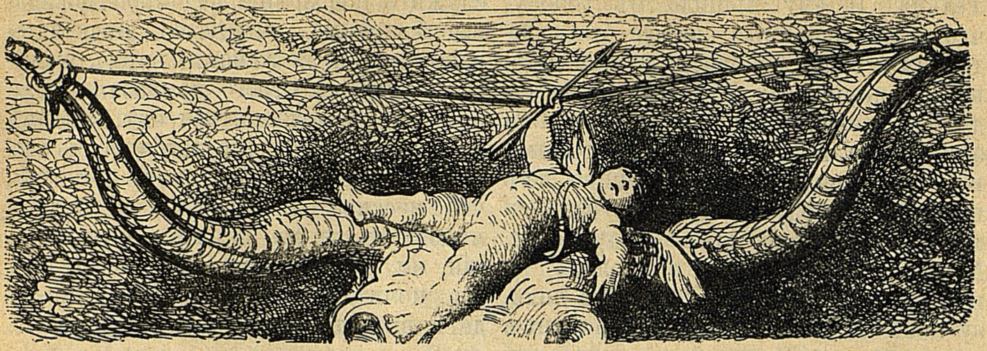
[1] Эзопъ.

Тельца. И ему пришло въ голову, что вышеназванные святые были патронами града, мороза и изводили виноградную лозу. Поэтому онъ задумалъ перенести ихъ праздники на зиму между Рождествомъ Христовымъ и Богоявленіемъ, предоставивъ имъ полную свободу насылать градъ и морозъ, сколько имъ вздумается. Морозы въ тѣ поры не только не повредятъ, но скорѣе принесутъ пользу лозѣ. А на ихъ мѣсто пришлись праздники св. Христофора, св. Іоанна Крестителя, св. Магдалины, св. Анны, св. Доминика, св. Лаврентія, съ половины августа мѣсяца по май, такъ какъ въ это время морозы не страшны и изъ всѣхъ мастеровыхъ всего больше дѣла тѣмъ, которые приготовляютъ мороженое и остужаютъ вино.

— Юпитеръ,—продолжалъ Рондибилисъ,—позабылъ про бѣднягу Рогоносца, который въ ту пору находился въ отсутствіи: онъ былъ въ Парижѣ, гдѣ велъ тяжбу въ судѣ за одного изъ своихъ земляковъ и вассаловъ. Но едва лишь заслышалъ Рогоносецъ о причиненномъ ему ущербѣ, какъ немедленно бросилъ на произволъ судьбы своего кліента и лично предсталъ передъ великимъ Юпитеромъ, ссылаясь на свои прошлыя достоинства и добрыя и пріятныя услуги, оказанныя имъ въ былое время, и неотступно прося, чтобы его не оставляли безъ праздника, безъ жертвоприношеній и безъ чествованія. Юпитеръ извинялся, ссылаясь на то, что всѣ бенефиціи розданы и штатъ его законченъ. Но мессиръ Рогоносецъ такъ приставалъ къ нему, что онъ помѣстилъ его, наконецъ, въ календарь и приказалъ оказывать ему на землѣ почести, приносить жертвы и праздновать его день. Праздникъ этотъ пришелся въ одинъ день (такъ какъ во всемъ календарѣ не было больше свободнаго мѣста) съ праздникомъ богини Ревности; господству его подчинены были женатые люди, въ особенности тѣ, у которыхъ были красивыя жены; а жертвоприношеніями (такъ было опредѣлено) должны были служить: подозрѣніе, недовѣріе, досада, выслѣживаніе, шпіонство, подглядываніе мужей за женами; всѣмъ женатымъ людямъ строго приказано было почитать и поклоняться ему, вдвойнѣ праздновать его день и приносить вышеуказанныя жертвы, подъ угрозой, что мессиръ Рогоносецъ не будетъ милостивъ и не окажетъ ни вниманія, ни помощи тѣмъ, кто не будетъ его почитать, какъ указано; не будетъ входить въ ихъ дома, водить съ ними компанію, какъ бы они его о томъ ни просили, и предоставитъ ихъ грустному одиночеству вмѣстѣ съ ихъ женами и будетъ ихъ неизмѣнно избѣгать какъ еретиковъ и святотатцевъ. Какъ это въ обычаѣ у другихъ боговъ съ тѣми, кто ихъ недостаточно почитаетъ: у Бахуса съ виноградарями; у Цереры съ землепашцами; у Помоны съ огородниками; у Нептуна съ лодочниками; у Вулкана съ кузнецами и такъ далѣе. Къ этому присовокуплялось обѣщаніе какъ разъ противнаго тѣмъ, кто (какъ по-



Къ гл. XXXIII-й.



Къ гл. XXXIII-й.

казано) будетъ праздновать его день, прекращая всякую торговлю, забывая всѣ дѣла для того, чтобы подглядывать за женами, тиранить и обижать ихъ изъ ревности, сообразно съ требуемыми жертвоприношеніями — къ тѣмъ онъ будетъ постоянно милостивъ, будетъ любить ихъ, посѣщать день и ночь ихъ дома; они никогда не будутъ лишены его присутствія. Dixi.

— Ха! ха! ха!—расхохотался Карпалимъ. Вотъ лѣкарство еще болѣе наивное, нежели перстень Ганса Карвеля. Чортъ меня побери, если я ему не повѣрю! Натура женщинъ такова. Подобно тому, какъ молнія разбиваетъ и сжигаетъ только крѣпкіе, прочные, оказывающіе сопротивленія предметы и не касается вещей мягкихъ, неустойчивыхъ и уступчивыхъ; подобно тому, какъ она сожжетъ шпагу, не повредивъ бархатныхъ ноженъ, испепелитъ кости въ тѣлѣ, не задѣвъ мяса, которое ихъ покрываетъ, такъ и женщины напрягаютъ всю силу своего ума, своей хитрости и своенравія въ томъ случаѣ, когда онѣ знаютъ, что имъ нѣчто не разрѣшается и воспрещается.

— Конечно,—отвѣчалъ Гиппотадеусъ,—нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ утверждаютъ, что первая женщина, появившаяся на землѣ, и которую евреи называютъ Евой, никогда бы не поддалась соблазну вкусить отъ плода Древа познанія добра и зла, если бы это не было ей запрещено. И что это вѣрно, то припомните, что хитрый соблазнитель началъ съ того, что напомнилъ ей прежде всего о воспрещеніи, точно онъ разсуждалъ такъ: тебѣ запрещено, значитъ ты должна отъ него вкусить,—иначе, ты бы не была женщиной.

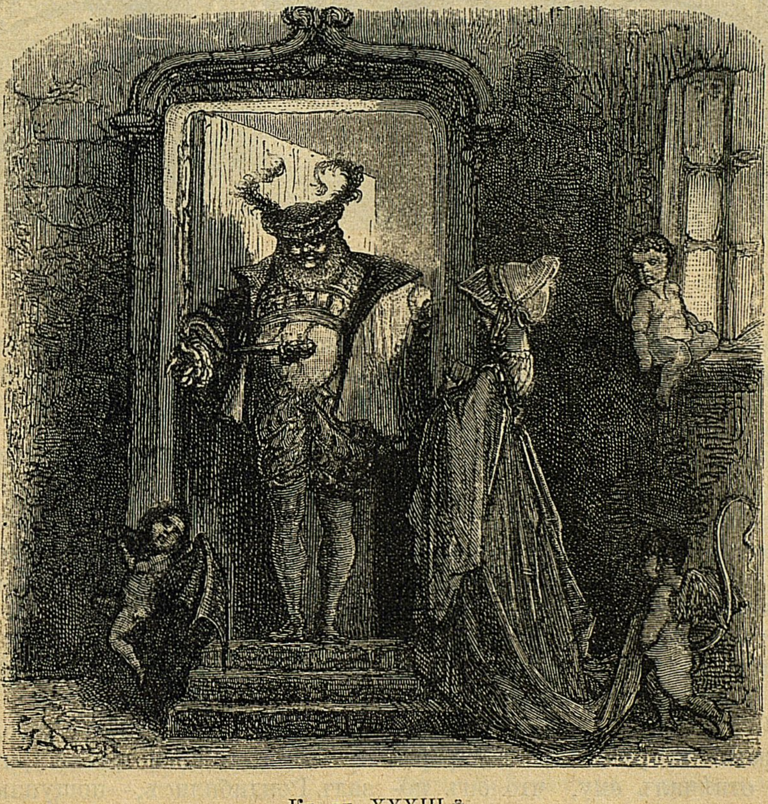
XXXIV.

О томъ, какъ женщинъ обычно влечетъ ко всему запретному.

— Въ то время, какъ я былъ балбесомъ въ Орлеанѣ,—сказалъ Карпалимъ,—никакое краснорѣчіе не было убѣдительнѣе и никакіе аргументы не казались болѣе дѣйствительными съ дамами, чтобы привлечь ихъ къ утѣхамъ любви, какъ старательно, настойчиво, страстно доказывать имъ, что мужья ихъ ревнуютъ. Это не мое измышленіе. Въ Писаніи это сказано и ежедневно подтверждается законами, примѣрами, доводами и опытомъ. Разъ такое убѣжденіе засѣло у нихъ въ башкѣ, онѣ непремѣнно наставятъ рога своимъ мужьямъ, не говоря худого слова и хотя бы имъ пришлось поступить такъ, какъ поступили Семирамида, Пазифая, Эгеста, островитянки, вызванныя въ Египетъ, которыхъ заклеймили Геродотъ и Страбонъ, и другія подобныя кумушки.

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ Пантагрюэль,—я слыхалъ. что папа Іоаннъ XXII проѣздомъ въ Фонтевро выслушалъ просьбу отъ аббатисы и старшихъ монахинь даровать имъ разрѣшеніе исповѣдываться другъ передъ другомъ, при чемъ онѣ ссылались на то, что у монахинь бываютъ тайные грѣхи, въ которыхъ имъ нестерпимо стыдно признаваться духовнику-мужчинѣ, и что между собою онѣ будутъ гораздо откровеннѣе. «Я бы охотно даровалъ вамъ это», отвѣчалъ папа, «но усматриваю одно неудобство. Дѣло въ томъ, что исповѣдь должна содержаться въ тайнѣ. Но вы, женщины, не сумѣете молчать.» «Очень хорошо сумѣемъ», отвѣчали онѣ, «и лучше даже, чѣмъ мужчины.» Вскорѣ затѣмъ святой отецъ передалъ имъ на храненіе шкатулку, внутри которой онъ помѣстилъ коноплянку, и попросилъ ихъ спрятать ее въ укромное мѣстечко, обѣщаясь честнымъ словомъ папы исполнить ихъ просьбу, если онѣ сохранятъ въ тайнѣ шкатулку, при чемъ строго запретилъ имъ, подъ угрозой духовнаго покаянія и отлученія отъ церкви, раскрывать шкатулку. Но не успѣлъ онъ наложить запрещеніе, какъ онѣ уже горѣли желаніемъ подглядѣть, что тамъ внутри, и нетерпѣливо ждали ухода папы, чтобы заглянуть въ шкатулку. Святой отецъ, благословивъ ихъ, отправился на свою квартиру. Но онъ не отошелъ и трехъ шаговъ отъ аббатства, какъ эти добрыя дамы всѣ толпою подбѣжали къ запретной шкатулкѣ, чтобы посмотрѣть, что въ ней находится. На другой день папа посѣтилъ ихъ съ намѣреніемъ (какъ имъ казалось) даровать имъ разрѣшеніе. Но прежде чѣмъ заговорить о томъ, онъ потребовалъ, чтобы ему принесли его шкатулку. Она была принесена, но птички въ ней не оказалось. И тутъ онъ имъ доказалъ, что гораздо труднѣе имъ будетъ хранить тайну исповѣди, когда онѣ не смогли удержать въ тайнѣ шкатулку, несмотря на строгое запрещеніе.

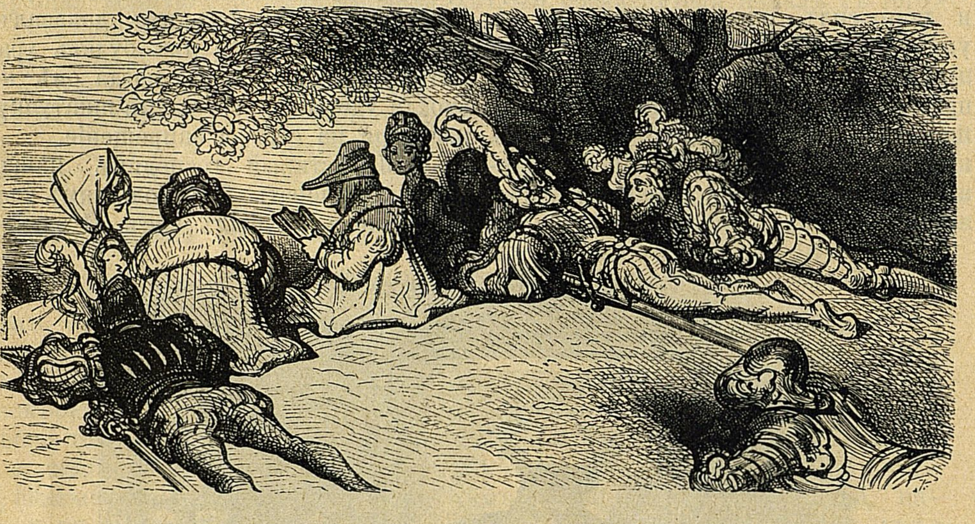
— Милостивый господинъ нашъ, добро пожаловать! Я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ васъ. И за все



Къ гл. XXXIII-й.

благодарилъ Бога. Я не видѣлъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Монпелье, вмѣстѣ съ нашими старинными пріятелями Анто, Спорта, Гюи Бургье, Балтазаромъ Нопе, Толе, Жаномъ Кентеномъ, Франсуа Робине, Жаномъ Пердріе и Франсуа Раблэ, вы играли нравоучительную комедію про человѣка, женившагося на нѣмой женщинѣ.

— Я тоже былъ на этомъ представленіи,—сказалъ Эпистемонъ. Добрякъ-мужъ хотѣлъ, чтобы она заговорила. Благодаря искусству врача и хирурга, которые перерѣзали ей уздечку подъ языкомъ, она заговорила. Но тотчасъ же стала такъ много говорить, что мужъ побѣжалъ опять къ врачу просить, чтобы онъ вновь сдѣлалъ ее нѣмой. Но врачъ отвѣчалъ, что хотя его искусство и указываетъ средства возвращать рѣчь женщинамъ, но онъ не знаетъ такихъ, какія заставляли бы ихъ молчать. Единственнымъ средствомъ будетъ глухота мужа, который такимъ образомъ не услышитъ нескончаемой болтовни жены. Ну, и вотъ бѣднягу оглушили, ужъ не знаю—какими способами. Жена, увидя, что онъ оглохъ и не слышитъ, что она ему говоритъ, взбѣсилась. Но когда врачъ потребовалъ гонораръ, то мужъ отвѣчалъ ему, что онъ поистинѣ глухъ и не слышитъ, о чемъ онъ его проситъ. Врачъ бросилъ ему въ спину, не знаю, какой порошокъ, отъ котораго онъ спятилъ съ ума. И тутъ взбѣшенная жена и безумный мужъ общими силами избили до полусмерти врача и хирурга. Я въ жизнь свою такъ не смѣялся, какъ на этомъ представленіи.



Къ гл. XXXIV-й.

— Вернемся къ нашему прежнему разговору,—замѣтилъ Панургъ. Ваши слова, переведенныя съ тарабарской грамоты на французскій языкъ, означаютъ, что я долженъ смѣло жениться и не заботиться о томъ, что буду рогоносцемъ. Вы себѣ на умѣ, господинъ учитель, и я думаю, что визиты къ паціентамъ помѣшаютъ вамъ присутствовать на моей свадьбѣ, и я впередъ извиняю васъ.

Stercus et urina medici sunt prandia prima.
Ex aliis paleas, ex istis collige grana.

— Вы приводите стихи невѣрно,—сказалъ Рондибилисъ,—дальше говорится такъ:

Nobis sunt signa, vobis sunt prandia digna.

— Если моя жена заболѣетъ, я прежде всего посмотрю ея урину,—сказалъ Рондибилисъ,—пощупаю пульсъ, и осмотрю низъ живота, какъ совѣтуетъ поступить Гиппократъ (II, Aphoris. XXXV).

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Панургъ,— это не годится. Нашему брату, законовѣдамъ, приличествуетъ вѣдать De ventre inspiciendo [1]. Я бы ей поставилъ клистиръ. Но не пренебрегайте другими болѣе важными дѣлами. Жареную свинину я отошлю къ вамъ на домъ и навсегда останусь вашимъ пріятелемъ.

Затѣмъ подошелъ къ нему и вложилъ ему въ руку, не говоря ни слова, четыре нобля съ розой [2]. Рондибилисъ охотно ихъ взялъ, но сказалъ какъ бы съ испугомъ и съ негодованіемъ.

— Эге-ге-ге, господинъ, ничего не надо было давать. Однако, благодарствуйте. Отъ злыхъ людей я никогда ничего не беру. Но добрымъ людямъ никогда ни въ чемъ не отказываю. Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— За плату,—сказалъ Панургъ.

— Само собою разумѣется,—отвѣчалъ Рондибилисъ.

XXXV.

О томъ, какъ философъ Трульоганъ обсуждаетъ затруднительное положеніе Панурга.

Послѣ этихъ словъ Пантагрюэль сказалъ философу Трульогану:

— Ну, вѣрный подданный мой, теперь вашъ чередъ просвѣщать насъ. Вы должны сказать намъ теперь: долженъ Панургъ жениться или нѣтъ?

— И то, и другое,—отвѣчалъ Трульоганъ.

— Что вы говорите? — спросилъ Панургъ.

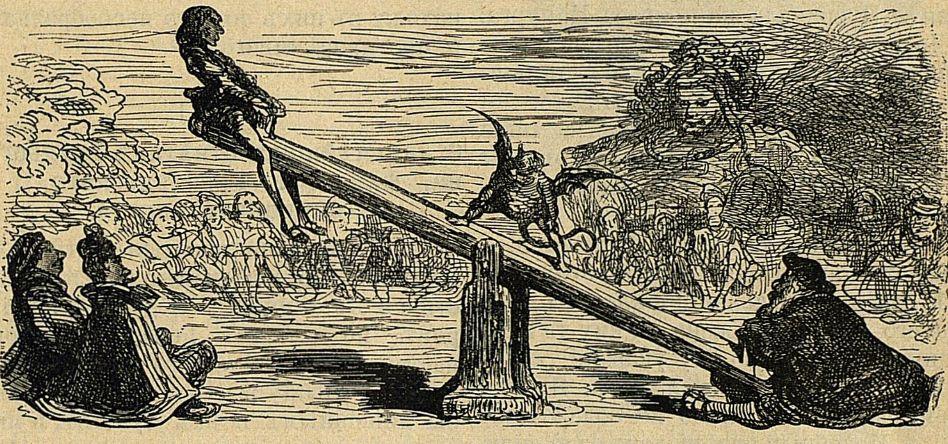
— То, что вы слышали,—отвѣчалъ Трульоганъ.

— А что я слышалъ?—спросилъ Панургъ.

— То, что я сказалъ,—отвѣчалъ Трульоганъ.

— Полно дурачиться!—сказалъ Панургъ. Долженъ я жениться или нѣтъ?

— Ни то, ни другое, — отвѣчалъ Трульоганъ.



Къ гл. XXXV-й.

— Чортъ бы меня побралъ,—сказалъ Панургъ,—если я понимаю хоть что-нибудь изъ того, что вы говорите. Постойте. Я надѣну очки на лѣвое ухо, чтобы лучше васъ слышать.

Въ эту минуту Пантагрюэль увидѣлъ у дверей залы собачку Гаргантюа, которую онъ прозвалъ Кинъ, потому что такъ называлась собака Товія [1]. А потому онъ сказалъ присутствующимъ:

— Нашъ король неподалеку, встанемъ ему на встрѣчу.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ Гаргантюа вошелъ въ залу банкета. Всѣ встали, чтобы поклониться. Гаргантюа, вѣжливо отвѣтивъ на поклоны присутствующихъ, сказалъ:

---

[1] Пандекты, XXV, 4.

[2] Золотая монета.

[1] Книга Товита, XI, 9.

— Добрые друзья мои, сдѣлайте мнѣ удовольствіе: садитесь по мѣстамъ и продолжайте вашу бесѣду. Принесите мнѣ кресло и придвиньте его къ этому концу стола. И дайте мнѣ выпить за здоровье всей компаніи. Будьте здоровы. А теперь скажите мнѣ: о чемъ вы толковали?

Пантагрюэль отвѣчалъ ему, что Панургъ возбудилъ за обѣдомъ затруднительный вопросъ, а именно: слѣдуетъ ли ему жениться или нѣтъ, и что патеръ Гиппотадеусъ и метръ Рондибилисъ уже дали на это отвѣтъ. А въ то время, какъ онъ вошелъ, отвѣчалъ вѣрноподданный Трульоганъ. И сначала на вопросъ Панурга: «Долженъ я жениться или нѣтъ?» сказалъ: «И то и другое!» а на вторичный вопросъ отвѣтилъ: «Ни то, ни другое». Панургъ жалуется на такіе странные и противорѣчивые отвѣты и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ не понимаетъ.

— Я понимаю, какъ мнѣ кажется,— сказалъ Гаргантюа. Подобно этому отвѣтилъ одинъ древній философъ, когда его спросили: жена ли ему та женщина, на которую ему указали: «Я ее имѣю, но она меня не имѣетъ. Я обладаю ею, но она мною не обладаетъ.»

— Подобный отвѣтъ дала одна спартанская гетера,—сказалъ Пантагрюэль. Ее спросили: имѣла ли она уже сношенія съ мужчинами? Она отвѣчала, что нѣтъ, не имѣла, но что мужчины иногда имѣли съ нею сношенія.

— Итакъ, — продолжалъ Рондибилисъ,—намъ слѣдуетъ въ медицинѣ стать на нейтральную точку зрѣнія, а въ философіи на центральную, принимая во вниманіе обѣ крайности и отрицая и ту и другую крайность и распредѣляя время между той и другой крайностью.

— Св. апостолъ [1],—замѣтилъ Гиппотадеусъ,—высказался еще точнѣе, какъ мнѣ кажется, когда сказалъ: «Имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе.»

— Я объясняю, — сказалъ Пантагрюэль эти слова: «имѣть и не имѣть жену» такимъ образомъ, что имѣть жену значитъ отводить ей ту роль, ради которой она создана природой, т.-е. быть помощницей мужу, его утѣшеніемъ и подругой. Не имѣть жены значитъ не быть у нея подъ башмакомъ, не забывать ради нея высшую и единственную любовь, какою человѣкъ обязанъ Богу; не пренебрегать своими обязанностями къ родинѣ, государству и друзьямъ; не относиться небрежно къ своимъ занятіямъ и дѣламъ ради того, чтобы угодить женѣ. Если понимать въ этомъ смыслѣ слова: «имѣть и не имѣть жены», то я не нахожу въ нихъ ничего несообразнаго и противорѣчиваго.

XXXVI.

О дальнѣйшихъ отвѣтахъ Трульогана, философа эфектическаго [1]) пирроническаго [2]).

— Слова ваши золотыя,—отвѣчалъ Панургъ. Но мнѣ кажется, что я спустился въ темный колодезь, въ которомъ, по словамъ Гераклита, скрывается истина. Я ничего не вижу, ничего не слышу и чувствую себя какъ бы лишеннымъ всѣхъ чувствъ, и мнѣ сдается, что я точно околдованъ. Заговорю совсѣмъ въ другомъ тонѣ! Ну, пріятель, полно бобы разводить, будемъ говорить дѣло. Всѣ эти противорѣчія васъ, я вижу, сердятъ. Ну же, ради Бога, долженъ я жениться?

Трульоганъ. Кажется, что такъ.

Панургъ. А если я не женюсь?

Трульоганъ. Не вижу въ томъ никакой бѣды.

Панургъ. Не видите?

Трульоганъ. Ни малѣйшей, или зрѣніе меня обманываетъ.

Панургъ. Я же вижу болѣе пяти сотъ.

Трульоганъ. Сосчитайте ихъ.

---

[1]) Первое посланіе къ коринѳянамъ, VII, 29.

[1]) Во всемъ сомнѣвавшагося.

[2]) Полагавшаго величайшее благо въ равнодушіи.

Панургъ. Я говорю вообще, употребляя опредѣленное число вмѣсто неопредѣленнаго, точное вмѣсто неточнаго, то-есть я хочу сказать: много.

Трульоганъ. Я слушаю.

Панургъ. Я не могу обойтись безъ жены, клянусь всѣми чертями.

Трульоганъ. Не упоминайте объ этихъ гнусныхъ тваряхъ.

Панургъ. Ей-Богу, согласенъ, потому что мои сальмигодинцы говорятъ: «Спать одному, безъ бабы тошнехонько», и Дидона въ своихъ жалобахъ [1]) говоритъ то же самое.

Трульоганъ. Какъ вамъ угодно.

Панургъ. Помилуй Богъ, въ этомъ все дѣло. Ну что же, жениться мнѣ?

Трульоганъ. Пожалуй.

Панургъ. Буду ли я счастливъ, женясь?

Трульоганъ. Смотря, если посчастливится.

Панургъ. И если посчастливится, какъ я надѣюсь, то я буду счастливъ?

Трульоганъ. Можетъ быть.

Панургъ. Ну, начнемъ съ другого конца: а если мнѣ не посчастливится?

Трульоганъ. Вина не моя.

Панургъ. Да посовѣтуйте же, умоляю, что мнѣ дѣлать?

Трульоганъ. Что хотите?

Панургъ. Сто тысячъ чертей!

Трульоганъ. Прошу васъ, не призывайте чорта.

Панургъ. Ну, такъ во имя Бога, прошу совѣта, я поступлю согласно вашему совѣту. Что вы мнѣ посовѣтуете?

Трульоганъ. Ничего.

Панургъ. Долженъ ли я жениться?

Трульоганъ. Я тутъ ни при чемъ.

Панургъ. Я, значитъ, не женюсь?

Трульоганъ. Мое дѣло—сторона.

Панургъ. Если я не женюсь, то и не буду, значитъ, рогоносцемъ?

Трульоганъ. Полагаю.

Панургъ. А положимъ, что я женился.

Трульоганъ. Что же мнѣ въ этомъ?

Панургъ. О, волкъ тебя заѣшь, если бы я только могъ хорошенько выругаться, мнѣ бы стало легче... Но терпѣніе... Итакъ, если я женюсь, буду ли я рогоносцемъ?

Трульоганъ. Какъ сказать...

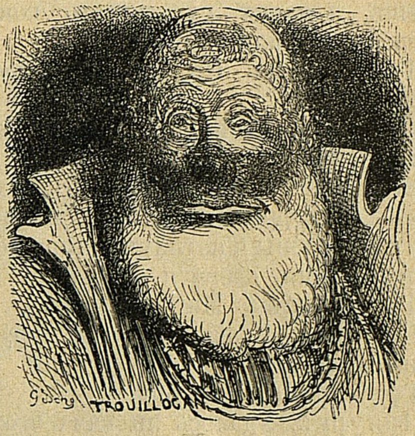
Панургъ. Если жена моя будетъ чопорная и цѣломудренная женщина, то я не буду рогоносцемъ?

Трульоганъ. Мнѣ кажется, что вы говорите дѣло.

Панургъ. Слушайте.

Трульоганъ. Сколько угодно.

Панургъ. Но будетъ ли она цѣломудренна и чопорна? Остается только рѣшить этотъ вопросъ.



Къ гл. XXXVI-й.

Трульоганъ. Я сомнѣваюсь.

Панургъ. Но вы ее никогда не видѣли?

Трульоганъ. Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ, не видѣлъ.

Панургъ. Почему же вы сомнѣваетесь въ вещи, которой не знаете?

Трульоганъ. Не безъ причины.

Панургъ. А если бы вы еще знали?

Трульоганъ. Тѣмъ пуще.

Панургъ. Любезный пажъ! Вотъ тебѣ моя шапка, я дарю тебѣ ее, побереги только очки, а теперь ступай на заднiй дворъ и тамъ съ часокъ поругайся за меня. Я тоже когда-нибудь за тебя поругаюсь, если тебѣ понадобится. Но кто же меня сдѣлаетъ рогоносцемъ?

Трульоганъ. Кто-нибудь!

Панургъ. Громъ и молнiя! Задамъ же я перцу кому-нибудь!

---

[1]) Виргилiй, Энеида, IV, 550.

Трульоганъ. Хорошо сказано.

Панургъ. Пусть меня чортъ поберетъ, если я не надѣну на жену пояса цѣломудрія, уѣзжая изъ своего сераля.

Трульоганъ. Говорите осмотрительнѣе.

Панургъ. Ну, къ чорту всѣ разговоры! Придемъ къ какому-нибудь рѣшенію.

Трульоганъ. Я не препятствую.

Панургъ. Постойте! Такъ какъ съ этой стороны къ вамъ никакъ не подъѣдешь, я начну съ другого конца. Женаты вы или нѣтъ?

Трульоганъ. Ни то, ни другое и оба вмѣстѣ.

Панургъ. Господи помилуй! Меня пòтомъ прошибло, и я чувствую, что пищевареніе мое нарушено. Всѣ мои френы, метафрены 1), всѣ мои діафрагмы возбуждены и натянуты стараніемъ понять ваши слова и отвѣты.

Трульоганъ. Мнѣ все равно.

Панургъ. Итакъ, вѣрный другъ, женаты ли вы?

Трульоганъ. Говорятъ.

Панургъ. Удалось ли вамъ это въ первый разъ?

Трульоганъ. Можетъ быть.

Панургъ. А во второй разъ какъ вы себя чувствуете?

Трульоганъ. Какъ предопредѣлено судьбой.

Панургъ. Шутки въ сторону, вы себя хорошо чувствуете?

Трульоганъ. Весьма вѣроятно.

Панургъ. Ну, Богомъ клянусь и бременемъ св. Христофора, легче добиться вздоха отъ мертваго осла, чѣмъ отъ васъ опредѣленнаго отвѣта! Но ужъ теперь я васъ поймаю. Дружище, пристыдимъ чорта въ аду, сознаемся въ истинѣ. Были вы когда-нибудь рогоносцемъ? Я говорю про васъ, здѣсь находящагося, а не про того, кто тамъ въ мячъ играетъ.

Трульоганъ. Нѣтъ, если это не было предопредѣлено.

Панургъ. Клянусь небомъ, я отрекаюсь, отказываюсь Его не поймаешь!

При этихъ словахъ Гаргантюа всталъ и сказалъ:

— Да будетъ благословенъ Господь во всѣхъ дѣлахъ! Я вижу, что міръ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я впервые его позналъ. Неужели мы къ этому пришли? Неужели мудрѣйшіе и ученѣйшіе философы настоящаго времени примкнули къ скептической школѣ? Да будетъ благословенъ Господь! Поистинѣ отнынѣ можно будетъ скорѣе поймать льва за гриву, коня за хвостъ, быка за рога, буйвола за морду, волка за хвостъ, козу за бороду, птицу за лапу, нежели словить такого философа на словахъ. Прощайте, мои друзья!

Сказавъ это, онъ удалился изъ компаніи. Пантагрюэль и другіе хотѣли за нимъ послѣдовать, но онъ этого не позволилъ.

Когда Гаргантюа вышелъ изъ залы, Пантагрюэль сказалъ приглашеннымъ:

— Платоновскій Тимей сосчиталъ приглашенныхъ при открытіи собранія; мы же, напротивъ того, сосчитаемъ ихъ въ концѣ. Разъ, два, три. Гдѣ четвертый? Вѣдь мы, кажется, пригласили еще нашего пріятеля Бридуа?

Эпистемонъ отвѣчалъ, что ходилъ къ нему на домъ приглашать его, но не засталъ. Приставъ мирелингенскаго парламента въ Мирелингенѣ приходилъ передать ему приказъ лично предстать передъ сенаторами, чтобы отдать отчетъ въ нѣкоторыхъ приговорахъ, постановленныхъ имъ. Вслѣдствіе этого онъ выѣхалъ наканунѣ, чтобы поспѣть вò-время къ мѣсту и не подвергнуться осужденію in contumaciam.

— Я долженъ освѣдомиться о томъ, что же это такое значитъ,—сказалъ Пантагрюэль. Бридуа уже сорокъ лѣтъ какъ исправляетъ должность судьи въ Фонбетонѣ и въ продолженіе этого времени постановилъ слишкомъ сорокъ тысячъ судебныхъ приговоровъ. Осужденными сторонами принесено было аппелляцій въ высшую судебную инстанцію въ Мирелингенѣ на двѣ тысячи девятьсотъ три приговора сли-

---

1) Духъ: способности мышленія и воли.

шкомъ; но всѣ эти приговоры были ратификованы, признаны и утверждены, а аппелляціи отвергнуты. То, что его теперь на старости лѣтъ лично потревожили,—его, всю жизнь свято исполнявшаго свой долгъ, представляется мнѣ весьма зловѣщимъ. Справедливость требуетъ, чтобы я оказалъ ему всякое содѣйствіе, какое только въ моихъ силахъ. Свѣтъ такъ испортился, что правота нуждается въ поддержкѣ. И я хочу немедленно заняться этимъ дѣломъ, во избѣжаніе какихъ-нибудь неожиданностей.

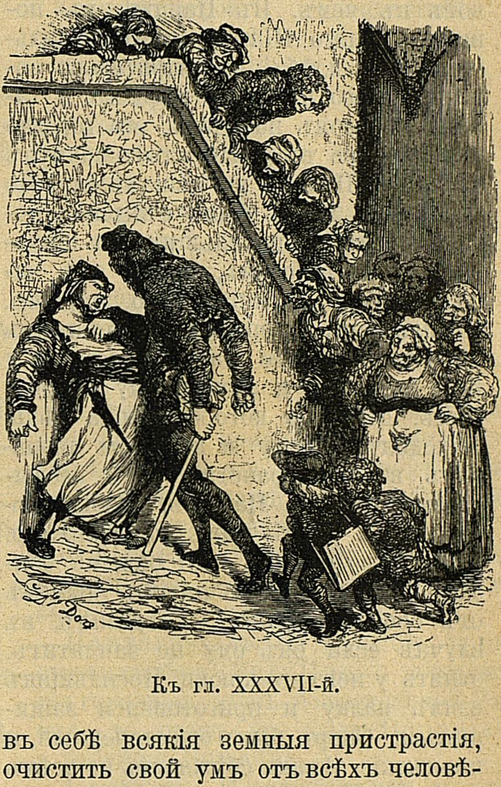
И вотъ собраніе было закрыто. Пантагрюэль одарилъ приглашенныхъ драгоцѣнными вещами: перстнями, различными украшеніями, золотой и серебряной посудой и, поблагодаривъ ихъ отъ души, удалился въ свой покой.

XXXVII.

О томъ какъ Пантагрюэль убѣждаетъ Панурга посовѣтоваться съ какимъ-нибудь дуракомъ.

Пантагрюэль, уходя, замѣтилъ, что Панургъ стоитъ на галлереѣ въ задумчивой позѣ и качаетъ головой, и сказалъ ему:

— Вы похожи на пойманную мышь: чѣмъ больше она старается избавиться отъ смолы, тѣмъ сильнѣе въ ней увязаетъ. Вы тоже, стараясь отдѣлаться отъ сомнѣній, которыя васъ одолѣваютъ, все сильнѣе погружаетесь въ нихъ. Я знаю только одно средство противъ этого. Выслушайте. Я часто слыхалъ простонародную пословицу, что зачастую дуракъ можетъ научить мудреца. Такъ какъ вы недовольны отвѣтами мудрецовъ, то посовѣтуйтесь съ какимъ-нибудь дуракомъ: можетъ быть, вы будете скорѣе удовлетворены и останетесь довольны. Сами знаете, сколько государей, королей и республикъ было спасено благодаря мнѣніямъ, совѣтамъ и предсказаніямъ дураковъ, сколько битвъ выиграно, сколько недоумѣній разрѣшено! Мнѣ не за чѣмъ напоминать вамъ о примѣрахъ. Вы согласитесь съ моими доводами. Потому что того, кто старательно занимается своими дѣлами частными и домашними; кто зорко и внимательно управляетъ своимъ домомъ; чей умъ не заблуждается; кто не теряетъ ни одного случая пріобрѣсти и накопить имущество и богатство, кто осторожно умѣетъ устранять неудобства бѣдности,—того вы называете свѣтскимъ мудрецомъ, каково бы ни было о немъ мнѣніе небесныхъ силъ. Поэтому для того, чтобы быть мудрымъ и получить даръ предвидѣнія, необходимо забыть самого себя, отвлечься отъ самого себя, убить въ себѣ всякія земныя пристрастія, очистить свой умъ отъ всѣхъ человѣческихъ заботъ и ни о чемъ не печалиться. Ограниченные люди называютъ это глупостью. Такимъ образомъ, невѣжественный народъ называлъ дуракомъ великаго предсказателя Фаунуса, сына Пикуса, короля латинянъ. Такимъ же образомъ среди скомороховъ мы видимъ, что при распредѣленіи ролей роль шута и дурака всегда достается самому ловкому и смышленому изъ ихъ компаніи. Такъ математики утверждаютъ, что у коро-



Къ гл. XXXVII-й.

лей и шутовъ одинъ общій гороскопъ, и приводятъ въ примѣръ Энея и Хореба; про послѣдняго Евфоріонъ говоритъ, что онъ былъ шутъ. У обоихъ былъ одинъ и тотъ же гороскопъ. Здѣсь кстати я приведу то, что разсказываетъ Іоаннъ Андрей объ одномъ канонѣ одного папскаго рескрипта, адресованнаго мэру и гражданину города Ла-Рошель. Послѣ него Панормъ въ томъ же канонѣ, Барбація въ Пандектахъ, а недавно Язонъ въ своихъ юридическихъ заключеніяхъ сообщаетъ о знаменитомъ парижскомъ шутѣ Янѣ, прадѣдѣ Шальета. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ Парижѣ въ поварнѣ Малаго Шатлэ один носильщикъ ѣлъ хлѣбъ, предварительно подержавъ его въ дыму жаркого и такимъ образомъ находилъ его гораздо вкуснѣе отъ того, что хлѣбъ пахнулъ жаркимъ. Поваръ не мѣшалъ ему. Но когда весь хлѣбъ былъ съѣденъ, поваръ схватилъ носильщика за шиворотъ и потребовалъ, чтобы онъ заплатилъ ему за запахъ его жаркого. Носильщикъ утверждалъ, что ничѣмъ не попортилъ его жаркого, ничего у него не взялъ и ничего ему не долженъ. Дымъ, о которомъ шла рѣчь, выходилъ наружу и какъ бы пропадалъ въ пространствѣ, да и неслыханное дѣло въ Парижѣ, чтобы продавали на улицѣ дымъ отъ жаркого. Поваръ возражалъ, что онъ не обязанъ кормить носильщиковъ дымомъ отъ своего жаркого, и грозилъ, въ случаѣ если онъ ему не заплатитъ, отнять у него его крюки. Носильщикъ взялъ палку и приготовился защищаться. Споръ былъ ожесточенный, и парижскіе зѣваки сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Тутъ же случайно оказался шутъ Янъ, гражданинъ города Парижа. Увидя его, поваръ спросилъ у носильщика: «Согласенъ ли подчиниться рѣшенію нашего спора благороднымъ Яномъ?»—«Ей-Богу, согласенъ»,—отвѣчалъ носильщикъ.

И вотъ Янъ, выслушавъ, о чемъ шелъ ихъ споръ, приказалъ носильщику вынуть изъ своего пояса нѣсколько денегъ и дать ему. Носильщикъ досталъ золотую монету. Янъ взялъ ее и положилъ себѣ на лѣвое плечо какъ бы для того, чтобы узнать, есть ли въ ней указанный вѣсъ; затѣмъ постучалъ ею по ладони лѣвой руки какъ бы за тѣмъ, чтобы узнать, настоящая ли она; затѣмъ приложилъ къ правому глазу какъ бы за тѣмъ, чтобы видѣть, хорошо ли она отчеканена. Все это производилось при глубокомъ безмолвіи собравшихся зѣвакъ, твердомъ ожиданіи повара и отчаяніи носильщика. Наконецъ, онъ бросилъ монету о порогъ, при чемъ она зазвенѣла, и повторилъ это нѣсколько разъ. Затѣмъ съ предсѣдательской важностью, держа въ рукѣ свою дурацкую палочку, точно скипетръ, и надвинувъ на лобъ дурацкій колпакъ съ ослиными ушами, откашлялся и произнесъ: «Судъ постановляетъ, что носильщикъ, съѣвшій хлѣбъ, обвѣянный дымомъ жаркого, уплатилъ повару звономъ своихъ денегъ. А потому судъ приказываетъ сторонамъ разойтись, безъ уплаты судебныхъ издержекъ.» Этотъ приговоръ парижскаго шута показался такимъ справедливымъ и такимъ превосходнымъ докторамъ правъ, что они сомнѣвались, чтобы парижскій парламентъ, или римскій сенатъ, или даже самъ Ареопагъ правильнѣе рѣшилъ бы это дѣло. А потому, сами судите, стоитъ ли вамъ посовѣтоваться съ дуракомъ.

XXXVIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль и Панургъ чествовали Трибулэ[1]).

— Клянусь спасеніемъ души, я согласенъ, — отвѣчалъ Панургъ. Мнѣ кажется, что у меня кишки распираетъ, хотя я ихъ хорошо было сдавилъ и закрѣпилъ. Но такъ какъ мы призывали на совѣтъ сливки человѣческой мудрости, то я хочу, чтобы теперь мы взяли въ судьи самаго завзятаго дурака.

— По моему мнѣнію, Трибулэ завзятый дуракъ, — объявилъ Пантагрюэль.

---

[1]) Имя знаменитаго шута короля Людовика XII.

Панургъ отвѣчалъ:

— Вполнѣ и окончательно.....

Пантагрюэль:	Панургъ:
дуракъ прирожденный,	дуракъ знаменосный,
д. естественный,	д. высокорожденный,
д. небесный,	д. высокотонный,
д. веселый,	д. b-dur-b-мольный,
д. ртутный,	д. осѣдлый,
д. лунатическій,	д. добродушный,
д. эксцентрическій,	д. милый,
д. эфирный,	д. наступательный,
д. арктическій,	д. оборонительный,
д. геройскій,	д. выболтавшійся,
д. геніальный,	д. вислоухій,
д. предназначенный,	д. съ бубенчиками,
д. августѣйшій,	д. румяный,
д. кесарный,	д. ласковый,
д. имперскій,	д. венерическій,
д. королевскій,	д. питейный,
д. патріархальный,	д. перваго сбора,
д. оригинальный,	д. припадочный,
д. честный,	д. папскій,
д. герцогскій,	д. консисторскій,
д. епископскій,	д. отъ конклава,
д. докторскій,	д. отъ буллы,
д. монашескій,	д. синодальный,
д. фискальный,	д. съ ученой степенью,
д. палатинскій,	д. весельчакъ,
д. владѣльческій,	д. развязный,
д. преторіанскій,	д. хвастливый,
д. полный,	д. съ боку припёка,
д. избранный,	д. ограниченный,
д. куріальный,	д. вѣтреный,
д. тріумфальный,	д. себѣ на умѣ,
д. популярный,	д. отъявленный,
д. доморощеный,	д. хищный,
д. примѣрный,	д. льстивый,
д. судебный,	д. капризный,
д. гражданскій,	д. напыщенный,
д. національный,	д. вздорный,
д. фамиліарный,	д. преувеличенный,
д. знаменитый,	д. грамматическій,
д. всѣми любимый,	д. офиціальный,
д. латинскій,	д. перспективный,
д. ординарный,	д. ариѳметическій,
д. устрашающій,	д. алгебраическій,
д. трансцендентальный,	д. каббалистическій,
д. возвышенный,	д. талмудическій,
д. спеціальный,	д. гиперболическій,
д. метафизическій,	д. герменевтическій,
д. восторженный,	д. фанатическій,
д. категорическій,	д. лимфатическій,
д. съ тонзурой,	д. паническій,
д. анатомическій,	д. толстокожій,
д. аллегорическій,	д. безпокойный,
д. тропологическій,	д. болтливый.
д. плеонастическій,	д. нормальный,
д. капитальный,	д. махровый,
д. мозговой,	д. отшлифованный,
д. сердечный,	д. отпѣтый,
д. желудочный,	д. вздорный,
и т. д.	и т. д.

Пантагрюэль. И если во время óно не безъ причины называли въ Римѣ квириналіи праздникомъ дураковъ, то во Франціи можно было бы учредить трибулинады.

Панургъ. И если бы всѣ дураки носили при себѣ нагайки, то много было бы сѣченыхъ.

Пантагрюэль. И если бы существовалъ богъ Fatullus, о которомъ мы говорили, мужъ божественной Fatua, то отецъ его былъ Bonadies, а бабушка Bonedée.

Панургъ. И если бы мои дураки были иноходцы, то хотя у него и кривыя ноги, а онъ обогналъ бы всѣхъ. Идемъ къ нему безъ промедленія. Я отъ него жду отличнаго совѣта.

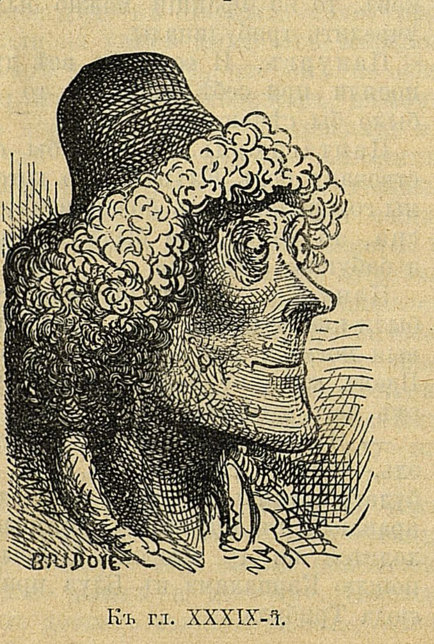
— Я хочу, — отвѣчалъ Пантагрюэль,—присутствовать при томъ, какъ будетъ судить Бридуа; но когда отправлюсь въ Мирелингъ (который находится по ту сторону Луары), то пошлю Карпалима въ Блуа привезти сюда Трибулэ.

Когда отправили Карпалима, Пантагрюэль въ сопровожденіи своихъ слугъ: Панурга, Эпистемона, Понократа, брата Жана, Гимнаста, Ризотома и другихъ направился въ Мирелингъ.

XXXIX.

О томъ, какъ Пантагрюэль присутствуетъ на судебномъ разбирательствѣ судьи Бридуа, который рѣшалъ тяжбы посредствомъ игральныхъ костей.

Въ назначенный для судебнаго разбирательства день Пантагрюэль прибылъ въ Мирелингъ. Президенты, сенаторы, и совѣтники попросили его войти вмѣстѣ съ ними и выслушать судебный приговоръ и причины и основанія, которыя выскажетъ Бридуа, почему онъ рѣшилъ дѣло противъ депутата Тушронда,—приговоръ, казавшійся несправедливымъ Совѣту ста. Пантагрюэль охотно вошелъ и нашелъ Бридуа уже на судейскомъ мѣстѣ. Но вмѣсто всякихъ причинъ и резоновъ онъ говорилъ только, что состарѣлся и зрѣніе у него стало гораздо хуже, чѣмъ прежде, и указывалъ при этомъ на другія бѣдствія и недуги, которые старость влечетъ за собою, какъ-то not. per Archid. d. 86, c. tanta. Поэтому онъ не можетъ больше такъ хорошо отличать очки на костяхъ, какъ въ былое время. Отъ этого могло случиться, что онъ, подобно тому какъ Исаакъ, престарѣлый и слѣпой, принялъ Іакова за Исава, такъ и онъ въ тяжбѣ, о которой идетъ рѣчь, принялъ четыре вмѣсто пяти; тѣмъ болѣе, долженъ сознаться, что употреблялъ свои маленькія кости. Но по закону природные недостатки не должны ставиться въ вину, какъ это вытекаетъ ff. de re milit. l. qui cum uno. ff. de reg. jur. l. fere. ff. deae di l. ed. per totum. ff. de term. mod. l. divus Adrianus resolut. per Lud. Ro. in l. si vero. ff. sol. matr.; ибо это значило бы обвинять не людей, но природу, какъ это явствуетъ in l. maximum vitium C. de lib. praeter.



Къ гл. XXXIX-й.

— О какихъ костяхъ говорите вы, другъ мой? — спросилъ Тринкамель, главный президентъ суда.

— О судебныхъ костяхъ, Alea judiciorum, про которыя сказано Doct. 26, quaest. 2, cap. sorsl. nec emptio. ff. de contrahend. empt. quod debetur. ff. de pecul. et ibi Bartol., и которыя употребляете и вы, господа члены этого суда, равно какъ и всѣ другіе судьи, согласно тому, какъ говоритъ D. Hen. Ferrandat: et not. gl. in c. fin de sortil. et l. sed cum ambo ff. de jud. ubi Doct. и отмѣчаетъ, что для рѣшенія процессовъ и спорныхъ дѣлъ метаніе жребія прекрасный, честный, полезный и необходимый пріемъ. О чемъ еще рѣшительнѣе высказываются Bald. Bartol. et Alex. cum communia. de leg. si duo.

— А какъ же вы это дѣлаете, мой другъ?—спросилъ Тринкамель.

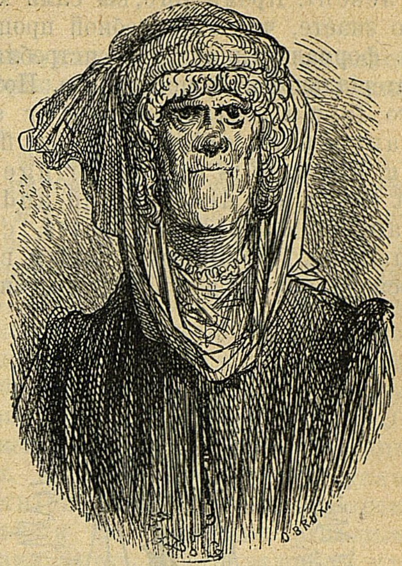
— На это я отвѣчу коротко,—замѣтилъ Бридуа, согласно постановленію закона ampliorum, § in refutatoriis, C. de appell. и какъ стоитъ въ Gloss. l. I. ff. quod met. causa. Gaudent brevitate moderni. Я поступаю такъ, какъ и всѣ вы, господа, и какъ указываетъ юриспруденція, съ которой мы всѣ обязаны сообразоваться: Ut not. extra. de consuet. c. ex literis et ibi Innoc. Внимательно прочитавъ, перечитавъ, отмѣтивъ, перелистовавъ жалобы, отсрочки, повѣстки, доклады коммиссій, извѣщенія, предварительныя слѣдствія, доказательства, pro и contra, прошенія, реплики, дупликаты и пр. весь матеріалъ, какъ это обязанъ сдѣлать добросовѣстный судья, согласно Spec. de ordination. § 3 et tit. offic. omn. jud. § fin., et de rescriptis praesensat. § 1.—я кладу на край стола въ моемъ кабинетѣ всѣ мѣшки съ документами истца и бросаю кость, какъ и всѣ вы господа. Et est not. I, favorabiliores ff. de reg. jur. et in cap. cum sunt eod. tit. lib. 6, который говоритъ: Cum sunt partium jura obscura, reo favendum est potius quam actori. Послѣ того я кладу мѣшки отвѣтчика, какъ и всѣ вы, господа, на другой конецъ, visum visu. Потому что opposita juxta se posita magis elucescunt, ut not. in l. I, § videamus. ff. de his qui sunt sui vel alieni juris. et in l. munerum § mixta ff. de muner. et honor. И точно такъ же бросаю кость и на его счетъ.

— Но, — спросилъ Тринкамель, — другъ мой, какимъ образомъ вы разбираетесь во мракѣ противорѣчивыхъ правъ тяжущихся сторонъ?

— Какъ и всѣ вы, господа,—отвѣчалъ Бридуа,—а именно: когда съ той и съ другой стороны много мѣшковъ, тогда я пускаю въ ходъ мои маленькія кости, какъ и всѣ вы, господа, согласно закону, semper in stipulationibus ff. de regulis juris, и равномѣрно Lex versalis versificaque eod. tit. semper in obscuris quod minimum est sequimur предписываетъ, что in c. in obscuris eod. tit. lib. 6 возведено въ канонъ. У меня есть другія кости прекрасныя и вѣрныя; но тѣ я употребляю, какъ и вы, господа, только тогда, когда дѣло ясно, т.-е. когда меньше мѣшковъ.

— Ну, и послѣ того, какъ произносите вы приговоръ, мой другъ?—спросилъ Тринкамель.

— Какъ и вы, господа,—отвѣчалъ Бридуа, въ пользу того, кому достанется лучшее число по жребію юридической, трибунской, преторіанской кости. Такъ предписываетъ наше право, ff. qui pot. in pign. l. creditor. C. de consul. l. Et de regulis juris in 6. Qui prior est temporare potior est jure.



Къ гл. XXXIX-й.

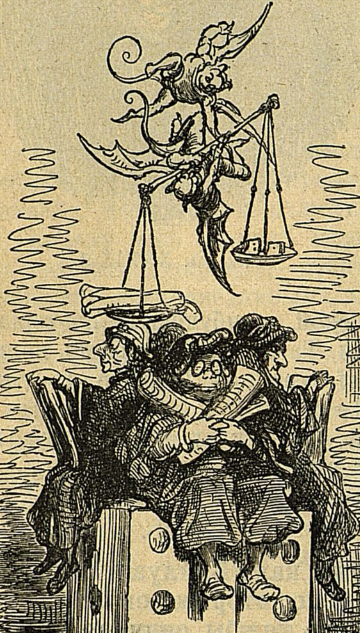
XL.

О томъ, какъ Бридуа излагаетъ причины, по которымъ онъ прежде чѣмъ рѣшать тяжбы сначала тщательно изслѣдуетъ ихъ.

— Вотъ что, любезный другъ, — спросилъ Тринкамель, — если вы рѣшаете тяжбы посредствомъ жребія и бросанія костей, то почему вы не прибѣгаете къ этому способу въ тотъ самый день и часъ, когда тяжущіяся стороны предстанутъ передъ вами безъ дальнѣйшей проволочки? Къ чему служатъ вамъ документы и вся процедура, находящаяся въ мѣшкахъ?

— Такъ же, какъ и вамъ, господа,—отвѣчалъ Бридуа,—они полезны мнѣ троякимъ образомъ: они необходимы, цѣлесообразны и достовѣрны. Во-первыхъ, для формы, помимо которой всякое дѣло недѣйствительно, какъ это отлично доказываетъ Spec. I, tit. de instr. edit. et tit. de rescript.

praesent. Кромѣ того, вы сами хорошо знаете, что въ судебной процедурѣ формалистика часто истребляетъ матеріальное и существенное. Потому что forma mutata, mutatur substantia. ff. ad. exhibent. l. Jul. ff. ad, leg. Fal. l. Si is qui quadringenta. Et extra. de decim. c. ad audientiam et de celebrat. miss. c. in. quadam.... Во-вторыхъ, какъ и вамъ, господа, они служатъ мнѣ полезнымъ и здоровымъ упражненіемъ. Покойный метръ Отоманъ Вадаръ, великій медикъ, какъ вы согласитесь, C. de comit. et archi. lib. XII, говорилъ мнѣ неоднократно, что недостатокъ тѣлесныхъ упражненій есть единственная причина нездоровья и краткосрочности жизни вашей, господа, и всѣхъ судебныхъ чиновъ. И это раньше его прекрасно высказано Bart. in l. I, C. de sent. quia pro eo quod. Но, какъ и для васъ, господа, такъ и для насъ, слѣдовательно, quia accessorium naturam sequitur principalis, de regulis juris l. 6. et I, cum principalis ed I, nihil dolo ff lod. tit. de fidejuss. l. fidejuss. et extr. de offic. de leg. c. I необходимы нѣкоторыя приличныя и увлекательныя упражненія ff de al. lus. et aleat. l. solent. et authent. ut omnes obediant in princ. coll. 7 et ff. de praescript. verb. l. si gratuitam. et lib. I. c. de spect. lib. II. Такого же мнѣнія и d. Thomœ in secunda 2 quaest. 168, а также и d. Альбертъ de Ros, который fuit magnus practicus и ученый докторъ по свидѣтельству Барбація in princ. consil. Причина этого высказана также per gloss. in proœmio. ff. § ne autem tertii. — Interpone tuis interdum gaudia curis.—И, дѣйствительно, однажды,—кажется, дѣло было въ 1489 г. когда мнѣ пришлось по одному счетномудѣлу съ позволенія судебнаго пристава, которому я за это заплатилъ, войти въ залу засѣданія, ибо, какъ вамъ извѣстно, господа, pecuniæ obediunt omnia, какъ это подтверждаетъ Bald. in l. singularia ff. si certum pet. et Salic. in l. recepticia. C. de constit. pec. et Card. in Clem. I de baptis. Я засталъ всѣхъ судейскихъ играющими въ мушку, ради полезнаго упражненія. Было ли это до обѣда или послѣ обѣда, этого я не помню, да это мнѣ все равно, такъ какъ hic not. игра въ мушку—игра приличная, здоровая, старинная и законная à Musco inventore, de quo C. de petit. hered. l. si post mortem, et Muscarii. I. тѣ, которые играютъ въ мушку, заслуживаютъ снисхожденія по праву, l. J. C. de excus. artif. lib. X. И мнѣ помнится, что въ числѣ играющихъ былъ г. Тильманъ Пике и хохоталъ надъ тѣмъ, что господа судейскіе портили свои шапки, хлопали ими по плечамъ, и говорилъ, что за испорченныя шапки имъ достанется отъ женъ, когда они вернутся изъ суда домой, c. extra de prœsumpt. et ibi gloss. Я же скажу вамъ, господа, resolutorie loquendo, что не существуетъ въ судебномъ мірѣ болѣе крѣпитель-



Къ гл. XXXIX-й.

наго упражненія, какъ опорожнять мѣшки, перелистовать бумаги, перечислять вѣдомости, наполнять корзины и прочитывать тяжбы, ex Bart. et Joan. T. de Pra in falsa de condit. et demonst. ff.... Въ-третьихъ, какъ и всѣ вы, господа, я считаю, что время помогаетъ разбираться въ вещахъ, что время — отецъ истины, gloss. in l. I, C. de servit. authent. de restit. et ea quæ pas. et Spec. cit. de requisit. cons. Вотъ почему, какъ и всѣ вы, господа, я тяну, волочу и откладываю приговоръ, для того, чтобы процессъ хорошенько созрѣлъ, а та сторона, которая его проиграетъ, легче примирилась бы съ этимъ, какъ not. gloss. ff. de excus. tut. l. tria onera.

Portatur leviter, quod portat quisque libenter.

Если бы рѣшить его прежде нежели онъ созрѣлъ и вполнѣ опредѣлился, то могъ бы произойти такой же вредъ, какой происходитъ, по словамъ врачей, когда прорѣзываютъ нарывъ, прежде чѣмъ онъ созрѣетъ, или выгоняютъ изъ человѣческаго тѣла вредную матерію, прежде чѣмъ она вполнѣ образовалась. Ибо, какъ написано in Authent, hœc constit, in Innoc. de const. princ. и повторяется въ gl. in cœterum, extra, de juram. calumn. Quod medicamenta morbis exhibent hec jura negotiis. Къ тому же природа учитъ насъ рвать и ѣсть плоды только тогда, когда они созрѣютъ. Instit. de rer. div. § is ad quem. Et ff. de act. empt. l. Julianus. Дѣвушекъ выдавать замужъ, когда онѣ созрѣютъ. ff. de donat. inter. vir, et uxor. l. cum hic status § si quia sponsa, et 27 q. 1, c. sicut говоритъ gloss.

Jam matura thoris plenis adoleverat annis
Virginitas.

Вообще, прежде чѣмъ къ чему-либо приступить, необходимо дать ему созрѣть. 23 q. 2 ult. et 23, d. c. ult.

XLI.

О томъ, какъ Бридуа разсказываетъ исторію человѣка, который улаживалъ тяжбы.

— Кстати,—продолжалъ Бридуа,— мнѣ припоминается, что въ то время, какъ я изучалъ право въ Пуатье подъ руководствомъ Brocadium juris, въ Семерве проживалъ нѣкто Перенъ Данденъ, честный человѣкъ, добрый землепашецъ, прекрасный пѣвчій, вообще человѣкъ уважаемый и пожилой, какъ любой изъ васъ, господа, который увѣрялъ, что видѣлъ пресловутый Латеранскій соборъ въ красной шапкѣ и съ его женой Прагматической Санкціей[1]) въ широкомъ атласномъ платьѣ и съ крупными агатовыми четками. Этотъ добрый человѣкъ улаживалъ больше тяжбъ, чѣмъ ихъ разбиралъ судъ въ Пуатье, въ Монмерильнѣ и въ старомъ Партенэ. И за это онъ пользовался уваженіемъ во всемъ околоткѣ Шовиньи, Нуалье, Кротель, Энъ, Легюже, Ламотъ, Люзиньянъ, Вивонъ, Мезо и въ другихъ окрестностяхъ. Всѣ тяжбы, процессы, распри разбирались имъ, какъ бы полномочнымъ судьей, хотя онъ имъ и не былъ, но былъ добрымъ человѣкомъ, arg. in. l. si unius. ff. de jurejur. et de verb. ob. l. continuus. Во всемъ околоткѣ не убивалось свиньи, чтобы онъ не получилъ колбасъ и сосисокъ. И почти не проходило дня, чтобы онъ не былъ приглашаемъ на пиръ, на обѣдъ, на свадьбу, на крестины или въ трактиръ, чтобы уладить какую-нибудь тяжбу, понимаете. Потому что прежде чѣмъ помирить тяжущихся, онъ всегда заставлялъ ихъ выпить вмѣстѣ въ знакъ умиротворенія, добраго согласія и радости, ut not. per Doct. ff. de peric. et com. rei vend. l. I. У него былъ сынъ, по имени Тено Данденъ, большой озорникъ, но честный человѣкъ, вѣрьте Богу. И онъ тоже захотѣлъ мирить тяжущихся, потому что, какъ вамъ извѣстно:

---

[1]) 1438 г., на которомъ опирается свобода галликанской церкви.

Soepe solet similis filius esse patri.

Et sequitur leviter filia matris iter.

Ut ait. gloss. 6, qu. 1, c. Si quis, gloss. de consec. dis. 5 c. 2, fin. et est not. per Doct. C. de impub. et aliis subst. l. ult, et l. legitime, ff. de stat. hom. gloss. in l. quod si nolit. ff. de edil. edict. l. quisquis. C. ad leg. Iul. majestat. Excipio filios a moniali susceptos ex monacho, per gloss. in c. impudlicas 27. qu. 1., и величалъ себя примирителемъ тяжбъ. И въ этомъ дѣлѣ былъ ретивъ и внимателенъ, такъ какъ vigilantibus jura subveniunt, ex. leg. pupillus. ff. quae in fraud. cred. et ibid. l. non enim. et Inst. in proemio; и едва бывало пронюхаетъ, что ut. ff. si quand, paup. fec. l. Agaso gloss. in verb. olfecit, id est, nasum ad culum posuit. И только бывало заслышитъ, что въ странѣ готовится процессъ или спорное дѣло, какъ немедленно вмѣшивается въ него, чтобы примирить стороны. Написано: «Qui non laborat, non manige ducat» и gloss. ff. de damn. infect. 7. quamvis говорится: «Currere vetulam compellit egestas» gloss. ff. de lib. agnosc. l. Si quis, pro qua facit. l. si plures. C. de condit. incerti. Но онъ былъ такъ несчастливъ, что никогда не могъ уладить ни одной распри, какъ бы ничтожна она ни была. И вмѣсто того, чтобы примирить стороны, онъ сильнѣе раздражалъ и ожесточалъ ихъ. Вы знаете, господа, что Sermo datur cunctis, animi sapientia paucis. gloss. ff. de alien. jud, mut. caus. fa. l. 2. И трактирщики въ Семарю говаривали, что въ его время они въ годъ не продавали столько примирительнаго вина (такъ величали они доброе вино Легюже), сколько при его отцѣ въ какихъ—нибудь полъ-часа. И вотъ ему случилось пожаловаться на это отцу, приписывая причину этого несчастія испорченности современныхъ ему людей, настойчиво утверждая, что если бы міръ и въ прежнее время былъ такой испорченный, сутяжническій, развращенный и несговорчивый, то и отецъ его не пріобрѣлъ славы и названія примирителя, чѣмъ и преступилъ законъ, воспрещающій дѣтямъ порочить родного отца, per gloss. et Bart. l. 3, 1 § si quis ff. de condit. ob caus. et authent. de nup. t. § sed quod sancitum. col. 4. Нужно, отвѣчалъ Перренъ, дѣйствовать иначе, сынъ мой, Данденъ. Видишь ли, когда наступаетъ oportet, то необходимо, чтобы дѣлалось такъ, какъ gloss. C. de appell. l. eos etiam. Вотъ въ чемъ штука: ты никогда не можешь уладить ни одной распри. Но почему? Потому что ты приступаешь къ нимъ слишкомъ поспѣшно, когда онѣ еще зелены и незрѣлы. Я же ихъ всѣ улаживаю. Но почему? Потому что приступаю къ нимъ, когда онѣ хорошо созрѣютъ и переварятся. Такъ говоритъ gloss.

Dulcior est fructus post multa pericula ductus. l. non moriturus C. de contrahend. et commit. stip. Развѣ ты не знаешь, что говоритъ ходячая пословица: «Счастливъ врачъ, котораго призываютъ тогда, когда болѣзнь идетъ на убыль. Кризисъ наступилъ, болѣзнь убываетъ,—будетъ ли призванъ врачъ или нѣтъ. Такъ и мои стороны сами по себѣ склонялись къ окончанію тяжбы, потому что кошельки ихъ опустѣли, и онѣ сами по себѣ готовы были отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго спора и процесса, потому что не хватало больше денегъ на то, чтобы тягаться.

Deficiente pecu, deficit omne, nia.

И потому стоило только кому-нибудь принять на себя роль посредника и примирителя и первому заговорить о соглашеніи для того, чтобы спасти ту и другую сторону отъ обидной мысли, что про него скажутъ; онъ первый заговорилъ о соглашеніи; онъ первый сдался; онъ зналъ, что его дѣло не выгоритъ. Тутъ-то, Данденъ, я какъ разъ и подвернусь. Мнѣ это на руку. Мое счастіе. И говорю тебѣ, Данденъ, любезный сынъ мой, что благодаря этой методѣ я могъ бы помирить или, по крайней мѣрѣ, довести до перемирія великаго короля съ венеціанцами, или императора со швейцарцами, или англичанъ съ шотландцами, или же папу съ жителями Феррары. Скажу болѣе: турокъ съ софи, или татаръ съ московитами. Пойми меня. Я бы накрылъ ихъ въ тотъ моментъ, какъ тѣ и другіе утомились бы отъ войны, растрясли бы свою мошну, опустошили карманы своихъ подданныхъ, продали свои владѣнія, заложили земли, израсходовали съѣстные и военные припасы. Богомъ клянусь и Его Пречистой Матерью, имъ поневолѣ пришлось бы перевести духъ и умѣрить свою кровожадность. Эта доктрина находится въ gloss. 37. d. c. si quando.

Odero si potero: si non invitus amabo.

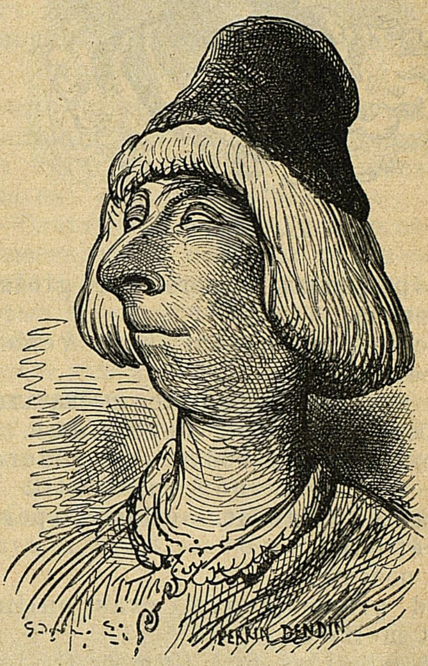
XLII.

О томъ, какъ возникаютъ тяжбы и какъ онѣ развиваются.

— Вотъ почему,—продолжалъ Бридуа,—я, какъ и всѣ вы, господа, тяну дѣло и выжидаю время, когда процессъ созрѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ, то-есть, документахъ и запискахъ. Arg. in l. si major. C. commun. divid. et de cons. di. 1, c. solennitates et ibi gloss. Процессъ при своемъ возникновеніи кажется мнѣ, какъ и всѣмъ вамъ, господа, неуклюжимъ и несовершеннымъ. Это новорожденный медвѣдь, безъ ногъ, безъ рукъ, безъ шерсти и безъ головы; это кусокъ безформеннаго мяса. Медвѣдица вылижетъ его, и онъ выровняется, ut. not. doct. ff. ad 1. Aquil. 1, 2, in fin. Такими же безформенными и безобразными кажутся мнѣ, какъ и вамъ, господа, процессы при ихъ возникновеніи. Одинъ, много два члена—вотъ и все, что у нихъ есть: это безобразный звѣрь. Но когда ихъ хорошенько оформить, развить, пріумножить, тогда въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что они хорошо и вполнѣ развиты. Ибо forma dat esse rei. l. si is qui, ff ad l. Falcid. in c. cum dilecta, extra. de rescript. Barb. cons. 12, lib. 2. А до него Bald. in c. ult. extra. de consuet. Et. l. Julianus. ff ad exhib. et. l. questum. ff. de leg. 3. Способъ этотъ описывается въ gloss. pen. q. c. 1. Paulus.

Debile principium melior fortuna sequetur.

Какъ и всѣ вы, господа, такъ поступаютъ и сержанты, судебные пристава, писцы, прокуроры, комиссары, адвокаты, судебные слѣдователи, регистраторы, нотаріусы, архиваріусы и судьи de quibus tit. est lib. III. C. Эти самые процессы, посредствомъ сильнаго и непрерывнаго высасыванія кошельковъ тяжущихся сторонъ, пріобрѣтаютъ головы, ноги, лапы, клювы, зубы, руки, вены, артеріи, мускулы и жизненную силу, т.-е. документы gloss. de cons. d. 4. accepisti.



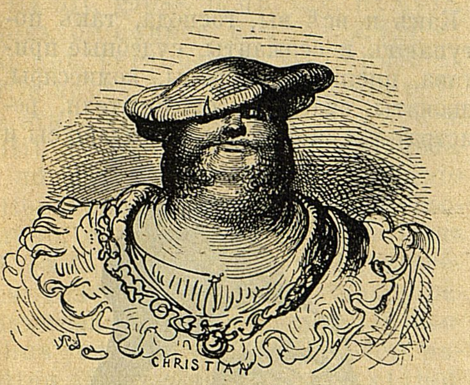
Къ гл. XLI-й.

Qualis vestis erit, talia corda gerit.

Hic not. И въ этомъ отношеніи тяжущіяся стороны еще счастливѣе, нежели чины правосудія. Ибо beatius est dare quam accipere. ff. commun. 1. III et extra de celebr. Miss., c. cum Marthoe, et XXIV, qu 1, c. Od. gloss.

Affectum dantis pensat censura
tonantis.

И такимъ образомъ дѣлаютъ процессъ совершеннымъ, честнымъ и хорошо развитымъ, какъ говоритъ gloss. canonica.



Къ гл. XLII-й.

Accipe, sume, cape, sunt verba placentia Papae.

И что еще рельефнѣе высказалъ Альбертъ de Roc in Verb. Roma.

Roma manus rodit; quas rodere
non valet, odit.

Dantes custodit, non dantes spernit et odit.

А почему?

Ad praesens ova, cras pullis sunt meliora.

ut est gloss. in l. Cum hi ff. De transact.

Неудобства противнаго высказаны in gloss. c. De allu. l. fin.

Cum labor in damno est, crescit
mortalis egestas,

Главное дѣло въ процессѣ это то, чтобы онъ вызвалъ на свѣтъ Божій какъ можно болѣе документовъ. И въ доказательство можемъ указать на прекрасныя поговорки: «Litigando jura crescunt. Litigando jus acquiritur.» Item gloss. in c. illud. extra de praesump. et C. de prob. l. instrumenta l. non epistolis. l. non nudis.

Et cum non prosunt singula
multa juvant.

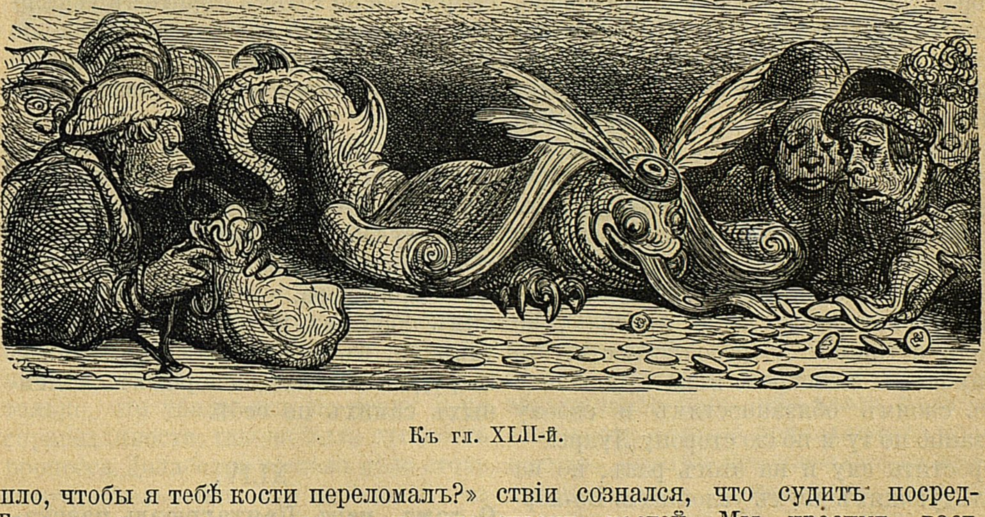
— Хорошо. Но какимъ образомъ поступаете вы, другъ мой, въ уголовныхъ процессахъ?—спросилъ Тринкамель,—когда виновная сторона поймана flagrante crimine?

— Какъ и всѣ вы, господа,—отвѣчалъ Бридуа,—я предоставляю истцу для начала процесса хорошенько выспаться, затѣмъ явиться ко мнѣ съ вѣрнымъ и юридическимъ доказательствомъ, что онъ выспался, сообразно gloss. 37, 7, c. Si quis cum. ...Quandoque bonus dormitat Homerus. Изъ этого акта порождается какой-нибудь другой членъ, подобно тому, какъ панцырь составляется изъ ряда петель. Наконецъ, я нахожу, что процессъ готовъ и хорошо развитъ во всѣхъ своихъ членахъ. Тогда я возвращаюсь къ своимъ костямъ. И не безъ основательной причины тяну я дѣло, опираясь на опытъ. Мнѣ помнится, что въ лагерѣ Стокгольма одинъ гасконецъ, по имени Гратіано, уроженецъ Сенсеверо, проигравъ въ карты всѣ свои деньги, очень разсердился, ибо, какъ вамъ извѣстно: Pecunia est alter sanguis, ut ait Ant. de But. in c. accedens. 2. extra ut lit. non contest. et Bald. in 1. si tuis. C. de opt. leg. per not. in lit. advocati. C. de advoc. div. jud. Pecunia est vita hominis et optimus fidejussor in necessitatibus; когда онъ всталъ изъ-за карточнаго стола, то громкимъ голосомъ возопилъ своимъ товарищамъ: «Матерь Божія! Чтобъ вамъ провалиться всѣмъ! Я потерялъ всѣ свои двадцать четыре гроша; но если кто-нибудь изъ васъ пикнетъ, то я готовъ ему дать столько же толчковъ, щелчковъ и пощечинъ,—пусть только сунется!» Но такъ какъ никто ему не отвѣчалъ, то онъ пошелъ въ лагерь Гондерспондеровъ [1]) и повторилъ эти слова. Но тѣ сказали: «Гасконецъ притворяется, что готовъ съ каждымъ подраться, но онъ гораздо склоннѣе къ воровству, нежели къ дракѣ, а потому, любезныя хозяйки, берегите свое добро,—и никто изъ ихъ рядовъ не вступилъ съ нимъ въ единоборство. Послѣ того гасконецъ пошелъ въ лагерь французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, сказалъ имъ то же самое и пригласилъ съ гасконскими ужимками бороться съ собою; но никто ему ничего не отвѣчалъ. Тогда онъ растянулся на землѣ при входѣ въ лагерь, около шатра толстаго рыцаря Христіана Криссѐ и заснулъ. Недолго спустя прибѣжалъ одинъ ландскнехтъ, который тоже проигралъ всѣ свои деньги, со шпагой въ рукѣ и съ твердымъ намѣреніемъ подраться съ гасконцемъ, такъ какъ онъ проигрался такъ же, какъ и тотъ.

---

[1]) Одинъ изъ комментаторовъ полагаетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣются фризы.

Ploratur lacrymis amissa pecunia veris,—говоритъ gloss. De poenit. dist. 3. c. sunt plures. И, проискавъ его по всему лагерю, нашелъ его наконецъ, спящимъ и закричалъ: «Эй, вставай! Чортъ тебя побери! Я такъ же проигралъ свои деньги, какъ и ты! Давай-ка подеремся хорошенько!» «Capo di St Arnoldo!» отвѣчалъ гасконецъ, все еще не очнувшись ото сна. «Кто ты таковъ? Зачѣмъ ты меня будишь? Чтобъ тебѣ провалиться! Я такъ сладко заснулъ, а тутъ приходитъ дуракъ и будетъ меня!» Однако ландскнехтъ снова вызвалъ его на бой, но гасконецъ отвѣчалъ ему: «Проваливай, любезный! Съ чего тебѣ въ голову пришло, чтобы я тебѣ кости переломалъ?» Теперь, когда онъ проспался, у него прошелъ воинственный пылъ. И вмѣсто того, чтобы подраться, они пошли и выпили на деньги, вырученныя за закладъ шпаги. Такъ благодѣтельно подѣйствовалъ сонъ на расходившіяся страсти обоихъ храбрыхъ воиновъ. И это служитъ подтвержденіемъ золотыхъ словъ Ioann. And. in cap. ult. de sent. et re judic. lib. 6: «Sedendo et quiescendo fit anima prudens».



Къ гл. XLII-й.

XLIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль оправдываетъ Бридуа въ томъ, что онъ постановляетъ судебные приговоры при помощи костей.

Какъ только-что Бридуа умолкъ, Тринкамель приказалъ ему выдти изъ залы суда, что тотъ и исполнилъ. Тогда онъ сказалъ Пантагрюэлю:

— Свѣтлѣйшій государь! Разумъ повелѣваетъ, чтобы не только во вниманіе тѣхъ безконечныхъ благодѣяній, которыя вы оказали этому парламенту и всему Мирелингскому графству, но также и ради здраваго смысла, мудрости и превосходнаго сужденія, которыми наградилъ васъ Господь Богъ, Податель всѣхъ благъ, мы бы просили васъ объявить свой приговоръ въ новомъ, странномъ и непривычномъ дѣлѣ Бридуа, который въ вашемъ присутствіи сознался, что судитъ посредствомъ костей. Мы просимъ васъ постановить такой приговоръ, какой вы сочтете юридическимъ и правосуднымъ.

На что Пантагрюэль отвѣчалъ:

— Господа, моя профессія не въ томъ, чтобы разбирать процессы, какъ вамъ извѣстно. Но если вамъ угодно оказать мнѣ такую честь, то вмѣсто того, чтобы брать на себя роль судьи, я явлюсь передъ вами лучше въ роли защитника. Я признаю много хорошихъ качествъ въ Бридуа, благодаря которымъ онъ заслуживаетъ снисхожденіе въ данномъ дѣлѣ. Во-первыхъ, старость; во-вторыхъ, простоту—два обстоятельства, которыя, какъ вамъ извѣстно, считаются по нашимъ законамъ настолько смягчающими вину, что взываютъ къ милосердію. Въ-третьихъ, я нахожу въ нашемъ правѣ другой еще пунктъ, который служитъ къ оправданію Бридуа, а именно: что это единственная ошибка съ его стороны въ цѣломъ морѣ справедливыхъ приговоровъ, постановленныхъ имъ въ прошломъ, и должна потонуть и исчезнуть въ немъ: вѣдь слишкомъ сорокъ четыре года судилъ онъ честно и неподкупно; скажу такъ: если бы я пустилъ одну каплю морской воды въ рѣку Луару, то вѣдь никто бы ея не почувствовалъ, никто бы не сказалъ, что рѣка соленая. И мнѣ кажется даже, что въ настоящемъ случаѣ виденъ, такъ сказать, перстъ Провидѣнія, которое такъ опредѣлило и постановило, чтобы всѣ прежніе приговоры при помощи костей встрѣчались бы одобреніемъ со стороны вашего почтеннаго и возвышеннаго суда, — тотъ самый перстъ, который, какъ вамъ извѣстно, считаетъ нужнымъ посрамлять мудрецовъ, унижать сильныхъ и возвышать простыхъ и ничтожныхъ. Оставляю все это въ сторонѣ, и прошу васъ не ради обязательствъ передъ моимъ домомъ, которыхъ я не признаю, но ради истинной добросовѣстности, съ какою вы испоконъ вѣка относились къ своимъ обязанностямъ и своему званію по ту и по сю сторону Луары,— простить ему и на этотъ разъ, но на слѣдующихъ двухъ условіяхъ. Во-первыхъ: онъ долженъ вознаградить потерпѣвшую сторону или представить залогъ съ этою цѣлью, о чемъ уже позабочусь я самъ и отдамъ нужный приказъ. Во-вторыхъ, чтобы совѣтникомъ въ его должности вы назначили кого-нибудь болѣе молодого, болѣе ученаго, осторожнаго и добродѣтельнаго, съ совѣтами котораго онъ и будетъ отнынѣ сообразоваться въ своей судебной процедурѣ. Если же вы пожелаете уволить его окончательно отъ должности, то я попрошу васъ уступить его мнѣ. У меня найдется во владѣніяхъ достаточно званій и должностей, куда бы опредѣлить его и пользоваться его услугами. И я буду молить Бога Создателя, Хранителя и Подателя всѣхъ благъ, сохранить васъ подъ Своимъ покровомъ.

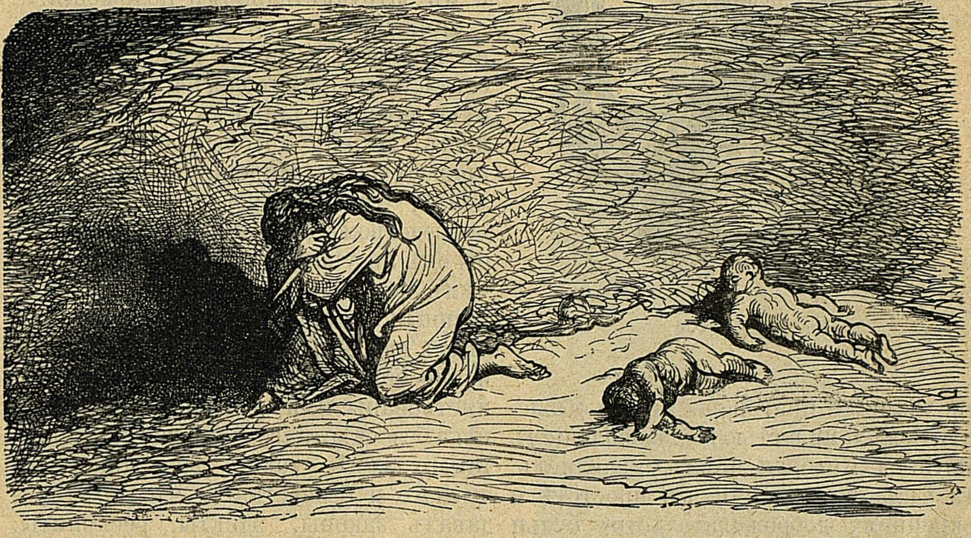
Сказавъ это, Пантагрюэль поклонился суду и вышелъ изъ залы. У дверей онъ нашелъ Панурга, Эпистемона, брата Жана и другихъ. Они сѣли на коней, чтобы вернуться къ Гаргантюа. По дорогѣ Пантагрюэль передалъ имъ слово въ слово исторію того, какъ судилъ Бридуа. Братъ Жанъ сказалъ, что онъ знавалъ Перрена Дандена въ то время, какъ онъ проживалъ въ Фонтенъ - Леконтѣ подъ начальствомъ благороднаго аббата Ардильона. Гимнастъ замѣтилъ, что онъ находился въ шатрѣ толстаго Христіана, рыцаря де-Криссе, когда гасконецъ отвѣчалъ авантюристу. Панургъ спорилъ и не хотѣлъ вѣрить въ успѣшность судебнаго разбирательства по жребію и въ продолженіи такого долгаго времени. Эпистемонъ же сказалъ Пантагрюэлю:

— Такую же исторію разсказываютъ намъ про одного судью въ Монлери. Но что сказать про успѣшный ходъ судебныхъ разбирательствъ въ теченіе столькихъ лѣтъ? Одинъ или два приговора, произнесенные такимъ образомъ на удачу, меня бы не удивили, въ особенности въ случаяхъ затруднительныхъ, спорныхъ и темныхъ самихъ по себѣ.

XLIV.

О томъ, какъ Пантагрюэль разсказываетъ диковинную повѣсть про невѣрность людскихъ приговоровъ.

— Вотъ какого рода тяжба разбиралась въ присутствіи азіатскаго проконсула Долабеллы,—сказалъ Пантагрюэль. Дѣло было такого рода: одна женщина въ Смирнѣ имѣла отъ перваго мужа ребенка, по имени Абеце. По смерти мужа она, по прошествіи нѣкотораго времени, вышла вторично замужъ и отъ второго мужа имѣла тоже сына по имени Ефеже. Какъ вамъ извѣстно, вотчимы и мачихи не особенно бываютъ расположены къ своимъ пасынкамъ, и второй мужъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ предательски, заманивъ въ западню, убили Абеце. Женщина, узнавъ объ этомъ предательствѣ и злодѣяніи, не захотѣла оставить его безнаказаннымъ и умертвила ихъ обоихъ, отомстивъ такимъ образомъ за смерть своего перваго сына. Ее арестовали и привели судить къ Долабеллѣ. Въ его присутствіи она созналась въ своемъ поступкѣ, ничего не утаивъ; она утверждала только, что убила ихъ по праву и по справедливости: такова была сущность процесса. Долабелла нашелъ дѣло столь затруднительнымъ, что не зналъ—на чью сторону стать. Преступленіе женщины было велико: она убила своего второго мужа и ребенка; но причина убійства казалась ему натуральной и какъ бы основанной на народномъ правѣ, ибо они убили ея перваго сына предательски, заманивъ его въ западню, при чемъ онъ ничѣмъ ихъ не оскорбилъ и не обидѣлъ, и единственнымъ поводомъ имъ служило корыстолюбіе и желаніе завладѣть всѣмъ наслѣдствомъ. Поэтому онъ перенесъ дѣло въ Ареопагъ въ Аѳинахъ, чтобы узнать, какое ихъ будетъ мнѣніе и рѣшеніе. Ареопагъ же въ отвѣтъ потребовалъ, чтобы черезъ сто лѣтъ ему прислали тяжущіяся стороны лично, для словесныхъ показаній, которыя не были включены въ процессъ. Это означало другими словами, что дѣло казалось имъ такимъ затруднительнымъ и запутаннымъ, что они не знали какъ его рѣшить. Вотъ если бы кто-нибудь рѣшилъ это дѣло при помощи костей, то не ошибся бы ни въ какомъ случаѣ. Если бы рѣшеніе оказалось противъ женщины, то она вѣдь заслуживала кары, ибо взяла на себя отомщеніе, которое принадлежало правосудію. Если бы оно оказалось за женщину, то вѣдь у нея была причина жестоко горевать. Но какъ могъ Бридуа судить такимъ путемъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ,—это меня удивляетъ.



Къ гл. XLIV-й.

— Я не берусь отвѣчать категори-

Къ гл. XLIV-й.

чески на вашъ вопросъ,—отвѣчалъ Эпистемонъ 1),—долженъ въ этомъ сознаться. Одно несомнѣнно: онъ самъ сознается, что такъ поступалъ. Могу, однако, высказать предположеніе, что эти удачные приговоры можно объяснить Божіей милостью и благоволеніемъ той Силы, Которая всѣмъ управляетъ. Эта Сила, во вниманіе къ простотѣ и искреннему доброжелательству судьи Бридуа, который, не довѣряя своимъ знаніямъ и способностямъ; сознавая недостатки и противорѣчія, существующія въ законахъ, эдиктахъ, обычномъ правѣ и указахъ; понимая подвохи адскаго клеветника, который часто надѣваетъ личину вѣстника добра и правды и черезъ своихъ слугъ,—извращенныхъ адвокатовъ, совѣтниковъ, прокуроровъ и другихъ клевретовъ,—превращаетъ черное въ бѣлое; облыжно показываетъ то той, то другой сторонѣ, что она права, такъ какъ вамъ извѣстно, что нѣтъ такого сомнительнаго дѣла, которое бы не нашло своего адвоката,—безъ чего никакіе процессы не были бы возможны,—смиренно уповалъ на Бога, Судію Праведнаго, и призывалъ на помощь небесную благодать и возлагалъ на Святаго Духа бремя и случайность окончательнаго приговора и путемъ того, что мы называемъ жребіемъ, испытывалъ его велѣнія и рѣшенія; короче сказать: бросая кости, узнавалъ, кто ихъ тяжущихся заслуживаетъ благосклоннаго приговора со стороны правосудія. Вѣдь недаромъ говорятъ талмудисты, что нѣтъ ничего худого въ метаніи жребія, ибо этимъ путемъ Божественная воля открывается людямъ, когда они находятся въ сомнѣніи и въ затруднительномъ положеніи.

Поистинѣ, я не могу ни думать, ни говорить и ни въ какомъ случаѣ согласиться,—такъ какъ я знаю страшную несправедливость и испорченность людей, которые отправляютъ правосудіе въ Мирелингскомъ парламентѣ,—чтобы процессъ, рѣшенный посредствомъ бросанія костей—и какъ бы онѣ ни упали—былъ хуже рѣшенъ, чѣмъ когда онъ пройдетъ черезъ обагренныя кровью и безсовѣстныя руки этихъ людей. Вѣдь все ихъ направленіе и способы отправленія правосудія заимствованы ими у Трибоніана, человѣка безсовѣстнаго, невѣрнаго, варвара такого злого, такого развращеннаго, алчнаго и безчестнаго, что онъ продавалъ законы, эдикты, рескрипты, указы и постановленія тому, кто дороже заплатитъ. Такимъ образомъ онъ разбилъ законы на куски, какими мы ихъ видимъ теперь, между тѣмъ какъ онъ устранилъ и подавилъ все право въ совокупности, такъ какъ боялся, чтобы міръ не узналъ про его низость, если онъ оставитъ весь законъ въ неприкосновенности, вмѣстѣ съ книгами древнихъ юрисконсультовъ о двѣнадцати скрижаляхъ и эдиктахъ преторовъ. Поэтому часто было бы лучше, или, по крайней мѣрѣ, не такъ худо, если бы тяжущіяся стороны попали въ капканъ, нежели искать у этихъ людей рѣшенія своихъ споровъ и правосудія. Не даромъ въ свое время Катонъ желалъ и предлагалъ, чтобы судебныя палаты были вымощены капканами.

---

1) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стоитъ Пантагрюэль.

XLV.

О томъ, какъ Панургъ совѣтуется съ Трибулэ.

На шестой затѣмъ день Пантагрюэль вернулся домой, какъ разъ въ тотъ часъ, какъ Трибулэ прибылъ водою въ Блуа. По его прибытіи Панургъ подарилъ ему свиной пузырь, сильно раздутый и звонкій отъ того, что былъ набитъ горохомъ; кромѣ того деревянную, хорошо вызолоченную шпагу и небольшой ягдташъ изъ черепахи; сверхъ того плетеную фляжку съ бретонскимъ виномъ и мѣру красныхъ яблокъ.

— Какой онъ дуракъ!—сказалъ Карпалимъ,—сущій, настоящій дуракъ!

Трибулэ привѣсилъ шпагу и ягдташъ, взялъ пузырь въ руку, съѣлъ половину яблокъ, выпилъ все вино.

Панургъ съ любопытствомъ глядѣлъ на него и сказалъ:

— До сихъ поръ я еще не видывалъ дурака,—а видѣлъ я ихъ больше чѣмъ на десять тысячъ франковъ,—который бы не пилъ охотно и жадно.

И затѣмъ изложилъ ему свое дѣло въ краснорѣчивыхъ и изящныхъ словахъ. Не успѣлъ онъ договорить, какъ Трибулэ изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по спинѣ, сунулъ ему бутылку въ руку, а свиной пузырь подъ носъ и вмѣсто отвѣта сказалъ, сильно качая головой:

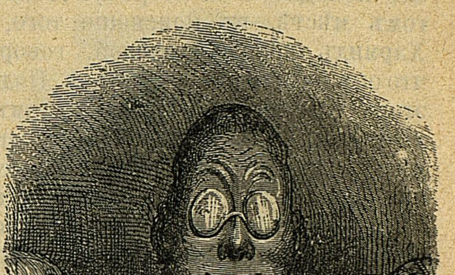
— Ей-Богу, дуракъ круглый! Берегись монаха, волынка изъ Бюзансе.

Послѣ этихъ словъ отошелъ отъ нихъ и сталъ играть пузыремъ, наслаждаясь мелодическими звуками, производимыми горохомъ. И затѣмъ невозможно было вырвать у него хоть какое-нибудь слово. А такъ какъ Панургъ приставалъ къ нему съ разспросами, Трибулэ вытащилъ свою деревянную шпагу и хотѣлъ ею его проколоть.

— Однако,—мы кругомъ одурачены, сказалъ Панургъ. Вотъ такъ штука! Что онъ дуракъ — этого отрицать нельзя; но еще глупѣе тотъ, кто мнѣ его привелъ, а всѣхъ глупѣе я самъ, что сообщилъ ему свои мысли.

— Это, кажется, летитъ камень въ мой огородъ,—отвѣчалъ Карпалимъ.

— Вмѣсто того, чтобы ссориться,—сказалъ Пантагрюэль,—не лучше ли обсудить его слова и жесты. Мнѣ кажется, что въ нихъ скрывается нѣчто глубокое и сокровенное, и я больше не удивляюсь тому, что турки считаютъ такихъ дураковъ мудрецами и пророками. Замѣтили вы, какъ онъ качалъ головой, прежде нежели заговорить? По ученію древнихъ философовъ, равно какъ въ силу обычаевъ маговъ и наблюденій юрисконсультовъ, слѣдуетъ признать, что такое движеніе вызывается духомъ пророчества, который, наполняя внезапно небольшой и слабый мозгъ (такъ какъ вамъ извѣстно, что мозгъ не можетъ быть великъ въ маленькой головѣ) настолько ее потрясаетъ, что по опредѣленію врачей наступаетъ трясеніе членовъ, частью отъ силы самаго толчка, частью отъ слабости затронутаго органа. По-



Къ гл. XLIV-й.

разительное доказательство тому мы видимъ въ тѣхъ, кто не можетъ въ трезвомъ состояніи держать въ рукахъ большого кубка съ виномъ безъ того, чтобы руки не тряслись. Это самое наблюдалось у Пиѳіи, которая, прежде нежели произнести оракулъ, сильно раскачивала надѣтый на нее лавровый вѣнокъ. Такъ, по словамъ Лампридіуса, императоръ Геліогабалъ, чтобы прослыть прорицателемъ, сильно раскачивалъ головой среди своихъ фанатическихъ евнуховъ, когда чествовался его большой идолъ. Такъ Плавтъ объявляетъ въ своей «Asinaria», что Соріасъ на ходу моталъ головой какъ бѣшеный и полоумный, пугая тѣхъ, кто попадался на встрѣчу. А въ другомъ мѣстѣ, въ поясненіе того, что Хармидъ качалъ головой, говоритъ, что онъ находился въ экстазѣ. Подобно этому Катуллъ повѣствуетъ намъ въ «Berecynthia» и «Athys» объ одномъ мѣстѣ, гдѣ менады, бѣснующіяся и пьяныя жрицы Бахуса, махали головами, неся въ рукахъ тирсы, увитые плющемъ. То же самое дѣлали жрецы Цибеллы, отправляя свое служеніе, откуда ихъ богиня, по словамъ древнихъ теологовъ, получила свое названіе, такъ какъ: κυβίθαι означаетъ вертѣть, извиваться, качать головой. То же и Титъ Ливій сообщаетъ, что во время вакханалій въ Римѣ казалось со стороны, что мужчины и женщины какъ будто прорицали отъ того, что они качали головой и производили особенныя тѣлодвиженія. По общему воззрѣнію какъ философовъ, такъ и народа, даръ прорицанія со стороны боговъ всегда сопровождался трясеніемъ головы и содроганіемъ всего тѣла, не только тогда, когда прорицатель получалъ даръ отъ божества, но и тогда, когда онъ его проявлялъ. И, дѣйствительно, знаменитый юристъ Юліанъ, спрошенный однажды, можно ли считать, по его мнѣнію, здравомыслящимъ раба, который, находясь въ компаніи фанатическихъ и безумныхъ людей, сталъ бы прорицать, не качая при этомъ головой, отвѣчалъ, что считалъ бы его здравомыслящимъ. Такъ мы видимъ современныхъ намъ наставниковъ и педагоговъ, раскачивающихъ головы своихъ учениковъ, когда дерутъ ихъ за уши (точно горшокъ за ручки), — при чемъ этотъ органъ, по мнѣнію мудрыхъ египтянъ, посвященъ памяти. Они дѣлаютъ это для того, чтобы образумить своихъ учениковъ и вернуть имъ вниманіе, если оно, паче чаянія, поглощено чѣмъ-нибудь другимъ. Виргилій утверждаетъ, что самого Аполлона драли такимъ образомъ за уши [1].

XLVI.

О томъ какъ, Пантагрюэль и Панургъ различно понимали слова Трибулэ.

— Онъ говоритъ, что вы дуракъ. И какой дуракъ? Дуракъ непроходимый, за то, что хотите на старости лѣтъ жениться, связать и подчинить себя. Онъ говоритъ вамъ: берегись монаха. Честью ручаюсь, что какой-нибудь монахъ сдѣлаетъ васъ рогоносцемъ. Я ручаюсь въ этомъ своей честью, а она для меня дороже всего на свѣтѣ, дороже чѣмъ быть единственнымъ и мирнымъ владѣтелемъ Европы, Азіи и Африки. Замѣтьте, какъ я довѣряю нашему дураку и мудрецу Трибулэ. Другіе оракулы и предвѣщанія просто утверждали, что ты будешь рогоносцемъ, но не говорили положительно, кто сдѣлаетъ вашу жену невѣрной, а васъ рогоносцемъ. Благородный же Трибуле говоритъ это! И вы будете позорнымъ и скандальнымъ рогоносцемъ. Подумайте: супружеское ложе ваше будетъ осквернено монахомъ! Далѣе онъ говоритъ, что вы будете волынкой Бюзансе, что значитъ, что вами будутъ играть на весь околотокъ. [2] И подобно тому, какъ самъ онъ (Трибуле) хотѣлъ просить у короля Людовика для своего брата управленіе солянымъ акцизомъ въ Бюзансе, а вмѣсто того попросилъ волынку, такъ и вы, желая жениться на доброй и честной женщинѣ, женитесь на женщинѣ безтолковой, болтливой, сварливой, крикливой и несносной, какъ волынка. И замѣтьте еще, что онъ тыкалъ вамъ въ носъ пузыремъ и хлопалъ кулакомъ по спинѣ, а это означаетъ, что вы будете биты, водимы за носъ и обворованы, какъ сами вы только-что уворовали свиной пузырь у дѣтей въ Вобретонѣ.

---

[1] Эклоги, VI, 3.

[2] Въ этомъ мѣстѣ у Раблэ непереводимая игра словами: cornemuse, corné, cornard et cornemusard.

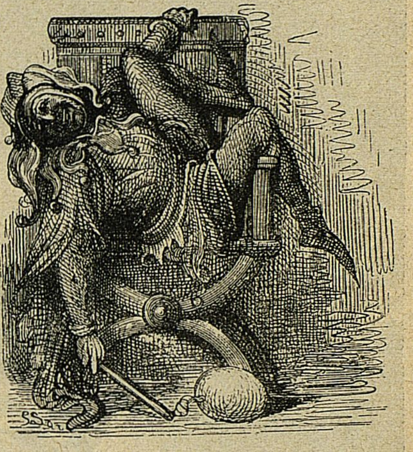
— Напротивъ того,—отвѣчалъ Панургъ,—хотя я вовсе не намѣреваюсь безстыдно исключить себя изъ сферы всеобщей глупости. Нѣтъ и я къ ней принадлежу, сознаюсь въ томъ. Весь свѣтъ глупъ. Всѣ люди дураки! Соломонъ говоритъ, что число дураковъ безконечно, а, какъ доказываетъ Аристотель, къ безконечности нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. И былъ бы я еще пущимъ дуракомъ, если бы, будучи глупъ, отрицалъ бы, что я дуракъ. Такъ поступаютъ только полоумные и маніаки. Ибо, какъ говоритъ Авиценна, есть много родовъ глупости. Но вообще его слова и жесты для меня благопріятны. Онъ говоритъ женѣ моей: берегись монаха. Это означаетъ, что она, какъ Лесбія Катулла, будетъ забавляться воробышкомъ. 1), который будетъ ловить мухъ и вообще такъ же весело проводить время, какъ его проводилъ нѣкогда мухоловъ Домиціанъ. Далѣе онъ говоритъ, что она будетъ поселянка и пріятна какъ волынка въ Солье или Бюзансе. Правдивый Трибулэ хорошо знаетъ мой характеръ и мои вкусы. Ибо завѣряю васъ, что мнѣ больше по вкусу веселыя и растрепанныя пастушки, юбки которыхъ пахнутъ богородской травой, нежели важныя придворныя дамы съ ихъ богатыми нарядами и тонкими духами. Звуки сельской волынки нравятся мнѣ больше, нежели звуки лютни или скрипки. Онъ стукнулъ кулакомъ по моей благородной спинѣ. Ради Бога, пусть мнѣ это зачтется, когда я попаду въ чистилище. Онъ сдѣлалъ это не изъ злости. Онъ думалъ, можетъ быть, что похлопалъ какого-нибудь пажа. Онъ вѣдь искренній дуракъ; невинный, увѣряю васъ, и грѣшно о немъ худо думать. Я отъ всего сердца прощаю ему. Онъ тыкалъ меня въ носъ, но это означаетъ только, что мы съ женой будемъ дурачиться другъ съ дружкой, какъ это свойственно всѣмъ новобрачнымъ.

XLVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль и Панургъ рѣшили посовѣтоваться съ Божественной бутылкой.

— Вотъ еще одинъ пунктъ, который вы упустили изъ виду, а между тѣмъ онъ очень важенъ. Онъ сунулъ мнѣ въ руку бутылку, Что это значитъ? Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

— Вѣроятно, то, что ваша жена будетъ пьяницей, — отвѣчалъ Пантагрюэль.



Къ гл. XLVI-й.

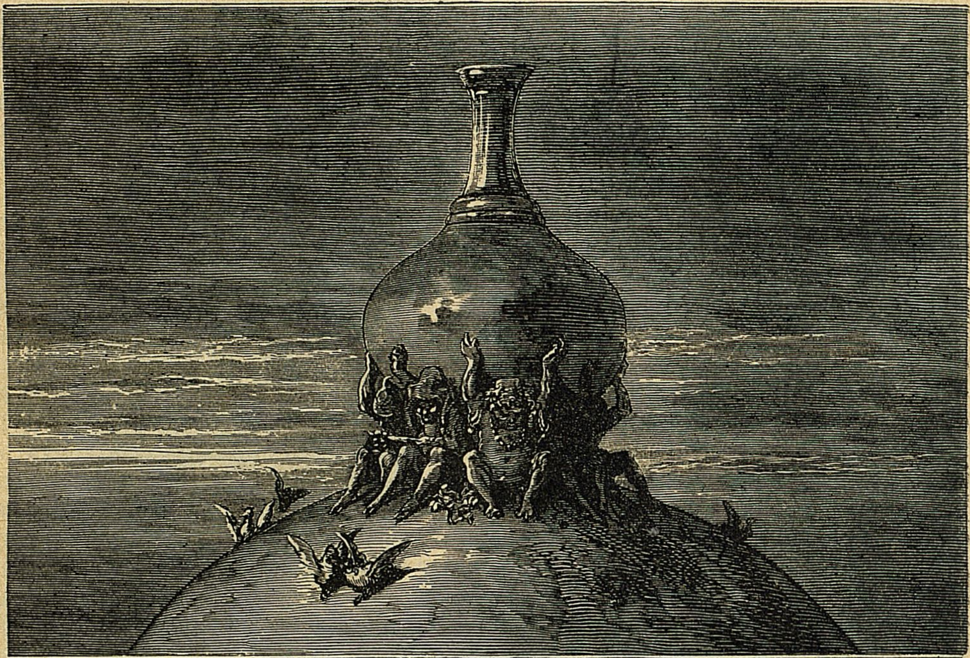
— Напротивъ того, — сказалъ Панургъ, — вѣдь бутылка была пуста. Клянусь спиннымъ хребтомъ святого Феликса изъ Бри, этотъ мудрый дуракъ, этотъ милѣйшій и не глупый дуракъ указываетъ мнѣ обратиться къ бутылкѣ! И я возобновляю вамъ мою первую клятву и въ вашемъ присутствіи клянусь Стиксомъ и Ахерономъ не носить очковъ на шапкѣ, ни клапана на штанахъ, пока не услышу оракула бутылки. Я знаю одного осторожнаго человѣка, моего пріятеля, которому извѣстны мѣсто, земля и страна, гдѣ находится его храмъ и оракулъ. Онъ навѣрное насъ туда проводитъ.

---

1) Здѣсь опять игра словами: moine (монахъ), moineau (воробей).

Отправимся туда вмѣстѣ; я васъ умоляю сопровождать меня. Я буду для васъ Ахатомъ, Дамисомъ [1]) и спутникомъ во все время путешествія. Я издавна знаю васъ какъ любителя передвиженій, желающаго все видѣть и всему научиться. Мы увидимъ чудесныя вещи, повѣрьте мнѣ.

— Охотно,—отвѣчалъ Пантагрюэль. Но прежде чѣмъ пуститься въ это длинное странствіе, исполненное всякихъ случайностей и опасностей.....



Къ гл. XLVII-й.

— Какихъ опасностей?—перебилъ его Панургъ.—Опасности убѣгаютъ отъ меня на семь лье въ окружности подобно тому, какъ судья исчезаетъ, когда появляется государь, а мракъ бѣжитъ отъ солнца, и какъ исчезали болѣзни при прибытіи тѣла Св. Мартина въ Квандѣ.

—Кстати,—сказалъ Пантагрюэль,—прежде чѣмъ пуститься въ путь, намъ слѣдуетъ многимъ распорядиться. Вопервыхъ, отослать Трибулэ въ Блуа.

Что и было немедленно исполнено, при чемъ Пантагрюэль подарилъ ему плащъ изъ золотой парчи.

— Во-вторыхъ, мы должны испросить совѣта и разрѣшенія ѣхать у короля, моего родителя. Кромѣ того намъ нужно найти какую-нибудь сивиллу, которая могла бы служить намъ путеводителемъ и переводчикомъ.

Панургъ отвѣчалъ, что съ нихъ довольно будетъ его друга Ксеномана и кромѣ того онъ расчитываетъ проѣхать черезъ Фонарную страну и запастись тамъ ученымъ, полезнымъ фонаремъ, который будетъ служить имъ въ этомъ путешествіи такъ, какъ служила сивилла Энею, когда тотъ спускался въ Елисейскія Поля.

Карпалимъ, проходившій мимо, сопровождая Трибулэ, услышалъ эти слова и вскричалъ.

— Эй ты, Панургъ!—Господинъ Квитъ, захвати въ Калэ милорда Debitis, потому что онъ большой забавникъ и не забудь debitoribus, то-есть фонарей. Такимъ образомъ у тебя будетъ цѣлый комплектъ фонарей [1]).

---

[1]) Дорожные спутники Аполлонія Тіанскаго.

— Я предсказываю,—замѣтилъ Пантагрюэль, что мы не разведемъ скуки во время нашего путешествія. Мнѣ это вполнѣ ясно. Я жалѣю только, что не говорю на фонарномъ языкѣ.

— Я буду говорить на немъ за васъ всѣхъ,—отвѣчалъ Панургъ, я понимаю его какъ свой, родной, я знаю его вдоль и попересъ:

Brifz marg dalgotbric nubstzne zos,
Isqnebsz prusq albork crinqs zacbac.
Misbe dilbarkz morp nipp stancz bos,
Strombtz, Panurge walmap quost gruszbac [2]).

— Ну, угадай, Эпистемонъ, что это значитъ.

— Это названія чертей бродячихъ, чертей проходящихъ, чертей ползучихъ,—отвѣчалъ Эпистемонъ.

— Вѣрно сказано, любезный другъ, —сказалъ Панургъ. Это придворный языкъ фонарщиковъ, и дорогой я составлю для тебя славный словарикъ, который прослужитъ не болѣе, чѣмъ пара новыхъ башмаковъ. Ты мигомъ овладѣешь имъ. То, что я сказалъ теперь по фонарному, можно перевести такъ:

Несчастіе гналось за мной по пятамъ, пока
Я былъ влюбленъ; ничто мнѣ не удавалось.
Но женатые люди гораздо счастливѣе.
Панургъ женатъ и знаетъ это.

— Ну, значитъ, теперь остается только спросить согласіе короля, моего родителя, и позволеніе ѣхать.

XLVIII.

О томъ, какъ Гаргантюа доказываетъ, что дѣти не должны вступать въ бракъ безъ вѣдома и согласія родителей.

Когда Пантагрюэль вошелъ въ большой залъ дворца, онъ нашелъ тамъ Гаргантюа, который только-что вышелъ изъ засѣданія совѣта. Онъ доложилъ ему о предположенномъ путешествіи и просилъ позволенія предпринять его.

Добрякъ Гаргантюа держалъ въ рукахъ два толстыхъ пакета съ просьбами, на которыя уже послѣдовалъ отвѣтъ, и такими, на которыя отвѣта еще не было дано. Онъ передалъ ихъ Ульриху Галлѐ, своему многолѣтнему писцу и рекетмейстеру, отвелъ въ сторону Пантагрюэля и съ болѣе веселымъ, чѣмъ обыкновенно, лицомъ сказалъ ему:

— Хвала Богу, любезнѣйшій сынъ, за то, что онъ внушаетъ тебѣ добродѣтельныя желанія. Мнѣ очень пріятно, чтобы ты совершилъ это путешествіе, но я желалъ бы также, чтобы тебѣ пришла охота жениться. Мнѣ кажется, что ты уже въ приличномъ для того возрастѣ. Панургъ очень старается устранить затрудненія, какія ему въ томъ препятствуютъ.

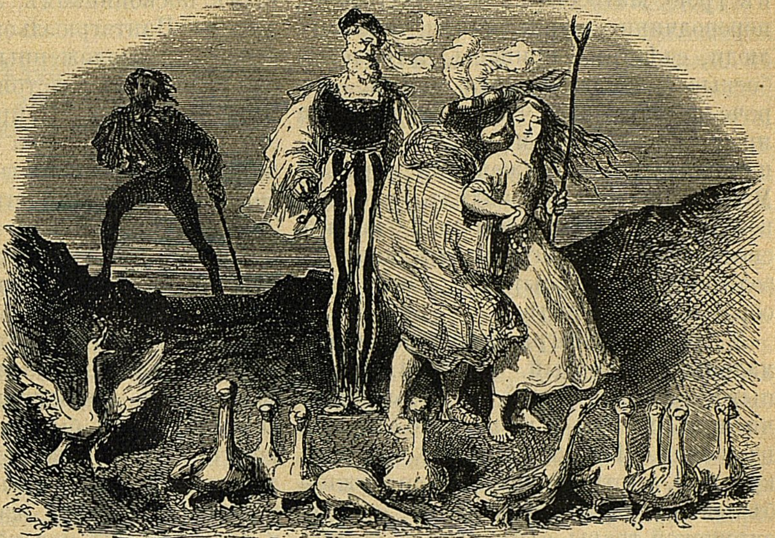
— Я въ вашей волѣ, милостивѣйшій родитель,—отвѣчалъ Пантагрюэль, самъ я объ этомъ еще не думалъ: въ этомъ дѣлѣ я вполнѣ полагаюсь на вашу добрую волю и ваши родительскія приказанія. Я готовъ молить Бога, чтобы Онъ повергъ меня къ вашимъ ногамъ мертвымъ, въ угоду вамъ, скорѣе нежели не угодить вамъ своей женитьбой. Я еще не слыхивалъ, чтобы какой-либо законъ, будь то церковный, или свѣтскій и варварскій, разрѣшалъ дѣтямъ жениться вопреки волѣ, желанію или согласію ихъ отцовъ, матерей, родственниковъ и близкихъ. Всѣ законодатели отказали дѣтямъ въ этомъ правѣ и предоставили его ихъ родителямъ.

— Любезнѣйшій сынъ,—отвѣчалъ Гаргантюа,—я вѣрю тебѣ и благодарю Бога, что тебѣ въ голову приходятъ только добрыя и похвальныя вещи, и что путемъ твоихъ чувствъ ничто не вселяется въ твоемъ умѣ, кромѣ либеральнаго знанія. Ибо еще въ мое время существовала на континентѣ страна, гдѣ, Богъ знаетъ, какіе-то египетскіе жрецы, слѣпые, какъ кроты, такъ же ненавидѣли бракъ, какъ первосвященники Кибелы во Фригіи, точно они были каплунами, а не жрецами Кибелы, исполненными сладострастія и похоти: они предписывали свои законы женатымъ людямъ относительно брака. И не знаю, что̀ больше осуждать: тиранническое ли самомнѣніе этихъ опасныхъ кротовъ, которые, переступая за границы своихъ таинственныхъ храмовъ, вмѣшивались въ дѣла, діаметрально противоположныя ихъ призванію, или же суевѣрную глупость женатыхъ людей, которые освящали такіе вредные и варварскіе законы и повиновались имъ. И не видѣли при этомъ того, что однако ясно какъ утренняя звѣзда, а именно: что такое освященіе законовъ направлено было къ выгодѣ этихъ жрецовъ, а ничуть не къ выгодѣ женатыхъ людей, чего одного уже было бы достаточно, чтобы навести на сомнѣніе въ справедливости такихъ законовъ и въ обманѣ со стороны жрецовъ. Въ отвѣтъ на такое нахальство они могли бы такъ же хорошо предписывать законы жрецамъ относительно ихъ жертвоприношеній и церемоній, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, т.-е. жрецы, растрачиваютъ ихъ имущество и отнимаютъ заработки, которые достаются имъ въ потѣ лица, чтобы жить въ изобиліи и праздности. И эти законы, я въ томъ убѣжденъ, были бы, конечно, менѣе вредны и нелѣпы, чѣмъ тѣ, которые навязывались имъ. Ибо, какъ ты справедливо выразился, нѣтъ такого закона въ мірѣ, который бы давалъ дѣтямъ свободу вступать въ бракъ безъ вѣдома, желанія и согласія родителей. Между тѣмъ, благодаря тѣмъ законамъ, о которыхъ я говорю, каждый негодяй, злодѣй, разбойникъ, висѣльникъ, лѣнтяй и пьяница, каждый подлецъ, бродяга и грабитель можетъ каждую дѣвушку, которая ему понравится — и будь она благородна, прекрасна, богата, воспитанна и цѣломудренна — силой вырвать изъ дома ея отца, изъ объятій ея матери и наперекоръ всѣмъ ея родственникамъ, если онъ соединится съ такимъ жрецомъ, который впослѣдствіи дѣлитъ съ нимъ добычу. Поступали ли когда хуже или жесточе этого готы, скиѳы, массагеты въ завоеванномъ городѣ, когда онъ, наконецъ, попалъ въ ихъ руки послѣ долгой осады? И вотъ огорченнымъ родителямъ приходится видѣть, какъ чужой, незнакомый, грубый, неотесаный, удрученный болѣзнями, искутившійся, изношенный, жалкій оборванецъ уводитъ отъ нихъ ихъ прекрасныхъ, нѣжныхъ, богатыхъ цвѣтущихъ дочерей, которыхъ они съ любовью воспитывали въ холѣ и добродѣтели, пріучали къ уваженію нравственности и хотѣли выдать замужъ, за такихъ же хорошо воспитанныхъ сыновей своихъ сосѣдей и друзей, чтобы отъ такого брака произошло цвѣтущее потомство, которое вмѣстѣ съ добрыми качествами своихъ родителей наслѣдовало бы также ихъ имущество. Скажи: каково имъ это видѣть? И не такъ же ли велико ихъ горе, какъ было велико горе римскаго народа и его союзниковъ, когда онъ услышалъ про кончину Германика Друза? Не такъ же ли велико ихъ горе, какъ было велико горе лакедемонянъ, когда изъ ихъ страны была тайкомъ похищена троянцемъ Парисомъ гречанка Елена, ради преступной любви? Повѣрь, ихъ горе и отчаяніе были такъ же велики, какъ горе и отчаяніе Цереры, когда у нея была похищена ея дочь Прозерпина; или Изиды, лишившейся Озириса; или Венеры, когда умеръ Адонисъ; или Геркулеса, когда сошелъ съ ума Гиласъ; или Гекубы при похищеніи Поликсены. Но они такъ охвачены страхомъ передъ демономъ и суевѣріемъ, что не смѣютъ противорѣчить въ присутствіи жреца, устроившаго этотъ союзъ. И сидятъ они въ своихъ домахъ, лишась дочерей, столь любимыхъ, отецъ — проклиная день и часъ своего брака, мать — сожалѣя, что произвела на свѣтъ свое дитя, и такимъ образомъ остатокъ ихъ жизни проходитъ въ слезахъ и горести, тогда какъ всѣ основанія имѣлись на то, чтобы она окончилась въ мірѣ и радости. Многіе же выходятъ изъ себя и настолько теряютъ самообладаніе, что, не въ силахъ будучи перенести свой позоръ, топятся, вѣшаются и инымъ способомъ убиваются. Другіе же, напротивъ того, одушевясь болѣе геройскимъ духомъ и по примѣру сыновей Іакова, отомстившихъ за похищеніе сестры ихъ Дины, заставъ разбойника въ союзѣ со жрецомъ, тайкомъ соблазняющими ихъ дочерей, тутъ же на мѣстѣ убиваютъ ихъ и бросаютъ на съѣденіе вранамъ и волкамъ. Но этотъ рыцарскій поступокъ вызываетъ гнѣвъ и негодованіе соучастниковъ жрецовъ: они поднимаютъ жестокіе вопли, призываютъ на помощь свѣтское правосудіе и государственную власть и нахально, необузданно требуютъ отъ нихъ, чтобы они примѣрно наказали такое злодѣяніе. Но ни въ какомъ обычномъ правѣ, ни въ какомъ имперскомъ законодательствѣ никогда не стояло параграфа или статьи, какими бы, вопреки разуму и природѣ, каралось такое дѣяніе пыткой или смертью. Потому что только нечестный человѣкъ, узнавъ о позорѣ, обидѣ или безчестіи, причиненномъ его дочери, не загорится бо́льшимъ гнѣвомъ, чѣмъ когда онъ услышалъ бы объ ея смерти. Если же кто застигнетъ убійцу своей дочери на мѣстѣ преступленія, тотъ имѣетъ право, —мало того: тому сама природа велитъ--убить его на мѣстѣ, и онъ не подлежитъ за то никакой карѣ. Не диво поэтому, если кто застигнетъ негодяя, сводящаго его дочь изъ родительскаго дома, хотя бы и съ ея согласія, и жреца, ему въ томъ помогающаго, что онъ убьетъ ихъ какъ собакъ, а трупы ихъ броситъ дикимъ звѣрямъ на растерзаніе, какъ недостойныхъ послѣдняго объятія великой матери земли, которое мы называемъ погребеніемъ. Любезнѣйшій сынъ, позаботься, чтобы послѣ моей смерти не установились такіе законы въ этомъ королевствѣ, а пока я буду здравъ и невридимъ, я самъ съ Божіей помощью о томъ позабочусь. И такъ относительно своего брака ты полагаешься на меня,—то я о немъ позабочусь. Приготовься къ путешествію вмѣстѣ съ Панургомъ. Возьми съ собой Эпистемона, брата Жана и другихъ по своему выбору.Возьми, сколько хочешь, денегъ изъ моей казны. Все, что бы ты ни сдѣлалъ, не будетъ противно моей волѣ. Изъ моего Ѳаласскаго арсенала набери такой экипажъ, какого пожелаешь: столько кормчихъ, матросовъ и переводчиковъ, сколько найдешь нужнымъ. При первомъ попутномъ вѣтрѣ снимайтесь съ якоря, и Господь Богъ да благословитъ вашъ путь! Во время твоего отсутствія я поищу тебѣ жену и сдѣлаю всѣ необходимыя приготовленія къ свадебному пиршеству, какое будетъ отпраздновано на славу.

---

[1]) Тутъ непереводимая игра словами: falot (фонарь, забавникъ) и lanterne.

[2]) Вымышленныя слова, не имѣющія никакого смысла.



Къ гл. XLVIII-й.

XLIX.

О томъ, какъ Панургъ готовился къ морскому путешествію, и о травѣ, называемой Пантагрюэльонъ.

Нѣсколько дней спустя Пантагрюэль, простившись съ добрымъ Гаргантюа, который напутствовалъ сына добрыми пожеланіями, прибылъ въ портъ Θаласъ, близъ Саммало[1], въ сопровожденіи Панурга, Эпистемона, брата Жана Сокрушителя, аббата Телемскаго и другихъ благородныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Ксеномана, великаго путешественника, привычнаго къ опаснымъ дорогамъ, который явился по призыву Панурга, потому что былъ нѣкотораго рода леннымъ владѣльцемъ въ Сальмигонди. Прибывъ туда, Пантагрюэль снарядилъ нѣсколько кораблей, въ такомъ же числѣ, какъ нѣкогда Аяксъ изъ Саламины привелъ къ грекамъ въ Трою. Матросы, кормчіе, штурмана, переводчики, ремесленники, военные люди, съѣстные припасы, артиллерія, боевые снаряды, одежда, деньги,—короче сказать, все, что необходимо для продолжительнаго и опаснаго путешествія, было нагружено на корабли. Между прочимъ, я видѣлъ, что онъ велѣлъ нагрузить большой запасъ своей травы Пантагрюэльонъ, какъ въ зеленомъ и въ сыромъ, такъ и въ обработанномъ видѣ.

У травы Пантагрюэльонъ корешокъ маленькій, твердый, круглый, съ тупымъ концомъ, бѣлый, съ небольшимъ числомъ мочекъ и не глубоко сидящій въ землѣ. Изъ корня идетъ стебель, круглый, плотный, зеленый снаружи и бѣлый изнутри, похожій на стебель смирнской травы, olus atrum, бобовъ и горечавки; прямой, ломкій, съ зазубринами въ родѣ коринѳской колонны и волокнистый въ особенности въ своей средней части, которая называется mesa, и въ той, что зовется Mylasea. Высота его обыкновенно бываетъ отъ пяти до шести футовъ. Но иногда достигаетъ высоты копья. А именно: когда почва мягкая, болотистая, легкая, сырая, но не холодная: какъ, напримѣръ, въ Олонѣ или въ Розеѣ, близъ Пренесте въ Сабиніи, и когда нѣтъ недостатка въ дождѣ въ рыбацкіе каникулы[2] и около лѣтняго солнцестоянія. И переростаетъ даже тѣ деревья, которыя по Теофрасту называются malvaceae. Хотя все-таки это растеніе—трава и ежегодно погибаетъ, а не имѣетъ, подобно деревьямъ, прочныхъ корней, ствола и вѣтвей, тѣмъ не менѣе, изъ стебля идутъ плотныя и сильныя развѣтвленія. Листья его въ длину въ три раза больше, чѣмъ въ ширину, и всегда зеленые, плотные, шершавые и зубчатые, какъ у бетоніи и оканчиваются въ формѣ ланцета, который употребляютъ хирурги. По формѣ они мало отличаются отъ листьевъ ясеня или репейки и такъ похожи на посконникъ, что нѣкоторые ботаники считаютъ Пантагрюэльонъ воздѣланнымъ посконникомъ, а посконникъ—дикимъ Пантагрюэльономъ. Число листьевъ, расположенныхъ вокругъ стебля на равномъ разстояніи, доходитъ до пяти или семи. Природѣ такъ мило это растеніе, что она надѣлила его нечетнымъ числомъ листьевъ, имѣющимъ божественное и таинственное значеніе. Запахъ у него очень сильный и мало пріятный для людей съ тонкимъ обоняніемъ. Сѣмена находятся на верхнемъ концѣ стебля и въ довольно значительномъ количествѣ, какъ и у всякой другой травы. Сѣмена эти круглыя, продолговатыя, ромбоидальныя, черныя, свѣтлыя и какъ бы темно-красныя, покрыты легкой кожурой, и ихъ очень любятъ пѣвчія птицы, какъ-то коноплянки, щеглята, жаворонки, чижи, и другія. Но въ человѣкѣ, который бы часто и много потреблялъ этого сѣмени, оно убиваетъ производительную способность. И хотя древніе греки приготовляли изъ него разныя лепешки, пирожки и вафли, которыя ѣли въ видѣ дессерта послѣ ужина, чтобы вино казалось имъ вкуснѣе, но оно, тѣмъ не менѣе, разстраиваетъ пищевареніе, плохо переносится желудкомъ, портитъ кровь и дѣйствуетъ даже на мозгъ, благодаря своимъ горячительнымъ свойствамъ, и одурманиваетъ голову.[1] И такъ какъ многія растенія имѣютъ два пола—мужской и женскій, какъ, напримѣръ, лавръ, пальма, дубъ, каменный дубъ, асфодель, мандрагора, папоротникъ, кипарисъ, піонъ и др., такъ и у этой травы есть мужское растеніе, которое не приноситъ цвѣтовъ, но въ изобиліи даетъ сѣмя, и женское растеніе, въ изобиліи покрытое маленькими бѣловатыми цвѣточками, безполезными и не приносящими сѣмени. У послѣдняго, какъ это мы видимъ у многихъ другихъ подобныхъ, листья шире, менѣе плотны, чѣмъ у мужского растенія, и оно не достигаетъ такой высоты. Траву Пантагрюэльонъ сѣютъ вмѣстѣ съ прилетомъ ласточекъ, а вырываютъ изъ земли, когда сверчки перестаютъ пѣть.

---

[1] Сенъ-Мало.

[2] По старо-римскому календарю—7 іюня.

[1] Подобно гашишу, приготовляемому изъ коноплянаго сѣмени (Пантагрюэльонъ).

L.

О томъ, какъ слѣдуетъ приготовлять и употреблять знаменитый Пантагрюэльонъ.

Въ осеннее равноденствіе приготовляютъ Пантагрюэльонъ на различные лады, смотря по народнымъ обычаямъ и различію странъ. По рецепту Пантагрюэля, слѣдовало прежде всего очистить стебель отъ листьевъ и сѣмянъ и затѣмъ въ сухую погоду и при теплой водѣ мочить его въ продолженіе пяти дней въ стоячей, не проточной водѣ. Если же погода пасмурная, а вода холодная, то въ продолженіе девяти или двѣнадцати дней; послѣ того слѣдуетъ ее высушить на солнцѣ, затѣмъ расщипать въ тѣни и отдѣлить волокна, которыя, какъ мы уже сказали, составляютъ его главную цѣнность и значеніе, отъ древесины, которая ни на что не нужна, развѣ только на растопки или на то, чтобы набивать ею свиные пузыри для забавы маленькихъ дѣтей, но иные лакомки употребляютъ ихъ какъ сифоны, чтобы посредствомъ ихъ высасывать молодое вино изъ бочки. Нѣкоторые новѣйшіе пантагрюэлисты, чтобы избавить себя отъ ручного труда, употребляютъ особыя машины, такой формы, которая сходна съ тою, какую придала своимъ пальцамъ сердитая Юнона, когда хотѣла помѣшать Алкменѣ произвести на свѣтъ Геркулеса. И этою машиною разбиваютъ древесину, чтобы отдѣлить отъ нея волокна. И такимъ способомъ пользуются всѣ тѣ, кто, вопреки мнѣнію всего свѣта и ученію древнихъ философовъ, добываетъ кусокъ хлѣба пятясь задомъ. [1]) Тѣ же, которые хотятъ извлечь большую выгоду, поступаютъ такъ, какъ, по разсказамъ, поступали три Парки, какъ по ночамъ забавлялась благородная Цирцея и какъ хитрила Пенелопа относительно влюбленныхъ въ нее жениховъ во время отсутствія Улисса. [2]) Этимъ способомъ растеніе пріобрѣтаетъ тѣ неоцѣнимыя свойства, о которыхъ я хочу вамъ сообщить кое-что,—ибо все сообщить было бы невозможно,—какъ только-что я объясню его названіе.

Я нахожу, что растенія называются весьма различно. Одни названы по имени того, кто первый ихъ открылъ, изучилъ, показалъ другимъ, насадилъ, выростилъ, акклиматизировалъ; такъ напримѣръ Mercurialis отъ Меркурія, Panacea отъ Панаци, дочери Эскулапа, Artemisia отъ Артемиды, т.-е. Діаны, Eupatorium отъ короля Евпатора, Telephium отъ Телефа, Euphorvium отъ Эфорба, врача короля Юбы, Gentiana отъ Гентіуса, короля славянъ и т. д. И эта прерогатива сообщить свое имя открытому растенію настолько цѣнилась во время óно, что Нептунъ съ Палладой заспорили о томъ, чьимъ именемъ назовется земля, ими обоими открытая и которая съ тѣхъ поръ названа была Аѳинами отъ Аѳины, т.-е. Минервы. Точно такъ Линкусъ, король скиѳовъ, вѣроломно казнилъ молодого Триптолема, посланнаго Церерой познакомить людей съ неизвѣстной имъ дотолѣ пшеницей: дабы по смерти того онъ могъ назвать это полезнѣйшее растеніе, необходимое для жизни людей, по своему имени и навѣки его обезсмертить. Но за такое вѣроломство былъ онъ превращенъ Церерой въ рысь. Такъ во время оно велись продолжительныя и жестокія войны нѣкоторыми королями, обитавшими въ Каппадокіи, только изъ-за того, чьимъ именемъ будетъ названо одно растеніе, и позднѣе это растеніе названо было Polemonia, т.-е. воинственное.

---

[1]) Канатчики.

[2]) То-есть они прядутъ и ткутъ волокна.

Другія растенія удержали названіе тѣхъ мѣстностей, откуда они были вывезены, какъ, напримѣръ, мидійскія яблоки, которыя впервые были найдены въ Мидіи; пуническія яблоки, т.-е. гранаты, привезенныя изъ Карѳагена; Ligusticum, привезенныя изъ Лигуріи; Rheubarbe,—по имени варварской рѣки Rha, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Ammianus; Santonica, греческій укропъ, каштаны, персики. Sabina, stoechas отъ Іерскихъ острововъ, которые въ древности назывались Stoechades, Spica, Celtica и пр.

Другія получили свое названіе ради антифразы или противоположности, какъ, напримѣръ, Milleflorium, тысячецвѣтъ, потому что у него никогда не бываетъ тысячи цвѣтковъ, или Holosteum, что значитъ «костистый», тогда какъ это совершенно хрупкое и нѣжное растеніе. Другія названы сообразно ихъ качествамъ и цѣлебному дѣйствію,—напримѣръ «Aristolochia», помогающая женщинамъ отъ мукъ дѣторожденія; «Saxifraga», раздробляющая стѣны; «Callitriche», отъ которой хорошо растутъ волосы; Alyssium, Ephemerum, Bechium, Nasturtium, какъ называется садовый крессъ, Hyoscyamus и др.

Другіе, наконецъ,—вслѣдствіе чудесныхъ свойствъ, замѣченныхъ въ нихъ, какъ геліотропъ, стремящійся за солнцемъ: когда солнце встаетъ, онъ расцвѣтаетъ; солнце поднимается въ небѣ, и онъ тянется за нимъ; солнце опускается, и онъ также опускается; солнце заходитъ, онъ смыкается. Adiantum—потому что никогда не задерживаетъ влаги, хотя растетъ около воды и хотя бы его надолго опустили въ воду, Hieracia, eryngion и др.

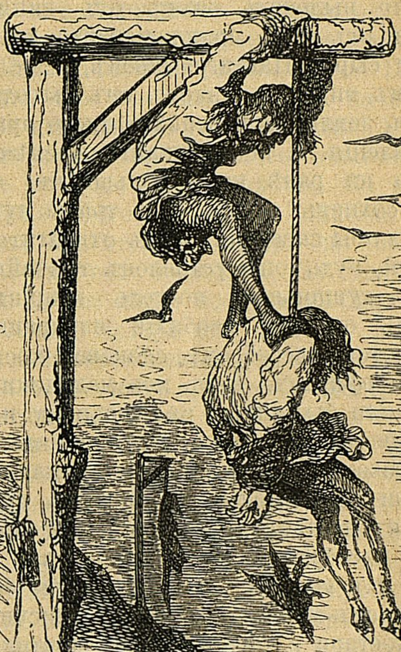
Наконецъ, нѣкоторыя названы по имени мужчинъ или женщинъ, превращенныхъ въ нихъ,—такъ, напримѣръ, дафна отъ Дафны, мирта отъ Миртины, Pitys отъ Питисъ, Cynara или артишокъ, нарцисъ, сафранъ, Smilax и пр.

Иныя по сродству, какъ, напримѣръ, Equisetum, потому что оно похоже на лошадиный хвостъ; Alopecurus,—на хвостъ лисицы; Poyllium, потому что оно похоже на блоху; Delphinium—на дельфина; Iris,—цвѣтокъ, который походитъ на радугу. Напротивъ того, говорятъ, что фабіи получили свое названіе отъ Faba,—бобъ, пизоны отъ Pisum,—горохъ, лентулы отъ Lens—чечевица, цицероны отъ Cicer—дикій горошекъ; подобно тому, какъ въ силу сходства говорятъ: волосы Венеры, борода Юпитера, глазъ Юпитера, кровь Марса, пальцы Меркурія и др. Другія названы соотвѣтственно ихъ формѣ, какъ Trifolium—потому что у него три листа, Pentaphyllum—потому что у него пять листиковъ, Serpillum,—растягивающійся по землѣ, Hexandria, Petasites и Myrobalanen, потому что они похожи на жолудь и маслянисты.

LI.

О томъ, почему трава называется Пантагрюэльонъ, и объ ея удивительныхъ свойствахъ.

Подобнымъ родомъ (я исключаю все баснословное, потому что Боже упаси прибѣгать къ баснямъ въ этой правдивой исторіи) и трава Пантагрюэльонъ названа такъ отъ того, что ее открылъ Пантагрюэль. То-есть я не говорю, чтобы онъ открылъ самую траву, но извѣстное ея употребленіе, которое ненавистнѣе, противнѣе, вредоноснѣе для воровъ, нежели вши для льна, тростникъ для папоротника, хвощъ для косцовъ, Aegelops для ячменя, Securidaca для чечевицы, Antranium для бобовъ, плевелы для пшеницы, плющъ для стѣнъ, водяныя лиліи и Nymphaea hiraclia развратнымъ монахамъ, березовая каша наварскимъ школьникамъ, капуста виноградной лозѣ, чеснокъ магниту, лукъ глазу, сѣмена папоротника беременнымъ женщинамъ, тѣнь тисоваго дерева тому, кто подъ нимъ спитъ, волчій корень леопардамъ и волкамъ, запахъ фиговаго дерева раздраженнымъ быкамъ, цикута гусямъ, портулакъ зубамъ, масло деревьямъ. Ибо многіе отъ его употребленія ни мало, ни много какъ лишились жизни; такъ, напримѣръ, ѳракійская королева Филлида, римскій императоръ Боносій; Амата, жена латинскаго короля; Ифисъ, Автолія, Ликамбъ, Арахнея, Архей, король Лидіи и др. И всѣ были недовольны тѣмъ, что Пантагрюэльонъ загораживаетъ имъ пути, черезъ которые выходятъ острыя слова и проникаютъ вкусные куски, и загораживаетъ ихъ сильнѣе, чѣмъ ангина или дифтеритъ. Другіе, какъ мы слышали, въ тотъ моментъ, какъ Атропосъ перерѣзывала нить ихъ жизни, горько жаловались и плакались на то, что Пантагрюэль душитъ ихъ за горло. Но, увы, то былъ совсѣмъ не онъ. То Пантагрюэльонъ поступалъ какъ палачъ и душилъ ихъ за горло. Они выражались неправильно, и то была грубая ошибка противъ синтаксиса. Впрочемъ, можно ихъ извинить, если они прибѣгали къ риторической фигурѣ, синекдохѣ, и называли изобрѣтателя вмѣсто изобрѣтенія, подобно тому, какъ говорятъ церера вмѣсто хлѣба, Вакхъ вмѣсто вина. Клянусь вамъ тѣми остротами, какія хранятся на днѣ вотъ этой бутылки, которая стынетъ въ ушатѣ съ холодной водой, никогда благородный Пантагрюэль не бралъ никого за горло, кромѣ тѣхъ развѣ, которые лѣнятся утолять жажду. Кромѣ того, трава эта зовется Пантагрюэльонъ по аналогіи. Потому что когда Пантагрюэль родился, онъ былъ такъ же великъ, какъ это растеніе, и по немъ легко было его смѣрять. Къ тому же онъ родился въ самое сухое время, когда это растеніе собирается и когда собака Икара [1] такъ сильно лаетъ на солнце, что превращаетъ весь свѣтъ въ троглодитовъ и принуждаетъ переселяться въ погреба и подземелья. Вообще же называется она Пантагрюэльонъ за свои полезныя свойства и особенности. Подобно тому какъ самъ Пантагрюэль былъ воплощеніемъ и примѣромъ всякаго веселаго совершенства (я полагаю, что никто изъ васъ, пьяницъ, въ томъ не сомнѣвается), такъ и въ Пантагрюэльонѣ я признаю столько полезныхъ свойствъ, столько энергіи, такое совершенство, столько прекрасныхъ качествъ, что если бы эта трава была извѣстна по своимъ свойствамъ въ ту эпоху, какъ деревья (по разсказу пророка) избирали себѣ лѣсного царя, чтобы править и управлять ими, она, конечно, привлекла бы на свою сторону большинство голосовъ. Скажу болѣе: если бы Оксилусъ, сынъ Оріона, съ сестрой его Гамадріадой произвелъ ее на свѣтъ, то больше бы радовался этому, чѣмъ рожденію всѣхъ своихъ восьмерыхъ дѣтей, столь прославленныхъ нашими миѳологическими писателями, передавшими ихъ имена къ свѣдѣнію потомства. Старшая дочь названа была виноградной лозой; старшій сынъ—фиговымъ деревомъ; второй сынъ—орѣшникомъ; третій—дубомъ; четвертый—рябиновымъ деревомъ; пятый—боярышникомъ; шестой—липой; по-



Къ гл. LI-й.

---

[1] Созвѣздіе Пса (Сиріусъ).

слѣдній названъ былъ лабазникомъ и былъ въ свое время великимъ хирургомъ. Вкратцѣ упомяну здѣсь, что сокъ этой травы, впущенный въ уши, убиваетъ всякаго рода паразитныхъ животныхъ, порожденныхъ гніеніемъ, и всякое животное, которое бы туда проникло. Если вы нальете этого сока въ ведро съ водой, то вода вдругъ превратится въ сыворотку. И такая вода очень полезна лошадямъ отъ коликъ и вздутія живота. Корень, сваренный въ водѣ, помогаетъ отъ ревматизма и подагры. Если вы хотите вылечить ожогъ отъ кипятка или отъ огня, прикладывайте къ нему сырой Пантагрюэльонъ, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выходитъ изъ земли, безъ всякаго иного приготовленія. И не забывайте перемѣнять его на ранѣ, какъ только-что онъ высохнетъ. Безъ этой травы кухня была бы скверная, столъ отвратительный, будь онъ уставленъ тончайшими кушаньями, постель непріятна, будь она въ изобиліи изукрашена золотомъ, серебромъ, слоновой костью и порфиромъ. Безъ нея мельники не возили бы хлѣба на мельницу и не привозили бы муки. Безъ нея какимъ образомъ адвокаты доставляли бы свои защитительныя рѣчи въ судъ? Какъ доставляли бы безъ нея гипсъ въ мастерскія? Или вытаскивали воду изъ колодца? Что дѣлали бы безъ нея сельскіе нотаріусы, переписчики, секретари и писцы? Не прекратилась ли бы всякая регистрація? Не погибло ли бы благородное искусство книгопечатанія? Изъ чего дѣлали бы оконные переплеты? Какимъ образомъ звонили бы въ колокола? Какъ украшали бы себя жрецы Изиды и тѣ жрецы, которые носили изображеніе божества? И во что одѣвались бы всѣ первобытные люди? Всѣ китайскія деревья, дающія шерсть, всѣ хлопчатобумажные кусты Тилоса въ Персидскомъ морѣ, всѣ Цины [1]) арабовъ, виноградныя лозы Мальты не одѣваютъ столько людей, какъ одно это растеніе. Оно защищаетъ арміи отъ холода и дождя лучше, чѣмъ въ прежнее время ихъ защищали звѣриныя шкуры. Защищаетъ театры и амфитеатры отъ зноя, опоясываетъ лѣса и рощи къ удовольствію охотниковъ, опускается въ воду какъ прѣсную, такъ и соленую къ выгодѣ рыбаковъ. Благодаря ей получили свою форму и вошли въ употребленіе сапоги, ботинки, полусапожки, ботфорты, башмаки, туфли и чоботы. Благодаря ей имѣются тетивы для лу́ковъ, самострѣловъ и пращей. И такъ какъ это растеніе считается священнымъ и отведено тѣнямъ умершихъ, то мертвыя человѣческія тѣла не зарываются въ землю безъ него. Скажу болѣе: невидимыя вещества этого растенія наглядно задерживаются, захватываются и какъ бы арестуются. И благодаря имъ большіе и тяжелые жернова быстро вертятся къ вящшей пользѣ для человѣческой жизни. И меня удивляетъ, какъ могло столько столѣтій открытіе этого обычая оставаться неизвѣстнымъ древнимъ философамъ, несмотря на неоцѣненную пользу, изъ того проистекающую, и въ виду страшныхъ усилій, которыхъ имъ стоили ихъ ручныя мельницы. Благодаря тому же растенію, надуваемому воздухомъ, снимаются съ мѣста и движутся по волѣ тѣхъ, кто ими управляетъ, большіе линейные корабли, гордые фрегаты, массивныя галеры, тяжелыя транспортныя суда. Благодаря ему народы, которыхъ природа, казалось, осудила на скрытое, никому недоступное и неизвѣстное существованіе, добрались до насъ, а мы до нихъ, чего не могли бы сдѣлать птицы, несмотря на ихъ легкое опереніе и свободу, данную имъ природой летать въ воздухѣ. Тапробана [1]) узрѣла Лапландію, Ява — Рифейскія горы. Фёбё [2]) узритъ Телемъ, а исландцы и гренландцы — Евфратъ. Благодаря ему Борей увидѣлъ замокъ Аустера [3]), а Эурусъ [4]) — Зефира [5]). Такъ что Силы Небесныя, равно какъ и земные и морскіе боги испугались, когда благодаря этому благодатному Пантагрюэльону арктическіе народы на глазахъ у антарктическихъ переплываютъ Атлантическій океанъ, проходятъ между тропиками, пробираются въ жаркій поясъ, измѣриваютъ зодіакъ, проплываютъ подъ экваторомъ и усматриваютъ заодно на краю горизонта оба полюса. И охваченные ужасомъ олимпійскіе боги изрекли: «Пантагрюэль вновь допекаетъ насъ и надоѣдаетъ намъ свойствами и примѣненіемъ своей травы, какъ нѣкогда надоѣдали намъ гиганты. Онъ въ скоромъ времени женится и жена народитъ ему дѣтей. Помѣшать этому жребію мы не можемъ, потому что онъ прошелъ черезъ руки и веретена роковыхъ сестеръ, дочерей необходимости. Быть можетъ, дѣти его откроютъ траву такой необыкновенной силы, что благодаря ей люди проникнутъ къ источникамъ града, дождевымъ хлябямъ и въ ту мастерскую, гдѣ фабрикуется молнія. Имъ удастся сдѣлать набѣгъ въ область луны, вступить въ территорію небесныхъ знаковъ и тамъ поселиться: кто въ Золотомъ Орлѣ, кто у Овна, кто въ Коронѣ, а кто въ Волосахъ Вереники или въ Серебряномъ Львѣ; сѣсть за столъ вмѣстѣ съ нами и взять себѣ въ жены нашихъ богинь, такъ какъ это единственный для нихъ способъ самимъ стать богами.» И послѣ того они принялись обсуждать на своемъ совѣтѣ способы помочь бѣдѣ.

---

[1]) Упоминается у Плинія.

[1]) Цейлонъ.

[2]) Островъ въ Аравійскомъ заливѣ (Аристотель).

[3]) Южный вѣтеръ.

[4]) Юго-восточный вѣтеръ.

[5]) Западный вѣтеръ.

LII.

О томъ, какъ извѣстный сортъ Пантагрюэльона не можетъ стать жертвой пламени.

То, что я вамъ разсказалъ до сихъ поръ, велико и удивительно. Но если вы способны повѣрить еще новому божественному свойству Пантагрюэльона, то я вамъ его сообщу. Вѣрьте или не вѣрьте—мнѣ все едино. Мнѣ достаточно того, что я говорю вамъ правду. Правду я вамъ и скажу. Но для начала (такъ какъ дѣло это довольно щекотливое и затруднительное) я спрошу васъ: если я вылью въ эту бутыль два ведра вина и одно воды и хорошенько ихъ перемѣшаю, то какимъ образомъ отдѣлите вы воду отъ вина, такъ чтобы вернуть мнѣ воду отдѣльно и вино отдѣльно? Другими словами: если бы извозчики и лодочники доставили вамъ на домъ нѣсколько бочекъ, боченковъ и ведеръ вина де-Гравъ, д'Орлеанъ, де-Бонъ, де-Мирво, но выпили бы ихъ наполовину и долили водою, какъ это дѣлаютъ безъ церемоніи лимузинцы, перевозящіе вина изъ Аржантона и Санготье, то какимъ образомъ отдѣлили бы вы воду? Какъ очистили бы вы вино? Понимаю, что вы мнѣ укажете на воронку изъ плюща. Это неизбѣжно. Это вѣрно и доказано тысячею опытовъ. Вамъ это уже было извѣстно. Но тѣ, которые этого не видѣли никогда и ничего объ этомъ не знали,—не повѣрятъ, что это возможно. Ну, далѣе. Если бы вы жили во времена Силлы, Марія или Цезаря или другихъ римскихъ императоровъ, или во времена нашихъ древнихъ друидовъ,—которые сожигали мертвыя тѣла своихъ родныхъ и господъ,—и пожелали бы выпить пепелъ своихъ женъ или отцовъ, смѣшанный съ какимъ-нибудь добрымъ бѣлымъ виномъ,—какъ это сдѣлала Артемизія съ пепломъ своего мужа Мавзолея,—или же сохранить его въ цѣлости въ какой-нибудь урнѣ или ковчежцѣ, то какимъ образомъ отдѣлили бы вы пепелъ отъ мертваго тѣла, отъ пепла древеснаго костра, на которомъ оно сожигалось? Отвѣчайте. Клянусь—чѣмъ хотите, вамъ бы трудненько это показалось. Но вы можете этого достигнуть, говорю вамъ, если возьмете этого божественнаго Пантагрюэльона столько, сколько нужно для того, чтобы покрыть имъ тѣло покойника, и, завернувъ въ него тѣло, обвязавъ и заливъ его тѣмъ же веществомъ, положите его въ огонь, какой хотите—сильный и жаркій; и огонь сожжетъ сквозь Пантагрюэльонъ тѣло и кости и превратитъ ихъ въ пепелъ; но самъ Пантагрюэльонъ не только не сгоритъ и не утратитъ ни одного атома пепла, находящагося въ немъ, не пропуститъ ни одного атома золы отъ костра, но еще сообщитъ больше жара, яркости и бѣлаго пламени огню, чѣмъ это было бы, если бы оно къ нему не прикасалось. Поэтому онъ называется асбестъ. Его находятъ въ изобиліи и за недорогую плату въ Карпазіи и въ окрестностяхъ Діа-Кинъ. О, великое дѣло! Чудесное дѣло! Огонь, который все пожираетъ, все портитъ и уничтожаетъ, очищаетъ и бѣлитъ одинъ только Пантагрюэльонъ, Карпазскій асбестъ! Если вы въ этомъ сомнѣваетесь и требуете доказательство и знаменій, какъ евреи и язычники, возьмите свѣжее яйцо и обвяжите его кругомъ божественнымъ Пантагрюэльономъ. И положите его, послѣ того, въ какой угодно сильный и жаркій огонь. Продержите его такъ, сколько хотите. Въ концѣ концовъ вы вынете яйцо сварившимся, крутымъ или сгорѣвшимъ, безъ малѣйшаго измѣненія или разгоряченія священнаго Пантагрюэльона. Дешевле чѣмъ за пятьдесятъ тысячъ бордоскихъ экю, всего лишь за двѣнадцатую часть гроша вы можете произвести этотъ опытъ. Не приводите мнѣ въ примѣръ саламандры. Это не вѣрно. Согласенъ, что легкій соломенный огонекъ она можетъ перенести весело и бодро. Но увѣряю васъ, что на большомъ огнѣ она задохнется и сгоритъ, какъ всякое другое животное. Мы видѣли тому доказательство, и Галенъ давно уже довелъ это до нашего свѣдѣнія въ lib. 3 De temperamentis. Не приводите мнѣ также въ примѣръ квасцы и деревянную башню въ Пиреѣ, которую Силла никакъ не могъ сжечь, потому что Архелай, намѣстникъ короля Митридата, покрылъ ее квасцами. Не указывайте мнѣ также и на дерево, которое Александръ Корнелій называлъ Eonem и говорилъ, что оно похоже на дубъ, на которомъ растетъ омела, и не можетъ испортиться ни отъ воды, ни отъ огня, и что изъ этого дерева построенъ знаменитый корабль Аргосъ. Пусть вѣритъ кто другой этому, а я не вѣрю. Не указывайте мнѣ также на тѣ деревья, что растутъ въ горахъ Бріансона и Амбруна — какъ бы они ни были удивительны—и изъ корней которыхъ получается превосходная губка, а стволъ даетъ прекрасную смолу, которую Галенъ рѣшается приравнивать къ терпентину; на тонкихъ иглахъ ихъ собирается небесный медъ—манна; и хотя они смолисты и жирны, но несгораемы. По-гречески и по-латыни это дерево зовется larix; альпійскіе жители называютъ его лиственницей; антенориды[1] и венеціанцы — larege, вслѣдствіе чего прозвана была Larignum крѣпость въ Пьемонтѣ, которая обманула Юлія Цезаря, возвратившагося изъ Галліи. Юлій Цезарь приказалъ всѣхъ жителямъ Альпъ и Пьемонта доставить съѣстные и военные припасы его войску и расположить ихъ по этапамъ, мимо которыхъ оно будетъ проходить. Всѣ исполнили этотъ приказъ, кромѣ обитателей Ларініума, которые, понадѣясь на неприступность своей крѣпости, отказали въ контрибуціи. Чтобы наказать ихъ за этотъ отпоръ, императоръ велѣлъ своему войску идти прямо на крѣпость. Передъ воротами крѣпости находилась башня, выстроенная изъ толстыхъ бревенъ лиственницы, наложенныхъ другъ на друга, точно полѣнница дровъ, но такой высоты, что съ бойницъ легко было низвергать камни и балки на тѣхъ, кто вздумалъ бы подойти къ ней. Когда Цезарь услышалъ, что у гарнизона не было иныхъ средствъ къ оборонѣ, какъ только камни и балки, онъ приказалъ своимъ солдатамъ подложить дрова подъ башню и зажечь ихъ, что было немедленно исполнено. Когла дрова подожгли, то пламя получилось такое обширное и высокое, что оно объяло всю крѣпость, И всѣ подумали, что вскорѣ пламя пожретъ башню. Но когда дрова сгорѣли и пламя погасло, то всѣ увидѣли, что башня цѣла и нисколько не пострадала. Увидя это, Цезарь приказалъ, чтобы вокругъ крѣпости вырыли ровъ и построили бы форты на такомъ разстояніи, чтобы камни не могли достигать осаждающихъ, и тогда лариньянцы сдались на капитуляцію. И изъ ихъ разсказовъ Цезарь узналъ о необыкновенномъ свойствѣ этого дерева, которое не превращается ни въ огонь, ни въ пламя, ни въ уголь, и что въ силу этого оно можетъ быть поставлено на ряду съ настоящимъ Пантагрюэльономъ, тѣмъ болѣе, что Пантагрюэль приказалъ бы изготовить изъ него всѣ двери, окна, водосточныя трубы и крыши въ Телемѣ, а также обшить этимъ же деревомъ всѣ палубы, корму, носъ всѣхъ своихъ торговыхъ судовъ, фрегатовъ, галеръ, бригантинъ, шхунъ и другихъ кораблей своего арсенала въ Ѳаласѣ, да только та бѣда, что larix при сильномъ огнѣ, которымъ бываютъ объяты другіе сорта дерева, въ концѣ концовъ портится и ломается, подобно тому какъ портятся камни въ известковой печи. Между тѣмъ какъ Пантагрюэльонъ-асбестъ отъ огня скорѣе очищается и обновляется, нежели портится или измѣняется къ худшему. А потому...

---

[1] Падуанцы, отъ Антенора, основателя Падуи.

Индусы, арабы, сарацины,
Перестаньте хвастаться своими миррою, ладаномъ, чернымъ деревомъ,
Придите къ намъ и признайте наши блага;
И увезите съ собой сѣмена нашей травы.
И если она у васъ расплодится,
То благодарите небо милліонъ разъ
И воздайте честь счастливой Франціи,
Откуда произошелъ Пантагрюэльонъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О СЛОВАХЪ И ДѢЯНІЯХЪ БЛАГОРОДНАГО ПАНТАГРЮЭЛЯ.

Преславному князю и достопочтенному монсиньору Одэ[1]), Шатильонскому кардиналу.

Вамъ хорошо извѣстно, преславный князь, какъ многія высокія особы ежедневно убѣждаютъ, требуютъ и настаиваютъ на продолженіи пантагрюэлическихъ миѳологическикъ разсказовъ, утверждая, что люди вялые, больные и вообще огорченные забывали про скуку, пріятно проводили время и находили развлеченіе и утѣшеніе за ихъ чтеніемъ. На что я имъ обыкновенно отвѣчаю, что писалъ ихъ безъ всякихъ притязаній на славу или похвалы, а только въ намѣреніи и съ желаніемъ доставить моими писаніями облегченіе страданіямъ больныхъ, пребывающихъ вдали отъ меня, такъ какъ тѣмъ, которые находятся вблизи, я стараюсь помочь своими услугами и врачебнымъ искусствомъ. Случается мнѣ также подробно излагать имъ, какъ Гиппократъ неоднократно, а именно въ шестой книгѣ, трактующей объ эпидеміяхъ, описываетъ пріемы врача, своего ученика. Точно такъ Соранусъ Эфесскій, Орибазіусъ, Галенъ, Али-Аббасъ и другіе писатели наставляютъ врача относительно его жестовъ, манеры себя держать, взгляда, прикосновенія, выраженія лица, граціи, вѣжливости, опрятности лица, платья, бороды, волосъ, рукъ, даже ногтей, точно ему предстоитъ играть роль влюбленнаго или жениха въ какой-нибудь интересной комедіи или идти на единоборство съ могущественнымъ врагомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ занятіе медициной весьма основательно сравнивается Гиппократомъ съ битвой или съ фарсомъ, разыгрываемымъ между тремя лицами: больнымъ, врачомъ и болѣзнью.

Читая это сочиненіе, порою мнѣ вспоминались слова Юліи, сказанныя ею отцу Октавію Августу. Разъ она явилась къ нему въ пышномъ нарядѣ, непристойномъ и соблазнительномъ, который ему очень не понравился, хотя онъ ей не сказалъ о томъ ни слова. На другой день она перемѣнила костюмъ и одѣлась скромно, какъ одѣвались тогда цѣломудренныя римскія матроны. Въ этомъ нарядѣ она явилась къ нему. Онъ же, который наканунѣ не выразилъ ни однимъ словомъ неудовольствія, испытаннаго имъ, при видѣ ея непристойнаго костюма, не могъ скрыть удовольствія, доставленнаго ему такою перемѣною, и сказалъ ей: «О! Насколько такое платье приличнѣе и достойнѣе дочери Августа.» Она же не полѣзла за словомъ въ карманъ и тотчасъ же отвѣтила: «Сегодня я одѣлась для взоровъ отца. Вчера же я была одѣта въ угоду мужу.»

---

[1]) Этотъ кардиналъ, принявъ реформатское вѣроисповѣданіе, женился и умеръ въ Англіи, будучи отлученъ отъ церкви Піемъ IV.

Точно такъ и врачъ, измѣнившій подобнымъ образомъ свою наружность и одежду и облаченный въ богатое и красивое платье съ четырьмя рукавами, какъ оно было прежде въ модѣ и называлось—по словамъ Петруса Александринуса въ 6 Epid.—Philonium, могъ бы отвѣтить тѣмъ, которые бы нашли страннымъ такой маскарадъ: «Если я такъ одѣлся, то не затѣмъ, чтобы величаться и чваниться, но затѣмъ, чтобы угодить больному, къ которому иду и которому хочу вполнѣ понравиться, ничѣмъ не раздражая и не оскорбляя его.»

Мало того: касательно одного мѣста въ вышеприведенной книгѣ отца Гиппократа мы препираемся и ломаемъ себѣ головы, но не о томъ, что печальная, мрачная, отталкивающая, непріятная, недовольная, строгая, сердитая физіономія огорчаетъ больного, а веселое, ясное, доброе, открытое, пріятное лицо врача радуетъ его—это-то уже доказано несомнѣнно,—но о томъ, происходитъ ли такое огорченіе и такая радость отъ того, что больной при взглядѣ на ту или другую наружность своего доктора заключаетъ объ исходѣ и концѣ своей болѣзни, а именно—по веселому лицу судитъ, что исходъ будетъ радостный и желанный, по печальному же выводитъ, что конецъ будетъ печальный и нежелательный, или же отъ того, что свѣтлые или мрачные духи, небесные или земные, веселые или печальные переселяются отъ врача въ особу больного, какъ это думаютъ Платонъ и Аверроэсъ. 1)

Но особенно много совѣтовъ преподаютъ вышеупомянутые авторы врачу насчетъ того, какъ онъ долженъ разговаривать съ больными, призывающими его, какія употреблять слова, прибаутки, которыя всѣ должны имѣть въ виду одну цѣль, клониться къ одному концу, а именно—увеселять больного,—не гнѣвя Господа Бога, — но никоимъ образомъ не огорчать его. И вотъ Гіерофилъ очень порицаетъ врача Калліанакса за то, что на вопросъ паціента: «Не умру ли я?»—тотъ безстыдно отвѣчалъ:

И Патроклъ сталъ жертвой смерти,
А вѣдь онъ не тебѣ чета.

Другому же, желавшему узнать о ходѣ своей болѣзни и вопрошавшему его на манеръ благороднаго Пателена: «А моя урина не говоритъ вамъ, что я долженъ умереть»? — нелѣпо отвѣчалъ: «Нѣтъ, если ты—Латона, родившая прекрасныхъ дѣтей: Феба и Діану.»

Точно такъ и Галенъ въ Lib. 4. Comment. in 6 Epidemi сильно упрекаетъ своего учителя по медицинѣ Квинтуса, который надменно отвѣтилъ одному больному въ Римѣ, человѣку почтенному, сказавшему ему: «Вы позавтракали, учитель, отъ васъ пахнетъ виномъ».

— А отъ тебя пахнетъ лихорадкой. Какой же запахъ лучше: запахъ лихорадки или вина?

Но ужасныя и безсмысленныя клеветы, распускаемыя про меня иными канибалами, мизантропами и неулыбами, вывели меня изъ терпѣнія, и я было рѣшилъ не писать больше ни одной іоты. Вѣдь наименьшей ябедой, къ какой они прибѣгали, были ихъ увѣренія, что всѣ мои книги полны разныхъ ересей, хотя не могли ни на одну указать въ которой-нибудь изъ нихъ; веселыхъ же шутокъ, при сохраненіи полнаго почтенія къ Богу и королю, въ нихъ много; это единственный сюжетъ и единственное содержаніе этихъ книгъ; ересей же никакихъ, если не прибѣгать къ ложнымъ тол-

---

1) Арабскій врачъ и философъ 12-го столѣтія.

кованіямъ, противорѣчащимъ здравому смыслу и употребительному языку (и такимъ образомъ измышлять то, чего бы я даже въ помыслахъ ни за что не захотѣлъ допустить, скорѣе тысячу разъ умеръ, будь это возможно); такъ, напримѣръ, хлѣбъ называть камнемъ, рыбу—змѣей, яйцо—скорпіономъ. На такое поведеніе я часто жаловался въ вашемъ присутствіи и откровенно говорилъ, что если бы я не считалъ себя лучшимъ христіаниномъ, нежели они по отношенію ко мнѣ, и если бы я хоть малѣйшую искру ереси усматривалъ въ своей жизни, дѣйствіяхъ и рѣчахъ, то не допустилъ бы ихъ запутаться такъ безбожно въ сѣтяхъ клеветника-духа (такъ какъ это діаволъ, ихъ устами, приписываетъ мнѣ такое преступленіе). Я бы самолично, по примѣру Феникса, набралъ сухихъ дровъ и поджегъ ихъ, чтобы сжечь самого себя.

На это вы мнѣ отвѣчали, что эти клеветы достигли слуха покойнаго короля Франциска вѣчной памяти, и что, желая провѣрить ихъ, онъ приказалъ ученѣйшему и надежнѣйшему лектору своего королевства прочитать ему вслухъ мои настоящія сочиненія (говорю такъ, потому что мнѣ злорадно приписывали разныя другія лживыя и подлыя) и, не найдя въ нихъ ничего подозрительнаго, проникся отвращеніемъ къ разнымъ ѣдокамъ змѣй, которые отыскивали смертельную ересь въ какомъ-нибудь N, поставленномъ, по ошибкѣ и небрежности наборщиковъ, вмѣсто M. Точно такъ поступилъ и его сынъ, нашъ добрѣйшій, добродѣтельнѣйшій и небесами благословенный король Генрихъ, котораго да сохранитъ намъ Господь на долгое время, и поручилъ вамъ даже охранять меня и защищать отъ клеветниковъ. Эту благую вѣсть вы подтвердили мнѣ затѣмъ у кардинала въ Парижѣ, когда посѣтили монсиньора дю-Беллэ, который тогда, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, удалился въ Сенъ-Моръ, въ мѣсто (или лучше и вѣрнѣе сказать), въ настоящій рай по своему здоровому, пріятному, удобному, красивому положенію и всякимъ удовольствіямъ земледѣльческой и сельской жизни.

Вотъ причина, свѣтлѣйшій князь, почему въ настоящее время я безбоязненно беру перо въ руки, въ надеждѣ, что ваше милостивое расположеніе подвигнетъ васъ на защиту меня отъ клеветниковъ, какъ второго Геркулеса Гальскаго по знанію, осмотрительности и краснорѣчію, какъ Алексикакоса[1]) по добродѣтели, могуществу и авторитету, о которомъ я поистинѣ могу сказать то, что мудрый царь Соломонъ говоритъ въ Ecclesiastici 45, про Моисея, великаго пророка и израильскаго полководца: человѣкъ богобоязненный и любящій Бога, пріятный всѣмъ смертнымъ; любимый Богомъ и людьми, память котораго благословенна. Богъ въ похвалу сравнивалъ его съ героями; сдѣлалъ его грознымъ въ глазахъ враговъ. Сотворилъ ради него много чудеснаго и страшнаго; почтилъ его въ присутствіи царей; изрекалъ его устами свою волю народу, и черезъ него показалъ свой свѣтъ. Онъ утвердилъ его въ вѣрѣ, и добрѣ и избралъ межъ всѣхъ людей. Избралъ его своимъ глашатаемъ и онъ возвѣщалъ законъ о свѣтломъ знаніи тѣмъ, которые пребывали во мракѣ.

Я же обѣщаю вамъ, что всѣхъ, кто будетъ меня благодарить за эти веселыя писанія, всѣхъ ихъ я буду убѣждать приписывать вамъ ихъ появленіе и васъ однихъ благодарить за нихъ и молить Господа о сохраненіи и усиленіи вашего величія; мнѣ же ничего не приписывать кромѣ смиренной покорности и добровольнаго подчиненія вашимъ добрымъ приказамъ. Ваши уважаемые совѣты ободрили меня и вдохновили, и безъ васъ сердце мое было бы уныло, а источникъ умственной жизни изсякъ бы. Господь да сохранитъ васъ въ своей святой благости. Парижъ. 28 января 1552 года.

Вашъ смиреннѣйшій и покорнѣйшій слуга

Франс. Раблэ, медикъ.

---

[1]) Одно изъ названій Геркулеса.

Прологъ автора,

Франсуа Раблэ, къ четвертой книгѣ героическихъ дѣяній и изреченій Пантагрюэля.

Къ снисходительнымъ читателямъ.

Добрые люди, Богъ спаси васъ и помилуй! Гдѣ вы? Я васъ не вижу. Постойте, я надѣну очки. Ага! Постъ уходитъ по добру, по здорову. Я васъ вижу. Ну что жъ? У васъ, говорятъ, былъ отличный сборъ винограда. Это меня радуетъ. У васъ будетъ вѣрное лекарство отъ всѣхъ недуговъ. Вы поступили, какъ слѣдуетъ. Вы, ваши жены, дѣти, родные и семейные находитесь въ добромъ здоровьи. Это дѣло хорошее и мнѣ пріятное. Господу Богу воздадимъ хвалу, нынѣ и присно и во вѣки, и если такова Его Святая воля, то пусть такъ оно и пребудетъ на долгое время. Что касается меня, то по Его святому милосердію и мнѣ живется недурно и дай Богъ, чтобы и всегда такъ было. Благодаря нѣкоторому Пантагрюэлизму (вамъ извѣстно, что это особое веселое настроеніе, связанное съ презрѣніемъ къ случайнымъ вещамъ), я здоровъ и бодръ; готовъ пить, если угодно. Вы спросите меня, добрые люди, почему такъ? Отвѣтъ неотразимый: потому что такъ угодно милосердому, всемогущему Богу, Которому я покоряюсь и священныя, евангельскія слова Котораго я почитаю; вѣдь въ Евангеліи св. Луки, 4, сказано въ жестокую насмѣшку и кровавое посмѣяніе врача, небрегущаго собственнымъ здоровьемъ: «Врачу, исцѣлися самъ». Такъ точно заботился о своемъ здоровьи и Галенъ, хотя, конечно, не столько отъ почтенія къ Священному Писанію (хотя онъ и не пренебрегалъ Библіей и хорошо былъ знакомъ съ набожными христіанами своего времени, и съ ними водился, какъ это явствуетъ изъ lib 11. de usu partium, lib. 2 de differentiis pulsuum, cap. 3, et ibidem lib. 3, cap. 2. et lib. de rerum affectibus—если только она принадлежитъ ему), но изъ опасенія заслужить простонародную и ѣдкую насмѣшку: Ἰατρὸς ἄλλων, αὐτὸς ἔλκυσι βρύων. Другихъ, небось, лечитъ, а самъ покрытъ язвами.

И вотъ онъ самодовольно похваляется и говоритъ, что не стоило бы и уважать его, какъ медика, если бы, начиная со своего двадцати-восьмилѣтняго возраста и до самой преклонной старости, онъ не пользовался отличнѣйшимъ здоровьемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кратковременныхъ лихорадокъ, даромъ что отъ природы не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и имѣлъ слабый желудокъ. Ибо (говоритъ онъ въ lib. 5 de sanit. tuenda) съ трудомъ можно повѣрить врачу, что онъ сумѣетъ поправить чужое здоровье, если онъ небрежно относится къ своему собственному.

Еще самоувѣреннѣе хвалился врачъ Асклепіадъ, что заключилъ договоръ съ Фортуной въ томъ, что не будетъ знаменитымъ врачемъ, если съ того времени, какъ началъ практиковать свое искусство, и до крайней старости ему случится заболѣть. И въ этомъ онъ вполнѣ успѣлъ, отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и восторжествовалъ надъ Фортуной. Въ концѣ концовъ безъ всякой болѣзни перешелъ отъ жизни къ смерти, вслѣдствіе паденія съ высокой лѣстницы съ расшатавшимися и прогнившими ступенями.

Если же, по несчастію, здоровье вашей милости какъ-нибудь отклонилось наверхъ, внизъ, впередъ, назадъ, направо, налѣво, внутрь, наружу, подаль или по близости отъ вашей персоны, то желаю, чтобы съ помощью Создателя оно вернулось къ вамъ.

Въ добрый часъ попадется оно вамъ на пути, немедленно схватите его, присвойте его себѣ и не отпускайте больше отъ себя. Законы вамъ это позволяютъ, Король разрѣшаетъ, а я совѣтую, ни болѣе, ни менѣе, какъ и древніе законодатели разрѣшали господину захватить своего бѣглаго невольника, гдѣ бы онъ ему ни попался. Богъ мой, добрые люди, развѣ не занесено въ законы и не ведется на практикѣ въ силу старинныхъ обычаевъ благороднаго, древняго, прекраснаго, цвѣтущаго, богатѣйшаго королевства Франціи, что мертвый ловитъ живого? [1]) Прочитайте то, что недавно написалъ объ этомъ добрый, ученый, мудрый, человѣколюбивый, честный и справедливый Андрей Тирако, совѣтникъ великаго, побѣдоноснаго и могущественнаго короля Генриха Второго по имени, въ его грозномъ парламентѣ въ Парижѣ. Здоровье есть наша жизнь, какъ вѣрно говоритъ Арифронъ Сиціониській. Безъ здоровья нѣтъ настоящей жизни, живой жизни: ἄβιος βίος, βίος ἀβίοτος. Безъ здоровья жизнь—одно мученіе, жизнь есть подобіе смерти. Итакъ будучи лишены здоровья, то-есть будучи мертвы, ловите живого: ловите жизнь, то-есть здоровье.

Я надѣюсь на Бога, что Онъ исполнитъ наши молитвы, потому что мы произносимъ ихъ съ твердою вѣрою и потому что онѣ скромны. Скромность считалась древними мудрецами драгоцѣнной, похвальной, во всѣхъ отношеніяхъ пріятной. Изучайте священную Библію и вы увидите, что только молитвы тѣхъ всегда исполнялись, просьбы которыхъ были скромны.

Такъ, напримѣръ, маленькаго Закхея [2]), котораго музафизы [3]) изъ Св. Эля близъ Орлеана называютъ Св. Сильваномъ и хвалятся, что обладаютъ его тѣломъ и реликвіями. Онъ ничего не желалъ, кромѣ какъ увидѣть Спасителя въ окрестностяхъ Іерусалима. Это желаніе было скромное и всѣмъ доступное. Но онъ былъ малаго роста, и толпа заслоняла ему Спасителя. Онъ подпрыгивалъ, поднимался на цыпочкахъ, вертѣлся во всѣ стороны, наконецъ, влѣзъ на дикую смоковницу. Милосердый Богъ призналъ его искреннюю и скромную любовь. Онъ не только показался его взорамъ, но и говорилъ съ нимъ, посѣтилъ его домъ и благословилъ его семейство. У одного изъ сыновъ пророка въ Израилѣ, который рубилъ дрова близъ рѣки Іордана, выскочилъ топоръ изъ обуха и упалъ въ рѣку. Онъ попросилъ Бога вернуть ему топоръ, и желаніе его было скромное, а вѣра и надежда твердыя, а потому онъ бросилъ обухъ вслѣдъ за топоромъ. И вотъ свершилось два чуда: топоръ поднялся изъ воды и всадился въ обухъ. Если бы онъ пожелалъ вознестись на небо въ огненной колесницѣ, какъ Илія; умножить свое потомство, какъ Авраамъ; стать богатымъ, какъ Іовъ; сильнымъ, какъ Самсонъ, и такимъ же красивымъ, какъ Авессаломъ, былъ ли бы онъ услышанъ? Это вопросъ.

Кстати объ умѣренныхъ желаніяхъ я вамъ разскажу (только предупредите, когда будетъ пора пить вино) то, что написано объ этомъ въ басняхъ мудраго Эзопа французскаго, то-есть, я хочу сказать: фригійскаго и троянскаго, какъ утверждаетъ Максимъ Планудесъ, отъ котораго народа, по увѣренію самыхъ достовѣрныхъ хроникеровъ, произошли благородные французы. Эліанъ пишетъ, что Эзопъ былъ фракіецъ, а Агатіасъ повторяетъ вслѣдъ за Геродотомъ, что онъ былъ уроженецъ Самоса. Но мнѣ это все равно.

Въ его время жилъ бѣдный поселянинъ, уроженецъ Граво, котораго звали Кульятри [1]), по ремеслу дровосѣкъ, чѣмъ и зарабатывалъ себѣ пропитаніе. Случилось ему потерять топоръ. Кому отъ этого горе и несчастіе? Конечно, ему самому, потому что отъ топора зависѣло его благосостояніе и самая жизнь; благодаря топору онъ пользовался добрымъ именемъ и уваженіемъ всѣхъ богатыхъ лѣсопромышленниковъ; безъ топора же долженъ былъ умереть съ голоду. Смерть, встрѣтивъ его безъ топора какую-нибудь недѣлю спустя, скосила бы его своей косой и свела съ лица земли. Въ этой бѣдѣ онъ принялся кричать, молиться, взывать къ Юпитеру въ очень умныхъ выраженіяхъ (потому что, какъ вамъ извѣстно, Нужда рождаетъ Краснорѣчіе), поднималъ лицо къ небу, колѣни склонялъ къ землѣ, съ обнаженной головой, вздѣвъ руки кверху, разставивъ пальцы и неутомимо сопровождая каждое воззваніе припѣвомъ: «Мой топоръ, Юпитеръ, мой топоръ, мой топоръ. Ничего больше, о, Юпитеръ, какъ мой топоръ или денегъ, чтобы купить другой. Увы, мой бѣдный топоръ.» Юпитеръ въ это время созвалъ совѣтъ для обсужденія весьма важныхъ государственныхъ дѣлъ, и старой Цибелѣ, или же, если хотите, юному и свѣтлому Фѳбу принадлежало слово. Но Кульятри вопилъ такъ громко, что вопль его услышанъ былъ въ совѣтѣ, среди совѣщанія боговъ. «Какой діаволъ (спросилъ Юпитеръ) этакъ страшно оретъ тамъ внизу? Клянусь Стиксомъ! Вѣдь мы собрались для рѣшенія важныхъ и затруднительныхъ дѣлъ—и до сихъ поръ еще съ ними не покончили? Мы разсудили тяжбу между королемъ персидскимъ Престбаномъ и султаномъ Сулейманомъ, императоромъ константинопольскимъ. Мы порѣшили дѣло между татарами и московитами. Мы исполнили просьбу Шерифа и благосклонно выслушали прошеніе Гуальгоца-Раса [1]; Парма умиротворена; а также и Майденбургъ [1], Мирандола и Африка [2]: такъ называютъ смертные то, что въ Средиземномъ морѣ мы величаемъ Aphrodisium. Въ Триполи перемѣнился государь. Ему пришелъ конецъ. Теперь предстоитъ угомонить гасконцевъ, требующихъ, чтобы имъ возвратили ихъ колокола [3]. Въ этомъ углу у насъ саксонцы, остроготы и аллеманы, народъ когда-то непобѣдимый, но теперь сплоховавшій и побѣжденный искалѣченнымъ человѣчкомъ [4]. Они просятъ у насъ отмщенія, помощи, возврата имъ первоначальнаго здраваго смысла и античной свободы. Но какъ поступить намъ съ этими Рамо и Галланомъ [5], которые съ помощью своихъ приверженцевъ и пособниковъ взбунтовали всю парижскую академію. Я въ большомъ затрудненіи и не знаю чью сторону принять. Оба кажутся мнѣ славными ребятами. У одного водятся денежки; другому очень хотѣлось бы, чтобы онѣ у него водились. У одного есть кое-какія познанія, да и другой тоже не невѣжда. Одинъ любитъ честныхъ людей; другой любимъ честными людьми. Одинъ—хитрая лиса; другой рычитъ, ворчитъ и лаетъ на древнихъ философовъ, какъ собака. Что скажешь объ этомъ, великая ослиная морда, Пріапъ? Я часто находилъ твои совѣты справедливыми и дѣльными.

---

[1]) «Le mort saisit le vif», то-есть дѣлаетъ наслѣдникомъ своего преемника, не спрашиваясь его.

[2]) Евангеліе св. Луки, гл. XIX.

[3]) Магометанскіе священники.

[1]) Подъ этимъ именемъ разумѣется одинъ дворянинъ изъ Пуату, который пріѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ съ женой-красавицей; въ нее влюбился Францискъ I и обогатилъ дворянина; вслѣдствіе этого многіе изъ его сосѣдей, у которыхъ были красивыя жены или дочери, тоже поѣхали въ Парижъ, ожидая раз-

«Et habet tua mentula mentem.»

— Царь Юпитеръ,—отвѣчалъ Пріапъ, сбрасывая свой капюшонъ и поднимая вверхъ красную, воспаленную и самоувѣренную рожу,—такъ какъ вы сравниваете одного съ лающей собакой, а другого съ хитрой лисой, то я того мнѣнія, что вамъ слѣдуетъ, безъ дальнихъ околичностей, поступить съ

богатѣть, но вмѣсто того вернулись къ себѣ разоренными. (Alphabet de l'auteur français).

[1] Торгутъ-Раса, знаменитый морской разбойникъ, завоевалъ Триполи въ 1552 г.

[1] Магдебургъ, осажденный въ 1551 г. Морицомъ Саксонскимъ.

[2] Городъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ.

[3] Колокола были отняты у нихъ за то, что они уклонились отъ уплаты на соль.

[4] Карлъ V, страдавшій подагрой.

[5] Петръ Рамусъ, родился въ 1515 г., умеръ въ 1572 г., метафизикъ и противникъ философіи Аристотеля, за котораго съ нимъ сражался Галланъ.

ними такъ, какъ вы когда-то поступили съ собакой и лисой.

— Что такое?—спросилъ Юпитеръ. Когда? Кто они такіе были? Что такое было?

— О, чудная память! — отвѣчалъ Пріапъ. Достопочтенный отецъ Вакхъ, который сидитъ теперь передъ нами съ краснымъ лицомъ, желая отомстить ѳивянамъ, создалъ волшебную лису, съ которой никто не могъ ничего подѣлать, какихъ бы золъ и убытковъ она ни натворила. Благородный Вулканъ сдѣлалъ изъ мѣди собаку и такъ сильно старался вдохнуть въ нее жизнь, что она, наконецъ, ожила. Онъ подарилъ вамъ ее; вы подарили ее своей фавориткѣ Европѣ. Она подарила ее Миносу, Миносъ—Прокрису, Прокрисъ въ концѣ концовъ подарилъ ее Кефалу. Собака тоже была волшебная и, на манеръ современныхъ адвокатовъ, хапала всякую тварь, попадавшуюся ей на пути, такъ что ничто отъ нея не ускользало. Ну, вотъ пришлось имъ встрѣтиться. Что онѣ сдѣлали? Собака, по рѣшенію рока, должна была взять лисицу; лисица, тоже по рѣшенію рока, не должна была быть взята. Дѣло перенесли въ вашъ совѣтъ. Вы заявили, что не можете идти противъ Судьбы. Но Судьба изрекла противорѣчивые приговоры. Было объявлено противнымъ природѣ признать истинными и дѣйствительными два противорѣчивыхъ рѣшенія. Васъ бросило въ потъ. Изъ вашего пота, падавшаго на землю, выросли кочаны капусты. Весь благородный совѣтъ, отъ невозможности постановить категорическое рѣшеніе, почувствовалъ неутолимую жажду и выпилъ во время своего засѣданія слишкомъ семьдесятъ восемь бочекъ нектара. По моему совѣту, вы обратили лису и собаку въ камни. И этимъ затрудненіе было вдругъ разрѣшено, и жажда, томившая великій Олимпъ, успокоилась. Дѣло происходило въ окрестностяхъ Темесса, между Ѳивами и Халкедономъ. По этому примѣру, я того мнѣнія, чтобы вы обратили въ камень и эту собаку и лису. Метаморфоза будетъ какъ нельзя болѣе кстати. Оба носятъ имя Петръ [1]). И тутъ же по поговоркѣ, которая въ ходу у лимузинцевъ: что для устья печи требуются три камня, вы присоедините къ нимъ и Петра изъ Куанье, котораго вы уже раньше, и по той же причинѣ, обратили въ камень [2]). И эту тройную каменную фигуру можно поставить въ большомъ храмѣ Парижа или же въ его преддверіи, чтобы гасить нихъ сальныя и восковыя свѣчи, свѣтильники и факелы, такъ какъ, будучи въ живыхъ, они предательски зажигали огонь раздора, ересей и сектантскаго пристрастія между учеными. И это бы послужило вѣчнымъ предостереженіемъ въ томъ, что подобныя темныя дѣянія всегда будутъ вами наказаны. Я сказалъ.

— Я вижу, что вы къ нимъ благосклонны,—сказалъ Юпитеръ,—любезный господинъ Пріапъ. Вы не со всѣми бываете такъ милостивы. Вѣдь въ виду того, что они ничего такъ не желаютъ, какъ увѣковѣчить свое имя и память о себѣ, то для нихъ ничего не можетъ быть лучше, какъ быть превращенными по смерти въ каменныя и мраморныя изваянія, вмѣсто того, чтобы быть зарытыми въ землю и сгнить. Поглядите, какія трагеди вызываются нѣкоторыми пастофорами [3]) около Тиренскаго моря и въ мѣстахъ сосѣднихъ съ Апеннинами. Эти ужасы переживутъ свое время, какъ и лимузенскія печи, но затѣмъ имъ наступитъ конецъ. Но еще не такъ скоро. Намъ будетъ еще съ ними довольно хлопотъ. Я усматриваю только одно неудобство. А именно: у насъ слишкомъ малъ запасъ молній, съ тѣхъ поръ, какъ вы, прочіе соратники боговъ, по моему соизволенію, безъ всякой экономіи и въ шутку пускаете ими въ Новую Антіохію [4]). Вашему примѣру послѣдовали съ тѣхъ поръ франты, защитники крѣпости Королевская Индюшка, которые собирались отстаивать ее противъ всѣхъ враговъ, да разстрѣляли свои снаряды по воробьямъ, и, когда пришла нужда въ оборонѣ, у нихъ не оказалось больше боевыхъ снарядовъ и они храбро сдались врагу, который уже подумывалъ о томъ, чтобы снять осаду, и, какъ всякій подобный отчаянный безумецъ, только и помышлялъ о своемъ отступленіи и связанномъ съ нимъ кратковременномъ позорѣ. Распорядись, любезный сынъ Вулканъ, разбуди своихъ сонныхъ Циклоповъ, Астероповъ[1], Бронтесъ[2], Аргесъ[3], Полифема, Стероповъ[4] и Пиракмоновъ[5]: заставь ихъ работать и такъ же усердно пить. Труженикамъ огня не слѣдуетъ жалѣть вина. Ну, теперь покончимъ поскорѣе съ этимъ крикуномъ. Меркурій, освѣдомьтесь и узнайте, что ему нужно.

---

[1]) Petra—камень.

[2]) Борецъ за просвѣщеніе, жившій въ XIV вѣкѣ и сопротивлявшійся церковнымъ захватамъ. Католическіе попы прозвали его именемъ безобразное изваяніе, о которое въ церквахъ тушили свѣчи.

[3]) Первосвященники у египтянъ. Поясненіе самого Раблэ.

[4]) Римъ.

Меркурій заглянулъ въ небесный трапъ, черезъ который боги прислушиваются къ тому, что происходитъ на землѣ, и который похожъ на корабельный люкъ (Икароменипъ[6] говорилъ, что онъ похожъ на отверстіе колодца), и увидѣлъ, что это Кульятри проситъ вернуть ему потерянный топоръ, и сообщилъ объ этомъ совѣту боговъ.

— Ну вотъ,—сказалъ Юпитеръ,— этого недоставало! Точно намъ нѣтъ другого дѣла, какъ возвращать потерянные топоры! Но дѣлать нечего, вернуть ему топоръ слѣдуетъ. Это, слышите ли вы, значится въ книгѣ судебъ, точно такъ, какъ если бы топоръ стоилъ Миланскаго герцогства. Да и, по правдѣ сказать, его топоръ ему такъ же дорогъ и цѣненъ, какъ королю его королевство. Пусть, пусть ему вернутъ топоръ! И довольно объ этомъ. Вернемся къ разбирательству спора духовенства съ аббатствомъ Ландерусы. На чемъ, бишь, мы остановились?

Пріапъ стоялъ около камина. Услышавъ докладъ Меркурія, онъ вѣжливо, но весело сказалъ:

— Царь Юпитеръ, въ тѣ времена, какъ по вашему приказанію и особому соизволенію я былъ стражемъ земныхъ садовъ, я замѣтилъ, что слово «топоръ», употребляется въ нѣсколькихъ смыслахъ....[1] А поэтому необходимо было бы узнать, какого рода топоръ проситъ этотъ крикунъ Кульятри.

— Коли такъ,—сказалъ Юпитеръ Меркурію, — спуститесь немедленно внизъ и бросьте къ ногамъ Кульятри три топора: его собственный, другой изъ золота и третій изъ серебра, массивные, равные по вѣсу. Предложите ему выбрать топоръ, и если онъ возьметъ свой и имъ удовольствуется, тогда отдайте ему и оба другихъ. Если же онъ выберетъ не свой, то отрубите ему голову его собственнымъ топоромъ. И отнынѣ всегда такъ поступайте съ тѣми, кто потеряетъ свой топоръ.

Сказавъ это, Юпитеръ сталъ вертѣть головой какъ обезьяна, глотающая пилюли, и съ такой гримасой, что весь Олимпъ затрясся.

Меркурій, въ остроконечной шапкѣ, колетѣ, крылатыхъ башмакахъ и съ кадуцеемъ въ рукѣ, спустился черезъ небесный трапъ и, разсѣкая воздухъ, легко сошелъ на землю и бросилъ къ ногамъ Кульятри три топора; затѣмъ сказалъ ему:

— Ты такъ оралъ, что, должно быть, у тебя въ горлѣ пересохло. Юпитеръ услышалъ твои мольбы. Гляди: который изъ этихъ топоровъ—твой, и бери его.

Кульятри поднялъ золотой, оглядѣлъ его и нашелъ, что онъ очень тяжелъ, и говоритъ Меркурію:

— Божусь, что это не мой топоръ; мнѣ его не нужно.

---

[1] Кующіе молніи.

[2] Приготовляющіе громъ.

[3] Бѣлыя молніи.

[4] Кующіе лучи.

[5] Выбивающіе огонь.

[6] У Лукьяна.

[1] Здѣсь слѣдуетъ невозможное для перевода по своей непристойности мѣсто, основанное на игрѣ словомъ coignée, имѣющимъ еще иной неприличный смыслъ.

Такъ же поступилъ онъ и съ серебрянымъ топоромъ и сказалъ:

— И это не мой, оставьте его себѣ.

Потомъ взялъ въ руки свой оправленный въ дерево топоръ, поглядѣлъ на топорище, призналъ на немъ свою отмѣтку и, вздрогнувъ отъ радости, точно лиса, встрѣтившая заблудившихся куръ, ухмыляясь, проговорилъ:

— Чортъ тебя дери! Вотъ это мой топоръ! Если вы мнѣ его отдадите, я угощу васъ большимъ горшкомъ славнаго молока съ прекрасной майской[1] земляникой.

— Добрый человѣкъ, — отвѣчалъ Меркурій,—я оставляю тебѣ топоръ, бери его. И, по волѣ Юпитера, дарю тебѣ и оба другихъ за то, что ты проявилъ умѣренность въ желаніяхъ и въ выборѣ топора. Теперь ты будешь богатъ. Оставайся же честнымъ человѣкомъ.

Кульятри вѣжливо поблагодарилъ Меркурія, поклонился великому Юпитеру, заткнулъ свой старый топоръ за поясъ, а два другихъ, болѣе тяжелыхъ, привѣсилъ къ шеѣ. Въ этомъ видѣ онъ прогуливается по своему околотку, величаясь передъ своими прихожанами и сосѣдями и повторяя имъ словцо Пателена:

— Теперь на моей улицѣ праздникъ.

На другой день, облекшись въ бѣлую блузу и взваливъ на спину оба драгоцѣнныхъ топора, отправляется въ Шинонъ, городъ прекрасный, городъ благородный, городъ древній, первый въ мірѣ, по мнѣнію и увѣреніямъ ученѣйшихъ массоретовъ[2]. Въ Шинонѣ онъ размѣниваетъ серебряный топоръ на серебряную монету, а золотой—на золотую. Покупаетъ цѣлую уйму мызъ, хлѣбныхъ амбаровъ, земли, строеній, деревенскихъ домовъ, луговъ, виноградниковъ, лѣсовъ, пашенъ, прудовъ, мельницъ, садовъ, быковъ, коровъ, воловъ, овецъ, барановъ, козъ, свиней, поросятъ, ословъ, лошадей, куръ, пѣтуховъ, каплуновъ, цыплятъ, гусей, утокъ, селезней и прочей птицы. И въ очень короткое время становится самымъ богатымъ человѣкомъ въ околоткѣ, богаче даже хромого Молевріе.

Сосѣдніе лѣсопромышленники и мужики, узнавъ о такой удачѣ Кульятри, очень удивились, и состраданіе и жалость, какія имъ прежде внушалъ Кульятри, смѣнились завистью къ его неожиданному и большому богатству. Они забѣгали во всѣ стороны, разспрашивая, освѣдомляясь какимъ способомъ, гдѣ, въ какой день, въ какой часъ, почему и зачѣмъ ему достался такой кладъ. Услышавъ, что это случилось отъ того, что онъ потерялъ топоръ, они сказали:

— Эге! Стоитъ намъ только потерять топоръ и мы станемъ богаты? Средство не трудно, и имъ можно воспользоваться. Итакъ, значитъ, въ настоящее время коловращеніе небесныхъ сферъ, размѣщеніе созвѣздій и аспектъ планетъ таковы, что кто потеряетъ топоръ, тотъ станетъ богатъ? Эге, ге! Клянусь Богомъ, топоръ будетъ потерянъ, какъ ужъ ему угодно!

Итакъ всѣ потеряли топоры. Чортъ меня побери, если хоть у одного изъ нихъ остался топоръ!

Ни у одного сына честной матери не осталось топора. По недостатку топоровъ не стали больше рубить деревьевъ и колоть дрова въ этой мѣстности. И даже, какъ повѣствуется въ баснѣ Эзопа, иные мелкотравчатые грабители[1] - дворянчики, которые уже раньше продали Кульятри свои луга и мельницы, чтобы пофрантить на парадахъ, услыхавъ, какимъ образомъ ему достался кладъ, продали свои шпаги и купили топоры, чтобы потерять ихъ точно такимъ же манеромъ, какъ и мужики, и вмѣсто нихъ получить груды золота и серебра, уподобляясь въ этомъ отношеніи римскимъ пилигримамъ, продающимъ все свое добро и занимающимъ чужія деньги, чтобы накупить вороха индульгенцій у новоизбраннаго папы. И принялись кричать, вопить, молить и взывать къ Юпитеру: «Мой топоръ, Юпитеръ, мой топоръ!» Одинъ оретъ: «Мой топоръ!» Другой вопитъ: «Мой топоръ! Го, го, го! Юпитеръ, мой топоръ!» Кругомъ стонъ стоялъ отъ криковъ и воя всѣхъ этихъ людей, растерявшихъ топоры. Меркурій не замедлилъ принести имъ топоры и предложилъ каждому потерянный имъ топоръ и два другихъ: золотой и серебряный. Всѣ выбирали золотой и брались за него, благодаря щедраго Юпитера. Но въ тотъ моментъ, какъ они поднимали его съ земли, согнувшись вдвое, Меркурій отрубалъ имъ голову, какъ было приказано Юпитеромъ. И отрѣзанныхъ головъ оказалось столько же, сколько было топоровъ.

---

[1] Иды мая, когда родился Меркурій. Прим. самого Раблэ.

[2] Истолкователи и глоссаторы у евреевъ. Прим. самого Раблэ.

[1] Въ подлинникѣ Janspill'hommes вмѣсто Gentilshommes.

Вотъ что произошло. Вотъ что бываетъ съ тѣми, кто любитъ простоту и стремится къ умѣренности. Берите съ нихъ примѣръ, вы, всѣ гуляки, которые говорите, обыкновенно, что не продадите своихъ желаній и за десять тысячъ франковъ чистоганомъ; и отнынѣ не говорите безъ зазрѣнія совѣсти—какъ я отъ васъ иногда слышалъ—«Ахъ, дай-то Богъ мнѣ получить сто семьдесятъ восемь милліоновъ золотомъ! Тогда бы я восторжествовалъ! Эхъ, вы ослы! Чего же послѣ того пожелать королю, императору, папѣ! И вы по опыту можете видѣть, что, высказывая такія непомѣрныя желанія, вы получаете только парши да овечью оспу[1]) и ни гроша въ карманѣ, какъ и тѣ двое нищихъ въ Парижѣ, изъ которыхъ одинъ пожелалъ получить столько золотыхъ монетъ, сколько ихъ находилось въ обращеніи въ Парижѣ съ самаго его основанія и по сей часъ, и притомъ по самой высокой оцѣнкѣ. Какъ, по вашему, вѣдь малый былъ не промахъ! Собрался какъ голодный на кисель! По монастырской ковригѣ за щеку мечетъ! Другой пожелалъ, чтобы соборъ Богоматери былъ наполненъ острыми иголками, снизу до верху, и чтобы у него было столько золота, сколько бы влѣзло въ мѣшки, которые можно было бы сшить всѣми тѣми иголками. Вотъ это значитъ желать,—такъ желать! Какъ вамъ кажется? Но что же изъ этого вышло? Къ вечеру у каждаго изъ нихъ оказались вереда на пяткѣ, ракъ на подбородкѣ, туберкулы въ легкихъ, катарръ въ горлѣ, карбункулъ на крестцѣ, а хлѣба ни корки.

Итакъ будьте умѣренны въ своихъ желаніяхъ и тогда лучше вамъ будетъ, въ особенности, если вы станете какъ слѣдуетъ трудиться. Но, говорите вы, для Бога все равно—дать мнѣ семьдесятъ восемь тысячъ или одну полушку, потому что Онъ всемогущъ. Милліонъ золота—для него такіе же пустяки, какъ грошъ. Эге, ге, ге! Ваше ли это дѣло, бѣдные люди, такъ разсуждать и толковать о всемогуществѣ и предопредѣленіи Божіемъ. Потише, потише! Смиритесь передъ Его святымъ ликомъ и признайте свои несовершенства.

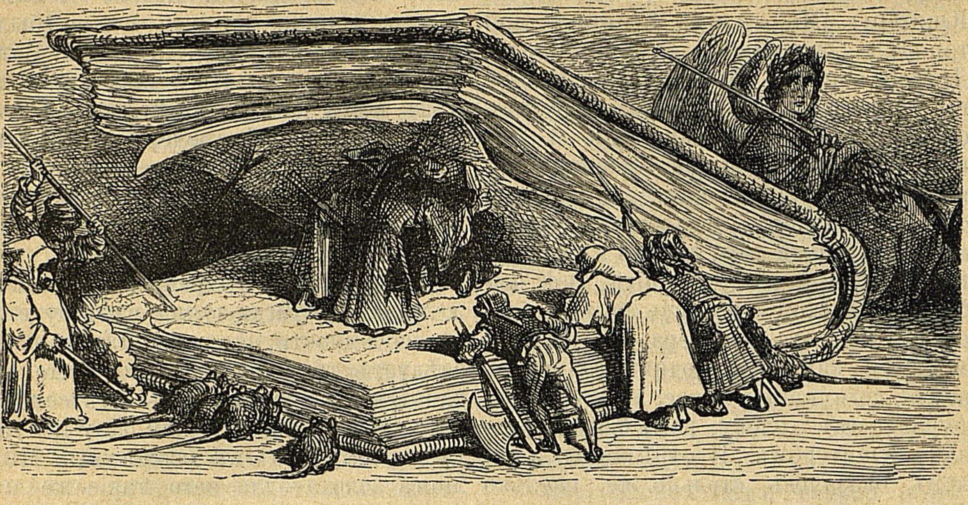
На этомъ я основываю мою надежду и твердо вѣрю (если угодно Господу Богу), что вамъ, подагрикамъ, дано будетъ здоровье, такъ какъ вы ничего, кромѣ здоровья, пока не просите. Подождите еще немножко, имѣйте на каплю терпѣнія. Не такъ поступаютъ, генуэзцы, когда по утру, послѣ совѣщанія въ своихъ конторахъ и кабинетахъ о томъ, что имъ предпринять и съ кого въ этотъ день содрать денежки, и кого имъ слѣдуетъ одурачить, провести, нагрѣть и обобрать,—выходятъ на площадь и кланяясь другъ другу, говорятъ:—Sanita et guadain, Messer»[1]). Они не довольствуются здоровьемъ, а хотятъ еще и барышей:—нажить, если можно, столько денегъ, сколько у Гуадоньи[2]). Отчего бываетъ часто, что они не получаютъ ни того, ни другого. А теперь откашляйтесь хорошенько, выпейте на здоровье, развѣсьте уши и послушайте, какія чудеса я вамъ разскажу про благороднаго и добраго Пантагрюэля.

---

[1]) Заразительная болѣзнь у овецъ, которая, говорятъ, свирѣпствовала между французами въ 1411 г.

[1]) Желаю здоровья и барыша, милостивый государь.

[2]) Богатый банкиръ въ эпоху Франциска I.



Къ гл. I-й.

I.

О томъ, какъ Пантагрюэль сѣлъ на корабль, чтобы посѣтить оракулъ богини Бакбюкъ[1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ день вестальскаго[2]) праздника, въ тотъ самый, когда Брутъ завоевалъ Испанію и испанцевъ и когда скупой Крассъ былъ побѣжденъ и разбитъ парѳянами, Пантагрюэль, простившись со своимъ добрымъ отцемъ Гаргантюа (который по достохвальному обычаю, существовавшему между добрыми христіанами первобытной церкви, отслужилъ молебствіе о благополучномъ плаваніи своего сына и всѣхъ его спутниковъ), сѣлъ на корабль въ Ѳаласскомъ портѣ, въ сопровожденіи Панурга, брата Жана-Сокрушителя, Эпистемона, Гимнаста, Эстена, Ризотома, Карпалима и другихъ своихъ давнишнихъ слугъ и домочадцевъ, вмѣстѣ съ Ксеноманомъ, великимъ путешественникомъ, совершившимъ самыя опасныя поѣздки и, по приглашенію Панурга, прибывшимъ въ опредѣленный день.

По извѣстнымъ и основательнымъ причинамъ онъ оставилъ Гаргантюа составленную и подписанную имъ морскую карту, гдѣ былъ обозначенъ путь, котораго имъ предстояло держаться, при посѣщеніи оракула божественной Бутылки Бакбюкъ.

О числѣ кораблей я уже сообщилъ вамъ въ книгѣ третьей. Къ нимъ присоединилось еще довольно много трехвесельныхъ галеръ, галліоновъ и фелукъ; всѣ онѣ были снабжены хорошимъ экипажемъ, хорошо оснащены и въ изобиліи нагружены Пантагрюэльономъ. Всѣ офицеры, переводчики, лоцмана, капитаны, шкипера и матросы собрались на «Таламегѣ». Такъ назывался большой и главный корабль Пантагрюэля, у котораго на кормѣ красовался девизъ: большая толстая бутылка на половину изъ полированнаго гладкаго серебра, а на половину изъ золота съ красной эмалью. Изъ чего легко было заключить, что бѣлое и красное вино были цвѣтами благородныхъ путешественниковъ, а лозунгомъ ихъ: «Бутылка».

На кормѣ второго корабля красовался оригинальный старинный фонарь, искусно сдѣланный изъ слюды и обозначавшій, что они посѣтятъ также и Страну Фонарей[1]).

---

[1]) По-еврейски: бутылка.

[2]) Весталіи, праздникъ въ честь богини Весты въ Римѣ. Приходился на седьмой день іюня. Прим. самого Раблэ.

[1]) Lanternoys, — аллегорическая страна, гдѣ царитъ просвѣщеніе.

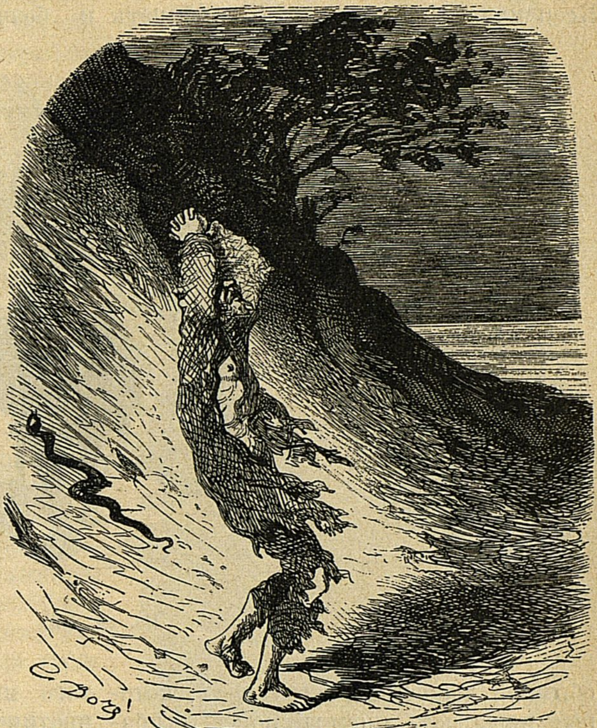
На третьемъ кораблѣ девизомъ служилъ прекрасный и глубокій фарфоровый кубокъ. На четвертомъ — золотой съ двумя ручками горшокъ, на манеръ античной вазы. На пятомъ—бокалъ изъ изумрудной щетки. На шестомъ—монашеская фляжка изъ четырехъ металловъ. На седьмомъ—воронка изъ чернаго дерева съ инкрустаціями изъ золота. На восьмомъ—рюмка изъ вороненаго золота. На десятомъ — ваза изъ тонкаго, обработаннаго огнемъ золота. На десятомъ— чаша изъ душистаго кипарисоваго дерева съ золотыми инкрустаціями въ персидскомъ вкусѣ. На одиннадцатомъ—золотая корзина, въ которой носятъ виноградъ, съ мозаикою. На двѣнадцатомъ — золотой боченокъ изъ матоваго золота съ отдѣлкой изъ крупнаго индійскаго жемчуга. Такъ что всякій, кто увидѣлъ бы этотъ благородный флотъ съ его девизами, развеселился бы, будь онъ угрюмый, сердитый брюзга или такого же печальнаго нрава, какъ покойный Гераклитъ-Плакса, и сказалъ бы, что пассажиры всѣ выпить не прочь и люди благонамѣренные, и предсказалъ бы, что путешествіе совершится туда и обратно въ полномъ веселіи и отличномъ здоровьи.

Итакъ всѣ собрались на «Таламегѣ». Тамъ Пантагрюэль сказалъ имъ краткую, но поучительную рѣчь, съ ссылками на Св. Писаніе о пользѣ мореплаванія. Послѣ этой рѣчи произнесена была молитва къ Богу во всеуслышаніе и въ присутствіи всѣхъ обывателей и горожанъ Θалассы, сбѣжавшихся на пристань, чтобы видѣть, какъ всѣ сядутъ на корабли и отплывутъ.

Послѣ молитвы стройно пропѣтъ былъ псаломъ святого царя Давида, начинающійся словами:

«Когда вышелъ Израиль изъ Египта».

По окончаніи псалма разставили столы на палубѣ и принесли разныхъ мясныхъ блюдъ. Обитатели Θалассы, которые тоже присоединились къ пѣнію вышеупомянутаго псалма, принесли изъ домовъ много съѣстного и вина. Всѣ пили за ихъ здоровье. Они отвѣчали тѣмъ же. И благодаря этому никто изъ пассажировъ позднѣе не страдалъ отъ морской болѣзни и не ощущалъ никакого разстройства ни въ головѣ, ни въ желудкѣ, что непремѣнно бы случилось, если бы они за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ пуститься въ плаваніе, пили чистую воду или съ примѣсью вина, ѣли бы айву, кору лимона, употребляли бы сокъ кислыхъ гранатъ или бы держали продолжительную діэту, вообще поступали бы согласно подобнымъ

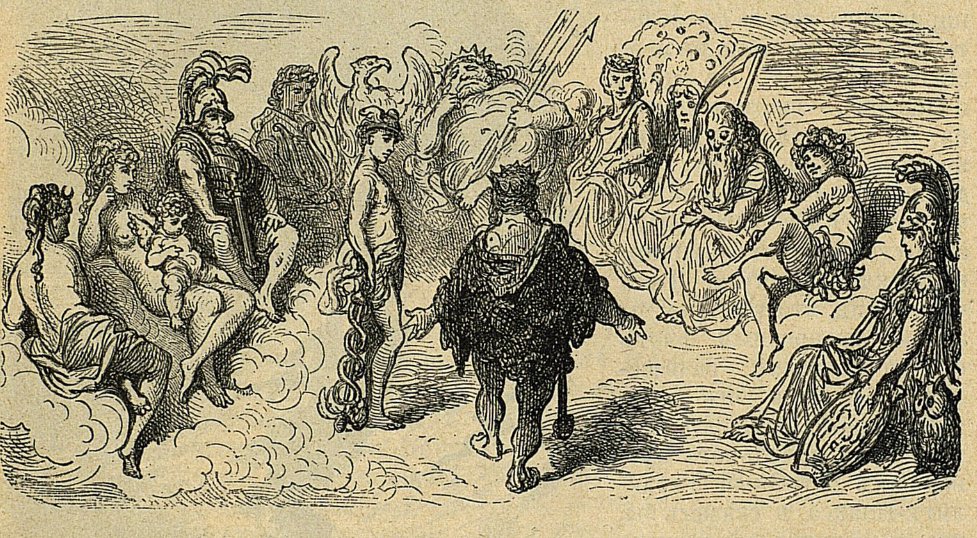


Къ гл. I-й.

предписаніямъ глупыхъ врачей, которыми тѣ напутствуютъ мореплавателей.

Послѣ неоднократныхъ изліяній всѣ разошлись по своимъ кораблямъ и на разсвѣтѣ вышли при греческомъ восточномъ вѣтрѣ [1]), сообразуясь съ которымъ главный лоцманъ Джемстъ Брайеръ составилъ маршрутъ и направилъ стрѣлки компасовъ. Такъ какъ оракулъ богини Бакбюкъ находится въ Катэ, въ Верхней Индіи, то, по его мнѣнію, которое раздѣлялъ и Ксеноманъ, не слѣдовало избирать обычной дороги португальцевъ, которые, пересѣкая знойный поясъ, огибаютъ мысъ Доброй Надежды на южной оконечности Африки и, теряя совершенно изъ виду Полярную Звѣзду, дѣлаютъ огромный крюкъ, между тѣмъ какъ, напротивъ того, слѣдуетъ держаться параллельно Индіи и огибать вокругъ полюса съ запада,—такъ, чтобы въ направленіи сѣверномъ находиться на той же высотѣ, какъ портъ Олонъ, не приближаясь къ нему, чтобы не попасть въ Ледовитый океанъ и не быть тамъ затертымъ льдами. Если слѣдовать по этому каноническому пути, на одинаковой параллели, то онъ останется по правую руку отъ востока, тогда какъ иначе онъ оставался бы по лѣвую.

Отъ этого они оказались въ невѣроятной выгодѣ. Безъ крушенія, безъ опасности, не потерявъ никого изъ людей, при самой ясной погодѣ (за исключеніемъ только одного дня около Макреонскихъ островов), они совершили путь въ Верхнюю Индію менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца, между тѣмъ какъ португальцы совершаютъ его въ три года при тысячѣ неудобствъ и безчисленныхъ опасностей. И я того мнѣнія, пока мнѣ не докажутъ противнаго, что этого пути держались тѣ индусы, про которыхъ повѣствуетъ Корнелій Непотъ, Помпей Мела и послѣ нихъ Плиній, и которые приплыли въ Германію и были съ честью приняты королемъ свевскимъ, въ бытность К. Метелла Целера проконсуломъ Галліи.



Къ гл. I-й.

II.

О томъ, какъ Пантагрюэль купилъ много прекрасныхъ вещей на островѣ Медамоти.

Въ этотъ день и на слѣдующій за нимъ они не видѣли земли и ничего новаго, такъ какъ по этому пути они уже разъ слѣдовали. На четвертый день они открыли островъ, называвшійся Медамоти [1]), очень красивый и которымъ можно было любоваться, благодаря множеству маяковъ и высокихъ мраморныхъ башенъ, окружавшихъ его; величиною онъ былъ не менѣе Канады. Когда Пантагрюэль справился о томъ, кто владѣетъ островомъ, то ему отвѣчали, что островъ принадлежитъ королю Ѳилофану [2]), который отлучился по случаю женитьбы его брата Ѳилофеамона [3]) на наслѣдной принцессѣ королевства Энгисъ [4]). Итакъ онъ сошелъ на берегъ, и въ то время какъ экипажъ кораблей запасался въ гавани прѣсной водой, онъ осматривалъ различныя картины, ковры, животныхъ, рыбъ, птицъ и другіе экзотическіе и заморскіе товары, выставленные вдоль набережной и въ портовыхъ лавкахъ. Дѣло было какъ разъ на третій день большой и торжественной мѣстной ярмарки, на которую ежегодно съѣзжались всѣ богатые и именитые купцы Азіи и Африки. Братъ Жанъ купилъ двѣ рѣдкостныхъ и цѣнныхъ картины: на одной было нарисована, какъ живая, пойманная птица; на другой—портретъ лакея, старающагося изобразить изъ себя барина, подражая всѣмъ его манерамъ, жестамъ, выраженію лица, повадкѣ, минамъ и вкусамъ, написаннымъ и измышленнымъ мастеромъ Шарлемъ Шармуа, живописцемъ короля Межиста. И заплатилъ за нихъ гримасами.

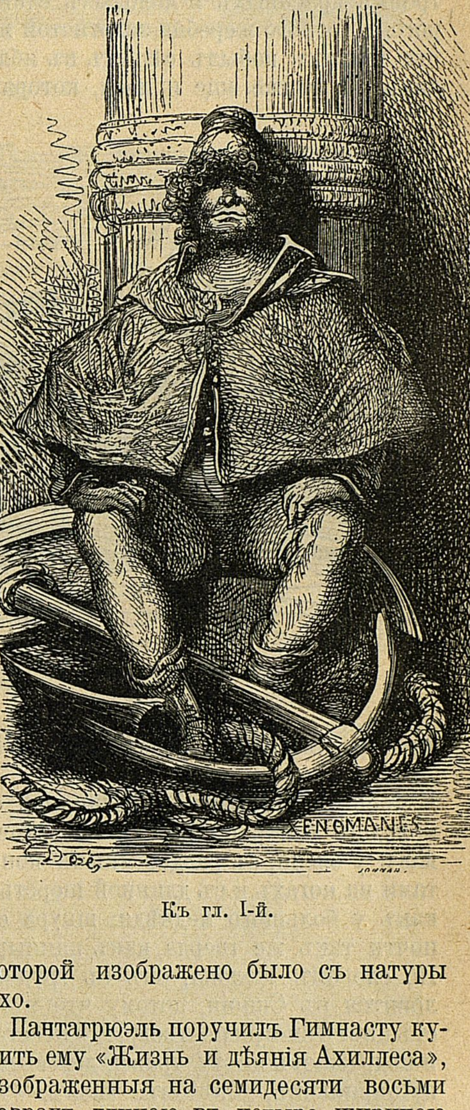
---

[1]) Нордъ-вестъ.

Панургъ купилъ большую картину, представлявшую копію съ вышитой нѣкогда картины Филомелой, изобразившей для своей сестры Прогнеи то, какимъ образомъ ее лишилъ дѣвственности ея зять Терей и отрѣзалъ ей языкъ, чтобы она не могла разсказать объ его преступленіи [5]). Божусь вамъ ручкой моего фонаря, что картина была роскошная и удивительная. Не думайте, прошу васъ, чтобы она изображала дѣвушку въ объятіяхъ мужчины. Это было бы слишкомъ глупо и грубо. Картина была совсѣмъ иная и болѣе понятная. Вы можете видѣть ее въ Телемскомъ аббатствѣ, по лѣвую руку въ верхней галлереѣ.

Эпистемонъ купилъ тоже картину. На ней изображены были съ натуры Идеи Платона и Атомы Эпикура.

Ризотомъ купилъ тоже картину, на которой изображено было съ натуры Эхо.



Къ гл. I-й.

Пантагрюэль поручилъ Гимнасту купить ему «Жизнь и дѣянія Ахиллеса», изображенныя на семидесяти восьми коврахъ длиною въ четыре, шириною въ три сажени, вытканныхъ фригійскимъ шелкомъ, вперемежку съ золотомъ и серебромъ. На первомъ коврѣ изображено было бракосочетаніе

---

[1]) Нигдѣ.

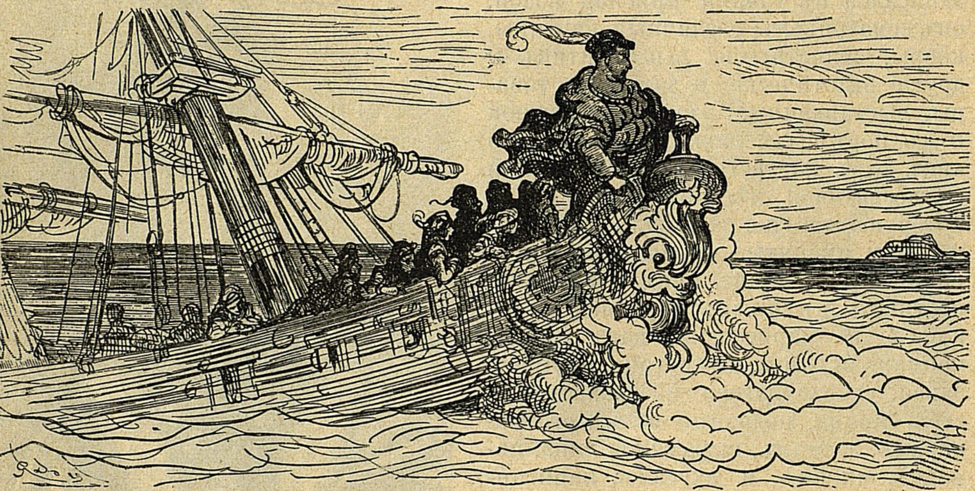
[2]) Любящій блеснуть.

[3]) Любящій глядѣть.

[4]) Сосѣдняя страна. Всѣ эти примѣчанія принадлежатъ самому Раблэ.

[5]) Овидій. Метаморфозы, VI, 42 и т. д.

Пелея и Ѳетиды; на второмъ—рожденіе Ахиллеса, его молодость, какъ оно описано Стасемъ Папиніемъ; его дѣянія и боевые подвиги, прославленные Гомеромъ; его смерть и погребеніе, какъ они передаются у Овидія и Квинтуса Калабера, а на послѣднемъ изображалось появленіе его тѣни и жертвоприношеніе Поликсены, какъ оно описано у Эврипида. Онъ купилъ также троихъ красивыхъ и молодыхъ единороговъ, одного жеребца золотистой масти и двухъ кобылъ сѣрыхъ въ яблокахъ. А также еще и лося, котораго ему продалъ одинъ скиѳъ изъ страны Желоновъ.

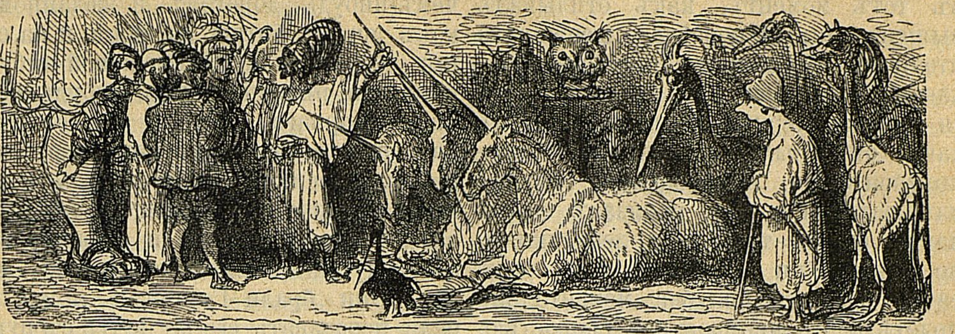


Къ гл. I-й.

Лось есть животное величиной съ молодого быка, съ рогами на головѣ, какъ у оленя, съ раздвоенными копытами на ногахъ и съ длинной шерстью, какъ у большого медвѣдя; шкура его почти такъ же тверда, какъ панцырь. По словамъ желона, онъ съ трудомъ ловится въ Скиѳіи, потому что мѣняетъ цвѣтъ смотря по мѣсту, гдѣ пасется, и подражаетъ цвѣту травы, деревьевъ, кустарниковъ, цвѣтовъ, скалъ,—короче сказать, всѣхъ предметовъ, около которыхъ находится. Это свойство у него общее съ морскими полипами и съ хамелеономъ; послѣдній—родъ ящерицы, такой удивительный, что Демократъ посвятилъ цѣлую книгу описанію ея наружности, анатоміи и магическихъ свойствъ и качествъ. Я самъ видѣлъ, какъ она мѣняла цвѣтъ не только отъ сосѣдства окрашенныхъ предметовъ, но и сама по себѣ, смотря потому, испытывала она страхъ или пріятныя ощущенія: такъ на зеленомъ коврѣ я видѣлъ ее зеленой; но по истеченіи нѣкотораго времени она дѣлалась желтой, голубой, коричневой и фіолетовой, подобно тому, какъ мѣняетъ цвѣтъ гребешокъ индюка смотря по его ощущеніямъ. Намъ всего удивительнѣе показалось въ этомъ лосѣ то, что не только его морда и шкура, но и вся шерсть принимала тотъ цвѣтъ, въ какой были окрашены сосѣдніе предметы. Около Панурга, одѣтаго въ сѣрую тогу, шерсть его становилась сѣрой; около Пантагрюэля, облеченнаго въ пурпуровую мантію, его шерсть и кожа краснѣли; около лоцмана, одѣтаго на манеръ египетскихъ жрецовъ Изиды и Анубиса, шкура его казалась совсѣмъ бѣлой. Въ послѣднихъ двухъ цвѣтахъ хамелеону отказано. Когда онъ не испытывалъ ни страха и вообще никакихъ другихъ ощущеній, онъ сохранялъ свой натуральный цвѣтъ и шкура его была того цвѣта, какой мы видимъ на ослахъ въ Менгѣ[1]).

---

[1]) Тамъ былъ монастырь «сѣрыхъ братій».



Къ гл. II-й.

III.

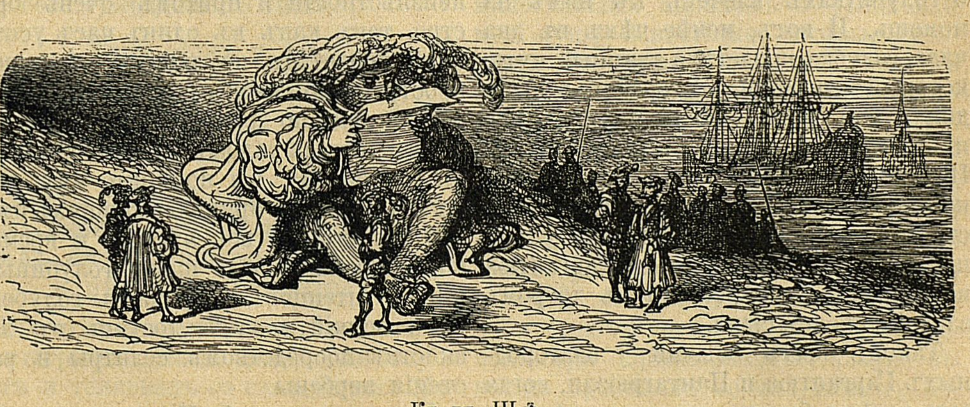
О томъ, какъ Пантагрюэль получилъ отъ своего отца, Гаргантюа, письмо, и о странномъ способѣ, какимъ могутъ доходить быстро вѣсти изъ чужихъ и отдаленныхъ странъ.

Пантагрюэль, занятый покупкой всѣхъ этихъ чужеземныхъ животныхъ, услышалъ съ мола десять выстрѣловъ изъ мортиры и изъ фальконета и громкія и радостныя восклицанія со всѣхъ сторонъ. Пантагрюэль вернулся въ гавань и увидѣлъ, что то прибылъ одинъ изъ быстроходныхъ кораблей его отца Гаргантюа, называвшійся «Хелидонъ», отъ того, что на его кормѣ высилась морская ласточка, отлитая изъ коринѳской мѣди. Это такая рыба, величиною съ луарскую плотву, мясистая, безъ чешуи, съ хрящеватыми крыльями (какъ у летучей мыши), очень длинными и широкими, при помощи которыхъ, я часто видѣлъ,— какъ она пролетала на сажень отъ воды съ быстротой стрѣлы изъ лука. Въ Марсели ее называютъ Ландель. И этотъ корабль тоже былъ легокъ, какъ ласточка и, казалось, не столько плылъ по водѣ, какъ летѣлъ по морю. На немъ находился Маликорнъ, стольникъ, рѣзавшій мясо за столомъ Гаргантюа, котораго онъ нарочно послалъ узнать о состояніи здоровья своего сына, добраго Пантагрюэля, и отвезти ему письмо. Пантагрюэль, милостиво поздоровавшись съ нимъ, прежде чѣмъ вскрыть письмо и прежде всякихъ другихъ рѣчей, спросилъ его:

— Привезли ли вы съ собой Гозаля [1]), небеснаго вѣстника?

— Да, — отвѣчалъ тотъ. Онъ сидитъ въ этой корзинкѣ.

То была голубка, взятая съ голубятни Гаргантюа и которая какъ разъ



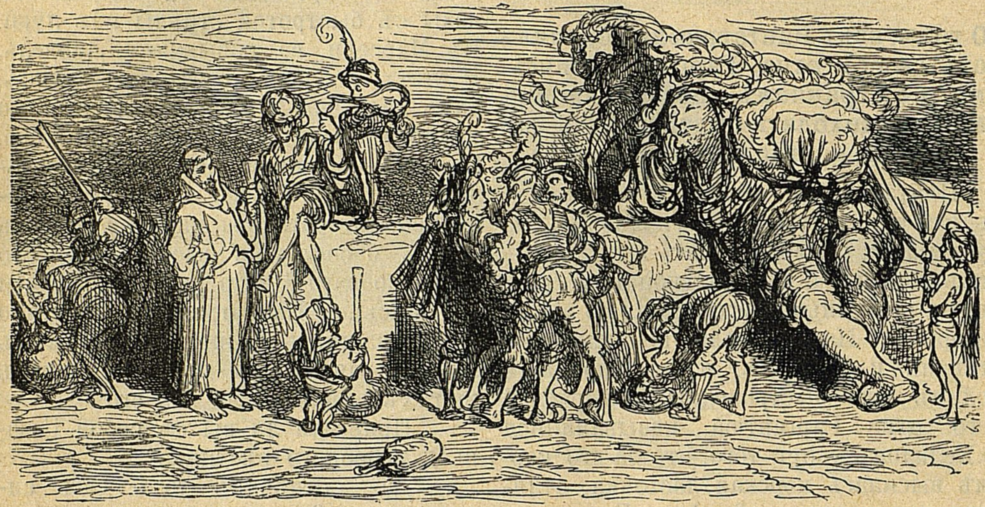
Къ гл. III-й.

---

[1]) По еврейски: голубь, голубка. Прим. самого Раблэ.

въ тотъ моментъ, какъ отплывалъ вышеназванный корабль, высиживала птенцовъ. Случись съ Пантагрюэлемъ какая бѣда, онъ бы привязалъ къ ея лапкамъ черную ленточку; но такъ какъ онъ былъ здоровъ и благополученъ, то, высвободивъ голубку изъ заточенія, онъ навязалъ ей на лапки бѣлыя тафтяныя ленточки и, не теряя ни минуты, выпустилъ ее на свободу. Голубка моментально полетѣла съ невѣроятной скоростью, такъ какъ вы сами знаете, что нѣтъ полета быстрѣе голубинаго, когда у него положены яйца или высижены птенцы, такъ какъ вложенная въ него природою настойчивая заботливость о голубяткахъ влечетъ къ нимъ на помощь. И вотъ, менѣе чѣмъ въ два часа, голубка пролетѣла длинный путь, который совершилъ корабль въ три дня и три ночи, идя и на парусахъ и на веслахъ при попутномъ вѣтрѣ. И такимъ образомъ голубка вернулась на голубятню, къ собственному гнѣзду съ птенцами. И услыхавъ, что у нея навязаны бѣлыя ленты, Гаргантюа возрадовался, увѣренный въ добромъ здравіи своего сына.

Таковъ былъ обычай у благородныхъ Гаргантюа и Пантагрюэля, когда они хотѣли быстро получить вѣсть о чемъ-нибудь дорогомъ и желанномъ, какъ исходъ битвы на морѣ и на сушѣ, оборона или взятіе какой-нибудь крѣпости, рѣшеніе какого-нибудь важнаго спорнаго вопроса, благополучнаго или неблагополучнаго разрѣшенія отъ бремени какой-нибудь королевы или знатной дамы, смерть или выздоровленіе друзей и союзниковъ, застигнутыхъ болѣзнью и такъ далѣе. Они брали Гозаля и приказывали передавать его по почтѣ съ рукъ на руки въ тѣ мѣста, откуда они ждали вѣстей. Гозаль, смотря по тому, были у него на лапкахъ черныя или бѣлыя ленточки, смотря по обстоятельствамъ, выводилъ ихъ изъ тягостной неизвѣстности и притомъ очень быстро, такъ какъ въ одинъ часъ успѣвалъ пролетѣть по воздуху большее пространство, нежели проѣхали бы въ цѣлый день по дорогѣ тридцать почтъ. Этимъ выгадывалось бы много времени. А потому вы повѣрите мнѣ, что на голубятняхъ принадлежавшихъ имъ мызъ всегда во всѣ мѣсяцы и времена года можно было найти голубиныя яйца и птенцовъ и пропасть голубей. Чего всякій можетъ достичь въ хозяйствѣ посредствомъ селитры и растенія вербены.



Къ гл. IV-й.

Выпустивъ голубя, Пантагрюэль прочиталъ посланіе своего отца Гаргантюа, гласившее слѣдующее:

«Дражайшій сынъ.

Любовь, которую естественно питаетъ каждый отецъ къ любимому сыну, во мнѣ такъ разгорѣлась въ виду и въ силу тѣхъ особенныхъ преимуществъ, какими надѣлила тебя милость Божія, что со времени твоего отъѣзда одна только мысль живетъ во мнѣ, только одно опасеніе терзаетъ мое сердце: не постигла ли тебя какая бѣда или неудача въ пути, такъ какъ ты знаешь, что съ сильной и искренней любовью всегда неразлученъ бываетъ и страхъ. А такъ какъ по словамъ Гезіода: доброе начало—половина дѣла, а по пословицѣ: лиха бѣда—починъ, то я для того, чтобы освободить свой умъ отъ такой тревоги, посылаю нарочно Маликорна, чтобы получить черезъ него извѣстія о первыхъ дняхъ твоего путешествія. Если начало путешествія окажется благополучнымъ и такимъ, какимъ я его желаю, то мнѣ легко будетъ предвидѣть, предсказать и судить объ остальномъ. Я получилъ нѣсколько забавныхъ книгъ, которыя тебѣ при семъ и посылаю. Читай ихъ, когда захочешь отдохнуть отъ занятій. Мой посыльный сообщитъ тебѣ подробнѣй обо всемъ, что происходило при дворѣ. Миръ Господень да будетъ съ тобою. Поклонись Панургу, брату Жану, Эпистемону, Ксеноману, Гимнасту и всѣмъ остальнымъ твоимъ домочадцамъ, моимъ добрымъ пріятелямъ.

Пишу изъ твоего родительскаго дома, сего тринадцатаго іюня.

Твой отецъ и другъ
Гаргантюа.»

IV.

О томъ, какъ Пантагрюэль написалъ своему отцу Гаргантюа и послалъ ему нѣсколько прекрасныхъ и рѣдкихъ предметовъ.

Прочитавъ вышеуказанное письмо, Пантагрюэль такъ долго разговаривалъ и толковалъ со стольникомъ Маликорномъ, что Панургъ перебилъ его, говоря:

— А когда же вы выпьете? Когда мы выпьемъ? Когда выпьетъ господинъ стольникъ? Не пора ли бросить разглагольствованія и приняться за вино?

— Дѣльно сказано,—отвѣчалъ Пантагрюэль. Велите приготовить закуску вонъ тамъ, въ ближайшемъ трактирѣ, съ вывѣской, на которой изображенъ сатиръ верхомъ на конѣ.

А тѣмъ временемъ самъ онъ написалъ слѣдующее письмо къ Гаргантюа, которое долженъ былъ отвезти ему стольникъ:

«Добрѣйшій родитель,

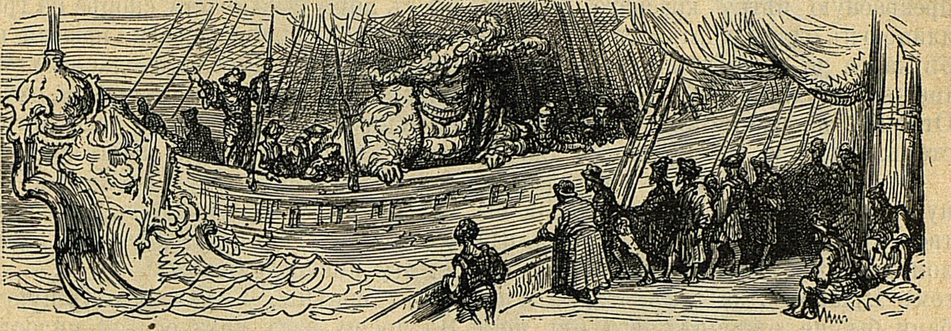
Такъ какъ всѣ неожиданныя и непредвидѣнныя событія въ нашей преходящей жизни сильнѣе и болѣзненнѣе дѣйствуютъ на наши чувства и на нашу душу (часто даже въ такой мѣрѣ, что она разстается съ тѣломъ, хотя неожиданныя новости были пріятны и желательны), чѣмъ тѣ, которыя можно было предвидѣть и взвѣсить заранѣе,—такъ и неожиданное прибытіе вашего стольника Маликорна чрезвычайно какъ растрогало меня. Вѣдь я не надѣялся увидѣть кого-либо изъ вашихъ домочадцевъ, ни получить отъ васъ вѣстей до конца нашего путешествія. И вотъ я довольствовался сладкимъ воспоминаніемъ о вашемъ величествѣ, глубоко запечатлѣннымъ въ сохраннѣйшихъ тайникахъ моего мозга, и часто живо представлялъ себѣ ваше собственное и доброе лицо. Но вотъ теперь вы осчастливили меня вашимъ милостивымъ письмомъ и успокоили мою душу извѣстіями, которыя сообщилъ мнѣ вашъ стольникъ, о вашемъ благоденствіи и здоровьи, равно какъ и всего королевскаго дома, и я чувствую себя обязаннымъ, что я и всегда охотно дѣлалъ во-первыхъ, вознести хвалу Господу Богу за то, что въ неизреченной благости своей Онъ сохранилъ васъ въ совершенномъ здравіи; во-вторыхъ, поблагодарить васъ безконечно за ту крѣпкую и неизмѣнную привязанность, какую вы всегда проявляли ко мнѣ, вашему покорнѣйшему сыну и недостойному слугѣ.

«Нѣкогда одинъ римлянинъ, по имени Фурній, говорилъ Цезарю Августу, даровавшему помилованіе и прощеніе его отцу, приверженцу Антонія: «Сегодня, оказавъ мнѣ эту милость, ты привелъ меня въ такое уничиженіе, что мнѣ придется, живымъ или мертвымъ, быть признаннымъ неблагодарнымъ отъ безсилія моей благодарности.» И такъ и я могъ бы сказать, что избытокъ вашей родительской любви ставитъ меня въ печальную необходимость жить и умереть неблагодарнымъ, если бы отъ такого преступленія не спасало меня изреченіе стоиковъ, говорившихъ, что каждое благодѣяніе счастливитъ три стороны: того, кто даетъ, того, кто принимаетъ, и того, кто вознаграждаетъ, при чемъ принимающій благодѣяніе отлично можетъ вознаградить того, кто его оказываетъ, если охотно приметъ благодѣяніе и будетъ вѣчно хранить его въ своей памяти, и, наоборотъ, принимающій благодѣяніе окажется самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ въ мірѣ, если будетъ пренебрегать благодѣяніемъ и забудетъ о немъ. Такимъ образомъ, подавленный безконечными обязательствами, какія налагаетъ на меня ваша безграничная любовь, и не въ силахъ хотя бы въ ничтожной мѣрѣ вознаградить васъ за нее, я спасусь, по крайней мѣрѣ, отъ клеветы тѣмъ, что память о ней никогда не изгладится изъ моего ума, а языкъ мой не перестанетъ исповѣдывать и заявлять, что достойно отблагодарить васъ оказывается свыше моихъ способностей и моихъ силъ. Впрочемъ, я уповаю на благость и помощь Господа въ томъ, что конецъ нашего путешествія будетъ соотвѣтствовать его началу и совершится въ полномъ веселіи и совершенномъ здравіи. Я не премину записать день за днемъ все, что произойдетъ во время нашего плаванія, чтобы, по нашемъ возвращеніи, вы имѣли достовѣрный отчетъ о немъ. Я нашелъ здѣсь скиѳскаго лося, животное странное и чудесное по измѣненіямъ въ цвѣтѣ его кожи и шерсти сообразно съ различными окружающими его предметами. Примите его милостиво. Съ нимъ такъ же легко обращаться и такъ же легко кормить его, какъ и ягненка. Посылаю вамъ также троихъ единороговъ, такихъ же ручныхъ и кроткихъ, какъ котята. Я переговорилъ со стольникомъ и сказалъ, какъ слѣдуетъ съ ними обращаться. Они не пасутся въ полѣ, потому что имъ мѣшаетъ рогъ во лбу. По неволѣ должны они питаться плодами съ деревьевъ, или изъ нарочно для нихъ приспособленныхъ рѣшетокъ или изъ рукъ, когда имъ предлагаютъ траву, пшеницу, яблоки, груши, овесъ,—короче сказать, всякаго рода фрукты и овощи. Я удивляюсь, почему наши древніе писатели называютъ ихъ дикими, свирѣпыми и опасными и говорятъ, что никто никогда не видалъ ихъ живыми. Если пожелаете, то можете убѣдиться въ противномъ и найдете, что они кротчайшія созданія въ мірѣ, лишь бы ихъ не дразнили. Вмѣстѣ съ тѣмъ посылаю вамъ также жизнь и дѣянія Ахиллеса, изображенныя очень красиво и искусно на коврѣ, и обѣщаюсь, что все новое по части животныхъ, растеній, птицъ, каменьевъ, что только встрѣтится намъ во время нашего путешествія, привезу вамъ съ помощью Господа Бога, Котораго молю сохранить васъ въ добромъ здравіи. Дано въ Медамоти, сего пятнадцатаго іюня. Панургъ, братъ Жанъ, Эпистемонъ, Ксеноманъ, Гимнастъ, Эстенъ, Ризотомъ и Карпалимъ почтительнѣйше цѣлуютъ ваши руки и посылаютъ тысячу поклоновъ.

Вашъ покорнѣйшій сынъ и слуга,
Пантагрюэль.»

Въ то время какъ Пантагрюэль писалъ это письмо, всѣ остальные привѣтствовали Маликорна, кланялись ему и горячо обнимали. И одинъ Богъ знаетъ, съ какимъ жаромъ все это происходило и сколько было высказано всякихъ пожеланій!

Пантагрюэль, окончивъ письмо, отобѣдалъ со стольникомъ и подарилъ ему толстую золотую цѣпь, вѣсомъ равнявшуюся восьмистамъ экю и въ которой, черезъ каждые семь колецъ, вправлены были крупные брилліанты, рубины, изумруды, бирюза и жемчугъ. Каждый изъ его матросовъ получилъ пятьсотъ золотыхъ экю. Отцу своему Гаргантюа послалъ онъ лося покрытымъ попоною изъ атласа, затканнаго золотомъ, вмѣстѣ съ ковромъ, на которомъ изображены были жизнь и дѣянія Ахиллеса, и троихъ единороговъ, въ попонахъ изъ золотого фризоваго сукна. И затѣмъ изъ Медамоти отправились: Маликорнъ, чтобы вернуться къ Гаргантюа, а Пантагрюэль въ дальнѣйшее путешествіе. Выйдя въ открытое море, онъ заставилъ Эпистемона читать себѣ книги, привезенныя стольникомъ, и нашелъ ихъ занимательными и забавными, а потому я охотно доставлю вамъ копію съ нихъ, если вы очень усердно меня о томъ попросите.



Къ гл. V-й.

V.

О томъ, какъ Пантагрюэль встрѣтилъ корабль съ пассажирами, возвращавшимися изъ Страны Фонарей.

На пятый день, поворачивая мало-по-малу къ полюсу и удаляясь отъ экватора, мы увидѣли купеческій корабль, плывшій на насъ на всѣхъ парусахъ. Не мало обрадовались, какъ мы, такъ и купцы: мы—потому что могли получить отъ нихъ морскія вѣсти; они—потому что мы могли сообщить имъ вѣсти съ материка. Приблизившись къ нимъ, мы узнали, что они—французы изъ Сентонжа[1]. Поговоривъ съ ними, Пантагрюэль услышалъ, что они возвращались изъ Страны Фонарей, и это еще болѣе обрадовало присутствующихъ. Мы стали освѣдомляться о состояніи края и жителей Страны Фонарей и узнали, что въ концѣ іюля назначено созваніе общаго капитула всѣхъ фонарщиковъ, и что если мы подоспѣемъ къ нему (чего было не трудно достичь), то увидимъ прекрасную, честную и веселую компанію фонарщиковъ, и что тамъ дѣлаются большія приготовленія, по которымъ можно заключить, что тамъ намѣреваются здорово фонарничать. Намъ сказали также, что король Охабе, владѣтель большого королевства Гебаримъ, почетно приметъ и угоститъ насъ, если мы посѣтимъ его страну, что онъ и всѣ его подданные говорятъ по-французски, совершенно такъ, какъ говорятъ въ Турени.

Пока мы выслушивали эти новости, Панургъ вступилъ въ пререканія съ однимъ купцомъ изъ Тайльбурга, по имени Индюшенокъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее: этотъ Индюшенокъ, увидя Панурга безъ клапана, съ очками на шапкѣ, сказалъ про него своимъ спутникамъ:

— Поглядите-ка, вотъ славная рожа рогоносца!

Панургъ благодаря очкамъ пользовался особенно тонкимъ слухомъ. Поэтому, услышавъ эти слова, спросилъ купца:

---

[1] Округъ старинной провинціи Гіеннь, на берегу Атлантическаго океана.

— Какъ могу я, чортъ побери, быть рогоносцемъ, когда я еще не женатъ, какъ ты, о чемъ могу судить по твоей гадкой харѣ!

— Да, конечно, — отвѣчалъ купецъ,—я женатъ и ради всѣхъ очковъ Европы, въ придачу очковъ Африки, не захотѣлъ бы не быть женатымъ, потому что у меня самая красивая, самая добрая, самая честная, самая цѣломудренная жена изъ всего Сентонжа, не въ обиду другимъ будь сказано. Я везу ей въ подарокъ изъ-за моря прекрасную вѣтку краснаго коралла длиною въ одиннадцать пальцевъ. А тебѣ какое до этого дѣло? Чего ты путаешься въ мои дѣла? Кто ты таковъ? Отвѣчай, антихристовъ очечный мастеръ, отвѣчай, если боишься Бога.

— А ты отвѣчай мнѣ,—сказалъ Панургъ,—что бы ты сдѣлалъ, если бы твоя прекрасная, добрая, честная, цѣломудренная жена связалась съ богомъ Пріапомъ, да такъ, что ты и зубами бы не оттащилъ его отъ нея? Отвѣчай, чортовъ сынъ!

— Я пробью шпагой,—отвѣчалъ купецъ,—твои дурацкія очки и убью тебя какъ барана.

Говоря это, онъ хотѣлъ обнажить шпагу; но не могъ вытащить ее изъ ноженъ, потому что, какъ вамъ извѣстно, на морѣ всякое оружіе легко ржавѣетъ вслѣдствіе сырого, соленаго воздуха. Панургъ обратился къ Пантагрюэлю за помощью. Братъ Жанъ взялъ свой только-что отточенный кортикъ и навѣрно убилъ бы предательски купца, если бы капитанъ корабля и остальные пассажиры не умолили Пантагрюэля не допускать такого скандала на ихъ кораблѣ. Итакъ ссора была улажена, и Панургъ пожалъ руку купцу и оба они здорово выпили въ знакъ примиренія.

VI.

О томъ, какъ Панургъ, примирившись съ купцомъ, торгуетъ у него барана.

Когда ссора была улажена, Панургъ сказалъ по секрету Эпистемону и брату Жану:

— Отойдите-ка в сторонку и позабавьтесь надъ тѣмъ, что сейчасъ увидите. Мы повеселимся, если только рыбка не сорвется.

И, повернувшись къ купцу, еще разъ выпилъ за его здоровье полный бокалъ добраго фонарнаго вина. Купецъ отвѣчалъ ему тѣмъ же съ большой вѣжливостью и приличіемъ. Послѣ того Панургъ усердно сталъ просить его продать ему одного барана.

— Увы, увы, другъ мой, сосѣдъ, какъ вы ловко надуваете бѣдныхъ людей! Ужъ можно взаправду сказать: вотъ такъ покупщикъ! Право слово, вы съ лица смахиваете скорѣе на грабителя съ большой дороги, нежели на покупателя. Клянусь Николаемъ Угодникомъ, пріятель, не правда ли, охулки на руку не положите, если встрѣтите человѣка съ туго набитою мошной въ глухомъ лѣсу! Ха, ха, ха! Тому, кто васъ не признаетъ, не поздоровится. Ну, поглядите, добрые люди, на эту писарскую рожу!

— Терпѣніе, — сказалъ Панургъ. Но прошу васъ, какъ особой милости, продайте мнѣ одного изъ вашихъ барановъ. Сколько вы за него хотите?

— О чемъ вы думаете, дружище, сосѣдъ? Вѣдь это длиннорунные бараны. Язонъ съ нихъ снялъ золотое руно. Бургундскій домъ обязанъ имъ своимъ происхожденіемъ. Это левантинскіе бараны, бараны кровные, бараны жирные.

— Пусть такъ,—сказалъ Панургъ,—но, пожалуйста, продайте мнѣ одного, я заплачу вамъ за него западными денежками, настоящими, не фальшивыми. Сколько вы за него хотите?

— Сосѣдушка, другъ мой,—отвѣчалъ купецъ,—выслушайте меня хорошенько.

Панургъ. Какъ прикажете.

Купецъ. Вы отправляетесь въ Страну Фонарей?

Панургъ. Хотя бы такъ.

Купецъ. Поглядѣть на свѣтъ?

Панургъ. Хотя бы такъ.

Купецъ. Повеселиться?

Панургъ. Хотя бы такъ.

Купецъ. Васъ зовутъ, кажется, Робинъ-баранъ?

Панургъ. По вашимъ словамъ.

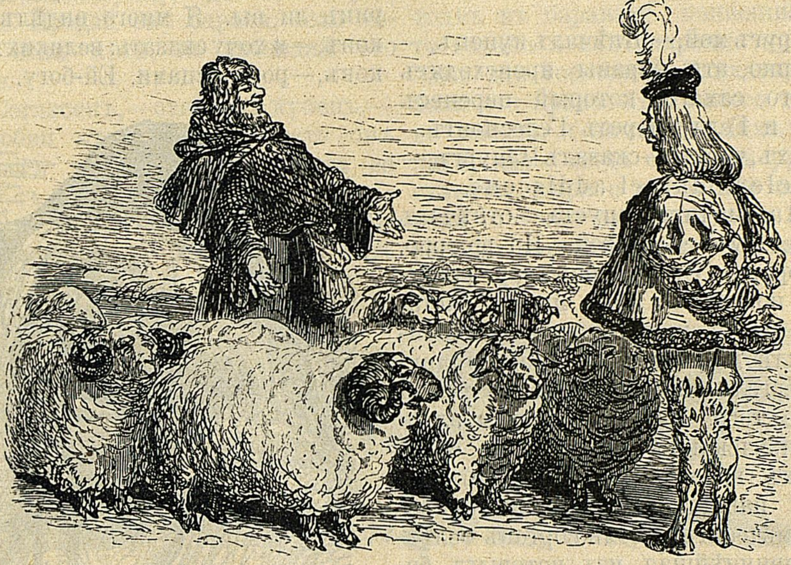
Купецъ. Не въ обиду вамъ будь сказано.

Панургъ. Я такъ и понимаю.

Купецъ. Вы, кажется, шутъ короля.

Панургъ. Хотя бы и такъ.

Купецъ. Ну вотъ видите. Ха, ха! Вы хотите видѣть свѣтъ, вы шутъ короля, васъ зовутъ Робинъ-баранъ; поглядите на этого барана: его зовутъ, какъ и васъ, Робиномъ; Робинъ, Робинъ, Робинъ.



Къ гл. VI-й.

— Бе, бе, бе.

— О, какой прекрасный голосъ!

Панургъ. Прекрасный и гармоническій.

Купецъ. Вотъ каковъ будетъ нашъ уговоръ, сосѣдъ и другъ! Вы вѣдь Робинъ-баранъ и мы посадимъ васъ на эту чашу вѣсовъ, моего Робина барана посадятъ на другую, и я бьюсь объ закладъ на сотню устрицъ, что по вѣсу, качествамъ, цѣнѣ онъ васъ перетянетъ, а вамъ быть уже подвѣшеннымъ и повѣшеннымъ.

— Терпѣніе, — сказалъ Панургъ. Но вы окажете большое одолженіе мнѣ и вашему потомству, если продадите мнѣ его или другого сортомъ пониже. Прошу васъ, милостивый государь.

— Другъ мой,—отвѣчалъ купецъ,—сосѣдъ, изъ шерсти этихъ барановъ ткутъ тонкія Руанскія сукна; шерстяныя ткани Лиместра передъ ними простая дерюга. Изъ кожъ изготовляется прекрасный сафьянъ, который идетъ за турецкій сафьянъ, или монтелимарскій, или, на худой конецъ, за испанскій. Изъ кишекъ изготовятъ струны для скрипокъ и арфъ, которыя продадутъ такъ дорого, какъ если бы онѣ были мюнхенскими или аквилейскими струнами. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Если вы соблаговолите,—сказалъ Панургъ,—продать мнѣ одного барана, я буду вамъ очень благодаренъ. Вотъ поглядите и денежки налицо. Сколько вамъ требуется?

И, говоря это, показалъ кошелекъ, набитый новенькими золотыми съ изображеніемъ Генриха.

VII.

Продолженіе торга между Панургомъ и Индюшенкомъ.

— Другъ мой,—отвѣчалъ купецъ,—сосѣдъ, мясо этихъ барановъ предназначается только для королей и принцевъ. Это мясо такъ нѣжно, такъ сочно и такъ вкусно—настоящій бальзамъ! Я везу ихъ изъ страны, гдѣ свиньи (спаси насъ Богъ!) питаются однѣми сливами; и когда свинья (прошу прощенія у честной компаніи) готова опороситься, то ее кормятъ однимъ только померанцевымъ цвѣтомъ.

— Но,—сказалъ Панургъ,—продайте мнѣ одного барана, и я по-царски заплачу вамъ, клянусь дорожнымъ посохомъ.

— Другъ мой,—отвѣчалъ купецъ,—сосѣдушко, эти бараны происходятъ отъ того самаго, который перенесъ Ѳрикса и Геллу черезъ Гелеспонтъ.

— Ахъ, чортъ!—сказалъ Панургъ,—да вы clericus vel addiscens.

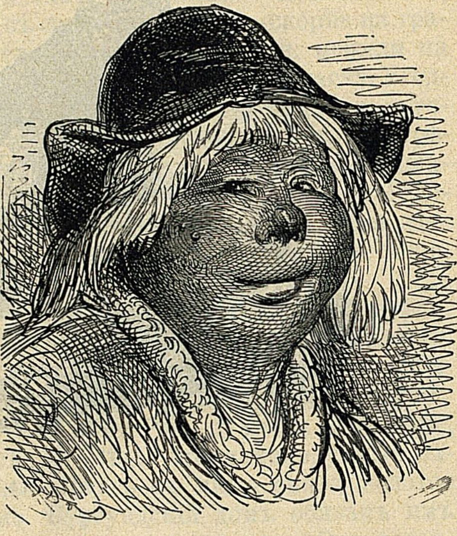
— Ita значитъ капуста,—отвѣчалъ купецъ,—vere—порей. Но рр. ррр. рррр. ррррр. Оге! Робинъ рр. ррррр. Вы не понимаете этого языка. Кстати: на всѣхъ поляхъ, гдѣ они мочились, хлѣбъ растетъ. Никакого другаго мергеля или навоза нетребуется. Больше того: изъ ихъ урины алхимики извлекаютъ наилучшую селитру. Ихъ каломъ (не взыщите) врачи въ нашихъ краяхъ вылечиваютъ семьдесятъ восемь сортовъ болѣзней, невиннѣйшая изъ которыхъ болѣзнь св. Евтропія [1]), отъ которой да избавитъ и спасетъ насъ Создатель. Какъ вы думаете объ этомъ, сосѣдъ, пріятель? Потому-то они и стоятъ мнѣ большихъ денегъ.

— Ладно,—отвѣчалъ Панургъ,—но все-таки продайте мнѣ одного барана за хорошую плату.

— Пріятель, сосѣдъ,—сказалъ купецъ,—вникните въ чудесныя природныя свойства этихъ животныхъ, которыя у васъ передъ глазами, даже въ тѣхъ членахъ, какіе показались бы вамъ безполезными. Возьмите, напримѣръ, эти рога и растолките ихъ въ ступкѣ или на таганѣ, мнѣ все едино, затѣмъ заройте ихъ въ землю на солнечномъ припекѣ и почаще поливайте. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы увидите, какъ изъ нихъ выростетъ прекраснѣйшая спаржа въ мірѣ, не не исключая и равеннской. Можете ли вы сказать, что рога у васъ, господъ рогоносцевъ, обладаютъ такими же чудесными и удивительными свойствами?

— Терпѣніе!—отвѣчалъ Панургъ.

— Не знаю,—сказалъ купецъ,—клерикъ ли вы. Я много видѣлъ клериковъ,—я хочу сказать: великихъ клериковъ,—рогоносцами. Ей-богу. Кстати, если бы вы были клерикомъ, то вы бы знали, что въ низшихъ членахъ этихъ божественныхъ животныхъ, а именно въ ногахъ, имѣется кость, таранная кость, и этими костями,—и никакихъ другихъ животныхъ, кромѣ индійскаго осла и либійской козы—въ древности играли въ царскую игру тали, въ которую императоръ Октавій Августъ выигралъ однажды вечеромъ слишкомъ 50,000 экю. Вашей братіи, рогоносцамъ, никогда столько не выиграть.



Къ гл. VII-й.

— Терпѣніе! — отвѣчалъ Панургъ. Но кончимъ скорѣе.

— И могу ли я,—сказалъ купецъ,—достойно восхвалить вамъ внутреннія части: плечо, бедро, заднюю ногу, спину, грудь и почки, печонку и потроха, пузырь, которымъ играютъ въ мячъ, ребра, изъ которыхъ въ Пигмаліи дѣлаютъ небольшіе луки, изъ которыхъ стрѣляютъ вишневыми косточками въ цаплей; голову, изъ которой съ небольшой примѣсью сѣры варятъ удивительный декоктъ, который даютъ собакамъ отъ запора.

---

[1]) «Le mal sainct Eutrope. Манера выражаться у простыхъ людей, подобно тому какъ говорятъ: le mal sainct Iehan, le mal de sainct Main, le mal sainct Fiacre, не потому, чтобы у этихъ преподобныхъ святыхъ были такія болѣзни, но потому что они ихъ вылечивали. Примѣчаніе самого Раблэ.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ капитанъ корабля купцу,—довольно торговаться! Продай ему барана, если хочешь; если нѣтъ, не забавляй его больше.

— Согласенъ,—отвѣчалъ купецъ,—изъ любви къ вамъ. Но пусть онъ заплатитъ три турскихъ фунта за штуку съ правомъ выбора.

— Это дорого,—сказалъ Панургъ. Въ нашихъ краяхъ я купилъ бы пять или шесть барановъ за такую цѣну. Подумайте сначала: не слишкомъ ли много вы запросили? Вы будете не первый изъ моихъ знакомыхъ, впавшій въ бѣдность и даже сломившій себѣ шею изъ-за того, что захотѣлъ слишкомъ скоро разбогатѣть.

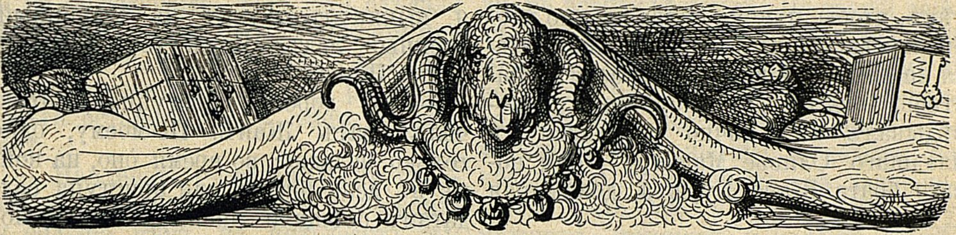
— Пусть тебя трясетъ лихорадка, дуракъ ты этакій!—сказалъ купецъ. Клянусь ликомъ Харона, худшій изъ этихъ барановъ стоитъ вчетверо дороже тѣхъ, которыхъ нѣкогда караксяне въ Тюдитаніи, провинціи Испаніи, продавали по таланту золота за штуку. А что стоитъ талантъ золота, знаешь ли ты это, безмозглый дуракъ?

— Успокойтесь, милостивый государь,—сказалъ Панургъ,—вы, я вижу, слишкомъ горячитесь. Вотъ вамъ деньги, возьмите.

Панургъ, заплативъ купцу, выбралъ изъ всего стада лучшаго и самаго крупнаго барана и унесъ его, при чемъ баранъ громко заблеялъ, и, услышавъ его блеяніе, заблеяли, глядя ему въ слѣдъ, и всѣ остальные.

Между тѣмъ купецъ сказалъ своимъ пастухамъ:

— Ишь ты вѣдь какого покупщикъ выбралъ хорошаго барана! Понимаетъ толкъ въ баранахъ, мошенникъ! Этого барана я какъ нарочно предназначалъ для господина Канкала, хорошо зная его нравъ. Ибо ничего такъ онъ не любитъ и ничто его такъ не веселитъ, какъ когда ему подъ руку подставятъ жирное и круглое плечо барана, и тогда онъ работаетъ на славу хорошо отточеннымъ ножемъ.



Къ гл. VII-й.

VIII.

О томъ, какъ Панургъ потопилъ въ морѣ купца и его барановъ.

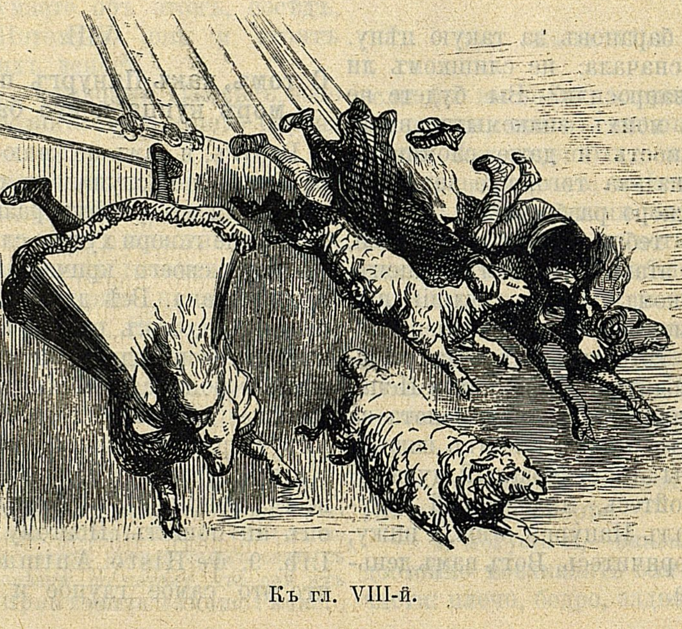
Вдругъ, я самъ не знаю какимъ образомъ,—это случилось такъ внезапно, что я не успѣлъ разглядѣть Панургъ, не говоря худого слова, бросилъ въ морѣ своего кричавшаго и блеявшаго барана. Всѣ другіе бараны, крича и блея, какъ онъ, принялись скакать въ море одинъ за другимъ. Каждый торопился выброситься за бортъ раньше другихъ. Невозможно было ихъ удержать. Какъ вамъ извѣстно, таковъ нравъ у барановъ, что они всегда слѣдуютъ за первымъ, куда бы онъ ни пошелъ. Поэтому Аристотель, Lib. 9. de Histo. Animal., говоритъ, что это самое глупое и безсмысленное животное въ мірѣ. Купецъ, страшно испуганный тѣмъ, что на его глазахъ тонутъ и погибаютъ его бараны, усиливался помѣшать имъ и остановить ихъ, но тщетно. Всѣ по очереди скакали въ море и погибали. Наконецъ, онъ ухватилъ большого и сильнаго барана за шерсть на палубѣ корабля, надѣясь такимъ образомъ удержать его и спасти остальныхъ. Баранъ былъ такъ силенъ, что унесъ съ собой въ море и купца и утонулъ съ нимъ, подобно тому, какъ бараны Полифема, кривого Циклопа, унесли изъ пещеры Улисса и его спутниковъ. То-же было и съ остальными пастухами и овчарами, которые хватали барановъ, кто за рога, кто за ноги, кто за руно и которые всѣ унесены были въ море и безпощадно утоплены.

Панургъ стоялъ около корабельной кухни съ весломъ въ рукѣ, но не за тѣмъ, чтобы помочь овчарамъ, но чтобы помѣшать имъ вновь вскарабкаться на корабль и такимъ образомъ спастись. Онъ такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ имъ, точно обратился въ младшаго Оливье Мальяра[1]) или новаго брата Жана Буржуа, доказывая имъ, по всѣмъ правиламъ риторики, о бѣдствіяхъ земного существованія, о блаженствѣ будущей жизни, утверждая, что они будутъ счастливѣе мертвыми, нежели живыми въ сей юдоли плача, и обѣщая каждому изъ нихъ воздвигнуть памятникъ на вершинѣ Монъ-Сени, по возвращеніи изъ Страны Фонарей. Если же они все-таки предпочитаютъ находиться среди живыхъ и имъ не хочется утонуть, то онъ желаетъ имъ встрѣтить кита, который на третій день извергъ бы ихъ на какомъ-нибудь бархатномъ берегу, по примѣру Іоны.

Когда корабль освободился отъ купца и его барановъ:

— Жива ли здѣсь еще,—сказалъ Панургъ,—какая овечья душа? Гдѣ души Тибо-Ягнятника и Реньо-Козлятника, которые спятъ, когда другіе пасутся? Мнѣ это неизвѣстно. А вѣдь я выкинулъ штуку на старинный, военный ладъ? Какъ тебѣ кажется, братъ Жанъ?

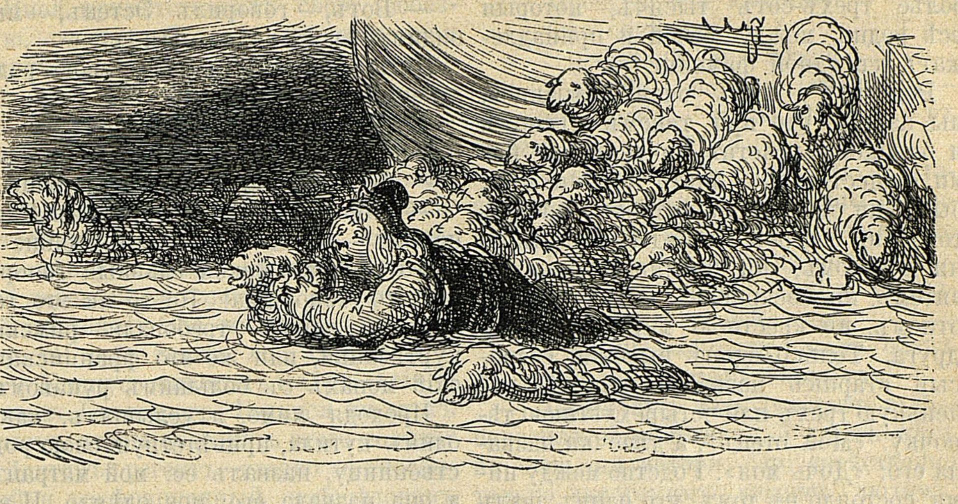
— Вы хорошо поступили,—отвѣчалъ братъ Жанъ. По-моему, одно только неладно: во время оно, на войнѣ въ день битвы или приступа солдатамъ обѣщали двойную плату, потому что если битву они выигрывали, то было чѣмъ имъ заплатить; если же



Къ гл. VIII-й.

---

[1]) Знаменитый проповѣдникъ и духовникъ Карла VIII.



Къ гл. VIII-й.

они ее проигрывали, то было бы стыдно ее потребовать, какъ это сдѣлали бѣглецы Грюэрцы послѣ сраженія при Серизолѣ; а потому и вамъ слѣдовало бы отложить уплату до развязки. Деньги остались бы у васъ въ карманѣ.

— Наплевать,—сказалъ Панургъ,— мнѣ на деньги! Ей-Богу я повеселился больше, чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Но вернемся на нашъ корабль; вѣтеръ попутный. Выслушай-ка меня, братъ Жанъ. Никогда человѣкъ, который мнѣ угодитъ, не останется безъ награды или, по крайней мѣрѣ, безъ благодарности. Я не неблагодаренъ и никогда имъ не буду. Никогда также человѣкъ не оскорбитъ меня безъ наказанія въ здѣшнемъ мірѣ или на томъ свѣтѣ. Я не такой дуракъ.

— Ну, такъ ты самъ пойдешь въ адъ,—сказалъ братъ Жанъ. Вѣдь сказано: Mihi vindictam. Загляни-ка въ требникъ.

IX.

О томъ, какъ Пантагрюэль прибылъ на островъ Эннасинъ [1]), и о странномъ родствѣ, какое тамъ существовало.

Зефиръ дулъ неизмѣнно (за исключеніемъ небольшого отклоненія на юго-востокъ), и мы цѣлый день плыли, не встрѣчая земли. На третій день къ вечеру, показался трехугольный островъ, очень похожій по формѣ и величинѣ на Сицилію. Онъ назывался Островомъ Родства. Населеніе его,— мужчины и женщины походили на красныхъ пуатвинцевъ, за исключеніемъ того, что у всѣхъ у нихъ, у мужчинъ, женщинъ и малыхъ дѣтей, носъ былъ въ формѣ трефоваго туза. По этой причинѣ древнее названіе острова было Безносый. И всѣ они были сродни другъ другу, о чемъ они похвалялись, и намѣстникъ острова сказалъ намъ:

— Вы люди изъ другого міра, считаете удивительнымъ, что изъ одной римской семьи (а именно: Фабіевъ), въ одинъ день (а именно: тринадцатаго февраля), изъ однихъ воротъ (а именно: Porta carmentalis, находившейся во время оно у подошвы Капитолія, между Тарпейской скалой и Тибромъ, съ тѣхъ поръ прозванной Porta scelerata), для отраженія враговъ римлянъ (то были именно: этруски) вышло триста шесть воиновъ (всѣ сродни другъ другу) вмѣстѣ съ пятью тысячами солдатъ (всѣ были ихъ вассалы), которые всѣ были перебиты (это произошло около рѣки Кремеръ, которая выходитъ изъ озера Бакканъ). Мы въ нашей землѣ, можемъ выставить, если понадобится, болѣе трехъ-сотъ тысячъ, которыя всѣ родня между собой и принадлежатъ къ одной фамиліи.

---

[1]) Безъ носа.

Родство у нихъ очень странное; мы нашли, что при такомъ тѣсномъ и близкомъ родствѣ, какое между ними существовало, никто изъ нихъ не былъ ни отцомъ, ни матерью, ни братомъ, ни сестрой, ни дядей, ни теткой, ни кузеномъ, ни племянникомъ, ни зятемъ, ни свекровью, ни крестнымъ отцомъ, ни крестною матерью другъ друга. Только одинъ высокій, безносый старикъ назвалъ при мнѣ маленькую трехъ или четырехлѣтнюю дѣвочку: «Мой отецъ», а дѣвочка назвала его: «Дочь моя». Родство между ними состояло въ томъ, что одинъ звалъ женщину: «Мой угорь», а женщина звала его: «Мой моржъ».

— Какъ отъ нихъ должно пахнуть рыбой,—говорилъ братъ Жанъ,—когда они потрутся другъ о друга.

Другой называлъ здоровую дѣвку, улыбаясь:

— Здравствуй, моя скребница.

Она же привѣтствовала его:

— Здравствуй, моя пѣгашка [1].

— Эге, ге, ге!—вскричалъ Панургъ,—идите поглядѣть на скребницу, косу и теленка. Вѣдь это выходитъ скребница—кобылица [2]. Часто же должно быть скребутъ эту пѣгашку!

Третій привѣтствовалъ свою душеньку словами:

— Съ Богомъ, мой письменный столъ.

Она ему отвѣчала:

— И вамъ также, мой процессъ.

— Клянусь св. Тринiаномъ,—замѣтилъ Гимнастъ,—этотъ процессъ долженъ часто лежать на этомъ столѣ.

Четвертый называлъ женщину: mon verd [3].

Она называла его: mon coquin [4].

— Вотъ,—говорилъ Эстенъ,—мы видимъ du verd coquin [1].

Пятый привѣтствовалъ свою родственницу, говоря:

— Добрый день, мой топоръ.

Она отвѣчала:

— И вамъ также мое топорище.

— Чорта съ два!—вскричалъ Карпалимъ,—какое славное топорище у этого топора и какой славный топоръ у этого топорища! Не то ли это топорище, какого требовали римскія куртизанки, или же это францисканскій монахъ съ большимъ рукавомъ?

Проходя мимо, я услышалъ, какъ одинъ кутила, привѣтствуя свою родственницу, назвалъ ее: мой матрацъ, а она назвала его: мое одѣяло. И въ самомъ дѣлѣ онъ похожъ былъ на грубое одѣяло. Кто звалъ: мой мякишъ, а ему отвѣчали: моя корочка. Кто звалъ: мой воздухъ, а ему отвѣчали: моя кочерга. Кто звалъ: мой стоптанный башмакъ, а его называли: моя туфля. Кто звалъ: моя ботинка, а она называла: мой сапожокъ. Кто называлъ: моя рукавичка, а его называли: моя перчатка. Кто называлъ: моя свиная кожа, а его называли: мое свиное сало:—и значитъ между ними было то же родство, что между свиной кожей и саломъ. Въ подобномъ же родствѣ, онъ звалъ ее: моя яичница, а она его: мое яичко; и они были такъ же сродни, какъ яичница съ яйцами. Точно такъ иной называлъ ее: мой желудокъ, а она звала его: мой фаготъ. И никто не могъ знать, какое родство, свойство, кровное или иное, существовало между ними, если судить по нашимъ обычаямъ, а говорили намъ только, что это желудокъ этого фагота. Иной привѣтствовалъ свою любезную, говоря: «Кланяюсь вамъ, моя раковина». А она отвѣчала: «А я вамъ, моя устрица.»

— Вотъ,—говорилъ Карпалимъ,—устрица въ раковинѣ.

---

[1] Fauveau—пѣгое животное. Это слово часто употреблялось какъ двусмысленность.

[2] Estrille fauveau—скребница кобылицъ. Это былъ народный ребусъ, который изображался посредствомъ скребницы, косы и теленка. Онъ часто служилъ вмѣсто вывѣски.

[3] Verd употреблялось въ различныхъ смыслахъ, какъ восклицаніе и какъ ругательство.

[4] Нищій.

[1] Verd coquin, это слово, которое и по сю пору находится въ академическомъ словарѣ, означало, собственно говоря, червякъ, который точитъ виноградную лозу, а въ переносномъ смыслѣ—бредъ, родъ мономаніи.

Иной привѣтствовалъ свою любезную, говоря: «Добраго здоровья, моя шелуха», а она отвѣчала: «Долго здравствовать, моя горошина.»

— Вотъ,—говорилъ Гимнастъ,—горошина въ шелухѣ.

Одинъ высокій, гадкій оборванецъ, на высокихъ деревянныхъ конькахъ, встрѣтивъ толстую, жирную, невысокую дѣвку, сказалъ ей: «Боже храни мой деревянный башмакъ, мой хоботъ, мой волчокъ!» Она же гордо отвѣчала ему: «И тебя также, мой хлыстъ.»

— Клянусь животомъ Saint-Gris[1])! сказалъ Ксеноманъ. Годится ли этотъ хлыстъ, чтобы подгонять этого волчка?

Докторъ регентъ, гладко причесанный и расфранченный, побесѣдовавъ нѣкоторое время съ важной дѣвицей, простился съ ней, говоря:

— Благодарю васъ, веселое лицо.

— И васъ также, плохая игра[2]).

— Веселое лицо,—сказалъ Пантагрюэль,—при плохой игрѣ не дурное родство.

Одинъ проходившій мимо баккалавръ сказалъ молоденькой дѣвочкѣ:

— Ге, ге, ге! Давно уже не видѣлъ васъ, муза.

— А я охотно вижу васъ, рогъ,— отвѣчала она.

— Соедините ихъ,—сказалъ Панургъ,—и выйдетъ волынка[3]).

Другой назвалъ свою возлюбленную: моя свинья; она же назвала его: мое сѣно.

И мнѣ показалось, что эту свинью тянуло къ сѣну.

Одинъ привѣтствовалъ свою любезную словами:

— Прощай, моя клѣтка.

— Она отвѣчала:

— Здравствуй, моя птица.

— Я думаю,—сказалъ Понократъ,— что эта птица часто сидитъ въ клѣткѣ.

На удивленіе, выраженное Пантагрюэлемъ относительно такого страннаго родства, намѣстникъ замѣтилъ:

— Добрые люди изъ другого свѣта, у васъ мало такихъ близкихъ родственниковъ, какъ эти люди.

— Странные же были у нихъ отецъ съ матерью,—сказалъ Панургъ.

— Про какую мать говорите вы?— спросилъ намѣстникъ. У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Это свойственно только заморскимъ людямъ, людямъ, обутымъ въ сѣно.

Добрый Пантагрюэль все это видѣлъ и слышалъ, но при послѣднихъ словахъ чуть было не потерялъ терпѣніе.

Ознакомившись ближе съ островомъ и нравами безносаго народа, мы вошли въ кабакъ, чтобы подкрѣпить свои силы. Тамъ справлялись свадьбы на манеръ того края. И было приготовлено много яствъ и питій. При насъ весело обвѣнчали грушу,—славную, какъ намъ казалось, женщину, хотя тѣ, которые ее раньше попробовали, увѣряли, что она нѣсколько тронулась,—съ молодымъ сыромъ, у котораго пробивался на подбородкѣ рыжеватый пушокъ. Я и прежде слыхалъ про такіе браки и въ другихъ мѣстахъ. Еще и по сіе время въ нашемъ коровьемъ царствѣ говорится, что груша съ сыромъ—самый подходящій союзъ. Въ другой залѣ мы видѣли, какъ женили старый сапогъ съ молодой и мягкой ботинкой. И Пантагрюэлю сказали, что молодая ботинка беретъ въ жены старый сапогъ потому что онъ проченъ, хорошо смазанъ саломъ и годится въ хозяйствѣ, особливо для рыбака.

Въ другой залѣ я видѣлъ, какъ молодой носокъ женился на старой туфлѣ. И намъ сказали, что вовсе не за ея красоту или добродѣтель, но изъ корысти, ради того золота, которымъ она была расшита.

---

[1]) Saint-Gris говорили вмѣсто св. Францискъ, основатель ордена францисканцевъ, одѣтыхъ въ сѣрое платье. Генрихъ IV клялся животомъ Бога. Патеръ Коттонъ строго укорялъ его за это. «Когда такъ,—сказалъ Генрихъ IV,—я буду клясться животомъ св. Франциска.» «О, государь, такого великаго святого»!—вскричалъ патеръ. «Ну такъ пойдемъ на соглашеніе, я буду божиться животомъ Св. Сѣраго», сказалъ король и усвоилъ себѣ божбу: Ventre-Saint-Gris.

[2]) Намекъ на пословицу: Faire bonne mine au mauvais jeu.

[3]) Игра словами; Muse и corne (рогъ), образующими cornemuse (волынка).

X.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ на островъ Хели 1), гдѣ царствовалъ святой Панигонъ 2).

Юго-восточный вѣтеръ надувалъ наши паруса, когда мы покинули этихъ непріятныхъ родственниковъ съ ихъ носами въ формѣ трефоваго туза, и вышли въ открытое море. На закатѣ пристали мы къ острову Хели, большому, плодородному, богатому и густонаселенному, гдѣ царствовалъ святой Панигонъ. Этотъ послѣдній въ сопровожденіи своихъ дѣтей и вельможъ своего двора поспѣшно прибылъ въ гавань, на встрѣчу Пантагрюэля, и отвезъ его въ свой дворецъ. У входа его ждала королева вмѣстѣ съ дочерьми и придворными дамами. Панигонъ потребовалъ, чтобы они и вся ея свита перецѣловались съ Пантагрюэлемъ и его спутниками. Этому всѣ подчинились за исключеніемъ брата Жана, который исчезъ и смѣшался съ толпой королевскихъ слугъ. Панигонъ настойчиво просилъ Пантагрюэля, чтобы онъ пробылъ у него весь этотъ день и слѣдующій. Но Пантагрюэль просилъ извинить его, ссылаясь на хорошую погоду и попутный вѣтеръ, котораго всегда такъ сильно желаютъ мореплаватели, но рѣдко получаютъ, а потому слѣдуетъ пользоваться имъ, когда онъ дуетъ. Послѣ такого заявленія Панигонъ отпустилъ насъ, заставивъ предварительно каждаго изъ насъ выпить за обоюдное здоровье разъ двадцать пять или тридцать.

Пантагрюэль вернулся въ гавань и, не видя брата Жана, спросилъ: гдѣ онъ находится и почему онъ не съ ними. Панургъ не зналъ какъ оправдать его и хотѣлъ вернуться въ замокъ, чтобы позвать его, какъ вдругъ прибѣжалъ братъ Жанъ, веселый-превеселый, и вскричалъ отъ полноты души:

— Да здравствуетъ благородный Панигонъ! Клянусь скотскимъ падежомъ, онъ силенъ въ кухнѣ. Я только-что оттуда. Тамъ всего вдоволь. Я подумалъ, что хорошо было бы мнѣ набить тамъ свое монастырское брюхо.

— Ты, мой другъ,—сказалъ Пантагрюэль,—только и знаешь свою кухню.

— Чортъ побери!—отвѣчалъ братъ Жанъ,—я лучше знакомъ съ кухней и съ тѣмъ, какъ тамъ быть и что дѣлать, нежели съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ хороводиться съ женщинами, magny, magna, chiobrena, отвѣшивать поклоны, присѣдать, цѣловать ручки, говорить комплименты! Все это вздоръ и чепуха! Не стоитъ вниманія! Per dio, я не хочу этимъ сказать, что при случаѣ и я бы не сумѣлъ обернуть ихъ вокругъ пальца и позабавиться. Но только всѣ эти глупыя церемоніи сердятъ меня, какъ молодой чортъ или какъ чортовъ постъ 1). Св. Бенедиктъ правъ. Вы толкуете о томъ какъ бы цѣловать дѣвицъ. Клянусь почтеннымъ и священнымъ одѣяніемъ, какое я ношу, я отказываюсь отъ этого, опасясь, чтобы и со мной не приключилось того, что было съ господиномъ Гюэршоре.

— А что же съ нимъ было?—спросилъ Пантагрюэль,—я его знаю. Онъ мнѣ большой пріятель.

— Онъ былъ приглашенъ,—сказалъ братъ Жанъ,—на великолѣпный и роскошный банкетъ, который задалъ одинъ его родственникъ и сосѣдъ. На этотъ банкетъ приглашены были также всѣ дворяне, и благородныя дамы и дѣвицы околотка. Эти послѣднія въ ожиданіи его переодѣли нарядными и щеголеватыми барышнями всѣхъ присутствующихъ пажей. Барышни предстали передъ нимъ, когда онъ прошелъ по подъемному мосту. Онъ всѣхъ ихъ перецѣловалъ съ большой вѣжливостью и почтительными поклонами. По окончаніи этой церемоніи дамы, ожидавшія его въ галлереѣ, расхохотались и дали знакъ пажамъ, чтобы они сбросили свои наряды. Увидя это, почтенный господинъ такъ разсердился, что съ досады и стыда не захотѣлъ поцѣловать

---

1) Островъ Поцѣлуевъ.

2) Отъ panicus—хлѣбецъ, намекъ на обильно снабженную кухню этого короля.

1) Тутъ игра словами: jeune, молодой и jeûne, постъ.

присутствующихъ дамъ и дѣвицъ, утверждая, что если такимъ образомъ переодѣли пажей, то, чего добраго, всѣ эти дамы—простые слуги еще хитрѣе переряженные.

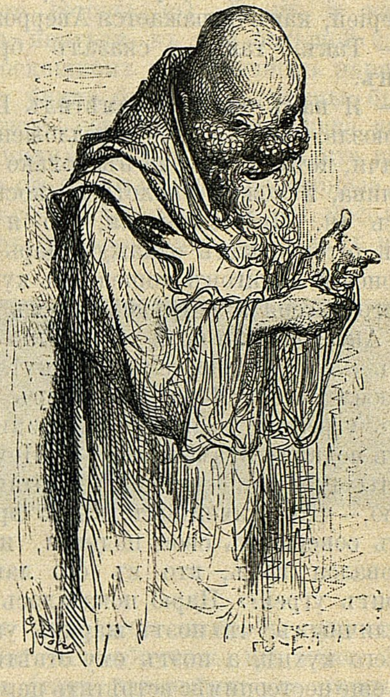
— Милостью Божіей, da jurandi, почему же намъ не сосредоточить всей нашей гуманности на Божіей славной кухнѣ и не заняться верченіемъ вертела, гармоніей шипящихъ кастрюль, распредѣленіемъ шпика, температурой похлебокъ, приготовленіемъ дессерта, порядкомъ чередованія винъ? Beati immaculati in via. Такъ стоитъ и въ требникѣ.

XI.

О томъ, почему монахи такъ охотно засѣдаютъ въ кухнѣ.

— Вотъ,—сказалъ Эпистемонъ,—настоящія монашескія рѣчи. Я разумѣю монаха по духу, а не по одеждѣ только. Вы напомнили мнѣ то, что я видѣлъ и слышалъ во Флоренціи лѣтъ двадцать тому назадъ. Насъ была славная компанія любознательныхъ людей, любителей древности, стремившихся посѣщать ученыхъ людей и осматривать древности и рѣдкости Италіи. И вотъ мы съ большимъ любопытствомъ знакомились съ мѣстоположеніемъ и красотами Флоренціи, съ архитектурой ея собора, великолѣпіемъ храмовъ и роскошью дворцовъ и наперерывъ другъ передъ другомъ восторгались ими, какъ вдругъ одинъ монахъ изъ Аміена, по имени Бернаръ Лардонъ, сказалъ намъ въ сердцахъ и раздражительно:

«Не знаю, чорта съ два, чѣмъ вы тутъ такъ восхищаетесь. Я такъ же, какъ и вы, глядѣлъ на все это и такой же зрячій, какъ и вы. Ну и что жъ тутъ такого? Красивые дома, и больше ничего. Но,—Боже помилуй насъ, и св. Бернаръ мой добрый патронъ!—во всемъ здѣшнемъ городѣ я еще не видѣлъ ни одной кухмистерской, какъ ни озирался и ни оглядывался по дорогѣ направо и налѣво, готовясь сосчитать, сколько намъ попадется на пути кухмистерскихъ. У насъ въ Аміенѣ, пройдя вчетверо, даже втрое меньше пути, чѣмъ мы совершили при нашихъ осмотрахъ, я могъ бы указать вамъ больше четырнадцати древнихъ и ароматныхъ кухмистерскихъ. Не понимаю, какое удовольствіе находите вы глазѣть на львовъ и африканцевъ (такъ, кажется, называете вы то, что другіе зовутъ тиграми) при колокольнѣ или на ежей и страусовъ во дворцѣ господина Филиппа Строцци. Честью завѣряю, сыны мои, что съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы добраго и жирнаго гуся на вертелѣ. Всѣ эти порфиры и мраморы хороши, слова нѣтъ. Я не хочу ихъ хулить, но предпочитаю имъ аміенскія пирожныя. Эти античныя статуи хорошо сдѣланы, охотно вѣрю этому; но, клянусь Св. Фереолемъ Аббевильскимъ, молодыя дѣвчонки въ нашемъ краю въ тысячу разъ привѣтливѣе.»



Къ гл. XI-й.

— Что означаетъ,—спросилъ братъ Жанъ,—и чѣмъ это объяснить, что вы всегда застанете монаховъ въ кухнѣ и никогда не встрѣтите тамъ ни королей, ни папъ, ни императоровъ?

— Нѣтъ ли,—отвѣчалъ Ризотомъ,—какихъ-нибудь скрытыхъ свойствъ и специфическихъ причинъ въ кухонныхъ котлахъ и вертелахъ, которые притягиваютъ монаховъ, но не притягиваютъ ни королей, ни папъ, ни императоровъ? Или же это наклонность и стремленіе, свойственныя рясѣ и клобуку, которыя сами собой толкаютъ добрыхъ монаховъ въ кухни, хотя бы даже они и не хотѣли туда идти?

— Онъ хочетъ сказать,—отвѣчалъ Эпистемонъ,—что форма слѣдуетъ за матеріей, какъ выражается Аверроэсъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ братъ Жанъ.

— Я вамъ скажу,—замѣтилъ Пантагрюэль,—не касаясь предложенной задачи, потому что она нѣсколько щекотлива, и можно уколоться, коснувшись ея. Мнѣ помнится, что я читалъ о томъ, какъ однажды царь македонскій Антигонъ вошелъ въ кухню своего лагеря и встрѣтилъ тамъ поэта Антагора, который самолично жарилъ угря на вертелѣ, и шутливо спросилъ его: «Неужели Гомеръ жарилъ угрей въ то время, какъ описывалъ подвиги Агамемнона»?—«Неужели ты думаешь,—отвѣчалъ Антагоръ царю,—что Агамемнонъ, въ то время какъ совершалъ свои подвиги, интересовался тѣмъ, кто въ его лагерѣ жаритъ угрей?» Царю показалось неприличнымъ, что поэтъ жаритъ угрей въ его кухнѣ, а поэтъ ему отвѣтилъ, что еще нестерпимѣе встрѣтить царя въ кухнѣ. Подъ пару вашему разсказу,—сказалъ Панургъ,—я вамъ разскажу, что отвѣтилъ однажды Бретонъ Вилландри герцогу Гизу. Рѣчь шла объ одномъ сраженіи между королемъ Францискомъ и императоромъ Карломъ V, въ которомъ нигдѣ не видно было Бретона, хотя онъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ и подъ нимъ былъ чудный конь. «Честное слово,—отвѣчалъ Бретонъ,—я былъ въ этомъ сраженіи, и это мнѣ легко доказать, и при томъ въ такомъ мѣстѣ, куда бы вы не рѣшились отправиться.» Герцогъ де-Гизъ обидѣлся такими словами, находя ихъ дерзкими и слишкомъ хвастливыми, но Бретонъ легко успокоилъ и разсмѣшилъ его, сказавъ: «Я находился при обозѣ, куда ваша честь не рѣшились бы укрыть ся, какъ это сдѣлалъ я.»

И въ такомъ разговорѣ дошли они до своихъ кораблей и покинули островъ Хели.

XII.

О томъ, какъ Пантагрюэль достигъ Прокураціи 1), и о странномъ образѣ жизни ябедниковъ 2).

Продолжая путь, на слѣдующій день мы прибыли въ Прокурацію, страну безобразную и грязную. Я въ ней ничего не понималъ. Тамъ мы увидѣли прокултосовъ и ябедниковъ 3)—людей очень непріятныхъ. Они не предложили намъ ни пить, ни ѣсть. Но нескончаемыми поклонами съ учеными ужимками дали намъ понять, что за деньги готовы намъ служить, чѣмъ угодно. Одинъ изъ нашихъ толмачей разсказывалъ Пантагрюэлю, какимъ страннымъ способомъ эти люди зарабатывали себѣ пропитаніе, вполнѣ противоположнымъ тому, какой былъ въ обычаѣ у римлянъ. Въ Римѣ множество народа жило тѣмъ, что отравляло, избивало и убивало людей. Ябедники же зарабатывали хлѣбъ тѣмъ, что сами бывали биты, такъ что если долгое время ихъ никто не билъ, то они умирали отъ голода сами, ихъ жены и дѣти.

— Это въ родѣ того, какъ нѣкоторые люди, по свидѣтельству Галлена, не могутъ повернуть къ экватору nervus cavernosus, не будучи здорово высѣченными. Клянусь Св. Тибо, кто бы меня такъ высѣкъ — выбилъ бы меня, напротивъ того, ихъ сѣдла,— сказалъ Панургъ.

— Дѣло происходитъ такъ,—отвѣчалъ толмачъ,—когда какой-нибудь монахъ, попъ, ростовщикъ или адвокатъ задумаетъ погубить какого-нибудь дворянина, онъ насылаетъ на него одного изъ ябедниковъ. Тотъ та-

---

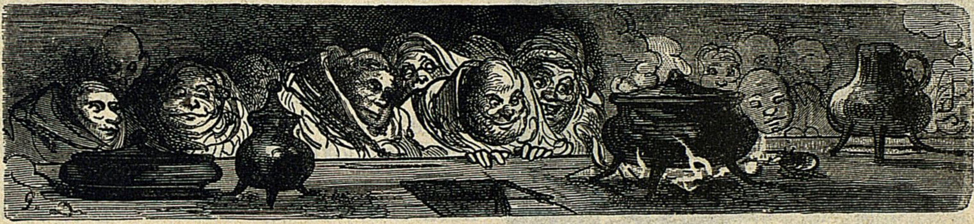
1) Procuration—довѣренность. Раблэ превращаетъ это слово въ названіе мѣстности.

2) Chiquanous—ябедники. Раблэ такъ называетъ стряпчихъ, судебныхъ приставовъ и пр.

3) Прокуроры, стряпчіе, судебные пристава и пр.

щитъ его въ судъ, томитъ волокитой, оскорбляетъ его, нагло ругаетъ, сообразно данному порученію, до тѣхъ поръ, пока дворянинъ—если только онъ не разслабленный и не набитый дуракъ—вынужденъ бываетъ избить его палкой или исколоть шпагой, или переломать ему ребра, а не то выбросить его за стѣну, изъ окошка своего замка. Послѣ того ябедникъ разбогатѣетъ мѣсяца на четыре, точно побои составляютъ для него естественную жатву: онъ получитъ плату отъ ростовщика или отъ адвоката и вознагражденіе отъ дворянина, которое иногда бываетъ такъ велико и непомѣрно, что дворянинъ совершенно разорится съ опасностью сгнить въ тюрьмѣ, точно прибилъ самого короля.

— Отъ такой бѣды,—сказалъ Панургъ,—я знаю очень хорошее средство, какимъ воспользовался господинъ де-Баше.



Къ гл. XI-й.

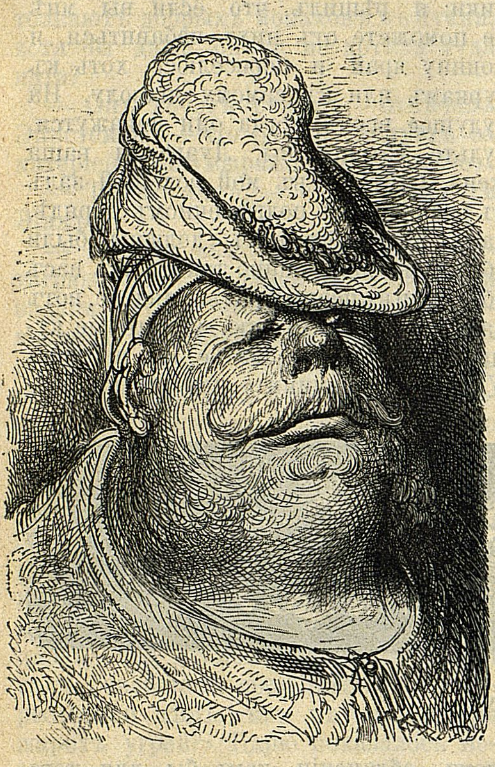
— Какой такой? — спросилъ Пантагрюэль.

— Господинъ де-Баше,—отвѣчалъ Панургъ,—былъ храбрый, добродѣтельный, великодушный, щедрый человѣкъ. Когда онъ вернулся изъ продолжительнаго похода, въ которомъ герцогъ Феррарскій храбро оборонялся, при помощи французовъ, отъ яростнаго нападенія папы Юлія II,—то жирный Сенъ-Луанскій пріоръ ежедневно звалъ его въ судъ, отсрочивалъ засѣданіе, терзалъ и мучилъ его ради собственнаго удовольствія. Однажды, завтракая со своими людьми (потому что онъ былъ гуманный и добрый человѣкъ), онъ призвалъ своего пекаря, по имени Луара, и его жену, а также и священника своего прихода, по имени Удара, который, по тогдашнему обычаю во Франціи, служилъ ему вмѣстѣ и дворецкимъ, и сказалъ имъ въ присутствіи всѣхъ своихъ дворовыхъ и другихъ слугъ:

«Дѣти, вы видите, какъ меня ежедневно раздражаютъ эти негодяи ябедники; я рѣшилъ, что если вы мнѣ не поможете отъ нихъ избавиться, я покину край и переселюсь хоть къ туркамъ или къ самому діаволу. На будущее время, когда они покажутся, будьте готовы, вы, Луаръ и ваша жена, явиться въ мой большой залъ въ роскошномъ подвѣнечномъ нарядѣ, какъ будто бы васъ должны были обручить, совершенно такъ, какъ васъ обручили въ первый разъ. Глядите, вотъ вамъ сто золотыхъ экю, на которые купите себѣ дорогое платье, вы, мессиръ Ударъ, не преминете явиться въ полномъ облаченіи какъ бы для того, чтобы ихъ обручить; вы тоже, Трудонъ (такъ назывался его придворный музыкантъ), будьте тамъ съ вашей флейтой и барабаномъ. Когда благословеніе будетъ произнесено и новобрачную поцѣлуютъ при звукахъ барабана, вы всѣ приметесь угощать другъ друга легкими ударами кулака, на память о свадьбѣ. Послѣ этого вы только съ бо́льшимъ аппетитомъ поужинаете. Но когда очередь дойдетъ до ябедника, то вы хорошенько поколотите его, какъ зеленую рожь,—не щадите его. Бейте, стукайте, колотите, прошу васъ. Вотъ возьмите эти новыя желѣзныя руковицы, обтянутыя замшей. Бейте его куда попало безъ счету. Кто сильнѣе побьетъ его, тотъ, значитъ, всѣхъ болѣе ко мнѣ привязанъ. Не бойтесь отвѣтственности.

Я за всѣхъ отвѣчаю... Вѣдь эти удары даны будутъ въ шутку, во исполненіе обычая, котораго придерживаются на каждой свадьбѣ.»

«Но какимъ образомъ,—спросилъ Ударъ,—мы узнаемъ, что это ябедники? Вѣдь къ вамъ въ домъ ежедневно приходятъ всякіе люди.»



Къ гл. XII-й.

«Я отдалъ приказъ»; отвѣчалъ Баше. Когда у воротъ появится человѣкъ пѣшкомъ или же верхомъ на клячѣ, съ большимъ и широкимъ серебрянымъ кольцомъ на большомъ пальцѣ, то это будетъ ябедникъ. Привратникъ, впустивъ его, вѣжливо позвонитъ въ колоколъ. Тогда будьте готовы и приходите въ залу разыгрывать трагикомедію, которую я вамъ изложилъ.»

Въ тотъ же самый день, по Божіему соизволенію, прибылъ старый, толстый и красный ябедникъ. Позвонивъ у воротъ, онъ былъ признанъ привратникомъ по его грубымъ смазнымъ сапогамъ, по его клячѣ, по холщевому мѣшку, набитому биткомъ судебными повѣстками и привѣшенному къ поясу, а главное по толстому золотому кольцу, надѣтому на большомъ пальцѣ лѣвой руки. Привратникъ былъ съ нимъ очень вѣжливъ, принялъ его съ честью и весело позвонилъ въ колоколъ. При звукахъ послѣдняго Луаръ съ женой нарядились въ богатое платье и вошли въ залъ съ гордымъ видомъ. Ударъ надѣлъ полное облаченіе и вышелъ изъ буфетной навстрѣчу ябеднику, провелъ его въ буфетную и долго поилъ виномъ, пока всѣ люди надѣвали желѣзныя рукавицы, и сказалъ ему:

«Вы пріѣхали какъ нельзя болѣе кстати. Нашъ господинъ въ хорошемъ расположеніи духа; мы готовимся пировать; ѣды и питья наготовлено вдоволь; мы празднуемъ свадьбу; милости просимъ: ѣшьте, пейте, веселитесь.»

Въ то время какъ ябедникъ пилъ, Баше, видя, что въ залѣ собрались всѣ его люди въ должномъ порядкѣ, послалъ за Ударомъ. Ударъ явился, неся святую воду. За нимъ слѣдовалъ ябедникъ. Войдя въ залу, онъ не позабылъ съ низкими поклонами позвать Баше въ судъ. Баше принялъ его любезнѣйшимъ образомъ, подарилъ ему золотой и пригласилъ его присутствовать при заключеніи контракта и на сговорѣ. Все такъ и произошло, какъ было условлено. Подъ конецъ наступилъ чередъ ударамъ кулака. Но когда очередь дошла до ябедника, то его такъ здорово угостили ударомъ желѣзныхъ рукавицъ, что онъ былъ весь избитъ и оглушенъ: ему подбили глазъ, сломали восемь реберъ, повредили ключицу, разбили плечевыя кости и нижнюю челюсть и все это смѣясь. Богу извѣстно, какъ старался Ударъ, прикрывая рукавомъ ризы тяжелую желѣзную рукавицу, подбитую горностаемъ, потому что онъ былъ большой силачъ. Такимъ образомъ ябедникъ вернулся на островъ Бушаръ, пестрый какъ тигръ, но вполнѣ довольный, тѣмъ не менѣе, господиномъ Баше, и съ помощью славныхъ туземныхъ хирурговъ прожилъ еще на свѣтѣ столько, сколько вамъ угодно. Послѣ того о немъ ничего не было слышно. И память о немъ заглохла вмѣстѣ съ послѣднимъ ударомъ колокола, въ который звонили при его погребеніи.

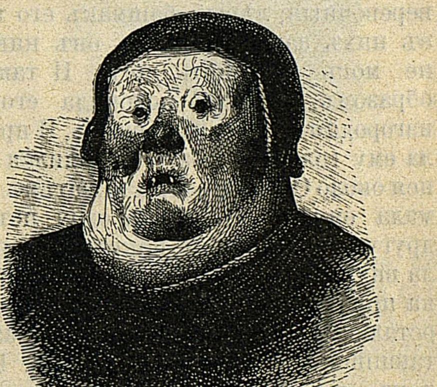
XIII.

О томъ, какъ по примѣру метра Франсуа Виллона, господинъ Баше нанималъ своихъ людей.

Когда ябедникъ вышелъ изъ замка и сѣлъ на свою egna corba (называлъ онъ свою кривую клячу), Баше призвалъ въ бесѣдку своего сада жену, дочерей и всѣхъ своихъ людей, велѣлъ принести вина, паштетовъ, ветчины, фруктовъ и сыру, выпилъ съ ними съ большой веселостью и такъ сказалъ имъ:

«Метръ Франсуа Виллонъ, доживъ до старости, удалился въ Сенъ-Максанъ въ Пуату, подъ крылышко мѣстнаго аббата, прекраснаго человѣка. Тамъ онъ придумалъ для развлеченія народа разыграть мистерію Страстей Господнихъ на пуатвенскомъ нарѣчіи. Распредѣливъ роли, набравъ актеровъ, приготовивъ театръ, онъ сказалъ меру и старшинамъ, что мистерія будетъ готова къ окончанію Ніорской ярмарки, остается только достать подобающіе костюмы для дѣйствующихъ лицъ. Меръ и старшины отдали соотвѣтствующія приказанія. Самъ Виллонъ попросилъ брата Этьенна Тапку, дьячка у мѣстныхъ босоногихъ монаховъ, дать ему митру и эпитрахиль для старика-крестьянина, который долженъ былъ играть Бога-Отца. Тапку отказалъ, ссылаясь на то, что по уставу ихъ ордена строго запрещалось что-либо давать на подержаніе или взаймы актерамъ. Виллонъ возражалъ, что уставъ имѣлъ въ виду только фарсы, шутки и неприличныя игры, и такое его примѣненіе видѣлъ онъ въ Брюсселѣ и другихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, Тапку рѣшительно объявилъ ему, чтобы онъ поискалъ въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ онъ ничего не отпуститъ ему изъ своей ризницы. Виллонъ доложилъ объ этомъ актерамъ съ большимъ негодованіемъ, присовокупляя, что Господь Богъ примѣрно накажетъ Тапку. Въ слѣдующую затѣмъ субботу Виллона извѣстили, что Тапку отправился собирать милостыню въ Сенъ-Лигеръ на монастырской кобылкѣ (такъ называли не слученную еще лошадь) и вернется въ два часа пополудни. И вотъ онъ немедленно приказалъ процессіи чертей пройтись по городу и по рынку. Черти его были наряжены въ волчьи, бараньи и телячьи шкуры, съ бараньими головами и бычьими рогами и большими кухонными вилами; они были опоясаны толстыми ремнями, на которыхъ висѣли большіе коровьи колокола и извозчичьи бубенчики, производившіе оглушительный звонъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ черныя палки, набитыя ракетами, другіе — горящія щепки, на которыя цѣлыми пригоршнями бросали, на каждомъ перекресткѣ, толченую смалу, дававшую страшный огонь и дымъ.

Пройдя съ ними такимъ образомъ по городу, къ удовольствію народа и великому страху малыхъ дѣтей, вывелъ ихъ за городъ, чтобы попировать съ ними въ харчевнѣ, расположенной за воротами, къ которымъ ведетъ



Къ гл. XII-й.

дорога изъ Сенъ-Лигера. Прибывъ въ харчевню, онъ издали увидѣлъ Тапку, возвращавшагося со сборомъ милостыни, и произнесъ шутливые стихи.

«Hic est de patria, natus de gente belistra,

«Qui solet antuquo bribas portare bisacco.

«Чорта съ два!—закричали черти. Онъ не захотѣлъ ссудить Бога-Отца жалкой скуфьей: напугаемъ-ка его.»

«Умно сказано!—отвѣчалъ Виллонъ. Но спрячемся, пока онъ не подъѣдетъ, и держите наготовѣ ракеты и горящія щепки.»

Когда Тапку подъѣхалъ, всѣ выбѣжали ему навстрѣчу на дорогу, къ его великому страху, и принялись со всѣхъ сторонъ осыпать его и кобылку сажей и искрами, ударяя въ кимвалы и оглушая его криками: «Го, го, го! брр- бррррр. рррр! Гу, гу, гу! Го, го, го! Братъ Этьеннъ, вѣдь не худо разыгрываемъ мы чертей?»

Кобылка, испугавшись, понесла, стала бросаться изъ стороны въ сторону, бить задомъ, вставать на дыбы, такъ что въ концѣ концовъ сбросила Тапку съ сѣдла, какъ ни цѣплялся онъ за него. Стремена у него были веревочныя; лѣвый башмакъ его такъ въ нихъ запутался, что онъ никакъ не могъ вытащить ноги. И такимъ образомъ кобылка волочила его по изгородямъ, кустамъ и рвамъ. И пробила ему голову, и мозгъ вывалился изъ нея около Осаннаго Креста, затѣмъ сломала ему руки, сначала одну, потомъ другую, затѣмъ ноги, наконецъ вырвала внутренности; такъ что когда кобылка прибѣжала въ монастырь отъ него остались только правая ступня и запутавшійся въ стремени башмакъ. Виллонъ, увидя, что случилось то, чего онъ ожидалъ, сказалъ своимъ чертямъ:

«Вы хорошо играете, господа черти, вы хорошо играете, завѣряю васъ. О, вы хорошо играете! Я утверждаю, что съ вами не сравняется вся чортовщина Сомюра, Дуэ, Молюрильона, Лангра, Сентъ-Эспена въ Анжерѣ и даже, клянусь Богомъ, самъ Пуатье со всѣмъ его театромъ. О, какъ вы хорошо будете играть!»

«Такимъ образомъ и я,—продолжалъ Баше,—предвижу, что вы, мои добрые друзья, отнынѣ хорошо разыграете этотъ трагическій фарсъ, такъ какъ съ перваго же раза вы такъ знатно отхлопали и угостили ябедника. Я удваиваю вамъ жалованье. Вамъ, моя милая,—обратился онъ къ женѣ,—предоставляю полную свободу проявить вашу щедрость. Въ вашемъ вѣдѣніи хранятся всѣ мои сокровища. Что касается меня, то, во-первыхъ, пью за ваше здоровье, мои добрые друзья. Вино доброе и свѣжее. Во-вторыхъ, вы, метръ-д'отель, возьмите этотъ серебряный тазъ. Я вамъ его дарю. Вы, оруженосцы, берите себѣ эти два серебряныхъ, позолоченныхъ кубка. Васъ, пажей, освобождаю на три мѣсяца отъ розогъ. Милая моя, раздайте имъ мои красивыя бѣлыя перья съ золотыми блестками. Мессиръ Ударъ, дарю вамъ эту серебряную фляжку. Вотъ эту другую я дарю поварамъ; камердинерамъ дарю эту серебряную корзину; конюхамъ дарю эту ладью изъ позолоченнаго серебра; привратникамъ—эти двѣ тарелки; погонщикамъ муловъ — эти десять разливательныхъ ложекъ. Трудонъ, возьмите себѣ всѣ эти серебряныя ложки и эту бонбоньерку. Вы, лакеи, возьмите эту большую солонку. Служите мнѣ вѣрой и правдой, друзья мои, и я сумѣю вознаградить васъ. И твердо вѣрьте, что я предпочту, клянусь Святымъ Богомъ, получить на войнѣ сто ударовъ палицей по моему шлему, на службѣ нашего добрѣйшаго короля, нежели хоть единый разъ быть вызваннымъ въ судъ этими негодяями-ябедниками, въ угоду жирному попу.»

XIV.

О томъ, какъ еще нѣсколько ябедниковъ избиты были въ домѣ Баше.

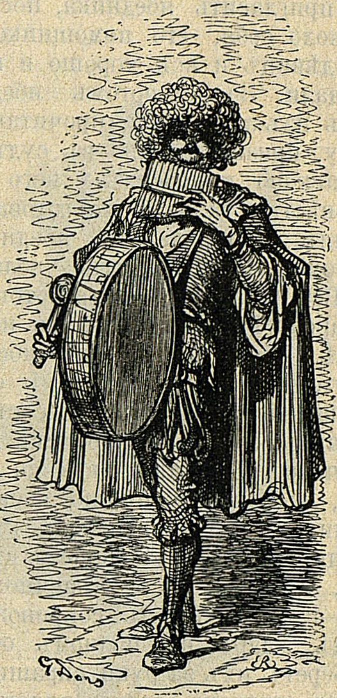
Четыре дня спустя другой, молодой, высокій и худой ябедникъ явился къ Баше съ вызовомъ въ судъ, по порученію жирнаго пріора. По прибытіи, онъ былъ признанъ привратникомъ который и зазвонилъ въ колоколъ. При звукахъ колокола всѣ люди въ замкѣ поняли въ чемъ дѣло. Луаръ мялъ тѣсто; его жена просѣвала муку; Ударъ сидѣлъ въ конторѣ; дворяне играли въ мячъ. Господинъ Баше игралъ съ женой въ игру триста-три. Дѣвицы играли въ булавки; офицеры играли въ имперіалъ; пажи играли въ носки. Вдругъ всѣ узнали, что ябедникъ появился на горизонтѣ. Тутъ Ударъ немедленно облачился. Лауръ съ женой нарядились въ парадное платье. Трудонъ заигралъ на флейтѣ, забилъ въ барабанъ. Всѣ стали смѣяться и готовиться, надѣвая желѣзныя рукавицы, Баше сошелъ во дворъ. Ябедникъ, встрѣтивъ его, сталъ передъ нимъ на колѣни и просилъ не принимать въ худую сторону, если онъ призоветъ его въ судъ отъ имени жирнаго пріора, такъ какъ онъ лицо офиціальное,—какъ онъ объяснилъ это съ великимъ краснорѣчіемъ — монашескій слуга, стражъ настоятельской митры, но готовъ служить также ему, равно какъ и послѣднему изъ его домочадцевъ, и выполнить все, что ему угодно будетъ приказать.

«Ну вотъ еще, — сказалъ господинъ,—я не приму вашего вызова, пока вы не выпьете моего добраго вина и не отпразднуете съ нами вмѣстѣ на свадьбѣ, которую я справляю. Мессиръ Ударъ, угостите его хорошенько виномъ и дайте ему освѣжиться, а затѣмъ, приведите его въ залъ. Добро пожаловать.» Ябедникъ, наѣвшись и напившись досыта, вошелъ вмѣстѣ съ Ударомъ въ залу, гдѣ были собраны всѣ участники въ фарсѣ, въ полномъ порядкѣ и готовности. При его появленіи всѣ улыбнулись. Ябедникъ улыбался для компаніи, когда Ударъ произнесъ надъ женихомъ и невѣстой какія-то непонятныя сдова, соединилъ ихъ руки; новобрачную поцѣловали и всѣхъ присутствующихъ окропили святой водой.

Пока обносили вино съ пряностями, пошли въ ходъ кулаки. Ябедникъ нанесъ нѣсколько ударовъ Удару. Ударъ подъ облаченіемъ скрывалъ желѣзную рукавицу; онъ надѣлъ ее на руку какъ вязаную перчатку и принялся тузить ябедника, и всѣ остальные стали тузить его желѣзными рукавицами: удары сыпались на ябедника со всѣхъ сторонъ.

«Помните о свадьбѣ, свадьбѣ, свадьбѣ!» приговаривали они.

Его такъ хорошо отдѣлали, что кровь пошла у него изо рта, носа, ушей и глазъ. Его знатно оттрепали, разбили ему голову. затылокъ, спину, грудь, руки и все тѣло; повѣрьте, что въ Авиньонѣ во время карнавала студенты не болѣе усердно играютъ въ шлепки, чѣмъ играли на ябедникѣ. Наконецъ, онъ упалъ на землю. Ему облили лицо виномъ; къ рукаву его фуфайки пришили желтые и зеленые банты и посадили на его сапатую клячу. Вернувшись на островъ Бушаръ, не извѣстно, былъ ли онъ хорошо перевязанъ женой и хорошо ли его лечили какъ жена, такъ и мѣстные врачи. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего больше и не слыхали.



Къ гл. XIII-й.

На другой день произошелъ такой же случай, такъ какъ въ мѣшкѣ и въ сѣдельномъ карманѣ худощаваго ябедника не нашли повѣстки. И вотъ жирный пріоръ снова посылаетъ къ Баше ябедника, на этотъ разъ съ двумя помощниками для большей безопасности. Привратникъ, позвонивъ въ колоколъ, обрадовалъ всю фамилію извѣстіемъ, что прибылъ ябедникъ. Баше сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ съ женой и дворянами. Онъ велѣлъ пригласить ябедника, посадилъ его около себя, его помощниковъ — около дѣвицъ и всѣ хорошо и весело отобѣдали. За дессертомъ ябедникъ всталъ изъ-за стола и, прочитавъ повѣстку, призвалъ Баше въ судъ. Баше ласково попросилъ у него копіи съ повѣстки, та была уже готова. Онъ принялъ ее и подарилъ ябеднику и его помощникамъ четыре золотыхъ экю. Всѣ ушли, чтобы приготовиться къ фарсу. Трудонъ заигралъ на тамбуринѣ. Баше пригласилъ ябедника присутствовать на помолвкѣ одного изъ своихъ служащихъ и составить контрактъ, за что ему будетъ щедро заплачено. Ябедникъ любезно согласился, вынулъ поспѣшно свою чернильницу, бумагу, подозвалъ къ себѣ помощниковъ. Луаръ вошелъ въ одну дверь, его жена въ подвѣнечномъ нарядѣ—въ другую, въ сопровожденіи дѣвицъ. Ударъ, въ полномъ облаченіи, беретъ ихъ за руки, спрашиваетъ объ ихъ согласіи, благословляетъ ихъ, не жалѣя святой воды. Контрактъ составленъ и подписанъ. Съ одной стороны, приносятъ вино и пряности; съ другой—кучу бѣлыхъ и пестрыхъ бантовъ; съ третьей — тайкомъ подаютъ желѣзныя рукавицы.

XV.

О томъ, какъ ябедникъ вводитъ вновь въ употребленіе старинные свадебные обычаи.

Ябедникъ, выпивъ большую чашу бретонскаго вина, сказалъ господину Баше:

«Милостивый государь, какъ, по-вашему, слѣдуетъ праздновать свадьбу? По-моему, теперь не такъ празднуютъ, какъ слѣдуетъ.»

«Всѣ добрые обычаи, — чортъ побери!—забываются. Вотъ и зайцевъ больше нѣтъ. И друзей нѣтъ. Поглядите: во многихъ церквахъ отмѣнили старинную выпивку въ честь святыхъ новогоднихъ О О [1])! Міръ совсѣмъ съ панталыку сбился. Наступаютъ послѣднія времена. Вотъ, поглядите: свадьба, свадьба, свадьба!»

И, говоря это, онъ похлопалъ Баше и его жену, а затѣмъ и дѣвицъ, а также и Удара. Ну, тутъ уже пошли въ ходъ желѣзныя рукавицы, и ябеднику пробили голову въ девяти мѣстахъ. Одному изъ помощниковъ вывихнули правую руку, другому свернули верхнюю челюсть, такъ что она на половину свѣсилась на подбородокъ, и выбито было при этомъ много зубовъ: рѣзцовъ, коренныхъ и другихъ. Когда заиграли въ тамбуринъ, желѣзныя рукавицы были припрятаны незамѣченныя, и гостей стали обносить дессертомъ и провозглашать тосты за здоровье другъ друга; и всѣ пили за здоровье ябедника и его помощниковъ. Ударъ жаловался и порицалъ такой свадебный обычай, ссылаясь на то, что одинъ изъ помощниковъ ябедника выворотилъ ему одно плечо. Тѣмъ не менѣе, онъ съ удовольствіемъ выпилъ за его здоровье. Помощникъ съ вывернутой челюстью складывалъ руки и молча просилъ у него прощенія, потому что говорить онъ не могъ.

Луаръ жаловался, что помощникъ съ вывернутой рукой закатилъ ему такой ударъ кулакомъ въ бокъ, что пятку у него выворотило наизнанку.

«Ну что я-то имъ сдѣлалъ худого?— говорилъ Трудонъ, прикрывая глазъ носовымъ платкомъ и показывая на тамбуринъ, пробитый съ одного края. Они не только истулумбасили мой бѣдный глазъ, но еще пробили мой тамбуринъ. На свадьбахъ, обыкновенно, бьютъ въ тамбуринъ, но самихъ музыкантовъ не бьютъ, а подчуютъ. Чортъ бы ихъ побралъ!»

---

[1]) Девять вечеровъ сряду передъ Рождествомъ пѣли въ церквахъ гимны, начинавшіеся на *О*. По деревенскимъ обычаямъ, послѣ того начинался вечерній пиръ.

«Братъ, — говорилъ ему искалѣченный ябедникъ,—я дамъ тебѣ прекрасный, большой, старый королевскій патентъ, который я ношу при себѣ въ перевязи, и ты заткни имъ свой тамбуринъ и, Христа ради, прости насъ. Клянусь Божьей Матерью, что я не замышлялъ ничего худого.»

Одинъ изъ оруженосцевъ, хромая и присѣдая, передразнивалъ добраго и благороднаго господина де-ла-Рошъ-Пазе. Онъ обратился къ помощнику съ вывернутой челюстью и сказалъ ему:

«Что вы такое: деруны, драчуны или дреколисты? Мало вамъ того, что вы изъ насъ вытрясли душу, и расчесали въ пухъ и прахъ, но вы еще отмочалили намъ бока, отштукатурили на обѣ корки и наставили фонарей подъ глазами! Неужели вы считаете это забавой? Чортъ побери такую забаву!»

Помощникъ ябедника, складывая руки, просилъ, должно быть, у него прощенія, бормоча языкомъ: «Мокъ, мокъ, мокъ, вонъ, вонъ, вонъ», точно младенецъ.

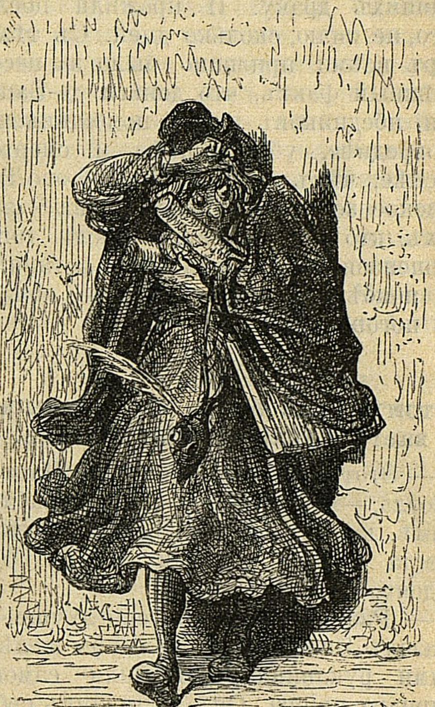
Новобрачная плакала и смѣялась, смѣялась и плакала отъ того, что ябедникъ, не довольствуясь тѣмъ, что отвалялъ ее на всѣ корки, но еще растрепалъ ей волосы и всячески изобидѣлъ ее.

«Чортъ побери! — говорилъ Бапе. Зачѣмъ понадобилось господину королю (такъ зовутъ ябедниковъ) [1]) обидѣть мою бѣдняжку-невѣсту. Но я все-таки на него не сержусь. Это милыя свадебныя шуточки. Но я ясно вижу, что онъ началъ за здравіе, а кончилъ за упокой. Онъ чѣмъ-то, не знаю самъ хорошенько, напоминаетъ мнѣ монаха. Пью за его здоровье отъ души и за ваше также, господа помощники.»

«Но,—говорила его жена,—съ какой стати и вслѣдствіе какой ссоры онъ такъ оттузилъ меня кулаками? Чортъ возьми, если я того хотѣла. Но я не хотѣла этого, клянусь Богомъ. Скажу только то про него, что у него самые крѣпкіе кулаки, какіе когда-либо прохаживались по моимъ плечамъ.»

Метръ-д'отель держалъ руку на перевязи, какъ будто бы она была у него вывихнута.

«Чортъ,—говорилъ онъ,—принесъ меня на эту свадьбу. У меня, клянусь Богомъ, всѣ руки расщеплены. Неужто вы называете это сговоромъ? Я называю это собачьей свадьбой. Это похоже на наивный банкетъ лапитовъ, который описываетъ самосатскій философъ» [1]).



Къ гл. XV-й.

Ябедникъ ничего больше не говорилъ. Помощники его извинялись, что, пустивъ въ ходъ кулаки, не хотѣли причинить нисколько зла, и просили Христомъ Богомъ простить ихъ. Съ этимъ и уѣхали. Проѣхавъ полъ-мили, ябедникъ упалъ въ обморокъ. Помощники его, прибывъ на островъ Бушаръ, публично заявили, что не видывали болѣе добродѣтельнаго человѣка, чѣмъ господинъ де-Баше, и болѣе честнаго дома, чѣмъ его домъ. И никогда также не доводилось имъ быть на такой великолѣпной свадьбѣ. Но что вся бѣда произошла отъ нихъ самихъ, начавшихъ драку. И прожили послѣ того, не знаю, сколько дней. Съ тѣхъ поръ всѣми признано было за несомнѣнный фактъ, что деньги де-Баше для ябедниковъ и ихъ помощниковъ зловреднѣе, убійственнѣе и смертоноснѣе, чѣмъ были во время оно Толозское золото и лошадь Сеяна [1]) для тѣхъ, кто ими владѣлъ. Послѣ того, вышеназваннаго господина оставили въ покоѣ, а свадьба де-Баше вошла въ поговорку.

---

[1]) Такъ какъ они вызываютъ въ судъ именемъ короля.

[1]) Намекъ на діалогъ Лукіана: Symposion.

XVI.

О томъ, какъ братъ Жанъ испытываетъ характеръ ябедниковъ.

— Этотъ разсказъ,—сказалъ Пантагрюэль,—можно было бы счесть забавнымъ, кабы мы не должны были имѣть всегда передъ глазами страхъ Господень.

— Разсказъ былъ бы еще лучше,—сказалъ Эпистемонъ,—если бы желѣзными рукавицами оттузили самого жирнаго пріора. Онъ доставлялъ себѣ двойное развлеченіе: во-первыхъ, сердить господина Баше, а, во-вторыхъ, видѣть ябедниковъ избитыми. Кулаки прошлись бы какъ нельзя болѣе кстати по его бритой головѣ, принимая во вниманіе ту колоссальную встряску, которую задаютъ въ наше время кочующіе и безмѣстные судьи. Чѣмъ провинились эти бѣдняки-ябедники?

— Мнѣ припоминается по этому поводу,—сказалъ Пантагрюэль,—древній благородный римлянинъ, по имени Л. Нерацій. Онъ былъ знатнаго рода и богатъ въ свое время. Но у него былъ такой злобный нравъ, что, выходя изъ своего дворца, онъ приказывалъ набивать карманы своихъ прислужниковъ золотой и серебряной монетой. И, встрѣчая на улицѣ франтовъ или просто хорошо одѣтыхъ людей, онъ безъ всякаго повода или обиды съ ихъ стороны, ради удовольствія, билъ ихъ кулакомъ по лицу. А послѣ того, чтобы умиротворить ихъ и помѣшать имъ жаловаться на него въ судъ, онъ давалъ имъ столько денегъ, сколько имъ требовалось, чтобы они признали себя удовлетворенными на основаніи изданнаго закона двѣнадцати таблицъ. Такимъ образомъ онъ расточалъ свое имущество, колотя людей за деньги.

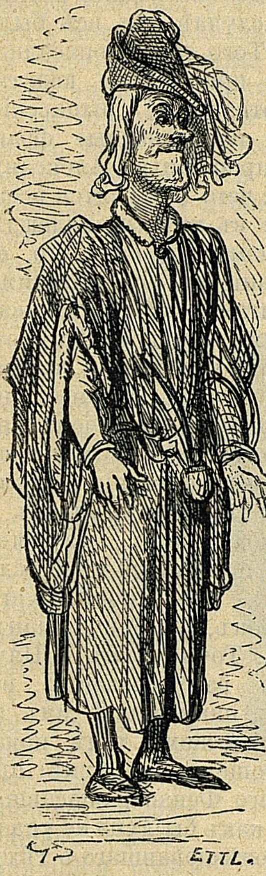
— Клянусь священнымъ сапогомъ Святого Бенедикта, — сказалъ братъ Жанъ,—я сейчасъ узнаю, правда ли это.

И вотъ онъ сходитъ на землю, беретъ кошелекъ, вынимаетъ изъ него двадцать золотыхъ экю и затѣмъ громко объявляетъ въ присутствіи большой толпы ябедниковъ: «Кто хочетъ добыть двадцать золотыхъ экю тѣмъ, что дастъ себя здòрово поколотить?» «Я, я, я!—отвѣчали всѣ. Вы знатно исколотите насъ, господинъ, это вѣрно. Но зато щедро намъ заплатите.» И всѣ сбѣгались толпами, наперерывъ другъ передъ другомъ, чтобы быть какъ слѣдуетъ избитыми. Братъ Жанъ выбралъ изъ всей толпы одного краснорожаго ябедника, у котораго на большомъ пальцѣ правой руки былъ надѣтъ большой и широкій серебряный перстень, съ вправленнымъ въ него жабнымъ камнемъ.

Когда онъ его выбралъ, то я увидѣлъ, что весь этотъ народъ ропщетъ, и услышалъ, какъ высокій, молодой и худой ябедникъ, искусный и ученый клеркъ и (какъ о немъ шла молва) уважаемый въ церковномъ судѣ человѣкъ, жаловался и ворчалъ на то, что Красная-Рожа отбиваетъ у нихъ кліентовъ и что если бы на всей территоріи можно было получить не болѣе тридцати ударовъ палкою, то изъ нихъ онъ получитъ на свою долю всегда двадцать восемь. Но всѣ эти жалобы и воркотня происходили отъ зависти. Братъ Жанъ такъ вздулъ Красную-Рожу и такъ билъ его палкой по спинѣ и животу, по рукамъ и ногамъ, по головѣ и по всему тѣлу, что я думалъ, что онъ забьетъ его до смерти. Послѣ того далъ ему двадцать экю. И вотъ мой дурень вскочилъ, какъ встрепанный, но довольный, какъ король или цѣлыхъ два. Остальные говорили брату Жану: «Господинъ, чортовъ братецъ, если вамъ угодно еще кого-нибудь изъ насъ приколотить за болѣе дешевую плату, мы всѣ къ вашимъ услугамъ, господинъ чортъ. Распоряжайтесь нами со всѣми нашими мѣшками, перьями и всѣмъ, чѣмъ угодно.» Красная-Рожа обидѣлся на нихъ и громкимъ голосомъ вопилъ: «Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ, вы портите мнѣ коммерцію! Вы отбиваете у меня кліентовъ! Вызываю васъ въ судъ послѣ дождика въ четвергъ, въ сухую пятницу. Я вамъ задамъ перцу.»

---

[1]) Поговорка, ходившая въ древнемъ Римѣ.



Къ гл. XV-й.

Затѣмъ, обращаясь къ брату Жану съ улыбающимся и веселымъ лицомъ, сказалъ ему: «Достопочтенный отецъ діавола, если вы нашли, что я свое дѣло знаю, и вамъ угодно для забавы снова поколотить меня, то я удовольствуюсь половинной цѣной; это очень дешево. Прошу васъ, не жалѣйте кулаковъ. Я весь къ вашимъ услугамъ, господинъ чортъ, съ головой, легкими, кишками и всѣми потрохами.» Братъ Жанъ перебилъ его рѣчь и отошелъ отъ него. Остальные ябедники обступили Панурга, Эпистемона, Гимнаста и другихъ, усердно прося ихъ хоть немножко поколотить ихъ, а не то они рискуютъ сидѣть голодомъ. Но никто не хотѣлъ объ этомъ и слышать.

Послѣ того, въ поискахъ за прѣсной водой для кораблей, мы встрѣтили двухъ мѣстныхъ старухъ-ябедницъ, которыя горько плакали и жаловались. Пантагрюэль оставался на кораблѣ и уже велѣлъ бить къ отступленію. Предполагая, что эти старухи были родственницами избитаго ябедника, мы спросили ихъ о причинѣ ихъ горести. Онѣ отвѣчали: какъ имъ не плакать, когда въ настоящее время повѣсили на висѣлицѣ монаха, привязавъ его къ шеѣ двумъ прекраснѣйшимъ людямъ во всемъ ябедническомъ краю.

— Мои пажи,—сказалъ Гимнастъ,—привязываютъ монаха къ ногамъ своихъ сонныхъ товарищей. Привязать монаха къ шеѣ, значитъ, повѣсить и задавить человѣка.

— Такъ, такъ, — замѣтилъ братъ Жакъ, — вы говорите, какъ святой Жанъ де-ла-Палиссъ [1]).

Спрошенныя о причинахъ такой казни отвѣчали, что они похитили орудія мессы и спрятали подъ рукавъ прихода [2]).

— Вотъ, можно сказать,—замѣтилъ Эпистемонъ,—страшная аллегорія.

XVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль проплылъ мимо острововъ Сумятицы и Безпорядка, и о странной смерти Бренгнариля [3]), глотавшаго вѣтряныя мельницы.

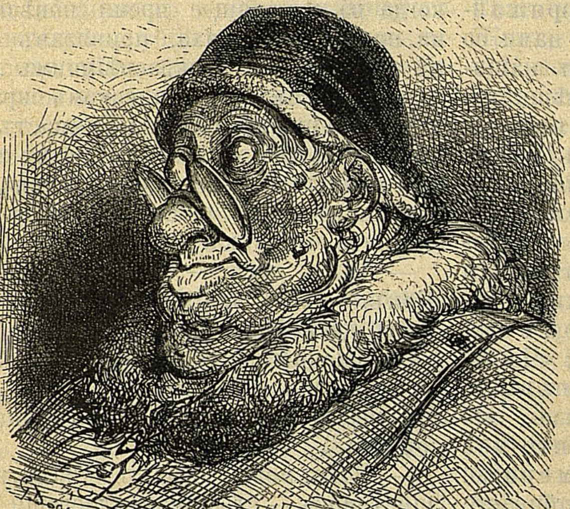
Въ тотъ самый день Пантагрюэль проплылъ мимо острововъ Сумятицы и Безпорядка, гдѣ ничего нельзя было ни изжарить, ни сварить, потому что великанъ Бренгнариль проглотилъ сковороды, котлы, кастрюли, горшки всего края, за неимѣніемъ вѣтряныхъ мельницъ, которыми онъ обыкновенно питался. И вслѣдствіе этого произошло то, что незадолго до разсвѣта, въ часъ, когда совершалось его пищевареніе, онъ опасно заболѣлъ желудкомъ,—отъ того, говорили врачи, что желудокъ его, отъ природы приспособленный къ перевариванію вѣтряныхъ мельницъ, не могъ переваривать сковородъ и кастрюль; еще котлы и горшки онъ бы, куда ни шло, пожалуй бы, и переварилъ, о чемъ они судили по мочевымъ остаткамъ четырехъ бочекъ урины, выпущенной имъ двукратно въ то утро.

---

[1]) Жанъ де-ла-Палиссъ по простонародному вмѣсто Апокалипсисъ. Прим. Раблэ.

[2]) Орудія мессы—вмѣсто: церковная утварь; и рукавъ прихода—вмѣсто: колокольни—употребляютъ крестьяне провинціи Пуату, какъ грубую метафору. Прим. Раблэ.

[3]) Сказочный великанъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ намекъ на Карла V. Самъ же Раблэ въ примѣчаніи къ этому имени говоритъ, что оно выдуманное, какъ и многія другія въ его сочиненіи.

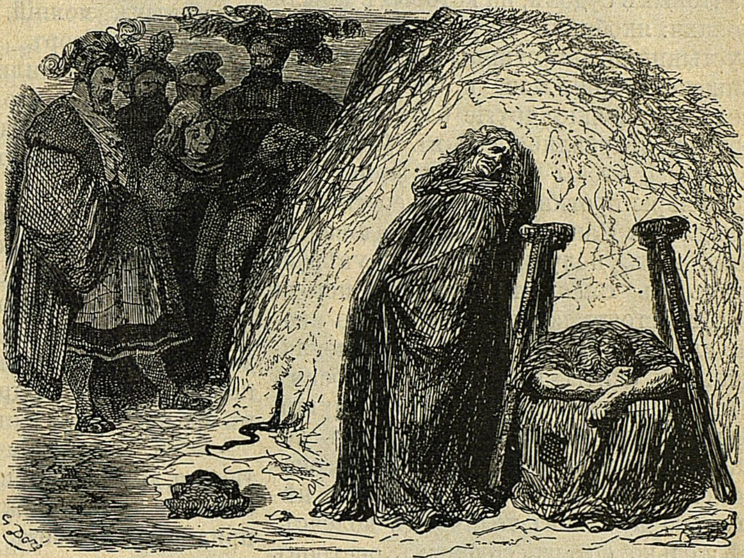


Къ гл. XVI-й.

Для облегченія его врачи прибѣгали къ различнымъ средствамъ своего искусства. Но недугъ оказался сильнѣе лекарства, и благородный Бренгнариль умеръ въ то утро такой странной смертью, что диковиннѣе ея и не слыхивали со времени смерти Эсхила, который, — послѣ того, какъ волхвы предсказывали ему, что онъ умретъ отъ паденія на него неизвѣстнаго предмета,—удалился въ назначенный день отъ всѣхъ домовъ, деревьевъ, скалъ и другихъ предметовъ, которые падаютъ и паденіемъ могутъ причинить смерть. И сѣлъ посреди большого луга, подъ открытымъ небомъ, въ полной увѣренности, что небо не упадетъ, считая это невозможнымъ. Между тѣмъ, говорятъ, жаворонки очень боятся, чтобы небо не упало, потому что въ такомъ случаѣ они всѣ были бы раздавлены. Того самаго опасались во время оно и прирейнскіе кельты, благородные, отважные, рыцарскіе, воинственные и побѣдоносные франки, которые, спрошенные Александромъ Великимъ: чего они боятся всего болѣе въ мірѣ (въ надеждѣ, что они назовутъ его, во вниманіе къ его великимъ подвигамъ, побѣдамъ, завоеваніямъ и тріумфамъ), отвѣчали, что боятся только одного: какъ бы небо не упало, что, впрочемъ, не побудитъ ихъ отказаться отъ союза, единенія и дружбы съ такимъ храбрымъ и великодушнымъ царемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, если вѣрить имъ, повѣствуетъ Страбонъ, Lib, 7 и Арріанъ, lib. 1. Точно такъ и Плутархъ разсказываетъ въ книгѣ, написанной имъ (о человѣческомъ лицѣ, показывающемся на лунѣ) про нѣкоего Фенаса, опасавшагося, какъ бы луна не упала на землю, и соболѣзновавшаго о тѣхъ, кто, какъ эѳіопы и тапробаны, жили подъ нею и были бы раздавлены, если бы такая громада упала на нихъ. И небо и земля внушали ему одинаковый страхъ въ томъ отношеніи: достаточно ли крѣпко опираются они на Геркулесовы столбы, какъ, по сказанію Аристотеля, lib. VI Metaphys. вѣрили древніе.

Что касается Эсхила, то онъ, тѣмъ не менѣе, былъ убитъ раковиной черепахи, упавшей изъ когтей орла, высоко парившаго въ воздухѣ, Эсхилу на голову и разбившей ему черепъ.

Упомянемъ еще о смерти поэта Анакреона, подавившагося винограднымъ зернышкомъ. О смерти Фабія, римскаго претора, задушеннаго козьимъ волосомъ, попавшимъ въ чашку молока, которое онъ пилъ. Еще о томъ стыдливомъ человѣкѣ, который, удерживаясь отъ испусканія вѣтровъ, умеръ въ присутствіи римскаго императора Клавдія. Еще о томъ гражданинѣ, который похороненъ въ Римѣ на дорогѣ Фламинія и который въ своей эпитафіи жалуется на то, что умеръ отъ укушенія кошкой его мизинца. Еще о К. Леканѣ Бассѣ, внезапно скончавшемся отъ такого ничтожнаго укола иголкой въ большой палецъ лѣвой руки, что слѣда отъ него нельзя было разглядѣть. Еще о Кинò, норманскомъ врачѣ, который скоропостижно умеръ въ Монпелье отъ того, что вынулъ перочиннымъ ножемъ клеща изъ руки. Еще о Филоменѣ, которому его лакей приготовилъ къ обѣду вмѣсто закуски свѣжихъ фигъ, но пока онъ ходилъ за виномъ, въ домъ зашелъ заблудившійся оселъ и торжественно принялся пожирать фиги. Вошедшій Филоменъ съ любопытствомъ слѣдилъ за граціозными движеніями пожиравшаго фиги осла и сказалъ вернувшемуся лакею: «Вполнѣ основательно будетъ, если ты поподчуешь принесеннымъ тобою добрымъ виномъ почтеннаго осла, которому ты предоставилъ въ распоряженіе фиги.» Проговоривъ это, онъ такъ развеселился и залился такимъ неудержимымъ хохотомъ, что задохся и скоропостижно умеръ.



Къ гл. XVI-й.

Еще припомнимъ о Спуріи Софеи, который умеръ, выпивъ сырое яйцо послѣ ванны. А также и о томъ человѣкѣ, который, по словамъ Боккачіо, скоропостижно умеръ отъ того, что сталъ чистить себѣ зубы вѣточкой шалфея. Кромѣ того, припомнимъ о Филиппо Плакю, который, будучи здравъ и невредимъ, внезапно умеръ, уплативъ старый долгъ, безъ всякой предварительной болѣзни. Затѣмъ еще о живописцѣ Цейзисѣ, который неожиданно умеръ отъ неудержимаго смѣха при взглядѣ на портретъ старухи, имъ самимъ написанный.

Кромѣ того, припомнимъ еще о многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, покойный Веррій, покойный Плиній, покойный Валерій, покойный Баптистъ Фульгозъ, покойный Бакабери старшій. Добрый Бренгнариль (увы!) умеръ задушенный кускомъ свѣжаго масла, который собирался проглотить передъ натопленной печкой, по приказанію врача.

Тамъ же намъ сообщили, между прочимъ, что король Куллонъ на островѣ Безпорядокъ разбилъ сатраповъ короля Мехлота и опустошилъ крѣпости Белима[1]). Затѣмъ проѣхали острова

---

[1]) По-еврейски: ничего.

Наргъ и Заргъ[1]), а также острова Тенелеабинъ и Женеліадинъ [2]), прекрасные и плодородные по части клистировъ. А также острова Enig и Evig [3]), на которыхъ Гессенскій ландграфъ получилъ свой рубецъ.

XVIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль благополучно спасся отъ сильной бури на морѣ.

На другой день намъ повстрѣчались со стороны штирборта девять трехмачтовыхъ судовъ, на которыхъ плыли монахи: якобинцы, іезуиты, капуцины, пустынники, августинцы. бернардинцы, нищенствующіе монахи, босоногіе кармелиты и всякіе другіе благочестивые братья, отправлявшіеся въ Чизиль на соборъ [4]), чтобы утвердить вновь правила вѣры противъ новыхъ еретиковъ. Увидя ихъ, Панургъ очень обрадовался, такъ какъ получилъ теперь увѣренность въ томъ, что хорошая погода будетъ стоять во весь этотъ и во многіе слѣдующіе дни. И, вѣжливо поклонившись святымъ отцамъ и попросивъ ихъ молиться за спасеніе его души, онъ велѣлъ перебросить на ихъ корабль семьдесятъ восемь дюжинъ окороковъ, нѣсколько бочекъ икры, нѣсколько десятковъ телячьихъ колбасъ, нѣсколько сотенъ соленыхъ осетровъ и двѣ тысячи золотыхъ монетъ за упокой душъ усопшихъ.

Пантагрюэль сидѣлъ задумчивый и грустный. Братъ Жанъ увидѣлъ его и спросилъ, отчего онъ такъ необычно унылъ,—когда шкиперъ, поглядѣвъ на то, какъ вертится флюгеръ на кормѣ, и предвидя сильную бурю, приказалъ всѣмъ быть наготовѣ, какъ матросамъ, юнгамъ, такъ и всѣмъ пассажирамъ, приказалъ убрать паруса на всѣхъ мачтахъ, спустить паруса на стопселяхъ, убрать бизань-мачту и изъ всѣхъ рей оставить только ванты.

Внезапно море вздулось и стало бурно; крупныя волны били въ борты кораблей; нордъ-вестъ, въ сопровожденіи необузданнаго урагана, черныхъ валовъ, страшнаго вихря и убійственныхъ толчковъ, свистѣлъ въ стеньгахъ. На небѣ загрохоталъ громъ, засверкала молнія, полилъ дождь, посыпался градъ, воздухъ утратилъ прозрачность и сталъ непроницаемъ, теменъ. И никакого иного свѣта не было кромѣ сверканія страшныхъ молній. Всюду, куда ни проникалъ взоръ, валы вздымались какъ горы, и носились смерчи. Можно было подумать, что опять воцарился древній хаосъ, когда огонь, воздухъ, вода, земля—всѣ стихіи были безпорядочно смѣшаны.

Панургъ, у котораго желудокъ былъ набитъ рыбою, питающейся экскрементами [1]), прикурнулъ на палубѣ, разстроенный, напуганный, полумертвый, призывая всѣхъ святыхъ обоего пола на помощь и объявляя, что хочетъ исповѣдываться. Вдругъ онъ закричалъ въ чрезвычайномъ страхѣ.

— Эй, мажордомъ, другъ мой, батюшка, дядюшка, пришлите чего-нибудь солененькаго; я вижу, что скоро намъ придется пить безъ удержу. Мало ѣсть и много пить—вотъ отнынѣ мой девизъ. Дай Богъ и Святая Достойная и Пречистая Дѣва Марія, чтобы я теперь, то-есть въ эту самую минуту, находился въ безопасности на твердой землѣ. О трижды, четырежды счастливы тѣ, которые садятъ капусту! О, Парки! Зачѣмъ не выпряли вы меня огородникомъ, который садитъ капусту! О, какъ невелико число счастливцевъ, которымъ Юпитеръ оказалъ такую милость, что опредѣлилъ имъ сажать капусту! Они всегда одной ногой стоятъ на землѣ, а другая отъ нея неподалеку! Пусть кто хочетъ—споритъ о счастіи и блаженствѣ, я же утверждаю что тотъ, кто въ настоящую минуту садитъ капусту,—очень счастливъ, и утверждаю это съ большимъ правомъ, чѣмъ Пирронъ, который, будучи въ такой же опасности, какъ и мы теперь, и увидя около берега поросенка, кормившагося разсыпаннымъ на землѣ овсомъ, объявилъ, что онъ очень счастливъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что у него овса въ волю, а, во-вторыхъ, потому, что онъ находится на твердой землѣ. Ахъ, коровникъ лучше всякаго божественнаго и господскаго замка! Боже милостивый! Эта волна снесетъ насъ! О, друзья мои! Дайте немножко уксусу! Я отъ страха весь въ поту! Увы, паруса уже оборваны, канаты лопаются, мачты валятся. Киль глядитъ въ небо. Увы! Увы! Гдѣ наши топсели? Все погибло, ей-Богу. Нашъ бугшпритъ торчитъ въ водѣ. Увы, кому принадлежатъ эти обломки? Друзья, помогите спрятаться за перила! Дѣти, вашъ фонарь упалъ. Увы! Не выпускайте изъ рукъ ни румпеля, ни талей. Я слышу, какъ трещитъ крючокъ у руля. Онъ, вѣрно, сломался? Ради Бога, спасайте канаты въ такелажѣ а о носѣ не безпокойтесь. Бе, бе, бу, бу, бу! Взгляните, ради Бога, на компасъ, господинъ рулевой: откуда дуетъ вѣтеръ? Честное слово, мнѣ очень страшно. Бу, бу, бу, бу, бу! Пришелъ мой конецъ! Отъ ужаснаго страха я весь обмарался. Бу, бу, бу, бу! Отто, то, то, ти, бу, бу, бу! Я захлебываюсь, я умираю! Добрые люди, я захлебываюсь!

---

[1]) Выдуманныя имена. Прим. Раблэ.

[2]) Арабскія слова: манна и медъ. Прим. Раблэ.

[3]) Enig, Evig — нѣмецкія слова. Прим. Раблэ. Тутъ намекъ на капитуляцію ландграфа Филиппа Карлу V, когда по ошибкѣ или намѣренно вмѣсто краткаго (einiger) тюремнаго заключенія написано было вѣчное (ewiger) заключеніе.

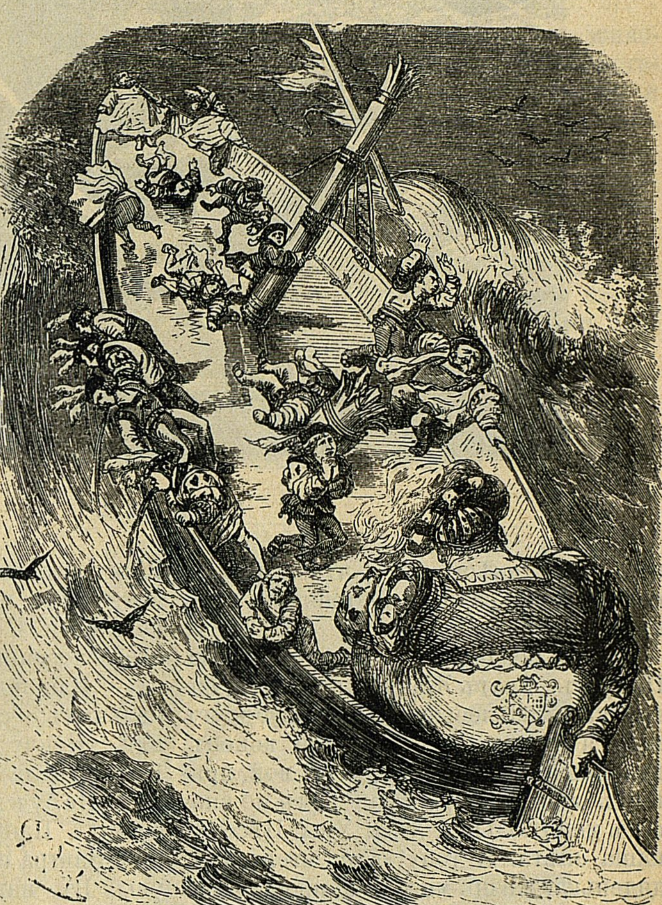
[4]) Подразумѣвается соборъ Тріентскій.

[1]) Scatophages питающійся экскрементами. Такъ Аристофанъ называетъ Эскулапа, въ насмѣшку надъ врачами. Пр. Раблэ.

XIX.

О томъ, какъ вели себя Панургъ и братъ Жанъ во время бури.

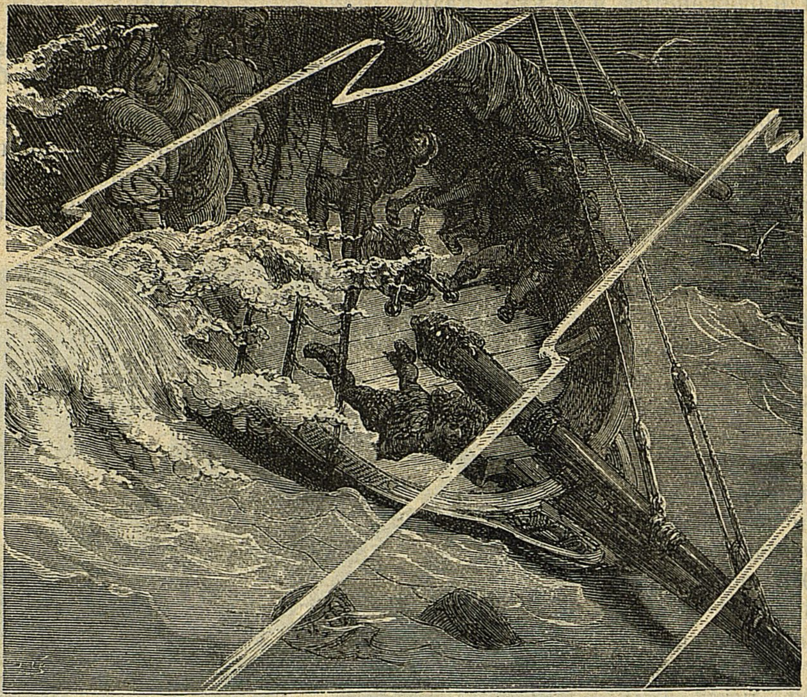
Пантагрюэль, призвавъ предварительно на помощь Всемогущаго Бога и прочитавъ съ большою набожностью и громко молитву, охватилъ крѣпко и твердою рукой, по совѣту шкипера, главную мачту. Братъ Жанъ остался въ одной курткѣ, чтобы помогать матросамъ. Такъ поступили Эпистемонъ, Понократъ и другіе. Панургъ скорчился на палубѣ, плача и жалуясь.



Къ гл. XVIII-й.

Братъ Жанъ увидѣлъ его, проходя мимо, и сказалъ ему:

— Ей-Богу, Панургъ теленокъ, Панургъ плакса, Панургъ крикунъ, ты лучше сдѣлаешь, если станешь помо-



Къ гл. XIX-й.

гать намъ вмѣсто того, чтобы ревѣть какъ корова, сидя на корточкахъ, какъ глиняный болванчикъ.

— Бе, бе, бе, бу, бу, бу!—отвѣчалъ Панургъ. Братъ Жанъ! Другъ мой, батюшка, я захлебываюсь, я тону, другъ мой, я тону. Пришелъ мой конецъ, духовный мой отецъ, другъ мой, пришелъ мой конецъ! Твой мечъ не спасетъ меня больше! Увы! Увы! Пѣсенка наша спѣта. Я тону! Ахъ, отецъ мой, дяденька, жизнь моя, вода прошла мнѣ въ башмаки черезъ колетъ. Бу, бу, бу! Ху, ху, ху! Ха, ха, ха! Я тону! Увы! Увы! Въ эту минуту я точь-въ-точь поваленное дерево, корнями вверхъ, верхушкой къ землѣ. Дай Богъ, чтобы я былъ въ эту минуту на кораблѣ добрыхъ и блаженныхъ отцовъ соборныхъ черноризниковъ, которыхъ мы встрѣтили сегодня поутру, такихъ набожныхъ, такихъ жирныхъ, такихъ веселыхъ, такихъ откормленныхъ! Охъ, хо, хо! Эта чортова волна... Mea culpa, Deus!.. Я говорю, что эта Божья волна потопитъ нашъ корабль. Увы, братъ Жанъ, отецъ мой, другъ мой, прошу выслушать мою исповѣдь! Вотъ я на колѣняхъ. Confiteor, прошу вашего благословенія!

— Иди помогать намъ, чортовъ висѣльникъ,—сказалъ братъ Жанъ,—иди, тысячу чертей тебѣ въ догонку. Придешь ли ты?

— Не будемъ чертыхаться сегодня,—сказалъ Панургъ,—отецъ мой, другъ мой. Завтра сколько угодно. Увы, увы, увы! Въ нашемъ кораблѣ началась течь. Я тону, увы! Увы! Бе, бе, бе, бу, бу, бу! Мы идемъ ко дну. Увы, увы! Я дамъ восемьсотъ тысячъ золотыхъ дукатовъ тому, кто доставитъ меня, грязнаго, какъ я есть, на берегъ. Confiteor. Увы, дайте составить завѣщаніе или хотя бы приписку къ нему.

— Чтобы тысяча чертей вселилась въ этого рогоносца!—сказалъ братъ Жанъ, Богомъ клянусь! Время ли теперь говорить о завѣщаніи, когда мы въ опасности и должны работать изъ всѣхъ силъ? Придешь ли ты, діаволъ! Приходи, душечка, о, святые угодники.

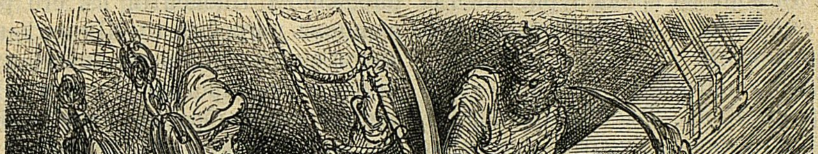
Сюда, Гимнастъ! Сюда на корму! Богомъ клянусь, этотъ толчекъ насъ погубитъ! Вотъ и фонарь нашъ потухъ. Мы идемъ ко всѣмъ чертямъ.

— Увы, увы!—говорилъ Панургъ. Увы! Бу, бу, бу! Увы, увы! Вотъ гдѣ, значитъ, намъ суждено было погибнуть! Ой, ой, добрые люди, я тону, я умираю. Consumatum est. Кончено, я погибъ!

— Magna, gna, gna!—говорилъ братъ Жанъ,—фи! Какъ онъ противенъ! Что за скверная плакса! Эй, юнга! Именемъ всѣхъ чертей, берегись каюты. Ты ушибся? Привяжи себя къ мачтѣ. Сюда, чортъ возьми! Ну вотъ такъ, дитя мое.

— Ахъ, братъ Жанъ!—говорилъ Панургъ,—отецъ мой духовный, другъ мой, не надо божиться. Это грѣшно. Увы, увы! Бе, бе, бе, бу, бу! Я тону, я умираю, друзья мои. Я всѣмъ прощаю. Прощайте In manus... Бу, бу, буyy! Святой Михаилъ Архангелъ, Св. Николай, помилуйте меня на этотъ разъ и больше никогда! Даю вамъ здѣсь обѣтъ и Господу Богу также, что если вы меня выручите изъ этой опасности, то я построю вамъ большую прекрасную капличку или двѣ, между Кандомъ и Монсоро, гдѣ не пасется ни корова, ни теленокъ [1]). Увы, увы! Я наглотался морской воды... Бу, бу, бу! Какая она горькая и соленая!

— Клянусь кровью, мясомъ, животомъ и головой! Если ты не перестанешь вопить, чортовъ рогоносецъ, я тебя отправлю къ акуламъ. Клянусь Богомъ, отчего бы намъ его не выбросить за бортъ? Эй ты, рулевой, любезный другъ, старайся, дружище! Держись смѣлѣе! Ну, ужъ нечего сказать: вотъ такъ громъ и молнія! Мнѣ сдается, что сегодня развозились всѣ черти, или Прозерпина мучится родами. Всѣ дьяволы сорвались съ цѣпи.



Къ гл. XX-й.

---

[1]) Поговорка. Оба мѣстечка раздѣлены были только одной улицей.

XX.

О томъ, какъ экипажъ бросаетъ корабли на произволъ судьбы.

— Ахъ!—говорилъ Панургъ. Вы грѣшите, братъ Жанъ, «прежній» мой пріятель. Я говорю прежній, потому что теперь я ничто и вы ничто. Мнѣ жаль васъ останавливать, потому что я думаю, что божба облегчаетъ печень, подобно тому, какъ дровосѣку легче, если послѣ каждаго его удара кто-нибудь возлѣ него громко кричитъ:—«Ухъ!» или какъ игроку въ кегли становится легче, когда онъ промахнется, если возлѣ него какой-нибудь умный человѣкъ повернетъ голову и туловище въ ту сторону, гдѣ бы его шаръ, хорошо направленный, ударился въ кегли. Но, тѣмъ, не менѣе, вы грѣшите, мой дорогой другъ! Но не предохранитъ ли насъ отъ этой бури жареная дикая коза? Я читалъ, что жрецы боговъ Кабировъ [1], прославляемыхъ Орфеемъ, Аполлоніемъ, Страбономъ, Павзаніемъ и Геродотомъ, находясь въ морѣ во время бури, никогда ея не страшились и чувствовали себя въ безопасности [2].

— Онъ завирается, бѣдняга!—сказалъ братъ Жанъ. Тысяча милліоновъ и сотни милліоновъ чертей взяли бы этого чортова рогоносца! Помоги намъ, скотина ты этакая! Иди сюда! Неужто ты не сдвинешься съ мѣста? Голова Господня, полная реликвій [3], что ты бормочешь сквозь зубы? Какую такую обезьяню молитву? Этотъ проклятый тюлень виноватъ въ томъ, что разыгралась буря, а самъ нисколько намъ не помогаетъ. Богомъ клянусь, если останусь живъ, то здорово отколочу этого лѣниваго чорта. Сюда, юнга, голубчикъ! Держись крѣпче, чтобы я успѣлъ сдѣлать греческій узелъ. О, какой милашка юнга! Дай Богъ, чтобы ты былъ аббатомъ Тальмузскимъ, а теперешній аббатъ былъ бы сторожемъ въ Круллэ! Понократъ, братецъ, вы тамъ ушибетесь. Эпистемонъ, отойдите отъ люка; я видѣлъ, какъ въ него упала молнія. Inse! Inse! [1] Хорошо сказано. Inse, inse, inse! Лети корабль! Inse. Боже милостивый! Что случилось? Носъ разлетѣлся въ дребезги! Гремите, дьяволы, пакостите! Чортъ побери этотъ валъ! Онъ меня, клянусь Богомъ, чуть было не снесъ. Я полагаю, что здѣсь теперь милліоны чертей собрались на провинціальный капитулъ или интригуютъ на выборахъ новаго ректора. На бакбордъ! Ладно сказано: Береги башку! Эй, юнга, берегись же, чортъ тебя возьми! На бакбордъ, на бакбордъ!

— Бебебебу, бу, бу!—говорилъ Панургъ. Бу, бу, бу, я тону! Я не вижу больше ни неба, ни земли. Увы, увы! Изъ четырехъ стихій у насъ остались здѣсь только двѣ: огонь и вода. Бу, бу, бу, бу! Дай Богъ, чтобы я былъ теперь въ виноградникѣ Селье или у пирожника Инокентія въ его раскрашенномъ погребкѣ, въ Шинонѣ, и готовился снять все платье, кромѣ куртки, чтобы печь пирожки. Лоцманъ! Не можете ли вы выбросить меня на берегъ? Вы такой искусный человѣкъ, какъ мнѣ говорили. Я отдамъ вамъ весь край Сальмагонди и мой большой погребъ, гдѣ продаются улитки, если, благодаря вашему искуству, я опять окажусь на твердой землѣ. Увы, увы, я тону. Per dio! Любезные друзья, если мы не можемъ войти въ гавань, то станемъ на рейдѣ гдѣ-нибудь. Бросайте всѣ ваши якоря! Спасемтесь отъ этой опасности, молю васъ! Любезный другъ, бросайте лотъ, умоляю, чтобы намъ узнать, какова глубина моря на этомъ мѣстѣ! Бросайте лотъ, другъ любезный, молю васъ Господомъ Богомъ! Узнаемъ: нельзя ли намъ тутъ стоять на ногахъ, не нагибаясь? Мнѣ сдается, что можно.

— Подкрѣпи галсъ у фокъ-мачты!—закричалъ лоцманъ. Подкрѣпи галсъ!

---

[1] Древнія божества, въ вѣдѣніи которыхъ находились таинственныя и страшныя силы природы.

[2] Тутъ у Раблэ игра на созвучіи двухъ словъ: cabires (Кабиры—божества) и cabirotades—жаркое изъ дикой козы.

[3] Такъ божился господинъ де-ла-Рошъ-дю-Менъ. Пр. Раблэ.

[1] Провансальскій морской терминъ, которымъ приказывается поднимать паруса.

Берись за руль! Подкрѣпи галсъ у фокъ-мачты! Ложись въ дрейфъ! Ложись въ дрейфъ! Румпель разними! Ложись въ дрейфъ!

— Неужто до того дошло?—сказалъ Пантагрюэль. Боже спаси и помилуй насъ!

— Ложись въ дрейфъ! — кричалъ Джаметъ Брегье, главный лоцманъ. Ложись въ дрейфъ! Каждый подумай о своей душѣ и становись на молитву! Только чудо можетъ спасти насъ.

— Дадимъ какой-нибудь хорошій и славный обѣтъ,—говорилъ Панургъ. Увы, увы, увы! Бу, бу, бу, бе, бе, бе, бу, бу, увы, увы! Обѣщаемъ паломника. Каждый пожертвуетъ деньгами при этомъ.

— Ну же, именемъ дьявола, поворачивайтесь!—говорилъ братъ Жанъ. Ложись въ дрейфъ, именемъ Бога! Разбирай румпель. Ложись въ дрейфъ! Го, го! Ложись въ дрейфъ! Выпьемъ! Лучшаго вина и самаго полезнаго для желудка. Слышите-ли, господинъ мажордомъ? Достаньте-ка вина и подайте его намъ. Вѣдь, все равно, оно пойдетъ ко всѣмъ чертямъ! Эй, пажъ, принеси мою фляжку (такъ называлъ онъ свой требникъ). Вотъ такъ градъ и молнія, мое почтеніе! Смѣлѣе, прошу васъ. Когда у насъ будетъ праздникъ всѣхъ святыхъ? Я думаю, что сегодня нечестивый праздникъ всѣхъ милліоновъ чертей.

— Увы!—говорилъ Панургъ. Братъ Жанъ даромъ губитъ свою душу. О, какого друга я въ немъ теряю! Увы, увы, намъ все хуже и хуже! Мы идемъ отъ Сциллы къ Харибдѣ. Увы! Я тону. Confiteor. Помогите мнѣ составить хоть клочокъ завѣщанія, братъ Жанъ, отецъ мой, господинъ философъ и другъ, мой Ахатъ, Ксеноманъ, моя жизнь! Увы, я тону! Хоть клочокъ завѣщанія вотъ на этомъ табуретѣ.

XXI.

Буря продолжается, и на морѣ произносится краткая рѣчь о завѣщаніяхъ.

— Писать завѣщаніе въ этотъ часъ,— сказалъ Эпистемонъ,—когда намъ слѣдуетъ стараться изо всѣхъ силъ помогать экипажу, чтобы избѣгнуть кораблекрушенія, кажется мнѣ такимъ же глупымъ и несвоевременнымъ дѣломъ, какъ поведеніе капитановъ и любимцевъ Цезаря [1] по вступленіи въ Галлію, когда, вмѣсто того, чтобы взяться за оружіе и напрягать всѣ силы для сокрушенія своего врага Аріовиста, они забавлялись писаніемъ завѣщаній, оплакивали свою судьбу и горевали объ отсутствіи своихъ женъ и римскихъ друзей. Это такая же глупость, какъ глупость того извозчика, который, когда его возъ опрокинулся на вспаханномъ полѣ, сталъ на колѣни и молилъ Геркулеса помочь ему, вмѣсто того, чтобы самому поднять возъ и подогнать воловъ. Къ чему послужитъ вамъ, если вы составите теперь свое завѣщаніе? Вѣдь мы или спасемся, или потонемъ. Если мы спасемся, то завѣщаніе окажется ненужнымъ. Завѣщаніе имѣетъ силу лишь по смерти завѣщателей. Если мы потонемъ, то и оно потонетъ вмѣстѣ съ нами. Кто будетъ приводить его въ исполненіе?

— А какой-нибудь добрый валъ,— отвѣчалъ Панургъ,— можетъ выбросить его на берегъ, какъ Улисса, и какая-нибудь царская дочь, гуляя по морскому берегу, его найдетъ и велитъ привести его въ исполненіе! А затѣмъ воздвигнетъ мнѣ на берегу великолѣпный памятникъ, какъ Дидона своему супругу Сихею; Эней—Дейфобу [2]) на Траянскомъ берегу, близъ Рэты; Андромаха—Гектору [3]) въ городѣ Бутротѣ; Аристотель—Гермію и Эвбуазу [4]); аѳиняне—Эврипиду [5]); римляне—Друзу [6]) въ Германіи, а своему императору Александру Северу [7]) въ Галліи; Аргентарій—Каллару [8]); Ксенокритъ—Лизидикѣ [9]); Тиморъ своему сыну Телетагору 1), Евполисъ и Аристодика сыну ихъ Өеотиму 2); Онестъ—Тимоклу 3); Каллимахъ — сыну Діоклида, Сополису 4); Катуллъ — своему брату 5); Стацій—своему отцу 6); Жерменъ де-Бри—британскому полководцу Герве 7).

---

[1]) Caesar. De bello gall. I, 39.

[2]) Aen. VI, 500 и т. д.

[3]) Idem. III, 292—302.

[4]) Діогенъ Лаэрцій.

[5]) Павзаній, Att. II.

[6]) Свет. Claud., I.

[7]) Lampridius.

[8]) Греческ. Антол. VII, 395.

[9]) Id. VI, 291.

— Ты бредишь,—сказалъ братъ Жанъ. Чтобы тебя черти взяли! Чтобы проказа тебя съѣла! Развѣ нашъ корабль стоитъ въ гавани? Ради Бога, какимъ образомъ мы выберемся отсюда? Всѣ черти развозились на морѣ! Намъ ни за что не спастись, или пусть меня сожрутъ черти!

Тутъ послышалось жалобное восклицаніе Пантагрюэля, громко возопившаго:

— Господи Боже, спаси насъ! Мы погибаемъ. Но да будетъ воля твоя!

— Богъ и святая Богородица Дѣва спаси насъ,—сказалъ Панургъ. Увы, увы! Я тону. Бебебебу, бебе, бу, бу! In manus. Боже правый, пошли мнѣ какого-нибудь дельфина, который перенесъ бы меня на землю, какъ миленькаго душку Аріона. Я съ удовольствіемъ заиграю на арфѣ, если она не сломана.

— Чортъ бы меня побралъ!—говорилъ братъ Жанъ.

— Господи помилуй насъ!—отвѣчалъ Панургъ сквозь зубы.

— Постой, если я доберусь до тебя, я тебѣ на дѣлѣ докажу, что ты трусъ и подлецъ. Только и знаетъ, что ныть! Иди помогать намъ, плакса, теленокъ, иди! Тридцать милліоновъ чертей тебѣ въ тѣло! Придешь ли ты помогать намъ, тюлень? Фи! Какой онъ уродъ, этотъ плакса!

— Вы, знай себѣ, твердите одно и то же.

— Ну, веселая бутылка, ко мнѣ на помощь, дай я тебя поглажу противъ шерстки! Beatus vir qui non abiit. Я все это знаю наизусть. Вотъ, напримѣръ, легенда про святого Николая угодника.

Horrida tempestas montem turbavit acutum.

Tempeste былъ строгій педагогъ въ коллежѣ Монтецо. Если педагоговъ осуждаютъ на вѣчную погибель за то, что они сѣкутъ розгами бѣдныхъ дѣтокъ, невинныхъ школьниковъ, то, клянусь честью, онъ привязанъ къ колесу Иксіона и долженъ сѣчь кургузую собаку, которая его вертитъ; если же сѣченіемъ невинныхъ дѣтей они спасаютъ душу, то онъ долженъ быть надъ.....

XXII.

Конецъ бури.

— Земля, земля!—закричалъ Пантагрюэль. Я вижу землю! Мужайтесь, дѣти! Мы недалеко отъ гавани. Я вижу, что небо съ сѣвера начинаетъ уже проясняться. Чувствуете ли вы дуновеніе сирокко?

— Мужайтесь, дѣти! — закричалъ шкиперъ. Море укладывается. Поднять паруса! Inse! Inse! Къ топселямъ на бизань-мачтѣ! Канатъ на кабестанъ! Поворачивай на другой галсъ! Берись за руль! Inse! Inse! Inse! Поставь румпель!.....

. . . .

— О!—вскричалъ Эпистемонъ. Мужайтесь и надѣйтесь! Я вижу справа, какъ сверкаетъ въ небѣ Касторъ.

— Бе, бе, бу, бу, — сказалъ Панургъ,—боюсь, что это Елена-гуляка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Эпистемонъ,— это, въ самомъ дѣлѣ, Касторъ или Миксархачевасъ, если тебѣ больше нравится аргивское его названіе. Гей! Гей! Я вижу землю; я вижу гавань; я вижу толпу людей на пристани. Я вижу огонь маяка.

— Гей! Гей! — говоритъ шкиперъ. Обогни мысъ и песчаныя отмели!

— Обогнули!—отвѣчали матросы.

— Нашъ корабль плыветъ и нашъ конвой также,—сказалъ шкиперъ. Помощь пришла во время.

— Золотыя слова, клянусь св. Жаномъ,—замѣтилъ Панургъ.

---

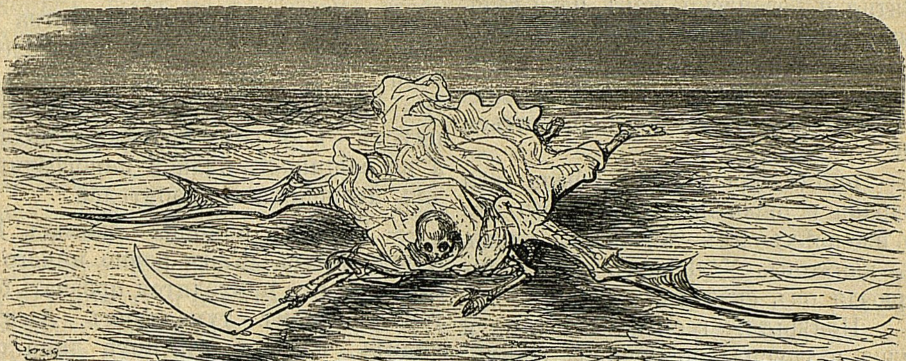
1) Id. VII, 652.
2) Id. VII, 539.
3) Id. VII, 274.
4) Id. VII, 271.
5) Epigr. CI.
6) Stacii Epicedion in patrem.
7) Павшему въ сраженіи съ англійскимъ флотомъ въ 1512 г.

— Мня, мня, мня,—говоритъ братъ Жанъ,—если я тебѣ дамъ хоть каплю вина, будь я проклятъ! Слышишь ты, чортовъ навозъ? Прошу, любезнѣйшій, подать полный кубокъ лучшаго вина. Принеси кувшины, Гимнастъ, а также разбойникъ, пирогъ съ ямбами или съ ветчиной, мнѣ все равно [1]). Но, смотри, не урони.

— Мужайтесь, — вскричалъ Пантагрюэль,—мужайтесь, дѣти! Будьте вѣжливы. Поглядите, вотъ плывутъ къ нашему кораблю двѣ барки, три галеры, пять англійскихъ судовъ, четыре гондолы и шесть фрегатовъ, посылаемыхъ къ намъ на помощь добрыми островитянами. Но кто тамъ такъ вопитъ и жалуется? Развѣ я не держу мачту обѣими руками такъ крѣпко, какъ не сдержать ее и двумя стами канатовъ?

— Это,—отвѣчалъ братъ Жанъ,—бѣднягу Панурга трясетъ телячья лихорадка. Онъ дрожитъ отъ страха, когда бываетъ пьянъ.

— Если бы онъ помогалъ намъ,—сказалъ Пантагрюэль, — то я бы не меньше уважалъ его за то, что онъ во время такой ужасной и опасной бури испытывалъ страхъ. Вѣдь, если постоянный страхъ обозначаетъ робкое и подлое сердце,—такимъ трусомъ былъ Агамемнонъ, и за это Ахиллесъ, поносся его, говорилъ, что у него собачій глазъ и оленье сердце,—то отсутствіе страха въ виду очевидной и страшной опасности служитъ признакомъ недостатка сообразительности или полнаго ея отсутствія. Но если я и не скажу, что всего страшнѣе въ жизни, послѣ гнѣва Господня смерть; то все же не стану вмѣшиваться въ споръ Сократа и академиковъ о томъ, что смерть сама по себѣ не дурна и смерти не слѣдуетъ бояться. Но еще Гомеръ сказалъ, что тяжело, противно и обидно погибнуть въ морѣ. И когда Эней былъ застигнутъ бурей со своими кораблями близъ Сициліи, то онъ пожалѣлъ, что не палъ отъ руки Діомеда, и говорилъ, что трижды, четырежды счастливы тѣ, которые погибли при пожарѣ Трои. Изъ насъ никто не погибъ. Воздадимъ за это хвалу Богу Вседержителю. Но, тѣмъ не менѣе, мы въ очень жалкомъ положеніи. Намъ придется починить наше судно. Постарайтесь теперь высадиться на берегъ.



Къ гл. XXI-й.

XXIII.

О томъ, какъ Панургъ по окончаніи бури опять сталъ веселымъ малымъ.

— Ага, га! — вскричалъ Панургъ! Все идетъ хорошо! Буря прошла. Прошу васъ спустить меня на берегъ прежде всѣхъ. Мнѣ надо обдѣлать коекакія дѣлишки. Дайте-ка, я вамъ помогу. Давайте, я сверну этотъ канатъ. Теперь я набрался храбрости. Теперь я ни чуточки не боюсь. Живѣе, живѣе, мой другъ! Нѣтъ, нѣтъ, теперь ни капли страха. По правдѣ сказать, этотъ десятый валъ [1], который прокатился отъ носа до кормы, немного смутилъ меня. Отдать паруса! Дѣльно сказано. Какъ, вы сидите, сложа руки, братъ Жанъ? Время ли теперь пить вино? Кто вамъ говоритъ, что оруженосецъ Св. Мартина [2] не готовитъ намъ еще новой грозы? Эй! Не помочь ли вамъ? Эхма! Я раскаиваюсь, да поздненько въ томъ, что не послушался совѣтовъ добрыхъ философовъ, которые говорятъ, что гулять около моря и плыть вдоль береговъ такъ же пріятно и безопасно, какъ идти пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы. Ха, ха, ха! Клянусь Богомъ, все идетъ хорошо. Не помочь ли вамъ? Давайте, я это самъ сдѣлаю, провалиться мнѣ.

---

[1]) Тутъ непереводимая игра словами jambique и jambonique.

У Эпистемона ладонь была вся ободрана и окровавлена отъ того, что онъ изо всѣхъ силъ удерживалъ одинъ изъ канатовъ. Услышавъ рѣчь Пантагрюэля онъ сказалъ:

— Повѣрьте, господинъ, что я боялся и трусилъ не меньше Панурга. Но что жъ такое! Я не лѣнился помогать. Я считалъ, что разъ смерть неизбѣжна, то не все ли равно, когда и какъ умереть, покоряясь волѣ Господней. Это, однако, не мѣшаетъ непрерывно молить Бога, призывать его, просить и взывать о помощи. Но этого мало: мы должны также и со своей стороны дѣйствовать и, такъ сказать, помогать Ему, какъ говоритъ апостолъ [3]. Вы знаете, что сказалъ консулъ Фламиній, когда Аннибалъ хитростью окружилъ его близъ Перузіи на Тразименскомъ морѣ: «Дѣти,—сказалъ онъ своимъ воинамъ,—мы отсюда не выберемся одними молитвами и воззваніями къ богамъ. Мы должны пробиться силою меча сквозь непріятеля.» Точно такъ, по словамъ Порція Каро, которыя приводитъ Саллюстій, помощь боговъ получается не однѣми только мольбами да жалобами. Бдѣніемъ, трудомъ, личными стараніями добывается успѣхъ и благополучное окончаніе предпріятій. Если въ нуждѣ и въ опасности человѣкъ небрежный, лѣнивый, праздный безъ толку призываетъ боговъ, они раздражаются и приходятъ въ негодованіе.

— Чортъ меня побери! — сказалъ братъ Жанъ

— И меня возьми въ долю, — замѣтилъ Панургъ.

— Но виноградникъ аббатства Сельи былъ бы совсѣмъ истребленъ, если бы я пѣлъ Contra hostium insidias (какъ стоитъ въ требникѣ) вмѣстѣ съ другими чертями-монахами, а не защищалъ палкой виноградникъ отъ лернейскихъ грабителей.

— Богъ въ помощь!—сказалъ Панургъ. Братъ Жанъ ровно ничего не дѣлаетъ. Его приходится прозвать братомъ Жаномъ-тунеядцемъ. А вѣдь видитъ, какъ я въ потѣ лица тружусь, помогаю этому славному матросу! Эй, дружище! Два слова, только не разсердитесь: какъ толсты доски на этомъ кораблѣ?

— Онѣ толщиной въ два пальца,—отвѣчалъ лоцманъ,—не бойтесь.

— Господи помилуй!—сказалъ Панургъ. Мы, значитъ, постоянно находимся на два пальца отъ смерти. Не есть ли это одна изъ девяти радостей брака [1]? Ха, ха! Любезнѣйшій, вы хорошо дѣлаете, что мѣряете страхъ на аршинъ. Что касается меня, то я нисколько не боюсь. Меня зовутъ Вильгельмъ Безстрашный. У меня храбрости цѣлая уйма. Да не овечьей храбрости,—а волчьей храбрости, храбрости убійцы. Я ничего не боюсь, кромѣ опасности.

---

[1] Римляне утверждали, что десятый валъ самый страшный.

[2] Чортъ, который, согласно легендѣ, никогда не покидалъ Св. Мартина, чтобы его соблазнять или мучить.

[3] I посл. къ Коринѳянамъ. III, 9.

---

[1] Намекъ на заглавіе книги, имѣвшей сильное распространеніе.

XXIV.

О томъ, какъ братъ Жанъ объявилъ, что Панургъ трусилъ безпричинно во время грозы.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ Панургъ,—здравствуйте! Вы всѣ здоровы, слава Богу. Привѣтъ вамъ всѣмъ. Сойдемъ на берегъ; опустите лѣстницу да поближе придвиньтесь съ лодкой. Нужна ли вамъ еще моя помощь? Я усталъ и проголодался отъ того, что работалъ, какъ четыре вола. Вотъ, право, прекрасное мѣсто и прекрасные люди! Дѣти, нужна ли вамъ еще моя помощь? Ради Бога, не жалѣйте моихъ трудовъ. Адамъ, то-есть человѣкъ, былъ на то созданъ, чтобы пахать землю и трудиться, какъ птица создана на то, чтобы летать. Господь Богъ,—слышите ли вы это?—хочетъ, чтобы мы снискивали себѣ хлѣбъ насущный въ потѣ лица, а не въ праздности, какъ этотъ грѣховодникъ-монахъ, братъ Жанъ. Вонъ, смотрите на него: онъ только знаетъ, что ѣстъ да труситъ. Какая прекрасная погода! Въ эту минуту я понимаю отвѣтъ благороднаго философа Анахарсиса и знаю, что онъ былъ правъ и вполнѣ основателенъ, когда на вопросъ: «Какой корабль, по его мнѣнію, самый надежный?»—отвѣчалъ: «Тотъ, который стоитъ въ гавани.»

— Онъ еще лучше сказалъ,—замѣтилъ Пантагрюэль, когда, спрошенный о томъ: «Кого больше: живыхъ или мертвыхъ?» отвѣчалъ: «Куда вы причисляете тѣхъ, кто плаваетъ въ морѣ?»—тонко давая этимъ знать, что тѣ, которые плаваютъ въ морѣ, подвергаются постоянной опасности смерти, и что ихъ можно считать скорѣе мертвецами, нежели живыми людьми. Такимъ образомъ, Порцій Катонъ [1]) говоритъ, что сожалѣлъ бы только о трехъ вещахъ: если бы когда-нибудь довѣрилъ тайну женщинѣ; если бы провелъ въ праздности хоть одинъ день, и если бы отправился моремъ въ такое мѣсто, куда можно было бы пробраться сухимъ путемъ.

— Клянусь монашескимъ одѣяніемъ, какое я ношу,—говорилъ братъ Жанъ Панургу,—ты дурень-пріятель безъ причины и безъ толку трусилъ во время бури. Тебѣ вовсе не предопредѣлено утонуть въ водѣ. Ты будешь, несомнѣнно, повѣшенъ или сожженъ живымъ. Господа, хотите ли вы имѣть прекрасный плащъ отъ дождя? Бросьте всѣ эти волчьи и барсучьи шубы. Велите ободрать Панурга и накройтесь его шкурой, только ради Бога, не подходите къ огню и не проходите мимо кузницъ: въ одну минуту она превратится въ пепелъ на вашихъ глазахъ. Но во время дождя, снѣга или града ничего бойтесь. И мало того: бросьте въ воду, хотя бы очень глубокую, и, ей-Богу, вы даже не замочитесь. Сшейте себѣ изъ нея сапоги: никогда ногъ не промочите. Сдѣлайте изъ нея верши, чтобы научить молодыхъ людей плавать: они научатся, не подвергаясь опасности.

— Значитъ, его шкура обладаетъ такимъ же свойствомъ, какъ трава, которая называется Венеринъ волосъ,—замѣтилъ Пантагрюэль:—она никогда не намокаетъ и всегда суха, хотя бы пробыла подъ водой очень долго. Поэтому и называется Adiantos.

— Другъ мой Панургъ, — сказалъ братъ Жанъ,—не бойся воды, прошу тебя. Твоя жизнь покончится отъ противоположнаго элемента.

— Ладно, — отвѣчалъ Панургъ. Но повара у чертей тоже бываютъ разсѣянны и дѣлаютъ промахи, занимаясь своимъ дѣломъ, и часто варятъ то, что слѣдовало бы жарить, подобно тому, какъ и въ кухняхъ здѣшняго міра господа повара часто шпигуютъ куропатокъ, домашнихъ и дикихъ голубей, въ намѣреніи (надо думать) поставить ихъ жариться. А вмѣсто того бываетъ, что отварятъ куропатку съ капустой, домашняго голубя съ пореемъ, а дикаго — съ рѣпой. Послушайте-ка, любезные друзья, я заявляю при всей честной компаніи, что, обѣщая въ даръ Св. Николаю капеллу, между Квандомъ и Монсоро, я разумѣлъ капеллу съ розовой водой [1]), въ которой не станетъ пастись ни корова, ни теленокъ, потому что я брошу ее въ воду.

---

[1]) Катонъ Старшій.

— Вотъ мошенникъ!— сказалъ Эвстенъ. Нѣтъ, вотъ такъ настоящій мошенникъ! Онъ оправдываетъ ломбардскую пословицу:

Passato el pericolo, gabato el santo [2]).

XXV.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ послѣ бури на островъ Макреоновъ.

Затѣмъ мы сошли на берегъ одного острова, который назывался островомъ Макреоновъ. Добрые жители его приняли насъ съ честью. Одинъ старый Макробъ (такъ называли они своего старшину) хотѣлъ отвести Пантагрюэля въ городскую ратушу, для отдыха и угощенія. Но Пантагрюэль не захотѣлъ уйти, прежде нежели всѣ его люди не сойдутъ на берегъ. Сдѣлавъ имъ перекличку, онъ велѣлъ выдать каждому новое платье и принести на берегъ всѣ съѣстные припасы съ кораблей, чтобы они могли хорошенько попировать. Все это было немедленно исполнено. И Богу извѣстно, какъ славно они ѣли и пили. Мѣстные жители тоже натащили всякой провизіи. Пантагрюэлисты отдарили ихъ, въ свою очередь. Правду сказать, ихъ собственный провіантъ пострадалъ отъ бури. По окончаніи обѣда Пантагрюэль попросилъ всѣхъ приняться за починку кораблей, что они и сдѣлали, и очень охотно. Чинить ихъ было не трудно, потому что всѣ жители острова были плотниками и вообще ремесленниками, какъ мы это видимъ въ арсеналѣ Венеціи. А на островѣ, несмотря на то, что онъ былъ великъ, населеніе сосредоточивалось только въ трехъ портахъ и десяти приходахъ; все остальное пространство покрыто было высокимъ и безлюднымъ лѣсомъ, какъ Арденскій лѣсъ. По нашей просьбѣ, старый Макробъ показалъ намъ все, что было достопримѣчательнаго на островѣ. И въ тѣнистомъ и безлюдномъ лѣсу мы открыли нѣсколько старинныхъ, разрушенныхъ храмовъ, нѣсколько обелисковъ, пирамидъ, древнихъ монументовъ и гробницъ съ различными надписями и эпитафіями: однѣ—гіероглифами; другія—на іоническомъ нарѣчіи, на арабскомъ языкѣ, славянскомъ и другихъ. Эпистемонъ списалъ нѣкоторыя изъ нихъ. Между тѣмъ, Панургъ говорилъ брату Жану:

— Это островъ Макреоновъ. Макреонъ по-гречески значитъ—старикъ, человѣкъ ветхій деньми.

— Ну что жъ мнѣ изъ того?—спросилъ братъ Жанъ. Не перекрещивать же мнѣ ихъ. Меня тутъ не было, когда ихъ крестили.

— Кстати,—отвѣчалъ Панургъ,—я думаю, что отсюда происходитъ названіе макрели [1]). Вѣдь сводничество приличествуетъ только старухамъ; молодымъ же приличествуютъ любовныя пантомимы. Но нельзя ли изъ этого вывести, что здѣсь мы видимъ островъ Макрель, оригиналъ и прототипъ того, который мы знаемъ въ Парижѣ? Пойдемъ ловить устрицъ въ раковинахъ.

Старикъ Макробъ спрашивалъ на іоническомъ нарѣчіи у Пантагрюэля, какимъ образомъ и благодаря какимъ усиліямъ и искусству удалось намъ войти въ ихъ гавань сегодня, когда свирѣпствовалъ такой ураганъ и буря на морѣ. Пантагрюэль отвѣчалъ ему, что Спаситель пощадилъ ихъ ради смиренія и искренней любви его спутниковъ, которые путешествуютъ не для корысти или обмѣна товаровъ. Единственная причина, по которой они пустились въ море, это любознательное желаніе увидѣть, узнать, познакомиться, посѣтить оракулъ Бакбюкъ и получить оракулъ Бутылки относительно нѣкоторыхъ затрудненій, испытываемыхъ однимъ изъ членовъ ихъ компаніи. Со всѣмъ тѣмъ, они съ большимъ трудомъ и опасностями избѣгли кораблекрушенія. Затѣмъ спросилъ его: что—причиной, по его мнѣнію, такой страшной бури и неужели море, окружающее эти острова, такъ же подвержено бурямъ, какъ и воды океана близъ Сенъ-Матьё[1] и Момюссона[2] и Средиземнаго моря у Сатальской пучины[3], Монтаржантона и Піомбино[4] или же у мыса Мелію въ Лаконіи, въ Гибралтарскомъ проливѣ, у Мессинскаго маяка[5] и другихъ?

---

[1]) Капеллой называется также серебряный сосудъ, употребляемый за обѣдней—отъ лат. capella.

[2]) Прошла опасность—и святого надуютъ.

[1]) Слово maquerelle имѣетъ два смысла: рыба макрель и, въ переносномъ смыслѣ, сводня.

XXVI.

О томъ, какъ добрый Макробъ разсказываетъ Пантагрюэлю про житіе и смерть героевъ.

На это добрый Макробъ отвѣчалъ:

— Други пилигримы, вы прибыли на одинъ изъ Спорадскихъ острововъ, но не вашихъ Спорадскихъ острововъ, которые лежатъ въ Карпатскомъ морѣ[6], а на Спорадскіе острова океана, нѣкогда богатые, часто посѣщавшіеся, роскошные, торговые, населенные и подчиненные владычеству Британіи, нынѣ же, съ теченіемъ времени и при общемъ паденіи, обѣднѣвшіе и пустынные, какъ видите.

Въ темномъ и обширномъ лѣсу, который вы можете отсюда видѣть, живутъ демоны и герои, которые состарились. И вотъ мы думаемъ, не видя больше кометы, которая цѣлыхъ три дня свѣтила на небѣ, что вчера кто-нибудь изъ нихъ умеръ, и его кончина вызвала ту ужасную бурю, отъ которой вы пострадали. Когда они всѣ живы, все благополучно на этомъ островѣ и на сосѣднихъ островахъ, а на морѣ царствуютъ тишь и гладь. Но когда кто изъ нихъ умретъ, то мы слышимъ въ лѣсу громкіе и отчаянные вопли, на землѣ зримъ болѣзни, бѣдствія и огорченія, а на морѣ бурю и ураганъ.

— Въ томъ, что вы говорите,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—много вѣроятія. Ибо, подобно тому, какъ факелъ или сальная свѣчка, пока горятъ, свѣтятъ всѣмъ и каждому, каждаго увеселяютъ, каждому служатъ и никому не причиняютъ неудовольствія, а какъ потухнутъ,—такъ отравятъ воздухъ дымомъ и вонью, и каждому начадятъ и каждаго обезпокоятъ,—такъ точно бываетъ и съ тѣми благородными и возвышенными душами. Во все время, пока онѣ обитаютъ въ тѣлѣ, ихъ мѣстопребываніе мирно, полезно, пріятно и почетно; но какъ скоро онѣ скончаются, такъ немедленно на островахъ и на материкахъ начинаются землетрясенія, въ воздухѣ воцаряется темень, сверкаетъ молнія, идетъ градъ; на морѣ происходятъ буря и ураганъ; народы стонутъ, религіи мѣняются, королевства рушатся и республики распадаются.

— Мы испытали это на дѣлѣ,—замѣтилъ Эпистемонъ,—когда умеръ благородный и ученый рыцарь Вильгельмъ дю-Беллэ. Пока онъ былъ живъ, Францiя испытывала такое благоденствіе, что ей всѣ завидовали, всѣ къ ней льнули, всѣ ея боялись. Но послѣ его смерти она на долгое время утратила всеобщее уваженіе.

— Точно такъ по смерти Анхиза, въ Сициліи,—сказалъ Пантагрюэль,—буря надѣлала много хлопотъ Энею. По той же причинѣ тиранъ и жестокій царь Іудейскій Иродъ, видя себя при смерти,—ужасной и страшной по своему характеру (онъ умеръ отъ фтиріазиса, съѣденный заживо червями и вшами, какъ до него умерли Силла Ѳересидъ сирійскій, наставникъ Пиѳагора, греческій поэтъ Алькманъ и другіе),—и предвидя, что евреи послѣ его смерти будутъ радоваться, призвалъ къ себѣ изъ всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и помѣстій всѣхъ именитыхъ гражданъ, подъ лживымъ предлогомъ, что хочетъ сообщить имъ важныя вещи насчетъ порядка и управленія провинціями. Когда они явились къ нему, приказалъ ихъ запереть[1] на иподромѣ своего дворца. Затѣмъ сказалъ своей сестрѣ Саломе и ея мужу Александру: «Я увѣренъ, что евреи будутъ радоваться моей смерти; но если вы послушаетесь меня и исполните то, что я вамъ скажу, то похороны мои будутъ почетными и публично оплаканными. Какъ только-что я умру, такъ немедленно прикажите моимъ тѣлохранителямъ, которымъ я уже сообщилъ свою волю, убить всѣхъ этихъ старѣйшинъ и именитыхъ гражданъ. Послѣ этого вся Іудея по неволѣ облечется въ трауръ и станетъ плакать, а иностранцы подумаютъ, что это отъ того, что я умеръ, какъ будто бы скончалась какая-нибудь геройская душа.» Такъ же поступалъ и другой отчаянный тиранъ, когда говорилъ: Когда я умру, пусть всю землю сожретъ огонь, что̀ равнозначущее словамъ: «Да погибнетъ весь родъ человѣческій!» Это же самое Неронъ разбойникъ выразилъ иначе, сказавъ: «Пока я живъ», по свидѣтельству Светонія. Эти отвратительныя слова, о которыхъ упоминаютъ Цицеронъ, lib. 3. de finibus и Сенека lib. 2. de clementia, приписываются Діономъ Никейскимъ и Суидасомъ императору Тиверію.

---

[1] На рейдѣ Бреста.

[2] При истокахъ Жиронды.

[3] На Малоазіатскомъ берегу.

[4] На Тосканскомъ берегу.

[5] Между Критомъ и Родосомъ.

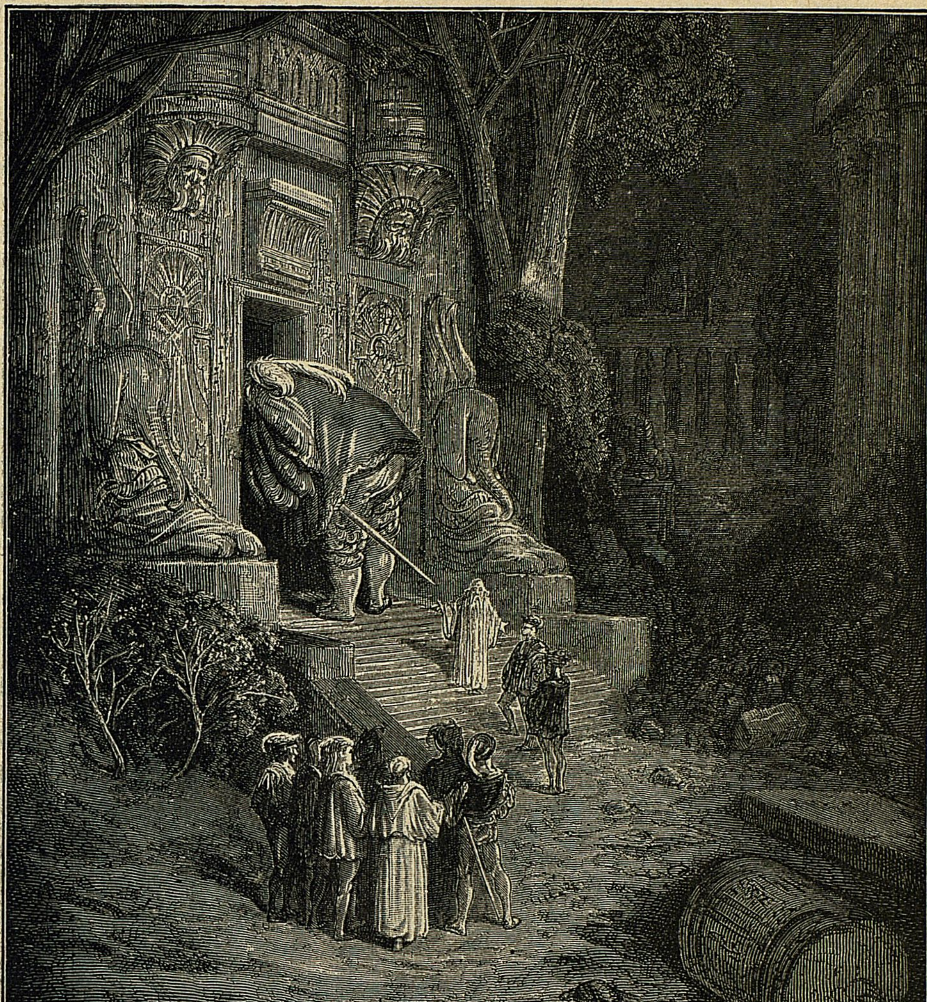
[6] Между Критомъ и Родосомъ.

[1] По разсказу историка Іосифа.

XXVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль разсуждаетъ о кончинѣ геройскихъ душъ и о страшныхъ чудесахъ, предшествовавшихъ кончинѣ господина де-Ланжэ.

— Я не хотѣлъ бы избѣжать всѣхъ бѣдъ, причиненныхъ намъ бурею,— продолжалъ Пантагрюэль,— если-бы цѣною этого я бы не услышалъ всего того, что намъ разсказываетъ добрый Макробъ. Я охотно также вѣрю тому, что онъ сказалъ про появленіе кометы. Нѣкоторыя души такъ благородны, драгоцѣнны и героичны, что переселеніе ихъ тѣла и кончина ихъ предвѣщаются намъ небесными знаменіями за нѣсколько дней. И подобно тому, какъ осторожный врачъ, предвидя по разнымъ признакамъ опасность смерти для своего паціента, за нѣсколько дней передъ тѣмъ извѣщаетъ жену, дѣтей, родныхъ и друзей о неизбѣжной кончинѣ мужа, отца или близкаго, чтобы они уговорили его привести въ порядокъ въ тѣ немногіе дни, остающіеся ему, свой домъ, наставить и благословить своихъ дѣтей, женѣ посовѣтовать честно вдовѣть, сдѣлать необходимыя распоряженія насчетъ содержанія несовершеннолѣтнихъ, для того, чтобы онъ не былъ застигнутъ смертью безъ завѣщанія, не успѣвъ озаботиться о своей душѣ и о своемъ домѣ,—точно такъ и милосердое небо, какъ бы радуясь предстоящей встрѣчѣ съ блаженными душами, зажигаетъ передъ ихъ смертью веселые огни, въ видѣ кометъ и метеоровъ, которые служатъ для смертныхъ явнымъ и вѣрнымъ предсказаніемъ, что черезъ нѣсколько дней достопочтенныя души покинутъ свое тѣло и землю. Подобно этому во время о́но Аѳинскій ареопагъ, постановляя приговоръ о подсудимыхъ, прибѣгалъ къ извѣстнымъ знакамъ, смотря по характеру приговора, и Θ давалъ знать объ осужденіи на смерть; Т—объ оправданіи; А—о томъ, что дѣло еще не рѣшено и требуетъ новаго слѣдствія. Эти знаки, выставляемые публично, избавляли родныхъ и друзей и вообще любопытныхъ отъ лишнихъ тревогъ и стараній узнать о судьбѣ, ожидающей заключенныхъ въ тюрьмѣ преступниковъ. Такъ точно и кометами, словно воздушными знаками, небеса молча возвѣщаютъ: «Смертные люди, если вы желаете узнать что-нибудь отъ этихъ блаженныхъ душъ, услышать, спросить о чемъ-нибудь, касающемся вашего личнаго или общественнаго блага, торопитесь задать вашъ вопросъ и выслушать на него отвѣтъ. Близокъ конецъ комедіи, и роковая развязка наступаетъ. Пропустивъ минуту, тщетно станете о ней жалѣть.» Мало того: чтобы показать землѣ и ея обитателямъ, что они недостойны присутствія, общества и помощи такихъ высокихъ душъ, они удивляютъ и пугаютъ ихъ чудесами, знаменіями, чудищами и другими вполнѣ противоестественными знаками. Что мы и видѣли за нѣсколько дней до кончины знаменитой,



Къ гл. XXV-й.

великодушной и геройской души ученаго и храбраго рыцаря Ланжэ, о которомъ вы упомянули?

— Я помню объ этомъ, — сказалъ Эпистемонъ, — и сердце у меня до сихъ поръ трепещетъ въ груди, когда я думаю о различныхъ и ужасныхъ чудесахъ, какихъ мы были свидѣтелями за пять или за шесть дней до его кончины. Такъ что господа Ассье, Шеманъ, Майльи кривой, Сентъ-Эль, Вильневъ-ла-Гюпаръ, метръ Габріель, Савильянскій врачъ, Раблэ, Когюо̀, Массюо̀, Майоричи, Буллу, Черку по прозванію бургомистръ, Франсуа Пру, Ферронъ, Шарль Жираръ, Франсуа Бурре и многіе другіе друзья, домочадцы и слуги покойнаго въ испугѣ глядѣли другъ на друга, молча, не произнося ни слова, но догадываясь и предвидя, что вскорѣ Франція лишится одного изъ своихъ лучшихъ рыцарей, необходимыхъ для ея славы и покровительства и что небо призываетъ его теперь къ себѣ, какъ свою естественную собственность.

— Клянусь клобукомъ! — сказалъ братъ Жанъ. Хочу на старости лѣтъ стать клирикомъ. Право, я достаточно для этого уменъ. Спрашиваю васъ по чести: развѣ могутъ умереть эти герои и полубоги? Клянусь Пречистой Дѣвой, я думалъ, что они безсмертны, какъ прекрасные ангелы, да проститъ меня Создатель! Между тѣмъ почтеннѣйшій Макробъ говоритъ, что они умираютъ.

— Не всѣ, — отвѣчалъ Пантагрюэль. Стоики говорятъ, что всѣ смертны, кромѣ одного, который безсмертенъ, невозмутимъ, невидимъ. Пиндаръ открыто говоритъ, что богинямъ гамадріадамъ 1) безбожныя Парки, пряхи судебъ, прядутъ ровно такой длины нить жизни, сколько длится жизнь дерева, которое онѣ охраняютъ,—а именно дубовъ, изъ которыхъ онѣ произошли, по мнѣнію Каллимаха и Павзанія in Phoci., съ чѣмъ согласенъ и Мартіанъ Капелла. Что касается полубоговъ, Пана, сатировъ, лѣшихъ, фавновъ, нимфъ, героевъ и демоновъ, то, по расчету Гезіода, который выводитъ эту цифру, сложивъ сумму нѣсколькихъ столѣтій,—они живутъ девять тысячъ семьсотъ двадцать лѣтъ. Это число получается, если показателя степени возвести въ квадратъ, а квадратъ четыре раза удвоить, а общую сумму затѣмъ пять разъ умножить солидными трехугольниками. Справьтесь у Плутарха въ книгѣ о прекращеніи оракуловъ.

— Этого,—сказалъ братъ Жанъ,— нѣтъ въ требникѣ. И я этому не повѣрю, развѣ только въ угоду вамъ.

— Я думаю,—замѣтилъ Пантагрюэль,—что всѣ разумныя души освобождены отъ ножницъ Атропы. Всѣ онѣ безсмертны: ангелы, демоны и люди. Я вамъ разскажу по этому поводу очень странную исторію, записанную и засвидѣтельствованную многими учеными исторіографами.

XXVIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль разсказываетъ трогательную исторію о смерти героевъ.

Эпитерсъ, отецъ ритора Эмиліана, плылъ однажды изъ Греціи въ Италію на кораблѣ, нагруженномъ различными товарами, и на которомъ было нѣсколько пассажировъ. Подъ вечеръ, когда они доплыли до Эшинадъ, группы островоъ, лежащей между Мореей и Тунисомъ, вѣтеръ стихъ, и ихъ корабль отнесло къ острову Паксосу. Въ то время, какъ они около него стояли, одни изъ пассажировъ спали, другіе бодрствовали, а третьи пили и ужинали, какъ вдругъ съ острова Паксоса донесся голосъ, громко звавшій: «Ѳамусъ!» Этотъ крикъ всѣхъ испугалъ. Этотъ Ѳамусъ былъ ихъ штурманомъ, родомъ изъ Египта. Но имя его извѣстно было лишь немногимъ пассажирамъ. Вторично послышался голосъ, звавшій Ѳамуса страшно громко. Никто не отвѣчалъ; всѣ молчали и дрожали. Тогда въ третій разъ раздался голосъ, вопившій громче прежняго, и тогда Ѳамусъ отвѣчалъ: «Я здѣсь. Что тебѣ нужно? Чего ты отъ меня требуешь?» И тутъ тотъ же голосъ, громче прежняго, возгласилъ и приказалъ, чтобы онъ, прибывъ въ Палодъ, объявилъ, что великій богъ Панъ умеръ. Услышавъ эти слова, — говорилъ Эпитерсъ, — всѣ матросы и пассажиры удивились и ужасно испугались. И стали совѣщаться между собою,—что лучше: промолчать или объявить то, что приказано? Ѳамусъ же былъ того мнѣнія, что если море будетъ спокойно, то надо объявить о томъ, что онъ слышалъ. Когда же они прибыли въ Палодъ, то оказалось, что вѣтеръ стихъ и наступило затишье. Тогда Ѳамусъ, взойдя на носъ корабля и повернувшись лицомъ къ землѣ, объявилъ, какъ ему было приказано,—что великій Панъ умеръ. Онъ не договорилъ еще, какъ поднялись громкіе

---

1) Лѣсныя нимфы.

вопли, вздохи и плачъ не одного только лица, но нѣсколькихъ. Эта новость (вѣдь многіе ее слышали) была скоро разглашена въ Римѣ, и тогдашній императоръ, цезарь Тиверій, призвалъ къ себѣ Ѳамуса и, услышавъ его разсказъ, повѣрилъ ему. И освѣдомившись у ученыхъ людей, которыхъ много было въ то время въ Римѣ и при его дворѣ, кто такой этотъ Панъ, услышалъ отъ нихъ, что онъ былъ сыномъ Меркурія и Пенелопы. Такъ раньше сказано было у Геродота и Цицерона въ книгѣ третьей—о породѣ боговъ. Я же скорѣе готовъ думать, что здѣсь подразумѣвалась кончина великаго Спасителя міра, неправедно умерщвленнаго въ Іудеѣ завистливыми и нечестивыми первосвященниками, учеными мужами, пресвитерами и монахами Моисеева закона. И, по-моему, такое толкованіе нисколько не предосудительно. Потому что Его по истинѣ можно назвать греческимъ именемъ Панъ; ибо Онъ—наше Все. Все, что мы изъ себя представляемъ; все, чѣмъ мы живемъ; все, что мы имѣемъ; все, на что мы надѣемся, принадлежитъ Ему, находится въ Немъ, идетъ отъ Него, дается Имъ. Это добрый Панъ, великій пастырь, который, по свидѣтельству страстнаго пастуха Коридона, любитъ не только своихъ овецъ, но также и своихъ пастуховъ. И по смерти Его плачъ, вздохи, жалобы и стенанія раздавались по всей вселенной, на небесахъ, на землѣ, на морѣ и въ преисподней. И съ такимъ моимъ толкованіемъ совпадаетъ также и время. Ибо милосерднѣйшій, превеликій Панъ, нашъ единый Спаситель умеръ въ Іерусалимѣ въ царствованіе въ Римѣ цезаря Тиверія.

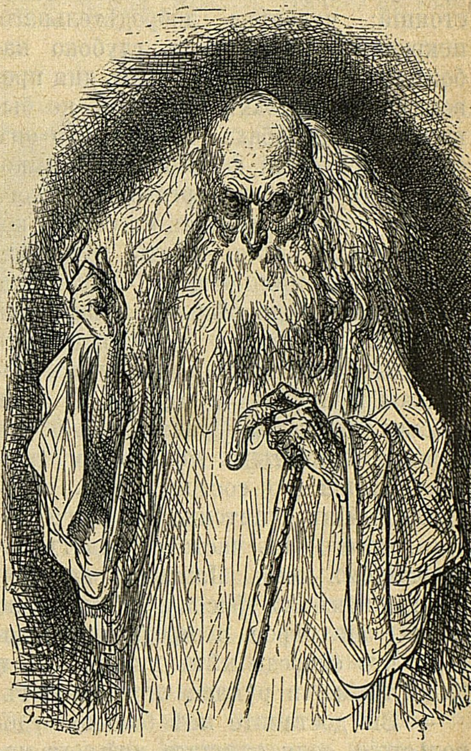
Пантагрюэль, кончивъ свою рѣчь, просидѣлъ нѣкоторое время молча и въ глубокомъ созерцаніи. Вскорѣ послѣ того мы увидѣли какъ слезы, величиною въ страусовое яйцо, выкатывались изъ его глазъ. Убей меня Богъ, если я хоть въ одномъ словѣ совралъ!

XXIX.

О томъ, какъ Пантагрюэль проплылъ мимо острова Скрытнаго, гдѣ царствовалъ Постъ.

Когда корабли веселаго конвоя были исправлены, свѣжая провизія запасена,—причемъ Макреоны были счастливы и довольны издержками, произведенными Пантагрюэлемъ,—наши люди, болѣе въ духѣ, чѣмъ когда-либо, пустились въ путь при ясной, чудесной погодѣ и въ полномъ веселіи. Около полудня Ксеноманъ показалъ намъ издали на островъ Скрытный, гдѣ царствовалъ Постъ, про котораго Пантагрюэль слыхалъ уже и былъ бы не прочь познакомиться съ нимъ лично, если бы Ксеноманъ не отговорилъ его, во-первыхъ, потому, что пришлось бы сдѣлать большой крюкъ, а, во-вторыхъ, потому, что ему было бы очень скучно на этомъ островѣ и при дворѣ этого государя.

— Вы бы увидѣли тамъ, — гово-



Къ гл. XXVII-й.

рилъ онъ,—всего-на-всего великаго пожирателя гороха, великаго потребителя селедокъ, великаго ловца кротовъ, великаго косца сѣна, одного полувеликана съ жидкой бороденкой и двойной тонзурой, великаго фонарщика, гонфалоньера ихтіофаговъ, диктатора горчицы, сѣкутора малыхъ дѣтей, сожигателя золы, отца и питомца врачей, съ цѣлой кучей индульгенцій отпусковъ грѣховъ и молитвенныхъ стояній; человѣка добродѣтельнаго, искренняго католика и глубоко набожнаго. Онъ бо́льшую часть дня проводитъ въ слезахъ. Никогда не бываетъ на свадьбахъ. Правда, что онъ самый искусный фабрикантъ шпиковальныхъ иглъ и вертеловъ, какого только можно встрѣтить въ сорока королевствахъ. Лѣтъ шесть тому назадъ, плывя мимо острова Секретнаго, я вывезъ оттуда цѣлыхъ двѣнадцать дюжинъ и роздалъ ихъ мясникамъ Кванды. Они были ими очень довольны и не безъ причины. Я вамъ покажу, когда мы вернемся домой, два вертела, прибитыхъ къ главному портику. Пища его состоитъ изъ соленыхъ бобовъ, улитокъ, соленаго салата, отчего онъ часто страдаетъ задержаніемъ мочи. Платье у него забавное какъ по фасону, такъ и по цвѣту; оно сѣрое и прохладное, потому что спереди нѣтъ ничего, да и сзади также, и рукава отсутствуютъ.

— Вы доставите мнѣ большое удовольствіе, если опишете мнѣ его наружность и всѣ части тѣла, послѣ того какъ описали его одежду, пищу, образъ жизни и время препровожденіе.

— Прош тебя объ этомъ, дружище, — сказалъ братъ Жанъ,—я нашелъ его въ своемъ требникѣ, да послѣ подвижныхъ праздниковъ онъ убѣжалъ.

— Охотно,—отвѣчалъ Ксеноманъ,—но мы подробнѣе услышимъ про него, проплывая мимо Угрюмаго острова, гдѣ живутъ Мясныя Колбасы, его смертельные враги, съ которыми онъ вѣчно воюетъ. И если бы имъ не помогали благородная нѣмецкая Масляница, ихъ добрый сосѣдъ и покровитель, то великій фонарщикъ Постъ истребилъ бы ихъ въ конецъ.

— А что онѣ такое—спросилъ братъ Жанъ,—самцы или самки? Ангелы или смертные? Женщины или дѣвственницы?

— Онѣ самки по полу, смертныя по положенію; однѣ изъ нихъ дѣвственницы, другія нѣтъ, — отвѣчалъ Ксеноманъ.

— Чортъ меня возьми, — сказалъ братъ Жанъ,—а я на ихъ сторонѣ. Что за безсмыслица воевать съ женщинами? Вернемся назадъ. Разнесемъ этого поганца.

— Сражаться съ Постомъ!—вскричалъ Панургъ. Клянусь всѣми дьяволами! Я не такъ глупъ и смѣлъ въ то же время. Quid juris, вѣдь мы очутимся между Колбасами и Постомъ, между молотомъ и наковальней! Очень нужно! Поплывемъ дальше. Уйдемъ поскорѣе. Мое вамъ почтеніе, Постъ! Рекомендую вамъ Мясныя Колбасы, да и свиныя также.

XXX.

О томъ какъ Ксеноманъ анатомировалъ и описывалъ Постъ.

. . . .

. . . .

XXXI [1]).

Анатомія внѣшнихъ членовъ Поста.

XXXII.

Дальнѣйшее описаніе свойствъ Поста.

— Удивленія достойно также,—продолжалъ Ксеноманъ,—описаніе разныхъ свойствъ Поста:

. . . .

. . . .

---

[1]) Обѣ эти главы представляютъ шутовское описаніе внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ Поста, неудобныхъ для перевода и утомительныхъ для чтенія, въ родѣ напр: ногти у него были какъ штопоръ; ноги,—какъ гитара; пятка—какъ кистень; колѣни—какъ скамейка и т. д.. Это, такъ сказать, сплошные сапоги въ смятку на шести страницахъ. Шутка для современнаго читателя слишкомъ продолжительная.

Когда онъ плевалъ — появлялись корзины съ артишоками.

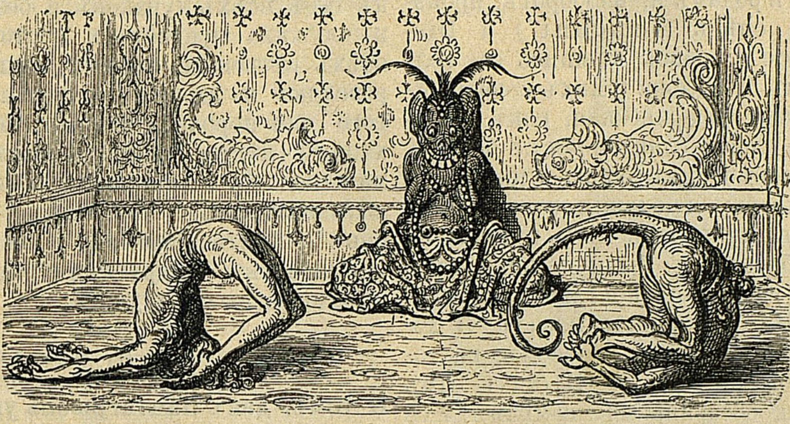
Когда онъ сморкался—появлялись соленые угри.

Когда онъ плакалъ — утки подъ луковымъ соусомъ.

Когда онъ дрожалъ — появлялись большіе паштеты изъ зайца.

Когда онъ потѣлъ — оказывалась треска на сливочномъ маслѣ.

Когда онъ рыгалъ — появлялись устрицы въ раковинахъ.



Къ гл. XXXI-й.

Когда онъ чихалъ—банки съ горчицей.

Когда онъ кашлялъ—ящики съ мармеладомъ.

Когда онъ рыдалъ—пучки крессъ-салата.

Когда зѣвалъ—горшки съ гороховой похлебкой.

Когда вздыхалъ—копченые языки.

Когда свисталъ — зеленыя обезьяны [1]).

Когда храпѣлъ—ящики съ сухими бобами.

Когда онъ ворчалъ—свиныя ножки на салѣ.

Когда говорилъ, то появлялся Овернскій камлотъ, но далеко не кармазинный шелкъ, изъ котораго Паризатисъ хотѣла, чтобы вытканы были слова тѣхъ, кто разговаривалъ съ ея сыномъ Киромъ, царемъ персидскимъ.

Когда онъ дулъ—появлялась кружка для индульгенцій.

Когда онъ мигалъ глазами—вафли и драчены.

Когда бранился—мартовскіе коты.

Когда качалъ головой — телѣжки, окованныя желѣзомъ [1]).

И вотъ что удивительнѣе: когда онъ работалъ, то ничего не дѣлалъ; когда же ничего не дѣлалъ, то работалъ. Смѣялся,—когда кусался; кусался—когда смѣялся. Ничего не ѣлъ. Жевалъ мысленно; пилъ въ воображеніи. Купался на колокольнѣ; сушился въ прудахъ и рѣкахъ. Ничего не боялся, кромѣ своей тѣни [2]).

— Вотъ молодецъ!—сказалъ братъ Жанъ. Онъ мнѣ нуженъ. Я такого давно ищу. Я пошлю ему вызовъ.

— Какое странное и чудовищное существо человѣческое, — замѣтилъ Пантагрюэль,—если его только можно назвать человѣкомъ. Вы напоминаете мнѣ форму и сущность Амодунта [3]) и Дискордансъ [4]).

— Какая была у нихъ форма? —

---

[1]) Причуды.

[1]) И т. д. все въ этомъ родѣ.

[2]) И т. д. все въ этомъ родѣ.

[3]) Amodunt имя собственное, составленное изъ латинскихъ a modo, sine modo.

[4]) Анекдотъ про Антифизику и ея сыновъ Amodunt и Discordance извлеченъ изъ мало извѣстнаго и не особенно древняго автора Calius Calcagninus.

спросилъ братъ Жанъ. Я о нихъ и не слыхивалъ, прости Господи.

— Я вамъ разскажу, — отвѣчалъ Пантагрюэль—то, что я прочиталъ о нихъ въ древнихъ басняхъ:

— Физика (природа) родила своихъ первенцевъ: Красоту и Гармонію безъ плотскаго совокупленія, будучи сама по себѣ плодоносной и плодовитой.

Антифизика, которая всегда враждуетъ съ природой, немедленно позавидовала такимъ прекраснымъ и почтеннымъ родамъ и, наоборотъ, произвела на свѣтъ Amadunt[1]) и Discordance[2]), совокупившись съ Теллюмономъ[3]). Голова у нихъ совершенно круглая, сферическая, какъ у шара, а не слегка сдавленная съ боковъ, какъ человѣческая голова. Уши вздернутыя кверху и большія, какъ у осла; глаза выпячивались изъ головы, не имѣли бровей и были крѣпки какъ глаза у рака; ноги круглыя какъ клубокъ; руки вывернуты назадъ. И ходили они постоянно колесомъ, на головѣ, ногами вверхъ. И (какъ вамъ извѣстно, обезьяньимъ самкамъ ихъ дѣтеныши, маленькія обезьянки, кажутся красивѣе всего въ мірѣ) Антифизика хвалила форму своихъ дѣтей и старалась доказать, что они красивѣе и привлекательнѣе дѣтей Физики, утверждая, что сферическая голова и ноги, равно какъ и походка колесомъ были самой совершенной формой и самой превосходной походкой, и въ нихъ отражается частица божества, въ силу того, что небеса и всѣ вѣчные предметы имѣютъ такую форму. Держаться ногами вверхъ, а головою внизъ значило подражать творцу вселенной, такъ какъ волосы у человѣка, все равно, что корни, а ноги — точно вѣтви. Деревьямъ же ловчѣе сидѣть въ землѣ, опираясь на свои корни, нежели было бы опираться на вѣтви. Этими доводами она старалась доказать, что ея дѣти красивѣе и пригоже дѣтей физики, какъ прямое дерево красивѣе дерева опрокинутаго, съ которымъ она сравнивала этихъ послѣднихъ. Что касается рукъ, то она доказывала, что гораздо разумнѣе, чтобы онѣ выворочены были назадъ, такъ какъ задняя часть тѣла болѣе нуждается въ оборонѣ, нежели передняя, вооруженная зубами, которыми человѣкъ можетъ не только жевать, безъ помощи рукъ, но и защищать себя отъ всего вредоноснаго. Такимъ образомъ, опираясь на свидѣтельство и поддержку дикихъ звѣрей, она привлекала къ себѣ всѣхъ дураковъ и безумцевъ и служила предметомъ восторга для всѣхъ вѣтреныхъ людей, лишенныхъ разсудка и здраваго смысла. Послѣ того она породила старыхъ олуховъ, ханжей - пустосвятовъ, пистолетныхъ маніаковъ[1]), демоніаковъ женевскихъ кальвинистовъ, бѣшеныхъ Пютербовъ[2]), притворщиковъ, лицемѣровъ, каннибаловъ и другихъ уродливыхъ и безобразныхъ чудищъ.

XXXIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль увидѣлъ чудовищнаго кита вблизи острова Угрюмаго.

Около полудня, приближаясь къ острову Угрюмый, Пантагрюэль издали увидѣлъ большого и чудовищнаго кита, который плылъ прямо на насъ, съ шумомъ, съ храпомъ, вздымаясь выше корабельныхъ мачтъ и испуская такой высокій столбъ воды изъ пасти, что казалось, какъ будто цѣлая рѣка падаетъ съ горы. Пантагрюэль указалъ на него штурману и Ксеноману. По совѣту штурмана, трубачи на адмиральскомъ кораблѣ протрубили сборъ всѣмъ кораблямъ. При этихъ звукахъ всѣ суда выстроились въ боевомъ порядкѣ, въ видѣ греческаго V, буквы Пиѳагора, какъ это можно наблюдать у журавлей, во время ихъ полета, то-есть острымъ угломъ. Конусомъ и ба-

---

[1]) Безмѣрный.

[2]) Разладъ, нестройность, дисгармонія.

[3]) Производительная сила земли.

---

[1]) Жители Пистойи, за то, что они образовали партіи гвельфовъ и гибеллиновъ въ 1300 г.

[2]) Пюи-Гербо (Пютербъ) монахъ въ Фонтевро, личный врагъ Раблэ, авторъ сочиненія, направленнаго противъ Рима.

зисомъ его былъ вышеупомянутый адмиральскій корабль, приготовившійся къ бою.

Братъ Жанъ, вмѣстѣ съ бомбардирами, храбро и рѣшительно сталъ на носу. Панургъ принялся кричать и стонать шибче прежняго:

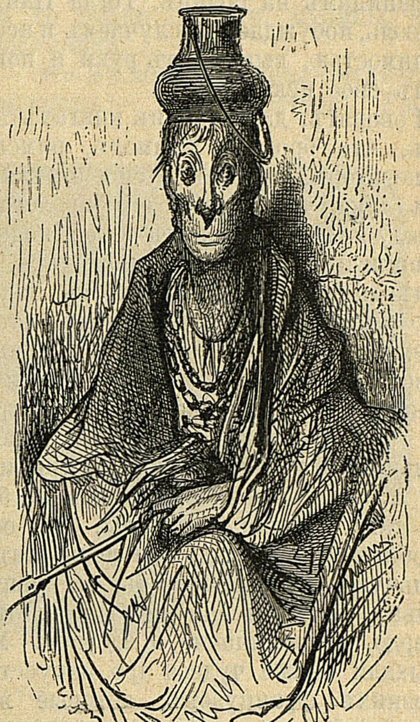
— Бабиль, ба, бу! — вопилъ онъ. Вотъ это горше прежняго. Бѣжимъ! Это, честью клянусь, Левіаѳанъ, описанный благороднымъ пророкомъ Моисеемъ въ жизни святого Іова. Онъ проглотитъ насъ всѣхъ, людей и корабли, какъ пилюли. Въ его широкой адской глоткѣ мы займемъ не болѣе мѣста, чѣмъ зернышко перца въ глоткѣ осла. Погляди-ка на него. Бѣжимъ, высадимся на землю! Я думаю, что это то самое морское чудовище, которое должно было во время оно пожрать Андромеду. Мы всѣ погибли. О, кабы здѣсь былъ какой-нибудь отважный Персей, чтобы истребить его.

— Онъ будетъ проткнутъ[1] мною, — отвѣчалъ Пантагрюэль, — не бойтесь.

— Вотъ мило! — сказалъ Панургъ. Устраните прежде всѣ причины къ страху. Когда же мнѣ, по-вашему, бояться, какъ не тогда, когда опасность очевидна?

— Если, — отвѣчалъ Пантагрюэль, — судьба ваша такова, какъ предсказывалъ намедни братъ Жанъ, то вамъ слѣдуетъ бояться огненныхъ коней солнца: Пирея, Геоса, Эѳона и Флегона, испускающихъ пламя изъ ноздрей; китовъ же, испускающихъ воду изъ пасти и ноздрей, вамъ нечего бояться. Вода ихъ вамъ не грозитъ погибелью. Эта стихія лучше всякой другой спасетъ васъ и сохранитъ отъ зла и обиды.

— Разсказывайте! — говорилъ Панургъ. Пики не козыри! Клянусь рыбкой! Развѣ я не объяснилъ вамъ превращеніе стихій и то, какъ легко перепутать жареное съ варенымъ и вареное съ жаренымъ? Увы! Вонъ онъ! Я пойду спрячусь. Намъ всѣмъ пришелъ конецъ. Я вижу, какъ злодѣйка Атропосъ готовится перерѣзать своими острыми ножницами нить нашей жизни. Берегись! Вотъ онъ. О, какъ ты ужасенъ и отвратителенъ! Сколькихъ ты потопилъ, которые этимъ не похвалятся! Боже, если бы еще онъ бросалъ вкусное, бѣлое, красное, ароматическое, чудесное вино, вмѣсто этой горькой, вонючей, соленой воды, то, куда ни шло, можно было бы и потерпѣть, какъ было съ тѣмъ англійскимъ лордомъ, котораго приговорили за его преступленія утопить въ бочкѣ съ мальвазіей. Вотъ онъ! Ого, го, чортъ, дьяволъ, левіаѳанъ! Видѣть тебя не могу, до такой степени ты ужасенъ и противенъ! Проваливай къ чорту! Проваливай къ ябедникамъ.



Къ гл. XXXII-й.

XXXIV.

О томъ, какъ Пантагрюэль сразилъ чудовищнаго кита.

Китъ, приблизившись къ кораблямъ, принялся поливать ихъ водой какъ изъ бочки. Можно было подумать, что они попали подъ водопадъ Нила въ Эѳіопіи. Стрѣлы, копья, мечи, дреколье летѣло въ кита со всѣхъ сторонъ. Братъ Жанъ не жалѣлъ трудовъ. Панургъ умиралъ со страху. Артиллерія гремѣла и палила въ него безпощадно и старалась подкузьмить его. Но толку было мало, потому что желѣзныя и мѣдныя ядра, проникая въ его шкуру, точно таяли, или такъ, по крайней мѣрѣ, казалось издалека, подобно черепицамъ на солнцѣ. Тогда Пантагрюэль, побуждаемый случаемъ и необходимостью, выпрямилъ руки и показалъ свое искусство.

---

[1] Здѣсь непередаваемая игра словами Persens и percer.

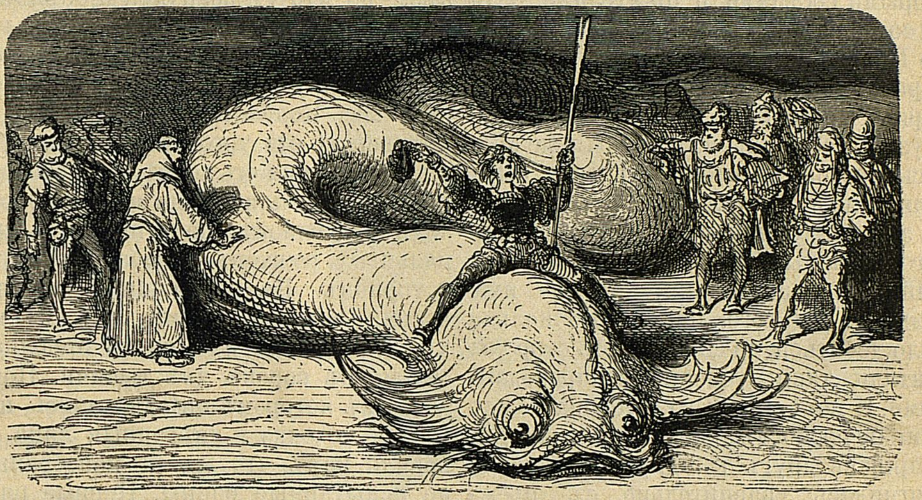
Говорятъ, да это и въ книгахъ стоитъ, что бродяга Коммодъ, римскій императоръ, такъ искусно стрѣлялъ изъ лука, что стрѣлы его пролетали между пальцевъ малыхъ дѣтей, поднимавшихъ руки вверхъ, нисколько не задѣвая ихъ. Разсказываютъ также про одного индійскаго стрѣлка, того времени, когда Александръ Великій завоевалъ Индію, который такъ изощрился въ стрѣльбѣ изъ лука, что стрѣлы его издалека пролетали сквозь кольцо, хотя были длиною въ три локтя, а желѣзные ихъ наконечники были такъ велики и тяжелы, что онъ пробивалъ ими стальные мечи, щиты, кольчуги,—короче сказать, все рѣшительно, какъ бы оно ни было плотно, твердо, непроницаемо и здорово. Мы слыхали также чудеса про искусство древнихъ французовъ, которые всѣ были отмѣнными стрѣлками и, охотясь за чернымъ и краснымъ звѣремъ, намазывали желѣзные наконечники своихъ стрѣлъ чемерицей, чтобы дичина была отъ того нѣжнѣе, вкуснѣе, здоровѣе и пріятнѣе, но при этомъ вырѣзывали то мѣсто, куда былъ раненъ звѣрь. Дивились мы также разсказамъ про парѳянъ, которые искуснѣе стрѣляли назадъ, нежели другіе народы впередъ. Прославляютъ и скиѳовъ за такое же искусство: отъ нихъ отправленъ былъ нѣкогда посолъ къ Дарію, царю персидскому, и поднесъ ему птицу, лягушку, мышь и пять стрѣлъ, ни слова не говоря. Спрошенный о томъ, что означаютъ такіе дары и что ему велѣно сказать о нихъ, отвѣчалъ, что ничего не велѣно. Дарій дивился и не зналъ, что ему думать, но одинъ изъ семи военачальниковъ, перебившихъ волхвовъ, по имени Гобріесъ, пояснилъ ему, говоря: «Этими дарами и приношеніями скиѳы молча говорятъ вамъ: «Если персы не летаютъ, какъ птицы, въ воздухѣ или, какъ мыши, не прячутся въ землѣ, или, какъ лягушки, не хоронятся на днѣ прудовъ и болотинъ, то они всѣ будутъ перебиты стрѣлами скиѳовъ.»

Благородный Пантагрюэль въ искусствѣ стрѣльбы и метанія дротика не имѣлъ себѣ равнаго, ибо своими страшными пиками и дротиками (похожими на толстые столбы, на которыхъ покоятся мосты въ Нантѣ, Сомюрѣ, Бержеракѣ и въ Парижѣ мосты Банковскій и Мельничный, по длинѣ, толщинѣ, тяжести и крѣпости) открывалъ устрицы на разстояніи тысячи шаговъ не задѣвая краевъ раковинъ, снималъ нагаръ со свѣчи не туша ее, выбивалъ глазъ сорокѣ, снималъ подошвы съ сапогъ не портя ихъ, поднималъ забрала, не ломая ихъ, перевертывалъ листы требника брата Жана одинъ за другимъ, не порывая ихъ. Тѣми копьями, которыхъ было много припасено на его кораблѣ, онъ сразу пробилъ лобъ киту и обѣ челюсти съ языкомъ насквозь, такъ что тотъ не могъ больше ни раскрывать пасти, ни метать воды. По второму разу, онъ пробилъ ему правый глазъ. По третьему—лѣвый глазъ. И вотъ, къ общей радости, всѣ увидѣли, какъ китъ съ тремя рогами во лбу вертѣлся съ боку на бокъ, шатался, какъ бы оглушенный, ослѣпленный и близкій къ смерти. Не довольствуясь этимъ, Пантагрюэль пустилъ ему еще копье въ хвостъ, затѣмъ еще три копья въ спину на равномъ разстояніи между хвостомъ и мордою. Наконецъ, пустилъ ему пятьдесятъ копій въ одинъ бокъ и пятьдесятъ въ другой, такъ что туловище кита стало похоже на киль трехмачтоваго судна. Зрѣлище весьма пріятное для глазъ. И вотъ умирающій китъ опрокинулся на спину, какъ это дѣлаютъ всѣ мертвыя рыбы; и въ такомъ видѣ, съ торчащимъ вверхъ брюхомъ съ копьями, опущенными къ морю, походилъ на сколопендру, змѣю стоногую, какую описалъ древній мудрецъ Никандръ.

XXXV.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ на островъ Угрюмый, древнее жилище Мясныхъ Колбасъ.

Гребцы фонарнаго корабля перетащили связаннаго кита на берегъ ближайшаго острова, называвшагося Угрюмымъ, чтобы разнять его на части и собрать почечный жиръ, который, говорили они, очень полезенъ и необходимъ для излѣченія одной болѣзни, именуемой ими безденежьемъ. Пантагрюэль не считалъ кита чѣмъ-то необыкновеннымъ, ибо видалъ подобныхъ ему, и даже еще огромнѣе, въ гальскомъ океанѣ. Однако согласился сойти на островъ Угрюмый, чтобы дать осушиться и отдохнуть своимъ людямъ, замоченнымъ и загрязненнымъ гадкимъ китомъ; они высадились въ маленькой пустынной гавани, на южной сторонѣ, на опушкѣ высокаго, красиваго, пріятнаго лѣса, изъ котораго вытекалъ прелестный ручеекъ съ прѣсной водой, чистый и серебристый. Тамъ, въ шатрахъ, помѣстили кухонные очаги, не жалѣя дровъ. Когда всѣ переодѣлись, какъ имъ было угодно, братъ Жанъ позвонилъ въ колоколъ. При звукахъ его разставили столы и поспѣшно накрыли ихъ.



Къ гл. XXXIV-й.

Пантагрюэль, весело обѣдая со своими людьми, замѣтилъ, какъ нѣсколько небольшихъ Мясныхъ Колбасъ молча взбирались на высокое дерево, росшее около буфета, и спросилъ у Ксеномана: «Что это за звѣрки?» воображая, что то бѣлки, хорьки, куницы или горностайки.

— Это Мясныя Колбасы,—отвѣчалъ Ксеноманъ, — мы на островѣ Угрюмый, про который я вамъ говорилъ сегодня утромъ, и которыя съ давнихъ поръ смертельно воюютъ съ Постомъ, ихъ давнишнимъ и злымъ врагомъ. По всей вѣроятности, онѣ испугались канонады, вызванной китомъ, и побоялись, какъ бы непріятель не захватилъ ихъ врасплохъ, какъ уже нѣсколько разъ пытался сдѣлать это, хотя и тщетно и съ малыми результатами, благодаря бдительности Мясныхъ Колбасъ; ихъ (какъ и Дидону, которая объясняла это спутникамъ Энея, желавшимъ высадиться въ гавани Карѳагена безъ ея вѣдома и позволенія) злоба ихъ врага и близость его владѣній вынуждали быть непрерывно на стражѣ.

— Богъ мой! Дружище, — сказалъ Пантагрюэль,—если придумаете какой-нибудь честный способъ положить конецъ этой войнѣ и примирить ихъ, то сообщите мнѣ. Я охотно займусь этимъ и не пожалѣю трудовъ и усилій, чтобы измѣнить такое положеніе дѣлъ и уладить споры и пререканія между ними.

— Въ настоящее время это невозможно,—отвѣчалъ Ксеноманъ. Года четыре тому назадъ, проѣзжая мимо этого острова и Скрытнаго, я задумалъ помирить ихъ или, по крайней мѣрѣ, добиться продолжительнаго перемирія: и они давно уже были бы добрыми сосѣдями и пріятелями, если бы согласились на уступки другъ другу. Но Постъ не захотѣлъ включить въ мирный договоръ Дикихъ Колбасъ и Горныхъ Сосисокъ, ихъ старинныхъ друзей и союзниковъ. Мясныя же колбасы требовали, чтобы крѣпость была сдана имъ безусловно, равно какъ и замокъ Саллуаръ, и чтобы изъ него изгнаны были смерды, вилланы, убійцы и разбойники, которые имъ владѣли. Ни того, ни другого нельзя было добиться, такъ какъ обѣ стороны считали такія условія несправедливыми. И вотъ никакого договора между ними не воспослѣдовало. Но все же ихъ непріязнь другъ къ другу нѣсколько смягчилась сравнительно съ прежнимъ. Но послѣ постановленія, сдѣланнаго на національномъ соборѣ въ Шезилѣ, который ихъ разгромилъ и опорочилъ и въ которомъ Постъ объявляется нечистымъ, оскверненнымъ и изгнанникомъ, въ томъ случаѣ, если онъ заключитъ съ ними союзъ или какое-нибудь соглашеніе,—онѣ страшно ожесточились, озлобились, такъ что ничего больше съ ними не подѣлаешь. Скорѣе вамъ удалось бы примирить между собою кошекъ и крысъ, собакъ и зайцевъ.

XXXVI.

О томъ, какъ Мясныя Колбасы устроили засаду Пантагрюэлю.

Говоря это, Ксеноманъ, а также и братъ Жанъ увидѣли въ гавани двадцать пять или тридцать молодыхъ стройныхъ Колбасъ, поспѣшно направлявшихся къ городу, цитадели, замку и дымовымъ трубамъ, и сказалъ Пантагрюэлю;

— Какъ бы тутъ не вышло какого недоразумѣнія! Эти почтенныя Колбасы могутъ, чего добраго, смѣшать васъ съ Постомъ, хотя вы на него ни крошечки не похожи. Перестанемъ же пировать и приготовимся къ отпору.

— Это будетъ весьма разсудительно, — замѣтилъ Ксеноманъ. Колбаса можетъ быть только колбасой и всегда двоедушна и предательница.

Тутъ Пантагрюэль всталъ изъ-за стола и пошелъ рекогносцировать лѣсъ; но вдругъ вернулся и объявилъ намъ, что открылъ налѣво засаду изъ жирныхъ Колбасъ, а направо цѣлый баталіонъ, другихъ толстыхъ и колоссальныхъ Колбасъ; онѣ находились въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ мы были, на небольшомъ холмѣ, и въ боевомъ порядкѣ торопливо шли на насъ, подъ звуки волынокъ, пастушьихъ и сигнальныхъ рожковъ, барабановъ, трубъ и горновъ. На основаніи семидесяти восьми знаменъ, насчитанныхъ имъ, мы опредѣлили ихъ число приблизительно въ сорокъ двѣ тысячи. Порядокъ, въ которомъ онѣ двигались, ихъ гордая походка и увѣренныя лица говорили намъ, что это не новобранцы, но испытанные воины. Первые ряды были съ ногъ до головы вооружены и держали въ рукахъ, насколько можно было судить на этомъ разстояніи, острыя, хорошо отточенныя пики; на обоихъ флангахъ ихъ подкрѣпляли толпы дикихъ Колбасъ, массивныхъ Пироговъ и конныхъ Сосисекъ; всѣ они были рослые островитяне, воинственные и свирѣпые.

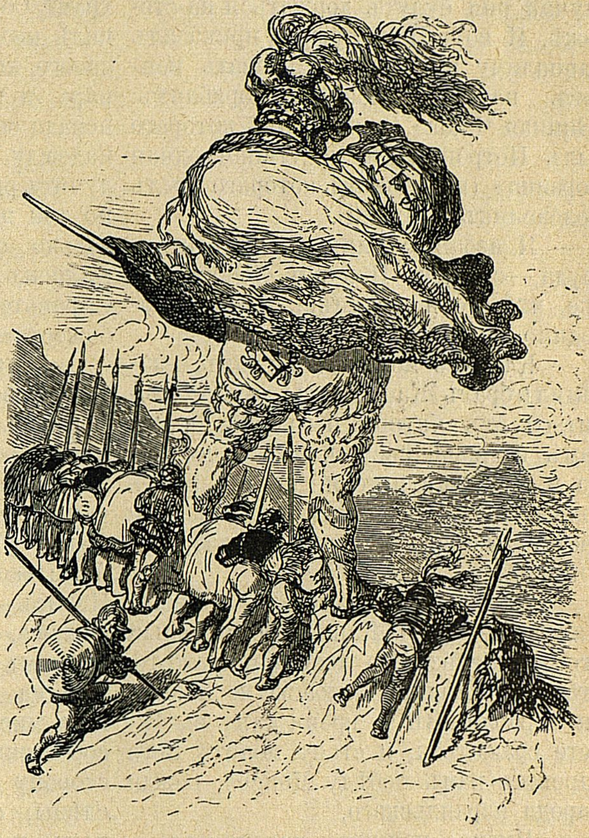
Пантагрюэль сильно встревожился, хотя Эпистемонъ и увѣрялъ его, что, можетъ быть, въ Колбасной Странѣ существуетъ обычай такимъ образомъ привѣтствовать чужеземныхъ друзей, встрѣчая ихъ съ оружіемъ, подобно тому, какъ встрѣчаютъ и привѣтствуютъ добрые города французскіе благородныхъ королей Франціи, при ихъ вступленіи послѣ коронованія и восшествія на престолъ.

— Быть можетъ,—говорилъ онъ,— это обыкновенный конвой мѣстной королевы, и предупрежденная молодыми сторожевыми Колбасками, которыхъ вы видѣли на деревѣ, о томъ, что въ гавань вошла такая прекрасная и величественная эскадра кораблей, какъ наши, она сочла, что прибылъ богатый и могущественный государь, и лично вышла къ вамъ на встрѣчу.

Но Пантагрюэль не удовлетворился такимъ объясненіемъ, и созвалъ военный совѣтъ, чтобы собрать мнѣнія своихъ спутниковъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять въ такомъ сомнительномъ и опасномъ случаѣ.

Въ короткихъ словахъ изложилъ онъ собранію, что такой способъ принимать гостей съ оружіемъ въ рукахъ, часто бываетъ лишь маской дружбы и привѣта, подъ которой скрываются убійство и измѣна.

— Такимъ образомъ— говорилъ онъ,—императоръ Антонинъ Каракалла избилъ однажды александрріійцевъ; въ другой разъ истребилъ свиту парѳянскаго царя Артабана, притворившись, что хочетъ жениться на дочери этого царя, — поступокъ, не оставшійся, однако, безъ наказанія, такъ какъ вскорѣ затѣмъ онъ самъ лишился жизни. Такъ сыны Іакова, чтобы отомстить за похищеніе своей сестры Дины, избили сихемитовъ. Такимъ же лицемѣрнымъ способомъ были умерщвлены римскимъ императоромъ Галіеномъ воины въ Константинополѣ. Точно такъ Антоній заманилъ подъ видомъ дружбы Артавода, царя армянскаго, а затѣмъ велѣлъ оковать его большими цѣпями и въ, концѣ концовъ, убить. Тысячу подобныхъ разсказовъ находимъ въ античныхъ лѣтописяхъ. И недаромъ доселѣ восхваляется осторожность французскаго короля Карла VI, который, возвращаясь въ свой добрый городъ Парижъ, послѣ побѣды надъ фламандцами и услышавъ въ городѣ Бурже, что парижане, вооружившись кистенями (mailletz, отчего и были прозваны Mailltoins) выступили изъ города въ боевомъ порядкѣ въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ,—не захотѣлъ въ него вступить, несмотря на ихъ увѣренія, что вооружились такимъ образомъ лишь за тѣмъ, чтобы встрѣтить его съ бо́льшимъ почетомъ, безъ всякаго злого умысла или намѣренія, и потребовалъ, чтобы они сначала разошлись по домамъ и сложили оружіе.



Къ гл. XXXVI-й.

XXXVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль послалъ за капитанами Потрошителемъ и Колбасникомъ, и о замѣчательной рѣчи насчетъ названій мѣстъ и лицъ.

Совѣтъ постановилъ, что на всякій случай они будутъ держаться на-сторожѣ. И вотъ Пантагрюэль приказалъ Карпалиму и Гимнасту позвать воиновъ, находившихся на корабляхъ: «Винная Чаша» (капитаномъ котораго былъ Потрошитель) и «Виноградная Корзина» (капитаномъ котораго былъ Колбасникъ младшій).

— Я избавлю Гимнаста отъ этого труда,—сказалъ Панургъ,—тѣмъ болѣе, что его присутствіе вамъ необходимо.

— Клянусь моимъ клобукомъ,—замѣтилъ братъ Жанъ,—ты хочешь уклониться отъ битвы, негодный, и къ намъ не вернешься, клянусь честью! Да и невелика потеря. Ты бы зналъ только плакать, вопить и кричать и обезкураживать бы нашихъ добрыхъ воиновъ.

— Я, конечно, вернусь,—отвѣчалъ Панургъ,—братъ Жанъ, мой духовный отецъ, мое все. Но только прикажите, чтобы эти гадкія Колбасы не лазили на корабли. Въ то время какъ вы будете сражаться, я стану молить Бога даровать вамъ побѣду Моисея, вождя народа израильскаго.

— Имена нашихъ капитановъ,—сказалъ Эпистемонъ,—Потрошитель и Колбасникъ, обѣщаютъ намъ побѣду въ битвѣ, если только Колбасы вздумаютъ на насъ напасть.

— Вы дѣльно говорите, — сказалъ Пантагрюэль,—и мнѣ нравится, что на основаніи именъ нашихъ капитановъ, вы предвидите и предсказываете намъ побѣду. Такія прорицанія на основаніи именъ—ведутся издавна. Во время óно ихъ придерживались и къ нимъ прибѣгали пиѳагорейцы. Многіе вельможи и литераторы съ успѣхомъ пользовались ими въ былое время. Октавій Августъ, второй императоръ римскій, встрѣтивъ однажды человѣка, по имени Евтихій, чтò означаетъ «счастливый», который велъ осла, называвшагося Никонъ, чтò по-гречески значитъ «побѣдитель», обрадованный смысломъ именъ, какъ поводыря, такъ и осла, вывелъ изъ этого заключеніе о благоденствіи, благополучіи и побѣдѣ. Веспасіанъ, тоже римскій императоръ, молился однажды въ храмѣ Сераписа въ одиночествѣ и при видѣ неожиданно прибывшаго слуги своего, котораго звали Василій, то-есть царь, и котораго онъ оставилъ далеко позади себя больнымъ, почувствовалъ надежду и даже увѣренность, что получитъ римскую имперію. Региліанъ 1), по той же самой причинѣ и въ силу только своего имени былъ провозглашенъ солдатами императоромъ. Справьтесь въ сочиненіи Кратилъ 2) божественнаго Платона.

— Клянусь своей жаждой, — сказалъ Ризотомъ,—я хочу его прочитать. Вы такъ часто на него ссылаетесь.

— Прочитайте, какъ пиѳагорейцы на основаніи именъ и чиселъ заключили, что Патроклъ долженъ былъ быть убитъ Гекторомъ, Гекторъ—Ахиллесомъ, Ахиллесъ — Парисомъ, Парисъ—Филоктетомъ. Я бываю пораженъ, когда размышляю о великолѣпномъ измышленіи Пиѳагора, который, на основаніи четнаго, и нечетнаго числа слоговъ въ каждомъ имени собственномъ, угадывалъ, на какую сторону хромаютъ люди, горбятся, слѣпы, страдаютъ подагрой, параличомъ и другими недугами, а именно: четное число указывало, что страдаетъ лѣвая, а нечетное—правая сторона.

— Въ самомъ дѣлѣ,—подтвердилъ Эпистемонъ,—я видѣлъ тому примѣръ на общей процессіи, происходившей въ Сентѣ, въ присутствіи добрѣйшаго, добродѣтельнѣйшаго, ученѣйшаго и справедливаго президента Бріена Валэ, господина Дуэ. Когда приходилъ кривой или кривая, горбатый или горбатая, ему называли ихъ имена. Если число было нечетно, онъ, не глядя на этихъ людей, объявлялъ, что они кривы, хромы, горбаты на правую сто-

---

1) Отъ rex.

2) Трактуетъ о значеніи именъ.

рону. Если же число было четное, то— на лѣвую. И такъ оно и было, безъ всякаго исключенія.

— Благодаря этому изобрѣтенію,— сказалъ Пантагрюэль,—ученые утверждали, что Ахиллесъ былъ раненъ колѣнопреклоненный стрѣлой Париса въ правую пятку, потому что имя его нечетное. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что древніе опускались на правое колѣно. Венера ранена была Діомедомъ при Троѣ въ лѣвую руку, потому что имя ея по-гречески состоитъ изъ четырехъ слоговъ 1). Вулканъ хромалъ на лѣвую ногу по той же причинѣ. Филиппъ, царь Македонскій, и Аннибалъ были кривы на правый глазъ. И мы могли бы также, на основаніи пиѳагорейскаго правила, опредѣлять мѣста ишіаса, грыжи и мигрени.

Но вернемся къ именамъ и замѣтимъ, что Александръ Великій, сынъ царя Филиппа, о которомъ мы говорили, только на основаніи истолкованія одного имени успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Онъ осаждалъ крѣпкій городъ Тиръ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и все напрасно. Его машины и земляные верки оказывались недѣйствительными. Все, что ему удавалось разрушить, исправлялось жителями Тира. Онъ уже помышлялъ о снятіи осады, не безъ великой грусти, ибо это могло нанести значительный ущербъ его репутаціи. Въ такомъ состояніи духа, уныломъ и сердитомъ, онъ уснулъ. И ему привидѣлось во снѣ, что въ его палаткѣ находится сатиръ, который пляшетъ и прыгаетъ на своихъ козьихъ ногахъ. Александръ хотѣлъ его поймать, но сатиръ ему не давался. Наконецъ, царь загналъ его въ уголъ и схватилъ. Тутъ онъ проснулся, и, разсказавъ свой сонъ философамъ и ученымъ своего двора, услышалъ отъ нихъ, что боги обѣщаютъ ему побѣду, и что Тиръ будетъ взятъ, потому, что слово «сатиръ», раздѣленное пополамъ, обозначаетъ: твой пиръ. И дѣйствительно при первомъ же приступѣ онъ взялъ городъ и подчинилъ непокорныхъ жителей своей власти. Напротивъ того, замѣтьте, что Полемей пришелъ въ отчаяніе отъ одного названія. Будучи разбитъ Цезаремъ въ битвѣ при Ѳарсалѣ, онъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. и прибылъ на островъ Кипръ. Около города Паѳоса увидѣлъ онъ на берегу моря великолѣпный и роскошный дворецъ. Спросивъ у лоцмана, какъ называется этотъ дворецъ, услышалъ отъ него, что онъ называется κακοβασιλέα, то есть «дурной царь». Это названіе такъ его испугало, что онъ пришелъ въ отчаяніе, заключивъ, что ему не только не удастся спастись бѣгствомъ, но что даже онъ скоро лишится жизни. И всѣ присутствовавшіе и матросы услышали его крики, вздохи и вопли. И дѣйствительно, немного времени спустя, неизвѣстный крестьянинъ, по имени Ахилла, отрубилъ ему голову. Между прочимъ, мы могли бы по этому поводу разсказать, что случилось съ Л. Павломъ Эмиліемъ, когда римскій сенатъ избралъ его императоромъ, то-есть предводителемъ арміи, которую онъ посылалъ противъ Персея, короля Македоніи. Въ тотъ же день, возвращаясь подъ вечеръ въ свой домъ и цѣлуя маленькую свою дочку Трацію, онъ замѣтилъ, что она очень печальна. «Что съ тобой, моя Трація? — спросилъ онъ. Отчего ты такъ грустна и сердита!» «Отецъ мой,—отвѣчала она,—Перса умерла». Такъ звала она любимую свою собачку. При этихъ словахъ Павелъ увѣрился въ своей побѣдѣ надъ Персеемъ. Если бы время позволило намъ заняться священной Библіей еврейской, то мы нашли бы сто мѣстъ, въ которыхъ очевидно доказывается, какое значеніе придавали ихъ обычаи и религія именамъ.

По окончаніи этой рѣчи, явились оба капитана въ сопровожденіи своихъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ и рѣшительныхъ. Пантагрюэль сказалъ имъ нѣсколько напутственныхъ словъ, что они должны быть мужественны въ бою, если только они будутъ вынуждены къ нему (ибо онъ все еще не могъ повѣрить, чтобы Колбасы были такъ вѣроломны), и, запретивъ имъ начинать атаку, отдалъ имъ паролемъ слово: Масляница.

---

1) Афродита.

XXXVIII.

О томъ, что Колбасы отнюдь не заслуживаютъ пренебреженія.

— Вы скалите зубы, гуляки, и не вѣрите, чтобы дѣло происходило такъ, какъ я вамъ разсказываю. Ну, это ваше дѣло. Хотите—вѣрьте, а не хотите—ступайте и поглядите сами. Все это происходило на островѣ Угрюмомъ. Я вамъ его называю. А вы припомните-ка древнихъ великановъ, предпринявшихъ взгромоздить гору Пеліонъ на Оссу и придавить Оссой тѣнистый Олимпъ, чтобы сразиться съ богами и вытѣснить ихъ съ неба. Вѣдь на это потребовалась сила недюжинная и необыкновенная. А вѣдь они были съ половины тѣла Колбасами или, чтобы не соврать, змѣями.

Змій, соблазнившій Еву, былъ колбасообразный, но несмотря на это, про него написано, что онъ былъ тоньше и хитрѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ. Таковы и Колбасы. Даже и по сіе время въ нѣкоторыхъ академіяхъ учатъ, что этотъ соблазнитель былъ Колбасой, зовущейся Итиѳалъ, въ которую превращенъ былъ во время оно добрякъ Пріапъ, великій соблазнитель женщинъ въ Парадизѣ—по-гречески, что по-французски значитъ «въ саду». Швейцарцы, въ настоящее время народъ смѣлый и воинственный. Кто знаетъ, не были ли они во время оно Колбасами? Я бы не поручился за это головой. Гимантоподы, народъ не послѣдній въ Эѳіопіи, по описанію Плинія,—суть Колбасы, и ничего болѣе. Если всѣ эти разсужденія васъ не убѣждаютъ, милостивые государи, то не угодно ли вамъ отправиться сейчасъ (я разумѣю, конечно, послѣ хорошей выпивки) въ Люзиньянъ Партенэ, Вуанъ, Мерванъ и Понзожъ въ Пуату. Тамъ вы найдете многихъ свидѣтелей, преклонныхъ возрастомъ, издавна почитаемыхъ и достойныхъ вѣры, которые поклянутся вамъ рукою святого Ригомѐ, что у Мелюзины, ихъ основательницы, тѣло было женское до ногъ, а затѣмъ имѣло форму колбасообразную. И, тѣмъ не менѣе, ея походка была красивая и живая, и ей до сихъ поръ подражаютъ бретонскіе плясуны, когда пляшутъ свой танецъ въ три па. По какой причинѣ Эрихтоній первый изобрѣлъ кареты, носилки и телѣги? По той самой, что Вулканъ произвелъ его на свѣтъ съ колбасообразными ногами, и чтобы скрыть это, онъ предпочиталъ носилки верховой ѣздѣ. Ибо и въ его время колбасы еще не пользовались доброй славой. Скиѳская нимфа Ора точно такъ же имѣли тѣло полуженщины и полуколбасы. Однако, она показалась Юпитеру такой прекрасной, что онъ раздѣлилъ съ нею ложе и имѣлъ отъ нея сына, по имени Колаксъ. Итакъ, перестаньте зубы скалить и повѣрьте, что истиннѣе Евангелія ничего нѣтъ.

XXXIX.

О томъ, какъ братъ Жанъ заключаетъ союзъ съ поварами, чтобы сразиться съ Колбасами.

Когда братъ Жанъ увидѣлъ, наступленіе разъяренныхъ Колбасъ, то сказалъ:

— Я вижу, что баталія будетъ знатная. Ого, какую славу и какія хвалы достанутся намъ на дѣлѣ, когда мы побѣдимъ! Я бы желалъ, чтобы вы оставались только зрителемъ на своемъ кораблѣ и предоставили мнѣ дѣйствовать съ моими людьми.

— Какими людьми?—спросилъ Пантагрюэль.

— Справьтесь въ требникѣ,—отвѣчалъ братъ Жанъ. Почему Пентефрій, начальникъ поваровъ на кухнѣ фараона, тотъ самый, который купилъ Іосифа и которому Іосифъ поставилъ бы рога, кабы захотѣлъ, былъ главнокомандующимъ всей кавалеріей въ Египтѣ? Почему Набузарданъ, главный поваръ царя Навуходоносора, былъ имъ избранъ передъ всѣми другими военачальниками, чтобы осадить и разрушить Іерусалимъ?

— Продолжай, — отвѣчалъ Пантагрюэль.

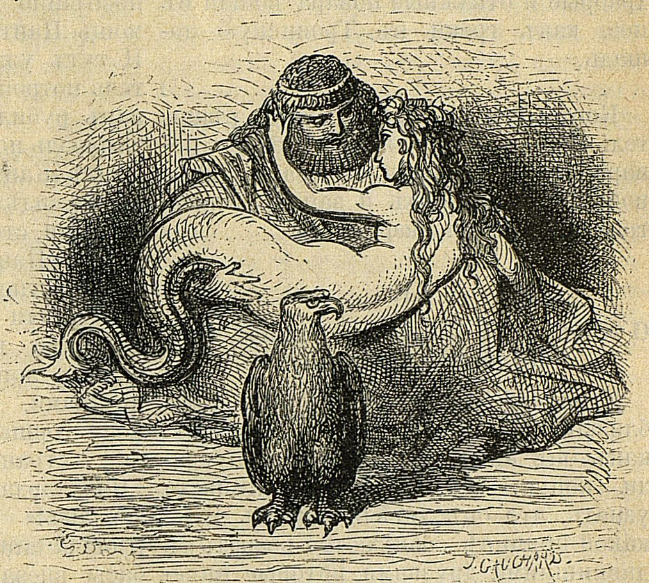
— Осмѣлюсь поклясться чѣмъ угодно,—сказалъ братъ Жанъ,—что они уже раньше сражались съ Колбасами или съ другими такими же ничтожными людишками, въ родѣ Колбасъ, которыхъ валять, побивать, колотить и потрошить гораздо приличнѣе поварамъ, нежели всѣмъ жандармамъ, рейтерамъ, солдатамъ и пѣхотинцамъ въ мірѣ.

— Вы обновляете въ моей памяти,— сказалъ Пантагрюэль,—то, что записано изъ шутливыхъ и забавныхъ отвѣтовъ Цицерона. Во время междоусобной войны, происходившей въ Римѣ между Цезаремъ и Помпеемъ, онъ склонялся скорѣе на сторону послѣдняго, несмотря на то, что Цезарь очень ласкалъ и ухаживалъ за нимъ. Однажды, услышавъ, что приверженцы Помпея понесли въ одной стычкѣ большой уронъ въ людяхъ, онъ захотѣлъ посѣтить ихъ лагерь. И увидѣлъ въ этомъ лагерѣ мало силы, мало мужества и много безпорядка. И вотъ, предвидя ихъ гибель, что̀ и случилось впослѣдствіи, принялся шутить и насмѣхаться надъ одними, другихъ же подзадаривать ѣдкими и рѣзкими выходками, на какія былъ такой мастеръ. Нѣкоторые изъ военачальниковъ, сидѣвшіе за трапезой, какъ люди увѣренные въ себѣ и рѣшительные, говорили ему: «Посмотрите-ка, сколько у насъ осталось орловъ?» Таковъ былъ значокъ у римлянъ въ военное время. «Это, — отвѣчалъ Цицеронъ,— было бы хорошо и кстати, если бы вы воевали съ сороками.» Итакъ, въ виду того, что намъ приходится сражаться съ Колбасами, вы заключаете, что это кулинарная битва, и хотите соединиться съ поварами. Дѣлайте, какъ знаете, я останусь здѣсь и буду ждать конца этой затѣи.

Братъ Жанъ тотчасъ же отправился въ шатры, гдѣ помѣщались кухни, и весело и любезно сказалъ поварамъ:

— Дѣти, я хочу покрыть васъ неувядаемой славой! Вы совершите такіе военные подвиги, о которыхъ еще и не слыхивали. Брюхо на брюхѣ! Неужели же герои кухни ничего не значатъ? Пойдемъ сражаться съ негодницами Колбасами. Я буду вашимъ капитаномъ. Выпьемъ, друзья! Смѣлымъ Богъ владѣетъ!

— Капитанъ,—отвѣчали повара,— ваши рѣчи пріятно слышать. Мы къ вашимъ услугамъ. Подъ вашей командой хотимъ жить и умереть.



Къ гл. XXXVIII-й.

— Жить согласенъ, —сказалъ братъ Жанъ,—умирать же—нѣтъ. Пусть умираютъ Колбасы. Итакъ выстроимся въ боевомъ порядкѣ. Паролемъ для васъ будетъ Набузарданъ.

XL.

О томъ, какъ братъ Жанъ построилъ свинью и заперъ въ нее храбрыхъ поваровъ.

И вотъ, по приказу брата Жана, господа инженеры построили большую свинью, которая находилась на одномъ изъ кораблей. То была удивительная военная машина, устроенная такимъ образомъ, что метала по очереди каменными ядрами и стальными большими стрѣлами, а внутри ея свободно помѣщались и могли сражаться подъ прикрытіемъ двѣсти слишкомъ человѣкъ. Она была построена по образцу Ларіольской свиньи, благодаря которой въ царствованіе во Франціи юнаго короля Карла VI былъ отбитъ у англичамъ Бержеракъ. Затѣмъ храбрые и отважные повара вошли въ нее, какъ греки въ Троянскую лошадь.

. . . . 1)

Когда благородные, храбрые, рѣшительные и готовые идти въ битву повара вошли въ свинью, братъ Жанъ вошелъ послѣднимъ и заперъ извнутри пружинныя двери.

XLI.

О томъ, какъ Пантагрюэль подсѣкъ Колбасамъ колѣни.

Наконецъ Колбасы подошли такъ близко, что Пантагрюэль увидѣлъ, какъ онѣ выпрямляли руки и опускали копья. Онъ послалъ Гимнаста узнать, что онѣ хотѣли сказать и по какой причинѣ собираются воевать съ давнишними друзьями, которые ничего худого имъ не сдѣлали и не сказали. Гимнастъ отвѣсилъ глубокій поклонъ первымъ рядамъ и вскричалъ такъ громко, какъ только могъ: «Мы всѣ, всѣ, всѣ ваши покоренные слуги. Мы за-одно съ Масляницей, вашимъ давнишнимъ союзникомъ.» Нѣкоторые говорили мнѣ позднѣе, что онъ сказалъ не «Масляница», а «Заговѣнье.» Но какъ бы то ни было, а при этомъ словѣ толстая и жирная Сервелатная Колбаса, стоявшая передъ фронтомъ своего баталіона, хотѣла схватить его за горло.

— Ей-богу, — сказалъ Гимнастъ,— ты пройдешь туда только по частямъ, а цѣлой тебѣ не пролѣзть,—и схвативъ свою шпагу обѣими руками, перерубилъ Колбасу на двѣ части. Великій Боже, да какъ же она была жирна! Она напоминала мнѣ большого Бернскаго быка, который былъ убитъ при Мариньянѣ, когда швейцарцы были разбиты. Повѣрите, у него было слишкомъ четыре пальца жира на брюхѣ.

Когда Сервелатная Колбаса погибла, Мясныя Колбасы набросились на Гимнаста и здорово помяли его, но тутъ поспѣшно прибылъ къ нему на помощь Пантагрюэль съ своими людьми. И тутъ уже пошла потѣха. Потрошитель потрошилъ Мясныя Колбасы. Поваръ рубилъ Кровяныя Колбасы. Пантагрюэль подсѣкалъ колѣни у Колбасъ. Братъ Жанъ притаился внутри свиньи, но все видѣлъ и созерцалъ, какъ вдругъ Сосиски, стоявшія въ засадѣ, набросились на Пантагрюэля. Увидя это, братъ Жанъ отперъ двери свиньи и вышелъ со своими добрыми воинами, вооруженными кто вертеломъ, кто сковородой, лопаткой, кухонной ложкой, щипцами, крючками, половой щеткой, горшками, ступками и пр. Всѣ они страшно кричали и вопили: «Набузарданъ! Набузарданъ! Набузарданъ!» При этихъ крикахъ произошла паника между Сосисками. Колбасы внезапно увидѣли это подкрѣпленіе и обратились въ бѣгство, точно за ними по пятамъ гнался самъ дьяволъ. Братъ Жанъ побивалъ ихъ, какъ мухъ; воины его ихъ тоже не щадили. Жалость было глядѣть. Все поле битвы покрыто было Колбасами мертвыми или ранеными. И молва гласитъ, что если бы Богъ не сжалился, то все колбасное отродіе было бы въ концѣ истреблено рыцарями кухни. Но случилась необыкновенная вещь. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ.

Съ сѣвера прилетѣлъ большой жирный, толстый, сѣрый кабанъ на длинныхъ и широкихъ крыльяхъ, въ родѣ мельничныхъ. Шерсть у него была ярко-красная, какъ у фламинго; глаза красные и сверкающіе, какъ карбункулъ; уши зеленыя, какъ изумрудъ; зубы желтые, какъ топазъ; хвостъ длинный и черный, какъ лукулловскій мраморъ; ноги бѣлыя, прозрач-

---

1) Тутъ слѣдуетъ перечень нелѣпыхъ словъ, какими любитъ сыпать Раблэ, подъ предлогомъ, что это имена поваровъ, которые вошли въ свинью.

ныя, какъ брилліантъ, и лапчатыя, какъ у гуся или какъ были во время оно въ Тулузѣ ноги у королевы Педоки 1). У него вокругъ горла былъ золотой ошейникъ съ іонической надписью, въ которой я могъ прочитать только два слова ὑς Αθηνῆς, чтò означаетъ: кабанъ Минервы. Погода была прекрасная и ясная. Но по прибытіи этого чудовища раздался такой сильный громъ съ лѣвой стороны, что мы всѣ удивились. Колбасы тотчасъ же, при видѣ его, побросали оружіе и палки на землю и, ставъ на колѣни, молча подняли вверхъ руки, точно молились ему. Братъ Жанъ со своими людьми продолжалъ бить Колбасы и сажать ихъ на вертела. Но по приказу Пантагрюэля пробили отбой, и битва прекратилась. Чудовище нѣсколько разъ пролетѣло между обѣими арміями, сбросило на землю больше двадцати семи бочекъ съ горчицей, затѣмъ исчезло въ воздухѣ, непрерывно крича: «Масляница, Масляница, Масляница!»

XLII.

О томъ, какъ Пантагрюэль велъ переговоры съ Ниѳлезеѳъ, колбасной королевой.

Чудовище исчезло, и обѣ арміи безмолвствовали, и тутъ Пантагрюэль пожелалъ войти въ переговоры съ Ниѳлезеѳъ,—такъ звали колбасную королеву, которая сидѣла въ своей каретѣ около знаменъ. Она охотно на это согласилась. Королева вышла изъ кареты и любезно поклонилась Пантагрюэлю и сказала, что рада его видѣть. Пантагрюэль пожаловался на военныя дѣйствія. Она вѣжливо извинилась передъ нимъ, ссылаясь на то, что была введена въ заблужденіе невѣрными донесеніями: ея шпіоны сообщили ей, что Постъ, ея давнишній непріятель, высадился на берегъ и проводилъ время, созерцая урину китовъ. Она попросила его простить имъ эту вину, ссылаясь на то, что въ Колбасахъ скорѣе найдешь калъ, нежели желчь. И увѣряла, что она сама и всѣ послѣдующія за ней Ниѳлесеты будутъ считать себя и свой островъ подчиненными ему и его преемникамъ; будутъ во всемъ и повсюду повиноваться его велѣніямъ; будутъ друзьями его друзей и врагами его враговъ, и ежегодно, въ подтвержденіе этихъ вассальныхъ отношеній, будутъ посылать семьдесятъ восемь тысячъ Царскихъ Мясныхъ Колбасъ для закуски передъ обѣдомъ на цѣлыхъ полгода.

Такъ она и сдѣлала и на другой же день отправила доброму Гаргантюа шесть кораблей съ вышеназваннымъ числомъ Царскихъ Колбасъ, подъ предводительствомъ юной Ниѳлесеты, инфанты острова. Благородный Гаргантюа подарилъ и отослалъ ихъ великому королю Парижа. Но отъ перемѣны воздуха, а также по недостатку горчицы, естественнаго цѣлебнаго бальзама для Колбасъ, онѣ всѣ почти умерли. По приказу короля, ихъ схоронили кучей въ одномъ мѣстѣ Парижа, которое доселѣ называется Колбасной улицей. По просьбѣ придворныхъ дамъ, молодую Ниѳлесету спасли и обошлись съ него съ почетомъ. Съ тѣхъ поръ она вышла замужъ счастливо и богато и родила нѣсколько красивыхъ дѣтей, благодареніе Богу.

Пантагрюэль ласково поблагодарилъ королеву, простилъ всѣ вины, отвергъ, сдѣланное ею предложеніе и подарилъ ей хорошенькій перламутровый ножичекъ. Затѣмъ съ любопытствомъ разспрашивалъ ее о появленіи вышеописаннаго чудовища. Она отвѣчала, что это олицетвореніе Масляницы—бога-покровителя ихъ во время войны и перваго основателя и родоначальника всего Колбаснаго племени. Похожъ же онъ на кабана отъ того, что Колбасы дѣлаются изъ свиного мяса. Пантагрюэль спрашивалъ, по какому поводу и ради какихъ цѣлебныхъ цѣлей сбросилъ онъ столько горчицы на землю. Королева отвѣчала, что горчица была

---

1) Преданіе сохранило въ Тулузѣ память о болѣе или менѣе фантастической королевѣ regina pedanca—королева съ гусиными ногами.

Во аногихъ городахъ на югѣ Франціи существуютъ паматники и статуи этой королевы.

для нихъ Граалемъ и небеснымъ бальзамомъ, и что раненыя Колбасы отъ нея исцѣлялись, а мертвыя воскресали.

Больше Пантагрюэль не разговаривалъ съ королевой и, вмѣстѣ со своими спутниками, удалился на корабль, куда перенесли также все оружіе и свинью.

XLIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ на островъ Рюахъ [1]).

Два дня спустя прибыли на островъ Рюахъ и, божусь вамъ Плеядами, я нашелъ жизнь и состояніе его населенія болѣе, нежели страннымъ. Они живутъ однимъ вѣтромъ: ничего не пьютъ, не ѣдятъ, питаются только вѣтромъ. Домами имъ служатъ флюгера. Въ садахъ у себя они сѣютъ только трехъ сортовъ вѣтреницы (анемоны); руту и другія вѣтрогонныя травы они тщательно выпалываютъ. Простой народъ въ пищу употребляетъ опахала изъ перьевъ, бумаги, полотна, смотря по средствамъ. Богатые живутъ вѣтряными мельницами. Когда они задаютъ пиръ или банкетъ, то столы ставятъ подъ одну или двѣ вѣтряныхъ мельницы. Тамъ они и угощаются, какъ на свадьбѣ. И во время обѣда спорятъ о добротѣ, превосходствѣ, здоровости и рѣдкости вѣтровъ, подобно тому какъ вы, пьяницы, разсуждаете на пирахъ о качествахъ вина. Одинъ хвалитъ сирокко, другой юго-западный вѣтеръ, третій—юго-восточный, бизу, зефиръ, западный и кто—какой. Кто хвалилъ вѣтеръ рубашки, пріятный для волокитъ и влюбленныхъ. Больныхъ лечатъ сквознымъ вѣтромъ, подобно тому какъ въ нашихъ краяхъ ихъ лечатъ нарывнымъ пластыремъ. «О! (говорилъ мнѣ одинъ распухшій человѣчекъ), если бы мнѣ доставили пузырь съ добрымъ вѣтромъ Лангедока, который называется Circius» [2]). Благородный Скарронъ [3]), медикъ, проходя однажды по здѣшней мѣстности, разсказывалъ намъ, что этотъ вѣтеръ такъ силенъ, что опрокидываетъ нагруженныя телѣги. О, какую пользу принесъ бы онъ моимъ распухшимъ ногамъ! Такая толщина не изъ полезныхъ.

— Ну, а что вы скажете,—замѣтилъ Панургъ,—про толстую бочку добраго Лангедокскаго вина, которое растетъ въ Мирво, Кантпердри и Фронтиньянѣ?

Я увидѣлъ человѣка, на видъ очень приличнаго и походившаго на раздутые мѣхи, который сильно гнѣвался на своего толстаго верзилу лакея и маленькаго пажа и билъ ихъ изо всей мочи сапогомъ. Не зная причины его гнѣва, я думалъ, что онъ дерется по совѣту врачей, находившихъ здоровымъ, чтобы разсердившійся господинъ дрался, а лакей былъ побитъ. Но я услышалъ, какъ онъ упрекалъ лакея за то, что онъ выпустилъ полмѣха зюдъ-веста, который онъ бережно хранилъ, какъ рѣдкую пищу для зимы. На этомъ островѣ не мараются, не мочатся, не плюютъ. Зато здо́рово испускаютъ вѣтры. Они страдаютъ отъ всякаго рода болѣзней. Вѣдь не даромъ говоритъ Гиппократъ Lib. de flatibus, что каждая болѣзнь начинается и происходитъ отъ вѣтровъ. Но самой распространенной являются колики отъ вѣтровъ. Чтобы помочь бѣдѣ, прибѣгаютъ къ обильнымъ пріемамъ вѣтрогонныхъ средствъ. Они всѣ умираютъ отъ вздутія живота. И душа выходитъ изъ нихъ задомъ.

Послѣ того, гуляя по острову, мы встрѣтили троихъ распухшихъ толстяковъ; они шли смотрѣть на полетъ ржанокъ [1]), которыя водятся во множествѣ на островѣ и сидятъ на той же діэтѣ. Я замѣтилъ, что подобно тому, какъ вы, пьяницы, отправляясь въ путь, берете съ собой флаконы, фляжки и бутылки, такъ и тутъ каждый несъ на кушакѣ хорошенькіе мѣхи. Если, паче чаянія, имъ нуженъ былъ вѣтеръ, они производили его посредствомъ мѣховъ, такъ какъ вамъ извѣстно, что вѣтеръ, въ сущности, есть не что иное, какъ движеніе воздуха.

---

[1]) Ruach—вѣтеръ или духъ по-эврейски. Прим. самого Раблэ.

[2]) Вестъ-нордъ-вестъ, которому императоръ Августъ выстроилъ храмъ, какъ воздухоочистителю.

[3]) Собратъ Раблэ въ Монпелье.

[1]) Про этихъ птицъ сложилась легенда, что онѣ живутъ вѣтромъ.

Въ эту минуту ихъ король прислалъ намъ сказать, чтобы въ продолженіе трехъ часовъ мы не пускали къ себѣ на корабли ни одного туземнаго мужчины или женщины, потому что у него украли сосудъ, полный того самаго вѣтра, какой Улиссу во время оно подарилъ Эолъ, чтобы тотъ могъ приводить въ движеніе свой корабль и во время затишья. Корабль хранилъ его бережно, какъ новый Грааль, и излечивалъ помощью его многія опасныя болѣзни, выпуская его ровно столько, сколько нужно, чтобы произвести звукъ, который монашенки называютъ «звонъ».

XLIV.

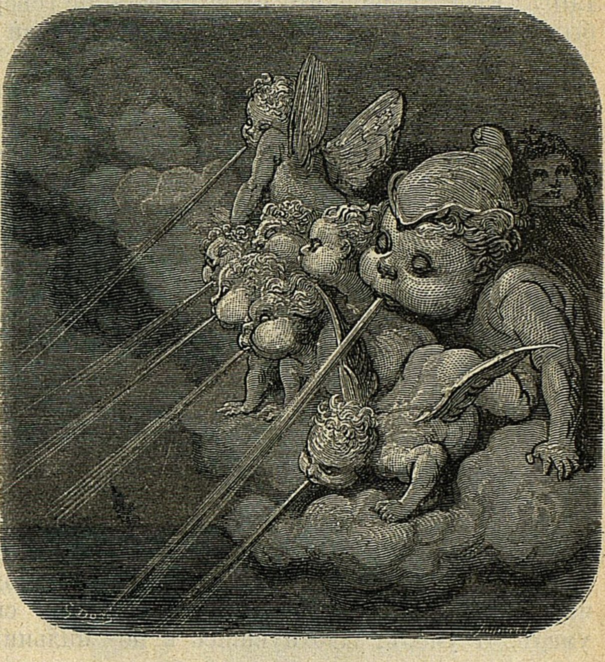
О томъ, какъ малый дождь прекращаетъ большой вѣтеръ.

Пантагрюэль хвалилъ ихъ манеры и образъ жизни и сказалъ ихъ старшинѣ:

— Если вы согласны съ мнѣніемъ Эпикура, говорившаго, что высшее благо заключается въ наслажденіи, —наслажденіи, понятно, легко, а не трудно достижимомъ, то вы счастливы. Ибо пищей вамъ служитъ вѣтеръ, а онъ стоитъ дешево и даже почти ничего не стоитъ: стоитъ только дуть.

— Вѣрно, — отвѣчалъ старшина, — но въ здѣшней земной юдоли никакое счастье не бываетъ полно. Часто, когда мы сидимъ за столомъ, питаясь добрымъ, сильнымъ, Божіимъ вѣтромъ, какъ манной небесной, вдругъ пойдетъ мелкій дождь и прекратитъ большой вѣтеръ. Такимъ образомъ, многіе обѣды пропадаютъ по недостатку припасовъ. Но этого мало, —продолжалъ старшина, —у насъ ежегодно бываетъ бѣда болѣе крупная и ощутительная. Великанъ, по имени Бренгнариль, живущій на островѣ Сумятица, ежегодно, по совѣту врачей, переселяется сюда, чтобы очистить желудокъ слабительнымъ, и глотаетъ, какъ, пилюли, наши вѣтряныя мельницы, а также и мѣхи, до которыхъ большой охотникъ. И этимъ доводитъ насъ до такой нищеты, что мы обязаны бываемъ поститься три или четыре раза въ годъ безъ всякихъ церковныхъ предписаній.

— И вы не знаете, какъ помочь бѣдѣ?—спросилъ Пантагрюэль.



Къ гл. XLIII-й.

— По совѣту нашихъ ученыхъ мезаримовъ[1], мы напустили къ тому времени, какъ онъ сюда пріѣзжаетъ, пропасть пѣтуховъ и куръ. Въ первый же разъ, какъ онъ проглотилъ ихъ, онъ чуть не умеръ. Они пѣли у него въ животѣ и летали по желудку, отъ чего онъ падалъ въ обмороки и съ нимъ дѣлались опасныя и страшныя конвульсіи, точно змѣя вползла къ нему черезъ ротъ въ желудокъ.

— Вотъ сравненіе невѣрное и не

---

[1] Отъ греч. mesarion.

идущее къ дѣлу,—сказалъ братъ Жакъ. Я слыхалъ во время оно, что если змѣя вползетъ въ желудокъ, то это не причиняетъ нисколько вреда, и стоитъ только повѣсить за ноги паціента и подставить къ его рту чашку съ горячимъ молокомъ и змѣя выползетъ обратно.

— Вы такъ слышали, — сказалъ Пантагрюэль,—отъ людей, которые даже это слышали отъ другихъ. Но видѣть этого никто не видѣлъ. Такого леченія не существуетъ. Гиппократъ, Lib 5. Epid. пишетъ, что въ его время былъ такой случай, и паціентъ умеръ отъ спазмъ и конвульсій.

— Кромѣ того,—продолжалъ старшина,—всѣ лисицы края забрались къ нему въ пасть, преслѣдуя птицу, и онъ каждую минуту готовился умереть, но, по совѣту шутника чародѣя, въ сильнѣйшихъ пароксизмахъ обдирая лисицу въ видѣ противоядія. Послѣ того ему дали еще лучшій совѣтъ и указали на болѣе дѣйствительное средство, а именно: поставить клистиръ изъ хлѣбныхъ зеренъ и проса, на которые сбѣгались куры, вмѣстѣ съ цыплятами, а за ними въ догонку и лисицы. Онъ принималъ также пилюли изъ борзыхъ и гончихъ собахъ. Вотъ въ чемъ наша бѣда.

— Успокойтесь, добрые люди,—сказалъ Пантагрюэль. Великанъ Бренгнариль, глотавшій вѣтряныя мельницы, умеръ. И умеръ, задохнувшись и подавившись кускомъ свѣжаго масла, который собирался проглотить передъ натопленной печкой, по совѣту врачей,

XLV.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ на островъ Папафиговъ [1].

На другое утро мы увидѣли островъ Папафиговъ, которые когда-то были богаты и свободны, и ихъ звали Молодчиками, но въ настоящее время они были бѣдны, несчастны и подчинены папиманамъ [2]. Дѣло было такъ. Однажды, во время ежегоднаго праздника Жезловъ, бургомистръ, синдикъ и великій раввинъ Молодчиковъ отправились на сосѣдній островъ Папимановъ провести время и поглядѣть на праздникъ. Одинъ изъ нихъ, увидя портретъ папы (который, въ силу похвальнаго обычая, выставляли на показъ публикѣ во время праздника жезловъ), показалъ ему кукишъ, что въ той мѣстности считается знакомъ пренебреженія и осмѣянія. Въ отместку, папиманы, нѣсколько дней спустя, не говоря ни слова, всѣ вооружились, напали врасплохъ, опустошили и разорили весь островъ Молодчиковъ и изрубили всѣхъ бородатыхъ мужчинъ. Женщинъ и юношей пощадили на томъ самомъ условіи, на какомъ Фридрихъ Барбаросса пощадилъ жизнь миланцевъ [1]).

Съ того времени эти бѣдные люди не знали больше благоденствія. Ежегодно на нихъ обрушивались градъ, ураганъ, чума, голодъ и всякія бѣды, въ наказаніе за грѣхъ ихъ предковъ и родителей.

Видя нищету и горе этого народа, мы рѣшили не идти дальше. Но вошли въ небольшую часовню около гавани, разоренную, неубранную и непокрытую, какъ въ Римѣ соборъ св. Петра. Мы хотѣли помолиться и взять святой воды. Но войдя въ часовню и беря святую воду, увидѣли въ кропильницѣ человѣка въ эпитрахили, погруженнаго въ воду, точно утка, и только выставившаго наружу носъ, чтобы дышать. Вокругъ него стояли три патера, бритые и съ тонзурой, читали заклинанія и изгоняли бѣсовъ. Пантагрюэлю показалось это страннымъ и онъ спросилъ, что это за комедію они разыгрываютъ. Ему отвѣчали, что въ послѣдніе три года на островѣ царствовала такая сильная моровая язва, что половина края и даже болѣе того обратилась въ пустыню и земли пустовали. Когда моровая язва прошла, человѣкъ, укрытый въ кропильницѣ, пахалъ большое и плодородное поле и сѣялъ полбу, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день и часъ чертенокъ (не умѣвшій еще ни гремѣть, ни побивать градомъ, развѣ только какую-нибудь петрушку или капусту, да вдобавокъ безграмотный) получилъ отъ Люцифера позволеніе отправиться на островъ Папафиговъ для прогулки и развлеченія, такъ какъ черти были на дружеской ногѣ съ мужчинами и женщинами этого острова и часто проводили тамъ время.

---

[1]) Papefigues—показывающіе папѣ кукишъ, протестанты.

[3]) Приверженцы папы.

[1]) Анекдотъ о томъ, на какомъ условіи Фридрихъ Барборосса пощадилъ жизнь миланцевъ, слишкомъ неприличенъ для перевода.

Прибывъ на мѣсто, чертенокъ обратился къ землепашцу и спросилъ его, что̀ онъ дѣлаетъ. Бѣдняга отвѣчалъ ему, что засѣваетъ поле полбой, чтобы имѣть чѣмъ кормиться на будущій годъ.

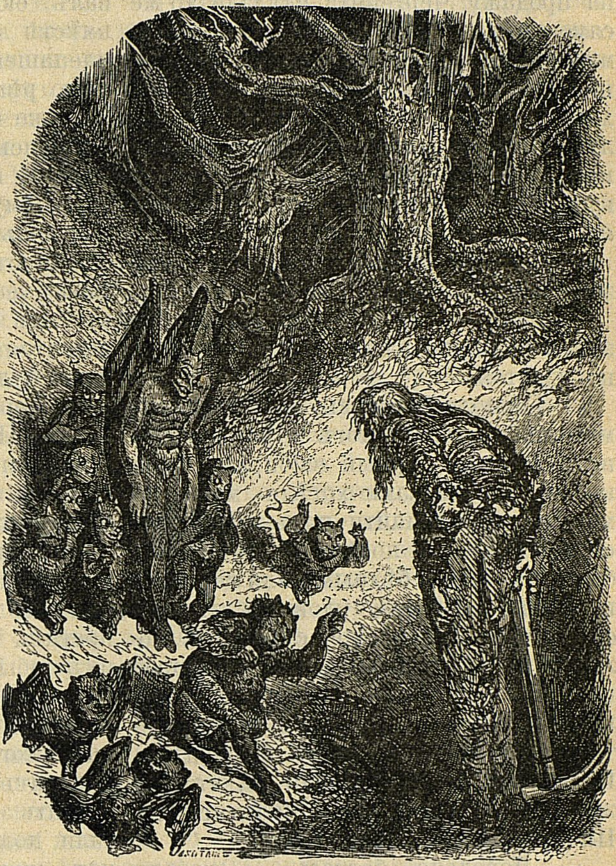
— Прекрасно, — сказалъ чортъ,—но вѣдь поле-то не твое: оно и принаджитъ мнѣ. Вѣдь съ того дня и часа, какъ вы показали кукишъ папѣ, весь край отданъ и присужденъ намъ. Но какъ бы то ни было, а сѣять хлѣбъ не мое дѣло. Поэтому я предоставляю тебѣ поле, но только съ тѣмъ условіемъ, что жатву мы раздѣлимъ пополамъ.

— Охотно, — отвѣчалъ землепашецъ.

— Я думаю такъ,—сказалъ чортъ,—что мы раздѣлимъ жатву на двѣ части. Одинъ возьметъ то, что вырастетъ, другой—то, что будетъ подъ землею. Выборъ принадлежитъ мнѣ, потому что я чортъ благороднаго и древняго происхожденія, а ты—смердъ. Я выбираю то, что будетъ въ землѣ, а тебѣ достанется то, что вырастетъ на землѣ. Когда наступитъ жатва?

— Въ іюлѣ мѣсяцѣ,—отвѣчалъ землепашецъ.

— Я непремѣнно явлюсь,—сказалъ чортъ. Поступай, какъ должно. Трудись, смердъ, трудись, а я пойду соблазнять на веселый, блудный грѣхъ монашенокъ, ханжей и лицемѣровъ. Я не сомнѣваюсь въ ихъ согласіи. При свиданіи поборемся.



Къ гл. XLVI-й.

XLVI.

О томъ, какъ чертенокъ былъ обманутъ Папафигскимъ землепашцемъ.

Въ половинѣ іюля чортъ явился въ назначенное мѣсто, въ сопровожденіи цѣлаго эскадрона чертенятъ хористовъ, и, встрѣтивъ землепашца, сказалъ:

— Ну, смердъ, какъ ты поживалъ въ мое отсутствіе? Давай дѣлиться.

— Дѣло,—отвѣчалъ землепашецъ.

И вотъ землепашецъ сталъ снимать хлѣбъ съ своими людьми. Чертенята же вырывали изъ земли отаву. Землепашецъ обмолотилъ свой хлѣбъ на гумнѣ, провѣялъ его, ссыпалъ въ мѣшки и снесъ на рынокъ, на продажу. Чертенята сдѣлали то же самое и на рынкѣ усѣлись около землепашца съ своей соломой. Землепашецъ продалъ очень выгодно свой хлѣбъ, а деньгами набилъ старый полусапожекъ, привѣшенный къ его кушаку. Черти ничего не продали, да вдобавокъ, крестьяне на рынкѣ осмѣяли ихъ.

Когда рынокъ закрылся, чортъ сказалъ землепашцу:

— Смердъ, ты надулъ меня въ этотъ разъ, но въ другой тебѣ этого не удастся.

— Господинъ чортъ,—отвѣчалъ землепашецъ,—какъ могъ я васъ обмануть? Вѣдь вы первый выбирали? Вѣрно то, что вы сами хотѣли меня обмануть, думая найти подъ землей все сѣмя, какое я посѣялъ, и имъ соблазнять людей бѣдныхъ или скупыхъ и черезъ соблазнъ уловлять ихъ въ свои сѣти. И вы еще слишкомъ молоды и неопытны. Сѣмя, которое кладутъ въ землю, гніетъ, но отъ гніенія его произрастаетъ новое, которое я и продалъ, какъ вы видѣли. Итакъ, вы сами выбрали то, что хуже. Вотъ почему вы и прокляты въ Писаніи.

— Довольно болтать, — сказалъ чортъ. Чѣмъ ты засѣешь наше поле на будущій годъ?

— Какъ добрый хозяинъ, — отвѣчалъ землепашецъ,—я долженъ засѣять его рѣпой.

— Ладно,—сказалъ чортъ,—ты дѣльный смердъ, посѣй какъ можно больше рѣпы; я буду оберегать ее отъ бури и града. Но знай, что я беру себѣ то, что выростетъ на землѣ, а ты бери то, что будетъ въ землѣ. Трудись, смердъ, трудись! Я же отправлюсь искушать еретиковъ; ихъ души весьма пригодны для жаренія. У господина Люцифера колики; это ему будетъ полезно.

Когда наступило время жатвы, чортъ явился къ мѣсту съ цѣлымъ эскадрономъ камеръ-чертей. И встрѣтивъ землепашца съ его людьми, сталъ снимать и собирать ботву отъ рѣпы. Послѣ него землепашецъ копалъ землю и вырывалъ крупную рѣпу и набивалъ ею мѣшки. Послѣ того всѣ вмѣстѣ отправились на рынокъ. Землепашецъ очень выгодно продалъ свою рѣпу. Чортъ ничего не продалъ. И хуже того, всѣ громко надъ нимъ смѣялись.

— Я вижу хорошо, смердъ, — сказалъ ему чортъ, что ты меня обманываешь. Я хочу покончить съ тобою и съ полемъ. Мы по уговору будемъ чесать другъ друга ногтями, и кто изъ насъ первый устанетъ, тотъ лишится своей части въ полѣ. И все поле будетъ принадлежать побѣдителю. Черезъ недѣлю мы займемся этимъ. Подожди, смердъ, я тебѣ чертовски почешу спину. А теперь я бы пошелъ соблазнять ябедниковъ, лицепріятныхъ нотаріусовъ и грабителей адвокатовъ, да только они прислали мнѣ сказать черезъ толмача, что всѣ они мнѣ принадлежатъ. Да ихъ души претятъ Люциферу и онъ отсылаетъ ихъ обыкновенно чертямъ, которые служатъ кухонными мужиками, а себѣ беретъ развѣ только въ томъ случаѣ, когда онѣ хорошо просолены. Говорятъ, что всего вкуснѣе завтракать школярами, обѣдать адвокатали, полдничать виноградарями, ужинать купцами, а закусывать на ночь горничными, а самымъ тонкимъ блюдомъ за всѣми трапезами являются нищенствующіе монахи. Это вѣрно. Господинъ Люциферъ, дѣйствительно закусываетъ нищенствующими монахами всякій разъ, какъ садится за столъ. Онъ очень любитъ завтракать школярами. Но, увы, не знаю, что за бѣда такая, но въ послѣдніе годы они усиленно занимаются изученіемъ Священнаго Писанія. И по этой причинѣ мы никакъ не можемъ добыть ни единаго изъ нихъ. И думаю, что если пустосвяты намъ не помогутъ и, путемъ угрозъ, ругани, насилія и костровъ, не вырвутъ у нихъ изъ рукъ ихъ святого Павла, то намъ не удастся больше скушать ни одного. Адвокатами, кривотолками, грабящими бѣдныхъ людей, онъ обыкновенно обѣдаетъ, и въ нихъ недостатка не бываетъ. Но одно и то же кушанье надоѣдаетъ. Онъ говорилъ намедни при полномъ собраніи чертей, что охотно скушалъ бы душу пустосвята, который позабылъ за себя помолиться, и обѣщалъ двойную плату и, сверхъ того, награду тому, кто принесетъ ему зажареннаго на вертелѣ пустосвята. Всѣ мы пустились на поиски. Но изъ этого ничего не вышло. Всѣ убѣждаютъ знатныхъ дамъ жертвовать на монастыри. Отъ полдника онъ долженъ былъ совсѣмъ отказаться съ тѣхъ поръ, какъ страдаетъ сильной рѣзью въ животѣ, происходящей отъ того, что въ полярныхъ странахъ такъ жестоко изобидѣли его питомцевъ: провіантмейстеровъ, угольщиковъ и колбасниковъ [1]. Онъ сытно ужинаетъ купцами, ростовщиками, аптекарями, фальшивыми монетчиками, фальсификаторами товаровъ. А по временамъ закусываетъ на ночь горничными, которыя выпиваютъ хорошее вино своихъ господъ, а бочки доливаютъ вонючей водой. Трудись, смердъ, трудись! Я отправляюсь соблазнять школяровъ въ Трапезундъ, чтобы они оставили отцовъ и матерей, отказались отъ общей полиціи, освободились отъ указовъ своего короля и жили бы на свободѣ, какъ въ преисподней, презирая всякаго, надъ всѣми надсмѣхаясь, надѣвъ на себя прекрасную одежду, веселую маску поэтической невинности и превратившись въ миленькихъ нищенствующихъ монаховъ.

XLVII.

О томъ, какъ надула чорта старуха папафигьерка.

Землепашецъ, вернувшись домой, былъ печаленъ и задумчивъ. Жена его, видя его такимъ, вообразила, что его обокрали на рынкѣ. Но услыхавъ о причинѣ его грусти и найдя, что кошелекъ у него набитъ деньгами, утѣшала его, увѣряя, что отъ этой чесотки ему никакого худа не приключится. Пусть только онъ надѣется на нее и вполнѣ на нее положится. Она уже придумала хорошую уловку.

— На худой конецъ,—говорилъ землепашецъ,—я отдѣлаюсь только царапиной. Я откажусь отъ состязанія и уступлю ему поле послѣ перваго же приступа.

— Пустяки, пустяки, — отвѣчала старуха,—положитесь на меня и будьте спокойны: предоставьте мнѣ все дѣло. Вы говорите мнѣ, что это еще чертенокъ: я заставлю его вернуть поле, и оно останется за нами. Будь это большой чортъ, дѣло было бы труднѣе.

День состязанія наступилъ какъ разъ тогда, когда мы прибыли на островъ. Рано поутру землепашецъ исповѣдовался, причастился, какъ добрый католикъ, и по совѣту приходскаго священника, спрятался въ кропильницѣ, гдѣ мы его нашли.

Въ то время, какъ намъ передавали эту исторію, пришло извѣстіе, что старуха обманула чорта и получила поле. Дѣло было такъ: чортъ подошелъ къ дверямъ землепашца и позвонивъ вскричалъ:

— Ей, ты, смердъ, смердъ! Сюда, сюда, давай испытывать когти!

И войдя рѣшительно и смѣло въ домъ, не нашелъ въ немъ землепашца, но увидѣлъ жену, лежавшую на землѣ, плакавшую и стонавшую.

— Что это значитъ? — спросилъ чортъ. Гдѣ онъ? Что дѣлаетъ?

— Ахъ! — отвѣчала старуха. Гдѣ онъ, злодѣй, палачъ, разбойникъ? Онъ меня сгубилъ, я пропала, я умираю отъ боли, причиненной имъ мнѣ.

— Что такое онъ сдѣлалъ?— спросилъ чортъ. Я его ужо отдѣлаю.

— Ахъ!—говорила старуха. Онъ мнѣ сказалъ, палачъ, тиранъ, чортовъ чесальщикъ этакій, что уговорился чесаться съ вами, и для пробы своихъ когтей царапнулъ меня одинъ только разъ мизинцемъ между ногъ, и совсѣмъ меня разодралъ. Я погибла, мнѣ больше не выздоровѣть. Взгляните! А теперь онъ пошелъ къ кузнецу отточить себѣ когти. Вы пропали, господинъ дьяволъ, другъ мой. Спасайтесь, покуда цѣлы! Бѣгите, молю васъ!

---

[1] Намекъ на упраздненіе монастырей, вслѣдствіе Реформаціи.

И обнажила себя до подбородка, какъ это дѣлали персидскія женщины передъ дѣтьми, сбѣжавшими съ поля битвы. При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ чортъ вскричалъ:

— Магонъ! Демиургонъ! Мегера! Алекто! Персефона! Онъ меня не поймаетъ! Я отъ него убѣгу! Вотъ! Пусть владѣетъ полемъ.

Выслушавъ про катастрофу и конецъ исторіи, мы удалились на свой корабль и недолго пробыли тутъ. Пантагрюэль положилъ въ церковную кружку восемнадцать тысячъ золотыхъ, соболѣзнуя о бѣдности жителей и общемъ запустѣніи.

XLVIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль сошелъ на островъ Папимановъ.

Покинувъ разоренный островъ Папафиговъ, мы поплыли дальше въ ясную и веселую погоду, и нашимъ взорамъ представился блаженный островъ Папимановъ. Только-что успѣли мы бросить якорь, какъ къ намъ подплыла лодка, въ которой находились четыре человѣка въ разномъ одѣяніи. Одинъ былъ въ образѣ монаха, въ грязной рясѣ и сапогахъ. Другой—сокольничимъ съ приманкой и въ перчаткахъ. Третій — стряпчимъ съ большимъ мѣшкомъ, биткомъ набитымъ судебными повѣстками, ябедническими извѣтами и отсрочками. Четвертый—Орлеанскимъ виноградаремъ въ славныхъ полотняныхъ штиблетахъ, съ корзинкой и серпомъ у кушака. Немедленно послѣ того, какъ они подплыли къ нашему кораблю, они всѣ вчетверомъ вскричали громкимъ голосомъ:

— Видѣли ли вы его, пассажиры? Видѣли ли вы его?

— Кого?—спросилъ Пантагрюэль.

— Того самаго,—отвѣчали они.

— Кто онъ такой?—спросилъ братъ Жанъ. Смертью вотъ клянусь, я его укокошу,—думая, что они ищутъ какого-нибудь вора, убійцу или святотатца.

— Какъ?—отвѣчали они. Вы, пилигримы, не знате единаго?

— Господа,—сказалъ Эпистемонъ,—мы не понимаемъ другъ друга. Но объясните намъ, будьте милостивы, кого вы разумѣете, и мы скажемъ вамъ правду, безъ утайки.

— Это тотъ,—отвѣчали они,—кто есть. Видали вы его когда-нибудь?

— По нашему богословскому ученію,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—Тотъ, Кто есть, это Богъ. И такими словами Онъ объявилъ о Себѣ Моисею. И конечно мы Его не видѣли, ибо Онъ невидимъ для глазъ смертныхъ.

— Мы не говоримъ—сказали они—про Того высокаго Бога, Который правитъ на небесахъ. Мы говоримъ про земного бога. Видали ли вы его когда?

— Честью завѣряю, они разумѣютъ папу,—сказалъ Карпалимъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Панургъ,—да, господа, я видѣлъ цѣлыхъ трехъ, но пользы мнѣ отъ того было мало.

— Какъ? — сказали они. Въ нашихъ святыхъ Декреталіяхъ поется, что папа бываетъ только одинъ въ живыхъ.

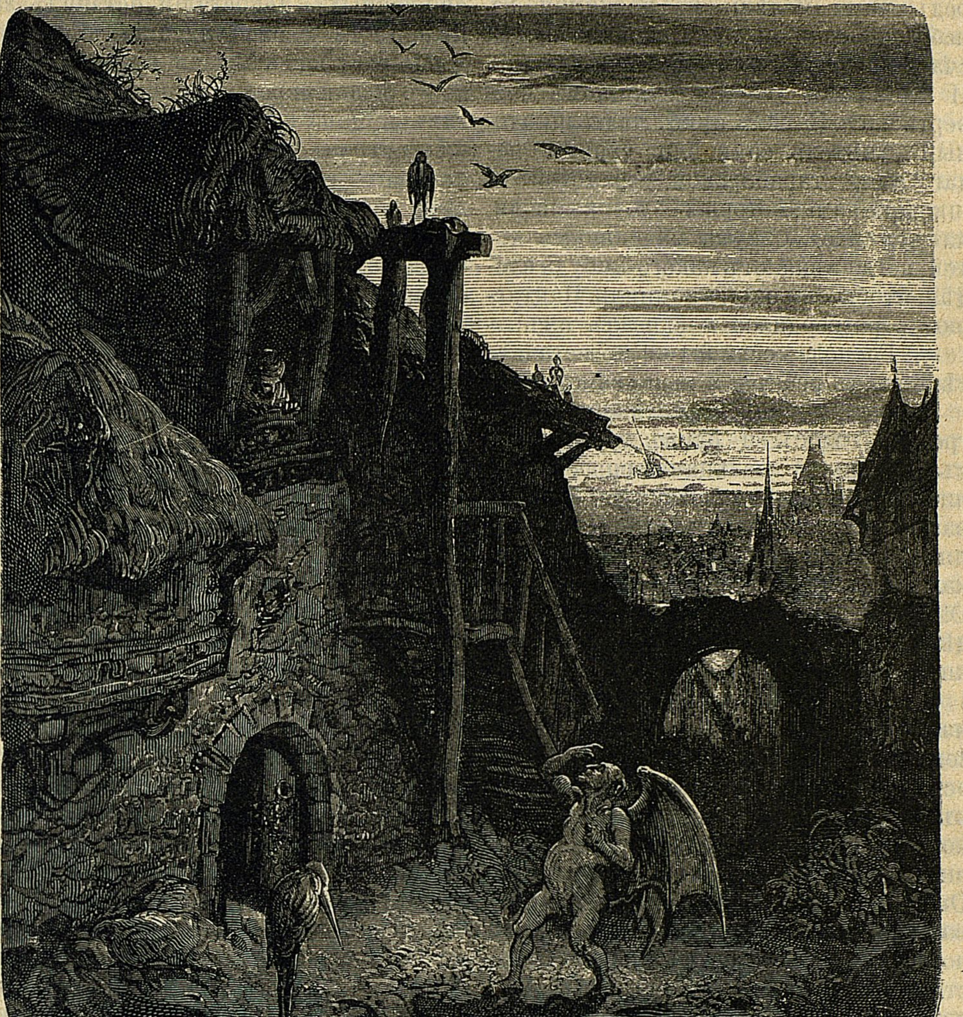
— Я хочу сказать,—отвѣчалъ Панургъ,—что видѣлъ троихъ послѣдовательно, а за разъ видалъ только одного.

— О, люди, трижды и четырежды счастливые!—сказали они. Добро и болѣе нежели добро пожаловать!

И тутъ они опустилиеь передъ нами на колѣни и стали цѣловать наши ноги, чего мы не хотѣли имъ дозволить, убѣждая ихъ, чтобы если бы самъ папа, паче чаянія, явился передъ ними самолично, то они не могли бы оказать ему больше почета.

— Нѣтъ, оказали бы,—отвѣчали они. У насъ это рѣшено. Мы бы поцѣловали у него задъ и другіе органы, потому что они у него есть, у святого отца; мы это знаемъ изъ нашихъ Декреталій; иначе онъ бы не былъ папою.

Такъ что по хитроумной философіи Декреталій необходимъ такой выводъ: онъ—папа, значитъ у него есть орга-



Къ гл. XLVII-й.

ны. И если бы въ мірѣ не стало органовъ, то въ мірѣ не стало бы и папы.

Между тѣмъ Пантагрюэль спросилъ у одного юнги на ихъ суднѣ, кто такіе эти господа. Тотъ отвѣчалъ, что представители четырехъ Штатовъ острова и прибавилъ, что насъ хорошо и угостятъ, потому что мы видѣли папу.

Когда онъ сообщилъ это Панургу, тотъ шепнулъ ему на ухо: «Ей богу, это такъ. Все приходитъ во время къ тому, кто умѣетъ ждать. Лицезрѣніе папы никогда намъ не приносило никакой пользы, а теперь, чортъ возьми, оно будетъ намъ полезно, какъ я вижу.»

Послѣ того мы сошли на берегъ, и къ намъ навстрѣчу вышли, настоящей процессіей, всѣ жители края: мужчины, женщины, малыя дѣти. Наши четыре Штата сказали имъ громкимъ голосомъ: «Они видѣли его, они видѣли его, они видѣли его!» При этомъ объявленіи весь народъ преклонилъ передъ нами колѣни и, поднимая къ небу сложенныя руки, кричалъ: «О, счастливые люди! О, блаженные люди!» И эти крики длились слишкомъ четверть часа. Затѣмъ прибѣжалъ школьный учитель со всѣми своими педагогами, тарабарской грамотой и школьниками, которыхъ здорово сѣкли, какъ у насъ сѣкутъ маленькихъ дѣтей, когда вѣшаютъ какого-нибудь злодѣя, чтобы они о томъ помнили. Пантагрюэль разсердился и сказалъ имъ:—

— Господа, если вы не перестанете сѣчь этихъ ребятъ, я вернусь къ себѣ.

Народъ удивился, заслышавъ его громкій голосъ, и одинъ горбунчикъ съ длинными пальцами спросилъ у школьнаго учителя: «Клянусь Экстравагантами[1]), неужели тѣ, которыя увидятъ папу, становятся такъ высоки, какъ тотъ, что сейчасъ угрожалъ намъ? О! Какъ бы я хотѣлъ поскорѣе увидѣть папу, чтобы вырости и стать такимъ же большимъ, какъ онъ.»

Крики ихъ были такъ зычны, что наконецъ появился и Гоменацъ (такъ зовутъ они своего епископа) на неосѣдланномъ мулѣ, въ зеленой попонѣ, въ сопровожденіи своихъ клевретовъ, которые несли крестъ, знамена, хоругви, балдахины, факелы, кропильницы. Онъ тоже хотѣлъ непремѣнно поцѣловать у насъ ноги (какъ поцѣловалъ ногу папы Климента добрый Христіанъ Вальфинье), говоря, что одинъ изъ ихъ гипофетовъ[2]) и глоссаторовъ священныхъ Декреталій оставилъ заявленія въ своихъ писаніяхъ, что подобно тому какъ Мессія, котораго такъ долго ждали евреи, пришелъ наконецъ, такъ и папа когда-нибудь придетъ на ихъ островъ. Въ ожиданіи этого счастливаго дня, если къ нимъ прибудетъ лицо, видѣвшее папу въ Римѣ или другомъ мѣстѣ, они должны чествовать его и почтительно съ нимъ обращаться. Но мы, однако, уклонились отъ этого.

XLIX.

О томъ какъ Гоменацъ, епископъ Папимановъ, показывалъ намъ упавшія съ неба Декреталіи.

Гоменацъ сказалъ намъ послѣ того:

— Наши священныя Декреталіи предписываютъ намъ и приказываютъ прежде, чѣмъ идти въ кабакъ, сходить сначала въ церковь. И чтобы не отступать отъ этого прекраснаго постановленія, сходимъ сначала въ церковь, а затѣмъ пойдемъ пировать.

— Добрый человѣкъ, — сказалъ братъ Жанъ,—идите впередъ, мы пойдемъ за вами. Вы говорите дѣло, какъ и подобаетъ доброму христіанину. Мы давно уже не были въ церкви. Я очень радъ побывать въ ней и чувствую, что отъ этого мой апетитъ разыграется. Съ добрыми людьми пріятно встрѣтиться.

Подходя къ двери храма, мы увидѣли большую позолоченную книгу, всю осыпанную драгоцѣнными каменьями, рубинами, смарагдами, брилліантами и жемчугомъ, еще лучше и, во всякомъ случаѣ, не хуже тѣхъ, которые Октавій пожертвовалъ Юпитеру Капитолійскому. Она висѣла въ воздухѣ на двухъ толстыхъ золотыхъ цѣпяхъ, спускаясь съ фризы портика. Мы съ восхищеніемъ глядѣли на нее. Пантагрюэль, который легко могъ достать ее, съ удовольствіемъ осматривалъ ее и поворачивалъ во всѣ стороны. И увѣрялъ насъ, что отъ прикосновенія къ ней въ пальцахъ у него пробѣгаетъ легкая дрожь, а въ рукахъ какое-то особое ощущеніе, въ умѣ же чувствуется сильное желаніе поколотить одного сержанта или двоихъ, лишь бы они были безъ тонзуры. Но тутъ Гоменацъ сказалъ намъ:

---

[1]) Экстраваганты, Клементины, Сексты (о которыхъ упоминается дальше) суть извѣстныя части папскихъ Декреталій, надъ которыми смѣется Раблэ. Декреталіями называются папскія постановленія касательно церковной администраціи и дисциплины. До Бонифація VIII было только пять Декреталій. Этотъ папа прибавилъ шестую (sixte), которая сама по себѣ составила очень толстый томъ. Клементины это Декреталіи Климента V. Экстравагантами назывались папскія постановленія помимо (extra) Corpus juria canonici Власть папъ значительно усиливалась посредствомъ Декреталій. Отъ этого слова Раблэ производитъ миого другихъ: decretalin, decretaline, decretaliach — управляющій посредствомъ Декреталій, decretalifuge—бѣгущій Декреталій, decretaliquus—подкрѣпленный Декреталіями и проч.

[2]) Hyrophétes, люди, говорящіе о прошлыхъ вещахъ, подобно тому какъ пророки говорятъ о будущихъ. Прим. Раблэ.

— Нѣкогда евреямъ врученъ былъ Моисеемъ законъ, написанный собственноручно Богомъ. Въ Дельѳахъ передъ храмомъ Аполлона найдено было изреченіе, божественнаго происхожденія ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ[1]). А по истеченіи нѣкотораго времени увидѣли EI[2]), такого же божественнаго происхожденія, доставленное съ неба. Статуя Кибелы была, говорятъ, сброшена съ неба во Фрагіи, на поле, называвшееся Песинунтъ. То же самое было и въ Тавридѣ со статуей Діаны, если вѣрить Еврипиду. Благороднымъ и христіаннѣйшимъ королямъ Франціи передана была съ небесъ государственная хоругвь, чтобы сражаться съ невѣрными. Въ царствованіе Нумы Помпилія, второго римскаго царя, видѣли, какъ съ неба спустился острый щитъ, называвшійся Ансиль. Въ аѳинскій Акрополь нѣкогда упала съ неба статуя Минервы. Точно такъ тѣ Декреталіи, которыя вы здѣсь видите, написаны рукою херувима. Вы, прочіе, люди заморскіе, этому не вѣрите.

— Не совсѣмъ, — отвѣчалъ Панургъ.

— А намъ здѣсь онѣ чудеснымъ образомъ доставлены съ неба, подобно тому какъ Гомеромъ, отцомъ всей философіи (за исключеніемъ, однако, божественныхъ Декреталій), рѣка Нилъ зовется Diipeles[3]). А потому, что вы видѣли папу, евангелиста ихъ и неизмѣннаго покровителя, то вамъ дозволено будетъ нами увидѣть ихъ и приложиться къ нимъ, если пожелаете. Но сначала вы должны будете три дня поститься и аккуратно исповѣдываться, подробно сообщая о своихъ грѣхахъ, такъ чтобы ни одного не пропустить зря, о чемъ намъ божественно поютъ разныя Декреталіи, которыя вы теперь видите. А на это требуется время.

— Добрый человѣкъ, — отвѣчалъ Панургъ,—такихъ щетокъ[1]) или Декреталій, какъ вы говорите, мы много видали и на бумагѣ, и на золотообрѣзномъ пергаментѣ и на веленевой бумагѣ, писаныхъ и печатныхъ. Не берите труда ихъ намъ показывать. Мы довольствуемся вашимъ добрымъ намѣреніемъ и благодаримъ за него.

— Нѣтъ, — сказалъ Гоменацъ—такихъ, какъ эти, написанныхъ ангелами, вы еще никогда не видѣли. Тѣ, что имѣются въ вашей странѣ, списаны съ нашихъ, какъ это находимъ записаннымъ у одного изъ нашихъ схоластиковъ. Вообще прошу васъ не щадить моихъ трудовъ. Предупредите только, согласны ли вы исповѣдываться и поститься три Божьихъ денька.

— Исповѣдываться,—отвѣчалъ Панургъ,—мы вполнѣ согласны. Но постъ намъ теперь совсѣмъ не кстати, ибо мы столько уже постились въ морѣ, что пауки успѣли наткать паутины у насъ межъ зубовъ. Поглядите на добраго брата Жана Сокрушителя (при этомъ словѣ Гоменацъ вѣжливо хлопнулъ его по плечу). У него мохъ растетъ во рту отъ того, что онъ такъ долго ничего не жевалъ и не упражнялъ ни рѣзцовъ, ни коренныхъ зубовъ.

— Онъ говоритъ правду,—сказалъ братъ Жанъ. Я столько постился, что сталъ отъ того горбатымъ.

— Итакъ, — сказалъ Гоменацъ,— войдемъ въ церковь, но простите, если мы теперь не отслужимъ вамъ обѣдню съ пѣніемъ. Часъ прошелъ, послѣ котораго священныя Декреталіи воспрещаютъ намъ служить обѣдню съ пѣніемъ, торжественную. Но я отслужу вамъ обѣдню краткую, безъ пѣнія.

— Я бы лучше хотѣлъ распить бутылочку добраго Анжуйскаго вина,— сказалъ Панургъ. Но служите, служите поскорѣе и не мямлите.

— Чортъ возьми, — сказалъ братъ Жанъ,—мнѣ очень непріятно, что я нахожусь натощакъ. Если бы я хорошо позавтракалъ и выпилъ по монашескому обычаю, то хотя бы онъ намъ пѣлъ Requiem, я бы могъ помянуть хлѣбъ и вино. Терпѣніе! Будемъ вѣжливы и пристойны.

---

[1]) Познай самого себя. Прим. Раблэ.

[2]) Ei—ты еси. Плутархъ написалъ пространную книгу объ этихъ двухъ буквахъ. Прим. Раблэ.

[3]) Diipeles—происходящій отъ Юпитера.

[1]) Тутъ у Раблэ непередаваемая игра словами (Decretales и décrottoire (щетка).

L.

О томъ какъ Гоменацъ показалъ намъ портретъ папы.

Окончивъ обѣдню, Гоменацъ вынулъ изъ сундука, около главнаго алтаря, большую связку ключей, посредствомъ которыхъ онъ отперъ тридцатью двумя замками и четырнадцатью замочками желѣзное окно съ толстой рѣшеткой, находившееся надъ вышеупомянутымъ алтаремъ, затѣмъ таинственно накрылся мокрымъ мѣшкомъ и, раздвинувъ завѣсу изъ пунцоваго атласа, показалъ намъ довольно плохо написанный, по моему мнѣнію, портретъ, дотронулся до него длинной палкой и далъ намъ всѣмъ поочереди поцѣловать ее. Потомъ спросилъ:

— Какъ вы находите это изображеніе?

— Это, — отвѣчалъ Пантагрюэль, портретъ папы. Я узнаю его по тіарѣ, омофору, стихарю и туфлѣ.

— Вы вѣрно сказали, — замѣтилъ Гоменацъ,—это изображеніе земного бога, прибытія котораго мы набожно ждемъ и котораго надѣемся хоть разъ увидѣть въ нашемъ краю. О, счастливая, нетерпѣливо ожидаемая минута! И вы счастливые, пресчастливые люди, которымъ небесныя свѣтила такъ благопріятствуютъ, что вы видѣли въ лицо и живымъ того земного бога, котораго увидѣть только на портретѣ значитъ получить полное прощеніе всѣхъ намъ памятныхъ грѣховъ и съ тѣмъ вмѣстѣ одну треть и восемнадцать сороковъ тѣхъ, которые мы запамятовали. А потому мы и видимъ его лишь въ большіе двунадесятые праздники.

Пантагрюэль сказалъ, что это татая же работа, какъ работа Дедала. Хотя она и плохо выполнена, но въ ней, тѣмъ не менѣе, скрывается тайная и божественная сила прощенія.

— Въ родѣ того,—сказалъ братъ Жанъ,—какъ было въ Сёлье, гдѣ однажды, во время одного праздника въ госпиталѣ, нищіе за ужиномъ расхвастались другъ передъ другомъ: одинъ говорилъ, что сегодня выклянчилъ шесть серебряныхъ монетъ, другой два су, третій семь каролусовъ [1]), наконецъ четвертый, здоровенный малый, хвастался, что заработалъ три золотыхъ. «Да вѣдь за то у тебя есть нога Господа Бога» — замѣтили ему его товарищи. Точно Самъ Господь Богъ находился въ его гнойной, покрытой струпьями ногѣ.

— Когда—сказалъ Пантагрюэль— вздумаете разсказывать намъ такія басни, то потрудитесь принести съ собой тазъ. Меня чуть чуть не вырвало. Поминать святое Имя Божіе въ такихъ гадкихъ и противныхъ вещахъ! Фи! Я говорю: Фи! Если среди вашихъ монаховъ существуетъ такое злоупотребленіе словами, то оставьте это при нихъ: не выносите за монастырскую ограду.

— Точно такъ,—отвѣтилъ Эпистемонъ,—врачи утверждаютъ, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ участвуетъ божество. Такъ и Неронъ хвалилъ грибы и называлъ ихъ, по греческой пословицѣ, мясомъ боговъ, потому что отравилъ ими своего предшественника Клавдія, римскаго императора.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Панургъ, —что этотъ портретъ не изображаетъ кого-либо изъ послѣднихъ нашихъ папъ. Я видѣлъ ихъ безъ омофора, но въ шлемѣ, поверхъ котораго надѣта была персидская тіара, и въ то время какъ во всемъ христіанскомъ мірѣ царствовали миръ и тишина, они одни вели войну измѣнническую и весьма жестокую [2]).

— Но вѣдь,—сказалъ Гоменацъ,— они вели войну съ бунтовщиками, еретиками, отчаянными протестантами, не признающими святости этого добраго земного бога. Ему это не только дозволено и вполнѣ законно, но даже вмѣняется въ обязанность святыми Декреталіями. Онъ долженъ немедленно огнемъ и мечомъ усмирять императоровъ, королей, герцоговъ, князей, республики, если они хотя на іоту нарушатъ его велѣнія; долженъ лишить ихъ имущества, отобрать у нихъ владѣнія, изгонять ихъ, отлучать отъ церкви и не только убивать ихъ тѣлесно, равно какъ ихъ дѣтей и родственниковъ, но и самыя души ихъ осудить на пребываніе въ самомъ жгучемъ пеклѣ, какое только существуетъ въ аду.

---

[1]) Монета, вычеканенная при Карлѣ VIII.

[2]) Александръ VI, 1490—1503.

— Ну, вы-то здѣсь, чортъ побери, не еретики—сказалъ Панургъ,—какъ покойный Раминагробисъ или какіе водятся среди нѣмцевъ и въ Англіи, вы всѣ христіане, какъ на подборъ.

— Да, это вѣрно,—отвѣчалъ Гоменацъ,—а потому мы и будемъ спасены. Пойдемъ взять святой воды, а затѣмъ сядемъ за обѣдъ.

ГЛАВА LI.

О томъ, какія пріятныя рѣчи велись за обѣдомъ въ похвалу Декреталіямъ.

Между тѣмъ замѣтьте, пьяницы, что пока Гоменацъ служилъ обѣдню, трое церковныхъ старостъ, каждый держа въ рукѣ большой тазъ, прохаживались среди народа, громко взывая: «Не забудьте счастливыхъ людей, которые его видѣли въ лицо.» По выходѣ изъ храма, они принесли Гоменацу тазы, наполненные туземной монетой. Гоменацъ сказалъ намъ, что эти деньги пойдутъ на устройство пиршества,—одна часть будетъ употреблена на вино, а другая на провизію, согласно чудному тайному смыслу одной изъ статей святыхъ Декреталій,—что и произошло въ прекрасномъ кабачкѣ, довольно похожемъ на кабачекъ Гильо въ Аміенѣ. Повѣрьте, что ѣда была обильная, а тосты многочисленны.

За этимъ обѣдомъ я отмѣтилъ двѣ замѣчательныхъ вещи. Во-первыхъ, что всякое подаваемое намъ мясо, были ли то дикія козы или каплуны, были ли то свиньи (какихъ въ Папиманіи видимо-невидимо), были ли то голуби, кролики, зайцы, индѣйки или что другое,—было обильно начинено магистральнымъ фаршемъ. Во-вторыхъ, что кушанья и подавались и уносились невинными дѣвушками—невѣстами того края, красавицами, завѣряю васъ, бѣлокуренькими, привлекательными и миленькими. Одѣтыя въ длинныя, бѣлыя, свободныя платья съ двойнымъ поясомъ, съ непокрытой головой, съ волосами, переплетенными лиловыми шелковыми лентами и убранными розами, гвоздикой, майораномъ, анисомъ, флердоранжемъ и другими цвѣтами, онѣ съ граціозными поклонами приглашали насъ выпить. Всѣ присутствовавшіе съ удовольствіемъ глядѣли на нихъ. Братъ Жанъ искоса поглядывалъ на нихъ, какъ песъ, который утащилъ крыло птицы. Послѣ перваго блюда онѣ мелодично пропѣли оду въ похвалу священнѣйшимъ Декреталіямъ.

За вторымъ блюдомъ Гоменацъ, веселый и радостный, обратился къ одному изъ ключниковъ, говоря:

— Clerice, налей-ка вина!

При этихъ словахъ одна изъ дѣвицъ поспѣшно подала ему большой кубокъ, полный экстравагантнаго вина. Онъ взялъ его въ руку и, глубоко вздохнувъ, сказалъ Пантагрюэлю:

— Монсиньоръ и вы любезные друзья, пью за ваше здоровье отъ всего сердца. И передавъ кубокъ миленькой дѣвочкѣ, громко возопилъ: — О, божественныя Декреталіи, благодаря вамъ вино такъ вкусно!

— Вино и безъ того недурно,—сказалъ Панургъ.

— Было бы еще лучше,—замѣтилъ Пантагрюэль,—если бы Декреталіи и худое вино превращали въ хорошее.

— О, серафическая секста!—продолжалъ Гоменацъ. Насколько ты необходима для спасенія бѣдныхъ смертныхъ! О, херувимскія Клементины, насколько въ васъ ясно и совершенно установлены обязанности истиннаго христіанина! О, ангельскія Экстраваганты, какая погибель ждала бы безъ васъ бѣдныя души, которыя бродятъ въ тѣлахъ людей въ этой юдоли бѣдствій! Увы! Когда же это наступитъ такая благодать среди людей, что всѣ они отбросятъ всякое иное ученіе и всѣ остальныя дѣла, чтобы читать только васъ, васъ слушать, васъ знать, васъ примѣнять на дѣлѣ, внѣдрять васъ въ себя, въ свою кровь, въ свой мозгъ, во всѣ части своего организма? О! Тогда, и только тогда и только этимъ путемъ, міръ станетъ счастливъ!

При этихъ словахъ Эпистемонъ всталъ и сказалъ громко Панургу: Долженъ немедленно отсюда удалиться. Этотъ фаршъ разстроилъ мнѣ желудокъ. Я за себя не ручаюсь.

— Тогда—продолжалъ Гоменацъ—не будетъ ни града, ни мороза, ни измороси и вообще никакихъ бѣдъ! О, какое изобиліе благъ будетъ тогда на землѣ! О, какой ненарушимый миръ воцарится во вселенной: прекратятся всякіе войны, грабежи, разбойничества, убійства за исключеніемъ только проклятыхъ еретиковъ и бунтовщиковъ! О, тогда природѣ человѣческой будутъ свойственны только радость, веселіе, отдыхъ, наслажденіе! Какая великая ученость, какая неоцѣненная эрудиція, какая божественная премудрость заключена въ безсмертныхъ главахъ этихъ вѣчныхъ Декреталій! О, стоитъ прочитать только полу-канонъ, маленькій параграфъ, одну статью этихъ священнѣйшихъ Декреталій, и вы почувствуете, какъ возгорится въ сердцахъ вашихъ огонь божественной любви и милосердія къ ближнему, лишь бы онъ не былъ еретикомъ. Вы будете закалены относительно всѣхъ земныхъ и случайныхъ вещей, вашъ умъ въ возвышенномъ экстазѣ воспарить къ небу, вы будете тверды во всѣхъ своихъ привязанностяхъ!

LII.

Дальнѣйшій пересказъ чудесъ, совершенныхъ Декреталіями.

— Вотъ—сказалъ Панургъ—что ни слово, то чистое золото. Но мнѣ плохо вѣрится всему этому. Мнѣ случилось однажды въ Пуатье, будучи у шотландскаго знатока Декреталій, прочитать одну главу изъ нихъ. Чортъ меня побери, если отъ этого ученія у меня не сдѣлался такой запоръ, что цѣлыхъ четыре дня, даже пять, у меня совсѣмъ таки не дѣйствовалъ желудокъ!

— Ага! — сказалъ Гоменацъ. Вы вѣрно, другъ, находились въ состояніи смертельнаго грѣха.

— Это къ дѣлу не идетъ,—сказалъ Панургъ.

—Однажды,—сказалъ братъ Жанъ,—въ Селье мнѣ случилось подтереться листомъ одной изъ злыхъ Клементинъ, которую Жанъ Гюимаръ, нашъ сборщикъ, выбросилъ на дворъ монастыря. Чортъ меня побери, если послѣ того меня не одолѣли вереда и геморроиды, такъ что я весь изстрадался!

— Ну, да,—сказалъ Гоменацъ,—это, очевидно, васъ Богъ наказалъ за вашъ грѣхъ; вы должны были обожать и благоговѣть передъ этими священными книгами, а не пачкать ихъ. Панормитанъ [1] не вретъ.

— Жанъ Шуаръ,—сказалъ Понократъ,—въ Монтелье купилъ у монаховъ Св. Оларія красивыя Декреталіи, написанныя на прекрасномъ и большомъ Ломбальскомъ пергаментѣ, для приготовленія сусальнаго золота. Но бѣда въ томъ, что ничего съ ними нельзя, было подѣлать: всѣ листы разрывались на части.

— Наказаніе,—сказалъ Гоменацъ—и Божія кара.

— Въ Мансѣ,—сказалъ Евдемонъ,—аптекарь Франсуа Корнго понадѣлалъ пакеты изъ одной смятой Экстраваганты; отрекаюсь отъ дьявола, коли все, что въ нихъ ни заворачивали, не было немедленно отравлено и испорчено: ладанъ, перецъ, корица, гвоздика, шафранъ, воскъ, пряности, кассія, ревень, тамариндъ, вообще все рѣшительно: лекарственныя снадобья, спеціи, лакомства.

— Кара,—сказалъ Гоменацъ,—и Божеское наказаніе. Какъ смѣть употреблять на мірскія бездѣлки такія священныя рукописи?

— Въ Парижѣ, — сказалъ Карпалимъ—портной Гронье употребилъ одну изъ старыхъ Клементинъ на выкройки и мѣрки. О, странное дѣло! Всѣ одежды, скроенныя по этимъ выкройкамъ и по этимъ мѣркамъ, никуда ровно не годились: мантіи, капюшоны, плащи, юбки, блузы, казакины, колеты, куртки и пр. Желая скроить капюшонъ, Гронье кроилъ клапанъ отъ штановъ. Вмѣсто блузы кроилъ широкополую шляпу. Вмѣсто казакина кроилъ феску. Вмѣсто куртки выходило нѣчто, походившее на печку. Его подмастерья, которые ее шили, распороли дно и вышло нѣчто въ родѣ печки, гдѣ жарятъ каштаны. Вмѣсто колета онъ шилъ ботинку. Вмѣсто плаща выходилъ швейцарскій тамбуринъ. Такъ что въ концѣ концовъ бѣдняка судъ приговорилъ уплатить всѣмъ его заказчикамъ за испорченную матерію, и теперь онъ нищій.

---

[1] Николай де-Гюдески, палермскій архіепископъ, авторъ комментаріевъ на Декреталіи.

— Наказаніе—сказалъ Гоменацъ— и Божія кара.

— Въ Кагюзакѣ, — говорилъ Гимнастъ,—господинъ д'Естиссакъ и виконтъ де-Лозёнъ устроили манежъ для стрѣльбы въ цѣль. Перотонъ разрѣзалъ на куски нѣсколько листовъ Декреталій, написанныхъ на прекрасной толстой бумагѣ, и чистые куски употребилъ на мишень. Отдаю себя, продаю себя всѣмъ чертямъ, если хоть одинъ арбалетчикъ края (а вѣдь они славятся во всей Гюйеннѣ) хоть разъ попалъ въ цѣль. Всѣ стрѣляли мимо. Ни разу такъ-таки и не задѣли обрывковъ священнаго маранья. И при этомъ Сансорненъ старшій, который смотрѣлъ за ходомъ стрѣльбы, божился намъ гнилыми фигами (его любимая божба), что онъ отчетливо видѣлъ, какъ стрѣла Каркалена, въ тотъ моментъ, какъ должна была вонзиться въ мишень, отскочила отъ нея въ сторону на цѣлую сажень.

— Чудо,— вскричалъ Гоменацъ,— чудо, чудо! Clerice, налей вина. Пью за ваше здоровье. Вы, кажется мнѣ, истинные христіане.

При этихъ словахъ дѣвицы принялись пересмѣиваться между собой. Братъ Жанъ фыркалъ носомъ, точно разгоряченный конь.

— Мнѣ кажется, — сказалъ Пантагрюэль,—что передъ такой мишенью можно считать себя въ большей безопасности, чѣмъ считалъ себя во время-óно Діогенъ.

— Какъ? — спросилъ Гоменацъ. Развѣ онъ былъ декреталистъ?

— Это, можно сказать, пиковая игра,—замѣтилъ Эпистемонъ, возвратясь послѣ непродолжительнаго отсутствія.

— Діогенъ, — отвѣчалъ Пантагрюэль,—однажды для развлеченія посѣтилъ арбалетчиковъ, стрѣлявшихъ въ цѣль. Между ними одинъ былъ такъ неловокъ, неискусенъ и такой плохой стрѣлокъ, что, когда наступала его очередь стрѣлять, всѣ зрители разступались изъ боязни, что онъ ихъ поранитъ. Діогенъ, видя, какъ одна изъ его стрѣлъ упала далеко въ сторону отъ цѣли, вмѣсто того, чтобы отойти отъ мишени, какъ дѣлали другіе, когда опять наступила его очередь стрѣлять, сталъ, напротивъ того, около самой мишени, увѣряя, что это самое безопасное мѣсто и что стрѣлокъ попадетъ всюду скорѣе, чѣмъ въ цѣль.

— Одинъ пажъ господина д'Эстиссака, — сказалъ Гимнастъ, — по имени Шамульякъ, замѣтилъ въ чемъ дѣло. По его совѣту, Перотý перемѣнилъ мишень и употребилъ для нея бумаги изъ процесса Пульяка. И тотчасъ же всѣ стали прекрасно стрѣлять, попадая прямо въ цѣль.

— Въ Ландеруссѣ,—сказалъ Ризотомъ,—на свадьбѣ Жана Делифа, свадебный пиръ былъ роскошенъ и богатъ, какъ это водится въ той мѣстности. Послѣ ужина разыгрывались фарсы, комедіи, забавныя шутки; танцовали мавританскіе танцы съ колокольчиками и тамбуринами; приходили разныя маски. Мои школьные товарищи и я самъ, чтобы почтить насколько можно праздникъ (по утру намъ всѣмъ подарили прекрасныя ленты бѣлыя съ лиловымъ),—мы устроили веселый маскарадъ, а такъ какъ у насъ не было бумаги для масокъ, то мы взяли листы изъ старой заброшенной Сексты и вырѣзали маски съ отверстіями для глазъ, носа и рта. Но удивительное дѣло! Когда окончились наши хороводы и пляски и мы сняли маски, то увидѣли, что лица у насъ стали безобразнѣе, чѣмъ у чертенятъ въ мистеріи Страстей Господнихъ Дуэ,—до такой степени испортило намъ лица прикосновеніе вышеупомянутыхъ листовъ. У кого была оспа, у кого парши, у кого корь, у кого нарывы. Короче сказать, наименѣе пострадалъ изъ насъ тотъ, у кого выпали всѣ зубы.

— Чудо! — вскричалъ Гоменацъ. Чудо!

— Подождите,—сказалъ Ризотомъ,— конецъ дѣло вѣнчаетъ. Мои двѣ сестры, Катерина и Ренэ, положили между листами Сексты, точно подъ прессъ (потому что у нихъ былъ тяжелый стеклянный колпакъ), свои манишки и воротнички и манжетки, чистые и крѣпко накрахмаленные. И Богомъ клянусь...

— Постойте,—сказалъ Гоменацъ,— какимъ именно Богомъ?

— Богъ только одинъ!—отвѣчалъ Ризотомъ.

— Да, конечно, — сказалъ Гоменацъ,—на небѣ. Но на землѣ у насъ есть другой.

— Эхма! — сказалъ Ризотомъ. А вѣдь я совсѣмъ про него позабылъ. Итакъ, клянусь богомъ земнымъ, папою, ихъ манишки, манжетки, воротнички, чепчики и все остальное бѣлье стало чернѣе мѣшка угольщика.

— Чудеса!—вскричалъ Гоменацъ. Clerice, налей вина и запомни эти прекрасныя исторіи.

— Ну, какъ можно—спросилъ братъ Жакъ,—послѣ этого говорить, что

Съ тѣхъ поръ, какъ стало много декретовъ,
Воинамъ стало худо жить на свѣтѣ;
Монахи сѣли на коней,
И все въ мірѣ пошло вкривь и вкось.

— Я васъ понимаю,—сказалъ Гоменацъ,—это насмѣшки новыхъ еретиковъ.

LIII.

О томъ, какъ помощью Декреталій золото хитрымъ манеромъ притягивается изъ Франціи въ Римъ.

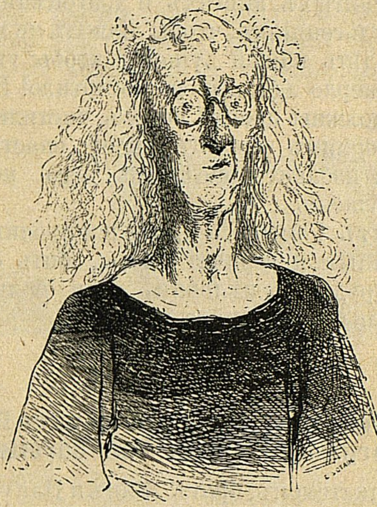
— Я бы охотно,—сказалъ Эпистемонъ,—раскошелился на горшокъ съ потрохами, лишь бы у насъ была здѣсь оригинальная коллекція страшныхъ главъ: Execrabilis, De multa, Si plures, De annatis pas totum, Nisi essent, Cum ad Monasterium, Quod dilectio, Mandatum и нѣкоторыхъ другихъ, посредствомъ которыхъ Римъ ежегодно сбираетъ съ Франціи четыреста тысячъ дукатовъ и болѣе.

— Это бездѣлица,—сказалъ Гоменацъ. Хотя, по моему, это немного, въ силу того, что христіаннѣйшая Франція единственная кормилица Римской куріи. Но найдите мнѣ другую книгу въ мірѣ, будетъ ли то философская, медицинская, юридическая, математическая, гуманныхъ наукъ и даже само (ей-богу) Священное Писаніе, которая могла бы столько притянуть денегъ? Не найдете! Нѣтъ такой. Вы не найдете, увѣряю васъ, такой могучей книги. И подумать, что эти черти еретики не хотятъ ихъ ни учить, ни знать. Жгите ихъ, терзайте, рѣжьте, топите, вѣшайте, сажайте на колъ, четвертуйте, колесуйте, рубите, жарьте, распинайте, варите въ котлахъ, обдирайте живыми этихъ злыхъ еретиковъ, ненавистниковъ Декреталій, которые хуже убійцъ, хуже отцеубійцъ! Васъ всѣхъ добрыхъ людей я умоляю,— если вы только хотите быть и слыть истинными христіанами,—ни во что другое не вѣрить, ни о чемъ иномъ не думать, не говорить, ничего не предпринимать, кромѣ того, что заключается въ нашихъ священныхъ Декреталіяхъ и ихъ добавленіяхъ, въ этихъ прекрасныхъ Секстахъ, Клементинахъ, Экстравагантахъ! О, божественныя книги! И тогда будете жить во славѣ, въ почетѣ, въ богатствѣ, въ радостяхъ сего міра. Всѣ васъ будутъ уважать, всѣ будутъ бояться, всѣ васъ предпочитать и оказывать во всемъ преимущество. Вы не найдете подъ сводомъ небесъ другихъ людей, которыми было бы такъ удобно руководить и повелѣвать, какъ тѣми, которые по волѣ и по предопредѣленію Божіимъ предались изученію святыхъ Декреталій. Хотите ли вы избрать храбраго императора, добраго полководца, достойнаго вождя арміи въ военное время, который сумѣетъ предвидѣть всѣ затрудненія, обойти всѣ опасности, вести своихъ людей на приступъ или въ бой при полномъ веселіи, который ничѣмъ не рискуетъ, всегда одерживаетъ побѣду, щадитъ жизнь своихъ солдатъ и удачно пользуется побѣдой, — возьмите, говорю вамъ, декреталиста. Хотите ли въ мирное время найти человѣка, способнаго къ управленію республикой, королевствомъ, имперіей, монархіей, способнаго поддерживать церковь, дворянство, сенатъ и народъ въ богатствѣ, дружбѣ, согласіи, послушаніи, добродѣтеляхъ, честности,—возьмите, говорю вамъ, декреталиста. Хотите ли вы найти человѣка, который своей примѣрной жизнью, краснорѣчіемъ, святыми проповѣдями въ короткое время, безъ всякаго кровопролитія завоюетъ Святую Землю и обратитъ въ святую вѣру невѣрныхъ турокъ, евреевъ, татаръ, московитовъ, мамелюковъ и сарабантовъ[1],—возьмите, говорю вамъ, декреталиста. Отчего въ иныхъ странахъ народъ непокоренъ и буенъ, даже безпутны и злы школьники-лѣнтяи и ослы? Отъ того, что ихъ правители, начальники и преподаватели не декреталисты. Но кто (по совѣсти) установилъ, подтвердилъ и надѣлилъ властью прекрасные монашескіе ордена, коими христіанство украшено, озарено и препрославлено, какъ небо яркими звѣздами? Божественныя Декреталіи. Кто основалъ и укрѣпилъ, и кто теперь поддерживаетъ и питаетъ набожныхъ монаховъ въ монастыряхъ и аббатствахъ, которые дни, ночи и все время проводятъ въ молитвахъ, безъ чего міру грозилъ бы первоначальный хаосъ? Священныя декреталіи. Кто ежедневно увеличиваетъ количество всѣхъ благъ земныхъ, матеріальныхъ и духовныхъ въ знатномъ и именитомъ наслѣдіи св. Петра? Святыя Декреталіи.

Кто сдѣлалъ то, что святой апостолическій римскій престолъ во всѣ времена и понынѣ такъ грозенъ міру, что всѣ короли, императоры, властелины и вельможи волей-неволей должны отъ него получать свои короны, подтвержденіе свой власти и обязаны почитать его и повергаться въ прахъ передъ чудесной туфлей, изображеніе которой вы видѣли? Прекрасныя, божьи декреталіи. Я хочу открыть вамъ великую тайну. Ваши свѣтскіе университеты въ своихъ гербахъ и девизахъ помѣщаютъ обыкновенно книгу, иной разъ раскрытую, въ другой закрытую. Что это за книга, какъ вы думаете

— Не знаю,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—никогда въ нее не заглядывалъ.

— Это Декреталіи,—сказалъ Гоменацъ,—безъ которыхъ университеты лишились бы всѣхъ своихъ привилегій. Только Декреталіямъ они и обязаны своими привилегіями. Вы этого не ждали? Ха, ха, ха, ха!



Къ гл. LIII-й.

И тутъ Гоменацъ принялся икать, рыгать, хохотать, брызгаясь слюной, и потѣть. Онъ передалъ свою толстую, жирную шапку съ четырьмя клапанами одной изъ дѣвушекъ, и та радостно надѣла на свою хорошенскую головку, предварительно любовно ее поцѣловавъ, въ знакъ увѣренности, что она первая выйдетъ замужъ.

— Vivat!—вскричалъ Эпистемонъ. Vivat, fifat, pipat, bibat! О, апокалиптическая тайна!

— Clerice, — сказалъ Гоменацъ. Clerice, наливай и просвѣщай насъ! Подавайте плоды, дѣвицы! Итакъ я говорилъ, что предавшись изученію однѣхъ только святыхъ Декреталій, вы будете богаты и почитаемы на этомъ свѣтѣ. Я скажу также, что и на томъ свѣтѣ обрѣтете царствіе небесное, ключи отъ котораго вручены нашему доброму богу—декретарху. О, добрый богъ, котораго я обожаю, но никогда не видѣлъ, по неизреченной милости открой намъ хоть передъ смертью священный кладъ нашей матери святой церкви, которой ты состоишь покровителемъ, хранителемъ, казначеемъ, управителемъ и распорядителемъ! И отдай приказаніе, чтобы отнынѣ у насъ не было недостатка въ святыхъ книгахъ и драгоцѣнныхъ индульгенціяхъ, чтобы діаволъ не могъ овладѣть нашей душой и чтобы ужасное жерло ада насъ не поглотило! Если мы должны пройти черезъ чистилище, претерпимъ это! Въ твоей власти и волѣ избавить насъ отъ него, когда пожелаешь.

---

[1] Развратные монахи, о которыхъ говоритъ Бернаръ Люксембургскій.

Тутъ Гоменацъ принялся проливать крупныя и горячія слезы, бить себя въ грудь и цѣловать свои большіе пальцы, сложенные крестомъ.

LIV.

О томъ, какъ Гоменацъ даритъ Пантагрюэлю груши bon chrétien

Эпистемонъ, братъ Жанъ и Панургъ, увидя такую жалостную развязку, прикрылись салфетками и начали вопить: «Мяу, мяу, мяу!», притворно вытирая глаза, точно они плачутъ. Дѣвушки, хорошо знакомыя съ своимъ дѣломъ, подали всѣмъ имъ кубки, полные клементинскаго вина, и разное варенье. И такимъ образомъ банкетъ снова оживился. Въ концѣ обѣда Гоменацъ подарилъ намъ много большихъ и прекрасныхъ грушъ, говоря:

— Вотъ, друзья, берите эти груши; онѣ необыкновенныя, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы ихъ не найдете. Не всякая страна приносить одни и тѣ же произведенія. Въ одной только Индіи растетъ черное дерево. Хорошій ладанъ производится въ Сабейской землѣ. На островѣ Лемносѣ находится печатная глина. И только на нашемъ островѣ растутъ эти прекрасныя груши. Если хотите, то разведите ихъ у себя въ странѣ.

— Какъ вы ихъ называете?—спросилъ Пантагрюэль. Мнѣ кажется, онѣ очень вкусны и очень сочны. Если бы ихъ сварить въ кастрюлькѣ, разрѣзавъ на кусочки и прибавивъ немного вина и сахару, то, думается мнѣ, это было бы здоровымъ кушаньемъ какъ для больныхъ, такъ и для здоровыхъ.

— У этихъ грушъ нѣтъ особаго названія, — отвѣчалъ Гоменацъ. Мы люди простые, ибо такъ Богу угодно, и зовемъ фиги фигами, сливы сливами, а груши грушами.

— Что-жъ, — сказавъ Пантагрюэль,—когда я вернусь изъ путешествія (если Богу будетъ угодно), я насажу ихъ въ своемъ саду, въ Турени, на берегу Луары. и пусть онѣ называются груши bon chretien, такъ какъ я не видывалъ лучшихъ христіанъ, какъ эти добрые Папиманы.

— Я бы нашелъ также полезнымъ,—сказалъ братъ Жанъ,—если бы онъ далъ намъ телѣги двѣ, нагруженныхъ его дѣвицами.

— Зачѣмъ?—спросилъ Гоменацъ.

— Мы бы пустили имъ кровь,— отвѣчалъ братъ Жанъ, — и этимъ усовершенствовали бы расу въ нашей странѣ, которая не очень хороша.

— Вотъ ужъ этого-то мы не сдѣлаемъ,---отвѣчалъ Гоменацъ. Вы хотите съ ними баловаться: я васъ признаю по носу, хотя раньше и не видалъ. Увы! Увы! Какой вы повѣса! Неужели вы хотите сгубить свою душу? Я бы желалъ, чтобы вы потверже ихъ знали.

— Терпѣніе!—сказалъ братъ Жанъ. Но, si tu non vis dare, proesta, quesumus. Это находится въ требникѣ. Я не боюсь никакого бородача, будь онъ хоть трижды декреталистъ.

По окончаніи обѣда, мы простились съ Гоненацомъ и со всѣмъ народомъ, смиренно поблагодаривъ ихъ и, въ утѣху ихъ добрыхъ услугъ, обѣщая имъ, побывавъ въ Римѣ, попросить святого папу поскорѣе лично навѣстить ихъ. Послѣ того вернулись на свой корабль. Пантагрюэль по своей щедрости и въ благодарность за показанное святое изображеніе папы подарилъ Гоменацу девять кусковъ золотого сукна съ разводами, чтобы его повѣсить на желѣзное окно, велѣлъ наложить деньгами кружку, опредѣленную на исправленіе и ремонтъ церкви, и надѣлилъ каждую дѣвушку, служившую намъ за столомъ, девятьюстами четырнадцатью золотыми, вмѣсто приданаго.

LV.

О томъ, какъ Пантагрюэль услышалъ въ открытомъ морѣ разныя оттаявшія слова.

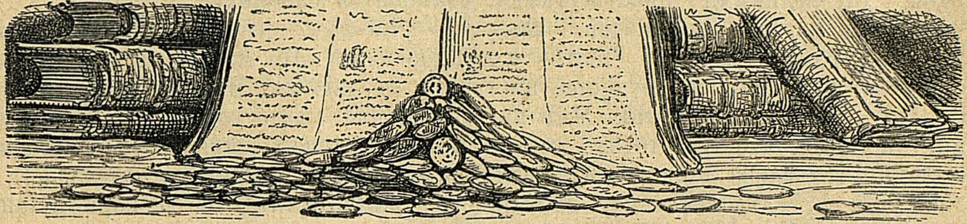
Когда мы находились уже въ открытомъ морѣ, пируя, болтая другъ съ другомъ и произнося славныя длинныя и короткія рѣчи, Пантагрюэль поднялся на ноги, чтобы хорошенько оглядѣться кругомъ. Затѣмъ спросилъ насъ:

— Товарищи, вы ничего не слышите? Мнѣ кажется, что я слышу, какъ нѣсколько человѣкъ говорятъ въ воздухѣ, однако никого не вижу. Прислушайтесь!

По его приказанію, мы стали слушать во всѣ уши: не донесется ли до насъ какой голосъ или звукъ? И чтобы ничего изъ нихъ не потерять, по примѣру императора Антонина, приложили руки ладонями за уши. Тѣмъ не менѣе, должны были сознаться, что ничего не слышимъ.

Пантагрюэль же продолжалъ утверждать, что слышитъ разные голоса въ воздухѣ, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Но вотъ, наконецъ, и намъ показалось, что мы тоже что-то слышимъ, или же у насъ въ ушахъ звенитъ. Чѣмъ сильнѣе напрягали мы слухъ, тѣмъ отчетливѣе слышали голоса и, наконецъ, стали разбирать и слова. Это насъ очень испугало и не безъ причины, потому что мы никого не видѣли, но слышали разные голоса, мужскіе, женскіе, дѣтскіе, и ржаніе лошадей. И вдругъ Панургъ закричалъ:

— Чортъ возьми! Смѣются надъ нами, что ли? Мы погибли. Бѣжимъ! Кругомъ насъ засада. Братъ Жанъ, здѣсь ли ты, другъ? Стань рядомъ со мною, прошу тебя. При тебѣ ли твой мечъ? Легко ли онъ вынимается изъ ноженъ, смотри! Ты его нехорошо чистишь. Мы пропали. Послушайте, это палятъ изъ пушекъ. Бѣжимъ! Не говорю на ногахъ и на четверенькахъ, какъ выразился Брутъ во время Фарсальской битвы, я говорю, на парусахъ и на веслахъ. Бѣжимъ! Спасемся бѣгствомъ! Я говорю это не изъ страха, потому что я ничего не боюсь, кромѣ опасности. Я всегда это говорилъ. То же самое говоритъ и стрѣлокъ изъ Беньоле[1]). Однако не слѣдуетъ ничѣмъ рисковать. Бѣжимъ! Поворачивай корабль, мерзавецъ! Дай Богъ, чтобъ я находился теперь въ Кенкенуа, хотя бы мнѣ не пришлось вовсе жениться! Бѣжимъ! Намъ съ ними не справиться. Ихъ десятеро противъ одного, увѣряю васъ. Мало того, они у себя дома, а мы не знаемъ мѣстности. Они насъ убьютъ. Бѣжимъ, тутъ нѣтъ стыда. Демосѳенъ говоритъ, что человѣкъ, спасающійся бѣгствомъ, потомъ опять будетъ сражаться. По крайней мѣрѣ отплывемъ подальше. Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!



Къ гл. LIII-й.

---

[1]) Въ стихотвореніи Виллона подъ этимъ заглавіемъ.

Пантагрюэль, услышавъ шумъ, производимый Панургомъ, сказалъ:

— Кто тамъ толкуетъ о бѣгствѣ? Посмотримъ сначала, что это за люди. Можетъ, они изъ нашихъ, да притомъ же я никого не вижу, а вѣдь я могу видѣть на сто миль въ окружности. Но послушайте. Я читалъ, что одинъ философъ, по имени Петроній, былъ того мнѣнія, что существуетъ нѣсколько міровъ, соприкасающихся другъ съ другомъ въ формѣ треугольника съ равными сторонами, въ центрѣ которыхъ находится За̀мокъ Истины, и въ немъ обитаютъ слова, идеи, прообразованіе и изображеніе всѣхъ прошлыхъ и будущихъ вещей; вокругъ нихъ помѣщается цѣлый вѣкъ. И въ иные годы, съ великими промежутками, часть ихъ падаетъ на людей, какъ роса на руно Гедеона. Часть же остается запасомъ на будущее время до истеченія столѣтія. Мнѣ помнится также, что Аристотель утверждаетъ, что слова Гомера крылатыя, движутся и, слѣдовательно, живыя. Мало того, Антифонъ ¹) говорилъ, что ученіе Платона похоже на слова, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ, будучи произносимы въ зимнее время, замерзаютъ отъ холода и становятся не слышны. Точно такъ, какъ-то, чему Платонъ учитъ юныхъ дѣтей, становится имъ понятнымъ только тогда, когда они состарятся. И вотъ было бы теперь кстати изслѣдовать, не здѣсь ли, паче чаянія, та страна, гдѣ такія слова оттаиваютъ. Еще удивительнѣе было бы, если бы здѣсь оказались голова и лира Орфея. Вѣдь послѣ того, какъ ѳракійскія женщины растерзали Орфея, онѣ бросили его голову и лиру въ рѣку Гебросъ. По этой рѣкѣ онѣ спустились въ Понтійское море и доплыли по немъ до острова Лесбоса. И голова испускала непрерывно заунывное пѣніе, точно оплакивала смерть Орфея, а лира, струны которой вѣтеръ перебиралъ, гармонически аккомпанировала пѣнію. Поглядимъ, не увидимъ ли ихъ около себя.

LVI.

О томъ, какъ въ числѣ замерзшихъ словъ Пантагрюэль открылъ сквернословіе.

Шкиперъ отвѣчалъ:

— Господинъ, не бойтесь ничего! Здѣсь граница ледовитаго моря, на которомъ въ началѣ прошлой зимы происходило большое и кровопролитное сраженіе между Аримаспійцами ¹) и Нефлидатами ²). Въ воздухѣ замерзли слова и крики мужчинъ и женщинъ, удары бойцовъ, бряцаніе оружія, напѣвы борцовъ, ржаніе коней и весь страшный гвалтъ битвы. Въ настоящее время, когда прошла суровая зима и наступила теплая и ясная весна, они таютъ и становятся слышны.

— Ей-богу, — сказалъ Панургъ, — я вѣрю этому. Но можно ли намъ увидѣть что нибудь? Мнѣ помнится, я читалъ, что подъ горою, на которой Моисей получилъ скрижали закона для евреевъ, народъ видѣлъ голоса.

— Глядите, глядите, — говорилъ Пантагрюэль, — вотъ нѣкоторыя еще не оттаяли.

И цѣлыми пригоршнями сталъ бросать на палубу замерзшія слова, походившія на разноцвѣтныя dragées ³). Мы увидѣли среди нихъ красныя, зеленыя, синія, черныя слова ⁴) и позолоченныя слова, которыя, согрѣтыя въ нашихъ рукахъ, таяли, какъ снѣгъ, и мы ихъ слышали, потому что они произнесены были на варварскомъ языкѣ. За исключеніемъ одного довольно крупнаго, которое, согрѣтое, руками брата Жана, издало звукъ въ родѣ того, какой издаютъ брошенные въ горячую золу каштаны, когда они лопаются, и всѣ мы вздрогнули отъ испуга.

— Въ свое время это былъ выстрѣлъ изъ фальконета, — сказалъ братъ Жанъ.

Панургъ попросилъ у Пантагрюэля еще словъ. Пантагрюэль отвѣчалъ, что давать слова дѣло влюбленныхъ.

---

¹) Одинъ греческій писатель.

¹) Сказочный одноглазый народъ древности.

²) Шествующій по облакамъ.

³) Обсахаренный миндаль.

⁴) Все это геральдическіе цвѣты.

— Ну, такъ продайте мнѣ, — говорилъ Панургъ.

— А это дѣло адвокатовъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—продавать слова. Я бы вамъ охотнѣе продалъ молчаніе, и главное дороже, подобно тому какъ неоднократно продавалъ его Демосѳэнъ за хорошія деньги.

Но не взирая на это, онъ бросилъ на палубу еще три или четыре пригоршни словъ.

И мы увидѣли слова обидныя, злыя, про которыя шкиперъ говорилъ намъ, что они иногда возвращаются въ глотку, изъ которой вылетѣли и пробиваютъ ее; слова страшныя и другія, непріятныя на видъ. Когда они растаяли, мы услышали: хипъ, хипъ, хипъ, хисъ, тихъ, торшъ, лорпь, бредедикъ, бредедакъ, фр, фрр, бу, бу, бу, трас, трак, тр, тр, тр, тр, тррр! Онъ, онъ, онъ, дуууунъ! Гогъ, магогъ, и не знаю еще какія варварскія слова. И мы предполагали, что это звуки отъ стычекъ и ржаніе лошадей въ моментъ схватки. Другія, покрупнѣе, тая, издавали звуки, походившіе на звуки трубы и рожка. Можете представить себѣ, какъ насъ это забавляло? Я хотѣлъ сберечь нѣсколько скверныхъ словъ, положивъ ихъ въ деревянное масло, подобно тому, какъ сберегаютъ снѣгъ и ледъ въ соломѣ. Но Пантагрюэль не захотѣлъ этого, говоря, что очень глупо беречь то, въ чемъ никогда нѣтъ недостатка, такъ какъ сквернословіе процвѣтаетъ среди всѣхъ добрыхъ и веселыхъ Пантагрюэлистовъ. Тутъ Панургъ немного разсердилъ брата Жана и заставилъ его призадуматься, такъ какъ онъ поймалъ его на словѣ въ тотъ моментъ, когда тотъ этого не ожидалъ, и братъ Жанъ пригрозилъ ему, что заставитъ его каяться, какъ раскаялся Жусомъ въ томъ, что продалъ на-слово сукно благородному Пателену [1]. Панургъ сдѣлалъ ему гримасу въ насмѣшку. Затѣмъ вскричалъ:

— Дай Богъ, чтобы здѣсь же я узналъ оракулъ божественной бутылки, не двигаясь дальше.

LVII.

О томъ, какъ Пантагрюэль вступилъ въ замокъ мессира Гастера [1]), перваго учителя всѣхъ художествъ въ мірѣ.

Въ тотъ самый день Пантагрюэль сошелъ на чудесный островъ,—чудесный какъ по его мѣстоположенію, такъ и по его владѣтелю. Этотъ островъ со всѣхъ сторонъ начинался съ крутизны, каменистой, неудобной для подъема, непріятной на глазъ, безплодной, и на которую взбираться было такъ же трудно, какъ на гору Дофинэ [2]), имѣющую форму круглой тыквы, и на которую, по человѣческой памяти, никто не могъ взобраться за исключеніемъ Дойяка, начальника артиллеріи короля Карла VIII Онъ поднялся на нее при помощи хитрой машины и нашелъ на ней стараго барана. Приходилось догадаться, кто его туда занесъ. Иные говорили, что его похитилъ, когда онъ былъ еще ягненкомъ, орелъ или филинъ, но ему удалось убѣжать отъ нихъ въ кусты.

Преодолѣвъ великія трудности подъема, не безъ того, чтобы вдоволь потрудиться и пропотѣть, мы нашли вершину горы такой красивой, плодородной, здоровой и восхитительной, что я подумалъ, что вотъ истинный садъ и рай земной, о мѣстоположеніи котораго спорятъ и препираются добрые богословы. Но Пантагрюэль утверждалъ, что это За̀мокъ Добродѣтели, описанный Гезіодомъ.

Владѣтелемъ этого острова былъ мессиръ Гастеръ, первый учитель всѣхъ художествъ здѣшняго міра. Если вы думаете, что огонь великій учитель всѣхъ художествъ, какъ пишетъ Цицеронъ, то ошибаетесь и заблуждаетесь. Если вы думаете, что Меркурій былъ первымъ изобрѣтателемъ художествъ, какъ вѣрили наши древніе друиды, то сильно заблуждаетесь. Правду говоритъ сатирикъ [3]), утверждающій, что мессиръ Гестеръ учитель всѣхъ художествъ. Съ нимъ мирно проживала добрая дама Пенія, иначе называемая Нужда, мать десяти музъ, отъ которой во время-óно, при участіи Поруса, господина Изобилія, произошелъ Амуръ, благородное дитя, посредникъ между небомъ и землею, какъ утверждаетъ Платонъ in Symposio. Этому храброму королю мы должны были заявить о своемъ почтеніи и поклятъся ему въ вѣрности и подчиненіи. Ибо онъ властный, строгій, непокладистый, требовательный, неумолимый. Его не обманешь, не уговоришь, не убѣдишь. Онъ ничего не слушаетъ. И какъ египтяне говорили про Гарпократа, бога молчанія, по-гречески именуемаго Сигальонъ, что онъ существо безо рта, такъ и Гастеръ созданъ былъ безъ ушей, подобно тому какъ въ Кандіи находилась статуя Юпитера безъ ушей. Онъ говоритъ только знаками. По его знаку всѣ на свѣтѣ повинуются быстрѣе, чѣмъ эдиктамъ преторовъ и приказамъ королей. Онъ не терпитъ и не допускаетъ никакихъ отсрочекъ въ исполненіи своихъ велѣній. Вы говорите, что при рыканіи льва всѣ животные въ округѣ трепещутъ все время, пока слышатъ его. Объ этомъ писали. И это правда. Я былъ тому свидѣтелемъ. Ну, и удостовѣряю васъ, что приказы мессира Гастера заставляютъ небеса дрожать и землю колебаться. Его велѣнія слѣдуетъ исполнить немедленно или умереть.

---

[1]) Изъ часто упоминаемаго фарса: «Пателенъ».

[1]) Около Гренобля.

[2]) Желудокъ, чрево.

[3]) Персій.

Шкиперъ разсказывалъ намъ, какъ однажды, по примѣру членовъ тѣла, возставшихъ противъ брюха, какъ это описываетъ Эзопъ, все царство Соматовъ ¹) составило противъ него заговоръ и рѣшилось ему больше не покоряться. Но вскорѣ само отъ того пострадало, раскаялось и смиренно вернулось на его службу. Иначе всѣ бы умерли отъ голоду. Въ какомъ бы обществѣ онъ ни находился, ему всегда оказывается предпочтеніе; онъ всегда идетъ впереди, хотя бы тутъ находились короли, императоры, даже самъ папа. На Базельскомъ соборѣ онъ шелъ впереди, хотя, какъ намъ извѣстно, на этомъ соборѣ много ссорились и препирались изъ-за первыхъ мѣстъ. Служить ему всѣ готовы: всѣ на него трудятся. Въ благодарность за это, онъ оказываетъ міру ту услугу, что изобрѣтаетъ всѣ искусства, всѣ машины, всѣ ремесла, всѣ другія и всѣ усовершенствованія. Даже звѣрей дикихъ онъ учитъ искусствамъ, въ которыхъ имъ отказала природа. Воронъ, галокъ, попугаевъ, дроздовъ онъ обращаетъ въ поэтовъ; сорокъ превращаетъ въ поэтессъ и учитъ ихъ человѣческому языку и пѣнію. И все это стомаха ради. Орловъ, коршуновъ, соколовъ и всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ онъ такъ приручаетъ, что если и предоставитъ имъ потомъ летать на полной волѣ и подниматься подъ облака, однако моментально заставитъ ихъ по первому знаку спуститься на землю. И все это стомаха ради.

Слоновъ, львовъ, носороговъ, медвѣдей, лошадей, собакъ онъ заставляетъ плясать, ходить по канату, сражаться, плавать, играть въ прятки, приносить поноску, брать все, что онъ хочетъ. И все это стомаха ради.

Рыбъ, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ, китовъ и морскихъ чудовищъ онъ вызываетъ изъ бездны, волковъ изъ лѣсовъ, лисицъ изъ норъ, змѣй изъ земли. И все это стомаха ради.

Короче сказать, онъ такъ огроменъ, въ своей прожорливости поѣдаетъ всѣхъ, звѣрей и людей, какъ было среди басковъ, когда ихъ осаждалъ Метеллъ во время серторіанскихъ войнъ, среди сагунтинцевъ, осажденныхъ римлянами, и шестисотъ другихъ. И все это стомаха ради.

Когда Пенія, его управительница, пускается въ путь, въ той мѣстности, куда она отправится, всѣ парламенты закрываются, законодательство бездѣйствуетъ, всякіе приказы тщетны. Никто не повинуется никакимъ закономъ, всѣ отъ нихъ уклоняются. Всѣ бѣгутъ отъ Пеніи, куда глаза глядятъ, предпочитая рисковать кораблекрушеніемъ на морѣ опасностью сгорѣть въ огнѣ, перебираются черезъ горы и пропасти, лишь бы не попасть ей въ лапы.

---

¹) Отъ греческаго Soma, тѣло.

LVIII.

О томъ, какъ при дворѣ учителя художествъ Пантагрюэль не взлюбилъ Энгастримиѳовъ[1]) и Гастролатровъ[2]).

При дворѣ этого великаго учителя художествъ Пантагрюэль увидѣлъ два сорта людей, навязчивыхъ, несносныхъ людей, которые ему страшно не понравились. Однихъ называли Энгастримиѳами, другихъ Гастролатрами. Энгастримиѳы увѣряли, что происходятъ отъ древняго рода Эврикла[3]), и ссылались на свидѣтельство о томъ Аристофана въ комедіи, подъ заглавіемъ «Осы». Почему въ древности и назывались Эрвиклейцами, о чемъ упоминаютъ Платонъ и Плутархъ въ книгѣ о прекращеніи оракуловъ. Въ святыхъ Декреталіяхъ, 26 d. 3 они зовутся чревовѣщателями, и такъ называетъ ихъ на іоническомъ нарѣчіи Гиппократъ, Lib. 5. Epid., какъ говорящихъ животомъ. Софоклъ называетъ ихъ Стерномантами[4]). Они были прорицателями, кудесниками и обманывали простыхъ людей, говоря какъ будто не ртомъ, а животомъ, и отвѣчая на вопросы тѣхъ, кто ихъ вопрошалъ.

Такого рода субъектомъ была, лѣта отъ Рождества Спасителя 1513, итальянка Жакоба Рододжина, женщина низкаго происхожденія, изъ чрева которой мы сами часто слышали,—да и многіе другіе тоже,—въ Феррарѣ и другихъ мѣстахъ, какъ вѣщалъ нечистый духъ голосомъ, правда, слабымъ и тихимъ, однако вполнѣ членораздѣльно, отчетливо и ясно, когда вельможи и государи Цизальпинской Галліи, движимые любопытствомъ, призывали ее. Чтобы устранить всякое сомнѣніе въ поддѣлкѣ или обманѣ, они раздѣвали ее до-нага и затыкали ей ротъ и носъ. Этотъ злой духъ требовалъ, чтобы его звали Креспеліó, или Цинцинатикъ, и, казалось, любилъ, чтобы его такъ называли. На это имя онъ немедленно отзывался. Когда его спрашивали о настоящихъ и прошедшихъ вещахъ, онъ давалъ такіе подходящіе отвѣты, что всѣ присутствующіе дивились. Если же его спрашивали на счетъ будущаго, онъ всегда лгалъ, никогда не говорилъ правды и часто какъ бы сознавался въ своемъ невѣдѣніи и вмѣсто отвѣта испускалъ вѣтры или же бормоталъ непонятныя и варварскія слова.

Гастролатры, съ другой стороны, всегда держались группами и ходили толпой: одни—веселые, смѣющіеся, довольные, другіе—печальные, серьезные, строгіе, надутые, но и тѣ и другіе неизмѣнно праздные, ничего не дѣлая, не трудясь и обременяя землю, какъ говоритъ Гезіодъ, опасаясь (можно было бы подумать), какъ бы не утрудить свое чрево и не похудѣть. При этомъ всѣ они маскировались, рядились и одѣвались такъ страннно, какъ только можно. Всѣ говорятъ, да въ писаніяхъ многихъ мудрецовъ и древнихъ философовъ это стоитъ, что искусство природы всего чудеснѣе выражается въ томъ разнообразіи, съ какимъ она создала морскія раковины, которыя такъ различны по формѣ и по цвѣту, что подражаніе имъ совсѣмъ недоступно для человѣческаго искусства. Но я увѣряю васъ, что въ костюмахъ этихъ Гастролатровъ-ракушекъ мы видѣли не менѣе разнообразія и изобрѣтательности. Всѣ они считали Гастера своимъ главнымъ богомъ, обожали его, какъ бога, поклонялись ему, какъ богу, не признавали иного бога, кромѣ него, служили ему, любили паче всего на свѣтѣ, благоговѣли, какъ передъ богомъ. Можно было бы подумать, что именно про нихъ святой апостолъ писалъ къ Филиппійцамъ, 3: «Многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю поступаютъ, какъ враги креста Христова. Ихъ конецъ—погибель, ихъ богъ—чрево.»

Пантагрюэль сравнивалъ ихъ съ циклопомъ Полиѳемомъ, которому Эврипидъ вкладываетъ такія слова: «Я служу только самому себѣ (а не богамъ) и своему чреву, величайшему изъ всѣхъ боговъ.»

---

[1]) Чревовѣщатель.

[2]) Чревоугодникъ.

[3]) Одинъ аѳинскій чревовѣщатель.

[4]) Отъ греч. sternon, грудь.

LIX.

О нелѣпой статьѣ, называвшейся Мандука 1), и о томъ, какъ и какія вещи Гастролатры приносятъ въ жертву своему богу-чреву.

Въ то время какъ мы не безъ удивленія разглядывали лица и жесты обжоръ Гастролатровъ, мы услышали громкій ударъ въ колоколъ, при которомъ всѣ немедленно выстроились какъ бы въ боевой порядокъ, каждый сообразно своему званію, положенію и роду. И въ этомъ видѣ они проходили передъ мессиромъ Гастеромъ вслѣдъ за жирнымъ, молодымъ пузаномъ, который несъ на длинной, позолоченной палкѣ очень дурно отесанную и грубо выкрашенную деревянную статую, подобную той, какую описываютъ Плавтъ, Ювеналъ и Помп. Фестъ. Въ Ліонѣ, во время карнавала, ее зовутъ Машкрутъ, а здѣсь ее звали Мандука. То было чудовищное, нелѣпое, безобразное изображеніе, настоящее пугало для дѣтей, съ глазами больше желудка, съ головой больше всего тѣла, съ большими, широкими, страшными челюстями, съ двумя рядами зубовъ сверху и снизу, которые дергали за веревочку, скрытую въ золоченой палкѣ, отчего они страшно щелкали, какъ это дѣлаютъ въ Метцѣ у дракона св. Климента.

Подойдя къ Гастролатрамъ, я увидѣлъ, что за ними идетъ толпа толстыхъ слугъ, которые несутъ корзины, свертки, горшки, мѣшки и котлы. Слѣдуя за Мандукой, они пѣли Богъ вѣсть какіе дифирамбы, похвалы и гимны своему богу и подносили ему, раскрывая свои корзины и кастрюли бѣлаго меду вмѣстѣ съ зажаренными кусочками бѣлаго хлѣба, ситнаго хлѣба, разнаго мяса, разныхъ похлебокъ, рагу и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно подавали питья: сначала бѣлое вино, затѣмъ красное, замороженное въ большихъ серебряныхъ чашахъ, Послѣ того опять подносили: колбасъ съ горчицей, сосисокъ, сервелитной колбасы, копченыхъ языковъ, ветчины, солонины, оливокъ въ маслѣ и пр Все это шло вперемежку съ питіями. Послѣ того вкладывали въ глотку: паштеты, свиныя котлеты, жареныхъ каплуновъ, куропатокъ, зайцевъ, перепеловъ, рябчиковъ, и другой жареной птицы и другихъ овощей, разныхъ пирожныхъ, сухого и жидкаго варенья семидесяти сортовъ и пр. и пр. Все это запивалось обильно виномъ, чтобы въ горлѣ не пересохло.

LX.

О томъ, какія жертвы приносили своему богу Гастролатры въ постные дни.

Когда Пантагрюэль увидѣлъ эту дрянь жертвоприносителей и великое множество и разнообразіе ихъ жертвъ, то разсердился и вернулся бы на корабль, если бы Эпистемонъ не упросилъ его остаться до конца этого фарса.

— А что же приносятъ въ жертву эти дураки своему богу-чреву въ постные дни?—спросилъ онъ

— Я скажу вамъ,—отвѣчалъ шкиперъ. Вмѣсто закуски, они подаютъ ему: икру, свѣжее масло, гороховое пюре, бобы, селедки, сардины, анчоусы и пр. и пр. Послѣ того необходимо пить или его чортъ унесетъ. И въ питьѣ нѣтъ недостатка, не бойтесь 1). Повѣрьте, что они употребляютъ всѣ старанія, чтобы этому Гастеру, ихъ богу, приносились болѣе обильныя и цѣнныя жертвы, нежели идолу Ваалу въ Вавилонѣ при царѣ Валтасарѣ. Тѣмъ не менѣе, Гастеръ сознался, что онъ не богъ, а жалкое, подлое, ничтожное созданіе. И какъ царь Антигонъ, первый по имени, отвѣчалъ нѣкоему Гермодоту (который въ стихахъ величалъ его богомъ и сыномъ солнца): «Мой лазанофоръ 2) это отрицаетъ.» (Лазанонъ — былъ тазъ, предназначенный для экскрементовъ). Такъ и Гастеръ отсылалъ этихъ мазаготовъ къ своему судну: разглядывать, философствовать и созерцать, какое божество находятъ они въ его залѣ.

---

1) Отъ manducare, жевать.

1) Тутъ слѣдуетъ длиннѣйшій перечень всевозможныхъ рыбъ и другихъ яствъ, перечислять которыя значило бы только утомить читателя.

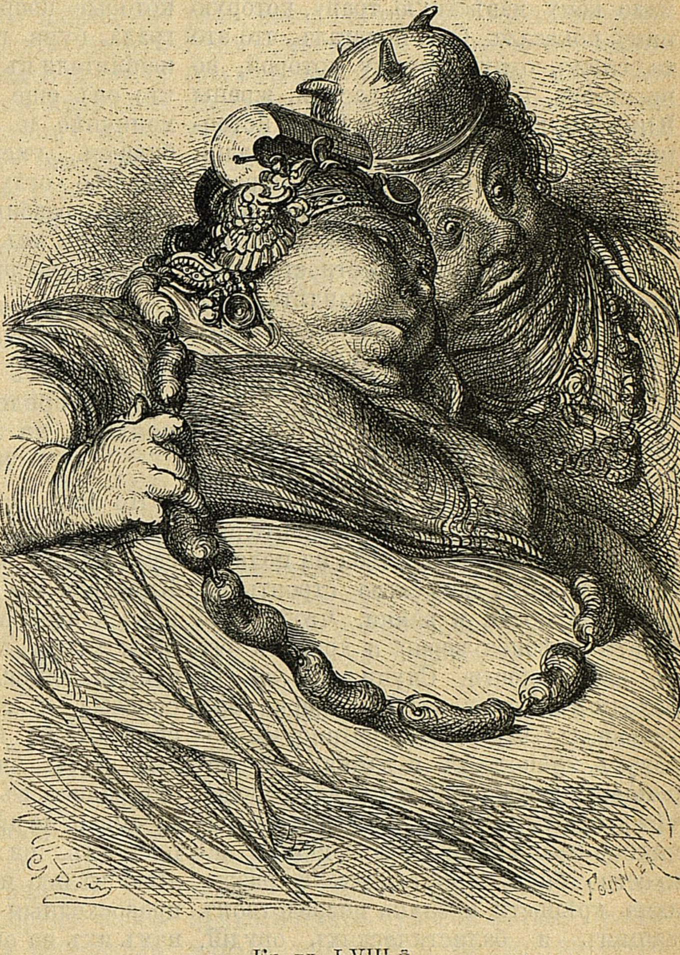
2) Слуга, убирающій посуду.

LXI.

О томъ, какъ Гастеръ изобрѣлъ способы получать и сохранять хлѣбъ.

Когда проклятые Гастролатры удалились, Пантагрюэль все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи Гастера, благороднаго изобрѣтателя искусства. Вы знаете, что природа опредѣлила ему въ пищу хлѣбъ и все, что къ нему относится, и, по милости небесъ, дала всѣ способы добывать и сохранять этотъ хлѣбъ. Съ самаго начала онъ изобрѣлъ земледѣліе, т. е. искусство, какъ обрабатывать землю, чтобы она производила хлѣбное зерно. Онъ изобрѣлъ военное искусство и оружіе, чтобы оборонять хлѣба; медицину и астрологію, вмѣстѣ съ математикой, необходимыя для того, чтобы сберегать хлѣбъ въ теченіе столѣтій, и оборонять его отъ непогоды, опустошенія дикими звѣрями и грабежа разбойниковъ. Онъ придумалъ водяныя, вѣтряныя и ручныя мельницы и тысячу другихъ машинъ, чтобы молоть хлѣбъ и обращать его въ муку; открылъ дрожжи, чтобы тѣсто поднималось; соль, чтобы придать ему вкусъ, такъ какъ онъ узналъ, что ничто такъ не вредитъ здоровью людей, какъ хлѣбъ прѣсный и безъ соли; огонь, чтобы его печь, часы и куранты, чтобы разсчитывать время, потребное на то, чтобы испечь хлѣбъ, дитя зерна.

Случалось, что въ какой-нибудь странѣ хлѣбъ не уродился. Онъ придумалъ способы перевозить его, доставлять его изъ одной страны въ другую. Онъ придумалъ скрещивать двѣ породы животныхъ: ословъ и лошадей для того, чтобы произвести третью, которая зовется мулами, и сильнѣе, крѣпче и выносливѣе въ работѣ, чѣмъ первыя двѣ. Онъ изобрѣлъ телѣги и фуры, чтобы удобнѣе перевозить хлѣбъ. Тамъ, гдѣ моря или рѣки мѣшали движенію, онъ изобрѣлъ барки, галеры, корабли (на удивленіе самихъ стихій), чтобы переплывать моря и рѣки и доставлять хлѣбное зерно варварскимъ, неизвѣстнымъ и дотолѣ недоступнымъ народамъ.



Къ гл. LVIII-й.

Бывало, что въ иные годы, по недостатку дождя, зерно высыхало въ землѣ и пропадало. Въ другіе же, напротивъ того, дожди шли въ излишествѣ и гноили зерно. Бывали и такіе годы, когда градъ убивалъ хлѣба или же зерно съ нихъ осыпалось изъ колосьевъ отъ вѣтра или же буря валила ихъ на землю. Передъ нашимъ прибытіемъ онъ изобрѣлъ способъ вызывать дождь изъ атмосферы, состоявшій только въ томъ, что онъ разрѣзывалъ на куски простую луговую, но мало кому извѣстную траву, которую намъ показалъ. Онъ полагалъ, что это та самая, одну вѣточку которой, во время-оно, въ случаѣ засухи, жрецы Юпитера клали въ Агрейскій источникъ на Ликейской горѣ въ Аркадіи, и она вызывала образованіе паровъ. Изъ этихъ паровъ образовались большія тучи и разрѣшались дождемъ, который орошалъ всю окрестность, такъ что любо-дорого было поглядѣть. Онъ изобрѣлъ также средство задерживать дождь въ воздухѣ и направлять его въ море. Изобрѣлъ способы предотвращать градъ, утишать вѣтры, разсѣивать бури, въ томъ родѣ, какъ то было въ ходу у Меѳаненцевъ въ Трезенахъ.

Произошла новая бѣда: грабители и разбойники воровали хлѣба на поляхъ. Онъ изобрѣлъ искусство строить города, крѣпости и замки, чтобы сберегать хлѣбное зерно и хранить его въ безопасности. Случилось, что не находя въ поляхъ хлѣбнаго зерна, онъ услышалъ, что оно спрятано въ городахъ, крѣпостяхъ и замкахъ и обороняется и хранится жителями строже, чѣмъ золотые яблоки Гесперидъ охранялись драконами. Онъ изобрѣлъ искусство брать приступомъ и разрушать крѣпости и замки посредствомъ машинъ и балистическихъ орудій, стѣнобойныхъ тарановъ и катапультъ, и показалъ намъ ихъ образцы, которые были плохо поняты инженерами и архитекторами, учениками Витрувія, какъ намъ это объяснилъ мессиръ Филиберъ де-Лормъ, великій архитекторъ короля Мегиста [1]). Когда же они перестали быть дѣйствительными, вслѣдствіе злостной утонченности или утонченной злости фортификаторовъ, то онъ изобрѣлъ пушки, полевыя орудія, бомбарды, мортиры, бросающія желѣзные, свинцовые, мѣдные снаряды, которые вѣсятъ болѣе, чѣмъ большія наковальни, посредствомъ страшнаго состава пороха, которому удивилась сама природа и сознала себя побѣжденною искусствомъ. Онъ тутъ превзошелъ искусство Оксидраковъ [1]), которые посредствомъ грома, молніи, града, бури побѣждали и истребляли непріятеля въ открытомъ полѣ. Потому что онъ еще ужаснѣе, страшнѣе, демоничнѣе и въ большемъ числѣ избиваетъ, умерщвляетъ людей, еще сильнѣе оглушаетъ ихъ сознаніе и больше разбиваетъ стѣнъ однимъ выстрѣломъ изъ василиска, нежели сто ударовъ молніи.

LXII.

О томъ, какъ Гастеръ изобрѣлъ способы и средства не быть ни пораненымъ, ни задѣтымъ выстрѣломъ изъ пушки.

Но вотъ случилось, что Гастеръ, пряча хлѣбное зерно по крѣпостямъ, самъ былъ осажденъ непріятелемъ. Крѣпости его были разрушены проклятой адской машиной, хлѣбное зерно и хлѣбъ отняты и разсѣяны титанической силой. Тогда онъ изобрѣлъ способы и средства такъ охранять свои стѣны и бастіоны отъ канонады, чтобы ядра ихъ не касались, а оставались въ воздухѣ, или же, коснувшись, не причиняли вреда ни укрѣпленіямъ, ни ихъ защитникамъ. Съ этою цѣлью имъ были уже приняты превосходныя мѣры, и онъ показалъ намъ ихъ на опытѣ, которымъ съ тѣхъ поръ воспользовался Фронтонъ и въ настоящее время имъ пользуются при своихъ мирныхъ занятіяхъ и играхъ Телемиты. Въ чемъ состоялъ опытъ, слѣдуетъ ниже, и надѣюсь, что отнынѣ вы скорѣе повѣрите тому, что говорилъ Плутархъ о своемъ опытѣ: Когда стадо козъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ, то положите вѣточку репейника въ глотку послѣдней козы въ стадѣ, и все стадо внезапно остановится.

---

[1]) Архитекторъ короля Генриха II, ум. 1577.

[1]) Аполлоній Тіанскій, II, 33.

Гастеръ же клалъ въ бронзовую пушку пороху, очищеннаго отъ сѣры, съ примѣсью въ извѣстной пропорціи мелкой камфары, а на него желѣзное ядро тяжелаго калибра и двадцать одну дробинку, изъ которыхъ однѣ были круглыя и сферическія, другія въ формѣ слезы. Затѣмъ, направивъ дуло въ одного изъ своихъ юныхъ пажей, поставленнаго въ шестидесяти шагахъ разстоянія, точно собираясь пробить ему ядромъ туловище, онъ привѣшивалъ между пушкой и пажомъ на веревкѣ, прикрѣпленной къ висѣлицѣ, большой магнитный, иначе говоря, геркуланскій камень, найденный нѣкогда на фригійской Идѣ нѣкіимъ Magnes, по увѣренію Никандра. Мы называемъ его въ просторѣчіи магнитомъ. Затѣмъ клалъ огонь въ жерло пушки. Когда порохъ сгоралъ, то выходило, что, во избѣжаніе пустоты (которой природа не терпитъ, такъ что скорѣе вся механика вселенной: небо, воздухъ, земля, море—превратились бы въ первобытный хаосъ, нежели наступила въ мірѣ пустота), ядро и дробинки неистово выбрасывались изъ жерла пушки, дабы воздухъ могъ въ нее проникнуть, иначе въ ней воцарилась бы пустота, такъ какъ порохъ былъ внезапно истребленъ огнемъ. Ядро и дробинки, пущенныя съ такой силой, казалось, должны были убить пажа; но въ тотъ моментъ, какъ они приближались къ вышеназванному камню, они теряли свою силу и всѣ оставались въ воздухѣ и вертѣлись вокругъ камня, и ни одна не долетала до пажа.

Но мало того: онъ изобрѣлъ способы и средство заставлять, непріятельскія ядра летѣть обратно и съ той же силой и въ томъ же направленіи, какъ если бы ими палили въ непріятеля съ превеликой для него опасностью. Этого было ему не трудно добиться, принимая во вниманіе, что трава Aethiopis отпираетъ всѣ замки, къ которымъ ее приложатъ, а Echeneis, очень глупая рыба, задерживаетъ всѣ вѣтры и самые большіе корабли вынуждаетъ стоять на мѣстѣ, несмотря на сильнѣйшую бурю, соленое же мясо той же рыбы привлекаетъ золото изъ такой глубины водъ, какую трудно измѣрить лотомъ.

Принимая во вниманіе также, что Демокритъ пишетъ, а Теоѳрастъ этому вѣритъ и испыталъ, что существуетъ трава, отъ одного прикосновенія которой желѣзный клинъ, глубоко и крѣпко вбитый въ какое-нибудь твердое дерево, внезапно изъ него выскакиваетъ. Этимъ способомъ пользуются птицы (вы ихъ называете дятлами), когда желѣзнымъ клиномъ заклепываютъ ихъ гнѣзда, которыя они съ такимъ искусствомъ выдалбливаютъ въ стволѣ толстыхъ деревьевъ.

Принимая во вниманіе также, что олени и лани, въ которыхъ вонзились стрѣлы или копья, легко извлекаютъ ихъ изъ своихъ ранъ, если найдутъ траву, которая растетъ на островѣ Критѣ и называется Dictam, и поѣдятъ этой травы. Тогда стрѣлы всѣ выходятъ, не причинивъ имъ никакого вреда. Этою травою Венера вылечила своего возлюбленнаго сына Энея, раненаго въ правое бедро стрѣлой, пущенной сестрою Турнуса, Ютурной.

Принимая во вниманіе также, что запахъ лавровъ, фиговыхъ деревьевъ и тюленей отводитъ молнію и она никогда ихъ не поражаетъ. Принимая во вниманіе также, что при одномъ видѣ барана взбѣсившіеся слоны приходятъ въ себя; бѣшеные и свирѣпые быки, подходя къ дикимъ фиговымъ деревьямъ, которыя мы зовемъ козьими фигами, усмиряются и становятся неподвижны, точно прирастаютъ къ землѣ. Ярость ехиднъ утихаетъ отъ прикосновенія буковой вѣтки. Принимая во вниманіе и то, что на островѣ Самосѣ, до того времени какъ на немъ животныхъ, называвшихся Неадами и отъ голоса которыхъ земля разсѣдалась и образовала пропасти. Принимая во вниманіе наконецъ, что Теоѳрастъ повѣствуетъ, на основаніи сказаній древнихъ мудрецовъ, что бузина пригоднѣе бываетъ для изготовленія флейтъ и даетъ болѣе мелодичный звукъ въ странахъ, гдѣ не слыхать пѣнія пѣтуховъ, точно пѣніе послѣднихъ размягчаетъ и портитъ бузинное дерево. Причемъ будто бы и левъ, животное сильное и храброе, заслышавъ пѣніе пѣтуха, тоже робѣетъ и смущается. Я знаю, что нѣкоторые поняли этотъ разсказъ такъ, что рѣчь идетъ о дикой бузинѣ, которая растетъ такъ далеко отъ городовъ и деревень, что туда не доносится пѣніе пѣтуха, и что во всякомъ случаѣ это дерево пригоднѣе для флейтъ и другихъ инструментовъ, нежели то, которое растетъ около хижинъ и стѣнъ. Зато другіе ищутъ въ немъ иной и болѣе возвышенный, аллегорическій смыслъ, по обычаю пиѳагорейцевъ. Подобно тому, какъ говорилось, что статую Меркурія не слѣдуетъ дѣлать изъ какого дерева ни попало, такъ и они утверждаютъ, что богу не слѣдуетъ поклоняться грубымъ образомъ, но возвышеннымъ и религіознымъ. Точно такъ эта сентенція учитъ насъ, что люди разсудительные и любознательные не должны заниматься тривіальной и вульгарной музыкой, но небесной, божественной, ангельской, болѣе отвлеченной и принесенной, изъ дали, то-есть изъ мѣстности, гдѣ неслышно пѣнія пѣтуха. Ибо, желая обозначить, что какое-нибудь мѣсто очень уединенное и мало посѣщаемое, мы говоримъ, что въ немъ никто не слыхалъ пѣнія пѣтуха.

LXIII.

О томъ, какъ Пантагрюэль заснулъ вблизи острова Ханефа 1), и о задачахъ, предложенныхъ ему, при пробужденіи, на разрѣшеніе.

На слѣдующій день мы продолжали путь въ пріятной бесѣдѣ и прибыли къ острову Ханефу, подойти къ которому корабль Пантагрюэля не могъ, потому что вѣтеръ палъ и наступилъ штиль. Мы еле двигались, переваливаясь со штирборта на бакбортъ, хотя къ парусамъ присоединили и бинеты. Мы всѣ сидѣли задумчивые, угрюмые, пасмурные и сердитые, и ни слова не говорили другъ съ другомъ. Пантагрюэль, держа въ рукахъ греческаго Геліодора, дремалъ, растянувшись въ люкѣ на гамакѣ. Такова была у него привычка, потому что съ книгой въ рукѣ онъ лучше спалъ, нежели безъ книги. Эпистемонъ справлялся по астролябіи, на какой высотѣ находится полюсъ. Братъ Жанъ ушелъ въ кухню и по восхожденію вертеловъ и гороскопу фрикассе разсчитывалъ, который часъ.

Панургъ, взявъ въ ротъ соломинку отъ пантагрюэльона, пускалъ мыльные пузырки. Гимнастъ вырѣзывалъ зубочистки изъ дерева. Понократъ мечталъ и мечтая щекоталъ себя для смѣха и пальцемъ скребъ голову. Карпалимъ строилъ изъ орѣховой скорлупы красивую, маленькую, веселую мельницу съ четырьмя крыльями изъ ольховой коры. Эстенъ игралъ пальцами на длинной кулевринѣ, точно на монахордѣ. Ризотомъ изготовлялъ бархатистый кошелекъ изъ раковины земляной черепахи. Ксеноманъ чинилъ старый фонарь соколиными ремнями. Нашъ шкиперъ водилъ за носъ своихъ матросовъ, когда братъ Жанъ, вернувшись изъ кухни, увидѣлъ, что Пантагрюэль проснулся.

Онъ немедленно прервалъ упорное молчаніе громкимъ и веселымъ вопросомъ: Какъ бы имъ прекратить штиль? Панургъ, въ свою очередь, спросилъ, какое средство существуетъ отъ дурного расположенія духа. Эпистемонъ весело спросилъ, какъ заставить себя пить, когда не хочется. Гимнастъ, поднимаясь на ноги, попросилъ лекарства отъ темноты въ глазахъ. Понократъ, потирая лобъ и уши, попросилъ совѣта, какъ спастись отъ собачьяго сна.

— Постойте,—сказалъ Пантагрюэль,—хитроумные философы-перипатетики учатъ насъ тому, что всѣ задачи, всѣ вопросы, всѣ сомнѣнія, предложенные на разрѣшеніе, должны быть точны, ясны и понятны, Что вы понимаете подъ словами: собачій сонъ?

— Спать натощакъ (отвѣчалъ Понократъ) на солнечномъ припекѣ, какъ спятъ собаки.

---

1) Chaneph по-еврейски—лицемѣръ. Прим. Раблэ.

Дизотомъ прикурнулъ около насоса. И теперь, поднявъ голову и зѣвая во весь ротъ, такъ что, по симпатіи, вызвалъ такую же зѣвоту у всѣхъ своихъ спутниковъ, попросилъ средства отъ качки и отъ зѣвоты. Ксеноманъ, углубленный въ исправленіе фонаря, спросилъ, какимъ образомъ возстановить равновѣсіе въ желудкѣ, чтобы его не клонило ни на ту, ни на другую сторону. Карпалимъ, вертя вокругъ себя шпагою, спрашивалъ, какія естественныя движенія слѣдуетъ считать предвѣстниками того, что человѣкъ голоденъ. Эстенъ, услышавъ шумъ, поспѣшилъ на палубу, и уже съ кабестана прокричалъ вопросъ: Почему человѣкъ, укушеный, будучи натощакъ, змѣей, которая тоже была натощакъ, подвергается большей опасности умереть, равно какъ и сама змѣя; почему слюна человѣка натощакъ ядовита для всѣхъ ядовитыхъ змѣй и животныхъ?

— Друзья, — отвѣчалъ Пантагрюэль,—для всѣхъ сомнѣній и вопросовъ, высказанныхъ вами, существуетъ только одно рѣшеніе, а для всѣхъ симптомовъ и несчастныхъ случаевъ—только одно лекарство. Отвѣтъ будетъ краток, безъ всякихъ околичностей и словоизверженій: голодное брюхо ко всему глухо; оно ничего не слышитъ. Потому вы должны довольствоваться знаками, жестами и движеніями рукъ, вмѣсто отвѣта. Такъ точно во время оно въ Римѣ Тарквиній Гордый, послѣдній римскій царь (говоря это, Пантагрюэль тянулъ веревку колокола, и братъ Жанъ тотчасъ же побѣжалъ въ кухню) знакомъ отвѣчалъ своему сыну Сексту. Послѣдній находился въ городѣ Габинцевъ и прислалъ ему гонца съ вопросомъ: Какими способами можетъ онъ покорить Габинцевъ и привести ихъ въ полное повиновеніе? Царь Тарквиній, не довѣряя гонцу, ничего ему не отвѣтилъ, но повелъ его къ себѣ въ садъ и при немъ срѣзалъ мечомъ нѣсколько головокъ мака, которыя переросли другихъ. Вѣстникъ, вернувшись безъ отвѣта, пересказалъ сыну то, что сдѣлалъ его отецъ, и тому не трудно было понять, что онъ совѣтуетъ ему отрубить головы вельможамъ города, чтобы скорѣе привести въ полное подчиненіе простой народъ.

LXIV.

О томъ, какъ Пантагрюэль оставилъ безъ отвѣта предложенные вопросы.

Послѣ того Пантагрюэль спросилъ: Что за люди живутъ на этомъ собачьемъ островѣ?

— Все это лицемѣры,—отвѣчалъ Ксеноманъ,—страждущіе водянкой, фарисеи, ханжи, пустосвяты, пустынники. Всѣ они бѣдные люди, живутъ (какъ и пустынникъ въ лормонѣ, между Блэ и Бордо) только милостынею, которую имъ подаютъ путешественники.

— Ну, такъ я туда не поѣду,—сказалъ Панургъ,—завѣряю васъ. Если я туда отправлюсь, пусть меня чортъ возьметъ! Пустынники, лицемѣры, ханжи, фарисеи — чортъ васъ возьми, провалитесь вы совсѣмъ! Я еще не забылъ встрѣчу съ жирными Шезильскими соборянами. Чтобы Вельзевулъ и Астаротъ свели васъ съ Прозерпиной! Сколько бѣды, грозы и всякой чертовшины испытали мы отъ встрѣчи съ ними! Послушай-ка, мой голубчикъ, мой капральчикъ, Ксеноманъ, скажи ради Бога: эти лицемѣры, пустынники, нищенки—что они, такое: дѣвственники или женатые люди? Есть ли между ними женскій полъ? И нельзя ли съ ними лицемѣрно полицемѣриться?

— Вотъ, поистинѣ, прекрасный и забавный вопросъ!—сказалъ Пантагрюэль.

— Да, конечно,—отвѣчалъ Ксеноманъ. Тамъ находятся прекрасныя и веселыя лицемѣрки, пустосвяточки и всѣ онѣ большія богомолки. Есть и малютки-пустынннички и лицемѣрчики. (Долой ихъ! сказалъ братъ Жанъ, перебивая его. Отъ юнаго пустынника родится старый чортъ. Замѣтьте эту достовѣрную пословицу!) Въ противномъ случаѣ безъ приплода давно бы уже островъ Ханефъ сталъ необитаемъ и безлюденъ.

Пантагрюэль послалъ имъ съ Гимнастомъ милостыню въ лодкѣ: семьдесятъ восемъ тысячъ красивенькихъ полъ-экю фонарныхъ. Затѣмъ спросилъ,—который часъ.

— Девятый,—отвѣчалъ Эпистемонъ.

— Вотъ,—сказалъ Пантагрюэль,—настоящій обѣденный часъ. Священная линія[1]), которую такъ восхваляетъ Аристофанъ въ своей комедіи «Predicantes», какъ разъ теперь наступаетъ. У древнихъ персовъ часъ обѣда былъ назначенъ для однихъ только королей. Для всѣхъ остальныхъ смертныхъ часами служили апетитъ и желудокъ. И у Плавта одинъ паразитъ жалуется и горько сѣтуетъ на изобрѣтателей часовъ и курантовъ, ссылаясь на то, что нѣтъ,—это всѣмъ извѣстно— вѣрнѣе часовъ, чѣмъ желудокъ. Діогенъ, спрошенный о томъ, въ который часъ человѣкъ долженъ обѣдать, отвѣчалъ: «Богатый, когда голоденъ; бѣдный, когда есть что̀ поѣсть.»

Еще опредѣленнѣе выражаются медики о каноническомъ часѣ, говоря: «Вставать надо въ пять, обѣдать въ девять, ужинать въ пять, ложиться въ девять часовъ.» Знаменитый король Птозирисъ[2]) придерживался иного рода магіи...

Пантагрюэль не успѣлъ этого договорить, какъ оффиціанты разставили столы и буфеты, покрыли ихъ благовонными скатертями, салфетками, разставили солонки, принесли кубки, чаши, бокалы, кружки, бутылки, ендовы. Братъ Жанъ, съ помощью метрдотелей, хлѣбопековъ, виночерпіевъ, стольниковъ, мундкоховъ, внесъ четыре колоссальныхъ паштета съ ветчиной, напомнившихъ мнѣ своими размѣрами четыре бастіона въ Туринѣ. Боже милостивый, сколько было выпито и съѣдено! Они не добрались еще до десерта, какъ нордъ-остъ принялся надувать паруса и всѣ запѣли хвалебные гимны Всевышнему Богу.

Когда подали фрукты, Пантагрюэль спросилъ:

— Скажите, друзья, разсѣялись ли всѣ ваши сомнѣнія?

— Я больше не зѣваю, слава Богу,—сказалъ Ризотомъ.

— Больше не сплю по-собачьи,—произнесъ Понократъ.

— У меня не темнѣетъ больше въ глазахъ,—отвѣчалъ Гимнастъ.

— Я не нахожусь больше натощакъ,—сказалъ Эстенъ,—и на на сегодняшній день отъ моей слюны безопасны, ехидны, скорпіоны, піявки и пр.[1])

LXV.

О томъ, какъ Пантагрюэль со своими людьми поднимаетъ вѣтеръ.

— Въ какой отдѣлъ,—спросилъ братъ Жанъ,—ядовитыхъ животныхъ помѣщаете вы будущую жену Панурга?

— Ты позоришь женщинъ!—отвѣчалъ Панургъ. Ахъ, ты негодный монахъ!

—Эврипидъ говоритъ,—замѣтилъ Эпистемонъ,—а Андромахъ подтверждаетъ это, что противъ всякихъ ядовитыхъ животныхъ люди изобрѣли, по указанію боговъ, разныя цѣлебныя средства. Только отъ злой жены до сихъ поръ не найдено никакого лекарства.

— Ругатель Эврипидъ,—сказалъ Панургъ,—всегда дурно отзывался о женщинахъ, а потому въ отместку его пожрали собаки, какъ его укоряетъ въ томъ Аристофанъ. Но продолжайте. За кѣмъ очередь?

— Теперь я буду пить, сколько угодно,—замѣтилъ Эпистемонъ.

— Мой желудокъ теперь полонъ, сказалъ Ксеноманъ,—меня больше не клонитъ ни на ту, ни на другую сторону, и я сохранилъ равновѣсіе.

— Мнѣ не нужно больше,—объявилъ Карполимъ,—ни вина, ни хлѣба. Не чувствую больше ни голода, ни жажды.

— Я больше не сержусь,—сказалъ Панургъ,—благодареніе Богу и вамъ. Я веселъ, какъ попугай, бодръ, какъ орликъ, живъ, какъ бабочка. Вашъ же прекрасный Эврипидъ говоритъ устами Силена, незабвеннаго пьяницы: «Тотъ безумецъ, лишенный здраваго смысла, кто пьетъ вино и не становится отъ того веселѣе.»

---

[1]) На солнечныхъ часахъ.

[2]) Ptosiris—король древняго Египта, математикъ и магикъ. Прим. Раблэ.

[1]) По обычаю, Раблэ перечисляетъ всѣхъ существующихъ и несуществующихъ ядовитыхъ гадовъ.

— Мы должны благодарить милосерднаго Бога, Творца нашего, который этимъ добрымъ хлѣбомъ и этимъ добрымъ виномъ и этимъ добрымъ мясомъ не только излечиваетъ насъ отъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ, но доставляетъ намъ еще и удовольствіе и наслажденіе ѣдой и питьемъ. Но вы еще не отвѣтили на вопросъ почтеннаго добряка брата Жана, который спрашивалъ васъ, какъ поднять вѣтеръ?

— Такъ какъ вы довольствуетесь такимъ легкимъ рѣшеніемъ вашихъ сомнѣній,—сказалъ Пантагрюэль,—то и я съ ними покончу. Въ другой разъ мы подробнѣе потолкуемъ объ этомъ, если вамъ угодно. Остается, значитъ, рѣшить вопросъ брата Жана о способѣ поднять вѣтеръ. Но вѣдь мы его уже подняли, Взгляните, на вымпелъ на марсѣ! Взгляните, какъ напряглись перегородки и ванты. Въ то время какъ мы поднимали и опорожняли кубки, по тайной симпатіи природы, поднялся и вѣтеръ. Такимъ образомъ поднимали его Атласъ и Геркулесъ, если вѣрить миѳологическимъ мудрецамъ. Но только они слишкомъ постарались! Атласъ, чтобы получше угостить своего гостя; Геркулесъ вслѣдствіе того, что передъ этомъ очень натерпѣлся отъ жажды въ Ливійской пустынѣ.

— Это вѣрно! — перебилъ братъ Жанъ. Я слышалъ отъ многихъ почтенныхъ докторовъ, что Тирлюпенъ, погребщикъ вашего добраго отца, ежегодно сберегалъ слишкомъ тысячу восемьсотъ бочекъ вина тѣмъ, что давалъ пить гостямъ и слугамъ прежде, нежели они почувствуютъ жажду.

— Это,—продолжалъ Пантагрюэль,— въ родѣ того, какъ верблюды и дромадеры въ караванахъ напиваются за прошлое, за настоящее и за будущее время. Такъ поступилъ и Геркулесъ, и, благодаря такому необыкновенно сильному вѣтру въ небѣ, произошли колебанія и измѣненія, надъ которыми ломали головы и такъ сильно спорили безумные астрологи.

— То же самое,—сказалъ Панургъ,— говоритъ пословица: «Непогода проходитъ, и наступаетъ погода, въ то время какъ запиваютъ виномъ жирную ветчину.»

— И мы не только, — продолжалъ Пантагрюэль,—подняли вѣтеръ, пока ѣли и пили, но и облегчили корабль, и не только тѣмъ способомъ, какимъ облегчилъ корзинку Эзопъ, а именно: поѣвши провизію, но и избавившись отъ истощенія. Ибо подобно тому, какъ мертвое тѣло тяжелѣе живого, такъ и человѣкъ натощакъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ тогда, когда сытно поѣстъ и выпьетъ. И совершенно правы тѣ, которымъ предстоитъ длинный путь, и они утромъ, когда пьютъ и завтракаютъ, говорятъ: «Отъ этого наши кони быстрѣе побѣгутъ.» Развѣ вы не знаете, что во время оно амиклейцы пуще всѣхъ боговъ почитали и обожали благороднаго отца Бахуса и называли его Псила. Это же названіе на дорическомъ языкѣ означаетъ крылья. Ибо подобно тому, какъ птицы легко и высоко летаютъ, такъ и съ помощью Бахуса доброе, вкусное и прелестное вино, увеселяя духъ людей, смягчаетъ и облегчаетъ въ нихъ все земное.

LXVI.

О томъ, какъ, по приказу Пантагрюэля, привѣтствовались музы близъ острова Воровского.

Попутный вѣтеръ и веселыя рѣчи не прекращались, когда Пантагрюэль открылъ вдали гористую землю и, указавъ на нее Ксеноману, спросилъ:

— Видите ли вы вонъ тамъ, налѣво, высокую скалу съ двумя вершинами, которая очень похожа на Парнасъ въ Фокеѣ?

— Отлично вижу,—отвѣчалъ Ксеноманъ. Это Воровской островъ. Хотите къ нему пристать?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— И хорошо дѣлаете, — сказалъ Ксеноманъ. Глядѣть тамъ не на что, населеніе же состоитъ изъ однихъ воровъ и мошенниковъ. Но вотъ на правой вершинѣ находится лучшій источникъ въ мірѣ, а вокругъ него большой лѣсъ. Нашъ экипажъ могъ бы тамъ запастись топливомъ и водой.

— Умно сказано, — замѣтилъ Панургъ. Да, да, да! Не слѣдуетъ никогда приставать къ землѣ воровъ и мошенниковъ. Увѣряю васъ, что здѣсь такая же мѣстность, какъ я видѣлъ въ былое время на островахъ Керкъ и Гермъ, между Бретанью и Англіей. Такою же былъ и Понерополь Филиппа во Ѳракіи,—острова, населенные разбойниками, пиратами, убійцами, ворами, тюремными подонками. Прошу васъ, не приставайте къ этому берегу. Если мнѣ не вѣрите, то послушайтесь по крайней мѣрѣ совѣта добраго и мудраго Ксеномана. Тутъ жители, клянусь скотскимъ падежомъ, хуже каннибаловъ. Они живыми съѣдятъ насъ. Не причаливайте, Бога ради! Поскорѣе уплывемъ отсюда прочь.

— Сойдемъ на берегъ, — говорилъ братъ Жанъ, — сойдемъ непремѣнно. Иначе мы никогда не отдохнемъ отъ плаванія. Ну же, причаливайте! Мы ихъ всѣхъ перебьемъ. Сойдемъ на берегъ.

— Чортъ возьми, — отвѣчалъ Панургъ,—этотъ чортовъ монахъ ничего не боится. Онъ отчаянная голова и о другихъ не думаетъ. Ему кажется, что всѣ монахи, какъ и онъ самъ.

— Ступай ко всѣмъ чертямъ, негодный трусъ, — возражалъ братъ Жанъ. Пусть они анатомируютъ твой мозгъ и превратятъ его въ крошево. Этотъ негодяй такъ труслив и золъ, что безпрестанно марается отъ страха. Если тебѣ такъ страшно, не сходи на берегъ, спрячься здѣсь гдѣ-нибудь.

При этихъ словахъ Панургъ исчезъ и спрятался въ трюмѣ среди хлѣбныхъ корокъ и крошекъ.

— Я ощущаю въ душѣ какъ бы неотразимое отвращеніе,—сказалъ Пантагрюэль. Словно нѣкій голосъ говоритъ мнѣ, что намъ не слѣдуетъ сходить здѣсь на берегъ. Всякій разъ, какъ я ощущалъ нѣчто подобное, я всегда убѣждался, что хорошо сдѣлалъ, послушавшись внутренняго голоса, и никогда въ этомъ не раскаявался.

— Это нѣчто въ родѣ демона Сократа, котораго такъ прославляютъ академики,—сказалъ Эпистемонъ.

— Послушайте-ка,—вмѣшался братъ Жанъ. Пока наши люди запасаются топливомъ и водою, а Панургъ сидитъ, какъ волкъ въ берлогѣ, хотите позабавиться? Прикажите стрѣлять изъ пушекъ, это будетъ нашимъ привѣтствіемъ музамъ анти-Парнаса. Кстати же порохъ въ нихъ даромъ портится.

— Хорошо, — отвѣчалъ Пантагрюэль, — призовите сюда главнаго бомбардира.

Бомбардиръ поспѣшно явился. Пантагрюэль приказалъ ему выпалить изъ пушки и на всякій случай снова ее зарядить, что и было немедленно исполнено. Бомбардиры остальныхъ кораблей, при первомъ же выстрѣлѣ изъ пушки на кораблѣ Пантагрюэля, принялись палить изъ своихъ. Повѣрьте, что шума было довольно.

LXVII.

О томъ, какъ Панургъ отъ страха обмарался и принялъ за чертенка большого кота Родилярдуса.

Панургъ, точно одурѣлый козелъ, выскочилъ изъ трюма въ одной рубашкѣ, успѣвъ только на одну ногу натянуть штаны, съ бородой, осыпанной хлѣбными крошками, держа въ одной рукѣ большого кота, который впѣпился когтями въ его штаны, и шевеля челюстями, какъ обезьяна, которая ищетъ въ головѣ вшей. Дрожа всѣмъ тѣломъ и стуча зубами, подбѣжалъ онъ къ брату Жану, который сидѣлъ на русленяхъ штильборта и умолялъ его сжалиться надъ нимъ и защитить его своимъ мечомъ, клянясь и божась всѣми папиманами, что только-что видѣлъ всѣхъ чертей, сорвавшихся съ цѣпи.

— Другъ мой, — говорилъ онъ,— братъ мой, духовный отецъ мой, сегодня черти празднуютъ свадьбу. Ты еще не видывалъ такихъ приготовленій къ адскому банкету. Видишь ли ты дымъ изъ адскихъ кухонъ?—И, говоря это, указывалъ на дымъ отъ пушекъ, окутывавшій всѣ корабли.—Ты не видывалъ еще такой толпы душъ осужденныхъ грѣшниковъ. И знаешь что, другъ мой? Они такъ нѣжны, такъ блѣдны, такъ деликатны, настоящая амброзія Стикса. Я подумалъ (прости меня Богъ!), что это англійскія души. Должно быть, Лошадиный островъ около Шотландіи взятъ господами де-Термъ и Дессе и опустошенъ, а всѣ англичане на немъ перебиты. [1])

Братъ Жанъ при его приближеніи услышалъ какой-то посторонній пороху запахъ, и вытащивъ Панурга на средину палубы, увидѣлъ, что вся рубашка у него перепачкана. Однимъ изъ симптомовъ и послѣдствій испуга является обыкновенно то, что онъ отпираетъ двери сераля, гдѣ задерживается фекальная матерія. . . [2]).

. . . .

. . . .

. . . .

Братъ Жанъ, затыкая носъ правой рукой, лѣвою показывалъ Пантагрюэлю на рубашку Панурга. Пантагрюэль, увидя, что тотъ такъ напугался, весь дрожитъ, ни съ того, ни съ сего, испачканъ и исцарапанъ когтями знаменитаго кота Родилярдуса, не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ ему:

— Зачѣмъ вамъ понадобился этотъ котъ?

— Этотъ котъ?—переспросилъ Панургъ. Чортъ меня побери! Вѣдь я думалъ, что это чертенокъ вцѣпился мнѣ въ штаны и что онъ выскочилъ изъ большой адской квашни. Чортъ бы побралъ кота! Онъ меня всего испарапалъ.

Говоря это, онъ отшвырнулъ кота.

— Ступай,—сказалъ Пантагрюэль,—ступай, ради Бога, вымойся, вычистись, надѣнь чистую рубашку и переодѣнься.

— Ужъ не думаете ли вы,—отвѣчалъ Панургъ,—что я испугался? Нисколько. Я такъ храбръ, какъ если бы проглотилъ всѣхъ мухъ [1]), которыя попали въ тѣсто, замѣшанное въ Парижѣ съ праздника св. Іоанна Крестителя по день Всѣхъ Святыхъ. Ха, ха, ха! Что это, чортъ возьми, такое? Вы называете это фекальной матеріей, экскрементами и проч. и проч., а вѣдь это, думается мнѣ, это шафранъ Ибернійскій. Хо, хо, хо! Это шафранъ Ибернійскій! А теперь, выпьемъ!

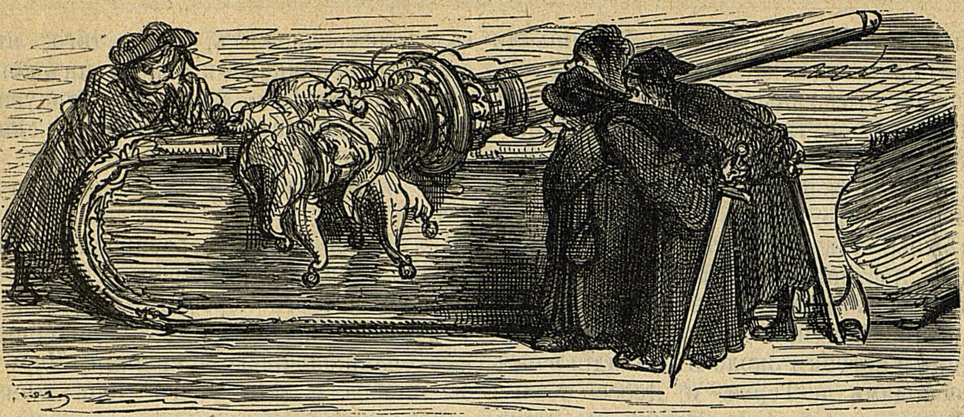
КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

---

[1]) Это случилось въ 1548 г.

[2]) Здѣсь пропущено два анекдота сомнительной исторической вѣрности, невозможныхъ для перевода по своей непристойности.

[1]) Мухи приведены какъ образецъ дерзости и безстыдства.



КНИГА ПЯТАЯ.

О ГЕРОИЧЕСКИХЪ ДѢЯНІЯХЪ И РЕЧЕНІЯХЪ ДОБРАГО ПАНТАГРЮЭЛЯ, КОРОЛЯ ДИПСОДОВЪ. [1]

Эпиграмма:

Умеръ ли Раблэ? Вотъ еще его книга.
Нѣтъ, лучшая часть его существа ожила,
Чтобы подарить насъ однимъ изъ его сочиненій.
Дарующимъ ему безсмертіе и жизнь вѣчную

Nature Quite. [2]

Прологъ Фансуа Раблэ къ пятой книгѣ о геройскихъ дѣяніяхъ и реченіяхъ Пантагрюэля.

Къ благосклоннымъ читателямъ.

Неутомимые бражники и вы, дражайшіе сифилитики, теперь, когдавремя у насъ свободное и никакого спѣшнаго дѣла намъ не предстоитъ, я задамъ вамъ одинъ вопросъ:

Почему вошло теперь въ поговорку, что міръ пересталъ былъ фатомъ? Фатъ, — лангедокское словцо и означаетъ: безъ соли, прѣсный, безвкусный; въ переносномъ же смыслѣ значитъ: глупый, пошлый, безсмысленный, полоумный. Не можете ли сказать, откуда взяли, что міръ, бывшій глупымъ, вдругъ сталъ умнымъ? Почему и при какихъ условіяхъ онъ былъ глупъ? Благодаря какимъ условіямъ онъ поумнѣлъ? Почему онъ былъ глупъ? Почему онъ сталъ уменъ? На чемъ можно узнать его бывшую глупость? И на чемъ познается его настоящая мудрость? Кто сдѣлалъ его глупымъ? И кто сдѣлалъ его умнымъ? И кого больше: тѣхъ ли, кто любилъ его глупымъ, или тѣхъ, кто любитъ его умнымъ? Сколько времени онъ былъ глупъ? И сколько времени онъ уменъ? Отъ чего происходила прежняя глупость? И отъ чего происходитъ послѣдующая мудрость? Почему въ наше время, а не позднѣе прекратилась прежняя глупость? Почему въ наше время, а не раньше появилась настоящая мудрость? Какое зло причиняла бывшая глупость? Какое благо доставляетъ теперешняя мудрость? Какимъ способомъ упразднили прежнюю глупость? Какимъ способомъ удержать настоящую мудрость?

---

[1] Напечатанная въ 1562 г. по смерти Раблэ, подъ заглавіемъ: Звонкій островъ.

[2] Жанъ Тюрке.

Отвѣчайте, если хотите: особенно приставать къ вамъ съ этимъ я не буду, изъ боязни, какъ бы не утрудить ваши головы. Не стыдитесь, смутите врага рода человѣческаго и истины. Смѣлѣе, дѣти! Если вы на моей сторонѣ, то выпейте три или пять рюмокъ за первую часть проповѣди. Если вы на противной сторонѣ,—vade retro, satanas! Божусь вамъ всѣмъ, чѣмъ хотите, что если вы не пособите мнѣ разрѣшить предложенную задачу, то я пожалѣю, что предложилъ вамъ ее: я бы испыталъ нѣчто въ родѣ того, какъ если бы схватилъ волка за уши, и никто не пришелъ бы ко мнѣ на помощь. Ну, чтожъ? Ага! Я понимаю! Вы еще не подготовлены къ отвѣту? Клянусь бородою, и я тоже. Ну, я приведу только то, что одинъ высокопочтенный докторъ говоритъ объ этомъ въ своей книгѣ, которую онъ называетъ «Волынкою патеровъ». Ну, такъ что же говоритъ этотъ мошенникъ? Послушайте-ка, ослиныя морды: «Юбилейный годъ, когда весь міръ сбрилъ себѣ волосы, насчитываетъ уже тринадцать лѣтъ. О, какъ мало почтенія внушилъ онъ! Однако, силою декретовъ обратилъ глупость въ бѣгство. И теперь получится сладкій плодъ, насчетъ цвѣтенія котораго было столько опасеній.»

Вы слышали? И поняли? Докторъ стародавній, слова его лаконичны, сентенціи темны и непонятны, не говоря уже о томъ, что и самый предметъ, о которомъ онъ разсуждалъ, запутанный и затруднительный. Лучшіе истолкователи благочестиваго отца утверждаютъ, что подъ юбилейнымъ годомъ, которому истекъ уже тридцатый годъ, слѣдуетъ понимать тѣ годы, которые протекли вплоть до тысяча пятьсотъ двадцать пятаго года. Когда наступитъ весна, то никто не скажетъ больше, что міръ глупъ. Всѣ дураки, число которыхъ, по сказанію Соломона, безконечно, погибнутъ; и прекратится всякая глупость, которая тоже, по удостовѣренію Авиценны, насчитываетъ безконечно много родовъ: Maniae infinitae sunt species. И то, что стужа такъ долго вгоняла внутрь земли, выступитъ на поверхности и выростетъ, какъ дерево. Опытъ учитъ этому, какъ вамъ самимъ извѣстно, а великій Гиппократъ, славный человѣкъ, выражаетъ афоризмомъ: Verae etenim maniae, etc. И такимъ образомъ міръ, поумнѣвъ, не будетъ больше бояться цвѣтенія бобовъ весною. Тогда великое множество книгъ будетъ заброшено, книгъ, которыя по виду сверкали что разноцвѣтныя бабочки, но на дѣлѣ были скучны, досадны, опасны, колючи и темны, какъ книги Гераклита, непонятны какъ Числа Пиѳагора, который былъ царемъ бобовъ, по словамъ Горація [1]. И никто ихъ больше въ руки не возьметъ. Никто не станетъ ихъ читать, не захочетъ глядѣть на нихъ. Такова ихъ судьба, и таковъ предназначенный имъ конецъ.

Ихъ мѣсто займутъ стручья бобовъ! То—веселыя и плодотворныя пантагрюэльныя книги, которыя, говорятъ, теперь хорошо продаются и, въ ожиданіи слѣдующаго юбилея, усердно читаются, а потому міръ и слыветъ теперь умнымъ. Вотъ вамъ и разрѣшеніе вашей задачи. Радуйтесь, добрые люди! Выпейте на радости, что виноградники процвѣтаютъ, и ростовщики могутъ повѣситься. Боюсь, что придется мнѣ израсходоваться для нихъ на веревки, если хорошая погода простоитъ еще долго, такъ какъ я берусь снабжать ихъ веревками всякій разъ, какъ имъ понадобится, и даромъ; пусть сами вѣшаются во избѣжаніе расхода на палача.

---

[1] Sat. II, 6.

И такъ какъ вы являетесь приверженцами новой мудрости и отрекаетесь отъ старой глупости, то вычеркните изъ вашего устава символъ древняго философа съ позолоченными бедрами[1]), который запрещаетъ вамъ употреблять въ пищу бобы; вѣдь вся добрая братія, навѣрное, знаетъ, что такое запрещеніе онъ высказалъ въ тѣхъ же видахъ, въ какихъ покойный водяной докторъ Амеръ, племянникъ адвоката господина де-Камелотьеръ, запрещалъ своимъ паціентамъ кушать крылышко куропатки и заднюю часть рябчика или голубя, говоря: «Ala mala, cropium dubium, collum bonum, pell remota», чтобы самому ими воспользоваться, а бѣднымъ больнымъ оставить однѣ косточки. Ему послѣдовали нѣкіи капуцины, которые запрещали намъ бобы, т. е. пантагрюэльскія книги, и подражали въ этомъ своимъ предшественникамъ чревоугодникамъ, Филоксену и Гнато сицилійцу, которые во время банкетовъ когда подавали отборныя кушанья, плевали на нихъ, чтобы отбить у другихъ гостей охоту ихъ ѣсть. Такъ и эти скверные, сопливые, гнилые, дохлые оборванцы открыто и тайно поносятъ эти вкусныя книги и безстыдно плюютъ на нихъ.

И хотя у насъ есть теперь на нашемъ галльскомъ языкѣ много превосходныхъ книгъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, и мало уже осталось лицемѣрной и пустосвятской дребедени, тѣмъ не менѣе я бы хотѣлъ лучше «шипѣть, какъ гусь, среди лебедей», какъ говоритъ пословица, нежели считаться нѣмымъ среди столькихъ прекрасныхъ поэтовъ и полезныхъ, всѣми уважаемыхъ писателей. Я хотѣлъ бы лучше играть мужика среди столькихъ благородныхъ актеровъ, нежели быть причисленнымъ къ тѣмъ, которые изображаютъ собою одни пятна и толпу, ловятъ мухъ, топорщатъ уши, какъ аркадскій оселъ, который слышитъ музыку, и молча, одними знаками показываютъ, что одобряютъ протопопею.

Согласно такому выбору и такому намѣренію, я подумалъ, что поступлю недурно, если приведу въ движеніе свою Діогеновскую бочку, чтобы вы не говорили, что я живу безпримѣрно.

Я созерцаю толпу нашихъ Коллинэ, Маротовъ, Друэ, Сенжелэ, Самлэ, Мазюэлей [1]) и сотню другихъ галльскихъ поэтовъ и ораторовъ и вижу, какъ они, проживающіе такъ долго на Парнасѣ, въ школѣ Аполлона и осушавшіе въ обществѣ веселыхъ Музъ полные кубки Иппокрены, доставляли только мраморъ, алебастръ и порфиръ на созиданіе нашего родного языка; я вижу, какъ описывали геройскія дѣла, великія событія, трудные, важные подвиги, и все это на языкѣ боговъ. И писанія ихъ даютъ одинъ лишь божественный нектаръ, драгоцѣнное вино, вкусное, веселящее сердце и душу, ароматное, тонкое, восхитительное. И эта слава принадлежитъ не однимъ мужчинамъ: женщины тоже участвуютъ въ ней, и между ними одна королевской крови [2]), называть которую здѣсь было бы профанаціей, изумляла нашъ вѣкъ своими возвышенными твореніями, равно какъ прелестью языка и слога. Подражайте имъ, если можете; что касается меня, то я не сумѣю подражать имъ. Не каждому дано обитать въ Коринѳѣ. При постройкѣ храма Соломонова, каждый давалъ одну золотую монету, если не могъ давать ихъ пригоршнями. А такъ какъ мы не въ силахъ возвыситься до такого архитектурнаго искусства, какъ они, то я рѣшилъ поступать такъ, какъ поступалъ Реньо де-Монтабанъ, который прислуживалъ каменьщикамъ, варилъ имъ обѣдъ; и разъ я не могу быть ихъ сотоварищемъ, то буду неутомимымъ читателемъ ихъ безподобныхъ твореній.

Вы умираете со страху, завистливые соперники и зоилы! Ступайте и повѣсьтесь на томъ деревѣ, которое сами выберете; веревка найдется. Протестую передъ моимъ Геликономъ, въ присутствіи божественныхъ Музъ, что если я проживу столько, сколько собака, въ придачу къ вѣку трехъ воронъ, въ такомъ же здравіи и трезвой памяти, какъ святой Ксенофонтъ музыкантъ, или какъ философъ Демонаксъ, то я докажу неоспоримыми аргументами и неотразимыми доводами какимъ угодно пѣнкоснимателямъ, и латинскимъ штопальщикамъ и почитателямъ старыхъ, выдохшихся, заплеснѣвшихъ словъ, что нашъ родной языкъ отнюдь не такъ простъ, ничтоженъ, бѣденъ и грубъ, какъ они думаютъ.

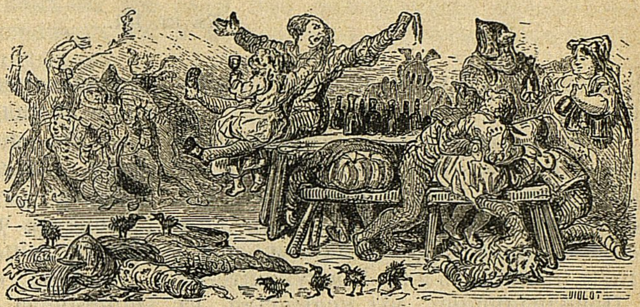
---

[1]) Пиѳагоръ.

[1]) Поэты и современники Раблэ.

[2]) Маргарита Наварская, сестра Франциска I.

И такимъ образомъ, подобно Эзопу, который нашелъ мѣстечко баснописца, послѣ того какъ Фебъ распредѣлилъ всѣ свои дары между великими поэтами, такъ и я прошу ихъ съ полнымъ смиреніемъ дозволить мнѣ, въ видѣ особой милости, допустить меня въ ихъ среду, въ качествѣ рипарографчика, приверженца Пиреикуса[1]. Они согласятся на это, я увѣренъ, ибо они добры, великодушны и гуманны. И черезъ это и вы, любезные собутыльники и сотрапезники, и всѣ тѣ, кто наслаждается этими книгами и читаетъ ихъ на своихъ собраніяхъ, и чтитъ высокія мистеріи, заключенныя въ нихъ, тоже прославитесь, подобно тому, какъ прославился Александръ, благодаря книгамъ первѣйшаго мудреца въ мірѣ—Аристотеля.



О, какое славное чревоугодіе!

Тѣмъ временемъ совѣтую вамъ, собутыльники, заблаговременно запастись этими книгами, пока ихъ можно достать у книгопродавцевъ. И не просто заглядывайте въ нихъ, но глотайте ихъ, какъ какое-нибудь цѣлебное лекарство, и пусть онѣ войдутъ вамъ въ плоть и въ кровь. Тогда вы узнаете, какое сокровище заготовлено здѣсь для всѣхъ мирныхъ потребителей бобовъ. Въ настоящую минуту я предлагаю вамъ прекрасную, полную корзину бобовъ, нарванныхъ въ томъ же саду, что и предыдущіе, и умоляю васъ почтительнѣйше удовольствоваться ими до тѣхъ поръ, пока я не нарву новыхъ съ будущимъ прилетомъ ласточекъ.

I.

О томъ, какъ Пантагрюэль прибылъ на островъ Звонкій, и о шумѣ, который мы слышали.

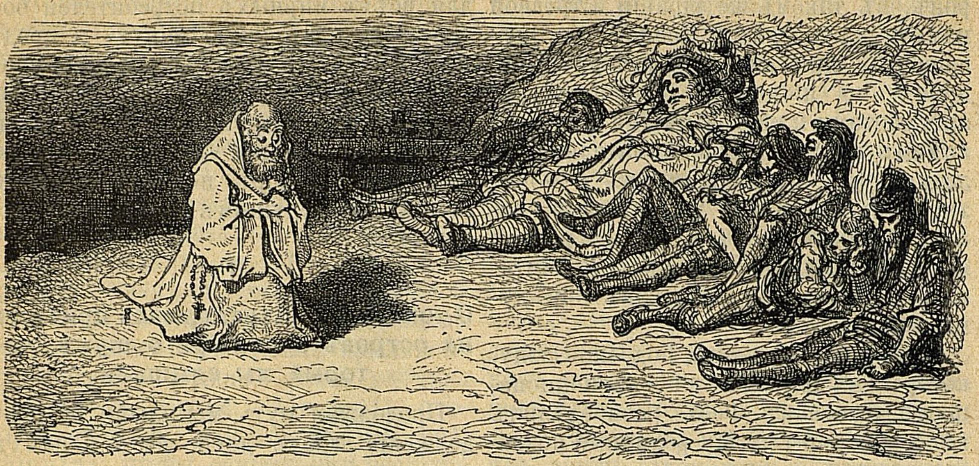
Продолжая путь, мы плыли въ продолженіе трехъ дней, безъ всякихъ открытій; на четвертый увидѣли землю, и намъ сказалъ шкиперъ, что это островъ Звонкій; и мы услышали, какъ доносился издали до насъ непрерывный и большой шумъ. Можно было подумать, что звонятъ въ колокола: большіе, малые и средніе заразъ, какъ это бываетъ въ Парижѣ, въ Турѣ, въ Нантѣ и въ другихъ городахъ въ большіе праздники. Чѣмъ ближе мы подплывали, тѣмъ явственнѣе слышали этотъ звонъ.

Мы подумывали: не Додона ли это съ ея мѣдными тазами, или Портикъ въ Олимпіи, называвшійся Гептафономъ[1]), или же непрерывный шумъ колосса, воздвигнутаго на гробницѣ Мемнона въ египетскихъ Ѳивахъ, или же шумъ, который слышался вокругъ одной гробницы на островѣ Липара, одномъ изъ

---

[1] Пиреикусъ—живописецъ-жанристъ, о которомъ говоритъ Плиній, писавшій низкіе сюжеты въ родѣ лавочекъ цирюльника и башмачника, ословъ, кухонныхъ предметовъ и тому подобное, котораго прозвали Rhyparographe.

[1] «Семитонный», названный такъ по его эху.



Къ гл. I-й.

Эолидъ. Но хронографія не совпадала.

— Я полагаю,—говорилъ Пантагрюэль,—что тамъ началъ роиться молодой рой пчелъ, и люди бьютъ въ котлы, тазы, кастрюли и корибантскіе кимвалы Цибелы, великой матери боговъ, чтобы приманить ихъ. Послушайте-ка!

Приблизившись, мы услышали, въ перемежку съ непрерывнымъ колокольнымъ звономъ, неумолкающее пѣніе людей, тамошнихъ жителей, какъ мы думали. А потому вмѣсто того, чтобы пристать къ острову Звонкому, Пантагрюэль нашелъ нужнымъ высадиться на небольшой скалѣ, на которой виднѣлся скитъ съ садикомъ.

Тамъ мы нашли добрячка пустынника, по имени Брагибуса, уроженца Гленэ, и онъ сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ звонѣ и угостилъ насъ на странный ладъ. Онъ заставилъ насъ поститься въ продолженіе пяти дней сразу, утверждая, что иначе насъ не пустятъ на островъ Звонкій, потому что у нихъ теперь постъ Четырехъ Временъ.

— Не понимаю этой загадки,—сказалъ Панургъ,—это можно скорѣе назвать временемъ четырехъ вѣтровъ, потому что, постясь, мы начинены одними вѣтрами. И неужто же у васъ здѣсь нѣтъ другого времяпрепровожденія, какъ поститься? Мнѣ кажется, что оно очень скучное, и мы бы отлично обошлись безъ такого праздника.

— Въ моемъ Донатѣ, — замѣтилъ братъ Жанъ, — я нахожу только три времени: praeteritum, futurum и praesens; четвертымъ, должно быть, будутъ деньги на водку слугѣ.

— Есть еще аористы, — сказалъ Эпистемонъ, которые образовались изъ praeteritum imperfectum грековъ и латинянъ, и пустили корни въ смутное время. Терпѣніе, говорятъ прокаженные.

— Какъ я уже вамъ говорилъ,—сказалъ пустынникъ,—обычай нашъ неумолимъ, и кто не подчиняется ему, тотъ—еретикъ и будетъ сожженъ на кострѣ.

— Говоря откровенно, pater,—замѣтилъ Панургъ,—находясь въ морѣ я боюсь больше воды, нежели огня, и боюсь скорѣе утонуть, нежели сгорѣть. Ладно, будемъ поститься, ей-богу; но я такъ давно пощусь, что отъ поста у меня все мясо сошло съ костей, и я очень опасаюсь какъ бы бастіоны моего тѣла не пришли въ негодность. Кромѣ того, я боюсь еще, что не угожу вамъ, постясь, потому что я не мастеръ этого дѣла, какъ меня многіе въ томъ увѣряли, и я имъ вѣрю; съ своей стороны скажу, что мало забочусь о постѣ; ничего нѣтъ легче и проще. Я гораздо больше озабоченъ тѣмъ, чтобы не положить зубы на полку и чтобы было чѣмъ и одѣться, и что перекусить. Но будемъ поститься, волею Божіей, разъ уже такое положеніе; я давно уже былъ отъ него свободенъ.

— И если необходимо поститься,— сказалъ Пантагрюэль,—то всего лучше поскорѣе покончить съ этимъ, подобно тому, какъ слѣдуетъ торопиться проѣхать худую дорогу. Къ тому же я хочу немного заняться своими бумагами и узнать, такъ же ли удобно заниматься на морѣ, какъ и на сушѣ. Ибо Платонъ, желая описать человѣка глупаго, непредусмотрительнаго и невѣжественнаго, сравниваетъ его съ людьми, вскормленными на морѣ, на корабляхъ, въ родѣ того, какъ бы мы сказали про людей, вскормленныхъ въ бочкѣ, которые бы выглядывали на свѣтъ Божій только черезъ втулку.

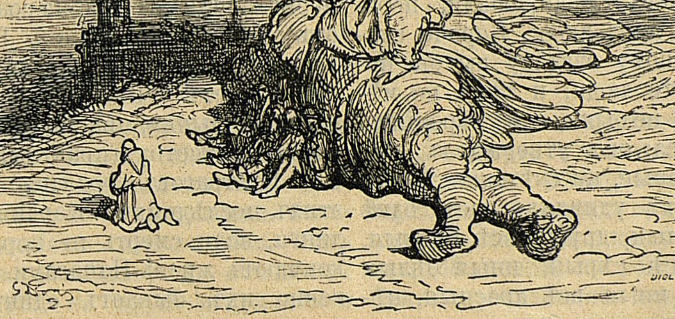
Постъ нашъ былъ ужасный и жестокій, потому что въ первый день мы постились безъ отдыху и сроку, на второй—безъ толку и безъ смысла, на третій—высуня языкъ, на четвертый—на жизнь и на смерть. Таковъ былъ приказъ фей.

II.

О томъ, какъ на островѣ Звонкомъ проживали похоронные музыканты, превратившіеся въ птицъ.

Покончивъ съ постомъ, мы получили отъ пустынника письмо, адресованное лицу, которое онъ называлъ Альбіаномъ Каматомъ, который былъ церковнымъ старостой на островѣ Звонкомъ. Но Панургъ, здороваясь съ нимъ, назвалъ его Антитомъ[1]. То былъ небольшой человѣчекъ, старый, лысый, съ краснымъ носомъ, багровымъ лицомъ. Онъ очень хорошо насъ принялъ, благодаря рекомендаціи пустынника, увѣдомившаго его, что мы постились столько, сколько требовалось. Сытно накормивъ насъ, онъ сообщилъ намъ о странностяхъ острова, утверждая, что первоначально на немъ жили похоронные музыканты, но въ силу закона природы, по которому все въ мірѣ измѣняется, они превратились въ птицъ.

Тутъ я вполнѣ понялъ то, что писали про похоронныхъ музыкантовъ и музыкантшъ Аттеусъ, Капито, Полуксъ, Марцеллъ, А. Геллій, Атеней, Сулдасъ, Аммоній и другіе; и намъ показалось уже не труднымъ повѣрить въ превращеніе Никтимены[2], Прокны[3], Итисъ[4], Алекмены[5], Антигоны[6] Терея[7] и другихъ птицъ. Не сомнѣвались мы больше и въ превращеніи въ лебедей дѣтей Матабрюна



Къ гл. I-й.

---

[1] Такъ звали одного поэта (капеллана герцога Бугундскаго), имя котораго употреблялось тогда какъ синонимъ дурака.

[2] Превращенный въ сову (см. Метаморфозы. Овидія.)

[3] Жена Терея, сестра Филомелы, превращенная въ ласточку.

[4] Превращен. въ фазана.

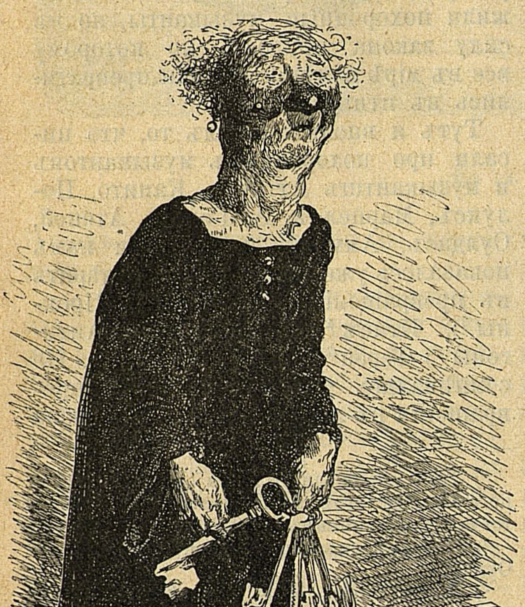
[5] Превращен. въ камень.

[6] Превращен. въ аиста.

[7] Король Ѳракіи, мужъ Прокны, превращ. въ удода.

и въ томъ, что Паленскіе мужи во Ѳракіи, выкупавшись девять разъ въ тритонскомъ пруду, обращены были въ птицъ. И вотъ только и рѣчи у насъ было, что о клѣткахъ и о птицахъ. Клѣтки были большія, богатыя, роскошныя и изумительной архитектуры.

Птицы были большія, красивыя и необыкновенно вѣжливыя. Онѣ походили на моихъ соотечественниковъ: пили, ѣли, какъ люди, спали, переварили пищу, какъ люди. Короче скалать, по первому взгляду вы бы подумали, что это люди; и тѣмъ не мѣнѣе онѣ ими не были, по увѣреніямъ мэтра Эдитуса; онъ утверждалъ, что онѣ ни духовные, ни свѣтскіе. Также и опереніе ихъ удивляло насъ: однѣ были всѣ бѣлыя, другія всѣ черныя, нѣкоторыя всѣ сѣрыя, иныя бѣлыя съ чернымъ, иныя всѣ красныя, нѣкоторыя же пополамъ бѣлыя съ голубымъ. На нихъ красиво было глядѣть.



Къ гл. II-й.

Самцовъ онъ называлъ Клергами, Монагами, Претрагами, Аббегами, Эвегами, Кардингами и Папагами; послѣднихъ бываетъ одинъ въ своемъ родѣ. Самокъ онъ называлъ Клергессы, Монагессы, Претрагессы, Аббегессы, Эвегессы, Кардингессы, Папагессы.

Но подобно тому, сказалъ онъ намъ, какъ къ пчеламъ забираются трутни, которые ничего не дѣлаютъ, какъ только ѣдятъ и гадятъ, такъ и въ послѣднія триста лѣтъ, неизвѣстно откуда, черезъ каждые пять мѣсяцевъ къ этимъ веселымъ птицамъ прилетаетъ множество ханжей, которые весь островъ опустошаютъ и загаживаютъ Они были такъ отвратительны на видъ, что всѣ отъ нихъ бѣгали. У были кривыя шеи и мохнатыя лапы, а когти и брюхо, какъ у Гарпій, а задняя часть, какъ у Стимфалидъ, и ихъ невозможно было истребить: на одного мертваго, приходилось живыхъ двадцать четыре. Я пожелалъ имъ появленія второго Геркулеса, а братъ Жанъ крѣпко задумался надъ этимъ. Что касается Пантагрюэля, то съ нимъ приключилось то, что было съ мессиромъ Пріапомъ отъ созерцанія жертвоприношеній Церерѣ.

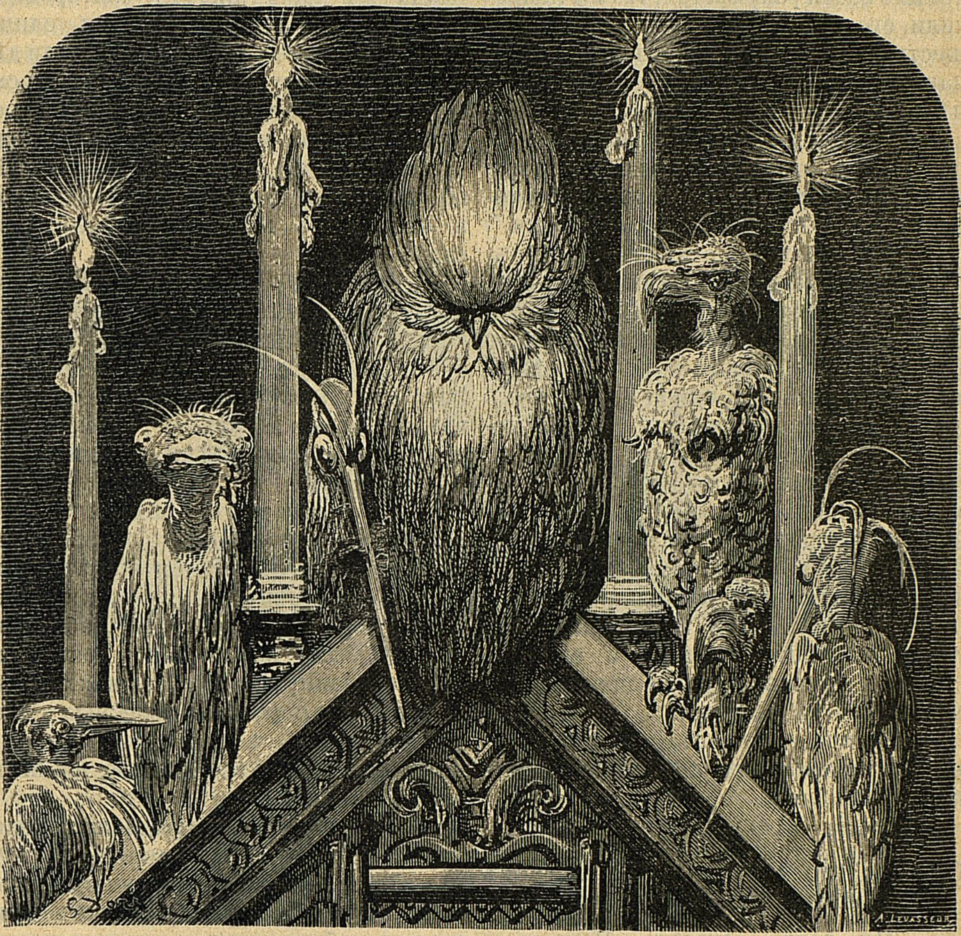
III.

О томъ, что на островѣ Звонкомъ имѣлся только одинъ Папагъ.

Мы спросили у мэтра Эдитуса, почему въ виду такого размноженія всѣхъ породъ этихъ почтенныхъ птицъ между ними былъ одинъ только Папагъ. Онъ намъ отвѣчалъ, что такъ постановлено въ силу рокового и первоначальнаго закона созвѣздій. Что отъ Клерговъ родятся Претраги и Монаги безъ тѣлеснаго зачатія, какъ это бываетъ у пчелъ при посредствѣ молодого бычка, приспособленнаго согласно искусству и практикѣ Аристея[1].) Отъ Претраговъ родятся Эвеги, отъ этихъ послѣднихъ—Кардинги, а Кардинги, если смерть не поразитъ ихъ, кончаютъ жизнь Папагами. И обыкновенно ихъ бываетъ одинъ, подобно тому какъ въ ульѣ бываетъ одна королева, а въ мірѣ одно солнце. Когда онъ умираетъ, избирается другой изъ породы Кардинговъ, и всегда безъ тѣлеснаго зачатія. Такъ что у этой породы бываетъ только одна особь, при непрерывной преемственности, точь въ точь какъ у арабскаго феникса. Двѣ тысячи семьсотъ мѣсяцевъ тому назадъ природа произвела было двоихъ Папагъ 1), но это оказалось большимъ бѣдствіемъ для острова. Такъ какъ,—говорилъ Эдитусъ,—всѣ птицы напали другъ на друга и дрались и ссорились непрерывно, такъ что острову грозила опасность лишиться всѣхъ своихъ жителей. Одни примыкали къ одному Папагѣ и поддерживали его; другіе къ другому и отстаивали его; часть ихъ стала нѣма, какъ рыбы, и перестала пѣть, а другая часть запретила звонить въ колокола. Въ это смутное время призывали они на помощь императоровъ, королей, герцоговъ, монарховъ, графовъ, бароновъ и свѣтскія власти континента и твердой земли; но разсколъ этотъ и бунтъ прекратились лишь со смертію одного изъ папагъ, и тогда опять пришли къ единству.

---

[1]) Виргилій, Георчики, IV, 296 и т. д.



Къ гл. III-й.

Мы спросили затѣмъ, что побуждало

---

1) Распаденіе церкви при Урбанѣ VI и Клементѣ VII. 1380.

этихъ птицъ къ такому непрерывному пѣнію. Эдитусъ отвѣчалъ, что это происходитъ отъ колоколовъ, которые висятъ надъ ихъ клѣтками.

Затѣмъ сказалъ намъ:

— Хотите ли, чтобы я заставилъ пѣть какъ жаворонковъ вотъ этихъ Монагъ, у которыхъ на головѣ капюшонъ. 1)

Само собой разумѣется, что мы попросили его объ этомъ. Онъ немедленно шесть разъ ударилъ въ колоколъ, и Монаги сбѣжались со всѣхъ сторонъ и запѣли.

— А если,—спросилъ Панургъ,—я позвоню въ этотъ колоколъ, то заставлю ли я пѣть тѣхъ птицъ, у которыхъ перья, цвѣта копченой селедки. 2)

— Разумѣется,—отвѣчалъ Эдитусъ.

Панургъ позвонилъ, ивнезапно сбѣжались дымчатыя птицы и запѣли, но у нихъ были грубые и непріятные голоса. Но, какъ намъ объяснилъ Эдитусъ, они питались одной рыбой, какъ цапли и бакланы, и были пятой породой ханжей, недавно появившейся. Онъ прибавилъ, что его предувѣдомилъ Робертъ Вальбрингъ 3), проѣзжавшій здѣсь нѣкогда на возвратномъ пути изъ Африки, о томъ, что вскорѣ должна появиться шестая порода, которую онъ называлъ Капуцинги, еще печальнѣе, еще безумнѣе и еще несноснѣе, чѣмъ всѣ другія породы, находящіяся на островѣ.

— Африка,—сказалъ Пантагрюэль,—всегда производитъ небывалыя и чудовищныя вещи.

IV.

О томъ, что всѣ птицы на островѣ Звонкомъ были перелетныя.

— Ну вотъ,—сказалъ Пантагрюэль,—вы объяснили намъ, что отъ Кардинговъ родятся Папаги, а Кардинги—отъ Эвеговъ, Эвеги—отъ Претраговъ, а Претраги—отъ Клерговъ; но я бы желалъ узнать, откуда происходятъ сами Клерги.

— Они всѣ,—отвѣчалъ Эдитусъ,—птицы перелетныя и прилетаютъ къ намъ изъ другого свѣта, частію изъ чудесной страны, которую зовутъ Нѣловкой, частію изъ другой, прозывающейся Побираловкой. Изъ этихъ двухъ странъ ежегодно прилетаютъ сюда эти Клерги, покидая отцовъ съ матерями, всѣхъ друзей и всѣхъ родственниковъ.

Дѣло происходитъ такимъ образомъ: Когда въ какой-нибудь благородной фамиліи той страны родится слишкомъ много дѣтей,—мальчиковъ или дѣвочекъ,—между которыми пришлось-бы дѣлить наслѣдство, какъ того требуетъ разумъ, приказываетъ природа и повелѣваетъ Богъ, отчего фамилія обѣднѣла бы, то вотъ тогда родители и отсылаютъ ихъ на островъ Боссаръ.

— Это тотъ самый островъ Бушаръ, который находится близъ Шинона? 1),—спросилъ Панургъ.

— Я говорю: Боссаръ 2),—отвѣчалъ Эдитусъ. Ибо, обыкновенно, они бываютъ горбатые, кривые, хромые, безрукіе, подагрики, калѣки,—лишнее бремя на землѣ.

— А между тѣмъ,—замѣтилъ Пантагрюэль,—совершенно противоположный обычай соблюдался во время оно при пріемѣ дѣвъ въ весталки, причемъ, какъ удостовѣряетъ Лабео Антисцій, было воспрещено принимать въ это званіе дѣвицу съ какимъ бы то ни было порокомъ тѣлеснымъ или душевнымъ и съ какимъ-нибудь пятномъ на тѣлѣ, какъ бы оно ни было скрыто и мелко.

— Я удивляюсь,—продолжалъ Эдитусъ,—что матери, которыя носятъ ихъ по девяти мѣсяцевъ во чревѣ, не могутъ удержать ихъ у себя въ домѣ какихъ-нибудь девяти, а чаще даже и семи лѣтъ, но облекаютъ ихъ въ одну только рубашку, поверхъ тюники, обрѣзываютъ имъ волосы на макушкѣ головы и, пробормотавъ нѣсколько тарабарскихъ и покаянныхъ словъ, какъ это дѣлали египтяне, посвящая жрецовъ Изиды,—очевидно, во-очію, явно посредствомъ пиѳагорейской метам-

---

1) Бернардинскіе монахи.

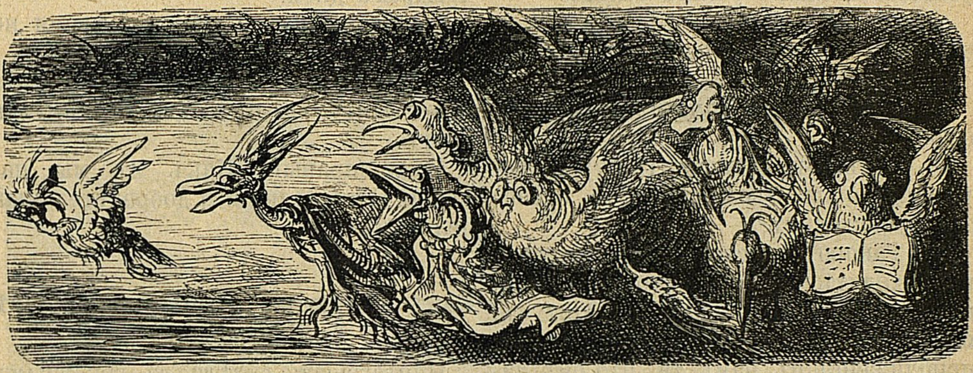
2) Францисканскіе монахи.

3) Знаменитый мореплаватель XVI столѣтія.

1) Городъ, кишѣвшій монахами и монастырями.

2) Отъ Bosse—горбъ.

психозы,—безъ малѣйшаго пораненія, превращаютъ ихъ въ такихъ птицъ, какими вы ихъ видите. Но вотъ не знаю, что за причина, милые друзья, а только самки, будь онѣ Клергессы, Монагессы или Аббегессы, не поютъ хвалебныхъ и пріятныхъ гимновъ, какіе полагались по правиламъ Зороастра въ честь Ормузда, но жалобныя заклинанія и проклятія, какія подобали демону Ариману, и постоянно молятся за родителей и друзей, превратившихъ ихъ въ птицъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ.



Къ гл. IV-й.

Большинство ихъ прилетаетъ къ намъ изъ Неѣловки, которая очень обширна. Обитатели этой страны Ассафи[1]) прилетаютъ сюда, когда имъ грозитъ голодъ оттого, что у нихъ нѣтъ провіанта, и оттого, что они не хотятъ ничего дѣлать: ни трудиться, честно отправляя какое-нибудь ремесло или занимаясь искусствомъ, ни служить вѣрой и правдой высокопоставленнымъ людямъ; когда имъ не повезло въ любви; когда они потерпѣли неудачу въ своихъ предпріятіяхъ и доведены до отчаянія; когда они совершили какое-нибудь преступленіе, и имъ грозитъ смертная казнь. Здѣсь ихъ жизнь въ безопасности; здѣсь они жирѣютъ, какъ соня, тогда какъ сначала были худы, какъ сороки; здѣсь они пользуются полной безопасностью, безнаказанностью и свободой.

— Но, — спросилъ Пантагрюэль,— возвращаются ли когда въ тотъ край, гдѣ они произошли на свѣтъ, эти прекрасныя птицы, послѣ того какъ побудутъ здѣсь?

— Нѣкоторыя изъ нихъ,—отвѣчалъ Эдитусъ,—въ прежнее время очень немногія, очень поздно и неохотно улетали отъ насъ. Съ нѣкоторыхъ же поръ, вслѣдствіе новаго расположенія небесныхъ свѣтилъ, дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Но для насъ это не бѣда: тѣмъ, кто остается, легче пропитаться. И всѣ, передъ отлетомъ оставляютъ свои перья между крапивой и терновникомъ.

И, дѣйствительно, мы нашли нѣсколько перьевъ и, разыскивая ихъ, набрели нечаянно на кубышку съ деньгами.

V.

О томъ, почему птицы командоры[1]) на островѣ Звонкомъ нѣмы.

Онъ не докончилъ еще этихъ словъ, какъ къ намъ подлетѣли двадцать пять или тридцать птицъ такого цвѣта и оперенія, какихъ мы еще не видѣли на островѣ. Ихъ опереніе мѣнялось каждый часъ, какъ кожа хамелеона или какъ морская звѣзда или вероника. И у всѣхъ подъ лѣвымъ крыломъ былъ знакъ въ родѣ круга, раздѣленнаго двумя діаметрами, или какъ прямая линія, пересѣченная вертикальной. Всѣ почти были одной формы, но разныхъ цвѣтовъ: однѣ были почти бѣлыя, другія зеленыя, третьи красныя, четвертыя голубыя.

---

[1]) Люди темные.

[1]) Подъ этимъ названіемъ разумѣются начальники и рыцари военныхъ орденовъ.

— Кто онѣ такія,—спросилъ Панургъ,—и какъ онѣ называются?

— Это гермафродиты, — отвѣчалъ Эдитусъ. Мы ихъ называемъ командорами, и у нихъ много богатыхъ командорствъ въ вашихъ краяхъ.

— Прошу васъ,—сказалъ я,—заставьте ихъ пропѣть, чтобы намъ услышать, какой у нихъ голосъ.

— Онѣ не поютъ,—отвѣчалъ онъ,—никогда, но зато вдвое больше жрутъ.

— Гдѣ же самки?—спросилъ я.

— У нихъ нѣтъ самокъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ?—вмѣшался Панургъ. неужели же это возможно? И отчего это происходитъ?

— Таково свойство этихъ птицъ и происходитъ оттого, что онѣ купаются въ морѣ,—сказалъ Эдитусъ, и затѣмъ прибавилъ:—причина ихъ приближенія въ вамъ та, что онѣ захотѣли поглядѣть, нѣтъ ли между вами кречетовъ, великолѣпныхъ и страшныхъ хищныхъ птицъ, которые не идутъ на приманку и не садятся на перчатку сокольничаго. Они, говорятъ, водятся въ вашихъ мѣстахъ, и нѣкоторые носятъ на ногахъ великолѣпныя, драгоцѣнныя подвязки съ надписью, въ силу которой того. кто дурное подумаетъ, слѣдуетъ покрыть грязью, другіе носятъ ка перьяхъ спереди трофей клеветника, а третьи — овчину.[1]

— Мэтръ Эдитусъ,—отвѣчалъ Панургъ,—такіе есть, но мы ихъ не знаемъ.

— Ну,—сказалъ Эдитусъ,—довольно болтать, идемъ пить.

— Но и ѣсть, надѣюсь?—спросилъ Панургъ.

— Ѣсть и пить до-отвалу,—отвѣчалъ Эдитусъ. Время всего дороже, а потому не будемъ его терять.

Но сперва онъ захотѣлъ повести насъ въ термы Кардингессовъ, прекрасныя и въ высшей степени очаровательныя, и послѣ бани приказалъ натереть насъ драгоцѣннымъ бальзамомъ.

Но Пантагрюэль сказалъ ему, что и безъ того охотно выпьетъ. А потому онъ отвелъ насъ въ большую и прекрасную столовую и сказалъ намъ:

— Пустынникъ Брагибусъ заставилъ васъ поститься въ продолженіе четырехъ дней, а теперь въ вознагражденіе за это вы будете здѣсь пить и ѣсть безъ передышки въ продолженіе четырехъ дней.

— Неужели мы все это время не будемъ спать?—спросилъ Панургъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ Эдитусъ,—вѣдь кто спитъ, тотъ пьетъ.

Боже правый! Какъ же мы наѣлись! Вотъ великій и добродѣтельный человѣкъ?

VI.

Какъ питаются птицы на островѣ Звонкомъ.

Пантагрюэль сидѣлъ съ грустнымъ лицомъ и, повидимому, не былъ доволенъ четырехдневнымъ пребываніемъ, на какое насъ осуждалъ Эдитусъ.

И послѣдній, замѣтивъ это, сказалъ:

— Господинъ, вы знаете, что за недѣлю до зимняго солнцестоянія и недѣлю спустя никогда не бываетъ бури. Это потому, что стихіи благопріятствуютъ зимородкамъ, птицамъ, посвященнымъ Ѳетидѣ, которыя въ это время несутся и высиживаютъ птенцовъ у береговъ. Здѣсь же море вознаграждаетъ себя за это продолжительное спокойствіе и въ продолженіе четырехъ дней страшно бушуетъ, когда прибыли какіе-нибудь пассажиры. Мы предполагаемъ, что причина заключается въ желаніи заставить ихъ пробыть все это время на островѣ и продовольствоваться на счетъ его доходовъ. Поэтому не считайте этого времени потеряннымъ. Вы по неволѣ должны остаться, если не хотите сражаться съ Юноной, Нептуномъ, Дорисой, Эоломъ и всѣми мстительными божествами; и лучше думайте теперь о томъ, какъ бы хорошенько попировать.

---

[1] Здѣсь разумѣются кавалеры орденовъ: подвязки Св. Михаила и Золотого Руна.

Утоливъ первые приступы голода, братъ Жанъ спросилъ у Эдитуса:

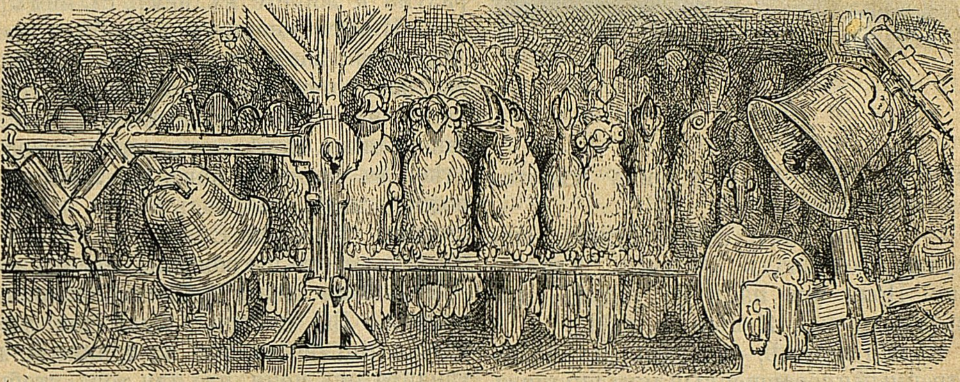
— На этомъ островѣ у васъ только клѣтки да птицы; онѣ не пашутъ и не обрабатываютъ земли; все ихъ занятіе заключается въ томъ, что онѣ жрутъ, щебечутъ и поютъ. Изъ какихъ же странъ получается вами этотъ рогъ изобилія и такая уйма всякихъ благъ и лакомыхъ кусковъ?

— Изъ всѣхъ остальныхъ странъ свѣта—отвѣчалъ Эдитусъ,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ странъ, гдѣ съ нѣкоторыхъ поръ потревожили Камаринское болото. [1]) Ну да, ладно, онѣ въ этомъ раскаются. Выпьемъ, друзья. Но откуда вы родомъ?

— Изъ Турени, — отвѣчалъ Панургъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Эдитусъ. Ну, значитъ, вы не дурные люди, если прибыли изъ благословенной Турени. Мы столько получаемъ ежегодно всякаго добра изъ Турени, что разъ тамошніе уроженцы, проѣздомъ побывавшіе у насъ, говорили намъ, что всѣхъ доходовъ герцога Туренскаго не хватаетъ на то, чтобы онъ могъ питаться до-сыта саломъ, вслѣдствіе чрезмѣрной щедрости, съ какою снабжали его предшественники здѣшнихъ священныхъ птицъ фазанами, куропатками, рябчиками, индѣйками, жирными лондонскими каплунами и всякаго рода дичиной. Выпьемъ, друзья! Видите ли вы этихъ птицъ, сидящихъ на насѣстѣ? Какъ онѣ жирны и здоровы, благодаря получаемымъ нами для нихъ доходамъ: зато вѣдь онѣ и поютъ. Лучше ихъ и соловьи не заливаются, когда я показываю имъ вотъ эти двѣ позолоченныхъ палки (—Это палочный праздникъ!—сказалъ братъ Жанъ) и когда я звоню вонъ въ тѣ большіе колокола, которые висятъ вокругъ ихъ клѣтокъ. Выпьемъ, друзья! Сегодня вино особенно вкусно, да и каждый день также. Выпьемъ! Я пью отъ чистаго сердца за ваше здоровье и за вашъ счастливый пріѣздъ. Не бойтесь, чтобы вина и провіанта здѣсь не хватило: если бы небо стало мѣднымъ, а земля желѣзной, намъ бы хватило провіанта еще на семь, даже на восемь лѣтъ, на болѣе продолжительное время, чѣмъ длился голодъ въ Египтѣ. Выпьемъ вмѣстѣ въ добромъ согласіи и въ духѣ любви!

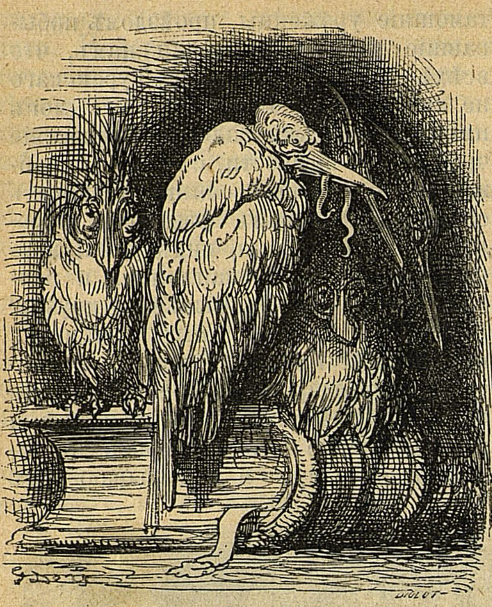
— Сто чертей, — вскричалъ Па-



Къ гл. V-й.

---

[1]) Здѣсь разумѣются страны, куда проникла реформація. Камаринское болото находится въ Сициліи и Movere Camarinam—поговорка, означающая, что пошевелили нѣчто грязное, издающее зловоніе, или обнаружили такія вещи, какимъ лучше было бы оставаться скрытыми.



Къ гл. VI-й.

нургъ,—какъ вамъ хорошо живется въ здѣшнемъ свѣтѣ!

— А на томъ свѣтѣ будетъ еще лучше,—отвѣчалъ Эдитусъ. Елисейскія Поля отъ насъ не уйдутъ. Выпьемъ друзья! Я пью за тебя.

— По истинѣ,—сказалъ я,—божественный и совершенный духъ внушилъ вашимъ первымъ похороннымъ музыкантамъ способъ, изобрѣтенный ими, посредствомъ котораго вы имѣете все то, къ чему стремятся естественно всѣ смертные, и что, собственно говоря, никому не дается: рай въ здѣшней жизни, да и въ будущей также. О, счастливые люди! О, полубоги! Если бы Небо и мнѣ даровало то же самое.

VII.

О томъ, какъ Панургъ разсказалъ мэтру Эдитусу басню про коня и осла.

Послѣ того какъ мы напились и наѣлись до-сыта, Эдитусъ отвелъ насъ въ хорошо отдѣланный покой, съ коврами и позолотой. Туда намъ принесли и мирободаны 1), немного бальзама, инбирное варенье и много меду и прекраснаго вина. Эдитусъ пригласилъ насъ, при помощи такого противоядія, какъ вода изъ Леты забыть и пренебречь бѣдствіями, какія мы испытали на морѣ. Онъ велѣлъ также въ изобиліи доставить провіантъ на наши корабли, стоявшіе въ гавани. И затѣмъ мы улеглись на ночь спать, но я не могъ уснуть отъ непрерывнаго звона въ колокола.

Въ полночь Эдитусъ насъ разбудилъ и пригласилъ выпить вина, и самъ первый выпилъ, говоря: «Вы, господа, явившіеся изъ другого міра, говорите, что невѣжество мать всѣхъ золъ, и говорите правду: но сами вы, однако, не изгоняете его изъ своего разума и живете въ немъ, съ нимъ и имъ. И вотъ почему столько бѣдъ преслѣдуютъ васъ каждодневно. Вѣчно вы жалуетесь, вѣчно скорбите. Никогда не бываете довольны; я это и теперь вижу. Невѣжество держитъ васъ здѣсь въ постели, какъ въ тенетахъ; подобно тому, какъ богъ Брани 1) былъ опутанъ тенетами Вулканомъ. Вы не понимаете, что вы обязаны беречь свой сонъ, но не блага здѣшняго славнаго острова. Вы должны были бы уже троекратно возсѣдать за трапезой, и узнайте отъ меня, что для того, чтобы поѣдать припасы острова Звонкаго, надо вставать спозаранку: поѣдая эти припасы, вы ихъ умножаете. Скосите лугъ вó-время, и трава на немъ выростетъ гуще и сочнѣе; не косите его,— и въ нѣсколько лѣтъ она превратится въ мохъ. Выпьемъ, друзья, выпьемъ побольше! Самыя голосистыя, изъ нашихъ птицъ всѣ теперь поютъ въ честь нашу. Мы выпьемъ за нихъ, если вамъ угодно. Выпьемъ разъ, два, три, девять разъ: non zelus, sed charitas.

На зарѣ онъ опять разбудилъ насъ, чтобы поѣсть похлебки. Послѣ того мы просидѣли цѣлый день за одной трапезой и не знали, что это такое: обѣдъ или ужинъ, завтракъ или полдникъ Для моціона прошлись затѣмъ нѣсколько разъ по острову, чтобы поглядѣть на почтенныхъ птицъ и послушать ихъ пѣнія.

---

1) Родъ сушеныхъ плодовъ изъ Америки и Индіи.

1) Марсъ.

Вечеромъ Панургъ сказалъ Эдитусу:

— Господинъ, если вамъ угодно, то я разскажу веселую исторію, случившуюся въ странѣ Шательродэ двадцать три луны тому назадъ. Конюхъ одного дворянина водилъ по лугу лошадей своего господина въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; тамъ встрѣтилъ онъ веселую пастушку, которая въ тѣни кустовъ пасла овецъ, вмѣстѣ съ осломъ и нѣсколькими козами. Разговорившись съ нею, онъ предложилъ ей сѣсть на крупъ лошади, за его спиной, навѣстить его конюшню и тамъ попировать на деревенскій ладъ. Во время ихъ бесѣды лошадь обратилась къ ослу и сказала ему на ухо (такъ какъ скоты обрѣли даръ слова въ тотъ годъ въ разныхъ мѣстахъ):

— Бѣдный и жалкій оселъ, ты внушаешь мнѣ жалость и состраданіе. Ты день-деньской работаешь, я вижу это по твоей истертой спинѣ. Это прекрасно, такъ какъ Богъ создалъ тебя на пользу людей; ты—добрый оселъ. Но я нахожу недостойнымъ тиранствомъ, что тебя такъ плохо чистятъ, скребутъ и кормятъ. Ты весь взъерошенный, грязный, растрепанный и питаешься здѣсь однимъ тростникомъ, терновникомъ. Вотъ почему я приглашаю тебя, оселъ, идти за мной и поглядѣть, какъ насъ прочихъ, которыхъ природа создала для войны, кормятъ и холятъ. Ты тоже попробуешь моего корма.

— По истинѣ,—отвѣчалъ оселъ,—я охотно отправлюсь съ вами, господинъ конь.

— Я для тебя не конь, а господинъ жеребецъ, оселъ,—сказала лошадь.

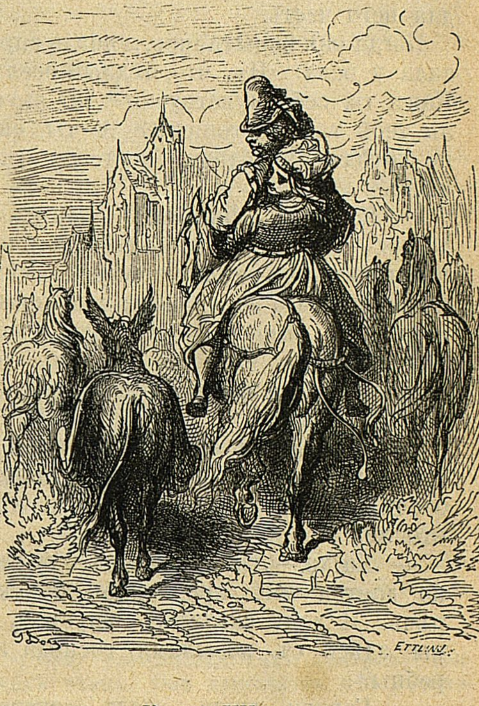
— Простите меня, господинъ жеребецъ,—отвѣчалъ оселъ,—мы деревенскіе жители, не умѣемъ прилично изъясняться и вести себя. Но все же я охотно послушаюсь васъ и издали послѣдую за вами, изъ боязни ударовъ (у меня и то вся кожа изсѣчена), такъ какъ вы оказываете мнѣ такую честь и вниманіе.

Когда пастушка усѣлась на крупъ лошади, за спиной конюха, оселъ послѣдовалъ за конемъ, въ твердомъ намѣреніи хорошо покушать у него въ домѣ. Конюхъ увидалъ осла и приказалъ остальнымъ конюхамъ принять его въ вилы и избить палкой.

Оселъ, услышавъ эти рѣчи, поручилъ себя богу Нептуну и обратился въ бѣгство, говоря съ самимъ собой и разсуждая: «Правду говорятъ, что не годится посѣщать дворы важныхъ господъ: природа произвела меня только за тѣмъ, чтобы служить бѣднымъ людямъ. Эзопъ давно уже объяснилъ мнѣ это въ своей баснѣ; съ моей стороны было дерзостью забраться сюда; теперь мнѣ одно спасеніе;—поскорѣй бѣжать отсюда, бѣжать такъ скоро, чтобы стриженая дѣвка не успѣла косы заплести.»

И оселъ пустился рысью, вскачь, не разбирая дороги.

Пастушка, видя, что осла прогоняютъ, объявила конюху, что онъ ей принадлежитъ, и попросила, чтобы съ нимъ хорошо обошлись; въ противномъ случаѣ она лучше уйдетъ, не входя въ домъ. Тогда конюхъ приказалъ лучше цѣлую недѣлю не задавать овса лошадямъ, лишь бы ослу насыпали его въ-волю. Но труднѣе всего было



Къ гл. VII-й.

снова приманить его, и, несмотря на то, что конюха ласково подзывали его къ себѣ: «Ну же, ну, осликъ, ну!»—онъ отвѣчалъ: «Не вѣрю, боюсь.»

И чѣмъ ласковѣе подзывали они его, тѣмъ быстрѣе убѣгалъ онъ и лягался. Они бы такъ и не поймали его, да пастушка посовѣтовала имъ показать ему овесъ, подзывая его, что̀ они и сдѣлали.

И тогда оселъ вдругъ повернулся къ нимъ передомъ, говоря: «Овесъ, ладно, adveniat овесъ, а не вилы, это мнѣ нравится; на это я согласенъ.»

И такимъ образомъ отдался имъ въ руки, съ мелодическимъ пѣніемъ, потому что вамъ вѣдь извѣстно, какой музыкальный голосъ у этихъ аркадскихъ животныхъ.

Когда прибыли къ мѣсту, осла отвели въ конюшню коня и тамъ его вычистили, выскребли, подложили ему соломы подъ ноги, выше брюха, наложили въ рѣшотку сѣна, а ясли засыпали овсомъ до-верху, и когда конюха стали его просѣвать, то оселъ насторожилъ уши, точно собирался имъ сказать, что съѣстъ его и безъ просѣвки, что это слишкомъ большая для него честь.

Когда они насытились, лошадь спросила у осла: «Ну, что, бѣдный оселъ? Какъ ты себя чувствуешь? По вкусу ли тебѣ такое угощеніе? А ты еще не хотѣлъ приходить. Что теперь скажешь?»

— Клянусь фигами, — отвѣчалъ оселъ,—которыя съѣлъ одинъ изъ нашихъ предковъ и тѣмъ уморилъ со смѣху Филемона, это не жизнь, а масляница, господинъ жеребецъ. Но этого еще мало. А вотъ, что мнѣ скажите: балуетесь ли вы здѣсь съ ослицами, вы, господа кони?

— Съ какими ослицами, оселъ? — спросилъ—конь, ты съ ума сошелъ, оселъ! Ты меня принимаешь за осла, что ли?

— Ха, ха,—отвѣчалъ оселъ,—тугонько дается мнѣ придворная конская рѣчь. Я хочу сказать: Балуетесь ли вы здѣсь съ кобылами, господа жеребцы?

— Говори тише, оселъ,—сказалъ конь,—если конюха тебя услышатъ, то примутъ тебя въ вилы, да такъ, что у тебя отпадетъ охота баловаться съ ослицами. Мы не смѣемъ здѣсь объ этомъ и подумать; но, кромѣ этого, намъ здѣсь царское житье.

— Когда такъ,—сказалъ оселъ,—то не хочу я твоей жизни, и не надо мнѣ ни твоей соломы, ни твоего сѣна и овса. Да здраствуютъ полевые репейники, такъ какъ въ полѣ можно баловаться, сколько душѣ угодно. Меньше ѣсть, да весело баловаться—было всегда моимъ девизомъ. О, господинъ жеребецъ, другъ мой, кабы ты видѣлъ насъ на ярмаркахъ, гдѣ мы держимъ нашъ провинціальный капитулъ, какъ мы балуемся въ то время, какъ наши хозяйки продаютъ гусенятъ и цыплятъ! Вотъ и весь сказъ я сказалъ. На этомъ они разстались.

Панургъ умолкъ и больше не проронилъ ни слова. Пантагрюэль убѣждалъ его досказать басню. Но Эдитусъ отвѣтилъ: «Имѣющій уши слышати да слышитъ. Я очень хорошо понимаю, что вы хотѣли сказать и на что намекаете этою баснею про осла и лошадь; но вамъ стало стыдно. Знайте, что здѣсь ничего такого про васъ не припасено, и лучше не говорите объ этомъ.»

— Правда,—сказалъ Панургъ,—я всего только одну бѣлую Аббегессу видѣлъ здѣсь и охотнѣе проѣхался бы на ней верхомъ, нежели провелъ ее въ поводу. 1) Я говорю только, что она миленькая и хорошенькая и ради нея стоитъ согрѣшить разокъ или два. Богъ проститъ мнѣ, я ни о чемъ худомъ не думалъ, а если думалъ худое, то Богъ меня накажетъ!

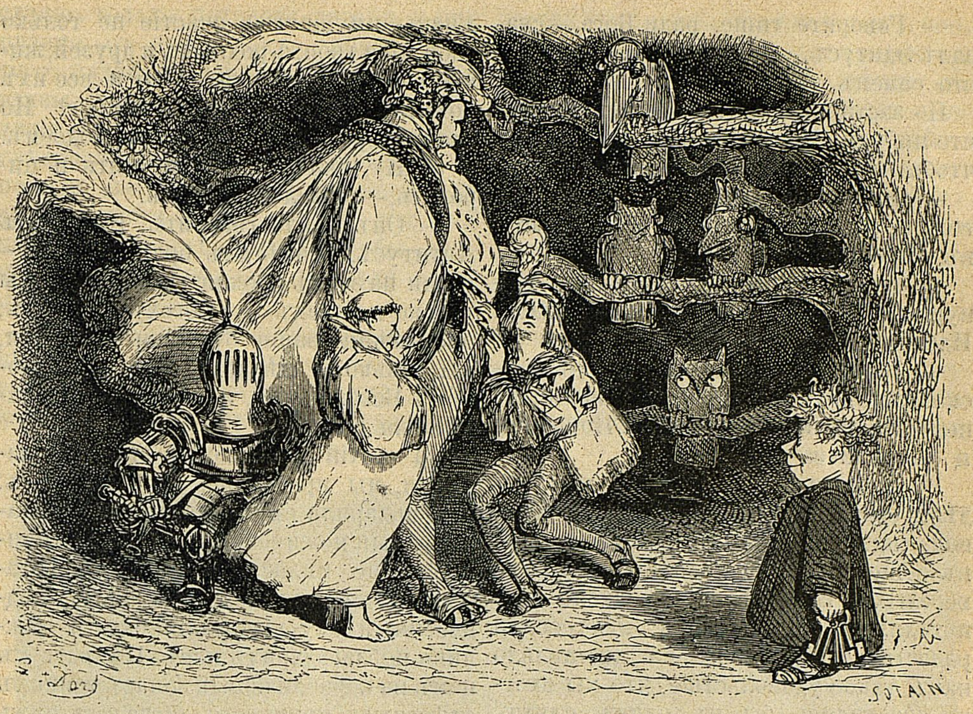
VIII.

О томъ, съ какимъ трудомъ добивались мы, чтобы намъ показали Папага.

Третій день прошелъ въ такихъ же пирахъ и банкетахъ, какъ и два предыдущихъ; но въ этотъ день Панта-

---

1) Здѣсь непередаваемая игра словами: Dains oiseaux и daine oiselle, т. е damoiseaux и damoiselle.



Къ гл. VIII-й.

грюэль настаивалъ, чтобы намъ показали Папага. Но Эдитусъ отвѣчалъ, что онъ неохотно показывается.

— Какъ? — сказалъ Пантагрюэль. Развѣ онъ носитъ шлемъ Плутона на головѣ или кольцо Гигеса на когтяхъ или же хамелеонъ на груди, что можетъ дѣлаться невидимымъ дла міра?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Эдитусъ,—но его по природѣ довольно трудно видѣть. Я, однако, отдамъ приказъ, чтобы вы могли его увидѣть, если можно.

Съ этими словами, онъ вышелъ, оставивъ насъ доканчивать трапезу,

Черезъ четверть часа онъ вернулся и объявилъ намъ, что въ эту минуту Папага можно видѣть, и потихоньку и молча подвелъ насъ прямо къ клѣткѣ, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ двумя маленькими Кардингами и шестью большими и жирными Эвегами. Панургъ съ любопытствомъ разглядывалъ его форму, его жесты, манеру держать себя и вдругъ громко вскричалъ:

— Какое глупое животное! Онъ похожъ на олуха.

— Говорите тише,—сказалъ Эдитусъ,—ради Бога! У него есть уши, какъ справедливо замѣтилъ Михаилъ изъ Макона.

— Право же онъ олухъ!—продолжалъ Панургъ.

— Если онъ хоть разъ услышитъ такое ваше богохульство, вы погибли, добрые люди. Развѣ вы не видите въ клѣткѣ водоема? Изъ него вылетятъ молнія, громъ, черти и буря и вгонятъ васъ въ одинъ моментъ на сто футовъ подъ землю.

— Лучше было бы,—сказалъ братъ Жанъ,—идти пить и пировать.

Панургъ зорко разсматривалъ Папага и его компанію, какъ вдругъ увидѣлъ подъ его клѣткой ночную сову и вскричалъ:

— Ей-богу насъ здѣсь ловятъ на приманку и водятъ за носъ. Поглядите на эту сову [1]); ей-богу, насъ зарѣжутъ.

---

[1]) Сову употребляли, какъ приманку, при ловлѣ птицъ. Она привлекала ихъ своими криками.

— Говорите тише, ради Бога,—сказалъ Эдитусъ,—это не сова, а филинъ; это самецъ, благородный шевесье. 1)

Но заставьте же Папага спѣть намъ что-нибудь,—сказалъ Пантагрюэль,—чтобы мы послушали его голосъ.

— Онъ поетъ,—отвѣчалъ Эдитусъ,—только въ опредѣленные дни, а ѣстъ въ опредѣленные часы.

— Это не по моему,—замѣтилъ Панургъ,—я готовъ пить во всякій часъ. Идемъ же пить.

— Вотъ теперь вы говорите дѣло,—сказалъ Эдитусъ,—за такія рѣчи никто не назоветъ васъ еретикомъ. Пойдемте, я съ вами за-одно.

Возвращаясь съ попойки, мы увидѣли стараго Эвегу съ зеленой головой, сидѣвшаго подъ зеленой листвой въ обществѣ трехъ пеликановъ, птицъ веселыхъ, и храпѣвшаго. Около него находилась хорошенькая Аббегесса и радостно пѣла. Пѣніе ея доставляло намъ такое удовольствіе, что мы охотно обратились бы въ одинъ слухъ, чтобы ничего не проронить изъ ея пѣнія.

Панургъ сказалъ:

— Эта красивая Аббегесса надрывается отъ пѣнія, а этотъ скверный Эвега храпитъ въ это время. Я его заставлю пѣть, клянусь діаволомъ!

И позвонилъ въ колоколъ, висѣвшій подъ клѣткой. Но сколько онъ ни звонилъ, Эвега храпѣлъ все громче, а совсѣмъ не пѣлъ.

— Ей- богу—, сказалъ Панургъ, — вотъ старый хрѣнъ; постой, я найду средство, и ты у меня запоешь.

И онъ взялъ въ руки большой камень, чтобы въ него бросить.

Но Эдитусъ вскричалъ:

— Добрый человѣкъ, бей, убивай, умерщвляй всѣхъ королей и государей въ мірѣ, измѣннически, отравой или какъ нибудь иначе, когда захочешь; побивай въ небесахъ ангеловъ—Папагъ все тебѣ проститъ. Но этихъ священныхъ птицъ не трогай, если тебѣ дорога жизнь, имущество, счастіе не только твои, но и твоихъ родныхъ и друзей, живыхъ и мертвыхъ; а не то и все ихъ потомство будетъ несчастливое! Но гляди хорошенько на этотъ водоемъ.

— Ну, значитъ лучше пить и пировать,—сказалъ Панургъ.

— Онъ дѣло говоритъ, господинъ Антитусъ,—замѣтилъ братъ Жанъ,—гляди на этихъ проклятыхъ птицъ, мы только и знаемъ, что богохульствуемъ; опорожняя ваши бутылки и кубки, мы только и дѣлаемъ, что славословимъ Бога. Итакъ, идемъ пить. О, блаженныя слова!

На третій день, послѣ знатной выпивки, мы простились съ Эдитусомъ. Мы подарили ему хорошенькій перламутровый ножичекъ, который онъ принялъ еще милостивѣе, нежели Артаксерксъ стаканъ холодной воды, поднесенный ему крестьяниномъ, и вѣжливо поблагодарилъ насъ. Послалъ къ намъ на корабли новый запасъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ, пожелалъ намъ счастливаго пути и счастливаго окончанія всѣмъ нашимъ предпріятіямъ и заставилъ насъ обѣщать и поклятъся Юпитеромъ - Камнемъ 1), что мы вернемся обратно черезъ его владѣнія. Наконецъ онъ намъ сказалъ:

— Друзья, помните, что на свѣтѣ больше болтуновъ, нежели людей.

IX.

О томъ, какъ мы сошли на островъ Желѣзныхъ Орудій.

Съ полнымъ желудкомъ, при попутномъ вѣтрѣ, поднявъ бизань-мачту, мы менѣе, чѣмъ въ два дня, прибыли на островъ Желѣзныхъ Орудій, пустынный и необитаемый; и мы увидѣли на немъ пропасть деревьевъ, на которыхъ росли: лопаты, заступы, серпы, косы, пилы, топоры, ножницы щипцы, клещи, буравы.

На другихъ деревьяхъ росли шпаги, кинжалы, стилеты, мечи, сабли, палаши, рапиры и ножи.

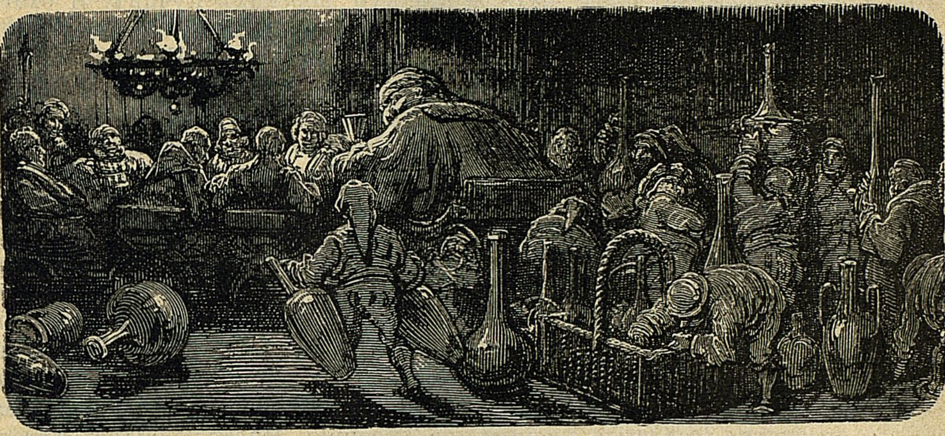
Кому хотѣлось добыть ихъ, тому

---

1) Chevecier—титулъ духовнаго лица, которому поручалось закупать воскъ, необходимый для церкви, Раблэ играетъ словами. chevecier и cheveche (chouette сова.)

1) Jupiter Lapis, передъ которымъ произносили клятву, держа въ рукахъ камень.

стоило только потрясти дерево, и они падали съ него, какъ сливы; мало того: падая на землю, находили родъ травы, которую звали ножнами, и входили въ нее. Но, при ихъ паденіи, слѣдовало остерегаться, чтобы они не попали на голову или на ноги или другія части тѣла, потому что они падали остріемъ книзу, чтобы лучше войти въ ножны, и могли поранить человѣка.



Къ гл. VIII-й.

Подъ другими неизвѣстными деревьями, я увидѣлъ нѣкоторые сорта травы, которые росли въ видѣ пикъ, копій, стрѣлъ, алебардъ, бердышей, вилъ. Когда они доростали до дерева, то находили на немъ желѣзные наконечники, которые къ нимъ какъ разъ подходили. И иныя деревья заготовляли ихъ заранѣе, подобно тому какъ для малыхъ дѣтей вы заготовляете платье къ тому времени, какъ ихъ перестаютъ пеленать. И такимъ образомъ мы не могли болѣе пренебрегать мнѣніемъ Платона, Анаксагора и Демокрита. Вѣдь они не были ничтожные философы? Эти деревья казались намъ земными животными, отличавшимися отъ настоящихъ животныхъ не тѣмъ, что у нихъ не было кожи, жира, мяса, венъ, артерій, связокъ, нервовъ, хрящей, костей, мозга, лимфы, и другихъ частей тѣла,—ибо все это у нихъ есть, какъ доказываетъ Теофрастъ,—но тѣмъ, что голова у нихъ — это стволъ, который находится внизу; волосы — это корни, которые лежатъ въ землѣ, а ноги—это вѣтви, которыя вздымаются къ небу, точь-въ-точь какъ человѣкъ, который бы стоялъ на головѣ ногами вверхъ. И подобно тому, какъ вы, подагрики, заранѣе чувствуете ломоту въ ногахъ и въ лопаткахъ при наступленіи дождя, вѣтра или ясной погоды, словомъ—всякую перемѣну въ воздухѣ, такъ они своими корнями, стволами, древеснымъ сокомъ и смолою чувствуютъ, какія древки растутъ подъ ними, и подготовляютъ соотвѣтствующіе клинки и наконечники. Правду сказать, во всемъ (кромѣ Бога) бываютъ ошибки. Сама природа не свободна отъ нихъ, когда производитъ чудовищные предметы и безобразныхъ животныхъ. Точно такъ и въ этихъ деревьяхъ я замѣтилъ кое-какія погрѣшности. Такъ, одна пика, высоко поднявшись въ воздухѣ подъ однимъ изъ этихъ желѣзодѣлательныхъ деревьевъ, наткнулась между вѣтвями не на желѣзный наконечникъ, но на метлу: ну, и придется ей чистить трубы. Бердышъ наткнулся на пару ножницъ; и то ладно: ими будутъ очищать гусеницъ въ садахъ. Древко алебарды воткнулось въ лезвіе косы и походило на гермафродита; и то не бѣда: ею будутъ косить траву. Хорошее дѣло вѣрить въ Бога! Мы вернулись на наши корабли, и я увидѣлъ за, не знаю какимъ, кустарникомъ, не знаю какихъ, людей, которые дѣлали, не знаю что, и, не знаю какъ, точили, не знаю какое, желѣзо, и не знаю, какимъ образомъ.

X.

О томъ, какъ Пантагрюэль прибылъ на островъ Плутней.

Покинувъ островъ Желѣзныхъ Издѣлій, мы продолжали нашъ путь и на слѣдующій день вступили на островъ Плутней, настоящій портретъ Фонтенбло (земля на немъ такъ тоща, что кости, то есть скалы, пробиваютъ кожу), — песчанистый, безплодный нездоровый и некрасивый. Тамъ штурманъ показалъ намъ на двѣ четырехугольныхъ скалы въ формѣ куба съ восемью равными гранями; по своей бѣлизнѣ онѣ показались мнѣ какъ бы изъ алебастра или же покрытыми снѣгомъ; но онъ увѣрилъ насъ, что онѣ составлены изъ костей. Онъ говорилъ что тамъ находится шестиэтажный замокъ двадцати азартныхъ чертей, которыхъ такъ боятся въ нашихъ мѣстахъ; и самые крупные изъ нихъ двойчатки и называются двойная шестерка, самые маленькіе—двойной тузъ, остальные средніе: двойная пятерка, двойная четверка, двойная тройка, двойная двойка; остальные онъ называетъ: шестерка и пятерка, шестерка и четверка, шестерка и тройка, шестерка и двойка, шестерка и тузъ, пятерка и четверка, пятерка и тройка и такъ далѣе въ такомъ порядкѣ. И тогда я замѣтилъ, что мало игроковъ на свѣтѣ, которые бы не призывали діавола, ибо, когда, бросая кости на столъ, они набожно восклицаютъ: «Двойная шестерка, мой другъ!» то это означаетъ большого діавола; «Двойной тузъ, голубчикъ!» то это—маленькій діаволъ; «Четверка и двойная, дѣтушки!» и такъ далѣе, то они призываютъ чертей по ихъ именамъ и прозвищамъ. И не только призываютъ, но и величаютъ себя друзьями и ближними. Правда, что діаволы не всегда являются по первому призыву; но ихъ можно въ томъ извинить: они находились въ иномъ мѣстѣ, куда ихъ призвали раньше, а потому не слѣдуетъ говорить, что у нихъ нѣтъ ни чувствъ, ни ушей. Есть, говорю вамъ, да еще какія!

Затѣмъ, онъ разсказалъ намъ, что вокругъ этихъ квадратныхъ скалъ и на нихъ самихъ больше происходило бѣдствій крушеній, погибели жизни и имущества, нежели около всевозможныхъ мелей, подводныхъ камней Харибдъ, Сциллъ, Сиренъ, Скрофадъ [1] и всякихъ морскихъ пучинъ. Я охотно ему вѣрю, припоминая, что во время оно у мудрыхъ египтянъ Нептунъ обозначался первымъ кубомъ іероглифами, какъ Аполлонъ—тузомъ, Діана—двойкой, Минерва — семеркой и прочее. —Тамъ хранится также св. Грааль,— сказалъ онъ намъ,—вещь дивная и малому извѣстная.

Панургъ такъ приставалъ къ мѣстнымъ старостамъ, что они намъ его показали, но съ большими церемоніями и съ большей торжественностью чѣмъ во Флоренціи показываютъ Пандекты Юстиніана или въ Римѣ платокъ св. Вероники. Нигдѣ не видѣлъ я столько факеловъ, свѣчъ, и всякихъ церемоній Въ концѣ концовъ, намъ показали мордочку зажареннаго кролика. Тамъ же, въ числѣ прочихъ замѣчательныхъ вещей, мы увидѣли Bonne Mine, жену Mauvais Jeu [2], и скорлупу яйца, снесеннаго нѣкогда Ледой и изъ котораго вылупились Касторъ и Полуксъ, братья прекрасной Елены. Старосты одолжили намъ кусочекъ скорлупы за пустое вознагражденіе. При отъѣздѣ мы купили тюкъ шапокъ и шляпъ изъ матеріи, сотканной по нѣтовому полю пустыми цвѣтами, отъ продажи которыхъ сомнѣваюсь, чтобы мы получили большую выгоду; думаю, однако, что еще меньше выгоды получатъ тѣ, которые у насъ ихъ купятъ.

---

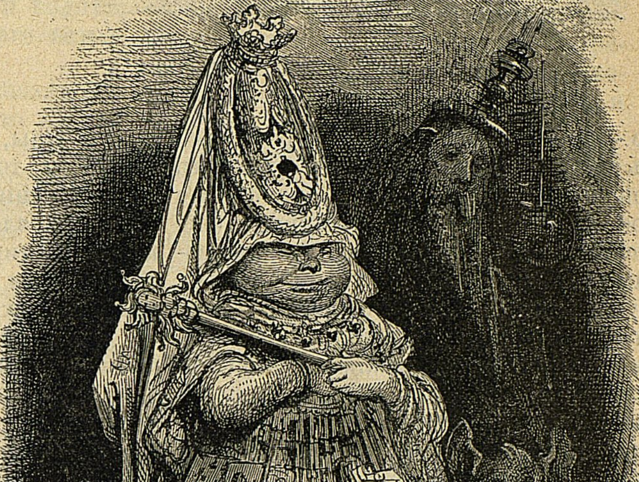
[1] Острова Іоническаго моря.

[2] Намекъ на поговорку: Faire bonne mine à mauvais jeu.

XI.

О томъ, какъ мы проплыли мимо Застѣнка, въ котормъ обитаетъ Котъ-Мурлыка, Эрцгерцогъ Пушистыхъ Котовъ.[1]

Оттуда мы проплыли мимо другого совершенно пустыннаго острова, прозывавшагося островъ Осужденія. Затѣмъ приблизились къ острову Застѣнокъ, куда Пантагрюэль не хотѣлъ было приставать, и хорошо бы сдѣлалъ, такъ какъ насъ тамъ взяли въ плѣнъ и заключили въ тюрьму, по приказу Кота-Мурлыки, Эрцгерцога Пушистыхъ Котовъ, за то, что кто-то изъ нашей компаніи хотѣлъ продать одному сержанту шляпы изъ матеріи, сотканной по нѣтовому полю пустымицвѣтами. Пушистые Коты—звѣри отвратительные и страшные: они ѣдятъ маленькихъ дѣтей и пасутся на камняхъ изъ мрамора.[2] Изъ этого, любезные бражники, вы можете заключить, какіе они скверные. У нихъ шерсть на шкурѣ ростетъ внутрь, а не наружу, и всѣ они носятъ, вмѣсто символа и девиза, открытый кошель, но не всѣ на одинъ ладъ: нѣкоторые носятъ его вокругъ шеи въ видѣ шарфа, другіе на спинѣ, третьи на животѣ, кто съ боку и все это не безъ причины, хотя и тайной. Когти у нихъ такіе крѣпкіе, длинные и цѣпкіе, что, кто разъ попадется имъ въ лапы, того ужъ они не выпустятъ. Одни изъ нихъ носятъ на головѣ шапки съ четырьмя клапанами, другіе—съ отворотами, третьи—бархатную шапочку[1], четвертые накрываются попоной, на манеръ бархатной шапочки.



Къ гл. X-й.

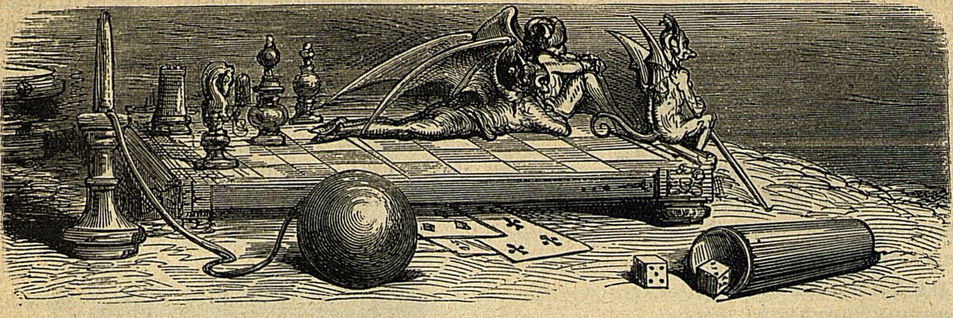
Нищій, котораго мы повстрѣчали въ трактирѣ и которому подали милостыню, сказалъ намъ: «Дай вамъ Богъ поскорѣе отсюда выбраться по-добру-

---

[1] Grippeminaud, archiduc des Chats fourrés; Это—президентъ уголовной палаты, а по мнѣнію—другихъ великій инквизиторъ.

[2] Полъ Верховной Палаты въ Парижѣ былъ выложенъ мраморомъ.

[1] Mortier—головной уборъ судебныхъ чиновъ.



Къ гл. X-й.

по-здорову: вглядитесь хорошенько въ морды этихъ храбрыхъ столповъ кошачьяго правосудія и попомните мое слово: если вы проживете еще шесть олимпіадъ и вѣкъ двухъ собакъ въ придачу, то увидите этихъ Пушистыхъ Котовъ господами всей Европы и мирными владѣльцами всѣхъ имѣній и богатствъ, какія въ ней есть, если только, въ силу Божескаго наказанія, они не лишатся всего неправедно нажитаго ими имущества. Вотъ вамъ слово добродѣтельнаго нищаго. Среди нихъ царствуетъ Секстъ-Эссенція [1]), посредствомъ которой они все забираютъ въ свои когти, все пожираютъ и все загаживаютъ. Они сожигаютъ, четвертуютъ, обезглавливаютъ, умерщвляютъ, заключаютъ въ тюрьму, разоряютъ и губятъ все безъ разбору,—хорошо это или дурно. Въ ихъ средѣ порокъ называется добродѣтелью, злость—добротою, измѣна—вѣрностью, кража—щедростью; грабежъ у нихъ служитъ девизомъ и одобряется всѣми смертными, за исключеніемъ еретиковъ. И все это они творятъ съ верховнымъ и неотразимымъ авторитетомъ. Въ знакъ вѣрности моего предсказанія, замѣтьте: у нихъ ясли стоятъ выше рѣшетокъ. [2]) Когда-нибудь вы это припомните. И если когда на свѣтѣ появится моровая язва, голодъ или война, ураганы, катаклизмы, пожары, всякія бѣды, то не приписывайте ихъ ни расположенію неблагопріятныхъ свѣтилъ, ни злоупотребленіямъ римской куріи, ни тиранніи королей и земныхъ владыкъ, ни обману пустосвятовъ, еретиковъ, ложныхъ пророковъ, ни злобѣ ростовщиковъ, фальшивыхъ монетчиковъ, ни невѣжеству, наглости врачей, хирурговъ, аптекарей, ни порочности женщинъ, нарушающихъ супружескую вѣрность, нимфоманокъ, дѣтоубійцъ; приписывайте все это единственно лишь невыразимой, невѣроятной, неизмѣримой злости, какая, неизмѣнно и безъ передышки куется и пускается въ ходъ въ мастерскихъ Пушистыхъ Котовъ и о которой міръ такъ же мало знаетъ, какъ и объ еврейской кабалѣ; и вотъ почему ее не такъ ненавидятъ и не такъ ей противодѣйствуютъ, и не такъ караютъ ее, какъ бы она того заслуживала. Но если бы она когда-нибудь была обличена передъ народомъ, то не было и не можетъ быть такого оратора, который бы своимъ краснорѣчіемъ ее оправдалъ, ни такихъ строгихъ и драконовскихъ законовъ, боязнь которыхъ удержала бы отъ возмездія, ни такого могущественнаго судьи, который помѣшалъ бы безжалостно сжечь ихъ въ ихъ норѣ. Родныя дѣти Пушистыхъ Котовъ и другіе ихъ родственники восчувствуютъ къ нимъ ужасъ и отвращеніе. И вотъ почему, подобно тому какъ Аннибалъ получилъ отъ своего отца Гамилькара приказаніе, подъ торжественной и священной клятвой, преслѣдовать римлянъ, пока будетъ живъ, такъ и я получилъ отъ своего покойнаго отца приказъ жить здѣсь и дожидаться, пока не упадетъ съ неба молнія и не испепелитъ ихъ, какъ новыхъ Титановъ, клятвопреступниковъ и святотатцевъ, такъ какъ у людей сердца оказываются такими черствыми, что они не видятъ, не чувствуютъ, не замѣчаютъ зла, какое творится между ними, а если и видятъ, то не смѣютъ, не могутъ его истребить.»

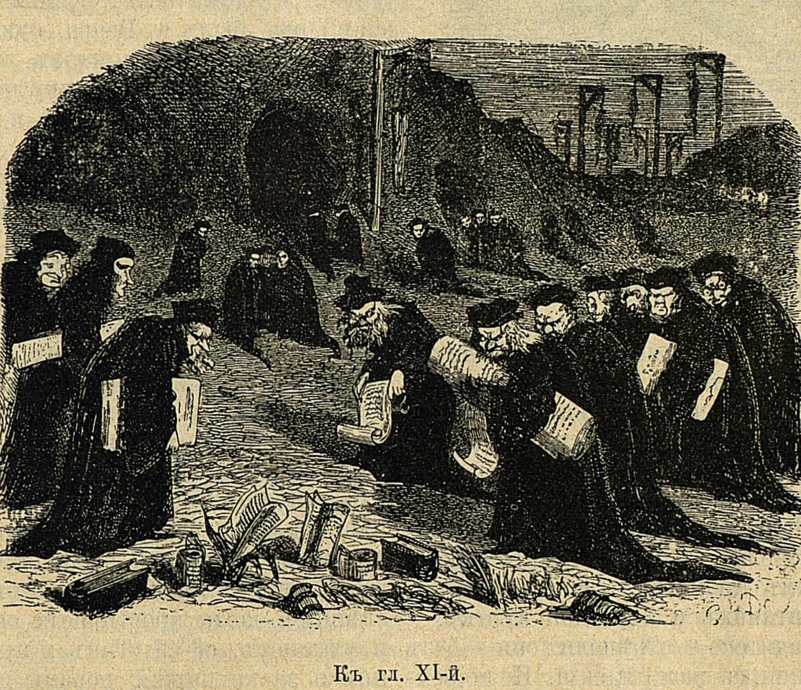
---

[1]) Какъ высшая степень квинтъ-эссенціи.

[2]) Одинъ изъ комментаторовъ говоритъ: «Эти ясли—скамьи судей, которыя стоятъ выше стола регистратора, а этотъ столъ, покрытый документами различныхъ тяжбъ и есть рѣшетка кошачьяго правосудія.»

— Это еще что такое?—сказалъ Панургъ. Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ! Это мнѣ не по вкусу, ей-богу! Идемъ обратно, идемъ обратно, ради Бога. Этотъ благородный нищій такъ удивилъ меня своими рѣчами, какъ если бы осенью громъ загремѣлъ.

Но, обратившись вспять, мы нашли дверь запертою, и намъ сказали, что такъ же, какъ и въ Тартаръ, сюда легко войти, но выйти отсюда трудно, и что мы отсюда не уйдемъ безъ пропуска и разрѣшенія на томъ основаніи, что съ ярмарки не уходятъ, какъ съ рынка, да притомъ у насъ и ноги пыльныя. Но хуже всего было, когда мы прошли въ застѣнокъ, потому что насъ представили такому безобразному чудовищу, какого еще свѣтъ не видывалъ, чтобы онъ далъ намъ отпускъ ab instantia. Чудовище это звали Котъ-Мурлыка, и я не могу его лучше описать, какъ сравнивъ съ Химерой или со Сфинксомъ и Церберомъ или съ изображеніемъ Озириса, какъ его представляли египтяне: съ тремя головами, соединенными между собой, а именно: головой льва рыкающаго, собаки лающей и волка съ разинутой пастью, окруженныхъ дракономъ, который кусаетъ свой хвостъ, и ореоломъ изъ яркихъ лучей. Руки у него были окровавленныя, когти—какъ у гарпій, морда съ вороньимъ клювомъ, зубы—какъ у четырехлѣтняго кабана, глаза сверкали, какъ жерло ада, и весь онъ былъ покрытъ ступками[1]), такъ что виднѣлись одни когти. Сидѣньемъ для него и для всѣхъ его коллегъ—Котовъ служила длинная, совсѣмъ новая рѣшетка, подъ которой расположены были широкія, прекрасныя ясли, какъ описывалъ нищій. Надъ главнымъ сидѣньемъ находился

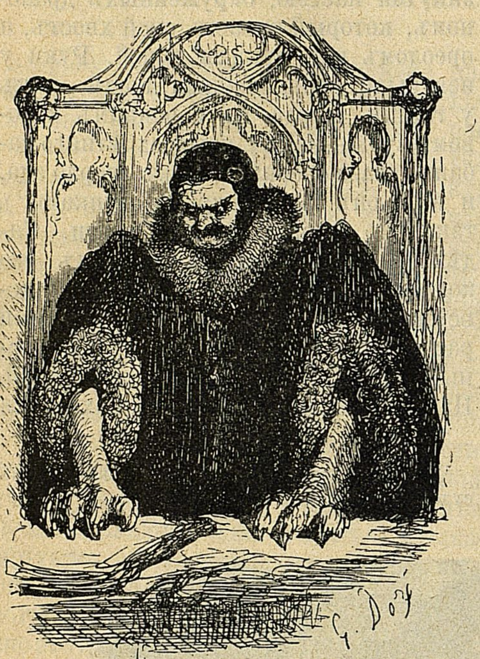


Къ гл. XI-й.

---

[1]) Mortiers, новый намекъ на головной уборъ судебныхъ чиновъ.

портретъ старухи, державшей въ правой рукѣ лезвіе серпа, а въ лѣвой—вѣсы, и съ очками на носу. Чашами вѣсовъ служили два бархатныхъ кошеля: одинъ, полный звонкой монетой, спускался до земли; другой, пустой, вздымался высоко въ воздухѣ. Я того мнѣнія, что то было изображеніе кошачьяго Правосудія, вполнѣ противоположное учрежденію древнихъ ѳиванъ, которые сооружали статуи своимъ дикастамъ и судьямъ, послѣ ихъ смерти, изъ золота, серебра или мрамора, смотря по ихъ заслугамъ, но всегда безъ рукъ. Когда насъ подвели къ нему, то, не знаю какіе-такіе, люди, обвѣшанные кошелями и мѣшками и большими клочками исписанной бумаги, усадили насъ на скамью подсудимыхъ.



Къ гл. XI-й.

Панургъ говорилъ:

— Любезные друзья, я и постою, если позволите, тѣмъ болѣе, что скамья слишкомъ низка для человѣка въ новыхъ штанахъ и короткой курткѣ.

— Садитесь,—отвѣчали они,—безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Не то земля разверзнется подъ вами и всѣхъ васъ проглотитъ живьемъ, если вы не сумѣете отвѣтить какъ слѣдуетъ.

XII.

О томъ, какъ Котъ-Мурлыка задалъ намъ загадку.

Когда мы усѣлись, Котъ-Мурлыка, окруженный своими Пушистыми Котами, сказалъ намъ хриплымъ и бѣшенымъ голосомъ:

— Ну, вотъ кстати! Ну, вотъ кстати! (Теперь бы выпить кстати,—пробормоталъ Панургъ сквозь зубы).

Молоденькая блондиночка
Зачала сына эѳіопа безъ мужа,
Затѣмъ родила его безъ боли,
Хотя онъ вышелъ, какъ эхидна,
Прогрызши ей утробу отъ нетерпѣнія.
Послѣ того онъ пронесся по горамъ, и по доламъ,
Летая въ воздухѣ и ползая по землѣ,
Такъ что удивилъ друга мудрости,
Который подумалъ, что въ немъ живетъ человѣческое существо.

— Ну, вотъ,—сказалъ Котъ-Мурлыка,—разгадай мнѣ эту загадку; скажи, что это такое.

— Ну, ей-ей,—отвѣчалъ я,—если бы у меня въ домѣ былъ сфинксъ, какъ, ей-ей, онъ былъ у Верра, одного изъ вашихъ предшественниковъ, то, ей-ей, я могъ бы разгадать загадку; но, ей-ей, меня тамъ не было и, ей-ей, я въ томъ неповиненъ.

— Ну, ей-ей,—сказалъ Котъ-Мурлыка,—клянусь Стиксомъ, такъ какъ ты не хочешь отвѣчать, то я тебѣ, ей-ей, докажу, что лучше бы тебѣ, ей-ей, попасть въ лапы Люцифера или, ей-ей, ко всѣмъ діаволамъ, нежели очутиться въ нашихъ когтяхъ, ей-ей. Погляди-ка на нихъ хорошенько. Ей-ей, болванъ ты этакій! Ты ссылаешься на свою невиновность какъ на обстоятельство, долженствующее избавить тебя отъ нашихъ пытокъ? Ей-ей, наши законы все равно, что паутина: маленькія мушки и бабочки попадаются, ей-ей; большие же зловредные слѣпни и оводы прорываютъ ее, ей-ей, и улетаютъ, ей-ей. Такъ и мы не гонимся за крупными ворами и тираннами, ей-ей: ихъ слишкомъ трудно переваривать, ей-ей, и они насъ одурачили бы, ей-ей. Но такіе невинные младенцы, какъ вы, ей-ей, очень удобны для того, чтобы васъ проглотить, ей-ей, и чортъ пропоетъ вамъ отходную, ей-ей!

Брату Жану надоѣли разглагольствованія Кота-Мурлыки, и онъ сказалъ:

— Эй ты, господинъ чортъ въ юбкѣ, какъ же ты хочешь, чтобы онъ отвѣчалъ тебѣ за такое дѣло, котораго онъ не знаетъ? Развѣ ты не гонишься за истиной?

— Ей-ей,—сказалъ Котъ-Мурлыка,—еще не бывало случая, во все мое царствованіе, чтобы здѣсь кто-нибудь заговаривалъ первый, не будучи спрошенъ, ей-ей! Кто это спустилъ съ цѣпи этого бѣшенаго дурака?

— Ты лжешь, — сказалъ братъ Жанъ,—не разжимая губъ.

— Ей-ей, когда дойдетъ до тебя чередъ отвѣчать, то я тебѣ задамъ перцу, негодяй, ей-ей!

— Ты лжешь, — говорилъ братъ Жанъ, молча.

— Ужъ не думаешь ли ты, что ты здѣсь находишься въ академическомъ лѣсу, гдѣ лѣнтяи и тунеядцы охотятся за истиной? Намъ тутъ некогда этимъ заниматься, ей-ей. Здѣсь отвѣчаютъ категорически, ей-ей, на то, чего не знаютъ, или сознаются въ томъ, чего никогда не дѣлали, ей-ей; увѣряютъ, что знаютъ то, чему не учились ей-ей. Здѣсь терпятъ, хоть и злятся, ей-ей; здѣсь щиплютъ гуся, а онъ и не пикнетъ, ей-ей. Ты говоришь безъ полномочія, ей-ей, я хорошо это вижу, ей-ей; тебѣ бы въ пору обвѣнчаться съ чортомъ, ей-ей!

— Ахъ, Діаволъ!—вскричалъ братъ Жанъ. Архидіаволъ, Протодіаволъ, Пантодіаволъ, ты хочешь, значитъ, женить монаховъ, го, го, го! Уличаю тебя въ еретичествѣ.

XIII.

О томъ, какъ Панургъ разрѣшилъ загадку Кота-Мурлыки.

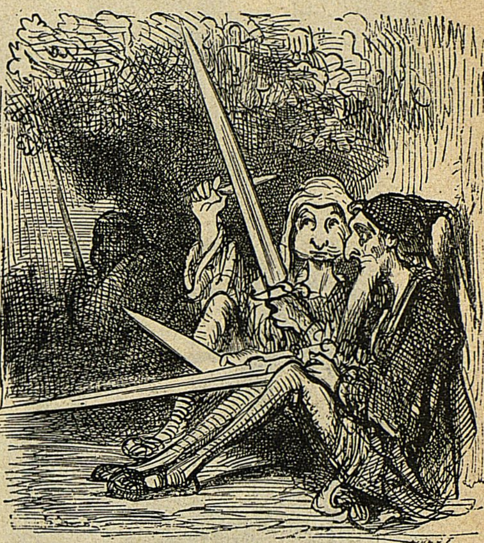
Котъ-Мурлыка, притворившись, что не слыхалъ этихъ словъ, обратился къ Панургу, говоря:

— Ну, а ты, шутъ, ничего развѣ намъ не скажешь?

Панургъ отвѣчалъ:

— Чорта съ два, я ясно вижу, что мы попали въ бѣду или къ самому діаволу, потому что невиновность здѣсь не признается и чортъ служитъ здѣсь обѣдню. А потому прошу васъ, позвольте мнѣ расплатиться за всѣхъ и отпустите насъ. Мнѣ больше здѣсь невтерпежъ.

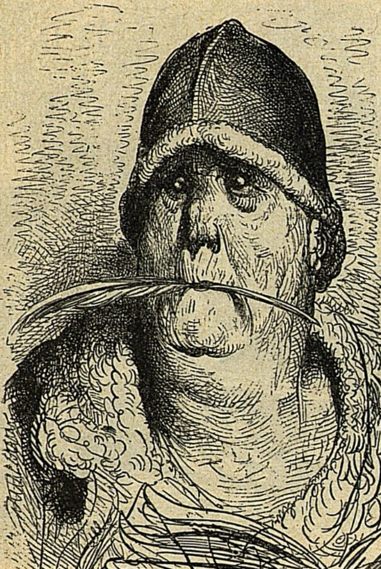
— Отпустить! — закричалъ Котъ-Мурлыка. Ей-ей, уже лѣтъ триста, какъ этого здѣсь не бывало, чтобы кто-нибудь ушелъ отсюда не ощипанный, ей-ей, а чаще даже съ ободранной шкурой, ей-ей. Посмѣй послѣ того сказать, что ты задержанъ у насъ несправедливо или же съ тобой поступили несправедливо, несчастный человѣкъ; но еще несчастнѣе будешь ты, ей-ей, если не разгадаешь предложенной загадки. Ей-ей, говори же, что ты на это скажешь?



Къ гл. XII-й.

— Ну вотъ, чортъ возьми,—отвѣчалъ Панургъ,—это означаетъ чернаго червя, который родился отъ бѣлаго боба и затѣмъ прогрызъ его и вылѣзъ на свѣтъ Божій. Онъ ползаетъ, чортъ побери, по землѣ, а затѣмъ летаетъ по воздуху, вслѣдствіе чего Пиѳагоръ первый поклонникъ мудрости, что по-гречески значитъ философъ, полагалъ, что, благодаря переселенію душъ, онъ получилъ человѣческую душу. Если бы вы были людьми, то, клянусь діаволомъ, послѣ вашей смерти, по его мнѣнію, ваши души вошли бы въ тѣло червей, потому что, клянусь діаволомъ, въ здѣшней жизни вы все грызете и пожираете, а въ другой жизни вы прогрызете и пожрете, какъ эхидны, утробу своей матери, клянусь діаволомъ!

— Богомъ клянусь,—сказалъ братъ Жанъ,—я бы ничего лучшаго не желалъ, чтобы мой задъ обратился въ бобъ и былъ съѣдѣнъ этими червями.



Къ гл. XII-й.

Панургъ, договоривъ, бросилъ на средину паркета толстый кожаный кошелекъ, набитый золотыми. При звукѣ золота всѣ Пушистые Коты заиграли на когтяхъ, точно на скрипкахъ, и всѣ громко вскричали:

— Это пряности: процессъ славный, вкусный и очень прянный. Они хорошіе люди.

— Это золото,—сказалъ Панургъ,—я хочу сказать: золотыя монеты.

— Судъ это понимаетъ,—отвѣчалъ Котъ-Мурлыка,—ей-ей. Ступайте, дѣти, ей-ей; проходите мимо. Мы не такъ черны, какъ кажемся, ей-же-ей.

По выходѣ изъ застѣнка, мы были отведены въ гавань нѣсколькими горными грифонами. Но прежде, нежели мы сѣли на корабли, они предупредили насъ, что мы не должны пускаться въ путь, не одаривъ богатыми подарками какъ жену Кота-Мурлыки, такъ и всѣхъ Пушистыхъ Кошекъ; въ противномъ случаѣ имъ приказано отвести насъ обратно въ застѣнокъ.

— Ба!—отвѣчалъ братъ Жанъ. Мы отойдемъ къ сторонкѣ и поглядимъ, что у насъ есть. Онѣ будутъ много довольны нами.

— Но,—сказали ребята,—не забудьте и насъ грѣшныхъ.

— Ну, вотъ еще,—сказалъ братъ Жанъ,—грѣшныхъ людей никогда не забываютъ; ихъ принято дарить во всѣхъ странахъ и во всякія времена года.

XIV.

О томъ, какъ Пушистые Коты живутъ взяточничествомъ.

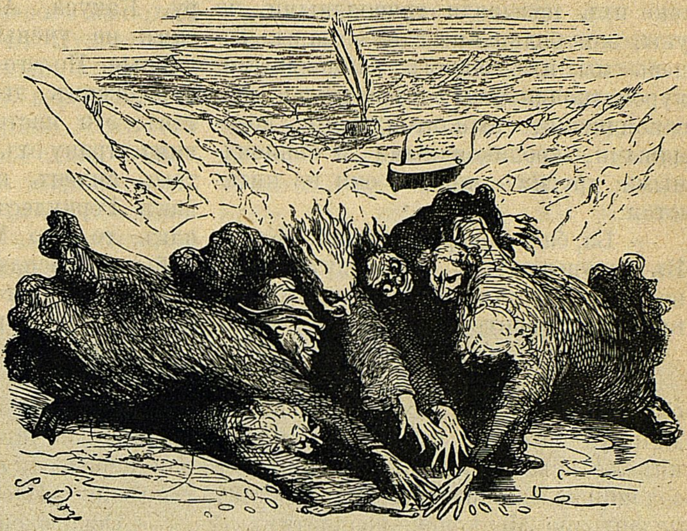
Не успѣлъ братъ Жанъ договорить этихъ словъ, какъ увидѣлъ шестьдесятъ восемь галеръ и фрегатовъ, прибывшихъ въ портъ. Онъ побѣжалъ туда спросить, какимъ товаромъ нагружены эти корабли, и увидѣлъ, что всѣ они нагружены дичиной, зайцами, каплунами, голубями, свининой, кроликами, телятами, цыплятами, дикими и домашними утками, гусями и другой живностью. Онъ замѣтилъ также нѣсколько кусковъ бархата, атласа и штофа. Тогда онъ спросилъ путешественниковъ, куда и кому они везутъ эти лакомые кусочки. Они отвѣчали, что везутъ ихъ Коту-Мурлыкѣ. Пушистымъ Котамъ и Кошкамъ.

— Какъ называете вы эти снадобья?—спросилъ братъ Жанъ.

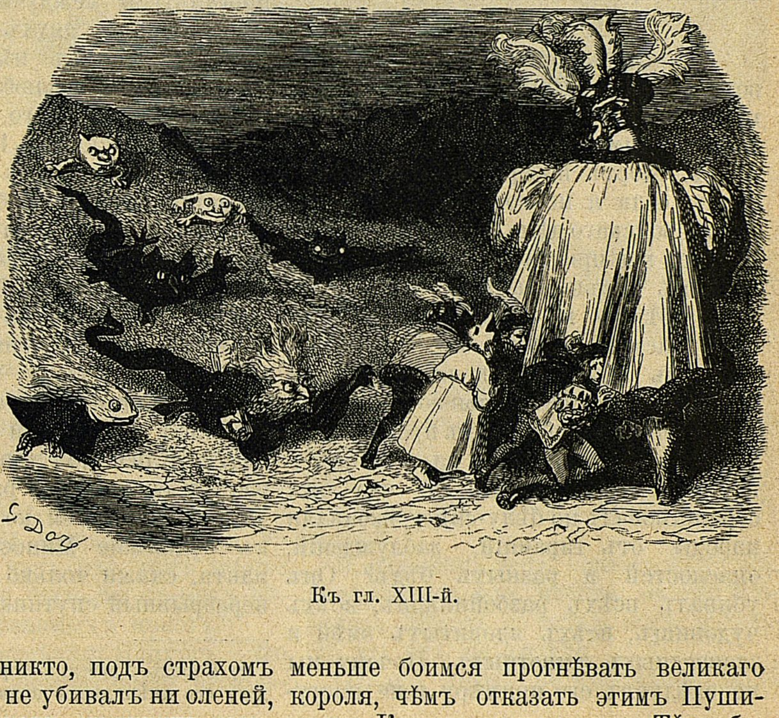
— Взятками, — отвѣчали путешественники.

— Значитъ, они живутъ взяточничествомъ,—сказалъ братъ Жанъ,—и должны пропасть. Ей-богу, это вѣрно: ихъ отцы пожрали добрыхъ, которые, въ силу своего званія, занимались грабежомъ и охотой, чтобы набить руку на время войны и закалить себя въ работѣ. Ибо охота своего рода сраженіе, и Ксенофонтъ не ошибался, когда писалъ, что охота, какъ Троянская лошадь, выпустила всѣхъ добрыхъ военачальниковъ. Я не ученый, но мнѣ такъ говорили, и я этому вѣрю. Ихъ души, по мнѣнію Кота-Мурлыки, по смерти входятъ въ кабановъ, оленей, дикихъ козъ, цапель, куропатокъ и другихъ подобныхъ животныхъ, которыхъ они въ прежней жизни такъ любили и гонялись за ними. И вотъ теперь эти Пушистые Коты, истребивъ и пожравъ ихъ замки, земли, помѣстья, владѣнія, доходы, стремятся выпить ихъ кровь и душу и въ новой жизни. О! Честный нищій не даромъ указывалъ намъ, какое значеніе имѣетъ рѣшетка, помѣшенная надъ яслями.

— Однако, замѣтилъ Панургъ, великій король издалъ декретъ, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не убивалъ ни оленей, ни ланей ни кабановъ, ни дикихъ козъ.



Къ гл. XIII-й.



Къ гл. XIII-й.

— Это правда, — отвѣчалъ одинъ изъ путешественниковъ, — но великій король такъ добръ и милостивъ, эти же Пушистые Коты такіе бѣшеные и такъ жаждутъ христіанской крови, что мы меньше боимся прогнѣвать великаго короля, чѣмъ отказать этимъ Пушистымъ Котамъ во взяткахъ. Тѣмъ болѣе, что Котъ-Мурлыка выдаетъ замужъ одну изъ своихъ Кошекъ за большого Пушистаго Кота. Во время оно ихъ называли травоядными, но увы, они больше не ѣдятъ травы. Теперь мы ихъ зовемъ зайцеядными, куропаткоядными, бекасоядными, фазаноядными, цыплятоядными, козоядными, кроликоядными и свиноядными; другимъ мясомъ они не питаются.

— Ба, ба!—говорилъ братъ Жанъ. Въ будущемъ году ихъ будутъ звать не иначе, какъ навозоядными; хотите вы этому вѣрить?

— Охотно,—отвѣчала бригада.

— Сдѣлаемъ-ка два дѣла,—сказалъ онъ,—во-первыхъ, захватимъ всю эту дичину, которую вы здѣсь видите; мнѣ же кстати ужасно какъ надоѣла солонина: она возбуждаетъ во мнѣ меланхолію. Мы конечно заплатимъ за дичь. Во-вторыхъ, вернемся назадъ и перерѣжемъ всѣхъ этихъ чертей Пушистыхъ Котовъ.

XV.

О томъ, какъ братъ Жанъ Сокрушитель предлагаетъ перерѣзать Пушистыхъ Котовъ.

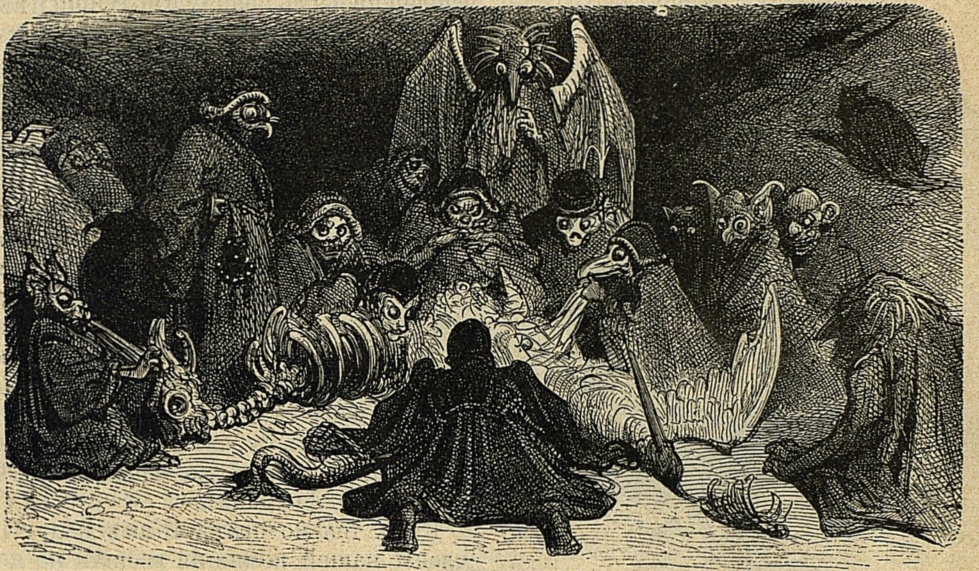
— Клянусь монашеской рясой,—говорилъ братъ Жанъ,—что это за путешествіе? Мы только и знаемъ, что пьемъ, ѣдимъ и ровно ничего не дѣлаемъ. Чортъ побери, это мнѣ не по нраву; если я не совершу какого-нибудь геройскаго дѣла, то не могу спать. Неужто вы пригласили меня путешествовать только за тѣмъ, чтобы служить обѣдню и исповѣдывать? Клянусь Пасхой, первый, кто мнѣ попадется въ руки, будетъ въ наказаніе брошенъ въ море, головою внизъ, во искупленіе грѣховъ. Чѣмъ прославился на-вѣки и прогремѣлъ на весь свѣтъ Геркулесъ? Не тѣмъ ли, что онъ странствовалъ по бѣлу-свѣту, избавляя народы отъ тиранній, заблужденій, опасностей и разныхъ бѣдъ? Онъ убивалъ всѣхъ разбойниковъ, всѣхъ чудовищъ, всѣхъ ядовитыхъ змѣй и зловредныхъ животныхъ. Почему мы не слѣдуемъ его примѣру и не поступаемъ, какъ онъ, во всѣхъ странахъ, черезъ которыя проѣзжаемъ? Онъ истребилъ Стимфалидъ, Лернскую Гидру, Какуса, Антея, Кентавровъ. Я самъ не ученый, но такъ говорятъ ученые. По его примѣру, истребимъ и перерѣжемъ этихъ Пушистыхъ Котовъ, это настоящіе черти, и избавимъ страну отъ тираннін. Будь я такъ такъ силенъ и такъ могуществен, какъ Геркулесъ, то такъ же вѣрно, какъ то, что Магометъ не пророкъ, я бы не просилъ у васъ ни совѣта, ни помощи. Ну чтожъ? Идемъ, что-ли? Я васъ увѣряю, что мы легко справимся съ ними, и они съ терпѣніемъ, перенесутъ это,—я въ томъ не сомнѣваюсь, потому что десять свиней не выпили бы столько помой, сколько они перенесли оскорбленій, и совсѣмъ терпѣливо. Идемъ!

— Оскорбленій,—сказалъ я,—и безчестія они не боятся, лишь бы у нихъ водились денежки въ мошнѣ, хотя бы и грязныя. И мы, быть можетъ, справились бы съ ними, какъ Геркулесъ; но нужно было бы, чтобы нами командовалъ Эристей [1]); и я бы ничего такъ не желалъ въ настоящую минуту, какъ прогуляться между ними въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда Юпитеръ посѣтилъ свою возлюбленную Семелуэ, первую мать добраго Бахуса.

— Богъ,—сказалъ Панургъ,—помиловалъ насъ отъ ихъ когтей; но, что касается меня, то я больше къ нимъ не вернусь. Я до сихъ еще не могу опомниться отъ страха, который я тамъ претерпѣлъ. И я тамъ очень разсердился по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что я разсердился; во-вторыхъ, потому, что я разсердился; въ третьихъ, потому, что я разсердился. Выслушай правымъ ухомъ, братъ Жанъ, мой лѣвый кумъ: всякій разъ и сколько бы разъ ты ни пожелалъ отправиться ко всѣмъ чертямъ, въ судилище Миноса, Эака и Радаманта, скажи только слово и я—твой неразрывный спутникъ; вмѣстѣ съ тобой переправлюсь черезъ Ахеронъ, Стиксъ, Коцитъ; выпью полный стаканъ воды изъ Леты, заплачу за насъ обоихъ Харону за перевозъ на лодкѣ; но, чтобы вернуться къ Пушистымъ Котамъ,—слуга покорный. Если тебѣ такъ хочется къ нимъ вернуться, то ищи себѣ другую компанію. Я же тебѣ не попутчикъ; пусть мое слово будетъ такъ же крѣпко, какъ мѣдная стѣна. Если только меня туда не потащатъ силою, я, пока живъ, не приближусь къ нимъ такъ же, какъ и къ Геркулесовымъ столбамъ. Развѣ Улиссъ возвращался за своей шпагой къ пещеру Циклопа? Какъ бы да не такъ! Я ничего не забылъ въ застѣнкѣ и туда не вернусь.

---

[1]) Король Аргоса, который заказалъ Геркулесу его двѣнадцать подвиговъ.



Къ гл. XIV-й.

— О,—сказалъ братъ Жанъ,—вотъ-то добрый малый и храбрый товарищъ съ руками, разбитыми параличомъ! Но поговоримъ-ка толкомъ, хитрый ты человѣкъ. Зачѣмъ и для какого бѣса ты бросилъ имъ кошель, полный денегъ? Развѣ у насъ ихъ такъ много? Не довольно ли было бы съ нихъ нѣсколькихъ обрѣзанныхъ монетъ?

— Потому,—отвѣчалъ Панургъ,—что Котъ-Мурлыка безпрестанно раскрывалъ свой бархатный кошель, восклицая: «Ей-ей, ей-же-ей, ей-ей!.» Я изъ этого вывелъ заключеніе, что мы можемъ спастись, набросавъ ему туда денегъ. Потому что бархатный кошель сдѣланъ не для храненія реликвій, а золотыхъ монетъ. Понимаешь ли ты это, братъ Жанъ, мой любезный куманекъ? Когда ты проживешь съ мое, то заговоришь иначе. Но, во исполненіе ихъ приказаній, мы должны уѣхать отсюда.

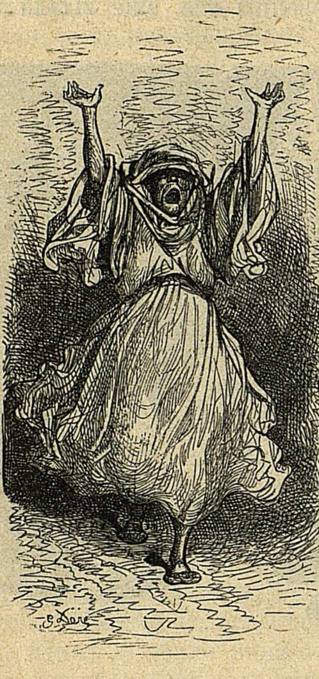
Оборванцы все еще ждали въ гавани, чтобы ихъ наградили. И видя, что мы собираемся отплыть, обратились къ брату Жану, увѣряя его, что они насъ не отпустятъ, пока мы не дадимъ имъ на водку.

—Ахъ, вы черти этакіе—закричалъ братъ Жанъ,—вы все еще здѣсь? Мало меня здѣсь сердили, что вы еще лѣзете ко мнѣ съ вашими глупостями. Постойте, вотъ я васъ угощу сейчасъ водкой.

И, обнаживъ мечъ, сошелъ съ судна, намѣреваясь ихъ избить; но они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ, и больше мы ихъ не видали.

Однако, этимъ не кончились наши

треволненія, такъ какъ нѣсколько матросовъ, отпущенные Пантагрюэлемъ въ то время, какъ мы находились у Кота-Мурлыки, пошли въ трактиръ, расположенный близъ гавани, чтобы попировать и подкрѣпиться. Я не знаю, заплатили они за свое продовольствіе или нѣтъ, но только старуха трактирщица, увидя брата Жана, сошедшаго на берегъ, пожаловалась, ему въ присутствіи сержанта, зятя одного изъ Пушистыхъ Котовъ, и двухъ сутягъ-свидѣтелей.



Къ гл. XV-й.

Братъ Жанъ, которому надоѣли ихъ рѣчи и заявленія, спросилъ:

— Друзья мои, оборванцы, неужели же вы хотите сказать, что наши матросы безчестные люди? Я утверждаю противное и докажу вамъ это юридически: путемъ вотъ этой сабли.

И говоря это, размахивалъ саблей. Мужики пустились бѣжать безъ оглядки. Оставалась одна старуха, которая завѣряла брата Жана, что матросы честные люди; но она жалуется только на то, что они не заплатили за постель, на которой отдыхали послѣ обѣда, и просила за постель пять турскихъ су.

— По правдѣ сказать, — отвѣчалъ братъ Жанъ,—это недорого; они неблагодарные и за такую цѣну въ другомъ мѣстѣ не получатъ; я охотно заплачу за постель, но хочу прежде на нее поглядѣть.

Старуха отвела его къ себѣ въ домъ и показала ему постель, и когда онъ ее похвалилъ, замѣтила, что она недорого проситъ за нее: всего лишь пять су. Братъ Жанъ далъ ей пять су, но своей саблей пробилъ перину и подушки и выпустилъ въ окно весь пухъ на улицу. Старуха бросилась вонъ, зовя на помощь и кричала: «Караулъ!», стараясь собрать пухъ обратно. Братъ Жанъ, ни о чемъ не заботясь, унесъ одѣяло, матрацъ и двѣ простыни къ намъ на корабль, не будучи никѣмъ замѣченъ, потому что воздухъ былъ полонъ пухомъ, точно снѣжной бурей, и подарилъ ихъ матросамъ. Затѣмъ сказалъ Пантагрюэлю, что здѣсь перины гораздо дешевле, чѣмъ въ Шинонѣ, хотя тамъ и водятся знаменитые гуси въ Потилè. За свою перину старуха спросила съ него только пять су, тогда какъ въ Шинонѣ такая стоитъ, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать франковъ.

Какъ только братъ Жанъ и другіе члены нашей компаніи взошли на корабль, Пантагрюэль снялся съ якоря. Но поднялся такой сильный вѣтеръ, что они сбились съ пути и попали снова во владѣнія Пушистыхъ Котовъ, и въ такую морскую пучину, гдѣ море высоко и страшно вздымалось; и одинъ юнга, сидѣвшій на верху мачты, закричалъ, что видитъ страшное жилище Кота-Мурлыки, а Панургъ, одурѣвъ отъ страха, завопилъ: «Патронъ, другъ мой, несмотря на вѣтеръ и вѣтеръ и волны, поворачивай оглобли. О, другъ мой, не будемъ ворочаться въ этотъ злой край, гдѣ я оставилъ свой кошелекъ.»

Но вѣтеръ прибилъ ихъ къ острову, къ которому они, однако, не осмѣлились пристать, и укрылись, въ разстояніи мили оттуда, среди большихъ скалъ.

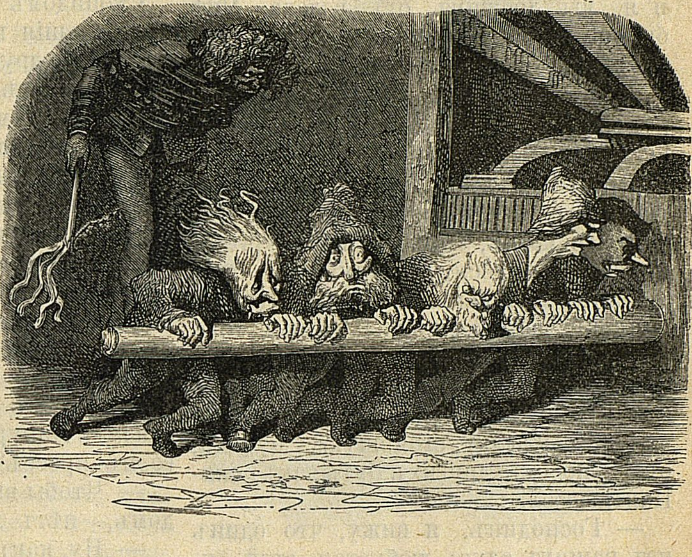
XVI.

О томъ, какъ Пантагрюэль прибылъ на островъ Невѣждъ 1), съ длинными пальцами и крючковатыми руками, и о страшныхъ приключеніяхъ, какихъ онъ тамъ былъ свидѣтелемъ, и о чудовищахъ, какихъ онъ тамъ видѣлъ.

Какъ только что брошенъ былъ якорь, и корабль очутился въ безопасности спустили лодку. Послѣ того какъ добрый Пантагрюэль помолился Богу и поблагодарилъ Его за спасеніе отъ большой опасности, онъ сѣлъ въ лодку со всей своей компаніей, чтобы высадиться на берегъ, что было имъ довольно легко сдѣлать: море было спокойно, и вѣтеръ стихъ, и очень скоро они уже были у скалъ. Въ то время, какъ они сходили на землю, Эпистемонъ, восхищавшійся мѣстоположеніемъ и оригинальностью скалъ, увидѣлъ нѣсколько туземцевъ. Первый, къ которому онъ обратился, былъ одѣтъ въ короткій плащъ королевскаго цвѣта, на немъ была куртка изъ полусукна съ рукавами, подбитыми атласомъ и шляпа съ кокардой. Манеры у него были довольно приличныя, и его звали, какъ мы позднѣе узнали, Скопидомомъ. Эпистемонъ спросилъ у него, какъ называются эти странныя скалы и долины. Скопидомъ отвѣчалъ, что эта скалистая страна была колоніей Прокурацій и называется Регистрами, а что по ту сторону скалъ, перейдя черезъ небольшой бродъ, мы найдемъ островъ Невѣждъ.

— Клянусь всяческимъ шутовствомъ!—сказалъ братъ Жанъ. Чѣмъ же, однако, вы здѣсь питаетесь, добрые люди? Удастся ли намъ утолить у васъ жажду? Вѣдь я никакихъ другихъ орудій у васъ не вижу, кромѣ пергамента, чернильницъ и перьевъ.

— Да, мы этимъ самымъ и питаемся—отвѣчалъ Скопидомъ,—такъ какъ всѣ, кто попадаетъ на этотъ островъ, проходятъ черезъ наши руки.



Къ гл. XVI-й.

— Зачѣмъ?—спросилъ Панургъ. Развѣ вы цирюльники, что должны прибирать имъ голову?

— Да, — сказалъ Скопидомъ, — мы прибираемъ ихъ кошельки.

— Ей-богу,—отвѣчалъ Панургъ,— но вы получите отъ меня ни гроша; но прошу васъ, любезный господинъ, отведите насъ къ Невѣждамъ, потому что мы прибыли изъ страны ученыхъ, гдѣ я ровно ничему не поучился.

Разговаривая такимъ образомъ, они прибыли на островъ Невѣждъ, потому что черезъ бродъ легко было перейти. Пантагрюэль былъ очень удивленъ архитектурой жилища туземцевъ:

---

1) Apedeftes — необразованные, невѣжественные. Такъ Раблэ называетъ членовъ Казначейства, для которыхъ не требовалось ученой степени при отправленіи ихъ должности. «Вся аллегорія этой главы,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ,—заключается въ томъ, что различныя отдѣленія Казначейства представляются въ видѣ прессовъ, а податныя сословія въ видѣ виноградныхъ кистей, которыя выжимаются.»

они жили въ прессѣ, куда поднимались по пятидесяти ступенькамъ, и прежде, нежели вступить въ главный прессъ,—потому что есть малые, большіе, секретные, средніе и всякаго сорта,— вы проходите черезъ большую галлерею со столбами, гдѣ вы видите картины со всякаго рода казнями, висѣлицами для воровъ, дыбою и пытками, и намъ стало даже страшно. Когда Скопидомъ замѣтилъ, что Пантагрюэля это занимаетъ, онъ сказалъ:

— Господинъ, пойдемте дальше; это пустяки.

— Какъ пустяки?—замѣтилъ братъ Жанъ. Клянусь клапаномъ, Панургъ и я, мы дрожимъ отъ голода. Мнѣ бы пріятнѣе было выпить, нежели глядѣть на эти развалины.

— Пойдемте,—сказалъ Скопидомъ,— и привелъ насъ къ небольшому прессу, спутанному на задахъ, который называли на мѣстномъ нарѣчіи: питія. Тамъ, нечего и спрашивать про то, какъ мэтръ, Жанъ съ Панургомъ стали угощаться, потому что, тамъ нашлись миланскія сосиски, индѣйки, каплуны, мальвазія и всякія мяса, прекрасно изготовленныя и приправленныя. Маленькій погребщикъ, видя, что братъ Жанъ любовно поглядываетъ на одну бутылку, стоявшую у буфета, отдѣльно отъ другихъ бутылокъ, ска- Пантагрюэлю:

— Господинъ, я вижу, что одинъ изъ вашихъ слугъ любуется этой бутылкой: я васъ умоляю, прикажите, чтобы ея не трогали, потому что она приготовлена для господъ.

— Какъ, спросилъ Панургъ,—здѣсь есть господа? Я вижу, однако, что здѣсь собираютъ виноградъ.

Тогда Скопидомъ показалъ намъ небольшую лѣсенку, спрятанную въ комнатѣ, въ которой мы увидѣли господъ, находившихся въ большомъ прессѣ, куда никого не пускали, безъ разрѣшенія; но онъ сказалъ намъ, что мы хорошо разсмотримъ ихъ въ слуховое окошечко, а они насъ не увидятъ.

Когда мы подошли къ окошечку, то увидѣли двадцать или двадцать пять толстыхъ висѣльниковъ вокругъ большого палача 1), одѣтаго въ зеленое платье; руки у нихъ были длинныя, какъ журавлиныя ноги, и съ ногтями длиною, по крайней мѣрѣ въ два фута, потому что имъ запрещено было ихъ стричь, такъ что они превращались въ кривые когти. Въ эту минуту, какъ разъ, доставили большую кисть винограда, собираемаго въ этой странѣ съ лозы Необычайной, которая часто виситъ на столбахъ 2). Какъ только что они завладѣли кистью, такъ немедленно положили ее въ прессъ и до тѣхъ поръ давили и выжимали, пока бѣдная кисть не стала такъ суха, что въ ней не нашлось бы и капельки сока.

Скопидомъ намъ сказывалъ, что такія большія кисти достаются имъ не часто, но другія зато всегда имѣются въ прессѣ.

— Но, куманекъ, — сказалъ Панургъ,—развѣ у нихъ такъ много виноградной лозы?

— Да,—отвѣчалъ Скопидомъ. Видите ли вы эту маленькую кисть, которая идетъ въ прессъ? Эта кисть съ Десятинной лозы, и они намедни уже выжимали такую, но сокъ сильно пахнулъ попомъ, и господамъ это не понравилось.

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ,— сказалъ Панургъ,—они опять кладутъ ее въ прессъ?

— Чтобы видѣть,—отвѣчалъ Скопидомъ,—нѣтъ ли здѣсь какого обмана.

— Ну, какъ же это вы зовете этихъ людей невѣждами, скажите, ради Бога?—замѣтилъ братъ Жанъ. Помилуйте, чортъ возьми! Да они выжмутъ сокъ изъ стѣны.

— Да они такъ и дѣлаютъ,—отвѣчалъ Скопидомъ,—зачастую они кладутъ въ прессъ зàмки, парки, лѣса и изъ всего добываютъ прѣсное золото.

— Вы, вѣрно, хотите—сказать чистое золото?—сказалъ Эпистемонъ.

— Я говорю прѣсное,—отвѣчалъ Скопидомъ,—потому что его пьютъ здѣсь бутылками. Виноградной лозы здѣсь столько, что не пересчитать.

---

1) Здѣсь и далѣе Раблэ играетъ словами: bourreau и bureau.

2) Конфискованное имущество повѣшенныхъ.

Пройдите сюда и загляните въ ту рощу: здѣсь болѣе тысячи виноградныхъ лозъ, которыя только ждутъ, когда ихъ выжмутъ вотъ это—лоза Общая; вотъ это—Частная, лоза Укрѣпленій, лоза Займовъ, лоза Даровъ, Постороннихъ доходовъ, Удѣловъ, Карманныхъ денегъ, Почтовая лоза, лоза Пожертвованій, Домовая лоза.

— А что это за лоза, вонъ тамъ, такая большая, окруженная множествомъ маленькихъ?

— Это,—отвѣчалъ Скопидомъ,—лоза Сбереженій, лучшая во всемъ краѣ; когда эту лозу выжимаютъ, то полгода спустя отъ каждаго изъ этихъ господъ ею разитъ.

Когда господа встали, Пантагрюэль попросилъ Скопидома отвести насъ въ большой прессъ, что тотъ исполнилъ охотно. Какъ только мы вошли туда, Эпистемонъ, который понималъ всѣ языки, сталъ объяснять Пантагрюэлю девизы пресса, который былъ великъ, красивъ и, какъ намъ сказалъ Скопидомъ, сооруженъ изъ Крестнаго дерева; на каждомъ изъ орудій стояло названіе каждой части на туземномъ нарѣчіи. Винтъ въ прессѣ назывался Приходъ; корпусъ его—Расходъ; гайка—Государство; бока—Недоимки; бочки—Застой; тараны—Radietur; стойки—Recuperetur; чаны—Saldo; рукоятки—Списки; отводы—Квитанціи; кадки—Утвержденіе; корзины —Истекшіе векселя; вёдра—Довѣренность; воронка—Очистка счётовъ.

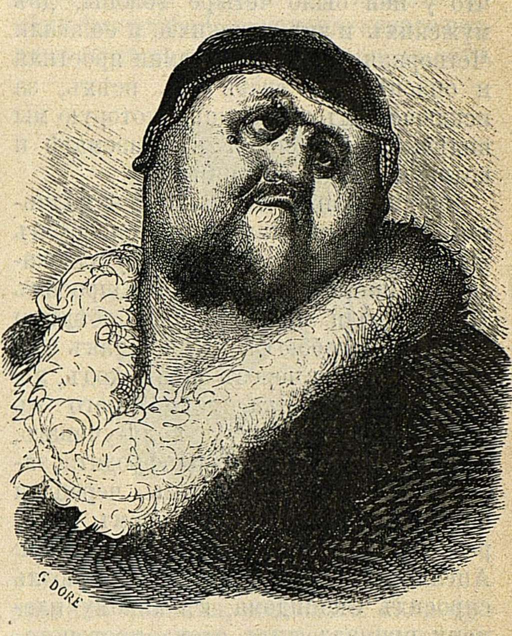
— Клянусь королевой Колбасъ,—сказалъ Панургъ,—всѣ египетскіе іероглифы пустяки въ сравненіи съ этимъ жаргономъ; всѣ эти слова ни къ селу, ни къ городу. Но почему же, скажи дружище куманекъ, называютъ здѣшнихъ людей невѣждами?

— Потому, что,—отвѣчалъ Скопидомъ,—они совсѣмъ не учены и не должны быть учеными, и что все должно здѣсь руководствоваться невѣжествомъ, а основаніемъ всему служитъ: «Господа сказали! Господа такъ приказали!»

— Клянусь истиннымъ Богомъ,—сказалъ Пантагрюэль, — если виноградная лоза имъ приноситъ такъ много, то виноградъ имъ ничего не стоитъ. [1])

— Неужто вы сомнѣваетесь въ этомъ? — отвѣчалъ Скопидомъ. Они собираютъ виноградъ ежемѣсячно, не такъ, какъ у васъ, гдѣ виноградъ собирается разъ въ году.

Когда онъ повелъ насъ черезъ тысячу небольшихъ прессовъ, мы увидѣли, при выходѣ, другой столикъ [2]), вокругъ котораго сидѣло четверо или пятеро Невѣждъ грязныхъ, разъяренныхъ, какъ оселъ, которому къ хвосту привязали хлопушку. Они выжимали въ маленькомъ прессѣ тотъ виноградъ, который уже раньше былъ выжатъ другими—и ихъ называли на мѣстномъ нарѣчіи: контролерами.



Къ гл. XVI-й.

— Вотъ самые противные уроды, какихъ я когда-либо видѣлъ,—говорилъ братъ Жанъ.

Изъ большого пресса мы прошли черезъ пропасть маленькихъ прессовъ, гдѣ толпа виноградарей очищала виноградъ желѣзными орудіями, которыя они называли Приходо-Расходными статьями, и въ концѣ концовъ прибыли въ залъ, гдѣ увидѣли большого дога съ двумя песьими головами, съ волчьимъ брюхомъ, съ когтями, какъ у чорта, котораго поили миндальнымъ молокомъ [1], и за нимъ такъ ухаживали по приказу господъ, потому что онъ приносилъ каждому изъ нихъ доходъ, какъ съ доброй фермы; они называли его на языкѣ Невѣждъ: Двойной. Мать его находилась возлѣ и была такого же цвѣта и образа, кромѣ того, что у нея было четыре головы, двѣ мужскихъ и двѣ женскихъ, и ее звали Четверная, и она была самая яростная и опаснѣйшая тварь изъ всѣхъ, за исключеніемъ ея бабушки, которую мы видѣли заключенной въ казематѣ и которую звали: Дефицитъ.

---

[1]) Тутъ у Раблэ непереводимая игра словами: serment и sarment.

[2]) Раблэ вмѣсто bureau употребляетъ здѣсь слово bourreau и играетъ этими словами.

Братъ Жанъ, отличавшійся волчьимъ голодомъ, такъ что способенъ былъ проглотить цѣлую уйму адвокатовъ, начиналъ сердиться и попросилъ Пантагрюэля подумать объ обѣдѣ и забрать съ собою Скопидома, такъ что, выходя оттуда черезъ заднiй ходъ, мы встрѣтили старика, закованнаго въ цѣпи, полу-невѣжду, полу-ученаго, своего рода чортова гермафродита, защищеннаго очками, какъ черепаха черепомъ; онъ питался мясомъ, которое они на своемъ жаргонѣ называли: Апелляція. Увидя его, Пантагрюэль спросилъ Скопидома, къ какому племени принадлежитъ этотъ протонотаріусъ, и какъ его зовутъ. Скопидомъ оповѣстилъ насъ, что старикъ находится тутъ споконъ вѣка, къ великому своему прискорбію, закованный въ цѣпи господами, которые морили его голодомъ, а зовется онъ: Revisit.

— Клянусь святыми членами Папы,—сказалъ братъ Жанъ,—меня не удивляетъ, если господа Невѣжды очень дорожатъ этимъ папистомъ. Ей-богу, другъ Панургъ, мнѣ сдается, что если въ него хорошенько вглядѣться, то онъ похожъ на Кота-Мурлыку. Здѣшніе господа, хоть и невѣжды, но знаютъ не меньше другихъ; я бы пинками отослалъ его туда, откуда онъ пришелъ.

— Клянусь моими восточными очками, — отвѣчалъ Панургъ, — братъ Жанъ, другъ мой, ты правъ: судя по мордѣ этого фальшиваго негодяя Revisit, онъ еще невѣжественнѣе и злѣе, чѣмъ здѣшніе бѣдняги Невѣжды, которые, по крайней мѣрѣ, выжимаютъ безъ всякихъ обиняковъ того, кто имъ попадется въ руки, и не прибѣгаютъ къ такимъ околичностямъ и такой волокитѣ, какъ Пушистые-Коты, за что́ тѣ на нихъ, разумѣется, злятся.

XVII.

О томъ, какъ мы прошли Далѣе [1], и какъ Панурга тамъ чуть было не убили.

Мы тотчасъ же свернули на дорогу Далѣе и разсказали наши приключенія Пантагрюэлю, который проникся къ намъ большимъ состраданіемъ и написалъ по этому поводу нѣсколько элегій для времяпрепровожденія. Прибывъ туда, мы немного закусили и отдохнули, а также запаслись прѣсной водой и топливомъ. Туземцы, судя по ихъ физіономіи, показались намъ добрыми ребятами и откормленными на славу. Всѣ они были вздутые и какъ какъ будто лопались отъ жиру. Мы увидѣли при этомъ нѣчто такое, чего еще нигдѣ не видали: они разрывали себѣ кожу, чтобы жиръ выпирало изъ хвастовства или тщеславія, но что иначе ихъ очень распираетъ. Послѣ такого пріема они вдругъ становились выше ростомъ, подобно тому, какъ садовники надсѣкаютъ кору молодыхъ деревьевъ, чтобы ускорить ихъ ростъ.

Возлѣ гавани находился кабакъ, прекрасный и великолѣпный по внѣшнему виду, въ которомъ собралось очень много вздутаго народа всякаго пола, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, такъ что мы подумали, что тамъ происходитъ какой-нибудь пиръ или банкетъ. Но намъ сказали, что ихъ пригласили туда, чтобы присутствовать при измореніи хозяина, и всѣ близкіе, родные и знакомые спѣшили туда. Не понимая ихъ нарѣчія, мы полагали, что «измореніе» здѣсь означаетъ особаго рода церемонію, подобно тому какъ у насъ говорятъ: обрученіе, примиреніе, посвященіе, освященіе, отреченіе, усмиреніе. Но намъ сказали, что хозяинъ въ свое время былъ веселый малый, гуляка и обжора, объѣдало, не выходившій изъ-за стола, подобно хозяину въ Рульякѣ; уже лѣтъ десять, какъ онъ страдаетъ отъ ожирѣнія и въ настоящее время дошелъ до изморенія, и кончаетъ дни свои, какъ это водится въ здѣшнемъ краѣ, оттого, что, отъ частыхъ насѣчекъ въ кожѣ, внутренности ихъ вываливаются наружу, какъ изъ пробитой бочки.

---

[1] Здѣсь Раблэ играетъ словами amende (пеня) и amande (миндаль).

[1] Раблэ играетъ словомъ outre, которое значитъ далѣе, кромѣ того и бурдюкъ, и называетъ его жителей outrés, вздутыми.

— Помилуйте, добрые люди,—говорилъ Панургъ,—неужели же вы не можете обвязать животъ крѣпкими веревками или деревянными, а не то и желѣзными, обручами? Въ такомъ случаѣ внутренности такъ бы легко не вываливались, и онъ долѣе бы прожилъ.

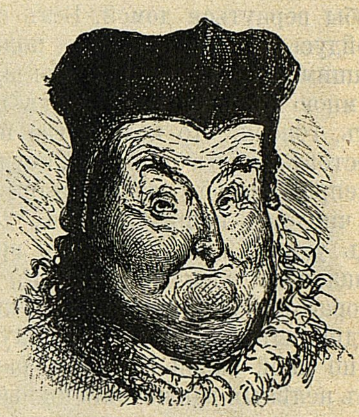
Но не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ, какъ мы услышали въ воздухѣ громкій и рѣзкій звукъ, точно какой-нибудь толстый дубъ разлетѣлся на куски. Тогда сосѣди объявили, что измореніе совершилось, и этотъ взрывъ былъ смертельнымъ.

Тутъ мнѣ припомнился почтенный аббатъ де-Кастильеръ, который не удостоивалъ дурачиться со своими горничными nisi in Pontificalibus Когда, на склонѣ его лѣтъ, родные и друзья убѣждали его отказаться отъ своего аббатства, онъ говорилъ и заявлялъ, что до самой кончины не сложитъ съ себя чина настоятеля и что послѣдній его вздохъ будетъ вздохомъ аббата.

XVIII.

О томъ, какъ нашъ корабль чуть было не потерпѣлъ крушеніе и какъ насъ выручили путешественники изъ страны Квинтъ-Эссенціи.

Снявшись съ якоря и распустивъ паруса, пустились мы въ путь при легкомъ нордъ-вестѣ. Но мы не отплыли и двухсотъ двадцати двухъ миль, какъ попали въ центръ сильнаго вихря, среди котораго двигались нѣкоторое время, лишь при помощи фокъ-мачты и топселей, собственно говоря, только въ угоду штурману, который насъ увѣрялъ что при слабомъ движеніи различныхъ воздушныхъ теченій и ихъ мягкомъ сопротивленіи другъ другу, равно какъ и при ясности неба и спокойствіи моря, нельзя ждать ничего хорошаго, но и ничего худого. Поэтому всего лучше будетъ послѣдовать совѣту философа [1], рекомендующаго воздерживаться и удерживаться, то есть, другими словами: выжидать. Но вихрь продолжался такъ долго, что штурманъ уступилъ, наконецъ, нашимъ просьбамъ и попытался продолжать путь. Поэтому онъ велѣлъ поднять бизань-мачту и, повернувъ руль вправо, пробился сквозь вихрь, причемъ ему помогъ благопріятный порывъ вѣтра. Къ сожалѣнію, это намъ мало помогло, потому что избѣгнувъ Харибды, мы, такъ сказать, попали въ Сциллу. Двѣ мили дальше корабли наши сѣли на мель, какъ крысы Сенъ-Максана. [2]



Къ гл. XVII-й.

Весь нашъ экипажъ опечалился; вѣтеръ свистѣлъ въ стеньгахъ, и одинъ только братъ Жанъ не предавался меланхоліи, но утѣшалъ то одного, то другого ласковыми словами, доказывая, что Небо поможетъ намъ въ скоромъ времени, такъ какъ онъ видѣлъ Кастора [1] на верхушкахъ мачтъ.

---

[1] Эпиктетъ.

[2] Мелководье около Сенъ-Максана, городокъ въ Вандеѣ.

— Дай Богъ,—говорилъ Панургъ,—чтобы въ эту минуту я находился на твердой землѣ; больше я для себя ничего не прошу; и чтобы каждый изъ васъ, которые такъ любите морское плаваніе, получилъ двѣсти тысячъ экю на свою долю; я бы откормилъ для васъ тельца и закололъ бы его при вашемъ возвращеніи. Увѣряю васъ, я согласенъ никогда не жениться; сдѣлайте только такъ, чтобы меня высадили на берегъ и дали бы мнѣ лошадь, чтобы вернуться домой. Безъ слуги я обойдусь. Я никогда не пользуюсь лучшими услугами, какъ тогда, когда со мною нѣтъ слуги. Плавтъ не солгалъ, говоря, что количество нашихъ крестовъ, то есть огорченій, неудобствъ и непріятностей увеличивается вмѣстѣ съ числомъ нашихъ слугъ, даже не будь у нихъ языка,--самаго вреднаго и опаснаго члена для слуги, изъ-за котораго изобрѣтены всѣ муки, всѣ орудія пытки и геенна для слугъ,—и не по иной какой причинѣ, какія бы тамъ нелѣпыя заключенія ни выводили чужеземные истолкователи закона.

Въ эту минуту къ намъ приблизился корабль, нагруженный тамбуринами, и въ числѣ его пассажировъ я узналъ нѣсколькихъ приличныхъ господъ, между прочимъ Анри Котираля, моего стариннаго товарища; на поясѣ у него висѣла большая ослиная голова въ томъ родѣ, какъ женщины носятъ четки. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ толстую, сальную, старую и грязную шапку съ чьей-то вшивой головы, а въ правой капустную кочерыжку.

Онъ сразу меня узналъ и вскричалъ:

— Каковъ я счастливецъ? Взгляните: (показывая на ослиную голову): вотъ истинная Альгамана [2]; а вотъ эта докторская шапка — нашъ единственный эликсиръ, а это (показывая на капустную кочерыжку)--это Lunaria major. [1] Мы её изготовимъ къ вашему возвращенію.

— Но,—спросилъ я,—откуда вы? Куда направляетесь? Что везете съ собою? Познакомились съ моремъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Отъ Квинтъ-Эссенціи. Въ Турень. Алхимію. По горло сыты.

— А что за люди,—спрашивалъ я,—съ вами на палубѣ?

— Пѣвчіе,—отвѣчалъ онъ,—музыканты, поэты, астрологи, римѳоплеты, геоманты, алхимики, часовщики; всѣ принадлежатъ къ Квинтъ-Эссенціи; у нихъ дипломы и патенты въ полномъ порядкѣ.

Онъ не договорилъ, какъ уже вмѣшался Панургъ, негодующій и сердитый, говоря:

— Итакъ, вы все можете сдѣлать: до малыхъ дѣтей и хорошей погоды включительно. Почему же вы не возьмете насъ на буксиръ и не выведете на фарватеръ?

— Мы только-что собирались это сдѣлать,—отвѣчалъ Анри Котираль,—сейчасъ, сію минуту будете сняты съ мели.

И велѣлъ пробить съ одной стороны 7532810 большихъ тамбурина, приложилъ ихъ этою стороной къ шканцамъ и крѣпко связалъ якорные канаты, приставилъ корму нашего корабля къ носу своего корабля и привязалъ его къ кнехтамъ. Затѣмъ разомъ снялъ насъ съ мели, съ большой легкостью и не безъ пріятности, потому что звонъ тамбуриновъ, смѣшиваясь съ легкимъ трескомъ гравія и криками матросовъ, казался намъ не менѣе гармоничнымъ, чѣмъ музыка небесныхъ сферъ, которую, по увѣренію Платона, онъ слышалъ иными ночами во снѣ.

Мы же, не желая оказаться неблагодарными за такое благодѣяніе подѣлились съ ними колбасами, наполнили ихъ тамбурины сосиськами и только-что вытащили на палубу шестьдесятъ двѣ бочки вина, какъ вдругъ два большихъ кита набросились на ихъ корабль и вылили на него больше воды, чѣмъ ея содержится въ Віеннѣ, отъ Шинона до Сомюра, и залили всѣ ихъ тамбурины, реи; вода пробралась также черезъ воротъ въ ихъ штаны. Увидя это, Панургъ чрезвычайно какъ обрадовался и такъ хохоталъ, что страдалъ затѣмъ коликами больше двухъ часовъ.

---

[1] Огонь св. Эльма, огненный метеоръ, являющійся на верхушкахъ мачтъ; у древнихъ-Касторъ и Полуксъ.

[2] Меркурій (ртуть) алхимиковъ.

[1] Лунная трава.

— Я хотѣлъ,—говорилъ онъ,—угостить ихъ виномъ, но они, весьма кстати, напились воды. Прѣсной воды они не пьютъ, а только моютъ ею руки. Но вотъ пусть отвѣдаютъ соленой водицы съ селитрой и амміакомъ, изъ кухни Гебера. [1]

Больше мы не успѣли ничего имъ сказать, потому что вихрь не давалъ намъ управлять рулемъ, какъ слѣдуетъ. И штурманъ попросилъ насъ предоставить морю руководить нами, а самимъ ни о чемъ больше не думать, какъ о томъ, какъ бы попировать. Въ настоящее время мы должны лавировать и плыть по теченію, если хочемъ добраться безопасно до королевства Квинтъ-Эссенціи.

XIX.

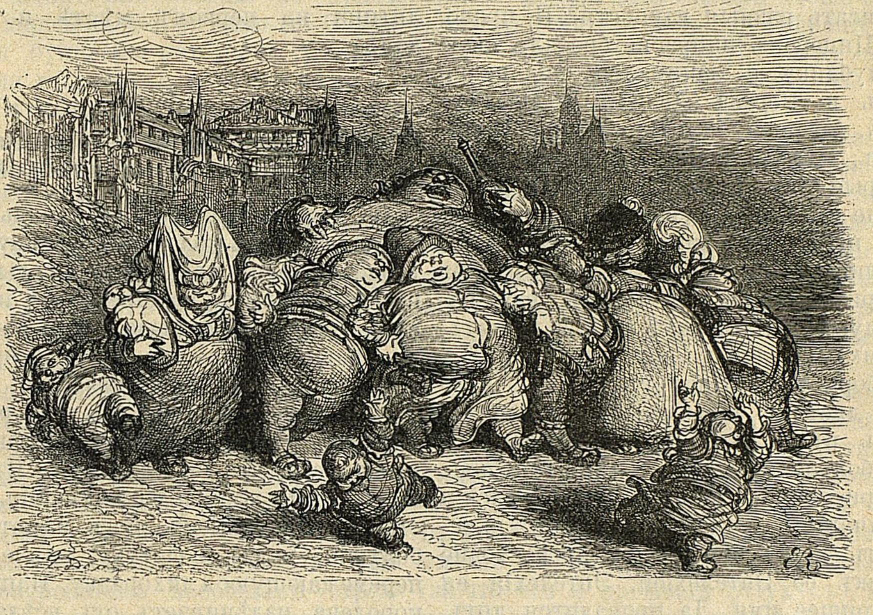
О томъ, какъ мы прибыли въ королевство Квинтъ-Эссенціи, называвшееся Энтелехія.

Осторожно лавируя въ продолженіе цѣлаго полудня, на третій день мы нашли, что воздухъ чище обыкновеннаго, и благополучно прибыли въ портъ Матеотехніи, расположенный неподалеку отъ дворца Квинтъ-Эссенціи. Высадившись въ портѣ, мы увидѣли большой отрядъ стрѣлковъ и воиновъ, охранявшихъ арсеналъ. Сначала они вселили въ насъ нѣкотораго рода трепетъ, потому что отобрали у насъ все оружіе и грубо спросили: «Изъ какихъ вы странъ, кумовья?»

— Двоюродные братцы,—отвѣчалъ Панургъ,—мы изъ Турени. Прибыли изъ Франціи, чтобы привѣтствовать госпожу Квинтъ-Эссенцію и посѣтить знаменитое королевство Энтелехію.

— Какъ вы говорите?— «Переспросили они. Энтелехія или Эндедехія?»

— Любезные братцы, — отвѣчалъ Панургъ,—мы люди простые и глупые, простите наши деревенскія рѣчи, но сердце у насъ открытое и честное.



Къ гл. XVII-й.

---

[1] Арабскій алхимикъ VIII столѣтія.

— Мы могли бы знать это, и не спрашивая, — возразили они, — такъ какъ изъ вашей Турени уже много людей наѣзжало къ намъ и мы находили ихъ добрыми малыми съ честной рѣчью. Но изъ другихъ странъ къ намъ являлись, Богъ вѣсть какіе, наглецы, гордые, какъ шотландцы, которые сразу показали намъ зубы, но мы ихъ знатно отдѣлали, несмотря на ихъ грозныя мины. И, вообще говоря, должно быть въ вашемъ мірѣ вы не знаете, куда дѣвать время и на что его употребить, если только и знаете, что сплетничать про нашу королеву, спорить о ней и писать разныя глупости? И, право, же, Цицеронъ напрасно бросалъ свою республику и занимался ею, равно какъ и Діогенъ Лаэрцій и Ѳеодоръ Газа, Аргиропуло и Виссаріонъ, Полицанъ, Будда, Ласкарисъ и всѣ черти мудрые безумцы, число которыхъ было бы не такъ велико, если бы въ послѣднее время къ нимъ не примкнули: Скалигеръ, Биго, Шамбріэ, Франсуа Флёри и, чортъ ихъ знаетъ, еще какіе дураки. Пусть ихъ жаба задушитъ! Мы ихъ..(—Однако, волкъ ихъ заѣшь!— пробормоталъ Панургъ сквозь зубы. Они льстятъ чертямъ)... но, впрочемъ, вамъ нѣтъ дѣла до ихъ глупости и мы больше не будемъ о нихъ говорить.

Аристотель, первѣйшій изъ людей и величайшій изъ философовъ, окрестилъ нашу королеву и превосходно нарекъ ее Энтелехіей. Энтелехія ея настоящее имя. Да провалится тотъ, кто назоветъ ее иначе! Пусть мѣста себѣ не находитъ въ подлунномъ мірѣ! Вы же, добро пожаловать.

И они обняли насъ, чему мы были очень рады.

Панургъ сказалъ мнѣ на-ухо:

— Товарищъ, тебѣ не было страшно, когда они затѣяли свою исторію?

— Было,—отвѣчалъ я,—страшнѣе, чѣмъ воинамъ Евфраима, когда ихъ убили и утопили Гадаалиты за то, что они произносили Сиболетъ, а не Шиболетъ. [1]

Послѣ того военачальникъ отвелъ насъ, молча и съ большими церемоніями, во дворецъ королевы. Пантагрюэль хотѣлъ было поговорить съ нимъ, но онъ не могъ достать до него и требовалъ себѣ лѣстницы или же очень высокихъ ходуль.

Затѣмъ сказалъ:

— Ба! Если бы наша королева захотѣла, то мы были бы такъ же высоки, какъ и вы. И теперь еще это можетъ статься, если ей будетъ угодно.

Въ первыхъ галлереяхъ мы встрѣтили толпу больныхъ людей, которые были раздѣлены на группы, смотря по характеру болѣзни: прокаженные особо, отравленные въ одномъ мѣстѣ, страдающіе чумой въ другомъ, сифилитики на первомъ мѣстѣ и такъ далѣе.

XX.

О томъ, какъ Квинтъ-Эссенція излѣчивала болѣзни музыкой.

Во второй галлереѣ военачальникъ показалъ намъ молоду́ю королеву, которой было, по меньшей мѣрѣ, тысяча восемьсотъ лѣтъ, хорошенькую, изящную, нарядно одѣтую, окруженную придворными дамами и кавалерами. Военачальникъ намъ сказалъ:

— Теперь не время съ нею разговаривать; наблюдайте только внимательно все, что она дѣлаетъ. Въ вашемъ краю короли излѣчиваютъ простымъ наложеніемъ рукъ нѣкоторыя болѣзни, какъ: золотуху, эпилепсію, перемежающуюся лихорадку. Наша же королева излѣчиваетъ отъ всѣхъ болѣзней, безъ всякаго прикосновенія, только тѣмъ, что сыграетъ имъ пѣсню, пригодную въ ихъ болѣзни.

И тутъ онъ показалъ намъ органъ, игра на которомъ производила эти чудесныя исцѣленія. Этотъ органъ былъ чудно устроенъ, такъ какъ трубы въ немъ были изъ кассіи, духовой ящикъ изъ бакаута, регистры изъ ревеня, педаль изъ болотнаго молочая, а клавіатура изъ скаммоніи.

Пока мы разсматривали это удивительное и новое строеніе органа, придворные чины [1] приводили къ королевѣ прокаженныхъ. Она проиграла имъ пѣсенку, не знаю какую, и внезапно всѣ они получили полное исцѣленіе. Затѣмъ привели отравленныхъ; она проиграла имъ другую пѣсенку, и люди поднялись съ одра болѣзни. Затѣмъ то же средство примѣнено было къ слѣпымъ, глухимъ, нѣмымъ. Это произвело на насъ такое впечатлѣніе, что мы пали ницъ, какъ люди, приведенные въ состояніе крайняго и невыразимаго экстаза и восторга и онѣмѣвшіе отъ зрѣлища той силы, которая исходила изъ королевы. Итакъ мы лежали во прахѣ, когда королева дотронулась до Пантагрюэля букетомъ изъ розъ, который держала въ рукѣ, и вернула намъ сознаніе и заставила подняться на ноги. Послѣ того заговорила съ нами шелковыми словами, которыми Паризатида желала, чтобы говорили съ сыномъ ея Киромъ, или, по крайней мѣрѣ, словами изъ кармазинной тафты.

---

[1] Книга Судей, XII, 5. 6.

[1] По своему обыкновенію Раблэ нанизываетъ длинный рядъ тарабарскихъ словъ, якобы еврейскихъ, для обозначенія этихъ чиновъ.

— Сіяніе честности, окружающее васъ, заставляетъ меня съ увѣренностью заключить о скрытыхъ въ душѣ вашей добродѣтеляхъ, и когда я вижу очаровательную прелесть вашего добровольнаго привѣта, то говорю себѣ что сердце ваше не знаетъ порока, равно какъ безплодности либеральнаго и надменнаго знанія, напротивъ того обогащено многими иноземными и рѣдкими науками и искусствами, которыя при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ пустому и поверхностному, гораздо рѣже встрѣчаются, нежели это желательно. Поэтому, хотя опытъ уже научилъ меня владѣть своими чувствами, я не могу, однако, не привѣтствовать васъ, хотя бы и тривіальными словами: Сто, тысячу, десять тысячъ разъ добро пожаловать.

— Я не ученый,—сказалъ мнѣ тихо Панургъ,—отвѣчай ты, если хочешь.

Я, однако, не захотѣлъ говорить, Пантагрюэль также, а потому мы молчали.

И тогда королева снова заговорила:

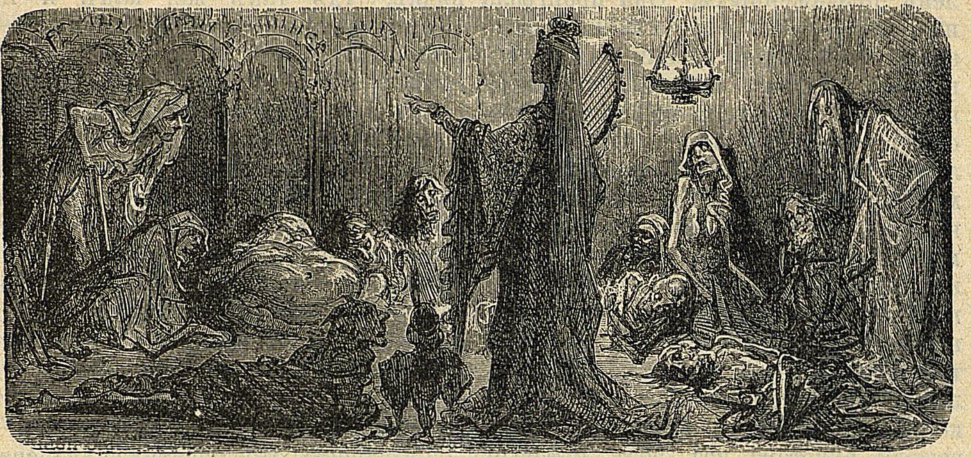
— Въ вашемъ молчаніи я узнаю, что вы происходите изъ пиѳагорейской школы, къ которой восходитъ и мой родъ въ послѣдовательномъ порядкѣ,—гдѣ такъ же, какъ и въ Египтѣ, въ знаменитой школѣ высшей философіи, много лѣтъ тому назадъ грызли ногти и царапали пальцами голову. Въ пиѳагорейской школѣ молчаніе служило символомъ, а египтяне видѣли въ молчаніи нѣчто божественное. Жрецы въ Гіерополисѣ молча приносили жертвы великому Богу, не производя ни малѣйшаго шума и не произнося ни слова. Но я не имѣю намѣренія воздерживаться отъ благодарности по отношенію къ вамъ, но хочу выразить вамъ мои мысли въ живой формѣ, хотя бы при этомъ онѣ получили матеріальное примѣненіе.

Договоривъ это, обратилась къ своимъ придворнымъ и сказала имъ:

— Повара, въ Панацею!

При этихъ словахъ повара сказали намъ, что мы должны извинить королеву за то, что не будемъ съ нею обѣдать, потому что за ея столомъ никто не обѣдаетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ категорій, отвлеченныхъ выводовъ, родовъ, опредѣленій, проблемъ, антитезъ, метампсихозъ и трансцендентальныхъ общихъ понятій.

Затѣмъ они отвели насъ въ небольшой покой, очень чудно убранный; тамъ насъ, Богъ вѣсть какъ, угостили. Говорятъ, что Юпитеръ на дубленой шкурѣ козы, которая вскормила его въ Кандіи, и которую онъ употребилъ вмѣсто щита въ борьбѣ съ титанами (за что его и прозвали Эгіухусъ), все написалъ, что только происходило въ мірѣ. Честью клянусь, любезные собутыльники, на восемнадцати такихъ козьихъ шкурахъ не уписалось бы все количество вкусныхъ блюдъ, мяса и закусокъ, которыя намъ подавали; хотя бы даже буквы были такъ малы, какъ тѣ, которыми, по словамъ Цицерона, была написана Иліада Гомера, такъ что помѣщалась вся въ орѣховой скорлупѣ. Съ своей стороны, будь у меня сто языковъ, желѣзный голосъ и медовое краснорѣчіе Платона, я бы не сумѣлъ въ четырехъ книгахъ пересказать вамъ одну терцію секунды этого пиршества. Пантагрюэль говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, королева, говоря своимъ пова-



Къ гл. XX-й.

рамъ: «Въ Панацею!», сообщила имъ на символическомъ, установленномъ между ними языкѣ приказъ угостить насъ какъ можно лучше, подобно тому какъ Лукуллъ говорилъ: «Къ Аполлону!», когда хотѣлъ особенно хорошо накормить своихъ друзей, хотя бы при этомъ они явились къ нему невзначай, какъ это часто дѣлали Цицеронъ и Гортензій.

XXI.

О томъ, какъ королева проводила время послѣ обѣда.

По окончаніи обѣда одинъ изъ шашаниновъ 1) отвелъ насъ въ залъ къ королевѣ, и мы увидѣли, что она, по обычаю, проводила послѣобѣденное время, вмѣстѣ со своими придворными дамами и кавалерами, въ томъ, что просѣвала и фильтровала сквозь прекрасный, большой шелковый—бѣлый съ голубымъ — фильтръ. Послѣ того мы увидѣли, что они, памятуя старину, танцовали различные старинные танцы, какъ-то:

Кордасъ.
Эмилія.
Сициннія.
Ямбическій.
Персидскій.
Фригійскій.
Ѳракійскій.
Калабрійскій.
Цернофоръ.
Монгасъ и другіе.

Послѣ того, по ея приказанію, обошли дворецъ и столько увидѣли въ немъ новыхъ, чудесныхъ и удивительныхъ вещей, что и по сіе время восторгъ овладѣваетъ мною, когда я о томъ вспомню.

Но ничто такъ не восхищало насъ, какъ поведеніе ея придворныхъ, которые говорили намъ откровенно и безъ утайки, что королева совершала невозможное и исцѣляла неизлѣчимыхъ, а они, придворные, лѣчили остальныхъ.

Тамъ я увидѣлъ, какъ одинъ молодой человѣкъ лѣчилъ самые тяжкіе случаи венерической болѣзни только тѣмъ, что прикладывалъ къ позвоночному столбу больныхъ троекратно обломокъ подковы.

Другой вполнѣ излѣчивалъ больныхъ водяной тѣмъ, что девять разъ стукалъ молоткомъ по ихъ животу.

Третій моментально излѣчивалъ отъ всякой лихорадки только тѣмъ, что привѣшивалъ къ ихъ поясу съ лѣваго бока лисій хвостъ.

Отъ зубной боли излѣчивали тѣмъ, что троекратно обмывали корень больного зуба бузиннымъ уксусомъ и затѣмъ, въ продолженіе получаса, высушивали зубъ на солнцѣ.

Иной вылѣчивалъ отъ всякой ломоты, ревматизма и подагры только тѣмъ, что заставлялъ больныхъ закрывать ротъ и раскрывать глаза.

---

1) По-еврейски: сосѣдъ.

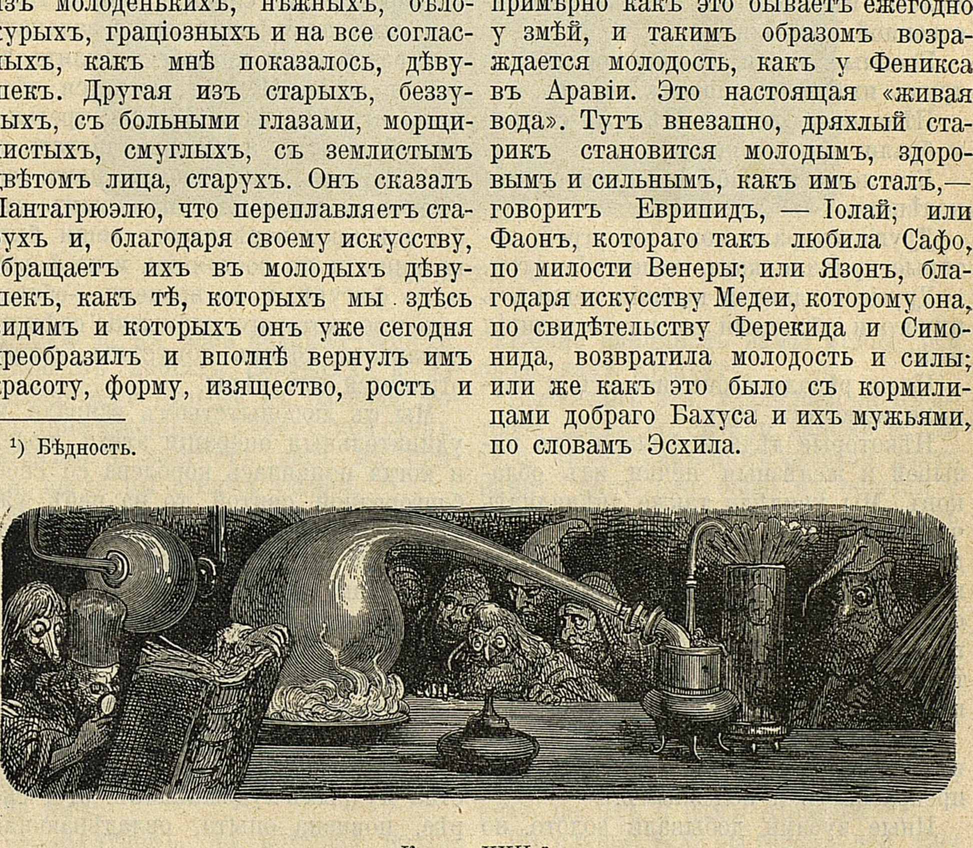
Другой въ нѣсколько часовъ вылечилъ девять человѣкъ дворянъ отъ болѣзни св. Франциска 1) и очистилъ ихъ отъ всѣхъ долговъ тѣмъ, что обмоталъ имъ вокругъ шеи веревку, на которой висѣла шкатулка съ десятью тысячами золотыхъ монетъ.

Третій, посредствомъ чудесной машины, бросалъ дома изъ окошекъ и такимъ образомъ очищалъ ихъ отъ дурного воздуха.

Четвертый лѣчилъ всякихъ еретиковъ, худосочныхъ и золотушныхъ людей, не прибѣгая ни къ ваннамъ, ни къ молочной діэтѣ и ни къ какимъ инымъ средствамъ, какъ обращая ихъ въ монаховъ на три мѣсяца. И увѣрялъ меня, что если они не растолстѣютъ, будучи монахами, то уже ни природа, ни искусство не придадутъ имъ полноты.

Пятаго я увидѣлъ въ сопровожденіи множества женщинъ, раздѣлившихся на двѣ группы; одна состояла изъ молоденькихъ, нѣжныхъ, бѣлокурыхъ, граціозныхъ и на все согласныхъ, какъ мнѣ показалось, дѣвушекъ. Другая изъ старыхъ, беззубыхъ, съ больными глазами, морщинистыхъ, смуглыхъ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, старухъ. Онъ сказалъ Пантагрюэлю, что переплавляетъ старухъ и, благодаря своему искусству, обращаетъ ихъ въ молодыхъ дѣвушекъ, какъ тѣ, которыхъ мы здѣсь видимъ и которыхъ онъ уже сегодня преобразилъ и вполнѣ вернулъ имъ красоту, форму, изящество, ростъ и все тѣлосложеніе, какое у нихъ было въ періодъ отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, за исключеніемъ только того, что пятки у нихъ стали короче, нежели были въ ихъ первой молодости. По этой причинѣ онѣ стали очень покорны мужчинамъ и легко падали навзничъ.

Группа старухъ съ нетерпѣніемъ ждала своей очереди и приставала къ нему неотступно, говоря, что нестерпимо лишиться красоты, когда любишь мужчинъ. Дѣла этому молодцу было по-уши, а заработки — ничтожные. Пантагрюэль спрашивалъ его, можетъ ли онъ такимъ же способомъ возвращать молодость мужчинамъ; но онъ отвѣчалъ, что нѣтъ: для мужчинъ способомъ помолодѣть является сожительство съ помолодѣвшею женщиной, отъ которой онъ заражается болѣзнью, которая называется чесоткой, по-гречески Ophiasis, отъ которой падаютъ волосы и сходитъ кожа, примѣрно какъ это бываетъ ежегодно у змѣй, и такимъ образомъ возраждается молодость, какъ у Феникса въ Аравіи. Это настоящая «живая вода». Тутъ внезапно, дряхлый старикъ становится молодымъ, здоровымъ и сильнымъ, какъ имъ сталъ,— говоритъ Еврипидъ, — Іолай; или Фаонъ, котораго такъ любила Сафо, по милости Венеры; или Язонъ, благодаря искусству Медеи, которому она, по свидѣтельству Ферекида и Симонида, возвратила молодость и силы; или же какъ это было съ кормилицами добраго Бахуса и ихъ мужьями, по словамъ Эсхила.



Къ гл. XXII-й.

---

1) Бѣдность.

XXII.

О томъ, какъ придворные Квинтъ-Эссенціи совершаютъ различныя вещи, и о томъ, какъ королева пригласила насъ въ качествѣ сотрудниковъ.

Я видѣлъ послѣ того, какъ многіе придворные Квинтъ-Эссенціи мыли негровъ до-бѣла.

Другіе пахали морской песокъ на трехъ парахъ лисицъ въ ярмѣ, и сѣмена ихъ не пропадали.

Третьи мыли черепицы и смывали съ нихъ краску.

Четвертые извлекали воду изъ такъ называемой пемзы; они долгое время толкли ее въ ступкѣ и измѣняли ея субстанцію.

Пятые стригли ословъ и получали съ нихъ славную шерсть.

Шестые рвали виноградъ съ терновника и фиги съ репейника.

Седьмые доили козловъ и собирали молоко въ сито, къ великой хозяйственной прибыли!

Восьмые мыли голову осламъ, и трудъ ихъ не пропадалъ даромъ.

Нѣкоторые ловили вѣтеръ сѣтями и брали ими раковъ.

Кто ломалъ колбасы, придерживая колѣномъ.

Другіе сдирали кожу съ угрей, которые кричали какъ меленскіе угри.

Другіе создавали великія вещи изъ ничего и обращали въ ничто великія вещи.

Иные рѣзали огонь ножомъ и черпали неводомъ воду.

Нѣкоторые дѣлали фонари изъ пузырей и желѣзныя печки изъ облаковъ. Мы увидѣли также двѣнадцать человѣкъ ихъ, пировавшихъ подъ деревьями и пившихъ четыре сорта прекраснаго вина, и намъ сказали, что они такимъ образомъ проясняли погоду, по мѣстному обычаю, и что такимъ же точно образомъ Геркулесъ прояснилъ погоду вмѣстѣ съ Атласомъ.

Другіе превращали необходимость въ добродѣтель, и я нашелъ это дѣло прекраснымъ и полезнымъ.

Иные зубами добывали золото, но это шло имъ не впрокъ.

Нѣкоторые, находившіеся въ продолговатомъ цвѣтникѣ, мѣряли скачки блохъ и увѣряли меня, что это безусловно необходимо для управленія королевствами, успѣшнаго веденія войны и администраціи республикъ, ссылаясь на Сократа, который первый свелъ философію съ неба на землю и изъ праздной и куріозной науки сдѣлалъ ее полезной и значительной тѣмъ, что половину своихъ трудовъ посвящалъ измѣренію блошиныхъ прыжковъ, какъ увѣряетъ философъ Аристофанъ.

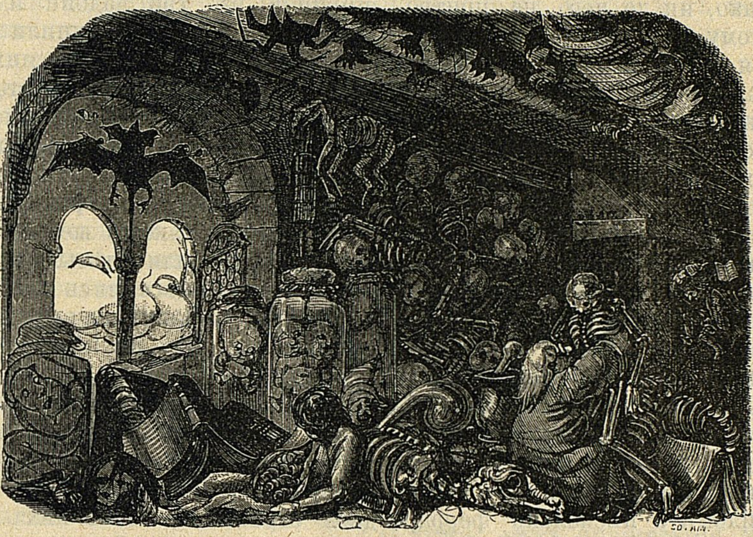
Я увидѣлъ двухъ придворныхъ на верху башни, гдѣ они стояли на часахъ и стерегли, какъ намъ сказали, луну отъ волковъ.

Я встрѣтилъ четверыхъ другихъ въ одномъ углу сада, яростно споривщихъ и готовыхъ вцѣпиться другъ другу въ волоса. Когда я спросилъ, въ чемъ заключается ихъ разномысліе, они отвѣчали, что уже цѣлыхъ четверо сутокъ спорятъ они о трехъ важныхъ гиперфизическихъ задачахъ, отъ разрѣшенія которыхъ сулятъ золотыя горы. Первая касается тѣни осла; вторая—дыма фонаря; третья—козьей шерсти, а именно: шерсть ли это? Затѣмъ они сказали намъ, что ничуть не считаютъ страннымъ, чтобы двѣ противорѣчивыхъ вещи были истинны и по состоянію, и по формѣ, и по фигурѣ, и по времени,—обстоятельство, котораго парижскіе софисты никакъ не хотятъ допустить, скорѣе отрекутся отъ вѣры.

Мы съ любопытствомъ взирали на удивительныя операціи этихъ людей, и когда появилась королева со своей благородной свитой, то на небѣ уже зажглась вечерняя звѣзда. При видѣ королевы, мы снова смутились и были ослѣплены ею.

Она тотчасъ же замѣтила нашъ испугъ и сказала намъ:

— То, что повергаетъ людскіе умы въ бездну восторга, не есть, собственно говоря, сила впечатлѣнія, полученнаго ими отъ естественныхъ явленій или искусства мудрыхъ художниковъ: это, скорѣе, новизна опыта, овладѣвающаго ихъ чувствами, причемъ они не замѣчаютъ сразу, какъ нетрудно выполнить это дѣло, когда ясное сужденіе руководитъ прилежнымъ трудомъ. Но успокойтесь и не бойтесь того, что выполняли на вашихъ глазахъ мои придворные. Смотрите, слушайте, изучайте на просторѣ все, что содержится въ моемъ домѣ, понемногу освобождаясь отъ ига невѣжества. Таково мое желаніе. Но для того, чтобы доказать вамъ это, равно какъ и во вниманіе къ сильной жаждѣ знанія, которую я, къ моей великой радости, читаю въ вашихъ сердцахъ, я зачисляю васъ отнынѣ въ разрядъ моихъ приверженцевъ. Геберъ, мой оберъ-интендантъ, занесетъ васъ въ списки, когда вы отсюда уѣдете.



Къ гл. XXII-й.

Мы, смиренно и молча, поблагодарили ее и приняли наше новое прекрасное званіе.

XXIII.

О томъ, какъ королевѣ поданъ былъ ужинъ, и какъ она ѣла.

Проговоривъ это, королева обратилась къ своимъ придворнымъ и сказала имъ:

— Желудокъ, на который возложенъ трудъ питанія всѣхъ частей тѣла, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, напоминаетъ намъ о томъ, что мы должны доставкой подходящей пищи возстановить потерю соковъ, происходящую отъ непрерывнаго дѣйствія естественной теплоты. А потому распорядитесь накрыть немедленно столы и подать въ изобиліи всякаго рода овощи. Вы же, благородные церемоніймейстеры, докажите свое обычное усердіе, съ какимъ вы всегда исполняете всѣ отданныя вамъ приказанія, и присмотрите за порядкомъ. Съ меня достаточно напомнить вамъ, чтобы все было, какъ слѣдуетъ.

Высказавъ это, удалилась на нѣкоторое время со своими дамами и для того, чтобы, какъ намъ сказали, взять ванну, какъ это было въ обычаѣ у древнихъ, подобно тому какъ у насъ принято мыть руки передъ обѣдомъ. Столы скоро были разставлены и накрыты дорогими скатертями. Сама королева ничего не ѣла, кромѣ божественной амброзіи, и ничего не пила, кромѣ божественнаго нектара. Но придворнымъ кавалерамъ и дамамъ, вмѣстѣ съ нами, были поданы такія рѣдкія, вкусныя и дорогія кушанья, какихъ не ѣлъ и самъ Аппицій. 1)

На случай, если бы голодъ все еще

---

1) Гастрономъ римскій, жившій при Тиверіи.

не былъ утоленъ, передъ выходомъ изъ-за стола, принесли всякой всячины, да въ такомъ изобиліи, что она не умѣстилась бы и на томъ золотомъ подносѣ, какой Пиѳій Биѳій поднесъ королю Дарію. Тутъ были различныя похлебки, салатъ, фрикасѐ, жареное, вареное, тушеное мясо, большіе куски солонины, копченые свиные окорока, паштеты, пирожныя, всякія лакомства à la mauresque, разнаго рода сыры, желѐ и всякіе фрукты. Все это мнѣ показалось отмѣннымъ и вкуснымъ; но я, однако, ни до чего не притронулся потому что уже былъ по горло сытъ. Но я только хочу вамъ сказать, что я видѣлъ тамъ паштеты съ корочкой, вещь довольно рѣдкую, и эти паштеты съ корочкой были запечены въ формахъ. На днѣ ихъ я увидѣлъ пропасть костей игральныхъ, картъ, игру въ тарокъ, шахматныя фигуры и шахматныя доски, и при этомъ полную чашу съ золотыми монетами для тѣхъ, кто бы захотѣлъ играть въ эти игры.

Совсѣмъ внизу стояли мулы, вполнѣ осѣдланные, въ бархатныхъ попонахъ, а также иноходцы подъ верхъ для мужчинъ и для женщинъ; кромѣ того не знаю, сколько обитыхъ бархатомъ носилокъ и нѣсколько феррарскихъ каретъ для тѣхъ, кто желалъ бы прокатиться.

Это мнѣ не показалось страннымъ, но меня удивило то, какъ королева ѣла. Она ничего не жевала, и не потому, чтобы у нея не было крѣпкихъ и здоровыхъ зубовъ, а также и не потому, чтобы ея кушаній не нужно было жевать. Послѣ того, какъ одни изъ придворныхъ отвѣдаютъ кушанья, другіе брали ихъ въ ротъ и жевали ихъ чрезвычайно пристойнымъ образомъ, такъ какъ ихъ глотка была подбита пунцовой тафтой съ золотыми прожилками, а зубы у нихъ были изъ слоновой, бѣлой и прекрасной кости. Хорошо прожеванная пища вводилась королевѣ прямо въ желудокъ черезъ золотую трубочку. Точно такъ намъ сказали, что она и стулъ имѣетъ per procuram.

XXIV.

О томъ, какъ въ присутствіи королевы данъ былъ веселый балъ, въ формѣ турнира.

По окончаніи ужина, въ присутствіи королевы данъ былъ балъ въ родѣ турнира, достойный не только вниманія, но и вѣчной памяти. Для начала полъ въ залѣ покрытъ былъ большимъ бархатнымъ ковромъ въ формѣ шахматной доски, а именно: въ клѣткахъ бѣлыхъ и желтыхъ, равныхъ по числу, шириной въ три ладони и четыреугольныхъ. Въ залъ вступили тридцать двѣ молодыхъ особы; изъ нихъ шестнадцать были одѣты въ золотое сукно, а именно: восемь юныхъ нимфъ, какъ ихъ изображали древніе въ свитѣ Діаны; одинъ король, одна королева, два стражника, два рыцаря и два стрѣлка. Въ такомъ же родѣ другіе шестнадцать были одѣты въ серебряное сукно. Помѣстились они на коврѣ въ такомъ порядкѣ: короли стали въ послѣднемъ ряду на четвертомъ квадратѣ, такъ что золотой король стоялъ на бѣломъ квадратѣ, а серебряный король на желтомъ; королевы—возлѣ своихъ королей: золотая на желтомъ квадратѣ, а серебряная на бѣломъ; двое стрѣлковъ возлѣ нихъ съ каждой стороны, какъ тѣлохранители своихъ королей и королевъ. Подлѣ стрѣлковъ два рыцаря; подлѣ рыцарей два стражника. Во второмъ ряду передъ ними помѣстились восемь нимфъ. Между двумя рядами нимфъ находились еще восемь рядовъ пустыхъ квадратовъ.

У каждой группы были свои музыканты, одѣтые въ одинаковую ливрею: одни въ оранжевый штофъ, а другіе въ бѣлый, и всѣ они, по восьми съ каждой стороны, держали инструменты самой разнообразной формы, вполнѣ гармонировавшіе другъ съ другомъ и мелодичные, хотя и различные по тону, размѣру и темпу, какъ того требуютъ бальные танцы. Я это находилъ удивительнымъ, принимая во вниманіе различіе въ па́, въ ходахъ, прыжкахъ, движеніи взадъ и впередъ, неожиданныхъ скачкахъ въ сторону, засадахъ, отступленіяхъ и т. д.

Еще удивительнѣе казалось мнѣ то, какъ участники турнира тотчасъ же схватывали звуки, регулировавшіе ихъ движенія, такъ что музыка не успѣвала раздаться, какъ они уже занимали предназначенное имъ мѣсто, хотя движенія ихъ были вполнѣ различны. Нимфы, стоящія впереди, какъ застрѣльщики, наступаютъ на врага прямо, изъ одного квадрата въ другой, за исключеніемъ перваго хода, когда имъ позволяется переступить черезъ два квадрата. Онѣ однѣ никогда не отступаютъ. Если случится, что которая-нибудь изъ нихъ пройдетъ до ряда, гдѣ стоитъ вражескій король, ее вѣнчаютъ королевой, и затѣмъ она можетъ двигаться во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ и пользуется тѣми же привилегіями, какъ и королева; въ противномъ случаѣ, онѣ берутъ непріятеля только по діагонали и на шагъ впередъ. Но ни имъ, и никому другому, не разрѣшается брать врага, если, беря его, они оставляютъ короля безъ прикрытія.

Короли ходятъ и берутъ врага на одинъ шагъ впередъ во всѣхъ направленіяхъ. Королевы пользуются наибольшей свободой движеній, а именно: ходятъ по прямой линіи на всемъ протяженіи, лишь бы квадраты были свободны, а также по діагонали, лишь бы квадратъ былъ ихъ цвѣта.

Стрѣлки ходятъ, какъ впередъ, такъ и назадъ, по близости и вдаль, но никогда не мѣняютъ цвѣта своего перваго квадрата.

Рыцари скачутъ и берутъ врага черезъ одинъ квадратъ, бросаясь вправо или влѣво и мѣняя при этомъ цвѣтъ квадрата. Ихъ скачки весьма опасны для противной партіи и требуютъ напряженнаго вниманія, такъ какъ они никогда не берутъ врага открыто.

Стражники ходятъ и берутъ по прямой линіи, какъ вправо, такъ и влѣво, какъ назадъ, такъ и впередъ, какъ короли, но имѣютъ право при этомъ двигаться вдоль всей линіи, если она свободна, чего короли не могутъ.

Главная цѣль обѣихъ партій заключается въ томъ, чтобы осадить и отрѣзать короля противной партіи отъ его свиты такъ, чтобы онъ не могъ двинуться ни въ какую сторону. Та партія, король которой попадался въ такую засаду, и не могъ ни спастись бѣгствомъ, ни получить помощи ниоткуда, прекращала сраженіе и лишалась своего осажденнаго короля. И вотъ для того, чтобы спасти его отъ такой опасности, всякій изъ его партіи жертвовалъ собою, и обѣ стороны безпрестанно брали въ плѣнъ противниковъ. Кто бралъ плѣнника, тотъ кланялся ему, слегка хлопалъ его по правой рукѣ, удалялъ съ поля и занималъ его мѣсто. Если же случится, что король можетъ быть взятъ въ плѣнъ, то противной партіи этого не дозволяется: тотъ, кто лишилъ короля его охраны или угрожаетъ ему, обязанъ низко поклониться ему и сказать: «Храни васъ Богъ!», дабы приближенные могли оказать ему помощь и прикрыть его, или же король могъ бы перемѣнить мѣсто, въ случаѣ если бы помощь ему оказалась невозможной. Во всякомъ случаѣ, противная партія не захватывала его, но, опустясь лѣвымъ колѣномъ на землю, здоровалась съ нимъ. Этимъ и кончался турниръ.

XXV.

О томъ, какъ сражаются тридцать двѣ персоны, участвующія въ турнирѣ.

Какъ только обѣ партіи займутъ свои мѣста, музыканты играютъ воинственный и довольно грозный маршъ, какъ для аттаки. Тутъ обѣ партіи выпрямляются для боя, ожидая момента покинуть лагерь. Внезапно музыканты серебряной партіи умолкли и предоставили играть музыкантамъ золотой партіи, что̀ означало, что золотая партія аттакуетъ. Это вскорѣ и произошло. Мы увидѣли, какъ нимфа, стоявшая передъ королемъ, повернулась передъ королемъ налѣво кругомъ, какъ бы прося разрѣшенія вступить въ бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ поклонилась всей своей компаніи. Затѣмъ скромно переступила черезъ два квадрата и поклонилась противной партіи, которую аттаковала. Тутъ золотые музыканты смолкли, и заиграли серебряные. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что нимфа затѣмъ поклонилась своему королю и своей компаніи, дабы они не оставались въ бездѣйствіи. Всѣ отдали поклонъ, повернувшись налѣво, за исключеніемъ королевы, которая повернулась къ своему королю направо, и эти поклоны выполнялись во все время бала, какъ одной, такъ и другой партіей.

Подъ музыку серебряныхъ музыкантовъ, серебряная нимфа, стоявшая передъ своей королевой, поклонилась королю и всей своей компаніи, и они отдали поклонъ, какъ это было сказано и про золотыхъ, съ тою только разницею, что они поворачивались направо, а ихъ королева налѣво. Нимфа стала впередъ на второй квадратъ и поклонилась своей противницѣ, и стояла напротивъ золотой нимфы, какъ бы готовясь ринуться въ бой, да только дѣло въ томъ, что они берутъ врага не прямо а сбоку. Ихъ подруги послѣдовали за ними, какъ золотыя, такъ и серебряныя, и бой начался тѣмъ, что золотая нимфа, выступившая первою, ударила по рукѣ серебряную нимфу, стоявшую налѣво отъ нея, и этимъ выбила ее изъ строя и заняла ея мѣсто. Но вскорѣ, при звукахъ музыки, сама была побита серебрянымъ стрѣлкомъ, золотая нимфа произвела нападеніе на этого послѣдняго, серебряный рыцарь поспѣшилъ на выручку, золотая королева стала впереди своего короля.

Послѣ того серебряный король перемѣнилъ мѣсто, опасаясь нападенія со стороны золотой королевы, и сталъ на мѣсто своего лѣваго стражника, казавшееся безопаснымъ и хорошо защищеннымъ.

Оба рыцаря, стоявшіе налѣво, какъ золотой, такъ и серебряный, вступаютъ въ бой и забираютъ въ плѣнъ нѣсколько вражескихъ нимфъ, которыя не могутъ отступить; особенно отличается при этомъ золотой. Но и серебряный рыцарь измышляетъ нѣчто удивительное, удачно маскируя свое предпріятіе: онъ могъ захватить золотую нимфу, но проходитъ дальше и забирается во вражескій станъ въ такое мѣсто, откуда можетъ поклониться непріятельскому королю, говоря: «Храни васъ Богъ!» Золотая компанія, услышавъ это предостереженіе, спѣшитъ на помощь королю, вся содрогается не потому, чтобы ей нельзя было помочь королю, но потому, что, спасая своего короля, они теряютъ своего праваго стражника безповоротно. Итакъ, король отступилъ налѣво, а серебряный рыцарь забралъ, золотого стражника, чѣмъ причинилъ большой уронъ противнику. Однако, золотая банда рѣшаетъ отомстить и со всѣхъ сторонъ окружаетъ его такъ, чтобы онъ не могъ избѣжать ихъ рукъ; онъ дѣлаетъ тысячу усилій выбраться на волю, его партія прибѣгаетъ къ тысячѣ уловокъ, чтобы его защитить, но въ концѣ концовъ золотая королева беретъ его.

Золотая банда, лишившись одной изъ своихъ опоръ, выбивается изъ силъ, чтобы отомстить, но при этомъ дѣйствуетъ, очертя голову; она производитъ большія опустошенія въ непріятельскихъ рядахъ. Но серебряная банда маскируетъ свои дѣйствія и выжидаетъ минуту возмездія. Она подставляетъ золотой королевѣ одну изъ своихъ нимфъ, но при этомъ разставляетъ ей западню: послѣ взятія нимфы, золотой стрѣлокъ чуть было не захватилъ въ плѣнъ серебряной королевы. Золотой рыцарь угрожаетъ за-одно серебряному королю и серебряной королевѣ и уже произноситъ: «Здравствуйте!» Серебряный стрѣлокъ, который ихъ спасаетъ, захваченъ золотою нимфой, которая, въ свою очередь, взята въ плѣнъ серебряною. Бой ожесточается. Стражники сходятъ съ своихъ мѣстъ и идутъ на помощь. Опасность грозитъ со всѣхъ сторонъ. Но Эніо [1]) еще не объявляетъ своего рѣшенія. Раза два серебряные доходятъ до шатра золотого короля, но оба раза бываютъ отбиты. Золотая королева идетъ впереди всѣхъ и творитъ чудеса храбрости. Она захватываетъ вражескихъ стрѣлковъ и, быстро повернувшись, беретъ въ плѣнъ также серебрянаго стражника. Но лишь только серебряная королева увидѣла это, какъ бросается впередъ и, одушевленная геройскимъ духомъ, забираетъ послѣдняго золотого стражника и одну нимфу въ придачу. Долго сражаются обѣ королевы другъ съ другомъ; каждая старается поймать другую въ расплохъ, спасти себя и защитить своего короля. Въ концѣ концовъ золотая королева беретъ серебряную, но внезапно сама захвачена серебрянымъ стрѣлкомъ. Послѣ того у золотого короля остаются только три нимфы, одинъ стрѣлокъ и одинъ стражникъ, а у серебрянаго—только три нимфы и правый рыцарь, и, вслѣдствіе этого, они начали сражаться осторожнѣе и медленнѣе.

---

[1]) Богиня войны, сестра Арея.

Оба короля, повидимому, горько оплакиваютъ потерю своихъ возлюбленныхъ королевъ, и всѣ ихъ старанія и усилія направлены теперь къ тому, чтобы возвести, если можно, одну изъ своихъ нимфъ въ это достоинство, вступить съ ними въ новый бракъ, и они обѣщаютъ имъ это, если только тѣ проберутся въ послѣдній рядъ вражескаго стана. Золотыя ихъ опережаютъ, и одна изъ нихъ проходитъ въ королевы; на нее надѣваютъ корону и новыя дорогія одежды.

Серебряныя тоже близки къ цѣли, и уже только одинъ шагъ отдѣлялъ одну изъ нихъ отъ королевскаго достоинства; но въ этомъ мѣстѣ ее подстерегаетъ золотой стражникъ, и она должна остановиться.

Новая золотая королева тоже захотѣла отличиться и проявить свою силу, доблесть и воинственность. Она совершаетъ чудеса храбрости. Но тѣмъ временемъ серебряный рыцарь беретъ золотого стражника, охранявшаго границу лагеря, и серебряные такимъ образомъ получаютъ тоже новую королеву. Она тоже желаетъ отличиться и показать себя достойной своею новаго возвышенія. Бой закипаетъ сильнѣе прежняго. Тысяча хитростей, тысяча аттакъ, тысяча нападеній производятся какъ съ одной стороны, такъ и съ другой, и вотъ серебряная королева тайкомъ пробирается въ шатеръ золотого короля, говоря: «Храни васъ Богъ!», и только его новая королева можетъ его спасти. И она, не задумываясь, защищаетъ его грудью отъ враговъ. Между тѣмъ серебряный рыцарь, который скачетъ во всѣ стороны, спѣшитъ на помощь къ королевѣ, и вдвоемъ они ставятъ золотого короля въ такое отчаянное положеніе, что для своего спасенія ему приходится лишиться королевы. Но золотой король беретъ серебрянаго рыцаря. Тѣмъ не менѣе, золотой стрѣлокъ съ двумя оставшимися нимфами изо всѣхъ силъ обороняютъ своего короля; но, въ концѣ концовъ, всѣ были взяты и выбиты изъ строя, и золотой король остался одинъ. Послѣ того вся серебряная банда съ низкимъ поклономъ сказала ему: «Здравствуйте!», и король серебряный признанъ былъ побѣдителемъ. Послѣ этихъ словъ обѣ компаніи музыкантовъ заиграли, какъ бы въ знакъ побѣды. И этотъ первый балъ окончился среди такого веселья, съ такими милыми жестами, съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства и такой рѣдкой благовоспитанностью, что мы всѣ пришли въ восторженное состояніе, и намъ казалось, что насъ перенесли на седьмое небо.

По окончаніи перваго турнира, обѣ банды вернулись на свои прежнія мѣста, и какъ сражались раньше, такъ и вторично вступили въ бой, но уже при болѣе быстромъ темпѣ музыки и съ совершенно новыми ходами.

Тутъ я увидѣлъ, что золотая королева, какъ бы недовольная шествіемъ своей арміи и подстрекаемая музыкой, одною изъ первыхъ прошла впередъ, вмѣстѣ съ однимъ стрѣлкомъ и однимъ рыцаремъ, и чуть было не захватила врасплохъ серебрянаго короля въ его стану, среди его офицеровъ. Но, увидя, что ея замыселъ открытъ, врѣзалась въ ряды враговъ и столько побила нимфъ и другихъ офицеровъ, что жалость было глядѣть. Вы бы сказали, что то новая амазонка Пентезилея 1) сокрушаетъ лагерь

---

1) Королева амазонокъ, оказавшая помощь троянцамъ.

грековъ. Но такое избіеніе длилось недолго, потому что серебряные воины, сокрушаясь о гибели своихъ людей, но скрывая свою горесть, устроили ей засаду, поставивъ въ дальнемъ углу стрѣлка и странствующаго рыцаря, которыми она и была взята въ плѣнъ. Остальное дѣло было скоро доведено до конца. Въ другой разъ королева будетъ осмотрительнѣе, будетъ держаться возлѣ своего короля, а не ходить вдаль, а если и пойдетъ, то съ лучшимъ прикрытіемъ. И въ этотъ разъ, какъ и въ прошлый, серебряные остались побѣдителями.

Въ третій и послѣдній разъ обѣ партіи дѣйствовали такъ, какъ и въ первый, и, какъ мнѣ показалось, веселѣе и рѣшительнѣе, нежели въ первые два. Да и музыка играла вдвое быстрѣе и воинственнѣе, въ фригійскомъ вкусѣ, какъ та, какую нѣкогда изобрѣлъ Марсіасъ. Снова начали они свой турниръ и бросились другъ противъ друга съ такимъ искусствомъ, что съ каждымъ тактомъ музыки успѣвали совершить четыре хода, со всѣми подлежащими поклонами, какъ было описано выше.

Видя, какъ они вертѣлись на одной ногѣ послѣ каждаго поклона, мы сравнивали ихъ съ вертящимися волчками, въ которые играютъ дѣти и которые вертятся такъ быстро, что кажется, будто они не двигаются, а красная точка на нихъ кажется уже не точкой, а линіей, какъ остроумно замѣтилъ Кузанъ въ своемъ трактатѣ о возвышенныхъ вещахъ.

Мы слышали непрерывные удары въ ладоши и различные сигналы какъ съ той, такъ и съ другой стороны. И какъ ни былъ угрюмъ Катонъ Старшій и глубокомысленъ Крассъ, и при всей мизантропіи Тимона Аѳинскаго, и при всей ненависти Гераклита къ спеціальному дару людей—смѣху,—а всѣ они не могли бы не расхохотаться, если бы поглядѣли на этихъ юношей, королевъ и нимфъ, прыгающихъ, возящихся на тысячи ладовъ, носящихся взадъ и впередъ, съ самыми разнообразными тѣлодвиженіями подъ звуки веселой музыки и при этомъ такъ ловко, что никто изъ нихъ не мѣшалъ другъ другу. И чѣмъ меньше становилось число борцовъ въ каждомъ лагерѣ, тѣмъ интереснѣе было слѣдить за уловками и хитростями, съ какими они старались, по указанію музыки, поддѣть другъ друга. Скажу вамъ больше: если это сверхъестественное зрѣлище смущало наши чувства, удивляло нашъ умъ и выводило изъ себя, то еще сильнѣе бились и дрожали наши сердца отъ воинственной музыки, и легко можно было повѣрить тому, что игра Изменія[1]) настолько возбуждала Александра Великаго, что онъ вскакивалъ изъ-за стола и хватался за оружіе. Въ концѣ концовъ, побѣда осталась за золотымъ королемъ.

Во время этихъ танцевъ королева незамѣтно исчезла, и мы ея больше не видѣли. Придворные отвели насъ въ одно мѣсто, гдѣ насъ занесли въ списки, какъ это приказала королева. Послѣ того мы отправились въ гавань, сѣли на корабли и, чтобы не пропустить попутнаго вѣтра, который дуетъ здѣсь, какъ намъ сказали, не часто, немедленно пустились въ путь.

XXVI.

О томъ, какъ мы сошли на островъ Ходосъ [2]), гдѣ дороги ходятъ.

Послѣ двухдневнаго плаванія, мы увидѣли островъ Ходосъ, гдѣ нашимъ взорамъ представилась замѣчательная вещь. Дороги тамъ животныя, если только вѣрно опредѣленіе Аристотеля, утверждающаго, что самымъ неотразимымъ аргументомъ для животнаго является произвольное движеніе. Тамъ дороги ходятъ, какъ животныя, и однѣ изъ нихъ движутся какъ планеты, другіе ходятъ вдоль, третьи поперекъ, четвертые наискось. И когда путешественники, прохожіе и жители края спрашиваютъ: Куда идетъ эта дорога? Имъ отвѣчаютъ: Въ церковь, въ городъ, къ рѣкѣ. И они, безъ всякаго труда и напряженія, выбравъ подходящую дорогу, достигаютъ мѣста своего назначенія, подобію тому какъ это бываетъ съ тѣми, кто, отправляясь изъ Ліона въ Авиньонъ и Арль, садятся въ лодкѣ на Ронѣ. И такъ какъ вамъ извѣстно, что у всякой вещи бываетъ дурная сторона, и нигдѣ нельзя найти совершенства, то и тамъ существуетъ такой сортъ людей, которыхъ называютъ бродягами и праздношатающимися, и бѣдныя дороги ихъ боятся и бѣгаютъ отъ нихъ, какъ отъ разбойниковъ: они подстерегаютъ ихъ при проходѣ, какъ волковъ подстрегаютъ съ приманкой, а бекасовъ съ сѣтями. И я видѣлъ какъ одного изъ нихъ задержало Правосудіе за то, что онъ неправильно—и Минервѣ наперекоръ -- выбралъ школьный путь, самый длинный. Другой хвастался тѣмъ, что выбралъ кратчайшую, военную дорогу, говоря, что ему это выгодно, потому что онъ первый придетъ къ цѣли.

---

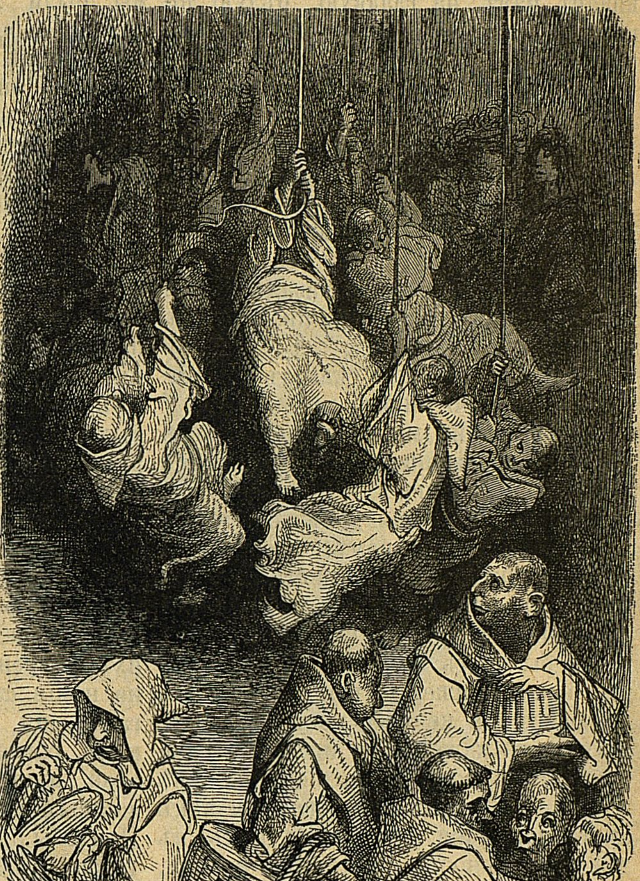
[1]) Ѳиванскій флейтистъ.

[2]) Греческ.—дорога.

Я узналъ тамъ большую дорогу въ Буржъ и видѣлъ, какъ она шла размѣреннымъ шагомъ [1]), и видѣлъ также, какъ она убѣжала при видѣ нѣсколькихъ извозчиковъ, которые собирались топтать ее ногами своихъ лошадей и переѣхать ее своими телѣгами, подобно тому, какъ Туллія переѣхала своей колесницей тѣло своего отца Сервія Туллія, шестого римскаго царя.

Я узналъ тамъ также старую дорогу изъ Перонны въ Сенъ-Кентенъ, и мнѣ она показалась добропорядочной дорогой.

Я узналъ тамъ между скалами добрую старую дорогу изъ Ферраты [1]) на Медвѣжью гору. Издали она очень походила на св. Іеронима, какъ его изображаютъ на картинахъ, если бы только ея медвѣдь былъ львомъ: она была вся измождена, съ длинной, бѣлой и всклокоченной бородой; вы бы подумали, собственно говоря, что это льдинки; на ней было много толстыхъ четокъ, грубо изготовленныхъ изъ сосноваго дерева, и она не стояла и не



Къ гл. XXVII-й.

---

[1]) Буржъ стоитъ на горѣ.

[1]) Ведетъ черезъ гору, которую зовутъ Большой Медвѣдь.

лежала, а какъ бы ползла на колѣняхъ, ударяя себя въ грудь большими и тяжелыми камнями, такъ что внушила намъ вмѣстѣ и страхъ и жалость.

Въ то время, какъ мы на нее глядѣли, насъ отвелъ въ сторону мѣстный, странствующій баккалавръ и, показавъ намъ на гладкую, бѣлую дорогу, посыпанную соломой, сказалъ намъ:

— Отнынѣ не презирайте мнѣнія Ѳалеса изъ Милезіи, который говорилъ, что начало всѣхъ вещей есть вода, ни заявленія Гомера, утверждавшаго, что всѣ вещи берутъ начало изъ океана. Вотъ эта дорога, которую вы видите, родилась въ водѣ и къ ней же вернется: два мѣсяца тому назадъ по ней плавали лодки, а теперь проѣзжаютъ телѣги.

— Ваши слова, — сказалъ Пантагрюэль,—ровно ничего не значатъ! У насъ на родинѣ мы ежегодно видимъ подобныя превращенія въ пятистахъ мѣстахъ и больше.

Затѣмъ, созерцая движенія этихъ дорогъ, замѣтилъ намъ, что, по его мнѣнію, Филолаосъ и Аристархъ 1) занимались философіей на этомъ островѣ; точно такъ же и Селевкъ 2) пришелъ бы здѣсь къ тому заключенію, что земля движется вокругъ своихъ полюсовъ, а не небо вокругъ земли, хотя намъ кажется и противное, подобно тому какъ, находясь на рѣкѣ Луарѣ, мы видимъ, что деревья какъ будто движутся, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, двигаются не они, а та лодка, на которой мы находимся.

Возвращаясь къ кораблямъ, мы увидѣли трехъ бродягъ, которыхъ собирались колесовать за то, что ихъ поймали въ засадѣ; тутъ же жгли на медленномъ огнѣ верзилу праздношатающагося, который топталъ дорогу и сломалъ ей ребро. Намъ говорили, что то была дорога, которая вела къ Нильскимъ запрудамъ въ Египтѣ.

XXVII.

О томъ, какъ мы прибыли на островъ Сандалій и ордена Пѣвчихъ Братьевъ.

Послѣ того мы прибыли на островъ Сандалій, гдѣ жители питаются исключительно треской; но, тѣмъ не менѣе, мы были хорошо приняты и обласканы королемъ острова, котораго звали Беній Третій по имени. И, послѣ попойки, онъ повелъ насъ поглядѣть на монастырь, заново выстроенный и сооруженный по его плану для Пѣвчихъ Братій; такъ называлъ онъ своихъ монаховъ, говоря, что на твердой землѣ обитаютъ братья различныхъ другихъ орденовъ, какъ-то: францисканцы, нищенствующіе, босоногіе и пр. Благодаря статутамъ и патентованной буллѣ, полученнымъ ими отъ Квинтъ-Эссенціи, которая имъ покровительствовала, они всѣ были одѣты поджигателями, съ тою разницей, что, подобно тому какъ кровельщики въ Анжу носятъ на колѣняхъ подушечку, такъ они носили подушку на животѣ и тѣмъ славились. Клапанъ на штанахъ былъ у нихъ въ формѣ туфли и пришивался, какъ спереди, такъ и сзади, что, по ихъ увѣренію, должно было намекать на нѣкія страшныя мистеріи. На ногахъ они носили крутые башмаки, какъ обитатели аравійской песчанистой пустыни; бороду брили, а подошвы башмаковъ подбивали гвоздями. И чтобы показать, что они не заботятся о Фортунѣ, ихъ заставляли брить заднюю часть головы съ макушки до затылка. Спереди волосы росли, какъ имъ вздумается. И для пущаго выраженія своего пренебреженія къ Фортунѣ, они носили, но не въ рукѣ, какъ она, а у пояса, на манеръ четокъ, острую бритву, которую дважды въ день чистили и трижды въ ночь точили.

Подъ ногами каждый носилъ круглый шаръ, потому что говорятъ, что у Фортуны есть подъ ногами. Капюшонъ у нихъ былъ пришитъ спереди, а не сзади, такъ что лицо у нихъ было закрыто, и они могли, не стѣ-

---

1) Изъ Самоса (246) училъ, что земля движется вокругъ неподвижнаго солнца.

2) Жилъ въ 75 г. до Р. Х.

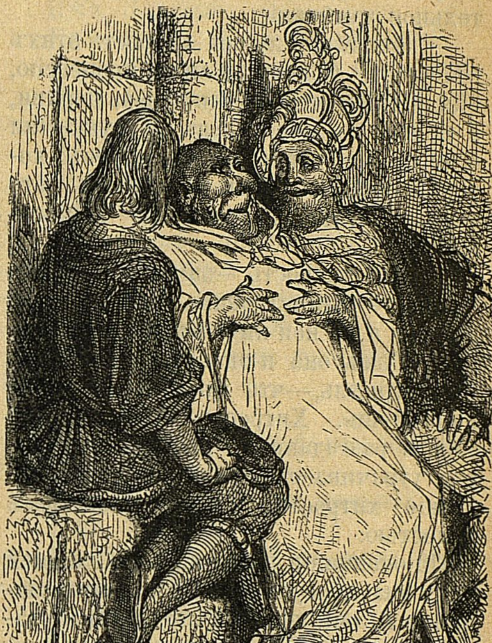
сняясь, подсмѣиваться надъ Фортуной и ея любимцами, подобно тому какъ наши дамы носятъ cache-laid, который вы называете cache-nez.

Подобно тому какъ у насъ лицо, такъ у нихъ задняя часть головы всегда открыта, а потому они могутъ, какъ имъ вздумается, идти впередъ или пятиться назадъ. Когда они пятятся назадъ, то вы подумаете, что это ихъ натуральная походка, благодаря круглымъ башмакамъ и клапану отъ штановъ, на которомъ, вдобавокъ, какъ на индійскихъ орѣхахъ, намалевана была рожа съ двумя глазами, ртомъ, но безъ бороды. Когда они шли брюхомъ впередъ, вы бы подумали, что они играютъ въ жмурки. Забавно было на нихъ глядѣть.

Образъ жизни они вели слѣдующій: какъ только что яркій Люциферъ всходилъ надъ землей, они, ихъ милосердія, надѣвали другъ другу сапоги со шпорами. Въ сапогахъ со шпорами они ложились спать и храпѣли, а во снѣ носили на носу очки.

Мы находили такой образъ дѣйствія страннымъ, но ихъ объясненіе удовлетворило насъ. Они сказали намъ: Страшный Судъ застанетъ людей отдыхающими и спящими, а потому, чтобы показать, что они не отказываются явиться на немъ, какъ это дѣлаютъ любимцы Фортуны, они остаются въ сапогахъ и шпорахъ, готовыми сѣсть на коня, когда прозвучитъ труба.

Съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати часовъ (здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что всѣ ихъ колокола, какъ часовые, такъ и церковные и столовые, построены по образцу Понтануса и подбиты тончайшимъ пухомъ, а языкомъ служитъ лисій хвостъ)—и такъ съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати часовъ, они просыпались, снимали сапоги; кто хотѣлъ, чихалъ, кто хотѣлъ,—кашлялъ. Но всѣ обязаны были по статуту зѣвать до изнеможенія, и это служило имъ какъ бы завтракомъ. Зрѣлище казалось мнѣ комичнымъ. Поставивъ сапоги со шпорами на рѣшетку, они спускались въ монастырскую столовую, тамъ мыли руки и полоскали родъ, затѣмъ садились на длинную скамейку и чистили зубы до тѣхъ поръ, пока пріоръ не подавалъ сигнала свистомъ. Тогда каждый раскрывалъ ротъ такъ широко, какъ только могъ, и зѣвалъ, когда въ продолженіе получаса, когда менѣе, когда болѣе, смотря по тому, находилъ ли пріоръ завтракъ соотвѣтственнымъ празднику того дня. Послѣ того совершали процессію, во время которой несли двѣ хоругви: на одной было изображеніе Добродѣтели, на другой—Фортуны. Впереди одинъ братъ пѣвчій несъ хоругвь Фортуны, за нимъ шелъ другой съ хоругвью Добродѣтели, держа въ рукахъ кропильницу съ меркуріальной водой, описанной у Овидія въ его лѣтописи, и ею какъ бы непрерывно бичевалъ пѣвчаго брата, несущаго Фортуну.



Къ гл. XXVIII-й.

— Такой порядокъ,—сказалъ Панургъ,—противенъ описаніямъ Цицерона и академиковъ, которые утверждаютъ, что Добродѣтель должна идти впереди Фортуны.

Мы же отвѣчали, что они поступаютъ правильно, ибо въ ихъ намѣреніе входитъ бичеваніе Фортуны.

Во время процессіи они напѣвали сквозь зубы, не знаю какіе, антифоны, потому что я не понималъ ихъ тарабарщины, но, внимательно прислушавшись, замѣтилъ, что они поютъ ушами. О! Какая прекрасная гармонія, вполнѣ согласовавшаяся со звукомъ ихъ колоколовъ! Диссонансовъ у нихъ не было слышно.

Относительно ихъ процессіи Пантагрюэль сдѣлалъ слѣдующее удивительное замѣчаніе:

— Замѣтили ли вы хитрость этихъ пѣвуновъ? Совершая свою процессію, они вышли черезъ одну дверь церкви, а вошли въ нее черезъ другую. Они остереглись войти въ ту, черезъ которую вышли. Честью клянусь, это хитрые люди, хитрецы до кончика ногтей!

— Эта хитрость,—замѣтилъ братъ Жанъ, — заимствована изъ черной магіи, и я въ ней ни чорта не понимаю.

— Тѣмъ она и опаснѣе,—отвѣчалъ Пантагрюэль,—что въ ней ничего не понимаешь. Хитрость понятая, хитрость разгаданная, хитрость открытая утрачиваетъ смыслъ и самое названіе хитрости; мы ее называемъ тупостью.

По окончаніи процессіи, служившей какъ бы прогулкой и полезнымъ моціономъ, они шли въ столовую и становились на колѣни подъ столъ, упираясь грудью и животомъ въ фонарь. Когда они такъ стояли, входилъ большой братъ, въ сандаліяхъ, съ вилами въ рукахъ и подчевалъ ихъ вилами; такъ что они начинали трапезу съ сыра, а оканчивали ее горчицей и латукомъ, какъ это было въ обычаѣ, по свидѣтельству Марціала, у древнихъ. Наконецъ, каждому изъ нихъ подавали блюдо горчицы, и ихъ подчевали послѣ ужина горчицей.

Діэта у нихъ была слѣдующая: по воскресеньямъ они ѣли свиныя колбасы, мясныя колбасы, сосиски, шпигованную телятину, куропатокъ, не считая сыра для закуски и горчицы для дессерта. По понедѣльникамъ—горошекъ съ саломъ, съ обильными комментаріями и толкованіями текстовъ въ промежуткахъ. По вторникамъ—просфоры, пироги, сладкіе пирожки, ватрушки, бисквиты. По средамъ—крестьянскія блюда, а именно: телячьи и бычачьи головки, которыя водятся въ изобиліи въ той мѣстности. По четвергамъ—семь сортовъ похлебокъ и неизбѣжную горчицу. По пятницамъ имъ давали одну только рябину, да и то не спѣлую, судя по цвѣту. По субботамъ они грызли однѣ кости, что̀ не мѣшало имъ быть сытыми и откормленными, потому что у каждаго было порядочное брюшко. Напиткомъ имъ служилъ антифортуналь,—такъ называли они, неизвѣстно какое, мѣстное питье. Когда они собирались пить или ѣсть, то опускали капюшонъ, который служилъ имъ салфеткой.

Пообѣдавъ, они очень хорошо молились Богу и все нараспѣвъ. Остатокъ дня, въ ожиданіи Послѣдняго Суда, они творили добрыя дѣла: по воскресеньямъ они тузили другъ друга, по понедѣльникамъ давали другъ другу щелчки по носу, по вторникамъ царапали другъ друга, по средамъ утирали другъ друга носы, по четвергамъ водили другъ друга за носъ, по пятницамъ щекотали другъ друга, по субботамъ сѣкли другъ друга.

Такова была ихъ діэта, когда они проживали въ монастырѣ; но если, по приказу пріора, они покидали его, то имъ строго-на-строго запрещено было ѣсть рыбу иначе, какъ только находясь на морѣ или на рѣкѣ, а мяса иначе, какъ находясь на твердой землѣ, чтобы каждому было очевидно, что они дѣлаютъ это не въ угоду своимъ склонностямъ или похоти, но пребываютъ тверды, какъ скала. Все это они совершали подъ напѣвъ приличныхъ и подходящихъ къ случаю антифоновъ, и постоянно пѣли, какъ уже было выше сказано, ушами.

По закатѣ солнца они надѣвали другъ другу сапоги и шпоры, какъ было сказано, на носъ вздѣвали очки и ложились спать. Въ полночь возвращалась братья въ сандаліяхъ, и люди вставали чистили и точили свои бритвы, и по окончаніи процессіи, становились подъ столъ и обѣдали, какъ выше сказано.

Братъ Жанъ Сокрушитель, видя этихъ веселыхъ братьевъ пѣвуновъ и слыша про ихъ статуты, потерялъ терпѣніе и громко вскричалъ:

— Ахъ, волкъ васъ заѣшь! Ничего не хочу больше слышать и ухожу прочь. Теперь я по истинѣ вѣрю, что мы находимся у антиподовъ. Въ Германіи разрушаютъ монастыри и разстригаютъ монаховъ, а здѣсь ихъ постригаютъ шиворотъ-на-выворотъ.

XXVIII.

О томъ, какъ Панургъ, розспрашивавшій одного брата пѣвуна, получалъ отъ него односложные отвѣты.

Во время нашего пребыванія на этомъ островѣ Панургъ не спускалъ глазъ съ лица этихъ царственныхъ пѣвуновъ и, наконецъ, дернувъ за рукавъ одного изъ нихъ, худого, какъ селедка, спросилъ его:

— Братъ пѣвунъ, гдѣ дѣвки?

Пѣвунъ отвѣчалъ ему:

— Тамъ.

Панургъ. Сколько ихъ у васъ здѣсь?

Пѣвунъ. Мало.

Панургъ. Сколько счетомъ?

Пѣв. Двадцать.

Пан. А сколько бы вамъ требовалось?

Пѣв. Сто.

Пан. Гдѣ вы ихъ прячете?

Пѣв. Тамъ.

Пан. Я полагаю, что онѣ всѣ не одного возраста. Но какова у нихъ талія?

Пѣв. Стройная.

Пан. Каковъ цвѣтъ лица?

Пѣв. Лилейный.

Пан. Волосы?

Пѣв. Бѣлокурые.

Пан. А глаза?

Пѣв. Черные.

Пан. Ихъ личико?

Пѣв. Чистое.

Пан. Ихъ брови?

Пѣв. Мягкія.

Пан. Ихъ прелести?

Пѣв. Зрѣлыя.

Пан. Ихъ взглядъ?

Пѣв. Открытый.

Пан. А ихъ ноги?

Пѣв. Плоскіе.

Пан. А пятки?

Пѣв. Короткія.

Пан. Нижняя часть тѣла?

Пѣв. Красивая.

Пан. А руки?

Пѣв. Длинныя.

Пан. Что онѣ носятъ на рукахъ?

Пѣв. Перчатки.

Пан. А какіе у нихъ перстни?

Пѣв. Золотые.

Пан. Во что вы ихъ одѣваете?

Пѣв. Въ сукно.

Пан. Въ какое сукно вы ихъ одѣваете?

Пѣв. Новое.

Пан. Какого цвѣта?

Пѣв. Зеленое.

Пан. А ихъ шляпы какого цвѣта?

Пѣв. Голубого.

Пан. Ихъ башмаки какого цвѣта?

Пѣв. Коричневаго.

Пан. Какое сукно употребляете на ихъ одежду?

Пѣв. Тонкое.

Пан. Изъ чего сшиты ихъ башмаки?

Пѣв. Изъ кожи.

Пан. А каковы они вообще?

Пѣв. Грязные.

Пан. Значитъ, онѣ въ нихъ прохаживаются?

Пѣв. Вокругъ да около.

Пан. Теперь перейдемъ къ кухнѣ. Я все узналъ про дѣвокъ. И, не спѣша, перечислимъ все по порядку. Что у васъ въ кухнѣ?

Пѣв. Огонь.

Пан. Кто поддерживаетъ этотъ огонь?

Пѣв. Дрова.

Пан. Какія это дрова?

Пѣв. Сухія.

Пан. Какія деревья вы рубите на дрова?

Пѣв. Тисовыя.

Пан. Что идетъ на растопки?

Пѣв. Остролистъ.

Пан. Какими дровами топите комнаты?

Пѣв. Сосновыми.

Пан. А еще какими?

Пѣв. Липовыми.

Пан. Но дѣвки для меня интереснѣе. Какъ вы ихъ кормите?

Пѣв. Хорошо.

Пан. Чѣмъ онѣ питаются?

Пѣв. Хлѣбомъ.

Пан. Какимъ?

Пѣв. Ситнымъ.

Пан. А еще чѣмъ?

Пѣв. Мясомъ.

Пан. Но какимъ?

Пѣв. Жаренымъ.

Пан. Но развѣ онѣ не ѣдятъ похлебки?

Пѣв. Никогда.

Пан. А пирожнаго?

Пѣв. Много.

Пан. Я это одобряю. А не ѣдятъ ли онѣ рыбы?

Пѣв. Да.

Пан. Вотъ какъ? А еще что?

Пѣв. Яйца.

Пан. Какъ онѣ ихъ любятъ?

Пѣв. Вареными.

Пан. Я спрашиваю, какъ они сварены?

Пѣв. Въ крутую.

Пан. И вотъ всѣ ихъ кушанья?

Пѣв. Нѣтъ.

Пан. Что же еще? Что имъ дается въ придачу.

Пѣв. Говядина.

Пан. А еще что?

Пѣв. Свинина.

Пан. А еще что?

Пѣв. Гуси.

Пан. А еще?

Пѣв. Утки.

Пан. А еще?

Пѣв. Пѣтухи.

Пан. А какую имъ даютъ приправу?

Пѣв. Соль.

Пан. А на дессертъ?

Пѣв. Горчицу.

Пан. А на закуску?

Пѣв. Рисъ.

Пан. А еще что?

Пѣв. Молоко.

Пан. А еще что?

Пѣв. Горохъ.

Пан. Но про какой горохъ вы говорите?

Пѣв. Зеленый.

Пан. Чѣмъ вы его приправляете?

Пѣв. Свинымъ саломъ.

Пан. А фрукты?

Пѣв. Прекрасные.

Пан. Какіе?

Пѣв. Сырые.

Пан. А еще что?

Пѣв. Орѣхи.

Пан. Но пьютъ ли онѣ?

Пѣв. Здо́рово.

Пан. Что именно?

Пѣв. Вино.

Пан. Какое?

Пѣв. Бѣлое.

Пан. А зимою?

Пѣв. Вкусное.

Пан. А весною?

Пѣв. Крѣпкое.

Пан. А лѣтомъ?

Пѣв. Холодное.

Пан. А осенью во время сбора винограда?

Пѣв. Сладкое.

— Клянусь клобукомъ,—вскричалъ братъ Жанъ, — какія должны быть жирныя эти пѣвчія пташки, и какъ онѣ должны быть сговорчивы, когда ихъ такъ хорошо и сытно кормятъ!

— Постой,—сказалъ Панургъ. Дай кончить. Въ которомъ часу онѣ ложатся спать?

Пѣв. Ночью.

Пан. А когда встаютъ?

Пѣв. Днемъ.

— Вотъ,—сказалъ Панургъ, — поистинѣ, милѣйшій пѣвунъ, какого только я встрѣчалъ нынѣшній годъ. Дай Богъ и всѣ святые пѣвуны, чтобы онъ былъ первымъ президентомъ въ Парижѣ! Головой ручаюсь, друзья, какъ быстро разбиралъ бы онъ дѣла, какъ укорачивалъ бы тяжбы, какъ сокращалъ бы пренія, какъ живо опоражнивалъ бы мѣшки, просматривалъ документы и постановлялъ приговоры!

. . . . 1).

Но, замѣтили ли вы,—продожалъ Панургъ, улыбаясь,—какъ этотъ пѣвунъ рѣшителенъ, лаконичненъ и быстръ въ своихъ отвѣтахъ. Онъ произноситъ только односложныя слова. Я увѣ-

---

1) Вторая половина этого разговора не можетъ быть переведена по его крайнему неприличію.

ренъ, что онъ вишню разломитъ на три куска.

— Какъ бы да не такъ!—отвѣчалъ братъ Жанъ. Вы говорите про вишню, разломанную на три куска. Клянусь, чѣмъ хотите, что онъ баранью лопатку слопаетъ въ два глотка, а кварту вина проглотитъ залпомъ. Посмотрите, какой онъ тощій!

— Эта дрянь монахи,—сказалъ Эпистемонъ,—во всемъ мірѣ такіе же обжоры, хотя и говорятъ, что у нихъ ничего нѣтъ за душой, кромѣ жизни. Но, желалъ бы я знать, чѣмъ же бо́льшимъ могутъ похвалиться короли и вельможи?

XXIX.

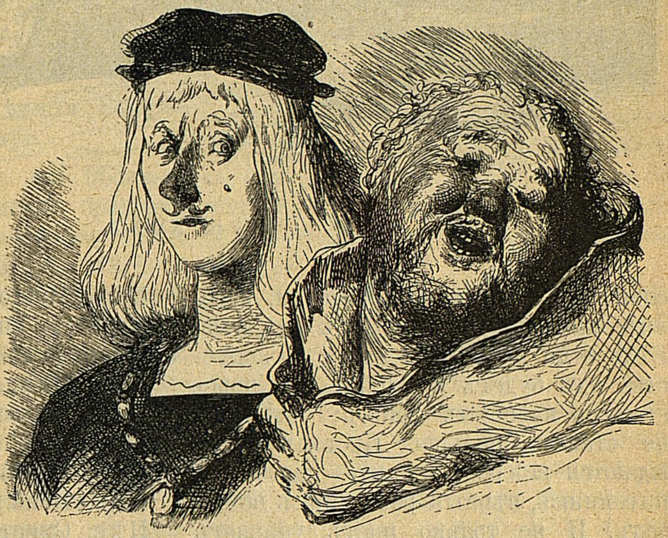
О томъ, что Эпистемонъ недоволенъ учрежденіемъ поста.

— Замѣтили ли вы,—сказалъ Эпистемонъ,—что этотъ злобный дуракъ пѣвунъ объявилъ намъ, что мартъ мѣсяцъ самый разгульный въ году?

— Да, — отвѣчалъ Пантагрюэль,— между тѣмъ въ этомъ самомъ мѣсяцѣ приходится постъ, который учрежденъ для обузданія страстей и умерщвленія плоти.

— А потому можете судить,—продолжалъ Эпистемонъ,—разумно ли поступилъ тотъ папа, который первый учредилъ его. Вѣдь этотъ негодный пѣвунъ признался намъ, что всего болѣе грѣшитъ во время поста, да и ученые медики утверждаютъ, что во всю остальную часть года не потребляется столько возбуждающей сладострастіе пищи, какъ во время поста: бобы, фасоль, горохъ, лукъ, орѣхи, устрицы, копченыя сельди, соленья и маринады, салаты изъ всякаго рода возбуждающихъ травъ, какъ-то: рута, крелъ, настурціи, макъ, хмѣль, фиги, рисъ и виноградъ.

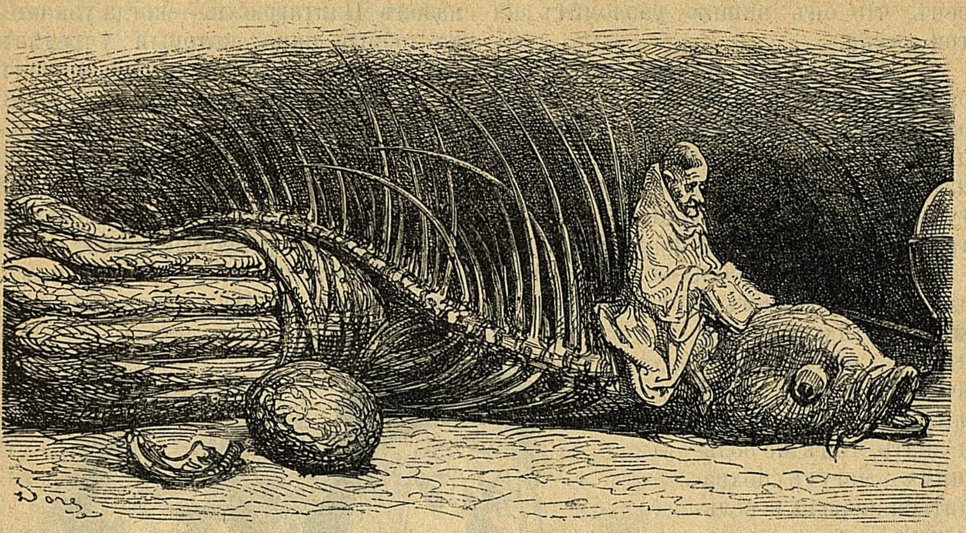
— Вы, конечно, очень удивитесь,—сказалъ Пантагрюэль,—когда узнаете, что добрый папа, который учредилъ постъ, затѣмъ именно и предписалъ употреблять такую пищу, которая способствуетъ разможенію рода человѣческаго, такъ какъ въ это время года теплота, которая во время зимы задерживается внутри тѣла, подобно тому, какъ и древесные соки, снова распредѣляется по всѣмъ членамъ. Меня навели на эту мысль метрическія записи въ Туарѣ, изъ которыхъ видно, что въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ родится гораздо больше дѣтей, чѣмъ въ остальные десять мѣсяцевъ, и которые всѣ были зачаты во время поста.



Къ гл. XXVIII-й.

— Я съ удовольствіемъ слушаю ваши рѣчи,—замѣтилъ братъ Жанъ,—но приходскій священникъ въ Жанбе приписывалъ этотъ значительный приростъ дѣтей вовсе не постной пищѣ, но стараніямъ нищенствующей братіи, босоногихъ проповѣдниковъ и исповѣдниковъ, которые отпугиваютъ мужей отъ женъ. Вотъ и весь сказъ.

— Толкуйте, — сказалъ Эпистемонъ,—учрежденіе поста, какъ вамъ вздумается: каждый понимаетъ его посвоему; но всѣ медики воспротивятся,— я это знаю, я отъ нихъ самихъ это



Къ гл. XXIX-й.

слышалъ,—его отмѣнѣ, которая, какъ мнѣ кажется, носится въ воздухѣ. Вѣдь если не будетъ поста, то искусство ихъ будетъ презрѣно; они перестанутъ наживать деньги: больныхъ не станетъ больше. Постомъ зарождаются всѣ болѣзни; это—настоящій питомникъ, вѣрный разсадникъ всѣхъ золъ. И не только постъ убиваетъ тѣло, но онъ еще губитъ и душу. Черти тогда стараются изо всей мочи. Пустосвяты выступаютъ на первый планъ. На улицѣ ханжей праздникъ: они судятъ, рядятъ, осуждаютъ, отлучаютъ отъ церкви и предаютъ анаѳемѣ. Я не хочу этимъ сказать, что арисматійцы [1]) лучше насъ, но говорю просто потому, что къ слову пришлось.

— Ну-ка, безтолковый пѣвунъ, что скажешь объ этомъ молодцѣ?—спросилъ Панургъ. Вѣдь его можно назвать еретикомъ?

Пѣв. И очень.

Пан. Не слѣдуетъ ли его сжечь на кострѣ?

Пѣв. Слѣдуетъ.

Пан. И, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше?

Пѣв. Точно такъ.

Пан. Но сперва не прокоптить ли его немножко?

Пѣв. Не надо.

Пан. А какимъ же образомъ его сжечь?

Пѣв. Живьемъ.

Пан. Пока не наступитъ?..

Пѣв. Смерть.

Пан. За то, что онъ васъ разсердилъ?

Пѣв. Увы!

Пан. Какъ вы его находите?

Пѣв. Глупымъ.

Пан. Глупымъ или безумнымъ?

Пѣв. Слишкомъ.

Пан. Чѣмъ бы вы хотѣли, чтобы онъ сталъ?

Пѣв. Пепломъ.

Пан. Другихъ такихъ жгли?

Пѣв. Многихъ.

Пан. Они были еретики?

Пѣв. Меньше.

Пан. И еще сожгутъ?

Пѣв. Многихъ.

Пан. Вы ихъ не помилуете?

Пѣв. Ни-ни.

Пан. Ихъ всѣхъ надо сжечь?

Пѣв. Надо.

— Не знаю, — сказалъ Эпистемонъ,—какое удовольствіе находите вы разсуждать съ этой дряною монахомъ; и если бы я раньше не былъ съ вами знакомъ, то составилъ бы о васъ нелестное мнѣніе.

---

[1]) Миѳологическій народъ, у которыхъ, по словамъ Плинія, былъ только одинъ глазъ. Полагаютъ, что подъ этимъ названіемъ Раблэ разумѣетъ реформатовъ.

— Ну вотъ еще, что за бѣда?—отвѣчалъ Панургъ. Я бы охотно отвезъ его къ Гаргантюа; онъ мнѣ нравится. Когда я женюсь, онъ бы служилъ моей женѣ шутомъ.

— Чего добраго, милымъ дружкомъ,—замѣтилъ Эпистемонъ.

— Вотъ тебѣ и закуска, бѣдный Панургъ,—засмѣялся братъ Жанъ,—ужъ тебѣ на роду написано стать рогоносцемъ.

XXX.

О томъ, какъ мы посѣтили Ковровую страну.

Довольные тѣмъ, что мы познакомились съ новой религіей братьевъ пѣвуновъ, мы, въ продолженіе двухъ дней, плыли по морю. На третій день нашъ штурманъ открылъ красивѣйшій и очаровательнѣйшій островъ изъ всѣхъ, какіе мы видѣли; его называли Фризовымъ островомъ, потому что дороги на немъ были изъ фриза. На этомъ островѣ находилась Ковровая страна, славившаяся между придворными пажами: въ ней деревья и трава никогда не лишались ни цвѣтовъ, ни листьевъ, которые были изъ камки и тисненаго бархата. Животныя и птицы были ковровыя. Тамъ мы видѣли нѣсколько животныхъ, птицъ и деревьевъ такихъ же, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, что касается фигуры, величины, толщины и цвѣта, но съ тою лишь разницею, что они ничего не ѣли и не пѣли и не кусались, какъ наши. Мы видѣли также нѣсколько такихъ, какихъ нигдѣ еще не видали: между прочимъ, разныхъ слоновъ въ разныхъ позахъ. Я замѣтилъ между ними шесть самцовъ и шесть самокъ, которые показывались въ Римѣ на театрѣ ихъ воспитателемъ, въ эпоху Германика, племянника императора Тиверія, — слоновъ ученыхъ, музыкантовъ, философовъ, танцоровъ, фокусниковъ и скомороховъ. Они сидѣли за столомъ, пили и ѣли, молча, точно добрые монахи за трапезой. У нихъ хоботъ длинною въ два локтя, называемый proboscis, которымъ они пьютъ воду и хватаютъ, какъ рукой, пальмовыя вѣтви, сливы и, вообще, все, что служитъ имъ въ пользу, а также обороняются имъ и въ битвѣ подбрасываютъ имъ людей высоко въ воздухѣ, такъ что при паденіи тѣ помираютъ со смѣху. У нихъ есть суставы и сочлененія въ ногахъ; тѣ, которые писали противное, никогда не видѣли ихъ, развѣ только на картинкахъ.

Между зубами у нихъ два большихъ рога; и именно рога, какъ называлъ ихъ Павзаній, а не зубы. Филостратъ утверждаетъ, что это зубы, а не рога; мнѣ же это все равно, лишь бы вы поняли; что это настоящая слоновая кость. Длиною они въ три или четыре локтя и сидятъ на верхней челюсти, а не въ нижней. Если вы вѣрите тѣмъ, кто говоритъ противное, то вы ошибаетесь, хотя бы то былъ великій враль Эліанъ[1]. Тамъ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, видѣлъ Плиній слоновъ, плясавшихъ на канатѣ подъ звонъ колокольчика и проходившихъ по столамъ во время пира, не мѣшая тѣмъ, кто за ними пировалъ.

Я видѣлъ тамъ носорога, походившаго, какъ двѣ капли воды, на того, котораго мнѣ показывалъ нѣкогда

---

[1] Натуралистъ III вѣка по Р. Х.

Къ гл. XXXI-й.

Генрихъ Клербергъ [1], и мало отличавшагося отъ кабана, котораго я видѣлъ въ былое время въ Лиможѣ, за исключеніемъ того, что у него былъ рогъ на лбу, величиною въ одинъ локоть и очень длинный. Вступая въ бой со слономъ, онъ прокалывалъ имъ его подъ брюхо (самая нѣжная и слабая часть тѣла у слона) и убивалъ его.

Я видѣлъ тридцать два единорога. Это—необыкновенно злой звѣрь, во всемъ похожій на лошадь, за исключеніемъ того, что у него голова какъ у оленя, ноги какъ у слона, хвостъ какъ у кабана, а на лбу острый, черный рогъ, длиною въ шесть или семь футовъ, который обыкновенно виситъ, какъ гребешокъ у индѣйскаго пѣтуха; но когда онъ собирается сражаться или, вообще, пустить его въ дѣло, то онъ у него напрягается и приподнимается...

Я видѣлъ тамъ Золотое Руно, отвоеванное Язономъ. Тѣ, которые говорили, что то были золотые яблоки, а не руно, потому что μῆλα значитъ яблоко и овца, плохо осматривали Ковровую страну.

Я видѣлъ хамелеона, какъ его описываетъ Аристотель и какъ мнѣ иногда показывалъ его Шарль Марѐ, ученый медикъ въ благородномъ городѣ Ліонѣ-на-Ронѣ; онъ питался однимъ воздухомъ и больше ничѣмъ.

Я видѣлъ тамъ трехъ гидръ, такихъ, какихъ видали во время-оно. Это—змѣи, и у каждой семь головъ.

Я видѣлъ четырнадцать фениксовъ. Я читалъ у различныхъ авторовъ, что ихъ бываетъ въ мірѣ всего по одному на столѣтіе; но, по моему слабому разумѣнію, тѣ, которые о нихъ писали, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ ихъ не видѣли, какъ только въ Ковровой странѣ, хотя бы даже самъ Лактанцій Фирміанъ. [2]

Я видѣлъ кожу золотого осла Апулея.

Я видѣлъ триста девять пеликановъ и другихъ птицъ. [3]

---

[1] Современникъ Раблэ.

[2] Знаменитый риторъ III вѣка.

[3] Тутъ Раблэ перечисляетъ всякихъ баснословныхъ животныхъ, о которыхъ упоминается у древнихъ писателей, преимущественно у Плинія. Но перечень этотъ не представляетъ никакого интереса и можетъ только утомить современнаго читателя.

XXXI.

О томъ, какъ въ Ковровой странѣ мы видѣли Наслышку, которая содержала школу свидѣтелей.

Проѣхавъ немного далѣе по Ковровой странѣ, увидѣли мы Средиземное море, которое разверзлось до дна, подобно тому какъ разверзлось Черное море для того, чтобы пропустить евреевъ, вышедшихъ изъ Египта. Тамъ я увидѣлъ Тритона, звонившаго въ большую раковину, Главка, Протея, Нерея и тысячу другихъ морскихъ боговъ и чудовищъ. Мы видѣли тоже множество рыбъ разной породы, пляшущихъ, летающихъ, сражающихся, пожиравшихъ добычу, охотившихся, ставившихъ засады, заключавшихъ перемиріе, торгующихся, ругающихся, веселящихся.

И въ углу, неподалеку, увидѣли Аристотеля съ фонаремъ въ рукѣ,— въ такой позѣ, въ какой изображаютъ пустынника около св. Христофора,— наблюдавшаго за всѣмъ, что происходило вокругъ, и заносившаго это въ свои записи. Позади него стояли, подобно присяжнымъ свидѣтелямъ, многіе другіе философы: Аппіанъ, Геліодоръ, Атеней, Нуменій, Поссейдонъ, Овидій, Оппіанъ, Олимпій, Селевкъ, Леонидъ, Агаѳоклъ, Теофрастъ, Дамостратъ, Нимфодоръ и еще пятьсотъ другихъ, располагавшихъ такимъ же досугомъ, какъ Хризиппъ или Аристархъ Сольскій, который провелъ пятьдесятъ восемь лѣтъ въ изученіи быта пчелъ, ничего другого не дѣлая. Между ними стоялъ и Пьеръ Жиль [1]. со стаканомъ въ рукѣ, погруженный въ изученіе урины этихъ прекрасныхъ рыбъ.

Послѣ продолжительнаго осмотра Ковровой страны, Пантагрюэль сказалъ:

— Ну, вотъ теперь глаза мои насытились, но въ желудкѣ у меня вой отъ голода.

— Чтожъ поѣдимъ чего - нибудь,— сказалъ я. Отвѣдаемъ вотъ этихъ анакамсеротовъ. [2] Фи! Какая гадость.

---

[1] Французскій натуралистъ, умер. 1555 г.

[2] Вымышленная трава, возвращающая прошедшую любовь.

Итакъ я взялъ нѣсколько плодовъ, висѣвшихъ на коврѣ, но не могъ ихъ ни разжевать, ни проглотить; всякій, кто отвѣдалъ бы ихъ, поклялся, что они сотканы изъ шелка, и не имѣютъ никакого вкуса. Можно было бы подумать, что они навели Геліогабала на мысль предложить голоднымъ гостямъ своимъ, — которымъ онъ обѣщалъ великолѣпный, обильный, царскій банкетъ — кушанья изъ воска, мрамора, глины, и узорчатой ткани.

Разыскивая чего бы намъ поѣсть, услышали мы вдали сильный, но неопредѣленный шумъ, въ родѣ того, какой производятъ женщины, стирая бѣлье, или мельницы въ Тулузѣ. Не долго думая, мы направились туда и увидѣли маленькаго, горбатаго старичка, безобразнаго калѣку. Его звали: Наслышка. Ротъ у него былъ до ушей, а во рту болталось семь языковъ, и каждый языкъ былъ разсѣченъ на семь частей. Этими языками онъ болталъ одновременно на разныхъ языкахъ и о разныхъ вещахъ. При этомъ, какъ на головѣ, такъ и на всемъ остальномъ тѣлѣ у него было столько ушей, сколько у Аргуса глазъ; въ довершеніе онъ былъ слѣпъ и разбитъ на ноги.

Вокругъ него я увидѣлъ безчисленное множество мужчинъ и женщинъ, внимательно слушавшихъ, и нѣкоторые изъ нихъ казались очень приличными на видъ, а одинъ держалъ въ рукахъ карту земного шара и объяснялъ имъ ее краткими афоризмами, и они въ нѣсколько часовъ времени становились удивительно учеными людьми и могли говорить съ увѣренностью и знаніемъ дѣла о такихъ вещахъ, для изученія сотой доли которыхъ не хватило бы человѣческой жизни: о Пирамидахъ, о Нилѣ, о Вавилонѣ, о Троглодитахъ, о Гимантоподахъ, о Гиперборейскихъ горахъ, о всѣхъ чертяхъ... и все по наслышкѣ.

Тамъ я видѣлъ, по моему мнѣнію, Геродота, Плинія, Солина, Верозія, Филострата, Мела, Страбона и многихъ другихъ древнихъ; кромѣ того, Альберта Великаго, Петра Мученика, папу Пія II, Волатерана, Паоло Джовіо, мужественнаго человѣка, Жака Картье, Хайтона армянина, Марко Поло венеціанца, Людовика Романуса, Петра Альвареца, и не знаю еще сколько, новѣйшихъ историковъ, спрятанныхъ за Ковровой занавѣсью и исподтишка писавшихъ свои розсказни и все по-наслышкѣ.

Позади бархатнаго ковра съ затканными листьями мяты я увидѣлъ около Наслышки многое множество Першероновъ [1]) и Мансовъ [2]), добрыхъ студентовъ, довольно еще молодыхъ. Спросивши у нихъ, на какомъ факультетѣ они учатся, услышали отъ нихъ, что они здѣсь отъ юности своея учатся быть свидѣтелями и такъ отлично усваиваютъ себѣ это искусство, что, вернувшись въ свою провинцію, честно снискиваютъ себѣ пропитаніе ремесломъ свидѣтельскимъ, свидѣтельствуя обо всемъ на свѣтѣ, по вольному найму и за наибольшую плату, и все по-наслышкѣ. Говорите, что хотите, но они отрѣзали намъ хлѣба отъ своей ковриги и дали напиться изъ своего бочонка. Послѣ того дружески предостерегли насъ—какъ можно болѣе скупиться на правду, если хочемъ пробиться при дворѣ знатныхъ господъ.

XXXII.

О томъ, какъ мы открыли Фонарную страну.

Плохо принятые и плохо накормленные въ Ковровой странѣ, плыли мы по морю въ продолженіе трехъ дней. На четвертый, спозаранку, приблизились къ Фонарной странѣ. Подходя, увидѣли на морѣ блуждающіе огоньки. Съ своей стороны, я подумалъ, что это не фонари, а свѣтящіяся рыбы, въ родѣ свѣтляковъ, которыхъ можно видѣть на моей родинѣ по вечерамъ, когда созрѣетъ овесъ. Но штурманъ предупредилъ насъ, что это фонари дозорной стражи, которая сторожила границы и конвоировала нѣсколькихъ иностранныхъ фонарщиковъ, которые, какъ добрые францисканцы и якобинцы, шли, чтобы предстать передъ провинціальнымъ капитуломъ. Мы, однако, боялись, не суть ли то предвѣстники бури; но онъ увѣрялъ насъ, что это такъ, какъ онъ сказалъ.

---

[1]) Жители провинціи Першъ.

[2]) Жители Манса.

XXXIII.

О томъ, какъ мы сошли въ портѣ Свѣтляковъ и вступили въ Фонарную землю.

Вскорѣ мы вошли въ Фонарный портъ. Тамъ Пантагрюэль узналъ на высокой башнѣ фонарь изъ Ла-Рошели, который намъ ярко свѣтилъ. Мы видѣли также фонари Фароса, Навпліи и Акрополиса въ Аѳинахъ, посвященнаго Палладѣ. Возлѣ порта находится небольшое селеніе, обитаемое Свѣтляками; эти люди кормятся на счетъ фонарщиковъ, подобно тому какъ въ нашихъ краяхъ братья бѣльцы [1]) живутъ на счетъ монахинь,—они очень хорошіе и трудолюбивые люди. Демосѳенъ нѣкогда свѣтилъ въ этихъ краяхъ. Изъ этого мѣста насъ проводили до дворца трое Обелисковъ съ Фонарями наверху, служащими маякомъ. Это—военная портовая стража въ высокихъ шапкахъ, какъ у албанцевъ, которой мы сообщили о причинахъ нашего путешествія и цѣли его, заключавшейся въ желаніи получить отъ королевы Фонарной страны Фонарь, который бы освѣщалъ намъ путь и служилъ путеводителемъ по дорогѣ къ Оракулу Бутылки. Они обѣщали намъ это очень охотно, прибавивъ, что мы пріѣхали весьма кстати, такъ какъ можемъ выбрать любой изъ Фонарей, изъ тѣхъ, что собрались на провинціальный капитулъ.

Прибывъ въ королевскій дворецъ, были представлены двумя почетными Фонарями, а именно: Фонаремъ Аристофана и Фонаремъ Клеанта, королевѣ, которой Панургъ изложилъ кратко, на фонарномъ языкѣ, цѣль нашего путешествія. Она хорошо приняла насъ и пригласила присутствовать на ея ужинѣ, чтобы легче выбрать себѣ путеводителя. Мы были этимъ очень довольны и не преминули за всѣмъ наблюдать и все отмѣтить, какъ по части ихъ жестовъ, платья и манеры себя держать, такъ и порядка службы.

Королева была одѣта въ горномъ хрусталѣ, отдѣланномъ большими брилліантами. Знатные Фонари были одѣты, кто въ стразы, кто въ слюду; остальные одѣты были въ рогъ, бумагу и клеенку.

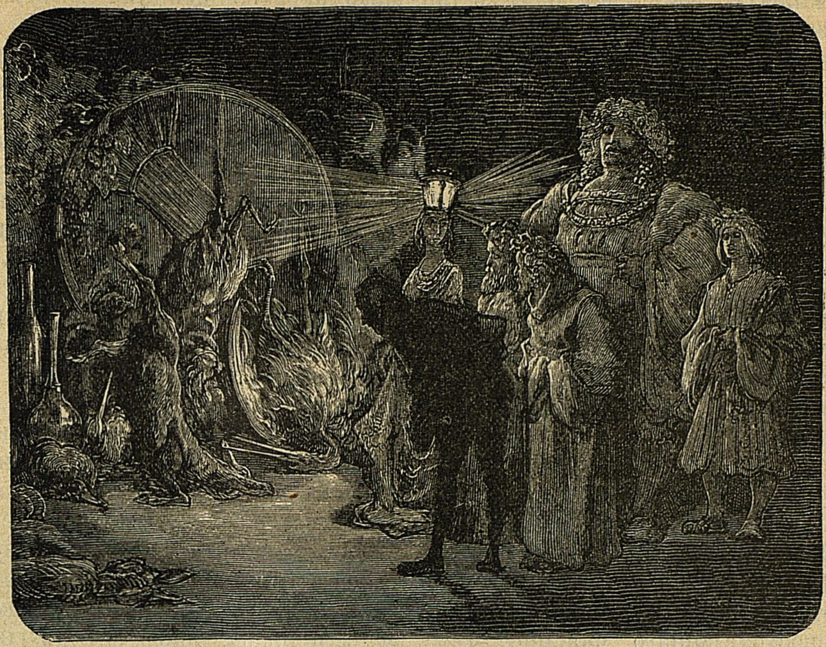
Большіе фонари тоже были одѣты сообразно древности ихъ рода. Но вдругъ я увидѣлъ Фонарь изъ глины, точно горшокъ, но въ числѣ самыхъ пышныхъ. Такъ какъ я удивился этому, то мнѣ сказали, что это Фонарь Эпиктета, за который во время оно напрасно предлагали три тысячи драхмъ.

Внимательно осматривалъ я фасонъ и нарядъ много-фитильнаго Фонаря Марціала, и, того пуще, двадцати-фитильный Фонарь, который нѣкогда посвятила богамъ Канопа дочь Тизія. Я отлично замѣтилъ также висячій Фонарь, похищенный въ Ѳивахъ изъ храма Аполлона Палатинскаго и перевезенный впослѣдствіи въ эолійскій городъ Кимы Александромъ Македонскимъ. Мнѣ бросился также въ глаза Фонарь, на головѣ котораго красовалась пунцовая шелковая кисть, и мнѣ сказали, что это Бартолусъ, Фонарь Права. Кромѣ того, я замѣтилъ еще два Фонаря, потому что у нихъ на кушакѣ висѣла клистирная трубка, и мнѣ говорили, что это большой и малый аптекарскіе Фонари.

Когда наступилъ часъ ужина, королева сѣла на первое мѣсто, а за нею остальные, смотря по рангу и достоинству. Первымъ кушаньемъ всѣмъ поданы были большія сальныя свѣчи, за исключеніемъ королевы, которой подали большую и ярко зажженную свѣчу изъ бѣлаго воска, на концѣ красную. То же подали также и Фонарямъ царской крови, а провинціальному Фонарю Мирабалэ подали орѣховую свѣчу; провинціальному Фонарю Нижняго-Пуату подали вооруженную свѣчу. И, Богъ вѣсть, какимъ свѣтомъ засвѣтились они послѣ этого! Исклю-

---

[1]) Братья бѣльцы содержались, по указу папы, монахинями, не имѣвшими своихъ доходовъ, и собирали для нихъ милостыню.



Къ гл. XXXIV-й.

ченіе составляли при этомъ нѣсколько молодыхъ Фонарей, находившихся подъ управленіемъ одного большого Фонаря. Они свѣтили, не какъ другіе, и показались мнѣ безпутными. Послѣ ужина мы удалились на покой. На другое утро королева дала намъ выбрать въ путеводители одинъ изъ самыхъ отборныхъ Фонарей. И послѣ того мы откланялись ей.

XXXIV.

О томъ, какъ мы явились къ Оракулу Бутылки.

Подъ веселымъ освѣщеніемъ и руководствомъ нашего благороднаго Фонаря, прибыли мы на желанный островъ, гдѣ находился Оракулъ Бутылки. Сойдя на землю, Панургъ перевернулся на одной ножкѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ Пантагрюэлю:

Сегодня мы достигли того, къ чему стремились съ такимъ трудомъ и всяческими препонами.

Послѣ того вѣжливо простился съ нашимъ Фонаремъ. Этотъ послѣдній посовѣтовалъ намъ всѣмъ не терять надежды и ничего не пугаться, что бы мы ни увидѣли.

Подходя къ храму божественной Бутылки, мы должны были пройти черезъ большой виноградникъ, состоявшій изъ всякаго рода лозы, какъ-то: Фалернской, Мальвуазіи, Мускатъ, Тахо, Бонъ, Мирво, Орлеанъ, Пикардія, Арбуа, Кусси, Анжу, Гоаръ, Корсика, Віерронъ, Неракъ и пр. Этотъ виноградникъ насаженъ былъ самимъ Бахусомъ и, по его благословенію, приносилъ за-разъ, во всякое время, листья, цвѣты и фрукты, подобно апельсиннымъ деревьямъ въ Сиренѣ[1]). Нашъ великолѣпный Фонарь посовѣтовалъ намъ съѣсть по три виноградинки на человѣка, устлать виноградными листьями наши башмаки и взять зеленую вѣтку въ лѣвую руку. Въ концѣ виноградника мы прошли подъ древней аркой, на которой виденъ былъ трофей пьяницы, прекрасно вырѣзанный, а именно: длинный рядъ флаконовъ, бутылей, бутылокъ, бутылочекъ, бочонковъ, бочекъ, горшковъ, штофовъ и античныхъ вазъ, висѣвшихъ на тѣнистомъ трельяжѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы увидѣли огромное количество чесноку, луку, шарлотокъ, свиныхъ окороковъ, икры, копченыхъ бычьихъ языковъ и тому подобныхъ лакомствъ, переплетенныхъ виноградной лозой и очень искусно увитыхъ виноградомъ. Въ другомъ мѣстѣ находились стаканы на ножкахъ, стаканы безъ ножекъ, кубки, бокалы, ендовы, кружки, рюмки и тому подобная вакхическая артиллерія, насчитывавшая до ста различныхъ фасоновъ. Напротивъ арки на зоофорахъ стояла надпись изъ двустишія.

---

[1]) Королевскій паркъ.

Проходя въ эту калитку,
Запасись добрымъ фонаремъ!

— Это дѣло у насъ въ порядкѣ,—сказалъ Пантагрюэль,—потому что во всей Фонарной странѣ не найти лучшаго и превосходнѣйшаго Фонаря, чѣмъ нашъ.

Арка кончалась прекрасной и просторной бесѣдкой, сплетенной изъ виноградной лозы и украшенной виноградомъ пятисотъ различныхъ цвѣтовъ и пятисотъ различныхъ формъ, не природныхъ, но добытыхъ искусствомъ земледѣлія: желтымъ, голубымъ, сѣрымъ, синимъ, бѣлымъ, чернымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, пятнистымъ, длиннымъ, круглымъ, треугольнымъ, яйцеобразнымъ, зубчатымъ, раковиднымъ, гладкимъ, щетинистымъ. Конецъ ея былъ затянутъ тремя древними плющами, яркозелеными и покрытыми кольцами. Тамъ нашъ именитѣйшій Фонарь приказалъ намъ свить изъ этого плюща каждому по албанской шапкѣ и накрыть ею голову, что и было немедленно исполнено.

— Подъ такой виноградной кровлей,—сказалъ Пантагрюэль,—не прошелъ бы во время-óно первосвященникъ Юпитера.

— Причина тому мистическая,—отвѣчалъ нашъ просвѣщенный Фонарь. Ибо, проходя подъ нею, онъ имѣлъ бы надъ головой вино, то есть виноградъ, и могло бы показаться, что онъ находится во власти вина, между тѣмъ какъ первосвященники и всѣ лица, посвятившія себя созерцанію божественныхъ вещей, должны сохранять спокойствіе духа и невозмутимость чувствъ, такъ какъ ничто такъ не возмущаетъ ихъ, какъ опьяненіе.

И вы также не были бы допущены въ храмъ божественной Бутылки, если бы благородная первосвященница Бакдюкъ не увидѣла, что ваши башмаки набиты виноградными листьями, а это означаетъ состояніе, діаметрально противоположное опьяненію, доказывая, что вы презираете вино и попираете его ногами.

— Къ сожалѣнію, я не ученый,— сказалъ братъ Жанъ,—но я нахожу въ моемъ требникѣ, что въ Апокалипсисѣ сказано про видѣніе женщины, у которой луна была подъ ногами, а это означаетъ, какъ мнѣ объяснилъ Биго, что она не такой породы и нрава, какъ всѣ другія женщины, у которыхъ, наоборотъ, луна въ головѣ, вслѣдствіе чего умъ у нихъ лунатическій. Мнѣ легко поэтому повѣрить тому, что вы говорите, дружище Фонарь.

XXXV.

О томъ, какъ мы спустились подъ землю, чтобы войти въ храмъ Бутылки, и какимъ образомъ Шинонъ первый городъ въ мірѣ.

И вотъ мы спустились подъ землю черезъ своды, выложенные гипсомъ, на стѣнахъ котораго довольно грубо намалевана была пляска женщинъ съ Сатирами, въ сопровожденіи старика Силена, хохотавшаго, сидя верхомъ на ослѣ.

Тутъ я сказалъ Пантагрюэлю:

— Этотъ входъ приводитъ мнѣ на память размалеванный погребъ перваго города въ мірѣ, ибо въ немъ картины точь-въ-точь такія же, какъ здѣшнія.

— Гдѣ же находится этотъ первый городъ, про который вы говорите— спросилъ Пантагрюэль.

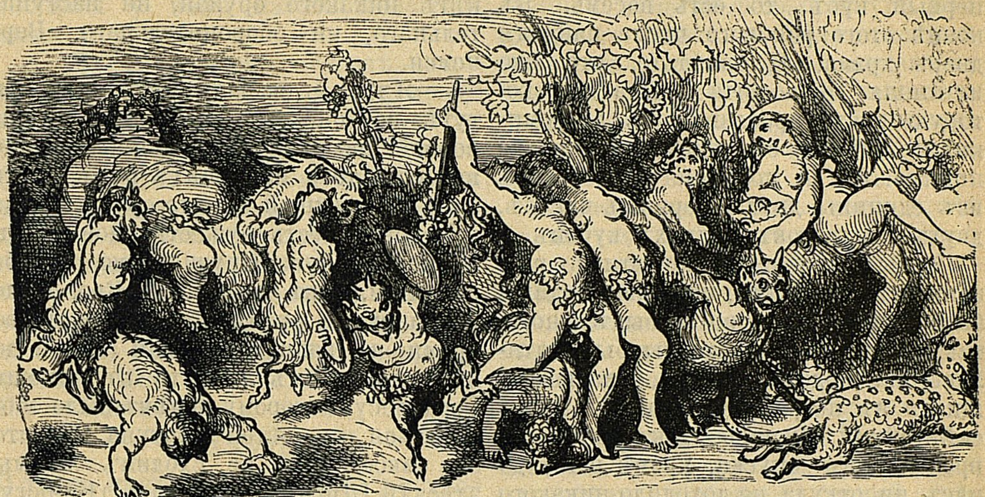
— Шинонъ,— отвѣчалъ я, — или Каи нонъ въ Туренѣ.

— Я знаю, гдѣ Шинонъ,—сказалъ

Пантагрюэль,—и гдѣ размалеванный погребъ. Я не однажды пилъ тамъ свѣжее вино и нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Шинонъ—древній городъ; его гербъ свидѣтельствуетъ объ этомъ; въ немъ двоекратно или троекратно говорится: Шинонъ, небольшой, но славный городъ построенъ на древней скалѣ; въ головахъ у него лѣсъ, а въ ногахъ Віенна. Но почему бы онъ былъ первымъ городомъ въ мірѣ? Гдѣ это написано? Какія у васъ на то доказательства?

— Я нашелъ,—сказалъ я,—что въ Священномъ Писаніи сказано, что Каинъ былъ первымъ строителемъ городовъ; значитъ можно, съ достовѣрностью, допустить, что онъ назвалъ своимъ именемъ первый городъ, подобно тому какъ послѣ того, въ подражаніе ему, всѣ другіе основатели и строители городовъ называли ихъ своими именами. Аѳина, что значитъ по римски Минерва, — Аѳины, Александръ—Александрію, Константинъ—Константинополь, Помпей — Помпеіополисъ въ Киликіи, Адріанъ—Адріанополь, Ассуръ — Ассирію, Птолемаида, Цезарея, Тиберіумъ, Геродіумъ въ Іудеѣ.

Пока мы такъ бесѣдовали, вышелъ Флаконъ (нашъ Фонарь величалъ его философомъ), губернаторъ божественной Бутылки, въ сопровожденіи храмовыхъ стражниковъ, которые всѣ были французскими флакончиками. Когда онъ увидѣлъ, что мы держимъ въ рукахъ тирсы, а головы у насъ, какъ я уже говорилъ, увѣнчаны плющомъ, и когда онъ призналъ нашъ именитый Фонарь, то ввелъ насъ безпрепятственно и приказалъ, чтобы насъ отвели прямо къ принцессѣ Бакбюкъ, статсъ-дамѣ Бутылки и первосвященницѣ всѣхъ таинствъ. Что и было исполнено.



Къ гл. XXXV-й.

XXXVI.

О томъ, какъ мы спустились по четвернымъ ступенькамъ и какъ Панургъ испугался.

Итакъ мы спустились по мраморнымъ ступенькамъ подъ землю и остановились на площадкѣ; повернувъ налѣво, спустились еще съ двухъ ступенекъ и опять очутились на площадкѣ; затѣмъ новыхъ три ступеньки и площадка; еще четыре ступеньки и площадка.

Тутъ Панургъ спросилъ:

— Мы дошли до мѣста?

— Сколько ступенекъ вы насчитали?—спросилъ нашъ великолѣпный Фонарь.

— Разъ, двѣ, три, четыре,— отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Сколько это составитъ? — спросилъ Фонарь.

— Десять,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Посредствомъ той же пиѳагорейской четверной системы умножьте произведеніе,—сказалъ Фонарь.

— Получится десять, двадцать, тридцать, сорокъ,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Сколько въ цѣломъ?—спросилъ Фонарь.

— Сто,—отвѣчалъ Пантагрюэль.

— Прибавьте, —сказалъ фонарь,— первый кубъ, то есть восемь. Въ концѣ этого рокового числа найдемъ дверь храма. И замѣтьте, что это истинная Психологія [1]) Платона, которую такъ прославляютъ академики и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плохо понимаютъ. А половина ея состоитъ изъ единицы двухъ первыхъ чиселъ, двухъ квадратовъ и двухъ кубовъ.

Чтобы спускаться по этимъ подземнымъ ступенямъ, намъ необходимы были двѣ вещи: во-первыхъ, ноги, такъ какъ безъ нихъ мы бы скатились, на подобіе бочекъ, скатывающихся въ погребъ; во вторыхъ, нашъ свѣтлѣйшій Фонарь, такъ какъ во время этого спуска, кромѣ него, до насъ ни откуда не доходило никакого свѣта, точно мы были въ ямѣ св. Патрика въ Ирландіи или во рву Трофонія въ Віотіи.

Спустившись съ семидесяти восьми ступенекъ, Панургъ вскричалъ, обращаясь къ нашему свѣтлому Фонарю:

— Великолѣпная дама. [2]) Умоляю васъ трепетнымъ сердцемъ, вернемся назадъ! Клянусь скотскимъ падежомъ, я умираю отъ страха! Я лучше согласенъ совсѣмъ не жениться; вы столько трудовъ и хлопотъ приняли изъ-за меня. Богъ воздастъ вамъ за это на Страшномъ Судѣ, да и я не буду неблагодаренъ, когда выберусь изъ этой пещеры Троглодитовъ. Вернемся, молю васъ! Я, право, думаю, что здѣсь Тенеросъ [1]), черезъ который спускаются въ адъ, и мнѣ кажется, что я уже слышу лай Цербера. Послушайте, вѣдь это онъ лаетъ, или у меня въ ушахъ звенитъ. Я его нисколько не почитаю, потому что нѣтъ худшей зубной боли, какъ тогда, когда собаки кусаютъ намъ ноги. Если здѣсь ровъ Трофонія, то лемуры и гномы живыми сожрутъ насъ, какъ нѣкогда они сожрали одного изъ копьеносцевъ Димитрія, за недостаткомъ лучшаго кушанья. Здѣсь ли ты, братъ Жанъ? Умоляю тебя, мой пузанчикъ, держись, стой возлѣ меня, я умираю отъ страха. Съ тобою ли твой мечъ? Вѣдь у меня нѣтъ никакого оружія, ни наступательнаго, ни оборонительнаго. Вернемся.

— Я тутъ,—сказалъ братъ Жанъ,—я тутъ, не бойся. Я держу тебя за шиворотъ; восемнадцать дьяволовъ не вырвутъ тебя изъ моихъ рукъ, хоть ты и безоружный. На что оружіе, когда у человѣка есть мужественное сердце и сильная рука? Оружіе само съ неба свалится, какъ на поляхъ Кро, около Маріанскихъ рвовъ въ Провансѣ, во время-óно валились камни (они и до сихъ поръ тамъ лежатъ), въ помощь Геркулесу, которому нечѣмъ было обороняться отъ дѣтей Нептуна. Но что это такое? Ужъ не сходимъ ли мы здѣсь in Limbus infantum [2]) Ей-богу, они насъ всѣхъ обдѣлаютъ! Идемъ что-ли въ адъ, къ чертямъ! Клянусь Богомъ, я ихъ отдѣлаю на всѣ корки, теперь, когда у меня башмаки набиты виноградными листьями. Гдѣ они? Давайте ихъ сюда! Я боюсь только ихъ роговъ. Но рога, которые будетъ носить Панургъ женатый, меня отъ нихъ вполнѣ предохранятъ. Я уже вижу его въ пророческомъ прозрѣніи какъ второго Актеона, рогатымъ, рогоносцемъ, рогачемъ.

— Берегись, frater,—сказалъ Панургъ,—чтобы, когда выйдетъ разрѣшеніе монахамъ жениться, тебѣ не попалась въ жены одна изъ сестеръ лихоманокъ. Вѣдь если я выберусь отсюда цѣлъ и невредимъ, то я и ее собью съ толку того ради, чтобы приставить тебѣ рога, потому что сама по себѣ лихоманка пакостная штука. Мнѣ припоминается, что Котъ-Мурлыка хотѣлъ было дать тебѣ ее въ жены, да ты обозвалъ его еретикомъ.

---

[1]) Ученіе о зарожденіи души.

[2]) Фонарь—lanterne франц. женскаго рода.

[1]) Мысъ въ Лаконіи, гдѣ, по мнѣнію древнихъ, находился входъ въ подземный міръ.

[2]) Мѣсто при адѣ для некрещеныхъ дѣтей.

Тутъ наши разговоры были прерваны нашимъ великолѣпнымъ Фонаремъ, который объявилъ намъ, что мѣсто, гдѣ мы находимся, слѣдуетъ почтить молчаніемъ и безмолвіемъ. Къ этому онъ присовокупилъ, что теперь мы не можемъ уже вернуться безъ разрѣшенія Бутылки, такъ какъ башмаки у насъ набиты виноградными листьями.

— Ну, такъ идемъ впередъ,—сказалъ Панургъ,—и ринемся съ головой во всѣ опасности. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Хотя я все-таки предпочелъ бы умереть въ какомъ-нибудь сраженіи. Ну же, премъ дальше! Я совсѣмъ расхрабрился; хотя, по правдѣ сказать, сердце у меня бьется, но это отъ холода и сырости этого погреба. Но не отъ страха, нѣтъ, и не отъ лихорадки. Премъ, премъ, дальше! Меня зовутъ Вильгельмомъ Безстрашнымъ.

XXXVII.

О томъ, какъ двери храма растворились сами.

Въ концѣ лѣстницы мы нашли портретъ изъ красивой яшмы въ дорическомъ вкусѣ. Напротивъ него стояла слѣдующая надпись, золотыми, іоническими буквами: Εν οἶνφ ἀλήθεια, то-есть «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ». Обѣ половинки дверей были изъ коринѳской мѣди, массивныя съ небольшими выпуклыми виньетками и изящной эмалью, гдѣ того требовала скульптура. Онѣ были плотно закрыты, хотя не видно было ни замка, ни ключа и никакого запора. На нихъ висѣлъ только индійскій брилліантъ, величиной съ египетскій бобъ, въ золотой оправѣ, шестигранный и прямой. Съ каждой стороны около стѣны висѣло по пучку чесноку.

Тутъ нашъ благородный Фонарь объявилъ намъ, что мы должны извинить его, если онъ откажется сопровождать насъ далѣе; но мы должны подчиниться инструкціямъ первосвященницы Бакбюкъ: ему не дозволяется войти по причинамъ, которыхъ лучше не открывать смертнымъ людямъ. Но, на всякій случай, совѣтовалъ намъ сохранить присутствіе духа, ничего не бояться и довѣриться ему на возвратномъ пути. Послѣ того онъ вынулъ брилліантъ, висѣвшій у дверей, и вложилъ его въ серебряную скобку, нарочно для того устроенную; вынулъ изъ-подъ порога каждой половинки двери шелковый шнуръ, карназиннаго цвѣта и полуторасаженной длины, къ которому привязанъ былъ чеснокъ, перебросилъ ихъ сбоку въ два для этого приспособленныхъ золотыхъ кольца и отступилъ назадъ.

Тотчасъ же, и безъ того, чтобы кто-нибудь къ нимъ притронулся, двери сами собой раскрылись, но не со скрипомъ и сотрясеніемъ, какъ это, обыкновенно, бываетъ съ тяжелыми мѣдными дверями, но съ мягкимъ и пріятнымъ звукомъ, который отозвался въ сводахъ храма и происхожденіе котораго Пантагрюэль немедленно постигъ; ибо на нижнемъ краѣ каждой изъ обѣихъ половинокъ дверей замѣтилъ онъ маленькій цилиндръ, проходившій подъ порогомъ и достигавшій двери; и въ то время, какъ дверь повернулась къ стѣнѣ, вслѣдствіе тренія о твердый и гладко отполированный кусокъ пестраго мрамора, онъ издавалъ тотъ пріятный, мелодическій звукъ. Меня очень удивляло, что обѣ половинки дверей раскрылись сами самой, безъ посторонней помощи, и, когда мы вошли, я оглядѣлъ двери и стѣну, чтобы узнать, какая сила и какое устройство держали ихъ закрытыми... Я думалъ, что нашъ прекрасный Фонарь приложилъ къ нимъ вышеупомянутую эѳіопскую траву, посредствомъ которой отмыкаютъ всѣ запоры. Но вдругъ увидѣлъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ смыкаются двери, на внутренней филенкѣ пластинку изъ полированной стали, вставленную въ коринѳскую бронзу.

Мало того, я увидѣлъ двѣ доски изъ индійскаго магнита, величиной и толщиной въ ладонь; онѣ были зеленаго цвѣта, гладко ополированы и вправлены въ стѣну, въ томъ мѣстѣ, гдѣ раскрытыя половинки дверей соприкасались со стѣной.

Такимъ образомъ, въ силу сокровеннаго и удивительнаго закона природы, притягательная сила магнита, дѣйствуя на стальныя доски, приводила въ движеніе двери, но лишь тогда, когда былъ удаленъ вышеупомянутый брилліантъ, близость котораго парализировала сталь и мѣшала ей слѣдовать естественному влеченію къ магниту. По той же причинѣ удалены были оба пучка чесноку, которые нашъ веселый Фонарь подвѣсилъ къ сторонѣ на кармазинномъ шнурѣ, потому что эта трава парализируетъ магнитъ и мѣшаетъ его притягательной силы.

На одной изъ вышеупомянутыхъ досокъ, справа, отмѣнно вырѣзанъ былъ латинскими буквами слѣдующій шестистопный ямбическій стихъ:

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt.

(Покорнаго ведетъ судьба, непокорнаго она толкаетъ).

На другой doскѣ, слѣва, я увидѣлъ слѣдующую надпись высѣченную прописными буквами:

КОНЕЦЪ ВѢНЧАЕТЪ ДѢЛО.

XXXVIII.

О томъ, что полъ храма былъ вымощенъ эмблемами.

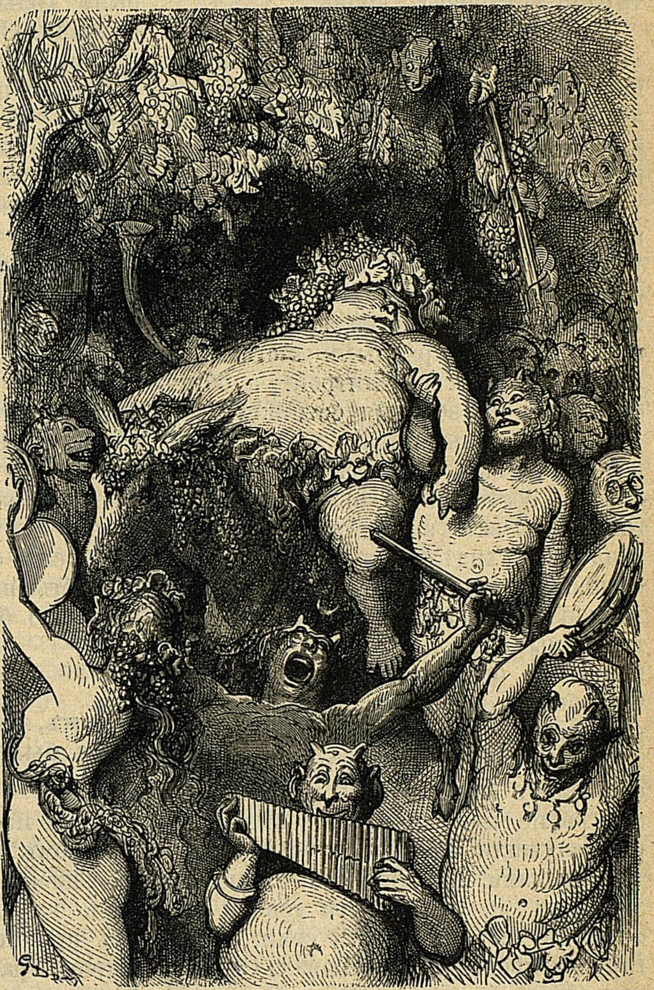
Прочитавъ эти надписи, я принялся разглядывать великолѣпный храмъ и дивился невѣроятному полу, съ которымъ не можетъ сравниться никакое другое произведеніе искусства въ подлунномъ мірѣ: ни полъ въ храмѣ Фортуны въ Пренестѣ во времена Суллы, ни греческій полъ, именуемый Asarolum, который сдѣлалъ Созистратъ въ Пергамѣ. Онъ былъ мозаичный и составленъ изъ небольшихъ четыреугольниковъ; всѣ они состояли изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, отполированныхъ и натуральнаго цвѣта. Одинъ былъ изъ красной яшмы съ красивыми пятнами; другой—изъ пятнистаго мрамора; третій—изъ порфира; четвертый—изъ кошачьяго глаза, усыпаннаго золотыми искрами, не больше атомовъ. Иные были изъ агата съ неправильнымъ сіяніемъ, молочнаго цвѣта; другіе—изъ очень дорогого халцедона; иные—изъ зеленой яшмы съ красными и желтыми жилками и положены были по діагональной линіи.

Подъ портикомъ мозаика пола представляла собою различныя эмблемы. Составленная изъ небольшихъ камешковъ натуральнаго цвѣта, она казалась какъ бы небрежно усыпанною виноградной лозой; въ одномъ мѣстѣ ея было много, въ другомъ мало, но лоза виднѣлась повсемѣстно, и въ полу-свѣтѣ диковинно было видѣть улитокъ, ползавшихъ по винограду, или маленькихъ ящерицъ, бѣгавшихъ по лозѣ; на другихъ виднѣлся виноградъ еще недозрѣлый, а мѣстами и совсѣмъ созрѣвшій, и исполнено все это было съ такимъ искусствомъ и такъ живо, что легко могло обмануть воробьевъ и другихъ пичужекъ, не хуже, чѣмъ картины Зевксиса изъ Гераклеи. Какъ бы то ни было, а мы были введены въ заблужденіе, ибо осторожно шагали тамъ, гдѣ архитекторъ не пожалѣлъ виноградной лозы, и боялись споткнуться, какъ это бываетъ, когда проходишь по неровному или каменистому мѣсту. Послѣ я сталъ созерцать своды храма и стѣны, выложенныя мраморомъ и порфиромъ, съ мозаикой, представлявшей интереснѣйшія эмблемы съ одного конца до другого; на нихъ изображено было, начиная слѣва отъ входа, съ невѣроятнымъ изяществомъ, сраженіе, которое добрый Бахусъ выигралъ у индійцевъ, въ такомъ родѣ, какъ ниже слѣдуетъ.

XXXIX.

О томъ, какъ изображено было на мозаикѣ храма сраженіе, которое Бахусъ выигралъ у индійцевъ.

Прежде всего глазамъ представлялись различные города, селенія, за́мки, крѣпости, поля и лѣса, объятые пламенемъ. Кромѣ того, виднѣлись также разныя озвѣрѣлыя и распутныя женщины, которыя яростно разрывали на части живыхъ телятъ, барановъ и овецъ и пожирали ихъ мясо. Этимъ намъ показывали, что Бахусъ, вступивъ въ Индію, предалъ все огню и мечу.



Къ гл. XXXIX-й.

Несмотря на это, индійцы такъ презрительно отнеслись къ нему, что не удостоили выйти ему навстрѣчу, такъ какъ лазутчики донесли имъ, что его войско состоитъ не изъ воиновъ, но изъ одного старичка, изнѣженнаго и вѣчно пьянаго, котораго сопровождаютъ молодые поселяне, голые, непрерывно пляшущіе и скачущіе, съ хвостами и рогами, какъ у козлятъ, и толпа пьяныхъ женщинъ. Поэтому рѣшено было пропустить ихъ, не оказывая вооруженнаго сопротивленія, такъ какъ къ стыду послужитъ, а не къ славѣ, къ позору и безчестію, а не къ чести и доблести, одержать побѣду надъ такими людьми. И, благодаря этому пренебреженію, Бахусъ шелъ все дальше, предавая все пламени, такъ какъ огонь и молнія — отцовское оружіе для Бахуса. Его, до рожденія еще, Юпитеръ привѣтствовалъ громомъ, а его мать Семела и материнскій домъ были истреблены огнемъ а также и кровью, ибо онъ, естественно, подготовляетъ ее во время мира и проливаетъ во время войны. Доказательствомъ чему служатъ поля на островѣ Самосѣ, называемыя Панема, что значитъ «пропитанныя кровью», на которыхъ Бахусъ напалъ на Амазонокъ, когда онѣ убѣгали изъ Эфесской страны, и всѣхъ ихъ лишилъ жизни, посредствомъ кровопусканія, такъ что все названное поле покрылось кровью и пропиталось ею. И теперь вамъ понятнѣе станетъ, нежели изъ описанія Аристотеля въ его «Проблемахъ», почему въ былое время создалась поговорка: «Въ военное время не вкушаютъ и не сажаютъ мяты.» Причина этому та, что въ военное время, обыкновенно, наносятся удары безъ милосердія, и раненому человѣку, если онъ въ тотъ день держалъ въ рукахъ или вкушалъ мяту, невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень трудно остановить кровь.

Далѣе въ этой эмблематической картинѣ изображалось, какъ Бахусъ шелъ въ битву, возсѣдая на великолѣпной колесницѣ, запряженной тремя парами молодыхъ леопардовъ. Лицо у него было, какъ у юнаго ребенка, въ указаніе, что всѣ добрые пьяницы никогда не старѣются; румяное, какъ у херувима, и безъ единаго волоска на подбородкѣ. Голова увѣнчана острыми рогами; надъ ними красивый вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ и ягодъ съ красной митрой, а обутъ онъ былъ въ золотыя ботинки.

Возлѣ него не видать было ни единаго человѣка; его тѣлохранители и воины состояли изъ Бассаридъ 1), Эвантъ, Эвхіадъ, Эдонитъ, Менадъ, Ѳіадъ и Вакхидъ 2), дикихъ, злобныхъ, бѣшеныхъ женщинъ, опоясанныхъ драконами и живыми змѣями, съ растрепанными волосами, въ которые вплетены были виноградныя вѣтки. Онѣ были одѣты въ оленьи и козьи шкуры; въ рукахъ держали топорики, тирсы, мечи и аллебарды въ формѣ сосновыхъ шишекъ, и легкіе щиты, звенѣвшіе при прикосновеніи, которые служили имъ, въ случаѣ нужды, тамбуринами и тимпанами. Число ихъ доходило до семидесяти девяти тысячъ двухсотъ двадцати семи. Авангардомъ предводительствовалъ Силенъ, человѣкъ, которому Бахусъ вполнѣ довѣрялъ и котораго мужество и осторожность испыталъ раньше во многихъ случаяхъ. То былъ дрожащій старичокъ, сгорбленный, жирный, съ большимъ брюхомъ, съ большими, торчащими ушами, острымъ горбатымъ носомъ и большими и жесткими бровями. Онъ сидѣлъ на паршивенькомъ ослѣ; въ рукахъ держалъ палку, чтобы опираться на нее или же драться ею, въ случаѣ, если бы ему довелось сойти съ осла. Одѣтъ онъ былъ въ желтое женское платье. Войско, которое онъ велъ, состояло изъ молодыхъ поселянъ, рогатыхъ, какъ козлы, и свирѣпыхъ, какъ львы; они были голые и непрерывно пѣли и плясали. Звали ихъ Титирами и Сатирами. Число ихъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ ста тридцати трехъ.

Панъ предводительствовалъ аріергардомъ—страшнаго и чудовищнаго вида существо. Нижними оконечностями онъ походилъ на козла, ляжки у него были покрыты шерстью, а на головѣ красовались рога, прямые и глядѣвшіе въ небо. Лицо было красное и воспаленное, а борода очень длинная; онъ былъ человѣкъ храбрый, смѣлый, отчаянный и гнѣвливый; въ лѣвой рукѣ держалъ флейту, въ правой согнутую палку; войско его тоже состояло изъ Сатировъ, Лѣшихъ, Фавновъ, Лемуровъ, Ларъ и Домовыхъ, въ числѣ семидесяти восьми тысячъ ста четырнадцати. Общимъ паролемъ для нихъ было: Эвоэ!

XL.

О томъ, какъ на мозаикѣ изображена была аттака индійцевъ Бахусомъ.

Далѣе изображалась аттака добрымъ Бахусомъ индійцевъ. Я видѣлъ, что съ Силена, предводителя авангарда, потъ капалъ крупными каплями, и онъ пришпоривалъ своего осла. Оселъ широко раскрывалъ пасть, лягался, брыкался и, вообще, неистовствовалъ, точно его кусалъ оводъ.

Сатиры, капитаны, сержанты, капралы, заслышавъ сигнальные рожки, бѣшено вертѣлись вокругъ арміи, подпрыгивая, какъ козы, и побуждая воиновъ хорошенько сражаться. Всѣ кричали: «Эвоэ!» Менады первыя бросились на индійцевъ съ страшными воплями и ужаснымъ гамомъ отъ тимпановъ и тамбуриновъ. Все небо содрогалось,

---

1) Одѣтыя въ звѣриные шкуры.

2) Все это прозвища вакханокъ.

какъ это было изображено на мозаикѣ, а потому нечего вамъ такъ восхищаться искусствомъ Апеллеса и Аристида Ѳиванскаго, и другихъ, которые писали громъ, молнію, вѣтеръ, людскую рѣчь, нравы и умы.

Поодаль стояло войской индійцевъ, которые узнали теперь, что Бахусъ опустошаетъ ихъ страну. Впереди находились слоны, съ башнями на спинѣ, съ заключенными въ нихъ безчисленными воинами; но вся армія пришла въ разстройство, такъ какъ слоны, испуганные страшнымъ гвалтомъ вакханокъ и охваченные паническимъ ужасомъ, обратились противъ собственнаго войска и принялись топтать его. Вотъ тутъ посмотрѣли бы вы, какъ Силенъ пришпоривалъ своего осла, размахивая палкой, а оселъ гнался за слонами съ разверстой пастью и воинственнымъ ревомъ (подобнымъ тому, какимъ нѣкогда онъ пробудилъ отъ сна нимфу Лотисъ во время вакханалій, когда Пріапъ, исполненный пріапизма, хотѣлъ пріапировать ее спящей, не испросивъ на то ея согласія).

Тутъ вы бы поглядѣли, какъ Панъ подпрыгивалъ на кривыхъ ногахъ вокругъ Менадъ и возбуждалъ ихъ, звуками деревенской флейты, мужественно сражаться. Тамъ вы бы увидѣли также, какъ одинъ юный Сатиръ велъ семнадцать плѣнныхъ царей, а одна вакханка тащила, опутавъ ихъ змѣями, сорокъ два полководца; маленькій Фавнъ несъ двѣнадцать знаменъ, взятыхъ у непріятеля, а добрякъ Бахусъ на своей колесницѣ разъѣзжалъ безстрашно по лагерю, смѣясь, забавляясь и выпивая за здоровье всѣхъ присутствующихъ. Напослѣдокъ представлены были въ эмблемахъ трофеи побѣды и торжество добраго Бахуса.

Его тріумфальная колесница была вся увита плющомъ, сорваннымъ на горѣ Меросъ, и, главное, потому, что это растеніе рѣдкое, въ особенности въ Индіи, а все, что рѣдко, то и дорого. Въ этомъ ему подражалъ Александръ Великій, когда завоевалъ Индію, и его колесницу влекли слоны. И ему же подражалъ Помпей Великій въ Римѣ во время своего африканскаго тріумфа. На колесницѣ стоялъ благородный Бахусъ и пилъ вино изъ кубка. И въ этомъ ему подражалъ Кай Марій послѣ побѣды надъ кимврами, которую онъ одержалъ близъ Э въ Провансѣ. Вся его армія была увѣнчана плющомъ; тирсы, щиты и тимпаны были имъ увиты. Даже оселъ Силена, и тотъ былъ имъ покрытъ, какъ попоной.

Возлѣ колесницы шли плѣнные цари индійскіе, окованные толстыми золотыми цѣпями. Все войско шло съ веселымъ торжествомъ и неописанной радостью, неся безчисленные трофеи и добычу, взятую у непріятеля, и распѣвая гимны и диѳирамбы. Въ заключеніе изображался Египетъ и Нилъ съ крокодилами, ибисами, обезьянами, гиппопотамами и другими прирученными тамъ животными. А Бахусъ шествовалъ по той странѣ, влекомый двумя быками. На одномъ стояла надпись золотыми буквами: Аписъ, а на другомъ: Озирисъ, оттого, что въ Египтѣ, до прибытія Бахуса, не было ни быковъ, ни коровъ.

XLI.

О томъ, что храмъ освѣщался чудесной лампой.

Прежде, нежели приступить къ изображенію Бутылки, я опишу вамъ чудесную форму лампы, посредствомъ которой освѣщался храмъ, и такъ ярко, что хотя онъ былъ подземный, но въ немъ было такъ же свѣтло, какъ въ полдень на землѣ, когда ярко свѣтитъ солнце. Посреди свода находилось кольцо изъ массивнаго золота, толщиною въ кулакъ, съ котораго свѣшивались, такой же почти толщины три цѣпи, искусной работы, и двѣ изъ нихъ, двухъ футовъ съ половиной длины, вдѣты были въ круглое кольцо изъ тонкаго золота, такой величины, что діаметръ его превосходилъ два локтя и полъ-пяди. Въ немъ находились четыре пряжки или ушка, въ которыхъ укрѣплялся пустой шаръ, выдолбленный внутри, открытый сверху, точно маленькая лампа, имѣя въ окружности около двухъ пядей; и всѣ сдѣланы были изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ: одинъ изъ аметиста, другой изъ ливійскаго карбункула, третій изъ опала, четвертый изъ антрацита. Каждый былъ полонъ спирта, пять разъ перегнаннаго черезъ перегонный кубъ и такого же несгораемаго, какъ и то масло, какимъ во время-óно Каллимахъ наполнилъ золотую лампу Паллады въ аѳинскомъ Акрополѣ, съ фитилемъ, изготовленнымъ изъ асбестоваго льна, какъ тотъ, что находился нѣкогда во храмѣ Юпитера Аммонскаго и который видѣлъ ученый философъ Клеомбротъ, сдѣланный изъ карпазійскаго льна, который скорѣе возобновляется отъ огня, нежели истребляется.

Фута на два съ половиной ниже лампы висѣли три цѣпи, такимъ же точно образомъ, какъ и вверху, прикрѣпленныя къ тремъ ушкамъ большой круглой лампы изъ чистѣйшаго хрусталя. Эта лампа имѣла въ діаметрѣ полтора локтя, а отверстіе вверху было около двухъ пядей ширины; черезъ это отверстіе помѣщалась по срединѣ ваза изъ такого же хрусталя, въ формѣ тыквы и спускалась до дна большой лампы съ такимъ количествомъ вышеназваннаго спирта, что пламя отъ асбестоваго фитиля приходилось какъ разъ въ центрѣ большой лампы. Отъ этого весь ея сферическій корпусъ казался воспламененнымъ оттого, что огонь находился въ центрѣ.

Трудно было глядѣть на нее, подобно тому какъ трудно глядѣть на солнце, потому что, благодаря изумительной прозрачности матеріала и тонкости полировки, въ ней отражались драгоцѣнные каменья и горѣли разноцвѣтными огнями, какіе имъ свойственны; и свѣтъ отъ четырехъ верхнихъ лампочекъ такъ же, какъ и отъ большой нижней лампы, расходился по всему храму. Тамъ, гдѣ этотъ свѣтъ падалъ на мраморъ, которымъ выложены были стѣны храма, тамъ онъ отражался радугой, подобно небесной радугѣ, возникающей, когда ясное солнце соприкасается съ дождливыми облаками.

Изобрѣтеніе было чудесное; но еще чудеснѣе казалось мнѣ то, что скульпторъ вырѣзалъ вокругъ хрустальнаго корпуса лампы бой нагихъ ребятишекъ, верхомъ на деревянныхъ лошадкахъ съ копьями и щитами, сплетенными искусно изъ кистей винограда, переплетенныхъ виноградными листьями. Жесты и движенія ихъ были такъ живо переданы, что сама природа не могла бы лучше сдѣлать. И этотъ рисунокъ казался не вырѣзаннымъ по хрусталю, но выпуклымъ, благодаря игрѣ свѣта.

XLII.

О томъ, какъ первосвященница Бакбюкъ показала намъ въ храмѣ фантастическій фонтанъ.

Въ то время, какъ мы съ восторгомъ разсматривали этотъ изумительный храмъ съ его достопамятной лампой, передъ нами предстала почтенная первосвященница Бакбюкъ со своей свитой и съ веселымъ и улыбающимся лицомъ; увидя, что мы въ должномъ облаченіи, она повела насъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, на средину храма, гдѣ, подъ вышеописанной лампой, находился прекрасный фантастическій фонтанъ.

XLIII.

О томъ, какъ вода фонтана казалась тому, кто ее пилъ, тѣмъ самымъ виномъ, какое ему больше нравилось.

Послѣ того она приказала подать намъ кубки, чаши, стаканы изъ золота, хрусталя и фарфора и любезно пригласила насъ напиться изъ фонтана, что мы охотно сдѣлали; фонтанъ этотъ былъ фантастическій, изъ драгоцѣннаго матеріала и рѣдкой работы, еще болѣе удивительной, нежели та, о которой смѣлъ мечтать Плутонъ. Цоколь былъ изъ чистѣйшаго и прозрачнаго алебастра, высотою въ три пяди, въ формѣ семиугольника, съ архитектурными украшеніями въ дорическомъ вкусѣ. Внутри онъ былъ круглый. На каждомъ углу возвышалась круглая колонна изъ слоновой кости или алебастра,—новѣйшіе архитекторы называютъ ихъ portri,—и ихъ было семь по числу угловъ. Вышина ихъ отъ основанія до архитрава доходила до семи пядей. Первая колонна, та именно, которая, при входѣ во храмъ, бросилась намъ въ глаза, была изъ небесно-синяго сапфира. Вторая, гіацинтоваго цвѣта, съ греческими буквами А I въ разныхъ мѣстахъ. изображала тотъ цвѣтокъ, въ который была превращена гнѣвливая кровь Аякса. Третья была изъ брилліанта, сверкавшаго, какъ молнія. Четвертая—изъ краснаго рубина, горѣвшаго пурпуровымъ и фіолетовымъ пламенемъ, какъ аметистъ. Пятая была изъ изумруда, въ пять разъ великолѣпнѣе изумруда Сераписа въ египетскомъ лабиринтѣ, блестящѣе тѣхъ изумрудовъ, какіе вставлены были вмѣсто глазъ въ мраморнаго льва, лежавшаго около гробницы царя Гермія. Шестая—изъ агата веселѣе и разнообразнѣе по колерамъ, нежели тотъ, который былъ такъ дорогъ Пирру, царю Эпиротовъ. Седьмая—изъ прозрачнаго сіенита, бѣлизны берилла и сіявшаго, какъ медъ Гиметта: въ немъ луна двигалась, какъ на небѣ, полная, или какъ въ новолуніе, въ приращеніе, или на ущербѣ.

Эти камни были посвящены древними халдеями семи небеснымъ планетамъ. Поэтому надъ капителью перваго камня, сапфира, находилось изображеніе Сатурна изъ свинца съ косой въ рукѣ и съ золотымъ журавлемъ у ногъ, искусно эмальированнымъ тѣми колерами, какіе присущи этой птицѣ. Надъ вторымъ, гіацинтовымъ, красовался Юпитеръ изъ олова съ золотымъ, эмальированнымъ орломъ на груди. Надъ третьимъ—Фебъ изъ чистѣйшаго золота съ бѣлымъ пѣтухомъ въ рукѣ. Надъ четвертымъ—Марсъ изъ коринѳскаго желѣза со львомъ у ногъ. Надъ пятымъ, изъ мѣди, Венера изъ того самаго металла, изъ котораго Аристонидъ сдѣлалъ статую Аѳамаса, чтобы выразить ея красноватой бѣлизной стыдъ, испытываемый имъ отъ созерцанія сына Леарха, умершаго у его ногъ отъ паденія. Надъ шестымъ—Меркурій изъ твердой, неподвижной ртути, съ лебедемъ у ногъ. Надъ седьмымъ Луна съ борзой собакой у ногъ. И эти статуи были вышиной въ третью часть колоннъ и разсчитаны съ такою математической точностью, что съ ними не могъ выдержать сравненія Канонъ Поликлета, про котораго говорили, что онъ превзошелъ само искусство.

Основанія колоннъ, капители, архитравы, зоофоры и карнизы были во фригійскомъ вкусѣ изъ чистѣйшаго золота, болѣе тонкаго, нежели то, что доставляетъ Леда близъ Монпелье, Гангъ въ Индіи, Тахо въ Испаніи, Пактолъ въ Лидіи. Арки между колоннами были сдѣланы изъ того самаго камня, изъ котораго состояла первая колонна: такъ, арка между сапфировой и гіацинтовой колоннами была изъ сапфира; между гіацинтовой и брилліантовой—изъ гіацинта, и такъ далѣе. Надъ арками и капителями колоннъ возвышался куполъ, служившій крышею фонтану, который позади планетныхъ столбовъ начинался съ семиугольника, но постепенно становился круглымъ. Хрусталь, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ, былъ такъ тонокъ, прозраченъ и гладокъ, такъ равномѣренъ во всѣхъ своихъ частяхъ, безъ прожилокъ, пятенъ и неровностей, что Ксенократъ во всю свою жизнь ничего подобнаго не видывалъ. На немъ искусно вырѣзаны были всѣ двѣнадцать знаковъ зодіака, двѣнадцать мѣсяцевъ года съ ихъ аттрибутами, оба солнцестоянія, оба равноденствія, вмѣстѣ съ эклиптикой и нѣкоторыми главнѣйшими неподвижными звѣздами вокругъ южнаго полюса, и все это было изображено съ такимъ искусствомъ и точностью, что я заключилъ, что то была работа царя Несепса 1) или древняго математика Петозириса. 2)

На верхушкѣ купола, приходившейся какъ разъ въ центрѣ фонтана,

---

1) Египетскій астрономъ.

2) Тоже египтянинъ.

виднѣлись три грушевидныя жемчужины, сверкавшія, какъ слезы, и соединенныя между собою въ формѣ лиліи, величиною болѣе пяди. Изъ ея чашечки выставлялся карбункулъ, величиной въ страусовое яйцо, съ семиугольной гранью (число, излюбленное природою) и до такой степени великолѣпный и ослѣпительный, что, взглянувъ на него, мы чуть было не ослѣпли. Солнце и молнія сверкали не ярче, и компетентные судьи должны были бы признать, что этотъ фонтанъ и вышеописанная лампа превышаютъ въ великолѣпіи и оригинальности всѣ сокровища Азіи, Африки и Европы, вмѣстѣ взятыя. Пантарбъ [1] индійскаго магика Ярхаса поблѣднѣлъ бы передъ ними, какъ звѣзды блѣднѣютъ передъ полуденнымъ солнцемъ.

Что значатъ, въ сравненіи съ ними, обѣ жемчужины, которыя египетская царица Клеопатра носила въ ушахъ, какъ серьги, и одну изъ нихъ,—подарокъ тріумвира Антонія, оцѣненную въ сто сестерцій,—распустила въ уксусѣ?

Что значитъ, въ сравненіи съ ними, платье Помпеи Платины, все покрытое изумрудами и маргаритками, которымъ восхищалось населеніе Рима, про который говорилось, что онъ—убѣжище и хранилище побѣдоносныхъ воровъ всего міра.

Вода била изъ фонтана тремя отверстіями и каналами, выложенными дорогимъ перламутромъ; они шли въ направленіи вышеупомянутаго семиугольника и образовали двѣ переплетенныхъ спирали. Мы осмотрѣли ихъ и отвели глаза въ другую сторону, когда Бакбюкъ предложила намъ прислушаться къ журчанію воды. И вотъ мы услышали удивительно гармоничный шумъ, но прерывистый и шедшій какъ будто далеко изъ-подъ земли. И отъ этого онъ казался намъ гораздо привлекательнѣе, чѣмъ если бы слышался яснѣе и по близости. Подобно тому какъ чувства наши ласкались созерцаніемъ доступныхъ очамъ вышеописанныхъ вещей, такъ и уши наши упивались слышанной гармоніей.

Тутъ Бакбюкъ сказала намъ:

— Ваши философы отрицаютъ, чтобы движеніе возможно было посредствомъ фигуръ. Слушайте и глядите, и убѣдитесь въ противномъ. Посредствомъ улиткообразной спирали, вмѣстѣ съ пятью подвижными клапанами, — подобно тѣмъ, какіе имѣются въ полой венѣ, вступающей въ правую полость сердца,— бьетъ вверхъ этотъ священный фонтанъ и производитъ такую гармонію, что она доходитъ до житейскаго моря.

Послѣ того она приказала дать намъ пить.

По правдѣ сказать, мы не принадлежимъ къ тѣмъ олухамъ царя небеснаго, которыхъ нужно силкомъ заставлять ѣсть и пить, и никому не отказываемъ, кто вѣжливо приглашаетъ насъ выпить. Послѣ того Бакбюкъ спросила насъ, каково намъ показалось питье. Мы отвѣчали ей, что находимъ, что это чистѣйшая, свѣжая, ключевая вода, еще чище и свѣжѣе, нежели вода Аргиронды въ Этоліи, Пенея въ Ѳессаліи, Аксіуса въ Македоніи и Кидна въ Киликіи, чистота, прозрачность и прохлада которой соблазнила Александра Македонскаго выкупаться въ ней, хотя онъ и предвидѣлъ вредныя послѣдствія отъ этого кратковременнаго удовольствія.

— Ага,—замѣтила. Бакбюкъ,—вотъ что значитъ плохой вкусъ, благодаря которому мускулы языка не различаютъ хорошенько того, что по нимъ стекаетъ въ желудокъ. Странные люди, развѣ у васъ глотка выложена камнемъ и такъ нечувствительна, что вы не различаете вкуса этого божественнаго напитка? Принесите сюда,—сказала она своимъ прислужницамъ,—щетки, чтобы хорошенько прочистить имъ глотку.

И вотъ принесли превосходные, большіе, славные окорока, толстые, славные копченые языки, прекрасную солонину, мозговую колбасу, икру, чудесныя сосиски изъ дичи и тому подобные горловые очистители. По ея приказанію, мы наѣлись ихъ до-сыта и почувствовали жажду.

---

[1] Филостратъ въ своемъ сочиненіи «Жизнь Аполлонія» говоритъ, что пантарбъ—драгоцѣнный камень, находимый въ Индіи, сходный съ магнитомъ.

Тутъ она намъ сказала:

— Нѣкогда еврейскій военачальникъ, ученый и храбрый, когда велъ свой народъ въ пустынѣ, причемъ тотъ испытывалъ великій голодъ, придалъ маннѣ небесной такой вкусъ, подѣйствовавъ на ихъ воображеніе, что имъ показалось, что они ѣдятъ мясо. Здѣсь то же самое, когда будете пить эту чудесную жидкость, вы почувствуете вкусъ того вина, какое вы себѣ представите. Итакъ, воображайте и пейте!

Мы такъ и сдѣлали, причемъ Панургъ, вскричалъ:

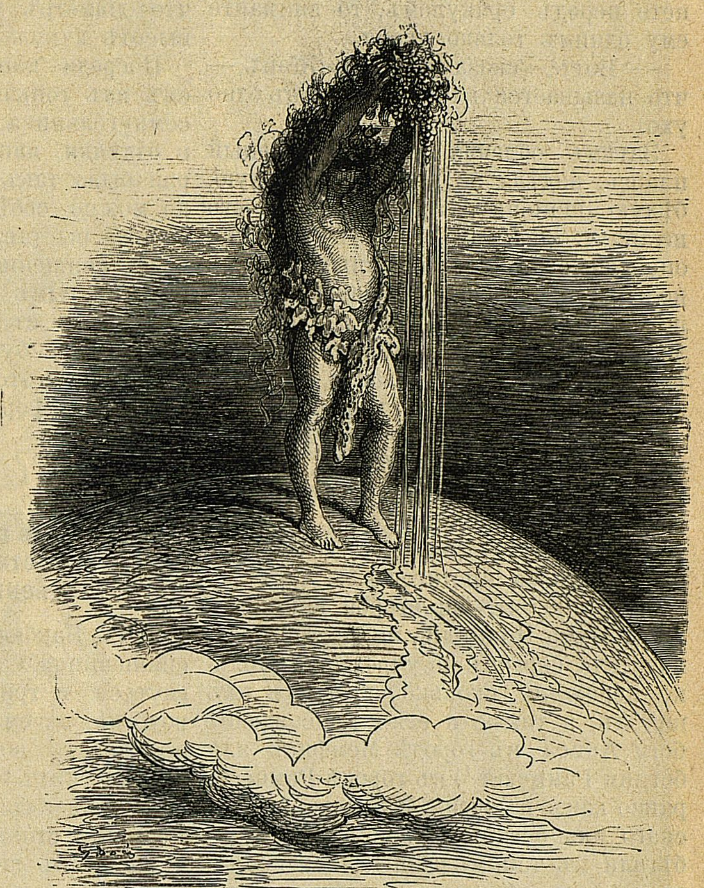
— Ей-Богу, это — Бонское вино и лучшее, какое я когда-либо пилъ; пусть мною завладѣютъ девяносто чертей да еще шестнадцать въ придачу, если я говорю неправду. О! Чтобы подольше имъ наслаждаться, я бы желалъ имѣть глотку, длиною въ три пяди, какъ желалъ Филоксенъ, или такую же длинную, какъ у журавля, какъ желалъ Мелантій.

— Честное слово фонарщика,—вскричалъ братъ Жанъ,— это греческое вино, легкое и искристое! О! Ради Бога научите меня, какъ вы это дѣлаете!

— А мнѣ кажется,—сказалъ Пантагрюэль,—что это—вино Мирвуа, потому что я о немъ подумалъ прежде, нежели выпилъ. Въ немъ одно только дурно, что оно холодно, холодно, какъ ледъ, холоднѣе, чѣмъ вода въ Нонакрисѣ и Дерцеѣ и чѣмъ вода Контопорійскаго источника въ Коринѳѣ, которая замораживала желудокъ и пищеварительные органы тѣхъ, кто ее пили.

— Пейте, — говорила Бакбюкъ,— разъ, два, три; и если каждый разъ представите себѣ какое-нибудь вино, то тотчасъ же ощутите его вкусъ. И отнынѣ не говорите, что для Бога что-либо невозможно.

— Да мы этого никогда и не говорили,—отвѣчалъ я,—мы утверждаемъ, что онъ всемогущъ.



Къ гл. XLIV-й.

XLIV.

О томъ, какъ Бакбюкъ обрядила Панурга, чтобы внимать оракулу Бутылки.

Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ и выпивки, Бакбюкъ спросила:

— Кто изъ васъ желаетъ услышать оракулъ божественной Бутылки?

— Я, — сказалъ Панургъ, — вашъ смиренный и покорный слуга.

— Другъ мой, — замѣтила она, — я имѣю наставить васъ въ одномъ только, а именно: когда вы предстанете передъ оракуломъ, то внимайте ему однимъ только ухомъ.

— Вотъ,—сказалъ братъ Жанъ,— что называется вливать вино въ одно ухо.

Затѣмъ облекла его въ зеленый плащъ, надѣла на него хорошенькую, бѣлую шапочку, прицѣпила къ его штанамъ два старинныхъ клапана, опоясала его тремя связанными вмѣстѣ волынками, омыла ему троекратно лицо водою изъ фонтана, бросила ему въ лицо горсть муки, воткнула три пѣтушьихъ пера въ голову и девять разъ обвела его вокругъ фонтана, заставляя шесть разъ присѣсть на землю, непрерывно произнося, не знаю какія, заклинанія на этрусскомъ языкѣ и по временамъ заглядывая въ книгу ритуала, какую держалъ возлѣ нея одинъ изъ ея мистагоговъ.

Я думаю, что ни второй царь римлянъ Нума Помпилій, ни святой предводитель евреевъ не учреждали столько церемоній, сколько я теперь ихъ видѣлъ, а также и египетскіе жрецы бога Аписа въ городѣ Мемфисѣ или богини Рамнузіи [1]) въ городѣ Рамнесѣ, равно какъ и жрецы Юпитера Аммонскаго или богини Феронiи [2]), не прибѣгали къ такимъ религіознымъ обрядамъ, какъ тѣ, какіе я здѣсь наблюдалъ.

Въ такомъ нарядѣ она разлучила его съ нашей компаніей и повела за правую руку черезъ золотую дверь вонъ изъ храма, въ круглую капеллу, сложенную изъ слюды и известковаго шпата безъ оконъ и дверей, освѣщавшуюся только солнцемъ, проникавшимъ въ отверстіе въ скалѣ, прикрывавшей главный храмъ; но свѣтъ былъ, тѣмъ не менѣе, такой сильный, что можно было подумать, что онъ родится извнутри, а не приходитъ извнѣ: строеніе не менѣе удивительное, нежели существовавшій нѣкогда храмъ въ Равеннѣ [3]) или въ Египтѣ на островѣ Хемнисѣ. [4]) И нельзя умолчать о томъ, что строеніе этой круглой капеллы было такъ симметрично, что діаметръ проекціи былъ равенъ высотѣ купола.

Посреди капеллы находился водоемъ изъ тонкаго алебастра, въ формѣ семиугольника, оригинальной работы и отдѣлки, наполненный водою, которая была такъ прозрачна, какъ только можно себѣ представить. Въ ней стояла, выставляясь на половину изъ воды, священная Бутылка, выложенная чистымъ хрусталемъ, овальной формы, но съ тою только разницей, что шейка бутылки была немножко шире, чѣмъ это обыкновенно бываетъ при такой формѣ.

XLV.

О томъ, какъ первосвященница Бакбюкъ представила Панурга божественной Бутылкѣ.

Тутъ Бакбюкъ, благородная первосвященница, заставила Панурга нагнуться и трижды поцѣловать край водоема, затѣмъ велѣла ему встать и проплясать вокругъ источника три вакхическихъ танца съ пѣніемъ. Послѣ того приказала ему сѣсть между двумя стульями, стоявшими тамъ, на землю, и, раскрывъ книгу ритуала и подсказывая ему въ лѣвое ухо вакхическую пѣсню, заставила его пропѣть нижеслѣдующее:

О, Бутылка,
Исполненная
Тайны,
Однимъ ухомъ
Тебѣ внимаю.
Не медли долѣе
И произнеси слово,
Котораго жаждетъ мое сердце.

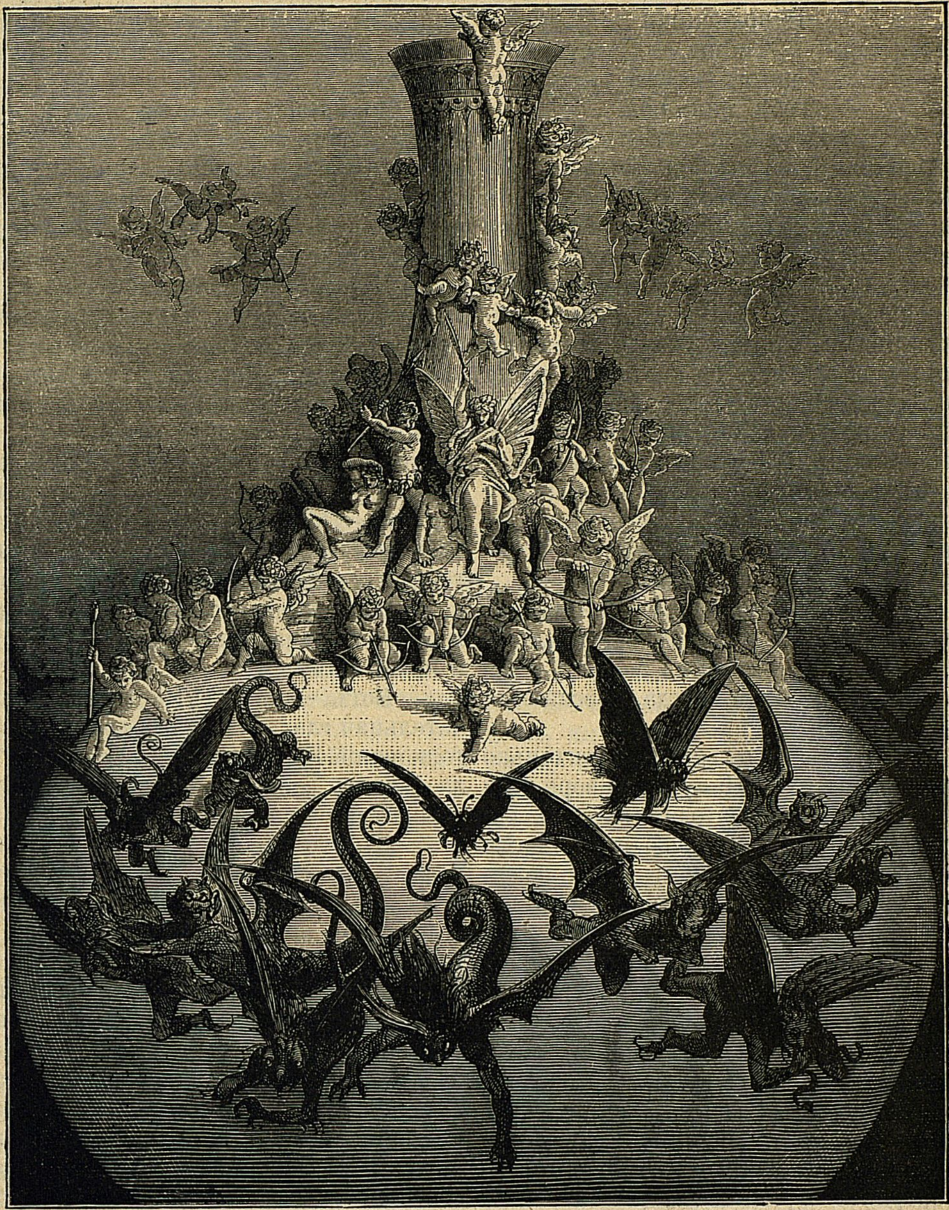
---

[1]) Немезида.

[2]) Древняя богиня Латинянъ.

[3]) Построенный Теодорихомъ.

[4]) Должно означать въ ѳиванскомъ городѣ Демнисѣ.



Къ гл. XLV-й.

Въ божественной влагѣ
Которая содержится въ твоихъ нѣдрахъ,
Бахусъ, побѣдившій Индію,
Заключилъ всю истину.

Божественное вино! Далеко отъ тебя отстоитъ.
Всякая ложь и всякій обманъ.

Да будетъ благословенъ ковчегъ Ноя,
Который намъ тебя далъ на радость.

Прозвони дивное слово, прошу тебя,
Которое должно избавить меня отъ бѣды,
И пусть не прольется мимо ни одна капля
Твоего вина, бѣлаго или краснаго.

О, Бутылка,
Исполненная
Тайны,
Однимъ ухомъ
Тебѣ внимаю.
Не медли долѣе!

Окончивъ эту пѣсню, Бакбюкъ бросила, не знаю что, въ водоемъ, и вдругъ вода такъ сильно забурлила, какъ она бурлитъ въ большомъ котлѣ въ Бургейлѣ 1), когда тамъ готовятся къ празднику. Панургъ, молча, прислушивался однимъ ухомъ. Бакбюкъ стояла возлѣ него на колѣняхъ, когда изъ священной Бутылки послышался такой шумъ, какой производятъ пчелы, вылетающія изъ молодого бычка, убитаго и приправленнаго по рецепту Аристея, или стрѣла лука, или же сильный и внезапный дождь. И послышалось слово: «Trink.»

— Ей-богу,—вскричалъ Панургъ,—она треснула или лопнула, чтобы не соврать. Такъ говорятъ у насъ хрустальныя бутылки, когда трескаются на огнѣ.

Тогда Бакбюкъ встала и тихонько взяла подъ руку Панурга, говоря ему:

— Другъ, возблагодарите небо, разумъ васъ къ тому обязываетъ: вамъ скоро довелось услышать слово божественной Бутылки. Говорю: самое веселое, самое божественное, самое непреложное, какое я отъ нея слышала съ тѣхъ норъ, какъ священнодѣйствую при ея оракулѣ. Вставайте, идемъ заглянуть въ главу комментаріевъ, которые должны объяснить намъ это слово.

— Идемъ,—сказалъ Панургъ,—ей-богу—я такъ же мало понимаю, какъ и раньше. Скажите, гдѣ эта книга? Поверните страницы. Гдѣ эта глава? Взглянемъ на это веселое толкованіе.

XLVI.

О томъ, какъ Бакбюкъ истолковываетъ слово Бутылки.

Бакбюкъ, бросивъ, не знаю что, въ водоёмъ, отчего вода вдругъ перестала бурлить, повела Панурга въ главный храмъ, въ центръ его, гдѣ находился фонтанъ живой воды.

Тамъ, вынувъ толстую серебряную книгу въ формѣ полу-ведра, зачерпнула имъ воды изъ фонтана и сказали:

— Философы, проповѣдники и мудрецы вашего міра питаютъ васъ хорошими словами черезъ уши; мы же здѣсь внушаемъ наши предписанія черезъ уста. Потому я не скажу вамъ: Почитайте это толкованіе. Я скажу вамъ: Попробуйте эту главу, проглотите это толкованіе. Нѣкогда древній пророкъ народа израильскаго съѣлъ книгу и сталъ страшно ученымъ. 1) Теперь вы выпьете и станете еще ученѣе. Ну, раскройте ротъ!

Панургъ разинулъ ротъ, Бакбюкъ взяла серебряную книгу, и мы думали, что это—дѣйствительно, книга, судя по ея формѣ, напоминавшей требникъ, но то былъ дѣйствительный требникъ въ видѣ настоящей бутылки, полной фалернскаго вина, которую она дала всю выпить Панургу.

— Вотъ,—говорилъ Панургъ,—замѣчательная глава и вполнѣ достовѣрное толкованіе. Неужели это—все, что хотѣла сказать слово Trink великая Бутылка? Я очень, право, радъ.

— Ничего больше—отвѣчала Бакбюкъ,—такъ какъ Trink—слово международное, знаменитое, и его понимаютъ всѣ націи, а значитъ оно: Пейте. У васъ, въ вашемъ свѣтѣ, говорятъ, что такимъ международнымъ, общимъ всѣмъ языкамъ является слово—сума, и не безъ основанія. Такъ какъ, согласно баснѣ Эзопа, всѣ люди рождаются съ сумой вокругъ шеи, отъ природы безпомощными, нищими, одинъ у другого побирающимися. Нѣтъ такого могущественнаго царя въ подлунномъ мірѣ, который бы могъ обойтись безъ другихъ людей; нѣтъ такого гордаго и строптиваго нищаго, который бы не нуждался въ помощи богатыхъ людей, будь то хоть самъ философъ Гиппіасъ, который все умѣлъ дѣлать. Еще менѣе можно обойтись безъ вина. И здѣсь кстати сказать, что не смѣхъ, а вкушеніе вина составляетъ отличительную черту человѣка; конечно, рѣчь идетъ не о томъ, чтобы зря пить: это

---

1) Аббатство въ Анжерской епархіи.

1) Іезекіиль, 11, 8.

сумѣютъ и звѣри; я разумѣю, что слѣдуетъ пить хорошее, свѣжее вино. Замѣтьте это, друзья: вино обращаетъ насъ въ боговъ, и нѣтъ другого болѣе убѣдительнаго аргумента и другого болѣе вѣрнаго пророческаго дара. Ваши академики утверждаютъ это, когда производятъ слово «вино» отъ греческаго ΟΙΝΟΣ vis—сила, могущество, ибо оно имѣетъ даръ наполнять душу истиной, значеніемъ и философіей. Если вы замѣтили то, что написано іоническими буквами надъ дверями храма, то должны были понять, что въ винѣ скрывается истина. Божественная Бутылка васъ къ нему отсылаетъ; будьте сами толмачами своего предпріятія.

— Нельзя умнѣе высказаться, какъ высказалась эта достопочтенная первосвященница. Развѣ я не говорилъ вамъ того же самаго, когда у насъ впервые зашла о томъ рѣчь? Итакъ, Trink! Посмотримъ, что скажетъ намъ сердце, охваченное вакхическимъ восторгомъ?

Будемъ пить,—говоритъ Панургъ,— во имя Бахуса! [1] . . . .
. . . .

XLVII.

О томъ, какъ Панургъ и другіе разражаются виршами въ припадкѣ поэтическаго безумія.

— Что ты съ ума сошелъ или взбѣсился?—сказалъ братъ Жанъ. Поглядите: онъ внѣ себя! Послушайте, какія вирши плететъ онъ! Можно подумать, что въ него вселились всѣ бѣсы? Онъ вертитъ глазами и головой, точно околѣвающая коза. Удалится ли онъ, хоть изъ приличія, отъ насъ подальше для своихъ естественныхъ нуждъ? Или же приметея ѣсть траву, какъ собаки, чтобы очистить желудокъ? Или же онъ просунетъ себѣ кулакъ въ горло, какъ это дѣлаютъ монахи, когда хотятъ, чтобы ихъ вырвало? Или же онъ проглотитъ шерсть той собаки, которая его укусила?

Пантагрюэль перебилъ брата Жана и сказалъ ему: [1] . . . .
. . . .

— Убирайся къ чорту, старый дуракъ!—сказалъ братъ Жанъ Панургу. Я больше не въ силахъ риѳмоплетствовать: риѳмы завязли у меня въ горлѣ. Поговоримъ лучше о томъ, какъ намъ отблагодарить хозяевъ.

XLVIII.

О томъ, какъ, простившись съ Бакбюкъ, они покинули Оракулъ Бутылки.

— Объ этомъ не безпокойтесь,—сказала Бакбюкъ,—если вы довольны, то съ насъ этого довольно. Въ нашихъ подземныхъ областяхъ мы находимъ высшее удовлетвореніе не въ томъ, чтобы брать или получать, но въ томъ, чтобы давать и жертвовать. И мы считаемъ себя счастливыми, когда можемъ много дать и пожертвовать другимъ; не такъ водится въ сектахъ вашего міра, которыя много требуютъ и получаютъ отъ другихъ. Все, чего я отъ васъ прошу: это—записать ваши имена и названіе вашей страны въ нашей ритуальной книгѣ.

И при этомъ она раскрыла прекрасную и большую книгу, въ которой одинъ изъ ея мистагоговъ провелъ, подъ нашу диктовку, золотымъ грифелемъ нѣсколько штриховъ, хотя никакихъ письменъ не было видно глазомъ.

Послѣ этого она наполнила фантастической водой три бурдюка и сказала, передавая ихъ намъ:

— Ступайте, друзья, подъ охраной той духовной сферы, центръ которой находится повсемѣстно, которой нѣтъ предѣла и которую мы называемъ Богъ. И, вернувшись домой, возвѣстите, что подъ землей скрываются великія сокровища и чудесныя вещи. И недаромъ Церера, почитавшаяся всею вселенною за то, что она научила людей искусству земледѣлія и такимъ образомъ избавила ихъ отъ грубой пищи — желудей, замѣнивъ ихъ хлѣбомъ, — не даромъ, говорю я, она такъ горько оплакивала то, что ея дочь похищена была въ наше подземное царство: она, конечно, предвидѣла, что подъ землею дочь ея найдетъ больше превосходныхъ благъ, нежели мать ея создала на землѣ. Что сталось съ искусствомъ, нѣкогда изобрѣтеннымъ мудрымъ Прометеемъ, призывать съ небесъ громъ и молнію? Вы, несомнѣнно, его утратили; оно перешло съ вашего полушарія и вошло въ употребленіе подъ землей. И напрасно дивитесь вы тому, что порою города ваши горятъ отъ молніи и воздушнаго огня: вы не знаете, кѣмъ и откуда производится это, страшное въ вашихъ глазахъ, но обычное и полезное для насъ, явленіе. Ваши философы, жалующіеся на то, что все рѣшительно въ мірѣ уже описано древними, и что имъ не осталось больше ничего новаго для открытія, очевидно, ошибаются. То, что вы видите на небѣ и зовете небесными явленіями, то, что показываетъ вамъ земля, и то, что скрывается въ моряхъ и рѣкахъ, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что скрыто подъ землею.

---

[1] Въ плохихъ и неприличныхъ виршахъ, неудобныхъ для перевода, Панургъ восхваляетъ вино и любовь.

[1] Вся эта глава наполнена виршами, которыми закидываютъ другъ друга дѣйствующія лица. Ни по содержанію, ни по формѣ они не стоятъ перевода, не говоря уже о томъ, что они пересыпаны неприличными выходками, для перевода неудобными.

Поэтому недаромъ властителю подземнаго царства на всѣхъ языкахъ присваиваютъ названіе по его богатствамъ. И когда народы всѣ свои старанія и трудъ приложатъ къ открытію и призыву могущественнаго Бога,—Котораго древніе египтяне на своемъ языкѣ величали Скрытымъ, Неизвѣстнымъ, Таинственнымъ, и подъ этимъ титуломъ просили Его обнаружить Себя и открыться имъ,—то Онъ расширитъ ихъ познанія Самого Себя и Своихъ созданій, въ особенности когда имъ будетъ свѣтить добрый Фонарь. Ибо всѣ философы и мудрецы древности считали двѣ вещи необходимыми для легкаго и надежнаго открытія божественной Мудрости и пріобрѣтенія Знанія—помощь Бога и содѣйствіе человѣка. Такимъ образомъ, между философами: Зороастръ взялъ себѣ въ спутники Аримаспа, Эскулапъ—Меркурія, Орфей—Музея, Пиѳагоръ—Аглеоѳема; между царями и воинами: Геркулесу содѣйствовалъ въ труднѣйшихъ его предпріятіяхъ его другъ Тезей, Улиссу—Діомедъ, Энею—Ахатъ. Такъ и вы взяли себѣ въ руководители именитѣйшій Фонарь. А теперь ступайте съ Богомъ!

конецъ пятой и послѣдней книги.

N5460
15.–5

200/

2011141759